
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXIV. — ТОМЪ CCCLXXIX. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1900.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

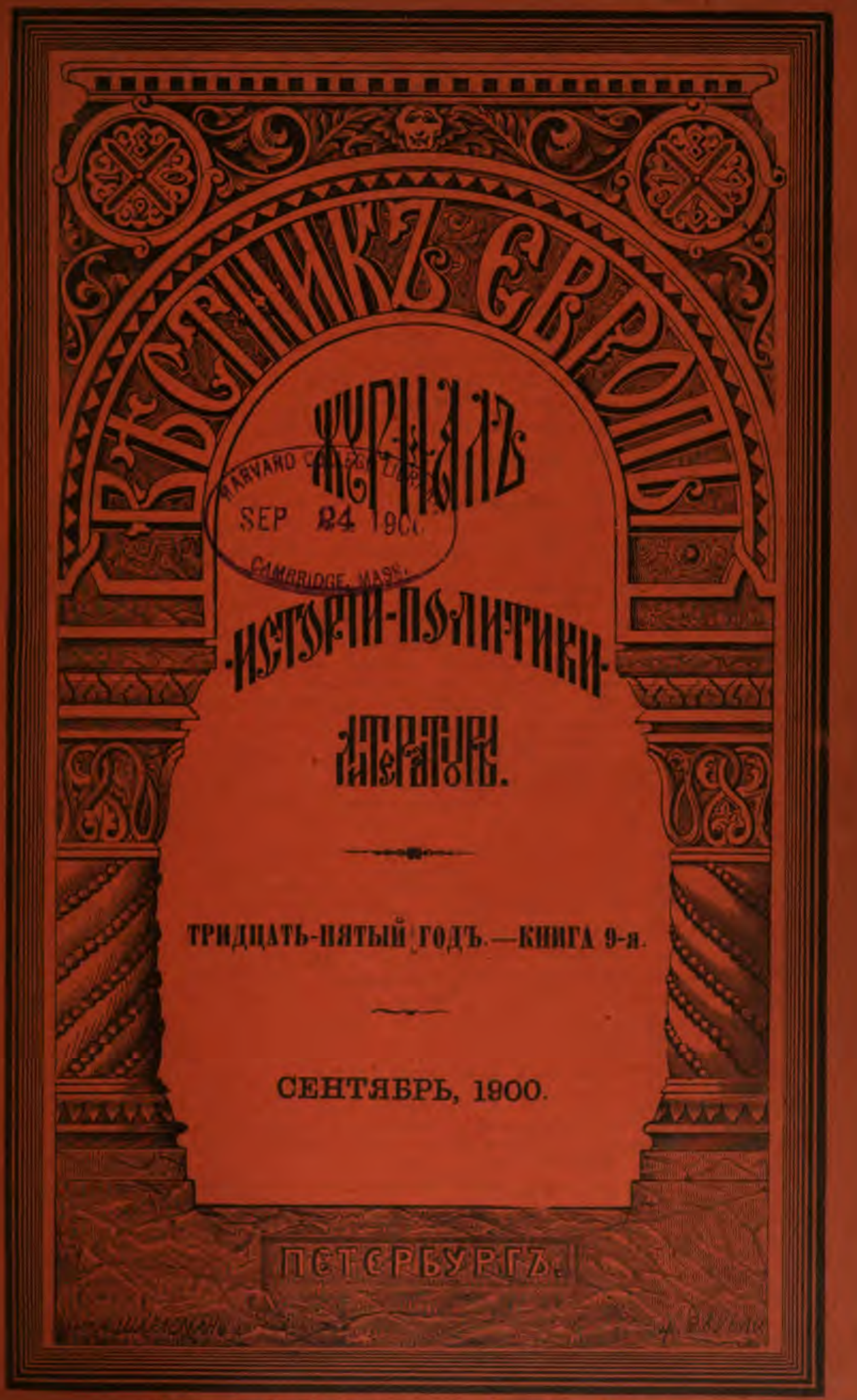
Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1900

2959

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1900.

Стр.

ПО ЗАКОНУ

РОМАНЪ

изъ деревенской жизни.

Окончаніе.

XXVII *).

Черезъ нѣсколько дней послѣ пожара, въ такъ называемой дворянской или чиновничьей комнатѣ старо-ивановскаго волостного правленія сидѣлъ старшина Андрей Уваровъ Хрѣновъ, Евтѣй Евтѣичъ и еще два крестьянина. Передъ ними стояли двѣ бутылки водки, одна пустая, а другая только-что начатая, и лежали колбаса и булка.

— Такъ такъ то-съ, Андрей Уварычъ,—говорилъ Купріяшинъ, обтирая рукой усы послѣ выпитой рюмки водки и прожевывая закуску:—онъ, значитъ, поитъ?

— Поитъ, да еще какъ! Вчера человѣкъ десять выборныхъ у него чуть не всю ночь бражничали. Что подѣлаешь! Да главное, мнѣ-то поить нельзя, какъ ему. Живо узнаетъ земскій начальникъ. Положимъ, я его уже предупредилъ, что онъ поитъ, и что на меня можетъ поклёпъ выйти, но вѣдь онъ, пожалуй, и повѣритъ. Да и народъ что-то недоволенъ, что я съ хорошими людьми знаюсь. Голытьба вся и злится.

— Ну, а выборные? Вѣдь, небось, народъ подобранъ вѣрный?

— Кто его знаетъ. Какъ будто выбирали вѣрныхъ, а тоже езъ водки на мою руку не потянутъ. А поить боюсь. Ну, какъ

*) См. выше, августъ, стр. 433.

не выберутъ,—что̀ тогда дѣлать? Вотъ, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Макарычъ, намъ тогда и плохо будетъ. Ржи-то въ гамазеѣ трехъ сотъ четвертей не хватаетъ.

— Да,—отозвался Иванъ Макарычъ.—Я, признаться, и то побаиваюсь. Да вотъ еще эти кражи. Конечно, ты тутъ ни-при-чемъ; а народъ недоволенъ. А что̀ тутъ подѣлаешь? Что̀ ни случись, все, по ихнему, старшина виноватъ. Отъ острожника-то слѣдъ отказаться. Народъ будетъ доволенъ твоей распорядительностью; а коли ты пройдешь, такъ и насъ вахтерами оставишь. А въ три года распишемъ какъ-нибудь. Какъ вы думаете насчетъ этого?

— Давно пора принять мѣры противъ него. Довольно ему хорошія семьи мутить. Вотъ я съѣзжу къ земскому начальнику и доложу ему,—обчество слова не скажетъ.

Старшина, говоря это, взглянулъ на Евтѣя Евтѣича.

— Ты, Андрей Уварычъ, насчетъ выборовъ не безпокойся. Земскій тебя любитъ. Вѣдь, небось, не шарами будутъ выбирать, а такъ. Кто же пойдетъ противъ тебя? Михаилъ Филипповъ и останется при своемъ угощеньи. А мы вотъ лучше выпьемъ-ка по единой за твой успѣхъ.

Вскорѣ вторая бутылка тоже была пуста. Старшина послалъ сторожа за третьей, да кстати велѣлъ и рыбки захватить.

Въ пятницу, когда земскій начальникъ въ камерѣ покончилъ всѣ дѣла, старо-ивановскій старшина къ нему обратился:

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, съ вами одинъ на одинъ поговорить.

— Пойдемъ, пойдемъ, послушаемъ, что̀ у тебя тамъ такое.

— Изволите видѣть, ваше высокоблагородіе, — заговорилъ Андрей Уваровъ, когда они вдвоемъ перешли въ сосѣднюю комнатку:—Михаилъ Филипповъ—изволите помнить, рыжій мужикъ такой?

— Ну, помню, помню.

— Такъ, вотъ, страсть хочетъ старшиной быть. Онъ третій день выборныхъ поитъ.

— А ты-то самъ не поишь?

— Никакъ нѣтъ. Нешто я посмѣю? Вы ужъ, ваше высокоблагородіе, хоть на сходѣ спросите. Я на васъ надѣюсь.

— Хорошо, хорошо,—увидимъ тамъ.

— Да еще дѣльце есть секретное. Я вамъ докладывалъ, что у насъ на селѣ кражи начались. Недавно еще у священника изъ-подъ двухъ замковъ жеребца увели. На Николинъ-день шесть дворовъ сгорѣло не иначе, какъ отъ поджога.

— А кто поджёгъ?

— Да въ томъ-то и дѣло, что уликъ никакихъ нѣтъ. Становой приставъ производилъ дознаніе, но уликъ нѣтъ. А грѣшатъ всѣ на одного парня, Сергѣемъ звать. Его отецъ еще въ острогѣ сидѣлъ по приговору вашего высокоблагородія.

— Какой это? Я не помню.

— А такой плохенькій старичишка: онъ еще мякину укралъ у госпожи Ардальоновой. Вы его жалѣть изволили.

— А-га. Помню. Жаль было его,—это въ голодный годъ было?

— Точно такъ-съ. Такъ вотъ его сына. Такой негодяй вышелъ. Шляется и не женится. Съ одной бабёнкой спутался: она недавно еще къ вамъ приходила, на мужа жаловалась. Такъ, вотъ, на него всѣ грѣшатъ, и насчетъ кражъ, и насчетъ поджога. Обчество не прочь бы отказаться отъ него.

— Ты говорилъ про это на сходѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. Нешто я безъ вашей милости посмѣю. Да безъ васъ и нельзя. Онъ можетъ, коли останется на волѣ, Богъ знаетъ, что̀ надѣлать. Я только хотѣлъ вамъ доложить, какъ прикажете. На сходъ что-ли пожалуете?

— Ну, что-жъ, собери сходъ въ воскресенье. Я съ ними самъ про это потолкую. Ты приготовь приговоръ заранѣе; пока я буду на сходѣ, запишутъ неграмотныхъ, а грамотные тутъ же руку приложатъ. Тогда можно его будетъ прямо арестовать и отправить въ тюрьму. Конечно, надо,—прибавилъ земскій послѣ минутнаго молчанія, — отдѣлываться по возможности отъ этой дряни. Только бы не ошибиться. Ты вѣрно знаешь, что онъ?

— Я, ваше высокоблагородіе, его не ловилъ,—иначе онъ бы ужъ сидѣлъ,—но что это все его рукъ дѣло, то ужъ это вѣрно. Все обчество вашей милости это̀ скажетъ.

— Ну, хорошо, ступай съ Богомъ. Въ воскресенье, такъ, часа въ два, я буду. Чтобы сходъ былъ собранъ. Да не говори про это.

— Какъ можно! Нешто мы не понимаемъ. А насчетъ выборовъ въ старшины когда волостной сходъ назначить изволите?

— Ужъ кстати, послѣ сельскаго схода. Нѣтъ... вотъ что̀, лучше впередъ. Въ одиннадцать часовъ собери мнѣ волостной сходъ. А послѣ обѣда и сельскій можно собрать. Да не забудь завтра же мнѣ прислать списокъ дѣлъ, передаваемыхъ на обсужденіе волостного схода. Надо его утвердить.

— Слушаю-съ. Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе.

Старшина уѣхалъ. Въ слѣдующее воскресенье старики съ девяти часовъ стали собираться въ правленіе. Старшина встрѣчалъ ихъ ласково и съ каждымъ здоровался. Купріяшинъ то-и-дѣло съ нимъ отходилъ въ сторону и перешептывался. Къ одиннадцати часамъ собралось болѣе ста человѣкъ. Духота стояла страшная, что̀ не мѣшало старикамъ быть въ полушубкахъ и тулупахъ. Они то-и-дѣло обтирались, кто платками, а кто полами шубъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго послышалось: „Э, вы, посторонитесь!"—мужики разступились и между ними прошелъ земскій въ дворянскую комнату. За нимъ вошли старшина и писарь.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ въ мундирѣ и цѣпи вышелъ въ залу правленія и сѣлъ за столъ.

— Вотъ, старики, намъ нынче предстоитъ старшину выбрать на три года.

— Стараго желаемъ,—закричали нѣкоторые.

— Михаила Филиппова,—послышались голоса.

— Стараго, стараго,—кричало большинство.

— Вотъ что̀, старики: ящиковъ у насъ нѣтъ, такъ я положу двѣ шапки: одну направо, другую налѣво, и буду вызывать по одному. Будетъ баллотироваться старый старшина. Кто пожелаетъ, говори: „направо"; кто не желаетъ, говори: „налѣво". А я буду класть въ шапки орѣхи. Поняли?

— Поняли, ваше благородіе.

— Ну, такъ начнемъ. Выдь, Хрѣновъ, въ другую комнату.

Старшина вышелъ.

— Никифоръ Шипиловъ!—Направо. - Николай Юдаковъ!—Направо.—Такъ шло дальше. Михаилъ Филипповъ тоже сказалъ: „направо". Старый старшина былъ выбранъ единогласно. Земскій начальникъ его позвалъ, объявилъ результатъ голосованья, поздравилъ и пожелалъ служить честно и на будущее время.

— Ну, теперь, старики, ступайте съ Богомъ домой обѣдать. А послѣ обѣда старо-ивановскихъ на сельскій сходъ, а изъ другихъ деревень—можете ѣхать.

Старики начали выходить.

— Вотъ дѣла-то. Опять поймалъ, мошенникъ. Да, какъ тутъ скажешь: „налѣво"? Чисто обошелъ насъ,—говорили нѣкоторые.

— А ты бы сказалъ, чтобъ ящики ставили.

— Да поди, самъ скажи. Чего же самъ не говорилъ?

Мужики всѣ вышли; остались земскій начальникъ, старшина и писарь.

— Вотъ видишь, Хрѣновъ,—ты чего-то боялся—какъ хорошо прошло!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе. Радъ стараться.

Земскій начальникъ собрался и отправился обѣдать къ Ардальоновымъ. Нина Николаевна обѣдала по-деревенски, въ двѣнадцать часовъ.

XXVIII.

Въ третьемъ часу Өедоръ Ивановичъ опять вернулся къ волостному правленію. Дворъ былъ полонъ народу, такъ какъ весь сходъ въ правленіи вмѣщаться не могъ. Мужики начали снимать шапки.

— Здравствуйте, старики! — крикнулъ земскій начальникъ.

— Здравія желаемъ, здравствуйте!—послышались голоса.

Земскій начальникъ вошелъ въ правленіе. Тутъ стояли старшина, писарь съ помощникомъ, староста, сторожъ.

— Ну, что сходъ—полный? Двѣ трети есть?—спросилъ онъ.

— Такъ точно; больше двухъ третей,—отвѣчалъ писарь.

— Приговоръ написали?... А-га... покажите-ка.

Въ приговорѣ было написано, что въ обществѣ завелся нежелательный членъ. Происходя изъ дурной семьи, такъ какъ и отецъ его сидѣлъ въ тюрьмѣ, Сергѣй Ивановъ Ермаковъ ведетъ жизнь неправильную, не хотѣлъ жениться, а связался съ чужой бабой. А въ послѣднее время сталъ заниматься воровствомъ. Описывались кражи послѣдняго времени, похищеніе лошади отца Петра, пожаръ на Николинъ-день, и прибавлялось, что хотя Ермаковъ къ суду и не привлеченъ, но что мы, т.-е. общество, вполнѣ убѣждены, что это—дѣло его. Посему общество постановило отъ него отказаться и передать его въ руки администраціи на предметъ ссылки въ Сибирь, причемъ всѣ расходы по ссылкѣ общество беретъ на себя. Наконецъ, говорилось, что послѣднее время общество не можетъ спокойно спать, такъ какъ боятся кражъ и поджоговъ. А потому устраненіе Ермакова представляется безусловно необходимымъ. Слѣдовалъ списокъ неграмотныхъ.

Земскій начальникъ внимательно прочелъ бумагу и сказалъ, что доводовъ для ссылки вполнѣ достаточно.

— А еще какія дѣла предстоятъ сходу?—спросилъ онъ.

— Да неважныя, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ стар-

шина:—кое-какіе выборы, три раздѣла, вопросъ о починкѣ моста, да вотъ это. Больше ничего.

— Ну, что-жъ, пойдемте. Я впередъ мелкія дѣла пропущу, а потомъ ужъ потолкуемъ о ссылкѣ. Я хочу хорошенько провѣрить приговоръ. Дѣло серьезное.

Всѣ вышли. Первымъ шелъ старшина и махнулъ народу, чтобы собирались и стояли тише. Мужики опять поснимали шапки и приблизились къ крыльцу. Впереди стояли Евтѣй Евтѣичъ и другіе богачи.

— Вы... накрывайтесь, старики. Вѣдь морозъ. Дѣло не въ шапкахъ,—любезно сказалъ земскій начальникъ.

— Покорно благодаримъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣтили мужики и надѣли шапки.

— Старшина, ну-ка, поговори съ ними о дѣлахъ.

— Вотъ, старики, вамъ надо выбрать тутъ кое-кого: сотскихъ, вахтеровъ, сборщика. Въ вахтеры Ивана Никифорова хотите?

— Хорошъ!—кричали передніе ряды. „А... а... а...“—шумѣли задніе, не зная, въ чемъ дѣло.

— А рожь-то наша куда дѣвалась?—громко крикнулъ одинъ мужикъ въ довольно рваной шубѣ.

— Какая рожь? Про какую рожь онъ говоритъ?—спросилъ земскій.

— Онъ все вретъ, ваше высокоблагородіе. Такъ, пустой мужикъ. Онъ на всѣхъ сходахъ все народъ мутитъ. Онъ изъ-подъ ареста не выходитъ. То тò, то другое натворитъ.

— Мошенники вы, вотъ вамъ и сказъ весь! — крикнулъ мужикъ.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить?—вспылилъ земскій начальникъ.—Взять его, негодяя, подъ арестъ!

Сторожà схватили и повели мужика.

— Прикажете постановленіе написать отъ имени вашего высокоблагородія?—спросилъ писарь.

— Нѣтъ, тамъ напишетъ кто-нибудь.

— Слушаю-съ. Отъ васъ, Андрей Уваровичъ, написать?—обратился писарь къ старшинѣ.

— Напишите отъ старосты. Мнѣ некогда,—отвѣтилъ тотъ.

— Трушка! (Трушка, изъ церковныхъ караульныхъ, недавно поступилъ въ помощники волостного писаря). Трушка, возьми печать отъ старосты и напиши постановленіе на два дня ареста.

— За что прикажете написать?

— Напиши: за грубость и дурное поведеніе на сходѣ.

Выборы шли своимъ порядкомъ. Въ хранители магазина выбранъ былъ Иванъ Никифоровъ, въ помощники къ нему—Иванъ Макаровъ. Выбрали сборщика, сотскихъ. Утвердили раздѣлъ трехъ семей. Сто рублей назначили на хозяйственную починку моста, каковую поручили старшинѣ.

— Вотъ еще, старики, дѣло какое,—заговорилъ земскій начальникъ. — У васъ послѣднее время начали случаться кражи. Пожаръ, былъ, говорятъ, отъ поджога. Нѣкоторые изъ вашихъ мнѣ заявили, что вы подозрѣваете въ этихъ преступленіяхъ нѣкоего Сергѣя Ермакова. Говорили мнѣ, будто вы его сослать хотите. Правда это? Говорите по совѣсти. Боже избави зря погубить человѣка.

— Сослать... Онъ.. негодяй... Не надо намъ его... Спасибо за совѣтъ!..—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Что̀ же онъ вамъ сдѣлалъ, старики?—спросилъ дѣдъ Никифоръ.—Грѣхъ будетъ напраслину возводить на человѣка.

— Ты молчи, дѣдъ Никифоръ! Ихъ благородіе вѣрно сказали; намъ житья нѣтъ отъ него... Сослать!..—кричала толпа.

— Его нѣтъ на сходѣ самого? — спросилъ земскій начальникъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; ни онъ, ни отецъ по сходамъ не ходятъ. На сходѣ не мѣсто острожникамъ.

— А вотъ за него старикъ заступается. Можетъ, онъ вправду не виноватъ. Вы подумайте хорошенько прежде, чѣмъ рѣшать. Помните, человѣка въ Сибирь сослать—не шутка.

— Знаемъ... Сослать!.. Нечего и думать!—кричалъ народъ.

— Дѣдъ Никифоръ все заступается когда не слѣдъ. Нешто мы не знаемъ? Молодую Блоху у мужа отбить захотѣлъ... Сослать его...

— Подойди сюда, старичокъ!—сказалъ земскій начальникъ, обращаясь къ дѣду Никифору: — вотъ ты за Ермакова заступаешься; что? можетъ, ты чего знаешь по этому дѣлу?

— Ничего я, ваше высокоблагородіе, не знаю. Знаю, что онъ и подъ судомъ не былъ. Кабы былъ виноватъ, такъ вѣдь онъ, вѣрно, подъ судъ бы попалъ. А больше я ничего не знаю.

— Ну... это не всегда такъ. Иногда уликъ нѣтъ, а знаешь, что виноватъ,—замѣтилъ земскій.

— Ваше высокоблагородіе,—продвинулся впередъ одинъ высокій и красивый крестьянинъ, повидимому солдатъ:—нешто весь сходъ зря будетъ говорить? Если говоримъ,—значитъ, знаемъ. А если его теперь оставить здѣсь, онъ Богъ знаетъ что̀ подѣлаетъ. Онъ все село спалитъ.

— Такъ, значитъ, окончательно вы хотите сослать его?

— Сослать!..—во все горло кричалъ сходъ.

— Ну, хорошо. А я все-таки провѣрю поименно васъ всѣхъ и переспрошу по одному. Ты, Злобинъ, ихъ строй по порядку, какъ они записаны, а я стану въ воротахъ. Они мимо меня пойдутъ, идя домой; а я ихъ буду спрашивать.

Такъ и сдѣлали. Земскій начальникъ сталъ въ воротахъ. Волостной писарь вызывалъ поименно крестьянъ, которые, проходя мимо земскаго, кланялись и отвѣчали на его вопросы.

— Согласенъ?—Согласенъ.—Ермаковъ—дурной человѣкъ?—Дурной.—Сослать?—Сослать.—И такъ далѣе. Когда земскому лицо какого-нибудь мужика казалось глупымъ, онъ его останавливалъ и задавалъ вопросъ:

— А ты знаешь, въ чемъ дѣло? О комъ тутъ говорятъ?

— Объ острожникѣ.

— Ну, такъ что-жъ, сослать его?

— Сослать.

Неграмотные разошлись по домамъ, а грамотныхъ земскій начальникъ такимъ же образомъ пропустилъ въ волостное правленіе, гдѣ они подписывались подъ приговоромъ. Подписыванье продолжалось долго: руки у нихъ и такъ-то плохо дѣйствовали, а тутъ и вовсе служить отказывались, такъ какъ окоченѣли отъ холода. Наконецъ, кое-какъ справились и съ этимъ. Двое подписались печатными буквами, а одинъ—славянскими, такъ что и Иванъ было написано подъ титломъ, и Тимоѳеевъ—тоже подъ титломъ.

Пока мужики подписывались, старшина обратился къ земскому начальнику.

— А какъ теперь быть, ваше высокоблагородіе? Если его теперь на свободѣ оставить, онъ Богъ вѣсть что̀ надѣлаетъ.

— Конечно. Есть статья закона, по которой я имѣю право его немедленно отправить въ тюрьму. Злобинъ, отыщи эту статью въ Положеніи и напиши отъ моего имени постановленіе объ отправкѣ его въ тюрьму, да еще препроводительную бумагу начальнику тюрьмы. Я подпишу. А ты, старшина, наряди сейчасъ кого-нибудь за нимъ, чтобы его арестовать и отправить въ городъ немедленно.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе,—отвѣтилъ старшина.—Староста, возьми съ собой человѣкъ двухъ, арестуй Ермакова и посади его пока въ холодную. А тамъ наряди дежурную подводу въ городъ и вели сотскому и еще одному или двумъ человѣкамъ отвезти.

Староста пошелъ исполнять приказаніе.

Тѣмъ временемъ грамотные расписались и ушли.

Писарь написалъ бумаги, согласно приказанію земскаго начальника, а онъ ихъ подписалъ, одѣлся, сѣлъ въ сани и укатилъ, сопутствуемый пожеланіями старшины.

XXIX.

Старикъ Митричъ все слабѣлъ и уже совсѣмъ сталъ неспособенъ къ труду. Онъ, какъ и всегда почти, лежалъ на печкѣ. Старуха тоже всегда сидѣла дома; коровы у нихъ не было; одна овченка была, да и ту держали въ избѣ, такъ какъ съ часу на часъ ждали, что она окотится. Надежка и Миколка возились въ избѣ съ какими-то щепками, изображавшими куклы. Сергѣй, въ будни бывавшій на подённой, когда таковая была, теперь сидѣлъ въ избѣ и плелъ лапти.

— Пора огонь вздуть, а то тебѣ не видно работать,—сказалъ старикъ.

— Да есть ли у насъ газъ-то [1]) еще?—отвѣтилъ Сергѣй.

При этомъ онъ всталъ, чтобы зажечь коптилку [2]). Снаружи послышался скрипъ, громко на зарѣ раздающійся въ ясные морозные дни, когда идутъ по снѣгу. Вошли староста и два мужика.

— Мы, Сергѣй, за тобой. Міръ отъ тебя отказался. На ссылку тебя.

Какъ кто стоялъ, такъ и остановился; старикъ приподнялся и сѣлъ на печкѣ; дѣти перестали играть.

— Меня? За что же?—проговорилъ Сергѣй чуть слышно.

— Грѣшатъ на тебя, что ты у Скоробогатовыхъ амбаръ обокралъ, да вотъ жеребца у отца Петра увелъ; да еще вотъ будто ты у тетки Марѳы дворъ поджёгъ. Ну, и порѣшили отказаться.

— Да какъ же такъ? Я пойду, скажу міру, что я и знать не знаю ничего.

— Сходъ-то ужъ разошелся. А ты иди-ка въ арестантскую: тебя сейчасъ въ городъ отправлять. Земскій уже бумагу написалъ.

Съ печки послышался стонъ.

---

[1]) Керосинъ.

[2]) Лампа безъ стекла.

— Сережа, Господи! За что же это? Сынъ мой! Лучше бы Богъ меня покаралъ, а не тебя! Да какъ же? Неужто сошлютъ? Аль у нихъ Бога нѣтъ?

Старикъ захотѣлъ слѣзть съ печки, да упалъ. Староста его поднялъ и счелъ нужнымъ утѣшить.

— Что̀ же дѣлать, дѣдъ Иванъ? Можетъ, ты тутъ и ни-причемъ. Вѣдь такъ міръ рѣшилъ.

Старуха только теперь, какъ будто, поняла, въ чемъ дѣло. Она начала причитать.

— Что̀ же мы-то со старикомъ дѣлать будемъ? Креста на васъ нѣтъ! А сироткамъ умирать что-ль? Дѣтки, кланяйтесь въ ноги господину старостѣ: можетъ, онъ пожалѣетъ насъ, стариковъ. Сереженька, ненаглядный ты мой!..

И старуха повалилась въ ноги старостѣ.

— Да я-то тутъ при чемъ, бабка Катерина? Наше дѣло: велѣли арестовать, мы и арестуемъ. Міръ рѣшилъ; противъ міра не пойдешь.

Сергѣй то крестился на иконы, то цѣловалъ мать, то обнималъ отца. Слезы лились съ его щекъ. Старикъ тяжело дышалъ и что-то говорилъ.

— Я, вотъ, мякины укралъ у барыни... Такъ меня и берите, и ведите въ тюрьму... А малаго-то оставьте... Малый не виноватъ... Я укралъ.

— Сережа мой! Лучше бы не рожала я тебя, — говорила мать. — Лучше бы сама не родилась... Ну, что же мы безъ тебя... Ну, куда же мы годимся... Сережа .. Иль ты взаправду уйдешь?..

— Ну, чего вы, старики, убиваетесь? Вѣдь міръ рѣшилъ. Небось, хуже было бы, кабы онъ померъ. И въ Сибири люди живутъ, — утѣшалъ староста. — Да пора и идти. Теперь, небось, и подвода готова въ городъ ѣхать. Ну, убирайся [1]), чего тебѣ?

— Дай ему съ стариками-то проститься!—проговорилъ понятой:—вѣдь, небось, на вѣкъ разстаются.

— Какъ? мнѣ сюда ужъ не вернуться?—проговорилъ Сергѣй.—И отца, и мать не видать... никого?!..— прибавилъ онъ и громко зарыдалъ.—Нѣтъ, быть не можетъ. Я Бога попрошу, и Богъ поможетъ; и старики увидятъ, что я не виноватъ, и вернутъ меня. Вѣдь быть не можетъ... Я же ничего не сдѣлалъ такого...

---

[1]) Одѣвайся.

— Ну, пора, пора!—торопилъ староста.

Понятые надѣли на Сергѣя шубенку. Онъ понялъ, что дѣлать теперь нечего, поклонился въ землю образамъ, потомъ отцу, матери, и молча вышелъ за старостой. Мать, раздѣтая, какъ была—на семью была одна шубёнка—побѣжала за ними. Старикъ тоже, было, поплелся, но ноги не шли, и онъ оступился и упалъ на полъ.

Сергѣя прямо отвели въ арестантскую, такъ какъ подвода не была готова. Бабка Катерина прошла въ волостное правленіе. Тамъ сидѣли старшина и писарь. Вмѣстѣ съ Катериной вошли въ правленіе староста и понятые.

Старуха бросилась въ ноги старшинѣ.

— Андрей Уваровичъ! Батюшка ты мой! Что же старики-то съ моимъ Сережей подѣлали!? Помоги ты мнѣ, родимый... Коли ты не заступишься—куды же намъ, старикамъ, дѣваться?.. Вѣдь малый-то и знать не знаетъ, и вѣдать не вѣдалъ про эти кражи!

— Встань, встань, бабка, чего тутъ въ ногахъ валяться. Я не ссылалъ твоего сына, не мнѣ его и вертать. Говорила бы надась обчеству. Они ссылали, не я. А въ тюрьму его самъ земскій начальникъ отправилъ.

— Какъ же не твое дѣло? Кого же намъ и просить, какъ не тебя? Пожалѣй насъ, горемычныхъ. Дай умереть спокойно. Одного сына Богъ отнялъ, а другого—люди добрые...

— Будетъ тебѣ, говорятъ тебѣ, причитать. Всѣ уши нажужжала. Хочешь просить, такъ проси земскаго начальника. Я-то тутъ при чемъ?... Слышь, бабка, ступай. Мнѣ заниматься надо.

Въ это время вошелъ мужикъ и обратился къ старшинѣ.

— Подвода готова. Арестанта везти, что-ль, въ городъ?

— Староста, ступай, посади Ермакова, да вели еще кому-нибудь съ нимъ ѣхать.

Всѣ вышли на дворъ. Вывели и Сергѣя. Мать бросилась къ нему и стала прощаться.

— Покидаешь ты насъ, стариковъ, кормилецъ ты нашъ! И покормить тебя не дали на дорожку. И одѣться-то тебѣ не во что въ эти морозы. Иль взаправду вы его возьмете у меня?

— Будетъ, будетъ, бабка. Что̀ сдѣлано, то сдѣлано,—говорилъ староста. — А правда, Андрей Уваровичъ, не велите ли дать ему тулупъ сторожа? А то какъ бы не замерзъ... Ишь, стужа какая. А шубёнка-то у него дырявая.

— А насчетъ харчей, старуха, ты головы не ломай,—сказалъ подводчикъ.—Тамъ харчи казенные.

На Сергѣя надѣли волостной тулупъ. Онъ долго не могъ оторваться отъ объятій матери.

— Ну, сынокъ, потерпи!—говорила она, крестя его.—Я къ земскому схожу и къ барынѣ. Можетъ, послушаютъ меня, старуху. Буду Бога за тебя молиться. Прощай, сынокъ!

Сергѣй молчалъ. Слезы текли изъ его глазъ и тутъ же замерзали; наконецъ, онъ тряхнулъ головой, какъ человѣкъ, рѣшившійся на что-нибудь, и сѣлъ въ сани. Рядомъ сѣлъ десятскій, а по другой бокъ подводчикъ. Лошадь тронула. Сани заскрипѣли. Старуха провела ихъ глазами, пока видно было, и побрела домой.

XXX.

На другой день, утромъ, когда земскій начальникъ только-что всталъ, ему доложили, что пришла къ нему какая-то старуха. Онъ вышелъ. Передъ нимъ въ прихожей стояла сморщенная, согнутая старушонка въ рваной шубѣ, очевидно, шитой не по ней, подвязанная бѣлымъ платкомъ, съ палкой въ рукахъ.

— Ты что̀, старуха?

Старуха повалилась ему въ ноги.

— Вставай, вставай. Я не люблю, когда мнѣ въ ноги кланяются. Говори, что̀ тебѣ надо. Вѣдь поклоны не помогутъ.

— Кормилецъ ты нашъ! Батюшка ты мой! Какъ же мнѣ тебѣ не кланяться? Вѣдь сиротой я осталась. Что-то со мной теперь будетъ? Старикъ-то мой умираетъ: ночью причастили мы его... Ужъ дюже онъ убитъ горемъ-то нашимъ. Куда же мнѣ съ сиротами теперь дѣваться?

— Ты, голубушка, разскажи толкомъ,—спрашивалъ начальникъ, почти насильно поднимая ее.—Какой старикъ? Какія сироты? Въ чемъ дѣло?

— Старикъ-то?—мой хозяинъ. Онъ—старенькій такой. А сироты-то внучата, мальчикъ да двѣ дѣвочки, отъ старшаго сына моего остались. Они еще глупенькіе. Куда я съ ними дѣнусь безъ Сережи? Обчество, вишь, отъ него отказалось. Его ужъ и въ городъ отвезли.

— А... а... а... Ты—Ермакова мать, изъ Старой-Ивановки?

— Она... она самая... батюшка ты мой, ваше высокоблагородіе; какъ его взяли-то вчера, господинъ староста, такъ старикъ-то мой и захворалъ... съ горя, значитъ... Онъ и такъ уже плохенькій... все на печкѣ сидѣлъ... Причастили мы его... спасибо, дохтуръ нашъ его въ больницу положилъ. Верни ты его,

батюшка; вѣдь мужики-то его съ понасердки мучаютъ. Заставь вѣкъ Бога молить за тебя!

— Да твой сынъ избаловался, красть началъ. Отъ него житья не было.

— И... и... и..., батюшка, все это одинъ поклёпъ на него. Ничегошеньки онъ не кралъ. Малый смирный онъ у меня. Курицы-то онъ никогда не обидитъ. Не то ужъ красть... Разбери ты дѣло-то мое!

— А почему онъ не женился до сихъ поръ? Говорятъ, съ какой-то бабой путается. И, замѣсто работы, вотъ чѣмъ заниматься сталъ.

— Онъ работаетъ, батюшка; какъ не работаетъ? Онъ работать гораздъ. А про бабу-то тебѣ сказывали, такъ я тебѣ разскажу, ваше благородіе. Онъ дѣвку засваталъ у богатаго мужика, у Купріяшина. Такъ мой старикъ-то когда въ острогъ попалъ... такъ... за мякину его посадили... видно, такъ Богу было угодно... Евтѣй-то Евтѣичъ—это Купріяшинъ, значитъ,—и не отдалъ за Сережу дѣвку. Не отдамъ, молъ, за острожника. А отдалъ онъ ее насильно за Климачева малаго. Дѣвка-то Сережу и въ бабахъ не забыла. Они, значитъ, Купріяшинъ и Климачева старуха, и подстроили это все дѣло, чтобъ обчество отказалось отъ него. Они и отказались. А онъ, ваше высокоблагородіе, вотъ чего,—старуха показала на кончикъ пальца,—вотъ чего не возьметъ чужого.

— Ну, бабушка, послушай меня, что̀ я тебѣ скажу. Я на сходѣ былъ, и по одному ихъ всѣхъ спрашивалъ: они всѣ сказали, что Сергѣй—дурной человѣкъ. Я провѣрилъ приговоръ, и могу ручаться, что всѣ говорили добросовѣстно. Теперь приговоръ пошелъ въ губернское присутствіе. Я ничего ужъ сдѣлать не могу. Все сдѣлано по закону.

— Какой же это такой законъ, ваше благородіе? Нешто это законъ, коли человѣка взяли, въ острогъ посадили, а тамъ въ Сибирь пошлютъ, когда онъ ничего дурного не сдѣлалъ? Обчество его даже на глаза не позвали и не спросили ничего. Что же они за судьи за такіе? Становой и тотъ ничего не нашелъ въ немъ.

— Тебѣ говорятъ, бабка, что общество вправѣ ссылать безъ суда; что̀ же я-то подѣлаю, коли они по праву сдѣлали? Ступай съ Богомъ. Я ничего сдѣлать не могу.

Земскій начальникъ собрался уйти. Катерина опять повалилась ему въ ноги и начала хватать за ноги.

— Кормилецъ ты мой... да скажи же мнѣ что-нибудь... Вѣдь

не помирать же мнѣ съ малыми сиротами. Дома хлѣбушка-то нѣтъ. Что̀, бывало, Сережа-то мой заработаетъ, на то и бавимся. А теперь безъ него что̀ я подѣлаю? Подумай ты со мной, кормилецъ! Не дай голодною смертью помереть!

— Встань, встань, бабушка!—опять поднимая ее, сказалъ земскій начальникъ.—Коли вамъ ѣсть нечего, общество должно васъ кормить. Я напишу, чтобы передали это на обсужденіе схода.

— Нешто они кормить насъ станутъ? Да какъ же это мы безъ Сережи-то жить будемъ? Ты ужъ какъ-нибудь его-то верни намъ.

— Ну, нечего мнѣ больше толковать съ тобой, — сказалъ земскій, которому и жаль было ея, и уйти хотѣлось отъ непріятной сцены. — Сергѣя я вернуть не могу, а старшинѣ напишу насчетъ содержанія вашего. А теперь вотъ тебѣ. Ступай.

Начальникъ сунулъ ей въ руку цѣлковый и быстро ушелъ. Старуха въ недоумѣніи посмотрѣла на бумажку и поклонилась ему, когда ужъ его не было въ комнатѣ. Она вышла и по дорогѣ стала разсказывать про свое горе встрѣтившейся кухаркѣ земскаго начальника.

„А ну, какъ вправду Ермаковъ не виноватъ? — подумалъ тотъ, вернувшись къ себѣ въ кабинетъ.—Да что же? Я не виноватъ; я все сдѣлалъ по закону. Да, а жаль старуху, да ничего не подѣлаешь“.

Старуха пошла потихоньку въ Ивановку и, часто останавливаясь, чтобы отдохнуть, добрела въ Ивановку, когда уже стемнѣло, и отправилась въ больницу, навѣстить своего больного старика.

Въ больницѣ ее встрѣтила фельдшерица.

— Тебѣ кого, бабушка?

— Старика пришла навѣстить своего, вотъ что̀ ныньче положили.

— Это Ермакова, что-ль?

— Да, да, Ермакова, голубушка ты моя, Ермакова. Ну, что̀, живъ онъ?

— Живъ-то живъ, бабка; да что̀ таить, дѣло плохо. Языкъ отнялся.

— Плохо? Ахъ ты, родимый мой, и ты убраться отъ меня хочешь?... А что̀, можно мнѣ пройти къ нему?

— Можно, можно. Ты иди наверхъ, въ маленькую палату налѣво. Николай Анатольевичъ при немъ.

Старуха пошла. Николай Анатольевичъ, только-что окончив-

шій курсъ, недавно былъ назначенъ вторымъ врачомъ въ староивановскую земскую больницу, такъ какъ громадный наплывъ больныхъ, приходящихъ и коечныхъ, сдѣлалъ, при большихъ разъѣздахъ, трудъ Петра Антоновича непосильнымъ. Когда Катерина вошла въ палату, молодой докторъ только-что поставилъ банки ея мужу. Старикъ лежалъ навзничь съ закрытыми глазами. Жена его молча подошла и долго на него смотрѣла. Митричъ открылъ глаза, очевидно узналъ ее, открылъ ротъ, желая что-то сказать, но только пошевелилъ губами и издалъ какой-то звукъ: говорить онъ не могъ. Слезы, одна за другой, покатились изъ его глазъ. Онъ все старался говорить. Правой рукой онъ съ трудомъ перекрестился, не доводя ея, однако, до лба.

— Что̀, и ты, старикъ, собрался умирать? Съ кѣмъ мнѣ оставаться, горемычной? Сына взяли люди, тебя самъ Господь Богъ хочетъ отнять у меня. Постарайся... Скажи слово... Что̀? умираешь?...

Старикъ еще больше заплакалъ. Губы его сильнѣе шевелились. Николай Анатольевичъ отвелъ старуху и въ полголоса сказалъ:

— Не безпокой его: дай ему умереть спокойно. Я его утѣшу насчетъ сына.—Митричъ, ты слышишь меня? Жена твоя была у земскаго начальника. Онъ будетъ хлопотать, чтобы Сергѣя вернули. А ты, Богъ дастъ, къ тому времени поправишься. А теперь тебѣ пособороваться. Я за батюшкой послалъ.

Старикъ закрылъ глаза и пересталъ шевелить губами. Слезы все катились. Старуха, глядя на него, тоже тихо плакала и молчала. Вскорѣ пришелъ отецъ Петръ и началъ соборовать старика. Во время службы, онъ нѣсколько разъ крестился, все время плакалъ, но глазъ не открывалъ. Къ вечеру Николай Анатольевичъ, не отходившій отъ больного, замѣтилъ, что у него началъ трястись подбородокъ; онъ выслушалъ его сердце.

— Онъ отходитъ,—шепнулъ онъ старухѣ. Та взяла свѣчку, дала ее въ руки старику, а сама, всхлипывая, стала на колѣни у кровати и припала къ его рукѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, „острожника“ не стало.

На третій день Рождества, въ столовой Ардальоновыхъ вечеромъ за самоваромъ сидѣли Нина Николаевна, Михаилъ Степановичъ, на святки пріѣхавшій въ Ивановку, Елизавета Николаевна и Николай Анатольевичъ.

— Что̀ же теперь подѣлаешь? — говорилъ молодой докторъ. —Старухѣ съ внуками остается только побираться.

— Но вѣдь вчера мнѣ Ѳедоръ Ивановичъ говорилъ, что

велитъ старшинѣ обсудить ихъ положеніе на сходѣ, — замѣтила Нина Николаевна.—Сходъ, говорятъ, обязанъ ихъ содержать.

— Какое содержаніе, Нина Николаевна? Ну, дадутъ ей, какъ вдовамъ, по шести рублей въ годъ. Нешто на шесть рублей они прокормятся?

— Ну, такъ что же дѣлать? Мало ли нищихъ на свѣтѣ!

— Не могу я, мамочка, отдѣлаться отъ мысли,—вставилъ Михаилъ Степановичъ,—что все дѣло косвенно на нашей совѣсти. Не будь тогда этого злосчастнаго случая съ кражей мякины—ничего теперь бы не было изо всего этого.

— А ты все-таки убѣжденъ въ невиновности Сергѣя?

— Нина Николаевна, сомнѣнія въ этомъ нѣтъ, — отвѣтилъ за Ардальонова докторъ:—вѣдь вчера еще увели лошадь у Бакулиныхъ. Вѣдь не Ермаковъ же изъ тюрьмы увелъ ее. Да и Ѳедоръ Ивановичъ, какъ будто, началъ колебаться: самъ не увѣренъ, что не сослали ли его по проискамъ Купріяшина.

— Это ужасно!—говорилъ молодой Ардальоновъ.—Я опять попытаюсь съѣздить въ городъ, поговорю съ губернаторомъ. Можетъ, провѣрятъ дѣло. Я завтра же поѣду. Я говорилъ про пересмотръ дѣла на сходѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ; онъ отказывается: „Не могу же я,—говоритъ,—сегодня уговаривать сходъ сослать человѣка, а завтра—возвращать его. А если губернское присутствіе не утвердитъ приговора, я буду очень радъ“.

— А что пока будетъ со старухой и сиротами?—спросила Лиза.

— Да я разсчитываю на мамочку. Ты, мама, позволь Минавнѣ ихъ взять къ себѣ на квартиру. А я имъ буду ежемѣсячно платить за содержаніе. Нельзя бросать этихъ несчастныхъ на улицу.

— Это—лучшее, что можно сдѣлать, — замѣтилъ молодой докторъ:—Если вамъ удастся вернуть Сергѣя, то и говорить нечего,—они опять вернутся жить въ своей избѣ; а если ему суждено идти въ Сибирь, такъ хоть мать съ племянниками надо какъ-нибудь пристроить.

— Я ничего противъ этого не имѣю,—отвѣчала Нина Николаевна,—пускай живутъ себѣ у Минавны. И Лизѣ будетъ съ кѣмъ возиться. Вѣдь это по ея настоянію ты хлопочешь за нихъ?

— На этотъ разъ, мамочка, ты отгадала. Елизавета Николаевна хочетъ заняться дѣтьми. А я всегда счастливъ ей помочь, когда могу.

Елизавета Николаевна покраснѣла и ласково взглянула на Ардальонова.

На другой день Михаилъ Степановичъ отправился въ губернскій городъ. Губернаторъ, по обыкновенію, принялъ его очень ласково. Ардальоновъ изложилъ дѣло и горячо настаивалъ, что приговоръ неправиленъ и что Сергѣй сосланъ невинно. Губернаторъ выслушалъ его, сказалъ, что дѣло онъ разсмотритъ не въ очередь, и удивлялся, какъ можетъ быть человѣкъ сосланъ невинный въ участкѣ такого аккуратнаго и дѣльнаго земскаго начальника, какъ Ѳедоръ Ивановичъ. Затѣмъ, онъ при Ардальоновѣ телефонировалъ члену губернскаго присутствія по административнымъ дѣламъ, чтобы онъ дѣло о Ермаковѣ, какъ арестантское, двинулъ немедленно.

Михаилъ Степановичъ счелъ нужнымъ съѣздить и къ этому члену присутствія. Тотъ обѣщалъ дѣла не тянуть и принять во вниманіе заявленіе Ардальонова.

— Трудно мнѣ дать вамъ какое-либо обѣщаніе насчетъ этого дѣла. Вѣдь мы рѣшаемъ такого рода дѣла на основаніи данныхъ приговора, данныхъ, провѣренныхъ земскимъ начальникомъ на мѣстѣ. А впрочемъ, конечно, роль играетъ и внутреннее убѣжденіе членовъ присутствія. Я васъ немедленно извѣщу, какъ дѣло будетъ рѣшено.

На этомъ Ардальоновъ уѣхалъ. Къ концу января въ Петербургѣ онъ получилъ отъ члена присутствія слѣдующее письмо:

„Многоуважаемый Михаилъ Степановичъ. Согласно моего обѣщанія, спѣшу увѣдомить васъ, что дѣло Ермакова въ присутствіи разсмотрѣно. Приговоръ о ссылкѣ его, къ сожалѣнію, утвержденъ. Помня ваши объясненія, я предлагалъ назначить члена присутствія для провѣрки приговора на мѣстѣ. Г. губернаторъ, повидимому, тоже былъ не прочь согласиться съ этимъ, но нѣкоторые члены присутствія, въ особенности вице-губернаторъ, находили, что этимъ будетъ выказано явное недовѣріе къ дѣйствіямъ прекраснаго земскаго начальника. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось большинство присутствія. Въ маѣ, вѣроятно, Ермакова отправятъ въ Сибирь. Очень мнѣ непріятно, что вынужденъ вамъ сообщить неблагопріятное извѣстіе.

„Свидѣтельствуйте мое почтеніе вашей матушкѣ и вѣрьте въ глубокое мое къ вамъ уваженіе“.

Письмо это, пересланное въ деревню, быстро стало извѣстно. Елизавета Николаевна удвоила свои заботы о Катеринѣ и дѣтяхъ. Катерина все плакала и не пропускала ни одной службы въ церкви, хотя бы и въ будни.

Крестьяне приняли это извѣстіе довольно равнодушно. Нѣкоторые, послѣ Бакулинской и еще двухъ-трехъ новыхъ кражъ,

стали часто поговаривать о Ермаковѣ, что не зря ли онъ страдаетъ.

XXXI.

Длинная январьская ночь была особенно темна. Мела одна изъ тѣхъ черноземныхъ метелей, когда трезвому мужику, переходящему изъ избы въ ригу за кормомъ лошади, приходилось сбиваться съ дороги и замерзать въ десяти саженяхъ отъ дома. Вѣтеръ дулъ порывами, и иногда казалось, что вотъ-вотъ снесетъ какую-нибудь крышу, а то и вовсе свалитъ какую-нибудь на-бокъ покосившуюся избёнку. Въ домахъ трещали ставни, гудѣло въ печныхъ трубахъ тамъ, гдѣ таковыя имѣлись. Удивительно умѣетъ въ этихъ случаяхъ снѣгъ какъ бы пролѣзть въ самую маленькую щель. Какъ будто и нѣтъ щели, только дуетъ немного, а глядь, снѣгъ уже пролѣзаетъ въ избушку.

У Климачевыхъ домъ былъ прочный, какъ и подобаетъ ему быть у скупыхъ, но заботливыхъ деревенскихъ богачей. А снѣгъ все-таки въ одномъ углу пролѣзалъ. Въ избѣ было темно. Старикъ Климачевъ спалъ по обыкновенію на печкѣ. Старуха съ дочерьми тоже расположились по лавкамъ; на полу у печки лежалъ Кириллъ; одинъ уголъ былъ отгороженъ какой-то дерюгой, прибитой къ потолку. Въ углу этомъ лежала Маша, а передъ нею качалась люлька съ родившимся утромъ младенцемъ; тутъ же на полу на соломѣ спала бабка. Маша дремала. Вдругъ младенецъ закричалъ. Маша взялась за люльку и начала ее качать, но крикъ не прекращался. Она взяла младенца и хотѣла его покормить, но ребенокъ груди не бралъ и все кричалъ. Отъ крику голосъ у него ослабѣлъ. Мать снова ощупью положила его въ люльку и опять начала качать. Но ребенокъ не унимался. Она потихоньку стала звать бабку, но бабка заснула такъ крѣпко, что разбудить ее не удалось. Тогда Маша рукой обшарила полочку, бывшую надъ лавкой, гдѣ она лежала, достала сѣрничекъ и зажгла лампочку, чтобы перепеленать дѣвочку. Свекровь ее завозилась въ другомъ углу избы.

— Что, али ты барыней ее хочешь держать, что огонь по ночамъ вздумала вздувать? Небось, не барыня сама-то.

Маша не отвѣчала и, наскоро замотавъ дѣвочку въ свивальникъ, задула лампочку. Старуха, еще что-то пробормотавъ себѣ подъ носъ, заснула. Въ избѣ слышался храпъ то въ одномъ углу, то въ другомъ; ребенокъ, почти не переставая, кричалъ; вѣтеръ завывалъ въ трубѣ; ставни трещали. Маша качала люльку.

Слезы тихо катились изъ глазъ ея: она думала горькую думу. Все время передъ нею стоялъ образъ Сергѣя. Она представляла себѣ, какъ они вмѣстѣ учились и она помогала ему; какъ ходили они на уроки Николая Анатольевича; какъ, послѣ долгой борьбы, ей удалось добиться согласія отца на ея бракъ съ Сергѣемъ. Затѣмъ, картина счастія ея дѣтства и дѣвичества смѣняется другою, гдѣ она ничего кромѣ слезъ и мученій не видитъ. Сергѣй ея становится острожникомъ, свадьба разстраивается, начинается сватовство ея мужа, которое дѣлаетъ его ей ненавистнымъ... Свадьба... Жизнь съ немилымъ... неволя у свекрови... Почему не сказала она... тогда... въ церкви священнику: „нѣтъ“? Вышелъ бы скандалъ. Отецъ, можетъ быть, прогналъ бы ее... но все-таки было бы лучше... даже смерть была бы легче теперешней жизни! Вспоминала она свою связь съ Сергѣемъ, ихъ тайныя свиданія, насмѣшки народа, когда секретъ ихъ раскрылся, побои мужа и отца, побѣгъ свой, хлопоты объ отдѣльномъ паспортѣ. Мысли о раскаяніи у нея не было. Она знала, что это грѣхъ, но вѣрила, что грѣхъ этотъ тяжелѣе ляжетъ на совѣсти тѣхъ, кто разстроилъ ея счастіе. Самой же ей казалось, что не съ Сергѣемъ измѣнила она мужу, а съ мужемъ Сергѣю. Затѣмъ и эта связь кончилась съ ссылкой Сергѣя. И проститься съ ней не дали ему. Что-то онъ теперь подѣлываетъ въ тяжелой неволѣ? Очевидно, какъ она страдаетъ сильнѣе его страданіями, чѣмъ своими, такъ и онъ мысленно съ нею. Неужели она больше его не увидитъ? Неужели злоба человѣческая такъ сильна? Бѣдный, бѣдный Сережа!

Да, чуетъ сердце ея, что на вѣки онъ потерянъ для нея. Не стоило бы жить, еслибы не этотъ ребенокъ, котораго и посмотрѣть-то ночью нельзя ей! При мысли о послѣднихъ двухъ дняхъ, невольная дрожь пробѣжала по тѣлу ея. Муки дѣторожденія, продолжавшіяся болѣе сутокъ; вмѣсто помощи и состраданія—попреки семейныхъ, брань и насмѣшки мужа и свекрови. Мать ея, случайно услыхавшая, что она уже мучается, пришла, было, за ней, но свекровь не отпустила... „Нешто плохо у насъ дочкѣ твоей?“ — тихо сказала она Блохѣ. — „Люди смѣяться будутъ, что къ матери рожать пошла. Пущай здѣсь опростается“. Затѣмъ страданія, страданія, попреки... Потомъ бабка-мучительница, сперва нашептывавшая что-то, начала ее мять, растирать, а затѣмъ, когда Богъ грѣхамъ простилъ, истязала ее, то подвѣшивая за ноги къ потолку, головой внизъ, то встряхивая ее, то заставляя лѣзть въ печку париться... Вотъ она—ея бѣдная дочка. Что-то Богъ пошлетъ ей въ жизни?

Когда бабка поздравила Кирилла съ законной дочкой, онъ отвѣтилъ: „А можетъ нагуляла? И то малаго родить не съумѣла“. Она сама слышала этотъ отвѣтъ. Не много счастья сулитъ онъ ея бѣдной малюткѣ. Но она—мать ея. Пускай истерзаютъ ее, но дочери въ обиду она не дастъ! А ну, какъ она умретъ? Нѣтъ, не дай Богъ! Ей надо жить для дочери. Лучше ужъ пускай дочь умретъ, а не сама. Что-то, правда, нездоровится ей самой послѣднее время. Кашель какой-то, въ боку колетъ, въ головѣ жаръ; э, да что тутъ говорить! Ей надо жить для ребенка. Безъ нея и ребенку не жизнь!

Все это передумывала Маша, лежа въ потемкахъ и все качая люльку. Младенецъ заснулъ. Къ утру задремала и Маша. На другой день дѣвочку крестили и назвали Ксеніей. Въ то время, какъ ее носили въ церковь, пришли Евтѣй Евтѣичъ и Блоха. Евтѣй Евтѣичъ былъ какъ-то сосредоточенъ. Онъ помолился на иконы и довольно холодно поздоровался со свахой; положилъ шапку на полку и въ тулупѣ сѣлъ на коникъ. Блоха тоже поздоровалась со стариками Климачевыми и сѣла въ Машиномъ углу. Кумовьями были приглашены Аѳонька, любимый братъ Маши, и ея прежняя подруга, теперь уже вышедшая замужъ,—Анютка. Когда наканунѣ шелъ вопросъ о собираніи крестинъ, старуха Климачева сказала, что она умѣла нагулять дѣвчонку, она и крестины собирай. Все, что нужно было, купила сама Блоха; она же и гостей созвала, конечно, изъ своей родни. Со стороны Климачевыхъ не было никого. Когда принесли новокрещенную дѣвочку, ее поднесли къ матери, которая взялась ее цѣловать. Дѣвочка плакала. Мать стала ее кормить. Крикъ прекратился.

— Что же, сваха, — спросила Блоха, — ты внучку какъ встрѣчаешь? Ни шубу не разостлала, ни причетомъ не повеличала? и шуба-то твоя не лохмата, и внучка не богата. Эхъ, несчастная моя!

— Молчи, мамушка!—толкая мать, шептала Маша.

— А твоя дочка почетница намъ была?—возразила Климачева старуха.—Очень дружно съ сынкомъ нашимъ жила? Мало ли такихъ внучекъ у меня по-бѣлу свѣту ходитъ? Какой-то острожникъ завелся, а я буду его дѣвку за свою внучку считать? Такъ по-твоему?

Евтѣй Евтѣичъ всталъ.

— Вотъ что я тѣ скажу, — сдерживаясь, сказалъ онъ:— долго я гляжу на васъ, и пора пришла мнѣ свое слово сказать. Что же... нашъ грѣхъ, что отдали дѣвку насилкой въ такую ка-

торгу. Но будетъ!—Евтѣй Евтѣичъ ударилъ кулакомъ по столу. — Больше измываться надъ нею не дамъ вамъ. А не люба она вамъ, ей мѣсто будетъ и у отца съ матерью.

— Я-то при чемъ останусь?—обратился къ Евтѣю Евтѣичу Кириллъ.—Я, небось, женился, чтобы жена была, меня одѣвала, обмывала и за мужа почитала: какъ же это она бы у васъ жить стала? Небось, такихъ законовъ нѣтъ, чтобы жена отъ мужа уходила. Тогда и поповъ бы не было.

— Будетъ, будетъ, сватъ, — успокоивалъ его, слѣзшій по случаю ссоры съ печки, старикъ Климачевъ:—все обойдется. Будетъ Марьюшка мужа слухаться, да насъ почитать. Все перемелется—мука будетъ. Богъ милостивъ. Тебѣ на насъ серчать не за что.

— Ты ужъ оставь съ своими науками,—отталкивая его, сказала Анна. — Хорошо она насъ почитаетъ. Да и Кирюшкѣ-то выйти на улицу нельзя. Всѣ задразнили острожникомъ. Чего тутъ говорить? Да вотъ теперича и сватокъ-то нашъ, Евтѣй Евтѣичъ, сталъ ей же потачку давать. Чего-жъ теперь путнаго ждать отъ нея!

— Ну, значитъ, мы про эти дѣла послѣ поговоримъ;—сказалъ Евтѣй Евтѣичъ. — Теперича крестины — такъ крестины; ссориться успѣемъ. А отъ дочери не откажемся. Дочь моя и грѣхъ мой. Будемте здоровы!—прибавилъ онъ, наливая водку по стаканамъ.

Всѣ выпили и закусили; выпила и сваха Анна, и Кириллъ. Блоха сидѣла у Машиной постели и шепталась съ нею.

— Чтò это, мамушка, съ батюшкой сталось? Я его не узнаю.

— А вотъ, какъ я ему вчерась разсказала про твои роды, да какъ сваха съ тобой обращалась, онъ схватился за голову, да какъ закричитъ: „Чтò я, негодяй, надѣлалъ?“ Да какъ заплачетъ. Всю ночь ноньче проплакалъ. „Не дамъ, говоритъ, надъ ней измываться!“ Вотъ какъ видишь.

Маша ничего не отвѣтила. Слезы тихо покатились изъ глазъ ея... не то слезы радости, что отецъ съ ней помирился и больше не дастъ въ обиду... не то слезы скорби о потерянномъ на-вѣкъ счастьѣ. Она вынула дочь свою изъ люльки, положила ее рядомъ съ собой и прижала къ груди.

— Ты ужъ, дочка, очень похудѣла,—сказала Машѣ мать,—вся извелась.

— Неможется что-то, мамушка. Богъ милостивъ—пройдетъ. Коль я помру, что-то будетъ съ Аксюткой моей?

— Ну, Богъ съ тобой! чего ты про смерть заговорила? Еще

поживемъ съ тобой, моя ненаглядная. Чтò, все еще боли не проходятъ?—спросила она, замѣтивъ, что Маша притиснула зубы и закрыла глаза.

— Да, сегодня какъ будто еще больнѣе.

— Ничего, пройдетъ, пройдетъ, голубушка. Безъ этого нельзя.

Между тѣмъ пиръ не клеился. Пили всѣ немного и неохотно. Евтѣй Евтѣичъ молчалъ и все поглядывалъ въ сторону Маши. Кириллъ и его мать видимо сдерживались, чтобы не продолжать ссоры. Гости всѣ чувствовали себя неловко. Гнѣва Евтѣя Евтѣича боялись. Наконецъ Купріяшинъ всталъ, помолился Богу и пошелъ домой, не простясь ни съ кѣмъ. Гости тоже ушли. У Климачевыхъ кромѣ бабки осталась одна Блоха. Ей не хотѣлось оставлять Машу одну.

Сваха Анна какъ будто перемѣнилась. Она не только не нападала на Машу, но какъ будто старалась быть ей полезной. Блоха была довольна и думала, что это—плоды заступничества Евтѣя Евтѣича. Къ вечеру ушла и она.

XXXII.

На третій день Маша все еще не поправилась. Бабку отозвали на другіе роды, и она ушла, обѣщаясь бывать утромъ и вечеромъ. Съ обѣда старуха Климачева влѣзла на печку и стала жаловаться на недомоганіе.

— Кирюха, Кирюха,—послышался къ вечеру ея голосъ съ печки,—мнѣ неможется. Кто же коровушекъ-то подоитъ?—Онѣ новотельныя: сразу сгубятся.

— Небось, подоятся, мамушка. Небось, ноньче четвертый день. Барыни и тѣ встаютъ на четвертый день. Подоить коровъ не Богъ вѣсть какая работа.

— Ну, какъ знаешь. Я вставать не могу. Всѣ кости ломятъ.

Маша поняла, что весь разговоръ ведется, чтобъ она его слышала. Несмотря на часто схватывавшія ее боли, она немедленно поднялась, накинула поддёвку, взяла два ведра и скамеечку, и пошла на дворъ къ коровамъ. Бывшая нѣсколько дней назадъ метель смѣнилась сильнѣйшимъ морозомъ. Доить коровъ Машѣ пришлось довольно долго. Молока коровы давали помногу. Она еле додоила ихъ, взяла оба ведра почти полныя и, шатаясь, вернулась въ избу.

Ни слова не говоря, она поставила молоко въ коникъ, раздѣлась и легла.

Морозъ ее пронизалъ до костей, и она навалила на себя все, что̀ могла—и поддёвку, и шубу, и дерюгу. Кое-какъ она согрѣлась. Только боли живота схватывали ее все чаще и сильнѣе. Къ утру разболѣлась голова, усилился кашель и при вздохахъ ее кололо въ грудь.

Утромъ свекровь ея не встала опять, и опять она услыхала разговоръ:

— Что же, мамушка, печка-то? Въ избѣ чуть не морозъ, да и щи ставить пора.

— Ты, Кирюша, какъ хочешь, а я печку топить не могу. Протопи самъ. Я головы поднять не могу. Потрудилась на своемъ вѣку, и здоровье все растеряла.

— Я, мамушка, топить не буду. Солома тутъ же на дворѣ: я привезъ вчера съ гумна цѣлыхъ два воза. Небось, барыня наша истопитъ. Не вѣкъ же ей лежать...

Маша встала, но голова у нея закружилась и она чуть не упала, но превозмогла себя, взяла веревку съ кольцомъ и вышла на дворъ. Морозъ ее оживилъ; она взяла охапку соломы и притащила въ избу; она опять хотѣла идти за второй охапкой, но голова закружилась, и она упала на холодную солому.

— Невѣстка, невѣстка, что̀ съ тобой? — закричали золовки. Кириллъ не двигался съ лавки, на которой сидѣлъ, и правой рукой чесалъ себѣ лѣвый бокъ. Старикъ Климачевъ, увидавъ, что съ Машей что-то неладно, подошелъ къ ней.

— Что̀ съ тобой, голубушка?—спросилъ онъ ее.—Ты ложись на лавку. Безъ тебя истопятъ. Кирюха, принеси соломы, да протопи печку. Вишь, жена-то твоя больна. Гдѣ ужъ ей топить!

— Всѣ бы такъ больны были, батюшка,—отвѣтилъ Кириллъ: —иль я женился, чтобы самому у печки быть? Небось, люди на третій день послѣ родовъ хлопочутъ, а намъ все лежать надо. Довольно притворяться-то. Знаемъ мы это.

— Ты что̀, старикъ, впутываешься въ бабьи дѣла?—съ печки вмѣшалась Анна.—Я не одного рожала. Небось, на третій день и печку топила, и коровъ доила. А этой барынѣ все нѣжиться надо... Ты не влипай въ чужія дѣла. Вздумалъ тоже распоряжаться!

Маша кое-какъ встала. Страшныя боли только дали ей дойти до своей постели, на которую она бросилась, какъ была, и громко зарыдала. Сильный приступъ кашля еще болѣе усиливалъ боли ея, и она, откашлявшись, начинала стонать.

Въ это время вошла Блоха. Услыхавъ стонъ, она бросилась къ Машѣ.

— Мамушка, нехорошо мнѣ. Ты бы дала мнѣ водицы.

— Что съ тобой, голубушка? Ты вся горишь. Да что ты въ поддевкѣ-то?—говорила Блоха, подавая ей ковшикъ холодной воды.

— Я... за соломой ходила... да голова закружилась... боли... да кашель вотъ... мучаетъ... Покачай люльку, мамушка... Аксютка кричитъ...

Блоха промолчала, подержала голову Машѣ, закачала ребенка.

Печку тѣмъ временемъ никто не топилъ. Всѣ молчали. Блоха, тоже ни слова не говоря, подошла къ печкѣ и стала ее топить.

— Вотъ баловство-то!—заговорила съ печки старуха Климачева.—Немудрено, скоро и насъ изъ избы выгонятъ. Ишь, у насъ въ домѣ распоряжаться стали.

Блоха все молчала; протопила печку, накинула шубу на плечи и, ни слова не говоря, выбѣжала на улицу. Черезъ пять минутъ она была у золовки, у которой послѣ пожара они жили на квартирѣ.

— Евтѣй Евтѣичъ!—запыхавшись, говорила она.—Маша умираетъ... ее заставляютъ работать... она за соломой ходила... а теперь все кашляетъ... горитъ вся... боли въ животѣ... Ты вели запречь сани и поѣдемъ... Надо ее въ больницу... отвезти.

Евтѣй Евтѣичъ ничего не сказалъ, только стиснулъ зубы и погрозился кулакомъ. Скоро сани были поданы. Тѣмъ временемъ Блоха захватила тулупъ и еще кое-какія тряпки, которыя уцѣлѣли отъ пожара и могли пригодиться въ больницѣ Машѣ и ребенку. Все это они свалили въ сани и сами поѣхали.

— Ну, дочка, ты больна. Поѣдемъ въ больницу,—ни съ кѣмъ не поздоровавшись, сказалъ Евтѣй Евтѣичъ.

Старуха Климачева не вытерпѣла.

— Нешто у насъ лошадей своихъ нѣтъ, что мы не можемъ отвезти ее къ доктору? Небось, послѣ родовъ всегда такъ. На кой тутъ въ больницу ѣздить? Бабка выправитъ. Я сама не столько нарожала дѣтей. Знаю, чего надо.

— Замолчишь ты, старая карга?—изъ себя вышелъ Евтѣй Евтѣичъ.—Мало вамъ, что дѣвку несчастной сдѣлали; хотите и въ могилу вогнать ее? Довольно измывались надъ ней... О! кабы могъ волю дать рукамъ, я бы вотъ что съ вами сдѣлалъ.

Евтѣй Евтѣичъ сжалъ кулаки, точно что раздавить хотѣлъ.

— Спасибо, спасибо, сватушка, на добрыхъ рѣчахъ. Не чаяла я отъ тебя такія слова слышать. Говорила я тебѣ, Ки-

рюша, что и насъ скоро изъ избы выгонятъ изъ-за твоей красавицы. Ну, что жъ... Осталось тебѣ, сватокъ, побить насъ.

— Побилъ бы, да рукъ марать не хочется. У... негодная... Еще увидимъ!

Тѣмъ временемъ Машу одѣли въ шубу и валенки, ребенка закутали, какъ можно теплѣе. Блоха взяла его и положила за пазуху, а Евтѣй Евтѣичъ довелъ Машу до саней. Лошадь тронула, и сани заскрипѣли по крѣпкому снѣгу.

Амбулаторный пріемъ былъ оконченъ. Николай Анатольевичъ былъ въ больницѣ, когда подъѣхали Купріяшины съ Машей. Молодой докторъ сейчасъ же занялся ея осмотромъ. Боли, —говорилъ онъ,—происходятъ и отъ неумѣлаго обращенія бабки, и отъ того, что она тяжелое поднимала. Нуженъ абсолютный покой, и все, Богъ дастъ, пройдетъ. Онъ измѣрилъ температуру: оказалось больше тридцати-девяти градусовъ. Затѣмъ онъ долго выслушивалъ ее и сказалъ, что надо лечиться и лечиться хорошенько, но что при леченіи все можетъ пройти. Онъ посовѣтовалъ положить ее въ больницу.

Рядомъ съ ея койкой повѣсили люльку. Когда Евтѣй Евтѣичъ собрался уходить, оставивъ жену при больной, докторъ его отозвалъ.

— Я не хотѣлъ пугать бѣдную Машу,—сказалъ онъ,—но дѣло не такъ хорошо. Женская болѣзнь врядъ-ли у нея пройдетъ совсѣмъ. Испортить себя скоро, а починить—-очень трудно. Но что̀ еще хуже—это ея кашель. Теперь навѣрное сказать ничего нельзя, но что-то неладно.

— Неужто чахотка, Николай Анатольевичъ?

— Навѣрное сказать теперь, при воспаленіи, нельзя, а можетъ быть и чахотка. Вотъ подождемъ недѣльки двѣ; тогда видно будетъ.

Когда Евтѣй Евтѣичъ вернулся къ себѣ на квартиру, его встрѣтилъ Аѳанасій.—Ну, что̀ Маша?—спросилъ онъ. Евтѣй Евтѣичъ разрыдался.

— Погубилъ я ее, окаянный! Не повѣрилъ ея слезамъ! Неужто Богъ такъ накажетъ меня: отниметъ ее! Аѳоня, помолись за нее!

Въ избѣ все умолкло. Долго еще слышались всхлипыванія старика Купріяшина и Аѳанасія.

Блоха почти не приходила домой. Пользуясь особымъ расположеніемъ Изюмова, который въ Машѣ продолжалъ видѣть свою ученицу, она лежала въ больницѣ на особыхъ условіяхъ. При ней постоянно были то мать, то гостившая у брата Настя,

съ годъ тому назадъ вышедшая замужъ за чиновника мѣстнаго отдѣленія государственнаго банка. Хорошій уходъ и сравнительный покой хорошо на Машу подѣйствовали. Аксютку ея отняли отъ груди и посадили на рожокъ. Маша поплакала: ей жалко было дѣвочку, но дѣлать было нечего: молока не было.

Ни мужъ, ни свекровь не заходили. Для Маши это было пріятно. Ихъ видъ не могъ, конечно, ея не раздражать. Только старшая золовка, Анютка, забѣгала справиться объ ея здоровьѣ. Свахѣ Аннѣ нужно было знать, что̀ дѣлается съ Машей.

XXXIII.

Домъ Евтѣй-Евтѣичева зятя, куда Купріяшины послѣ пожара перешли на квартиру, состоялъ изъ двухъ половинъ съ сѣнями по срединѣ. Въ одной половинѣ жилъ самъ мельникъ; другая же была чистая горница, гдѣ въ торжественные случаи принимали гостей. Эту-то горницу онъ и сдалъ Купріяшинымъ. Въ одномъ углу ея была отгорожена тесомъ комнатка съ окномъ, гдѣ стояла Машина кровать съ висѣвшей предъ нею люлькой. Все, что̀ могла для удобства больной сдѣлать заботливая Блоха— было сдѣлано. На двухспальной кровати стариковъ Купріяшиныхъ лежала ихъ знаменитая, много лѣтъ накоплявшаяся, высокая перина съ нѣсколькими, въ красныхъ наволочкахъ, пуховыми подушками. Маша совсѣмъ утонула въ перинѣ и была покрыта ватнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ разноцвѣтныхъ треугольниковъ различнаго ситца; эту постель—семейную драгоцѣнность Купріяшиныхъ—успѣли вытащить въ началѣ пожара. Сами старики примостились на доскахъ, прибитыхъ къ обрубкамъ ветлы четверти въ три вышины, и устроили себѣ сѣнникъ.

Чудное мартовское солнце свѣтило въ Машино окно; на скамеечкѣ у кровати сидѣла Люба и качала люльку. Маша раскашлялась и присѣла на кровати.

— Ну, что̀, сестрица, проснулась? Будешь вставать ноньче?

— Какъ же, какъ же, встану. Мнѣ ноньче хорошо что-то; и ночью меньше лихорадка трепала, и не такъ вспотѣла. Да, на дворѣ, кажись, хорошо.

— Хорошо, очень хорошо. Вездѣ ручейки потекли. Хорошо пригрѣваетъ. Молочка не хочешь?

— Нѣтъ; мнѣ его хоть бы и на свѣтѣ не было. Вотъ кваску холодненькаго выпила бы теперича.

— Что̀ ты, что̀ ты!—изъ-за перегородки послышался голосъ

Блохи.—Николай Анатольевичъ не велѣлъ ни кислаго, ни холоднаго пить, а ты—квасу. Молоко парное есть. Онъ говоритъ—это такое же лекарство. Выпей чашечку.

— Ну, что же, дайте. Выпью, пожалуй. Аксютку-то перепеленать надо.

— Я знаю, я знаю,—отвѣтила Люба:—ты вставай, я перепеленаю.

Въ это время дверь изъ сѣней скрипнула, и послышался голосъ Кирилла.

— Здравствуйте. Ну, что̀ моя жена подѣлываетъ? Ждетъ меня, небось?

Маша вздрогнула и взялась за руку Любаши.

— Не бойся, не бойся, голубушка. Батюшка его не допуститъ.

Дѣйствительно, Евтѣй Евтѣичъ вмѣшался и громко чуть не крикнулъ:

— А тебѣ что̀? Я тебѣ сказалъ сюда не ходить больше.

— Какъ же мнѣ къ женѣ и не ходить? Я, небось, за женой пришелъ. Она изъ больницы выписалась, значитъ, можетъ дома жить у мужа. Такихъ законовъ нѣтъ, чтобы ей отъ мужа отбиваться.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить? Ты ее въ гробъ ввелъ съ матерью твоей. Я ее отдавалъ за тебя, какъ за путнаго. Думалъ къ лучшему сдѣлать. А вы съ ней какъ съ собакой обращаться начали.

— Чего тутъ говорить? Она—моя жена и должна ко мнѣ идти. Я на свадьбу харчился. Она должна меня одѣвать, обмывать. Какъ она въ больницу пошла—меня вошь заѣла. Ни рубахи, ни портокъ некому мыть. Мать стара. Я за рубахой пришелъ.

Блоха тѣмъ временемъ, не говоря ни слова, вытащила изъ короба свернутые въ трубочку рубаху и портки и подала ему. Онъ взялъ.

— Ну, чего же стоишь? Взялъ и ступай, пока цѣлъ!—крикнулъ старикъ.—Чтобъ твоего духу тутъ не было!

— Что-жъ? Теперича и къ женѣ притить нельзя? А захочу—и судомъ къ себѣ ее возьму. Ты надъ ней не воленъ теперь. Я ей мужъ. Отдавалъ бы за острожника, тогда бы и распоряжался.

Евтѣй Евтѣичъ всталъ и съ крикомъ: „Вонъ отсюда, щенокъ!“—вытолкалъ его за дверь. Кириллъ постоялъ у двери. Затѣмъ быстро напялилъ шапку на уши и со словами: „Ага, посмотримъ“,—пошелъ къ волостной.

Тѣмъ временемъ Маша сѣла на кровать, вынула дочь изъ люльки и, прижимая къ себѣ, укачивала ее.

— Что-то съ тобой, голубка, станется? Плохое тебѣ житье будетъ. Любаша, ты ее возьмешь, коли я умру?

— Возьму, возьму, сестрица; ты только не плачь. Ты еще, Богъ дастъ, поправишься и вò-какъ заживешь. Чего про смерть думать. Ты не старуха—умирать. Простыла и пройдетъ, Богъ дастъ.

— Нѣтъ, ужъ чего, сестрица, говорить! Да и поправлюсь я—еще хуже будетъ. Вѣдь они мнѣ жить не дадутъ. Лучше ужъ умереть, нежели опять на такую каторгу идти.

Маша раскашлялась и выплюнула сгустокъ крови.

— Гдѣ ужъ тутъ жить, какъ кровь пошла горломъ? Ты, сестрица, побожись, что возьмешь Аксютку мою; вѣдь у нея ни отца, ни матери не будетъ. Она у меня бѣдная. Родимая ты моя!

Маша стала цѣловать дочь, расплакалась, опять закашляла, и опять на губахъ показалась кровь.

Между тѣмъ Кириллъ вошелъ въ волостное правленіе.

— Здравствуйте, Андрей Уваровичъ, я къ вашей милости.

— Здравствуй, Кирюха, здравствуй. Чтò разскажешь?

— Я къ вамъ насчетъ жены. Она родила и въ больницѣ больше мѣсяца лежала. Теперича ее мой тесть къ себѣ взялъ. Вы ужъ, пожалуйста, похлопочите, чтобы ее вернули ко мнѣ. А то мнѣ плохо приходится. Женатъ—не женатъ. Я за ней ходилъ, такъ тесть меня въ шею вытолкалъ. Вы заступитесь: велите ей домой итить.

— Да чего ты за ней гонишься? Она и такъ въ чахоткѣ—скоро помретъ. Ты же ее и въ чахотку вогналъ.

— Просто работать не хочетъ. Тесть ей сталъ потачку давать. А наше дѣло семейское... Намъ безъ бабы нельзя. Я затѣмъ и харчился, женился.

— Ты мнѣ и надоѣлъ же съ этимъ дѣломъ. Я ее къ тебѣ ужъ водворялъ, какъ она гулять вздумала. А теперь она у отца. Значитъ, ей житье у васъ плохое. Ступай, ступай. Кабы она гдѣ-нибудь была—такое дѣло. А отъ отца я ее брать силомъ не могу.

— Вотъ какія ноньче права пошли! Богачу, значитъ, можно и жену отъ мужа держать. Я жаловаться буду земскому. Хороши права!

— А ты тутъ не груби. Вонъ пошелъ! — крикнулъ старшина.—Жалуйся, кому хочешь! Ишь, грубить еще вздумалъ! Слы-

шишь ты? Вонъ пошелъ! А то на два дня тебя посажу, коли много говорить будешь.

Кирюха ушелъ. Въ слѣдующую пятницу въ камеру земскаго начальника были вызваны Кириллъ, Маша и Купріяшины. Когда земскій начальникъ ихъ вызвалъ, оказалось, что Маша не явилась.

— Она больна, ваше высокоблагородіе, — доложилъ старшина.—Ея отецъ здѣсь.

— Вотъ, слышишь, Купріяшинъ: твой зять требуетъ жену къ себѣ. Говоритъ, ты ее не пускаешь?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе. Жена его у меня. Они ее въ чахотку-то вогнали. Измывались надъ ней—не дай Богъ лихому татарину.

— Старшина, ты узнавалъ насчетъ этого дѣла?

— Какъ же, ваше высокоблагородіе. Да и вы изволите помнить Сергѣя Ермакова, что сослали-то сходомъ? Такъ про эту бабёнку говорили, что она съ нимъ спуталась. Мы ее водворяли къ мужу.

— Какъ же, какъ же... помню. Это та самая?

— Та самая, ваше высокоблагородіе. Я теперь узнавалъ. Ей отъ мужа и свекрови, правда, не житье. Докторъ—я съ нимъ видѣлся—говоритъ, что кабы ее оставили тамъ, она давно бы ужъ померла. Послѣ родовъ работать заставляли. Отецъ самъ ей приказывалъ у мужа жить. Да теперь видитъ—дѣло плохо и взялъ ее къ себѣ.

— Вотъ, кабы вы не мучили своихъ женъ,—замѣтилъ Өедоръ Ивановичъ,—онѣ бы и не стали отъ васъ бѣгать. А теперь, чего же ты ищешь? Самъ замучилъ жену, ее въ чахотку вогналъ и еще требуешь къ себѣ.

— Ничего я ее не мучилъ, ваше высокоблагородіе. Такъ завертѣлась баба, работать не хочетъ. Я ее у отца не оставлю.

— Какъ это ты не оставишь? Ты думаешь, я тебѣ ее верну на мученье? Я не палачъ. Кабы она гуляла—ну, такое дѣло. А она у отца лечится.

— Да какъ же это она безъ пачпорта отъ мужа уйдетъ?

— Какой паспортъ, когда она въ своемъ же селѣ живетъ. Да ты, я вижу, зубы чесать пришелъ. Проси ее добромъ вернуться; вернется—твое счастье, а я ее водворять на мученье не могу.

— Такъ! Теперь, значитъ, и женѣ можно отъ мужа уходить? И правовъ нигдѣ не найдешь? И зачѣмъ это поповъ посылаютъ, коли законы такіе?

— А! ты еще со мной такъ заговорилъ? Вонъ отсюда! Ты

его, старшина, поучи, кàкъ со мной говорить. Онъ со мной грубить вздумалъ. Не мудрено, что жена отъ него ушла.

Кириллъ просидѣлъ два дня въ „тигулевкѣ". Онъ хотѣлъ, было, дальше жаловаться, но мать его уговорила, что за „такой" и гнаться нечего.

XXXIV.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, Евтѣй Евтѣичъ съ женой ушелъ къ обѣднѣ. Дома у него оставалась Маша съ Любой. Дѣвочка спала въ своей люлькѣ. Сестры сидѣли на скамейкѣ и разговаривали. Маша была худа, но черные, большіе глаза ея блестѣли больше обыкновеннаго. Видно, что она была взволнована.

— Ну, и чтò же ты слышала про него, сестрица?

— Да, вотъ, народъ сталъ, какъ будто, сожалѣть, что зря его сослали. Дѣдъ Никифоръ хлопочетъ, чтобы приговоръ составили и просили его вернуть.

— Неужто вернуть? Да я-то чтò радуюсь? Не видать мнѣ его больше. Все ему, голубчику, лучше будетъ, чѣмъ въ Сибири. И на мою могилу кое-когда придетъ. Ну, а кто же воры?

— Трехъ уже посадили. Подмастерье-кузнецъ, который осенью нанялся къ кузнецу нашему, Корнѣю; потомъ отрадинскій малый одинъ, который и у насъ на селѣ за вора почитается; третій незнакомый какой-то. Оказывается и прежнія кражи нѣкоторыя, по которымъ грѣшили на Сергѣя, тоже дѣло ихъ рукъ. Такъ Скоробогатова старуха признала у нихъ свои холсты. Вотъ народъ и заговорилъ, что зря малаго сгубили. Батюшка тебѣ-то не говоритъ, а самъ вчера вечеромъ у старшины сидѣлъ по этому дѣлу. Помнишь, у него, когда онъ пришелъ, глаза были заплаканы? Можетъ, чтò и выйдетъ изъ этого.

— Дай-то Богъ. Мнѣ, конечно, и не дожить до этого. Да кабы я и выздоровѣла, то не все ли равно? Я мужнина жена. Все-таки, я думаю, я умерла бы спокойнѣе, кабы знала, что онъ напрасно не терпитъ мученій. Ну, будетъ, чтò будетъ. Только ты, пожàлуйста, Любаша, коли чтò услышишь, скажи мнѣ.

— А то нешто не скажу? Кому же мнѣ и говорить-то?

Черезъ два дня, Любаша, снова воспользовавшись отсутствіемъ родителей, заговорила съ Машей о Сергѣѣ.

— Я сейчасъ была у тетки Матрены и слышала разговоръ. На мельницу къ нимъ пріѣзжалъ старшина, Андрей Уваровичъ, рожь молоть, и многое поразсказалъ новаго. Вчера былъ слѣдо-

ватель здѣсь по поводу шайки воровъ. Старшина-то и слышалъ все, и дядѣ на мельницѣ разсказалъ. Оказывается, и жеребца у отца Петра кузнецъ свелъ. И Скоробогатовская, и Бакулинская кражи — все это ихъ дѣло. Потомъ, какъ оказалось, что Сергѣй тутъ ни-при-чемъ, началъ становой еще разспрашивать народъ насчетъ нашего пожара. Ему и разсказали, что зажгли дворъ не снаружи, а изнутри ребятишки самой тетки Мареы. Они вздумали картошку печь на дворѣ, развели огонь у плетня и зажгли дворъ. Когда они поняли, что надѣлали, то испугались и молчали про это, но потомъ сами же на улицѣ разболтали. Выходитъ то, что всѣ поклёпы на Сергѣя были зрящіе. Когда дядя это разсказывалъ, батюшка тутъ же былъ, все слушалъ, а потомъ заплакалъ и сказалъ, что много онъ тутъ виноватъ, но что онъ пойдетъ къ старшинѣ и поговоритъ насчетъ Сергѣя, какъ бы его вернуть. Онъ теперь, вѣрно, у него.

Вскорѣ вернулся Евтѣй Евтѣичъ, довольный и, какъ ни въ чемъ не бывало, разговаривалъ о разныхъ разностяхъ. Онъ особенно нѣжно относился къ Машѣ, ласкалъ ее. Когда съ ней случался приступъ кашля, а тѣмъ болѣе, когда онъ видѣлъ на губахъ у нея кровь, онъ дѣлался скученъ, какъ будто, вотъ-вотъ, расплачется сейчасъ, а потомъ это проходило, и онъ, казалось, вѣрилъ въ счастливый исходъ. Блоха за Машину болѣзнь сдѣлалась еще меньше, еще худѣе, но скрывала отъ больной свое безпокойство и часто говорила про ея выздоровленіе. Сама же Маша весь день, то лежа, то ходя, возилась съ своей дочерью. Раскашляется, бывало, и скажетъ матери или сестрѣ:

— Ну, я-то, все равно, скоро помру. Жаль только Аксютку. Скажите еще: вы не бросите ея?

— Богъ съ тобой: кто ее броситъ?—говорила Блоха.—Но и ты еще поживешь.

— Э, мамушка, чего тамъ говорить! Чахотка не пощадитъ никого. Да оно и лучше такъ. Какая мнѣ жизнь будетъ, коли я поправлюсь! Ужъ лучше умереть. Только вотъ дочь.

Блоха ничего не находила отвѣтить ей. Дѣйствительно, теперь ей позволяютъ жить у родителей, потому что больна. А если выздоровѣетъ, чтò тогда? Жизнь у мужа?—да не лучше ли сто разъ умереть? Евтѣй Евтѣичъ понялъ, чтò онъ надѣлалъ. Съ женой онъ разъ назвалъ себя убійцей дочери. И Блохѣ нечѣмъ было его утѣшить: положеніе было безвыходное.

— Мало того, что я дочь убилъ, я и Сергѣя на вѣкъ сдѣлалъ несчастливымъ. Ты слышала сегодня у сестры, чтò разсказывали. Сергѣй ни въ чемъ не виноватъ. Да чтò грѣха таить.

Я и тогда это думалъ. Только лукавый меня спуталъ. Такъ и толкало что-то малаго погубить. Мнѣ на него смотрѣть стало невыносимо. Я и уговорилъ старшину затѣять это дѣло. Я и въ людяхъ слухъ пускалъ, что Сергѣй—негодяй. А теперь, ты думаешь, легко мнѣ смотрѣть, какъ дочь умираетъ?.. Боже мой, лучше бы мнѣ, старому негодяю, умереть. Да нѣтъ, пускай она умираетъ. Жизнь ея, правда, будетъ хуже смерти. Проклятый я, проклятый, что̀ я надѣлалъ?!.. А что̀ Маша? Ей, какъ будто, хуже?

— Я видѣла ноньче Николая Анатольевича. Онъ говоритъ, дѣло плохо. Не велѣлъ ее тревожить. Сулится самъ зайти не сегодня, такъ завтра. Да что̀ ужъ заходить, только ее нешто утѣшить. Видно, такъ Богу угодно.

— То-то, что не Богу, а мнѣ, окаянному, угодно было ее погубить. Ахъ, Варя, Варя, что̀ я надѣлалъ!

На другой день, правда, заѣхалъ Изюмовъ. Онъ долго сидѣлъ у Маши, выслушалъ ее. При ней назвалъ болѣзнь лихорадкой; сказалъ, что пройдетъ. Затѣмъ, желая дать понять Машѣ, что Сергѣй вернется, бросилъ, какъ бы нечаянно, слово, что виновники кражъ уже найдены и отправлены въ тюрьму и что узнали, что дворъ тетки Мароы подожгли ребятишки ея, играя. Уходя, онъ сказалъ Блохѣ, что надежды нѣтъ. На вопросъ, когда она умретъ, онъ отвѣтилъ:

— А это Богъ знаетъ. Можетъ скоро умереть, а можетъ еще годъ протянуть. Давайте ей пищу здоровую: молоко, мясо. А лекарство я пришлю изъ аптеки.

На селѣ только и разговору было, что про пойманныхъ воровъ и про Сергѣя. Въ трактирѣ сидѣлъ старикъ Лукьянъ и доказывалъ, что Сергѣя необходимо вернуть изъ ссылки, разъ установлено, что и кражи, и поджогъ не имъ совершены.

— А какъ же, дѣдъ Лукьянъ, ты говорилъ, что это его дѣла̀? Ты же спорилъ, что кромѣ его некому было красть, — приставалъ къ нему одинъ изъ его собесѣдниковъ.

— И чудакъ ты, право. Нешто я говорилъ, что я видѣлъ, когда онъ амбары ломалъ да лошадей уводилъ? Весь міръ говорилъ, и я тоже. Небось, и ты на него грѣшилъ. А таперича, знамо дѣло, надо его изъ тюрьмы воротить, коли тѣхъ разбойниковъ поймали. Я ужъ съ Андрей-Уваровичемъ говорилъ. Зазря малый пропадаетъ.

— Вотъ тоже, дѣдъ Лукьянъ, Евтѣя Евтѣича дочь-то умираетъ, слышно. Климачевъ Кирюха ее забилъ.

— Ну, эта — бабёнка пустая вышла. Чѣмъ жить тихо,

смирно, благородно съ мужемъ — съ Сергѣемъ спуталась. Какъ же ему не учить ее было? Знамо дѣло, надо было учить.

— Учить, да не такъ. А то въ гробъ, бѣдняжку, загналъ.

— Ну... загналъ. Такъ болѣзть Богъ послалъ. Кирюха—малый недурной. Его Евтѣй Евтѣичъ не зря въ зятья взялъ.

— Не зря... А теперь самъ его къ женѣ не пускаетъ. У земскаго сколько разъ судились. Кабы жизть ей была хорошая у Климачевыхъ, не стала бы у отца лежать.

— Такъ... извѣшалась. Она дѣвчонкой задумала за Митричева Сергѣя идти. Вотъ и дурила, и надурилась.

— Эхъ, какъ это ты, дѣдъ Лукьянъ, чуднò говоришь—надурилась. Теперича силкомъ отдавать не приходится. Дѣвки не какъ въ старину были.

— Ну, это ты, братъ, ужъ того, зря болтаешь. Аль дѣвки умнѣе стариковъ стали? Вотъ и она бы не дурила, кабы въ ученье ея не отдавали. Въ старину не учились и были умнѣе. А ноньче дѣвка чуть не невѣста была, а ее отецъ-мать съ ребятами учить посылали. Вотъ и научили себѣ на шею.

О Машѣ и Сергѣѣ говорили и бабы. Постомъ „улицы“ не бываетъ, а потому бабы по воскресеньямъ и по пятницамъ собираются у какой-нибудь бабы—почесать зубы. И теперь около десяти бабъ собрались у одной уже немолодой вдовы.

— Эхъ, бабы! — говорила хозяйка дома. — Все Маша, да Маша. Ваша Маша дюже умна была. За то ее Богъ и наказываетъ. Вотъ, какъ ей ни говорили: „Не пряди, Маша, по пятницамъ,—грѣхъ. Самоё матушку Пятницу Прасковею запылишь; она и такъ пыльна“. Нѣтъ же. „Какой грѣхъ въ пятницу прясть?“ Вотъ и самоё Богъ наказалъ.

— Да чего, сваха, говорить? Она съизмалѣтства набалована. Въ поле ходила не по нуждѣ, а такъ, баловалась. За нее таперича и мужъ пропадаетъ, какъ извѣшалась съ своимъ острожникомъ.

— Не грѣхъ вамъ, бабы, ее позорить?—заступалась Анюта, ея давнишняя подруга.—Вѣдь хуже ея, небось, дѣлали. Выдали бы ее за этого самаго Сергѣя, и жила бы она, поживала. Ну, житьё, что-ль, съ немилымъ? На свадьбѣ-то ужъ видать было, что добра не будетъ.

— Въ ученыхъ, — замѣтила хозяйка, — проку не бываетъ. Не то прясть и ткать, и въ полѣ работать; не то книжки читать. Вотъ и дочиталась. Въ старину книжекъ не читали, а

такія понёвы ткали, что изъ вешники [1]) отъ осенней не разгадаешь.

— Въ старину, въ старину! — вставила солдатка, прошедшая первый классъ школы: — хорошо, что-ль, было въ старину, какъ двухъ не умѣли перечесть?

— А хорошо бы, бабы, — затараторила Анюта, — кабы Сергѣя, бѣднягу, вернули. Можетъ, и Маша поправилась бы.

— Что̀ ты, Господь съ тобой! Аль ополоумѣла? — отвѣчала хозяйка. — А Кирюху въ гробъ, что-ль, положить? Аль распутничать итить? Этому, что-ль, она у молодого доктора научилась? Эхъ, кума! Жили бы тише, по закону, — право, лучше бы было.

— Тише!.. жила бы тише, кабы сама замужъ выходила; а то выдавали отецъ-мать, да батюшка отецъ Петръ. Тутъ и живи тихо.

Такъ коротали великопостный вечеръ старо-ивановскія бабы.

XXXV.

„6-го генваря 1895 года. — Дорогой учитель Николай Анатольевичъ! Получилъ ваше письмо и спѣшу вамъ на него отвѣтить. Я пораженъ былъ извѣстіемъ о смерти батюшки. Конечно, онъ бы еще пожилъ, еслибы не приключилось со мною того несчастія, которое теперь меня отдѣляетъ отъ свѣта Божьяго и держитъ взаперти, какъ нѣкоего преступника и отверженнаго. Я долго плакалъ, когда прочелъ въ вашемъ письмѣ о родителѣ. Конечно, онъ былъ причиною моего несчастія и той горькой судьбы, которую послалъ мнѣ Богъ; но вѣдь не такъ уже онъ былъ въ этомъ грѣшенъ. Дурно брать чужое, но онъ человѣкъ былъ простой и взялъ мякину, потому что всѣ у насъ такъ дѣлаютъ. Богъ проститъ ему этотъ грѣхъ, какъ и я прощаю всѣ несчастія, которыми я удрученъ по этой причинѣ. Спасибо господамъ, что они не покинули мою горемычную мамушку съ сиротами. Я все это время объ ней думалъ. Ничего-то я, несчастный, не могу для нея сдѣлать. Спасибо, люди добрые не бросили. Вѣкъ я ихъ не забуду изъ моей далекой ссылки и буду Бога молить и за Михаила Степановича, и за Елизавету Николаевну, и за васъ. Сколько-то вы добрымъ людямъ помогли и словомъ, и дѣломъ — не перечтешь. Вотъ и я, грѣшный, коли и не могу выйти на свѣтъ Божій изъ горькой моей неволи — все-таки думаю и благодарю за всѣ ваши хлопоты обо мнѣ.

---

[1]) Шерсть, остриженная весною — плохая. Осенняя — хорошая.

„Чтò мнѣ сказать вамъ о своей участи? Нахожусь я въ палатѣ съ нѣсколькими арестантами. Есть одинъ тоже сосланный по приговору общества изъ села Змѣевки. Тоже сосланъ по злобѣ человѣческой. Онъ на волостномъ сходѣ говорилъ при земскомъ начальникѣ противъ старшины, который содержалъ волостную ставку, бралъ за нее дорого, а самъ почти не держалъ лошадей; а когда надо было—бралъ своихъ съ работы. Такъ, вотъ, онъ говорилъ, что не слѣдуетъ сдавать ставку старшинѣ безъ торговъ. Его дѣло не выгорѣло. А старшина на него осерчалъ и нѣсколько разъ подводилъ подъ судъ, при чемъ заставлялъ старосту къ нему приставать и выводить изъ терпѣнія. Человѣкъ онъ горячій, и часто, выведенный изъ терпѣнія, говорилъ дерзости начальству. Его даже разъ за это наказали розгами, выставивъ свидѣтелей, что онъ пьяница и мотаетъ имущество, хотя онъ пьетъ, какъ и всѣ, и хозяинъ хорошій. Долго, значитъ, старшина подъ него подъѣзжалъ и, наконецъ, подстроилъ, чтобы его сослали. Остались дома жена и шестеро дѣтей. Вотъ мы съ нимъ больше и говоримъ о своемъ горѣ. Онъ все еще думаетъ, что губернаторъ не утвердитъ приговора, а я знаю, что начальство всегда будетъ за своихъ. Имъ въ губерніи [1]) не видать правды. Чтò напишутъ, то и будетъ.

„Есть тутъ еще два сосланныхъ міромъ, но эти два, правда, люди нехорошіе и занимались конокрадствомъ.

„Начальство съ нами обходится хорошо, только пища ужъ очень плоха. Да не въ пищѣ горе, а въ нашихъ сердцахъ. Тяжела неволя, а главное, обидно страдать ни за что.

„Письмо ваше я получилъ отъ надзирателя, который прочелъ его и смѣялся, что у меня какой защитникъ явился. Они не вѣрятъ, что человѣкъ зря часто страдаетъ. Ну, да Богъ съ ними. Совѣсть у меня чиста, и радуюсь, что вы не повѣрили разсказамъ злыхъ людей, которые меня погубили.

„А еще у меня къ вамъ, Николай Анатольевичъ, большая просьба. Пропишите мнѣ все хорошенько, чтò дѣлается въ Ивановкѣ. Какъ живетъ мамушка и всѣ мои товарищи, съ которыми мы у васъ учились. Все сердце изныло объ нихъ. Чтò говорятъ въ обществѣ обо мнѣ? Неужто взаправду всѣ думаютъ, что я воръ и конокрадъ, и поджигатель? А еще пропишите, какъ вы поживаете, и пріѣхала ли къ вамъ Настасья Анатольевна гостить съ мужемъ, какъ она хотѣла? Каждое слово ваше для меня

---

[1]) Губерніей называютъ губернскій городъ.

дорого въ моемъ горькомъ заключеніи, и я письмо ваше блюду, какъ святыню. — Любящій ученикъ вашъ — Сергѣй Ермаковъ".

„13-го февраля 1895 года. Дорогой учитель Николай Анатольевичъ. Благодарю васъ за присылку этого письма. Хотя я вамъ и писалъ, что на свободу не надѣюсь, однакоже письмо ваше съ извѣстіемъ, что приговоръ утвержденъ и что мнѣ весной идти въ Сибирь—ужасно меня поразило. Итакъ, прощай свобода, прощай мамушка, прощайте всѣ, кого я, горькій, любилъ и кому я съ радостью отдалъ бы всю жизнь. Не видать мнѣ больше никого. Міромъ отверженный, буду жить въ Сибири, какъ волкъ или медвѣдь. Богъ одинъ знаетъ, что̀ я теперь страдаю. Хотѣлось бы хоть на минуту птицей перелетѣть въ Ивановку и поглядѣть на васъ всѣхъ, моихъ ненаглядныхъ. И не знаю, какъ и переживу это горе. Лучше бы я умеръ съ родителемъ, нежели жить и не видать тѣхъ, кого я люблю больше свѣта Божьяго.

„Что вы пишете о мамушкѣ—меня успокоило. Дай Богъ ей спокойно дожить свои дни. Пускай она не хлопочетъ о своихъ внукахъ. Барышня не броситъ ихъ, и за нихъ я спокоенъ. Кабы мамушка могла придти ко мнѣ проститься передъ моей отправкой, я былъ бы очень счастливъ. Вѣдь на вѣкъ я разстаюсь съ вами. Можетъ, она бы мнѣ передала вѣсточку отъ людей, которые мнѣ дороги. Спасибо за извѣстія о моихъ товарищахъ. Маша Купріяшина, видно, тоже хочетъ на тотъ свѣтъ уйти. Что же: это къ лучшему. Тамъ всѣ свидимся—и правые, и виноватые, и тамъ все будетъ справедливо, не то, что здѣсь, гдѣ правды давно нѣтъ. Я радъ, что она лежитъ у васъ въ больницѣ. Конечно, уходъ за ней будетъ хорошій. Кланяюсь ей, какъ и она мнѣ кланяется. Больше писать не могу. Много бы еще сказалъ, да не все сказать можно.

„Когда солнце пригрѣваетъ, люди радуются, а мнѣ горько. Вѣдь весной идти на ссылку. Здѣсь хоть и въ тюрьмѣ, а все своя сторона. Прощайте. Никогда васъ не забуду. Ученикъ вашъ — Сергѣй Ермаковъ".

„8-го марта 1895 года.—Дорогой и несчастный другъ мой Сережа. Вотъ и тебѣ я могу дать хорошую вѣсточку. И ты увидишь, что правда можетъ быть и на землѣ.

„Прежде всего знай, что всѣ кражи раскрылись; и Скоробогатовская, и о. Петра, и другія. Пойманы и воры; одного изъ нихъ ты знаешь: молотобоецъ кузнеца Корнея. Нашлись и поджигатели тетки Мареы: ея же ребятишки вздумали подъ плетнемъ картошку печь.

„Когда все это узнали, во всемъ селѣ только и разговору

стало, что про тебя и про твою несправедливую ссылку. Старики начали приставать къ старшинѣ, чтобы собранъ былъ сходъ и составленъ приговоръ о твоемъ возвращеніи. Больше всѣхъ хлопоталъ Купріяшинъ, который помирился съ дочерью и взялъ ее, больную, къ себѣ. Старшина съѣздилъ къ земскому начальнику. Были у Ѳедора Ивановича и мы съ Михаиломъ Степановичемъ. Онъ вполнѣ понялъ ошибку схода и свою собственную, но при этомъ сомнѣвается, можетъ ли губернаторъ или губернское присутствіе отмѣнить свое собственное постановленіе объ утвержденіи приговора о ссылкѣ. Поэтому рѣшили такъ: крестьяне напишутъ приговоръ о томъ, что желаютъ, въ виду вновь обнаружившихся фактовъ, вернуть тебя изъ ссылки; ты же подашь прошеніе на Высочайшее имя. Дознаніе все обнаружитъ, и тебя вернутъ. Такъ и сдѣлали. Земскій начальникъ самъ вчера пріѣхалъ на сходъ. Онъ открылъ съѣздъ рѣчью, въ которой уговаривалъ ихъ признаться въ ошибкѣ и ходатайствовать о твоемъ возвращеніи. Всѣ единогласно постановили написать соотвѣтствующій приговоръ. Составилъ его самъ земскій очень искусно. Онъ пересмотрѣлъ прежній приговоръ и по пунктамъ доказалъ, что всѣ прежнія обвиненія опровергаются полицейскимъ дознаніемъ. Въ концѣ очень трогательно изложено, какъ мужикамъ жаль, что они причинили нечаянно такое горе тебѣ—невинному человѣку и всему твоему семейству, горе, бывшее причиной смерти твоего отца. Приговоръ земскимъ начальникомъ уже отправленъ къ губернатору. Тебѣ же во всякомъ случаѣ придется подавать прошеніе на Высочайшее имя. Земскій начальникъ на дняхъ обѣщалъ быть въ городѣ и зайти къ тебѣ насчетъ этого ходатайства. Итакъ, другъ мой, терпѣть тебѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже недолго. Еслибы ты зналъ, что̀ теперь толкуютъ на селѣ. Всѣ тебя жалѣютъ и дивятся, какъ могли тебя заподозрить. Очень я люблю дѣда Никифора, который всегда за тебя заступался. Онъ торжествуетъ и безъ слезъ про тебя говорить не можетъ.

„Бѣдная твоя мать, какъ узнала, что вернешься, такъ обрадовалась, что каждый день ходитъ и справляется то у того, то у другого, когда же, наконецъ, вернется ея голубчикъ. Ей такъ хорошо живется на квартирѣ у Минавны, что она поговариваетъ о томъ, нельзя ли ей тамъ остаться: и тепло, и сытно, и одѣты хорошо, въ особенности дѣтки, за которыми ухаживаетъ сама Елизавета Николаевна.

„Кстати, вотъ тебѣ новость. Елизавета Николаевна, которой всѣ такъ обязаны за голодный годъ и за холеру, выходитъ за-

мужъ за Михаила Степановича. Свадьба будетъ лѣтомъ, когда онъ окончитъ курсъ. А потомъ онъ рѣшилъ поселиться въ деревнѣ. Всѣ крестьяне не нарадуются этому извѣстію; я говорю, конечно, о бѣдныхъ.

„Такъ какъ, думая о тебѣ, я невольно вспоминаю бѣдную Машу, которая вмѣстѣ съ тобой ходила на наши бесѣды, то я послѣ схода зашелъ къ Купріяшинымъ. Она знаетъ, что жить ей недолго. Кровь часто идетъ горломъ. Незачѣмъ мнѣ тебя обманывать: все равно, ты узнаешь всю правду. Когда я ей разсказалъ про сходъ, она очень обрадовалась. „Хоть и не доживу я до того времени, когда онъ вернется, и хоть и выздоровлю я, не увидать мнѣ его, но слава Богу. Можетъ, онъ придетъ на мою могилу. Напишите ему это“. Знаю, знаю, голубчикъ мой, что тяжело тебѣ будетъ, но надѣйся и не падай духомъ. Лучшій докторъ на свѣтѣ—время излечитъ и твои раны. Ты нуженъ для матери, для твоихъ сиротъ-племянниковъ. А тамъ,—кто знаетъ? —можетъ быть, и для тебя счастье возможно. Не падай духомъ. Скоро, другъ мой, увидимся. Пиши мнѣ чаще, я тебѣ буду отвѣчать.—Любящій тебя, Николай Изюмовъ“.

„24 марта 1895 года. — Дорогой мой учитель Николай Анатольевичъ. Получилъ письмо ваше съ извѣстіемъ о скоромъ моемъ освобожденіи. Нѣтъ, счастья для меня уже не будетъ, но я радъ, что мнѣ можно будетъ остаться на родинѣ, гдѣ жили тѣ, кого я любилъ. Тяжело, когда люди на тебя смотрятъ какъ на негодяя. Правда, я-то зналъ, что я невиновенъ, но и то больно, когда люди за виноватаго почитаютъ. Можетъ быть, еще успѣю увидать Машу передъ смертью ея. Скажите ей, что буду молиться за нее на могилѣ.

„Много бы еще вамъ написалъ, но мочи моей нѣтъ. Третій день всего ломаетъ и голова болитъ. У насъ на людяхъ горячка, и я думаю, не боленъ ли я этою болѣзнью. Будетъ, что̀ Богу угодно. А жить мнѣ хочется, да и надо жить для матери и для сиротъ. Поблагодарите барышню за ея хлопоты и доброе сердце. Богъ ее наградитъ за сиротъ.

„Вчера былъ земскій начальникъ, меня обласкалъ и сказалъ, какъ написать прошеніе Государю Императору. Я такъ и написалъ. Больше писать не могу. Будьте здоровы. — Любящій васъ, Сергѣй Ермаковъ“.

XXXVI.

„Начальникъ тюрьмы.—Въ Старо-Ивановское волостное правленіе. 30 Марта 1895 года. № 723.

„Симъ извѣщаю Старо-Ивановское волостное правленіе, что 28 Марта во ввѣренной мнѣ тюрьмѣ умеръ арестантъ крестьянинъ села Старой-Ивановки, Старо-Ивановской волости, Н... уѣзда, Сергѣй Ивановъ Ермаковъ, отъ болѣзни „горячка“. Оставшіяся послѣ него вещи, опись коимъ при семъ прилагается, будутъ выданы его наслѣдникамъ по представленіи удостовѣренія волостного правленія объ ихъ правахъ.—Начальникъ тюрьмы Астафьевъ“.

„Опись вещамъ умершаго арестанта Сергѣя Иванова Ермакова.

1) Полушубокъ старый, во многихъ мѣстахъ порванный.
2) Зипунъ ветхій, рваный.
3) Сапоги валеные, поношенные, на пяткахъ истоптанные.
4) Двѣ посконныхъ рубахи, одна съ заплатами.
5) Двое штановъ синихъ, одни съ заплатами.
6) Гребенка деревянная.
7) Книга „евангеліе“ въ переплетѣ, порванная.

„Всѣ вещи оцѣнены въ шесть рублей 25 копѣекъ.—Начальникъ тюрьмы Астафьевъ“.

Извѣстіе это быстро распространилось по Ивановкѣ. Елизавета Николаевна, услыхавъ про это, сейчасъ же послала за бабкой Катериной. Та явилась съ Миколкой и стала у дверей.

— Бабушка, я тебя позвала сказать тебѣ. Въ тюрьмѣ, гдѣ Сергѣй, горячка пошла, онъ и заболѣлъ опасно,—сказала Лиза, а у самой голосъ дрожитъ.

— Заболѣлъ? Ахъ, ты, родимый мой! А вамъ, барышня, кто же написалъ?

— Да заболѣлъ-то опасно. Врядъ-ли оправится.

— Умретъ? Что же со мной-то будетъ! — старуха всплеснула руками.

— Ну, бабушка, чего скрывать? Богъ тебя опять посѣтилъ. Сергѣй умеръ. Сегодня письмо пришло.

— Умеръ? Умеръ мой Сережа!?.. Не можетъ быть... А я его нынче во снѣ видѣла здороваго... Умеръ... умеръ... а я, старуха, жива. Миколка, слышишь? дядя твой умеръ... Сироты мы...— рыданья не давали старухѣ продолжать.—Сережа...

Вдругъ она встала, поклонилась въ землю иконамъ и проговорила:

— Упокой, Боже, душу раба Твоего Сергѣя и дай ему царство небесное!

Тутъ она такъ зарыдала, что не могла держаться на ногахъ. Миколка ревѣлъ, держась за ея понёву. Лиза подала ей стаканъ воды.

— Выпей, выпей, бабушка. Полегчаетъ. Да молись Богу. Онъ былъ хорошій человѣкъ. Богъ его приметъ къ Себѣ. Вмѣстѣ тамъ будете.—И Лиза показала на небо.

— Ну, а что̀, барышня, его пріобщили передъ смертью-то?

— Не знаю, бабушка. Вѣрно пріобщили. Онъ не вдругъ померъ. Вещи его только, пишутъ, остались. Тебѣ ихъ передадутъ.

— Вещи? Какія у него вещи?.. Онъ, мой Сережа, бѣдный былъ... одна шубёнка рваная была... И не я закрыла ему глаза... одинъ... померъ...

Лиза и вошедшая Нина Николаевна тоже плакали. Лиза подняла старуху со стула.

— Пойдемъ, бабушка, пойдемъ въ церковь — помолимся. Панихидку отслужимъ. Полегчаетъ, какъ помолишься... Пойдемъ.

И старуха съ Лизой пошли въ церковь. Съ ними пошли Минавна, сироты и еще кое-кто, узнавшіе про Сережину смерть.

Изюмовъ былъ въ правленіи, когда пришло извѣстіе о Сережиной смерти, и счелъ нужнымъ сейчасъ же отправиться къ Машѣ, чтобы это извѣстіе не пришло къ ней помимо его. Какъ только онъ заговорилъ про его болѣзнь, она привстала на постели—она весь день лежала—и, раскрывъ широко глаза, спросила:

— Говорите правду: онъ умеръ? да?

— Умеръ, Маша,—шопотомъ отвѣтилъ Изюмовъ.

Маша перекрестилась.

— Ну, что-жъ! Дай Богъ ему царство небесное. Ему тутъ скучно было бы послѣ меня... Только его далеко отъ меня похоронили... Ну, да что-жъ, скоро увидимся. И я скоро къ тебѣ приду, Ермаковъ.

Маша молча посидѣла. Всѣ молчали. По щекѣ ея покатилась слеза, другая, третья... Она заплакала, зарыдала. Рыданья перешли въ кашель. Горломъ пошла кровь.

Изюмовъ, Блоха, Любаша хлопотали кругомъ больной.

XXXVII.

„Спасибо, другъ мой, за твое письмо, которое только-что получила. Я рада, что наше сватовство не мѣшаетъ тебѣ работать и что первый экзаменъ сошелъ благополучно. Ты такъ привыкъ къ пятеркамъ, что четверка для тебя—то, что для другого провалъ. Я счастлива, что Миша мой вездѣ первый. Первымъ ты будешь и здѣсь. Я все удивляюсь, какъ ты могъ меня полюбить; чѣмъ я заслужила это? Правда, и я тебя люблю, но тебя-то всякая полюбитъ. Неужели ты дѣйствительно полюбилъ меня тогда же, когда въ первый разъ ты меня здѣсь увидѣлъ? Ухъ, какая я была дикая. Помню, когда ты уѣхалъ въ институтъ, какъ я плакала. Думала ли я, что счастье мое такъ близко? Еслибы кто мнѣ сказалъ, что ты можешь меня полюбить, я бы обидѣлась: вообразила бы, что надо мною смѣются. Иногда и теперь въ голову приходитъ, что другая можетъ отбить тебя у меня; но я гоню эту мысль прочь. Можетъ ли такой человѣкъ, какъ мой Миша, мнѣ измѣнить? Да, конечно, нѣтъ! Тьфу, какая я дура! Но ты все-таки чаще мнѣ повторяй, что любишь. Я такъ счастлива, когда это слышу или читаю. И сколько разъ я перечла твои милыя строки!

„Когда ты уѣхалъ, я на двери сдѣлала черточки по числу дней до твоего пріѣзда, и по одной въ день зачеркиваю. Теперь зачеркнута ровно пятая часть—десять; осталось сорокъ. Я такъ дѣлала въ гимназіи, и, помню, чѣмъ меньше ихъ остается, тѣмъ время все медленнѣе идетъ.

„Ты меня спрашиваешь про мои отношенія къ матери твоей. Лучшихъ и желать нечего. Мы только про тебя и говоримъ. А такъ какъ я говорю отъ души, то она приходитъ въ восторгъ. И я ее за это люблю. Она вѣдь только и на свѣтѣ любитъ, что своего Мишу. Вчера, между прочимъ, мы долго говорили о тебѣ. Она смѣялась о своихъ мечтахъ для тебя, чтобы ты сдѣлался министромъ, ѣздилъ ко двору, а потомъ о богатствѣ (помнишь твое желаніе сдѣлаться Вандербильтомъ?). Потомъ она признавалась, что еще недавно хотѣла тебѣ невѣсту знатную, красивую, богатую, и что на первыхъ порахъ, когда узнала о твоемъ намѣреніи на мнѣ жениться, очень разочаровалась; но что теперь не только помирилась съ этою мыслью, но даже находитъ, что лучшей невѣсты для тебя не найти, потому что никто тебя такъ любить не будетъ, какъ я. Это ея слова—не мои. Кстати, какъ она до послѣдняго времени не замѣтила на-

шей любви? Я уже третій годъ знаю про нее, и, признаться, еще въ холеру думала, что ты объяснишься. Но такъ лучше и прочнѣе. Нина Николаевна велѣла мнѣ называть ее „маменькой", какъ ты ее зовешь, но я никакъ не могу привыкнуть. Она, было, хотѣла, чтобы я ей „ты" говорила, но на это я уже никогда не рѣшусь.

„Затѣмъ, мы говорили о твоемъ намѣреніи поселиться здѣсь окончательно и работать по земству. Ты знаешь мое мнѣніе насчетъ этого. Мнѣ кажется, что еслибы меня посадить въ городъ при самыхъ блестящихъ условіяхъ, я чувствовала бы себя какъ въ клѣткѣ, хотя бы и золотой. Положимъ, съ тобой и въ клѣткѣ будетъ хорошо, но все-же лучше на свободѣ. Правда, я кромѣ нашего губернскаго города, ни одного города не видала, но очевидно нигдѣ не будетъ того чуднаго воздуха, какой здѣсь у насъ. Ты видишь, я говорю: „у насъ", какъ ты хотѣлъ. Помнишь, мы прошлымъ лѣтомъ встали оба въ четвертомъ часу, когда солнце только собиралось всходить. Мужики начинали выѣзжать за снопами. Было свѣжо, и на зарѣ такъ и раздавался стукъ колесъ. Какъ они торопились! Потомъ, помнишь, начали везти рожь длинными вереницами, а порожнемъ опять скакали въ поле. Вѣдь этого не забудешь никогда, а въ городѣ этого нѣтъ! Правда, ты былъ со мной, но и безъ тебя я видала эту картину, и, признаюсь, уѣхать отъ нея не хотѣла бы. Говорятъ все про театры да про концерты. Правда, петербургскихъ театровъ я не видала, но все-же слышала Мазини, когда онъ давалъ концертъ въ городѣ, нѣсколько разъ была въ театрѣ, видѣла хорошихъ актеровъ, была на концертѣ Славянскаго. Ну, и петербургскіе театры могу себѣ представить: они побольше, даже гораздо больше, роскошнѣе, свѣтлѣе... но вѣдь тѣ же актеры, тотъ же Мазини... Конечно, все это хорошо, но сравниться все это съ деревенской природой, съ деревенскимъ тепломъ, съ деревенскимъ солнцемъ, не можетъ. А люди? Неужели ты сравнишь петербуржцевъ съ нашими несчастными ивановцами? Чего же я-то говорю? Но ты самъ лучше понимаешь, чѣмъ я. Какъ хорошо твое сравненіе жизни петербургской и здѣшней. Тамъ горе, прикрытое дѣланнымъ весельемъ;—здѣсь горе открытое, на виду у всѣхъ. Тамъ, чтобы вникнуть въ чужое горе, надо его долго искать и добиваться, въ чемъ дѣло;—здѣсь все на виду и само на тебя наталкивается. Тамъ рана закрытая, трудно доступная для леченія;—здѣсь рана открытая: только приходи и лечи. Вѣрно, вѣрно, другъ мой. Приходи и лечи, ты, человѣкъ умный, добрый, образованный; а я, насколько могу, тебѣ буду помогать.

„Говорила я, между прочимъ, съ твоей матерью о нашемъ намѣреніи устроить здѣсь пріютъ для сиротъ ивановскихъ. Опять шли у насъ длинные разговоры о пользѣ образованія для дѣтей. Она все напирала на то, что дѣти, прошедшія первый классъ, ничуть не лучше и даже не много развитѣе, чѣмъ не обучавшіеся вовсе. Я говорила, что если обученіе въ одноклассной школѣ плохо, то это не значитъ, что не нужно школъ, а что нужны двухклассныя школы. Разговоръ перешелъ на Николая Анатольевича и на его бывшихъ учениковъ. Тутъ у Нины Николаевны доводовъ не хватило, и она должна была согласиться, что Сергѣй и Маша, дѣйствительно, въ три мѣсяца, проведенные съ Николаемъ Анатольевичемъ, успѣли удивительно развиться.

„Теперь мнѣ нужно тебѣ разсказать, что̀ здѣсь произошло съ Машей и бабкой Катериной за это время. Но зовутъ къ обѣду; поэтому прерываю свое письмо.

„Опять берусь за перо. За обѣдомъ были гости: нашъ милый ветеринаръ, который пробуетъ прививать рожу свиньямъ, и къ нему присоединившійся Өедоръ Ивановичъ. Послѣ обѣда пришлось разливать чай. Разговоръ былъ интересный, но я его не слушала: все думала о тебѣ, мой дорогой; поэтому разлила сливки и разбила полоскательницу; содержимое ея залило весь столъ. Я переконфузилась; къ счастью, эта неловкость была приписана не мнѣ, а... тебѣ. Вѣдь, правда, ты виноватъ? Скажи, мой милый... Наконецъ, я освободилась, и опять тебѣ пишу. Что̀ это я хотѣла сказать? да, я хотѣла поговорить о бабкѣ Катеринѣ и о Машѣ. Удивительно, какъ скоро горе человѣческое, если не проходитъ, то, по крайней мѣрѣ, притупляется. Когда Сергѣй умеръ, я думала, да и ты тоже, что Катерина умереть должна вскорѣ. Между тѣмъ она не только не умерла, но какъ бы свыклась съ своимъ положеніемъ. Она такъ увѣрена, что мы не бросимъ ни ея, ни ея внуковъ, что о своей участи не безпокоится и на будущее смотритъ безъ страха. Когда я у нея бываю, она иногда даже смѣется и страшно радуется, когда ей дѣлаешь подарокъ. Дѣти, т.-е. внуки ея, совсѣмъ перестали смотрѣть дикарями. Когда я имъ приношу картинки, старшіе меня закидываютъ вопросами: „Это что? А это что? А это?“—Стараешься ихъ удовлетворить, насколько возможно. Я имъ говорю, что какъ лѣто пройдетъ, такъ имъ учиться надо. Они радуются. Вотъ намъ и начало нашего пріюта. А еще, пожалуй, придется взять дѣвочку Машину, когда мать умретъ. Конечно, ее охотно возьмутъ и Блоха, и Любаша; впрочемъ, все видно будетъ. Климачевы гнаться за нею не будутъ, потому что Кириллъ ее за свою

не признаетъ. Объ Аксюткѣ много говорила съ Машей, когда бывала у нея. Она согласна на все, лишь бы ея Аксютка была счастлива. Я ее уговорила не безпокоиться и вѣрить, что все будетъ сдѣлано къ лучшему.

„Ты, небось, удивляешься, что я такъ хладнокровно говорила съ Машей объ ея смерти. Дѣло въ томъ, что она сама такъ увѣрена въ близости своей смерти, что сердится, когда ее утѣшаютъ и говорятъ о выздоровленіи.

„Говорятъ, что чахоточные никогда не теряютъ надежды на выздоровленіе. Если это и правда, то во всякомъ случаѣ не относится къ Машѣ. Она видитъ въ смерти избавленіе отъ здѣшнихъ мукъ. Одна только Аксютка ее привязываетъ къ міру, да и насчетъ ея она, кажется, теперь покойна. Отецъ ея отъ нея не отходитъ, проситъ у нея прощенія, что загубилъ ее. Это ее очень разстроиваетъ. Великимъ утѣшеніемъ въ болѣзни служитъ ей то, что она лежитъ у своихъ, а не у мужа. Этотъ послѣдній каждую недѣлю является къ Купріяшинымъ за бѣльемъ. Блоха за Машу исполняетъ эту повинность. Онъ же нимало не смущается тѣмъ отвращеніемъ, которое возбуждаетъ въ женѣ и ея семействѣ, и даже разъ при родителяхъ сталъ ее попрекать Сергѣемъ, за что ему жестоко досталось отъ Евтѣя Евтѣича: онъ его порядкомъ-таки поколотилъ въ сѣняхъ. Тотъ ходилъ въ волостную жаловаться, но и изъ этого ничего не вышло, такъ какъ не было свидѣтелей.

„Дѣйствуетъ все это на Машу отвратительно: она худѣетъ изо дня въ день; теперь, буквально, остались кости да кожа, голосъ слабый, преслабый... еле говоритъ; постоянно приступы кашля, причемъ выплевываетъ кровь. Вставать она уже давно не встаетъ. Даже перевернуться ей иногда помогаетъ Любаша, которая такъ и живетъ у нихъ. Блоха такъ разстроена, что не годится ходить за больной. Николай Анатольевичъ часто заходитъ, но, конечно, только для успокоенія; заходилъ и Петръ Антоновичъ.

„Вотъ тебѣ всѣ извѣстія, которыя я могу тебѣ сообщить о Машѣ, согласно твоему желанію. Конечно, сердце надрывается бывать у нея, но что̀ же дѣлать? Думается, что эти посѣщенія могутъ служить для нея утѣшеніемъ,—и ходишь. Не могу не разсказать тебѣ моихъ послѣднихъ разговоровъ съ Машей“...

Здѣсь слѣдовало въ письмѣ Лизы краткое изложеніе этихъ разговоровъ. Но они были настолько содержательны, что нелишне будетъ привести ихъ подробно.

XXXVIII.

Дѣло было такъ. Съ недѣлю передъ тѣмъ, какъ ей писать это письмо, Елизавета Николаевна зашла къ Машѣ, которая попросила своихъ родныхъ выйти изъ комнаты и оставить ее одну съ Прытковой. Когда всѣ вышли, Маша начала плакать (вообще, послѣднее время рѣдко у нея слезы не катились изъ глазъ); подозвавъ Лизу къ себѣ поближе, она чуть слышно заговорила:

— Барышня, вы поговорите со мной немножко. Мнѣ хочется давно съ вами посовѣтоваться, да я все не выберу времени. Теперь я рѣшилась своихъ удалить. Можно съ вами поговорить откровенно?

— Можно, голубушка, можно. Я отвѣчу тебѣ, чтò думаю,— отвѣтила Лиза.

— Очень мнѣ тяжело, такъ тяжело, что и сказать не могу. Когда Сергѣй умеръ, я, признаться, не очень тужила. Мнѣ казалось легче умирать, когда я знаю, что не отъ него мнѣ уходить, а къ нему идти. Вѣдь лежишь, барышня, больная—какъ отлегнетъ отъ груди—чего, чего не передумаешь. Ну, конечно, все объ немъ думаешь больше: какъ мы учились, женихомъ и невѣстой были, какъ потомъ это несчастіе стряслось—ну, чего грѣха таить?—какъ мы съ нимъ видѣлись потомъ... послѣ свадьбы моей—все передумала. Вспоминала побои свои отъ отца и мужа изъ-за него, болѣзнь свою, ссылку его, смерть. Не выходилъ онъ у меня изъ головы, да и теперь не выходитъ. Да о комъ же мнѣ и думать передъ смертью, когда я съ дѣтства только о немъ и думала? Ну, какъ вы думаете, барышня, проститъ мнѣ Богъ, коли я о немъ думать буду?

— Я не понимаю твоего вопроса, Маша,—отвѣтила Лиза. —Чтò же, что ты о немъ думаешь? Вѣдь и нельзя, правда, не думать! Чего же тутъ прощать тебѣ?

— А вотъ чтò, послушайте, я вамъ разскажу, барышня. На страшнòй недѣлѣ хотѣлось мнѣ отговѣть въ церкви, страсть хотѣлось. Но Богъ не привелъ. Встать я уже не могла, какъ ни старалась. Попросила я мамушку въ великую субботу послать за священникомъ пріобщить меня. Послали: отецъ Петръ, какъ вы знаете, всю страшную и святую болѣлъ; поэтому пріѣхалъ отецъ Семенъ и началъ меня исповѣдывать. Я ему все говорила, чтò знала за собой, ничего не скрывая. Когда я говорила про свой грѣхъ, онъ головой качалъ и звалъ это вели-

кимъ грѣхомъ. Я и сама знаю, что великій. „Ну, если ты, говоритъ, раскаяваешься, то Богъ проститъ тебѣ и этотъ грѣхъ, и другіе; только ты должна съ мужемъ помириться, а обо всемъ этомъ и о Сергѣѣ не думать“.—Да я, батюшка, мужу охотно прощаю. Вѣдь не онъ виноватъ въ моемъ бракѣ. Да онъ мнѣ не проститъ; вотъ и дѣвочку за свою не считаетъ.— „Нѣтъ, ты-то сама злобу на него не питаешь? Прощаешь ему отъ души?“—Такой у меня въ это время приливъ добрыхъ чувствъ былъ, что я, дѣйствительно, отъ души примирилась съ мужемъ. Такъ я и отвѣтила батюшкѣ.—Да вотъ вы, батюшка, прибавили, чтобы я о Сергѣѣ не думала. Какъ же мнѣ не думать о немъ, коли въ немъ вся жизнь моя заключалась, коли я теперь умираю съ радостью, потому что онъ уже на небѣ и я туда же пойду?—„Думать о немъ ты не должна, потому что любила его, какъ жениха и какъ любовника. Ты Богомъ отдана мужу, и если съ любовью вспоминаешь о другомъ, то снова грѣшишь съ нимъ“.—Не могу я, батюшка, говорю я, забыть его. Вѣдь я, какъ почти помню себя, люблю его. Какъ же мнѣ не думать о немъ? Въ этомъ все мое утѣшеніе теперь.—„Такъ ты и теперь его любишь?“—Люблю, батюшка.—„Ну, это грѣхъ и грѣхъ великій; старайся, по крайней мѣрѣ, не думать о немъ, чтобы умереть тебѣ, если взаправду, какъ ты говоришь, не суждено тебѣ Богомъ выздоровѣть, побѣдить эту грѣшную любовь. Онъ долженъ для тебя быть совсѣмъ чужимъ человѣкомъ. Будешь стараться или нѣтъ? Обѣщаешься?“—Я обѣщалась, и онъ мнѣ далъ отпущеніе грѣховъ моихъ и причастилъ меня Святыхъ Таинъ. Послѣ этого я взаправду старалась откинуть и мысль о Сергѣѣ. Но вижу, что не могу. Я о немъ думаю не какъ о человѣкѣ только, а какъ о своемъ самомъ близкомъ другѣ, о женихѣ, съ которымъ буду вѣнчаться тамъ, на небѣ. И тяжело мнѣ стало, и съ каждымъ днемъ становится все тяжелѣе. А образъ Сергѣя мнѣ представляется все ближе, все ближе. Кажется, будто я оскорблю его, если перестану думать о немъ. Скажите, барышня, неужели правда—Богъ не проститъ мнѣ этого грѣха?

Чтò было Лизѣ отвѣтить ей? Она не хотѣла колебать авторитетъ священника, но не могла не утѣшить ея тѣмъ, что о. Семенъ имѣлъ въ виду вѣроятно любовныя мысли, а что думать о немъ, какъ о человѣкѣ, о другѣ, конечно, не воспрещается. Долго она съ ней объ этомъ еще говорила, но утѣшить ее не могла. Маша плакала, взывала къ Сергѣю и даже называла его своимъ мужемъ. Такъ Лиза и ушла. Прошли дня

два-три; Лиза узнала, что на селѣ ждутъ икону чудотворную изъ сосѣдняго монастыря. Она отправилась ее встрѣчать, отстояла всенощную въ церкви. Съ иконой пріѣхалъ монахъ-священникъ, о. Тихонъ. Высокій, съ черными волосами и бородой, онъ напоминалъ грека. У него болѣла нога и онъ хромалъ. О. Тихона Лиза всегда любила, да и весь народъ его уважалъ; онъ былъ человѣкъ не ученый, изъ крестьянъ, но очень добрый, а главное, простой; никакой въ немъ не было напускной торжественности. Говорилъ какъ всѣ люди, а иногда, когда читалъ молитву какую, слышны были слезы въ голосѣ, и опять же слезы не выжатыя, а естественныя. Вотъ Лизѣ и пришла мысль, что хорошо было бы, еслибы Маша у него исповѣдывалась. Послѣ всенощной—уже темно было—она забѣжала къ ней и предложила пригласить его. Та согласилась. Ночевалъ о. Тихонъ у Ардальоновыхъ. Лиза ему и говоритъ, что есть тутъ больная, которая хотѣла бы у него исповѣдаться и причаститься. Онъ сначала отказывался, но потомъ признался, что сдѣлать онъ это можетъ не иначе, какъ съ согласія мѣстнаго священника, да и даровъ-то у него нѣтъ, надо брать изъ церкви. На слѣдующее утро переговоры объ этомъ съ о. Петромъ Лиза взяла на себя. Тотъ, разумѣется, согласился. На другой день, послѣ обѣдни, стали обходить село съ иконой. Начали, конечно, съ барской усадьбы. Когда пришли къ Купріяшинымъ, отслужили молебенъ, съ акаѳистомъ и водосвятіемъ. Лиза тоже была тамъ. Маша плакала все... тихо, тихо. Она съ трудомъ голову поднимала. Затѣмъ всѣ вышли, вышла и Лиза, а о. Тихонъ началъ Машу исповѣдывать. Лиза въ этотъ день къ ней уже не ходила, чтобы дать ей отдохнуть, а на слѣдующій день пошла.

Приходитъ къ ней,—Маша улыбается и сейчасъ опять всѣхъ высылаетъ изъ комнаты.

— Ну, барышня, спасибо вамъ за совѣтъ. Такъ вы меня утѣшили, что и сказать не могу. Дайте же все разсказать по порядку. Передъ причастіемъ послала я Аѳоню къ мужу и сказала ему, что передъ смертью хотѣла причаститься и что придетъ ли онъ проститься. Онъ отвѣтилъ, что довольно я его мучила и что ему прощаться нечего. Ну, да Богъ съ нимъ. Я съ нимъ въ душѣ примирилась. А теперь разскажу вамъ свою исповѣдь... а не грѣшно исповѣдь разсказывать?

— Почему же? Священнику грѣхъ разсказывать чужіе грѣхи, а вѣдь исповѣдываться можно и передъ народомъ, не то что кому-нибудь свои грѣхи разсказывать.

— Ну, тѣмъ лучше. Такъ, вотъ, говорю о. Тихону, что на-

рушила супружескую вѣрность. Онъ меня спросилъ, по любви ли, или по разсчету. Я отвѣтила, что по любви, и разсказала все, какъ было: свое ученье съ Сергѣемъ, свое сватовство съ нимъ, наконецъ, какъ меня выдали насильно замужъ, про жизнь въ семьѣ мужа, однимъ словомъ—все до послѣднихъ помышленій. Онъ слушалъ внимательно и сказалъ: „Конечно, дитя мое, ты грѣшна; конечно, лучше бы было, еслибы ты и эту жертву принесла Богу, но что же? ты человѣкъ, а нѣтъ человѣка, который бы въ жизни не согрѣшилъ. Большій грѣхъ на тѣхъ, кто выдавалъ тебя замужъ насильно. Примирилась ли ты съ отцомъ?"
—Примирилась, батюшка, отъ всей души примирилась. Вѣдь такъ уже всѣ дѣлаютъ, что отдаютъ дѣвокъ насильно. А теперь какъ онъ любитъ меня! онъ больше моего страдаетъ. Нешто не вижу я, какъ онъ постарѣлъ за мою болѣзнь! Какъ же мнѣ не простить его? Я и къ мужу посылала, чтобы проститься, но онъ придти не хотѣлъ.—„Хорошо, дитя мое, хорошо, коли со всѣми примирилась. Богъ проститъ тебя, какъ и я прощаю". —А вотъ, батюшка, не грѣхъ, что я все думаю о Сергѣѣ?—Тутъ я ему открыла всѣ свои помыслы. „Вѣдь ты говорила,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—что умираешь, такъ, конечно, у тебя относительно покойника вѣдь помыслы не грѣшные, не то, что ты съ удовольствіемъ воспоминаешь о грѣхѣ своемъ?"—Нѣтъ, батюшка, конечно нѣтъ, отвѣчала я. „Ну, такъ что же? Не только ты можешь думать о немъ, но и должна думать. Думай, что если не суждено тебѣ съ нимъ было соединиться здѣсь законными узами, то тамъ вы будете вмѣстѣ. Никакого грѣха тутъ нѣтъ. Твоя любовь теперь чистая и грѣхъ твой Богъ проститъ тебѣ. Умирай спокойно. Хорошо, что ты смерти не боишься".—И онъ простилъ меня и причастилъ меня. О! какъ сладко мнѣ было! Какъ я хотѣла скорѣе умереть и идти къ моему Ермакову! Спасибо, спасибо, барышня, спасибо еще разъ за вашъ совѣтъ!—прибавила Маша.—Одно только обѣщайтесь, что когда я помру, вы сдѣлаете для Аксютки, что̀ лучше. Сами въ счастьѣ вашемъ съ бариномъ не забудете ея?

Лиза ей обѣщалась съ тѣмъ большею охотой, что наканунѣ видѣла Машину свекровь. Та называла Аксютку щенкомъ и только высказала опасеніе, какъ бы Купріяшины не стали ей навязывать дѣвочку, что̀ затруднитъ будущую женитьбу Кирилла. Лиза, смягчая выраженія, разсказала Машѣ про свой разговоръ съ Анной. Та была несказанно счастлива, цѣловала дѣвочку.—У тебя, моя голубка, вмѣсто меня будутъ три мамы: барышня, мамушка и сестра Люба. А мама твоя будетъ сверху о тебѣ молиться!

Долго онѣ еще говорили, поплакали вмѣстѣ, и Лиза оставила ее плачущею, но счастливою.—Прощайте, барышня, спасибо,—сказала Маша;—заходите, пока я жива.

XXXIX.

Чудное майское солнце свѣтило утромъ, нѣсколько дней послѣ событій, описанныхъ въ предыдущей главѣ. На открытой террасѣ на западной сторонѣ Ардальоновскаго дома, гдѣ теперь была тѣнь, у большого, неуклюжаго стола, работы домашняго столяра, выкрасившаго его подъ цвѣтъ садовой мебели въ зеленую краску, на качалкѣ сидѣла Елизавета Николаевна и разсѣянно смотрѣла на горничную, убиравшую со стола. Нина Николаевна, сейчасъ же послѣ чая, уже пошла хлопотать по хозяйству. Возили навозъ. Время было благопріятное, цѣна порядочная, а потому выѣхало чуть не полъ-села. Острый запахъ съ коннаго двора изрѣдка вѣтромъ доносился до Лизы. Столичная свѣтская женщина велѣла бы подать себѣ флаконъ съ духами или даже съ нашатырнымъ спиртомъ; но Лизѣ запахъ коннаго двора не только не казался противнымъ, но даже нравился. Съ дѣтства она привыкла его ощущать именно въ это время года, когда вывозится въ поле навозъ.

„Боже, какъ день хорошъ!—думала она.—И какъ хорошо на свѣтѣ! Ахъ, еслибъ Миша былъ здѣсь! Да онъ скоро пріѣдетъ и будетъ мой навсегда! О! тогда ужъ я его одного не отпущу никогда, куда бы онъ ни поѣхалъ. А онъ теперь, бѣдный, все, небось, надъ книгами сидитъ, и думать-то обо мнѣ некогда. Да, скоро, скоро...“

Горничная зашла послѣдній разъ на террасу и захватила съ собой скатерть. Лиза осталась одна и еще глубже погрузилась въ свои мысли о Мишѣ, счастьѣ и прелестяхъ майскаго утра въ деревнѣ... Не замѣтила она, какъ къ рѣшеткѣ террасы подбѣжалъ мальчишка лѣтъ четырнадцати, сынъ мельника, зятя Купріяшина.

— Барышня, барышня!—громко сказалъ онъ:—тетка Варвара васъ кличетъ. Сестра Маша отходитъ.

Лизу что-то кольнуло въ бокъ. Она нѣсколько секундъ какъ будто соображала, въ чемъ дѣло. Потомъ, не взявъ ни шляпы, ни зонтика, несмотря на яркое солнце, начинавшее порядочно припекать, побѣжала за мальчикомъ. Она скоро запыхалась и пошла тише.

„Господи, бѣдная Маша! — думала она на ходу. — Хоть и

ждетъ она смерти спокойно, а все, небось, жалко разстаться съ ребенкомъ, да и съ этимъ солнцемъ. Не увидитъ она его больше... бѣдная Маша!... И какъ это такъ скоро случилось? Вчера еще я сидѣла у нея. Правда, она страшно слаба и худа, а чувствовала себя, говорила, хорошо. Боли прошли и кашель не такъ мучилъ ее, какъ прежде. Да и аппетитъ все-таки былъ порядочный. А тутъ вдругъ отходитъ... Бѣдная, бѣдная Маша!"

По мѣрѣ того, какъ Лиза подходила къ дому мельника, гдѣ жили Купріяшины, она шла все тише и тише. Ей хотѣлось еще разъ увидать Машу живою; она понимала, что идти къ ней—ея обязанность, но смерти она никогда еще не видала, и ей было жутко. Она слышала и читала про страшныя агоніи, и боялась. Когда она съ мальчикомъ подошла къ квартирѣ Евтѣя Евтѣича, она шла совсѣмъ уже тихо.

На крыльцѣ и у оконъ толпился народъ; кто разговаривалъ о Машѣ, а кто старался заглянуть въ окно, чтобы посмотрѣть на умирающую. Въ особенности лѣзли къ окну ребятишки, для которыхъ это представлялось интереснымъ и для многихъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Когда Лиза подошла, всѣ обернулись къ ней и дали ей пройти. Взрослыя и старшія изъ дѣтей ей поклонились, а младшія, не кланяясь, смотрѣли на нее: это тоже зрѣлище было для нихъ любопытное.

Вошедши въ комнату, Лиза съ трудомъ пробралась до Машиной кровати. Въ избѣ столько стояло народу, что духота была невыносимая. Окна были всѣ закрыты. Дышать было тяжело не только умирающей отъ чахотки, но и здоровымъ. На кровати, блѣдная какъ воскъ, лежала Маша, съ закрытыми глазами. Лизѣ при первомъ взглядѣ показалось, что Маша уже умерла; но она сейчасъ же убѣдилась, что она дышетъ, хотя и рѣдко. У самой кровати стоялъ Евтѣй Евтѣичъ. Онъ былъ какъ истуканъ, не плакалъ и не сводилъ съ Маши глазъ. Блоха тоже смотрѣла на нее и машинально качала люльку. Люба стояла у изголовья и рыдала, изрѣдка прогоняя муху, назойливо лѣзшую въ глаза умирающей. Лиза подошла и взяла Машу за руку.

— Сестрица... сестрица,—сказала Люба,—барышня пришла тебя провѣдать. Слышишь, сестрица? Барышня пришла.

Всѣ стали смотрѣть на Машу, не отвѣтитъ ли. Умирающая пошевелила, было, губами, но звука не вышло. Нѣсколько слезъ выкатилось изъ глазъ ея. Она какъ будто понимала.

— Тебѣ хуже, Маша, да?—сказала Лиза, пересиливая схватывавшую ее за горло судорогу.—Я, вотъ, хотѣла тебя навѣстить,

да сказать, что мы Аксюту твою въ прiютъ возьмемъ учить. Ей хорошо будетъ.

Она понимала, что если Маша сознаетъ, что̀ кругомъ происходитъ, то ничто не можетъ быть ей прiятнѣе, какъ увѣренiе, что ея Аксюткѣ будетъ хорошо. У Маши снова полились слезы. Она сдѣлала усилiе поднять руку, можетъ быть, чтобы поблагодарить Лизу, можетъ быть, чтобы показать, что идетъ туда, на небо, къ нему. Стоявшiй въ комнатѣ разговоръ съ приходомъ Лизы прекратился: всѣ смотрѣли на Машу. Замолчала и Лиза. Нестерпимая жара, спертый воздухъ, торжественность обстановки, ожиданiе смерти, такъ подѣйствовали на нее, что ей чуть не сдѣлалось дурно. Она сдѣлала знакъ Любѣ, и вмѣстѣ онѣ вышли изъ избы. Выходя, она открыла оба окна.

— Какъ это случилось?—спросила Лиза.—Вчера еще она была ничего.

— Утромъ рано, барышня,—сквозь слезы отвѣтила Люба,—солнышко еще не вставало... я ходила съ мамушкой коровокъ подоить, сестрица еще спала. Потомъ, когда мы вернулись, она проснулась, спросила Аксютку, взяла ее къ себѣ на кровать и ласкала ее. Поѣсть захотѣла: мы и дали ей чайку съ молокомъ. Она еще сказала: „Мнѣ легко ноньче; охъ, кабы выйти; солнышко-то какое“. Ужъ такъ попозднѣе—солнышко порядочно взошло—она закашляла, закашляла... кровь пошла, много ея вышло... Она и сказала только: „Конецъ, прощайте“... потомъ еще сказала: „Аксютку берегите... барышнѣ скажите“... потомъ заплакала и все рукой наверхъ показывала... на небо, знать... а говорить-то ужъ не могла. Я и послала за вами Митю... Вотъ теперь за священникомъ бы,—соборовать-то мы ее на святой соборовали, а вотъ отходную бы прочесть...

Люба опять зарыдала.

— Лучше ужъ ея не безпокоить. Да народъ этотъ въ избѣ шумитъ. Только тревожатъ ее разговоромъ,—замѣтила Лиза.—Да не плачь такъ: слезами не поможешь.

— Я пойду туда, барышня. А то не увижу, какъ отойдетъ.

Съ этими словами, Люба вошла въ домъ. Елизавета Николаевна еще постояла на крыльцѣ. Кругомъ избы народу было еще больше прежняго. Разговаривали совсѣмъ громко, кто о Машѣ, а кто и о постороннихъ предметахъ. Маленькiя дѣти всѣ подошли къ Лизѣ и съ открытыми ртами смотрѣли ей въ глаза. Постарше которыя—шалили. Старикъ какой-то поймалъ одного шалуна и оттрепалъ его за волосы.

— Вы что̀, сопляки, сюда баловаться пришли, что-ль? Я вамъ задамъ...—Ребятишки отбѣжали и продолжали возиться.

„Боже мой!—подумала Лиза.—Зачѣмъ это? Умираетъ человѣкъ хорошій, молодой. А тутъ люди собрались такъ себѣ... и не думаютъ о ней. Да и солнце-то свѣтитъ и грѣетъ... И ему дѣла нѣтъ до нея... А она страдаетъ! Бѣдная Маша!“

Подошелъ Изюмовъ: въ больницѣ ему кто-то успѣлъ сказать, что Маша отходитъ... Онъ шелъ не помочь ей, а проститься. Онъ молча подалъ руку Лизѣ. Оба вошли въ избу. Какая-то старуха громко, не стѣсняясь тѣмъ, слышитъ ли ее умирающая, или нѣтъ, совала Блохѣ кусокъ ладану, по ея словамъ, изъ стараго Іерусалима, и приказывала истолочь толкушкой и дать ей понюхать.

— Я вотъ такъ, какъ-то, дала понюхать его... ладану то... одному старичку... тоже, вотъ, отходилъ... такъ ожилъ... вѣрно слово, ожилъ... два года еще жилъ... и все отъ ладану этого самаго.

Изюмовъ и Лиза съ трудомъ протолкались. Несмотря на открытыя окна, воздухъ все былъ тяжелый. Изюмовъ обратился къ народу:

— Уходите всѣ, кто такъ пришелъ. Вѣдь вы не помочь пришли, а такъ, глаза продавать. Уходите, уходите... родня одна пусть остается... Ну, бабушка, уходи.

Народъ сталъ выходить нѐхотя и не безъ напоминаній.

— Вѣдь мы поглядѣть пришли.

— Мы ничего; мы нешто мѣшаемъ кому?

— А я такъ вовсе родня дальняя прихожусь.

Кое-какъ всѣ вышли; остались только самые близкіе родные, да Анюта, Машина подруга, все время плакавшая. Видно было, что не праздное любопытство ее сюда привело.

Изюмовъ, для очищенія совѣсти, взялъ висѣвшую руку Маши и пощупалъ пульсъ, потомъ послушалъ сердце, послѣдилъ за дыханіемъ и отошелъ.

— Скоро конецъ,—шопотомъ сказалъ онъ Лизѣ.

— А какъ вы думаете,—спросила та,—сознаетъ она еще, что̀ кругомъ происходитъ?

— Трудно сказать, Елизавета Николаевна. Можетъ быть, и сознаетъ, хотя врядъ-ли.

— Отчего же у нея слезы все текутъ?

— Это, можетъ быть, рефлективное явленіе.

Они снова подошли къ Машѣ, сѣли на лавку неподалеку и смотрѣли на нее. Люба все отгоняла мухъ отъ больной. Прошло

не болѣе получаса. Вдругъ Маша вздохнула глубоко и перестала дышать. Всѣ встали и подошли. Блоха взяла ее за руку и стала на колѣни. Казалось, все кончено... но она еще разъ вздохнула еще глубже. Голова ея скатилась немного на бокъ. Всѣ молчали. Прошло минутъ пять.

— Все кончено. Отошла,—сказалъ Изюмовъ.

Рыданья и всхлипыванья Любы, Аѳони, Анюты перешли и на Лизу. Плакалъ и Изюмовъ. Евтѣй Евтѣичъ бросился къ трупу дочери не съ рыданьемъ, а съ какимъ-то воемъ.

— Дочь моя, Маша! Прости меня — я твой убійца... я убійца!

Изюмовъ далъ ему поцѣловать ея руку и почти насильно увелъ его не на улицу, гдѣ было много народу, а на дворъ. Блоха все стояла на колѣняхъ, крестилась сама и ее крестила, закрыла ей глаза и не плакала.

— Надо приготовить ее убирать,—сказала спокойно она.

— Варвара, голубушка, выйдемъ! — говорила Лиза:—безъ тебя уберутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Кто же ее уберетъ, какъ не я. Вѣдь послѣдній разъ мнѣ хлопотать за ней. Господи, да не найду ничего, гдѣ что̀ положила.

Она вышла и пошла къ чулану въ сѣняхъ, гдѣ стоялъ ея сундукъ, спасенный отъ пожара. Она его отперла и стала перебирать. Лиза пошла за ней.

— Вотъ рубашка льняная тонкая. Я себѣ все это готовила на смерть, а вотъ кому понадобилась. Надо хорошенько убрать ее.

Подъ руку ей попались дѣтскіе башмачки. Она бросилась на колѣни, сжала руками голову и громко зарыдала:

— Башмачки... это ея башмачки... когда она была маленькая... она ихъ не износила... я и прибрала ихъ... Маша... моя... что̀ со мной будетъ безъ тебя?.. свѣтъ мой... послѣдній разъ убираю тебя... Маша бѣдная...

Долго еще рыдала и причитала она. Лиза уговаривала ее, какъ могла, и плакала сама. Наконецъ, старуха собрала кучку бѣлья и пошла одѣвать свою дочь...

Пока она возилась въ чуланѣ, народъ снова набился въ комнату, гдѣ лежала покойница. Смерть ея, а главное смерть Сергѣя, примирила съ нею народъ. Машу жалѣли.

Извѣстіе о ея смерти быстро разошлось и дошло до барскаго двора, гдѣ въ числѣ прочихъ возилъ навозъ и Кириллъ Клипачевъ съ работникомъ. Приказавъ ему возить и не лѣниться, онъ пошелъ на квартиру Купріяшиныхъ. Какъ былъ, въ лаптяхъ

и грязной рваной шубѣ, онъ вошелъ въ комнату, поклонился въ землю праху жены и обратился къ стоявшему у кровати тестю:

— Ну, что же, померла жена-то моя. Ужъ хоронить и поминать ее—ваше дѣло. Кабы она у меня померла, ну такое дѣло—я бы ее похоронилъ и помянулъ; а то вы ее къ себѣ взяли больную—вы и хороните.

Въ другое время Евтѣй Евтѣичъ на него накинулся бы, но при умершей дочери онъ бы счелъ, что оскорбляетъ ее, еслибы связался съ нимъ. Несмотря на всю свою ненависть къ нему, онъ сдержался и тихо сказалъ:

— Уйди, пожалуйста. Небось, тебѣ кланяться не будемъ. Похоронимъ, помянемъ покойницу не хуже вашего.

Успокоенный Кириллъ пошелъ опять на работу, впередъ зашедши къ матери, которой сообщилъ о разговорѣ съ тестемъ.

— А то какъ же,—сказала она:—еще бы намъ ее поминать. Мы и такъ на свадьбу довольно похарчились. Она мужа не то женатымъ, не то холостымъ сдѣлала. Изъ дому убѣжала, а мы хорони... Какъ бы не такъ. А что щенка-то видѣлъ? Какъ бы намъ не подбросили?

— Видѣлъ. Сестра его на рукахъ носитъ. Небось, не подбросятъ... Ну, мнѣ, мамушка, пора, а то Ѳедюха одинъ не много наработаетъ.

И пошелъ возить свой навозъ.

XL.

Похороны Маши пришлись въ воскресенье. Послѣ заутрени, діаконъ съ псаломщикомъ и образами пошелъ ее выносить. Послѣ короткой литіи, сосновый гробъ съ покойницей подняли и понесли. Слыша перезвонъ, всѣ выходили по дорогѣ изъ своихъ домовъ: кто кланялся покойницѣ, кто шелъ въ церковь за гробомъ, а кто и скамейку выносилъ. Гробъ ставили на эту скамейку, діаконъ наскоро служилъ литію и получалъ условленныя три копѣйки; псаломщикъ же уносилъ краюху хлѣба. Литіи отслужили родственники покойницы, хотя бы самые дальніе, Анюта, дѣдъ Никифоръ. Когда приблизились къ церкви, толпа была уже большая. Евтѣй Евтѣичъ и Аѳоня, въ числѣ прочихъ, несли гробъ; сзади шли молча мать и сестра, мужъ и свекровь.

— Вотъ несчастная, никто и не кричитъ по ней,—сказала какая-то старуха.

— Кабы Блоха крестьянка была, она бы кричала. А то она въ это не вѣритъ. А Климачева старуха, вишь, идетъ—чисто аспидъ какой.

Заголосили, было, Анюта и еще одна подруга Машина, но не надолго, когда ужъ подходили къ церкви. Гробъ внесли и поставили на скамейку въ заднемъ лѣвомъ углу.

Въ церковь набралось много народу. Погода была чудная, работъ спѣшныхъ въ полѣ никакихъ, а тутъ еще похороны Маши. На лѣвомъ крылосѣ сидѣла Нина Николаевна, часто оглядывавшаяся въ черепаховый лорнетъ. Тутъ же стояла Лиза. Ѳедосѣенко подтягивалъ, по обычаю, пѣвчимъ. Служилъ отецъ Петръ. Вмѣсто причастнаго стиха, отецъ Семенъ говорилъ проповѣдь на евангельскій текстъ: „Если глазъ соблазняетъ тебя, вырви его"... Мужики, по обычаю, ничего не поняли; Лиза же нашла проповѣдь неумѣстною передъ гробомъ Маши.

Послѣ обѣдни осталось много народу, пожелавшаго проводить молодую женщину до послѣдняго жилища. Осталась и Лиза. Изюмовъ же пришелъ къ концу обѣдни. Наконецъ, служба кончилась и гробъ понесли на кладбище. Впереди шелъ отецъ Петръ съ діакономъ и несли образа. Могила была готова. Литія... нѣсколько горстей земли, брошенныхъ родными на гробъ... рыданья матери, отца и сестры... послѣднее „царствіе ей небесное"... и могилу начали закапывать. Народъ сталъ расходиться.

Раньше всѣхъ ушли отецъ Петръ съ діакономъ. Вмѣстѣ съ ними отправились доктора.

— Жалко, жалко бабёнку,—говорилъ Петръ Антоновичъ.— Когда хоронишь старика, такъ какъ будто и надо. Ребенка тоже не такъ-то жалко: еще не знаешь, что̀ бы изъ него вышло. А вотъ такая смерть—живмя—жалко. Давно ли была здоровая, веселая дѣвка, а теперь подъ-жъ ты. Какъ будто и жить ей надо было— анъ нѣтъ ужъ ея.

— Для нея,—отвѣтилъ Изюмовъ,—это,, пожалуй, и къ лучшему. Какое ей съ мужемъ житье было?! Мнѣ, признаться, жалчѣе ее было, когда ее вѣнчали, нежели когда хоронили. Успоконлась; а то бы вѣкъ мучиться.

— Ну, почему же мучиться?—замѣтилъ отецъ Петръ:—вѣдь сама она виновата. Кабы, правда, мужъ ея пьяница былъ какой или мотыга, ну, тогда доподлинно такъ; а вѣдь какъ пословица-то: кто за чѣмъ пойдетъ, того и найдетъ. Сама не хотѣла дружно жить съ мужемъ. Такъ и пеняй на себя.

Изюмовъ разсердился.

— Какъ это вамъ, батюшка, не грѣхъ такъ говорить? По

вашей же пословицѣ, шла она за Сергѣя, а нашла Кирилла. Кто же виноватъ? Знаемъ, знаемъ вашу теорію: „изми око, соблазняющее тебя“, какъ говорилъ сегодня отецъ Семенъ. Кто же противъ этого споритъ? Конечно, она не святая была... покойница. А все же камень въ нее бросить не слѣдъ. Самъ отецъ ея себя убійцей называетъ. Чего же ее-то винить?

— Да, да... вы, молодые люди, теперь все по новому,—возразилъ о. Петръ. — А по старому такъ бывало: не о любвяхъ думали дѣвушки, а выдадутъ замужъ и пойдутъ, и держатъ законъ. Да чего о нихъ говорить? Я, вотъ, до свадьбы свою невѣсту всего два раза видѣлъ. Женили покойники родители—дай Богъ имъ царство небесное... и поднесь съ попадьей душа въ душу живемъ. Чего тамъ толковать! А теперь родителей-то и спрашивать не хотятъ. Вотъ и идетъ кутерьма.

Здѣсь разговóръ прекратился: духовные дошли до церковныхъ усадебъ, а доктора пошли дальше, къ больницѣ.

— Ну, прощайте, господа,—прибавилъ отецъ Петръ.—Намъ домой на минутку, а тамъ, видите, мальчишка на Евтѣй-Евтѣичевой пѣгушѣ за нами пріѣхалъ. Ну, что, малюга, за нами что-ль? — прибавилъ онъ, покрякивая и потирая руки.

Другой дорогой шли домой Анна и Кириллъ Климачевы; съ ними шли нѣсколько человѣкъ сосѣдей.

— Ну, чтò, сваха?—спрашивала пожилая женщина, шедшая рядомъ съ ней:—небось, малаго-то теперь женить надо? А? За него и дѣвка пойдетъ.

— А то какъ же не женить? Мое дѣло теперь, тоже, хоть ложись да умирай. Старикъ съ печки не сходитъ. Да и моей мочи нѣтъ. И малый-то кабы перестарокъ какой былъ. А то почему же дѣвкѣ за него не идти?

— Ну, а нарядъ-то у покойницы неужто у Блохи останется, сваха?

— Нарядъ-то,—замѣтилъ Кириллъ,—хоть бы и слѣдъ взять, да ну-ка они дѣвку-то подкинутъ. Тогда чтò? На дѣвку-то не такъ вотъ скоро невѣсту найдешь.

— Нешто они дѣвку подкинутъ? Сестра Арина сказывала, будто мельничиха ей говорила, что барышня хочетъ дѣвку-то къ себѣ взять. Дѣвку они не отдадутъ. А нарядъ можно и судомъ вернуть.

— Оно, знамо дѣло,—замѣтила старуха,—нарядъ-то хорошій. Шубу крытую мы дѣлали, поддёвку сукопную, безрукавку плисовую — все мы. Опять двое сапогъ, коты,—все наше, мы

къ свадьбѣ припасали. Все новое, почитай; она и не носила, почесть, ничего. Можно и судомъ оттягать, коли не отдадутъ.

— Ну, мамушка, судиться съ ними не дай Богъ. Нешто старшина противъ тестя моего пойдетъ. Грѣхъ одинъ будетъ, да не оттягаешь ничего. Пущай, Богъ съ ними, подавятся нашимъ добромъ. Мы еще наживемъ. А тамъ, скажутъ, мы и поминать должны. Они, слышь, сорокоустъ заказали, да поминъ богатый собираютъ.

— Да, хорошъ сватòкъ,—замѣтила старуха:—зятя и не позвалъ жену помянуть. Какого же отъ него добра ждать? Какіе были, такіе идолы и останутся.

За этимъ разговоромъ они вернулись домой.

Послѣдними остались на могилѣ старики Купріяшины съ дочерью и сыновьями, Лиза съ Минавной, Анюта и дѣдъ Никифоръ. Когда засыпали могилу, старики долго не могли оторваться отъ нея.

— Прости меня, дочка! — говорилъ Евтѣй Евтѣичъ.—Тебѣ бы жить теперь, кабы не я. Прости меня!

— Пойдемъ, Евтѣй Евтѣичъ,—говорила Лиза.—Дома помолишься. Вѣдь ты знаешь, что дочь твоя простила тебя.

— Простила-то простила. Она всѣхъ простила; и мужа простила. Да каково мнѣ-то глядѣть на эту могилу? Вѣдь, не будь моя гордость проклятая, она бы и теперь жива была, сердечная. Мнѣ-то каково?

Блоха, почти лежа на землѣ, обнимала могильный курганъ.

— Пойдемъ, мамушка, — говорила Люба, — не убивайся. Надо домой идти помянуть сестру. Батюшка, небось, скоро пріѣдетъ. Я Митю за нимъ послала. Не вернешь ея слезами. Надо объ Аксюткѣ подумать.

— Да, да, надо о ней подумать. — отвѣчала Блоха, поднимаясь.—Ну, Маша, прощай!—прибавила она еще разъ.

Всѣ пошли на село.

— Какъ вы думаете, барышня, — спрашивала Блоха:—чтò же намъ, правда, съ Аксюткой-то дѣлать? — Вы ужъ посовѣтуйте.

— Чего же я тебѣ, Варвара, посовѣтую? Дѣло твое. Хочешь ее оставить у себя, оставляй. Я, конечно, не прочь ее взять. Да пока она маленькая, лучше бы, конечно, ей у тебя было. Какъ хочешь. Климачевы отъ нея отступились. Это я вѣрно знаю. Они рады отъ нея отдѣлаться.

— А я нешто дала бы ее? Я и то хотѣла ее у себя оставить. Она мнѣ замѣсто Маши будетъ. Она вся въ мать. Тѣ же

глаза—чисто Маша моя, когда была у грудей. Нешто я отъ нея отказываюсь?

— Ну, такъ что же? Лучшаго и желать нечего,—отвѣтила Лиза. — Послѣ, когда ее учить надо будетъ, тогда поговоримъ. А теперь нечего и разсуждать. Да и дѣдушка радоваться будетъ на нее.

— Дѣдушкѣ теперь не на радость ничто, — отвѣтилъ Купріяшинъ.— Дѣдушка тоже своей могилки ждетъ рядомъ съ дочкой.

Лиза взглянула на Евтѣя Евтѣича. Куда, правда, дѣвалась его бодрая, коренастая осанка? Въ три мѣсяца онъ, казалось, на двадцать лѣтъ постарѣлъ. Рядомъ съ нимъ шелъ дѣдъ Никифоръ.

— Спасибо, дѣдъ Никифоръ, что проводилъ съ нами Машу-то. Помнишь, я тебя, на свадьбѣ-то ея, какъ обидѣлъ? Прости меня, Христа ради.

— Богъ проститъ, Евтѣй Евтѣичъ; а я и думать забылъ. Помянемъ ее лучше по добру. Что же? вѣдь и ты ей не зла хотѣлъ, а добра.

Лиза проводила ихъ до дому и стала прощаться.

— Ну, что, барышня, не зайдете поминать Машу-то?—спросила Блоха.

— Нѣтъ ужъ, Варвара, помяните ее безъ меня. Я дома за нее помолюсь.

Когда Лиза вернулась, уже обѣдъ былъ поданъ.

— Устала, небось, Лиза? — спросила Нина Николаевна.— Фу... солнце-то какъ печетъ, а ты все пѣшкомъ ходишь.

— Нѣтъ, не устала, Нина Николаевна, а, правда, тяжело. Жалко стариковъ, да и ее жалко... Бррр... какъ тамъ холодно должно быть!... Бѣдная Маша!

Александръ Новиковъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА

въ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

IV *).

Новое направленіе.

Центръ тяжести значенія возобновлявшихся съ 1864 года работъ по крестьянскому дѣлу состоялъ, конечно, не въ производствѣ обязательнаго выкупа, а въ возможности тщательной повѣрки уставныхъ грамотъ.

Выкупъ, главнымъ образомъ, измѣнялъ собственно документальную сторону дѣла. Онъ обѣщалъ крестьянамъ названіе „собственниковъ", выдачу крѣпостного акта на владѣніе надѣломъ, въ формѣ традиціонной „данной", обреченной на храненіе въ волостномъ правленіи, а изъ болѣе наглядныхъ послѣдствій приносилъ прекращеніе непосредственныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ по требованію обязательныхъ работъ и формальную сбавку вычисленныхъ по грамотамъ повинностей на 20 процентовъ. Впрочемъ, и значеніе этой сбавки стушевывалось чувствительностью перехода съ издѣльныхъ работъ на непривычные денежные платежи и прежнею небезусловною обязательностью

*) См. выше: августъ, стр. 754.

сбавляемыхъ суммъ. Уплата упомянутыхъ 20 процентовъ нигдѣ закономъ не требовалась непремѣнно: при устройствѣ добровольнаго выкупа она зависѣла отъ соглашенія сторонъ, а гдѣ выкупъ совершался обязательно, по требованію одного помѣщика,— т.-е. вслѣдствіе его нетерпѣливости, — тамъ помѣщикъ долженъ былъ отказываться отъ полученія этихъ процентовъ. Потому, въ сравненіи съ крестьянами, получавшими выкупъ безъ изъявленія собственнаго на то желанія, главная масса юго-западнаго крестьянства отъ обязательнаго выкупа даже не выигрывала ничего.

Совершенно иное значеніе имѣла повѣрка уставныхъ грамотъ по существу. При тщательномъ, участливомъ производствѣ ея представлялась возможность реставрировать всѣ установленныя прежде крестьянскія права, на которыхъ легъ уже густой слой разныхъ искаженій, существенно исправить земельное устройство и войти въ серьезную критику назначенныхъ повинностей. При такой повѣркѣ, крестьяне дѣйствительно могли быть выведены на новый путь и улучшить свое благосостояніе.

Но достиженіе подобныхъ результатовъ требовало въ ту пору многаго. Надо было внести въ повѣрочное дѣло духъ жизни, вызвавъ сочувственное участіе къ нему во всѣхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ въ различныхъ углахъ губерній, а также облегчить результатамъ мѣстныхъ повѣрочныхъ работъ успѣшность дальнѣйшаго движенія. Очень важны были исполнительные пріемы, вмѣстѣ съ дополненіемъ отрывочнаго и непослѣдовательнаго законодательства. Затрудненій въ этомъ отношеніи была въ первое время цѣлая масса. Мѣстныя административныя вліянія были неблагопріятны, при безхарактерности генералъ-губернатора и плохомъ составѣ губернаторовъ, а затѣмъ стоялъ большой вопросъ объ образованіи удовлетворительнаго личнаго состава мировыхъ съѣздовъ. Возникала опасность, что дѣло попадетъ въ руки ординарныхъ чиновниковъ, понимающихъ лишь бездушную внѣшнюю исполнительность, неохочихъ брать на себя лишнее безпокойство и пренебрежительно относящихся къ крестьянскимъ интересамъ. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ все дѣло могло быть сведено къ безсодержательной формалистикѣ. Можно было показать крестьянамъ уставную грамоту, кое-какъ, наскоро, объявить имъ, что̀ отъ нихъ требуется, высокомѣрно отнестись къ робкимъ и не сразу яснымъ возраженіямъ прошедшихъ предыдущую школу уполномоченныхъ, въ исключительныхъ случаяхъ ради внѣшности продѣлать мѣстныя дознанія, при которыхъ каждый въ своемъ углу дѣйствовалъ бы по-своему, а затѣмъ—перевести цифры изъ уставныхъ грамотъ въ

новые документы—„выкупные акты“—и считать дѣло завершеннымъ, укрѣпляя новою правительственною мѣрою наличное положеніе. Къ такому исходу и склоняли дѣло верхнія вліянія. Помимо мѣстнаго начальства, и министерство внутреннихъ дѣлъ стремилось къ скорѣйшему окончанію дѣла безъ дальнихъ осложненій; съ этимъ согласовался также данный для всѣхъ повѣрочныхъ дѣйствій срокъ. Въ каждомъ уѣздѣ было не менѣе полутораста уставныхъ грамотъ— что же можно было успѣть сдѣлать съ ними въ 365 дней, даже при одной поверхностной переспискѣ, обставлявшей повѣрочный процессъ? Считаясь съ такимъ срокомъ и установленнымъ сложнымъ порядкомъ, пришлось бы все дѣлать какъ-нибудь, лишь бы не опоздать. При назначеніи этого срока упущена была изъ виду даже необходимая для точнаго опредѣленія земли и повинностей землемѣрная съёмка надѣловъ, такъ какъ обмѣрить всѣ селенія въ подобный періодъ, да еще при существовавшемъ недостаткѣ надежныхъ землемѣровъ, не было никакой возможности. Прежде, для каждаго отдѣльнаго выкупа по требованію помѣщиковъ законъ требовалъ плановъ, а когда выкупъ производился повсюду, обязательно,— нужда въ планахъ была еще сильнѣе, и при отсутствіи ихъ пришлось бы строить всю выкупную операцію на примѣрныхъ, непровѣренныхъ цифровыхъ данныхъ, т.-е. рисковать большими ошибками, съ которыми не вязалось самое понятіе „повѣрки“. Вотъ какіе вопросы выступали уже въ концѣ 1863 года, и на все это нигдѣ опредѣленнаго отвѣта не встрѣчалось.

Но тутъ вошелъ въ дѣло новый важный элементъ, въ значительной степени предопредѣлившій судьбу мѣстнаго крестьянскаго дѣла. Въ помощь генералъ-губернатору учреждена была въ Кіевѣ „Временная коммиссія для исполнительныхъ распоряженій по Высочайшему указу 30 іюля 1863 года“, короткое существованіе которой дало рѣшительный поворотъ дѣлу, почему она и заслуживаетъ своего рода исторической страницы.

Высочайше утвержденнымъ 20 ноября 1863 года Положеніемъ, эта коммиссія учреждена была подъ предсѣдательствомъ кіевскаго генералъ-губернатора, причемъ на нее возложено было: „направленіе дѣйствій губернскихъ присутствій и мировыхъ съѣздовъ къ успѣшному выполненію обращенія уставныхъ грамотъ въ выкупные акты и по дѣламъ, къ сему относящимся“. Всѣ дѣла въ этой коммиссіи подлежали коллегіальному разрѣшенію, и лишь при несогласіи генералъ-губернатора съ большинствомъ, возбудившія такое разнорѣчіе дѣла должны были направляться въ министерство внутреннихъ дѣлъ. При этихъ усло-

віяхъ, хотя за генералъ-губернаторомъ оставлялась власть, причемъ члены коммиссіи являлись формально подчиненными ему чиновниками, но все-же такое важное условіе, какъ „направленіе“, ограничивалось вліяніемъ коллегіальности. Сами по себѣ, безъ генералъ-губернатора, члены коммиссіи не могли дѣлать никакихъ распоряженій и во многихъ случаяхъ должны были обращаться къ его же власти, но зато и онъ въ сферѣ направленія лишался рѣшающаго голоса, почему ему оставалось или подписывать вмѣстѣ съ членами коммиссіи, или предпринимать громоздкое дѣло обращенія къ министерству. Крестьянское дѣло въ Кіевѣ перешло изъ генералъ-губернаторской канцеляріи въ коммиссію. На учрежденіе послѣдней смотрѣли какъ на установленіе своего рода опеки надъ малоспособнымъ для такого дѣла генераломъ Анненковымъ; но съ другой стороны и положеніе коммиссіи выходило двойственнымъ, малоопредѣленнымъ, такъ какъ здѣсь соединялись условія подчиненности и самостоятельности въ мнѣніяхъ по вопросамъ большой важности, привлекавшимъ къ себѣ общее вниманіе. При рѣшительномъ, систематическомъ разнорѣчіи, задача коммиссіи могла сводиться, такъ сказать, къ академическому рѣшенію принципіальныхъ вопросовъ и дѣло могло тормозиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ коммиссіи открывался просторъ значенію личной способности, личной иниціативы, знанія и участія къ интересамъ дѣла. Составъ коммиссіи образовался изъ людей живыхъ, дѣйствительно способныхъ, умѣвшихъ охватить дѣло во всемъ его значеніи, вширь и вглубь, понимавшихъ какъ общую суть, такъ и подробности каждаго возникавшаго вопроса, почему нельзя на остановиться на личной характеристикѣ отдѣльныхъ членовъ коммиссіи. Вице-предсѣдателемъ ея назначенъ былъ Г. П. Галаганъ, а членами—А. Ѳ. Воронинъ и Ѳ. П. Сабанѣевъ.

Григорій Павловичъ Галаганъ, умершій въ восьмидесятыхъ годахъ членомъ государственнаго совѣта, учредитель извѣстной кіевской „коллегіи“, для которой онъ пожертвовалъ часть своихъ малороссійскихъ имѣній и капиталъ, самъ былъ членомъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, слѣдовательно знакомъ съ ходомъ этого дѣла и обставлявшихъ его условій въ высшихъ сферахъ. Очень богатый помѣщикъ черниговской и полтавской губерній, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ и большими связями, ученикъ московскаго славянофила Ѳ. В. Чижова, примыкавшій по своимъ воззрѣніямъ къ славянофильской группѣ, Г. П. Галаганъ имѣлъ самостоятельныя убѣжденія и по крестьянскому, и по другимъ политическимъ вопросамъ, проводя

ихъ съ необходимою независимостью и относясь очень участливо къ крестьянскому положенію. Юго-западные враги его, недовольные его направленіемъ по крестьянскому дѣлу, старались приписывать ему двойственность стремленій: „Вашъ Галаганъ,—говаривали они,—какъ двуликій Янусъ, на правой сторонѣ Днѣпра горою стоитъ за крестьянъ, а на лѣвой, у себя, въ малороссійскихъ имѣніяхъ, разорилъ ихъ“. Зная свойства враждебныхъ сплетенъ, я, конечно, не придавалъ имъ значенія, но признаюсь, что онѣ все-таки забрасывали въ меня нѣкоторое зерно сомнѣнія. Однако, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, уже послѣ смерти Г. П. Галагана, когда я, разъѣзжая по обязанностямъ члена совѣта крестьянскаго банка, посѣтилъ, между прочимъ, два изъ бывшихъ его черниговскихъ имѣній, я слышалъ отъ крестьянской толпы такіе теплые отзывы о покойникѣ, какихъ дай Богъ всякому общественному дѣятелю и частному человѣку. Передавая различныя черты отношеній Г. П. Галагана къ крестьянству и частные случаи, крестьяне перемежали свои разсказы восклицаніями: „царство его душѣ!“, „покой его душѣ!“ и т. д., что̀ произвело на меня уже совсѣмъ удовлетворяющее, успокоивающее впечатлѣніе. Послѣ своихъ трудовъ въ кіевской Временной коммиссіи, Галаганъ принималъ большое участіе въ земской дѣятельности Малороссіи, въ мировыхъ съѣздахъ и т. д., и оттуда какъ-то неожиданно былъ призванъ въ члены государственнаго совѣта.

Александръ Ѳедосѣевичъ Воронинъ по положенію своему былъ чиновникъ. Когда-то онъ состоялъ правителемъ канцеляріи подольскаго губернатора, потомъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ Кіевѣ при генералъ-губернаторѣ. Человѣкъ умный, образованный, очень способный, съ большою инціативою и знатокъ дѣлового механизма, онъ былъ охваченъ тѣмъ общественнымъ движеніемъ, какое появилось у насъ въ эпоху крестьянской реформы, и надолго отдался интересамъ крестьянскаго дѣла въ краѣ. Будучи одинокъ, онъ въ 1864 году весь погрузился въ это дѣло, которому продолжалъ съ большимъ вліяніемъ служить и послѣ закрытія Временной коммиссіи. Въ послѣдней онъ былъ главною рабочею силою. Впослѣдствіи, ему случайно пришлось разбогатѣть, вслѣдствіе дешевой покупки съ торговъ большого имѣнія, частію въ долгъ, которое, послѣ проведенія желѣзной дороги и общаго вздорожанія земель и лѣсовъ, пріобрѣло почти десятерную цѣнность, противъ уплаченной за него суммы. Продолжая служить и оставаясь холостякомъ, онъ, при относительной скромности своей жизни, далеко не могъ проживать своихъ

доходовъ и ко времени смерти накопилъ большой капиталъ. По завѣщанію, онъ оставилъ имѣніе съ 5 тысячами десятинъ въ волынской губерніи и около 150 тысячъ капитала на школьное дѣло и устройство переселенцевъ, причемъ мнѣ пришлось быть его душеприказчикомъ; Галаганъ и Воронинъ были главною силою коммиссіи, гдѣ дѣйствовали вполнѣ солидарно. Воронинъ умеръ въ 1890 году, отставнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Третьимъ членомъ Временной коммиссіи былъ Ѳедоръ Петровичъ Сабанѣевъ, служившій въ молодости при московскомъ генералъ-губернаторѣ Закревскомъ, а потомъ бывшій мировымъ посредникомъ калужской губерніи—въ Арцимовичевское время. Это былъ тоже человѣкъ умный, много знающій, сильно интересовавшійся дѣломъ, хотя склонный иногда къ уступкамъ и отличавшійся нѣкоторыми личными странностями и неровностями характера. По направленію онъ примыкалъ къ упомянутымъ выше товарищамъ, но стойкости у него было меньше и онъ легче уживался съ преходящими административными вѣяніями, въ чемъ можно было усматривать результатъ двойственности пройденной имъ предыдущей жизненной школы,—при Закревскомъ и въ живую Арцимовичевскую пору крестьянскаго дѣла. Эта школа, вызвавъ въ немъ много хорошихъ стремленій, какъ будто въ то же время колебала въ немъ вѣру въ возможность устроить у насъ что-нибудь хорошо и прочно; нѣсколько пессимистическій взглядъ соединялся въ немъ и съ наружною неровностью: то онъ умно и убѣжденно доказываетъ необходимость стойко держаться опредѣленнаго направленія, взывая къ чувству гражданскаго долга; то неожиданно замкнется въ такую чиновничью сухость, при которой нельзя добиться отъ него живого слова; то увлечется разсказываніемъ забавныхъ анекдотовъ изъ воспоминаній о службѣ при Закревскомъ; то полушутя разразится вдругъ такою рѣчью: „Ну, что̀ такое наша дѣятельность, какія тамъ полагаются у насъ идеи, направленія! мы просто—чиновники, а понимаете ли вы, что̀ такое чиновникъ? Велитъ начальство—и исполняй, что̀ сказано. Вотъ, если скажетъ мнѣ нашъ генералъ: Сабанѣевъ, бери алебарду и становись у дверей! Что̀ жъ, я возьму алебарду и стану". Умеръ онъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ въ должности правителя кіевской генералъ-губернаторской канцеляріи.

Впослѣдствіи назначены были въ коммиссію еще два добавочныхъ члена: Скуратовъ и Ригельманъ, но они не имѣли особаго значенія.

Составъ новаго учрежденія такимъ образомъ былъ исключительный. Эти люди дѣйствовали не по чужой указкѣ, а напро-

тивъ, представляли собою самостоятельную, умственную и нравственную силу, одушевленную убѣжденіемъ и опредѣленными цѣлями, почему сами являлись источникомъ иниціативы. Хотя всѣ они выступали, такъ сказать, въ казенныхъ мундирахъ, но послѣдніе тутъ облекали личный матеріалъ, представлявшій результатъ того живого общественнаго движенія, которымъ такъ отличалась данная эпоха. Съ ними-то пришлось считаться такой слабой по содержанію силѣ, какъ генералъ Анненковъ. Послѣдній чувствовалъ опеку надъ собою, ворчалъ противъ своихъ товарищей по коммиссіи, но когда приходилось разсматривать какой-нибудь серьезный вопросъ крестьянскаго дѣла, онъ оказывался въ затруднительномъ положеніи, не будучи въ состояніи выступить съ какою-нибудь дѣльною противоположною мыслью, да и вообще мало былъ расположенъ къ серьезности и плохо усвоивалъ суть того, о чемъ приходилось разсуждать, между тѣмъ какъ товарищи умѣли во-время сказать дѣльное и убѣдительное слово. Въ засѣданіяхъ коммиссіи имъ приходилось, между дѣломъ, выслушать какой-нибудь пикантный анекдотъ, разсказанный сановнымъ предсѣдателемъ, умѣвшимъ дѣлать такія вставки по поводу самаго серьезнаго дѣла; но когда, послѣ этого выслушанія, приходилось рѣшать,—почти всегда оказывалось формальное единогласіе, выражаемое общимъ подписаніемъ постановленій. Противодѣйствовать Анненковъ могъ развѣ затяжкою, откладываніемъ сомнительныхъ для него дѣлъ, т.-е. идя обструкціоннымъ путемъ, потому что иначе предстояло только обращаться въ министерство, причемъ надо было умѣть повести дѣло или даже рисковать какимъ-нибудь конфузнымъ исходомъ. Дѣла въ коммиссіи возбуждались докладами членовъ, представленіями губернскихъ присутствій или непосредственно предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, и по каждому составлялись журналы, которые, по отпечатаніи, разсылались въ губерніи и уѣзды для руководства.

Придавала коммиссія не мало значенія и личному общенію съ представителями губернскихъ присутствій и мировыхъ съѣздовъ, которое дѣйствительно много значило въ дѣлѣ направленія. Члены коммиссіи находились въ личной перепискѣ съ болѣе серьезными представителями этихъ учрежденій, сообщавшими имъ свои сомнѣнія, наблюденія и мнѣнія, и члены живо откликались на все это, ободряя мѣстныхъ работниковъ, поддерживая въ нихъ общность взглядовъ и давая имъ полезныя указанія. При такихъ условіяхъ, мѣстнымъ работникамъ, особенно вновь назначаемымъ, случалось иногда испытывать очень своеобразныя впечатлѣнія. Придетъ такой человѣкъ представиться Анненкову и слышитъ

отъ него замѣчанія о трудномъ времени, о томъ, что напрасно выдумываютъ много вопросовъ, тогда какъ лучше бы просто скорѣе кончать все какъ-нибудь, послѣ чего получаетъ совѣтъ избѣгать такого пути и работать потихоньку безъ всякихъ осложненій. Вслѣдъ затѣмъ, въ бесѣдѣ съ Галаганомъ или Воронинымъ, тотъ же человѣкъ слышитъ совсѣмъ другое: надо оживить дѣло, охватывать его во всю необходимую ширь, не упускать ни одной нужды, ни одного замѣчательнаго явленія, и не смущаться преходящими вѣяніями, имѣя въ виду достиженіе основныхъ цѣлей. Послѣ того, при представленіи кому-либо изъ мѣстныхъ губернаторовъ, опять слышится новое: у насъ-де установилось какое-то странное положеніе; откуда-то появилась Временная коммиссія, которая сбиваетъ людей съ толку; вмѣсто того, чтобы просто двигать дѣло поскорѣе, она все возбуждаетъ новые вопросы да вопросы, подзадориваетъ людей мудрить, ну—иной и увлечется этимъ; настроятъ его—онъ и лѣзетъ изо всѣхъ силъ, ломитъ какъ медвѣдь; берегитесь этого,—тàкъ ничего хорошаго не выйдетъ!

Состоялось обновленіе и губернаторскаго состава. Ушелъ кіевскій губернаторъ Гессе, а одновременно и волынскій. На мѣсто перваго назначенъ былъ генералъ Казнаковъ, бывшій впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, а на мѣсто послѣдняго—генералъ Чертковъ, тоже бывшій впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ, въ Кіевѣ. Оба сразу внесли въ крестьянское дѣло энергію, такъ что перемѣна тутъ очень почувствовалась. Немного погодя, и подольскій губернаторъ Брауншвейгъ перемѣстился въ царство польское и былъ замѣненъ генераломъ Сухотинымъ, который впрочемъ замѣтно отличался отъ Казнакова и Черткова и очень не жаловалъ Временной коммиссіи съ ея вопросами, больше примыкая къ Анненкову и уклончивымъ указаніямъ Валуевскаго министерства.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Временной коммиссіи было изданіе подробной инструкціи мировымъ съѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ относительно порядка повѣрки уставныхъ грамотъ. Это было первымъ и крупнымъ шагомъ къ поставленію повѣрочныхъ работъ на путь энергичной, широкой и участливой дѣятельности. Въ инструкціи ясно выражалось стремленіе къ возстановленію крестьянскихъ правъ на инвентарную землю, къ исправленію дѣла повинностей, къ тому, чтобы мировые съѣзды дѣйствовали систематичнѣе, а крестьяне имѣли возможность дѣлать свои заявленія сознательнѣе и свободно. Первымъ рекомендовавшимся инструкціею дѣйствіемъ при повѣркѣ было прочтеніе

крестьянамъ наиболѣе существенныхъ статей Положенія, въ которыхъ объяснялось ихъ право на инвентарную землю. Вмѣстѣ съ этимъ прочтеніемъ, мировые съѣзды должны были подробно, своими словами, объяснять крестьянамъ значеніе каждой статьи, съ цѣлью вызвать въ нихъ ясное понятіе, что возврата земли, отошедшей отъ нихъ послѣ введенія инвентарныхъ правилъ они имѣютъ право требовать, а того, что̀ было отнято еще раньше означенныхъ правилъ, они требовать не въ правѣ, причемъ и въ случаѣ признанія за крестьянами права на возвратъ они должны спокойно дожидать окончательнаго рѣшенія губернскаго присутствія. Далѣе требовалось прочтеніе всей уставной грамоты, пунктъ за пунктомъ, съ разъясненіемъ каждаго предмета, чтобы крестьяне могли сдѣлать послѣдовательно всѣ свои замѣчанія, не упустивъ по возможности ничего, дабы можно было обстоятельнѣе выяснить, подвергалось ли инвентарное пользованіе перемѣнамъ, и если подвергалось, то въ какихъ именно предѣлахъ. Программу вопросовъ давала сама уставная грамота, и въ ней заключались вопросы: о правильности отнесенія имѣнія къ той или другой мѣстности, о числѣ тяглыхъ, пѣшихъ и огородничныхъ дворовъ, объ усадебномъ и полевомъ владѣніи каждаго двора, о пользованіи водопоемъ, о предположеніяхъ по разверстанію угодій, о правильности опредѣленія повинностей и т. д. Идя по этой программѣ, какъ по лѣстницѣ, можно было достигать яснаго представленія, что̀ именно нужно сдѣлать по каждому имѣнію. Много вниманія обращено было также на повинностную сторону дѣла. Хотя подесятинный размѣръ платежей опредѣлялся Положеніемъ, но здѣсь прежде всего необходимо было обратить вниманіе на то, соблюдены ли установленныя тѣмъ же Положеніемъ условія повышенія и пониженія, т.-е. не было ли неосновательныхъ повышеній и не пренебрежено ли крестьянское право на пониженіе. Для того и другого въ положеніи установленъ былъ 15-ти-процентный предѣлъ, которымъ, какъ объяснено было выше, пользовались въ первое время односторонне. Въ этихъ предѣлахъ, дѣло могло быть рѣшаемо губернскими присутствіями. Но уже въ самое первое время стало выясняться, что означенные предѣлы недостаточны. Въ иныхъ случаяхъ, условія надѣла были такъ неудобны,—напр. при особенно дурномъ качествѣ земли, удаленности полей отъ усадебной осѣдлости и т. д., что дѣлали крестьянскія повинности, особенно денежныя, крайне тяжелыми. Встрѣчались и разныя другія условія (напр., мелкость надѣла), грозившія при сохраненіи перваго размѣра выкупныхъ платежей крестьянскою несостоятельностью. Слѣдуетъ замѣтить,

что и первоначальныя Положенія, въ случаяхъ обращенія къ выкупу по имѣніямъ съ издѣльною повинностью, а не оброкомъ, обусловливали допущеніе выкупа непремѣннымъ удостовѣреніемъ въ крестьянской состоятельности ко взносу выкупныхъ платежей по выдаваемой правительствомъ выкупной ссудѣ, такъ что условіе „состоятельности" признавалось весьма важнымъ. При объявленіи же обязательнаго выкупа по цѣлому краю, отличавшемуся исключительнымъ преобладаніемъ издѣльной повинности, вопросъ о состоятельности является еще серьезнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ, спорадическихъ примѣрахъ. Кромѣ того, еще въ предыдущихъ главахъ мы объясняли, какъ широко опредѣленъ былъ размѣръ повинностей вообще. Но наличный законъ вовсе не предусматривалъ для юго-западнаго края пониженія платежей болѣе 15 процентовъ. Поэтому, при выясненіи необходимости въ большемъ пониженіи, мировые съѣзды могли только высказывать свое мнѣніе, и вопросъ о томъ, какъ требующій законодательнаго разрѣшенія, долженъ былъ идти въ губернское присутствіе и далѣе во Временную коммиссію, гдѣ до времени оставался въ неопредѣленномъ положеніи.

Обо всѣхъ полученныхъ отъ крестьянъ заявленіяхъ мировые съѣзды должны были обстоятельно записывать въ протоколъ, и далѣе сообщать о нихъ помѣщику, а также распоряжаться производствомъ мѣстнаго дознанія чрезъ мировыхъ посредниковъ. Вообще, инструкція Временной коммиссіи давала дѣлу необходимое и крупное расширеніе, и хотя, въ свою очередь, должна была считаться со многими современными вѣяніями, но въ общемъ представляла большой шагъ впередъ. Въ свое время, появленіе ея было событіемъ, возбудившимъ общее вниманіе и разнообразные толки, такъ какъ подобное участливое направленіе было слишкомъ необычнымъ дѣломъ въ краѣ.

Кому же предстояло быть исполнителями подобной программы? Этотъ вопросъ принадлежалъ къ числу особенно трудныхъ. Прежній составъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ признанъ былъ неподходящимъ, не безпристрастнымъ, неблагонадежнымъ, слѣдовательно сходилъ со сцены. Требовалось замѣнить его новымъ; значитъ, для успѣха дѣла нужно было составить большой контингентъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ, свѣжихъ людей. Одни изъ прежнихъ мировыхъ посредниковъ и членовъ губернскихъ присутствій ушли сами, другимъ предложили уйти, и все это совершалось въ такой короткій періодъ времени, что личное обновленіе приходилось осуществлять почти сразу. А легко ли было сдѣлать это удачно? Какъ набрать такую массу людей?

Конечно, въ политически благонадежныхъ людяхъ недостатка быть не могло и ихъ скорѣе былъ избытокъ, но кромѣ требуемой благонадежности нужна была еще способность, соотвѣтственность тому положенію, къ которому новые люди призывались. Искателей явилась масса, да и мудрено ли? Сразу объявилось въ краѣ двѣсти должностныхъ „мѣстъ" посредниковъ съ двухтысячнымъ окладомъ, да тридцать-шесть мѣстъ предсѣдателей съѣздовъ и двѣнадцать—членовъ губернскихъ присутствій. Такіе оклады въ ту пору, при общемъ уровнѣ мизернаго чиновничьяго жалованья, въ провинціи были своего рода диковиной, и большинство искателей именно смотрѣло на посредничьи должности какъ на хорошія „мѣста"; но что̀ вышло бы, еслибы замѣщать ихъ людьми стараго чиновничьяго преданія: интересы ли крестьянскаго дѣла выступили бы тутъ на первый планъ, или интересы совсѣмъ другого характера? Кого только нельзя было видѣть въ рядахъ претендентовъ? Генералъ-губернаторъ былъ засыпанъ просьбами и рекомендаціями. Выступали и отставные маіоры, и губернскіе чиновники, почему-либо покровительствуемые своимъ начальствомъ, и такіе чиновники губернскихъ мѣстъ, которыхъ начальство просто старалось куда-нибудь сплавить, и докторъ, и учитель, и бывшій провіантскій дѣлецъ, и иной помѣщикъ, и бывшій окружной государственныхъ имуществъ, и неудавшійся титулованный карьеристъ, и отставной исправникъ и т. д., и т. д. У иныхъ даже прежніе формуляры были несовсѣмъ благополучны, но зато всѣ они имѣли право на полную аттестацію своей политической благонадежности. Многіе обращались съ просьбами изъ великорусскихъ и малороссійскихъ губерній, причемъ между ними встрѣчались и бывшіе мировые посредники тѣхъ мѣстностей, частію покинувшіе должности по своей неудовлетворительности, частію вслѣдствіе тенденціознаго „сокращенія" числа участковъ, частію — выжитые крѣпостническими тенденціями; выступало не мало вполнѣ порядочныхъ, образованныхъ людей, побуждаемыхъ именно интересомъ къ крестьянскому дѣлу, но по численности своей они, конечно, тонули въ общей массѣ претендентовъ. У многихъ были такія вѣскія протекціи, съ какими у насъ привыкли очень считаться, не особенно разбирая личныя качества. По поводу массы этихъ исканій, передавали даже такой случай: разъ къ генералу Анненкову, послѣ пріема цѣлой группы претендентовъ, явился по какому-то дѣлу священникъ, и утомленный объясненіями Анненковъ встрѣтилъ его вопросомъ: „Неужели, батюшка, и вы проситесь въ мировые посредники?"

Словомъ, въ дѣлѣ образованія личнаго состава, положительно оказалось embarras de richesse, но это-то и пугало временную коммиссію, отлично понимавшую, что въ такомъ дѣлѣ не выѣдешь ни на одной политической благонадежности, ни на вѣскости чиновъ и др. внѣшнихъ аттрибутовъ, ни на начальственныхъ протекціяхъ. Существо дѣла предъявляло спросъ на живую силу, и затрудненія коммиссіи увеличивались тѣмъ, что она въ этомъ дѣлѣ была далеко не всесильна. Формально, назначенія зависѣли отъ Анненкова, который имѣлъ полную возможность назначать, никого не спросясь, и уступать тѣмъ рекомендаціямъ, какія вызывались единственно побужденіемъ пристроить покровительствуемаго или „родного человѣчка". Вліяніе коммиссіи было хотя значительно, но все-же—косвенное, и тутъ надо было вести своего рода политику. Время не ждало, надо было открывать повѣрочныя работы, слѣдовательно спѣшить образованіемъ мировыхъ съѣздовъ. Надежды обращались на молодыхъ интеллигентныхъ людей, которыхъ поставлялъ, между прочимъ, мѣстный университетъ, но такихъ далеко не хватало; слѣдовательно, при всемъ стремленіи бороться съ натискомъ претендентовъ и протекцій, черезчуръ большой разборчивости соблюдать было нельзя, и часто приходилось довольствоваться требованіемъ ординарнѣйшей добросовѣстности. Въ виду невозможности гарантировать сразу желательный составъ и необходимости даже поискать людей, заботы коммиссіи сосредоточивались на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ каждый мировой съѣздъ попали одинъ-два человѣка способныхъ, съ хорошимъ направленіемъ и инициативою, которые могли бы своимъ личнымъ вліяніемъ оживлять дѣло и руководить остальными. Признаки требуемыхъ личныхъ свойствъ предпочитались прочимъ аттестаціямъ; хотя и въ нихъ можно было ошибаться, но тутъ все-таки представлялась хотя возможность будущей очистки.

Подобныя цѣли въ значительной степени были достигнуты. Предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ въ первое время больше поставляло министерство внутреннихъ дѣлъ, и въ общемъ эти назначенія оказывались довольно удовлетворительными. Часть была назначена изъ мѣстныхъ людей, по мѣстнымъ же представленіямъ. Главная же масса всѣхъ назначеній состоялась на основаніи той сортировки разнообразныхъ личныхъ свѣдѣній, о какой сказано выше. Удержана была нѣкоторая доля прежнихъ мѣстныхъ посредниковъ русскаго происхожденія; другая доля вакансій замѣщена пріѣзжими посредниками другихъ губерній, а остальныя — разными лицами, выдержавшими упомянутую сортировку

или просто избранными начальственнымъ усмотрѣніемъ. Насколько при этомъ теряли значеніе традиціонные формальные чиновничьи критеріи—это я испыталъ на самомъ себѣ. Очень интересуясь судьбами крестьянскаго дѣла, я не могъ попасть въ число его работниковъ уже потому, что не имѣлъ требовавшагося для должности мирового посредника ценза недвижимой собственности, такъ какъ отецъ мой продалъ свое имѣніе еще раньше крестьянской реформы. Когда же открылась возможность занять подобную должность въ юго-западномъ краѣ безъ обладанія собственностью, мнѣ стали совѣтовать попытаться получить ее, чтобы погрузиться въ симпатичное дѣло. Послѣ нѣкотораго колебанія, я рѣшился написать изъ Москвы частное письмо на имя генерала Анненкова, котораго до того въ глаза не видалъ, и предложилъ свою готовность служить по крестьянскому дѣлу въ одной изъ губерній края. Я не приложилъ даже своихъ документовъ и, вмѣсто всякихъ аттестацій и протекцій, только сослался на нѣкоторыя свои литературныя работы. Отправивъ письмо, я скоро почти забылъ о немъ и уѣхалъ на лѣто въ одну изъ подмосковныхъ губерній. Мѣсяца черезъ три, встрѣчаю тамъ исправника, который сообщаетъ, что обо мнѣ получена, черезъ московскаго оберъ-полиціймейстера, бумага, требующая моего прибытія, на мѣсто состоявшагося назначенія, въ подольскую губернію. Ѣду въ Москву, навожу справку, и оказывается, что дѣло сладилось очень просто: Анненковъ, по полученіи моего письма, сдѣлалъ запросъ московскому оберъ-полиціймейстеру; изъ Москвы отвѣтили справкою, гдѣ значилось лишь то, что я дѣйствительно проживалъ тамъ-то, ни въ чемъ предосудительномъ не замѣчался, а занимался литературою—и въ результатѣ я получилъ назначеніе. Замедленіе же вышло оттого, что я гораздо раньше былъ уже назначенъ въ волынскую губернію, да только увѣдомленіе о томъ долго странствовало, а въ этотъ промежутокъ времени произошло на мѣстѣ такое передвиженіе, при которомъ мою волынскую вакансію занялъ посредникъ, переведенный изъ Подоліи, а я попалъ уже въ эту послѣднюю. Даже документы затребованы были отъ меня много позже назначенія.

Такъ или иначе, весною 1864 года личный составъ былъ уже готовъ. Нѣсколько промаховъ назначеній, почти исключительно протекціонныхъ, обнаружились въ самое первое время. Иные изъ назначенныхъ прямо не умѣли вести себя, отчего выходили непріятные инциденты, усердно раздувавшіеся мѣстною молвою, почему этихъ людей приходилось убирать тѣмъ или другимъ способомъ, но замѣщеніе ихъ становилось уже какъ будто

легче, потому что первый натискъ искателей уже ослабѣлъ, вакансій оставалось немного, и можно было находить кандидатовъ, не особенно торопясь. Дальнѣйшая же очистка, вызываемая уже неумѣлостью или несоотвѣтствующимъ направленіемъ назначенныхъ, производилась постепенно, изрѣдка.—Для объединенія дѣйствій мировыхъ съѣздовъ и бо̀льшаго выясненія встрѣчавшихся вопросовъ, Временная коммиссія ввела еще періодическіе съѣзды мировыхъ учрежденій сосѣднихъ уѣздовъ, причемъ соединялись даже мировые съѣзды изъ частей разныхъ губерній, сходственныхъ между собою въ хозяйственномъ отношеніи, но мѣра эта практиковалась только въ первой половинѣ 1864 года, послѣ чего, за массою практическаго дѣла, съѣзжаться было уже некогда.

При всѣхъ стараніяхъ къ такимъ объединеніямъ, достиженіе ихъ, однако, все-таки затруднялось. Составъ учрежденій образовался изъ людей разныхъ мѣстностей, разныхъ общественныхъ группъ и понятій, почему въ этомъ составѣ не могли не отражаться и тѣ различія, какія существовали въ означенныхъ сферахъ. Неодинаковость отношенія къ дѣлу поддерживалась всѣми чувствовавшеюся рознью административныхъ вліяній. Ясны были натянутыя отношенія между Временною коммиссіею и другими административными силами, почему у многихъ возникала практичная мысль: еще неизвѣстно, чья возьметъ! А такъ какъ коммиссія, казалось, вводитъ что-то совсѣмъ новое и притомъ имѣетъ опору только въ самой себѣ, во внутреннемъ достоинствѣ своихъ стремленій, администраторы же больше идутъ по проторенной дорогѣ, чуждаясь новшествъ,—то большинству и представлялось, что коммиссія не устоитъ, и все болѣе или менѣе пойдетъ на старый ладъ формальнаго отношенія и забвенія крестьянскихъ интересовъ. Не безъ вліянія оставались смущавшіе помѣщичьи толки, причемъ нареканія на коммиссію слышались также отъ русскихъ помѣщиковъ края. Распространено было и мнѣніе, что Валуевское министерство вовсе не благоволитъ къ направленію Временной коммиссіи, а желаетъ елико возможно сократить его, что̀ было и дѣйствительно вѣрно. Помимо всякихъ другихъ свѣдѣній, явственны были признаки этого въ министерскихъ распоряженіяхъ, хотя онѣ держались обычнаго уклончиваго языка, съ его постояннымъ характернымъ „едва-ли“. Читая ихъ, приходилось уразумѣвать, что „едва-ли“ слѣдуетъ такъ, „едва-ли“ иначе; въ результатѣ не получалось ничего рѣшительнаго, но въ общемъ тонѣ и между строкъ видимо сквозило, что нужно вовсе не то, чего ищетъ Временная коммиссія. Особенно колебались люди чиновничьяго закала, старавшіеся или держаться нерѣшительно,

выжидательно, или даже явно не одобряя проводившагося направленія. Такая рознь тянулась долго, весь 1864-й годъ и даже начало слѣдующаго, и эти политиканствующіе люди очутились потомъ въ довольно забавномъ положеніи, ошибясь въ своихъ разсчетахъ. Слѣдуетъ, однако, сказать, что почти все живое, нравственно самостоятельное и способное было на сторонѣ коммиссіи, образовавъ дружную группу. Долго этимъ людямъ приходилось переживать смущавшія впечатлѣнія, но основная мысль ихъ была такова: пусть будетъ что̀ будетъ, но сдѣлаемъ, по крайней мѣрѣ, что̀ въ нашихъ силахъ.—Отсюда нерѣдко возникали дурныя отношенія съ администраціею, причемъ инымъ случалось платиться и постоянно чувствовать себя въ непрочномъ положеніи. Въ нихъ тоже сказывался продуктъ тогдашняго живого общественнаго движенія и хотя они представляли собою меньшинство, но зато довольно стойкое и содержательное, что̀ давало имъ немалый перевѣсъ надъ остальными.

Фактически повѣрочныя работы начались весною того же года, но успѣхъ ихъ сразу сильно затруднился какъ возникновеніемъ новыхъ практическихъ вопросовъ, такъ и сбивчивостью и недостаточностью законодательства. Нарушенія инвентарнаго владѣнія оказались гораздо бо̀льшія, чѣмъ ожидали, а кромѣ того выступили сомнѣнія даже о самомъ значеніи инвентарной земли. По закону, укрѣпленію за крестьянами подлежало дѣйствительное ихъ земельное пользованіе 1847 года, которое должно было быть показано въ инвентаряхъ, но такъ какъ условно утвержденные инвентари отличались пропусками и невѣрностями, то выступалъ вопросъ—чего держаться, дѣйствительнаго ли владѣнія или показаній инвентарной выписи? Иначе сказать—смысла и цѣли закона или искаженія его въ невѣрной документальной справкѣ? Конечно, по здравому смыслу, правильнымъ являлось толкованіе въ первомъ смыслѣ, но такъ какъ законъ буквально не предусматривалъ случаевъ невѣрности инвентарей, то представлялась возможность толковать и такъ, и иначе, т.-е. открывался просторъ тенденціозности, между тѣмъ какъ затрогиваніе этимъ вопросомъ существенныхъ правъ сторонъ не позволяло оставаться при подобной неясности или допускать случайное примѣненіе того или другого основанія. Словомъ, сказывалась необходимость въ положительномъ, законодательномъ разъясненіи.—Далѣе, въ иныхъ случаяхъ, практическое возстановленіе инвентарнаго владѣнія въ прежнихъ границахъ являлось почти невозможнымъ или соединеннымъ съ большимъ разстройствомъ хозяйствъ,—напр., когда, послѣ отнятія или перемѣны у крестьянъ

инвентарнаго надѣла, помѣщичье имѣніе подвергалось раздѣлу, продажѣ по частямъ, когда на отнятой землѣ возведены уже цѣнныя постройки и т. под. Инвентарный надѣлъ крестьянъ одного имѣнія оказывался иногда уже въ составѣ другого имѣнія. Какъ быть въ подобныхъ случаяхъ—на это поверхностный законъ тоже не давалъ опредѣленнаго отвѣта.—Въ крестьянскомъ инвентарномъ владѣніи находились, какъ прежде объяснялось, фруктовые сады, расположенные въ помѣщичьихъ лѣсахъ, но по немногимъ инвентарямъ такіе сады были показаны, а по остальнымъ совсѣмъ пропущены. Помѣщики не хотѣли отдавать такихъ садовъ какъ по ихъ цѣнности, такъ и потому, что это вело къ неудобному для нихъ черезполосью; но крестьянское право на нихъ и та же цѣнность, въ свою очередь, требовали огражденія крестьянскаго интереса. Здѣсь, кромѣ общаго вопроса о достоинствѣ инвентарныхъ выписей, возбуждали еще вопросъ—слѣдовало ли вообще считать входившими въ цѣли инвентарнаго закона и сады, или надо толковать его въ смыслѣ заботливости лишь объ укрѣпленіи за крестьянами усадебъ, полей и покосовъ?—Крайне трудный практическій вопросъ возбуждало еще положеніе при обязательномъ выкупѣ лѣсныхъ сѣнокосовъ. На нихъ трава принадлежала крестьянамъ, а дерево помѣщику, и пока длились взаимно-обязательныя отношенія—это особеннаго неудобства не представляло; по Положенію, такіе сѣнокосы, при разверстаніи, могли быть обмѣниваемы на другія, равноцѣнныя угодья, но съ обязательнымъ выкупомъ разверстаніе угодій было уже прекращено, какъ несовмѣстное съ предоставленнымъ крестьянамъ правомъ собственности на землю; значитъ, обязательный обмѣнъ былъ уже невозможенъ, и за крестьянами укрѣплялось то самое, чѣмъ они владѣли; какъ же разсчитать тутъ владѣнія сторонъ между землею подъ корнями дерева и землею полянъ и промежутковъ, гдѣ крестьянами выкашивается трава?

Выдвинулся на очередь и крупный вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей свыше 15-процентнаго размѣра. Необходимость допущенія такихъ пониженій была видна какъ въ силу различія условій разныхъ селеній, такъ въ виду опасности крестьянской несостоятельности, связанной съ интересомъ обезпеченія правительственныхъ выкупныхъ ссудъ, и еще потому, что требованіе удостовѣреній въ состоятельности — какъ объяснено раньше — установлено было и прежнимъ закономъ для тѣхъ случаевъ, когда выкупъ совершался въ издѣльныхъ имѣніяхъ, а въ юго-западномъ краѣ почти всѣ крестьяне состояли въ моментъ обязательнаго выкупа именно на издѣльной повинности. При всемъ томъ,

законной почвы пониженія болѣе 15 процентовъ не имѣли. Вопросъ о нихъ былъ выдвинутъ, но далеко еще не извѣстенъ былъ его исходъ. Долго вопросъ этотъ держался на первомъ планѣ, противъ него сильно агитировали, были у него сторонники и ярые противники, и вообще онъ возбуждалъ не мало страстей.

Ко всему этому бросалось въ глаза выдающееся положеніе крестьянъ, подвергшихся выкупу на старыхъ основаніяхъ, т.-е. до объявленія обязательнаго. Какъ сказано въ предыдущей главѣ, законъ совсѣмъ игнорировалъ ихъ положеніе, ставя ихъ въ разрядъ забытыхъ. Они заявляли жалобы, волновались, участіе къ нимъ являлось дѣломъ справедливости; но на всѣ ихъ жалобы учрежденія должны были отвѣчать короткимъ отказомъ.

При такихъ условіяхъ, повѣрочное дѣло неминуемо должно было сильно затормозиться. Слишкомъ много выступало новаго, непредусмотрѣннаго. Какъ постановлять окончательныя заключенія, какъ составлять выкупные акты, совсѣмъ порѣшая взаимныя отношенія и крестьянское устройство, не имѣя точной опоры для разрѣшенія массы встрѣчавшихся практическихъ вопросовъ? Разрубать каждое дѣло по случайнымъ усмотрѣніямъ очевидно было нельзя. Возможность законодательныхъ рѣшеній и разъясненій видѣлась въ будущемъ; но кончать что-нибудь до полученія ихъ являлось несообразностью и несправедливостью, обѣщавшими созданіе новой розни, такъ какъ тутъ пришлось бы рѣшать одни дѣла на основаніи недостаточнаго, а другія — на основаніи полнаго законодательства. Сверхъ того, большимъ тормазомъ была неизбѣжная медленность землемѣрныхъ работъ, долженствовавшихъ раскинуться повсюду. Въ силу всего этого, повѣрки хотя производились, но въ небольшомъ числѣ, и случалось, что едва произведутъ ихъ по нѣсколькимъ селеніямъ, какъ выступитъ столько вопросовъ, что надо останавливать все и писать представленія то во Временную коммиссію, то въ губернское присутствіе, а въ ожиданіи—складывать руки и въ отвѣтъ на крестьянскія просьбы отвѣчать приглашеніемъ—„потерпѣть". Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были усердно торопившіеся, не мало успѣвшіе „кончить" безъ выжиданій, только это отразилось на результатахъ дѣла.

Въ добавку къ этимъ затрудненіямъ, выступилъ еще одинъ смущающій элементъ. Какъ объяснено было выше, крестьяне были переведены на выкупные платежи съ 1 сентября 1863 года, и платежи эти подлежали внесенію въ казначейства,—слѣдовательно, считаться съ повинностною исправностью крестьянъ, вмѣсто по-

мѣщиковъ, стало само начальство. Первые платежи, при трудности перехода съ барщины на денежный порядокъ, пошли довольно туго, и начальство отнеслось къ тому строго, опасаясь, чтобы не обнаружилось тутъ какого-то оппозиціоннаго крестьянскаго уклоненія. Начались усиленныя репрессіи, пущены въ ходъ полицейскія взысканія, и въ эпоху формальнаго благопріятствованія крестьянамъ опять пугали ихъ военными командами. Издавались по губерніямъ циркуляры, требовавшіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ по своевременному взысканію платежей. Заботы подобнаго рода шли почти безпрерывно, такъ какъ весною и осенью требовались подати, а къ 1 января и къ 1 іюля—выкупные платежи; слѣдовательно, при неизбѣжныхъ запозданіяхъ, едва оканчивался одинъ періодъ взысканія, какъ начинался уже другой. Помню, какъ смущали меня газетныя извѣстія подобнаго рода, когда приходилось читать ихъ еще внутри Россіи: неужели ѣхать въ край, главнымъ образомъ, для того, чтобы участвовать въ подобныхъ взысканіяхъ? Недоброжелательство къ начинавшему появляться направленію крестьянскаго дѣла стало выражаться въ раздуваніи самыхъ тенденціозныхъ толковъ: вотъ, молъ, къ чему ведетъ баловство; возбуждаютъ въ крестьянахъ несбыточныя надежды, возстановляютъ ихъ противъ помѣщиковъ; они уже не хотятъ ничего платить — чего же тутъ ждать добраго, и т. д., и т. д. Не много потребовалось времени, чтобы всѣ эти фантомы разсѣялись, но въ ту пору отъ нихъ приходилось жутковато.

V.

Потуги развязки.

Время шло; остатокъ назначеннаго срока становился все меньше и меньше, а реальныхъ результатовъ еще не получалось. Накоплялись во Временной коммиссіи принципіальные вопросы, длился процессъ „вынашиванія“ будущихъ рѣшеній, расчищавшихъ путь энергической работѣ слишкомъ двухъ послѣдующихъ лѣтъ, но крестьянство существенныхъ облегченій не видѣло, ощущая развѣ перемѣну въ болѣе участливомъ характерѣ управленія мировыхъ посредниковъ.

Сотни постановленій Временной коммиссіи охватывали массу общихъ и мелкихъ вопросовъ и частныхъ случаевъ. Гдѣ для разрѣшенія ихъ оказывалась достаточная почва въ наличномъ законѣ и требовалось собственно объединеніе взглядовъ—дѣла

рѣшались безъ медленности, а гдѣ правила были явно недостаточны—тамъ коммиссія подготовляла законодательное движеніе такихъ вопросовъ, направляя разработанныя представленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда дѣло шло въ послѣднюю законодательную инстанцію—въ „Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія".

Приведемъ здѣсь сущность выработанныхъ положеній только по самымъ главнымъ предметамъ. Первымъ по значенію являлся вопросъ о точномъ опредѣленіи состава подлежащей выкупу мірской земли. Въ отношеніи къ нему, коммиссія нѣсколькими постановленіями приняла такія основанія:

Подъ названіемъ мірской земли слѣдуетъ понимать всѣ усадебныя, пахатныя и сѣнокосныя пространства, съ левадами и выпасами, которыя въ 1847 году состояли и показаны по инвентарямъ за крестьянами. Фруктовые сады, гдѣ бы они ни находились, также подходятъ подъ опредѣленіе мірской земли и невключеніе ихъ въ уставныя грамоты не лишаетъ крестьянъ права пріобрѣтать ихъ въ собственность. Въ случаяхъ же, когда показаніе инвентарей (утвержденныхъ условно) [1]) не согласуется съ дѣйствительнымъ пользованіемъ 1847 года,—одно это показаніе не составляетъ полнаго доказательства, и признаніе несогласныхъ съ закономъ инвентарныхъ выписей безспорными—составляетъ прямое уклоненіе отъ закона. На этомъ основаніи и сады, пропущенные не только въ уставныхъ грамотахъ, но и въ инвентаряхъ, если только они находились въ крестьянскомъ пользованіи при введеніи инвентарныхъ правилъ, должны быть предоставлены крестьянамъ въ собственность посредствомъ выкупа съ содѣйствіемъ правительства.

Такъ какъ при тягости выкупныхъ платежей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отказывались отъ выкупа полнаго надѣла, то, въ виду возможности измѣненія этихъ платежей и самыхъ желаній крестьянъ, признано было нужнымъ установить предѣлы для отказовъ и срокъ, до котораго крестьяне сохраняютъ право на дополнительный выкупъ того, отъ чего они отказались.

При общемъ принципѣ выкупа земли въ прежнемъ инвентарномъ составѣ, выработаны основанія для разрѣшенія тѣхъ дѣлъ, по которымъ полное возстановленіе означеннаго состава оказывалось невозможнымъ или крайне затруднительнымъ.

---

[1]) Утвержденіе инвентарей выражалось въ одной общей формѣ, причемъ даже прямо оговаривалось, что статьи постановленій инвентарныхъ комитетовъ и самыхъ инвентарей, несогласныя съ правилами, не могутъ имѣть никакого мѣста и силы.

Труднѣе оказалось разрѣшеніе вопроса о существѣ правъ на лѣсные сѣнокосы. Коммиссія разъяснила, что ростущій на нихъ лѣсъ есть собственность помѣщика, а крестьяне при выкупѣ пріобрѣтаютъ лишь покосную часть. Если на извѣстной площади деревья занимаютъ четверть пространства, то крестьяне выкупаютъ лишь остальныя три четверти; опредѣлять ту или другую пропорцію можно лишь соображаясь съ густотою лѣса, почему общее правило тутъ невозможно и въ каждомъ частномъ случаѣ пропорція можетъ быть особая. Право каждой стороны есть право полной собственности на свою часть. Поэтому, тогда какъ на усадьбахъ и поляхъ повинностью облагается и выкупается все пространство—на лѣсныхъ покосахъ облагается и выкупается лишь площадь ихъ за вычетомъ собственно лѣсной. На существующей законодательной почвѣ трудно было сказать что-либо иное, но спутанность владѣнія здѣсь такъ и сохранилась. Единственный выходъ—соглашеніе.

Вслѣдствіе массы заявленій о необходимости пониженія выкупныхъ платежей болѣе чѣмъ на 15 процентовъ, коммиссія, обративъ на этотъ предметъ особенное вниманіе, указала, что пониженія до 15 процентовъ, разрѣшаемыя властью губернскихъ присутствій, подлежатъ прямо внесенію въ выкупные акты, съ утвержденіемъ которыхъ утвердится и пониженіе. Если же возникнутъ предположенія о бо̀льшемъ пониженіи, то ихъ слѣдуетъ представлять въ губернскія присутствія, съ сообщеніемъ копій въ коммиссію. А такъ какъ подобныя предположенія выходили изъ рамокъ существовавшаго закона, то коммиссія рѣшила войти съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, для возбужденія законодательнаго вопроса въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Представленія о многихъ случаяхъ жалобъ крестьянъ на принудительность составленія выкупныхъ договоровъ съ уменьшеніемъ надѣла,—причемъ указывалось, съ поименованіемъ фактическихъ примѣровъ, что такіе договоры устроивались подъ вліяніемъ экзекуцій и даже въ самое время совершенія послѣднихъ, —тоже вызвало въ коммиссіи рѣшеніе: при отсутствіи положительнаго закона для разбора подобныхъ жалобъ, войти о томъ съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Такъ путь къ положительному разрѣшенію основныхъ вопросовъ былъ проложенъ. А къ началу осени стали появляться и новые законодательные акты.

Первымъ явился законъ, окончательно установившій понятіе, что инвентарную землю составляетъ фактическое крестьянское

пользованіе инвентарной эпохи, чѣмъ парализовалось значеніе невѣрныхъ выписей. Высочайше утвержденнымъ 10-го августа 1864 года положеніемъ главнаго комитета постановлено, что крестьянамъ предоставляется на выкупъ вся мірская земля въ *томъ составѣ*, въ какомъ она была признана неизмѣнною и неприкосновенною инвентарными правилами 1847 и 1848 годовъ, считая въ томъ числѣ и вакансы, причемъ *границы* мірской земли опредѣляются „*сообразно дѣйствительному пользованію* крестьянъ въ 1847 году и тѣмъ измѣненіямъ, кои произошли за силою § 6 Инвентарныхъ Правилъ" (т.-е., по соглашенію и съ вѣдома начальства). Возвращаемые крестьянамъ участки облагаются повинностями на общемъ основаніи. При отказѣ крестьянъ выкупить весь инвентарный надѣлъ, выкупу подлежитъ только состоявшій въ ихъ пользованіи въ 1861 году, съ предоставленіемъ, однако, крестьянамъ права дополнительно выкупить остальную землю въ теченіе девяти лѣтъ отъ изданія „Положеній 19-го февраля". Пространство и границы такихъ невыкупаемыхъ, но могущихъ быть впослѣдствіи выкупленными, земель приводятся въ точную извѣстность и означаются какъ въ выкупныхъ актахъ, такъ и въ натурѣ.

Вслѣдъ затѣмъ появился и законъ о пониженіи выкупныхъ платежей. Высочайше утвержденнымъ 2-го сентября 1864 года положеніемъ комитета постановлено, что при обращеніи уставныхъ грамотъ въ выкупные акты, въ случаѣ несостоятельности крестьянъ ко взносу выкупныхъ платежей и встрѣченныхъ въ этомъ отношеніи сомнѣній, мировые съѣзды должны, вмѣстѣ съ означенными актами, представлять въ губернскія присутствія свои соображенія о необходимости пониженія упомянутыхъ платежей, предъявляя эти соображенія также и помѣщику, съ предоставленіемъ ему права заявить возраженія въ мѣсячный срокъ. Губернское присутствіе утверждаетъ пониженія до 15 процентовъ собственною властью, а при выходѣ изъ этой нормы— представляетъ дѣло во Временную коммиссію, которая можетъ допускать пониженія и въ большемъ размѣрѣ, но при этомъ постановленія ея дѣйствительны лишь въ случаѣ согласія на нихъ предсѣдательствующаго въ коммиссіи генералъ-губернатора. Если послѣдній въ коммиссіи не присутствовалъ, то на исполненіе постановленія испрашивается его согласіе особо. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено пріостановить движеніе всѣхъ выкупныхъ сдѣлокъ, хотя бы уже разсмотрѣнныхъ губернскими присутствіями до 30-го іюля 1863 года, но еще не утвержденныхъ главнымъ вы-

купнымъ учрежденіемъ, съ распространеніемъ и на нихъ условія о соображеніи платежей съ крестьянскою состоятельностью.

Дѣло уже видимо сдвинулось въ новомъ направленіи, хотя тутъ же проявлялось недовѣріе къ Временной коммиссіи: пониженію платежей не ставилось уже никакого предѣла, но зато ни въ одномъ частномъ случаѣ оно не могло выходить за 15-процентный барьеръ, безъ личнаго на то согласія Анненкова, что̀, при данныхъ обстоятельствахъ, почти сводило новый законъ къ нулю. Въ этомъ усиленіи власти Анненкова противники пониженій находили поводъ торжествовать, не предчувствуя, что то же усиленіе получитъ обратное значеніе черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ замѣною Анненкова энергичнымъ его преемникомъ, А. П. Безакомъ, державшимся совсѣмъ иной политики.

При такихъ двойственныхъ вліяніяхъ, какъ законодательный успѣхъ и упомянутое выше недовѣріе, шатаніе еще продолжалось и борьба съ нимъ требовала усилій. Въ уѣзды отправлялись то одинъ, то другой членъ коммиссіи для ревизій и разъясненій, причемъ они убѣждались, что рознь еще велика. Такъ, напримѣръ, при ревизіи Галаганомъ мировыхъ съѣздовъ южной части кіевской губерніи, обнаружилось, что тамъ еще упорно полагались въ основу дѣйствій однѣ инвентарныя выписи, при всемъ даже сознаніи ихъ невѣрности. Пришлось тутъ прибѣгнуть къ увольненіямъ и назначенію новыхъ лицъ. Съ другой же стороны выступили примѣры заявленій самихъ помѣщиковъ о согласіи на пониженіе выкупныхъ платежей до 25 процентовъ, а также на исправленіе утвержденныхъ выкупныхъ договоровъ, путемъ отказа отъ условленныхъ ими дополнительныхъ къ выкупнымъ ссудамъ платежей и дальнѣйшаго уменьшенія затѣмъ платежа по самымъ этимъ ссудамъ.

Въ то же время, натянутость отношеній между Временною коммиссіею и прочею администраціею возростала сильнѣе и сильнѣе. Анненковъ открыто жаловался на свою опеку, и установившійся разладъ получилъ широкую огласку, смущая не только мѣстныя, но и высшія сферы. Стоустая молва, сплетни, тенденціозные слухи и старанія многихъ заинтересованныхъ лицъ всемѣрно преувеличивали значеніе этого разлада, силясь приписывать ему самый опасный характеръ, при участіи болѣе вліятельныхъ мѣстныхъ людей, имѣвшихъ доступъ къ правительственнымъ сферамъ. При обычномъ у насъ просторѣ раздуванію всякихъ толковъ и силѣ ихъ, они обратились въ своего рода орудіе борьбы, и въ результатѣ явилась настойчивая агитація. Стали говорить, что въ краѣ идетъ дѣло не о простомъ исправленіи до-

пущенныхъ въ крестьянскомъ дѣлѣ неправильностей, а выступаютъ скрытыя, неблагонамѣренныя цѣли, проводимыя Временною коммиссіею и ея сторонниками. Дѣло старались выставить въ такомъ видѣ, что тамъ образовалась вредная партія, желающая смуты и крестьянскихъ волненій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ именно періодъ повѣрочныхъ работъ отличался наибольшимъ спокойствіемъ въ этомъ отношеніи, замѣтно оттѣнившемъ его отъ предыдущей и послѣдующей эпохъ. Получивъ надежду на правильный исходъ своихъ жалобъ и правительственную попечительность, крестьяне терпѣливо выжидали результатовъ, и вниманіе къ нимъ видимо ихъ успокоивало. Агитаторы пускали въ ходъ увѣренія, что въ краѣ дѣйствуютъ какіе-то коммунисты, стремящіеся къ уравненію имуществъ, къ возбужденію вражды между сословіями, къ разоренію землевладѣльческаго класса, и если не пресѣчь во-время такого направленія, то могутъ возникнуть грозныя послѣдствія... Органомъ подобной агитаціи сдѣлалась и часть печати, главнымъ образомъ тогдашняя петербургская газета „Вѣсть". Къ противникамъ устанавливавшагося направленія отчасти примыкали и люди, просто антипатизировавшіе тогдашнимъ сильнымъ репрессіямъ противъ польскаго элемента, въ глазахъ которыхъ иногда представленіе о „помѣщикѣ" опять заслонялось представленіемъ о „полякѣ". Кромѣ коммунистическихъ тенденцій, къ крестьянскому дѣлу пристегивали еще украинофильство, какъ, въ свою очередь, пригодное къ дѣлу по причинѣ извѣстныхъ неблаговоленій къ нему, причемъ его иногда относили по совсѣмъ неподходящему адресу. Разъ и „Моск. Вѣдомости", по чьему-то наущенію, пустили въ обращеніе отзывъ, что въ юго-западный край забрались такіе украинофилы, которые, вмѣсто того, чтобы составлять выкупные акты, служатъ панихиды на могилѣ Гонты и возбуждаютъ въ населеніи сепаратическіе инстинкты. Все подобное раздувалось такъ, что тревоги сообщились, наконецъ, и Петербургу. И вотъ, въ концѣ лѣта, появилось извѣстіе, что для выясненія дѣйствительнаго положенія и дачи дѣлу должнаго направленія, съ устраненіемъ вредныхъ помѣхъ, отправляется въ Кіевъ министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ. При распространенныхъ тогда понятіяхъ объ его симпатіяхъ и антипатіяхъ, многіе считали предстоящее его появленіе полнымъ характерныхъ ауспицій, въ смыслѣ новаго поворота крестьянскаго дѣла на старый ладъ или, по крайней мѣрѣ, значительнаго „сокращенія" начинавшаго устанавливаться направленія.

Министерская поѣздка дѣйствительно состоялась, и въ первой половинѣ сентября Валуевъ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ его

встрѣтили одни съ большими надеждами, а другіе—съ опасеніями. Къ этому времени вызваны были туда многіе представители крестьянскихъ учрежденій изъ всѣхъ трехъ губерній и разныхъ уѣздовъ. Собравшіеся члены губернскихъ присутствій, предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ и многіе мировые посредники, составили большую массу, крайне заинтересованную результатами предстоящихъ объясненій и указаній для ближайшей участи крестьянскаго дѣла. Ожидали обширной и ярко опредѣленной рѣчи съ разрѣшеніемъ существеннѣйшихъ недоумѣній. Нѣкоторые изъ прибывшихъ составили записки, имѣвшія цѣлью, посредствомъ собранныхъ фактическихъ данныхъ, показать настоящую суть дѣла и обоснованнымъ представленіемъ отразить вліяніе построившихся миражей и предвзятыхъ взглядовъ. Съѣхались также для представленія министру и многіе помѣщики. Словомъ, ожидался рѣшительный моментъ.

Валуевъ пробылъ въ Кіевѣ около недѣли и, среди осмотра достопримѣчательностей и посѣщенія разныхъ учрежденій, далъ аудіенціи: Временной коммиссіи, губернскимъ присутствіямъ и отдѣльнымъ лицамъ, имѣвшимъ отношеніе къ крестьянскому дѣлу. 14-го сентября состоялся и общій пріемъ собравшихся представителей мировыхъ учрежденій. Этотъ пріемъ отличался немалою торжественностью. Валуевъ вышелъ къ собравшимся изъ кабинета въ пріемную залу со шляпою въ рукѣ и началъ рѣчь. Излагая свой взглядъ на общій ходъ дѣла въ краѣ, онъ прежде всего коснулся его медленности, при которой еще не было въ краѣ вполнѣ законченныхъ актовъ, а затѣмъ пошли общія соображенія и комментаріи. Плавно полились разнообразныя „едва-ли“ и „однако“. Конечно,—выражалъ онъ,—должно быть оказываемо вниманіе различнымъ интересамъ и мировые посредники должны дѣйствовать „твердо“, даже „самоотверженно“, однако важна и видимая быстрота успѣшныхъ дѣйствій въ понятіяхъ народа, потому что при ней является возможность скоро воспользоваться результатами рѣшеній. Народъ наблюдаетъ за конечными фактами и въ нихъ видитъ проявленіе правительственной власти, а довѣріе народа къ власти служитъ основаніемъ порядка. Мировыя учрежденія обязаны дѣйствовать въ духѣ порядка, и если имъ должно разъяснять народу его законныя права и обязанности, то едва-ли также слѣдуетъ выходить изъ круга „разумной исполнительности“, причемъ за указаніями надлежитъ обращаться къ центральной власти, представитель которой въ краѣ есть генералъ-губернаторъ. Слѣдовало еще много другихъ соображеній, почти не выходившихъ изъ сферы

общихъ мѣстъ, а затѣмъ—общій поклонъ и удаленіе со шляпою въ кабинетъ. Содержаніе этой рѣчи приводимъ на основаніи современныхъ отмѣтокъ и отзывовъ слушателей.

Несмотря на полную напряженность вниманія близко заинтересованныхъ дѣломъ слушателей къ словамъ этого выдававшагося тогда государственнаго сановника, съ окончаніемъ рѣчи они очутились въ большомъ недоумѣніи. Масса высказанныхъ общихъ соображеній и общихъ мѣстъ никого не удовлетворила, по отсутствію сколько-нибудь опредѣленныхъ, конкретныхъ указаній. Чувствовался недовольный тонъ, замѣтны были достоинство стиля, ораторская опытность—и только. Слушатели, расходясь, спрашивали другъ друга: „Да что̀ же именно высказалъ министръ, чего онъ требуетъ и чего слѣдуетъ ожидать? Сказано много, а не высказано почти ничего, такъ какъ о незаконченности актовъ мы и сами хорошо знаемъ, да причина-то этой незаконченности и составляетъ главный вопросъ. Какъ это—будь внимателенъ ко всѣмъ правамъ и интересамъ и въ то же время—торопись!? Важны народу его интересы, а еще-де важнѣе „конечные факты", чтобъ ими пользоваться,—да чѣмъ тутъ воспользоваться при спѣшкѣ, при разборѣ какъ-нибудь?!" Но никто не могъ сдѣлать изъ плавной, длинной и красивой рѣчи какое-нибудь резюме́. Представлялась возможность выводить изъ нея заключенія и въ ту, и въ другую сторону, и рѣчь эта, явившись крупнымъ событіемъ кіевской жизни, долго потомъ вызывала сужденія, сомнѣнія и споры подъ вліяніемъ того, чего каждый искалъ.

Профессоръ Шульгинъ, бывшій тогда издателемъ газеты „Кіевлянинъ", въ одномъ изъ фельетоновъ изображалъ потомъ эту рѣчь въ иносказательной формѣ: явился какой-то пророкъ предъ массою слушателей, жаждавшихъ его откровеній, и сказалъ много, но рѣчь его никакъ нельзя было передать, потому что

Есть рѣчи: значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Записки были приняты и послужили матеріаломъ для бесѣдъ на аудіенціяхъ. Здѣсь П. А. Валуевъ замѣчалъ, что видитъ въ запискахъ стремленіе повліять на министра, но такой способъ едва-ли и т. д.—и все кончилось опять общими соображеніями. Спрашивалъ я потомъ у Воронина—что̀ же было еще въ объясненіяхъ съ Временною коммиссіею, и нѣтъ ли основанія ожидать характернаго перелома, — но отвѣтъ получилъ въ такомъ

родѣ: „Да ничего яснаго сказать нельзя; мы слышали только нѣсколько фразъ, и очень вѣроятно, что изъ этого ничего не выйдетъ! Подождемъ — увидимъ“. Впрочемъ, Валуевъ успѣлъ высказать, что уноситъ изъ Кіева успокоительное впечатлѣніе и можетъ передать въ Петербургѣ, что дѣло вовсе не такъ тревожно, какъ можно было полагать до его отъѣзда оттуда.

Отъѣздъ министра изъ Кіева оставилъ, однако, много ожиданій. Думали—не придетъ ли еще какихъ-либо послѣдующихъ характерныхъ распоряженій. Ободрился Анненковъ, надѣясь на обузданіе непріятныхъ для него вліяній, но ему лично подготовлялось не торжество, а скорое оставленіе генералъ-губернаторскаго поста. Съ улыбкой покачивали головами по адресу Временной коммиссіи ея противники. Однако, дни шли за днями, недѣли за недѣлями, а не получалось ничего. Пришли, правда, нѣкоторыя критическія замѣчанія на упомянутую въ предыдущей главѣ инструкцію Временной коммиссіи, въ результатѣ чего пришлось измѣнить и дополнить редакцію нѣкоторыхъ ея статей, но все это вышло такъ несущественно, поверхностно, что ни на объемѣ, ни на характерѣ повѣрочныхъ работъ вовсе не отражалось.

Между тѣмъ, подходила уже глубокая осень, неудобная ни для повѣрочныхъ дѣйствій, ни въ особенности для межевыхъ работъ. Ходъ дѣла пріостанавливался волею-неволею, и вопросъ о назначенномъ для упомянутыхъ дѣйствій срокѣ упразднялся самъ собою. Неопредѣленныя ожиданія смѣнялись преобладаніемъ мнѣнія, что все возвращается къ положенію, бывшему до пріѣзда министра. Никакого перелома не состоялось, и наступила пора наружнаго затишья. По прежнему составлялись и разсылались журналы Временной коммиссіи, по прежнему направлялись къ ней мѣстныя представленія, по прежнему временами наѣзжали въ уѣзды члены коммиссіи, по прежнему же чувствовалась и рознь между живыми и безцвѣтными, а также смотрѣвшими въ разныя стороны представителями крестьянскихъ учрежденій. Но при всемъ внѣшнемъ затишьѣ, это положеніе далеко не представлялось спокойнымъ. Хотя законодательство и начало уже расчищать путь для будущаго хода дѣла, но работа эта не была закончена въ самыхъ необходимыхъ своихъ частяхъ, и оставалось не мало вопросовъ исполнительнаго свойства, имѣвшихъ очень большое значеніе.

Не буду вдаваться здѣсь въ подробности этихъ вопросовъ, считая исполненною задачу того очерка предыдущей исторіи крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ, какой я счелъ необходимымъ

предпослать воспоминаніямъ о своемъ личномъ участіи въ означенномъ дѣлѣ. Въ этихъ воспоминаніяхъ предстоитъ уже подробнѣе касаться дальнѣйшаго хода событій, тоже въ характерныя эпохи. Разсказъ о прошломъ нуженъ для выясненія той почвы, съ которою приходилось считаться при новыхъ обстоятельствахъ, а что̀ было дальше, о томъ—если Богъ продлитъ вѣку—разскажу въ слѣдующій разъ.

Ө. Воропоновъ.

ВСТРѢЧА

РАЗСКАЗЪ.

I.

„Приходите завтра въ четыре часа, — писала ему Наташа,—буду вамъ очень рада. Авось, не поссоримся; вѣдь мы уже не дѣти съ вами, дожили почти до сѣдыхъ волосъ. А давно ли, кажется?.. А впрочемъ, давно... Жму вашу руку и жду васъ.

„Н. Б.“.

Какъ много говорили ему эти строки, какую длинную вереницу воспоминаній вызвали онѣ изъ тайниковъ его души! Снова повѣяло на него весной, весной первой юности, и сердце его болѣзненно откликнулось на этотъ краткій призывъ.

Да, конечно, это было давно. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они разстались, а между тѣмъ и ему кажется, что это было вчера, что еще вчера слышалъ онъ любимый звукъ ея молодого голоса.

И вотъ они снова встрѣтятся послѣ пятнадцати лѣтъ, встрѣтятся, можетъ быть, какъ чужіе. И не поссорятся, нѣтъ,—состарились они оба, можетъ быть даже, устали. До сѣдыхъ волосъ еще далеко, но и на нее время, должно быть, успѣло наложить свою тяжелую руку.

Когда его пригласили заниматься съ нею „русскими предметами“, ей было шестнадцать лѣтъ. Она была высокая, стройная дѣвушка съ очень красивыми, но немного рѣзкими чертами лица, съ густой русой косой и большими, умными, совсѣмъ темными сѣрыми глазами. Ему было года двадцать-три. Родители его были люди довольно богатые, но онъ былъ права самостоя-

тельнаго, не хотѣлъ жить на родительскихъ хлѣбахъ, не хотѣлъ ни отъ кого зависѣть и занимался уроками. Съ увлеченіемъ принялся онъ развивать свою юную ученицу.

Образованіе ея было довольно запущено.

Отецъ ея былъ очень богатый и знатный баринъ, жилъ безвыѣздно въ Москвѣ, никогда не заглядывая въ свои помѣстья и проводя все свободное отъ сна время въ англійскомъ клубѣ и на званыхъ обѣдахъ. Жена его, Катерина Сергѣевна, была женщина кроткая и болѣзненная, любила музыку, любила помечтать, гувернантокъ не выносила, на дѣтей не обращала никакого вниманія, но ласкала ихъ и почти ни въ чемъ не стѣсняла свободу своей старшей дочери Наташи.

Занятія пошли очень успѣшно. Фактическая сторона преподаванія, правда, сильно хромала, но зато лѣнивая и избалованная дѣвушка, никогда ничего не дѣлавшая, со страстью принялась за книги, читала съ утра до ночи, волновалась, спорила и мыслила со всѣмъ увлеченіемъ первой молодости.

Учитель приходилъ на урокъ, какъ на сраженіе, во всеоружіи новыхъ идей, которымъ онъ будилъ дремавшій умъ впечатлительной и умной дѣвушки. И она слушала его часами, устремивъ на него горящій взоръ, съ пылающимъ лицомъ, съ легкимъ трепетомъ вокругъ гордаго рта. И вдругъ краска стыда заливала подчасъ ея щеки и съ задорной усмѣшкой, вызывающимъ голосомъ говорила она ему злыя, надменныя слова: „Все это прекрасно,—упрямо твердила она,—но напрасно думаете вы меня удивить. Будто вы все это сами выдумали! Все вѣдь изъ книгъ вычитали“. И онъ, чувствуя, какъ пьедесталъ его подъ нимъ колеблется, и нисколько не сожалѣя объ этомъ, старался сперва отшучиваться, но, раздосадованный затѣмъ ея небрежнымъ насмѣшливымъ тономъ и обиженный за свои идеи, рѣзко замѣчалъ ей, что удивлять ее онъ не намѣренъ, что, конечно, онъ повторяетъ чужія мысли, но что мысли эти—хорошія и смѣяться поэтому надъ ними вовсе не остроумно, а что она, Наташа, пустая, кисейная дѣвушка, которая ни къ чему не можетъ относиться серьезно.

— Ну, что̀ же такое, что я кисейная дѣвушка,—продолжала дразнить его Наташа,—за то я нисколько не поклоняюсь вамъ. Слышите? Нисколько. Вы совершенно правы, я смѣюсь надъ вашими идеями и надъ вами смѣюсь. Вы—фразёръ, и больше ничего. Можете сердиться, сколько вамъ угодно.

И они ссорились по-дѣтски, со слезами на глазахъ и съ

дрожью въ голосѣ, и съ ожесточеніемъ бросали другъ другу въ лицо нелѣпые, несправедливые упреки.

Обоими владѣлъ бѣсъ гордости, обоимъ имъ не хотѣлось покориться, не хотѣлось поддаться новому могучему чувству, которое охватывало ихъ души, и которое они не хотѣли даже назвать.

Онъ уходилъ измученный и взбѣшенный, съ угрозой никогда, никогда больше не возвращаться; она пожимала плечами, а когда оставалась одна, то закрывала лицо руками и начинала плакать слезами горькой обиды, безсильнаго, дѣтскаго раздраженія.

Потомъ порывъ этотъ проходилъ, она успокоивалась, съ тоской думала о размолвкѣ, начинала ждать его, готовиться къ уроку, начинала горячо винить себя во всемъ; и когда онъ, сконфуженный и неловкій, являлся въ опредѣленный часъ на урокъ, она встрѣчала его смущенной и ласковой улыбкой и смотрѣла ему въ глаза съ выраженіемъ покорности и безконечнаго счастья.

Время шло, промелькнула зима, наступили весенніе дни. Занятія пока еще не прекращались. Катерина Сергѣевна очень его полюбила и благосклонно относилась къ дружбѣ, установившейся между нимъ и ея Наташей.

Послѣ урока его звали иногда въ столовую и оставляли пить чай. Отца, обыкновенно, не было дома; младшія дѣти уходили спать; Катерина Сергѣевна садилась послѣ чая за рояль, а молодые люди, если погода была хорошая, шли въ запущенный, расположенный за домомъ садъ, гдѣ пахло тополями и распускались пышныя грозди душистой сирени. Изъ дому лились и замирали задумчивые звуки Шопеновскихъ ноктюрновъ; на голубомъ полумракѣ вечерняго неба вспыхивали первыя звѣзды, а въ душѣ, успокоенной тихой прелестью весеннихъ сумерокъ, зарождались прекрасныя, но смутныя грезы, и говорилось такъ легко и просто, не потому, что нужно было о чемъ-нибудь говорить, а потому, что говорить хотѣлось.

Казалось, все шло хорошо, впереди было свѣтло и ясно, и вдругъ, какъ весенняя гроза, разразилась новая, нежданная ссора, окончившаяся на этотъ разъ полнымъ разрывомъ. Все это вышло глупо, безсмысленно и стоило обоимъ имъ немало безсонныхъ ночей, но они были слишкомъ молоды, чтобы простить, и разстались почти врагами.

Съ тѣхъ поръ онъ почти ничего не зналъ о ней. Доходили до него слухи о томъ, что она много выѣзжала; слышалъ, что кто-то очень добивался ея руки, и получилъ отказъ. Потомъ

братъ ея былъ переведенъ въ Петербургъ и женился, младшая сестра Надя вышла замужъ, мать умерла. Она осталась жить одна съ отцомъ въ большомъ, опустѣвшемъ домѣ. Говорили, что она перестала появляться на балахъ, открыла какую-то школу или дѣтскій пріютъ. Больше онъ ничего не зналъ.

О ссорѣ съ ней онъ давно вспоминалъ съ печальной улыбкой, но онъ былъ женатъ, жизнь шла своимъ чередомъ и увлекала его отъ всего, что̀ было когда-то мило.

И вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ борьбы, труда и испытаній, онъ снова очутился въ Москвѣ.

Волной набѣжали на него воспоминанія, взволновали душу, вызвали изъ прошлаго забытый образъ строптивой дѣвушки, и ему страстно, неудержимо захотѣлось ее увидѣть. Онъ написалъ ей полу-оффиціальное, полу-дружеское письмо, въ которомъ просилъ забыть прошлое, простить его и... принять. Она отвѣтила ему: „Приходите“.

И теперь онъ, отпустивъ извозчика, подходилъ, какъ въ былые годы, пѣшкомъ къ знакомому дому, одиноко возвышавшемуся въ одномъ изъ пустынныхъ переулковъ Арбата.

Какъ и тогда, была весна; какъ и тогда, расцвѣтала сирень, только кусты ея разрослись и просовывали теперь свои вѣтви сквозь чугунные прутья садовой ограды.

Ему отворилъ молодой лакей,—старика Акима не было уже, вѣроятно, въ живыхъ.

— Наталья Алексѣевна дома?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Сердце его упало.—Какъ же?—пролепеталъ онъ.

Лакей искоса взглянулъ на него.—А позвольте васъ спросить,—развязно проговорилъ онъ:—вы не господинъ Н.?

— Да.

— Наталья Алексѣевна просили васъ обождать. Онѣ по дѣлу уѣхали, скоро будутъ.

Онъ рѣшилъ ждать.

— Наталья Алексѣевна приказали провести васъ въ ихній кабинетъ,—съ очевиднымъ любопытствомъ продолжалъ лакей:—онѣ безпремѣнно скоро будутъ. Извольте обождать.

— Хорошо, хорошо, подожду, — отвѣтилъ онъ,—я не тороплюсь.

Лакей удалился, и онъ остался одинъ, въ ея комнатѣ, снова...

Неужели же такъ сильно было дѣтское, давно забытое, давно заглохнувшее чувство, неужели же оно теперь проснулось?

Онъ обвелъ глазами небольшую свѣтлую комнату. Почти ничего въ ней не измѣнилось. Пятнадцать лѣтъ незамѣтно пролетѣли надъ этимъ завѣтнымъ, изящнымъ уголкомъ. Та же мрачная статуэтка въ глубокой нишѣ, тѣ же бездѣлушки на столахъ и этажеркахъ, тѣ же картины. Только обивка на мебели да обои другіе, да блѣдныя розы на голубомъ фонѣ диванной подушки еще больше поблекли, и на окнахъ стояли другіе цвѣты. Съ грустью взглянулъ онъ на горделивыя головки разноцвѣтныхъ гіацинтовъ; онъ не узналъ въ нихъ старыхъ знакомыхъ. Давно, давно отцвѣли тѣ розы, которыя она, бывало, безжалостно срывала и ставила передъ нимъ на столъ въ маленькой венеціанской вазѣ, когда онъ приходилъ на уроки.

Онъ взялъ теперь съ этого стола развернутую книжку. То была „La Duchesse Bleue“, послѣдній романъ Поля Буржè. Она не читала прежде подобныхъ книгъ. Тутъ же лежало недоконченное, разорванное письмо.

„Не могу выразить Вашему Сіятельству, какъ мы благодарны“...—писала она кому-то своимъ крупнымъ, размашистымъ почеркомъ. Чѣмъ-то чужимъ повѣяло на него отъ этой оффиціальной, невольно прочитанной имъ фразы, и съ внезапной тоской вспомнилъ онъ прежнюю, взбалмошную и немного дикую Наташу. Узнаетъ ли онъ ее? Сердце его слегка сжалось.

„Ужъ не напрасно ли я приплелся?“—мелькнуло у него въ головѣ.—„Ужъ не уйти ли мнѣ лучше?“—Но онъ, однако, не шелъ.

А вотъ и альбомъ. Все знакомыя лица. Катерина Сергѣевна, Миша, ея карточки нѣтъ, и его собственнаго портрета, а вѣдь онъ, помнится, былъ у нея. Неужели она его бросила?

Гдѣ-то съ шумомъ растворилась дверь, послышались легкіе шаги, шелестъ шолковаго платья.

— Онъ ждетъ? Давно? — раздался властный, порывистый голосъ. Онъ узналъ его. Еще мгновеніе, и она войдетъ. Онъ хотѣлъ кинуться къ ней на встрѣчу, но невѣдомая сила словно приковала его къ землѣ, и онъ остался недвижимъ, съ глазами, устремленными на дверь, въ какомъ-то нѣмомъ и трепетномъ ожиданіи.

II.

Наташа вошла, задыхаясь отъ быстрой ходьбы и съ сіяющимъ лицомъ протянула ему свою небольшую энергичную руку.

— Сергѣй Николаевичъ!—начала она:—какъ я рада васъ

видѣть! Простите меня, что я заставила васъ немного подождать; вы не повѣрите, какъ я торопилась...

Она проговорила все это со своей обычной поспѣшностью, весело и ласково, но на послѣднемъ словѣ голосъ ея дрогнулъ, и она замолчала, съ трудомъ переводя дыханіе. Сергѣй Николаевичъ тоже молчалъ. Губы его улыбались, а въ душѣ его было смутно, и онъ испытывалъ чувство, близкое къ разочарованію.

Когда онъ, за нѣсколько мгновеній передъ тѣмъ, стоялъ и съ замираніемъ сердца прислушивался къ ея приближающимся шагамъ, воображеніе его невольно рисовало ему прежнюю Наташу, и онъ ждалъ именно ее. Онъ именно ее хотѣлъ увидѣть, а не эту почти чужую ему высокую женщину въ сѣромъ шолковомъ платьѣ и большой круглой шляпѣ со страусовымъ перомъ.

Можетъ быть, и Наташа испытывала нѣчто подобное. Краска сбѣжала съ ея лица, и на немъ появилось выраженіе не то усталости, не то недоумѣнія.

— Ну, садитесь же, Сергѣй Николаевичъ,—торопливо проговорила она своимъ нервнымъ, глухимъ голосомъ и, подвинувъ къ нему низкое кресло, опустилась сама на стулъ у письменнаго стола.

— Чѣмъ же мнѣ угощать васъ?—продолжала она.—Хотите, я велю подать чаю? Нѣтъ, не хотите? Ну, хорошо, мы съ вами вмѣстѣ пообѣдаемъ, а теперь разсказывайте, разсказывайте скорѣе. Гдѣ вы странствовали въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ? Предупреждаю васъ, что я хочу все знать, рѣшительно все, какъ вы жили, что̀ дѣлали. Я вамъ очень рада, я... А помните,—прибавила она вдругъ съ немного натянутымъ смѣхомъ,—какъ мы съ вами поссорились, какими врагами разстались? Ну, да это было давно... Да говорите же! —воскликнула она съ нетерпѣніемъ.

— А вы все такая же, — отвѣтилъ онъ съ улыбкою: —нетерпѣливая, безпокойная. Во-первыхъ, вы не даете мнѣ сказать слова, а во-вторыхъ, подождите немного, дайте мнѣ сперва поглядѣть на васъ. Вѣдь мы съ вами пятнадцать лѣтъ не видѣлись.

— Да, пятнадцать. Даже подумать страшно. Я бы, пожалуй, не узнала васъ, а вы?

Невольная тревога блеснула въ ея глазахъ, и лицо ея снова вспыхнуло.

— Узналъ ли бы я васъ? Что̀ вы, Наталья Алексѣевна? Да какъ же бы я могъ не узнать васъ? Вы совсѣмъ, совсѣмъ не такъ сильно измѣнились.

Недовѣрчивая улыбка скользнула по ея лицу, и они снова замолчали.

Наташа сбросила шляпу и сидѣла неподвижно, сложивъ на колѣняхъ руки и устремивъ въ пространство грустный, какъ бы удивленный взоръ. Онъ смотрѣлъ на нее и сравнивалъ ее съ прежней Наташей.

Да, онъ бы узналъ ее. Конечно, она измѣнилась. Прическа и платье были совсѣмъ другія. Лицо ея поблѣднѣло и осунулось, въ глазахъ не было прежняго дѣтскаго задора, и между темныхъ бровей легли двѣ едва замѣтныя морщинки.

Но онъ ей не солгалъ, черты ея остались тѣми же, знакомыми, когда-то милыми ему чертами, и долго покоился на нихъ его внимательный, безконечно добрый взглядъ.

Она внезапно подняла голову.

— Сергѣй Николаевичъ, — проговорила она:—неужели же намъ нечего сказать другъ другу, неужели мы стали чужіе?

— Ну вотъ, ужъ и чужіе! Вовсе нѣтъ, но оба мы много пережили, оба измѣнились. Намъ нужно снова познакомиться, узнать другъ друга. Подумайте сами, не начать же намъ, какъ бывало, спорить о Писаревѣ. За пятнадцать лѣтъ много накопилось новыхъ мыслей, новыхъ впечатлѣній, и вотъ они теперь, не прошенныя и незванныя, встали между мной и вами...

— Когда я получила ваше письмо,—задумчиво продолжала Наташа,—я какъ-то забыла про эти пятнадцать лѣтъ. Я вспомнила прошлое, такъ живо вспомнила, что мнѣ показалось, будто мнѣ снова семнадцать лѣтъ. Я всю ночь не спала,—прибавила она и слегка покраснѣла, — все думала о томъ, какъ мы встрѣтимся, что̀ я вамъ скажу, и такъ много, такъ много хотѣлось сказать, и вотъ я теперь все забыла...

Сергѣй Николаевичъ добродушно засмѣялся.

— И знаете, почему?—весело спросилъ онъ.—Потому что вмѣсто студента, который съ кипою книгъ приходилъ къ вамъ, бывало, на уроки, вы увидѣли совершенно незнакомаго вамъ господина съ длинной бородой и въ золотыхъ очкахъ. Правда вѣдь, Наталья Алексѣевна?

— Можетъ быть, можетъ быть... Постойте! — прибавила она и, поспѣшно выдвинувъ ящикъ письменнаго стола, она порылась въ бумагахъ и вытащила небольшую фотографическую карточку.

— Узнаете ли вы вотъ это? — спросила она, протягивая ему ее.

Такъ вотъ гдѣ былъ его портретъ.

— А я думалъ, что вы его давно бросили! — сказалъ онъ,

смотря на нее исподлобья повеселѣвшими, благодарными глазами.

Она взяла у него карточку, долго на нее смотрѣла, потомъ покачала головой, и изъ груди ея вырвался едва слышный, подавленный вздохъ.

— Нѣтъ,—тихо произнесла она,—нѣтъ, я не бросила. Вы всегда дурно думали обо мнѣ.

Что̀ это было,—упрекъ, или она пошутила? Выраженіе лица ея было загадочно. Сергѣй Николаевичъ развелъ руками.

— Эхъ, Наталья Алексѣевна,—сказалъ онъ,—какая же вы злопамятная! Это даже нехорошо, что вы меня такъ обижаете. Сами вѣдь только-что сказали, что это было давно. Я вамъ повѣрилъ, а вотъ оказывается, что вы до сихъ поръ придаете значеніе глупымъ дѣтскимъ словамъ, словамъ, сказаннымъ сгоряча, въ минуту раздраженія, можетъ быть даже, подъ вліяніемъ иного чувства. Оказывается, что вы ихъ помните и все еще сердитесь на меня.

Наташа слегка поблѣднѣла, и темныя ея брови сурово сдвинулись надъ полными грусти глазами.

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—я не сержусь; я даже не совсѣмъ вѣрю, что вы дѣйствительно считали меня дурной. А прежде я этому вѣрила, и все-таки не сердилась. Если вамъ иногда казалось, что я сержусь, то это происходило оттого, что мнѣ было ужасно больно. Вы знаете, — одни плачутъ и жалуются, когда имъ дѣлаютъ больно, ну, а другіе царапаютъ. Я во многомъ, во многомъ сама была виновата,—прибавила она съ смущенной улыбкой,—теперь я могу уже въ этомъ сознаться.

— А вы думаете, мнѣ не было больно? вы думаете, я не вспоминалъ, не жалѣлъ тысячу разъ?

— Ну, нѣтъ,—спокойно перебила его Наташа.—Еслибы вы такъ часто вспоминали о прошломъ, то не ждали бы пятнадцать лѣтъ, а прислали бы раньше вѣсточку о себѣ. Вѣрю, что вамъ было грустно, вѣрю, что вы пожалѣли, но могли ли вы долго помнить о дерзкой, взбалмошной дѣвочкѣ, когда передъ вами была цѣлая жизнь, когда будущее сулило вамъ счастье, звало васъ на борьбу, на работу?.. Да что̀ говорить о прошломъ? Богъ съ нимъ, его не вернешь. Мы съ вами живые люди, не старики еще. Будемте же говорить о настоящемъ; разскажите мнѣ, что̀ вы сдѣлали, какъ сложилась ваша жизнь, какая у васъ цѣль, какія надежды.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, и все ея красивое лицо съ улыбающимися ему веселыми глазами показалось ему

въ эту минуту необыкновенно привлекательнымъ, дышащимъ отвагой и рѣшимостью. Что-то въ немъ дрогнуло. Такъ иногда изъ прорвавшейся тучи упадетъ сіяющій лучъ солнца, скользнетъ по деревьямъ, поиграетъ на зелени... и исчезнетъ.

— Какая у меня цѣль? — повторилъ онъ ея вопросъ.— Какъ вы это сказали! Да, я вижу, что вы-то еще молоды, а вотъ я такъ въ самомъ дѣлѣ старикъ. Не удивляйтесь, Наталья Алексѣевна, искренно вамъ говорю, старикъ.

Наташа, дѣйствительно, не могла скрыть своего удивленія и съ тревогой смотрѣла на него. Только теперь видѣла она ясно, насколько онъ состарился за эти пятнадцать лѣтъ, не измѣнился, нѣтъ, а состарился. Въ глазахъ, которые въ былые годы глядѣли такъ открыто и смѣло, свѣтилось теперь равнодушіе, скука; на вискахъ появилась цѣлая сѣть мелкихъ морщинъ; коегдѣ серебрились сѣдые волосы.

Наташа почему-то привыкла думать, что жизнь его должна быть свѣтлымъ праздникомъ, что онъ непремѣнно долженъ быть счастливъ. Неужели же нѣтъ, неужели она ошиблась? Неужели суровая дѣйствительность одну за другой отнимала у него всѣ его лучшія мечты, и онъ потому только послѣ стольвихъ лѣтъ и вернулся къ ней, что ему, измученному и усталому, захотѣлось, наконецъ, оглянуться назадъ.

— Чтò это вы говорите, Сергѣй Николаевичъ? — ласково произнесла она.—Вы меня пугаете.

Онъ слегка пожалъ плечами.

— Да чтò же дѣлать! Вы вѣдь позволите мнѣ закурить?— прибавилъ онъ. Она кивнула ему головой, онъ закурилъ папироску и продолжалъ.—Чтò же дѣлать! Не лгать же мнѣ, не рисоваться же, особенно передъ вами. Вѣдь мы съ вами старые друзья, не такъ ли, Наталья Алексѣевна?

— Старые друзья?—уныло повторила она.—Да, конечно.

— Ну, вотъ видите. Никому другому я, можетъ быть, не сталъ бы раскрывать свою душу, но вы меня знали молодымъ, вы знали меня въ лучшее время моей жизни, съ вами я долженъ быть откровененъ. Да, Наталья Алексѣевна, я пришелъ къ вамъ съ повинной головой. Обѣщайте мнѣ не быть слишкомъ строгой. Обѣщаете?

Наташа слегка наклонила голову.

— Не будьте *вы* слишкомъ строги къ самому себѣ,—начала она, и голосъ ея прозвучалъ такъ задушевно, что онъ снова съ задумчивымъ удивленіемъ, пристально посмотрѣлъ на нее, потомъ взялъ ея руку и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Нѣтъ, — горячо отвѣтилъ онъ,—нѣтъ, не буду. Кому охота себя бичевать. Да и не могу я сказать, чтобы я былъ ужъ очень себѣ противенъ. Нѣтъ, я не дурной человѣкъ, а такъ, очень сѣренькій, очень обыкновенный человѣкъ, лишній человѣкъ, если хотите. И бѣда моя въ томъ, что я не настолько глупъ, чтобы сваливать вину на другихъ или на обстоятельства. Самъ я виноватъ, самъ я какъ-то глупо устроилъ свою жизнь. Конечно, не особенно пріятно это сознавать, но чтò дѣлать, я сознаю это очень ясно.

— Да подождите,—остановила его Наташа,—вы, можетъ быть, несправедливы къ самому себѣ. Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы вы могли быть лишнимъ человѣкомъ.

И она повторила, упрямо тряхнувъ своей красивой головой:

— Просто, не вѣрится. Оставьте лучше всѣ эти обличенія, и скажите мнѣ просто, чтò вы теперь дѣлаете, чѣмъ теперь занимаетесь. Я ужъ сама увижу, лишній вы человѣкъ, или нѣтъ.

— Чтò дѣлаю, чѣмъ занимаюсь? Службой, Наталья Алексѣевна, самой обыкновенной, самой рутинной службой. Помните, какъ я самонадѣянно говорилъ, что никогда, никогда не буду служить. А вотъ видите, сдѣлался-таки чиновникомъ, пришелъ къ тихой пристани.

— Къ тихой пристани? Чтò же такое? Вы скажете мнѣ, что вамъ хотѣлось другого. Я вамъ вѣрю. Тѣмъ вѣдь и хороша молодость, что человѣкъ пробуетъ въ ней свои крылья, пробуетъ ихъ съ вѣрой, что онъ высоко взлетитъ. Счастливъ тотъ, кому это удается; но если крылья оказываются недостаточно сильными, если жизнь посылаетъ маленькое, скромное дѣло, то неужели же слѣдуетъ приходить въ отчаяніе? Полноте, мой другъ, кто изъ насъ хватаетъ звѣзды съ неба? Всѣ, всѣ мы— обыкновенные люди...

— Ну, нѣтъ,—желчно произнесъ онъ.—Все это слова. Я работаю, добросовѣстно тяну лямку, но и только. Зачѣмъ обманывать себя? чтобы примириться съ жизнью? Да зачѣмъ?.. Впрочемъ, конечно, можетъ быть, и я, лѣтъ черезъ десять, начну думать, что представляю изъ себя одного изъ тѣхъ китовъ, на которыхъ стоитъ вселенная...

Наташа слегка нахмурилась. Выраженіе лица ея было очень печально, очень серьезно, почти строго.

— Чтò же въ такомъ случаѣ заставило васъ поступить на службу?—спросила она.—Я что-то не понимаю, какъ это могло случиться?

— Чтò заставило? Мало ли какія были причины. Развѣ я

первый, развѣ я единственный, развѣ мало насъ, неудовлетворенныхъ и ненужныхъ людей? Не умѣемъ мы, вѣроятно, взяться за дѣло, не умѣемъ приложить къ жизни наши отрывочныя и слишкомъ отвлеченныя знанія. Двѣ, три неудачи, и уже опускаются руки, одолѣваетъ лѣнь, отчаяніе, а главное, лѣнь. По проторенной дорожкѣ идти легче. Скучно, правда, и стыдно, а все-таки легче. Проторенная дорожка, наконецъ, кормитъ, а у многихъ ли достанетъ мужества на нищенство?

— Нищенство? Да развѣ вамъ-то грозило нищенство? Вѣдь вы же были обезпечены, у вашихъ родителей, помнится, было имѣніе?

Онъ махнулъ рукой.

— Имѣніе-то я давно спустилъ, еще во времена Sturm- und Drangperiode, и повѣрьте мнѣ, что я объ этомъ не жалѣю. Можетъ быть, многіе считаютъ это глупостью; я увѣренъ даже, что многіе надо мной смѣются. Но пускай. Не будь этой глупости, нечѣмъ было бы и вспомнить прошлое.

— Да что же вы сдѣлали, отдали, подарили что-ли ваше имѣніе?

— Да, въ родѣ того. Не совсѣмъ впрочемъ. Пріѣхалъ я въ деревню съ самыми широкими замыслами,—чего только не думалъ я тамъ устроить. Ну, словомъ,—не смѣйтесь только,—я мечталъ чуть не о Нью-Ланаркѣ. И провалился, конечно. Почему,—было бы слишкомъ долго объяснять. Опять отъ незнанія дѣла, мѣстныхъ условій, отъ неумѣнья работать. Я пріѣхалъ новичкомъ въ деревню, и самонадѣяннымъ новичкомъ. Я думалъ, что достаточно прочитать нѣсколько книжекъ, чтобы управлять имѣніемъ, а въ результатѣ получилось то, что черезъ два года дѣла мои окончательно запутались, и о дальнѣйшемъ веденіи хозяйства и думать было нечего. Я могъ еще кое-что спасти, сдать въ аренду, заложить, продать лѣсъ на срубъ... Ничего этого я не сдѣлалъ, рѣшилъ, что пускай уже все пропадаетъ, кромѣ чести, и продалъ, почти подарилъ всю землю крестьянамъ за самую ничтожную цѣну. Кстати, я потомъ слышалъ, что у мужиковъ сложилось самое нелестное для меня мнѣніе о моихъ способностяхъ. И вѣдь, по правдѣ сказать, они были правы... На чемъ я, однако, остановился? Ахъ, да... забралъ я свои гроши и поѣхалъ скитаться за границу. Именно скитаться. Думалъ-то я учиться, а вышло иначе... Конечно, я слушалъ лекціи, бывалъ и въ библіотекахъ, и въ музеяхъ, но все это я дѣлалъ какъ дилеттантъ и занимался больше общими вопросами.

— Да почему же, почему?

— Опять почему? А потому, что и учиться надо умѣть. Вы думаете, нѣтъ?

Наташа ничего не возразила и только безпокойно подвинулась на стулѣ.

— А потомъ я вернулся въ Петербургъ съ цѣлью заняться, наконецъ, настоящимъ дѣломъ. О, это настоящее дѣло! Это словно какой-то миражъ, къ которому стремятся цѣлыя поколѣнія русскихъ людей. Стремился и я къ нему. Теперь-то, думалъ я, теперь я начну работать. Но скажите мнѣ, можно ли въ тридцать лѣтъ, безъ серьезной подготовки, безъ таланта, приняться за серьезную научную или публицистическую дѣятельность? Можетъ быть, и можно, только для этого нужна желѣзная энергія, тяжелый, упорный трудъ, то, что̀ нѣмцы называютъ: Ausdauer. Но этого-то у меня и не было. Сунулся я туда, сюда, написалъ двѣ, три статейки. Статейки вышли ничего себѣ, но я остался ими недоволенъ, онѣ показались мнѣ безцвѣтными, скучными. Мнѣ совѣтовали, впрочемъ, продолжать...

— Ну и что же, и что же, Сергѣй Николаевичъ?

— Для того, чтобы продолжать, надо было учиться, какъ школьнику, работать, не разгибая спины, потому что запасъ моихъ свѣдѣній быстро истощился...

— И вы?

— А я упалъ духомъ... Таланта, который бы не давалъ покоя и заставлялъ творить, у меня не было. Проторенная дорожка казалась такой ровной, идти по ней казалось такъ легко...

— Вы и пошли?

— Конечно. Скоро ужъ будетъ десять лѣтъ, какъ я по ней иду. Еще лѣтъ черезъ десять произведутъ меня, должно быть, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, потомъ дадутъ мнѣ приличную пенсію, и исторія моей жизни будетъ окончена, будетъ сдана въ архивъ... Скучная исторія, не правда ли? И вѣдь грустно то, что подобныхъ исторій у насъ не мало. Я уже сказалъ вамъ, что я не первый и не единственный. Всѣ мы читаемъ и думаемъ, напряженно прислушиваемся къ біенію окружающей жизни, но отдаться ея теченію не умѣемъ, и только со стороны слѣдимъ за нимъ завистливымъ, тревожнымъ взоромъ... Не думайте, что я считаю себя Рудинымъ. Нѣтъ, рудинскій типъ давно измельчалъ и выродился. Рудины были когда-то умѣстны, почти необходимы, ну, а мы, повторяю, лишніе люди... Вы спросили у меня давеча, что̀ я сдѣлалъ. Въ сущности, я ничего не сдѣлалъ. Я всю жизнь затягивалъ на различные голоса всевозможныя дворянскія мелодіи, тратилъ на нихъ свою энергію, а

между тѣмъ время шло, уходили лучшіе годы, не принося съ собой ничего, кромѣ усталости и чувства разочарованія, самаго жгучаго, самаго больного, разочарованія въ собственныхъ силахъ... Правда, какъ я уже сказалъ вамъ, я не дурной человѣкъ, я ничего не сдѣлалъ въ жизни безчестнаго, никогда не кланялся, никого не притѣснялъ,—но развѣ этого достаточно? Развѣ я о томъ мечталъ? Боже мой, о чемъ только я не мечталъ? Вы-то вѣдь помните, Наталья Алексѣевна?

— Какъ мнѣ не помнить? Славный вы были, ахъ, какой славный! Я потомъ такихъ не встрѣчала. Ну, да говорите, говорите, продолжайте, я не хочу вамъ мѣшать.

— Да и говорить-то больше не о чемъ. Разсказать вамъ развѣ о моей семейной жизни? Вѣдь вы знаете, я женатъ.

Наташа едва замѣтно вздрогнула.

— Да, да,—поспѣшила она замѣтить.—Да, я знаю.

Она нагнулась надъ письменнымъ столомъ и начала очень внимательно разсматривать лежавшее на немъ прессъ-папье.

— Вы вѣдь упомянули объ этомъ въ вашемъ письмѣ,—прибавила она.—И... и вы счастливы?

— Я женатъ. Дѣтей у меня нѣтъ. Жена моя... Знаете ли, Наталья Алексѣевна, мнѣ бы не хотѣлось говорить съ вами о моей женѣ. Можетъ быть, я отзовусь о ней слишкомъ рѣзко, несправедливо. Зачѣмъ? Вы ее не знаете, и пускай она останется для васъ чужой. Она была почти ребенкомъ, когда я на ней женился, тогда какъ я прекрасно сознавалъ, на что̀ иду. Я понималъ, что женюсь на бездушной, хорошенькой куколкѣ. Смѣшно было бы упрекать теперь ее въ томъ, что моя семейная жизнь не дала мнѣ ни единой свѣтлой минуты. Вы могли бы сказать мнѣ на это: „Tu l'as voulu, Georges Dandin“.

Сергѣй Николаевичъ замолчалъ. Прошла минута, другая... Наташа сидѣла въ невеселомъ раздумьи, подперевъ рукой голову и машинально слѣдя глазами, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Все тоскливѣе и тоскливѣе становилось у нея на душѣ, точно дуновенье осенняго вѣтра отрывало отъ нея какіе-то завѣтные лепестки, когда-то свѣжіе и благоухавшіе, а теперь измятые и поблекшіе, какъ его ненужная жизнь.

А казалось, у него было все, чтобы устроить эту жизнь хорошо и разумно, были и умъ, и способности, были благія желанія. Отчего все это пошло прахомъ, не слилось въ стройный аккордъ, не дало реальныхъ, видимыхъ результатовъ? Отчего? Неужели же только отъ лѣни, отъ недостатка энергіи, отъ недостатка труда, или была, можетъ быть, и другая

причина, болѣе глубокая, заключающаяся въ отсутствіи творческой силы? Какъ бы то ни было, но жизнь его разбилась, и даже не такъ, какъ разбивается морская волна, ударившись о грозный и хмурый утесъ, а такъ, какъ она разсыпается малыми брызгами на отлогомъ песчаномъ и скучномъ берегу.

Сергѣй Николаевичъ внезапно остановился передъ ней.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ,—вы теперь все знаете. Вы вѣдь сказали, что хотите все знать. Вы знаете, что вашъ строгій учитель, котораго вы, помнится, называли фразеромъ, оказался, дѣйствительно, пустымъ болтуномъ, вялымъ работникомъ и плохимъ сѣятелемъ.—Онъ подождалъ немного.—Ну, что же, Наталья Алексѣевна, судите меня.

Наташа молчала.

— Не хотите?—усмѣхнулся онъ.—Жаль вамъ, что-ли? Ну, такъ разскажите вы вашу жизнь, очередь теперь за вами.

Она не сразу ему отвѣтила, точно не слыхала его послѣднихъ словъ.

— Наталья Алексѣевна!

Она встрепенулась.—Да,—сказала она и провела рукой по лицу.—Съ чего же начать?

— Счастливы ли вы?—неожиданно спросилъ Сергѣй Николаевичъ.—Простите мнѣ мой нескромный вопросъ, онъ невольно вырвался у меня. Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы вы были счастливы.

Наташа откинулась на спинку стула и посмотрѣла на него такъ пристально и такъ пытливо, что Сергѣю Николаевичу сдѣлалось неловко.

„Ахъ, вамъ хочется, чтобы я была счастлива?“—казалось, говорилъ этотъ взглядъ.— „Такъ ли, не фраза ли это? не хочется ли вамъ, напротивъ, чтобы я любила васъ одного, и всю жизнь по васъ тосковала и томилась? Не хочется ли вамъ, чтобы я теперь въ этомъ призналась?“

— Счастлива ли я?—произнесла она съ горькой усмѣшкой. Какъ вамъ сказать? Того, что обыкновенно называютъ счастьемъ, у меня нѣтъ. Я не замужемъ, я никого не любила.

— Никого?

Наташа снова подняла на него глаза, и на этотъ разъ глаза ея смотрѣли еще строже и еще печальнѣе.

— Никого,—холодно повторила она.

— Помните,—продолжала она, и голосъ ея внезапно зазвенѣлъ,—какъ вы называли меня кисейной дѣвушкой? Не переби-

вайте меня: все это давно пережито, обо всемъ этомъ можно теперь говорить покойно.

— Однако вы не совсѣмъ покойны, въ вашихъ словахъ звучитъ нотка обиды. Наталья Алексѣевна, неужели же вы не простили, неужели вы считаете меня виноватымъ? Теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, мы можемъ, я думаю, безпристрастно обсудить нашу дѣтскую ссору. Мнѣ бы очень не хотѣлось уйти отъ васъ съ тяжелымъ чувствомъ.

— Я уже, кажется, сказала вамъ, что и я была виновата. Я не сержусь. Вы мнѣ не вѣрите? Ну, посмотрите мнѣ въ глаза. Видите, я не сержусь. Что̀, и теперь не вѣрите?—И она добродушно засмѣялась и, нагнувшись къ нему, слегка дотронулась пальцами до его руки.

— Я не сержусь,—повторила она,—только одно мнѣ непонятно. Вѣдь были же минуты, когда мы, казалось, понимали другъ друга, когда мы были вполнѣ искренни, вполнѣ довѣрчивы. Какъ же потомъ, послѣ этихъ минутъ, когда обоимъ намъ бывало такъ хорошо, мы снова начинали оскорблять другъ друга, снова начинали говорить самыя несправедливыя, самыя обидныя слова?

Сергѣй Николаевичъ былъ отчасти правъ. Наташа не могла говорить покойно. Она видимо боролась съ собой, хотѣла казаться веселой и равнодушной, а между тѣмъ голосъ ея слегка дрожалъ, и она нервно разрывала на мелкіе клочки недоконченное письмо, то самое, которое обратило на себя давеча вниманіе Сергѣя Николаевича.

Мало-по-малу ея волненіе овладѣвало и имъ.

Да, несправедливы и обидны были слова, которыя они наговорили другъ другу въ тотъ памятный вечеръ, послѣ котораго они не видались.

Онъ пришелъ къ ней, какъ всегда, на урокъ; она встрѣтила его съ шаловливой улыбкой, нарядная, въ бальномъ платьѣ, съ небольшой гирляндой темно-красныхъ гвоздикъ въ густыхъ, немного вьющихся волосахъ.

Она сдѣлала ему глубокій реверансъ и весело сказала: — Урока сегодня не будетъ, господинъ учитель; я ѣду на балъ, сегодня рожденіе Сони Протасьевой.

— Вы не сердитесь?—поспѣшила она прибавить.—Я бы написала вамъ, но я сама не знала. Насъ давно пригласили, но мама забыла мнѣ объ этомъ сказать.

И онъ бы, конечно, не разсердился, еслибы онъ пришелъ къ ней въ обыкновенномъ настроеніи; но, какъ нарочно, въ

этотъ злополучный вечеръ онъ болѣе чѣмъ когда-либо былъ въ нее влюбленъ, и болѣе чѣмъ когда-либо жгло его то слово, которое онъ еще такъ и не вымолвилъ, и которое готово было теперь сорваться съ его устъ.

И вдругъ она объявляетъ ему, что ѣдетъ на балъ. И такой она показалась ему равнодушной въ своемъ красивомъ нарядѣ, такой обидной и злой ея безпечная улыбка, что онъ не вытерпѣлъ и со всей горячностью своихъ двадцати-трехъ лѣтъ осыпалъ ее безжалостными и незаслуженными насмѣшками. Да, онъ имѣлъ жестокость сказать ей, что она пустая кокетка, что ей просто хотѣлось показаться ему въ бальномъ платьѣ. И струна порвалась. Онъ забылъ, чтò они тогда говорили; ему только ясно помнится полное гнѣва и страданія выраженіе ея поблѣднѣвшаго лица, сверкающій взглядъ возбужденныхъ глазъ и тотъ странный, поразившій его тогда голосъ, которымъ она наконецъ сказала:

— Вы, кажется, уходите, Сергѣй Николаевичъ? Прощайте, вы можете идти. Вы можете даже вернуться, если хотите, но меня вы уже не найдете. Ту глупую и покорную дѣвушку, которая все выслушивала и все прощала, вы никогда больше не увидите. Помните это.

Эти слова ея онъ хорошо запомнилъ, и не возвращался въ продолженіе пятнадцати лѣтъ...

Наташа внезапно вскочила съ своего мѣста, прошлась раза два по комнатѣ и остановилась у открытаго окна.

— Наталья Алексѣевна,—окликнулъ онъ ее.—Вы говорите, что вамъ непонятно, а развѣ вамъ никогда не приходило въ голову, что всѣ наши ссоры происходили оттого, что мы любили другъ друга?

Она вдругъ повернулась къ нему и съ минуту смотрѣла на него широко раскрытыми, неподвижными глазами.

Какъ она когда-то ждала этого слова, которое онъ сейчасъ произнесъ, какъ ей показалось, такъ равнодушно!

И вотъ теперь она дождалась. Онъ произнесъ его, но когда и при какихъ обстоятельствахъ! Не была ли это злая насмѣшка судьбы?!

— Приходило, — отвѣтила она, низко опуская свою красивую голову.—Но развѣ это объясняетъ что-нибудь, развѣ я не могла бы опять-таки спросить себя, почему то чувство, которое обыкновенно объединяетъ людей, послужило у насъ поводомъ къ раздору и разлукѣ?

— Ну, да оставимъ, оставимъ это, — перебила она самоё себя.—Все равно, теперь ужъ ничего не вернешь. Вы просили меня разсказать вамъ мою жизнь. Моя жизнь очень несложная и неинтересная. Ужъ, во всякомъ случаѣ, не болѣе интересная, чѣмъ ваша. Когда мы разстались, я почувствовала себя очень одинокой, обиженной и... несчастной. Я была озлоблена, самолюбіе мое страдало. Я махнула на все рукой и рѣшила сдѣлаться настоящей свѣтской барышней. Я поѣхала на тотъ балъ, изъ-за котораго мы поссорились, правда, со слезами на глазахъ и съ болью въ сердцѣ, но поѣхала. Мнѣ хотѣлось заглушить эту боль, и я цѣлую ночь танцовала и кокетничала, какъ безумная. И этотъ балъ не былъ послѣднимъ,—цѣлые два года длился этотъ угаръ. Кругомъ была роскошь, развращающая свѣтская обстановка. Вы знаете, у меня не было никого, кто бы съумѣлъ поддержать меня, научить, дать мнѣ совѣтъ. Были прежде вы, но вѣдь вы ушли. И я выѣзжала и наряжалась, слушала комплименты, говорила сама разныя пошлости. Мнѣ даже самой теперь не вѣрится, что я могла быть такой злой и испорченной дѣвчонкой. Впрочемъ, я уже сказала вамъ, я не была счастлива, и все мое легкомысліе, вся эта веселость были только маской, которой я сама въ душѣ тяготилась. Сколько разъ возвращалась я домой нарядная и утомленная. Всѣмъ и мнѣ самой казалось, что я веселилась. Въ ушахъ звучала музыка, звенѣли слышанныя, большей частью пустыя, рѣчи. Я бросалась въ постель, закрывала глаза и старалась заснуть, но черезъ минуту глаза снова раскрывались, и изъ моего недавняго прошлаго вставали цѣлыя картины. Я вспоминала васъ, наши бесѣды съ вами, наши долгіе частые споры, и чего бы я тогда не дала, чтобы снова увидѣть васъ, услышать вашъ голосъ, услышать тѣ слова обличенія, которыя меня такъ возмущали, но къ которымъ я привыкла и которыя стали мнѣ дороги, почти необходимы. Я уже не сердилась на васъ, не упрекала ни въ чемъ, и засыпала въ слезахъ, съ сознаніемъ моего ничтожества и моей безпомощности... Мой бѣдный другъ, вы не были рождены педагогомъ, и судьба какъ на зло послала вамъ неугомонную и непокорную ученицу, но вы все-таки учили меня уму-разуму, и труды ваши не пропали даромъ. Не даромъ мы столько съ вами читали, столько спорили, столько говорили. Не могла я послѣ вашихъ уроковъ, послѣ того новаго и свѣтлаго, что̀ вы внесли въ мою жизнь, удовлетвориться окружающей меня обстановкой,—нѣтъ, не могла я вполнѣ забыться и опошлиться. Въ концѣ концовъ я не выдержала и попробовала лишить себя жизни.

— Наталья Алексѣевна!

— О, не пугайтесь, я сдѣлала это такъ неумѣло, такъ по-дѣтски, что меня легко удалось спасти. Но я долго хворала, а потомъ умерла моя мать, и вотъ въ эти-то годы одиночества и болѣзни я и опомнилась и заглянула, наконецъ, въ свою душу, и рѣшила начать новую жизнь. Еслибы вы пришли тогда, вы бы не узнали меня. Я думаю даже, что мы бы не разстались, какъ прежде. Ну, что̀ дѣлать, вы не пришли, и мнѣ пришлось бороться одной. Я много читала, много думала, упорно работала надъ собой. Это были невеселые годы, а между тѣмъ я до сихъ поръ вспоминаю о нихъ съ любовью и благодарностью. Вы спросите, что̀ они мнѣ дали. Я скажу вамъ откровенно,—вы не заподозрите меня въ самохвальствѣ,—они дали мнѣ силу сдѣлаться человѣкомъ, а не пустой, нарядной куклой. Можетъ быть, еслибы мнѣ кто-нибудь помогъ, я бы сдѣлала больше; можетъ быть, стала бы ученой женщиной... Этого мнѣ не удалось. Мнѣ пришлось удовлетвориться скромной ролью благотворительницы... Я знаю, ка̀къ относятся ученые къ подобной дѣятельности, я вѣрю, что они правы, но, повторяю, другая дѣятельность была мнѣ не подъ силу... У меня были деньги, были связи, было страстное желаніе работать, но вы были правы: я, въ сущности, была свѣтская дѣвушка, безъ большого развитія, безъ серьезнаго образованія. Я сдѣлала то, что̀ могла, я много работала и работаю до сихъ поръ. Вы скажете мнѣ, что я помогаю единицамъ, что трудъ мой—капля въ морѣ и, можетъ быть даже, ненужная капля. Все это такъ, но пускай другіе, болѣе умѣлые, болѣе сильные, двигаютъ человѣчество... Мнѣ мой трудъ помогъ примириться съ жизнью, и я не могу относиться къ нему свысока и съ насмѣшкой... И наконецъ, я все-таки думаю, что я не совсѣмъ напрасно работаю. Что-нибудь да взойдетъ и принесетъ плодъ, кто-нибудь да скажетъ спасибо... Въ деревнѣ, напримѣръ, у меня школа,—въ ней вѣдь учатся будущіе люди, будущіе дѣятели; можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ сдѣлаетъ то, чего я не съумѣла, не смогла сдѣлать. А пока я удовлетворяюсь сознаніемъ, что я внесла въ жизнь этихъ ребятишекъ хотя немного свѣта, хотя немного способствовала къ тому, чтобы они потомъ вспоминали добромъ свое дѣтство.

— Вы спросили у меня, счастлива ли я, и я отвѣтила вамъ, что того, что̀ обыкновенно называютъ счастьемъ, у меня нѣтъ. У меня зато есть другое, выстраданное, завоеванное счастье, и этимъ счастьемъ я обязана вамъ. Безъ васъ я вѣроятно навсегда осталась бы суетной свѣтской женщиной, а можетъ быть, не

выдержала бы грознаго натиска жизненныхъ вопросовъ и дѣйствительно бы погибла. Въ продолженіе многихъ лѣтъ вы были моимъ единственнымъ наставникомъ. Я ничего не знала о васъ, но мнѣ всегда казалось, что гдѣ-то далеко вы совершаете какой-то трудный, прекрасный подвигъ. Пускай это была фантазія, но она меня поддерживала. Меня поддерживало желаніе быть достойной васъ; мнѣ всегда казалось, признаюсь вамъ, что вы вернетесь, и мнѣ хотѣлось сказать вамъ: вотъ что̀ я сдѣлала. Потомъ я перестала этому вѣрить, я перестала васъ ждать, но тогда я уже успѣла втянуться въ дѣло, успѣла полюбить его, мнѣ уже не нужно было поддержки.

Съ тѣхъ поръ, какъ Наташа, пересиливъ волненіе, начала говорить, Сергѣй Николаевичъ не спускалъ съ нея глазъ. Ему не вѣрилось, что онъ видитъ передъ собой ее, ту дѣвочку, милую, умную, способную на все доброе, но дѣвочку съ невыясненнымъ полу-ребяческимъ взглядомъ на жизнь. И онъ ничего не зналъ о ней!

Онъ съумѣлъ только заронить въ ея душу нѣсколько добрыхъ сѣмянъ, заставилъ ее полюбить его, а затѣмъ обидѣлся на какую-то дѣтскую выходку и ушелъ предоставивъ ей бороться одной.

Онъ никогда, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, не вспомнилъ о ней, не протянулъ ей руку помощи, не сказалъ себѣ даже, что, можетъ быть, она ждетъ его.

Да и могъ ли онъ думать, что она его ждетъ, могъ ли онъ подозрѣвать, что каждое сказанное имъ слово взойдетъ и принесетъ плодъ сторицей, что въ ея экзальтированной головкѣ самъ онъ превратится въ какого-то пророка, и что Наташа въ продолженіе многихъ лѣтъ будетъ идти за этимъ созданнымъ ею призракомъ.

Еслибы онъ зналъ, неужели же бы онъ не вернулся? И ему вдругъ съ мучительной ясностью представилось, что онъ пріѣзжаетъ, молодой, сіяющій, полный нетерпѣнія. — Гдѣ Наталья Алексѣевна?—спрашиваетъ онъ у отворившаго ему лакея. Ему говорятъ, что она въ гостиной, что она одна. Онъ порывистымъ движеніемъ отворяетъ дверь. Въ глубинѣ комнаты съ широкаго, стариннаго дивана поднимается ему на встрѣчу высокая, худенькая дѣвушка съ густой, немного сбившейся косой и большими, темными тревожными глазами.

Въ комнатѣ темно отъ набѣгающихъ сумерекъ, она не сразу его узнаетъ. И вдругъ: „Сергѣй Николаевичъ!“ —вырывается изъ груди ея слабый, полный безумной радости крикъ.

Нѣтъ, лучше не думать, лучше не представлять себѣ, что̀ могло бы быть, и чего никогда, никогда не будетъ.

III.

Солнце клонилось къ закату; въ открытое окно повѣяло изъ сада прохладой. Они не замѣчали этого.

Наклонившись надъ круглымъ столомъ, они разсматривали фотографическіе снимки, привезенные Наташей изъ деревни. Съ утомленнымъ и еще нѣсколько взволнованнымъ лицомъ она поясняла ему нѣкоторыя подробности и отвѣчала на его восторженные вопросы, въ которыхъ невольно звучала затаенная зависть.

И хотя все то, о чемъ она говорила, представляло для нея серьезный жизненный интересъ, глаза ея глядѣли разсѣянно, и она, казалось, думала о другомъ.

Она думала о томъ, зачѣмъ вернулся теперь этотъ человѣкъ, причинившій ей когда-то столько жгучей боли? Зачѣмъ пришелъ онъ тревожить съ такимъ трудомъ залеченную рану, отвлекать ея мысли отъ привычнаго, дорогого ей труда?

Она была ему многимъ обязана, она его когда-то сильно любила, но вѣдь онъ ушелъ, оставилъ ее... Зачѣмъ же вернулся онъ теперь, когда прошлаго нельзя было вернуть, когда проснувшееся чувство могло принести лишь разладъ и новую, еще болѣе мучительную борьбу?

Ей было жаль его; онъ стоялъ передъ ней такой сирый, словно обиженный, съ неудавшейся жизнью, съ разбитыми надеждами, и ей было жаль его.

Не такимъ думала она его встрѣтить! И все-таки со дна ея души поднималось старое чувство обиды, поднимались и душили ее давно накипѣвшія и еще невыплаканныя слезы.

Лакей, приходившій объявить, что обѣдъ поданъ, ушелъ въ большомъ недоумѣніи, не понявъ изъ отвѣта Наташи, убирать ли ему со стола, или еще подождать ихъ.

— Пойдемте,—опомнилась она, наконецъ.—Мы такъ заговорились съ вами, что насъ оставятъ, пожалуй, безъ обѣда. Пойдемте.

Она взяла его подъ-руку, они вышли изъ ея комнаты и пошли въ столовую длиннымъ рядомъ нежилыхъ комнатъ. Старинная неуклюжая мебель была покрыта бѣлыми чехлами; бронзовыя люстры и канделябры тускло блестѣли изъ-подъ окутавшей

ихъ кисеи; окна были замазаны на лѣто краской; въ высокихъ комнатахъ съ раскрашенными плафонами и лѣпными карнизами стоялъ нѣсколько спертый, нежилой воздухъ.

— Опустѣло наше старое гнѣздо, не правда ли?—промолвила Наташа.—Я теперь одна въ цѣломъ домѣ; папа́ уѣхалъ, онъ въ Киссингенѣ, онъ не совсѣмъ здоровъ. Да и тогда, когда папа̀ здѣсь, въ домѣ все-таки пусто. Какъ мы бываемъ зато рады, когда на пасху къ намъ пріѣзжаютъ Миша и Надя со своими ребятишками. Цѣлый день тогда сверху до низу раздаются веселые дѣтскіе голоса, топотъ маленькихъ дѣтскихъ ногъ... Ахъ, Сергѣй Николаевичъ, вы бы не узнали теперь Надю. А помните. какая она была маленькая, помните, какъ вы дразнили ее?

— Ну, садитесь,—прибавила она, когда они вошли въ столовую.—Садитесь вотъ тутъ, возлѣ меня, бѣдный Сергѣй Николаевичъ, вы вѣроятно, ужасно голодны.

И сама она опустилась на кресло съ высокой рѣзной спинкой, на которомъ въ былые годы, съ привѣтливой улыбкой на блѣдномъ лицѣ, сидѣла покойная Катерина Сергѣевна. Въ столовой тоже почти ничто не измѣнилось. Только люди исчезли, которые когда-то чинно сидѣли за длиннымъ столомъ, въ полголоса смѣясь и болтая.

Лакей такъ же молчаливо вносилъ и уносилъ блюда; стѣнные часы изъ краснаго дерева такъ же мѣрно тикали; такъ же равнодушно улыбались въ своихъ золоченыхъ рамахъ почернѣвшіе, покоробившіеся портреты; и Сергѣй Николаевичъ, сидя возлѣ Наташи, смотрѣлъ на нее, и странно и почти смѣшно было ему видѣть эту стройную даму въ длинномъ шолковомъ платьѣ, такъ просто и съ такою граціей принимавшую его въ полутемной столовой, видѣть ее и думать, что эта величественная, красивая дама есть та самая говорливая Наташа, которую онъ зналъ молоденькой дѣвушкой, съ рѣзкими движеніями, задорной улыбкой и густой русой косой.

Послѣ кофе, который имъ подали въ знакомыхъ ему золоченыхъ чашкахъ, они встали изъ-за стола и вышли на террасу, подышать свѣжимъ воздухомъ. Терраса эта, длинная и узкая, тянулась вдоль всей стѣны съ толстыми бѣлыми колоннами, которыя были обвиты еще полуобнаженными гирляндами дикаго винограда. На этой террасѣ они, бывало, часами спорили.—„О чемъ это мы тогда спорили?“—подумалъ Сергѣй Николаевичъ.— „И зачѣмъ?“

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Какъ вашъ садъ, однако, разросся за эти годы! — ска-

залъ онъ, чтобы прервать молчаніе, которое начинало становиться тягостнымъ.—Какъ въ немъ хорошо, какъ прохладно и тихо!

— Да,—отвѣтила она:—хорошо.

Разговоръ какъ-то не клеился.

Каждый изъ нихъ думалъ свою думу. Многаго они не могли сказать, а о другомъ говорить не хотѣлось.

Гдѣ-то въ отдаленіи раздавался замиравшій шумъ большого города, но въ заглохшемъ саду было, дѣйствительно, очень тихо. На небо набѣгали темныя тучи, и въ вечернемъ воздухѣ чувствовалось приближеніе дождя.

— Я, однако, засидѣлся у васъ, — сказалъ вдругъ Сергѣй Николаевичъ.—Ужъ поздно, пора и домой.

Наташа удивленно приподняла свои брови.

— Уже?—спросила она.—Ну, какъ хотите, — поспѣшила она прибавить,—я не смѣю васъ задерживать; а то бы остались, выпили бы вмѣстѣ чайку, поболтали еще.

— Нѣтъ, уже поздно, — повторилъ онъ:—благодарю васъ, Наталья Алексѣевна, но я лучше пойду. Я зайду къ вамъ завтра, вѣдь вы меня примете?

— Конечно,—привѣтливо начала она, протягивая ему руку, и вдругъ спохватилась, и внезапная мысль блеснула въ ея глазахъ.

— Завтра? — сказала она: — я и забыла, завтра меня не будетъ.

— Вы уѣзжаете?

Она съ минуту молчала, какъ бы соображая что-то, потомъ съ рѣшимостью подняла голову и отвѣтила:

— Уѣзжаю.

— Въ деревню?

— Нѣтъ, не теперь. Я поѣду сперва къ папà въ Киссингенъ, посмотрю, чтò онъ дѣлаетъ, побуду съ нимъ, а потомъ уже отправлюсь въ деревню.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на нее, лицо его вспыхнуло, и чувство обиды, горькое и мучительное, шевельнулось въ его груди.

„Судите меня",—сказалъ онъ давеча, и она ему тогда ничего не отвѣтила; но теперь, въ этихъ краткихъ, стоившихъ ей очевидной борьбы отвѣтахъ, онъ прочелъ свой невысказанный ею тогда приговоръ. Впрочемъ, она и теперь не осуждала его, не обвиняла ни въ чемъ, но для него хуже всякихъ упрековъ было сознаніе, что ей мучительно стыдно своей прошлой любви.

— Уѣзжаете?—протяжно повторилъ онъ:—за границу? Неужели же мы никогда, никогда съ вами не увидимся,—горячо продолжалъ онъ,—неужели же никогда?

Возможно, что зерно истины есть и въ томъ, и въ другомъ сужденіи, но не намъ, современникамъ поэта, принадлежитъ окончательный судъ надъ нимъ. Это — дѣло будущаго. Мы можемъ только наслаждаться у Ибсена красотою поэзіи,—ею несомнѣнно проникнуты образы его фантазіи, — и вмѣстѣ съ тѣмъ вдумываться и въ глубокіе вопросы жизни, которые положены въ основу его творчества. Въ бѣгломъ очеркѣ его дѣятельности нѣтъ возможности выяснить и поэтическую сторону предмета, и идейную его основу. Съ поэзіею Ибсена насъ лучше всего знакомитъ чтеніе самихъ произведеній. Я ограничиваюсь тѣмъ, что намѣчаю въ общихъ чертахъ ту область мысли, въ которой преимущественно вращается фантазія поэта, и мы увидимъ въ сюжетахъ его драмъ и въ изображенныхъ имъ характерахъ, какими мыслями волнуетъ онъ своихъ современниковъ.

Начнемъ съ тѣхъ пьесъ, которыя прежде всего обратили на себя вниманіе европейской публики. Съ 80-хъ годовъ въ Германіи и Англіи получили извѣстность „Нора“ и „Привидѣнія“.

„Нора“ у насъ дается на сценѣ и сюжетъ ея очень извѣстенъ. Жена тихонько отъ мужа заняла деньги, выдала вексель и поддѣлала на немъ подпись отца. Нѣсколько лѣтъ спустя, кредиторъ ея, не получивъ отъ ея мужа того мѣста на службѣ, котораго добивался, сперва грозитъ женѣ, прося ея ходатайства, а затѣмъ доводитъ ея поступокъ до свѣдѣнія мужа. У супруговъ происходитъ объясненіе, и они расходятся... Фабула драмы несложна; а между тѣмъ она не всегда понятна, и публика въ театрѣ часто недоумѣваетъ, чѣмъ собственно мучится героиня и откуда такая развязка драмы. Въ жизни супруговъ разыгрывается внутренняя драма: въ ней изображается ихъ взаимное непониманіе и превращеніе жены изъ куклы въ разумное существо. Нора совершила преступленіе по легкомыслію или ребячеству: она ничего не видѣла дурного въ томъ, что поддѣлала подпись. Вѣдь она сдѣлала это, чтобы спасти любимаго человѣка, достать денегъ на леченье своего мужа. Въ І-мъ дѣйствіи разговоръ съ кредиторомъ, а затѣмъ съ мужемъ наталкиваютъ ее на сомнѣніе, на вопросъ: хорошо ли она поступила тогда? Тутъ въ первый разъ самостоятельно начинаетъ работать ея сознаніе, а до сихъ поръ она всѣ свои мысли получала готовыми отъ мужа, и отвѣтственность за ея поступки несъ онъ одинъ. Единственный серьезный шагъ, который она сдѣлала безъ спросу и которымъ гордилась какъ высокимъ подвигомъ, — оказывается теперь преступленіемъ. Недоумѣніе передъ своимъ поступкомъ — хорошо это или дурно?—и сознаніе отвѣтственности жестоко ее мучитъ.

Затѣмъ, мучитъ ее и необходимость все скрывать отъ мужа: она думаетъ, что, любя ее, мужъ все, и вину ея, и безчестье, возьметъ на себя. А ее страшитъ та жертва, которую, она увѣрена, онъ готовъ принести для нея; она съ трепетомъ ждетъ того момента, когда онъ все узнаетъ... Это будетъ нѣчто сверхъестественное, то чудо, которое покажетъ ей любовь мужа, такую же безпредѣльную, какую она къ нему питаетъ... Этими чувствами— сомнѣнія въ себѣ и сознанія вины своей, страхомъ суда и прощенія; ожиданіемъ чуда (такого великаго чуда, котораго она не вынесетъ, а лучше лишитъ себя жизни),—этимъ-то и терзается молодая женщина въ продолженіе всего хода пьесы. Но чудо не совершается. Мужъ выказалъ не любовь, а себялюбіе; Нора же за эти три дня мученій выросла; изъ полу-ребенка она превратилась въ мыслящаго человѣка и теперь хочетъ самостоятельно учиться жить и думать. До сихъ поръ ихъ супружество не было союзомъ двухъ независимыхъ и равныхъ людей; потому что мужъ (а раньше отецъ) смотрѣлъ на нее некакъ на человѣка, отвѣтственнаго за свои поступки, а только какъ на живое украшеніе мужской жизни, какъ на куклу. Теперь она это поняла, и не можетъ дольше выносить своего кукольнаго очага: она убѣгаетъ отъ него. Этотъ порывъ женщины къ равенству и къ свободѣ нарушаетъ связь, освященную церковью и закономъ; расторгается бракъ, разрушается семья; женщина измѣняетъ обязанностямъ не только жены, но и матери: она уходитъ отъ дѣтей—искать новаго смысла жизни, новаго знанія, новыхъ самостоятельныхъ убѣжденій.

Драма эта совпала съ женскимъ эманципаціоннымъ движеніемъ въ скандинавскихъ государствахъ и вызвала множество толковъ: о ней столько писалось и говорилось, столько шло споровъ и ссоръ; она затрогивала такъ много наболѣвшихъ вопросовъ, что люди миролюбивые предпочли, наконецъ, вовсе не касаться ея въ разговорѣ, и приглашая гостей, дѣлали на письмѣ приписку: „о Норѣ просятъ не говорить“. И нѣмецкая публика отнеслась къ переводу этой пьесы также горячо: одни защищали равноправность жены; другіе негодовали на нее за пренебреженіе къ материнскимъ чувствамъ, и не прощали Норѣ, что она бросила дѣтей изъ-за какого-то неяснаго порыва самостоятельности; этихъ порицателей было большинство. Потому на нѣкоторыхъ сценахъ Германіи пьеса и давалась съ иною даже развязкою, чѣмъ у Ибсена: Нора тутъ оставалась при дѣтяхъ. Всѣ эти споры о томъ, хорошо ли поступила героиня и какъ должна она была поступить, ссориться или мириться съ мужемъ, оставаться въ

семьѣ или бѣжать отъ нея—доказывали прежде всего то, какъ живо нарисована была картина, если къ ней можно было примѣнять тѣ же споры, что къ дѣйствительной, а не выдуманной жизни. За этими спорами публика какъ будто не замѣтила, что этотъ такъ реально, жизненно очерченный характеръ, поставленный притомъ въ самыя обыденныя условія существованія, тѣмъ не менѣе представляетъ собою типъ совершенно исключительный. Всякая ли жена-кукла способна стать Норою? Многія ли обладаютъ ея душевными силами и способны такъ быстро вырастать умственно отъ работы совѣсти и сознанія? А у Ибсена Нора перерождается на глазахъ у зрителя, и въ послѣднемъ дѣйствіи она уже совсѣмъ иная женщина, чѣмъ въ первомъ.

Критика существующаго строя семьи, вложенная Ибсеномъ въ уста Норы, и заключеніе пьесы, гдѣ авторъ какъ будто отрицаетъ святость и ненарушимость супружескаго союза, вызвали обвиненія его въ безнравственности. Эти обвиненія усилились послѣ „Привидѣній“, гдѣ тотъ же вопросъ семейныхъ устоевъ поставленъ былъ еще рѣзче. Съ откровенностью, какую публика видѣла въ натуралистическихъ романахъ Зола̀ и его школы, Ибсенъ въ „Привидѣніяхъ“ выводитъ на сцену сына, который наслѣдовалъ тяжкую болѣзнь отъ кутилы-отца. Онъ заставляетъ его на глазахъ зрителей впадать въ идіотизмъ, а мать его колебаться—отравить его или нѣтъ. Героинею драмы и является эта мать, женщина, загубившая свою жизнь неправильнымъ пониманіемъ семейныхъ обязанностей. Смолоду она отдалась всецѣло тому, что̀ она считала своимъ долгомъ; теперь, подъ вліяніемъ новыхъ идей, она приходитъ къ сомнѣнію въ томъ, правильно ли она понимала свой долгъ. Сперва она приходитъ къ сомнѣнію, затѣмъ къ отрицанію прежняго образа мыслей, а потомъ находитъ, какъ будто, примиреніе старыхъ взглядовъ съ новыми, но тутъ катастрофа съ сыномъ прерываетъ ходъ этой внутренней ея драмы.

Замыселъ очень глубокъ и сложенъ, но внѣшнее дѣйствіе незначительно. Можно даже сказать, что дѣйствія на сценѣ вовсе нѣтъ. Пріѣзжаетъ пасторъ въ имѣніе покойнаго камергера Альвинга и встрѣчается съ его сыномъ, только-что вернувшимся изъ-за границы. Пасторъ пораженъ вольностью взглядовъ молодого художника на бракъ и любовь. Пораженъ не меньше и тѣмъ, что узнаетъ про семейную жизнь покойнаго Альвинга; вдова разсказываетъ ему то, что̀ она всю жизнь тщательно скрывала отъ всѣхъ, разсказываетъ, какъ порочень былъ ея мужъ, какъ много она страдала отъ него, какъ не воспитывала сына дома, чтобы

онъ не видалъ распутства отца и не потерялъ къ нему уваженія. Мужа она не любила, ушла-было отъ него, но вернулась изъ-за долга супружеской вѣрности; родился у нея сынъ, и она отказалась отъ его близости опять изъ-за чувства долга, чтобы въ сынѣ сохранить уваженіе къ отцу. Изъ-за вѣрности нелюбимому и негодному человѣку она лишила себя и любви, и материнскихъ радостей. Она всю жизнь лгала, насиловала себя,—лгала обществу, лгала сыну, и теперь спрашиваетъ себя: хорошо ли она дѣлала? правильно ли поняла семейный долгъ? Она склонна думать теперь, что нѣтъ, и совѣсть упрекаетъ ее за ложь. Пасторъ не успѣлъ придти въ себя отъ изумленія, какъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ между художникомъ и горничной заставляетъ догадываться о присутствіи въ натурѣ сына вкусовъ и инстинктовъ отца. Эта наслѣдственность проявляется въ художникѣ и иначе еще; онъ разсказываетъ матери, къ чему его приговорили врачи: онъ таитъ въ себѣ страшную болѣзнь, онъ кончитъ размягченіемъ мозга; но онъ проситъ мать не дать ему впасть въ слабоуміе — отравить его. Мать обѣщаетъ, беретъ у него порошокъ. А когда припадокъ начинается—она колеблется. На этомъ пьеса и кончается.

Что̀ значитъ самое заглавіе? Что называется „привидѣніями“? Въ одной изъ пьесъ, написанныхъ раньше этой, въ „Союзѣ молодежи“, Ибсенъ называетъ привидѣніями все уже отжившее въ общественномъ быту, но еще сохраняемое какъ наслѣдіе прошлаго: разные, потерявшіе смыслъ, вѣрованія и предразсудки; они, какъ выходцы изъ могилъ, боятся свѣта знанія, живутъ невѣжествомъ и задерживаютъ тѣмъ развитіе общества. Кромѣ того, привидѣнія означаютъ еще и нѣчто другое, а именно тѣ свойства личнаго характера или темперамента, которыя наслѣдуются отъ родителей и прародителей и сохраняются въ человѣкѣ, несмотря на перемѣну среды, воспитанія и всѣхъ условій жизни. Физическая наслѣдственность тяготѣетъ надъ человѣкомъ, какъ сила рока, въ видѣ особенностей его темперамента; и это—тоже привидѣнія. Слѣдовательно, наслѣдственность общественная, психическая, въ борьбѣ отжившихъ традиціонныхъ вѣрованій и взглядовъ, и наслѣдственность личная, физіологическая, въ формѣ наклонностей и склада характера—вотъ двоякій смыслъ этого заглавія.

Поэтому и самая драма имѣетъ двойное дѣйствіе: одно — это борьба въ душѣ героини между старымъ и новымъ ея міровоззрѣніемъ; старое религіозное міровоззрѣніе, на которомъ основана была ея семейная жизнь, представляется ей теперь

привидѣніями, т. е. суевѣріемъ и ложью; но отказаться отъ него она не можетъ, потому что старыя вѣрованія живучи въ сердцѣ. Другое дѣйствіе въ „Привидѣніяхъ“—не драма даже, а трагедія; роль античнаго фатума играетъ тутъ наслѣдственная болѣзнь. Этотъ фатумъ—стихійная сила природы—губитъ невиннаго человѣка, отнимаетъ у героини сына. И отнимаетъ въ тотъ моментъ, когда она находитъ примиреніе сердца и разсудка. „Истина восторжествуетъ,—восклицаетъ г-жа Альвингъ,—а идеалы все-таки не погибнутъ“. Истина тогда восторжествовала у нея въ душѣ и примирилась съ идеалами, когда она увидала въ своемъ безпутномъ мужѣ жертву цѣлой общественной среды. Она поняла тогда, что ея жизнь загублена не столько вѣрностью семейному долгу, сколько нетерпимостью и лицемѣріемъ общества.

Въ этомъ характерѣ разработанъ тотъ же мотивъ, что̀ въ Норѣ, только шире и глубже. Порывъ Норы къ свободѣ и самостоятельности принимаетъ въ „Привидѣніяхъ“ форму протеста противъ морали, противъ той морали, которая лежитъ въ основѣ общественнаго быта. Эта мораль, если не согласуется съ искренностью внутреннихъ побужденій, а *извнѣ* накладываетъ на человѣка обязанности, — эта мораль стѣсняетъ только свободу личности, производитъ только гнетъ на мысль и чувство. Протестъ со стороны личности противъ такого гнета былъ заявленъ Ибсеномъ самобытно и смѣло. Онъ не могъ не произвесть впечатлѣнія на европейскую публику. Какъ всякій протестъ, онъ вызывалъ на борьбу, поднималъ духъ, внушалъ энергію и бодрость. А такое впечатлѣніе составляло здоровую реакцію тому унынію и пессимизму, какія навѣяны были и Шопенгауэромъ, и французскими натуралистическими романами.

У Ибсена обѣ его героини протестуютъ противъ самаго основанія, противъ самаго смысла господствующаго порядка вещей. Обѣ онѣ ищутъ новаго смысла жизни, новыхъ идеаловъ семьи и общества. Обѣ требуютъ независимости мысли и искренности чувства. Такимъ образомъ въ обѣихъ авторъ воплощаетъ борьбу свободы и правды съ авторитетами и традиціями. Такое направленіе поставило Ибсена въ ряды передовыхъ борцовъ мысли, и его драмами стали пользоваться для своихъ обличеній всѣ недовольные современнымъ строемъ общества. Ибсенъ причисленъ былъ къ ниспровергателямъ существующаго, къ революціонерамъ и анархистамъ; а потому за нимъ надолго утвердилась репутація поэта-деморализатора, дерзновеннаго отрицателя нравственности—семейной и общественной. Но утвердилась, какъ мы сейчасъ увидимъ, неосновательно.

Впрочемъ, драма, послѣдовавшая тотчасъ же за „Привидѣніями“, — „Врагъ народа“, — способствовала этой репутаціи. Въ ней протестъ личности противъ общества идетъ дальше, возбуждается не противъ семейныхъ устоевъ, а противъ всего общественно-политическаго быта. Норвегія, какую видимъ въ драмахъ Ибсена, испытываетъ сильное броженіе умовъ и ломку всего своего строя. Противъ лютеранскаго піэтизма и противъ консерватизма чиновниковъ-бюрократовъ выступаетъ партія свободомыслящихъ и оппозиція либерально-демократическаго большинства. У Ибсена мы встрѣчаемъ представителей того и другого лагеря; но симпатіи его несомнѣнно на сторонѣ тѣхъ, кто ищетъ свободы и правды внѣ всякихъ партій и лагерей. Потому что жизнь общества, всего общества, со всѣми его партіями, представляется у него построенной на лжи, корысти и эгоизмѣ. Это ли не отрицательный взглядъ на жизнь? А между тѣмъ отъ драмы получается иное, не пессимистическое, впечатлѣніе.

Ея герой, д-ръ Штокманъ, человѣкъ правдивый, прямой, прозванъ за гуманность и демократизмъ убѣжденій—другомъ народа. Онъ приходитъ въ столкновеніе съ цѣлымъ городомъ, лишается заработка, друзей, всеобщаго уваженія и даже получаетъ прозвище „врага народа“ за то только, что огласилъ *истину*. Истина эта имѣетъ цѣлью благо человѣчества. Но ни истина, ни благо не нужны городскимъ обывателямъ и ни которому изъ ихъ лагерей. Потому правдивость и безкорыстіе д-ра Штокмана навлекаютъ на него преслѣдованія со стороны *всего* общества. Противъ него возстаютъ и власти, и либеральная оппозиція. Ибсенъ заставляетъ Штокмана признать, что либералы и демократическое большинство — самые опасные враги прогресса и истинной свободы. Изобличая это большинство (въ знаменитой рѣчи IV д.), онъ доказываетъ, что толпа, ея косность и невѣжественность больше тормозятъ развитіе общества, чѣмъ консерватизмъ властей. Толпа за это побиваетъ Штокмана камнями. Но онъ не боится толпы. Онъ одинокъ и силенъ. Силенъ сознаніемъ своей правоты и своею вѣрою въ лучшее будущее. Эта сила, вложенная Ибсеномъ въ его героя, и миритъ читателя съ пессимизмомъ въ изображеніи общества. Хочется вѣрить, такъ же, какъ вѣритъ Штокманъ, что нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ бываетъ прирождено духовное превосходство передъ другими, и что это превосходство восторжествуетъ, наконецъ, въ жизни общества. Штокманъ ставитъ себѣ задачей искать такихъ избранниковъ между уличными дѣтьми-оборванцами и воспитывать въ нихъ и умъ свободный, и правдивость сердца. Благородство этихъ

избранниковъ поведетъ дальше его дѣло, дѣло культуры, просвѣщенія, борьбы съ людскимъ эгоизмомъ и невѣжествомъ.

Таковъ идеалъ, во имя котораго герой Ибсена дѣлается врагомъ родного города. Таковъ индивидуалистическій идеалъ и самого поэта. Онъ лежитъ въ основѣ его протеста и въ основѣ всѣхъ его обличеній. Только нигдѣ этотъ идеалъ и эта вѣра въ благородство избранныхъ людей утвердительно не выражены съ ясностью. Наоборотъ, по мѣрѣ развитія таланта, по мѣрѣ изученія жизни, этотъ идеалъ осложняется и видоизмѣняется неузнаваемо. Вотъ почему отрицательная мысль Ибсена поражаетъ съ перваго взгляда, а положительная ея основа скрыта въ сложности и запутанности тѣхъ вопросовъ, которыхъ она касается. Отсюда и обвиненія Ибсена въ невѣріи и пессимизмѣ. А между тѣмъ вѣра въ человѣка и исканіе того высшаго начала жизни, которое примиряетъ противорѣчія ума и сердца, знанія и вѣры— вотъ главная основа поэзіи Ибсена. Потому вопросъ о смыслѣ и назначеніи жизни; исканіе идеальной цѣли и проведеніе найденныхъ идеаловъ въ жизнь; смѣна идеаловъ—замѣна прежнихъ новыми, основанными на разумѣ; болѣзненные процессы, сопровождающіе въ душѣ отдѣльнаго человѣка эти перевороты;— таковы главные мотивы Ибсеновскихъ драмъ. Мнимый анархистъ-революціонеръ Ибсенъ—прежде всего романтикъ-идеалистъ. Онъ смотритъ на жизнь съ большой высоты, съ высоты отвлеченной мысли. Въ этой отвлеченности—причина символизма его. Что̀ же иное и представляетъ собою символизмъ, какъ не внесеніе высшаго, отвлеченнаго смысла въ факты повседневности? Символизмъ — основное свойство его таланта. Это—порывъ фантазіи въ область мечты, въ міръ непостижимаго. Раньше европейской славы Ибсена, эта склонность его къ отвлеченности сказалась въ цѣломъ рядѣ произведеній, которыя на родинѣ его и въ Германіи создали ему громкое имя. У насъ онѣ мало извѣстны и наврядъ ли могутъ быть популярны. Слишкомъ сильно проникнуты онѣ скандинавскимъ духомъ, слишкомъ ярко окрашены мѣстнымъ колоритомъ. А между тѣмъ безъ нихъ непонятно творчество Ибсена; а онѣ, въ свою очередь, неотдѣлимы отъ біографіи поэта; ея и необходимо теперь коснуться.

Внѣшнихъ событій въ этой длинной и плодотворной жизни немного. Родился Ибсенъ въ мартѣ 1828 г., въ маленькомъ приморскомъ городкѣ, въ семьѣ обѣднѣвшихъ купцовъ. Учился онъ сперва въ начальной школѣ, а затѣмъ поступилъ „мальчикомъ“ въ аптеку. Тутъ у него проявляется сильная умственная жажда, и онъ начинаетъ готовиться къ университету. Школьныя изда-

нія Саллюстія и Цицерона воспламеняютъ его фантазію: онъ пишетъ первую свою драму—„Катилина“. Пишетъ и лирическіе стихи: привѣтствуетъ въ нихъ революцію 1848 года, взываетъ къ высокимъ чувствамъ скандинавовъ, возмущается недостаткомъ въ нихъ патріотизма и т. п. Драму свою онъ печатаетъ, но сбыта ей не находитъ и продаетъ ее съ вѣсу на бумагу. Зато второе его драматическое произведеніе—одноактная пьеса изъ норвежской исторіи — попадаетъ на сцену и имѣетъ успѣхъ; этотъ успѣхъ отвлекаетъ его отъ науки: экзаменъ онъ сдаетъ, но въ университетъ не поступаетъ, а сходится съ молодыми литераторами и затѣваетъ газету. Подписчиковъ на газету не находится, и издатель бѣдствуетъ—часто даже голодаетъ по цѣлымъ днямъ. Наконецъ, мѣсто при театрѣ въ Бергенѣ даетъ ему нѣкоторое обезпеченіе; онъ женится и весь отдается театру. Десять лѣтъ работаетъ онъ для сцены, сперва въ провинціи, затѣмъ и въ самой Христіаніи. По службѣ онъ обязанъ ежегодно ставить одну свою пьесу, а затѣмъ выбирать и разучивать съ труппою чужія, оригинальныя и переводныя. Природная склонность къ драматической формѣ сказалась у него уже въ обработкѣ античнаго сюжета Катилины; а теперь эта склонность укрѣпляется навыками и практикою на сценѣ. Это знакомство съ ремесленною стороною литературы было очень выгодно для техники его позднѣйшихъ драмъ. Но тѣ драмы и историческія трагедіи, на которыхъ онъ тогда практиковался, теперь сами по себѣ не имѣютъ большой цѣны. Онѣ всецѣло принадлежатъ скандинавской литературѣ, той романтикѣ и тѣмъ народно-патріотическимъ теченіямъ, которыя въ ней преобладаютъ въ 50-хъ годахъ. Выдаются изъ этихъ произведеній, имѣли тогда успѣхъ, переводились потомъ и на другіе языки двѣ драмы: „Ингеръ изъ Эстрота“ и „Праздникъ въ Сольгаунѣ“. Впрочемъ, тѣ особенности мысли и творчества, которыми Ибсенъ близокъ намъ, иностранцамъ, тутъ только намѣчены. Болѣе характерны и индивидуальны двѣ позднѣйшія драмы этого періода: „Сѣверные богатыри“ и „Претенденты на корону“ съ сюжетами изъ быта и изъ исторіи средневѣковой Норвегіи; но и онѣ, при всемъ своемъ поэтическомъ значеніи, едва-ли удостоились бы перевода на европейскіе языки, еслибы авторъ ихъ не написалъ „Норы“, „Привидѣній“ и всего послѣдующаго.

Въ Ибсенѣ, драматургѣ той поры, при всемъ обиліи сценическихъ его работъ, еще преобладаетъ поэтъ-лирикъ. И этотъ лирикъ настроенъ сатирически: онъ неудовлетворенъ тою пошлостью и мелочностью захолустья, которая его окружаетъ. Въ

первой пьесѣ, которую онъ пишетъ въ 1862 г. на современные нравы — въ „Комедіи любви“, онъ возстаетъ противъ господствующихъ въ обществѣ взглядовъ на бракъ и любовь; онъ возмущенъ тѣмъ, что люди не понимаютъ красоты и свободы чувства и не сохраняютъ навсегда поэзіи страсти. Любовь, о которой говорится при помолвкахъ и свадьбахъ, не есть настоящая любовь, а только пародія ея,—потому что въ ней не остается ничего, возвышающаго душу и вдохновляющаго ее на подвиги, на высшія цѣли жизни. Высоко-поэтическое чувство, подъ давленіемъ прозаическихъ заботъ жизни, обращается въ нѣчто скучное, низменное, плоское. Потому поэтъ-герой пьесы и влюбленная въ него дѣвушка и не женятся; онъ, чтобы сохранить всю цѣльность и неприкосновенность идеальнаго порыва, остается холостымъ; а она — выходитъ весьма прозаически замужъ за человѣка немолодого, но богатаго. Эта пьеса не была понята публикою такъ, какъ задумана ея авторомъ. Приподнятость чувства и паѳосъ въ обличеніи общепринятыхъ обычаевъ и взглядовъ указывали въ поэтѣ на полетъ фантазіи, отрѣшенный отъ всего жизненнаго, реальнаго. Съ высоты отвлеченнаго идеала онъ предъявляетъ къ жизни требованія, непримѣнимыя ни къ какому человѣческому обществу. Но если онъ намѣревался бичевать этой сатирой только свою родину, а не все человѣчество; если онъ негодовалъ на родное общество, то и общество это, въ свою очередь, вознегодовало на своего строгаго и несправедливаго обличителя: „Комедію любви“ упрекнули въ безнравственности замысла, а на автора ея посыпались тѣ сплетни и клеветы, которыми захолустье часто награждаетъ своихъ выдающихся людей. Ибсенъ поссорился съ родиною и въ 1864 году уѣхалъ въ Италію; потомъ онъ долго жилъ и путешествовалъ въ Германіи; а въ Норвегію возвращался лишь на короткіе сроки. Только черезъ двадцать лѣтъ вернулся онъ въ Христіанію, поселился въ ней и живетъ до сихъ поръ, какъ національный поэтъ и какъ европейская знаменитость.

Славу національнаго поэта заслужилъ онъ „Брандомъ“ и „Пееромъ Гинтомъ“; обѣ поэмы написаны въ Италіи. „Въ солнечной пристани южнаго моря сжигалъ онъ свои корабли,—пишетъ Ибсенъ въ одномъ стихотвореніи,—а дымъ ихъ тянуло къ сѣверу; и по этимъ воздушнымъ мостамъ фантазія уносила поэта на родину“. Такъ было съ самимъ Ибсеномъ. Мысль его не могла оторваться отъ Норвегіи, и обѣ поэмы воплощаютъ двѣ крайности норвежскаго народнаго характера: Брандъ—это непреклонность, суровость *воли*, закаленной въ борьбѣ съ при-

родою, напряженность всѣхъ силъ и прямолинейность въ достиженіи разъ намѣченной цѣли. Пееръ Гинтъ—гибкость натуры, богатство фантазіи, отсутствіе ясно-сознаннаго плана и разрозненность стремленій, въ противоположность единству и цѣльности Бранда.

Молодой пасторъ Брандъ проповѣдуетъ новый идеалъ жизни; борьба за этотъ идеалъ съ массою народной и съ представителями общества и государства и составляетъ содержаніе драматической поэмы. Брандъ—пасторъ, но это не одинъ изъ тѣхъ сектантовъ, которыми богато скандинавское и нѣмецкое лютеранство. Ученіе его не имѣетъ отдѣльныхъ отъ церкви догматовъ, правилъ или предписаній; оно требуетъ отъ людей, чтобы ихъ религія не отдѣлялась отъ жизни, убѣжденія отъ дѣла; чтобы вѣра или мысль проникала всего человѣка, чтобы вся жизнь направлена была къ высшей цѣли и отрѣшена ото всего низменнаго, корыстнаго, эгоистичнаго... Въ жизни должна быть цѣльность, потому девизъ проповѣдника—„все или ничего“. Это значитъ: иди во всемъ до конца, не бойся жертвъ, не бойся борьбы за ту цѣль, которую избралъ. Для такой борьбы необходима крѣпкая воля; напряженіе воли и есть по этому ученію первое и необходимое условіе спасенія. Силою воли надѣленъ самъ проповѣдникъ и самъ можетъ дать примѣръ того, *чего* онъ требуетъ отъ людей. У него дѣло не противорѣчитъ слову и мысли. Воля у него не останавливается ни передъ какими препятствіями; онъ жертвуетъ всѣмъ, чтобы остаться вѣрнымъ себѣ; за цѣльность своего ученія онъ отдаетъ самыя дорогія свои привязанности: и спасеніе матери, и жизнь сына, и жизнь жены,—наконецъ и свою собственную жизнь. Старуха-мать его, скупая, жадная крестьянка, заболѣваетъ; онъ не хочетъ идти къ ней, пока, для спасенія души, она не пожертвуетъ всѣмъ своимъ достояніемъ. Она соглашается отдать сперва половину, потомъ девятьдесятыхъ всего; но онъ требуетъ *все или ничего*—и она умираетъ безъ его пастырскаго напутствія. Хирѣетъ маленькій сынъ его отъ суровости климата; но Брандъ не уходитъ изъ этого прихода, потому что тутъ долженъ довести свою дѣятельность до конца. Страстную любовь къ семьѣ онъ приноситъ въ жертву своему призванію. Ребенокъ умираетъ; умираетъ за нимъ и жена. Какъ ни мучится и ни тоскуетъ Брандъ, онъ все-таки не отступаетъ отъ своего дѣла; своимъ вдохновеннымъ словомъ онъ сильно поднимаетъ духъ своей паствы—одичалаго крестьянства на крайнемъ сѣверѣ; но религіозное возбужденіе народа длится не долго: отрѣшиться отъ матеріальныхъ благъ, какъ того тре-

буетъ учитель, и принесть свое благосостояніе въ жертву высшей цѣли, толпа не можетъ. Возбужденіе ея скоро падаетъ, и проповѣдникъ побивается камнями. Борьба за идеалъ кончается пораженіемъ идеалиста. Въ заключеніе ему въ видѣніяхъ являются сынъ, жена, хоры невидимыхъ духовъ: онъ сомнѣвается, вѣрно ли онъ понялъ свое призваніе, вѣрно ли было самое его ученіе. „Скажи мнѣ, Боже,—вопрошаетъ онъ передъ смертью,—достаточно ли силы воли для спасенія?"—„Богъ есть милосердіе",—отвѣчаетъ таинственный голосъ.

Но милосердія и снисхожденія къ слабости не знала прямолинейность и строгость проповѣдника, а между тѣмъ Брандъ, при всей своей суровости, не черствый и не жесткій изувѣръ: онъ самъ глубоко страдаетъ изъ-за идеи, насилуетъ свою природу и ломаетъ жизнь—точно такъ же, какъ г-жа Альвингъ въ „Привидѣніяхъ" изломала свою во имя долга, во имя отвлеченной добродѣтели. Эта способность подчиняться отвлеченному понятію, бороться за идею, отдаваться ей, всецѣло жертвовать собою—племенная, національная черта. Всѣмъ почти героямъ Ибсена свойственъ такой идеализмъ; всѣ они болѣе или менѣе сознательно стремятся къ какой-нибудь отвлеченной цѣли. Если же мы спросимъ себя, въ чемъ собственно цѣль жизни Бранда, въ чемъ сущность его ученія—поэма не дастъ на это отвѣта: Ибсена здѣсь интересуетъ только борьба за идею, за нѣчто общее и отвлеченное, а не положительная доктрина. Этотъ герой, по собственному признанію поэта, могъ бы быть не священникомъ, а политическимъ дѣятелемъ, ученымъ или художникомъ; поэту дорога прежде всего та цѣльность личности, то *все или ничего*, подъ которое можно подвести любую идею.

Настойчивость и непреклонность воли, привычка къ борьбѣ, къ напряженію, выработываются въ народѣ не только свойствомъ расы, но и природою и климатомъ Норвегіи; тѣ же самыя условія порождаютъ и обратныя стороны характера. Люди, неспособные къ борьбѣ, а надѣленные фантазіею, уходятъ отъ суровой дѣйствительности въ міръ вымысловъ, отдаются силѣ случайностей въ жизни. Таковъ Пееръ Гинтъ, молодой крестьянинъ, охотникъ до розсказней, сочинитель всякихъ небылицъ. Фигура эта заимствована Ибсеномъ изъ народныхъ сказокъ. Тутъ скандинавская фантазія норвежца сказалась созданіемъ символическихъ существъ въ видѣ горныхъ духовъ, тролловъ, лѣсныхъ фей, разныхъ чудовищъ и т. п. Въ нихъ олицетворяются или душевныя силы человѣка, или стихійныя силы природы. Идея поэмы крайне осложнена и даже запутана фантастическимъ элементомъ и намеками

бытового и политическаго свойства, мало понятными для иностранцевъ. Герой ея невѣрно понимаетъ жизненное правило: *будь самимъ собою.* Вмѣсто того, чтобы развить и укрѣпить свои способности, направить ихъ къ одной высшей цѣли и быть всегда вѣрнымъ этой цѣли, онъ толкуетъ это правило въ эгоистическомъ смыслѣ. Онъ не работаетъ надъ собой, но отдается произволу личныхъ чувствъ и влеченій. Полюбивъ преданную ему дѣвушку, Сольвейгъ, онъ скоро бросаетъ ее и живетъ капризами фантазіи; сперва имъ владѣетъ страсть къ наслажденіямъ, а затѣмъ—страсть къ наживѣ. Онъ уѣзжаетъ съ родины и въ Америкѣ составляетъ себѣ большое состояніе, торгуя невольниками; затѣмъ онъ теряетъ это состояніе, скитается въ Африкѣ, вопрошаетъ въ Египтѣ сфинкса о смыслѣ жизни, попадаетъ въ Каирѣ въ домъ умалишенныхъ и т. п. Никогда нигдѣ онъ не былъ самимъ собою, не былъ цѣльною личностью. Въ заключеніе онъ возвращается старикомъ, одинокимъ и жалкимъ, на родину; онъ видитъ теперь, что невѣрно понялъ назначеніе жизни; онъ чувствуетъ приближеніе окончательнаго суда надъ собою и свою погибель. Примиреніе съ собою и спасеніе ему даетъ Сольвейгъ, ея вѣрность и постоянство. Небольшая сценка, между сценъ скитанія Пеера по Африкѣ, изображаетъ Сольвейгъ въ Норвегіи, въ избушкѣ, занесенной снѣгомъ; она поетъ про любовь свою, она все ждетъ и надѣется: живымъ или мертвымъ онъ вернется къ ней. Любовь ея и есть цѣльное, спасительное начало жизни; свиданіемъ съ нею и примиреніемъ предъ смертью и оканчивается драматическая поэма. И „Брандъ", и „Пееръ Гинтъ" имѣли большой успѣхъ въ Норвегіи. Отвлеченный идеализмъ Бранда, также какъ романтика и символика П. Гинта, были вполнѣ во вкусѣ и въ духѣ націи. А талантъ Ибсена между тѣмъ возросъ за границею и укрѣпился; національные типы перестали уже удовлетворять его. Фантазію его занялъ сюжетъ изъ *всемірной* исторіи, и настроенія своей мысли онъ сталъ вкладывать въ историческую личность Юліана Отступника. Борьба за новые идеалы жизни, какъ въ Брандѣ, исканіе высшаго руководящаго начала жизни, какъ въ П. Гинтѣ, оба эти мотива обработалъ онъ въ двойной драмѣ „Императоръ и Галилеянинъ". Только оба мотива теперь значительно осложнились отъ знакомства автора съ европейскою мыслью, и осложнились настолько, что поэтъ долго не могъ сладить съ широтою своего замысла и съ пестротою той картины, какую представляетъ собою эта эпоха исторіи. Онъ не разъ принимался за свою драму, оставлялъ ее, брался снова, передѣлывалъ, а въ перерывы на-

писалъ комедію, но уже на нравы современной Норвегіи. Комедія эта — „Союзъ молодежи“, въ литературномъ отношеніи вещь очень слабая. Она показываетъ только, съ какимъ вниманіемъ Ибсенъ изъ-за границы приглядывался къ тому, что происходило въ его отечествѣ. Работа фантазіи въ отвлеченныхъ вопросахъ не дѣлала его безучастнымъ къ общественнымъ и политическимъ интересамъ. Наоборотъ. Въ „Союзѣ молодежи“ онъ намѣчаетъ типъ дѣльца, политикана, типъ только-что народившійся въ Норвегіи въ 60-хъ годахъ. Онъ въ первый разъ изображаетъ тутъ то броженіе умовъ, которое впослѣдствіи перенесено имъ на общеевропейскую сцену. Родная публика оцѣнила это возвращеніе поэта къ ея быту, къ ея волненіямъ. И комедія имѣла успѣхъ; и самъ поэтъ, пріѣхавъ на время въ Христіанію, удостоился овацій со стороны всего общества и особенно со стороны молодежи. Отвѣчая на привѣтствія студентовъ, Ибсенъ признался, какъ много субъективнаго, какъ много личныхъ чувствъ и личной мысли вносилъ онъ въ свои драмы; сослался и на Юліана. Драма эта къ тому времени была уже закончена, и послѣ нея Ибсенъ не возвращался больше ни къ философскимъ, ни къ историческимъ поэмамъ.

II.

Историческая драма о Юліанѣ Отступникѣ написана Ибсеномъ въ пору наибольшей зрѣлости таланта, и потому она содержитъ въ себѣ тѣ идеи, которыя имъ вложены въ послѣдующія его драмы. Мнѣ придется коснуться ея очень бѣгло, потому что одинъ пересказъ ея содержанія занялъ бы слишкомъ много времени. Размѣръ произведенія—огромный. Оно распадается на двѣ драмы, въ пять актовъ каждая. И въ каждой драмѣ двоякое дѣйствіе: тутъ и внѣшняя жизнь Юліана, и внутренняя его борьба, т.-е. борьба въ его душѣ язычества и христіанства. Первая часть кончается восшествіемъ его на императорскій престолъ и отпаденіемъ отъ Христа; вторая — неудачнымъ походомъ въ Персію и смертью Юліана, а въ душѣ его—побѣдою Галилеянина. Историческая канва даетъ просторъ философски-отвлеченной мысли автора, и онъ изображаетъ въ мозгу своего героя много тѣхъ противорѣчій мысли, которыя смущаютъ и наше время. А въ его характерѣ онъ сливаетъ воедино натуру Фауста съ натурою Гамлета. Какъ Фаустъ, Юліанъ ищетъ такого начала жизни, которое удовлетворило бы всю сложность развитыхъ потребностей человѣка; а какъ Гамлетъ, онъ постоянно

колеблется и терзается отъ внутреннихъ сомнѣній. Юліана, юношей еще, плѣняетъ красота, красота въ созданіяхъ античной литературы и искусства, красота классической цивилизаціи. Но онъ стоитъ въ то же время и подъ обаяніемъ евангельскаго ученія; потому одна классическая красота не удовлетворяетъ его. „Старая красота перестала быть красивой“, жалуется онъ, „а новая истина перестала быть истиной!“ Новая истина, т.-е. истина евангельскаго ученія, приняла при дворѣ Византіи такія формы, въ которыхъ умъ юноши не видитъ настоящей, безусловной истины... Цѣльнаго, единаго начала жизни жаждетъ Юліанъ, а въ душѣ своей онъ не чувствуетъ его: вѣры въ Христа онъ не имѣетъ; онъ хочетъ знаменій, чудесъ, видимаго присутствія Божества. Въ евангельскомъ ученіи его смущаетъ изреченіе: Божіе—Богу, кесарево—кесарю. Онъ не допускаетъ такого раздѣленія жизни на небесною и земную; онъ, какъ Брандъ, ищетъ цѣльности; но отрѣшиться, какъ Брандъ, отъ личной жизни, отъ земныхъ благъ во имя идеала, онъ не можетъ; онъ бы долженъ былъ тогда для своего спасенія, ради царствія небеснаго, отказаться отъ царства земного, отъ престола цезарей. А въ немъ честолюбіе беретъ верхъ надъ исканіемъ истины и надъ жаждою спасенія. Онъ становится римскимъ императоромъ, повелителемъ почти всей вселенной и отступникомъ отъ Христа. И теперь въ евангельскомъ ученіи онъ хочетъ видѣть одно заблужденіе галилеянъ, и хочетъ въ отпоръ ему создать новое міровоззрѣніе, основанное на античной философіи. Императоръ пытается соединить въ своемъ лицѣ и нравственную власть Христа, и внѣшнее могущество цезаря. Сперва онъ борется противъ Христа умственнымъ орудіемъ: онъ пишетъ философскія изслѣдованія; но затѣмъ становится все нетерпимѣе и воздвигаетъ, наконецъ, гоненіе на христіанъ. Отъ этого гоненія только крѣпнетъ духъ христіанъ, очищаясь отъ всего дурного, наноснаго, и возвышается до героизма и мученичества; а Юліанъ падаетъ все ниже и ниже. Онъ дѣлается, наконецъ, орудіемъ въ рукахъ своихъ льстецовъ и умираетъ, подавленный нравственнымъ величіемъ своихъ жертвъ.

Эта борьба язычества и христіанства въ его душѣ есть, собственно, борьба двухъ началъ: красоты и истины. Идеалъ красоты завѣщанъ языческою культурою. Къ этому идеалу и стремится Юліанъ, но сознаетъ, что онъ устарѣлъ, а новой истины, внесенной Христомъ въ міръ, онъ не понимаетъ; онъ и не можетъ понять ее, потому что, прежде всего, онъ эгоистъ-деспотъ, воспитанный въ атмосферѣ лести, порока, преступ-

ленія и лицемѣрія. У него и жажда истины, и стремленіе къ красотѣ не находятъ себѣ удовлетворенія въ жизни, потому что парализуются недочетами его нравственнаго существа; новая истина—ученіе Христа—не проникаетъ собою его души: оттого въ немъ высокомѣріе, властолюбіе и самомнѣніе подавляютъ всѣ проявленія и ума, и талантовъ. Онъ убѣждается подъ конецъ, что его обманула мечта о красотѣ жизни, и что истина была не на его сторонѣ. Истина христіанскаго ученія, его внутренняя красота, боролась въ душѣ Юліана противъ внѣшней красоты, противъ красоты язычества; и Юліанъ погибъ жертвою этой борьбы, отъ раздвоенія красоты и истины, не примиреннаго въ его сердцѣ началами добра, милосердія и любви. Это—*основная* идея произведенія. Но на-ряду съ нею затронуто много глубокихъ вопросовъ. Для пониманія позднѣйшихъ произведеній существенно важна только эта идея—это несоотвѣтствіе высокаго ума и низости души, это противорѣчіе между мечтой о красотѣ и ея воплощеніемъ. Въ этомъ раздвоеніи—разгадка такихъ характеровъ какъ Эдда Габлеръ, какъ „Строитель Сольнесъ".

Послѣ „Императора и Галилеянина" Ибсенъ написалъ „Столпы общества". Это — жанровая картина буржуазно-провинціальной Норвегіи. Сюда онъ не внесъ никакихъ отвлеченныхъ замысловъ, но зато въ послѣдующихъ драмахъ: „Нора", „Привидѣнія", „Врагъ народа", мотивы жанровые осложняются идеалистическими. Въ Ибсенѣ-жанристѣ все еще живетъ сатирически настроенный лирикъ-идеалистъ. Оттого порывъ Норы къ независимости выраженъ сильно, но обще и отвлеченно. А въ „Привидѣніяхъ" мы совсѣмъ и не видимъ героиню въ обыденной ея жизни: она вся—воплощеніе душевной борьбы. Реальнѣе очерченъ д-ръ Штокманъ, но и его фантазія уноситъ отъ водопровода и городского хозяйства въ область тѣхъ цѣлей жизни, которыя доступны немногимъ. Онъ также, какъ обѣ героини, воодушевленъ идеаломъ правды и свободы и борется за этотъ идеалъ съ невѣжествомъ и эгоизмомъ большинства. Ибсенъ сочувствуетъ такому протесту личности противъ общества.

Но, вотъ, послѣ доктора Штокмана его симпатіи къ идеалистамъ мѣняются. У него общество по прежнему состоитъ изъ массы посредственностей. Но теперь и личность, воспитанная на отвлеченныхъ идеалахъ, оказывается неправа, когда предъявляетъ этой массѣ высокія требованія. Таковъ общій смыслъ „Дикой утки". Тутъ идеалистъ Грегерсъ Верле возвращается на родину послѣ долголѣтняго отсутствія. Онъ находитъ прежняго пріятеля своего, Гіальмара Экдаля, въ крайне ложномъ

положеніи. Во имя нравственности и справедливости Грегерсъ обличаетъ ложь, на которой основана семья Экдаля, и тѣмъ губитъ лучшаго человѣка въ этой семьѣ. Правда, высказанная имъ, приноситъ несчастіе и зло. Отсюда слѣдуетъ какъ будто, что ложь необходима для существованія, и Ибсенъ, слѣдовательно, нападаетъ на идеалы и защищаетъ ложь? Нѣтъ, не ложь жизненную защищаетъ Ибсенъ, а иллюзію, т.-е. правду, но относительную, условную правду. Гіальмаръ Экдаль живетъ иллюзіями, мечтами и фразами. Старикъ отецъ его былъ прежде компаньономъ торговаго дома Верле, попалъ вмѣстѣ съ Верле на скамью подсудимыхъ, но не съумѣлъ выпутаться, какъ Верле. Онъ потерялъ честь, состояніе, опустился, ослабъ и теперь живетъ подачками своего прежняго компаньона. Сына его, Гіальмара, Верле облагодѣтельствовалъ: онъ далъ ему средства открыть фотографію и женилъ его на молодой дѣвушкѣ, своей бывшей экономкѣ. Гіальмаръ не знаетъ причины этихъ благодѣяній и не знаетъ, что дѣвочка подростокъ, Эдвига, дочь не его, а Верле. Онъ — человѣкъ глупый, пустой и крайне самообольщенный. Онъ вообразилъ себѣ, что долженъ сдѣлать геніальное открытіе въ фотографіи, живетъ этой мечтой, ничего не дѣлаетъ и очень счастливъ. Жена и дочь души въ немъ не чаютъ, вѣрятъ въ него и работаютъ на него. У старика отца его, вмѣстѣ съ слабостью къ вину, есть такъ же, какъ у сына, своя иллюзія. Смолоду, богатымъ человѣкомъ, онъ любилъ охоту; теперь онъ устроилъ себѣ на чердакѣ подобіе лѣса изъ старыхъ рождественскихъ елокъ, напустилъ туда голубей, кроликовъ и время отъ времени стрѣляетъ ихъ. Сынъ увлекается этой забавой не меньше отца. У обоихъ чердакъ—главный интересъ, забота и радость жизни. Въ этомъ „лѣсу" водится и дикая утка. Она когда-то ранена была охотникомъ, пошла-было ко дну, но собака вытащила ее изъ тины съ поломаннымъ крыломъ, и она превратилась въ домашнюю птицу. Ее особенно любитъ Эдвига. Эта дикая утка—символическое олицетвореніе семьи Экдаля. И они были ранены въ жизни, и они пошли-было ко дну, но ихъ спасъ Верле. Онъ устроилъ ихъ такъ благополучно, что они освоились съ безчестьемъ и не замѣчаютъ его. Считая чердакъ лѣсомъ, ручную птицу—дикою, они и себя считаютъ людьми независимыми, благородными и счастливы этими иллюзіями. Является идеалистъ Грегерсъ Верле, сынъ ихъ благодѣтеля; онъ воображаетъ, что призванъ исправить зло, сдѣланное его отцомъ; за пустыми, но громкими фразами Гіальмара онъ не видитъ его слабости и дрянности; онъ не понимаетъ,

что нельзя вывести человѣка изъ того положенія, въ какое его ставитъ личный его характеръ. Когда Гіальмаръ узнаетъ отъ него всю правду, онъ хочетъ бросить свою семью. Онъ отталкиваетъ страстно любящую его дѣвочку, ни въ чемъ, конечно, неповинную. Она въ отчаяніи. А Грегерсъ съ высоты своего идеализма внушаетъ ей, что она можетъ вернуть себѣ любовь отца, если докажетъ ему свою привязанность и пожертвуетъ чѣмъ-нибудь особенно любимымъ, напр. дикою уткою. Дѣвочка въ экстазѣ чувствительности стрѣляетъ и убиваетъ не утку, а самоё себя.

Всѣ тѣ порывы къ правдѣ, свободѣ, къ самопожертвованію, которыми одушевлены идеалисты предыдущихъ драмъ, здѣсь, въ „Дикой уткѣ", принимаютъ видъ пародіи или каррикатуры. До того всѣ люди здѣсь плохи, слабы и ничтожны, что Ибсенъ какъ будто беретъ назадъ свои идеалы и осмѣиваетъ какъ будто самого себя. Но это не такъ: поэтъ съ горечью констатируетъ только правду жизни, но не отказывается отъ своего идеала. Онъ только дополняетъ этотъ идеалъ, вноситъ въ него новыя стороны, расширяетъ его своею опытностью, наблюдательностью и тѣмъ измѣняетъ его почти неузнаваемо. Изъ области отвлеченности и мечты онъ сводитъ его на землю и примѣняетъ его къ людямъ зауряднымъ, не къ героическимъ исключительнымъ натурамъ, а къ характерамъ, взятымъ цѣликомъ изъ дѣйствительности.

Не идеалъ правды и достоинства, провозглашаемый Грегерсомъ, принесъ несчастье въ семью Экдаль, а неразуміе самого идеалиста и непониманіе людскихъ характеровъ. Для борьбы за идею, для проведенія ея въ жизнь мало одного воодушевленія, одного только чувства. Нужно знаніе и не отвлеченное знаніе, научное или книжное, а знаніе живой жизни, живыхъ людей; мечтатели не годятся для проведенія въ жизнь своей мечты, они чаще всего падаютъ сами жертвою собственнаго благородства. Это видимъ у Ибсена на примѣрѣ Росмера, героя слѣдующей его драмы.

Фамилія Росмеръ издавна владѣетъ помѣстьемъ Росмерсгольмъ; безупречность жизни и благородство характера принадлежатъ къ ея традиціямъ. Послѣдній ея представитель, пасторъ Росмеръ, испытываетъ переломъ въ убѣжденіяхъ — отголосокъ общественной мысли. Въ обществѣ идетъ борьба новыхъ идей съ старыми традиціями; разгорается ожесточенная вражда „отцовъ" и „дѣтей". Оба лагеря вербуютъ Росмера; по фамильнымъ преданіямъ, по сану — онъ принадлежитъ къ „отцамъ".

по личнымъ убѣжденіямъ—къ „дѣтямъ“. Но участія въ борьбѣ, въ газетной полемикѣ, онъ чуждается. Вся та несправедливость, злоба и ненависть, которыя присущи враждующимъ сторонамъ, противорѣчатъ его идеаламъ разума и правды. Подъ вліяніемъ новыхъ идей онъ утратилъ *вѣру*, но выработалъ себѣ новый, свободный идеалъ жизни. Какъ и Штокманъ, онъ задается цѣлью воспитать въ людяхъ свободу ума, благородство сердца, внести въ жизнь правду и радость, облегчить гнетъ морали и т. п. Это человѣкъ цѣльный, человѣкъ идеи. Его умственные интересы раздѣляетъ Ребекка Вестъ; въ ней онъ находитъ и поддержку новымъ убѣжденіямъ, и утѣшеніе въ семейномъ горѣ. Росмеръ недавно овдовѣлъ. Жена его, Беата, кончила самоубійствомъ, и хотя многое въ ея экзальтаціи указывало на душевную болѣзнь и невмѣняемость, смерть ея тяготитъ совѣсть пастора. Ребекка Вестъ—дѣвушка новыхъ взглядовъ. Воспитанная врачомъ-матеріалистомъ, она надѣлена силою воли, и упорно стремится къ своей цѣли. Эта цѣль — стать женою Росмера; для этого она, какъ подруга Беаты, вошла въ домъ и добилась сперва дружбы и жены, и мужа. Бездѣтной Беатѣ она исподволь, но неуклонно и настойчиво внушала, что Росмеръ съ нею несчастливъ, не любитъ ее и скрываетъ отъ нея тотъ переворотъ, который происходитъ въ его душѣ; а онъ, дѣйствительно, своими сомнѣніями не смущалъ жены, болѣзненной, вѣрующей и самоотверженно его любившей. Эту самоотверженность она и доказала тѣмъ, что самоубійствомъ устранила себя изъ его жизни и уступила свое мѣсто Ребеккѣ. А та, и какъ хозяйка въ домѣ, и какъ собесѣдница и сотрудница въ занятіяхъ Росмера, стала ему необходима еще при жизни больной Беаты. Цѣли своей она достигла: Росмеръ полюбилъ ее и хочетъ на ней жениться. Но теперь она не хочетъ. И въ ней, какъ въ немъ, произошелъ переломъ мысли, только въ обратную сторону. Росмеръ освободился отъ прежнихъ убѣжденій, а она подчинилась имъ. „Пребываніе въ Росмерсгольмѣ облагораживаетъ“, говоритъ она Росмеру. И дѣйствительно, общеніе съ Росмеромъ облагородило ея натуру. Чистота и возвышенность его мысли, а главное, чуткость совѣсти, утонченной религіознымъ воспитаніемъ, пересилили ея энергію и эгоизмъ. Подъ вліяніемъ Росмера ея страсть къ нему утратила стихійный характеръ и стала самоотверженной преданностью. Добившись его любви путемъ преступленія (она довела Беату до самоубійства), она уже не можетъ теперь пользоваться своею побѣдою; въ ней заговорила совѣсть, и совѣсть не позволяетъ ей занять мѣсто загубленной

ею жены. Сила обстоятельствъ заставляетъ ее во всемъ признаться Росмеру. Онъ любилъ жену; дружбу, умственное общеніе съ Ребеккою онъ не считалъ измѣною; онъ не видалъ, какъ страдала несчастная Беата. А теперь и онъ оказывается соучастникомъ преступленія, виновникомъ ея самоубійства. Онъ любитъ Ребекку, но онъ сомнѣвается въ ея любви: способна ли она, какъ Беата, пожертвовать жизнью для него: — Да, теперь и Ребекка способна на такую же экзальтацію. А Росмеръ не имѣетъ уже той вѣры, которою воспитана его совѣсть: онъ не знаетъ надъ своею жизнью иного судьи, кромѣ себя самого, и произноситъ себѣ смертный приговоръ. Вмѣстѣ съ Ребеккою онъ бросается въ воду тамъ же, гдѣ утопилась и Беата. Мечтатель падаетъ жертвою своей мечты, своего благородства.

Его идеалъ свободы и правды созданъ вдали отъ людей и оказался потому нежизнеспособнымъ. Онъ разбился при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью: Росмеръ не только въ общественной борьбѣ, но и въ самой семьѣ своей не считался ни съ заблужденіемъ чувствительности, жертвою котораго пала его жена, ни съ силою страсти, ради которой Ребекка совершила преступленіе. Мечтатель не зналъ игры страстей, не испыталъ на себѣ силы эгоизма и побѣжденъ въ борьбѣ съ ними. Тутъ не самый идеалъ благородства отрицается Ибсеномъ, а возможность его осуществленія одинокими мечтателями. Росмерсгольмъ, такимъ образомъ, служитъ какъ бы дополненіемъ тѣхъ идей, которыя выражены въ д-рѣ Штокманѣ. А въ слѣдующей пьесѣ Ибсенъ вноситъ дополненіе и въ тотъ идеалъ женской независимости, который провозглашенъ у него устами Норы.

Жену провинціальнаго врача, Эллиду Вангель, за ея пристрастіе къ морю прозвали „женщиною съ моря". Это пристрастіе есть просто стремленіе къ свободѣ. Въ ней оно имѣетъ характеръ чего-то загадочнаго, какъ будто даже психопатическаго. Она, дѣйствительно, женщина развитой фантазіи, но болѣзненно настроенная. Она не удовлетворена своею семейною обстановкою, устраняется отъ семейныхъ обязанностей, легко поддается внушеніямъ и самовнушеніямъ и—тоскуетъ по чему-то неопредѣленному. Выросла она у отца въ одиночествѣ, на маякѣ. Случайно встрѣтилась она тамъ съ неизвѣстнымъ никому морякомъ-иностранцемъ. Онъ сильно возбудилъ ея фантазію и пріобрѣлъ особенную власть надъ нею. Это не любовь, а какая-то особая сила; какая—она не отдаетъ себѣ отчета. Однажды онъ взялъ у нея кольцо, связалъ съ своимъ и бросилъ въ воду: само море,— сказалъ онъ ей,—обручило ихъ. И впечатлительная дѣвушка по-

вѣрила. Морякъ этотъ потомъ убилъ своего капитана и скрылся. А затѣмъ умеръ отецъ ея, и она вскорѣ „пристроилась" за вдовца Вангеля. Счастья въ замужествѣ она не нашла; хотя мужъ ея добрый, сердечный, но она, при всемъ довѣріи къ нему, чувствуетъ себя чужою въ его домѣ, не сближается съ его взрослыми дочерьми и живетъ обособленно. Море влечетъ ее къ себѣ безотчетно, и это влеченіе соединяется въ ея представленіи съ властью того иностранца, образъ котораго постоянно преслѣдуетъ ее и наполняетъ ужасомъ. Ужасъ этого воспоминанія, ужасъ передъ его необъяснимой властью напалъ на нее незадолго до рожденія ребенка. Ребенокъ вскорѣ умеръ, а ея настроеніе все ухудшается, пока она не рѣшается во всѣхъ этихъ странностяхъ, фантазіяхъ и страхахъ признаться мужу. Тотъ, какъ врачъ и какъ горячо ее любящій человѣкъ, умѣетъ объяснить себѣ это настроеніе; но не сразу находитъ средство противъ него. Положеніе обостряется, и съ появленіемъ незнакомца доходитъ до кризиса, до переворота въ ея мысляхъ. Незнакомецъ знаетъ о ея замужествѣ, но онъ—человѣкъ воли и никакихъ препятствій не боится: онъ требуетъ, чтобы она уѣхала съ нимъ на другой же день. Въ Эллидѣ происходитъ борьба; передъ нею открываются два пути: или отдаться своему безотчетному влеченію къ свободѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиниться волѣ преступника; или отказаться отъ всего необъяснимаго, недостижимаго, и подчиниться той прозѣ жизни, которая ее окружаетъ. Эта внутренняя борьба заставляетъ ее задуматься о своемъ замужествѣ, о причинахъ своего недовольства, и у супруговъ происходитъ объясненіе, иначе, чѣмъ въ „Норѣ", и съ другою развязкою.

Между ними тоже было взаимное непониманіе, потому что сошлись они не по свободному чувству, а по разсчету; заключили, по ея словамъ, сдѣлку: ему послѣ смерти первой жены нужна была хозяйка и мать дѣтямъ, а ей, безпомощной и одинокой, нужна была опора въ жизни. Въ совмѣстной жизни онъ полюбилъ ее за цѣльность натуры, за правдивость и независимость, а она тяготилась имъ. Ея жажда моря, жажда свободы—это порывъ фантазіи въ область неизвѣданнаго, безпредѣльнаго, безконечнаго... Эти порывы могутъ привести ее къ потерѣ разсудка; она сама это чувствуетъ, и мужъ это предвидитъ. Тутъ его любовь и подсказываетъ ему крайнее средство, но вѣрное: онъ отказывается отъ нея и даетъ ей свободу выбора между прозаическимъ мужемъ и загадочнымъ преступникомъ. Это спасаетъ ее. Она находитъ себѣ удовлетвореніе въ сознаніи своей свободы и въ возможности вновь рѣшить свою судьбу и теперь по влече-

нію сердца. Она остается при мужѣ. Какъ только онъ далъ ей свободу, „неизвѣстное“ перестаетъ привлекать ее. Свобода, о которой она мечтала, была призрачной. Это былъ произволъ фантазіи, и произволъ стихійнаго, безсознательнаго въ ея природѣ. И какой свободой могла она пользоваться, если отдавалась во власть злой воли преступника и не умѣла отличать иллюзій отъ дѣйствительности, больныхъ состояній души отъ здоровыхъ? Знаніе и любовь мужа возвращаютъ Эллиду къ прозѣ существованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ жизни, и къ здоровью.

Обратная судьба постигаетъ Эдду Габлеръ. Эту героиню Ибсенъ тоже ставитъ въ противорѣчіе съ прозою жизни. Въ ней та же любовь къ свободѣ, та же сила фантазіи, та же жажда неизвѣстнаго, но все это характернѣе, чѣмъ въ „женщинѣ съ моря“. Въ ней больше силы, потому что природа ея здоровѣе и грубѣе.

Эдда, красивая, умная, блестящая дочь генерала Габлера, молодой дѣвушкой была въ дружбѣ съ Эйлертомъ Левборгомъ. Дружба эта держалась въ секретѣ, и таинственность плѣняла фантазію дѣвицы. Молодой ученый былъ совсѣмъ въ ея рукахъ. Она заставляла его разсказывать себѣ все, что̀ желала знать изъ области, недоступной молодымъ дѣвушкамъ. Жажда жизни, какъ она это называетъ, высказывалась, однако, осторожно, особенно когда касалась запретнаго: самые нескромные вопросы она предлагала иносказательно, но такъ развязно, что онъ не могъ не разсказывать ей про свои кутежи и всякія похожденія. Дружба эта кончилась тѣмъ, что ей пришлось отъ его грубости защищаться съ пистолетомъ въ рукахъ. Потомъ онъ сталъ вести такую разгульную жизнь, что совсѣмъ копрометтировалъ бы свою ученую карьеру, еслибы во̀-время не уѣхалъ въ провинцію. Тамъ онъ остепенился, написалъ и издалъ замѣчательную книгу и привезъ теперь еще рукопись новаго труда. А Эдда тѣмъ временемъ вышла замужъ. У нея было много поклонниковъ, но любить ее и заботиться о ней пожелалъ только Тесманъ—товарищъ Левборга, будущій профессоръ. Она вышла за него, потому что года уходили, лучшей партіи не представлялось, а Тесмана считали много-обѣщающимъ ученымъ. Но она не любитъ его и скучаетъ съ нимъ. Да Тесманъ и дѣйствительно скученъ. Онъ прекрасный человѣкъ, искренній, честный, обожаетъ ее, вошелъ даже въ долги, чтобы доставить ей роскошь, исполнять ея прихоти, но онъ—воплощеніе бездарности и узости спеціалиста. На горизонтѣ молодой четы является Левборгъ. Въ провинціи его полюбила Теа Эльфстедъ. Ея вліянію и обязанъ Левборгъ своимъ

исправленіемъ и своимъ успѣхомъ. Теа—противоположность Эддѣ. Но ея робость, кротость и преданность были плодотворнѣе, чѣмъ сила, блескъ и властность Эдды. Эта овечка, какъ называетъ ее Эдда, держитъ въ рукахъ судьбу человѣка. И какого! талантъ—не чета Тесману. Зависть, злоба разгораются въ Эддѣ. При первомъ же свиданіи съ Левборгомъ, оба вспоминаютъ прошлое, и она проявляетъ прежнюю власть надъ нимъ. Она заставляетъ его пить вино, дразнитъ свободою, волею, которую у него будто бы отняли, и толкаетъ его на погибель. Она тоже держитъ въ рукахъ судьбу этого слабаго человѣка. Она посылаетъ его на холостую пирушку. Ея жертва катится по наклонной плоскости: послѣ оргіи, Левборгъ на улицѣ роняетъ ту рукопись, которая должна обезсмертить его имя. Мужъ Эдды знаетъ цѣну его таланту и любитъ его какъ товарища; онъ подбираетъ эту рукопись и отдаетъ на храненіе Эддѣ. А Эдда знаетъ, что эта работа—плодъ совмѣстнаго труда Левборга и ея соперницы; она не выноситъ мысли объ этомъ союзѣ, и бросаетъ рукопись въ огонь. Когда Левборгъ является къ ней въ отчаяніи отъ своей потери, въ отчаяніи и отъ своего паденія, онъ горько жалуется. А Эдда толкаетъ его на новое безумство: она даетъ пистолетъ, чтобы онъ застрѣлился, и желаетъ, чтобы его конецъ былъ красивъ. И молодой дѣвушкой она видѣла въ порокѣ красоту; Левборгъ въ попойкахъ представлялся ей увѣнчаннымъ какъ Вакхъ. Позже она перестала вѣрить въ эту мечту. Но въ красоту порока вѣрила. Потому и въ самоубійствѣ она видѣла подвигъ, актъ, будто бы, сознательнаго мужества, воли и свободы. Но смерть Левборга лишила ее и этой иллюзіи: Левборгъ послѣ оргіи найденъ былъ въ будуарѣ актрисы съ разряженнымъ пистолетомъ въ боковомъ карманѣ. Выстрѣлъ убилъ его наповалъ. Было ли тутъ убійство или самоубійство—неизвѣстно; но красоты въ скандалѣ не было. А въ этомъ скандалѣ пострадала бы и репутація Эдды, еслибы полиція узнала, что пистолетъ былъ ея. Угрозою этого скандала и держитъ Эдду въ своей власти одинъ изъ ея прежнихъ поклонниковъ. Эдда малодушна и тщеславна, но зависимости отъ чужой прихоти она не переноситъ: она лишаетъ себя жизни—эффектно и неожиданно. Она загубила и себя, и Левборга, иллюзіею свободы и красоты, т.-е. невѣрнымъ ихъ пониманіемъ. Но отъ этого трудъ Левборга, вдохновленный другою любящею женщиною, не погибъ. Теа сохранила его наброски и замѣтки, а мужъ Эдды зналъ о сожженіи рукописи, и теперь считаетъ долгомъ дружбы возстановить ее.

Личность Эдды производитъ впечатлѣніе двойственное: сила

ея, запросы ума, воли и фантазіи, поднимаютъ ее высоко надъ уровнемъ ея среды, и это—привлекательная ея сторона. Но сила ея—злая. Это—сила стихійная, сила темперамента, и управляетъ ею произволъ эгоизма и властолюбія. Умъ ея направленъ только на все внѣшнее, показное. Красоты чувства, красоты самоотверженности она не понимаетъ; она не видитъ подвига любви подъ убожествомъ тетки, скучной, старомодной.

Недостатокъ чувства, эгоизмъ лежитъ въ основѣ этой натуры, и парализуетъ всѣ высшія ея стремленія; оттого мечты ея о красотѣ и свободѣ оказываются вздоромъ и ложью.

Это раздвоеніе души—противорѣчіе между мечтой о красотѣ и ея воплощеніемъ, высота мысли и низость души, сила фантазіи и безсиліе сердца—положены Ибсеномъ въ основу и „Строителя Сольнеса“. Только эта идея разработана тутъ глубже и съ новыми оттѣнками. Герой этой драмы тоже обладаетъ особою притягательною силою. Этой силѣ онъ и обязанъ успѣхомъ и удачею въ жизни. Сила эта какъ будто загадочная, но въ сущности она—та же, что въ Эддѣ Габлеръ, и сила—недобрая.

Сольнесъ, человѣкъ уже немолодой, находится наверху славы и благосостоянія. Ему очень везло въ жизни, но своими первыми успѣхами онъ обязанъ семейному горю. Талантъ свой онъ впервые проявилъ и сталъ получать много заказовъ послѣ того, какъ отличился, выстроилъ себѣ домъ послѣ пожара. А пожаръ этотъ былъ причиною и семейнаго горя: сгорѣлъ домъ его жены. Это былъ родительскій ея домъ, ветхій, некрасивый, и Сольнесъ всегда тяготился имъ и всегда въ душѣ желалъ, чтобы онъ сгорѣлъ. Желаніе его исполнилось, но не такъ, какъ ему хотѣлось. Жена его, послѣ пожара, отъ волненія, испуга и сожалѣнія, заболѣла; пострадали и два ея новорожденныхъ близнеца. Малютки умерли, а жена никогда не могла оправиться и все тосковала о прошломъ; дѣтей у нихъ больше не было, и счастья настоящаго также не было. Былъ домъ—не было семейнаго очага, потому что не было близости между супругами: оба они считали себя другъ передъ другомъ виновными. Онъ—тѣмъ, что не съумѣлъ послѣ пожара сдѣлать ее счастливой; а она винила себя за то, что такъ приняла къ сердцу пожаръ, и не имѣла мужества перенести потерю стараго дома. Тоска въ этой семьѣ усиливается и доходитъ почти до душевной болѣзни. Сольнесъ становится мнителенъ, и подозрителенъ. Его мучитъ мысль о прошломъ и пугаетъ будущее. Въ прошломъ его были только удачи, но эти-то удачи теперь и мучатъ строителя; онъ ждетъ, что счастье обернется противъ него, потому что совѣсть его чуетъ, что за удачи

нужно расплачиваться; этими удачами онъ обязанъ особой силѣ, которая не прощаетъ,—и онъ боится возмездія. Боится, что возмездіе явится въ лицѣ молодого поколѣнія, передъ которымъ его талантъ долженъ будетъ уступить дорогу. И возмездіе является, но является въ образѣ молодой дѣвушки; Гильда приходитъ тоже за расплатою,—она требуетъ осуществленія той мечты, которую онъ, его талантъ, успѣхи и слава пробудили въ ея фантазіи. Полу-ребенкомъ она влюбилась въ блестящаго, знаменитаго человѣка, десять лѣтъ мечтала о немъ и ждала его. Она видитъ его въ ореолѣ, сквозь призму обожанія и восторга; она вѣритъ въ него и ждетъ отъ него подвиговъ. А онъ страдаетъ и признается ей, почему онъ такъ боится будущаго: онъ боится возмездія отъ той высшей силы, которой онъ пересталъ служить, когда погибли его дѣти; онъ вознегодовалъ на Божество, утратилъ вѣру, пересталъ строить церкви и далъ въ себѣ волю той силѣ, которой обязанъ своими удачами. Божество требуетъ самоотреченія, оно отняло у него дѣтей, для того, чтобы онъ всего себя посвятилъ своему дѣлу, отказался бы отъ счастья, отъ любви... Но Сольнесъ отъ Божества отрекся. Онъ объявилъ себя свободнымъ, сталъ смѣлъ и отваженъ. Онъ поднялся на башню послѣдней отстроенной имъ церкви и одинъ-на-одинъ съ Божествомъ обѣщалъ впредь служить только людямъ. Онъ и сталъ строить—семейные дома, красивые дома для семейныхъ очаговъ, гдѣ жилось свободно и легко. Но вотъ наступаетъ поворотъ въ его мысли — онъ убѣдился теперь, что не надо семейныхъ очаговъ для счастья людямъ, и потому все его дѣло оказывается теперь ненужнымъ, онъ, въ сущности, ничего не сдѣлалъ. Отсюда—его тоска, его сожалѣніе о прошломъ, его страхъ будущаго. Сочувствіе молодежи въ лицѣ Гильды миритъ его съ жизнью. Онъ начинаетъ мечтать о новыхъ идеяхъ, которыя положитъ теперь въ основу своего труда. Онъ будетъ строить вмѣстѣ съ Гильдою воздушные зáмки — планы лучшаго будущаго для новыхъ поколѣній. Обожаніе, восторженность Гильды даютъ Сольнесу силу отдѣлаться отъ страха и отъ головокруженія. Онъ опять отваживается подняться до верху башни, которую выстроилъ на своемъ домѣ. Но слабость не даетъ ему спуститься внизъ: онъ падаетъ мертвый въ тотъ моментъ, какъ Гильда торжествуетъ, видя его опять свободнымъ и великимъ, видя въ немъ осуществленіе своей мечты.

Поднимаетъ Сольнеса сила молодости, фантазіи и таланта; она же создала и успѣхъ его въ жизни. Но губитъ его—не трусость и не малодушіе, а чуткость совѣсти. Сольнесъ сродни Рос-

меру изъ Росмерсгольма. Онъ тоже утратилъ вѣру, но не утратилъ нравственнаго сознанія, которое въ немъ воспиталось религіею. Но мечтатель Росмеръ погибаетъ оттого, что не понялъ и не одолѣлъ темной силы эгоизма и страсти въ лицѣ Ребекки. А Сольнесъ самъ дѣятельно пользуется той темною силою, которая живетъ у него въ сердцѣ: онъ знаетъ, что этой силѣ эгоизма и безпринципности онъ обязанъ своими удачами. Везло ему не потому только, что исполнилось его тайное желаніе и сгорѣлъ старый домъ; а потому, что онъ самъ не разбиралъ средствъ, когда пользовался силою своей воли и значенія. Ради своей выгоды онъ игралъ чувствомъ дѣвушки, присвоивалъ чужой трудъ и талантъ; онъ давилъ на своемъ пути все, что мѣшало его успѣху; и пока онъ былъ молодъ,—совѣсть его молчала. Но молодость уходитъ, и совѣсть напоминаетъ о той темной силѣ, которая помогала его таланту, и о возмездіи за нее; потому онъ и боится. Онъ боится будущаго молодежи, боится той „высшей силы", въ которую пересталъ вѣрить, но которая все-таки живуча въ его сердцѣ.

Этотъ разладъ вѣры и мысли, разладъ ума и совѣсти или таланта и нравственности, Ибсенъ и воплощаетъ въ своемъ „Строителѣ Сольнесѣ". Сольнесъ также принадлежитъ къ числу избранныхъ людей, носителей новыхъ идеаловъ правды, красоты и свободы; но онъ самъ не стоитъ на высотѣ собственныхъ идеаловъ, и въ этомъ—трагизмъ его положенія.

„Строителемъ Сольнесомъ" дѣятельность Ибсена завершается, но не заканчивается фактически. Послѣ него онъ написалъ три драмы: „Маленькаго Эйольфа", „Дж. Габр. Боркмана" и „Когда мы мертвые воскреснемъ"; напишетъ, вѣрно, и еще, такъ какъ, несмотря на свои 70 лѣтъ, находится въ полномъ обладаніи здоровья и таланта; но кругъ тѣхъ идей, которыя мы видѣли въ его произведеніяхъ, завершается „Строителемъ Сольнесомъ". На эту драму и принято смотрѣть какъ на автобіографическій матеріалъ, какъ на признанія самого поэта о значеніи его творчества.

Въ строителѣ и его постройкахъ онъ, будто бы, изобразилъ свой взглядъ на собственныя произведенія. Толкованіе символовъ и аллегорій всегда болѣе или менѣе произвольно; но въ данномъ случаѣ драма, дѣйствительно, уясняетъ намъ ходъ развитія Ибсеновской мысли.

Сольнесъ строитъ церкви. Ибсенъ начинаетъ съ отвлеченнаго идеализма, и призываетъ личность къ протесту, къ борьбѣ за правду, свободу и красоту жизни. Сольнесъ отказывается отъ традиціонныхъ вѣрованій и посвящаетъ себя дѣлу практическому

—строитъ семейные дома. Ибсенъ отъ общечеловѣческаго, идеалистическаго переходитъ къ бытовымъ драмамъ, къ обличенію условности въ семейной и общественной морали. Но Сольнесъ извѣрился въ семейное счастье и въ необходимость для него новыхъ красивыхъ построекъ. И Ибсенъ находитъ идеалы правды и свободы ненужными для счастья, непримѣнимыми къ жизни большинства. И по этому поводу горечь свою онъ изливаетъ въ „Дикой уткѣ“, сожалѣніе о благородствѣ мечтателей—въ „Росмерсгольмѣ“, а состраданіе къ неудовлетворенности жизнью—въ „Женщинѣ съ моря“.

Сольнесъ призываетъ на помощь своимъ успѣхамъ темныя силы души. Эти силы Ибсенъ олицетворяетъ въ эгоизмѣ и безпринципности блестящей Эдды Габлеръ. Но, несмотря на сознаніе такого раздвоенія въ душѣ современнаго человѣка, идеалы поэта не утрачиваются. Вѣра въ личность человѣка не покидаетъ его,—вѣра въ ея силы, назначеніе и будущее. Сольнеса на его высоту сопровождаютъ мечты и желанія Гильды; Сольнесъ не одинокъ, за нимъ идетъ молодежь. Если онъ самъ не удержится на высотѣ, зато дѣло его и высокія стремленія имѣютъ преемниковъ. И Ибсена подняли молодыя поколѣнія на высоту его славы: въ драматической литературѣ Европы вліяніе его очень значительно. Напр., безъ Ибсена непонятна и необъяснима дѣятельность Гер. Гауптмана. Удержитъ ли исторія Ибсена на той же высотѣ—покажетъ будущее. Насъ, современниковъ, онъ волнуетъ тою рѣшительностью и опредѣленностью, съ которою онъ ставитъ самые глубокіе и сложные вопросы нашей внутренней жизни.

Тѣ противорѣчія ума и сердца, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество при смѣнѣ историческихъ эпохъ, при смѣнѣ идеаловъ и міровоззрѣній, освѣщены талантомъ Ибсена очень ярко. Оттого онъ и привлекаетъ къ себѣ тѣхъ, кто когда-либо задумывался надъ этими противорѣчіями и искалъ изъ нихъ выхода, искалъ новыхъ рѣшеній для вѣчныхъ загадокъ бытія. Готовыхъ рѣшеній Ибсенъ не даетъ. Но въ постановкѣ вопросовъ, въ основѣ всѣхъ его произведеній лежитъ та потребность правды и свободы человѣческихъ отношеній, которая никогда не умираетъ въ сердцѣ человѣка.

Потомство, быть можетъ, и не признáетъ въ Ибсенѣ великаго поэта, но его поэзія принадлежитъ всемірной исторіи, потому что она воплощаетъ въ художественномъ образѣ особенности нашего времени, наболѣвшую душу современнаго намъ человѣчества.

А. Андреева.

ГОСПОЖА ДЕ-СТАЛЬ

VII *).

„Доктринеры“, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, представляли переходъ къ современному взгляду на общество. Если они отступали отъ первоначальнаго либерализма относительно Англіи, то именно потому, что видѣли въ ней много *аристократизма*. Хотя г-жа Сталь является одною изъ предтечъ XIX вѣка въ области политики, но она была еще близка къ „старому порядку“—по взгляду на общество. Это, въ значительной степени, можно объяснять ея личнымъ положеніемъ.

Эта самая г-жа Сталь, смѣлая въ своихъ сочиненіяхъ, была, какъ личность, плодомъ общества, въ смыслѣ до-революціонномъ; это—членъ „свѣта“, „порядочныхъ людей“ (honnêtes gens). При всѣхъ ея противорѣчіяхъ въ сужденіяхъ, въ жизни она всегда была „дамой“ міра „привилегированныхъ“ сословій, свѣтскихъ „салоновъ“ и дворовъ. Дочь перваго министра и банкира, передъ которымъ одно время преклонялась Франція, жена барона, шведскаго посланника, извѣстная писательница и „собесѣдница“ (causeuse), она смолоду вращалась въ высшихъ сферахъ. Именитые дѣятели революціи были ея пріятелями; на ея обѣдахъ и вечерахъ рѣшалась судьба министерствъ и парламентскихъ партій; она была знакома съ королями и королевами. Съ Александромъ I она проводила цѣлые часы въ бесѣдѣ. Въ Берлинѣ королевская чета оказала ей самый радушный пріемъ. Веймарскій дворъ былъ въ восторгѣ отъ ея посѣщенія. Борьба съ Наполеономъ еще болѣе раскрывала ей двери друзей старины. Не-

*) См. выше: августъ, стр. 625.

мудрено, что, при всемъ своемъ умѣ, при всемъ своемъ либерализмѣ, г-жа Сталь никогда не могла выбиться изъ круга привилегированныхъ. Ни годы, ни страданія, не могли изгладить въ ней нѣкоторой слабости къ блеску, туалетамъ, пріемамъ, баламъ и обѣдамъ. Завистливая Марія-Антуанетта велѣла однажды замѣтить ей, чтобы она не выходила изъ бюджета. Ея даръ салоннаго разговора и даже элегантный слогъ подходили къ аристократіи. Она не могла жить безъ Парижа: ея отель въ улицѣ Бакъ былъ ей дороже швейцарскихъ красотъ природы, которой она, вообще, не понимала. Когда ее принудили покинуть Парижъ, она оказалась настоящей „страдалицей въ зàмкѣ", хотя Коппэ, у Женевскаго озера, тоже былъ своего рода дворомъ. Когда г-жа Сталь покинула Коппэ,—несчастіе, „выше котораго ничего не можетъ быть въ жизни женщины",—за нею тянулся цѣлый обозъ багажа, за нею слѣдовали друзья, учитель музыки, А. Ф. Шлегель и др. При ея бракѣ съ барономъ Сталемъ, государю послѣдняго, Густаву III-му шведскому, были представлены такія условія: барону обезпечиваются пожизненно посольство въ Парижѣ и 20.000 пенсіи, а также орденъ Сѣверной Звѣзды и графскій титулъ, чтобы отличить его баронессу отъ одной обезславленной дамы того же имени. Наконецъ, одобреніе брака со стороны Маріи-Антуанетты. И потомъ г-жа Сталь все просила короля объ орденѣ для мужа; но тотъ вознаградилъ ее тѣмъ, что далъ свое имя ея дочери (Augustine). Опасаясь за участь своихъ дѣтей, которымъ оставались милліоны, она писала просительныя письма Бернадотту, Талейрану, самому Наполеону и пристроила сына въ аристократическую военную школу.

Трогательны заботы г-жи Сталь о „порядочныхъ людяхъ". Еще любопытнѣе ея отношенія къ королямъ и ихъ супругамъ. Она, можно сказать, не могла жить безъ придворной атмосферы: она „остолбенѣла въ Мюнхенѣ, потому что дворъ былъ тогда въ Италіи". Г-жа Сталь умѣла проникаться благоговѣніемъ даже къ сумасшедшимъ королямъ и къ такимъ „весьма виновнымъ" тиранамъ, какъ Іаковъ II Стюартъ. Описавъ всѣ подвиги палачей послѣдняго, она кончила сожалѣніемъ объ этомъ „несчастливцѣ", у котораго дочери отняли корону, которому измѣнили приближенные. О Георгѣ III она выразилась придворнымъ языкомъ: „почтенный монархъ Великобританіи уже не владѣлъ своими умственными способностями". Конечно, еще болѣе служилъ ей этотъ языкъ по отношенію къ живымъ монархамъ, не говоря уже о тѣхъ, кпторые подкупали ее своимъ гостепріимствомъ. Она оплакивала „великое несчастіе" такой „очаровательной"

королевы, какъ Луиза прусская, и выдала слѣдующій аттестатъ ея супругу: „Я не встрѣчала при прусскомъ дворѣ никого, кто не хвалилъ бы справедливости правительства. Не скажу, чтобы всегда нужны были конституціонныя формы, обезпечивающія странѣ выгоды, доставляемыя добродѣтелями хорошаго короля; а Пруссія теперь, конечно, обладаетъ большею частью этихъ выгодъ. Правда, въ Пруссіи военный строй препятствовалъ развитію общественнаго мнѣнія, и отсутствіе конституціи лишило страну талантовъ, способныхъ защитить ее"; правда, „королевская милость всегда произвольна, и въ странѣ, гдѣ королевскій домъ не встрѣчаетъ противорѣчій, рутина вполнѣ господствуетъ". Тѣмъ не менѣе, Берлинъ былъ одною изъ самыхъ „счастливыхъ и просвѣщенныхъ странъ на землѣ".

Г-жа Сталь обожаетъ Александра I, этого либеральнаго „освободителя Европы отъ ига тирана", элегантнаго рыцаря „свѣта". Она не находила словъ для восхваленія этого „генія добродѣтели", въ сердцѣ котораго чутье прекраснаго и любовь къ справедливости „родились, какъ цвѣтокъ неба", и его супругу, этого „ангела-хранителя Россіи". Если Россія, вообще, должна была страдать отъ деспотизма, то это не касается такого „справедливаго, великодушнаго царя и просвѣщеннаго филантропа", личный характеръ котораго составляетъ уже цѣлую конституцію. Какъ извѣстно, на этотъ комплиментъ Александръ I отвѣтилъ: „Еслибы ваши слова были вѣрны, то это было бы не больше, какъ счастливая случайность". Тутъ г-жа Сталь восклицаетъ: „Чтò за прекрасныя слова! Думаю, что еще ни одинъ самодержецъ не произносилъ такихъ". Изгнанница была очарована императорской четой и народными хороводами, которые полиція устроивала для нея. Видя Россію только изъ своей берлины да изъ разсказовъ помѣщиковъ-царедворцевъ, она, какъ дитя, была ослѣплена идилліей. Россія представлялась ей чуть не республикой. Даже крѣпостничество показалось ей „патріархальной семьей рабовъ", живущей „вездѣ въ довольствѣ". Но крѣпостничество должно скоро исчезнуть: вѣдь, должны же привыкнуть къ „благоразумной свободѣ" тѣ, „которые еще не привыкли говорить отъ глубины души и ума, такъ какъ недавно еще страшно боялись своихъ властителей".

Болѣзненному врагу революціи и Бонапарта, Густаву III, г-жа Сталь служила доносительницей: она сообщала ему изъ Парижа, вмѣсто мужа, тайный оффиціальный бюллетень, въ теченіе болѣе года (1786—1787), прося его немедленно сожигать эти депеши. Она льстила ему, какъ монарху, который на-

училъ ее понимать величіе Людовика XIV. Затѣмъ она дѣлала то же съ наслѣднымъ принцемъ Швеціи, Бернадоттомъ, который пристроилъ у себя ея сыновей и друзей. Она льстила ему немилосердно, особенно въ посвященіи своего „Самоубійства“. Здѣсь это—„Капетингъ, великодушный герой“, образецъ „дѣйствительной добродѣтели“, „умозрительная душа, которой не чуждъ ни одинъ философскій предметъ“, сліяніе „республиканскаго рыцарства съ королевскимъ“. Къ этому чуду свѣта прибѣгала г-жа Сталь съ своими дѣтьми, „какъ тѣ пастухи Аравіи, которые, при приближеніи бури, спѣшатъ подъ сѣнь лавра“. Г-жа Сталь ожидала отъ коалиціи королей, устроившихъ реставрацію, возстановленія всѣхъ добродѣтелей. Для насъ важнѣе всего отношеніе г-жи Сталь къ Людовику XVI и Маріи-Антуанеттѣ. Она надѣляетъ ихъ лучшими душевными качествами. Онъ, которому мѣшала только слабость характера, почти не пользовался произволомъ; королева давала много денегъ бѣднымъ. Онъ великолѣпенъ своимъ хладнокровіемъ и неизмѣнностью своихъ привычекъ: вѣдь, 4-го октября, когда весь Парижъ двинулся на Версаль, вѣнценосецъ ушелъ на охоту! Его бѣгство—„отъѣздъ“, вполнѣ оправдываемый жестокимъ обращеніемъ „черни“ съ „потомкомъ Людовика Святого“. Да и самъ этотъ потомокъ—„святой мученикъ“, а его супруга—„философъ и ангелъ“.

Съ этимъ вполнѣ согласны свидѣтельства лицъ, близко знавшихъ или изучавшихъ ее. Г-жа Неккеръ-де-Соссюръ говоритъ о своей подругѣ: „Пріобрѣтенныя преимущества, даже связанныя съ извѣстными предразсудками, находили въ ней защитницу: такъ, богатство и знатность происхожденія имѣли нѣкоторую цѣну въ ея глазахъ... Она приходила въ умиленіе отъ прошлаго, отъ почитанія отцовъ; ее трогало все религіозное... Ей особенно нравился рыцарскій духъ; великія имена были для нея живою исторіей и говорили ея воображенію... Она не могла забыть, что среди старыхъ дворянъ были ея первые друзья, что въ ихъ средѣ блеснули ея первые лучшіе дни“. Байейль какъ бы поясняетъ г-жу Соссюръ. „Г-жа Сталь,—говоритъ онъ,—въ высшей степени почитала тотъ родъ дворянства, который она называетъ *историческими фамиліями*... По ея мнѣнію, помимо ея отца, только большіе баре да ея друзья, т.-е. она сама, могли установить свободу: Боже избави отъ вульгарныхъ именъ, на которыя нельзя имѣть вліянія! Эти господа всегда неправы, когда защищаются, и всегда правы тѣ, которые на нихъ нападаютъ“. Тутъ Байейль находитъ разгадку тѣхъ противорѣчій въ

г-жѣ Сталь, которыя изумляли его, наравнѣ съ другими современниками и съ потомствомъ. Такъ же, какъ этотъ врагъ, смотритъ на г-жу Сталь одинъ изъ ея пріятелей, Тибодо. „Она,—говоритъ онъ,—придерживалась аристократіи по своему воспитанію и по своимъ общественнымъ отношеніямъ; а къ свободѣ влекли ее чувство и разумъ". Подобное же замѣчаніе находимъ у историка Мишлé: „Именно потому, что она оставалась буржуазкой, вопреки своему таланту, богатству и знатной обстановкѣ, г-жа Сталь имѣла слабость обожать большихъ баръ. Она не давала полнаго хода своему доброму, превосходному сердцу, которое могло совсѣмъ склонить ее на сторону народа". Любопытно, что Тэнъ списалъ свой портретъ аристократіи стараго порядка съ графа изъ „Коринны", который, по его словамъ, обрисованъ г-жей Сталь „съ помощью свѣтской дамы".

Наконецъ, сочиненія г-жи Сталь проникнуты аристократизмомъ. Онъ сквозитъ уже въ юношеской, неизданной драмѣ „Монморанси", гдѣ сочувственно изображалась фронда французской знати XVII-го вѣка. На всемъ протяженіи своей литературной дѣятельности, г-жа Сталь доказывала необходимость аристократіи. Она и здѣсь частью ссылалась на своихъ учителей, частью говорила почти ихъ словами.

Монтескьё сказалъ: „Нѣтъ монарха—нѣтъ дворянства; нѣтъ дворянства—нѣтъ монарха, есть только деспотъ... Основа монархіи—честь: нужно, чтобы законы старались поддерживать дворянство, для котораго честь есть, такъ сказать, и дитя, и отецъ. Дворянство должно быть наслѣдственно... Земли знатныхъ должны быть также привилегированы, какъ они сами: невозможно отдѣлить дворянское достоинство отъ достоинства помѣстья. Эти преимущества должны принадлежать только дворянству: не распространяйте ихъ на народъ, если не хотите нарушать основы правительства... Народъ относительно знати—то же, чтò подданный относительно монарха". Неккеръ считалъ необходимымъ различія въ обществѣ, и не однѣ экономическія: „достатокъ—подвижное имущество, и богатство не можетъ замѣнить славныхъ фамилій". Вотъ почему онъ осуждалъ Ришельё за усмиреніе знати и возсталъ, въ 1790 году, противъ отмѣны титуловъ и чиновъ дворянства. Впрочемъ, по словамъ г-жи Сталь, ея отецъ понималъ аристократію, какъ стимулъ къ соревнованію всѣхъ „достойныхъ людей".

Взглядъ самой г-жи Сталь ясно выразился въ слѣдующихъ словахъ: „было справедливо не желать во Франціи такой знати, какая была прежде; но отвращеніе къ жантильомамъ—лишь по-

бочное чувство, которое нужно стараться подавлять, чтобы дать Франціи прочный строй". Г-жа Сталь была убѣждена, что „никакая ограниченная монархія немыслима безъ сословія знати и наслѣдственной магистратуры, въ которыя входятъ родовыя воспоминанія". Тутъ она особенно указывала на примѣръ Англіи, гдѣ прочная знать служитъ основой порядка и сохраняетъ „спасительное невѣжество въ массахъ". Ужъ если и суждено быть революціи, то „въ большомъ государствѣ она можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда ее начинаетъ аристократическій классъ: народъ потомъ овладѣваетъ ею, но не знаетъ, куда направлять первые удары". Г-жа Сталь и на всю исторію смотрѣла съ точки зрѣнія аристократки. Въ древности ей нравился аристократическій Римъ, а не демократическая Греція. Затѣмъ начало настоящей исторической эволюціи она видѣла въ феодализмѣ; она внимательно слѣдила за всѣми ударами, нанесенными аристократіи со временъ Карла Великаго. Отсюда ея ненависть къ Ришельё, не столько какъ къ основателю деспотизма, сколько какъ къ гонителю знати, который, подрывая вельможъ, внесъ „нравственное растлѣніе" въ націю, „совсѣмъ лишилъ ее самобытности характера, честности, независимости". Любопытно, что г-жа Сталь, благоговѣвшая передъ геніемъ Петра Великаго, не могла ему простить ни его „униженія бояръ", ни его восхищенія кардиналомъ Ришельё. Немудрено, что она видѣла даже „нѣкоторыя серьезныя политическія идеи" и во фрондѣ, и не безъ сочувствія относилась къ борьбѣ парижскаго парламента съ абсолютизмомъ.

Но что̀ разумѣла г-жа Сталь подъ именемъ аристократіи? Въ этомъ вопросѣ она подходила ближе всего къ отцу. Все ея вниманіе было устремлено на *второй чинъ*, какъ называли тогда свѣтскую знать, и преимущественно древнюю, наслѣдственную— „эти историческія фамиліи", съ ихъ столь дорогими для нея воспоминаніями. Оттого г-жа Сталь возставала противъ отмѣны титуловъ и конфискаціи имущества дворянъ. Она всячески старалась оправдать эмиграцію, то указывая, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, на необходимость бѣжать отъ звѣрства крестьянъ, то сравнивая ихъ изгнаніе съ преслѣдованіемъ гугенотовъ. Г-жа Сталь даже не скрываетъ своихъ симпатій къ вандейцамъ. Она говоритъ: „Ничто не дѣлаетъ столько чести роялистамъ, какъ эти попытки междоусобія... Жители этихъ деревень очень почитали священниковъ, вліяніе которыхъ было тогда благотворно. Если вандейцы, съ отчаянія, просили помощи у Англіи, то они приняли вовсе не господъ, а помощниковъ". Немудрено, что

г-жа Сталь рѣшительно осуждала вмѣшательство французовъ въ дѣла Швейцаріи: она не замѣтила, что французы уничтожали въ Альпахъ нестерпимый гнетъ аристократическихъ привилегій. Если г-жа Сталь порицала старую аристократію, то только съ той точки зрѣнія, съ которой осуждалъ ее и Неккеръ, сказавши, что она „не выказала вниманія къ бѣдствіямъ народа и не отказывалась отъ денежныхъ привилегій".

Впрочемъ, опять подобно своему отцу, г-жа Сталь готова была расширить ряды аристократіи для „друзей свободы". „Какое препятствіе,—спрашивала она,—можетъ представиться во Франціи, больше, чѣмъ въ Англіи, для многочисленной, внушительной и просвѣщенной палаты пэровъ?.. Неужели историческія фамиліи будутъ жаловаться на то, что къ пэріи присоединили новыхъ людей, достойныхъ того, по мнѣнію короля и общества?" Но подобныя, какъ бы случайныя, мѣста не нарушаютъ общаго впечатлѣнія, которое вызывало одинаковое осужденіе со стороны и враговъ, и друзей г-жи Сталь. Байейль зло подсмѣивается надъ ея пристрастіемъ къ „историческимъ именамъ" и къ „порядочнымъ людямъ", а также надъ ея презрѣніемъ къ „дворянамъ новой фабрикаціи". По его мнѣнію, г-жа Сталь „не знала", что во Франціи всѣ истинно порядочные и разумные люди изгнали изъ своего словаря слово „honnêtes gens" для обозначенія людей, достойныхъ уваженія; для послѣднихъ употребляютъ слово: „gens honnêtes", а „honnêtes gens" —выраженіе оскверненное. „Minerve française", въ 1818 году, давая отчетъ о сочиненіи Байейля, замѣчаетъ: „суевѣрное благоговѣніе передъ тѣмъ, что г-жа Сталь называетъ историческими фамиліями, этотъ предразсудокъ въ пользу высшей аристократіи, повергалъ ея вообще столь здравый умъ въ большія заблужденія". Въ той же „Минервѣ" Констанъ говорилъ: „Г-жа Сталь часто отводитъ наслѣдственнымъ отличіямъ и особенно историческимъ воспоминаніямъ мѣсто, которое, по мнѣ, не приличествуетъ имъ теперь". А позже, въ своемъ „Курсѣ", онъ прибавляетъ: „Пройдетъ вѣкъ—и о *наслѣдственныхъ привилегіяхъ* будутъ говорить, какъ мы говоримъ теперь о рабствѣ... Надѣюсь, что дѣло обойдется безъ новой революціи, но требуются большія предосторожности противъ возрожденія привилегій". Эти слова были сказаны незадолго до іюльской революціи.

Если относительно второго чина г-жа Сталь—еще человѣкъ стараго режима, зато къ *первому чину* она питала чувство, приличное скорѣе дочери Вольтера. И тутъ она опять отраженіе своего учителя, причемъ идетъ даже дальше его. Монтескьё

говорилъ: „Безконечныя и могущественныя пріобрѣтенія духовенства кажутся народу столь нелѣпыми, что тотъ, кто вздумалъ бы ихъ защищать, прослылъ бы безумцемъ“. Правда, что почти за пятьдесятъ лѣтъ до революціи нельзя еще было говорить о лишеніи духовенства имуществъ. Но Монтескьё уже замѣтилъ: „Вмѣсто того, чтобы запрещать духовенству пріобрѣтеніе имуществъ, должно стараться отнять у него охоту къ нимъ, т.-е. должно сохранить право и отнять самую сущность“. Онъ совѣтуетъ лишить духовенство права выморочныхъ имуществъ и т. п. Неккеръ уже милостивѣе относился къ духовенству. Онъ рѣшительно былъ противъ отобранія церковныхъ имуществъ и вообще отстаивалъ привилегіи церкви: ему казалось, что „отвлечь или отдѣлить религію отъ политики значило лишить вселенную одного изъ законовъ, управляющихъ ея гармоничнымъ движеніемъ“. Неккеръ восхищается Людовикомъ XVI и сравниваетъ его съ Людовикомъ Св. за то, что онъ не хотѣлъ утвердить указа противъ большинства духовенства.

Дочь тутъ окончательно расходится съ отцомъ. Она стояла именно и за конфискацію церковныхъ имуществъ, и за полное устраненіе духовенства отъ политики. Указывая на то, что, во время революціи, прелаты вели себя безобразно, она вообще относилась къ духовенству строго. По поводу мѣръ конститюанты, она развивала слѣдующія мысли: „Французское духовенство всегда проповѣдовало нетерпимость, да проповѣдуетъ ее и теперь... Когда священники во Франціи вмѣшивались въ политику, они почти всегда вносили въ нее какую-то дерзость и коварство... Пользуясь ловкостью ума, свойственной людямъ, обязаннымъ смолоду примирять двѣ противоположныя вещи—свой санъ и свѣтскость, они двѣсти лѣтъ постоянно вмѣшивались въ политическія дѣла. И если жалуются во Франціи на безвѣріе, то оно именно порождено зрѣлищемъ церковныхъ имуществъ и злоупотребленіемъ ими“. Г-жа Сталь была даже готова отнять школы у духовенства: „Уже прошло время, когда священники были выше остальныхъ людей по образованію... Ихъ мѣсто скорѣе при больныхъ и умирающихъ; народное же образованіе касается ихъ настолько, насколько дѣло идетъ о Законѣ Божіемъ“. Отчасти изъ страха предъ усиленіемъ вліянія духовенства, какъ жертвъ гоненій, г-жа Сталь возставала и противъ установленія присяжнаго или конституціоннаго духовенства,—мѣры вообще ненавистной ей, какъ противорѣчащей либерализму. Реставрація еще больше раскрыла ей глаза на первый чинъ. Въ своей „Революціи“ она говоритъ, защищая французовъ отъ

упрека въ нерелигіозности: „Было бы несправедливо считать Францію нерелигіозной, потому что она не всегда приноравливается, по желанію духовенства, къ пресловутому тексту: „Нѣсть власти, аще не отъ Бога“,—тексту, который отлично служилъ договоромъ духовенства со всякими правительствами, опиравшимися на божественное право силы“.

Такова аристократка, воспитанная „просвѣщеніемъ“ XVIII в. Это доброе сердце всегда стояло на сторонѣ меньшинства, т.-е. слабыхъ, побитыхъ. Но во время революціи слабыми-то были привилегированные. Г-жа Сталь отлично понимала всѣ ихъ страданія, какъ своихъ людей. Но въ этомъ сердцѣ не помѣщалось состраданія къ простымъ смертнымъ. Г-жа Сталь знала народъ только изъ литературы и разсказовъ, да и тутъ она не понимала ни идилліи „Германъ и Доротея“, въ которой недоставало, на ея взглядъ, извѣстной литературной аристократичности, ни „Вильгельма Телля“ и „Разбойниковъ“, ни „Фауста“. Она ни словомъ не обмолвилась ни о Шарлоттѣ Кордé, ни о г-жѣ Роланъ. Несправедливый къ г-жѣ Сталь, нѣмецкій историкъ Шлоссеръ былъ правъ въ этомъ случаѣ: „Г-жа Сталь,—говоритъ онъ,—не знаетъ ни надеждъ, ни потребностей и чувствъ доброкачественнаго мѣщанства, съ которымъ она никогда не приходила въ соприкосновеніе: еще меньше знала она крестьянство“.

Самыя слова: *народъ, демократія*, имѣютъ у г-жи Сталь довольно неуловимый смыслъ. У учителя дѣло было ясно. Онъ говоритъ: „Когда въ республикѣ весь народъ имѣетъ державную власть, это называется демократіей... Тутъ народъ, въ извѣстномъ отношеніи, монархъ, а въ извѣстномъ—подданный. Онъ монархъ лишь въ силу выборовъ, которые составляютъ его волю... Народъ долженъ дѣлать самъ все, чтò можетъ дѣлать хорошо: остальное онъ долженъ предоставлять своимъ министрамъ. Его министры—не его, если онъ не назначаетъ ихъ; стало быть, въ демократіи основное правило—чтобы народъ назначалъ своихъ министровъ, т.-е. чиновниковъ... Народъ прекрасно выбираетъ тѣхъ, которымъ онъ долженъ довѣрить долю своей власти... Въ демократическомъ государствѣ народъ раздѣляютъ на извѣстные классы. И именно въ этомъ умѣньѣ раздѣлять классы сказывалось величіе законодателей. Отъ этого же всегда зависѣла прочность и процвѣтаніе демократіи“. Неккеръ называлъ себя „другомъ народа“ (ami du peuple); онъ требовалъ „покровительства невѣжественному классу общества“. И на этомъ основывалось его желаніе рѣшительно измѣнить систему государственныхъ налоговъ. Но онъ объявилъ: „Дѣлай все

для народа, а ничего посредствомъ его". Тутъ же Неккеръ далъ опредѣленіе загадочному слову: „Народъ, это—предметъ ужаса, если онъ означаетъ послѣдніе классы общества; но это—синонимъ націи, если онъ означаетъ всѣхъ гражданъ". Какъ далеко это отъ точки зрѣнія Руссо, который въ „Contrat Social" такъ широко развилъ мысль Монтескьё о самоопредѣленіи народа!

Что касается г-жи Сталь, то мы должны бы ожидать, что, въ силу своей философской точки зрѣнія о врожденности добра въ человѣкѣ, она должна имѣть высокое мнѣніе о „народѣ". Она, дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ сочувствуетъ массамъ. Онѣ всегда готовы на подвигъ добра: умѣйте только возжечь ихъ электрической искрой благороднаго краснорѣчія, такъ какъ онѣ живутъ чувствами. Ихъ судъ, вообще, „безпристрастенъ, естественъ, неволенъ" (spontané). Г-жа Сталь признаетъ за ними пониманіе даже въ дѣлѣ искусства: „Не правы тѣ, которые порицаютъ судъ публики въ искусствѣ, такъ какъ впечатлѣнія народа болѣе философичны, чѣмъ сама философія". Г-жа Сталь совѣтуетъ также не пренебрегать популярностью, этимъ „первымъ предметомъ тщеславія свободнаго человѣка". Идеаломъ общежитія рисовалось ей такое состояніе націи, когда „между правительствомъ и народомъ не существуетъ тайнъ, когда они понимаютъ и знаютъ другъ друга". Она повторяетъ, почти слово въ слово, мысль Монтескьё о томъ, что народъ умѣетъ дѣлать прекрасный выборъ. Иногда кажется даже, будто г-жа Сталь, по крайней мѣрѣ послѣ реставраціи, была уже не столько за меньшинство, сколько за массы. „Вѣдь мы живемъ,—восклицаетъ она,—въ такомъ вѣкѣ, когда становится непостижимымъ, какимъ образомъ меньшинство, и столь малое меньшинство, могло бы имѣть права, несовмѣстимыя съ выгодами большинства!" То же нужно имѣть въ виду и относительно просвѣщенія, которое состоитъ „въ распространеніи здравыхъ политическихъ идей среди всѣхъ классовъ и во всеобщемъ обученіи наукамъ и литературѣ".

Но опять спросимъ, какой же это „народъ"? Что за „общественное мнѣніе", которое пользуется столь неожиданнымъ сочувствіемъ аристократки? У г-жи Сталь постоянно употребляется слово: „партія" и „факція". На исторію и, вообще, на всю политику она смотрѣла съ точки зрѣнія своего второго чина и своего либерализма. Въ лучшемъ случаѣ, народъ означалъ для нея лишь сливки изъ непривилегированной массы. Переживъ революцію, она не могла не придавать нѣкотораго значенія *третьему чину*, за которымъ она слѣдитъ и въ исторіи Фран-

ціи. Къ тому же, его цѣнилъ и Монтескьё, и Неккеръ. Послѣдній указывалъ на развитіе въ немъ торговли, промышленности, талантовъ, а также на то, что этотъ классъ всегда поддерживалъ монарха. Г-жа Сталь иногда проговаривалась даже такимъ образомъ: „Возведенія въ дворянство, которыя канцлеръ Франціи раздавалъ на всѣ стороны въ 1814 году, по необходимости наносили ущербъ принципамъ политической свободы; вѣдь облагородить — значитъ объявить, что третій чинъ, т.-е. нація — мужикъ, что недостойно быть простымъ гражданиномъ". Г-жа Сталь сдѣлала даже рискованную аналогію борьбы аристократовъ съ демократами и римлянъ съ германцами. Сентъ-Бёвъ справедливо замѣтилъ, что дѣйствительно въ 1789 году „буржуазія совершила нашествіе варваровъ"; но за нимъ должны были послѣдовать другія нашествія. Эту мысль какъ бы развилъ сенъ-симонизмъ.

Но если г-жа Сталь придавала извѣстное значеніе третьему чину, то она не видѣла *четвертаго*, да и не могла его понимать. Лишь немногіе даровитые демократы, въ родѣ Байейля, могли замѣтить экономическую сторону революціи. Окруженная аристократической атмосферой, г-жа Сталь не видѣла бѣдствій массъ ни во Франціи и Австріи, ни въ Россіи и Англіи. Это бы еще не бѣда; но замѣчательно то чувство отвращенія, которое вездѣ сквозитъ у нея по отношенію къ черни, — чувство, которое объясняется отчасти ужасами террора, пережитыми ею. Г-жа Сталь даже тщеславится тѣмъ, что изобрѣла слово „вульгарность" (vulgarité), произведенное отъ латинскаго презрительнаго названія черни. Правда, по ея признанію, она сдѣлала это въ интересахъ литературы, чтобы придать ей „элегантность въ образахъ и деликатность въ выраженіяхъ". Но смыслъ новаго термина виденъ вѣдь во всѣхъ выраженіяхъ г-жи Сталь, какъ только она прикасается къ „народу" въ смыслѣ подонковъ общества, подъ которыми она обыкновенно разумѣетъ „неимущихъ" (non-prorpriétaires). Въ этихъ случаяхъ самымъ вѣжливымъ выраженіемъ у нея бываетъ подобное: „Сужденія народа касательно выбора средствъ не имѣютъ никакого значенія. Старайтесь не обращать вниманія на его рукоплесканія... Толпа нелѣпа даже въ отношеніи ея собственныхъ интересовъ... Ей доступны лишь крайнія, самыя простыя идеи, ослѣпляющія издали". Толпу всегда поднимешь „фанатизмомъ для нея и лицемѣріемъ для ея вождей". „Толпа живетъ воображеніемъ, подозрительностью, легковѣріемъ, страхомъ, слезливостью. Она подвижна, потому что страстна, а страстна, потому что люди, въ массѣ, двигаются только чув-

ствомъ... Здѣсь ни знанія, ни разсудокъ не играютъ никакой роли. Смотря по обстоятельствамъ, массы—лучше или хуже составляющихъ ихъ индивидуумовъ: ихъ можно довести до изступленія или до добродѣтели, лишь дѣйствуя на ихъ инстинктъ". Между неимущими могутъ встрѣчаться добродѣтели, но только когда эти господа находятся въ пассивномъ состояніи. „Но пустите ихъ въ дѣйствіе, и всѣ интересы повлекутъ ихъ къ преступленіямъ, даже къ безполезнымъ для успѣха самаго дѣла... Чернь чувствуетъ свою силу въ ярости, а не въ милосердіи. Правящій народъ вѣчно труситъ, и, располагаемый самымъ своимъ положеніемъ къ зависти, никогда не чувствуетъ къ побѣжденнымъ жалости. Человѣкъ, желающій получить вліяніе въ эти критическія времена, долженъ совершать преступленія безъ опьяненія, безъ ярости, даже безъ лютости". Бѣдняки, „именно потому, что ничего не имѣютъ, жадны до волненій".

Такія ужасныя выраженія понятны только въ устахъ человѣка, передъ глазами котораго совершались ужасы террора. Отголоски послѣдняго встрѣчаются весьма часто на страницахъ г-жи Сталь. Она не находитъ довольно сильныхъ словъ, чтобы казнить якобинцевъ въ глазахъ потомства. Въ революціяхъ бросаться въ борьбу—значитъ жертвовать не только своей жизнью, но и всякой нравственностью увлеченію матеріальною властью. Тутъ погибаетъ все возвышенное: „какая-то ярость овладѣваетъ бѣдными при видѣ богатыхъ; и такъ какъ отличія знатныхъ увеличиваютъ зависть, внушаемую собственностью, то все, что̀ составляетъ силу и блескъ меньшинства, кажется толпѣ лишь похищеніемъ". Народовластіе, это—отвратительный бичъ, „факелы фурій". Въ 1799 году г-жа Сталь рисовала и результаты революціи: „Кто поднимется теперь за добродѣтель, за деликатность, или хоть за доброту?... Можетъ ли нація даже понимать слово *истина*? Лучшіе граждане покоятся въ могилѣ, а уцѣлѣвшая толпа уже не живетъ ни энтузіазмомъ, ни славой, ни нравственностью: она живетъ только для покоя".

Только-что указанный нами портретъ толпы списанъ съ якобинцевъ. Онъ вводитъ насъ въ самую революцію. Переходимъ къ разсмотрѣнію отношеній г-жи Сталь къ современнымъ ей событіямъ, къ ея политической практикѣ.

VIII.

Итакъ, въ теоріи политики исторія должна признать г-жу Сталь за одну изъ основательницъ либерализма. Посмотримъ, какова она была на практикѣ.

Г-жа Сталь видѣла во всей исторіи Франціи *борьбу націи съ абсолютизмомъ*. Собственно, все ея изложеніе прошлаго есть исторія политическаго протеста. Она прямо заявляетъ: „Обыкновенно знаютъ только исторію своего времени; и, читая декламаціи нашихъ дней, подумаешь, что восемь вѣковъ монархіи, предшествовавшихъ французской революціи, были спокойнымъ временемъ, и что нація почивала тогда на розахъ". А между тѣмъ, вся эта исторія есть кровавая борьба за существованіе и привилегированныхъ, и третьяго чина, и крестьянина, и гугенотовъ. Всѣ эти внутреннія волненія доказываютъ, что французы, пожалуй, не меньше англичанъ боролись за свободу. За всѣмъ этимъ и слѣдитъ г-жа Сталь, останавливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на развитіи генеральныхъ штатовъ и на борьбѣ парламентовъ съ королемъ. Въ душѣ либералки ростетъ негодованіе, по мѣрѣ усиленія абсолютизма. Она отлично разоблачаетъ все дутое „величіе" монарха, Людовика XIV, о которомъ, „будь онъ простымъ смертнымъ, вѣроятно, никогда не говорили бы". Затѣмъ г-жа Сталь описываетъ яркими и вѣрными чертами дальнѣйшее паденіе монархической Франціи, благодаря развитію демократизма при Людовикѣ XV, подготовлявшему революцію.

Что касается Людовика XVI, то здѣсь мы вступаемъ уже въ современный ей міръ. Г-жа Сталь не только знала дворъ и управленіе лично, но отчасти сама была причастна къ политическимъ дѣламъ. И не въ одннхъ только ея сочиненіяхъ сохранилось много вѣрныхъ чертъ современности: депеши ея мужа къ Густаву III, въ 1786—1792 г., поправлялись ею; она сама посылала иногда политическіе дневники въ Стокгольмъ. Въ этихъ бумагахъ блещетъ широкій либерализмъ. Ихъ авторъ—врагъ крайностей революціи: аристократы называли его якобинцемъ, якобинцы—аристократомъ. Но еще болѣе г-жа Сталь ненавидитъ деспотизмъ, который неизбѣжно велъ къ ужасамъ революціи. Она даже даетъ уроки Густаву III въ этомъ смыслѣ, горячо отстаивая начала 1789 года. Авторъ депешъ хладнокровенъ, безпристрастенъ, многое предвидитъ: онъ безсиленъ только передъ одною слабостью—передъ восторженнымъ отношеніемъ къ Неккеру и Маріи-Антуанеттѣ; впрочемъ, къ послѣдней онъ охладѣлъ, во время революціи, за ея неумѣнье цѣнить Неккера.

Ея взглядъ на Людовика XVI и Марію-Антуанетту—взглядъ самого Неккера. Послѣдній называлъ короля „честнымъ человѣкомъ, другомъ добра, съ либеральными и мирными наклонностями". Онъ посвятилъ оправданію Людовика XVI свое сочиненіе „Révolution" и негодовалъ, когда его короля называли тираномъ. Неккеръ упрекалъ только Людовика XVI въ слабости воли, „нуждавшейся въ опорѣ". Король, „и особенно королева, питали даже неумѣстное почтеніе къ новымъ идеямъ, слишкомъ пренебрегая придворными формами и законами этикета".—Словомъ, Людовикъ XVI былъ бы на своемъ мѣстѣ только въ Англіи; хорошо, „еслибы между нимъ и Людовикомъ XV былъ государь твердый и, пожалуй, суровый".

Г-жа Сталь, также признающая слабость Людовика XVI, однако, находила даже всѣ его „промахи неизбѣжнымъ слѣдствіемъ условій". Она показываетъ, какъ ничто не помогало, не исключая „просвѣщеннаго друга человѣчества", Тюрго, съ его глубоко либеральными мѣрами. Наконецъ, совсѣмъ запутались въ финансахъ—и у кормила правленія появился Неккеръ. Мы нанаходимся за 12 лѣтъ до революціи. Но, увы, Неккера призвали лишь какъ „фокусника" (jongleur), чтобы „перекладывать деньги изъ одной казны въ другую". Самъ онъ понималъ „связь между государствомъ, кредитомъ и крупными административными мѣрами", но онъ „не находилъ никакого удовольствія въ нововведеніяхъ"; онъ хотѣлъ вступить въ сдѣлку съ привилегированными, не желая безпощадно жертвовать настоящими правами для будущаго блага. „Кто знакомъ съ поведеніемъ и сочиненіями Неккера, тотъ знаетъ, что онъ ни на мгновеніе не думалъ производить революцію во Франціи. Въ теоріи онъ былъ защитникомъ ограниченной монархіи, какъ въ Англіи. Онъ громко осуждалъ неравенство въ распредѣленіи налоговъ, но ничего не предлагалъ королю въ этомъ отношеніи... Онъ защищалъ не только королевскую власть, но и собственность, даже вредную—(собственность привилегированныхъ), считая возможнымъ выкупить ее, а не уничтожить безъ вознагражденія". Наконецъ, самъ Неккеръ, исчисляя свои заслуги, говоритъ о себѣ: „Я былъ пристрастенъ только къ старымъ правиламъ". И такого человѣка г-жа Сталь считала великимъ чародѣемъ, который могъ даже предупредить революцію. Она говоритъ: „Неккеръ льстилъ себя надеждой задержать по крайней мѣрѣ на много лѣтъ приближавшійся кризисъ; и еслибы приняли его административные планы, самый этотъ кризисъ, быть можетъ, былъ бы лишь справедливой, постепенной, спасительной реформой".

Такъ могла говорить только преданная дочь. Въ ея глазахъ, это былъ „величайшій правитель своего вѣка, самый ясный и справедливый геній", который любилъ людей, какъ „ангелъ-хранитель". Г-жа Сталь старалась увѣковѣчить его память своими сочиненіями: ея „Революція" была лишь развитіемъ плана написать его біографію. Современники смотрѣли иначе на Неккера. Одни, вмѣстѣ съ Байейлемъ, говорили, что онъ защищалъ даже не авторитетъ, а „заблужденія" короля; другіе повторяли за Наполеономъ, что онъ былъ „идеологъ и банкиръ", неспособный къ высшему пониманію вещей. Этотъ взглядъ усвоенъ историками. За него—сама политическая дѣятельность Неккера.

По мнѣнію г-жи Сталь, основой этой дѣятельности было — внушать „народу уваженіе къ собственности и къ лицамъ". Но высшимъ лицомъ былъ король: отсюда задача Неккера — сохранить его власть во что бы то ни стало, хотя и въ ограниченномъ видѣ. Сюда были направлены и всѣ его финансовыя мѣры. Г-жа Сталь прославляетъ отца за умѣнье дѣлать займы, чтобы не увеличивать налоговъ, хотя она не могла скрыть, что габéль (налогъ на соль) была распространена имъ и на тѣ провинціи, которыя прежде были пощажены отъ этого бича. При этомъ она характеризуетъ тяжкое экономическое положеніе народа такими словами: „Нигдѣ въ Европѣ не обращались съ народомъ такъ возмутительно, какъ во Франціи. Тѣ изъ молодыхъ людей, которые не видѣли положенія народа до революціи, не могутъ даже представить себѣ, чтò это такое было... Сторонники рабства въ колоніяхъ часто говорили, что крестьянинъ во Франціи болѣе несчастенъ, чѣмъ негръ... Нищета увеличиваетъ невѣжество, невѣжество увеличиваетъ нищету. Если спросить, почему французскій народъ былъ такъ жестокъ въ революціи, то причину этого можно найти только въ отсутствіи счастья, которое влечетъ за собою отсутствіе нравственности". Восхваляя отца за его финансовыя мѣры, г-жа Сталь замѣчаетъ, что Неккеръ оказывалъ тутъ услугу и королю: избѣгая новыхъ налоговъ, отнимали у парламента случай вести такую политическую оппозицію, какъ при Людовикѣ XV.

Само собою разумѣется, что г-жа Сталь высоко ставила знаменитый „Отчетъ" своего отца. „Говорили,—замѣчаетъ она,— что знакомить націю съ положеніемъ дѣлъ, это—наглость, посягательство на власть короля. Но еслибы не приходилось ничего требовать отъ націи, можно бы было скрывать отъ нея положеніе казны; настроеніе же общества не позволяло требовать продленія весьма тяжкихъ налоговъ, не показывая, по крайней

мѣрѣ, что̀ дѣлаютъ или хотятъ сдѣлать съ ними". Неккеръ доказывалъ, что напечаталъ „Отчетъ" по приказанію монарха, и предостерегалъ отъ „таинственности въ государственныхъ дѣлахъ вообще, и въ финансахъ въ особенности". И за это-то ему пришлось пострадать. Когда, шесть лѣтъ спустя, новый министръ публично заподозрилъ правдивость „Отчета", Неккеръ не только представилъ королю оправдательную записку, но и напечаталъ ее, вопреки его волѣ, за что и былъ висланъ изъ Парижа.

Нападали на Неккера и за его главную административную мѣру—за „провинціальныя собранія". Онъ оправдывался, что это—вовсе не „политическое" нововведеніе, хотя и не упоминалъ ни о Тюрго, ни о Мирабо-отцѣ, которому принадлежала эта мысль. Дочь же его была увѣрена, что эта великая реформа устранила бы революцію. Она даже какъ будто думаетъ, что тогда не потребовались бы и генеральные штаты; а еслибы они все-таки были созваны, то дворянство и духовенство явились бы туда не съ такой ненавистью къ третьему чину, а третій чинъ—не съ такой страстью къ равенству. Неудача постигла Неккера и относительно американской войны. Онъ былъ противъ нея: по его мнѣнію, монарху Франціи непристойно было вступаться за революціонеровъ; да и французы, боровшіеся за свободу въ Америкѣ, должны были иначе смотрѣть на свой Версаль. Но общественное мнѣніе заставило короля помочь американцамъ.

Неккеръ долженъ былъ подать въ отставку. Онъ рѣшился выжидать событій въ тиши своего кабинета. Безъ его участія протекли семь замѣчательныхъ лѣтъ, 1781—1788, когда Франція готовилась къ своей революціи. Но онъ внимательно слѣдилъ за событіями, и намъ извѣстны его взгляды, благодаря отчасти его сочиненіямъ, а больше всего—депешамъ мужа г-жи Сталь. Въ послѣднихъ въ высшей степени интересно излагаются всѣ политическія и особенно придворныя событія. Передъ нами „Франція быстро идетъ къ разложенію". Министры не понимаютъ главнаго—внутренняго состоянія страны. „Всюду чувствуется слабость правящихъ лицъ". Министры никуда не годятся: они губятъ все; даже порядочные люди портятся, попавъ въ министерство. А дворъ „не понимаетъ правды и благородства: король ничего не можетъ сдѣлать, по своему невѣжеству и вслѣдствіе низости окружающихъ". Если же онъ поѣдетъ по Франціи, то „вынесетъ ложный взглядъ: и возьмутъ власть его спутники". Наверху всюду интриги и обманъ; и „сила вещей, и нелѣпость правительства", влекутъ Францію съ каждымъ днемъ все ближе

и ближе къ страшному перевороту. Лучшимъ представителемъ этого жалкаго правительства былъ Калоннъ,—„интриганъ, окруженный жадными друзьями“, которые въ то же время дѣлали всякія мерзости противъ Неккера. Въ своей „Революціи“ г-жа Сталь высказываетъ мнѣніе, что еслибы можно было приписать революцію одному лицу, то это былъ бы Калоннъ. Она считала совсѣмъ нелѣпою такую затѣю, какъ созваніе нотаблей. Этотъ-то Калоннъ выгналъ Неккера изъ Парижа; но вслѣдъ за тѣмъ ему самому велѣли подать въ отставку. Неккеръ, а за нимъ его дочь, хвалятъ его преемника, архіепископа тулузскаго, Бріена. А въ депешахъ барона Сталя мы читаемъ, что Бріенъ былъ слабъ и не умѣлъ воспользоваться минутой: парламентъ игралъ имъ такъ же, какъ нотабли Калонномъ. Ему, кажется, оставалось одно средство—война. Но тутъ, въ іюлѣ 1787 года, парламентъ потребовалъ генеральныхъ штатовъ. За это, въ августѣ, онъ былъ сосланъ въ Троа: и „революціи еще нѣтъ, низшій классъ молчитъ; но она близка въ Парижѣ; игра правительства въ реформы не удастся“,—говоритъ депеша.

Въ октябрѣ уже готовы были созывать генеральные штаты; не знали только, какъ это сдѣлать. Въ январѣ 1788 года въ депешахъ описывается „летаргія правительства“, которое, однако, продолжаетъ обманывать націю: обѣщаютъ генеральные штаты, а пока отнимаютъ у парламента право утвержденія податей. Положеніе Бріена становилось невыносимымъ. Этотъ послѣдній во Франціи духовный министръ запутался въ собственныхъ противорѣчіяхъ. По словамъ г-жи Сталь, „побитый въ качествѣ деспота, онъ склонился къ своимъ старымъ друзьямъ-философамъ; недовольный привилегированными кастами, онъ попробовалъ понравиться націи, приглашая всѣхъ писателей высказаться о формѣ генеральныхъ штатовъ“. Кончилось тѣмъ, что всѣ вознегодовали на министра. Многіе называли его даже „глупцомъ“. Сама г-жа Сталь замѣчаетъ: „Когда націи начинаютъ играть роль въ политикѣ, всѣ эти салонные остроумцы оказываются ниже обстоятельствъ“. Именно тогда уже прошло время этихъ акробатовъ власти: „Никогда еще предразсудки, отстаивающіе старину, не были такъ безсильны, какъ тогда и даже въ послѣдующее 25-лѣтіе“.

И вотъ, волей-неволей, въ августѣ 1788 года, Неккеръ снова былъ призванъ къ кормилу правленія. Чтобы оправдать новую неудачу своего отца, г-жа Сталь ставитъ вопросъ: „Была ли конституція во Франціи до революціи?“ Она отвѣчаетъ на него цѣлою главой,—одною изъ важнѣйшихъ въ ея „Револю-

ціи". Вотъ эта конституція, которую которую хотѣлось видѣть врагамъ всякихъ реформъ: „Франція всегда управлялась обычаями, часто капризами, но никогда законами"! Одно царствованіе не похоже на другое: все зависитъ отъ личности короля. Генеральные штаты созывались, когда было угодно королямъ, вѣрнѣе—когда въ казнѣ не было денегъ. Не только они, но и парламентъ не имѣлъ никакой силы, благодаря вмѣшательству и „чрезвычайнымъ" судамъ, съ ихъ висѣлицами, тюрьмами, изгнаніями. Не даромъ знаменитый англійскій юрисконсультъ, Блэкстонъ, писалъ въ XVIII вѣкѣ объ Англіи: „Тогда можно было заключить въ тюрьму, погубить или изгнать всякаго, кто не нравился правительству, подобно тому, какъ это дѣлается въ Турціи или во *Франціи*". Но лучше всего свидѣтельство самого француза, и притомъ такого, какъ канцлеръ графа д'Артуа, Монтіонъ. Этотъ сановникъ, посвятившій особенную оффиціальную записку именно доказательству, что во Франціи была конституція до революціи, ярко обрисовалъ всѣ тѣ злоупотребленія, которыя вызвали великій переворотъ. „Самое существенное право гражданина—право подавать голосъ о законахъ и налогахъ—вышло изъ употребленія... Самостоятельность судовъ нарушалась вмѣшательствомъ короля въ дѣла парламента и произвольными заточеніями. Законы, уставы, общія рѣшенія короля, которыя должны обсуждаться въ совѣтѣ, часто не вносились туда. И по многимъ дѣламъ эта узаконенная ложь стала обычаемъ... Два первыхъ чина (сословія) были освобождены отъ налоговъ, но не за свои заслуги. Уголовныя коммиссіи изъ произвольно назначенныхъ судей заставляли дрожать невинность... Судьи эти, единственные защитники націи, при произвольномъ правленіи, были уничтожены и замѣнены корпораціей чиновниковъ, лишенныхъ довѣрія общества. Но всего болѣе нарушались законы въ области финансовъ. Налоги установлялись безъ согласія націи; они отличались неправильностью и достигали чудовищныхъ размѣровъ; они распредѣлялись между провинціями, о благосостояніи которыхъ не имѣли понятія; часть ихъ тяготѣла больше надъ бѣдняками, чѣмъ надъ богатымъ классомъ... Государственный долгъ обременялъ націю и былъ окруженъ вѣроломствомъ... Суммы на личные расходы короля, на государственный долгъ и на правительственныя издержки опредѣлялись лишь особымъ и тайнымъ актомъ королевской воли; и личныя издержки нашихъ королей достигли крайнихъ размѣровъ... Пенсіи достигали размѣровъ, невиданныхъ въ другихъ государствахъ Европы".

Г-жа Сталь спрашиваетъ: „Если таково было положеніе

Франціи по сознанію даже тѣхъ, которые признавали существованіе конституціи, то кто же могъ отрицать необходимость измѣненій?"

Вотъ какую невозможную машину приходилось чинить Неккеру! Немудрено, что когда дочь прибѣжала къ нему съ радостнымъ извѣстіемъ объ его назначеніи, онъ воскликнулъ: „Ахъ, отчего не дали мнѣ этихъ 15 мѣсяцевъ епископа тулузскаго? Теперь слишкомъ поздно". Г-жа Сталь тотчасъ сама испытала разочарованіе: она встрѣтила у королевы холодный пріемъ. „Тогда,— говоритъ она,—расположеніе королевы было однимъ изъ главныхъ препятствій планамъ Неккера. Она покровительствовала ему въ его первое министерство, но во второе видѣла въ немъ избранника общественнаго мнѣнія. А въ самодержавныхъ правительствахъ, къ сожалѣнію, государи привыкаютъ смотрѣть на это мнѣніе какъ на своего врага". Но это же мнѣніе ставило Неккеру крайне трудную и великую задачу.

На очереди стояли знаменитые *генеральные штаты*. Изъ депешъ барона Сталя и изъ изложенія его жены ясно, что, кромѣ капиталистовъ, всѣ требовали ихъ, какъ сигнала конституціоннаго порядка. Это вовсе не входило въ министерскую программу Неккера. Но что̀ было ему дѣлать? „Значеніе народа,— свидѣтельствуетъ г-жа Сталь,—уже росло, а значеніе должностныхъ лицъ падало пропорціонально... Еслибы Неккеръ самъ предложилъ созвать генеральные штаты, его могли бы обвинить въ измѣнѣ своему долгу, такъ какъ, по ученію извѣстной партіи, абсолютная власть королей—дѣло священное. Но когда общественное мнѣніе принудило снова призвать Неккера, генеральные штаты были уже торжественно обѣщаны: дворянство, духовенство и парламентъ добились этого обѣщанія. Тутъ могущество общественнаго мнѣнія было таково, что никакая военная или гражданская сила не рѣшилась бы противиться ему. Записываю этотъ фактъ въ исторію; если она уменьшаетъ заслугу Неккера, доказывая, что не онъ далъ генеральные штаты, зато онъ ставитъ отвѣтственность за революцію на должное мѣсто".

Тѣмъ не менѣе, Неккеръ, который, по словамъ его дочери, не считалъ „ни разумнымъ, ни полезнымъ" совѣтовать королю отступиться отъ своего слова, все еще пытался плыть противъ теченія, „слишкомъ полагаясь на разумъ". Онъ, подобно Калонну, взялся за *нотаблей*. Тутъ обнаружилась замѣчательная близорукость Неккера, которую его дочь оправдываетъ такими словами: „Но кто же могъ думать, что тѣ самые привилегированные, которые вчера такъ рѣзко выступали противъ злоупо-

требленій королевской власти, станутъ сегодня защищать всѣ несправедливости собственной власти съ яростью, столь противорѣчащей общественному мнѣнію?“ Неккеръ желалъ, чтобы развившійся третій чинъ имѣлъ въ генеральныхъ штатахъ число голосовъ, равное числу голосовъ двухъ первыхъ чиновъ, взятыхъ вмѣстѣ, къ чему склонялся отчасти и дворъ. Конечно, собраніе нотаблей, какъ гнѣзда „привилегированныхъ“, возстало противъ такого нововведенія, требуя старой формы,— какъ собирались послѣдніе генеральные штаты 1614 года. Такъ, главною противницей короны оказалась ея „опора“,—высшее сословіе: третій чинъ готовъ былъ поддержать Людовика XVI, еслибы тотъ не отклонился отъ него къ этой ложной опорѣ. Графъ Прованскій говорилъ, въ 1789 году, парижскому муниципалитету: „Великая революція была готова; король, по своимъ намѣреніямъ, добродѣтелямъ, высшему чину, долженъ былъ стать ея вождемъ“. Въ этихъ словахъ,—замѣчаетъ г-жа Сталь,—„вся мудрость тогдашней минуты“. Наконецъ, состоялось знаменитое засѣданіе государственнаго совѣта 27 декабря 1788 г., которое, казалось, было эрой конституціонной монархіи во Франціи: правительство обѣщало народу созвать генеральные штаты въ новой формѣ, а также отмѣнить цензуру и произвольные аресты (lettres de cachet)“.

Всѣ радовались. Неккера забросали поздравительными адресами. „Никогда еще,—замѣчаетъ г-жа Сталь,—власть короля надъ умами не была столь могущественна: всѣ дивились силѣ разума и честности, заставившей его стать во главѣ реформъ, требуемыхъ націей“. Сами привилегированные стушевались. „Философское просвѣщеніе сдѣлало такіе успѣхи въ Европѣ, что короли, дворяне, священники первые стыдились своихъ вредныхъ преимуществъ; правда, они желали сохранить ихъ, но изъявляли притязаніе на честь пренебрегать ими; а ловкіе люди надѣялись усыпить общественное мнѣніе настолько, чтобы оно не оспаривало у нихъ того, что̀ они сами, повидимому, презирали. Императрица Екатерина ухаживала за Вольтеромъ; Фридрихъ II почти соперничалъ съ нимъ въ литературѣ; Іосифъ II былъ отъявленнымъ философомъ въ своемъ государствѣ; король Франціи дважды, въ Америкѣ и въ Голландіи, заступался за подданныхъ противъ ихъ государей. И въ Англіи было тогда больше либерализма, чѣмъ 25 лѣтъ спустя“.

Въ жизни г-жи Сталь это была самая блаженная эпоха, какъ она сама признавалась потомъ. Ея божество стояло во главѣ Франціи; и весь міръ, казалось, ждалъ отъ него спасенія. Торжество конституціи, въ которое вѣрили „почти всѣ“ 23

милліона французовъ, казалось обезпеченнымъ навѣки. Сама г-жа Сталь стояла во главѣ перваго салона Парижа, уже пользуясь именемъ писательницы и ораторши. Ее окружали лучшіе изъ аристократовъ, которымъ казалось, что имъ суждено было обновить міръ великими, „разумными" реформами. Она наслаждалась лучшимъ, по ея мнѣнію, возрастомъ: ей было около 23 лѣтъ. Эти чувства выразились въ ея первомъ, энтузіастическомъ сочиненіи: „Письма о Руссо" вышли въ 1788 году. Немудрено, что ея самыми свѣтлыми, горячими строками оказалось описаніе открытія генеральныхъ штатовъ.

За полгода до этого великаго дня г-жа Сталь писала: „Ты, великая нація, которая скоро соберешься для совѣщанія о своихъ правахъ, изумленная этимъ свиданіемъ послѣ двухъ вѣковъ и, быть можетъ, еще мало подготовленная ко вновь полученной власти! Я не требую отъ тебя того смѣлаго чувства, которое просвѣтляетъ меня; но довѣрься разуму. Разъ событія, волновавшія это королевство цѣлыхъ два года, привели тебя, наконецъ, путемъ одного просвѣщенія, къ выгодамъ, которыхъ всегда добивались лишь потоками крови, не изгладь печати разума и мира, которую судьба желаетъ приложить къ твоей конституціи. И когда ты можешь, благодаря единодушію, разсчитывать на достиженіе цѣли, стремись къ славѣ сдѣлать дѣло, не хвативъ черезъ край. А, ты, Руссо, великій и столь несчастный человѣкъ, что едва смѣютъ сожалѣть о тебѣ на этой землѣ, орошенной твоими слезами! Отчего ты не присутствуешь при внушительномъ зрѣлищѣ великаго, давно подготовленнаго событія, въ которомъ впервые не замѣшивается случай? Быть можетъ, тутъ-то люди показались бы тебѣ достойными уваженія. Если я не ошибаюсь, теперь ихъ не будетъ одушевлять никакая личная страсть: они дружно выдвинутъ только то, что̀ есть въ нихъ небеснаго. Ахъ, Руссо, какъ былъ бы ты счастливъ, еслибы твое краснорѣчіе раздалось въ этомъ священномъ собраніи! Какое вдохновеніе для таланта, какая надежда быть полезнымъ! Что за новое чувство, когда мысль, отрѣшаясь отъ себя самой, можетъ видѣть предъ собой цѣль — дѣло! Терзанія сердца замолкнутъ въ такихъ великихъ обстоятельствахъ: человѣкъ, погруженный въ общія мысли, исчезаетъ въ собственныхъ глазахъ. Воскресни же, Руссо, воскресни изъ твоего праха!"

IX.

Съ такимъ же одушевленіемъ встрѣтила г-жа Сталь первое во Франціи конституціонное собраніе. „Я отдавалась, — говоритъ она, самой сильной надеждѣ, видя въ первый разъ представителей народа. Я никогда не забуду этого внушительнаго и новаго для французовъ зрѣлища". Наблюдая проходившихъ мимо ея окна депутатовъ, она была особенно поражена членами третьяго чина, выступавшими въ своихъ черныхъ сюртукахъ, твердою поступью, съ увѣреннымъ взглядомъ. Въ ихъ рядахъ уже тогда замѣтенъ былъ перебѣжчикъ изъ знати, графъ Мирабо: онъ выдѣлялся своими густыми волосами и вообще какою-то „неправильной силой".

Но, вотъ, торжественное открытіе генеральныхъ штатовъ. Когда вошелъ король, г-жа Сталь испытала какое-то опасеніе. Оно усилилось, когда появилась опоздавшая королева, видимо взволнованная. Неккера встрѣтили общими апплодисментами. Но не то было послѣ его рѣчи, въ которой министръ говорилъ о „денежныхъ привилегіяхъ" первыхъ двухъ чиновъ, высказался противъ поголовнаго голосованія и совѣтовалъ не спѣшить: его фраза: „не предупреждайте событій" (ne soyez pas envieux du temps), вошла въ пословицу,—говоритъ г-жа Сталь. Третій чинъ остался очень недоволенъ министромъ, который обращался съ ними какъ съ провинціальными чиновниками, и говорилъ только о финансахъ, въ то время какъ они собрались для конституціи. Высшіе же чины упрекали Неккера, зачѣмъ онъ созвалъ генеральные штаты, когда, по его словамъ, было такъ легко исправить финансы. Г-жа Сталь нашлась сказать въ его оправданіе только то, что сами депутаты, а не министръ, должны были заговорить о конституціи, и что генеральные штаты были обѣщаны до него.

Сразу пошла суматоха, которая живо рисуется въ депешахъ барона Сталя. Третій чинъ „поднялъ тонъ", чувствуя народъ за собой и сознавая свои таланты, среди которыхъ уже выдѣлялись такіе рѣшительные борцы, какъ Мирабо, съ его „разрушающимъ краснорѣчіемъ", и Сіэсъ, этотъ „таинственный оракулъ подготовляющихся событій, сочиненія и мнѣнія котораго составятъ такую же новую эру въ политикѣ, какою былъ Ньютонъ въ физикѣ". Дворянство же „опять стало наглымъ и начало презирать третій чинъ, какъ въ тѣ времена, когда крѣпостные требовали свободы у своихъ господъ". Большинство дворянства, „чувствуя недостатокъ талантовъ и просвѣщенія, возвѣщало безцеремонно о необходимо-

сти пустить силу противъ народной партіи". Оттого-то первое рѣшеніе третьяго чина соединиться всѣмъ депутатамъ вмѣстѣ подъ именемъ „Національнаго Собранія" „было уже самою революціею". Виной тому, по мнѣнію г-жи Сталь, были сами привилегированные и король. Но въ какомъ смыслѣ? Изъ ея словъ можно заключить, что революціи не было бы, еслибы тотчасъ пустили въ ходъ силу, въ которую она вѣрила: вѣдь увѣряла же она, что наканунѣ революціи власть правительства не была поколеблена, хотя по провинціямъ было 300 возстаній въ 4 мѣсяца. По крайней мѣрѣ, звучатъ ироніей такія слова: третій чинъ „подумалъ или притворился, что подумалъ", будто ему запрещаютъ собираться; и передвиженіе ничтожныхъ войскъ вокругъ Версаля „ставило его въ самое выгодное положеніе". Но тутъ же г-жа Сталь доказываетъ, что армія была ненадежна: „да и самая энергичная воля новыхъ временъ, воля Бонапарта, разбилась бы объ общественное мнѣніе, еслибы онъ занималъ тронъ въ минуту открытія генеральныхъ штатовъ". Неккеръ отлично понималъ это, руководствуясь разными извѣстіями изъ провинцій. Поэтому онъ внушалъ даже королю дать англійскую конституцію. И сама королева говорила впослѣдствіи: „я готова была отдать руку на отсѣченіе, лишь бы утвердили англійскую конституцію".

Но вокругъ короля вертѣлись какіе-то „тайные совѣтники" изъ аристократовъ, недовольныхъ Неккеромъ: они-то уговорили короля призвать въ Версаль нѣмецкія войска. И „роковой предразсудокъ" погубилъ короля и Францію: была отвергнута декларація Неккера, которая спасла бы Францію отъ „25-лѣтняго кроваваго пути". Въ засѣданіи 23 іюня король сказалъ совсѣмъ другую рѣчь—и все заволновалось, тѣмъ болѣе, что, вслѣдъ затѣмъ, Неккеръ получилъ письмо отъ короля съ просьбой немедленно покинуть Францію инкогнито. Въ депешахъ барона Сталя мы читаемъ, что отъѣздъ Неккера означалъ погибель короля и неизбѣжность революціи.

14-ое іюля объясняется у Сталь фразой о томъ, что тогда въ Парижѣ не было другихъ войскъ, кромѣ двухъ нѣмецкихъ полковъ, „которые вытянули сабли, въ Тюльерійскомъ саду, какъ будто только для того, чтобы дать предлогъ къ возстанію". Но въ Упсалѣ сохранилось любопытное ея письмо къ Густаву III, писанное въ августѣ 1789 года, гдѣ подробно развивается ея взглядъ, причемъ она смѣло говоритъ, что не можетъ сомнѣваться въ истинныхъ причинахъ событія. Она убѣждена, что это—„придворная интрига, поддержанная чрезмѣрными требованіями

дворянства,—интрига, которая видѣла все королевство въ Версалѣ". Во главѣ интригановъ стоялъ графъ Артуа, который убѣждалъ короля, что Неккеръ обманываетъ его, твердя, что уже нельзя распустить генеральные штаты. Однако,—говоритъ корреспондентка, —„золотомъ и ложью можно вызвать заговоръ или отдѣльный бунтъ, но цѣлое государство не возстанетъ безъ истинныхъ, всѣмъ доступныхъ, основаній". Въ своей „Революціи" г-жа Сталь называетъ 14-ое іюля „низверженіемъ монархіи", а насильственное возвращеніе короля въ Парижъ—„признаніемъ, съ его стороны, революціи, направленной противъ его власти". При этомъ читаемъ такое наставленіе: „Если колесницы королей не должны тащить за собой націю, то и націи не должны дѣлать изъ короля украшеніе своего тріумфа".

Впрочемъ, 14-ое іюля еще вызвало сочувствіе въ душѣ г-жи Сталь, „несмотря на кровавыя убійства". Она говоритъ: „Въ этомъ днѣ было свое величіе: движеніе было національное; и никакая внутренняя или иностранная факція не могла возбудить такого энтузіазма. Вся Франція раздѣляла его; а волненіе цѣлаго народа всегда связано съ искренними и естественными чувствами. Общественное мнѣніе провозглашало самыя почтенныя имена. Мы выходили изъ молчанія страны, управляемой дворомъ, чтобы слышать шумъ задушевныхъ привѣтствій со стороны всѣхъ гражданъ. Умы были возбуждены; но въ душахъ еще не было ничего, кромѣ хорошаго". Дѣло въ томъ, что въ ту минуту была надежда на возвращеніе Неккера во Францію: „его звали, какъ Помпея, на несчастье; и онъ сѣлъ на развалины, какъ Марій",—сказалъ Боркъ. Г-жа Сталь описываетъ весь восторгъ Франціи, при возвращеніи ея отца, отъ котораго она упала въ обморокъ. Она восклицаетъ: „Прощай, милая, великодушная Франція! Прощай, та Франція, которая желала свободы и тогда легко могла получить ее! Теперь я осуждена на изображеніе сначала твоихъ ошибокъ, потомъ твоихъ несчастій. Будутъ еще проблески твоихъ добродѣтелей; но самый ихъ блескъ послужитъ только къ тому, чтобы болѣе оттѣнить глубину твоихъ бѣдствій".

Да, уже никакой Неккеръ не могъ отвратить надвигавшуюся бурю. Неккеру оставалось только охранять особу короля, что̀ онъ и дѣлалъ добросовѣстно, въ теченіе 13 мѣсяцевъ. Даже передъ своей послѣдней отставкой онъ спасалъ честь короля, скрывъ „Красную Книгу", гдѣ были записаны тайные расходы двора. Г-жа Сталь особенно восторгается этимъ поступкомъ, потому что эти расходы были сдѣланы не при ея отцѣ, а при

Калоннѣ; король сорилъ деньгами для другихъ, самъ же взялъ только 11 милліоновъ лишнихъ въ 16 лѣтъ". Неккеръ даже одинъ только во всемъ государственномъ совѣтѣ осмѣлился посовѣтовать королю наложить запретъ на постановленіе конститюанты объ уничтоженіи привилегій дворянства. По при такомъ направленіи Неккера общественное мнѣніе должно было снова разочароваться въ немъ. Съ другой стороны, возобновились интриги царедворцевъ: оттого все третье министерство Неккера было какъ бы его постепеннымъ паденіемъ. А въ депешахъ барона Сталя уже съ августа предсказывалась „пропасть", въ которую стремился самъ Людовикъ XVI изъ-за своего „упрямства", увлекаемый „нелѣпостями царедворцевъ и неисправныхъ аристократовъ". Къ числу нелѣпостей тутъ отнесена въ особенности извѣстная сцена королевы съ тѣлохранителями во дворцѣ,— сцена, которую г-жа Сталь сравнивала потомъ съ героическимъ обращеніемъ Маріи-Терезіи къ венгерцамъ.

Г-жа Сталь разсказываетъ объ октябрьскихъ ужасахъ какъ очевидецъ: она жила тогда, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Версалѣ; только корридоръ отдѣлялъ ихъ отъ двора. Г-жа Сталь собственными глазами видѣла „адскую шайку", какъ назвала она привалившую изъ Парижа толпу. Она придаетъ этимъ событіямъ значеніе новой фазы революціи. „Учредительное Собраніе, — говоритъ она,—было господиномъ Франціи отъ 14-го іюля до 5-го октября 1789 года, а съ 5-го октября страною овладѣла народная сила. Революція спускалась все ниже и ниже, по мѣрѣ того, какъ высшіе классы выпускали возжи изъ рукъ, по недостатку разума или искусства". 5-е и 6-е октября были, такъ сказать, первыми днями выступленія якобинцевъ. „Измѣнились и предметъ, и сфера революціи: уже не свобода, а равенство стало цѣлью. Съ этого дня низшій классъ началъ одолѣвать тотъ классъ, который былъ призванъ къ правленію въ силу своего просвѣщенія". Лучшіе аристократы ничего не могли сдѣлать: ихъ было слишкомъ мало. Вожди умѣренной партіи и равнины покинули собраніе и Францію, отчаявшись въ успѣхѣ. Самъ Мирабо, хотя „уже получалъ тайно деньги отъ министерства", часто угрожалъ роялистамъ и вообще „добивался монархическихъ декретовъ демократическими фразами". Его „опутывали страсти, какъ змѣи Лаокоона". А съ начала 1790 года баронъ Сталь постоянно извѣщалъ Густава III о томъ, какъ демократы поджигали народъ, ибо при спокойствіи они не нужны; въ іюлѣ онъ прослышалъ, что готовится даже „аграрный" соціалистическій законъ.

Въ сентябрѣ произошла окончательная отставка Неккера. Ему надоѣла вѣчная безплодная борьба. Въ то же время онъ сталъ замѣчать, что король несовсѣмъ откровененъ съ нимъ, хотя, по мнѣнію г-жи Сталь, еслибы Людовикъ XVI открылъ Неккеру тайну бѣгства, тотъ почелъ бы своимъ долгомъ всѣми силами помочь ему. Настала минута, когда можно было быть лишь революціонеромъ или антиреволюціонеромъ: Неккеръ не могъ быть ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ подалъ въ отставку и передъ отъѣздомъ оставилъ въ казнѣ короля своихъ два милліона, такъ какъ предвидѣлъ гибельное слѣдствіе ассигнатовъ.

Король, дѣйствительно, тогда уже задумалъ свой великій планъ, какъ видно изъ ноябрьскихъ депешъ барона Сталя. Г-жа Сталь называетъ бѣгство короля „отъѣздомъ". Она совершенно оправдываетъ его такими „оскорбленіями", нанесенными Людовику XVI, какъ отнятіе права помилованія, введеніе присяжнаго духовенства и лишеніе королевы правъ регентства. По ея мнѣнію, что-нибудь одно — или монархія, или республика. „Тогда уже достаточно провинились передъ королемъ, чтобы онъ имѣлъ право покинуть Францію. Быть можетъ даже, онъ оказывалъ большую услугу самимъ друзьямъ свободы, прекращая лицемѣрное положеніе, такъ какъ они старались убѣдить націю, что политическія дѣла короля, съ пріѣзда его въ Парижъ, были добровольны, тогда какъ ясно было, что это не такъ". Г-жа Сталь разсказываетъ, что впослѣдствіи самъ Фоксъ говорилъ ей, что было бы лучше, еслибы дали королю бѣжать, и провозгласили республику. Что касается манифеста, оставленнаго Людовикомъ XVI передъ бѣгствомъ, то даже г-жа Сталь находитъ въ немъ излишними такія мелочи, какъ жалобы на неприготовленность Тюльери къ его пріему. Впрочемъ, „наслѣдственнымъ королямъ очень трудно не быть рабами привычекъ, какъ въ важныхъ, такъ и въ мелкихъ обстоятельствахъ жизни". Г-жа Сталь трогательно описываетъ „траурное" возвращеніе королевской четы.

Три мѣсяца спустя, баронъ Сталь извѣщаетъ своего короля, что во Франціи великая радость: Людовикъ XVI принялъ, наконецъ, конституцію.

Конституція была дѣломъ крупныхъ личностей, которымъ г-жа Сталь отдаетъ справедливость, хотя среди нихъ были и ея личные враги. Конститюанта отличалась талантами и просвѣщенными людьми во всѣхъ своихъ *партіяхъ*. Г-жа Сталь не только различаетъ извѣстныя три партіи, давая имъ названія того времени, но и дробитъ ихъ на подраздѣленія, которыя „основы-

вались, по бо̀льшей части, на личныхъ интересахъ, уже начавшихъ свою игру".

Аристократы или „правая сторона" находили „смѣшнымъ" это открытіе XVIII-го вѣка—„націю". За немногими исключеніями, они умѣли только „бранить народную партію". Крайніе среди аристократовъ, ретрограды, занимали, на своей сторонѣ, самыя верхнія скамейки, также какъ крайніе лѣвой сидѣли на самомъ верху своей стороны или на „Горѣ". Внизу же простиралась „Равнина", или „Болото", гдѣ сидѣли „умѣренные", или „безпристрастные"—по бо̀льшей части, „защитники англійской конституціи". Во главѣ ихъ стояли Малуэ и Мунье́—„люди самые добросовѣстные, мужественные и чистые во всемъ собраніи"; ихъ поддерживало министерство съ Неккеромъ во главѣ. Сталь указываетъ, какъ на отличіе „духа партіи", на то обстоятельство, что крайніе аристократы „часто охотнѣе подавали руку не имъ, а неистовымъ демагогамъ".

Лѣвую сторону г-жа Сталь называетъ „народной партіей". Здѣсь въ первомъ ряду былъ аббатъ Сіэсъ: „въ собраніи сдѣлалось модой выказывать ему почти суевѣрный почетъ". Г-жа Сталь дробитъ народную партію на четыре секціи, по выдающимся личностямъ: Лафайета, Мирабо, Барнава и Робеспьера.

На первомъ планѣ выставленъ Лафайетъ, котораго и Неккеръ, и его дочь сравниваютъ съ Вашингтономъ, хотя они видятъ его недостатки. Лафайетъ, по мнѣнію г-жи Сталь, былъ „по разуму роялистъ, по чувству—республиканецъ".

За Лафайетомъ слѣдуетъ Мирабо. Г-жа Сталь не могла не признавать силы такого важнаго дѣятеля, про котораго даже Констанъ сказалъ: „у этого человѣка была душа, и при всѣхъ его недостаткахъ, онъ не былъ преступникомъ". Она даже говоритъ, что „если Мирабо не былъ настоящимъ геніемъ, то приближался къ нему силой своихъ талантовъ". Въ депешахъ барона Сталя Мирабо изображается силой, безъ которой монархіи угрожала гибель. Но Мирабо постоянно травилъ Неккера — и г-жа Сталь выдвигаетъ безнравственность его частной жизни, надѣляетъ его именемъ „демагога" и вождя „факціи". На первый разъ Мирабо задался цѣлью „сдѣлаться господиномъ двора, а не его орудіемъ". Онъ сталъ бы за абсолютизмъ, но, зная, что тогда не дали бы ему власти, онъ схватился за конституціонную монархію, „требующую талантливыхъ людей". Мирабо часто говорилъ, что мелкая нравственность убиваетъ крупную. Сама г-жа Сталь оставляетъ подъ сомнѣніемъ, бралъ ли онъ деньги отъ двора, или нѣтъ; но въ депешахъ ея мужа прямо

говорится о подкупѣ. Г-жа Сталь оканчиваетъ извѣстный разсказъ о смерти Мирабо такими благородными словами: „Его торжественное погребеніе было особенно трогательно отъ слезъ народа. Въ первый разъ во Франціи воздавали человѣку пера и краснорѣчія почести, которыхъ удостоивались прежде только большіе бары или воины. Палъ великій дубъ: оставалась мелочь. Я упрекаю себя за сожалѣніе о человѣкѣ, столь мало достойномъ сожалѣнія; но такой умъ столь рѣдокъ, что нельзя удержаться отъ вздоха, когда видишь, что смерть опускаетъ свои мѣдныя двери надъ человѣкомъ, который вчера еще былъ такимъ краснорѣчивымъ, одушевленнымъ, полнымъ жизни".

Во главѣ третьей секціи народной партіи стоялъ Барнавъ, который, въ силу своего таланта, подходилъ больше всѣхъ къ роли англійскаго оратора. Но онъ повредилъ себѣ необдуманнымъ словомъ. Послѣ взятія Бастиліи, возмущенный тѣмъ, что на народъ сваливали убійство нѣкоторыхъ аристократовъ, онъ воскликнулъ: „Неужто ихъ кровь была такая чистая!"

Г-жа Сталь находитъ, что всѣ эти три вождя лѣвой достигли бы англійской конституціи, еслибы присоединились къ Неккеру; но „имъ хотѣлось самимъ выдвинуться впередъ". „Они весьма неблагоразумно искали опоры внѣ собранія,—въ сборищахъ, которыя уже подготовляли подземную бурю". Эта „партія элегантныхъ молодыхъ людей" составляла какъ бы переходъ къ четвертой секціи—къ „монтаньярамъ", или горцамъ. „Тутъ уже былъ Робеспьеръ; якобинство уже подготовлялось въ клубахъ этой ужасной секты". Въ депешахъ барона, Робеспьеръ упоминается впервые въ іюлѣ 1791 г., по поводу слуховъ объ его сумасшествіи.

При этомъ г-жа Сталь дѣлаетъ любопытное замѣчаніе относительно близорукости остальныхъ секцій народной партіи: „Вожди большинства народной партіи подсмѣивались надъ крайностями якобинцевъ", но уже тогда можно было видѣть, гдѣ образуется настоящая сила.

Но вліяніе всѣхъ партій, враждебныхъ умѣреннымъ, было еще слабо. Оттого оцѣнка конститюанты у г-жи Сталь выходитъ хотя и критическою, но вообще благопріятной. Это особенно ясно, если сопоставить ее со взглядомъ ея отца. Неккеръ не видѣлъ въ конститюантѣ ничего хорошаго. Она для него—не что̀ иное, какъ „страна химеръ и отвлеченностей": это—„узурпація" со стороны третьяго чина. „Ставши рабомъ или трусливымъ царедворцемъ толпы, конститюанта могла дать лишь уложеніе самое подлое (lâche) и самое демократическое",—какую-то смѣсь

„алмазовъ съ поддѣльными камнями“. А алмазы—это, конечно, его знаменитые двѣнадцать статей. Г-жа Сталь также называетъ первое уложеніе революціи „несчастною конституціей“. Согласно съ своимъ отцомъ, она порицаетъ его за уничтоженіе титуловъ. Въ особенности же она негодуетъ на „смѣшеніе властей“ или на ослабленіе короны въ то время, когда, по ея мнѣнію, французы такъ привыкли къ ней, что, пожалуй, обратились бы къ королю даже за санкціей республики. Ее возмущало то, что конститюанта присвоила себѣ почти всю исполнительную власть; сама же она занималась обсужденіемъ философскихъ вопросовъ въ то время, какъ Франціи грозили голодъ и банкротство. Г-жа Сталь вполнѣ соглашалась съ своимъ отцомъ, что такая конституція, съ одной только палатой—чистая „королевская демократія“, весьма опасная какъ для трона, такъ и для свободы.

Но вся остальная работа конститюанты вызывала сочувствіе г-жи Сталь. Ей особенно нравились религіозная терпимость, свобода печати и неприкосновенность личности. Она радовалась отмѣнѣ феодализма во всѣхъ его формахъ, не исключая средневѣковыхъ перегородокъ, вредившихъ торговлѣ и промышленности. Особенно горячо защищала она отобраніе церковныхъ имуществъ. Г-жа Сталь одобряла также задушевную мысль отца—муниципалитеты, освобождавшіе провинціи отъ гнета централизаціи: по ея словамъ, „получилась Франція вмѣсто столицы, и столица вмѣсто двора“. Съ другой стороны, ей нравилось, что была уничтожена провинціальная жизнь, благодаря дѣленію Франціи на департаменты. Г-жа Сталь весьма сочувствовала коренной реформѣ арміи. Она восторгалась зрѣлищемъ войска, которое, благодаря всеобщей повинности, было не скопищемъ солдатъ, а собраніемъ сознательныхъ гражданъ. Ея горячія слова вызвали возраженіе даже со стороны враговъ и друзей. И Байейль, и Констанъ говорили, что дѣло арміи—„быть пассивными, неразсуждающими орудіями“. Но съ особенной любовью относилась г-жа Сталь къ судебной реформѣ, съ ея замѣчательнымъ учрежденіемъ присяжныхъ. Она желала только, чтобы судьи назначались короной, съ сохраненіемъ ихъ несмѣняемости.

Вообще, по мнѣнію г-жи Сталь, „несмотря на недостатки конститюанты, ея дѣло имѣло за себя, во Франціи, въ тысячу разъ больше сторонниковъ, чѣмъ старый порядокъ“. Исторія должна различать уничтоженное зло и новыя учрежденія: все человѣчество должно благодарить конститюанту за ея отрицательную работу и порицать—за положительную. Но свойствен-

ные людямъ промахи и ошибки могли быть исправлены преемниками первыхъ героевъ революціи. Зло же, истребленное ими, было такъ велико, что за ними должна остаться честь и слава, и сочувствіе потомства.

Г-жа Сталь съ любовью вспоминаетъ и парижское общество, въ которомъ она сама играла столь видную роль. „Никогда оно не было такъ блестяще и вмѣстѣ серьезно, какъ съ 1788 года до конца 1791 года. Такъ какъ политика находилась еще въ рукахъ высшаго класса, то въ однихъ и тѣхъ же лицахъ соединялись вся сила свободы и все изящество вѣжливости. Люди третьяго чина, отличавшіеся просвѣщеніемъ и талантами, присоединились къ этимъ жантильомамъ, болѣе гордившимся собственнымъ достоинствомъ, чѣмъ привилегіями своего званія... Никогда, ни въ какой странѣ не процвѣтало въ такой степени искусство говорить, во всѣхъ его формахъ. Женщины руководили у себя почти всѣми бесѣдами. Онѣ смягчали политическія пренія, которыя часто пересыпались милыми и пикантными шутками... Кто жилъ тогда, тотъ не можетъ не признаться, что никогда не было видано нигдѣ ни столько жизни, ни столько ума, ни столько талантовъ. Тогда боялись только одного—не заслужить достаточно общественнаго уваженія“.

Такъ здѣсь на г-жѣ Сталь лежитъ печать переходной эпохи. По сравненію съ отцомъ, она — человѣкъ новаго времени; но аристократическія преданія придерживали ея полетъ передового человѣка. Какъ всегда бываетъ съ дѣятелями умѣренныхъ убѣжденій, особенно переходной эпохи, г-жа Сталь подвергалась горячимъ нападкамъ со стороны крайнихъ партій, которыя не останавливались, въ своихъ клеветахъ, даже передъ ея частною жизнью. Любопытно, что прежде и больше всего г-жѣ Сталь пришлось пострадать отъ роялистовъ-ретроградовъ, которые ненавидѣли ее не только какъ либералку, но и какъ дочь отвратительнаго для нихъНиккера. Среди нихъ главнымъ, „самымъ грязнымъ“, былъ маркизъ Ривароль, котораго уже Вольтеръ оцѣнилъ, какъ изобрѣтателя искусства „чернить живыхъ и мертвыхъ въ алфавитномъ порядкѣ“. Въ его-то „Acte des Apôtres“ г-жа Сталь уже въ 1789 году является „вакханкой революціи“. Затѣмъ, въ „Petit dictionnaire des grands hommes de la Révolution“ г-жа Сталь является уже интимнымъ другомъ и Нарбонна, и Талейрана, и Сегюра. Г-жа Сталь вообще презирала подобныя клеветы. Но въ концѣ конституанты она принуждена была, въ одномъ письмѣ въ Швецію, коснуться продѣлокъ господъ Риваролей, изъ опасенія, чтобы онѣ не повредили карьерѣ ея мужа.

Она просила увѣрить Густава III, что всякія нападки на нее не касаются барона Сталя. „Мое участіе въ государственныхъ дѣлахъ Франціи,—прибавляетъ она,—ограничивалось тою ролью, которую игралъ въ нихъ мой отецъ; послѣ его отставки мнѣ ничего не оставалось, какъ только испытывать сильное возбужденіе“.

Могла ли женщина, переносившая столько клеветъ и волненій, а потомъ пережившая ужасы террора, сохранить тотъ умѣренный либерализмъ, которымъ она отличалась во время конститюанты? Была большая опасность, что она, подобно многимъ изъ своихъ друзей, будетъ вовлечена въ крайность, и скорѣе всего на путь реакціи.

X.

Въ началѣ октября 1791 года, когда расходилось первое собраніе революціи, передавая власть второму, вся Франція радовалась, какъ и г-жа Сталь, благословляя конститюанту и короля, принявшаго конституцію. Въ депешахъ барона Сталя говорилось о возростаніи монархическаго чувства, о всеобщемъ успокоеніи, о „невозможности новой революціи“. Но тотчасъ же оказалось, что радость была напрасна. Законодательное собраніе не могло оправдать всеобщихъ надеждъ. Сама конститюанта испортила дѣло, запретивъ своимъ членамъ быть вновь избираемыми. Оттого-то, по словамъ г-жи Сталь, которая тутъ почти слово въ слово повторяетъ отца, явились новые, неопытные, вызванные смутой люди; посредственность и эгоизмъ замѣнили талантливость и честность. Опасаясь, что возобладаютъ крайнія партіи, „аристократы“ (если еще дозволено употреблять это слово) и „якобинцы“, г-жа Сталь сдѣлала воззваніе къ „конституціоналистамъ и республиканцамъ“ соединиться въ виду общаго врага. Мы имѣемъ въ виду ея небольшую, но чрезвычайно интересную статью, помѣщенную въ началѣ 1792 года, въ газетѣ Сюарда, „Les Indépendants“, подъ заглавіемъ: „По какимъ признакамъ можно узнать мнѣніе большинства націи?“ Здѣсь г-жа Сталь признаетъ, что „большинство націи желаетъ и всегда будетъ желать равенства и свободы, но что оно жаждетъ порядка и считаетъ, что для этого необходима узаконенная сила монарха: тотъ не рабъ, кто желаетъ монархіи, и тотъ не заговорщикъ, кто желаетъ республики“. Г-жа Сталь увѣрена, что „настало время для тѣхъ, которые твердо убѣждены, что для большого государства немыслима никакая республика, кромѣ федеративной, и что единство имперіи невозможно безъ короля“.

Терминъ „аристократы", который тутъ очевидно стѣснялъ г-жу Сталь, требуетъ объясненія. Здѣсь возникаетъ вопросъ объ эмигрантахъ. Уже въ 1795 году г-жа Сталь говорила: „три года революціи выдвинули такія крайнія мнѣнія, что, въ виду ихъ, эмигранты, для своего спасенія, попятились къ предразсудкамъ XIV вѣка; они проповѣдывали такую политическую нетерпимость, которая повергала въ опалу почти всѣхъ французовъ". Г-жа Сталь даже прибавляетъ: „Быть можетъ, настанетъ день, когда разоблачится тайный договоръ между аристократами и якобинцами, чтобы сообща уничтожить весь разумный промежутокъ, раздѣлявшій ихъ. Можно сказать, что они подкапывали Францію съ противоположныхъ сторонъ, двумя минами, которыя должны были соединиться при всеобщемъ крушеніи". При реставраціи, г-жа Сталь просила не смѣшивать этой первой эмиграціи, начавшейся послѣ взятія Бастиліи, съ эмиграціей 1792 года, послѣ низверженія трона. Про эту послѣднюю она говорила: „Когда началось царство террора, мы всѣ эмигрировали, чтобы только избавиться отъ народнаго или юридическаго убійства. Первая же эмиграція не была вызвана никакой опасностью: то было дѣло партійное... Тогда множество дворянъ рѣшились покинуть свою страну, чтобы призвать на помощь иностранныя державы. Къ сожалѣнію, французскіе дворяне смотрѣли на себя скорѣе какъ на соотечественниковъ дворянъ всѣхъ другихъ націй, чѣмъ какъ на согражданъ Франціи... Въ 1791 году эмиграціонная система была ложна и предосудительна".

Такимъ образомъ, вслѣдствіе эмиграціи, въ законодательномъ собраніи почти не было аристократовъ и священниковъ; дѣло привилегированныхъ было уже проиграно. Въ сущности, оставались только три партіи. Г-жа Сталь начинаетъ съ якобинцевъ, или монтаньяровъ. „Эти якобинцы были еще менѣе достойны уваженія, чѣмъ ихъ предшественники. Въ конститюантѣ можно было думать, по крайней мѣрѣ одно время, что дѣло свободы еще не окрѣпло и что сторонники стараго порядка, оставаясь депутатами, могли быть опасными; но въ законодательномъ собраніи не было уже ни опасности, ни препятствій, и заговорщики были принуждены создавать призраки, чтобы высказать свое краснорѣчіе". Среднюю партію въ законодательномъ собраніи составляли конституціоналисты. „Они отличались мужествомъ, разумомъ, настойчивостью; ихъ нельзя было обвинять ни въ какомъ аристократическомъ предразсудкѣ; и борьба, которую они вели въ пользу монархіи, дѣлаетъ безконечную честь ихъ политическому поведенію". Третью партію составляли жи-

рондисты, или „республиканцы“. Эта важная партія придавала силу людямъ безъ средствъ и надѣялась, хотя и совершенно напрасно, сначала пользоваться якобинцами, а потомъ удержать ихъ въ рукахъ. „Жиронда“—человѣкъ двадцать адвокатовъ— „была одарена величайшими талантами; она желала республики, а достигла только низверженія монархіи; вскорѣ она погибла, пытаясь спасти Францію и ея короля“. Лалли сказалъ про жирондистовъ, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ: „ихъ существованіе и ихъ смерть были равно гибельны для отечества“.

Уже по этой постановкѣ партій въ „Революціи“ г-жи Сталь видно ея отношеніе къ жирондистамъ. Напрасно причисляли ее къ нимъ. Участникъ событій, Байейль, тонко замѣтилъ, что г-жа Сталь должна бы поставить жирондистовъ и якобинцевъ въ одинъ разрядъ, такъ какъ и тѣ, и другіе мечтали о республикѣ. Онъ прибавляетъ, что она „предвосхитила титулъ республиканцевъ, которые тогда только формировались незамѣтно“. Изъ историковъ уже Мишле́ замѣтилъ: „Жиронда презирала г-жу Сталь“. Должно припомнить также слѣдующія мѣста въ „Революціи“ г-жи Сталь. „Въ другое время можно бы присоединиться къ республикѣ, еслибы она вообще была возможна во Франціи; но когда еще былъ живъ Людовикъ XVI и политическое вліяніе привилегированныхъ было совершенно уничтожено, какая требовалась увѣренность въ будущемъ, чтобы рисковать реальнымъ благомъ для какого-то названія!“ Далѣе г-жа Сталь описываетъ властолюбіе и духъ партіи, владѣвшій жирондистами, и заключаетъ: „жирондисты презирали конституціоналистовъ до того, что безсознательно низвели популярность въ самые низшіе слои общества; и дошло до того, что лютые люди смотрѣли уже на нихъ, въ свою очередь, какъ на глупцовъ“.

Таковъ былъ составъ законодательнаго собранія въ освѣщеніи г-жи Сталь. А вотъ какъ представлялись ей его дѣла. Его внутренняя политика подвергается суровому приговору цѣликомъ. Снова восхваливъ умѣренность конститюанты, она говоритъ: „Ея преемники явились съ революціонной лихорадкой въ то время, когда уже нечего было ни реформировать, ни разрушать. Общественное зданіе склонялось на сторону демократіи, и требовалось приподнять его, усиливъ власть трона; а первымъ указомъ законодательнаго собранія было отказать королю въ титулѣ величества и поставить ему кресло точно такое же, какъ у президента... Произволъ, противъ котораго должна была быть направлена революція, пріобрѣлъ новую силу, благодаря этой самой революціи... Въ политикѣ, преслѣдованія не ведутъ ни къ чему,

кромѣ необходимости преслѣдовать; убивать не значитъ разрушать".

Г-жа Сталь находитъ, что законодательное собраніе уничтожило монархію „софизмами". Она не понимаетъ, почему заставили короля разыгрывать кукольную комедію: лучше было бы просто выпустить его изъ Франціи, чѣмъ „держать потомка Людовика Святого плѣнникомъ на тронѣ, какъ птицу на вершинѣ дерева, въ которую каждый поочередно пускаетъ стрѣлу". Понятно, какъ она была возмущена сценами 1 іюня 1792 года, произведенными „мятежемъ народа деспота", который „внушаетъ нестерпимое отвращеніе всякому философу". Король выказалъ тогда „всѣ добродѣтели святого". И началось время, о которомъ г-жа Сталь восклицаетъ: „Праведное Небо! Какой деспотизмъ поднялся тогда изъ самыхъ грубыхъ классовъ общества, словно испаренія заразныхъ болотъ!" Тутъ-то появился и Маратъ, слова котораго уподоблялись „рычанію лютыхъ звѣрей". Вотъ передъ нами годовщина 14 іюля 1792 года. Изъ департаментовъ прислали въ Парижъ „самыхъ бѣшеныхъ людей". Г-жа Сталь говоритъ: „Выраженіе лица королевы никогда не изгладится изъ моей памяти. Ея глаза были полны слезъ; блескъ туалета, достоинство манеръ представляли противоположность окружавшему ее шествію... Требовался характеръ Людовика XVI, характеръ мученика, которому онъ никогда не измѣнялъ, чтобы переносить подобное положеніе"...

Ночь на 10-ое августа г-жа Сталь провела у окна, со своими друзьями, прислушиваясь „къ однообразному, печальному, быстрому звону набата". На другой день послѣ драки въ Тюльери, ей сказали, что „всѣ ея друзья, бывшіе на стражѣ внѣ дворца, были схвачены и перебиты". Но оказалось, что они попрятались. Г-жа Сталь высказываетъ твердое убѣжденіе, что и тогда можно было спасти Францію и тронъ, такъ какъ конституціоналисты все еще были въ большинствѣ. Для этого нужно было только, чтобы, съ одной стороны, дворяне не уходили изъ Франціи, а съ другой—чтобы окружавшіе короля роялисты соединились искренно съ друзьями свободы. „Мы должны выставить на видъ, что во Франціи добро можетъ осуществиться только при искреннемъ соединеніи роялистовъ стараго порядка съ роялистами конституціи. Но сколько мыслей заключено въ этомъ словѣ: *искренній!*" Конституціоналисты именно просили дозволенія войти во дворецъ для защиты короля; но „непреодолимые предразсудки царедворцевъ отстранили ихъ". И „не будучи въ состояніи присоединиться къ противоположной партіи, они блуждали вокругъ

дворца, подвергая жизнь опасности, въ утѣшеніе за то, что имъ нельзя было драться". Г-жа Сталь прибавляетъ, что король долженъ былъ тогда стать во „главѣ войскъ и драться съ врагами". „Его враги!—восклицаетъ Байейль.—Но, несчастная женщина, его враги были во дворцѣ, подлѣ него. А тѣ, которыхъ вы называете его врагами, были врагами только злоупотребленій, беззаконій, привилегій и ихъ защитниковъ... О, конечно, король долженъ былъ стать во главѣ своихъ войскъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы драться съ иностранцами, чтобы вырвать оружіе изъ рукъ эмигрантовъ, чтобы выхватить у фанатизма его факелы, чтобы отнять послѣднюю надежду у враговъ конституціонной монархіи и свободы! Тогда оплотомъ ему служила бы не кучка привилегированныхъ, этихъ виновниковъ нашихъ бѣдствій: Парижъ и вся Франція были бы у его ногъ".

Настали сентябрьскіе дни. „За одними преступниками послѣдовали другіе, еще болѣе отвратительные. Истинные республиканцы ни одного дня не оставались господами: какъ только былъ низверженъ тронъ, на который они нападали, имъ пришлось защищать самихъ себя. Они были черезчуръ снисходительны къ страшнымъ орудіямъ, которыми пользовались для установленія республики". Г-жа Сталь даже отказывается вести лѣтопись этимъ „ужаснымъ убійствамъ, которыя страшатъ воображеніе и не даютъ ничего мысли". Она передаетъ только свои личныя испытанія, подъ именемъ „частныхъ анекдотовъ". Тутъ мы видимъ, какъ она скрывала у себя друзей, и какъ она ловко отдѣлалась отъ обыска, въ качествѣ жены шведскаго посланника. Ей удалось, наконецъ, бѣжать и самой. Она выѣхала изъ Парижа 2-го сентября, во всемъ парадѣ, какъ посланница, за что какія-то старухи, „вышедшія изъ ада", осыпали ее самой безпощадной бранью. Затѣмъ ее арестовали жандармы, по подозрѣнію въ томъ, что она увозитъ съ собой опальныхъ. На площади Ратуши ее встрѣтила „самая злая, отвратительная толпа, показавшая ей, до чего въ революціяхъ человѣкъ становится безчеловѣчнымъ"; то обстоятельство, что г-жа Сталь была беременна, не обезоруживало народъ, а напротивъ, еще болѣе раздражило его. Вся лѣстница ратуши была усѣяна пиками, и одна изъ нихъ направилась прямо на нее, но жандармъ отклонилъ ее своей саблей. Въ ратушѣ, гдѣ засѣдалъ уже Робеспьеръ, одинъ знакомый впустилъ ее, съ горничной, въ кабинетъ, окна котораго выходили на площадь. Тамъ онѣ просидѣли шесть часовъ, умирая отъ голода, жажды и усталости. Тутъ г-жа Сталь видѣла, какъ люди, съ засученными рукавами, съ окровавленными руками, воз-

вращались съ рѣзни, оглашая воздухъ дикими криками. Берлина ея осталась на площади, и толпа бросалась на ея багажъ. Но ее защитилъ самъ трактирщикъ Сантеръ, который помогъ ея освобожденію: онъ вспомнилъ, какъ, во время голода, Неккеръ поручалъ ему раздачу хлѣба въ предмѣстьяхъ. Наконецъ, г-жѣ Сталь дали паспортъ и проводили ее до границы.

Вотъ и все у г-жи Сталь о внутренней политикѣ законодательнаго собранія. Крайне любопытна у нея чрезвычайная скупость на слова относительно министерствъ того времени. Она говоритъ, конечно, только о своемъ пріятелѣ Нарбоннѣ, восхваляя его „храбрость, военную и гражданскую честность". Этотъ „большой баринъ, остроумный царедворецъ и философъ" отчасти ей же былъ обязанъ портфелемъ военнаго министра.

7-го ноября 1791 года, Марія-Антуанетта писала своему пріятелю Ферзену: „Еще нѣтъ министра. Г-жа Сталь разрывается на части изъ-за Нарбонна: я никогда не видала болѣе сильной и запутанной интриги". А черезъ мѣсяцъ она увѣдомляла: „Нарбоннъ, наконецъ,—военный министръ. Какая слава для г-жи Сталь и какое удовольствіе имѣть всю армію въ своемъ распоряженіи!" Что же касается министерства жирондистовъ, то Неккеръ сказалъ о немъ два слова хоть для того, чтобы упрекнуть Ролана въ „коварствѣ и утонченной измѣнѣ" относительно короля. Г-жа Сталь же нигдѣ ни словомъ не обмолвилась ни о г-нѣ, ни о г-жѣ Роланъ. Она говоритъ только глухо, что „республиканцы заставили короля взять преданныхъ имъ министровъ" и самому предложить объявленіе войны Австріи. Г-жа же Роланъ считала Неккера Макіавелемъ, а сношенія его дочери съ членами конститюанты—униженіемъ послѣдней.

Намъ остается указать на отношенія г-жи Сталь къ иностранной политикѣ Франціи во время законодательнаго собранія. Они связаны съ весьма любопытнымъ эпизодомъ въ ея жизни, о которомъ она естественно не промолвилась ни словомъ. Когда Нарбоннъ сталъ военнымъ министромъ, вопросъ о войнѣ былъ уже въ полномъ ходу. Самъ Нарбоннъ жаждалъ войны и называлъ, въ собраніи, воззваніе къ войнѣ „знакомъ къ порядку". Положеніе короля становилось невыносимымъ,—и разыгрался эпизодъ, который называютъ второй попыткой бѣгства. Въ февралѣ 1792 года, въ Парижъ пріѣхалъ, съ фальшивымъ паспортомъ, Ферзенъ, съ порученіемъ Густава III предложить Людовику XVI бѣгство. Но онъ встрѣтилъ отказъ. Тѣмъ временемъ г-жа Сталь, не покидавшая Парижа, несмотря на то, что отецъ звалъ ее въ Коппэ, пришла въ крайнее возбужденіе. Въ началѣ іюля ее на-

вѣстилъ пріятель Малуэ, по ея собственной просьбѣ. Она сказала ему съ необыкновенной горячностью и живостью: „Король и королева погибли. Я берусь спасти ихъ. Да, я, которую они считаютъ своимъ врагомъ, хочу рисковать для нихъ жизнью, хотя, съ другой стороны, я увѣрена, что могу укрыть королевскую фамилію, не жертвуя ни ею, ни самой собой. Выслушайте меня: вы пользуетесь ихъ довѣріемъ. Вотъ мое предложеніе, которое можно исполнить въ три недѣли. Близъ Діеппа продается одно имѣніе. Я покупаю его и ѣду туда въ сопровожденіи слуги и служанки, похожихъ на короля и королеву по возрасту, росту и манерамъ. Беру съ собой моего сына. Вы знаете, въ какой милости я у патріотовъ. Если я раза два съѣзжу такимъ образомъ, то ничего не будетъ стоитъ въ третій разъ взять съ собой королевскую фамилію: вѣдь мадамъ Елизавета можетъ сойти за мою вторую служанку, не возбуждая ничьего вниманія. Подумайте, можете ли вы передать мое предложеніе? Нельзя терять ни минуты: сегодня вечеромъ, самое позднее завтра, я ожидаю отвѣта короля". Но король и королева не допустили къ себѣ Малуэ. Они просили благодарить г-жу Сталь за преданность, но прибавляли, что у нихъ есть серьезныя основанія не покидать въ эту минуту Парижа. При этомъ посредникъ замѣтилъ, что дворъ переговаривается съ вождями якобинцевъ, и что тѣ ручались ему, за большую сумму, за спокойствіе предмѣстья св. Антонія.

Затѣмъ настали сентябрьскіе дни, когда уже было не до бѣгства; вопросъ состоялъ только въ томъ, что̀ скажетъ война? По мнѣнію г-жи Сталь, война была связана именно съ уничтоженіемъ трона: пока Франція стремилась только къ конституціи, державы не имѣли ничего противъ, такъ какъ тогда многіе монархи были „просвѣщенные". Послѣ 10-го августа, г-жа Сталь находитъ вмѣшательство державъ естественнымъ, хотя тутъ же прибавляетъ, что безъ него, пожалуй, не было бы столько ужасовъ и преступленій. Г-жа Сталь думаетъ, что войны желали одинаково какъ якобинцы, такъ и аристократы, но что, впрочемъ, если Франція первая объявила войну, то она была вызвана на это договорами въ Пильницѣ и Кобленцѣ. Самое объявленіе войны рисуется какъ дѣло жирондистскаго министерства. Что касается знаменитаго манифеста герцога Брауншвейгскаго, то г-жа Сталь не раздѣляетъ мнѣнія, будто онъ былъ одною изъ главныхъ причинъ негодованія Франціи противъ союзныхъ партій. Въ общемъ она находитъ, что всякіе манифесты иностранцевъ сводятся къ крику: „не сопротивляйтесь намъ!" А отвѣтомъ

гордыхъ націй должно быть: „мы вамъ будемъ сопротивляться!“ Г-жа Сталь слѣдила внимательно за началомъ войны. Она восторгалась „незабвеннымъ талантомъ“ Дюмурьé. Она изумлялась патріотизму и національному духу, которые овладѣли французами, несмотря на всѣ ужасы эпохи. Г-жа Сталь признаетъ даже, что причиной тому была именно энергія „этихъ бѣшеныхъ якобинцевъ, которые были способны тогда на всякія преступленія“. А выводъ отсюда выходилъ такой: „еслибы побѣдоносные воины, возвратившись къ своимъ очагамъ, низвергли революціонеровъ, для Франціи все еще было бы выиграно“. Г-жа Сталь вовсе не скрываетъ того, что посланіе императора Леопольда законодательному собранію было продиктовано нѣкоторыми бывшими членами конституанты. Немудрено: въ этомъ письмѣ Леопольдъ „нападалъ именно на партію якобинцевъ, предлагая помощь конституціоналистамъ“. А это, по словамъ г-жи Сталь, „было, безъ сомнѣнія, въ высшей степени благоразумно“, причемъ она прославляетъ Леопольда, какъ монарха вполнѣ умѣреннаго и просвѣщеннаго.

XI.

Сентябрь 1792 года ознаменовался однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи: 21-го числа открылось третье, самое громкое собраніе временъ революціи — конвентъ, и на другой день начался первый годъ первой французской республики. Французская нація заявила черезъ конвентъ, что ея цѣль — освободить всѣ народы отъ тирановъ. Армія, съ Кюстиномъ во главѣ, двигалась на Рейнъ, провозглашать свободу. 3-го декабря началось освобожденіе самой Франціи отъ тирана, въ видѣ „процесса Людовика Капета“.

Г-жа Сталь посвятила въ своей „Революціи“ этому процессу отдѣльную главу. Она превозноситъ своего отца за то, что онъ, еще въ октябрѣ, самъ предложилъ себя въ защитники Людовика XVI-го, вслѣдствіе чего у него было отобрано въ казну имущество, находившееся во Франціи. Мы знаемъ изъ „Революціи“ Неккера, какъ онъ не щадилъ силъ для спасенія своего монарха. Г-жа Сталь почти повторяетъ своего отца. Процессъ короля былъ даже унизительнѣе, чѣмъ само его осужденіе. „Когда президентъ конвента сказалъ тому, кто былъ королемъ: „Людовикъ, вы можете сѣсть“, то это было болѣе возмутительно, чѣмъ выслушивать ложно приписанныя ему преступленія. Нужно родиться въ пыли, чтобы не уважать долгія воспоминанія, осо-

бенно когда несчастіе освятило ихъ. Вульгарность, соединенная съ преступленіемъ, внушаетъ больше презрѣнія, чѣмъ ужаса". „Осужденіе Людовика XVI до того смутило всѣ сердца, что на нѣсколько лѣтъ революція казалась проклятой".

Еще болѣе возмущалась г-жа Сталь казнью королевы. Въ августѣ 1793 года появились ея „Думы о процессѣ королевы". Въ предисловіи говорится, что авторъ скрываетъ свое имя, которое не можетъ быть полезно. Сынъ г-жи Сталь замѣчаетъ, что тогда всѣ хорошо знали, кто былъ авторъ. Г-жа Сталь хорошо защищаетъ королеву, доказывая, что она ничего не дѣлала, кромѣ добра, и что она не вмѣшивалась въ политику. Она взываетъ къ пощадѣ не только королевы, переносившей страданія, какъ „ангелъ" и „философъ", но также женщины и матери. Наконецъ, она обращаетъ вниманіе и на то, что Марія-Антуанетта — иностранка, и именно дочь той Маріи-Терезіи, въ защиту которой поднялись всѣ венгерцы. Предполагая, что ее спросятъ, развѣ она изъ тѣхъ, которые жалѣютъ короля больше, чѣмъ обыкновеннаго смертнаго, она отвѣчаетъ: „Да, я изъ тѣхъ, но не по суевѣрной преданности королю, а по священному культу несчастія". Эта „апологія королевы", какъ назвалъ „Думы" Констанъ, вызвала рѣзкую критику не у однихъ такихъ принципіальныхъ противниковъ г-жи Сталь, какъ Байейль. Самъ Констанъ писалъ тогда графинѣ Нассауской: „Что это за пошлость, эти антитезы и нанизанныя фразы, когда передъ вами образъ столь долгихъ и ужасныхъ страданій!"

Съ казнью королевской семьи начинается настоящее царство террора. Въ немъ участвовали даже тѣ члены конвента, которые были ближе всего къ г-жѣ Сталь по своей умѣренности. Это — жирондисты, на которыхъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе, такъ какъ конституціоналисты уже стушевались. По заявленію г-жи Сталь, ея „друзья свободы" находились въ самомъ дурномъ положеніи, такъ какъ не могли ни пристать къ демократамъ, ни воевать за-одно съ эмигрантами и иностранцами противъ отечества. Жирондисты стали правой стороной. Они были въ глазахъ г-жи Сталь „послѣдними тогда людьми, еще достойными занимать мѣсто въ исторіи", хотя, „конечно, они должны были испытывать, въ глубинѣ души, жгучее раскаяніе за тѣ средства, которыя употребляли для низверженія трона". Имъ пришлось теперь самимъ испытать „быструю расправу революціи".

Само собой разумѣется, что Сталь больше всего говоритъ о якобинцахъ. Она посвящаетъ имъ цѣлую главу, подъ названіемъ:

„Политическій фанатизмъ“, которая составляетъ какъ бы введеніе къ разсказу о „правительствѣ, называемомъ царствомъ террора“. „Теперь подъ нашими ногами раскрывается бездна; мы не знаемъ, какой слѣдовать дорогой въ такой пропасти; мысль съ ужасомъ перебѣгаетъ отъ бѣдствія къ бѣдствію, пока не исчезаютъ всякая надежда и всякое утѣшеніе. Мы пробѣжимъ возможно скорѣе по этому ужасному кризису, гдѣ ни одинъ человѣкъ не приковываетъ къ себѣ вниманія, никакое обстоятельство не возбуждаетъ интереса: все похоже другъ на друга, хотя и необыкновенно; все однообразно, хотя и ужасно; и почти стыдишься за самого себя, когда взираешь на эти страшныя звѣрства вблизи, чтобы очертить ихъ въ подробности... Политическій фанатизмъ водворился во Франціи, какая-то ярость овладѣла бѣдными предъ лицомъ богатыхъ... Зародыши этого чувства были всегда; но только при террорѣ во Франціи почувствовалось, какъ задрожало все человѣческое общество въ своихъ основаніяхъ: нечего удивляться, что этотъ отвратительный бичъ оставилъ глубокіе слѣды въ умахъ. Можно допустить только одну мысль, которую, надѣюсь, подтвердитъ это сочиненіе,—это то, что не въ деспотизмѣ, а въ царствѣ закона заключается лекарство противъ народныхъ страстей“. Не менѣе горячо выразился пріятель г-жи Сталь, Констанъ, въ одномъ письмѣ въ мартѣ 1794 года: „Я до сихъ поръ оплакиваю всѣ жертвы террора; что же касается этихъ лохмотниковъ, этихъ архи-палачей, то мои глаза не увлажнятся, хотя бы ихъ погибло сто тысячъ“.

Г-жа Сталь уже давно присматривалась къ самому Мефистофелю. Она видѣла Робеспьера у своего отца еще въ 1789 году, какъ адвоката изъ Арраса, уже славившагося своимъ крайнимъ демократизмомъ. „Его черты были грубы, цвѣтъ лица блѣдный, жилы зеленыя. Онъ придерживался самыхъ нелѣпыхъ взглядовъ съ хладнокровіемъ, похожимъ на убѣжденіе. Я вѣрю, что, въ началѣ революціи, онъ искренно усвоилъ себѣ извѣстныя мысли о равенствѣ имуществъ и слоевъ общества, нахватанныя въ книгахъ; и его завистливая, злая душа съ удовольствіемъ вооружилась ими. Но онъ сталъ честолюбивъ, когда восторжествовалъ надъ своимъ соперникомъ, надъ демагогомъ Дантономъ, этимъ Мирабо черни. Послѣдній былъ умнѣе Робеспьера и болѣе доступенъ жалости. Но его справедливо подозрѣвали въ доступности подкупу, а демагоговъ всегда губитъ эта слабость: народъ не терпитъ тѣхъ, которые обогащаются; это—своего рода умерщвленіе плоти, отъ котораго онъ ни за что не откажется. Дантонъ былъ заговорщикъ, Робеспьеръ — лицемѣръ. Дантонъ лю-

билъ удовольствія, Робеспьеръ — только власть: онъ посылалъ на эшафотъ однихъ, какъ контръ-революціонеровъ, другихъ — какъ ультра-революціонеровъ. Въ немъ было что-то таинственное, что̀ распространяло невѣдомый ужасъ среди ужаса, провозглашеннаго правительствомъ. Онъ никогда не прибѣгалъ къ обычнымъ тогда средствамъ популярности. Онъ не былъ дурно одѣтъ. Напротивъ, одинъ только онъ пудрился; платья у него были чистенькія, въ его манерахъ не было ничего фамильярнаго. Конечно, желаніе господствовать заставляло его отличаться отъ другихъ, даже въ ту минуту, когда всюду требовали равенства. Замѣтны были также слѣды заднихъ мыслей въ туманныхъ рѣчахъ, которыя онъ держалъ въ конвентѣ и которыя нѣсколько напоминаютъ рѣчи Кромвеля. Только военный вождь можетъ стать диктаторомъ. Но тогда гражданская власть была гораздо сильнѣе военной. Республиканскій духъ не позволялъ довѣриться побѣдоноснымъ генераламъ; сами солдаты выдавали своихъ начальниковъ, какъ только возникало малѣйшее сомнѣніе въ ихъ благонадежности. Тогда царствовали не люди, а политическіе догматы, — если только это названіе допустить для такихъ заблужденій. Требовалось что-то отвлеченное во власти, чтобы всякій считалъ себя участникомъ ея. Робеспьеръ пріобрѣлъ славу великой демократической добродѣтели: его считали неспособнымъ на личные разсчеты. Но какъ только заподозрили его въ послѣднихъ, его власть пошатнулась". Это случилось именно въ ту минуту, когда Робеспьеръ коснулся религіи, хотя въ то время „самое безстыжее безвѣріе служило орудіемъ для низверженія общественнаго порядка".

Гораздо раньше въ 1795 году, г-жа Сталь писала: „Любопытное явленіе въ Европѣ—это вліяніе Робеспьера. Желательно, чтобы моралисты занялись подробной исторіей этого человѣка: тогда увидятъ, что, заправляя послѣднимъ классомъ общества, онъ и его соумышленники пользовались низкими страстями и нелѣпыми взглядами; такая популярность—плодъ сходства черни съ вождями, а не превосходства послѣднихъ. Тогда увидятъ, что демагогическая секта существовала совершенно независимо отъ Робеспьера; многіе изъ его товарищей сыграли бы такую же роль. Извѣстные признаки, извѣстныя судороги были свойственны ему наравнѣ со всѣми людьми того времени; эта нервная дрожь, эти подергиванія въ рукахъ, эти движенія тигра въ манерѣ держаться на трибунѣ, это стремительное бѣганье взадъ и впередъ, какъ звѣря въ клѣткѣ,—всѣ эти любопытныя мелочи, указывающія на переходъ отъ человѣческой природы къ природѣ лютаго

звѣря, совершенно одинаковы у большей части людей, „прославленныхъ своей жестокостью". „Робеспьеръ отождествился съ терроромъ; овладѣвъ всѣми ненавистными страстями якобинцевъ, безъ ихъ вѣдома, онъ создалъ себѣ изъ эшафота тронъ, на которомъ ему предоставлялась только роль палача. Но какъ только этотъ замыселъ обнаружился, какъ только онъ вздумалъ выдѣлиться въ области преступленія, противъ него возмутились. Конвентъ, конечно, поднялся по чувству ужаса и отвращенія къ его преступленіямъ; но темный народъ присоединился къ конвенту въ первую минуту, лишь въ силу предпочтенія, которое онъ всегда оказываетъ собранію передъ отдѣльнымъ человѣкомъ. Народъ вооружился только за себя самого. Въ лицѣ конвента онъ защищалъ собраніе своихъ представителей; власть одного лица, кто бы онъ ни былъ, не имѣетъ въ себѣ ничего демократическаго". Неккеръ характеризуетъ Робеспьера почти такъ же; только у него встрѣчаются болѣе суровыя выраженія.

Самаго террора г-жа Сталь, какъ мы замѣтили, не рѣшилась описывать: она только глухо упоминаетъ о тѣхъ страшныхъ 13-ти мѣсяцахъ, послѣдовавшихъ за опалой жирондистовъ, когда ей казалось, что она „сходитъ, какъ Дантъ, все ниже и ниже въ адъ". Зато она рисуетъ все враждебное террору и подробно останавливается на самомъ его паденіи. Такъ она восхваляетъ вандейцевъ. Въ ея глазахъ, это были „жантильомы, черпавшіе жизненныя силы въ своей душѣ, вызывавшіе глубокое уваженіе какъ среди роялистовъ, такъ и среди республиканцевъ: вѣдь, каковы бы ни были ихъ убѣжденія, они исполняли тотъ самый долгъ, который долженъ былъ исполнять тогда каждый французъ".

Изъ всего сказаннаго уже ясно, каковъ смыслъ террора въ глазахъ г-жи Сталь. Онъ выразился особенно въ „Страстяхъ", въ цѣлой замѣчательной главѣ: „Духъ партій". Тамъ прямо указывается, какъ „обезлюдненіе Франціи было плодомъ лютаго честолюбія Робеспьера, которому помогала низость его исполнителей... Тираннія Робеспьера, это — явленіе, котораго нельзя объяснить вполнѣ вліяніемъ общихъ идей ни на духъ партій, ни на другія человѣческія страсти: это время—внѣ природы, за предѣлами преступленія. И для спокойствія міра нужно думать, что подобныя звѣрства, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни объяснить, такое неожиданное собраніе всякихъ нравственныхъ чудовищностей, составляютъ неслыханный случай, который можетъ

не повториться въ теченіе тысячи вѣковъ". Уже та энергія, съ которой конвентъ осудилъ Робеспьера, то желаніе взвалить всю кровь на него одного, доказываютъ, что ужасы террора смѣнялись справедливостью.

Неккеръ все-таки обстоятельнѣе дочери въ данномъ случаѣ. Онъ, на-ряду съ бранью, указываетъ, хотя кратко, что именно ему не нравится въ постановленіяхъ конвента. Его особенно возмущаютъ законы, которые „разбиваютъ скипетръ отца, дѣлаютъ изъ брака игрушку и оскверняютъ всѣ символы религіозности". Онъ восторгается Китаемъ, гдѣ царствуетъ „порядокъ и уваженіе къ чинамъ". Неккеръ сознаетъ даже, что нельзя взваливать всѣхъ преступленій террора на одного Робеспьера. Впрочемъ, эта мысль проскользаетъ и у г-жи Сталь. Задавшись вопросомъ, откуда же эти невиданныя звѣрства, она отвѣчаетъ теоріей соразмѣрности реакціи съ акціей. Всѣ эти пороки выросли на почвѣ стараго порядка. „Ярость въ мятежахъ даетъ мѣрку пороковъ учрежденій. Должно взыскивать не съ того правительства, къ которому стремятся, а съ того, которое долго переносили; слѣдуетъ брать въ разсчетъ нравственное состояніе націи. Теперь принято говорить, что революція развратила французовъ. Но откуда же эта наклонность къ безпорядкамъ, столь насильственно проявившаяся въ первые годы революціи, если не отъ протекшихъ ста лѣтъ суевѣрій и произвола?" Наконецъ, г-жа Сталь признаетъ замѣчательные успѣхи правительства террора въ борьбѣ со всей массой враговъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ. „Это чудо,—говоритъ она,—объясняется лишь преданностью націи своему собственному дѣлу... Все заставляетъ думать рабочихъ, что, наконецъ, иго неравенства имуществъ перестанетъ обременять ихъ; эта безумная надежда удвоивала силы, данныя имъ природой; казалось, будто вдругъ былъ потрясенъ общественный порядокъ, тайна котораго состоитъ въ терпѣніи большинства. И такъ какъ военный духъ не имѣлъ тогда другой цѣли, кромѣ защиты отечества, то онъ доставлялъ Франціи спокойствіе, покрывая ее своимъ щитомъ".

Этотъ замѣчательный военный духъ произвелъ истинныя чудеса, которыя рисуются подъ перомъ г-жи Сталь въ такомъ видѣ. Тогда граждане-солдаты принадлежали не вождю, а Франціи, и отличались наперерывъ другъ передъ другомъ. Вся Франція превратилась въ армію и покрывала своими подвигами и кровью „преступленія, совершавшіяся тогда внутри страны". Г-жа Сталь убѣждена, что эта доблесть и вызванныя ею побѣды спасли бы Францію отъ всѣхъ золъ, еслибы не дьявольская враж-

дебность Англіи. Она часто обращалась въ эту сторону. Любопытно, что г-жа Сталь не всегда обвиняетъ Англію за войну съ своимъ отечествомъ: она не имѣетъ ничего противъ того, что англичане проливали французскую кровь, когда Франція допускала у себя терроръ и нападала на Бельгію и Голландію. Она упрекаетъ ихъ только за продолженіе войны послѣ террора. Конечно, она сочувствовала Фоксу, этому „честному, искреннему и горячему“ поборнику свободы и мира съ Франціей. Настолько же не нравился ей „властолюбивый“ Питтъ. „Его сердце не билось за слабаго“; макіавелизмъ не внушалъ ему отвращенія. Въ 1794 году г-жа Сталь написала замѣчательную статью: „Думы о мирѣ“, обращенныя къ Питту и французамъ,—статью, которую вообще высоко ставили англійскіе политики. Фоксъ воспользовался ею въ своихъ возраженіяхъ Питту. Здѣсь доказывалось, что всѣ несчастія, весь терроръ поддерживались войной съ коалиціей; но теперь, когда терроръ прошелъ, война является самымъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ якобинцевъ. Страсть Питта къ войнѣ г-жа Сталь объясняетъ просто желаніемъ удержать за собой министерство, которое иначе перешло бы къ Фоксу. Она изумляется опасеніямъ коалиціи признать республику во Франціи. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, президентъ, засѣдающій въ Парижѣ, можетъ произвести бунтъ въ Австріи или въ иной странѣ? И неужели оттого, что народы постепенно узнаютъ черезъ газеты или черезъ путешественниковъ о республикѣ во Франціи, явится больше опасности, чѣмъ отъ присутствія французскихъ солдатъ въ ихъ странѣ съ побѣдными кликами? Должно опасаться не „заразы французскихъ принциповъ“, а битвъ и осадъ: „десять лѣтъ пропаганды, это метафизическое оружіе, которое такъ устрашало державы, не столь страшны, какъ одинъ день приступа и клики побѣдителей“. Обращаясь къ французамъ, г-жа Сталь доказываетъ имъ, что миръ необходимъ для того, чтобы употребить свои войска противъ якобинцевъ для установленія прочнаго правительства.

Возникалъ только основной вопросъ—какого правительства? Тогда, въ 1794 году, г-жа Сталь не могла хорошенько отвѣтить на этотъ вопросъ. Вотъ ея слова: „Если, при замиреніи, французы не съумѣютъ основать у себя республику на истинныхъ соціальныхъ началахъ, то ими овладѣютъ судороги“; а затѣмъ они пришли бы къ своему первому вожделѣнію—къ ограниченной монархіи. Если же, напротивъ, восторжествуетъ партія умѣренныхъ, если возможно, что найдутъ въ конституціи Америки дѣйствительно удобную республиканскую реформу, то во Фран-

ціи установится начало всеобщей справедливости, самыя строгія республиканскія добродѣтели". Вообще, тутъ г-жа Сталь не прочь отъ республики: она даже думаетъ, что умѣренная партія, господствовавшая тогда въ конвентѣ, приняла бы миръ, еслибы державы „признали республику". Но годъ спустя, она высказывается уже довольно рѣшительно. Враги Франціи—якобинцы и роялисты. Г-жа Сталь обращается съ горячимъ воззваніемъ къ умѣреннымъ, къ друзьямъ свободы и къ сторонникамъ „республики собственниковъ",—къ этимъ „честнымъ и добродѣтельнымъ" гражданамъ, которые не принимали участія въ террорѣ и не шли съ державами противъ отечества. По ея мнѣнію, въ 1789 году республика была еще невозможна: господство извѣстной идеи надъ массой вызывается скорѣе привычкой, чѣмъ размышленіями. Тогда возможна была только ограниченная монархія: другое дѣло теперь. Единственное, въ чемъ республиканцы могутъ расходиться съ роялистами, это—вопросъ о королѣ. „Но о какомъ же наслѣдственномъ королѣ можетъ теперь идти рѣчь, который не былъ бы врагомъ свободы?" Къ тому же, королю нужно будетъ дать большое войско для борьбы съ врагами, и не только внѣшними, но и внутренними: „но сила, потребная для подавленія республиканцевъ, необходимо приведетъ къ деспотизму". Теперь нельзя говорить и объ ограниченной монархіи: для ея водворенія пришлось бы опять-таки бороться съ республиканцами и якобинцами, т.-е. подать руку эмигрантамъ. „Наконецъ, еслибы король и былъ необходимъ, то кто пожелалъ бы его въ эту минуту? Нужно, чтобы время привело это учрежденіе, какъ добавочную власть, а не какъ завоеваніе, чтобы приняли его, а не схватились бы за него съ отчаянія". Королевская власть, какая бы она ни была, и какъ бы ее ни требовали, не можетъ явиться теперь безъ кровавой революціи. „Такъ лучшія чувства, которыя заставляли поддерживать конституцію 1791 года, повелѣваютъ теперь противиться попыткамъ ея возстановленія".

Г-жа Сталь предвидѣла упрекъ въ томъ, что, принимая республику, конституціоналисты „мѣняютъ взглядъ и партію". „Нѣтъ, они лишь держатся послѣдствій своихъ принциповъ",—говоритъ она, и выставляетъ цѣлый рядъ интересныхъ соображеній въ пользу этого мнѣнія. Прежде всего, „если нація принимаетъ республику, то долгъ всякаго хорошаго гражданина—признать ее". Да и основы ея примыкаютъ „не къ отвратительнымъ преступленіямъ, а къ первымъ замысламъ друзей свободы". Только „ограниченные умы" считаютъ счастьемъ держаться

однѣхъ и тѣхъ же мыслей: „Дознано, что нѣтъ такой абсолютной системы правительства, которой не слѣдовало бы измѣнять по мѣстнымъ обстоятельствамъ". Практически говоря, во Франціи невозможна англійская конституціонная монархія: отсюда нужно взять только двѣ совершенно различныя палаты да силу исполнительной власти, участвующей въ примѣненіи законовъ. Во Франціи возможна только республика, „основанная на принципахъ американскаго правительства". Необходимо также, чтобы Франція составила, подобно Соединеннымъ Штатамъ, республику представительную. Г-жа Сталь видитъ въ дѣленіи Франціи на департаменты уже федеративную администрацію. Само собой разумѣется, что республика, какъ и всякое правительство, возможна только при господствѣ собственности; а это условіе есть во Франціи. Г-жа Сталь возвѣщаетъ, въ заключеніе: „Итакъ, несомнѣнно, что всѣ принципы конституціоналистовъ вполнѣ согласуются съ интересами республиканцевъ. Это—одна и та же партія въ своихъ основахъ и въ своей цѣли: пусть только одна пожертвуетъ короной для обезпеченія свободы, а другая—демократіей для прочности общественнаго порядка".

Тогда г-жа Сталь была увѣрена, что ея партія пойдетъ за нею. Она возмущается недовѣріемъ къ конституціоналистамъ. Кто больше нихъ любилъ свободу и боролся за нее? Чтò сказалъ бы Лафайетъ, еслибы это подозрѣніе проникло къ нему въ тюрьму? „А вы,—восклицаетъ она,—обращаясь къ своимъ:—развѣ вы не воспламенитесь опять энтузіазмомъ, одушевлявшимъ васъ въ первые дни революціи?" Въ заключеніе, г-жа Сталь восклицаетъ: „Свидѣтельствую, что мною руководила только искренняя любовь къ Франціи. Жду новаго взрыва ненависти на этотъ новый поступокъ: назовутъ демагогіей доказательства въ пользу республики, и аристократіей—принципы, побивающіе несправедливость".

Итакъ, ясно, что г-жа Сталь, ставъ на минуту за республику, въ сущности вовсе не измѣняла своего взгляда; республика въ томъ видѣ, какъ она ее планировала, была та же конституціонная монархія, безъ короля. Она даже прямо считаетъ эту форму временной и какъ бы надѣется на будущее осуществленіе своего задушевнаго идеала. Тотъ же взглядъ повторяетъ она, хотя не такъ рѣшительно, въ своей „Революціи". Поэтому нельзя не видѣть пристрастія въ словахъ Байейля, когда онъ, разбирая „Революцію" г-жи Сталь, не упоминаетъ объ этихъ статьяхъ въ пользу республики.

XII.

Мы выходимъ изъ атмосферы ужасовъ, вслѣдъ за г-жею Сталь. Мы ощущаемъ, вмѣстѣ съ нею, какъ послѣ тяжкой болѣзни, ту радость, которая охватила человѣка послѣ 9-го термидора. „Послѣ царства Робеспьера, кажется, будто вамъ дарятъ то, что не отнимается, и признательность соразмѣрна ужасу. Горе превзошло даже чувство мести: духъ слишкомъ палъ, чтобы ощущать надежду въ немъ“. Но зато открывалось громадное поле для исправленій. Г-жа Сталь, которой было тогда 28 лѣтъ, бросилась вновь въ вихрь общественной жизни, съ удвоенными силами: директорія—самая дѣятельная и полная надеждъ пора ея жизни.

Г-жа Сталь бѣжала изъ „ада“ въ самомъ началѣ террора. Она не могла ничего дѣлать въ своей „ссылкѣ“. Но при первой возможности, когда буря стала утихать, она бросилась въ свою грязную улицу Бакъ, которая была ей милѣе всякихъ красотъ Швейцаріи. Г-жа Сталь оживилась, повеселѣла. Жизнь закипѣла подъ ея перомъ и въ ея вновь открытомъ салонѣ, тѣмъ болѣе, что баронъ Сталь сталъ снова шведскимъ посланникомъ. Ставъ душой умѣренныхъ республиканцевъ, г-жа Сталь издала, въ 1794—1795 годахъ, манифесты въ пользу республики и мира. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1796 году, она, въ „Страстяхъ“, посвятила длинное предисловіе тому же вопросу.

Здѣсь опять ужасныя воспоминанія тѣснятся въ ея воображеніи; но она мужественно подавляетъ ихъ, чтобы „философски“ искать источниковъ общественнаго и личнаго счастья. Предполагается безспорнымъ, что всеобщее счастье невозможно ни при деспотизмѣ, ни при такой „нелѣпой демагогической конституціи“, какъ уложеніе 1793 года. Но какъ устроить среднее, умѣренное правительство? Г-жа Сталь отвергаетъ необходимость двухъ силъ—аристократіи и демократіи: равновѣсіе между ними неустойчивое; борьба кончается деспотизмомъ или гибелью правительства. Новая идея представительной системы требуетъ одного только интереса въ нѣдрахъ правительства, одного жизненнаго принципа. Для этого нужно устроить „аристократію лучшихъ людей, преимущество талантовъ, добродѣтелей и собственности“. Этого можно достигнуть посредствомъ сложной системы двустепенныхъ выборовъ, причемъ избранникъ долженъ предварительно занимать видныя мѣста и обладать какъ достаткомъ, такъ и правами на уваженіе общества. Такая аристократія надежнѣе наслѣдственной. Затѣмъ необходимы двѣ палаты и исполнитель-

ная директорія — всѣ съ независимымъ, отдѣльнымъ кругомъ дѣйствій.

Въ общемъ ясно, что г-жа Сталь принимала, въ ея основахъ, конституцію III года (23 сентября 1795 года), которая устанавливала республику въ формѣ директоріи. Она надѣялась, что новое правительство будетъ развивать „тѣ здравыя государственныя идеи, которыя были усвоены первымъ въ мірѣ, по просвѣщенности и собственности, собраніемъ—конституантой“. Она желала только поправокъ въ подробностяхъ, прямо руководясь мнѣніемъ своего отца. Она находила, что „въ колыбель Геркулеса подкинули слишкомъ много змѣй“. Подобно Неккеру, г-жа Сталь находила, что въ директоріи исполнительная власть была недостаточно сильна. Между нею и законодательной властью была цѣлая пропасть. Такъ какъ директора не могли распускать законодательный корпусъ, то они пустили въ ходъ гренадеровъ вмѣсто закона. Неккеръ даже предсказывалъ „военную тиранію“. Затѣмъ г-жа Сталь опасалась, не пришлось бы пожертвовать Парижемъ для Франціи, усвоивъ федеративныя формы, что теперь у г-жи Сталь уже „не согласовалось ни съ характеромъ, ни съ привычками націи“. Сверхъ того, „единство республиканскаго правительства казалось невозможнымъ, противоположнымъ самой природѣ вещей въ большой странѣ“. Наконецъ, ей не нравилось, что власть сохранялась въ рукахъ террористовъ: извѣстно, что конвентъ постановилъ сохранить ²/₃ депутатскихъ мѣстъ за своими членами. Г-жа Сталь находила, что хотя между членами конвента и были люди весьма даровитые, „но кто замѣшивался въ терроръ, тотъ долженъ былъ вынести изъ него рабскія и вмѣстѣ съ тѣмъ тиранническія привычки: въ этой-то школѣ Бонапартъ нашелъ многихъ людей, поддерживавшихъ его могущество“.

Тѣмъ не менѣе, г-жа Сталь съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ отдаетъ справедливость первымъ двѣнадцати мѣсяцамъ директоріи, до 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года). Это былъ „періодъ весьма замѣчательной администраціи“. Нарисовавъ извѣстную и принятую историками картину безпомощнаго положенія правительства, г-жа Сталь замѣчаетъ, что въ шесть мѣсяцевъ страну нельзя было узнать: любовь къ отечеству и къ свободѣ была тогда еще очень сильна. „Друзья свободы“ успокоивались насчетъ судьбы своего идеала. Констанъ даже просилъ пріятельницу найти ему невѣсту, „находя, что пора подумать о себѣ“. Г-жа Сталь была даже увѣрена, что все шло бы хорошо и дальше, еслибы миръ насталъ до итальянской кампаніи. Къ

несчастью, вслѣдствіе упорства Англіи, сыпались указы о наборахъ, столь несвойственные духу гражданскихъ учрежденій; а побѣды разжигали честолюбіе вождей. Самый опасный изъ этихъ вождей уже прислалъ въ Парижъ своего адъютанта, Ожеро, для усмиренія роялистовъ. Г-жа Сталь поняла, что 18 фрюктидора означало начало новаго произвола. Г-жа Сталь называетъ этотъ страшный день „замѣной представительнаго правленія военнымъ порядкомъ: это тиранническое дѣло, исполненное солдатами, подготовило путь къ революціи, произведенной, два года спустя, генераломъ Бонапартомъ, когда показалось уже дѣломъ простымъ, что военный вождь взялся за мѣры, которыя дозволили себѣ гражданскія власти“. Если послѣ этого директорія существовала почти два года, то это была одна агонія. „Одушевлявшій ее жизненный принципъ отлетѣлъ, и о ней можно было сказать, какъ о томъ великанѣ Аріоста, который все сражался, забывая, что онъ былъ уже мертвъ“.

Понятно, какъ въ лучшую эпоху директоріи г-жа Сталь была полна надеждъ, заставлявшихъ ее принять самое дѣятельное участіе въ политикѣ, на которое она только была способна, и по дарованіямъ, и по обстоятельствамъ. Въ своей „Революціи“ она съ негодованіемъ отвергаетъ „оскорбительное обвиненіе“: враги „друзей свободы“ обвиняли ее, будто бы, желая республики, она одобряла 18-е фрюктидора. Г-жа Сталь оправдывается такъ: „Конечно, еслибы меня спросили, я не посовѣтовала бы установить во Франціи республику; но разъ она существовала, я не думала, чтобы слѣдовало низвергать ее. Республиканское правительство, взятое отвлеченно, безъ приложенія къ большому государству, заслуживаетъ того уваженія, которое оно всегда внушало къ себѣ. Напротивъ, 18-е фрюктидора должно всегда возбуждать ужасъ, какъ по своимъ тиранническимъ принципамъ, такъ и по страшнымъ послѣдствіямъ, которыя неизбѣжно вытекали изъ него“. Г-жа Сталь увѣряетъ, что изъ директоровъ она знала лично одного Баррà; остальные же до того „косились на нее за приверженность къ опальнымъ“, что приказали арестовать ее на швейцарской границѣ и бросить въ парижскую тюрьму. Баррà выхлопоталъ ей позволеніе возвратиться во Францію. Она говоритъ: „признательность къ нему за это поддерживала между нимъ и мною свѣтскія отношенія“. Г-жа Сталь сознается, что она выручала нѣкоторыхъ политиковъ и помогла Талейрану, возвратившемуся изъ Америки, за годъ до 18 фрюктидора, занять постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Но тотъ „потомъ отлично обходился безъ чужой помощи“. „Я,—говоритъ

г-жа Сталь,—затѣмъ уже не имѣла никакихъ отношеній къ различнымъ фазамъ его политической карьеры". Но, вотъ, разразилось 18-ое фрюктидора. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Сама г-жа Сталь укрылась въ „какой-то комнаткѣ", благодаря одному изъ своихъ друзей. Немудрено, что она сказала про этотъ день: „Въ этой печальной борьбѣ была побѣждена одна только сила—свобода; мы словно видѣли, какъ она убѣгаетъ точно тѣнь при приближеніи дня, которому суждено было освѣтить ея погибель". Затѣмъ съ каждымъ днемъ возросталъ ужасъ „честныхъ людей". Нѣсколько словъ одного генерала, который гласно обвинялъ г-жу Сталь въ сочувствіи къ заговорщикамъ, заставили ее уѣхать изъ Парижа въ деревню. Здѣсь ей удалось спасти нѣсколько эмигрантовъ. Она оправдывается такъ: „обязанность наша, женщинъ, всегда помогать лицамъ, обвиняемымъ въ политическихъ мнѣніяхъ, каковы бы они ни были".

Вотъ и все, если держаться разсказа самой г-жи Сталь. Но свидѣтельства очевидцевъ говорятъ больше. Они рисуютъ необыкновенную оживленность г-жи Сталь, которая развивала тогда самую большую дѣятельность, хотя и безъ особенныхъ результатовъ. Къ этой порѣ наиболѣе подходитъ вѣрное замѣчаніе Сореля, что „духъ ея сочиненій должно искать въ обстоятельствахъ ея жизни". Важнѣе всего былъ ея салонъ.

По заявленію зятя г-жи Сталь, герцога Брольи, высшій кругъ состоялъ тогда изъ остатковъ старины, съ прибавкой „того, чтò называлось обществомъ директоріи", и чтò было введено въ старыя гостиныя г-жей Сталь и дочерью г-жи Жанлисъ. Сама Сталь такъ описываетъ эту новую жизнь, преимущественно въ 1795 году: „Общество Парижа представляло по истинѣ странное зрѣлище. Каждый изъ насъ хлопоталъ о возвращеніи нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, эмигрантовъ. Мнѣ удалось тогда возвратить многихъ: оттого-то депутатъ Лежандръ, почти человѣкъ изъ народа, сдѣлалъ доносъ на меня съ трибуны. Вліяніе женщинъ, подъемъ хорошаго общества, которое называлось тогда вульгарно раззолоченными салонами, казались тогда крайне опасными тѣмъ, кого не допускали туда. Въ декады (воскресеній не существовало) на вечерахъ собирались, впрочемъ не примиряясь, всѣ элементы стараго и новаго порядка. Изящныя манеры благовоспитанныхъ людей сквозили черезъ бѣдное одѣяніе, которое они еще сохраняли, какъ при террорѣ. Обращенные изъ якобинцевъ впервые вступали въ большой свѣтъ; больше всего они были щекотливы насчетъ всего, чтò касалось хорошаго тона, которому они старались подражать. Женщины стараго порядка ухаживали за ними...

Ихъ ловкая, граціозная лесть поражала грубый слухъ этихъ господъ, превращала самыхъ важныхъ заговорщиковъ въ то, чтò мы видѣли потомъ, т.-е. заставляла ихъ возсоздавать дворъ, со всѣми его злоупотребленіями, только не по отношенію къ себѣ самимъ“.

Среди этого разношерстнаго общества салонъ г-жи Сталь игралъ первенствующую роль, какъ по таланту хозяйки, такъ и по умѣренному, примирительному характеру ея идей. Тибодо говоритъ: „Г-жа Сталь умѣла прилаживаться къ обстоятельствамъ. Она была истинной республиканкой, но не отрекалась отъ своего отца и не оставляла своихъ друзей-роялистовъ. Ея салонъ былъ открытъ всѣмъ партіямъ: ей прощалось это, въ виду ея пола, ума, таланта и ея принциповъ... Въ рукахъ г-жи Сталь Франція подписала союзный договоръ съ настоящимъ и присоединилась на минуту къ директоріи“. По поводу того же салона г-жи Сталь, Сюаръ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: „Г-жа Сталь обсуждала политическіе интересы такъ умно, что я не видѣлъ мужчины, который могъ бы сравняться съ нею въ этомъ“. Поэтъ Вернеръ замѣчаетъ, что въ этомъ салонѣ „не гости формировали Сталь, а напротивъ, сами они получали отъ нея общественное воспитаніе“. Вильменъ такъ говоритъ о возвращеніи г-жи Сталь въ Парижъ, при директоріи: „Оно означало возвратъ къ гуманности и, такъ сказать, возрожденіе изящнаго общества... Эта геніальная женщина представляла принципы политической свободы, нравственнаго достоинства и великодушія“. Братья Гонкуръ прибавляютъ, что салонъ г-жи Сталь былъ залой репетицій и лекцій великаго республиканскаго форума; тутъ совѣтниками были Талейранъ и Сіэсъ, помощникомъ же хозяйки—другъ, этотъ писецъ подъ ея диктовку, этотъ адъютантъ и адвокатъ ея мыслей“. Этотъ другъ—Констанъ, который написалъ тогда самъ въ пользу директоріи брошюру „О силѣ нынѣшняго правительства“, гдѣ горячо излагаются тѣ же мысли, чтò у Сталь въ „Мирѣ“.

Вообще, есть любопытныя показанія участниковъ событій о какихъ-то прямыхъ сношеніяхъ г-жи Сталь съ директоріей. Нѣкоторые даже изумлялись ея особенной приверженности къ директоріи. Такъ адъютантъ Наполеона, Лавалетъ, разсказываетъ: „Подлѣ Талейрана, и въ дружбѣ съ нимъ, жила г-жа Сталь... Я вынесъ убѣжденіе, что она не предвидѣла жестокихъ опалъ, которыя посыпались на побѣжденную партію. Конечно, она видѣла въ этой борьбѣ только торжество своихъ убѣжденій, скажу даже, не задумываясь,—своихъ политическихъ

чувствъ. Но нужно признаться, что только отсутствіе всякаго размышленія могло заставить ее отстаивать съ такимъ блескомъ людей, которые попирали ногами свободу и національное представительство,—эти два дорогихъ предмета ея культа“.

Понятно, что противъ г-жи Сталь поднялись обѣ крайнія партіи—роялисты и якобинцы. Во главѣ выступившихъ противъ нея ретроградовъ выдвигались, по выраженію Вильмена, „знаменитый теоретикъ и діалектикъ абсолютизма“ Бональдъ и „пророкъ“ этого ученія—де-Местръ. А якобинцы доходили до того, что бывшій мясникъ Лежандръ формально выступилъ съ доносомъ противъ нея, и его поддерживали пріятели Сіэса, съ которымъ г-жа Сталь находилась въ личныхъ сношеніяхъ. Ей пришлось временно переселиться въ St.-Gratien, мѣстечко подъ Парижемъ, которое стало съ тѣхъ поръ убѣжищемъ опальныхъ изъ разныхъ партій. Поднималось даже дѣло объ изгнаніи ея изъ Франціи, и оно было брошено только изъ опасенія оскорбить Швецію въ лицѣ ея посланника. Послѣ 18-го же фрюктидора противъ г-жи Сталь выступила и сама директорія. По разсказамъ современниковъ, она провела вечеръ наканунѣ событія у Барра́, вмѣстѣ съ Талейраномъ и Констаномъ, и за нѣсколько дней передъ тѣмъ предостерегла одного пріятеля припрятать опасныя бумаги, въ особенности ея собственныя письма къ нему, относительно назначенія Талейрана министромъ. Касательно ходившаго тогда слуха объ участіи г-жи Сталь въ переворотѣ, важнѣе всего свидѣтельство такого близкаго къ ней и къ дѣламъ человѣка, какъ Талейранъ: „Она произвела 18-е, но не 19-е фрюктидора“. Это значило, что она желала подавленія роялистовъ, но вовсе но возврата террора. Несомнѣнно, что г-жа Сталь всячески старалась спасти жертвы новаго террора. Тогда Коппэ становился слишкомъ замѣтнымъ убѣжищемъ всѣхъ изгнанниковъ. Г-жа Сталь писала даже отцу, чтобы онъ спроваживалъ ихъ: иначе ему самому будетъ плохо. Она предлагала деньги для бѣгства и журналисту Рёдереру, который, въ свою очередь, защищалъ ее отъ подозрѣній.

18-е фрюктидора легло пропастью между г-жею Сталь и ея друзьями, повернувшими въ другую сторону.

Констанъ дѣлаетъ такую оцѣнку 18-го фрюктидора: „Причины 18-го брюмера восходятъ къ 18-му фрюктидора,—дню, которому содѣйствовали друзья республики, мало понимавшіе дѣло. Видя, какъ республикѣ угрожаетъ дѣятельная, могущественная партія, ея друзья вообразили, что можно спасти конституцію посредствомъ государственнаго переворота, т.-е. путемъ нарушенія

самой конституціи,—заблужденіе, свойственное недальновиднымъ и недобросовѣстнымъ правительствамъ и повторяемое холопскими и безсмысленными писателями. На дѣлѣ, 18-е фрюктидора надѣлило директорію безграничной властью". То же говоритъ Брольи, который видѣлъ самъ, въ зàмкѣ своей матери, какъ везли, въ каретѣ съ рѣшетками, кучу депутатовъ „фрюктидорцевъ" (fructidorens): „Всякій видѣлъ возобновленіе террора... Франція находилась въ глубокомъ отчаяніи между 18 фрюктидора и 18 брюмера". Вскорѣ и сама г-жа Сталь получила приказъ покинуть Францію въ три дня. Она отправилась въ Коппэ, гдѣ описывала это время столь же мрачными красками, какъ и Брольи. Она говоритъ: „Не было болѣе бѣдственной поры въ революціи, чѣмъ та, когда основательная надежда на представительное правительство смѣнилась военнымъ строемъ. Директоры не обманывались насчетъ неизбѣжныхъ слѣдствій принятой ими мѣры. Ихъ положеніе было опасно: у нихъ было слишкомъ много произвольной власти и слишкомъ мало законной. Имъ дали всѣ средства преслѣдовать, возбуждающія ненависть, но не дали ни одного изъ тѣхъ конституціонныхъ правъ, съ помощью которыхъ они могли бы защищаться".

Тотчасъ же всюду стали готовиться возстанія, а слѣдовательно и государственный переворотъ, хотя г-жа Сталь признаетъ, что директорія могла бы обойтись и безъ „coup d'état".

Директоріи оставалось опереться или на якобинцевъ, или на армію, гдѣ генералъ Бонапартъ тогда „громче всѣхъ военачальниковъ высказывался противъ палатъ". Она предпочла армію. Настала страшная пора: „Роялисты въ обѣихъ палатахъ взывали къ республиканскимъ принципамъ, ко всякой свободѣ, въ особенности же къ свободѣ низвергать директорію. Народная же партія все опиралась на обстоятельства и защищала революціонныя мѣры, которыя на минуту обезпечивали существованіе правительства. Республиканцы принуждены были отрекаться отъ собственныхъ убѣжденій, которыя обращались врагами противъ нихъ; роялисты же заимствовали у республиканцевъ оружіе, чтобы нападать на республику. Страхъ контръ-революціи до того сбилъ съ толку общественное мнѣніе, что не знали, гдѣ дѣло свободы—у тѣхъ ли, кто безчестилъ ее, или у тѣхъ, кого обвиняли въ ненависти къ ней". Затѣмъ пошли ссылки „самыхъ почтенныхъ людей", „безжалостно-варварскія" опалы на священниковъ и дворянъ, наконецъ, безсмысленный планъ высадки въ Англію, т.-е. устраненіе всякой надежды на миръ съ Европой. „Снова вызвали революціонный духъ, но онъ воскресъ

безъ прежняго энтузіазма... Патріотизмъ обратился къ военной славѣ, которая могла тогда хоть удовлетворять воображеніе... Всюду торжествовала одна безнравственность. Вѣдь общественное мнѣніе уже никого не вознаграждало и никого не пугало. Въ самой директоріи, какъ въ сералѣ, происходила революція, безъ всякаго участія націи. Новый выборъ падалъ на такихъ пошлыхъ людей, что Франція, которой они окончательно надоѣли, громко призывала военачальника: она не желала ни якобинцевъ, воспоминаніе о которыхъ внушало ей ужасъ, ни контръ-революціи, которая была страшна отъ наглости эмигрантовъ... Истомленная этой революціонной кастой (директоріей), нація дошла тогда до одного изъ тѣхъ политическихъ кризисовъ, когда ищутъ покоя въ единоличной власти. Нельзя, въ извѣстномъ смыслѣ, отрицать справедливости словъ Бонапарта: „Я нашелъ французскую корону на землѣ и поднялъ ее". Но слѣдовало поднять самую французскую націю".

Такъ директорія опротивѣла всѣмъ: ее презирали даже тѣ, которые, подобно г-жѣ Сталь, считали ее хоть внѣшней опорой свободы. Директорія, съ такими ничтожествами во главѣ, какъ Фуше́ и Барра̀, унизила даже человѣческое достоинство. Стали подниматься голоса, усомнившіеся въ смыслѣ всей революціи, даже свободы вообще. Ретрограды, съ де-Местромъ во главѣ, подготовляли реакцію, которую Шатобріанъ собирался благословить. Г-жа Сталь первая подмѣтила глубину приближающагося паденія человѣчества. Она писала своимъ близорукимъ друзьямъ, которые все еще мечтали о конституціонной монархіи и видѣли препятствіе ей только въ остаткахъ республиканизма: „Вы забавляетесь борьбой съ тѣнью, а истинный непримиримый врагъ стоитъ у воротъ... Согласна, республиканцы не милы; но что̀ же дѣлать, когда дѣло идетъ о спасеніи отовсюду угрожаемой свободы?.. Реакціонная аристократія—вотъ гдѣ истинная опасность, вотъ гдѣ вѣчная ненависть, вотъ гдѣ порядокъ, который, получи онъ власть, не измѣнитъ ничего на свѣтѣ; вотъ гдѣ нравственное истребленіе такихъ, какъ вы,—такое истребленіе, что я, по крайней мѣрѣ, не знаю физическихъ страданій, которыхъ не предпочла бы ему". Было необходимо спасти погибавшую вѣру въ добро, въ полезную работу человѣка, поднять вѣру въ свободу. Въ 1799 году вышла „Литература" г-жи Сталь, со своей утѣшительной вѣрой въ прогрессъ.

С. В—штейнъ.

ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ РАБОЧИХЪ НА ЗАПАДѢ

ОЧЕРКЪ.

I.

Мы имѣли случай говорить о профессіональныхъ заболѣваніяхъ рабочихъ въ Россіи [1]); въ настоящемъ очеркѣ предполагаемъ разсмотрѣть этотъ же вопросъ по отношенію къ западной Европѣ. Фабричное законодательство западной Европы, далеко опередившее наше, выработывалось подъ вліяніемъ многихъ общественныхъ факторовъ, среди которыхъ немалую роль играли изслѣдованія санитарныхъ условій фабричной работы. Извѣстно, что первыя изслѣдованія положенія дѣтскаго труда въ Англіи повели за собою изданіе фабричнаго закона; то же самое происходило и въ другихъ странахъ. Такое же взаимодѣйствіе можно прослѣдить во всей исторіи фабричнаго законодательства, особенно той его части, которая спеціально касалась опасныхъ производствъ. Эта сторона фабричной работы на Западѣ достаточно ясно освѣщена многочисленными изслѣдованіями, и при выработкѣ законовъ, касающихся опасныхъ производствъ, результаты этихъ изслѣдованій дали возможность точно регламентировать различныя отрасли промышленности.

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1898, кн. 11—12.

Для нашего несовершеннаго фабричнаго законодательства данныя объ опасныхъ производствахъ должны имѣть еще большее значеніе, такъ какъ въ Россіи эти производства изслѣдованы очень мало. Кромѣ того, самое законодательство или совершенно игнорируетъ этотъ вопросъ, или является настолько неопредѣленнымъ, что даетъ возможность не исполнять его предписаній. Законъ объ охранѣ рабочихъ во вредныхъ производствахъ носитъ на себѣ явные слѣды вліянія фабрикантовъ и ведетъ къ массѣ недоразумѣній. Напримѣръ, фабричное присутствіе не въ состояніи рѣшать санитарныхъ вопросовъ, за отсутствіемъ въ его составѣ спеціалистовъ, и такимъ образомъ эти вопросы могутъ быть оставляемы безъ вниманія. Между тѣмъ вопросъ объ общественномъ здоровьѣ и здоровьѣ сотенъ тысячъ рабочихъ настолько важенъ, что его нужно разрѣшить возможно скорѣе и полнѣе. Всякія данныя, ведущія къ выясненію вопроса, могутъ быть очень полезны. Въ этомъ отношеніи опытъ западной Европы весьма важенъ, и знакомить съ добытыми тамъ фактами—значитъ способствовать разрѣшенію этого вопроса въ Россіи.

Разсматривая вопросъ о заболѣваемости рабочихъ, приходится обращать вниманіе не только на условія самой работы, но и на бытовую обстановку рабочаго, т.-е. на заработную плату, рабочее время и пр. Такъ какъ вопросъ о заработной платѣ и рабочемъ времени на Западѣ достаточно извѣстенъ, то мы ограничимся краткими данными, относящимися къ тѣмъ производствамъ, о санитарныхъ условіяхъ которыхъ мы будемъ говорить.

По даннымъ фабричныхъ инспекторовъ, во Франціи средняя плата за рабочій день для мужчинъ равняется 4 фр. 3 с., для женщинъ—2 фр. 30 с. Рабочій день въ среднемъ равняется 10$^1/_2$ часамъ, но въ горной промышленности доходитъ до 11$^1/_4$ часовъ, причемъ плата мужчинъ равняется 3 фр. 70 с., женщинъ—1 фр. 70 с. Средній годовой заработокъ равняется 1.110 фр., у горнорабочихъ—650 фр. Въ Парижѣ, по тѣмъ же даннымъ, 2% рабочихъ работали 8 часовъ, 1%—8$^1/_2$—9 час., 59%—9$^1/_2$—10 ч., 30%—10$^1/_2$—11 час., и 6,5% работали 12 и болѣе часовъ [1]). Что касается платы парижскаго рабочаго, то она далеко не всегда окупаетъ его расходы. Средняя плата 40—80 сант. въ часъ и 4$^1/_2$—6$^1/_2$ франк. въ день. Такъ какъ число рабочихъ дней сильно сокращается безработицей, то въ общемъ

[1]) Archiv, Брауна, 1897. 11, 3 тетрадь, стр. 481.

годовой заработокъ составляетъ 1.100—1.800 фр., а расходы обыкновенно превышаютъ его на 100—400 фр. Даже такіе рабочіе, какъ маляры, получающіе 1 фр. въ часъ, и тѣ жалуются на свое положеніе. „Изъ оффиціальной статистики,—пишутъ они,—оказывается, что, принимая во вниманіе безработицу, нашъ средній дневной заработокъ достигаетъ 6½ фр. Вычтя одинъ франкъ на наемъ квартиры и 2 фр. на пищу внѣ дома, намъ остается только 3½ фр. на содержаніе семьи, воспитаніе дѣтей и всѣ другіе расходы. Изъ этого видно, что плата, назначенная намъ табелью цѣнъ, позволяетъ намъ едва-едва сводить концы съ концами" [1]).

Въ Швейцаріи, въ заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричнымъ законамъ, 57% всѣхъ рабочихъ работали 11 часовъ въ день, 9,2%—10½ ч., 28,4%—10 ч., и только 5,4% меньше 10 ч. въ день. Самый же законъ устанавливаетъ максимальную продолжительность дня въ 11 часовъ. Если разсматривать рабочій день въ отдѣльныхъ производствахъ, то результаты получатся еще менѣе утѣшительные. Въ текстильной промышленности 83% работаютъ 11 ч. въ день, и только 17%—меньше; въ остальныхъ производствахъ бо̀льшая часть работаетъ 10—11 часовъ въ день. Кромѣ того, этотъ достаточно длинный день предприниматели стараются удлиннить посредствомъ сверхъ-урочной работы. Такъ, въ одномъ лишь округѣ такая работа была примѣнена въ 419 производствахъ; то же самое дѣлалось и въ другихъ округахъ. Довольно часто также разрѣшалась ночная и воскресная работа [2]). Въ Австріи рабочій день ограниченъ 11 часами, но довольно часто практикуется 12-часовая работа. Горнорабочіе Вестфаліи работаютъ 9 часовъ, Силезіи—отъ 10 до 12 часовъ, въ Англіи—не больше 8 часовъ.

Обращаясь къ продолжительности дня въ другихъ производствахъ, мы видимъ, что на фаянсовыхъ фабрикахъ она равняется 8—14 часамъ, у гончаровъ 14—14½ ч., начинаясь съ 4 часовъ утра. При небольшой платѣ, получаемой гончарами, они не могутъ обзавестись приличной квартирой и употреблять хорошую пищу. Такъ, жилища дюссельдорфскихъ гончаровъ нигдѣ не удовлетворяютъ своему назначенію и тѣмъ требованіямъ, которыя были изданы городскимъ совѣтомъ (высота комнатъ 2 метра, объемъ воздуха для 1 раб. 10 куб. м.). Что касается употребляемой ими пищи, то она крайне недостаточна. Обыкновенно

[1]) Monographies municipales. Les conditions du travail dans les chantiers communaux, стр. 54.

[2]) *Lang*, Das schweizerische Fabrikgesetz, стр. 31—4.

итальянцы ѣдятъ поленту и сыръ и все запиваютъ водой, и только въ исключительныхъ случаяхъ—пивомъ и виномъ. Въ провинціи Ганноверѣ гончары ѣдятъ растительную пищу и рѣдко мясо; издержки на человѣка равняются 0,22 марки въ день, или 1—10 м. въ недѣлю [1]).

Рабочее время на вѣтряныхъ и водяныхъ мельницахъ очень длинно. Обыкновенно работаютъ все время, пока дуетъ вѣтеръ или пущена вода, иногда 24—36 часовъ, не дѣлая правильныхъ перерывовъ. Въ Восточной и Западной Пруссіи на 43,4% вѣтряныхъ мельницъ работаютъ 16—18 час., на 4—6%—18—22 часа, на 16,4% работаютъ 22—24 часа. На 22,6% водяныхъ мельницъ работали 16 часовъ, на 15,5%—отъ 16 до 18 час., на 5,2%—до 24 часовъ; на 4,2% каждую недѣлю одинъ разъ работали больше 24 часовъ. На паровыхъ мельницахъ только 10,7% всѣхъ мельницъ работали больше 16 часовъ, но ночная работа примѣнялась и здѣсь. На этихъ мельницахъ въ половинѣ дня дѣлаютъ паузы, на водяныхъ же мельницахъ правильныя паузы существуютъ лишь у 12,6% всѣхъ мельницъ. Воскресный отдыхъ не менѣе 24 часовъ имѣется лишь у 21% вѣтряныхъ мельницъ, у 36,5% водяныхъ и 64,5% паровыхъ. У 11,2% водяныхъ мельницъ воскресный отдыхъ не превышаетъ 12 часовъ. Дѣтскій трудъ примѣняется во всѣхъ мукомольняхъ, и дѣти работаютъ столько же, сколько и взрослые. Спятъ рабочіе въ самомъ помѣщеніи на нарахъ, покрытыхъ мѣшками, и потому совершенно не защищены отъ пыли и шума [2]).

Пекари работаютъ 14—18 часовъ безъ опредѣленныхъ промежутковъ. По даннымъ королевской коммиссіи въ 53% работали 12 часовъ и меньше, въ 29%—отъ 12 до 14 часовъ, въ 13%—отъ 14 до 16 часовъ; въ 3%—отъ 16 до 18 ч.; въ 0,7%—больше 18 часовъ. Въ нѣкоторыхъ пекарняхъ работа происходила 18—19 часовъ. Въ дневныхъ пекарняхъ 76,9% работали 12 часовъ, 16,5%—отъ 12 до 14 часовъ, 65,1%—отъ 14 до 16 ч. и въ 0,4%—больше 16 часовъ. Въ 65% всѣхъ кондитерскихъ рабочее время равняется 12 и менѣе часамъ, въ 31%—отъ 12 до 14 часовъ, въ 1%—отъ 14 до 16 часовъ. Кромѣ того, въ 1/3 всѣхъ булочныхъ примѣнялась сверхъ-урочная работа. Въ 46% изслѣдованныхъ пекаренъ въ теченіе года не было ни одного праздника, продолжавшагося цѣлыя сутки. Дѣти 14—16

---

1) *Berger*, Die Gesundheitverhältnisse der Ziegelarb. D. V. f. öff. Ges. 1895 г., 27 Bd., 187.

2) *Zadek*, Hygiene der Müller, Bäcker und Konditoren. 1897 г., стр. 570—2.

лѣтъ работаютъ цѣлую ночь и бо́льшую часть дня и едва имѣютъ шесть часовъ отдыха. Въ 19,6% изслѣдованныхъ пекаренъ дѣти работаютъ наравнѣ съ взрослыми; въ 31,6%—отъ 12 до 14 часовъ, въ 15,3%—отъ 14 до 16 часовъ, 65,1%—отъ 16 до 18 часовъ, 61,5%—больше 18 часовъ. Впрочемъ, въ послѣднее время ночная работа въ Германіи уничтожена и существуетъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Спальныхъ помѣщеній въ пекарняхъ обыкновенно не бываетъ, и рабочіе спятъ или на нарахъ для хлѣба, или въ каморкахъ. Въ одной каморкѣ, гдѣ могли помѣститься только двѣ кровати, спало шесть рабочихъ и три ученика. Послѣдніе, за недостаткомъ мѣста, должны были спать подъ кроватями. Каморка была совершенно темная и никогда не вентилировалась, кровати не мѣнялись по цѣлымъ недѣлямъ и были покрыты слоемъ пыли, которую рабочіе вдыхали даже во время сна. Бебель говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Мы рѣдко пользовались свѣжей постелью. Въ нашей спальнѣ находилось шесть кроватей; днемъ на нихъ спало восемь человѣкъ, ночью шесть человѣкъ, такъ что онѣ всегда были заняты... Ровно въ девять часовъ вечера нужно было вставать. Безъ ѣды и питья, часто даже не умывшись, мы должны были идти въ пекарню и здѣсь работать почти полуголыми. Въ такомъ же видѣ мы выскакивали зимой на улицу“ [1]).

Весьма интересныя и подробныя данныя имѣются въ извѣстномъ многотомномъ трудѣ Бутса о жизни и трудѣ лондонскаго населенія (Ch. Booth, Life and Labour of the people in London, I—X т. 1892—98). Еженедѣльная плата взрослаго мужского населенія такова: до 20 шилл. получаетъ — 10%, отъ 20 до 25 шилл. получаетъ—20—25%, 25—30 шилл. получаетъ 20—25%; 30—35 шилл. получаетъ—20—25%; 35—40 шилл.—10—15%; 40 и больше—получаетъ 10—15%. Въ производствахъ по обработкѣ желѣза и стали 31% рабочихъ получаетъ отъ 20 до 25 шилл., 69% — отъ 30 до 45 шилл. въ недѣлю (Booth, V, стр. 361). Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ работаютъ нѣсколько членовъ семьи, то необходимо взять общій доходъ. Мы выберемъ нѣсколько примѣровъ, подходящихъ къ изслѣдуемымъ нами производствамъ. Машиностроители получаютъ въ недѣлю—43 шилл. 6 п., работающіе въ цинковомъ производствѣ—43 шилл. 7 п., каменьщики—39 шилл. 10 п., мельники — 31 шилл. 10 п., наборщики — 41 ш. 7 п., шлифов-

---

[1]) Тамъ же, стр. 575—81.

щики—отъ 28 до 40 шилл. Большинство изслѣдуемыхъ семей состоитъ изъ 3 членовъ, причемъ расходъ на каждаго равняется 5—10 шилл. въ недѣлю. Такимъ образомъ, плата не всегда покрываетъ необходимые расходы, но кромѣ послѣднихъ есть еще не мало другихъ потребностей. Относительно жилищъ имѣются такія данныя: 0.106 населенія составляютъ живущіе по 4—8 человѣкъ въ одной комнатѣ; 0.26—живущіе по 2—3 чел., и 0.2—живущіе по 1 человѣку въ комнатѣ. Если взять эти числа только по отношенію къ бѣдному классу населенія, то они почти удвоятся (Booth, V, стр. 15). Между прочимъ, замѣчается нѣкоторая связь между заработной платой и жилищами: чѣмъ выше первая, тѣмъ лучше вторыя, и наоборотъ. Въ мебельномъ производствѣ получающіе до 25 шилл. составляютъ—14%, получающіе 25—30 шилл. — 16%, получающіе—30—35 шилл.—18%, больше 35 шилл.—52%. Занимающіе втроемъ и больше одну комнату составляютъ 22%; живущіе 2—3 въ одной комнатѣ—30%, 1—2 чел.—29%, и менѣе одного человѣка—19% (Booth, VII, стр. 137).

Кромѣ длиннаго рабочаго дня, на здоровье рабочихъ имѣетъ большое вліяніе ночная работа, примѣняемая во многихъ производствахъ. Вредное вліяніе ночной работы едва-ли можетъ быть оспариваемо, и въ литературѣ существуетъ достаточно данныхъ для положительныхъ утвержденій. Напримѣръ, д-ръ Смитъ изъ Лидса говоритъ: „Я изумленъ огромной перемѣной, происшедшей съ женской половиной нашего населенія со времени проведенія этихъ законовъ (запрещающихъ ночной трудъ); женщины стали теперь красивы и имѣютъ цвѣтущій видъ; онѣ сильны и хорошо развиты; отличаются не только бодрымъ настроеніемъ духа, но и всегда готовы шутить; вмѣсто прежнихъ угловатыхъ фигуръ, теперь можно видѣть красивыя, закругленныя формы. Я считалъ бы такую перемѣну невозможной, еслибы не видалъ ее собственными глазами“ [1]).

Фабричные инспектора Эльзасъ-Лотарингіи собрали довольно интересныя свѣдѣнія о вредномъ вліяніи ночного труда на работницъ. Несмотря на то, что рабочее время ночью было на 22% короче дневного, на 1.000 работавшихъ ночью приходилось 413—429 заболѣваній и 8.730—8.865 пропущенныхъ по болѣзни дней. Между тѣмъ въ производствахъ безъ ночной работы число такихъ заболѣваній равнялось 309—328, а число пропущенныхъ дней—5.641—5.815 [2]).

[1]) Internation. Kongress für Arbeitschutz in Zürich, стр. 88.

[2]) Archiv, Брауна, V, 2 т., 1892, статья Геркнера.

Кромѣ того, спеціалисты также высказались противъ ночной работы. Такъ на VI международномъ конгрессѣ гигіены въ Вѣнѣ были приняты, между прочимъ, слѣдующія резолюціи: необходимость запрещенія ночной работы для женщинъ и безусловное запрещеніе ея для несовершеннолѣтнихъ. Относительно взрослаго населенія съѣздъ заявилъ: здоровье взрослыхъ мужчинъ часто страдаетъ отъ слишкомъ продолжительной работы, а также отъ ночного труда; и то и другое оказываютъ вредное вліяніе на нравственное и умственное развитіе рабочаго. И такъ какъ послѣдній рѣдко имѣетъ возможность отказаться отъ предлагаемой ему предпринимателемъ ночной работы, то государство, желающее имѣть здоровое во всѣхъ отношеніяхъ фабричное населеніе, должно придти къ нему на помощь посредствомъ спеціальнаго законодательства" [1]).

Несмотря, однако, на общепризнанный вредъ ночной работы, она до сихъ поръ примѣняется въ весьма широкихъ размѣрахъ, благодаря главнымъ образомъ недостаткамъ законодательства. Послѣднее касается исключительно дѣтей до 14 лѣтъ, подростковъ до 16—18 лѣтъ и женщинъ (за исключеніемъ Голландіи, Италіи, Даніи и Швеціи), которымъ вообще запрещена ночная работа. Что же касается взрослыхъ рабочихъ, то они въ большинствѣ случаевъ употребляются для ночной работы. Число такихъ рабочихъ въ одной Германіи должно равняться по крайней мѣрѣ двумъ милліонамъ. Хотя невозможно опредѣлить число всѣхъ ночныхъ рабочихъ, но уже достаточно указать на то, что большинство крупныхъ производствъ не могутъ прервать работу по разнымъ причинамъ и продолжаютъ ее цѣлую ночь. Достаточно указать на то, что къ такимъ производствамъ относятся химическіе заводы, ткацкая промышленность, сахарные заводы, чугунно-литейные, бумажные и пр., общее число рабочихъ на которыхъ равняется нѣсколькимъ милліонамъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что во многихъ мѣстностяхъ, „въ видѣ исключеній", разрѣшается сверхъ-урочная и даже ночная работа. Такъ, въ Германіи въ 1894 году было найдено около тысячи случаевъ нарушенія правилъ о ночной работѣ; въ Швейцаріи фабричные инспектора также постоянно жалуются на сверхъ-урочную и ночную работу. Изъ ихъ отчетовъ видно, что лишь 25% разрѣшеній вызывается необходимостью, и что въ большинствѣ случаевъ выдача разрѣшеній есть „произвольная потачка требованіямъ отдѣльныхъ предпринимателей".

[1]) Internation. Kongress, стр. 91.

Въ Англіи точно также разрѣшеніе сверхъ-урочной работы ведетъ къ массѣ нарушеній. „Постоянное возростаніе подаваемыхъ намъ заявленій о сверхъ-урочной работѣ,—говоритъ одинъ изъ инспекторовъ,—приводитъ меня къ заключенію, что владѣльцы фабрикъ и мастерскихъ пользуются этими разрѣшеніями, не считаясь съ закономъ, который смотритъ на дозволеніе сверхъ-урочной работы, какъ на исключительную мѣру, примѣнимую лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется особымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Сверхъ-урочная работа вызываетъ больше тайныхъ обходовъ закона, чѣмъ всѣ остальныя нарушенія фабричнаго закона, вмѣстѣ взятыя" [1]).

Чтобы покончить съ бытовыми условіями рабочихъ, нужно сказать нѣсколько словъ о жилищахъ. Хотя за послѣднее время для улучшенія жилищъ рабочихъ сдѣлано довольно много, но, тѣмъ не менѣе, ниже приведенныя слова одного изслѣдователя остаются вполнѣ справедливыми. „Наши читатели знаютъ,—говоритъ онъ,—что въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ христіанскаго міра сотни тысячъ семействъ принуждены жить въ такихъ жилищахъ, въ какихъ не сталъ бы держать скотъ ни одинъ скотовладѣлецъ, мало-мальски добросовѣстный или понимающій свою выгоду. Мы говоримъ про жилища, въ которыхъ осуществленіе элементарныхъ нравственныхъ и физическихъ условій нормальной человѣческой жизни возможно лишь при героизмѣ святости" [2]).

Приведенныя выше данныя вполнѣ подтверждаютъ эти слова и ясно указываютъ на плохое состояніе рабочихъ жилищъ. Остается лишь сказать нѣсколько словъ относительно ихъ вреднаго вліянія на здоровье. Весьма интересныя данныя были собраны относительно Франкфурта-на-Майнѣ, который считается самымъ здоровымъ городомъ въ Германіи, такъ какъ въ немъ на тысячу человѣкъ умираетъ всего 18.5 чел., а дѣтская смертность почти въ три раза меньше, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ. Но что касается смертности въ двухъ частяхъ города, то онѣ рѣзко отличаются одна отъ другой: въ одной она равняется 10 — 15 чел. на тысячу, въ другой—20—25 на тысячу. Въ этомъ городѣ 1/8 часть жителей живетъ въ одной комнатѣ, 1/3—въ двухъ комнатахъ, и болѣе половины занимаютъ больше трехъ комнатъ. У 1,22% населенія на одного человѣка приходится три кв. метра воздуха, у 4,06% приходится 3—

---

[1]) Тамъ же, стр. 86.

[2]) Bericht an den Kongress deutscher Volkswirte von 1865.

4 м., у 27,23% приходится 10—20 кв. м. Въ Гамбургѣ, въ населенныхъ кварталахъ, на 1 человѣка приходится—2 кв. м., во Франкфуртѣ—2—3 кв. м. Если взять отношеніе дохода и числа занимаемыхъ комнатъ, то окажется, что 38,4% самыхъ бѣдныхъ жителей занимаетъ одну комнату, 29%—двѣ комнаты, и только 2,8%—квартиру въ семь комнатъ. Чѣмъ выше доходъ, тѣмъ больше число занимающихъ нѣсколько комнатъ, и, наконецъ, у наиболѣе богатыхъ только 3,2% занимають 1 комнату, 6,5%—двѣ комнаты, 14,6%—три комнаты, и 36,8%—болѣе семи комнатъ. Другими словами, здѣсь наблюдается отношеніе обратное тому, которое замѣчается у бѣднаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было замѣчено, что процентъ заболѣваній въ новой и старой части города различенъ, а именно въ первой жили болѣе зажиточные люди, и процентъ заболѣваній былъ меньше. Напримѣръ, больные легочной чахоткой составляли въ новой части города—1,28%, а въ старой—5,18%, больные дыхательными органами—2.43% и 9.4% [1]).

Изслѣдованія города Манчестера показали, что въ лучшихъ улицахъ города смертность равнялась одному на 51—55 жит., въ худшихъ—на 25 и 38. Въ восьми шотландскихъ городахъ смертность увеличивалась съ увеличеніемъ числа живущихъ въ одной комнатѣ; въ Эдинбургѣ смертность была обратно пропорціональна наемной платѣ. Въ Буда-Пештѣ для живущихъ вдвоемъ въ одной комнатѣ продолжительность жизни равнялась 35 г. 5 мѣс., для живущихъ 2—5 человѣкъ—33 годамъ 1 мѣс.; тамъ, гдѣ на одну комнату приходится отъ шести до девяти человѣкъ, продолжительность жизни равняется 31 году 11 мѣс., для живущихъ болѣе 10 чел.—30½ годамъ. Въ Берлинѣ точно также было найдено, что чѣмъ тѣснѣе живетъ населеніе, тѣмъ сильнѣе среди него смертность [2]).

II.

Слова Фрейсинé о томъ, что на свѣтѣ нѣтъ здоровой фабричной работы, вполнѣ оправдываются послѣ многолѣтнихъ и многочисленныхъ изслѣдованій. Не говоря уже о вредѣ длиннаго рабочаго дня, въ каждомъ почти производствѣ есть матеріалы, вредные для здоровья, и масса употребляемыхъ повседневно пред-

---

[1]) Die Wohnungsfrage und Sterblichkeit. „Neue Zeit." 1897, № 48.

[2]) Болѣзни рабочихъ. „Вѣстн. Европы", 1898, кн. 11, стр. 243.

метовъ требовала для своего приготовленія частицу человѣческой жизни. „Роскошное зеркало,—говоритъ одинъ англійскій изслѣдователь,—отражающее нынѣ все великолѣпіе богато убранной гостиной, безъ сомнѣнія когда-то отражало въ себѣ дрожащую фигуру исхудалаго рабочаго, отравляемаго ртутными парами при его приготовленіи. Эти богатыя и нарядныя занавѣси стоили смертельной болѣзни бѣдному ткачу, заставляя его сидѣть вѣчно согнувшись за своимъ станкомъ. Даже обои на стѣнахъ, своимъ блескомъ и красотой напоминающіе весну, покрывали, благодаря ихъ ядовитой пыли, пальцы рабочихъ нарывами“ [1]).

Изслѣдовать вредъ всѣхъ производствъ не входитъ въ нашу задачу, которая сводится къ указанію вреда лишь нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ производствъ, распространенныхъ также и въ Россіи. Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ, конечно, тѣ, въ которыхъ происходитъ выдѣленіе пыли: ткацкое, точильное, обтеска камней, стеклянное и др. Въ большинствѣ этихъ производствъ выдѣленіе пыли неизбѣжно. Такъ процессъ тканья раздѣляется на нѣсколько процессовъ, но при всѣхъ происходитъ выдѣленіе пыли. Пыль въ ткацкой промышленности состоитъ изъ растительныхъ, животныхъ, минеральныхъ и металлическихъ частицъ. Въ различныхъ отдѣленіяхъ составъ пыли неодинаковъ, но несомнѣнно, что пыль металлическая и особенно свинцовая только усиливаетъ вредное вліяніе органической пыли. По послѣднимъ изслѣдованіямъ, въ одномъ кубическомъ метрѣ воздуха рабочаго помѣщенія заключается отъ семи до двадцати миллигр. пыли, причемъ на сто граммовъ пыли приходилось три грамма хрома и 16 свинца [2]).

Пыль дѣйствуетъ на организмъ химическимъ, механическимъ и инфекціоннымъ путемъ. Механически она раздражаетъ слизистую оболочку, вызывая, напримѣръ, воспаленіе вѣкъ, слезливость и катарръ глазъ, который проходитъ только послѣ продолжительнаго воздержанія отъ работы. Но самое вредное вліяніе пыль оказываетъ на органы дыханія. Попадая въ дыхательные пути, пыль раздражаетъ ихъ и при долговременномъ дѣйствіи вызываетъ гиперемію и хроническій катарръ. Пыль, по изслѣдованію врачей, остается въ трахеяхъ и бронхахъ и вызываетъ ихъ раздраженіе и воспаленіе. Все это вызываетъ расположеніе къ заболѣванію чахоткой тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ частицами пыли

---

[1]) *Янжулъ*, Очерки и изслѣдованія. Т. II. 1884, стр. 76.

[2]) *Arens*, Quantitative Staubbestimmungen in der Luft. Archiv f. Hyg. 1894. Bd. 4, 325.

въ легкія попадаютъ и бациллы, въ томъ числѣ чахоточныя. По даннымъ швейцарской статистики, изъ тысячи рабочихъ умираютъ въ производствѣ съ большимъ содержаніемъ пыли отъ 62 до 96,9 человѣка изъ тысячи, въ производствахъ съ малымъ количествомъ пыли—отъ 39,8 до 50,1 человѣка [1]).

Женщины въ ткальной промышленности обыкновенно хвораютъ больше мужчинъ. По крайней мѣрѣ, въ Швейцаріи данныя вполнѣ подтверждаютъ этотъ фактъ: изъ тысячи ткачей хворало 221,6, изъ ткачихъ—249,5; изъ красильщиковъ—278,7, красильщицъ—315,8.

Относительно рода болѣзней существуетъ довольно много изслѣдованій, точно выясняющихъ эту область. Такъ, если болѣзни органовъ пищеваренія у швецовъ составляютъ 100%, то у ткачей онѣ равняются 103,4%, у прядильщиковъ—58,7%; болѣзни органовъ дыханія у первыхъ 75,5%, у вторыхъ—52,5%, у третьихъ—47,7%; органовъ движенія у ткачей—21,2%, у прядильщиковъ—29,6%; мѣстныя заболѣванія у первыхъ 31,6%, у вторыхъ—22,9%. Болѣзни органовъ пищеваренія являются слѣдствіемъ сидячей жизни, а также и недостаточнаго питанія вообще. Послѣднее также играетъ важную роль, и только усугубляетъ вредное дѣйствіе перваго. Что касается болѣзней дыхательныхъ органовъ, то онѣ должны быть всецѣло отнесены на счетъ пыли, вдыхаемой рабочими. Среди обработывающихъ хлопокъ въ теченіе 10 лѣтъ средняя цифра заболѣваній была такова: бронхитъ—6,4%, крупозная пневмонія — 4,7%, катарральная пневмонія—2,1%, чахотка—1,8% [2]).

Нѣкоторые изслѣдователи показали, что число грудныхъ заболѣваній пропорціонально количеству пыли, находящейся въ разныхъ отдѣленіяхъ, а именно:

	чесальщики	кардовщики	прядильщики	мотальщики	сушильщики	укладчики
эмфизема. . . .	75%	61,5	20	22,2	66,7	75
бронхитъ. . . .	25%	15,4	30	22,2	—	—
пневмонія . . .	—	15,4	30	44,5	33,3	25
другія болѣзни .	—	7,7	20	11,1	—	—

Изъ этой таблицы видно, что чесальщики, имѣющіе дѣло съ грязной шерстью, подвержены сильному пораженію кожи (3/4 всѣхъ заболѣваній) и значительнымъ заболѣваніямъ бронхитомъ; кардовщики испытываютъ бо́льшее дѣйствіе пыли, и у нихъ процентъ

---

[1]) *Netolisky*, Hygiene der Textilindustrie, стр. 1116.

[2]) *Merkel*, Die Staubinhalationskrankheiten, стр. 205.

грудныхъ заболѣваній повышенъ; прядильщики находятся исключительно въ пыльной атмосферѣ, и грудныя заболѣванія составляютъ уже 60%; то же самое у мотальщиковъ. Сушильщики подвержены сильному вліянію сырости, и потому процентъ больныхъ эмфиземой сильно повышенъ (66,7); укладчики носятъ сырую пряжу, и потому испытываютъ тѣ же заболѣванія. Процентъ смертности на тысячу человѣкъ въ берлинскихъ больничныхъ кассахъ былъ слѣдующій: портные дали 626,2 умершихъ отъ легочныхъ болѣзней, отъ чахотки—563,4; позументщики дали 487,8 первыхъ и 439 вторыхъ; ткачи дали 457,6 первыхъ и 322 вторыхъ; шляпошники дали 600 первыхъ и 300 вторыхъ. Средній возрастъ первыхъ равняется 34,1 года, вторыхъ—47,3, третьихъ—53,4, и послѣднихъ—49,6 лѣтъ. По даннымъ льняной и хлопчатобумажной промышленности, изъ тысячи человѣкъ умирало 5,35; изъ тысячи умершихъ—на туберкулёзъ приходится 554,1; въ производствахъ свободныхъ отъ пыли—только 381, а среди берлинскаго населенія—только 332,3 человѣка [1]).

Вредъ ткачества зависитъ также отъ того, производится ли оно ручнымъ способомъ или машиннымъ. Ручная работа всегда вреднѣе машинной. Тѣсное помѣщеніе, наполненное пылью, усиленная работа руками и ногами и неправильное положеніе груди, все это крайне вредно отзывается на здоровьѣ. Жилища домашнихъ ткачей обыкновенно состоятъ изъ одной комнаты съ маленькими окнами и безъ вентиляціи. Благодаря пыли и плохому освѣщенію, воздухъ всегда испорченъ. Комната служитъ въ одно и то же время мастерской, жилищемъ, спальней, больницей и сушильней. Работающіе члены семьи сильно скучены и въ одной комнатѣ производятъ всѣ манипуляціи производства. Понятно, что, работая съ ранняго утра до поздней ночи, при плохомъ освѣщеніи и безъ свѣжаго воздуха, семья сильно хвораетъ. При этомъ, благодаря плохому заработку, пища состоитъ только изъ кофе, картофеля и хлѣба; мясо появляется только въ праздничные дни [2]).

Громадное количество пыли выдѣляется также при обтесываніи камней. Тесальщики обыкновенно раздѣляются на обтесывающихъ песчаникъ и мраморъ. Первые по всѣмъ имѣющимся даннымъ находятся въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ вторые, и живутъ меньше. По свѣдѣніямъ одного фабриканта, обработываю-

---

[1]) *Sommerfeld*, Die Schwindsucht der Arbeiter. 1895, 23 и 37, и табл. III и IV.

[2]) *Netolizky*, стр. 76—7.

щаго мраморъ, изъ 300 его рабочихъ въ теченіе пяти лѣтъ ни одинъ не умеръ отъ болѣзни легкихъ. Изъ двухсотъ другихъ рабочихъ въ теченіе того же срока умерло только три человѣка. Итальянскіе рабочіе, обработывающіе мраморъ, находятся въ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, нежели нѣмецкіе рабочіе, обтесывающіе другіе камни. Процентъ заболѣваемости равняется 29; средняя продолжительность болѣзни—26 дней; средняя смертность—за 8 лѣтъ 6 на тысячу, тогда какъ общая смертность—27 на тысячу. Изъ тысячи человѣкъ умерли отъ болѣзни дыхательныхъ органовъ 290 чел., нервныхъ бол. 132, пищеварит. 127, инфекціонныхъ 95, органовъ кровеобращенія 111, несчастныхъ случаевъ 67 и т. д. [1]) Если взять отдѣльно смертность отъ легочныхъ заболѣваній, то отъ катарра легкихъ умерло 59 изъ тысячи, туберкулёза 50, отъ остраго воспаленія легкихъ—115, отъ хроническаго воспаленія легкихъ—39. Особенно незначительно число умершихъ отъ легочной чахотки.

Итальянскіе рабочіе вообще живутъ дольше нѣмецкихъ. Въ то время какъ средняя продолжительность жизни первыхъ равняется 55 годамъ, вторые достигаютъ такого возраста лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ какъ рабочая плата, рабочій день и другія условія работы не различаются у этихъ рабочихъ, то можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ данномъ случаѣ главную роль играютъ свойства матеріала. Мраморъ отдѣляетъ очень незначительное количество пыли, тогда какъ известковые камни выдѣляютъ ее въ громадномъ количествѣ.

Изслѣдованія англійскихъ врачей показали, что обработывающіе гранитъ хотя расположены къ груднымъ болѣзнямъ, но у нихъ рѣдко наблюдается туберкулёзъ. По числу заболѣваній послѣднимъ они стоятъ ниже рабочихъ на фабрикахъ. Изъ своихъ данныхъ врачи сдѣлали то заключеніе, что между всѣми родами камня наиболѣе безвреднымъ является мраморъ, затѣмъ идетъ гранитъ и, наконецъ, песчаникъ [2]). Тѣмъ не менѣе, грудныя заболѣванія встрѣчаются у каменотесовъ очень часто. Въ 89,93% причиной смерти каменотесовъ изъ различныхъ округовъ Германіи за время 1886—1892 годовъ служила легочная чахотка и въ 2,42%—болѣзни дыхательныхъ путей. По даннымъ, полученнымъ изъ тридцати мѣстностей, 38% падало на болѣзни дыхательныхъ органовъ, 11,5%—на ревматизмъ, 19%—на поврежденія и 31,5%—на остальныя болѣзни. Въ Берлинѣ число

[1]) *Paladine*, La colitopneumonniosi degli scalpelini e degli scultori, стр. 241—67.

[2]) *Reveridge*, On the occurence of phthisis among granite masons. „Brit. Med. Journ." 1876.

больныхъ туберкулёзомъ равняется 31,25% всѣхъ заболѣваній. Весьма распространены между ними болѣзни дыхательнаго горла, которыя поражаютъ 1/2—3/4 рабочихъ.

Каменьщики Берлина и другихъ округовъ даютъ весьма наглядную картину заболѣваній: болѣзни дыхательныхъ органовъ вообще составляютъ 53%, изъ нихъ легочная чахотка—38,2%; больныхъ пищевареніемъ организма—10,3%, несчастные случаи—10,7% и нервныя болѣзни—9,1%. Между тѣмъ, общая заболѣваемость болѣзнями легкихъ мужского населенія—32,3% и вообще болѣзнями дыхательныхъ органовъ—46,1% [1]). Заболѣванія рабочихъ по даннымъ больничныхъ кассъ равняются 38,53% всѣхъ рабочихъ, больныхъ дыхательными органами—8,14%, пищеварительныхъ—3,79%, ревматизмомъ—4,4 и т. д. По Гиршу, 34,2% хворали болѣзнями дыхательныхъ органовъ, изъ нихъ 12,9%—легочной чахоткой, и 10,4%—бронхитомъ; затѣмъ 6,5%—эмфиземой, и 4,4%—катарромъ горла.

Средняя продолжительность жизни каменотесовъ равняется 40,4 года, но нѣкоторые изслѣдователи считаютъ ее равной 37-ми годамъ. По изслѣдованіямъ Neufvill'я, четверть рабочихъ живетъ 33 года, половина—42 года и четвертая часть—52 года. По даннымъ союзовъ каменотесовъ, средняя продолжительность ихъ жизни равняется 35 годамъ 7 мѣсяцамъ 21 дню. Такъ какъ здѣсь смѣшаны всѣ родà рабочихъ, то небезъинтересно изслѣдовать отдѣльныя категоріи рабочихъ. Оказывается, что 14 человѣкъ, оставлявшихъ работу на очень долгое время и снова къ ней возвратившихся, прожили, въ среднемъ, 46 лѣтъ 11 мѣсяцевъ. Затѣмъ, нѣсколько человѣкъ работали только весной и лѣтомъ, а остальное время жили въ деревнѣ; они жили значительно дольше работавшихъ постоянно надъ песчаникомъ. Послѣдніе прожили всего 33½ года. Начавшіе работу съ 15-ти лѣтъ выдерживаютъ ее въ теченіе 21 года, а обтесывающіе песчаникъ—19 лѣтъ, тогда какъ остальное населеніе можетъ работать больше сорока лѣтъ [2]).

Мельники и пекари также подвергаются дѣйствію пыли, усиливаемому ненормальными условіями работы. Рабочія помѣщенія въ большинствѣ случаевъ содержатся крайне неопрятно и антигигіенично. Лондонская коммиссія нашла, что 3/5 пекаренъ не имѣютъ достаточной вентиляціи и свѣта и во многихъ совершенно не соблюдаются правила гигіены. Такое же непри-

---

[1]) *Sommerfeld*, стр. 963

[2]) *Sommerfeld*, Hygiene der Steinmetzen und Maurer, стр. 954.

глядное состояніе пекаренъ наблюдалось въ другихъ городахъ Англіи и Австріи. Въ Германіи пекарни подчинены надзору фабричной инспекціи, но, тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ мало улучшилось. Во-первыхъ, температура такихъ пекаренъ очень высока, обыкновенно 25—26° Р. Если печь помѣщается въ рабочемъ помѣщеніи, то жара не даетъ возможности работать безъ перерыва больше десяти часовъ. Въ Гамбургѣ многія мастерскія имѣютъ температуру 35—40° Ц. Въ 37—рабочіе отъ жары снимали рубашки, въ 83—работали въ передникахъ, въ 41—совсѣмъ голые.

Всѣ эти недостатки работы въ связи съ пылью сильно вліяютъ на заболѣванія грудными болѣзнями. Такъ болѣзни дыхательныхъ органовъ у мельниковъ составляютъ 42% всѣхъ болѣзней, у пекарей—28,3%, у кондитеровъ—30,9%. По даннымъ кассъ гор. Бромберга, болѣзни дыхательныхъ органовъ составляютъ 32,9% всѣхъ болѣзней и ежегодно отъ нихъ 9,43% членовъ дѣлались неспособными къ работѣ. Въ Вѣнѣ изъ тысячи пекарей дѣлались неспособными къ работѣ, благодаря болѣзнямъ органовъ дыханія, 102 человѣка, хроническому бронхіальному катарру—58, воспаленію легкихъ—5, и легочной чахоткѣ—5 человѣкъ. Заболѣванія органовъ дыханія у пекарей составляли 33,8%, у кондитеровъ—35,6% всѣхъ больныхъ. Туберкулёзъ особенно развитъ у пекарей въ большихъ городахъ. Въ Лондонѣ отъ грудныхъ болѣзней умирало ежегодно 10% всѣхъ пекарей. Если же взять число заболѣваній только по отношенію къ больнымъ, то оно равняется 61%, причемъ на долю чахотки придется 24,4% [1]). Въ Вѣнѣ цифры умершихъ отъ туберкулёза еще выше; онѣ равняются половинѣ всѣхъ умершихъ и двумъ третямъ всѣхъ больныхъ дыхательными органами. При этомъ онѣ выше въ мелкихъ мастерскихъ. Подобныя же данныя имѣются относительно всѣхъ частей Австріи [2]).

Вслѣдствіе сильной жары и, какъ результата ея, бóльшаго поглощенія жидкостей, являются инфекціонныя заболѣванія. Кромѣ того, по условіямъ работы, пекаря рѣдко женятся, и между ними страшно распространены венерическія болѣзни. По клиническимъ даннымъ гг. Бонна, Берлина и Бреславля, сифилисъ даетъ 4,6—5% всѣхъ заболѣваній пекарей и кондитеровъ; въ Вѣнѣ—5,2%. Изъ тысячи пекарей въ Вѣнѣ—39 больны венерическими болѣзнями; изъ кондитеровъ—30 человѣкъ. Усиленная работа и

---

[1]) *Fax*, Industrial conditions and vital statistics of operative bakers. „Economic Journ.“ Mars, 1894.

[2]) *Zadek*, Hygiene der Bäcker, Müller und Konditoren, стр. 585.

притомъ на ногахъ ведетъ къ обезображенію послѣднихъ и особенно къ расширенію венъ.

Если сравнивать заболѣванія у различныхъ категорій рабочихъ по даннымъ кассъ, то можно сдѣлать довольно любопытные выводы.

Въ Вѣнѣ булочники дали 33,8% больныхъ органами дыханія, остальные члены—23,02%; туберкулёзные составляли у первыхъ 6,6%, у вторыхъ — 4,95%; хроническій катарръ бронхъ у первыхъ—19,2%, у вторыхъ—9,8%; венерическія болѣзни у первыхъ—5,2% и у вторыхъ—0,97%; болѣзни кожи—4,4% и 1,19%, воспаленіе клѣтчатки—8,4% и 4,75%. Такимъ образомъ, у пекарей болѣзни дыхательныхъ органовъ составляютъ треть, у остальныхъ членовъ—1/4 всѣхъ болѣзней.

У мельниковъ болѣзни дыхательныхъ органовъ составляютъ 32,9% всѣхъ болѣзней; болѣзни органическаго пищеваренія—24,9%, ревматизмъ—14,1%, венерическія—8% и остальныя—12,2% [1]). Англійская и швейцарская статистика промысловаго населенія показываетъ, что въ молодомъ возрастѣ смертность этихъ рабочихъ меньше другихъ, но послѣ 30—40 лѣтъ она значительно выше, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

	15—20 лѣтъ.	20—25	25—45	45—65	свыше 65 лѣтъ.
Пекари и кондитеры	2,02	4,41	8,70	26,12	89,53
Мельники	2,79	5,19	8,40	26,62	153,94
Сельскіе рабочіе	2,13	4,48	7,13	17,68	87,06
Мужское насел. вообще	2,95	5,60	9,71	24,63	88,71

Для Парижа получаются точно такіе же выводы: общая заболѣваемость пекарей въ немъ не превосходитъ заболѣваемости ихъ въ Англіи и Швецаріи, но превосходитъ общую заболѣваемость парижскаго населенія. Это явленіе наблюдается во всѣхъ возрастахъ [2]).

Средняя продолжительность жизни англійскихъ пекарей принята въ 43 года, причемъ они работаютъ не больше 20-ти лѣтъ [3]). Въ Вѣнѣ средняя продолжительность жизни этихъ рабочихъ принята въ 36 лѣтъ, но многіе умираютъ уже въ 30 лѣтъ.

Говоря о заболѣваніяхъ, вызываемыхъ пылью, необходимо обратить особенное вниманіе на кварцевую пыль, которая своими острыми и твердыми частицами производитъ крайне вредное дѣй-

1) *Zadek*, стр. 598.

2) Revue d'hyg. 1891. 13 Bd., p. 1016.

3) *Arlidge*, The Hygiene disease and mortality of occup. London. 1892, 383 ff.

ствіе. Вліянію такой пыли подвергаются работающіе на стеклянныхъ и фарфоровыхъ заводахъ, хотя, кромѣ того, они испытываютъ дѣйствіе жары, рѣзкихъ перемѣнъ воздуха и пр.

Для приготовленія стекла употребляется смѣсь разныхъ матеріаловъ, которая должна быть хорошо измельчена и перемѣшана. На большихъ заводахъ это перемѣшиваніе производится иногда машиной, но на маленькихъ оно дѣлается самими рабочими. Операція эта крайне вредна, такъ какъ при ней поднимается такая пыль, которую нельзя уничтожить никакой вентиляціей и которая дѣлаетъ воздухъ непрозрачнымъ. Состоя изъ острыхъ частицъ, эта пыль крайне вредна для здоровья. Кромѣ того, къ обыкновенной смѣси прибавляются мышьяковистыя соединенія, иногда до 60—70 фунтовъ въ день, которыя дѣлаютъ пыль еще болѣе вредной. Неудивительно поэтому, что плавильщики рѣдко доживаютъ до 45-ти лѣтъ и въ большинствѣ случаевъ перемѣняютъ работу. А между тѣмъ, на эту работу принимаютъ лишь очень здоровыхъ рабочихъ.

На вредъ этого производства Рамаццини указывалъ еще въ XVIII столѣтіи. „Если полунагой рабочій,—говоритъ онъ,—находится зимой около раскаленной печи и выдуваетъ стеклянные сосуды, смотря постоянно на огонь и жидкую массу стекла, то невозможно, чтобы онъ не почувствовалъ вреда“ [1]). Другой писатель даже даетъ особый типъ такого рабочаго: „Во время своей юности они уже отличаются отъ другихъ рабочихъ своимъ высокимъ ростомъ и носятъ на носу, щекахъ, лбу печать своей профессіи. Такъ какъ они близко стоятъ около огня, то эти части лица пропекаются: получаются разнообразные ожоги. Выдувальщики обыкновенно худы, мускулы ихъ тверды и остро выдаются. Со временемъ у нихъ появляются особенныя измѣненія тѣла, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ движеніямъ, которыя онъ производитъ во время работы“ [2]).

Разсматривая различныя работы на стеклянныхъ заводахъ, можно видѣть, что всѣ онѣ достаточно вредны, но имѣютъ, однако, и нѣкоторое различіе. Выдувальщики, главная категорія рабочихъ, подвергаются особенно вредному дѣйствію перемѣнной температуры, сильному жару, который вызываетъ испарину, истощающую организмъ и предрасполагающую къ заболѣваніямъ. Слѣдствіемъ такихъ условій работы является ревматизмъ, хрипота, катарръ бронхъ и легочныя пораженія, изъ которыхъ

---

[1]) *Ramazzini*, De morbis artificum diatriba. Modena. 1701.

[2]) *Deffernez*, Des souffleurs de verre. 1861.

часто развиваются хроническій катарръ бронхъ и чахотка. Громадное количество воздуха, вдыхаемаго выдувальщиками, дѣйствуетъ на легкія и вызываетъ постоянное ихъ увеличеніе [1]). Сравнивая заболѣванія рабочихъ въ однѣхъ и тѣхъ же семьяхъ, можно видѣть, что онѣ сдѣлались профессіональными, и это особенно замѣтно на легкихъ. У этихъ рабочихъ наблюдается особенная сила выдыханія, и кромѣ того, вслѣдствіе набиранія въ ротъ воздуха, щеки получаютъ особую форму, называемую самими рабочими: „joues cassées“.

Благодаря жару, рабочіе страдаютъ глазами, и катарактъ—явленіе обыденное между ними. Между прочимъ, одинъ изслѣдователь нашелъ, что катарактъ бываетъ чаще на лѣвомъ глазу, который находится ближе къ печи. Другой изслѣдователь нашелъ спеціальную деформацію руки у этихъ рабочихъ въ Ліонѣ. Она состояла въ скрючиваніи пальцевъ и особомъ уклоненіи большого пальца. Объясняется это тѣмъ, что, держа трубку, выдувальщики придаютъ особенное положеніе рукѣ, и оно остается постояннымъ.

Работа шлифовщиковъ также очень нездорова и уноситъ ежегодно не одну молодую жизнь. При работѣ выдѣляется масса стеклянной пыли и у одного рабочаго было найдено въ легкихъ 30,7% пыли. Поэтому между ними сильно развита чахотка и рѣдко можно встрѣтить шлифовщика старѣе 40 лѣтъ. Въ Богеміи, въ округѣ Кобленцѣ, половина смертныхъ случаевъ произошла отъ чахотки, а вообще легочной чахоткой хвораютъ отъ 31.2 до 40 чел. изъ тысячи. Довольно часто среди нихъ встрѣчался суставной ревматизмъ и спеціальная оболочка на ладони въ томъ мѣстѣ, къ которому прикасается деревянная ручка.

По роду работы и вліянію ея на здоровье, къ стекольщикамъ очень близко подходятъ работающіе на фарфоровыхъ заводахъ. Здѣсь, при дробленіи, перемѣшиваніи и просѣваніи, точно также выдѣляется масса пыли, поглощаемой рабочими, особенно если приборы не защищены. Вертельщики и формовщики слишкомъ долго работаютъ съ горячимъ матеріаломъ, но должны также выносить недостатки сухого и закрытаго помѣщенія. Воздухъ въ такихъ помѣщеніяхъ наполненъ пылью, которая садится на платье рабочихъ или носится въ воздухѣ. Поэтому они страдаютъ не только отъ сидячей жизни, но и отъ плохого воздуха. Особенно утомительна работа вертельщиковъ раскаленныхъ формъ, въ которыхъ смѣсь ставится въ огонь. Вертельщикъ долженъ налегать

---

[1]) *M. Layet*, Hygiène industrielle. Encyclopédie d'hyg. T. VI. 94.

грудью на рычагъ, что при продолжительной работѣ крайне утомительно и вызываетъ дефектъ легкихъ. Эта работа обязательно должна быть замѣнена машиной. Статистическія данныя о заболѣваемости и смертности даютъ, въ общемъ, очень характерную картину гигіеническаго положенія этихъ рабочихъ. Въ таблицахъ смертности Огли эти рабочіе занимаютъ третье мѣсто (изъ 47); выше ихъ стоятъ только рабочіе оловянныхъ рудниковъ, кельнеры и разносчики. Смертность ихъ въ возрастѣ отъ 25 до 65 лѣтъ равняется 26,95 на тысячу человѣкъ. По даннымъ Зоммерфельда, изъ 2.732 рабочихъ въ четыре года хворало 911, или 33,35%, умерло 2,34%; отъ болѣзней дыхательныхъ путей 1,79% и отъ туберкулёза 1,28% всѣхъ рабочихъ. Относительно заболѣваній глазировщики составляютъ 50%, вертельщики и формовщики — 36,6%, шлифовщики — 36,3%, обжигальщики — 34,6%, промывальщики—26%, рисовальщики—23,7% [1]).

Что касается причины болѣзней, то всѣ изслѣдователи признаютъ ею вдыханіе вредной пыли. По ихъ мнѣнію, она предрасполагаетъ къ хроническимъ заболѣваніямъ легкихъ и главнымъ образомъ къ туберкулёзу. Особенно страдаютъ отъ этого молодые рабочіе. Весьма яркій примѣръ вреднаго вліянія пыли представляетъ тотъ фактъ, что у умершихъ отъ болѣзни легкихъ нашли въ послѣднихъ до 22,7% пыли и песку. Раймондъ говоритъ, что, благодаря рѣзкимъ перемѣнамъ температуры, рабочіе фаянсовыхъ фабрикъ подвержены заболѣваніямъ ревматизмомъ, съ другой стороны вдыхаемая пыль вызываетъ заболѣванія легкихъ. Многіе работаютъ при температурѣ въ 30° и зимой испытываютъ разницу температуры въ 60°.

Мы указывали главнымъ образомъ на минеральную пыль, но нельзя также не отмѣтить весьма важное вліяніе смѣси желѣзной и песчаной пыли, которая постоянно вдыхается точильщиками ножей, стальныхъ вещей и пр. Весьма любопытныя данныя сообщаетъ по этому вопросу д-ръ Розенфельдъ. Всего было изслѣдовано 4.027 рабочихъ. По числу рабочихъ заводы дѣлились такъ: 50 имѣли менѣе 10 рабочихъ, 58—отъ 11 до 25 раб., 38—отъ 26 до 50 раб., 32—отъ 51 до 100 раб., и 11 заводовъ—больше 100 раб. Изъ призывавшихся къ военной службѣ годныхъ было только 51,2%, тогда какъ для всей Германіи 55%. Изъ тысячи шлифовщиковъ умирало:

---

[1]) *Sommerfeld*, Berufskrankheiten der Porzellandarb. D. Vierteljahrschrift f. öff. Gesundheitpfl. T. 25, ч. 2. 1893, стр. 6.

	14—20 лѣтъ	21—30	31—40	41—50	выше 50 л.	Всего:
Шлифовщики	1,6	3,84	5,14	5,5	4,6	20,62%
Другіе жители	1%	1,3	1,7	2,5	7,1	13,6%

Слѣдовательно, смертность шлифовщиковъ въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ—вдвое выше остальныхъ. Эта высокая смертность явилась слѣдствіемъ туберкулёза. Изъ 1.250 шлифовщиковъ 113 или около 10% были больны грудными болѣзнями. Рабочій сидитъ на скамейкѣ, нагнувшись и держа острую часть обтачиваемаго предмета противъ камня. Точка дѣлится на сухую и мокрую; при первой отдѣляется масса пыли, попадающей въ носъ, горло и дыхательные пути. Послѣ шлифовки на камнѣ начинается шлифовка на особенныхъ деревянныхъ брускахъ, дающая также много пыли. Окончательная полировка производится щетками, покрытыми разными составами и дающими сравнительно мало пыли. Громадное количество пыли вызываетъ массу легочныхъ заболѣваній: изъ 1.250 рабочихъ 692 страдали атрофіей полости носа; 113—легочнымъ катарромъ; 26—33,3% больныхъ грудью имѣли слѣды пыли въ носовымъ частяхъ [1]).

Чтобы покончить съ пылевыми производствами, нужно сказать нѣсколько словъ о табачныхъ фабрикахъ и отравленіяхъ свинцовой пылью. Собственно говоря, вредъ табачной пыли до сихъ поръ точно не установленъ и можетъ быть признанъ лишь при наличности другихъ условій. Но такъ какъ эти послѣднія находятся въ каждой фабрикѣ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что табачная пыль способствуетъ легочнымъ заболѣваніямъ. Кромѣ того, вопросъ о заболѣваніяхъ этихъ рабочихъ представляетъ большой интересъ уже по одному тому, что число ихъ весьма значительно. Въ одной Германіи табачныя фабрики занимаютъ около 160 тыс. человѣкъ; въ великомъ герцогствѣ баденскомъ съ 1875 по 1895 годъ число ихъ возросло на 14,125 чел. [2]).

Свѣдѣнія о табачныхъ фабрикахъ говорятъ, что заболѣванія работающихъ на нихъ значительно превосходятъ заболѣванія остальныхъ группъ населенія. Особенно замѣтно это на женской молодежи. Преобладающая болѣзнь—туберкулёзъ легкихъ; остальныя встрѣчаются рѣже. Въ то время какъ общая смертность отъ туберкулёза всего населенія герцогства въ теченіе 7 лѣтъ составляла ежегодно 0,27—0,29%, среди рабочихъ на табачныхъ фабрикахъ она равнялась 1,77%—2,7%. Въ другомъ округѣ смертность работающихъ на сигарныхъ фабрикахъ вдвое превы-

[1]) „Neue Zeit“, 1899 г., № 3, стр. 12, ст. Розенфельда.

[2]) „Socialpolitische Centralblatt“. 1895. 294.

шала смертность остальныхъ жителей. Въ магдебургскомъ округѣ очагомъ туберкулёза оказались сигарныя фабрики [1]).

Крупныя числа больныхъ туберкулёзомъ объясняются самыми условіями работы. Во-первыхъ, на эту работу являются такія лица, которыя не вполнѣ здоровы или слабосильны и для болѣе трудныхъ работъ непригодны. Этимъ отчасти объясняется то, что табачные рабочіе являются наименѣе оплачиваемыми рабочими. Недостаточная же плата ведетъ къ нездоровому и плохому питанію. Кромѣ того, условія фабричной работы не могутъ считаться благопріятными для здоровья. Большинство рабочихъ сидитъ въ неудобномъ положеніи не менѣе 11 часовъ. Недостатокъ движенія, рѣзкія перемѣны воздуха, высокая температура и пыль, особенно при обработкѣ плохихъ сортовъ табака, вредно вліяютъ на рабочихъ. Все это вызываетъ въ нихъ блѣдность, малокровіе, болѣзни органовъ дыханія, нервной системы, головокруженіе, болѣзни пищеварительныхъ органовъ. Если присоединить къ этому плохія матеріальныя условія, то вредное вліяніе табачныхъ фабрикъ будетъ вполнѣ понятно. Нужно прибавить, что здѣсь много условій для передачи болѣзни другимъ. Рабочіе сидятъ въ небольшомъ пространствѣ, вмѣстѣ больные и здоровые, и потому послѣдніе могутъ легко заразить первыхъ. Особенно вредны условія работающихъ дома.

При разсмотрѣніи стекольнаго производства мы уже говорили объ отравленіи мышьякомъ, но въ этомъ производствѣ довольно часто наблюдаются случаи отравленія свинцомъ. Оно было замѣчено на французскихъ заводахъ, приготовлявшихъ особаго рода стекло, покрываемое смѣсью, содержащей свинецъ. При окончательной шлифовкѣ бумагой поднимается пыль, отравляющая рабочаго. Между спеціальными болѣзнями гончаровъ извѣстно также и отравленіе свинцомъ. Обыкновенно свинцовая пыль выдѣляется при обработкѣ вещей свинцовымъ глетомъ. Въ Кёльнѣ, при составленіи этой смѣси, рабочіе два раза въ день получаютъ молоко и кофе и имъ совершенно запрещено употребленіе спиртныхъ напитковъ. Особенно вредно отзывается натираніе рукой [2]).

Вообще, работа со свинцомъ крайне вредна, и даже частое прикосновеніе нерѣдко отравляетъ человѣка. Въ Англіи, напримѣръ, ежегодно насчитывается 50 тыс. случаевъ отравленія свинцомъ, входящимъ въ составъ консервовъ и винныхъ бутылокъ. Въ типографіяхъ и словолитняхъ также весьма часто наблюдается

---

[1]) *Schelenberg*, Hygiene der Tabakarbeiter, 618—19.

[2]) *Berger*, Hygiene des Keramischen Industrie, стр. 975.

отравленіе свинцовой пылью. Особенно много ея при сухой обточкѣ буквъ, когда рабочіе не только отравляются, но и заболѣваютъ грудными болѣзнями. По даннымъ, собраннымъ въ Берлинѣ въ теченіе 32 лѣтъ, умершіе отъ легочной чахотки составляли 48,13%; если прибавить сюда туберкулёзъ, то % повысится до 50,2. Отравленіе же свинцомъ дало лишь 0.38% всѣхъ смертныхъ случаевъ. Статистика больничныхъ кассъ показываетъ, что отравленія даютъ 2,53% всѣхъ больныхъ. При этомъ было замѣчено, что ученики отравляются скорѣе, а именно среди нихъ процентъ отравленій далъ 3,34%, а среди рабочихъ—2,26% [1]).

Признаки отравленія обыкновенно такіе. Еще прежде, чѣмъ болѣзнь развилась, приблизительно черезъ недѣлю или мѣсяцъ послѣ начала работы, появляются признаки отравленія. Начинается исхуданіе и вялость, окраска кожи и десенъ; замѣчается сладковатый вкусъ во рту и запахъ изъ него. Главный же симптомъ заболѣваній—это колики, затѣмъ стѣсненное дыханіе, ослабленіе пульса и, наконецъ, параличъ нѣкоторыхъ органовъ. Иногда начинается сильная анемія, неврастенія и гипертрофія сердца. Послѣднія же изслѣдованія показали, что при отравленіи вообще поражена вся нервная система [2]).

Подобныя явленія наблюдаются нерѣдко у отравившихся, число которыхъ весьма значительно. Такъ, среди 800 горнозаводскихъ рабочихъ въ теченіе восьми лѣтъ наблюдалось не менѣе 1.103 заболѣваній. Еще болѣе часты отравленія на заводахъ, приготовляющихъ свинцовыя бѣлила. На одной фабрикѣ среди 153 работавшихъ въ одинъ годъ произошло 25 случаевъ отравленія свинцомъ. На другой фабрикѣ съ 270 рабочими въ теченіе года былъ 61 случай отравленія. На третьей фабрикѣ весь составъ рабочихъ, занятыхъ обработкой свинцовыхъ бѣлилъ, мѣняется каждыя 4—6 недѣль, и все-таки случаи отравленія на ней весьма часты. По Гиршу, 75% этихъ рабочихъ отравляются свинцомъ [3]).

III.

При изслѣдованіи вреднаго вліянія различныхъ работъ нельзя не остановиться на выдѣляющихся газахъ и парахъ. Такъ, работающіе на зеркальныхъ фабрикахъ подвергаются весьма вред-

[1]) *Sommerfeld*, Die Lungenschwindsucht der Arbeiter. 1895, стр. 127

[2]) *Heizerling*, Anorganische Betriebe, стр. 715—16.

[3]) Internationaler Kongress, стр. 102.

ному дѣйствію ртути. По даннымъ страховыхъ кассъ видно, что меркуріальное отравленіе замѣчалось у 62,6% всѣхъ рабочихъ, причемъ процентъ больныхъ мужчинъ и женщинъ былъ одинаковъ. Если взять процентное отношеніе больныхъ разныхъ категорій къ числу больныхъ отравленіемъ, то окажется, что общее число заболѣваній составляетъ 34%, а у работающихъ на этихъ фабрикахъ—103%. Поэтому изслѣдователь говоритъ: если вообще требуются доказательства того вреда, который приноситъ обработка зеркалъ, то онъ становится ясенъ изъ приведенныхъ данныхъ [1]). Время, въ теченіе котораго работа не оказываетъ вреднаго дѣйствія, весьма различно; нѣкоторые заболѣваютъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ ученый показалъ, что работающіе 1—2 года даютъ 21% заболѣваній, работающіе 2—6 лѣтъ—61%, отъ 6 до 10 лѣтъ—15% и отъ 10 до 17 лѣтъ—3%. Болѣзнь обыкновенно начинается съ десенъ и переходитъ на зубы.

Подобныя же отравленія происходятъ у работающихъ въ цинковыхъ и ртутныхъ копяхъ. Въ послѣднихъ, благодаря вдыханію паровъ ртути, у рабочихъ расшатываются зубы и вылѣзаютъ волосы. Особенно вредна эта работа лѣтомъ; рабочіе въ Крайнѣ обыкновенно не работаютъ въ это время; то же самое практикуется въ Перу. Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что въ ртутныхъ копяхъ можно работать безъ вреда только три, четыре мѣсяца, а затѣмъ начинается отравленіе. Оно выражается слабостью, истощеніемъ и желтизной; довольно часто замѣчаются болѣзни дыхательныхъ и пищеварительныхъ органовъ [2]).

Обработывающіе мѣдь также подвергаются сильному отравленію, выражающемуся въ томъ, что цвѣтъ лица, глаза, вѣки, волосы и даже экскременты принимаютъ зеленоватую окраску. Развитіе тѣла останавливается, сила мускуловъ слабѣетъ; они становятся тонкими, вялыми и подвергаются коликамъ и судорогамъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ эти рабочіе становятся совершенно неспособными къ труду.

При выдѣлкѣ керосина, рабочіе подвергаются дѣйствію выдѣляющихся газовъ и постепенно отравляются. Временное отравленіе ограничивается головокруженіемъ или переходитъ въ наркозъ; иногда оно вызываетъ галлюцинаціи и пониженіе дѣятельности сердца. Хроническое отравленіе отражается на органахъ

---

[1]) *Wollner*, Behandlung der Vergiftungen mit Metallen, in Handb. d. spec. Therapie. 1894. 2 Bd., стр. 112.

[2]) *Füller*, Hygiene der Berg- und Hüttenarbeiter, стр. 337.

дыханія, нервной системѣ и даже умственной дѣятельности [1]). Вредное вліяніе паровъ фосфора извѣстно очень давно, но до сихъ поръ приготовленіе фосфорныхъ спичекъ не подверглось запрещенію. Нужно замѣтить, что весь процессъ изготовленія спичекъ очень вреденъ. При приготовленіи массы выдѣляются пары фосфора, проникающіе въ мастерскія; затѣмъ рабочіе, обмакивающіе „соломку" въ массу фосфора и даже вынимающіе спички изъ сушильни и упаковывающіе ихъ, не избѣгаютъ вреднаго дѣйствія паровъ фосфора. Въ общемъ можно считать, что изъ 100 рабочихъ, занимающихся на спичечныхъ фабрикахъ, ежегодно 11—12 заболѣваютъ фосфорнымъ некрозомъ челюстей. Среди этихъ рабочихъ всегда найдется большое число такихъ, которые страдаютъ хроническимъ воспаленіемъ десенъ и кровоизліяніями изъ нихъ. Кромѣ челюстей, подъ вліяніемъ отравленія фосфоромъ, измѣняются и другія части скелета: кости становятся ломкими, хрупкими и легко ломаются.

Намъ остается перейти къ послѣдней интересной отрасли— промышленности горнозаводской, къ которой мы относимъ также работающихъ въ туннеляхъ. Заболѣваемость работающихъ въ рудникахъ вполнѣ зависитъ отъ рода работы и сорта самаго матеріала. Нѣкоторые сорта угля даютъ мало пыли и газовъ, и потому не особенно вредны для рабочихъ; другіе болѣе вредны.

Болѣзни груди зависятъ отъ содержанія газовъ, главнымъ образомъ въ видѣ угольной кислоты; во-вторыхъ, отъ присутствія пыли. Количество пыли бываетъ настолько велико, что весь рабочій покрывается ею. Она поражаетъ слизистыя оболочки и кожу, вызывая воспаленіе. Содержаніе газовъ въ шахтахъ весьма различно; напримѣръ, въ нижне-вестфальскихъ шахтахъ угольная кислота находилась въ количествѣ 0,5%—1,052%; въ другихъ шахтахъ оно равнялось 0,5%—1%. Въ настоящее время постоянное количество углекислоты можно принять въ 0,5%. Кромѣ углекислоты, нерѣдко встрѣчается окись углерода, который еще болѣе вреденъ и можетъ дѣйствовать смертельно въ количествѣ 1%. Затѣмъ идетъ рудный газъ, имѣющій способность взрываться и служащій причиной многихъ несчастій. По даннымъ за 24 года въ Пруссіи было 437 взрывовъ, сопровождавшихся смертью 1—50 человѣкъ каждый. Въ промежутокъ времени отъ 1885 до 1893 года было шесть взрывовъ съ 231 убитымъ. Въ Бельгіи, Австріи взрывы унесли тысячи человѣкъ;

[1]) *Goldschmidt*, Hygiene der organischen Betriebe. 1897, стр. 859—61.

въ Англіи въ теченіе двадцати лѣтъ было девять взрывовъ, убившихъ 1.825 человѣкъ [1]).

Температура шахтъ также не остается безъ вліянія на здоровье рабочихъ. Она вполнѣ зависитъ отъ ихъ глубины; обыкновенно принимается, что при углубленіи на 32—36 метровъ она повышается на одинъ градусъ. Въ нѣкоторыхъ шахтахъ нашли, что на глубинѣ 239 метровъ температура равна $18^1/_2{}^0$ Ц., на глубинѣ 497 метр. — 32,8°, при 568 метр. — 34°, при 1025 метрахъ—42° Ц. Высокая температура вызываетъ испаренія и даже міазмы; въ Дортмундѣ, благодаря этому, даже развилась эпидемія холеры. Перемѣна температуры замѣчается въ неглубокихъ шахтахъ и вблизи выходовъ. Тѣмъ не менѣе, при выходѣ изъ глубокихъ шахтъ, рабочіе подвергаются рѣзкой перемѣнѣ температуры, а это вызываетъ простудныя заболѣванія.

По числу заболѣваній рудокопы занимаютъ 14-е мѣсто (изъ 44). Въ прежнее время она была значительно выше, и еще въ 1858 году одинъ изслѣдователь писалъ: „Въ 20 лѣтъ заболѣванія рудокоповъ на 46% превышаютъ заболѣванія остальныхъ рабочихъ; въ 30 лѣтъ—на 70%; въ 40 лѣтъ—на 78%; въ 50 лѣтъ—на 76%; въ 60 лѣтъ на 53%. Въ возрастѣ отъ 15 до 25 лѣтъ треть смертныхъ случаевъ происходитъ отъ болѣзни дыхательныхъ òргановъ; $^1/_3$ находитъ насильственную смерть. Несомнѣнные факты говорятъ, что средняя продолжительность жизни рудокоповъ равна 27,7 года, тогда какъ сельчане живутъ 42,3 года“. Въ Бельгіи и Англіи врачи нашли массу молодыхъ рудокоповъ, подверженныхъ груднымъ заболѣваніямъ, искривленіямъ позвоночника и бедеръ. Общее число заболѣваній населенія Англіи равнялось 26,08%, не-горнорабочихъ Корнваллиса 26,38%, а горнорабочихъ въ Корнишѣ—54,76% [2]).

Относительно заболѣваній извѣстно, что внутренними болѣзнями хвораютъ 78,58% рабочихъ.

Сильное давленіе воздуха въ шахтахъ способствуетъ тому, что пыль глубоко проникаетъ въ легкія и кожу. Неудобное же положеніе во время работы, сравнительно плохой воздухъ—способствуютъ заболѣванію грудными болѣзнями и особымъ видомъ легочной чахотки (Kohlenlungen). Но вообще туберкулёзъ встрѣчается у рабочихъ рѣдко, даже рѣже, чѣмъ у другихъ классовъ населенія. Въ восточной Германіи умираетъ отъ чахотки 2,4

---

[1]) *Meisner*, Hygiene der Berg- und Tunnelarbeiter, стр. 237.

[2]) *Füller*, Hygiene der Berge etc., стр. 313.

изъ тысячи человѣкъ; въ промышленныхъ заведеніяхъ—3,98, на Крупповскихъ фабрикахъ—5,1%, въ цинковыхъ рудникахъ—2,3, между желѣзнодорожныхъ рабочихъ—2,5%. По послѣднимъ даннымъ горнорабочихъ обществъ, этотъ процентъ равнялся 3,43% [1]).

Плевритъ и пневномія хотя и встрѣчаются у горнорабочихъ, но довольно рѣдко, что̀ объясняется дезинфицирующимъ свойствомъ угля. Чаще встрѣчается ревматизмъ, вызываемый разной температурой, сыростью и неудобнымъ положеніемъ тѣла. Горнорабочіе восточной Силезіи давали 24,78% ревматиковъ, Клауса—26,56%, въ соляныхъ копяхъ—20,42%, въ шахтахъ бураго каменнаго угля—16,85%. Между тѣмъ какъ между нѣмецкими почтовыми чиновниками только 5,25—9% ревматиковъ, между военными—6,5%, желѣзнодорожниками—9%, кочегарами на паровозахъ—21,2%. Благодаря грязной работѣ, между рабочими сильно распространена эмфизема. Анемія у этихъ рабочихъ встрѣчается довольно рѣдко. Значительно чаще встрѣчаются глазныя заболѣванія, вродѣ трахомы, такъ какъ недостаточное освѣщеніе, пыль и посторонція тѣла, попадающія въ глаза, сильно раздражаютъ ихъ.

Ненормальныя условія работы въ шахтахъ ведутъ къ усиленной смертности.

Рабочіе въ туннеляхъ по условіямъ работы близко подходятъ къ углекопамъ. По даннымъ о нѣсколькихъ туннеляхъ средняя смертность у нихъ равняется 4,04 на тысячу человѣкъ. Заболѣваемость зависитъ отъ условій работы: длины и глубины туннеля, вентиляціи, качества почвы, температуры, освѣщенія и проч. Короткіе туннели могутъ лучше вентилироваться, и потому менѣе вредны для рабочихъ. На заболѣванія вліяютъ взрывы, портящіе воздухъ и ведущіе къ болѣзнямъ дыхательныхъ о̀рга-новъ [2]).

Добываніе металловъ изъ земли требуетъ нѣсколькихъ процессовъ, заключающихся въ обработкѣ вырытаго металла и отдѣленіи его отъ примѣсей. Понятно, что каждый родъ работы имѣетъ свои неудобства и разнообразно вліяетъ на занятыхъ рабочихъ. Вредное вліяніе происходитъ отъ тяжести работы, отъ огня, перемѣнъ воздуха и отъ смѣсей, находящихся въ немъ.

Горнозаводская работа требуетъ особеннаго напряженія мускульной силы, напримѣръ при перевозкѣ тяжелыхъ предметовъ и поворачиваніи крицъ. Многочисленныя изслѣдованія показали,

---

[1]) *Füller*, стр. 331—32.

[2]) *Meissner*, Die Gefahren des Tunnelbetriebes und deren Verhütung, стр. 403.

что чрезмѣрное напряженіе крайне вредно дѣйствуетъ на рабочихъ. По даннымъ Вейкерта, 10,25% всѣхъ заболѣваній нужно приписать тяжелой работѣ [1]). Вредное вліяніе огня сводится къ тому, что многіе рабочіе получаютъ обжоги и, поглощая массу воды, вызываютъ желудочныя и сердечныя заболѣванія. Многія заболѣванія являются слѣдствіемъ соединеннаго дѣйствія огня и воздуха. Рабочіе часто снимаютъ часть одежды и, для устраненія жары, поддерживаютъ постоянную тягу воздуха; но такая перемѣна температуры влечетъ за собою предрасположеніе къ ревматическимъ заболѣваніямъ.

Присутствіе металлической пыли въ мастерскихъ имѣетъ вредное вліяніе на дыхательные ôрганы рабочихъ. Вслѣдствіе усиленной и напряженной работы, легкія сильно работаютъ и втягиваютъ массу твердыхъ частицъ. Происходитъ катарръ ôргановъ дыханія, легочныя заболѣванія вообще и иногда чахотка. По статистикѣ рабочихъ обществъ Силезіи на тысячу человѣкъ приходилось 474 больныхъ, изъ которыхъ больные дыхательными ôрганами составляли 73,8. Распредѣляя по роду болѣзни, получимъ: катарръ легкихъ и дыхательнаго горла—70,2, хроническій катарръ ихъ—11,1%, воспаленіе легкихъ—11,7%, легочная чахотка—3,6%, другія болѣзни ôргановъ дыханія—3,4% [2]). При сравненіи съ рудокопами получается, что заболѣванія горнозаводскихъ рабочихъ выше заболѣваній рудокоповъ.

Изслѣдуя заболѣванія рабочихъ, мы оставили въ сторонѣ вопросъ о несчастныхъ случаяхъ, вопросъ весьма важный и, вслѣдствіе хорошей постановки статистики, достаточно изслѣдованный. Во многихъ государствахъ Европы введено обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, и потому всѣ они точно регистрируются. Съ другой стороны, въ Англіи о всякомъ несчастномъ случаѣ, влекущемъ неспособность къ труду, немедленно доносится врачу и фабричному инспектору, и потому тамъ всегда имѣются о нихъ подробныя свѣдѣнія.

Количество несчастныхъ случаевъ вполнѣ зависитъ отъ рода работъ и огражденія машинъ. Въ металлургическихъ работахъ число несчастныхъ случаевъ весьма высоко. По даннымъ желѣзо- и сталедѣлательныхъ рабочихъ обществъ, процентъ несчастныхъ случаевъ равняется 68,28 на тысячу застрахованныхъ членовъ;

---

[1]) *Weickert*, Dreissig Jahre hüttenärztlicher Praxis, стр. 121.

[2]) *Saeger*, Hygiene der Hütterarbeiter, стр. 443.

вознагражденныхъ за увѣчья—7,7. Это число ниже дѣйствительнаго, такъ какъ эти рабочіе составляли лишь 60% всѣхъ застрахованныхъ; а остальные рабочіе находились въ лучшихъ условіяхъ. Наоборотъ, въ рейнско-вестфальскихъ кассахъ, гдѣ были одни горнозаводскіе рабочіе, на тысячу членовъ приходилось 119—134 несчастныхъ случая и 10 вознагражденныхъ. При сравненіи несчастныхъ случаевъ въ разныхъ производствахъ съ числомъ ихъ въ желѣзодѣлательномъ и сталелитейномъ производствахъ, получается слѣдующее. Процентъ несчастныхъ случаевъ въ первыхъ составляетъ 3,2% всѣхъ застрахованныхъ, во-вторыхъ—24,9%; процентъ вознагражденныхъ въ первыхъ 0,55, во-вторыхъ—16,16% [1]). Вслѣдствіе введенія машинъ во многихъ горныхъ производствахъ, замѣчаются частые случаи увѣчій и пораненій и почти полное уничтоженіе ожоговъ, отъ которыхъ страдаютъ другіе рабочіе. Изъ данныхъ по восьми заводамъ видно, что наибольшее число несчастныхъ случаевъ (27,4%) дали моторы и вообще машины, затѣмъ идутъ пораненія предметами (13%), инструментами (12,9%) и т. д. Очевидно, что наибольшее число несчастныхъ случаевъ произошло отъ машинъ и передаточныхъ механизмовъ.

Въ горныхъ работахъ, вслѣдствіе особенныхъ условій, несчастные случаи встрѣчаются очень часто. Число несчастныхъ случаевъ въ Германіи за пятилѣтіе дало, въ среднемъ, 22,9%, для желѣзныхъ дорогъ—22,2%, для промышленныхъ рабочихъ вообще—12,9%. Изъ всѣхъ смертныхъ случаевъ 39% произошли отъ паденія глыбъ. Однако, съ теченіемъ времени, число несчастныхъ случаевъ замѣтно уменьшается, благодаря примѣненію защитительныхъ аппаратовъ. Въ Бельгіи въ теченіе 40 лѣтъ оно уменьшалось съ 2.932 до 1.992, во Франціи—съ 3.404 до 1.853; въ Англіи—съ 4.071 до 1.936. Но въ Германіи оно увеличилось съ 2.054 до 2.934. Это объясняется отчасти плохими условіями работы, отчасти сильнымъ развитіемъ горнаго дѣла, которое въ этотъ промежутокъ времени почти утроилось, тогда какъ въ другихъ странахъ оно увеличилось на 60—80% [2]).

По новѣйшимъ даннымъ, на 10 тыс. рабочихъ въ шолковомъ производствѣ приходится 10,27 несчастн. случаевъ, въ льняномъ и джутовомъ—30,62, при тканьѣ изъ овечьей шерсти—32,33, въ хлопчатобумажномъ производствѣ—34,52, красильномъ—36,73. По даннымъ о ткацкой промышленности въ Австріи оказалось, что

---

[1]) *Saeger*, Hygiene der Hüttenarbeiter, стр. 431—33.

[2]) *Meissner*, Hygiene der Berg- und Tunnelarbeiten, стр. 237.

на 10 тыс. ткачей приходилось въ шолковомъ производствѣ 19,5—23,3 несч. случаевъ, въ льняномъ и джутовомъ—69,7—94,7, въ хлопчато-бумажномъ—83,9—88,3, въ красильняхъ 109—137; всего несчастныхъ случаевъ 248,6—349,8. Во всѣхъ производствахъ умерло 6,4—6,9 на 10 тыс. человѣкъ. Главныя поврежденія производятся машинами (44,1%) и приводами (14,9%). Поврежденія относятся исключительно къ конечностямъ [1]).

У мельниковъ на тысячу человѣкъ приходится 27,3 несчастныхъ случая. Пораненія причиняются механическими двигателями и передаточными механизмами и касаются рукъ и ногъ. У булочниковъ Берлина число несчастныхъ случаевъ составляетъ 4,8—5,5% всѣхъ рабочихъ, у кондитеровъ — 3,4—5,5%. Въ Вѣнѣ пекаря по числу несчастныхъ случаевъ занимаютъ пятое мѣсто (среди 40) [2]). Статистика несчастій для нѣмецкихъ рабочихъ въ химическихъ производствахъ показываетъ, что число ихъ измѣнялось въ теченіе пяти лѣтъ отъ 42,85 до 48,97, тогда какъ въ другихъ производствахъ—отъ 30,28 до 36,37 на тысячу человѣкъ [3]).

Нельзя между прочимъ не замѣтить, что существуетъ зависимость между числомъ несчастныхъ случаевъ и днями и часами дня: число несчастій увеличивается съ утомленіемъ отъ работы и достигаетъ максимума между 10—12 ч., т.-е. послѣ 4-часовой работы. Послѣ обѣда число несчастныхъ случаевъ опять постепенно увеличивается до чая, а затѣмъ послѣ чая до конца работы [4]). Въ Англіи несчастія чаще случаются въ концѣ недѣли, въ пятницу или субботу, что̀ объясняется чисткой въ эти дни машинъ и при томъ на ходу.

IV.

Санитарное законодательство западной Европы шло наравнѣ съ общимъ фабричнымъ законодательствомъ. Во Франціи первоначальныя попытки законодательной регламентаціи труда начались еще въ прошломъ столѣтіи; въ Германіи санитарно-полицейскія мѣры получили начало въ первые годы этого столѣтія. Первый законъ былъ изданъ въ 1810 году, но болѣе правильное наблюденіе въ Пруссіи установилось съ 1845 года. Въ другихъ отдѣльныхъ государствахъ существуютъ свои довольно много-

---

1) *Netolitzky*, Hygiene der Textilindustrie, стр. 1212.

2) *Zadek*, Hygiene der Bäcker etc., стр. 591.

3) *Roth*, Hygiene d. chem. Grossindustrie, стр. 633—4.

4) *Никольскій*, Санит. очеркъ. „Мед. Бесѣда“, 1896, № 1.

численные законы и постановленія, частью общегосударственнаго, частью полицейскаго характера. Въ Саксоніи существуетъ цѣлый рядъ постановленій, регулирующихъ устройство промышленныхъ заведеній и особенно вредныя производства. За примѣненіемъ закона наблюдаютъ фабричные инспектора съ помощниками; кромѣ того, мѣстныя общины имѣютъ возможность издавать нѣкоторыя правила объ устройствѣ промышленныхъ заведеній.

По новому закону 1891 года, относящемуся ко всей Германіи, предприниматели „обязаны такъ устроивать и содержать рабочія помѣщенія, приспособленныя для производства, машины и орудія и такъ регулировать производство, чтобы рабочіе были обезпечены отъ опасности, угрожающей ихъ здоровью и жизни, настолько, насколько это дозволяется природой производства. Въ особенности слѣдуетъ заботиться о достаточномъ свѣтѣ, о достаточномъ количествѣ и притокѣ воздуха, объ устраненіи появляющейся въ производствѣ пыли, образующихся газовъ, паровъ и отбросовъ. Точно также должны быть введены тѣ приспособленія, которыя требуются для защиты рабочихъ отъ опаснаго соприкосновенія съ машинами и ихъ частями или отъ другихъ, лежащихъ въ природѣ производства, опасностей“. Союзный совѣтъ и административные органы имѣютъ право издавать соотвѣтствующія постановленія для охраны рабочихъ.

Въ Англіи начало санитарно-полицейскаго законодательства относится къ XIV столѣтію, фабричное же—къ XIX-му. Первый законъ касался физическаго и нравственнаго вреда дѣтской работы въ хлопчатобумажномъ производствѣ (Moral and Health Act, 1802 г.). Затѣмъ каждое десятилѣтіе приносило какой-нибудь законъ, регулировавшій работу женщинъ, дѣтей, ремесленниковъ и кустарей. Всѣ эти постановленія были въ 1878 году соединены вмѣстѣ и дополнены въ 1891 году. Въ этихъ законахъ строго опредѣлены правила устройства фабрикъ, ночной, женской и дѣтской работы, чистота и вентиляція рабочихъ помѣщеній и т. д. Законъ 1895 года вводитъ цѣлый рядъ новыхъ постановленій, направленныхъ къ обезпеченію достаточнаго количества воздуха въ помѣщеніяхъ и устраненію опасности отъ машинъ и т. д. [1]).

Въ Австріи главный законъ былъ изданъ въ 1883 году, причемъ онъ касался двадцати-одного производства. Въ это же время для наблюденія за исполненіемъ закона были введены фабричные инспектора. Весьма также важенъ для гигіены законъ 8 марта

---

[1]) *Weyl*, Handbuch der Hygiene, стр. 70—1.

1885 года. По § 74 положенія объ охранѣ рабочихъ, помѣщенія должны быть свѣтлыми, чистыми и свободными отъ пыли; во время работы должны быть промежутки не менѣе 1½ часовъ. Кромѣ того, министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ торговли могутъ издавать особыя постановленія о промежуткахъ во время работы. Во вредныхъ производствахъ, опредѣленіе которыхъ принадлежитъ тѣмъ же министрамъ, женскій и дѣтскій трудъ или не употребляется, или употребляется въ ограниченномъ размѣрѣ. Въ производствахъ, примѣняющихъ машины, не должны работать дѣти моложе 14 лѣтъ. Довольно важное постановленіе было сдѣлано въ 1890 году; а именно, во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ какія-нибудь санитарныя правила, установленъ особый медицинскій надзоръ.

Во Франціи первоначальный декретъ, дѣлившій производства по вредности на три класса, былъ изданъ въ 1810 году и съ тѣхъ поръ только дополнялся вплоть до 1878 года. Къ первому классу принадлежали тѣ опасныя производства, которыя могли основываться только на далекомъ разстояніи отъ жилищъ; ко второму—менѣе вредныя, которыя могли находиться вблизи жилищъ, если только жители не протестовали; къ третьему относились производства безвредныя, которыя находились около жилищъ. Въ 1886 году было произведено болѣе подробное раздѣленіе производствъ, причемъ къ первому классу отнесено 104 производства, ко второму—131 и къ третьему—148. Для открытія заведеній перваго класса нужно согласіе министерства, для вторыхъ—префекта, для третьихъ—подпрефекта или мэра. Остальное фабричное законодательство касается главнымъ образомъ защиты дѣтей и женщинъ и рабочаго времени. Работа дѣтей до 13-лѣтняго возраста запрещена, а 12-лѣтнимъ разрѣшается послѣ окончанія школы и освидѣтельствованія. Законъ имѣетъ въ виду три категоріи: женщинъ, дѣтей до 16 лѣтъ и юношей до 18 лѣтъ. Первыя работаютъ не больше 11 часовъ, вторыя не больше 10 часовъ и третьи не больше 60 часовъ въ недѣлю, причемъ рабочій день не можетъ быть длиннѣе 11 часовъ. Ночная работа женщинъ запрещена совсѣмъ.

Фабричная инспекція введена съ 1892 года и въ ея вѣдѣніи находятся всѣ промышленныя заведенія, кромѣ горныхъ шахтъ и рудниковъ, которые контролируются горными инженерами и особыми контролерами. Кромѣ того, при министерствѣ торговли существуетъ особая коммиссія, разсматривающая всѣ дѣла, относящіяся къ защитѣ рабочихъ и фабричному законодательству. Фабричные инспектора имѣютъ право подвергнуть медицинскому

освидѣтельствованію всѣхъ дѣтей до 16 лѣтъ, если находятъ, что работа превосходитъ ихъ силы, и затѣмъ не допустить ихъ на фабрику.

Въ Швеціи первый законъ былъ изданъ въ 1846 году; онъ запрещалъ работу до 12-лѣтняго возраста. Законъ 1874 года уже далъ рядъ постановленій, касавшихся фабричной гигіены и гигіены рабочихъ. Спеціально этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ закономъ 1889 года, защищавшимъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Кромѣ того, § 2 этого закона требовалъ для каждаго рабочаго опредѣленнаго количества воздуха (7 к. м.) и притомъ хорошо вентилируемаго. Пыль изъ рабочихъ помѣщеній должна быть совершенно удаляема и вездѣ требуется соблюденіе полной чистоты. Этотъ же законъ обязывалъ фабричныхъ инспекторовъ посѣщать фабрики и заводы. Что касается ограниченій рабочаго времени, то по закону на фабрику принимаютъ дѣтей не моложе 12 лѣтъ; имѣющія 12—14 л. работаютъ не больше 6 часовъ; дѣвушки 16—18 лѣтъ не больше 10 часовъ, юноши— не больше 12 часовъ ежедневно.

Въ Бельгіи законъ запрещаетъ работу дѣтей и женщинъ въ нѣкоторыхъ производствахъ, въ родѣ рудниковъ, мануфактуръ и пр. Для дѣтей до 16-ти лѣтъ максимальный день—12 часовъ съ полуторачасовымъ отдыхомъ. Кромѣ того, король имѣетъ право запретить работу дѣтей до 16 лѣтъ и женщинъ до 21 года во всѣхъ опасныхъ для здоровья производствахъ и тѣхъ, гдѣ работа продолжается слишкомъ долго. Нѣкоторые указы короля дѣйствительно внесли улучшенія въ жизнь рабочихъ: такъ, напримѣръ, была запрещена работа женщинъ до 21 года въ рудникахъ и каменоломняхъ.

Въ Италіи дѣтямъ отъ девяти до пятнадцати лѣтъ запрещена работа въ опасныхъ производствахъ; въ другихъ же производствахъ эти дѣти могутъ работать не больше восьми часовъ въ день. Очевидно, что законъ этотъ крайне несовершененъ и требуетъ измѣненій, которыя, однако, производятся очень тихо. Для охраненія же взрослыхъ рабочихъ не сдѣлано почти ничего.

Въ Даніи дѣти могутъ начинать работу съ десяти лѣтъ, но законъ запрещаетъ дѣтямъ и подросткамъ, моложе 18-ти лѣтъ, во время ѣды находиться въ какомъ бы то ни было помѣщеніи, принадлежащемъ къ фабрикѣ, гдѣ въ это время происходитъ работа. Для этого должно существовать особое помѣщеніе. Если министръ внутреннихъ дѣлъ найдетъ, что извѣстные виды работы особенно утомительны или вредны для здоровья, то охрана закона можетъ быть распространена на лицъ старше 18 лѣтъ.

Кромѣ того, въ Даніи совершенно запрещена фабрикація фосфорныхъ спичекъ.

Въ Америкѣ въ отдѣльныхъ штатахъ существуютъ законы для защиты женщинъ, но они касаются только рабочаго времени. Санитарныхъ же законовъ въ Америкѣ почти нѣтъ, если не считать запрещенія дѣтямъ моложе 12-ти лѣтъ и женщинамъ работать въ рудникахъ и обязательнаго вентилированія шахтъ [1]).

Таково крайне несовершенное законодательство западной Европы; но кромѣ того во многихъ государствахъ существуетъ масса постановленій, касающихся защиты рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни и старости.. Прежде всего остановимся на страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, которое получило примѣненіе въ Германіи, Австріи, Англіи и Швейцаріи. Лучше всего это дѣло поставлено въ Германіи, и потому мы начнемъ свой обзоръ съ нея. Первый законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ былъ изданъ въ 1884 году и заключался въ слѣдующемъ. Онъ захватывалъ рабочихъ всѣхъ производствъ, въ которыхъ есть естественный или паровой двигатель; а также и многія другія производства. Страхованіе обязательно и распространяется на всѣ несчастные случаи, за исключеніемъ тѣхъ, которые были произведены потерпѣвшими умышленно. Вознагражденіе зависѣло отъ получаемой платы и тяжести увѣчья. Въ случаѣ смерти выдавались издержки на похороны и пенсія наслѣдникамъ: вдовѣ до ея смерти или вторичнаго замужества 20%, на каждаго ребенка до 15 лѣтъ—15—20% заработка рабочаго. Расходы покрываются взносами хозяевъ и кассъ; всѣ отдѣльныя страховыя кассы образуютъ одинъ союзъ. Затѣмъ постепенно законъ захватилъ остальныя категоріи рабочихъ, такъ что въ 1893 году число застрахованныхъ равнялось 18 милл. человѣкъ. Для страхованія существовало 112 страховыхъ союзовъ и 314 исполнительныхъ органовъ; сумма вознагражденій въ 1899 году превышала 20 милл. марокъ.

По примѣру Германіи было въ 1887 году введено страхованіе въ Австріи. Этотъ законъ сильно отличается отъ германскаго, главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ охватываетъ только фабричныя предпріятія, но совсѣмъ не касается мелкихъ и среднихъ производствъ, сельскаго хозяйства. Вмѣсто страховыхъ союзовъ установлены территоріальныя страховыя учрежденія на началахъ взаимности. Всѣ эти учрежденія находятся подъ надворомъ

---

[1]) *Agnes Blühm*, Hygienische Fürsorge f. Arbeiterin u. deren Kinder, стр. 106.

государства, и даже ихъ завѣдующіе смѣняются и назначаются государственной властью. Затѣмъ, вмѣсто послѣдующей раскладки, законъ ввелъ систему предварительныхъ взносовъ; страховыя преміи уплачиваются пропорціонально заработку изъ взносовъ рабочихъ и предпринимателей. Вознагражденіе за увѣчья и смерть —ниже германскаго.

Въ Англіи законъ объ отвѣтственности предпринимателей обязуетъ послѣднихъ отвѣчать за поврежденія, вызванныя какимъ-либо недостаткомъ въ машинѣ, небрежностью администраціи и др. Но изъ этого законоположенія существуетъ столько исключеній, что предприниматель оказывается виновнымъ лишь тогда, когда онъ проявитъ себя въ какомъ-нибудь дѣйствіи или упущеніи. Обыкновенно на сцену выступаетъ законъ о совмѣстномъ трудѣ, по которому предприниматель освобождается отъ всякой отвѣтственности, если несчастный случай произошелъ во время совмѣстнаго труда двухъ или нѣсколькихъ товарищей. А такъ какъ большинство несчастій происходитъ при совмѣстномъ трудѣ, то понятно, что предприниматель почти всегда избѣгаетъ наказанія.

Переходя къ врачебной помощи, практикуемой въ разныхъ государствахъ, мы видимъ крайнее разнообразіе; каждое государство, сообразно съ своими политическими и соціальными условіями, устроиваетъ свою особенную систему помощи. Въ государствахъ съ широкой общественной иниціативой до сихъ поръ преобладаетъ самопомощь; въ государствахъ съ централистической системой управленія замѣчаются попытки законодательнаго регулированія помощи больнымъ рабочимъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи разныхъ государствъ западной Европы.

Первою областью, въ которой французское правительство установило врачебную помощь, а затѣмъ обязательное страхованіе отъ болѣзней, была горная промышленность. Еще въ 1813 году горно-полицейскій законъ требовалъ, чтобы горнопромышленники имѣли на своихъ промыслахъ соотвѣтствующее количество лекарствъ и средства помощи, которыя будутъ указаны министромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ долженъ былъ опредѣлить тѣ предпріятія, на которыхъ долженъ быть врачъ. Въ связи съ этими постановленіями и подъ вліяніемъ катастрофъ почти вездѣ образовались особыя кассы, средства которыхъ слагались изъ взносовъ обѣихъ сторонъ. Обыкновенно кассы ограничивались оказаніемъ помощи при временныхъ болѣзняхъ, болѣе легкихъ несчастныхъ случаяхъ, но не выдавали рентъ и пенсій. На самыхъ

крупныхъ заводахъ довольно часто существовали кассы, дававшія пенсіи и ренты.

Всѣ эти кассы имѣли массу недостатковъ; а именно: недостаточность пособій, отсутствіе гарантій въ осуществленіи кассами своихъ обязательствъ, потеря рабочими правъ на пособіе при уходѣ съ завода, почти полное отсутствіе рабочихъ въ управленіи кассъ. Въ 1894 году кассы горнорабочихъ были совершенно преобразованы. Было введено обязательное страхованіе рабочихъ, и издержки возложены на обѣ стороны; но изъ его цѣлей исключено вознагражденіе за несчастные случаи. Цѣлью этихъ кассъ является оказаніе временной помощи во время болѣзни и выдача рентъ на случай инвалидности и старости лѣтъ. Для первой цѣли служатъ вспомогательныя кассы, для второй—пенсіонныя. Въ послѣднюю вносится 4% выплачиваемой предпринимателемъ заработной платы, причемъ половина падаетъ на него, а половина—на рабочихъ. Средства вспомогательныхъ кассъ слагаются изъ вычетовъ съ заработка всѣхъ рабочихъ въ размѣрѣ, не превышающемъ 2% заработка; изъ взносовъ горнопромышленниковъ и изъ взносовъ государства.

Кассы могутъ оказывать помощь денежную и врачебную семьямъ и родственникамъ членовъ въ случаѣ болѣзни или смерти. Въ случаѣ болѣзни, влекущей за собой неспособность къ работѣ въ теченіе четырехъ дней съ потерей заработной платы, вспомогательная касса обязана вносить въ пенсіонную кассу 5% больничнаго пособія.

Касса управляется совѣтомъ, треть членовъ котораго выбирается хозяиномъ, а двѣ трети—рабочими изъ членовъ кассы. Избирателями являются всѣ рабочіе и служащіе въ рудникахъ, если они французы и пользуются политическими правами. Избираются грамотные, имѣющіе 25 лѣтъ и не осужденные за извѣстные проступки. Свои отчеты всѣ кассы обязаны представлять префекту и министру.

По отчету за первый годъ видно, что всего было 190 кассъ съ 154.696 членами. Изъ нихъ 14 насчитывали менѣе 50 членовъ, 20 кассъ имѣли отъ 50 до 100 членовъ, 37—отъ 100 до 200, и т. д.; 15 кассъ имѣли свыше 2.000 членовъ каждая. Число заболѣваній составляло 67,22%, число смертныхъ случаевъ—0,12%. Доходы кассъ достигали 4.876.414 фр., изъ коихъ 60,5% приходятся на взносы рабочихъ, а 30,3%—на предпринимателей; на одного члена падаетъ первыхъ 19,07 фр., вторыхъ—9,56 фр. Расходы кассъ достигали 4.350.040 фр., что даетъ излишекъ доходовъ въ 526.374 фр. Главный расходъ со-

ставляли больничныя деньги (1.950.832 фр.), что составляло 12,62 фр. на одного члена, 18,59 фр. на одно заболѣваніе и 1,31 фр. на одинъ день болѣзни.

Обложеніе горнопромышленности опредѣляется приблизительно въ 10% заработной платы. Если присоединить расходы на обезпеченіе отъ несчастныхъ случаевъ, то общіе расходы опредѣлятся въ 15% заработной платы, или 1 фр. на тонну добываемаго матеріала. Въ Германіи это обложеніе составляетъ 0,903 фр. на тонну, въ Англіи—въ 1,06 франка, т.-е. немного отличается отъ французскаго.

Въ Италіи обезпеченіе рабочихъ на случай болѣзни принимаютъ на себя союзы взаимопомощи, подобные французскимъ. Происходя изъ старинныхъ ремесленныхъ братствъ, они получили болѣе широкое распространеніе во второй половинѣ XIX вѣка, когда политическая и общественная жизнь Италіи создала необходимыя для этого условія. Какъ и французскіе союзы взаимопомощи, они оказываютъ помощь своимъ членамъ въ случаѣ болѣзни и смерти. Эти союзы могутъ подчиняться или не подчиняться закону о союзахъ и вообще подвергаются очень слабому надзору. Законъ лишь старается болѣе или менѣе точно установить цѣли союзовъ: обезпеченіе своимъ членамъ помощи на случай болѣзни, потери трудоспособности или старости, вспомоществованіе семьямъ умершихъ членовъ, воспитаніе и образованіе своихъ членовъ и членовъ ихъ семей. При этомъ имѣлось въ виду прекратить возможность возникновенія политическихъ организацій подъ видомъ союзовъ взаимопомощи и, съ другой стороны, не препятствовать рабочимъ улучшать посредствомъ союзовъ свое соціальное положеніе.

Всѣ союзы оказывали своимъ членамъ помощь въ случаѣ заболѣваній деньгами, врачебною помощью или отпускомъ лекарствъ. Въ большинствѣ союзовъ члены дѣлаютъ ежемѣсячные взносы въ одинаковомъ размѣрѣ, которыми покрываются расходы союза. Только въ очень немногихъ союзахъ существуютъ особые взносы и фонды для обезпеченія отъ болѣзней и страхованіе рентъ. Размѣръ пособій зависитъ исключительно отъ платежеспособности членовъ. Наиболѣе удачно ведется помощь на случай болѣзни, расходы на которую составляютъ половину всѣхъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе, это обезпеченіе рабочихъ отъ болѣзней не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Низкая заработная плата, низкій умственный уровень массъ и отсталое законодательство являются главными причинами, тормозящими это дѣло. Къ тому же эти союзы не имѣютъ профессіональнаго

характера и многіе ихъ члены принадлежатъ къ ремесленникамъ, крестьянамъ и легкимъ предпринимателямъ. Такъ, по даннымъ за 1895 годъ, изъ 6.587 союзовъ, имѣвшихъ 994.183 члена, 4.021 союзъ съ 581.609 членами не имѣли профессіональнаго характера, 1.624 союза съ 298.522 членами объединяли лицъ одной или родственныхъ профессій, 241 союзъ съ 29.526 чел. состояли исключительно изъ крестьянъ, а 701 союзъ съ 84.526 член. насчитываетъ въ числѣ ихъ какъ крестьянъ, такъ ремесленниковъ и рабочихъ.

Въ Швейцаріи этотъ вопросъ не подчиненъ опредѣленной системѣ, а всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ кантоновъ. Причины этого заключаются, во-первыхъ, въ федеративномъ строѣ страны; во-вторыхъ, въ общей системѣ общественнаго призрѣнія, дозволяющей рабочимъ пользоваться помощью своей общины, въ-третьихъ, въ недостаточной обособленности рабочаго класса. Только съ 1890 года союзное правительство начинаетъ вѣдать дѣла о страхованіи рабочихъ отъ болѣзней, но и до сихъ поръ оно сдѣлало очень мало. Страхованіе рабочихъ по прежнему продолжаетъ стоять на почвѣ взаимопомощи и свободы ассоціацій.

Къ сожалѣнію, нужно признать, что, несмотря на многочисленность рабочихъ ассоціацій, до сихъ поръ не выработано какой-нибудь широкой организаціи вспомогательныхъ кассъ. Мѣстами рабочіе учреждали больничныя, похоронныя и другія кассы, но послѣднія дѣйствуютъ разрозненно и не имѣютъ опредѣленной почвы. Точно также и профессіональные союзы рабочихъ не проявляютъ значительной дѣятельности въ области страхованія своихъ членовъ. Благодаря разрозненности и небольшому числу членовъ, частныя кассы не могутъ оказать существенной помощи своимъ членамъ.

Вредныя послѣдствія, вытекавшія изъ раздробленности вспомогательныхъ кассъ, вызвали рядъ проектовъ, направленныхъ къ организаціи общей и цѣльной системы страхованія рабочихъ путемъ объединенія существующихъ уже союзовъ взаимопомощи. Проекты эти имѣли въ виду доставить членамъ возможность свободнаго передвиженія и переселенія безъ потери правъ на вспомоществованіе и, кромѣ того, желали вывести ихъ изъ изолированнаго положенія, вреднаго для цѣлей страхованія. Напримѣръ, въ кантонѣ Бернъ учреждена была центральная больничная касса, которая быстро объединила 32 союза взаимопомощи, а черезъ 20 лѣтъ насчитывала 102 отдѣленія съ 7.460 членами.

Меньшій успѣхъ имѣли попытки организовать союзы для

всей Швейцаріи или преобразовать съ этою цѣлью существующіе союзы. Такую задачу ставитъ себѣ „швейцарская касса страхованія на случай смерти и старости лѣтъ“ и швейцарскій рабочій вспомогательный союзъ. Есть еще нѣсколько подобныхъ учрежденій, но всѣ онѣ не достигаютъ своей цѣли.

Болѣе важное значеніе имѣютъ стремленія къ введенію въ отдѣльныхъ кантонахъ обязательнаго страхованія отъ болѣзней. Попытки такого страхованія дѣлались еще въ семидесятыхъ годахъ, напримѣръ въ Базелѣ, но тамъ онѣ не привели ни къ чему, да и въ другихъ кантонахъ пока нѣтъ обязательнаго страхованія.

Въ послѣднее десятилѣтіе дѣло это начало переходить всецѣло въ руки союзнаго правительства, которое еще до этого времени дѣлало попытки организовать страхованіе рабочихъ. Въ 1890 году полномочія союзнаго совѣта были расширены и ему предоставлено право дѣлать страхованіе обязательнымъ для всего населенія или для отдѣльныхъ классовъ. Союзный совѣтъ выработалъ весьма интересный проектъ страхованія, который обсуждался въ 1897 и 1898 годахъ. По проекту, страхованію подлежатъ всѣ рабочіе и служащіе у хозяевъ. Всякій членъ кассы съ самаго начала заболѣванія получаетъ врачебную помощь и лекарства, съ возмѣщеніемъ возможныхъ расходовъ по переѣзду. Сверхъ того, всякій вполнѣ застрахованный членъ кассы получаетъ, въ случаѣ полной потери трудоспособности, начиная съ третьяго дня болѣзни, больничныя деньги въ размѣрѣ 2/3 своего дневного заработка. Пособія отъ кассы прекращаются по истеченіи одного года отъ начала болѣзни, а также если заболѣваніе подпадаетъ подъ дѣйствіе закона о несчастныхъ случаяхъ. Въ случаѣ смерти, на каждаго члена кассы выдаются похоронныя деньги въ размѣрѣ не менѣе 20 и не болѣе 40 франковъ.

Средства кассы составляются изъ взносовъ союза, работодателей, рабочихъ и проч. Выдачи пособій пропорціональны получаемой платѣ. Больничныя кассы основываются въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя имѣютъ не менѣе 100 членовъ; въ производствахъ, особенно опасныхъ для здоровья, кассы могутъ быть разрѣшены и при меньшемъ числѣ рабочихъ.

Въ Швеціи законъ о больничныхъ кассахъ способствуетъ ихъ распространенію посредствомъ государственныхъ субсидій. Каждая касса, имѣющая не менѣе 25 человѣкъ и представляющая отчеты о своихъ дѣлахъ, можетъ получить субсидію отъ государства, размѣръ которой опредѣляется въ зависимости отъ числа членовъ. Обыкновенно, кассы, имѣющія не больше 50 человѣкъ,

получаютъ одну крону на человѣка; имѣющія большее число членовъ получаютъ ту же субсидію для 50 человѣкъ и по 50 öръ на слѣдующихъ двѣсти человѣкъ, по достиженіи 250 человѣкъ по 25 öръ на каждаго члена; общая же сумма субсидіи не должна превышать 300 кронъ. Но такъ какъ этой субсидіи оказалось недостаточно, то въ настоящее время выдается $1^1/_2$ кроны на каждаго изъ ста членовъ, по одной кронѣ на каждаго дальнѣйшаго члена, считая до трехсотъ, а на всѣхъ остальныхъ по 50 öръ, причемъ общая сумма субсидіи для отдѣльной кассы не можетъ превышать 1.500 кронъ. Въ 1895 году было 572 зарегистрованныхъ кассы, но кромѣ того было не меньше незаписанныхъ.

Что касается Норвегіи, то тамъ былъ выработанъ весьма интересный проектъ страхованія отъ болѣзни, но не былъ разсмотрѣнъ стортингомъ. Въ немъ было проведено начало обязательнаго страхованія, какъ это дѣлается въ Германіи, къ которой мы сейчасъ переходимъ.

Въ настоящее время въ Германіи существуетъ весьма цѣльная система охраны рабочихъ, покоящаяся на трехъ началахъ: 1) государственномъ вмѣшательствѣ, выражающемся въ обязательности страхованія, организаторскомъ содѣйствіи и матеріальной помощи; 2) участіи предпринимателей въ заботахъ о рабочихъ, и 3) участіи корпоративныхъ организацій. Принципъ государственнаго вмѣшательства былъ проведенъ еще общимъ земскимъ правомъ въ 1794 году, но недостаточно ясно, и часто велъ за собою лишеніе нѣкоторыхъ политическихъ и публичныхъ правъ. Законы о страхованіи отъ болѣзней, введенные въ Баваріи, Баденѣ и Вюртембергѣ въ семидесятыхъ годахъ, возлагали на общины обязанность собирать особый налогъ съ каждаго рабочаго. Сборъ этотъ поступалъ въ общинную или больничную кассу, и затѣмъ каждый плательщикъ получалъ право на врачебную помощь въ теченіе 8—13 недѣль.

Менѣе извѣстно было привлеченіе работодателей къ оказанію помощи служащимъ. Обыкновенно работодатель участвовалъ въ вспомогательной кассѣ и кромѣ того обязанъ былъ заботиться о заболѣвшихъ слугахъ и рабочихъ (матросахъ и приказчикахъ). Что касается участія корпорацій, то оно проявлялось, во-первыхъ, въ братствахъ подмастерьевъ и горнопромышленныхъ кассахъ, во-вторыхъ, въ вольныхъ кассахъ взаимопомощи. Начало возникновенія первыхъ относится еще къ среднимъ вѣкамъ. Попеченіе о больныхъ и заботы о похоронахъ являлись одною изъ важнѣйшихъ функцій германскихъ гильдій, которыя оказывали

своимъ членамъ помощь въ случаѣ нужды. Попеченіе о больныхъ проявлялось въ формѣ взносовъ въ пользу больницъ, которыя обыкновенно устроивались монастырями и обязывались принимать на свое попеченіе заболѣвшихъ членовъ союзовъ. Богатые цехи открывали собственныя больницы и богадельни для нуждающихся членовъ; умершимъ членамъ выдавались пособія на похороны. Точно также и горнопромышленныя кассы ведутъ свое начало съ XIII вѣка, когда уже собирались деньги для больныхъ рабочихъ и выдавались пенсіи инвалидамъ и семьямъ умершихъ членовъ. Всѣ эти кассы сохранились и послѣ введенія свободы промысловъ, передвиженій и ассоціацій и были кодифицированы новымъ промышленнымъ законодательствомъ.

Новыми по времени возникновенія являются вольныя вспомогательныя кассы, создавшіяся подъ вліяніемъ кооперативнаго духа. Уже въ 1848 году германскій соціальный союзъ рабочихъ основалъ въ Берлинѣ общество вспоможенія на случай болѣзни, которое въ короткое время привлекло до десяти тысячъ членовъ, но вскорѣ было закрыто по распоряженію полиціи. Болѣе прочное существованіе выпало на долю союза типографскихъ рабочихъ, распространеннаго по всей Германіи и имѣющаго главною цѣлью взаимопомощь на случай болѣзни и инвалидности. Въ программу общегерманскаго союза рабочихъ, основаннаго Лассалемъ въ 1863 году, входило учрежденіе германскаго общества страхованія рабочихъ, не получившаго, однако, осуществленія. Затѣмъ рабочіе союзы, какъ соціаль-демократическіе, такъ и примкнувшіе къ организаціи Гирша-Дункера, на-ряду съ регулированіемъ условій труда, ставили своею цѣлью устройство по всей Германіи сѣти профессіональныхъ вспомогательныхъ кассъ. Всѣ эти кассы не имѣли прочнаго существованія, и только законъ 1876 года далъ имъ твердую юридическую почву.

Изъ вышеуказаннаго видно, что дѣло страхованія рабочихъ въ Германіи до восьмидесятыхъ годовъ представлялось весьма сложнымъ. Разнообразныя организаціи и кассы, какъ стараго, такъ и новаго происхожденія, переплетались между собою; однѣ стояли въ связи съ профессіональными союзами, другія—въ связи съ отдѣльными предпріятіями; третьи примыкали къ тѣмъ и другимъ. Однѣ кассы ограничивались оказаніемъ помощи въ случаѣ болѣзни и выдачею похоронныхъ денегъ; другія служили страхованію пенсій на случай инвалидности и старости; третьи совмѣщали всѣ эти виды помощи. Въ общемъ, однако, всѣ эти кассы совершенно не обезпечивали рабочихъ. Наиболѣе распространенными являлись больничныя и похоронныя кассы, но ихъ

учрежденіе зависѣло отъ иниціативы рабочихъ и мѣстныхъ властей, а послѣднія далеко не всегда внимательно относились къ дѣлу. Число кассъ было весьма ограничено, а вольныя кассы, на основаніи исключительнаго закона противъ соціалистовъ, должны были закрыться.

Крушеніе этого закона снова выдвинуло вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ дѣло помощи рабочимъ. На-ряду съ закономъ о несчастныхъ случаяхъ былъ выработанъ и законъ страхованія отъ болѣзней, изданный въ 1884 году. Одновременно съ этимъ былъ предпринятъ пересмотръ закона о вспомогательныхъ кассахъ, такъ какъ необходимо было привести его въ соотвѣтствіе съ новымъ закономъ о страхованіи отъ болѣзней. Новый законъ былъ изданъ и вслѣдъ затѣмъ сдѣлана была попытка окончательно организовать страхованіе отъ болѣзней. Законъ 1886 года предоставилъ правительствамъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ, равно какъ и общинамъ, и другимъ коммунальнымъ союзамъ, распространять страхованіе отъ болѣзней на сельскохозяйственныхъ и лѣсопромышленныхъ рабочихъ. Практическое осуществленіе закона показало его недочеты и вызвало необходимость новаго пересмотра и изданіе новеллы. Ею точно опредѣлены отношенія между организаціями различнаго рода страхованія рабочихъ, расширенъ кругъ лицъ, которыя должны страховаться и пр. Рейхстагъ въ 1899 году увеличилъ срокъ вспомоществованія при болѣзни.

Изъ вышеизложеннаго очерка санитарнаго законодательства видно, что оно далеко не вполнѣ охраняетъ рабочихъ отъ вреда опасныхъ производствъ. Даже въ наиболѣе передовыхъ странахъ оно стоитъ недостаточно высоко и требуетъ массы дополненій. Это зависѣло главнымъ образомъ отъ косности и сопротивленія предпринимателей, которые, не видя иногда явныхъ признаковъ вреда того или другого производства, считали его совершенно безопаснымъ. Они не принимали никакихъ мѣръ предосторожности, хотя таковыя уже давно указаны наукой и во многихъ мѣстностяхъ примѣняются. Если, напримѣръ, взять только отдѣлъ аппаратовъ, ограждающихъ машины, то о немъ одномъ можно написать не одинъ томъ. А между тѣмъ для каждаго крупнаго производства выработаны спеціальные защитительные механизмы. Конечно, есть фабриканты, примѣняющіе тѣ или другія приспособленія, но большинство по прежнему мало заботится о здоровьѣ своихъ рабочихъ. Для нихъ необходимо давленіе закона.

Такія узаконенія, особенно важныя для Россіи, гдѣ сани-

тарное законодательство стоитъ низко, сводятся къ слѣдующему. Во-первыхъ, необходимо ввести особый списокъ вредныхъ производствъ, которымъ могли бы руководствоваться фабричная инспекція и мѣстныя власти. Это облегчило бы задачу тѣхъ учрежденій, которыя завѣдуютъ разрѣшеніемъ на открытіе промышленныхъ заведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно указывало бы на тѣ требованія, которыя можно и должно предъявлять къ фабриканту. Во-вторыхъ, необходимо установить личную отвѣтственность предпринимателей за болѣзни рабочихъ, происшедшія во вредныхъ производствахъ. Въ настоящее время такая отвѣтственность примѣняется только въ несчастныхъ случаяхъ, но при распространеніи ея на всѣ заболѣванія, происходящія по винѣ фабриканта, послѣдній скорѣе началъ бы примѣнять различныя предохранительныя средства. Въ-третьихъ, во всѣхъ опасныхъ производствахъ должна быть совершенно запрещена работа малолѣтнихъ и женщинъ. Въ-четвертыхъ, для взрослыхъ рабочихъ точно также въ этихъ производствахъ длина рабочаго дня должна быть меньше, чѣмъ въ другихъ, неопасныхъ для здоровья производствахъ. Это требованіе логически вытекаетъ изъ того, что если продолжительный рабочій день вреденъ самъ по себѣ, то еще болѣе вреденъ онъ въ опасныхъ для здоровья производствахъ. Въ-пятыхъ, необходимо совершенно запретить такія производства, вредъ которыхъ совершенно неустранимъ, но которыя могутъ быть замѣнены другими, неопасными. Мы уже теперь знаемъ нѣсколько такихъ производствъ, въ которыхъ вредныя вещества были замѣнены безвредными. При выдачѣ премій за подобныя изобрѣтенія такая замѣна совершилась бы очень скоро.

Всѣ эти требованія были выставлены на международномъ съѣздѣ въ Цюрихѣ и приняты безъ возраженій. Часть ихъ уже примѣнена въ нѣкоторыхъ государствахъ, но для полной защиты рабочаго необходимо удовлетворить всѣ эти требованія.

Кромѣ того, изъ той связи, которая существуетъ между всѣми условіями работы и здоровьемъ рабочаго, вытекаетъ также и связь между санитарнымъ и фабричнымъ законодательствомъ вообще. То и другое должны совершенствоваться одновременно, иначе недостатки одного будутъ отражаться и тормозить вліяніе другого. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ намъ исторія фабричнаго законодательства въ Англіи и Германіи. Опытомъ этихъ странъ должны руководиться и мы при выработкѣ фабричнаго законодательства и его санитарнаго отдѣла.

И. Керчикеръ.

СЕСТРЫ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XVII *).

Свадьбу въ семьѣ Иванцевыхъ, разумѣется, пришлось отложить почти на цѣлый годъ, въ виду недавней смерти отца невѣсты. Но Поддужный все-таки тотчасъ же принялъ въ свои руки завѣдываніе всѣми дѣлами покойнаго, работалъ очень энергично, приводя ихъ въ порядокъ, и вскорѣ уяснилось, что состояніе наслѣдницъ представляло собою величину, о которой и мечтать не смѣлъ Иванъ Ѳомичъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Приходилось оцѣнить его никакъ не ниже двухъ-сотъ тысячъ.

Поддужный хотя и числился главнымъ приказчикомъ Иванцевыхъ, но, на правахъ объявленнаго жениха невѣсты, распоряжался всѣмъ, какъ полный хозяинъ, никогда даже не совѣтуясь ни о чемъ съ настоящими собственницами имущества. Божья Коровка, послѣ первой же подобной попытки Ивана Ѳомича, разъ навсегда заявила ему, что она, все равно, ничего не пойметъ, сколько онъ ни толкуй съ нею; а если ужъ ему непремѣнно нужно посовѣтоваться — пусть обратится къ сестрицѣ Олимпіадѣ Харитоновнѣ. Агнія же Парменовна совсѣмъ встревожилась, когда потребовалось узнать ея мнѣніе. Она даже поблѣднѣла.

---

*) См. выше: августъ, стр. 697.

— Я что-нибудь скажу не такъ, Иванъ Ѳомичъ,—заявила она просящимъ тономъ:—и только сдѣлаю вамъ досаду. Оставьте это, пожалуйста! Какъ я могу вамъ совѣтовать? Вы—мой хозяинъ, Богомъ посланный, значитъ, не только съ деньгами, а и со мной, что̀ хотите, то сдѣлаете.

И Агнія Парменовна покорно поцѣловала руку своего будущаго „хозяина“.

Только Олимпіада Харитоновна потребовала отъ Поддужнаго, чтобы онъ до свадьбы, „для опасности“, каждыя двѣ недѣли давалъ ей полный отчетъ по управленію дѣлами Иванцевыхъ. Но и она слѣдила только за сохранностью имущества, не вмѣшиваясь ни во что больше.

Впрочемъ, эта забота „пронзительной“ дамы была въ сущности излишнею. Поддужному даже на мысль не приходило обмануть или ограбить Иванцевыхъ. Къ чему? Все равно, ему предстояло сдѣлаться полнымъ, безконтрольнымъ собственникомъ всего и вся въ ихъ домѣ. А Иванъ Ѳомичъ, кстати, вовсе не былъ по природѣ очень плохимъ и нечестнымъ человѣкомъ. Пылкій, жадный, нетерпѣливый, самоувѣренный и заносчивый, онъ, однако, не былъ ни воришкою, ни трусомъ, ни развратникомъ, вытравившимъ изъ своей совѣсти всякое чувство права, правды и стыда. Напротивъ, яркая, крупная несправедливость, хотя бы не касавшаяся его лично, способна была взволновать его до точки кипѣнія и подтолкнуть на какую-нибудь сумасбродную выходку. Наконецъ, къ обѣимъ Иванцевымъ, этимъ безотвѣтнымъ, скромнымъ и покорнымъ женщинамъ, которыхъ судьба вдругъ бросила ему на руки, онъ почувствовалъ искреннее расположеніе, хотя и привыкъ смотрѣть на нихъ свысока.

Агнія Парменовна довольно нравилась Поддужному даже какъ женщина. Она была недурна собою, неизмѣнно, хотя пассивно ласкова и какъ-то по своему тихо-весела и счастлива. Но увлечься ею до самозабвенія, до глубокаго, всепоглощающаго чувства или по крайней мѣрѣ до непрочной, но горячо вспыхнувшей страсти—Иванъ Ѳомичъ почему-то не былъ способенъ. Онъ охотно и часто расточалъ ласки своей хорошенькой невѣстѣ, которая принимала ихъ со счастливой покорностью, тихо сіяя глазами, но, несмотря на свою обычно кипучую натуру, почти не терялъ голову. Разъ только, утративъ самообладаніе, онъ зашелъ-было въ своихъ ласкахъ слишкомъ далеко. Но Агнія Парменовна, не противясь даже, вдругъ залилась молчаливыми слезами.

— Что̀ ты? Что̀ ты, Агнюша? Что̀ съ тобой?—испугался Поддужный.

— Иванъ Ѳомичъ, вся ваша воля надо мною... Только... только... до свадьбы... грѣхъ!.. Пожалѣйте меня, сироту!

Увлеченіе Поддужнаго исчезло безъ слѣда; его словно залили ушатомъ холодной воды. Зато онъ вдругъ проникся глубокой нѣжностью къ своей невѣстѣ. Схвативъ ея руки, онъ горячо поцѣловалъ ихъ, къ ея видимому страху и конфузу, въ первый разъ со времени сговора.

— Не плачь и не бойся, Агнюша!—воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Никогда, никогда и ничѣмъ я тебя не обижу, моя голубка чистая! Пальцемъ, мыслью не трону! Богъ надъ тобою.

Вдругъ Иванъ Ѳомичъ очутился въ мягкихъ, теплыхъ объятіяхъ; чьи-то губы впились въ него жаркимъ поцѣлуемъ.

— Ваня мой, Ванечка! Милый, добрый, хорошій!..

И словно испуганный заяцъ, Агнія Парменовна мгновенно исчезла, выбѣжавъ изъ комнаты съ поникшею головою.

Иванъ Ѳомичъ всталъ, прошелся по комнатѣ, машинально посмотрѣлъ въ окно и подумалъ, пожимая плечами:

„Вѣдь, вотъ, поди жъ ты! Приростетъ этакая бабёнка къ сердцу, и не оторвешь потомъ!.. Милая... Господь съ нею!“

А дѣвушка въ тотъ же вечеръ подробно пересказала всю сцену своей матери, по давней, укоренившейся привычкѣ. У обѣихъ божьихъ коровокъ не было секретовъ другъ отъ друга. Онѣ вмѣстѣ любили, мечтали, боялись и надѣялись...

— Значитъ, пожалѣлъ тебя?—расцвѣтая счастливымъ взглядомъ, спрашивала Евлампія Харитоновна.

— Пожалѣлъ, маменька. Ей Богу, пожалѣлъ! Даже руки мнѣ поцѣловалъ. Никогда, говоритъ, тебя не обижу.

— Руки поцѣловалъ? Вишь ты!

Старушка даже покачала головою.

— Ей Богу, поцѣловалъ, маменька! Пальцемъ, говоритъ, не трону.

— Выходитъ, добрый онъ, справедливый человѣкъ.

— Добрый, маменька, предобрый! Ласковый, терпѣливый... Это великая къ намъ Божья милость.

— Ужъ истинно, что по сиротству нашему. Богъ милосердъ! Помнишь, о. Василій сказывалъ? Богъ о каждой даже малой птичкѣ промышляетъ, кольми паче о человѣкѣ.

— Именно такъ, маменька! Много ли на всемъ свѣтѣ та-

кихъ мужчинъ, какъ Иванъ Ѳомичъ? Другой бы, на его мѣстѣ, можетъ, давно насъ мучилъ бы всячески.

— И очень просто! Его воля. Чтò захотѣлъ, то съ нами и сдѣлалъ. Чтò мы можемъ?

— Такъ нѣтъ, маменька, жалѣетъ онъ насъ, вправду жалѣетъ!

— Господи, Царь небесный! Награди его всѣми благами... А мы—знаешь чтò, Агнюша? Поднимемъ чудотворную изъ монастыря, да и отслужимъ благодарственный.

— Это вы хорошо придумали, маменька! Непремѣнно, непремѣнно такъ сдѣлаемъ. Именно такъ!

— ...Маменька!

— Ну?

— Не разсказывайте лучше тетушкѣ Олимпіадѣ Харитоновнѣ.

— Почему?

— Сты-дно... Да еще...

— Ну?

— Какъ бы она не сказала что-нибудь Ивану Ѳомичу такое, чтò ему не нравится. Знаете вѣдь, какая она отчаянная.

— И то правда. Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойся, не скажу. Именно, что отчаянная... Однако и ты нынче насмѣлилась. Сама, говоришь, обняла его и поцѣловала?

— Сама, маменька. И до сихъ поръ не вспомнюсь, какъ это вышло.

— Да!.. Вотъ ты какъ... Нѣтъ, я, бывало, съ покойникомъ и подумать-то не смѣла объ такомъ. Бывало, тише воды, ниже травы ему покорствуешь, и то рычитъ, какъ звѣрь.

— Ну, развѣ жъ можно примѣнить покойника-папашу? Иванъ Ѳомичъ—добрый, ласковый. Онъ даже слова не сказалъ.

Божьи коровки дѣйствительно подняли изъ монастыря мѣстную чудотворную икону Божіей Матери и отслужили благодарственный молебенъ съ горячимъ усердіемъ и молитвенными слезами. Однако, свадьбѣ Поддужнаго съ Агніей Парменовной, тѣмъ не менѣе, не суждено было состояться.

XVIII.

Софья Александровна родила полуживую дѣвочку, которую едва успѣли окрестить вò-время, пролежала въ постели почти два мѣсяца, но затѣмъ стала поправляться какъ-то необыкновенно быстро. Силы, здоровье, аппетитъ, жажда дѣятельности

вернулись къ ней словно по волшебству, приливая широкой волною съ каждымъ новымъ днемъ, едва ли не съ каждымъ новымъ часомъ, и даже физическая красота ея вдругъ расцвѣла въ небывалой прежде степени. Чувственный, задорный характеръ этой красоты, правда, выступилъ на видъ съ особенной яркостью; но Софья Александровна все-таки стала настолько ослѣпительною, что самые заклятые недруги исключительно земныхъ прелестей подолгу не сводили съ нея своихъ не то смущенныхъ, не то восхищенныхъ взоровъ.

— Наважденіе!—восклицалъ въ душѣ самъ строгій постникъ и молитвенникъ Савва Саввичъ Четыркинъ, съумѣвшій превратить свои каменныя палаты въ настоящій монастырь для четверыхъ взрослыхъ дочерей и сына, жаждавшихъ солнца, свободы, смѣха —всего, чѣмъ красна молодая жизнь.—Истинно, царица Іезавель нѣкая. Тьфу! Спать не даетъ вѣдьма ясноглазая...

Къ большому удивленію и досадѣ Софьи Александровны, не находилось глазъ для восхищенія ея красотою—только у собственнаго ея мужа. Задоровъ былъ добродушенъ, терпѣливъ и даже заботливъ въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ, но—безусловно холоденъ. Такъ повелось не со вчерашняго дня. Софья Александровна, больная, этого либо вовсе не замѣчала, либо объясняла своимъ „положеніемъ", и во всякомъ случаѣ относилась къ видимой перемѣнѣ въ чувствахъ мужа довольно безучастно. Но, по мѣрѣ выздоровленія, мысли ея приняли совершенно иной оборотъ. Еще не успѣвъ окончательно выйти изъ своей спальни, гдѣ ей пришлось пролежать такъ долго, она начала хмуриться, замѣчая разсѣянную торопливость и холодность, съ которыми мужъ выслушивалъ всѣ ея жалобы, надежды, интимные или даже дѣловые разговоры. Новый семейный укладъ оказался, однако, хуже всякихъ ожиданій, когда Софья Александровна, оправившись вполнѣ, захотѣла вернуться къ своей прежней жизни.

Ей тотчасъ же пришлось убѣдиться,—да и слѣпая бы это замѣтила,—что ея положеніе хозяйки въ домѣ всецѣло перешло къ младшей сестрѣ... Правда, бразды хозяйственнаго управленія были возвращены ей по первому требованію, безъ всякихъ протестовъ; но... мужа ей не вернули. Семенъ Алексѣевичъ и Анна Александровна не находили даже нужнымъ скрывать свои отношенія, свою явную взаимную близость. Настояла на этомъ „Нюта".

— Я никого не боюсь и ничего не стыжусь!—объяснила она рѣшительно.—Замужъ я никогда не выйду, грѣхъ свой покрывать не желаю, а слѣдовательно и обманывать мнѣ никого не нужно. Я беру свое счастье, гдѣ его нашла. Протянется ли оно

годы или дни—все равно; другого у меня не будетъ. Кончится оно, умру и я. Ради чего же я стану мучить себя воровскими страхами да оглядками?

Семенъ Алексѣевичъ и Анна Александровна говорили другъ другу „ты", „Сеня", „Нюта", и не особенно стѣснялись, даже въ присутствіи Софьи Александровны, вести себя такимъ образомъ, что въ истинномъ смыслѣ ихъ сближенія не могло оставаться никакихъ сомнѣній.

Софья Александровна была нѣсколько подготовлена къ новому порядку въ семьѣ. Она уже видѣла и мужа, и сестру вмѣстѣ у себя же въ комнатѣ, возлѣ своей постели, и отъ ея зоркихъ глазъ, разумѣется, не укрылось влюбленное ихъ переглядыванье. Отлично помнила она и совѣтъ, данный ею мужу въ затруднительную минуту извѣстій о смерти Пудовикова. Знала о томъ, что совѣтъ этотъ былъ оправданъ желательными результатами. Но все это очень мало смущало ее, пока ей приходилось лежать въ постели.

„Что за бѣда? — говорила она себѣ.—Сеня человѣкъ молодой, а я вотъ который ужъ мѣсяцъ калѣка. Да и Анюткѣ отъ этого ничего не станется. Выйдетъ замужъ—только и всего. Кому нужно допытываться? Дѣлà, слава Богу, идутъ отлично. Черезъ годъ можно будетъ и деньги ей вернуть всѣ полностью. А Сеня ловокъ! Вокругъ пальца обернулъ дѣвку-то"...

Софья Александровна никакъ не ожидала однако, чтобы отношенія между мужемъ и сестрою зашли такъ далеко, не ожидала, что ея Сеня не просто „балуется" въ свободное время, а весь поглощенъ своимъ чувствомъ; не ожидала въ особенности, что влюбленные даже не скрываютъ своихъ отношеній, а сдѣлали ихъ извѣстными не только въ домѣ, но и въ цѣломъ городѣ. Это ужъ было и очень серьезно, и непріятно. Мало ли чтò въ семьѣ случается, такъ не на вывѣскѣ же объ этомъ писать для всего свѣта! Такія дѣла улаживаются скромненько, умно, благородно. Съ ума, что-ли, спятила Нютка, чтобы дѣвкою вьявь, при народѣ женатому на шею вѣшаться, да еще зятю? Вотъ дура-то! И онъ словно ошалѣлъ, право... Чтò надѣлали! Даже не придумаешь, какъ быть, право...

Впрочемъ, Софья Александровна не испытывала сначала ни чрезмѣрнаго огорченія, ни какой-либо очень мучительной ревности. Она даже не вознегодовала на мужа. Въ ней громко заговорило только оскорбленное чувство собственности. „Нютка" вздумала присвоить себѣ цѣликомъ ея безспорныя права, да еще напоказъ, вызывающимъ образомъ. Разумѣется, этого нельзя пере-

нести. Съ какой стати? Положимъ, у нея деньги взяли, такъ вѣдь на время только, не на всегда же, и притомъ — всему есть мѣра.

Софьѣ Александровнѣ такъ легко удалось вернуть себѣ полную власть въ распоряженіи домашнимъ хозяйствомъ, совершенно устранивъ сестру, что она почти успокоилась даже. „Нюта" и не подумала бороться съ нею въ этомъ смыслѣ, но спокойно вернулась къ былому порядку, не обнаруживъ ни малѣйшаго неудовольствія. Софья Александровна почему-то вывела изъ этого заключеніе, что и свое право собственности на мужа она съумѣетъ такъ же отстоять безъ особенныхъ затрудненій, какъ только это понадобится. Она даже ощутила въ себѣ примирительное настроеніе.

„Очень-то круто поступать не слѣдуетъ, — рѣшила она великодушно. — Еще, пожалуй, обозлишь обоихъ. А зачѣмъ? У Нюты векселя покудова. Пусть себѣ кое-когда и помилуются. Бѣды въ этомъ нѣтъ. Не все ли равно, Сеня гдѣ-нибудь на ярмаркѣ съ арфистками бы связался. Не ухоронишься вѣдь отъ этого, дѣло живое... А только, разумѣется, надобно, чтобы жена впереди всѣхъ была. Не старуха я, слава Богу, и не рожа какая-нибудь противная. Съ Нюткой могу поспорить всячески... Да, да! Потихоньку слѣдуетъ взяться за дѣло, поласковѣе. А тамъ, Богъ дастъ, спустимъ ее замужъ. Къ ейному приданому женихи найдутся".

По зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, Софья Александровна рѣшила воздержаться отъ какихъ-либо упрековъ, увѣщаній и требованій, но дѣйствовать инымъ путемъ, который показался ей наиболѣе простымъ и вѣрнымъ.

Въ одинъ прекрасный майскій день, зайдя къ мужу въ кабинетъ переговорить о какомъ-то дѣлѣ, она вдругъ сѣла къ нему на колѣни, обвила руками его шею и стала осыпать его поцѣлуями. Это было повтореніемъ недавнихъ сценъ медоваго мѣсяца, ничуть не менѣе горячимъ со стороны Софьи Александровны, чѣмъ бывало прежде. Она даже немножко опьянѣла страстью...

Но Семенъ Алексѣевичъ холодно и вскользь отвѣтилъ женѣ поцѣлуемъ, а затѣмъ тихо сказалъ:

— Пусти, Соня! Задушила. Да и жарко сегодня.

— Чего ты боишься, дурачокъ? Я теперь, слава Богу, совсѣмъ выздоровѣла. Заживемъ по старому. Я и постель твою велѣла убрать изъ кабинета. Можешь опять переселиться въ спальню.

— Не нужно...

— Какъ не нужно?—Софья Александровна вся превратилась въ недоумѣніе.—Развѣ я не жена тебѣ?

— Ты же сама послала меня къ Нютѣ.

— Такъ что же? Я тебя и не попрекаю. Не взбалмошная я. Нужно было такъ, и Богъ съ тобою. Но все-таки настоящая-то жена тебѣ—я, а не кто другая.

— А Нюта?

— Что-жъ Нюта! Ну, приласкалъ ее, покуда я чуть не полгода калѣкою была. На то была ея добрая воля. Значитъ, и жаловаться ей нечего; знала, на что̀ идетъ. Да и теперь зачѣмъ обижать ее—если и приголубишь ее кое-когда, я изъ-за пустяковъ скандала поднимать не стану... Богъ съ нею! Выдадимъ замужъ,—все прикроется. А все-таки я тебѣ жена вѣнчанная, законная, на всю жизнь. Я тебѣ прежде всѣхъ!

И Софья Александровна опять хотѣла приласкаться къ мужу. Но онъ отстранилъ ее рукою.

— Вѣнчанная, положимъ; но сама же уступила меня другой, сама напросилась на это.

— Что-жъ, тебѣ, кажется, жаловаться нѣтъ резона. Что̀ ты потерялъ? Немного есть женъ на свѣтѣ, которыя умѣютъ понимать и посовѣтовать во̀-время.

— Я и не жалуюсь. Только что же намъ съ Нютой дѣлать, если ни она, ни я—мы не умѣемъ дѣлиться на-двое?

— Нюта, Нюта, только и рѣчи! А я какъ? Я вѣдь тебя ни у кого не крала воровскими уловками да подходами, а твоимъ же клятвамъ да просьбамъ повѣрила. Я—не вольная дѣвка, не полюбовница на пьяный часъ, а жена, передъ Богомъ явленная.

— Послушай, Соня, поговоримъ толкомъ. Что ты стала мнѣ женою—это дѣйствительно большое несчастіе, которымъ Господь покаралъ насъ обоихъ за жадность, сухость сердца и другіе наши грѣхи. Оба мы связали и испортили свою жизнь навсегда. Любить другъ друга мы не можемъ...

— Кажись, однако, любливали не мало.

— Пока не разглядѣли да не опомнились.

— Кого не разглядѣли? Свояченицу податливую?

— Нюта здѣсь ни-при-чемъ. Все равно пришло бы время... Я не хвалю себя. Плохой я человѣкъ. Можетъ, въ чемъ прочемъ и хуже тебя въ десять разъ. Только душа у меня другого склада.

— Заграничной выдѣлки? На манеръ Нюткиной подлажена?

— Заграничной ли, воронежской ли — не знаю. А только претитъ мнѣ любить-миловаться съ человѣкомъ, да его же закладными опутывать, съ нимъ же въ барышахъ да процентахъ разсчитываться. Не могу я и того понять, какъ бы я сталъ съ кѣмъ-нибудь любимой женою дѣлиться... Да что объ этомъ говорить, впрочемъ! Зачѣмъ? Теперь дѣло сдѣлано, его не вернешь. Чужая ты мнѣ стала; а я тебѣ даже и былъ ли милъ по настоящему хоть когда-нибудь? Не думаю...

— Дѣвкой на шею къ тебѣ не вѣшалась, это вѣрно.

— Больше на капиталъ свой разсчитывала? За деньги, молъ, кого хочешь куплю?.. Ну, да не въ томъ дѣло. Какъ бы дѣло ни вышло, но вышло. Богу было угодно связать насъ, чтобы мы получше другъ на другѣ увидали, сколь мы хороши... Однако, зачѣмъ же мы сами себя будемъ мучить безъ надобности? Довольно и того, что Богъ послалъ. Лучше устроиться какъ-нибудь по тихому, по хорошему, другъ другу жизнь не портить.

— Какъ это?

— Пусть каждый живетъ по своему. Ты, какъ была, такъ и останешься всему въ домѣ хозяйкою. Если пожелаешь, и торговое дѣло будемъ вести попрежнему вмѣстѣ, компаніоны... А прочее... я—съ Нютой, ты—съ кѣмъ тебѣ полюбится... Что же, стѣну лбомъ не пробьешь. Если иначе нельзя, надо какъ-нибудь сходиться. Плохой миръ лучше доброй ссоры. Какая радость и какая польза, если мы перегрыземся? Ни тебѣ, ни мнѣ отъ этого ничего не прибавится.

Софья Александровна молча, пытливымъ взглядомъ долго смотрѣла на мужа и затѣмъ, не проронивъ ни слова, вышла изъ комнаты.

„Наболтать вздоръ не долго, — рѣшила она въ умѣ. — Только что изъ этого выйдетъ? Нужно сначала одуматься. Бранью, ссорой да попреками, все равно, ничего не добьешься. Поостыть нужно, подумать“.

XIX.

„Это все Нюткины мысли и рѣчи! — рѣшила Софья Александровна послѣ достаточнаго обсужденія.—Ясно, что онъ во всемъ ей поддался. Ея глазами глядитъ, ея думкою думаетъ. Она же сообразила и то, какъ улестить меня на мировую... Не глупо сообразила, какъ будто и на дѣло похоже; только я-то не сдамся. Съ какой это стати? Еще сосчитаемся, милая

сестрица. Не очень ли рано меня въ сорную кучу вымести затѣяла?“

Софья Александровна, однако, впервые поняла, что ея положеніе дѣйствительно очень трудное, если даже не безнадежное.

Это ее такъ ошеломило, что она почти струсила и растерялась. Никогда еще не приходилось ей прозѣвать свои интересы такъ постыдно и въ такой степени.

„Гдѣ я была? О чемъ я думала?“—задавала она себѣ вопросы въ искреннемъ негодованіи на собственную оплошность.

Но, съ другой стороны, кто бы могъ ожидать такой перемѣны въ Задоровѣ? Казался человѣкъ такимъ серьезнымъ, зоркимъ дѣльцомъ, такимъ твердымъ, настоящимъ умницею... И вдругъ на него чуть не верхомъ сѣла дѣвчонка, сумасбродница, фантазёрка. Положимъ, хитрая она и ловкая, безъ мыла въ душу влѣзла... Но все же у нея однѣ глупости на умѣ. На что она Сенѣ годится, кромѣ баловства? А вотъ же осатанѣлъ, зарвался, обезумѣлъ человѣкъ! Готовъ и дѣло свое самое настоящее, и жену умную, стòящую, и себя самого подъ ноги бросить дѣвчонкѣ! Поди, вотъ, разбери людей, чтò отъ нихъ можетъ статься.

Софья Александровна, впрочемъ, на этотъ разъ и самоё себя какъ-то плохо понимала. Нечаянный ли капризъ овладѣлъ ею, или она увлеклась воспоминаніями о былыхъ наслажденіяхъ медоваго мѣсяца, или просто недающееся въ руки показалось ей особенно милымъ и желательнымъ — какъ бы то ни было, она, всегда такая ровная, разсчетливая, не поддающаяся никому и ничему, теперь вдругъ начала терять голову, начала чуть не наяву грезить мечтами о ласкахъ мужа, совсѣмъ утратила свое обычное благоразуміе и даже самообладаніе.

Съ каждымъ новымъ днемъ она увлекалась все болѣе, досадовала, волновалась, кипѣла. Она почти затосковала! Она близка была къ тому, чтобы упасть духомъ! и сама на себя дивилась. Чѣмъ болѣе старалась она успокоиться и благоразумно увѣрить себя, что, въ сущности, никакой особой бѣды нѣтъ; деньги ея цѣлы, въ домѣ она хозяйничаетъ по прежнему, здоровье возстановилось вполнѣ... Очевидно, съ такимъ положеніемъ можно и помириться въ крайнемъ случаѣ, именно на тѣхъ же условіяхъ, которыя предлагалъ Сеня. Иныя прочія даже рады бы были... То приходится отъ мужа прятаться да дрожать, если вздумается, напримѣръ, на сторонѣ пошалить, а то—вольный казакъ; кого хочешь, того и любишь, надолго ли,

на короткое ли время — никому дѣла нѣтъ. Сегодня одинъ, завтра другой...

„Вотъ еще чего и во снѣ не ожидала! — вдругъ засмѣялась Софья Александровна.—Отъ живого мужа приходится вдовою быть...“

Однако, смѣхъ этотъ былъ совсѣмъ не веселый.

Наконецъ, взволнованность и растерянность Задоровой достигли такой степени, что она рѣшилась объясниться съ сестрою, съ „Нюткой“, хотя сама же говорила себѣ, что ничего изъ этого, конечно, не выйдетъ. Она до послѣдней минуты и увѣряла себя, что не станетъ объясняться, напрашиваться на новыя униженія; но, случайно оставшись съ сестрою вдвоемъ, вдругъ не вытерпѣла:

— Анна!—сказала она какимъ-то не своимъ, сдавленнымъ голосомъ, которому тщетно старалась придать тонъ полнѣйшаго спокойствія или даже нѣкоторой небрежности.—Чтò ты творишь?

— О чемъ ты?

— О тебѣ... съ Сеней. Ты не подумай, что я сержусь или ревную... Мало ли чтò въ семьѣ случается, а на сторонѣ еще хуже. Вышелъ грѣхъ— ну, и Богъ съ вами! Но вѣдь ты въ дѣвкахъ покуда. Пожалѣй себя-то. Сегодня хорошо, сладко; а завтра чтò будетъ? Безъ вѣнца прочности въ этомъ дѣлѣ нѣтъ никогда. Мужчинѣ чтò? Нравится — руки и ноги цѣлуетъ; разнравилась—повернулся да прочь пошелъ. А вѣдь передъ тобой еще цѣлая жизнь. И притомъ на показъ у васъ все, точно хвалитесь передъ людьми. Къ чему это?

— Къ тому,—тихо отвѣтила Анна Александровна,—чтобъ и Сеня, и ты, и люди знали, что назадъ ужъ я не пойду. Мой грѣхъ, я и въ отвѣтѣ; но прикрываться ничѣмъ не стану. Захочетъ Сеня отвернуться—пусть! Но другихъ мнѣ не нужно... да и живой я не останусь, если... если...

Она, не договоривъ, махнула рукою.

— А обо мнѣ-то, о законной, вѣнчанной женѣ, ты подумала? Я, по твоему, какъ же?

— Не ты ли мнѣ говорила, что были бы деньги, а любви можно купить, сколько угодно; товаръ этотъ, молъ, дешевый... Ну, теперь никто тебѣ не мѣшаетъ. Покупай, если понадобилось. А Сеню, если ужъ правду говорить, ты же и продала мнѣ...

— Деньги твои цѣлы!

Кто тебѣ сказалъ, что я ихъ назадъ возьму?

Несмотря на страстный порывъ злобы и возмущенія, который она едва могла сдерживать, Софья Александровна была

ошеломлена такимъ вопросомъ; на нее точно ушатъ холодной воды вылили.

— Что̀ ты, ошалѣла, что-ли?—воскликнула она, растерявшись. —Не подарила же ты свои деньги Сенѣ!

Но Софья Александровна тотчасъ же опомнилась.

— И я-то дура!—засмѣялась она съ вызывающей презрительностью.—Точно впервые твои штуки да выверты вижу. Небось, вексельки-то припрятала въ сохранное мѣсто.

— Пусть Сеня ихъ хоть сейчасъ назадъ возьметъ, либо тебѣ отдастъ. Мнѣ они теперь не нужны.

И прежде, чѣмъ совершенно изумленная Софья Александровна успѣла собраться съ мыслями, дѣвушка вышла изъ комнаты.

Ничѣмъ не могла бы она такъ убѣдить свою старшую сестру въ безповоротности и серьезности совершившихся событій, какъ именно подобнымъ заявленіемъ.

Чѣмъ подѣйствовать на людей, которые готовы швырнуть полмилліона? Они, разумѣется, сумасшедшіе. Но вѣдь именно съ сумасшедшими-то и не сладишь никоимъ образомъ.

Софья Александровна поняла, что „Сеню“ своего она потеряла окончательно, или по крайней мѣрѣ надолго, и никакими усиліями вернуть его не можетъ, до перемѣны обстоятельствъ, если таковая когда-нибудь воспослѣдуетъ. Это ее отрезвило и даже отчасти успокоило.

„Хорошо, — пусть такъ! говорила она себѣ, полная ядомъ гнѣва и ненависти.—Богъ дастъ, я съ вами, голубчики, еще сосчитаюсь, съ обоими. Будетъ и на моей улицѣ праздникъ. А пока не позволю надъ собою измываться... Пусть всѣ видятъ, что мнѣ наплевать на мужа, что у меня свои дружки-полюбовники. Этого товара, въ самомъ дѣлѣ, не занимать стать, да и платить за него не нужно. Слава Богу, я еще найду такихъ, что въ огонь и въ воду рады будутъ за меня броситься... Пора мнѣ за себя постоять... Народишко здѣсь только все какой-то дрянненькій. Даже и не припоминается никто, чтобы приглянулся хоть сколько-нибудь“.

XX.

Аннѣ Александровнѣ, взволнованной объясненіемъ съ сестрою, не сидѣлось на мѣстѣ; она не могла ни за что приняться и отправилась побродить въ довольно большомъ, густо разросшемся саду, который примыкалъ къ дому Задоровыхъ подъ самыми ея окнами.

Несмотря на непоколебимое упорство, съ которымъ Анна Александровна рѣшилась отстаивать свое „счастье", она въ глубинѣ души вовсе не была ни увѣрена въ своей правотѣ, ни даже очень счастлива. Все казалось простымъ, легкимъ и яснымъ въ ея отношеніяхъ къ любимому человѣку, пока жена его почти не выходила изъ своей комнаты, не предъявляла никакихъ своихъ правъ и требованій и какъ бы позволяла забывать о своемъ существованіи или принимать его въ соображеніе лишь теоретически. Человѣкъ, весь поглощенный какимъ-либо исключительно горячимъ стремленіемъ или страстью, необыкновенно легко обманываетъ самъ себя воображаемой незначительностью всѣхъ предстоящихъ ему препятствій и одолѣній. Ему некогда и нѣтъ охоты о нихъ думать, а цѣль его достиженія кажется ему такою сравнительно огромной, важной и желательной, что ужъ, конечно, ради нея можно пренебречь всѣми скучными, мелочными уколами, трудностями, утратами или даже жертвами, которыя лежатъ на пути. Однако картина борьбы съ препятствіями очень измѣняется, когда подходишь къ нимъ вплотную. Мелкіе камни становятся цѣлыми скалами, терніи рвутъ не одежду, а живое тѣло; поступаться нужно не случайными лишеніями, не трудомъ, не скоропреходящими тревогами, а завѣтными вѣрованіями, совѣстью, чуть не лучшею кровью собственнаго сердца. Мало того, самая излюбленная цѣль нерѣдко начинаетъ принимать совсѣмъ иную окраску... Не мудрено, что недавній убѣжденный герой, если даже сохраняетъ по инерціи свой непреклонный, рѣшительный видъ, въ душѣ очень и очень смущается.

Анна Александровна прежде всего не могла не замѣтить, что смущаться и задумываться пришлось не ей одной. Сеня, конечно, храбрится и смотритъ героемъ... Но вѣдь она-то сама на себѣ испытала, какъ у подобныхъ храбрецовъ кошки на сердцѣ скребутъ; она-то понимаетъ значеніе его слишкомъ взвинченной восторженности, когда они остаются вдвоемъ, и растерянныхъ, жалкихъ взглядовъ въ одиночествѣ или въ минуту невольной забывчивости. Ахъ, геройствовать легко только на собственный счетъ, да и то, пожалуй, долго не выдержишь; а на чужой—не приведи Богъ! особливо когда вольныя и невольныя жертвы славныхъ подвиговъ смотрятъ на героя жалкими глазами...

Анна Александровна пошла въ садъ со смутнымъ сознаніемъ неудовлетворенности, тоски и потребности высказаться кому-нибудь, выслушать живое слово участія, подѣлиться своими радостями и недоумѣніями. Бываютъ минуты, когда самый необщи-

тельный человѣкъ нуждается въ близкомъ другѣ, въ повѣренномъ всѣхъ своихъ чувствъ и мыслей, а за неимѣніемъ таковаго, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ изливаться передъ кѣмъ-нибудь даже мало знакомымъ, но почему-либо выказавшимъ, будто-бы, способность къ сердечной отзывчивости.

Анна Александровна даже обрадовалась, увидавъ въ саду, на одной изъ разставленныхъ по лѣвой алеѣ скамеекъ, дѣдушку Касаткина. Старикъ забрелъ сюда въ ожиданіи отсутствующаго хозяина и полудремалъ въ зеленоватой, душистой тѣни подъ убаюкивающее воркованіе горлинокъ и тихій шорохъ листьевъ.

Завидѣвъ молодую „сестрицу“ хозяйки, онъ, однако, тотчасъ же всталъ, поклонился почтительно, но молча, и направился къ выходной калиткѣ.

— Андрей Кузьмичъ!—окликнула его дѣвушка.—Что это вы въ послѣднее время меня совсѣмъ забыли? даже какъ будто бѣгать отъ меня начали? И дочекъ вашихъ давно не вижу.

— Ваше дѣло хозяйское, сударыня, а мы люди маленькіе,— уклончиво отвѣтилъ старикъ. — Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

— Когда-же это я была для васъ хозяйкою, Андрей Кузьмичъ? — не безъ горечи спросила Анна Александровна.—Было время, вы не брезговали посидѣть со мною и сказать мнѣ ласковое слово.

— Смѣю ли я брезговать, сударыня! Сами-то мы не столь хороши... А только опасаюсь тревожить, особливо если пріятнаго сказать ничего не умѣю.

— Однако, раньше не опасались и умѣли.

— Теперь время пошло другое, сударыня. А рѣчи мои старыя, и мысли старыя; къ новому времени не пригожи... Прощенья просимъ, сударыня.

Дѣдушка опять раскланялся.

— Погодите, Андрей Кузьмичъ!—воскликнула Анна Александровна, вдругъ вспыхивая до корня волосъ.—Именно потому, что вы старикъ, и не чужой намъ, а я сирота, вы должны говорить со мной по совѣсти, по истинной правдѣ, а не чуждаться, какъ зачумленной. Отмахнуться отъ человѣка, словно отъ мухи, легко; да по-божьему ли это выйдетъ?

— Наше дѣло маленькое, подневольное. Намъ не приходится съ указкою лѣзть къ тѣмъ, кто постарше насъ да поученѣе.

— А если къ вамъ за указкою лѣзутъ? Садитесь, дѣдушка, да поговоримъ. Если не отъ васъ, такъ отъ кого же и слышать мнѣ настоящую-то правду.

Касаткинъ молча сѣлъ на скамейку съ покорнымъ, но невеселымъ видомъ, и видимо безъ особой готовности.

— Андрей Кузьмичъ, скажите, вы не потому ли не хотите со мною знаться, что... что... мы съ Семеномъ Алексѣевичемъ полюбили другъ друга? Говорите прямо, на чистоту!

И Анна Александровна посмотрѣла на старика серьезнымъ, вызывающимъ взглядомъ.

— Я людямъ не судья. Дай Богъ за собою усмотрѣть.

— По вашему, мы съ Сеней плохо сдѣлали. А лучше будетъ, если онъ всю жизнь станетъ мучиться съ опротивѣвшей ему женою, лгать передъ нею, притворяться, или даже грѣшить и дѣлать гадости подъ ея дудку? Лучше будетъ, если онъ истоскуется и пропадетъ?

— Зачѣмъ-нибудь Богъ свелъ ихъ.

— Да вѣдь Богъ-то вездѣ и во всемъ. И мы не безъ Его воли сошлись.

— Этого не знаю, сударыня.

— Какъ не знаете?

— Про сестрицу вашу мнѣ извѣстно, что она съ Семеномъ Алексѣевичемъ въ церкви, передъ алтаремъ Господнимъ, вмѣстѣ подъ честными брачными вѣнцами стояла. И это для всѣхъ видимый знакъ воли Божіей. А въ прочемъ ваша ли была воля, или еще какая-нибудь—этого уразумѣть мнѣ не дано.

— Что-жь, вы намекаете, что нашей съ Семеномъ Алексѣевичемъ любви дьяволъ поспособствовалъ?—горько улыбнулась дѣвушка.

— И этого не знаю, сударыня. Во мнѣ той смѣлости, чтобы до всего своимъ умомъ доходить, нѣтъ и не было никогда.

— Неужто Богу требуется, чтобы изъ-за одной ошибки, самой простительной и совершенно невольной, Сеня всю свою жизнь, а можетъ быть, и душу загубилъ?

— Пути Господни неисповѣдимы... А впрочемъ, о какой это вы простительной ошибкѣ изволите говорить? Я не совсѣмъ понялъ, простите...

— Каждый можетъ ошибиться въ выборѣ жены.

— Та-акъ!.. А вы, смѣю спросить, надѣетесь поправить ошибку, которую Богъ благословилъ?

— Да что вы все о Богѣ да по церковному! Мы въ міру живемъ покуда. Будемъ и говорить по человѣчеству.

— Міръ тоже подъ Богомъ, а не въ сторонкѣ гдѣ-нибудь стоитъ. Нельзя ихъ раздѣлить никакъ... Ну, да, пожалуй, будемъ говорить по человѣчеству. Вотъ вы все о хозяинѣ, о Семенѣ

Алексѣевичѣ... Ну, хорошо. Жена, молъ, не по душѣ пришлась. Ну, а вовсе безъ семьи, безъ дѣтокъ, лучше ему будетъ?

— Отчего же безъ семьи и безъ дѣтокъ? Дѣти и у меня могутъ быть.

— Чтò ужъ за семья, которой на людяхъ и показать нельзя.

— Ошибаетесь. Мы съ Семеномъ Алексѣевичемъ вовсе не намѣрены скрываться.

— Вы-то не намѣрены, да какъ люди посмотрятъ. А еще дѣтки. Станетъ ли Семенъ Алексѣевичъ любить ихъ не меньше законныхъ? Захотятъ ли они сами любить своихъ родителей, не будутъ ли на нихъ огорчаться? Кто это все знаетъ!

— Ну, Андрей Кузьмичъ, мало ли незаконныхъ дѣтей съ отцомъ либо съ матерью душа въ душу живутъ! А законныя часто грызутся.

— Можетъ быть... А этого я не видалъ, чтобы незаконныя и съ отцомъ, и съ матерью хороши были... Да еще, сударыня, подумайте и о себѣ тоже. Сами-то вы на чтò идете, чего ожидаете?

— А хоть бы на погибель. Я о себѣ не забочусь.

— И это тяжелый грѣхъ, сударыня!

— Нѣтъ, Андрей Кузьмичъ. Самъ оптинскій старецъ, все равно, предсказалъ намъ съ сестрою, что насъ обѣихъ погубитъ отцовское богатство,—съ блѣдною попыткой на шутку и улыбку сказала Анна Александровна.

— Погибель погибели рознь, сударыня. Есть тѣлесная, есть и душевная. Тѣло—хоть и Богъ съ нимъ. А вотъ душу свою загубить, да еще и другія потянуть за нею туда же—охъ, жутко!

Бесѣда съ Касаткинымъ не только не подѣйствовала на Анну Александровну угнетающимъ образомъ—даже напротивъ, подбодрила ее.

„Если ужъ этотъ старикъ,—думала она,—не съ умѣлъ возразить мнѣ ничѣмъ посущественнѣе прописныхъ угрозъ грѣхомъ да ослушаніемъ волѣ Божіей—значитъ, я, въ сущности, права. Не повѣрить же мнѣ въ серьёзъ, будто самъ г. дьяволъ вздумалъ подсиживать мою душу! Это ей, бѣдной, слишкомъ много чести. А во всякомъ случаѣ лучше прожить полной, настоящей жизнью хоть нѣсколько лѣтъ, хоть одинъ годъ или даже нѣсколько мѣсяцевъ, чѣмъ вовсе никогда не знать счастья“.

— Ну, прощайте, дѣдушка!—сказала Анна Александровна вслухъ.—Во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ за откровенность. Только мы, молодые, должно быть, меньше васъ, стариковъ, боимся грѣха.

— Молодому, что пьяному, частенько море по колѣна. А мы, старики, на своемъ вѣку довольно насмотрѣлись; знаемъ, что если грѣху добровольно и нераскаянно хотя ноготокъ подставишь, такъ онъ всего цѣликомъ утащитъ, такъ что и оглянуться не успѣешь.

XXI.

Софья Александровна не совсѣмъ отказалась отъ попытокъ вернуть себѣ любовь мужа; но, наученная горькимъ опытомъ, она стала дѣйствовать очень осторожно и умѣло. Не высказывая ни малѣйшихъ притязаній, она, напротивъ, дѣлала видъ, что вполнѣ помирилась съ судьбою, была веселѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ когда-либо, къ сестрѣ относилась ласково и даже любовно, къ Семену Алексѣевичу дружелюбно, по-товарищески, но какъ бы не допуская и мысли, что онъ можетъ для нея быть чѣмъ-нибудь бо̀льшимъ. Это не мѣшало ей, однако, въ то же время вести съ нимъ тонко-кокетливую и задирающую чувственность игру. Какъ извѣстно, нѣтъ болѣе скользкаго пути, чѣмъ постоянное дружеское общеніе и пребываніе бокъ-о-бокъ съ молодой, красивой и недоступной женщиной. Въ данномъ же случаѣ опасность для Семена Алексѣевича увеличивалась кое-какими довольно жгучими воспоминаніями или, пожалуй, напоминаніями, которыя подвертывались ему словно невзначай, и вызывающимъ, очень искуснымъ, но совершенно для него незамѣтнымъ кокетствомъ женщины. Ея красивые, хорошо разсчитанные костюмы или черезчуръ домашнія, соблазнительныя, но всегда очень изящныя дезабильѐ, ея задорная игривость, остроуміе и горячіе, много обѣщающіе взгляды, которые она расточала молодымъ мужчинамъ въ присутствіи Семена Алексѣевича и которыми видимо увлекала многихъ до полной потери самообладанія и разсудка, ея громкое, откровенное восхищеніе тѣмъ или другимъ изъ своихъ поклонниковъ—все это нерѣдко страннымъ образомъ волновало Задорова. Но едва-ли не болѣе всего подстрекало и даже злило его кажущееся глубочайшее къ нему равнодушіе его бывшей жены и любовницы. Именно для него теперь у нея не было ни задорныхъ выходокъ, ни льстивой ласки, ни веселаго оживленія, ни блестящихъ или затуманенныхъ нѣгою взглядовъ—ничего, ничего изъ тѣхъ благъ, которыя такъ охотно и щедро предоставлялись другимъ. На его долю, послѣ ухода гостей, доставались только явное утомленіе, полуподавленная зѣвота, потягиваніе и мимолетно-небрежные, потухшіе взгляды. Правда, утомленная Софья

Александровна ложилась на кушетку въ чрезвычайно красивой позѣ; потягиваясь, она выставляла на видъ стройныя, упругія формы тѣла, или, смѣлымъ движеніемъ разстегивая тѣснившій ее лифъ, обнаруживала грудь и плечи чудесной бѣлизны; правда, въ ея потухшихъ, лѣниво небрежныхъ взглядахъ чудился какой-то внутренній, затаенный, соблазнительно влекущій огонекъ, чудилась какая-то жгучая мечта... Но Семенъ Алексѣевичъ ясно видѣлъ, что онъ лично потерялъ для этой женщины всякій интересъ или значеніе, сталъ для нея чѣмъ-то въ родѣ прошлогодняго снѣга. Онъ началъ ловить себя на такихъ размышленіяхъ, не лишенныхъ горечи:

„Однако, жёнушка-то моя очень скоро безъ меня утѣшилась... Должно быть, на дняхъ и совсѣмъ кому-нибудь на шею повѣсится. Или ужъ повисла, можетъ быть? Очень вѣроятно... Нельзя сказать, чтобы моя измѣна подѣйствовала на нее черезчуръ огорчительно... Ну, что-же! Этого и желать слѣдовало, это и слава Богу!—прибавлялъ Семенъ Алексѣевичъ себѣ въ назиданіе. —Я очень радъ“...

Въ самомъ ли дѣлѣ очень радовался Задоровъ? Было ли въ немъ это чувство искреннее, безъ всякой примѣси? Или онъ немножко хитрилъ съ самимъ собою, съ собственной совѣстью?

Говорятъ, будто женскій соблазнъ даже святыхъ вынуждалъ къ бѣгству, къ очисткѣ души отъ грѣшныхъ помысловъ среди какой-либо недоступной или безвѣстной людямъ пустыни. Ну, а Семенъ Алексѣевичъ, конечно, не былъ святымъ.

Замѣчательно измѣнилась и Софья Александровна. Исчезли куда-то ея обычная зоркость, хладнокровіе и умѣнье давать себѣ во всемъ точный отчетъ. На этотъ разъ, ведя свою тонкую и ловкую игру съ мужемъ, она до такой степени кипѣла и волновалась внутренно, что рѣшительно оказывалась неспособной правильно оцѣнить успѣхи собственнаго образа дѣйствій. Она, правда, замѣчала и жадные огоньки, по временамъ вспыхивавшіе въ глазахъ мужа, и его взволнованный голосъ, и хмурые взгляды, которыми онъ привѣтствовалъ людей, черезчуръ отличенныхъ ея любезностью. Но она почему-то сомнѣвалась въ значеніи и серьезности этихъ признаковъ. Ее сбивала съ толку и приводила въ злобное отчаяніе непривычная сдержанность Семена Алексѣевича, котораго легкую воспламенимость она давно знала. На этотъ разъ онъ не проговаривался ни единымъ словомъ, ни единымъ движеніемъ.

Зато чуткую ревность Анны Александровны ни тотъ, ни другой изъ Задоровыхъ обмануть не могли. Она незамѣчала

или, вѣрнѣе, не понимала преднамѣренности въ поведеніи своей сестры; но плохо вѣрила ея искусно-сыгранному равнодушію къ Семену Алексѣевичу, чуяла искренность и въ ея ласковомъ, добродушномъ обращеніи съ собою. Но болѣе всего ее тревожилъ самъ Задоровъ, его странная нервность, его иногда бѣшеные взгляды на жену, его порывистость и неровность въ расположеніи духа, въ особенности же его частые разговоры о поведеніи жены и его горькіе сарказмы надъ ея легковѣсностью, бездушіемъ и кокетливостью.

Анна Александровна еще ничего хорошенько не понимала, ни въ чемъ не была достаточно увѣрена, даже ни о чемъ пока не догадывалась; но она была встревожена и вся на сторожѣ. Очевидно, никакія событія въ домѣ не могли укрыться отъ ея вниманія.

„Почему Соня не выберетъ себѣ кого-нибудь по сердцу?— говорила она себѣ съ тоскою и жаднымъ нетерпѣніемъ.—Тогда бы все вдругъ развязалось и упростилось. Вѣдь не людскихъ же пересудовъ она пугается, въ самомъ дѣлѣ! Ихъ, все равно, не оберешься. А выбрать ей есть изъ кого. Сколькимъ вскружила голову! Дà, поскорѣе бы она рѣшалась, насъ бы развязала...“

„Чтò толку во всѣхъ моихъ стараніяхъ?—думала въ то же время Софья Александровна.—Приворожила его Нютка. Если даже и добьюсь чего, такъ случайно, на минуту; а потомъ онъ опять къ ней побѣжитъ. Не лучше ли въ самомъ дѣлѣ плюнуть на все да рукой махнуть?.. Эхъ, кабы подвернулся кто-нибудь, чтобы хоть сколько-нибудь по нраву пришелся. Такъ вѣдь вотъ, словно на грѣхъ, нѣтъ ни единаго... Такая все мразь, кулички пустоголовые!..“

XXII.

Случился воскресный день.

Софья Александровна принарядилась въ прелестное, свѣженькое платье, которое очень къ ней шло, и пошла къ мужу, спросить его, не поѣдетъ ли онъ вмѣстѣ съ нею къ обѣднѣ.

Она тщательно и съ умысломъ поддерживала подобныя семейно-домашнія отношенія, ту мелочную, но тѣсную связь буржуазно-семейнаго уклада, которая незамѣтно, но неотразимо и всецѣло втягиваетъ человѣка въ извѣстный строй мысли и чувства. Привычка не вторая натура,—сказалъ кто-то,—а именно сама натура, или даже одинъ изъ факторовъ, ее видоизмѣняю-

щихъ. Мысль эта едва-ли только парадоксальна; въ ней много глубины и правды.

Софья Александровна была на этотъ разъ въ довольно свѣтломъ и примирительномъ настроеніи духа, соотвѣтствующемъ яркому, прелестному лѣтнему утру.

Быстрыми и оживленными шажками подходила она къ затворенной двери въ кабинетъ мужа, сіяя привѣтливо-возбужденнымъ видомъ, и вдругъ — остановилась, какъ вкопанная. Губы ея сомкнулись, лицо поблѣднѣло, глаза метнули мрачную молнію.

Изъ-за притворенной двери кабинета донесся до нея громкій смѣхъ мужа и Анны Александровны, причемъ она ясно разслышала собственное имя, произнесенное сестрою.

„Она уже тамъ! И оба изволятъ потѣшаться надо мною...— подумала Софья Александровна.—Спасибо!“

Она быстро повернулась къ выходу, сѣла въ поданный фаэтонъ и одна поѣхала въ церковь.

„Ладно! — говорила она себѣ. — Пора показать благовѣрному муженьку, что у меня тоже есть зубы. Посмотримъ, будетъ ли такъ же весело, если я устрою скандалъ на весь городъ. Мнѣ терять нечего, и ничего я не боюсь. Коли я оплеванная жена, значитъ, и вести себя могу какъ оплеванная. Посмотримъ, не долетятъ ли брызги до Семена Алексѣевича. Какимъ платкомъ онъ ихъ вытирать станетъ“.

Взволнованная и злая, Софья Александровна пробралась въ церкви къ самому алтарю, ни на кого не глядя,—слишкомъ поглощена она была мыслями о своей обидѣ, — и стала впереди всѣхъ, прямо передъ носомъ Олимпіады Харитоновны Изъянцевой, даже не замѣтивъ, что она машинально отстранила эту „пронзительную“ даму рукою.

Подобный поступокъ Олимпіада Харитоновна не простила бы безъ надлежащаго отпора никому и ни за что. Но въ отношеніи къ Задоровой негодованіе ея достигло высшаго, исключительнаго предѣла. Дѣло въ томъ, что мужъ этой „задорной крали“ сталъ поперекъ горла не только „покойничку“ Иванцеву, подавивъ всякую возможность соперничества по лѣсной торговлѣ, но не мало завредилъ даже личнымъ интересамъ пронзительной дамы, какъ-то вырвавъ у нея въ самую послѣднюю минуту довольно лакомую и ловко подстроенную сдѣлку. Подобныя вещи не забываются. А затѣмъ отношенія обострились еще болѣе, благодаря тому, что на кое-какую заочную брань и клевету Олимпіады Харитоновны Софья Александровна отвѣтила насмѣшками очень бойкими и колкими, которыя, при посред-

ствѣ добрыхъ людей, дошли по надлежащему адресу неукоснительно. Насмѣшки эти такъ мѣтко попали въ цѣль, что госпожа Изъянцева почувствовала себя глубоко уязвленной и впервые поняла, что можетъ встрѣтить соперницъ, вполнѣ равносильныхъ ея собственной проницательности. Послѣ этого обѣ дамы хотя и соблюдали при случайныхъ встрѣчахъ общепринятыя условія вѣжливости въ отношеніи другъ къ другу; но въ душѣ отнюдь не питали взаимныхъ чувствъ любви и преданности. Можно даже опасаться, что Олимпіада Харитоновна, по яркой рѣшительности своего характера, прямо-таки ненавидѣла Задорову.

Легко заключить отсюда о размѣрѣ негодованія, которое возбудилъ въ госпожѣ Изъянцевой неделикатный, хотя и безсознательный поступокъ Софьи Александровны. Въ первыя мгновенія она даже онѣмѣла отъ изумленія и гнѣва; но затѣмъ — сдержала себя сознательно въ границахъ молчаливой покорности совершившемуся. Нѣтъ! На подобное оскорбленіе она не намѣрена была отвѣтить лишь немногими, подъ сурдинку сказанными рѣзкостями, которыя допустимы въ церкви, во время богослуженія.

„Я посчитаюсь съ тобою иначе, голубушка, на паперти, при всемъ честномъ народѣ!—рѣшила Олимпіада Харитоновна.— Я тебя отчитаю, погоди! Будешь ты меня помнить!“

Госпожа Изъянцева явилась въ церковь не одна. Съ ней были сестра ея, Божья Коровка, Агнія Парменовна и нареченный, объявленный всему городу женихъ послѣдней, Иванъ Поддужный.

Какъ ни взволнована была Софья Александровна, она не могла не замѣтить горячихъ, жадныхъ взглядовъ, которыми пожиралъ ее Поддужный, впервые увидавшій ее послѣ долговременной ея болѣзни. Молодой малый не въ силахъ былъ даже притвориться равнодушнымъ и соблюсти приличіе, хотя чувствовалъ на себѣ печальные и встревоженные взгляды Агніи Парменовны. Задорова казалась ему похорошѣвшей еще вдесятеро болѣе прежняго. Онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, вытиралъ испарину со лба и добился того, что Задорова невольно улыбнулась, польщенныя мученіями явно обезумѣвшаго поклонника.

Поддужный стоялъ рядомъ съ невѣстою, но нѣсколько въ сторонѣ отъ ея матери и тетки. Поэтому обѣ старыя дамы вовсе не замѣтили его волненія.

Обѣдня шла своимъ чередомъ.

Когда она кончилась, Олимпіада Харитоновна торопливо перекрестилась, положила земной поклонъ и стала пробираться къ

выходу. Она заняла на паперти такое положеніе, чтобы не упустить въ толпѣ Задорову, когда она появится изъ церкви. Еще бы! Не даромъ же пронзительная дама даже „приняла на душу грѣхъ“, и за обѣднею, вмѣсто молитвы, придумывала, какъ бы поязвительнѣе сокрушить свою ненавистную обидчицу, пробрать ее „до живого мѣста“.

Придумала.

Какъ только Софья Александровна въ числѣ другихъ богомольцевъ появилась на паперти, Олимпіада Харитоновна заступила ей дорогу.

— Послушайте-ка вы, воронежская гусыня въ павьихъ перьяхъ!—начала она намѣренно громкимъ голосомъ:—Съ какого же это разума либо глупости надумали вы толкаться въ церкви да становиться у людей передъ самымъ носомъ? Если я смолчала во храмѣ Божіемъ, то все-таки не позволю какой-нибудь шематонкѣ такъ со мною обращаться. Или вы полагаете, что если вашъ папенька грабилъ и мошенничалъ безъ всякой совѣсти, такъ ужъ вамъ за то и передъ Богомъ самое первое мѣсто дадено? Ошиблись, душенька! Можетъ быть, въ Воронежѣ вамъ кто-нибудь и кланялся, ну, а въ Песчанскѣ мы и васъ, и весь родъ вашъ, за самую, что̀ ни есть, послѣднюю дрянь почитаемъ, за сволочь. Такъ себѣ въ календарь и запишите!

Софья Александровна до того была озадачена неожиданной и бурно-крикливой трескотнею Олимпіады Харитоновны, что въ первое мгновеніе совсѣмъ-было растерялась. Но, быстро овладѣвъ собою, она съ необыкновеннымъ спокойствіемъ обратилась къ случившемуся возлѣ помощнику исправника.

— Сергѣй Васильевичъ, прикажите, пожалуйста, убрать пьяную старуху. Видите, какъ она спозаранку обрадовалась празднику. Часто это съ ней бываетъ?

И, отстранивъ рукою Изъянцеву, въ свою очередь совершенно ошеломленную подобнымъ оборотомъ дѣла, она неторопливо и съ невозмутимымъ видомъ прослѣдовала дальше.

Но не такова была Олимпіада Харитоновна, чтобы молча снести нанесенное ей оскорбленіе.

— Ахъ, ты кобылица воронежская, битюцкая!—взвизгнула она не своимъ голосомъ.—Да какъ ты смѣешь?.. Я съ покойнымъ мужемъ восемнадцать лѣтъ прожила честно, благородно, да вдовой двѣнадцатый годъ хожу, и никто меня словомъ не попрекнулъ доселѣ. А тебя мужъ, года не проживши, ровно стоптанную туфлю съ ноги сбросилъ. Значитъ, хороша ты есть, фря расписанная! Про распутство въ вашемъ домѣ весь го-

родъ. знаетъ. Этого, шкура оплеванная, никакими деньгами не замажешь...

Дальнѣйшихъ рѣчей Олимпіады Харитоновны Задорова не слыхала. Не оглядываясь, сѣла она въ свой экипажъ и поспѣшила уѣхать. Въ первый разъ въ жизни истерическія рыданія подступили ей къ горлу.

— На все пойду! На все пойду! — твердила она себѣ въ изступленіи.—Я... я еще поблагодарю всѣхъ! Будутъ меня помнить!.. О, Господи! Не бѣжать ли мнѣ поскорѣе отсюда? Куда?..

XXIII.

На слѣдующій день Поддужный не мало былъ удивленъ и заинтригованъ приглашеніемъ, которое принесъ къ нему одинъ изъ приказчиковъ Задорова.

— Хозяйка, Софья Александровна, просятъ васъ придти къ нимъ сегодня же по дѣлу.

— Когда?

— Сказали такъ, если можно, пораньше. А впрочемъ, онѣ весь вечеръ пробудутъ дома.

— Передайте, черезъ полчаса явлюсь.

Софья Александровна приняла Поддужнаго въ своей любимой комнатѣ, рядомъ со спальнею, гдѣ она проводила бо̀льшую часть дня. На этотъ разъ, въ видѣ исключенія, на небольшомъ кругломъ столѣ, который стоялъ передъ диваномъ, приготовленъ былъ самоваръ съ чайнымъ приборомъ.

Софья Александровна казалась веселою и спокойною.

Отвѣчая на привѣтственный поклонъ Поддужнаго крѣпкимъ пожатіемъ руки, она подарила его такимъ взглядомъ и улыбкой, что у бѣднаго малаго даже мурашки побѣжали по спинѣ.

— Изволили меня требовать?—спросилъ онъ, кланяясь еще разъ.

— Ну, пока только просила!—засмѣялась она, обдавая его новымъ, многообѣщающимъ взглядомъ.—Но... если дѣло у насъ пойдетъ на ладъ, можетъ быть, скоро стану и требовать. Присядьте-ка, Иванъ Ѳомичъ. Чаю стаканчикъ не угодно ли?

Поддужный принялъ стаканъ нѣсколько дрожащей рукою. Онъ сознавалъ, что начинаетъ терять голову.

— Что же вы молчите?

— Жду вашихъ приказаній.

— А! Поскорѣе отъ меня хотите отдѣлаться, да къ невѣстѣ. Очень она васъ обворожила?

— Софья Александровна!..

— Ну?

— Вамъ ли объ этомъ спрашивать, когда я, можетъ быть, сна и пищи рѣшился, наяву брежу...

Поддужный круто оборвалъ себя и умолкъ.

— Вотъ какъ! Ай да Агнія Парменовна! Если такъ, не знаю ужъ, какъ и подступиться къ вамъ со своимъ дѣломъ. Не лучше ли совсѣмъ бросить, смолчать?

Софья Александровна сказала это въ притворно-сокрушенномъ тонѣ. Но все лицо ея сіяло внутреннимъ смѣхомъ, лаской, смѣлымъ вызовомъ на безумства....

— Говорите...—какимъ-то не своимъ голосомъ не то воскликнулъ, не то прошепталъ Поддужный.

— Предложеніе мое вотъ какое. У меня есть деньги... порядочныя... Что же имъ лежать пò-пусту! Не возьметесь ли вы завѣдывать всѣми моими дѣлами? Будемъ вести ихъ вмѣстѣ.

— А какъ же Иванцевскія-то дѣла?..

— Ну, разумѣется, ихъ бросить придется. Я на половинкахъ не мирюсь. Либо все, либо вовсе не надо. Бросаю же вѣдь и я мужа, Задорова, совсѣмъ.

— Что?! Вы...

— А ты думалъ какъ же? На вѣтеръ болтаю? Нѣтъ, Ваня, не изъ такихъ я. Коли люба—вся твоя, на вѣки. А нѣтъ—ступай къ своей Агніи Парменовнѣ, къ телочкѣ божьей.

— Коли люба!!.. Жизни не пожалѣю!

— А если такъ...

Софья Александровна вдругъ обожгла Поддужнаго такимъ поцѣлуемъ, что онъ совершенно обезумѣлъ. Онъ стиснулъ ее въ объятіяхъ, поднялъ на руки, какъ малаго ребенка...

Но она ловко вывернулась, отбѣжала на другую сторону круглаго стола, подъ защиту самовара, и оттуда, грозя розовымъ пальчикомъ, крикнула со смѣхомъ:

— Тубò, медвѣдь! Кто тебѣ позволилъ? Слишкомъ прытокъ... Садись и слушай хорошенько. Дѣло у насъ большое, безъ серьезнаго уговора не обойдется.

Обезсиленный собственнымъ дикимъ порывомъ, онъ, весь дрожа, опустился, почти упалъ на стулъ.

— Такъ-то лучше. Теперь, Ваня, милый, слушай меня серьезно да мотай на усъ. Я вѣдь ужъ не дѣвчонка. Если я иду на новую жизнь, бросаю все безъ жалости, не боюсь ни

людскихъ пересудовъ, ни грѣха, ни гнѣва братьевъ, родни, то вѣдь хочу по крайней мѣрѣ знать твердо, что и ты будешь совсѣмъ моимъ, а не побалуешься со мною, какъ съ какой-нибудь арфисткой ярмарочной, да не побѣжишь потомъ опять къ своей Агніи Парменовнѣ, коровкиной телочкѣ...

— Что̀ вы, Софья Александровна!..

— Все, милый, бываетъ,—сухо и рѣшительно отрѣзала Задорова.—И я не таковская, чтобы отдавать себя задаромъ. Тоже чего-нибудь стою. А ты докажи мнѣ; сдѣлай такъ, чтобы я тебѣ волей-неволей повѣрила, чтобы для тебя и въ самомъ дѣлѣ поворота назадъ не было. Вотъ тогда... цѣлуй .. отвертываться не стану.

— Чего же ты хочешь?

— Очень просто. Покончи съ Иванцевыми вовсе.

— Завтра же!

— А послѣ-завтра опять къ нимъ вернешься?

— Нельзя же то отказываться, то опять свататься.

— Э, милый! Божья коровка съ телочкой все скушаютъ, да еще поблагодарятъ. Ты это не хуже меня знаешь. Нѣтъ, ужъ коли дѣлать, такъ дѣлать на̀крѣпко, чтобъ и я спокойна была.

— Но какъ же?

— А вотъ вмѣстѣ подумаемъ. Пей чай-то. Вѣдь намъ еще не мало о чемъ серьезно переговорить придется. Цѣлую жизнь перестроивать нужно...

Софья Александровна затуманилась и безсознательно для себя, но глубоко вздохнула...

Она, впрочемъ, тотчасъ же взяла себя въ руки.

Бесѣда Поддужнаго съ Задоровою дѣйствительно затянулась надолго, часовъ до восьми вечера. Когда все было окончательно выяснено и улажено, Софья Александровна стала его выпроваживать, хотя и очень ласково.

— Ну, теперь ступай, Ваня. Какъ я ни люблю тебя, но покуда ты чужой, мнѣ даже горько смотрѣть на тебя. Кончай же скорѣе, если я тебѣ тоже дорога̀.

— Кончить-то я кончу,—смѣло отвѣтилъ Поддужный.—Ну, а кто *мнѣ* за тебя поручится? Почему *я* долженъ вѣрить, что ты не играешь со мною, какъ кошка съ мышью? не насмѣешься надо мной, когда я все сдѣлаю по твоему? Я вѣдь тоже не мальчикъ, и не очень-то привыкъ къ обидамъ.

Онъ стоялъ передъ нею съ явно вызывающимъ, рѣшительнымъ видомъ, выжидая отвѣта.

— Если не вѣришь и не любишь, давно бы сказалъ!— сухо сказала Софья Александровна.—Къ чему было всю канитель заводить?

Минутная вспышка энергіи вдругъ исчезла въ Поддужномъ.

— Не люблю?..—воскликнулъ онъ жалобно.—Я-то не люблю!.. Господи, что̀ мнѣ дѣлать?

— Тебѣ Агнія Парменовна мила?

— Что̀ мнѣ въ ней!

— Такъ чего жъ ты?

— Не вѣрится... Не такъ это все...

Слезы выступили у него на глазахъ, и онъ закрылъ лицо руками. Что-то тяжелое, въ родѣ страха, сдавило ему сердце.

Софья Александровна на мгновеніе насупилась, но тотчасъ же и просвѣтлѣла.

Рѣшительнымъ движеніемъ она схватила Поддужнаго за руку и повела его за собою.

— Пойдемъ!—сказала она только.

Молча прошли они черезъ рядъ комнатъ и вышли на широкій мощеный дворъ, гдѣ объ эту пору Семенъ Алексѣевичъ Задоровъ обыкновенно объяснялся со своими приказчиками возлѣ амбаровъ съ разными товарами.

Тамъ же былъ онъ и на этотъ разъ.

Софья Александровна вдругъ остановилась.

— Семенъ Алексѣевичъ!—сказала она мужу.—Я даю Ивану Ѳомичу полную довѣренность на веденіе моихъ дѣлъ, и онъ хотѣлъ бы знать, не будетъ ли съ вашей стороны какихъ-нибудь къ тому препятствій.

Задоровъ поблѣднѣлъ и смѣрялъ взглядомъ обоихъ молодыхъ людей, все еще стоявшихъ рука въ руку.

— Никакихъ,—отвѣтилъ онъ высокомѣрно.—Только я васъ попрошу получить съ меня ваши деньги по закладной лично. Съ Поддужнымъ я дѣла имѣть не желаю.

— Когда?

— Что̀ когда?

— Деньги.

— Черезъ двѣ недѣли... Однако, не находите ли вы, что о такихъ дѣлахъ на улицѣ говорить неудобно?

— Почему же? Мнѣ скрывать нечего и незачѣмъ. Такъ до свиданія, Иванъ Ѳомичъ. Я васъ жду завтра вечеромъ, часовъ въ девять. Вмѣстѣ поужинаемъ.

Она кивнула головой и скрылась въ домѣ.

Поддужный поклонился Семену Алексѣевичу, уходя; послѣд-

ній сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ поклона. Онъ уже опять говорилъ съ приказчиками.

Впрочемъ, разговоръ этотъ продолжался недолго.

Задоровъ вдругъ круто оборвалъ его чуть не на полусловѣ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, заперся въ немъ и не отворилъ дверь даже Аннѣ Александровнѣ, подъ предлогомъ совершенно экстренныхъ и неотложныхъ занятій; а на слѣдующій день уѣхалъ чуть свѣтъ въ Синеплесовскую дачу.

XXIV.

Поддужный объявилъ Божьей Коровкѣ и Агніи Парменовнѣ, что „по обстоятельствамъ“ на службѣ у нихъ не можетъ болѣе оставаться ни единаго дня, просилъ принять отъ него всѣ счеты, деньги, довѣренное ему имущество и выдать ему соотвѣтствующую квитанцію.

Легко понять, какъ подобное заявленіе поразило и перепугало обѣихъ женщинъ.

— Голубчикъ Иванъ Ѳомичъ!—заикаясь, говорила Божья Коровка.—Какъ же это будетъ? Я даже въ толкъ не возьму. Зачѣмъ добро въ чужія руки отдавать? Вѣдь вамъ же съ Агнюшей все оно достанется.

— Евлампія Харитоновна! Повѣрьте, что я чувствую васъ на манеръ родной матери, сколь вы были ко мнѣ милостивы. Про Агнію же Парменовну и говорить нечего: ангелъ кроткій, а не дѣвица. Даже сейчасъ меня слеза прошибаетъ. Но все же, видно Богу такъ угодно, свадьбѣ нашей не быть.

— Какъ свадьбѣ не быть?! Почему?

— А вотъ коль скоро сдамъ всѣ ваши дѣла, честно-благородно, тогда во всеуслышаніе объявлю о причинѣ, чтобы никто даже подумать не смѣлъ что-нибудь супротивное объ Агніи Парменовнѣ. Хотя и не суждено мнѣ съ ними счастіе, одначе я по гробъ жизни дороже родной сестрицы буду ихъ чувствовать.

Иванъ Ѳомичъ, прикрывъ глаза, даже всхлипнулъ.

— Но развѣ такъ-то дѣлаютъ добрые люди?—запротестовала даже Божья Коровка.—То женихъ, всему городу извѣстно, а то вдругъ не надо. Вѣдь это и передъ Богомъ грѣхъ, и передъ людьми стыда не оберешься, Иванъ Ѳомичъ! Вѣдь пальцами показывать будутъ! За что же такъ безъ всякой нашей вины?

— Вѣрьте Богу, Евлампія Харитоновна, обѣлю я Агнію

Парменовну вполнѣ, даже въ лучшемъ видѣ, вѣтерку пахнуть на нихъ не дозволю, не то чтобы отъ людей черное слово принять. Развѣ я извергъ какой-нибудь? Я виноватъ, я и въ отвѣтѣ; хотя, сами увидите, и моя тутъ вина, такъ, можно сказать, подневольная; пожалѣть меня надо, что черезъ людей я своего счастья долженъ лишиться... Все выскажу, Евлампія Харитоновна, будьте въ надеждѣ.

Поразительную новость Иванцевы, разумѣется, поспѣшили сообщить Олимпіадѣ Харитоновнѣ, и эта пронзительная дама тотчасъ прилетѣла для объясненій съ Поддужнымъ.

Но, несмотря на истинные громы ея краснорѣчія и гнѣва, на уговариванія, мольбы и угрозы, Иванъ Ѳомичъ почтительно, однако твердо стоялъ на своемъ.

Выбилась, наконецъ, изъ силъ даже Олимпіада Харитоновна.

— Ну, чортъ съ тобой, коли такъ!—круто повернула она со своей обычной рѣшимостью.—И то сказать, не великая для Агніи находка такой-то, какъ ты, цыганъ-голоштанникъ. Подавай свои отчеты. Увидимъ, сколько наворовать поспѣлъ. А только попомнишь ты меня, Иванъ Ѳомичъ, повѣрь, попомнишь!

— Это какъ вамъ будетъ угодно, Олимпіада Харитоновна. Маленькаго человѣка обидѣть не долго. Но я по своему сиротству на Бога надѣюсь. Онъ правду видитъ!

— Подавай, что-ли, отчетъ-то, ну, сирота казанскій! Видно, накралъ здорово, коли ужъ о Богѣ заговорилъ.

Оказалось однако, что Поддужный не пожелалъ отсчитываться передъ одною Олимпіадой Харитоновною.

— Нѣтъ, сударыня!—объявилъ онъ рѣшительно.—Вы еще, ничего не видя, въ воровствѣ меня попрекаете, а потомъ мало ли что сказать пожелаете. Я человѣкъ маленькій, службой живу. Куда я буду годиться, коль скоро меня ославятъ воромъ?

— Такъ кому же ты отчеты-то сдавать хочешь, честнѣйшій человѣкъ? Евлашѣ да Агніи?

— Зачѣмъ-съ? Онѣ въ это самое дѣло никогда не вступаются.

— Такъ кому же?

Оказалось, что Поддужный желаетъ, чтобы приглашены были въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ опытные песчанскіе торговцы, всего бы лучше родственники Иванцевыхъ. Пусть они рѣшатъ, добросовѣстно или нѣтъ велъ Иванъ Ѳомичъ порученныя ему дѣла и „покорыстовался ли хотя единой чужой копѣйкой“.

— Вотъ еще какъ ты придумалъ! Новости какія!—воскликнула Олимпіада Харитоновна.—Да что ты себѣ вообра-

жаешь? Указчикъ ты здѣсь, что-ли, какой-нибудь для всѣхъ насъ? А если я не хочу никого приглашать?

— Въ такомъ случаѣ я всѣ деньги, счеты и довѣренность, а также документы, условія - все, однимъ словомъ,—сдамъ либо суду, либо нотаріусу,—рѣшительно объявилъ Поддужный.—А на скандалъ для себя не согласенъ.

— Тьфу! — энергично плюнула Олимпіада Харитоновна; однако требованіе Ивана Ѳомича рѣшилась исполнить.

Къ полудню у Иванцевыхъ собрались человѣкъ пять изъ наиболѣе почетныхъ коммерсантовъ Песчанска. Въ виду возбужденнаго объясненіями взволнованной Олимпіады Харитоновны любопытства, никто изъ приглашенныхъ не подумалъ отказаться, а напротивъ, понабрались многіе незванные знакомцы-свидѣтели, въ особенности изъ дамъ, привлеченныхъ, будто бы, нѣжнымъ сочувствіемъ къ Божьей Коровкѣ и Агніи Парменовнѣ.

Иванъ Ѳомичъ представилъ свои отчеты въ блистательномъ порядкѣ. Какъ ни придирчиво отнеслась къ нимъ Олимпіада Харитоновна, какъ ни осторожно и подозрительно обсуждали каждую подробность песчанскіе дѣльцы, пришлось признать, что Поддужный въ короткій срокъ своего полновластія, сдѣлалъ болѣе, чѣмъ можно было надѣяться, и въ сущности уже успѣлъ привести запутанныя дѣла покойнаго Иванцева въ твердый порядокъ, а отчасти даже и развить ихъ весьма многообѣщающимъ образомъ.

Это было единодушно признано всѣми приглашенными экспертами. А знаменитый по Песчанску милліонеръ, старикъ Сидоръ Панкратьевичъ Волнотеповъ, даже обратился къ Поддужному съ такой рѣчью:

— Ну, молодецъ, вотъ что̀ я тебѣ скажу. Если задумаешь опять служить—приходи ко мнѣ. Обиженъ не будешь.

— Чувствительнѣйше благодарю, ваше высокостепенство! — поклонился Иванъ Ѳомичъ.—И такъ понимаю ваши золотыя слова, что даже за великую для себя честь.

— Позвольте спросить,—обратился онъ затѣмъ ко всѣмъ присутствующимъ:—теперь съ моей стороны все въ аккуратѣ? Могу считать сдачу покончённой?

— Разумѣется. Да!—отвѣтили нѣкоторые.

— Въ такомъ случаѣ...

Поддужный вдругъ повалился въ ноги передъ Божьей Коровкой, а затѣмъ и передъ бывшей своей невѣстой.

— Евлампія Харитоновна! Агнія Парменовна! Простите меня, Христа ради! Громко передъ всѣми говорю, осчастливленъ и

обласканъ я вами выше всякой мѣры, благодаренъ по гробъ жизни и услужить вамъ завсегда старался больше, чѣмъ родной матери либо сестрѣ, потому что достойнѣе васъ никого въ жизни не видѣлъ да и на свѣтѣ нѣтъ! Теперь, прощаясь съ вами, долженъ я на вѣкъ своего счастья лишиться...

Иванъ Ѳомичъ всхлипнулъ отъ избытка чувствъ.

— Такъ чего же ты бѣжишь-то? Въ умѣ-ли ты, малый?—не выдержавъ, воскликнулъ Кондратій Иванцевъ, двоюродный братъ покойнаго родителя Агніи Парменовны.—Вѣдь и то надо подумать, какіе твои милліоны въ самомъ дѣлѣ, чтобы отъ своего счастья отказываться. Не безприданница какая-нибудь Агнія-то Парменовна!

— Кондратій Савельевичъ! Хотя я бѣдный человѣкъ, одначе ангельскую душу Агніи Парменовны даже больше всякихъ денегъ цѣню. Истинно дороже всякаго золота такая дѣвица.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—заволновались кругомъ. Общій интересъ достигъ высшей точки своего напряженія.

— Кондратій Савельевичъ! Не принимаетъ этого моя душа. Воля ваша, не въ силáхъ я.

— Чего?

— По бѣдности моей да по сиротству, разумѣется, польстился я на богачество, винюсь въ томъ... Какъ, значитъ, Олимпіадѣ Харитоновнѣ угодно было, ублаготворялъ ихъ въ знакъ благодарности по мѣрѣ силъ... Ну, больше не могу, ей Богу, хоть на куски меня рѣжьте.

— Что такое? Въ чемъ ублаготворялъ?

Поддужный, застыдившись, опустилъ голову.

— Извѣстно чѣмъ...—отвѣтилъ онъ смущеннымъ тономъ.— По вдовьему ихъ положенію... Ну, только дамы онѣ ужъ не молодыя, а... а требуютъ даже очень много... Силъ моихъ нѣтъ, ей Богу! Противно!... Богъ съ нимъ и съ богатствомъ!

— Чтò? Чтò? Чтò?

Гости даже повскакивали со своихъ мѣстъ. Олимпіада Харитоновна, напротивъ, въ первую минуту не сдѣлала ни единаго движенія; она окаменѣла.

Зато, оправившись отъ изумленія и неожиданности, она приступила къ такой отповѣди Поддужному, что я вынужденъ отказаться отъ воспроизведенія ея для гг. читателей.

Однако, Иванъ Ѳомичъ твердо и спокойно стоялъ на своемъ, почтительно объясняя совершенно вышедшей изъ себя Олимпіадѣ Харитоновнѣ, что онъ бы и радъ по прежнему угождать ей, но „выбился изъ силъ и противъ естества ничего не подѣлаешь“.

Легко понять, какой громовой скандалъ, сколько смѣха и пересудовъ вызвала подобная сцена въ Песчанскѣ.

А вечеромъ Поддужный явился къ Софьѣ Александровнѣ и ушелъ отъ нея далеко за̀ полночь, такъ поздно, что она сама должна было проводить его изъ дома, чтобы запереть за нимъ двери. Прислуга давно была отпущена ко сну...

Но именно въ то время, когда Поддужный прощался у дверей съ Софьей Александровной послѣдними поцѣлуями, къ нимъ же подъѣхалъ Семенъ Алексѣевичъ, только-что возвращавшійся изъ Синеплесовской дачи.

— Прощай, Ваня!—крикнула Задорова вслѣдъ Ивану Ѳомичу.—Приходи завтра, какъ условились.

Потомъ, съ легкой зѣвотою, она обратилась къ мужу:

— Вы вѣдь затворите дверь, Семенъ Алексѣевичъ?

И ушла къ себѣ въ спальню.

XXV.

Софьѣ Александровнѣ, однако, совсѣмъ не поспалось въ эту ночь. Она была въ отчаяніи и плакала, плакала искренними, горячими слезами едва-ли не первый разъ въ жизни.

Вмѣсто счастія, вмѣсто удовольствія, по крайней мѣрѣ, вечеръ, проведенный ею наединѣ съ пылкимъ, обезумѣвшимъ Поддужнымъ, наполнилъ ее только однимъ чувствомъ—чувствомъ глубокаго физическаго отвращенія...

Софья Александровна съ ужасомъ говорила себѣ, что она не выдержитъ своей новой жизни, что жгучія воспоминанія и тоска по былому счастью, пожалуй, заставятъ ее наложить на себя руки.

Оставался, по ея мнѣнію, одинъ исходъ: бѣжать изъ Песчанска, отъ мужа, сестры, Поддужнаго—бѣжать навсегда, окончательно порвавъ со всѣмъ прошлымъ.

Чѣмъ болѣе думала Софья Александровна, тѣмъ вѣрнѣе казалась ей эта мысль. И побѣднѣе, и поглупѣе ея люди устроиваютъ себѣ жизнь въ полное свое удовольствіе, обходятся при этомъ безъ мужей, безъ семьи... Что̀ же мѣшаетъ ей поставить себя въ пріятное и спокойное положеніе? Очевидно, вся бѣда въ томъ, что Сеня и Нютка постоянно вертятся передъ глазами, раздражаютъ, не даютъ опомниться. А тутъ еще на грѣхъ подвернулся именно этотъ... Поддужный! Тьфу! Вотъ противный!.. И тоже воображаетъ себѣ... „Ахъ, да провалитесь вы всѣ въ

тартарары! Уѣду, забуду, и дѣло съ концомъ. Другихъ средствъ нѣтъ".

Рѣшеніе это къ утру такъ твердо созрѣло въ умѣ Софьи Александровны, что она пожелала тотчасъ же объясниться съ мужемъ о выплатѣ ей даннаго ему взаймы капитала.

„Богъ съ нимъ! — думала она великодушно. — Ни обижать, ни тѣснить его я не стану. Въ сущности, не онъ виноватъ. Въ двѣ недѣли полумилліона не достанешь дешево. Мнѣ же все равно покуда и дѣваться-то некуда съ деньгами. Пусть назначаетъ срокъ какой ему угодно. Но нужно все выяснить и оформить, чтобы я могла уѣхать... Куда? Ну, тамъ видно будетъ".

Блѣдная, тихая и задумчивая, Софья Александровна, закончивъ свой туалетъ,—на этотъ разъ безъ обычной разсчитанной кокетливости,—пошла въ столовую, куда въ домѣ Задоровыхъ обыкновенно подавался общій семейный самоваръ и гдѣ она надѣялась застать мужа.

Она не ошиблась. Семенъ Алексѣевичъ и Нюта уже сидѣли за чаемъ. Но, едва взглянувъ на нихъ, Софья Александровна съ трудомъ могла воздержаться отъ возгласа удивленія.

На Задоровѣ, что называется, лица не было! Синіе круги подъ глазами, кривящіяся губы, выраженіе лица мрачное, но вмѣстѣ какое-то растерянное и почти жалкое... Онъ былъ просто неузнаваемъ! Никто бы не повѣрилъ, что Семенъ Алексѣевичъ можетъ быть чѣмъ-либо приведенъ въ такое состояніе.

Софья Александровна быстро, съ жаднымъ любопытствомъ перевела свой взглядъ на сестру.

Нюта казалась глубоко встревоженной, на глазахъ ея навертывались даже слезы; но въ то же время лицо ея выражало явное, хотя и пугливое недоумѣніе. Она, видимо, тоже не знала и не понимала, что̀ творится съ Задоровымъ.

„Что̀-же случилось?"—спрашивала себя Софья Александровна.

Но, съ напускнымъ видомъ полнѣйшаго спокойствія и равнодушія, она не спѣша подошла къ столу, проговорила: „Здравствуйте!"—и опустилась на свое обычное мѣсто.

Мужъ молча и какъ бы послѣ мгновеннаго колебанія кивнулъ ей головою, насупивъ брови; Нюта полубезсознательно буркнула свое отвѣтное: „здравствуй!" — видимо вся поглощенная иными мыслями или чувствами.

Послѣдовало общее молчаніе.

Семенъ Алексѣевичъ то вертѣлъ себѣ папиросу дрожащими пальцами, которую, впрочемъ, потомъ такъ и бросилъ незакуренною, то исподлобья взглядывалъ на жену.

Наконецъ, онъ вдругъ поднялся со своего мѣста, шумно отодвинулъ стулъ и молча пошелъ изъ комнаты. Къ стоявшему передъ нимъ стакану съ чаемъ онъ даже не притронулся.

„Что̀ случилось?“—терялась въ догадкахъ Софья Александровна.

— Семенъ Алексѣевичъ!—протянула она, однако, вполнѣ безмятежнымъ и даже какъ бы лѣнивымъ тономъ. — Мнѣ съ вами поговорить нужно.

— О чемъ?—остановился онъ, чуть-чуть повернувъ назадъ одну только голову.

— О дѣлахъ. О моихъ деньгахъ.

— Ахъ, о деньгахъ! Да, въ такомъ случаѣ... А то я, признаться, думалъ, не слишкомъ ли вы утомились за эту ночку.

„Боже мой, да онъ ревнуетъ!!—молніей пронеслось въ умѣ Софьи Александровны.—И какъ я раньше не догадалась?“

Она была въ восторгѣ; все вдругъ засіяло передъ нею ликующимъ свѣтомъ; что-то небывалое, неслыханное запѣло въ ея душѣ. Она готова была броситься къ мужу на шею... но сдержала себя чрезвычайнымъ усиліемъ воли.

„Слава Богу! Слава Богу!—говорила она себѣ съ чувствомъ почти религіознаго умиленія. — Это милость Божья... Сооружу икону въ богатѣйшей ризѣ... Вкладъ сдѣлаю... Но теперь-то не наглупить бы какъ-нибудь еще разъ. Нужно каждое слово обдумать. Господи, помоги мнѣ!“

— Съ чего мнѣ утомляться! Я, слава Богу, теперь здорова,— говорила она въ то же время вслухъ, все тѣмъ же лѣниво-невозмутимымъ тономъ.

— Вы такъ поздно кончили свое совѣщаніе съ Поддужнымъ...

— Ну, не старуха же я какая-нибудь слабосильная... Да, вотъ, и съ нимъ вамъ придется условиться насчетъ...

— Мнѣ? Съ Поддужнымъ?—вдругъ всѣмъ тѣломъ своимъ повернулся Семенъ Алексѣевичъ къ женѣ.—Нѣтъ, ужъ увольте!— проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, видимо сдерживаясь.

— Нельзя ли обойтись безъ этого!—пожала плечами Софья Александровна.—Не о грошахъ вѣдь толковать будемъ, а о полумилліонѣ. Я совсѣмъ не прочь, чтобы мои деньги оставались въ вашемъ дѣлѣ по старому. Но, разумѣется, Ваня въ такомъ случаѣ будетъ у васъ компаньономъ.

— Компаньономъ?! Вашъ любовникъ?!

— Ну, да. Къ чему намъ все ломать и перестроивать? Вотъ онъ сегодня придетъ къ обѣду, вы и потолкуете.

— Къ обѣду?! Въ мой домъ?! Да вы понимаете ли, что̀ вы

говорите? Есть ли въ васъ хоть капля стыда послѣ этого?.. Какъ вы смѣли подумать, что я потерплю въ своемъ домѣ вашего душеньку-прохвоста?

— Позвольте!—обидѣлась Софья Александровна.—Терплю же я въ домѣ Нюту! И наконецъ, не вы ли сами додумались до такого прекраснаго порядка? Не вы ли предложили мнѣ выбрать себѣ по сердцу, кого я хочу? Началось это не съ меня. А теперь, разумѣется, я тоже воспользовалась своимъ правомъ. Чтò-же вы противъ этого можете возразить? да еще такимъ обиднымъ для меня тономъ! Я только исполнила ваше же требованіе.

Семенъ Алексѣевичъ постоялъ, переводя духъ, хотѣлъ какъ бы что-то сказать, но вдругъ выбѣжалъ изъ комнаты, ожесточенно хлопнувъ за собой дверью.

Сестры остались вдвоемъ.

— Чтò съ нимъ?—съ хорошо сыгранной наивностью обратилась Софья Александровна къ Нютѣ.

— Ну, не комедіантствуй хоть со мной-то! — отвѣтила дѣвушка, блѣдная, какъ смерть, и тоже поспѣшила уйти, бросивъ на сестру взглядъ глубокой ненависти.—Змѣя! Гадина!—проговорила она какимъ-то срывающимся, жалкимъ выкрикомъ, остановившись на мгновеніе въ дверяхъ.

Лицо Софьи Александровны расцвѣло блаженной улыбкой въ отвѣтъ на это оскорбленіе.

„Теперь, однако, нужно подумать да подумать! — сказала она себѣ, присаживаясь къ окну.—Нѣтъ, пойду лучше въ садъ; тамъ никто не помѣшаетъ“.

Задорова очень любила соображать всякія затруднительныя рѣшенія, расхаживая взадъ и впередъ по дорожкамъ.

На этотъ разъ, однако, размышленія ея длились не долго.

„Нужно ковать желѣзо, пока горячо! — сказала она себѣ съ энергической рѣшимостью.—И прежде всего нужно захватить Сеню раньше, чѣмъ онъ переговоритъ съ Нюткой. Не прошмыгнула ли ужъ она къ нему, подлая? Чего добраго! Догадается!“

Софья Александровна торопливо направилась къ мужу въ кабинетъ, пріотворила дверь и съ невольнымъ вздохомъ облегченія убѣдилась, что онъ сидитъ одинъ, передъ письменнымъ столомъ, уронивъ голову на свои сложенныя на столѣ руки.

Впрочемъ, догадка Софьи Александровны оказалась не совсѣмъ напрасной. Не болѣе, какъ черезъ полчаса послѣ нея, подошла къ кабинету и Нюта. Но дверь уже оказалась запертою.

Дѣвушка постучалась. Не отозвался никто.

Она постучалась еще разъ, посильнѣе.

— Кто тамъ?—отрывисто, съ явной досадою откликнулся Семенъ Алексѣевичъ.

— Я.

— Мы съ Сеничкой очень заняты, сестрица!—послышался тогда голосъ Софьи Александровны.—Приходи черезъ часикъ.

У Нюты подкосились ноги. Она безпомощно упала въ кресло тутъ же, возлѣ запертой передъ нею двери.

XXVI.

Иванъ Ѳомичъ Поддужный дѣйствительно въ тотъ же день явился къ Задоровымъ въ передобѣденное время, съ видомъ счастливаго тріумфатора. „Для шика“, онъ даже не захотѣлъ придти пѣшкомъ, хотя все разстояніе не превышало какой-нибудь сотни саженей, но подкатилъ къ Задоровскому крыльцу на извозчикѣ.

Привлеченный шумомъ экипажа, Семенъ Алексѣевичъ увидалъ его, выглянувъ въ окно, и поблѣднѣлъ.

Самъ того не подозрѣвая, онъ принадлежалъ къ числу людей, способныхъ ревновать до бѣшенства, до безумія или преступленія, ревновать даже женщину, въ сущности, мало любимую... Впрочемъ, послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Именно у такихъ людей, по большей части, ревность раздуваетъ и настоящую, мучительную страсть, которая длится... до успокоенія обоихъ чувствъ вмѣстѣ. Искусныя кокетки знаютъ это какъ нельзя лучше, и потому съ большимъ умѣньемъ ослабляютъ пламя ревности въ сердцѣ своихъ обожателей, но никогда не позволяютъ ему угаснуть вовсе.

Софья Александровна не была кокеткою по профессіи или по инстинкту природы. Она не дурно умѣла пользоваться своей красотою, умомъ, задорной игривостью; но чуть ли не съ дѣтства привыкнувъ къ серьезному общенію съ дѣловыми интересами и цифрами, она не выработала въ себѣ ни всепожирающей жадности къ поклоненію мужчинъ, ни того особаго чутья, которое заставляетъ иныхъ женщинъ быть всегда на-сторожѣ, даже въ минуты кажущагося самозабвенія, ловить въ свою пользу всякую ничтожную случайность, разсчитывать всѣ шансы впередъ, и лгать, вѣчно лгать, сознательно и безсознательно... лгать не только передъ любимымъ человѣкомъ, передъ очарованными и одураченными поклонниками, но передъ всѣми и каждымъ,

передъ свѣтомъ, передъ самой собою и даже чуть ли не передъ Богомъ.

Софья Александровна, при всѣхъ недочетахъ своей нравственной личности, сохранила, однако, въ себѣ извѣстную долю искренности и добродушія въ отношеніи къ близкимъ ей людямъ. А мужа она любила гораздо сильнѣе, чѣмъ даже сама могла это предположить; испытанія же и страхи послѣдняго времени сдѣлали его особенно дорогимъ для ея сердца.

Поэтому, увидавъ Поддужнаго и внезапную блѣдность мужа, она поспѣшила успокоить его, и вмѣстѣ рѣшила дать ему безусловное доказательство своей любви и будущей вѣрности.

— Сеня! Дурачокъ!—воскликнула она, ласково хватая его за руку.—Чего ты? Неужто ты могъ вообразить, что я тебя, моего милаго, моего дорогого, на эту сволочь промѣняю? Оставайся здѣсь и посмотри, что̀ будетъ.

Она позвонила и приказала явившейся горничной тотчасъ позвать изъ амбара троихъ приказчиковъ.

— Пусть побудутъ въ передней, покуда я ихъ потребую,— добавила она ей вслѣдъ.

Черезъ мгновеніе явился Поддужный.

Онъ первый свой поклонъ отвѣсилъ Семену Алексѣевичу; но тотъ, не отвѣчая, отвернулся къ окну.

Нисколько этимъ не смущаясь, Иванъ Ѳомичъ подлетѣлъ къ Софьѣ Александровнѣ, плутовски подмигивая ей на мужа.

— Мое наинижайшее! Позвольте ручку-съ.

Но веселая развязность Поддужнаго вдругъ осѣклась.

— Иванъ Ѳомичъ!—спокойно и серьезно сказала Задорова, пряча свои руки назадъ.—Позвольте васъ предупредить, что я съ вами больше не знакома, и мы съ мужемъ покорнѣйше васъ просимъ больше сюда не приходить.

— Какъ!.. Что̀ такое? Чѣмъ я провинился?

— Конечно, ничѣмъ. Просто мы съ мужемъ помирились, капиталомъ моимъ будетъ завѣдывать онъ, по прежнему, и ваши услуги мнѣ больше не нужны. Да и сами-то вы, по правдѣ сказать, ужъ очень, очень мнѣ...

— Что̀?

— Опротивѣли.

Иванъ Ѳомичъ поблѣднѣлъ и въ первое мгновеніе стоялъ молча, какъ громомъ пораженный.

Софья Александровна воспользовалась этимъ временемъ, чтобы подойти къ двери и растворить ее настежь.

— Просимъ! — указала она на нее Поддужному рукою.— Скатертью дорога!

— Позвольте однако!—нѣсколько пришелъ онъ въ себя.— Такъ добрые люди не дѣлаютъ. Я не собака какая-нибудь, Софья Александровна, чтобы сегодня меня приласкать да накормить, а завтра, ни съ того, ни съ сего, выгнать.

— Кто вы, право не знаю!—пожала плечами Софья Александровна.—А только здѣсь вамъ не мѣсто и... покорнѣйше прошу, пожалуйте!

Она опять указала рукою на растворенную дверь.

— Ну, нѣтъ-съ, я не пожалую!—вдругъ объявилъ Поддужный, съ рѣшительнымъ видомъ усаживаясь въ кресло.—Сначала посчитаемся немножко. Я, вамъ въ угоду, Софья Александровна, невѣсты лишился, всю свою жизнь разстроилъ...

— Отчего же мнѣ въ угоду? Не сами ли вы всему городу объявили, что вамъ старуха Изъянцева опротивѣла, оттого вы и невѣсту бросаете?

— Объявилъ! Да по чьему же наущенію я это сдѣлалъ?

— А мнѣ какое до этого дѣло? Не все ли равно, съ кѣмъ бы вы ни совѣтовались! Добрые люди все слышали.

— Но вѣдь... вѣдь это же все вранье про старуху—ваша же выдумка. Это, наконецъ, подлость!

— Разумѣется, подлость. Публично врать на людей хорошій человѣкъ не станетъ. Такъ только безстыжіе проходимцы дѣлаютъ. Сегодня вы на Изъянцеву налгали, завтра и про меня что-нибудь вздумаете разсказывать. Кто же вамъ повѣритъ? Уходите-ка, однако, по добру, по здорову. Пожалуйте вонъ!

Поддужный вскочилъ съ кресла. Глаза его налились кровью, лицо исказилось бѣшенствомъ.

— Ахъ, ты.....!—воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ.—Я въ тебѣ прежде ни одной кости цѣлой не оставлю!..

Онъ бросился на Софью Александровну, но Семенъ Алексѣевичъ заступилъ ему дорогу и сильнымъ толчкомъ отшвырнулъ его къ стѣнѣ.

— Потише, сволочь цыганская!—крикнулъ онъ, скрежеща зубами.—Я въ тебѣ самомъ, мерзавецъ, ни одной кости не оставлю...

Пока Поддужный, опомнившись отъ нечаяннаго нападенія, готовился ринуться на Задорова, Софья Александровна, нисколько не растерявшись, успѣла кликнуть изъ передней троихъ приказчиковъ.

— Выпроводите-ка этого молодца отсюда въ шею!—прика-

зала она имъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ.—Хорошенько, чтобы помнилъ. Буянить-то, да еще въ чужомъ домѣ, не полагается. За это вѣдь сдачи даютъ.

Обезумѣвшаго Ивана Ѳомича дѣйствительно пришлось вытолкать изъ дома силою и даже сдать въ распоряженіе полиціи, такъ какъ, очутившись на улицѣ, онъ началъ швырять въ Задоровскія окна большими камнями.

XXVII.

Рядъ скандальныхъ событій въ семьѣ Задоровыхъ, разумѣется, не могъ оставаться тайною для Песчанска. Въ этомъ маленькомъ и скучающемъ городкѣ обыватели обрадовались рѣдкому случаю посудачить на счетъ ближняго не изъ за угла, не по поводу выдуманныхъ или искусно прикрытыхъ фактовъ, а при услужливомъ содѣйствіи десятка несомнѣнныхъ свидѣтельствъ или даже потерпѣвшихъ лицъ, непосредственно прикосновенныхъ къ дѣлу и жестоко обиженныхъ.

Воспослѣдовалъ такой шумъ, такія невообразимыя розсказни, выдумки и комментаріи, что смутилась даже Софья Александровна, вообще не очень склонная придавать какое-либо значеніе „болтовнѣ песчанскихъ допотопныхъ мамонтовъ“. Семенъ же Алексѣевичъ, менѣе индифферентный да и по самой силѣ вещей гораздо болѣе жены вынужденный „быть на людяхъ“—совсѣмъ упалъ духомъ. Надъ нимъ, первымъ умницею и дѣльцомъ въ цѣломъ уѣздѣ, если не въ цѣлой губерніи, которому еще недавно всѣ кланялись подобострастно и съ заискивающей улыбочкою,—теперь открыто издѣвались даже люди самые ничтожные, прогорѣвшіе пустомели и мелкіе, узколобые лавочники, бывало, за счастье почитавшіе одинъ снисходительный кивокъ его высоко поднятой головы. Трудно было Семену Алексѣевичу помириться съ такимъ новымъ положеніемъ, трудно было спокойно обсудить и понять его настоящее значеніе. Онъ растерялся.

Этимъ воспользовалась Софья Александровна, чтобы убѣдить мужа куда-нибудь уѣхать на мѣсяцъ, на два, пока позамолкнутъ песчанскіе толки, опомнится и образумится торговый людъ, выведенный изъ своей колеи чрезвычайностью событій. Вранье по времени окажется враньемъ; а хотя и правды останется слишкомъ довольно, но, во-первыхъ, она потеряетъ возбуждающую остроту новости, а во-вторыхъ, обыватели успѣютъ вспомнить, что̀ такое Задоровы, догадаются, что вызвать ихъ неудовольствіе

невыгодно и не безопасно. Черезчуръ же упрямыхъ или задорныхъ глупцовъ и посократить можно будетъ, тѣмъ или другимъ способомъ, въ назиданіе остальнымъ.

Семенъ Алексѣевичъ тѣмъ охотнѣе ухватился за предложеніе жены, что по возможности всѣми мѣрами избѣгалъ необходимости встрѣчаться съ Анной Александровной. Онъ даже подъ разными предлогами не являлся на семейный обѣдъ или чай; а когда встрѣчи со свояченицей нельзя было миновать никоимъ образомъ—не обращался къ ней ни единымъ словомъ, но сидѣлъ молча, то съ опущенной головой, то избѣгая ея взглядовъ своими сконфуженно-растерянными глазами.

При такихъ условіяхъ онъ съ восторгомъ согласился на всѣ предложенія Софьи Александровны, уладилъ свои дѣла съ чрезвычайной поспѣшностью, и срокъ отъѣзда назначилъ черезъ два дня, на ночномъ поѣздѣ, самомъ медленномъ, неудобномъ, но зато и безлюдномъ.

По городу нарочно распустили слухъ, будто отъѣздъ состоится днемъ позже и на курьерскомъ поѣздѣ.

Утро выдалось хлопотливое. Приходилось захватить съ собою множество вещей, другія спрятать и запереть, сдѣлать необходимыя распоряженія по дому и вмѣстѣ обдумывать, не забыто ли что-нибудь очень нужное, не упущено ли какое-нибудь серьезное указаніе остающимся. Даже Софья Александровна нѣсколько притомилась.

Тѣмъ не менѣе, когда все было готово и улажено, она пошла къ сестрѣ въ настроеніи духа почти счастливомъ и безусловно примирительномъ.

— Нюта! Я принесла тебѣ всѣ ключи. Устроивайся тутъ безъ насъ, какъ тебѣ удобнѣе, и, пожалуйста, распоряжайся, не стѣсняясь. Объяснять мнѣ тебѣ нечего, ты и сама не хуже меня все знаешь.

Анна Александровна молча взяла ключи и заперла ихъ въ своемъ коммодѣ, гдѣ хранилось бѣлье и цѣнныя вещи.

— Мы уѣдемъ не завтра, а сегодня же на ночномъ,—пояснила старшая сестра.

Нюта и на это отвѣтила только враждебнымъ взглядомъ.

Но Софья Александровна не пожелала обидѣться имъ или огорчиться. Она, напротивъ, съ рѣшительнымъ видомъ сѣла въ кресло и видимо приготовилась поговорить.

— Послушай, Нюта!—сказала она серьезнымъ, но самымъ дружелюбнымъ тономъ.—За что ты на меня сердишься? Что я тебѣ сдѣлала? Если за Сеню, то вѣдь согласись, что я только

отстаивала себя, свое добро, и скорѣе могла бы сама на тебя сердиться.

Анна Александровна молчала.

— Ты молода и свободна. Можешь еще выбрать, кого хочешь и устроить себѣ жизнь по вкусу. А что бы оставалось мнѣ, еслибы ты совсѣмъ завладѣла Сеней? Подумала ли ты объ этомъ?

— Сама же ты говорила, что были бы деньги, а любви можно купить, сколько угодно.

— Да, говорила. Но говорится и думается одно, а живется — другое. Дура я была! И теперь поняла это... Богъ съ ней, съ этой покупной любовью... Бррр! Даже подумать противно.

Нюта молчала.

— Изстрадалась я, измучилась за это время... Что жъ, развѣ не такъ? Развѣ ты этого не видѣла? А за что? Опять-таки скажу, что я тебѣ сдѣлала? Попрекала я тебя или Сеню? Да Богъ съ вами! Всѣ мы люди. Ну, полюбились вы другъ другу, ну, приласкалъ онъ тебя... Такъ вѣдь ты же мнѣ сестра родная. Легче мнѣ это перенести, чѣмъ еслибы онъ вовсе къ чужой привязался. Богъ съ вами! Скажи, развѣ я тебя обидѣла за это хоть словомъ, хоть намекомъ? Развѣ я была тебѣ плохой или сварливой сестрою? Чѣмъ же я передъ тобой провинилась? За что ты на меня злишься?

— Ахъ, не все ли тебѣ равно!

— Нѣтъ, не все равно. Кромѣ тебя да мужа у меня никого нѣтъ. Братцевъ ты знаешь. Мы росли вмѣстѣ...

Удивительная мягкость и терпѣливость Софьи Александровны повліяли на Нюту. Она не могла не вспомнить, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ эта сестра всегда любила ее по мѣрѣ своихъ способностей, была съ нею откровенна, даже заботилась о ней, искренно огорчалась ея бывшей болѣзнью, ухаживала за нею, иногда просиживая ночи напролетъ, наконецъ, даже несмотря на свою жадность къ деньгамъ, хотя частенько подводила подъ отцовскій гнѣвъ своихъ „братцевъ“, выставляя на видъ собственное добронравіе и заслуги, но ни разу не поступила такъ съ нею, Нютой, а напротивъ, искренно радовалась, узнавъ, что отецъ „наградилъ“ ихъ поровну.

Да, Софья Александровна, хотя довольно холодно и недемонстративно, но любила сестру, это правда, и Нюта почувствовала нѣчто въ родѣ упрека совѣсти.

— Кто изъ насъ кого хотѣлъ со свѣта сжить? — тѣмъ же мягко-разсудительнымъ тономъ продолжала Задорова. — Я ли,

готовая сквозь пальцы смотрѣть на твой грѣхъ съ Сеней, въ надеждѣ, что найдется со временемъ человѣкъ тебѣ по сердцу, и все уладится тихо, скромно, къ общему счастью, или ты? Ты вѣдь захотѣла не только выбросить меня, законную жену Сени, совсѣмъ изъ семьи прочь, да еще сдѣлать меня посмѣшищемъ цѣлаго города... А теперь, когда Господь помогъ мнѣ кое-какъ отстоять себя—я же и виновата передъ тобою?

Анна Александровна вдругъ залилась слезами.

— Соня! Не умѣю я, не могу я, какъ ты... Либо все, либо ничего... Можетъ быть, и права ты, я хуже тебя въ десять разъ, но—что̀ же мнѣ дѣлать? Я не переживу этого...

— Богъ съ тобой, Нюта! Зачѣмъ такой вздоръ говорить... Я рада, что мы уѣзжаемъ: это дастъ тебѣ время одуматься. Посмотримъ, какъ все уладится дальше. Помни, что мы съ тобою все-таки сестры, и я по крайней мѣрѣ зла на тебя не держу въ сердцѣ... Наконецъ, пожалѣй и Сеню сколько-нибудь. Посмотри, на немъ лица нѣтъ, краше въ гробъ кладутъ.

— А ты-то пожалѣла его, когда было всего нужнѣе?

Ошиблась Софья Александровна, заговоривъ о мужѣ; лучше было и не поминать о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда же было, чтобы двѣ соперницы, хотя бы сестры, могли столковаться между собою на подобной почвѣ? Пожертвовать собою, своимъ чувствомъ, всѣмъ счастьемъ жизни, молча—еще возможно; хотя на это, разумѣется, отнюдь не способны были дочери покойнаго Александра Игнатьевича Безпальчикова. Но едва ли когда-нибудь случалось на свѣтѣ, чтобы двѣ женщины *договорились* до мирнаго раздѣла своихъ притязаній къ любимому человѣку.

Богъ вѣдаетъ, кто изъ двухъ сестеръ обронилъ первое ядовитое словцо или намекъ, но за первымъ послѣдовало второе, третье, десятое, гнѣвъ, страсти, горе и обиды сорвались съ узды, самообладаніе покинуло обѣихъ давно уже нервно-разстроенныхъ, напряженно-взвинченныхъ женщинъ, и мирно начатая бесѣда кончилась тѣмъ, что даже болѣе терпѣливая, сдержанная Софья Александровна выбѣжала изъ комнаты внѣ себя, сердито грохнувъ дверью; а Нюта поспѣшила растворить окно въ садъ: ей казалось, что она задыхается, спазмы сдавили ей горло, готовилась истерика...

Внутри ея все дрожало; но ей, однако, удалось справиться съ собою и не поддаться мучительному припадку. Пришлось только долго простоять передъ окномъ, жадно глотая воздухъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый потокъ слезъ. Это уже было облегченіемъ.

Вдругъ Нюта поспѣшно осушила слезы носовымъ платкомъ и почти высунулась изъ окна.

Она увидѣла Поддужнаго, который перелѣзъ черезъ высокій заборъ, съ сосѣдняго переулка, и, видимо крадучись, началъ перебираться изъ одной чащи кустарниковъ въ другую, пока, наконецъ, не укрылся въ густой группѣ сиреней возлѣ главной аллеи.

„Чтò онъ затѣваетъ?—подумала дѣвушка.—Стережетъ кого-то. Не Сеню ли? Нужно пойти сказать“...

Но прежде, чѣмъ дѣвушка успѣла отвернуться отъ окна, она увидѣла Софью Александровну, которая съ опущенной головою, видимо въ глубокомъ раздумьи, направлялась къ саду черезъ широкій мощеный дворъ, окаймленный цѣлымъ рядомъ амбаровъ.

„Какая я дура!—сказала себѣ Анна Александровна.—Разумѣется, Поддужный подстерегаетъ не Сеню, а сестру. Крикнуть ей развѣ? Ну, мнѣ-то какое же дѣло! Пусть себѣ посчитаются между собою, какъ знаютъ“.

Она улыбнулась недоброй улыбкой, и съ чувствомъ мстительнаго удовлетворенія стала слѣдить за сестрою.

Софья Александровна, все такъ же задумавшись, шла теперь по аллеѣ. Верхушки сиреней въ группѣ зашевелились, и Нюта увидала Поддужнаго, который осторожно раздвигалъ послѣдній кустъ, держа въ правой рукѣ большой, блестящій ножъ.

— Соня! Соня! Берегись!—взвизгнула теперь Анна Александровна, въ ужасѣ высунувшись изъ окна до половины тѣла.

Но было уже поздно.

Раздался страшный, душу раздирающій крикъ...

XXVIII.

Когда перепуганные люди Задоровыхъ внесли тѣло своей убитой хозяйки въ домъ и сложили впопыхахъ на первый попавшійся диванъ, Анна Александровна долго стояла надъ нимъ молча и безъ слезъ, вглядываясь въ мертвую голову сестры, почти отдѣленную отъ туловища бѣшенымъ ударомъ ножа. Она ни единымъ звукомъ не отвѣтила людямъ, которые обращались къ ней съ какими-нибудь замѣчаніями, или просто отмахивалась рукою отъ наиболѣе назойливыхъ. Но въ глубокихъ глазахъ ея очевидно таились чувство или мысль, захватившія ее съ необычайною силою. Въ недвижномъ, какъ бы застывшемъ тѣлѣ дѣ-

вушки глаза эти свѣтились отблескомъ таинственной, но напряженной работы духа.

Анна Александровна нéхотя отодвинулась отъ трупа только по необходимости, когда явились полиція, судебный слѣдователь и цѣлая толпа постороннихъ...

Въ послѣдующее затѣмъ время она серьезно и сосредоточенно, но безъ особыхъ внѣшнихъ признаковъ волненія, исполнила все то, что̀ въ подобныхъ случаяхъ требуется отъ хорошей хозяйки-распорядительницы въ домѣ. Семенъ Алексѣевичъ растерялся и на первое время выказалъ даже неожиданную безпомощность, „хуже малаго ребенка", какъ съ удивленіемъ выражались близко знавшіе его люди, и эта слезливая, тихая безпомощность почему-то казалась болѣе жалкой, искренней и серьезной, чѣмъ какія бы то ни было проявленія бурнаго отчаянія. Но Анна Александровна словно не замѣчала вовсе его присутствія въ домѣ. Спокойно и разсудительно дѣлала она необходимыя распоряженія, не обращаясь къ зятю ни единымъ словомъ ни за совѣтомъ, ни за одобреніемъ, ни тѣмъ болѣе за сочувствіемъ или съ цѣлью утѣшить его и поддержать въ нагрянувшемъ горѣ.

На панихидахъ Анна Александровна молилась усердно и вдумчиво, но отнюдь не на показъ. Даже отдавая праху последнее цѣлованіе, она поклонилась ему до земли, но молча, и глаза ея остались сухими.

— Не очень-то убивается сестрица! — даже порѣшили по этому случаю досужія кумушки.

Но „дѣдушка", Андрей Кузьмичъ Касаткинъ, заглянувъ въ глубокіе глаза „хозяйской свояченицы", робко подошелъ къ ней, когда толпа суетливо двинулась изъ храма вслѣдъ за гробомъ, и тихо проговорилъ:

— У Господа, Царя небеснаго, Анна Александровна, милости и любви къ намъ, грѣшнымъ, много, даже конца имъ нѣтъ.

Нюта отвѣтила на это лишь тѣмъ, что крѣпко, но безмолвно пожала руку старика.

Послѣ похоронъ, въ домѣ Задорова наступило какое-то унылое затишье, словно спряталась или заснула жизнь его немногихъ обитателей. Семенъ Алексѣевичъ, нѣсколько опамятовавшись, видимо старался заглушить свои думы и чувства усиленнымъ дѣловымъ напряженіемъ. Но это ему плохо удавалось. Анны Александровны онъ уже не избѣгалъ по прежнему, напротивъ, нѣсколько разъ пытался заговорить съ нею робкимъ, виноватымъ или даже приниженнымъ тономъ. Она же отвѣчала ему пови-

димому съ достаточной готовностью и безъ всякихъ заднихъ мыслей, но такъ разсѣянно, такъ явно всепоглощенная собственными думами, что разговоръ по необходимости обрывался послѣ немногихъ незначительныхъ фразъ.

Наступилъ сороковой день. Исполнено было въ день памяти усопшей все, что въ этотъ день полагается исполнить по преданію и обычаямъ. Семенъ Алексѣевичъ, вернувшись съ могилы домой, задумчиво сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ на привычномъ мѣстѣ, у письменнаго стола; но на этотъ разъ никакая работа не шла ему на умъ.

Вдругъ дверь тихо скрипнула.

Онъ поспѣшно обернулся, и что-то похожее на лучъ свѣта мелькнуло въ его печальныхъ глазахъ.

Входила Анна Александровна.

Оживившись, съ тревожнымъ ожиданіемъ глядѣлъ онъ на нее, усиливаясь что-нибудь прочесть въ спокойномъ, серьезномъ ея лицѣ.

— Семенъ Алексѣевичъ!—сказала она ровнымъ, простымъ тономъ, кладя передъ нимъ небольшую пачку бумагъ.—Я принесла вамъ ваши векселя. Завтра я уѣзжаю.

Этого всего менѣе ожидалъ Задоровъ.

— Анна Александровна!—даже сконфузился онъ.—Въ такой короткій срокъ я не могу вернуть вамъ деньги. Вы сами знаете, кто же держитъ полмилліона въ шкатулкѣ...

— Мнѣ деньги не нужны.

— Черезъ двѣ... самое большое, черезъ три недѣли, я расплачусь.

— Повторяю вамъ, мнѣ деньги совсѣмъ не нужны. Пусть онѣ остаются у васъ, или дѣвайте ихъ куда хотите, мнѣ все равно; я ихъ не возьму.

— Но какъ же такъ?—крайне изумился Задоровъ.

— Очень просто. Онѣ мнѣ не нужны. Я поступаю въ монастырь, постричься намѣрена.

— Въ монастырь?!..

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

— Анна Александровна!—началъ, наконецъ, Задоровъ, тяжело переводя дыханіе.—Я страшно виноватъ передъ вами, нѣтъ для меня никакого оправданія...

— Вздоръ!—съ безапелляціонной рѣшимостью перебила его Нюта. — Передо мною вы совсѣмъ, нисколько не виноваты. Знайте, я признаю это отъ всей души, вполнѣ. Я сама пошла къ вамъ на встрѣчу, сама первая добивалась вашей любви,

когда вы обо мнѣ еще и не думали. *Я* виновата передъ *вами*. А потомъ... потомъ вы поступили именно такъ, какъ слѣдовало ожидать; ничего другого и выйти не могло; а притомъ всякій на вашемъ мѣстѣ не только поступилъ бы точно такъ же, но и зналъ бы, что поступаетъ правильно.

— Анна Александровна! Дѣйствительно, обстоятельства сложились такимъ образомъ... я столько вытерпѣлъ...—Онъ даже застоналъ, на мгновеніе закрывшись руками.—Но, конечно, все это еще не оправдываетъ...

— Вздоръ, повторяю вамъ! Вздоръ! И никакихъ счетовъ, кто, сколько и въ чемъ виноватъ, между нами не нужно...

— Но за что же вы-то должны погибать?..

— За чтò?—улыбнулась она горько.—Ну, кажется, что не задаромъ. Понатворила довольно.

— Запереться въ монастырь, на всю жизнь, съ двадцати лѣтъ отъ роду!.. Это зàживо смерть. Казнь!

— Можетъ быть. Но „дѣдушка" Касаткинъ былъ правъ. Ужъ лучше, во сто разъ лучше, казнить тѣло, чѣмъ душу. Довольно грѣха, Семенъ Алексѣевичъ! Для всѣхъ насъ довольно, повѣрьте! Теперь пора и опомниться.

— На кого же я-то останусь?!

Анна Александровна даже слегка отшатнулась назадъ, съ явнымъ, великимъ изумленіемъ.

— Неужто вы могли предполагать, Семенъ Алексѣевичъ,— тихо сказала она, помолчавъ,—что мы и на Сониной могилѣ будемъ по прежнему сладко цѣловаться, да дѣтокъ, наслѣдниковъ нашей добродѣтели, ростить?

— Нѣтъ, я не то, чтобъ именно... Вы, кажется, очень меня презираете?

Она отвѣтила не сразу.

— „Не судите, да не судимы будете"—сказано, Семенъ Алексѣевичъ... Я буду молиться и за васъ, и за Соню. Всѣмъ намъ очень это нужно, хотя плохія, грѣшныя мои молитвы.

Ѳ. Ромеръ.

ИЗЪ
ПОѢЗДКИ ВЪ БАКУ

I.

Осенью минувшаго года мнѣ пришлось совершить путешествіе въ Баку. Путь мой лежалъ черезъ Владикавказъ и по военно-грузинской дорогѣ, такъ какъ новая желѣзная дорога Петровскъ—Баку, соединяющая Россію съ Закавказьемъ сплошнымъ рельсовымъ путемъ, хотя оффиціально считалась уже открытой (главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ проѣхалъ по ней),—фактически, однако, еще не начала дѣйствовать. Высчитывая свое время по желѣзнодорожному путеводителю, я удивлялся тому, что время отхода срочной кареты изъ Владикавказа въ Тифлисъ (9 час. утра) не согласовано съ временемъ прибытія поѣзда во Владикавказъ (9 час. 10 минутъ утра), причемъ разница заключается всего въ 10 минутахъ, и что такимъ образомъ придется или продолжать путь въ неудобномъ омнибусѣ, отходящемъ въ 11 час. утра, или ждать до 9 час. утра слѣдующаго дня. Вѣроятно здѣсь кроется какое-нибудь недоразумѣніе, наивно думалъ я, не допуская возможности, чтобы по военно-грузинской дорогѣ такъ явно пренебрегали интересами пассажировъ, прибывающихъ по желѣзной дорогѣ и желающихъ непрерывно продолжать свой путь. Я высказалъ свои сомнѣнія сосѣду по купэ вагона. Тотъ саркастически улыбнулся.

— Повидимому, вы полагаете,—замѣтилъ онъ,—что англійское изреченіе: „time is money (время—деньги)“, имѣетъ при-

мѣненіе также у насъ, въ Россіи? Напрасно вы такъ думаете. У насъ время цѣны не имѣетъ, и почтѣ вовсе нѣтъ дѣла до того, что вы изъ-за 10 минутъ проведете лишнія сутки въ пути и понесете лишніе расходы. Дорога создана не для пассажировъ, а наоборотъ, пассажиры созданы для дороги.

— Да вы-то рады будете, если хоть на слѣдующій день получите мѣсто въ срочной каретѣ, — замѣтилъ другой пассажиръ изъ мѣстныхъ жителей. — У насъ мѣста въ каретѣ берутся съ бою, и не то что сутки, а иногда цѣлую недѣлю и больше приходится ждать очереди, чтобы получить мѣсто въ дилижансѣ.

Увы, мнѣ скоро пришлось убѣдиться въ справедливости словъ моихъ спутниковъ. Пріѣхавъ во Владикавказъ, я тотчасъ же отправился на „разгонную станцію", и тамъ я узналъ, что не только всѣ мѣста какъ въ срочныхъ каретахъ, такъ и въ омнибусахъ, записаны уже на недѣлю впередъ, но что и никакого экипажа напрокатъ нельзя будетъ достать въ теченіе нѣсколькихъ дней, такъ какъ всѣ находятся въ разгонѣ. Я очутился передъ дилеммой: или ѣхать 200 верстъ на перекладныхъ въ тряской повозкѣ, или сидѣть цѣлую недѣлю во Владикавказѣ и ждать экипажа. Какимъ дѣтски-наивнымъ показалось мнѣ теперь мое сѣтованіе въ вагонѣ, что движеніе омнибусовъ не согласовано съ временемъ прибытія пассажирскаго поѣзда!

Къ счастью, я вспомнилъ про одного моего вліятельнаго знакомаго во Владикавказѣ, къ содѣйствію котораго я и рѣшился обратиться. Благодаря его протекціи, одно семейство, отправлявшееся изъ Владикавказа въ Тифлисъ и нанявшее для этой цѣли экипажъ еще три дня тому назадъ, согласилось уступить мнѣ одно мѣсто въ экипажѣ. Такимъ образомъ, просидѣвъ сутки во Владикавказѣ, я на слѣдующій день рано утромъ отправился въ путь по знаменитой военно-грузинской дорогѣ.

Говорить о живописности военно-грузинской дороги, о замѣчательныхъ красотахъ природы, чарующихъ взоръ путешественника на всемъ этомъ длинномъ пути, значитъ повторять давно извѣстную истину. Красоты эти способны произвести неотразимое впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ уже всякіе виды, побывавшихъ и въ Швейцаріи, и въ Тиролѣ, и имѣвшихъ уже не разъ возможность любоваться природой горныхъ мѣстностей. Однако, рядомъ съ этими пріятными впечатлѣніями невольно закрадывается въ душу чувство горькой обиды при видѣ той некультурности, которая является спутницей всѣхъ этихъ красотъ природы и которая даетъ себя чувствовать на

каждомъ шагу. Съ одной стороны — грандіозная дорога, смѣло проведенная черезъ одинъ изъ высочайшихъ горныхъ хребтовъ, сооруженіе которой стоило правительству огромныя деньги и на содержаніе которой тратится и теперь много денегъ, а съ другой стороны — отсутствіе всякихъ культурныхъ условій, которыя дали бы возможность путешественнику надлежащимъ образомъ ею пользоваться. Правительство, выстроивъ дорогу, сдѣлало съ своей стороны все, что̀ отъ него можно было требовать. На помощь ему должна была выступить частная предпріимчивость для эксплоатаціи всѣхъ выгодъ, вытекающихъ изъ проведенія такой дороги, какъ для интересовъ путешественниковъ, такъ и для интеросовъ самихъ предпринимателей. Въ дѣйствительности, однако, оказывается, что несмотря на то, что дорога эта построена такъ давно, что она до сихъ поръ представляла единственный путь, соединявшій имперію съ богатымъ закавказскимъ краемъ, что по ней передвигается ежегодно огромная масса пассажировъ и что она своими красотами могла бы привлекать тысячи туристовъ какъ изъ самой Россіи, такъ и изъ западной Европы, частная предпріимчивость ничего до сихъ поръ не сдѣлала, чтобы создать какія бы то ни было удобства для путешественниковъ и чтобы сдѣлать для туристовъ доступными тѣ красоты, которыя разсѣяны въ такомъ изобиліи на всемъ этомъ замѣчательномъ пути. Содержаніе почтовыхъ сообщеній на всемъ пути отдано въ аренду какой-то персидской ханшѣ. Хотя на содержаніе каждой лошади казна приплачиваетъ ежегодно опредѣленную сумму арендаторшѣ, лошадей нѣтъ въ достаточномъ количествѣ, и часто приходится на станціяхъ ждать много часовъ, пока получишь возможность продолжать путь. Что касается экипажей, то, несморя на высокую плату, взимаемую за проѣздъ въ срочныхъ экипажахъ (18 руб. въ I-мъ классѣ и 12 руб. во II-мъ классѣ за одно мѣсто) и на довольно высокую плату за прокатъ отдѣльныхъ экипажей (отъ 12 до 18 руб.), они содержатся въ такомъ маломъ количествѣ, что, какъ упомянуто выше, приходится иногда ждать цѣлую недѣлю, пока достанешь мѣсто въ срочной каретѣ или раздобудешь отдѣльный экипажъ. Изъ всѣхъ 12-ти станцій, находящихся на пути, только въ двухъ (Гудауръ и Млеты) имѣются отдѣльныя комнаты для ночлега (и то по два, по три человѣка на комнату); на всѣхъ же прочихъ станціяхъ существуютъ только по двѣ общія комнаты, для мужчинъ и для дамъ, вся меблировка которыхъ состоитъ изъ двухъ-трехъ жесткихъ дивановъ. Мнѣ пришлось провести ночь въ такой комнатѣ. Всю ночь стоялъ шумъ

и гамъ отъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ пассажировъ, дверь поминутно открывалась и закрывалась, напуская холодъ въ комнату: лампа коптила; я, разумѣется, всю ночь не сомкнулъ глазъ, и мнѣ представлялось, что я нахожусь не на большой всемірно-извѣстной дорогѣ, въ послѣднемъ году XIX-го вѣка, а въ какой-нибудь захолустной польской корчмѣ эпохи 50-хъ годовъ. Невольно думалъ я о томъ, что̀ сдѣлали бы швейцарцы и австрійцы, еслибы они были хозяевами этихъ чудныхъ горъ. Сколько бы гостинницъ было здѣсь настроено на этомъ громадномъ пути, сколько было бы проведено разныхъ дорогъ во всевозможныя стороны отъ главной линіи, какая масса экипажей и омнибусовъ двигалась бы здѣсь по всевозможнымъ направленіямъ, какая жизнь кипѣла бы кругомъ и какая масса народа снискивала бы себѣ средства къ жизни отъ всего этого движенія! Здѣсь же на всемъ пути нѣтъ ни одной гостинницы, многочисленные чудные виды остаются совершенно недоступными для туристовъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ боковыхъ путей, и туристъ долженъ ограничиваться тѣмъ, что̀ лежитъ на главномъ пути. Какъ многія наши природныя богатства лежатъ у насъ втунѣ, такъ и это наше природное богатство, которое въ Швейцаріи послужило основаніемъ для цѣлой отрасли промышленности, такъ называемаго Fremden-Industrie, дающей средства къ жизни цѣлому классу людей, у насъ совершенно пропадаетъ, не принося никому никакой пользы.

Вообще пустынность, безлюдье, отсутствіе жизни даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу на всемъ протяженіи этого длиннаго пути. Лишь изрѣдка, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, встрѣчается какой-нибудь аулъ, и то какой жалкій, едва насчитывающій десятокъ — другой убогихъ жилищъ. Величественно-грозно Дарьяльское ущелье со своими высокими отвѣсными скалами и съ Терекомъ внизу, столь сильно напоминающее Сенъ-Готардскій проходъ. Медленно, небольшими уклонами поднимается дорога вверхъ, вдоль высокихъ скалъ, то по правой, то по лѣвой сторонѣ Терека. Все какъ будто вымерло кругомъ, нигдѣ не видать человѣческаго жилья. Только встрѣчающіеся по временамъ на пути экипажи съ пассажирами оживляютъ мѣстность. Порою, изъ-за выступа скалы выскакиваетъ босоногій мальчишка-лезгинъ, одѣтый въ лохмотья и въ неизмѣнной бѣлой барашковой шапкѣ, и, присѣдая и припрыгивая, пуская въ ходъ разныя сальтомортале, долженствующія изображать лезгинку, пускается въ ходъ вслѣдъ за вашимъ экипажемъ, не переставая скакать за вами босыми ногами по острымъ камушкамъ до тѣхъ

поръ, пока вы ему не бросите какой-нибудь монеты... Ночью, вмѣсто лезгинъ-мальчишекъ, нерѣдко выскакиваютъ изъ-за тѣхъ же скалъ лезгины-отцы, выдѣлывая въ свою очередь разныя сальтомортале вслѣдъ за какимъ-нибудь экипажемъ, но не въ цѣляхъ выпрашиванія монеты, а съ тѣмъ, чтобы, пользуясь своей кошачьей ловкостью и темнотой, незамѣтно отрѣзать прикрѣпленный позади чемоданъ...

Но вотъ мы миновали Дарьяльское ущелье, миновали станцію Казбекъ съ чуднымъ видомъ на гору того же названія, проѣхали также станцію Коби, и мы начинаемъ приближаться къ перевалу, поднимаясь все выше по довольно крутымъ на этотъ разъ уклонамъ, по которымъ едва тащитъ нашъ экипажъ четверка лошадей. Вотъ мы, наконецъ, на перевалѣ, на высшемъ пунктѣ всей дороги, на высотѣ 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря, на мѣстѣ, отдѣляющемъ Европу отъ Азіи. Я ожидалъ, что на этомъ мѣстѣ откроется одинъ изъ величественныхъ видовъ на весь кавказскій хребетъ, что отсюда представится возможность видѣть одновременно Европу и Азію. Пришлось, однако, испытать горькое разочарованіе. Кромѣ креста, поставленнаго на этомъ мѣстѣ, да небольшой каменной пирамиды, съ указаніемъ высоты мѣста надъ уровнемъ моря, здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ признаковъ, которые свидѣтельствовали бы о важномъ значеніи этого мѣста. Сама мѣстность окружена невысокими холмами, совершенно заслоняющими горизонтъ. Весьма вѣроятно, что съ какого-нибудь одного изъ этихъ холмовъ и всего въ какихъ-нибудь двухъ стахъ саженяхъ отсюда открывается чудесный видъ на всѣ стороны. Гдѣ-нибудь въ Швейцаріи или въ Тиролѣ на этомъ мѣстѣ навѣрное стоялъ бы громадный отель, была бы проведена дорога на высшій пунктъ, куда бы пилигримствовали тысячи туристовъ. Здѣсь же безчисленные путешественники, проѣзжающіе мимо этого мѣста, даже не останавливаются, а продолжаютъ свой путь, какъ будто восхищаться природой можно только на чужой территоріи, а не на своей собственной.

Такимъ-то образомъ мы миновали перевалъ и, достигнувъ станціи Гудауръ, стали спускаться по знаменитому Млетскому спуску. Здѣсь не нужно уже искать красивыхъ видовъ на сторонѣ, такъ какъ самый спускъ представляетъ одну изъ очаровательнѣйшихъ картинъ природы. Глубокая, узкая и продолговатая долина простирается между двумя горными хребтами, изъ которыхъ правый, почти отвѣсный, образуютъ Красная гора съ ея „семью братьями“, а по склону лѣваго, болѣе отлогаго, змѣится наша дорога. Между тѣмъ какъ на верху однѣ только

голыя скалы, внизу—прекрасная растительность. Глядя внизъ, въ эту глубокую долину, вы видите предъ собою какъ на ладони сгруппированными на небольшомъ пространствѣ разнообразные виды растительнаго царства, отъ мелкаго кустарника въ высокихъ мѣстахъ до густого лѣса внизу. Чѣмъ больше вы дѣлаете зигзагообразныхъ поворотовъ внизъ по дорогѣ, тѣмъ разнообразнѣе становится окружающая природа: лишаи и мхи смѣняются кустарниками, кустарники—небольшими перелѣсками, послѣдніе —густыми рощами; въ промежуткахъ появляются небольшія поляны, засѣянныя хлѣбомъ, все болѣе и болѣе обнаруживается присутствіе жизни и труда, попадаются на встрѣчу люди, занятые обработкой полей; тамъ и сямъ виднѣются аулы, сверху кажущіеся какими-то гнѣздами. Между тѣмъ какъ на верху чувствуется значительный холодъ и вершины окружающихъ горъ сверкаютъ на солнцѣ ослѣпительнымъ блескомъ выпавшаго за ночь свѣжаго снѣга, внизу стоитъ довольно значительный зной, и картина окружающей природы совершенно лѣтняя, іюльская.

Со станціей Млеты оканчивается наиболѣе живописная часть военно-грузинской дороги, и путешественнику, послѣ испытанныхъ чудныхъ впечатлѣній, дальнѣйшая дорога кажется уже менѣе интересной, хотя она изобилуетъ еще достаточно-красивыми мѣстами. Величественная, грозная и пустынная природа смѣняется мирными, покойными ландшафтами, хотя еще достаточно безлюдными. Чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ болѣе сельская жизнь вступаетъ въ свои права. Появляются виноградники, сады, луга, поляны. За вашимъ экипажемъ опять бѣгаютъ мальчишки, но на этотъ разъ уже не выпрашивающіе у васъ милостыню лезгинкой, а предлагающіе вамъ за ваше подаяніе эквивалентъ въ видѣ грушъ, персиковъ, орѣховъ. За 5 коп. мальчикъ насыпалъ намъ въ карету цѣлый десятокъ большихъ, роскошныхъ персиковъ. Не успѣли мы отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ за нами по обѣимъ сторонамъ экипажа пустились другіе мальчики, наперерывъ предлагая тѣ же персики въ такомъ же изобиліи, выпрашивая тѣ же пятачки. Скоро некуда уже было дѣвать всего этого обилія персиковъ, орѣховъ, грушъ. Я выразилъ удивленіе моимъ спутникамъ по поводу дешевизны всѣхъ этихъ фруктовъ. Спутники мои подтвердили, что въ Тифлисѣ такой десятокъ персиковъ нельзя купить дешевле чѣмъ за 20 коп.

— Должно быть, персики эти краденые,—замѣтила одна изъ нихъ: — мальчики ихъ воруютъ изъ встрѣчающихся по дорогѣ господскихъ садовъ; вотъ почему они ихъ такъ дешево продаютъ.

Мы, такимъ образомъ, по волѣ судьбы очутились въ роли

укрывателей краденыхъ вещей и, по буквѣ закона, должны были бы подлежать карѣ, и я невольно подумалъ о томъ, какъ трудно дѣйствительность укладывается въ теоретическія формулы.

Вотъ мы, наконецъ, достигли послѣдней станціи на нашемъ пути — города Мцхета, лежащаго при сліяніи бѣлой и чистой горной рѣки Арагвы и желтой и мутной Куры. Городъ этотъ, бывшій нѣкогда столицей Грузіи, не только имѣетъ видъ захолустнаго городка, но онъ казался мнѣ какъ будто вымершимъ, какимъ-то совершенно заброшеннымъ гнѣздомъ. Его жалкіе одноэтажные и двухэтажные домишки, скучившіеся на берегу рѣки Куры, своими искривленными верандами, плоскими крышами и глинистымъ цвѣтомъ стѣнъ, столь же мутнымъ и грязнымъ, какъ цвѣтъ тутъ же катящей свои волны Куры, производили какое-то тоскливое, удручающее впечатлѣніе. Неужели этотъ городъ былъ нѣкогда столицей, думалъ я, и въ этомъ жалкомъ соборѣ, ютящемся среди жалкихъ домишекъ, уступающемъ по своей величинѣ самой скромной деревенской церкви, грузинскіе цари нѣкогда вѣнчались на царство?

Со станціи Мцхетъ, отстоящей отъ Тифлиса на разстояніи 20 верстъ, можно уже добраться до Тифлиса по желѣзной дорогѣ, идущей отъ этой станціи параллельно военно-грузинской дорогѣ, вдоль по теченію рѣки Куры. Намъ, однако, не удалось попасть на поѣздъ, и поэтому пришлось и этотъ путь совершить на лошадяхъ.

Въ Тифлисѣ я распростился со своими спутниками и, на̀скоро осмотрѣвъ городъ, вечернимъ поѣздомъ отправился въ Баку.

II.

Нефтяной городъ.

Уже верстъ за полтораста—двѣсти до Баку я чувствовалъ, что приближаюсь къ мѣсту съ совершенно своеобразнымъ климатомъ и почвой, что я нахожусь не въ Европѣ, а въ Азіи. Поѣздъ двигался по совершенно пустынной мѣстности, по извѣстной Муганской степи. Кругомъ, на протяженіи цѣлыхъ десятковъ верстъ, никакихъ признаковъ жизни, ни растеній, ни животныхъ, ни людей. Только рельсовый путь, телеграфные столбы и желѣзнодорожныя будки свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь прошлась человѣческая рука, которая если не пріобщила эту заброшенную Богомъ и людьми мѣстность къ культурѣ, то

по крайней мѣрѣ проложила путь для дальнѣйшаго движенія культуры на востокъ. Многочисленныя станціи, которыя мы проѣзжали, представляли тѣ же сторожевыя будки, на которыхъ нельзя было достать ни съѣстныхъ припасовъ, ни воды. Согласно указанію желѣзнодорожнаго путеводителя, на этихъ станціяхъ нельзя было высаживать пассажировъ (безбилетныхъ?), очевидно потому, что они рисковали бы тамъ умереть съ голоду. Только двѣ-три станція представляли какъ бы оазисы, въ которыхъ кое-что можно было достать; но и туда съѣстные припасы, равно какъ и вода, доставляются изъ-за сотни верстъ тою же желѣзной дорогой. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Баку, тѣмъ мѣстность становилась волнообразнѣе; по бокамъ дороги потянулись небольшіе обнаженные песчаные холмы, мѣстами растрескавшіеся, съ своеобразными вычурными очертаніями. Какъ извѣстно, окрестности Баку изобилуютъ такъ называемыми грязными вулканами, представляющими холмы, испещренные трещинами и скважинами, по которымъ ползетъ грязь, выбрасываемая по временамъ подземнымъ дѣйствіемъ этихъ вулкановъ, находящимся, по мнѣнію проф. Менделѣева, въ связи съ условіями образованія нефти въ нѣдрахъ земли. Вотъ Волчьи Ворота— узкая долина, ведущая черезъ цѣпь холмовъ на противоположный ихъ склонъ. Поѣздъ, нашъ, однако, дѣлаетъ громадный крюкъ, огибая всю эту цѣпь холмовъ и въ одномъ мѣстѣ совершенно приближаясь къ берегу Каспійскаго моря, вдоль котораго нѣкоторое время продолжается нашъ путь. Предъ нами разстилается безбрежная водная стихія съ ея мутно-зеленоватыми волнами, обдающая насъ, несмотря на осеннее время, знойнымъ дыханіемъ утренняго палящаго солнца. Вскорѣ и этотъ видъ исчезаетъ отъ нашихъ глазъ, опять застилаемый холмами, но зато предъ нами съ противоположнаго окна вагона возстаетъ другая картина: въ туманной дали виднѣется густой черный лѣсъ, тѣмъ болѣе поражающій насъ, что глазъ совсѣмъ отвыкъ видѣть въ этой пустынной мѣстности даже какое бы то ни было подобіе дерева. Клубы дыма, вьющіеся надъ мнимыми деревьями, еще болѣе увеличиваютъ наше удивленіе... Само собою разумѣется, что этотъ густой черный лѣсъ—обманъ зрѣнія; мнимыя деревья—это такъ называемыя нефтяныя вышки, составляющія высокія и узкія деревянныя пирамиды, которыя возвышаются надъ нефтяными колодцами или буровыми скважинами и внутри которыхъ помѣщаются разныя приспособленія и машины для черпанія нефти или *тартанія*. Вышки эти сосредоточены въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ на небольшомъ сравнительно

пространствѣ и въ такомъ близкомъ разстояніи одна отъ другой, что издали онѣ кажутся какъ будто слившимися въ одинъ густой черный лѣсъ. Клубы дыма вьются отъ ютящихся возлѣ вышекъ небольшихъ кочегаренъ, издали совершенно незамѣтныхъ. Однако и этотъ видъ исчезаетъ изъ нашихъ глазъ. По ощущаемому нами ѣдкому запаху керосина мы угадываемъ, что цѣль наша уже близка, что мы въѣзжаемъ въ городъ нефти и керосина. Мимо оконъ мелькаютъ заводы, резервуары, вагоны-цистерны, трубы... Дымъ, копоть, грязь... Дворы, дороги, стѣны зданій, крыши— все кажется пропитаннымъ той мутно-зеленоватой жидкостью, именуемой нефтью, которая составляетъ жизненную основу этого города, его raison d'être... Наконецъ поѣздъ остановился. Мы пріѣхали.

Съ перваго взгляда Баку производитъ впечатлѣніе обыкновеннаго большого провинціальнаго города. Тѣ же одноэтажные и двухэтажные дома, тѣ же отвратительно мощеныя улицы и тротуары, то же рѣдкое керосиновое освѣщеніе улицъ, по которымъ ночью ходить страшно. Однако, тотчасъ же замѣчаются и нѣкоторыя отличія, въ зависимости отъ мѣстнаго климата и отъ быстраго роста города въ экономическомъ отношеніи. Рядомъ съ одноэтажными и двухэтажными домами тамъ и сямъ возвышаются грандіозные дома и пассажи, устроенные со всѣмъ комфортомъ и роскошью новѣйшей архитектуры; рядомъ съ жалкимъ керосиновымъ освѣщеніемъ—большіе электрическіе фонари, освѣщающіе магазины и нѣкоторые кварталы. Особенность мѣстной архитектуры, какъ во всѣхъ азіатскихъ городахъ, составляютъ плоскія крыши домовъ; другую такую же особенность представляютъ крытыя стеклянныя галереи, опоясывающія дома изнутри дворовъ и имѣющія своимъ назначеніемъ предохранять комнаты отъ зноя и пыли. Хотя пыль составляетъ неотъемлемую принадлежность всякаго русскаго города, но такого обилія ея, какъ въ Баку, трудно себѣ и представить. Часто дующій сѣверный вѣтеръ приноситъ съ собою цѣлыя тучи песку, мелкаго камня и пыли съ окружающей Баку песчаной степи, и эти тучи вихремъ несутся съ неимовѣрной силою по городу, опрокидывая все на своемъ пути и, несмотря на всякія преграды и затворы, забираются во внутренность домовъ, покрывая тамъ все густой пеленой. Наружныя стѣны домовъ, крыши и балконы—всѣ имѣютъ одинъ и тотъ же тоскливый глинистый цвѣтъ, отъ покрывающаго ихъ густого слоя пыли. Какъ ни невыносимъ удушливый зной, доходившій во время моего пребыванія въ Баку въ сентябрѣ до 40°, а лѣтомъ достигающій 50°, пыль, приносимая вѣтромъ, еще невыносимѣе,

и жители предпочитаютъ запираться въ комнатахъ и задыхаться тамъ отъ жары, чѣмъ давать свободный притокъ въ комнаты „свѣжему“ воздуху, проникающему всѣ поры тѣла, не говоря уже о легкихъ, своею густою пылью. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ апрѣля по сентябрь, какъ мнѣ передавали мѣстные жители, былъ всего только разъ дождь, въ теченіе какихъ-нибудь 15 минутъ, и это считалось какимъ-то знаменательнымъ событіемъ, о которомъ всѣ вспоминали, запомнивъ и число мѣсяца, въ которое оно совершилось. Мы, жители сѣвера, и особенно Петербурга, которые по цѣлымъ недѣлямъ не видимъ солнца и для которыхъ ясное небо и солнечный свѣтъ всегда столь желанны и пріятны, не можемъ себѣ представить такого состоянія, когда бы ясное небо и яркій солнечный свѣтъ ощущались какъ тягость. А между тѣмъ такое чувство я именно испытывалъ, находясь въ Баку, каждый разъ когда я просыпался утромъ и видѣлъ опять это безоблачное небо, это раскаленное солнце, обѣщающее и на сегодня такой же мучительный зной, такую же невыносимую сухость. Жажда облачка, сѣраго неба, запаха дождя обратилась въ какую-то манію.

Столь же тяжело ощущается отсутствіе зелени. Нигдѣ во всемъ городѣ не видать садика, палисадника, даже отдѣльнаго дерева. Есть только одинъ городской садъ, да два-три сквера. Но, Боже мой, что это за жалкія, чахлыя деревца! Покрытыя густой пылью, давно высохшія, потерявшія всякій образъ и подобіе живой растительности. Къ этому надо еще прибавить отсутствіе воды и постоянно ощущаемую томительную жажду, которая не только не утоляется, но еще увеличивается отъ употребленія мѣстнаго отвратительнаго суррогата ея—„опрѣсненной“ морской воды, перегоняемой въ спеціально устроенномъ заводѣ, такъ называемомъ „опрѣснителѣ“. Мѣстное простонародье неохотно употребляетъ эту воду, помимо ея дурного вкуса, считая ее „безжизненной“, и предпочитаетъ употребленіе колодезной воды, не менѣе дурной на вкусъ и вдобавокъ еще крайне вредной въ гигіеническомъ отношеніи.

Этотъ зной, раскаленное солнце, отсутствіе зелени и воды угнетаютъ духъ, лишаютъ жизнь всякой поэзіи, обращаютъ человѣка въ раба унылой повседневности. Только въ такой атмосферѣ могъ возникнуть культъ огнепоклонства, которымъ Баку славится съ незапамятныхъ временъ. Возникновенію этого культа значительно способствовало другое оригинальное явленіе мѣстной природы—такъ называемые вѣчные огни, которыми изобилуютъ окрестности Баку и составляющіе не что иное, какъ выходъ под-

земныхъ нефтяныхъ газовъ на земную поверхность. Газы эти, которыми въ древности пользовались для поддержанія вѣчныхъ огней въ храмахъ, въ настоящее время утилизируются для жженія извести. По свидѣтельству нѣмецкаго проф. Энглера [1]), посѣтившаго Баку въ 1885 г., вся известь, употребленная для бакинскихъ построекъ, была приготовлена подобнымъ образомъ въ окрестностяхъ Сураханъ. На пути отъ Сураханъ въ Балаханы Энглеръ замѣтилъ не менѣе 70 мѣстъ, гдѣ были навалены груды известковаго камня, черезъ которыя выступало пламя изъ маленькихъ отверстій въ землѣ, служившее для ихъ сжиганія. Какъ только известь была готова, отверстія затыкались, наваливались новыя груды известковаго камня, отверстія вновь открывались, и выступающій газъ вновь зажигался. Точно также газъ этотъ употребляется на керосиновомъ заводѣ „Бакинскаго нефтяного общества“ въ Сураханахъ для освѣщенія и для топки.

Выходъ подземнаго газа, однако, замѣчается не только на сушѣ, но и на самомъ Каспійскомъ морѣ. Это интересное явленіе можно и теперь наблюдать въ извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ Каспійскаго моря неподалеку отъ порта, если бросить на поверхность воды пучокъ зажженой пакли. Выступающій изъ морского дна газъ при этомъ вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ и горитъ на пространствѣ нѣсколькихъ квадр. саженъ. Только вѣтеръ и волны въ состояніи потушить это пламя, представляющее въ высшей степени интересное зрѣлище на поверхности воды среди ночной тьмы.

Подобныя явленія должны были особенно сильно дѣйствовать на воображеніе древнихъ и возбудить ихъ суевѣріе. Есть указанія на то, что культъ огнепоклонниковъ пріютился въ окрестностяхъ Баку еще за шесть вѣковъ до Р. Х. Мѣстность эта ежегодно привлекала къ себѣ тысячи пилигримовъ, стекавшихся сюда массами для поклоненія мѣстнымъ вѣчнымъ огнямъ въ построенныхъ для этого храмахъ, вплоть до VII вѣка послѣ Р. Х., когда императоръ Гераклій, въ своемъ походѣ противъ персовъ, посѣтившій Муганскія степи въ 624 г., разрушилъ эти храмы и уничтожилъ культъ огнепоклонниковъ. Это, однако, продолжалось недолго, такъ какъ послѣ покоренія, спустя 12 лѣтъ, Персіи арабами, оставшіеся вѣрными старому культу персы удалились въ Баку и тамъ возстановили разрушенные алтари. Другіе персы, бѣжавшіе въ Индію и образовавшіе тамъ секту парсовъ или гебровъ, въ свою очередь пилигримствовали на Апшеронскій

[1]) Engler, Das Erdöl von Baku. Stuttgart 1886, §. 14—15.

полуостровъ, для поклоненія мѣстнымъ вѣчнымъ огнямъ [1]). Храмы гебровъ сохранялись въ теченіе ряда вѣковъ вплоть до послѣдняго времени. Посѣтившій въ 1754 г. Баку англійскій путешественникъ Ганвай разсказываетъ слѣдующее объ этихъ храмахъ. „Въ 10 англійскихъ миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Баку, въ сухой, каменистой мѣстности, тамъ и сямъ разсѣяны древніе, построенные изъ камня, храмы, которые служили мѣстомъ поклоненія огню. Изъ нихъ одинъ небольшой храмъ служитъ и до сихъ поръ для поклоненія индійцевъ. Здѣсь находятся отъ 40 до 50 бѣдныхъ богомольцевъ, пришедшихъ съ своей родины для паломничества. Неподалеку отъ храма, въ разсѣлинѣ низкой скалы находится продолговатое отверстіе, длиною въ 6 футовъ, шириною въ три фута, изъ котораго исходитъ постоянное пламя, по цвѣту и яркости напоминающее пламя спиртовой лампы, но еще болѣе чистое. При вѣтрѣ пламя иногда поднимается до 8 футовъ вышины, но при тихой погодѣ оно гораздо ниже" [2]).

Другой путешественникъ, петербургскій академикъ Гмелинъ, посѣтившій Баку въ 1771 г., слѣдующимъ образомъ описываетъ огнепоклонниковъ Баку. „Они суть потомки древнихъ гебровъ. Они почитаютъ сей неугасимый огонь за нѣчто чрезвычайно святое и за знакъ божества, которое себя людямъ ни въ чемъ чище и ни въ чемъ совершеннѣе представить не можетъ, какъ въ огнѣ и свѣтѣ, яко такомъ веществѣ, которое столь чисто, что болѣе къ тѣламъ причислено быть не можетъ. Сіи благоговѣйные люди изъ Индіи ходятъ для спасенія къ сему неугасаемому огню въ Баку и тамъ воздаютъ свое со страхомъ соединенное почтеніе вѣчному существу столь трогающимъ образомъ, что разсуждая объ ономъ, о сихъ людяхъ совсѣмъ другое понятіе получимъ, нежели какое обыкновенно имѣемъ мы объ язычникахъ. Вокругъ того мѣста, гдѣ постоянно огонь горитъ, имѣютъ они сдѣланные храмы отъ 10 до 12 фут. вышиною, внутри со сводами. Теперь сихъ странственниковъ только трое... Они ходятъ совсѣмъ наги и головы у нихъ обриты. Питаются сырыми кореньями и плодами. Если представить скелетъ, на которомъ натянута черная кожа, то будемъ имѣть понятіе объ образѣ спасающагося при Бакѣ индѣйца" [3]).

Одинъ изъ этихъ храмовъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ у селенія

---

[1]) Ch. Marvin, The petroleum of the futur. London 1884, стр. 8—10.

[2]) An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. By Jonas Hanvay, Merchant. London, 1754. Vol. 1, p. 264.

[3]) С. Г. Гмелинъ, Путешествіе по Россіи для изслѣдованія всѣхъ трехъ царствъ природы. 1785. Т. III, стр. 67.

Сураханы, рядомъ со старымъ заводомъ „Бакинскаго нефтяного общества" (индійскій монастырь Аатетъ-Га). Жрецы-огнепоклонники жили здѣсь еще въ началѣ 1870-хъ годовъ (на московской политехнической выставкѣ 1872 г. была изображена группа бакинскихъ гебровъ въ моментъ совершенія ими религіознаго обряда), для того, чтобы поддерживать въ уцѣлѣвшемъ храмѣ священный огонь. Теперь храмъ этотъ опустѣлъ навсегда, такъ какъ отправленіе службы и совершеніе религіозныхъ обрядовъ въ немъ запрещены русскимъ правительствомъ [1]).

Но само собою разумѣется, особенность Баку составляютъ не нефтяные газы или огни, принадлежащіе къ числу курьёзовъ, а нефтяные источники, которыми такъ богаты окрестности этого города и которые по своей производительности принадлежатъ къ первымъ въ мірѣ. Долго лежали эти громадныя богатства втунѣ, и люди ими пользовались лишь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Бакинскіе ханы получали отъ нихъ ежегодно дохода до 40.000 руб. Съ переходомъ бакинскаго ханства во владѣніе русскихъ, въ 1723 г., Петръ Великій съ своей обычной прозорливостью обратилъ особенное вниманіе на Баку, какъ на пунктъ, въ которомъ можетъ сосредоточиться вся торговля съ Востокомъ, и на его нефтяные источники. Въ своемъ приказѣ генералу Матюшкину, взявшему приступомъ Баку, Петръ Великій писалъ: „Бѣлой нефти тысячу пудъ или сколько возможно прислать, да поискать здѣсь мастера". Однако, Баку находился во владѣніи русскихъ недолго. При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1732 г. Баку вновь возвращенъ Персіи, и только въ 1813 г. бакинское, кубинское и дербентское ханства окончательно и навсегда были присоединены къ Россіи.

Однако, и подъ владычествомъ Россіи бакинскіе нефтяные источники долгое время разработывались весьма слабо. Казна отдавала эти источники въ откупъ, получая отъ нихъ около ста тысячъ рублей ежегоднаго дохода. Только съ 1872 г., когда откупъ былъ совершенно уничтоженъ и замѣненъ сдачей нефтяныхъ земель въ аренду съ торговъ, начинается дѣятельная разработка нефтяныхъ земель. Прежніе патріархальные колодцы замѣняются буровыми скважинами; вмѣсто первобытной перевозки нефти изъ промысловъ на заводы въ бочкахъ на арбахъ, появляются нефтепроводы и грандіозные резервуары; на Каспійскомъ морѣ появляется цѣлая флотилія наливныхъ судовъ для

---

[1]) К. Тульскій, Наша нефтяная промышленность. „Русская Мысль", мартъ, 1897, стр. 105.

перевозки нефтяныхъ остатковъ и керосина до Астрахани и далѣе по Волгѣ, и въ вагонахъ-цистернахъ по всей Россіи; съ ничтожныхъ начатковъ нефтяное производство дѣлается одною изъ самыхъ богатыхъ отраслей промышленности въ Россіи; добыча нефти, не превышавшая въ 1873 г. 3½ милл. пуд., достигаетъ въ 1898 г. огромной цифры 486 милл. пуд., т.-е. больше половины всей міровой добычи, оставивъ далеко позади себя добычу Америки, которая является единственной конкурренткой Россіи на всемірномъ рынкѣ по добыванію нефти.

Нефтяные промыслы расположены къ сѣверо-востоку отъ Баку, въ 12 верстахъ отъ города, на трехъ площадяхъ: Бахаханской, Сабунчинской и Романинской, примыкающихъ одна къ другой и занимающихъ пространство въ нѣсколько верстъ. Далѣе къ сѣверо-востоку лежитъ деревня Сураханы, о которой уже упомянуто выше. На пути отъ города къ промысламъ расположился такъ-называемый Черный городъ, въ которомъ сосредоточилась вся обработывающая нефтяная промышленность. Вдоль широкихъ пустынныхъ улицъ тянутся высокіе каменные заборы, огораживающіе многочисленные керосиновые, масляные, химическіе и т. под. заводы, резервуары, мастерскія и т. д. На улицахъ нѣтъ ни мостовыхъ, ни троттуаровъ, зато по разнымъ направленіямъ ихъ прорѣзываютъ глубокія, узкія канавы, по которымъ течетъ зеленоватая вонючая жидкость, составляющая отбросы разныхъ заводовъ и промысловъ, спускаемые по этимъ канавамъ въ море. Тутъ же вдоль этихъ канавъ, какъ и по разнымъ другимъ направленіямъ, тянутся многочисленныя трубы, по которымъ нефть перекачивается изъ промысловъ на заводы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе плохой спайки трубъ, нефть просачивается, образуя небольшія грязныя черныя лужи. Часто возлѣ такихъ мѣстъ копошатся оборванные мальчишки или дѣвочки, съ ведрами въ рукахъ, собирая туда просачивающуюся жидкость, за которую можно будетъ потомъ выручить копѣйку-другую.

Другіе промыслы расположились на противоположномъ концѣ Баку, къ юго-западу отъ него, на Баби-Эйбатской площади, возлѣ самаго моря. Здѣсь находится знаменитый промыселъ, бывшій Тагіева, перешедшій недавно къ англійской компаніи, на которой одинъ фонтанъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выбросилъ свыше 30 милліоновъ пудовъ нефти.

Самый городъ тянется въ видѣ полукруга по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку вдоль морского берега, окаймленный съ сѣверо-запада хребтомъ, за которымъ начинается

песчаная степь. Татарское населеніе пріютилось въ крѣпости, въ возвышенной части города, надъ которой господствуетъ высокая овальная башня. Про эту башню существуетъ легенда, что съ ея высоты бросилась въ море дочь одного хана, которую отецъ отказался выдать замужъ за любимаго человѣка. Непостижимо, какимъ образомъ она могла попасть въ воду, когда морской берегъ находится на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ отъ башни. Если эта легенда справедлива, то надо полагать, что морской берегъ имѣлъ когда-то другія очертанія, и на мѣстѣ, гдѣ теперь суша, когда-то была вода. Между тѣмъ, наоборотъ, есть указанія на то, что на мѣстѣ, гдѣ теперь вода, когда-то была суша, такъ какъ подъ морскою поверхностью находятся остатки построекъ, вслѣдствіе вулканическаго переворота погруженныхъ теперь въ воду.

Преобладающіе типы мѣстнаго населенія—армяне, татары и персіяне. Весьма сильно бросается въ глаза, что женщинъ на улицѣ почти не видать. Объясняется это тѣмъ, что европейскихъ женщинъ, или, точнѣе говоря, русскихъ, сравнительно очень мало; большею частью это жены и дочери чиновниковъ, служащихъ въ конторахъ, управленіяхъ и банкахъ, т.-е. болѣе или менѣе зажиточныя, выходящія на улицу, вслѣдствіе сильной жары, лишь въ случаяхъ крайней необходимости; только по вечерамъ можно ихъ встрѣчать въ мѣстномъ городскомъ „саду". Русскихъ женщинъ изъ простонародья очень мало; женская прислуга рѣдка и цѣнится очень дорого; большею частью прислуживаютъ мужчины-лезгины, персіяне. Татарскія женщины въ услуженіе не идутъ. Болѣе зажиточныя татарки совсѣмъ прячутся дома; бѣдныя же, которымъ приходится выходить, обыкновенно стараются быстро перебѣгать улицу, кутаясь въ своихъ разноцвѣтныхъ чадрахъ и тщательно закрывая лицо отъ глазъ прохожихъ.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ эти пугливыя существа, закутанныя съ головы до ногъ въ длинныя покрывала, боящіяся дневного свѣта. Невольно поднимается въ душѣ чувство жалости къ этимъ женщинамъ, представляющимся воображенію какими-то низшими существами въ сравненіи съ *нашими* женщинами. Даже тяжелая нужда не освободила ее отъ вѣками унаслѣдованнаго обычая прятать свое лицо отъ дневного свѣта и людскихъ взоровъ.

Такое же тяжелое впечатлѣніе производятъ и персіяне-чернорабочіе. Между тѣмъ какъ армяне составляютъ привилегированный, интеллигентный классъ мѣстнаго населенія, задающій всему тонъ и отличающійся своей зажиточностью и богатствомъ, та-

тары и персіяне, лишь въ незначительномъ числѣ, пополняя ряды купеческаго и вообще средняго класса, главной массой принадлежатъ къ мѣстнымъ чернорабочимъ. Трудно себѣ представить болѣе жалкихъ, безотвѣтныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безобидныхъ существъ, какъ эти „амбалы“,—какъ ихъ на мѣстѣ называютъ,—съ какой-то страдальческой покорностью несущіе свой тяжелый крестъ. Какъ будто и теперь предъ моими глазами стоитъ одинъ изъ этихъ тружениковъ, съ покорностью вьючнаго животнаго нагнувшій свою спину, поверхъ которой маленькій мягкій матрацъ или мѣшокъ образуетъ нѣчто въ родѣ сѣдла; другой такой же труженикъ стоитъ возлѣ него и нагромождаетъ на его спину одну тяжесть за другой. Нагруженный громоздкой ношей, онъ въ томъ же согбенномъ положеніи отправляется въ путь, иногда на довольно далекое разстояніе, повидимому считая такой образъ жизни вьючнаго животнаго совершенно въ порядкѣ вещей. Мнѣ передавали, что нерѣдко можно видѣть, какъ подобный носильщикъ несетъ одинъ на своей спинѣ такую тяжелую вещь, какъ піанино; по всей вѣроятности, такая выносливость объясняется тѣмъ, что, благодаря приспособленію на спинѣ упомянутаго мѣшка или сѣдла, носильщики приноровились при нагруженіи тяжестей всегда находить для нихъ соотвѣтствующую точку опоры. Эта выносливость тѣмъ болѣе поразительна, что по своему внѣшнему виду и сложенію они совсѣмъ не похожи на нашихъ великорусскихъ широкоплечихъ и здоровенныхъ чернорабочихъ, а довольно невзрачны и тщедушны, причемъ потребности ихъ доведены до minimum'a: все ихъ питаніе заключается въ чурекѣ—опрѣснокѣ изъ муки, которые они себѣ сами готовятъ. Они рѣдко пьютъ и при всей ничтожности ихъ заработка они успѣваютъ сколотить копѣйку, пребывая въ Баку въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и возвращаясь обратно съ заработанными деньгами на родину. Въ сравненіи съ крайней бѣдностью и издѣвательствомъ надъ ихъ личностью и „выколачиваніемъ“ послѣдней копѣйки, которымъ они подвергаются на родинѣ, ихъ жизнь въ Баку, хотя и полная лишеній и тяжелаго труда, представляется куда лучшей. Но вообще положеніе рабочихъ въ Баку далеко не завидно. Особенно это слѣдуетъ сказать объ условіяхъ жизни рабочихъ на промыслахъ. Самый трудъ на промыслахъ, главнымъ образомъ, заключающійся въ *тартаніи*, или вычерпываніи нефти изъ пробуренныхъ скважинъ и въ буреніи новыхъ скважинъ, не особенно тяжелъ. Работа производится въ закрытомъ помѣщеніи, внутри *вышки*, и вся состоитъ въ управленіи соотвѣтствующими механиз-

мами. Болѣе тяжелымъ является трудъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствуетъ фонтанъ, особенно если онъ выбрасываетъ нефть съ стремительной силой, и необходимо принимать рѣшительныя и быстрыя мѣры, чтобы собирать нефть и не давать ей уйти. Обыкновенно, тамъ, гдѣ ожидается по разнымъ признакамъ появленіе фонтана, устроиваются вокругъ вышки земляные валы, которые образуютъ какъ бы естественные резервуары, куда нефть стекаетъ по выходѣ изъ скважинъ. Чѣмъ выше и плотнѣе валъ, тѣмъ меньше опасности, что нефть уйдетъ и затопитъ окрестныя мѣста. Такъ какъ фонтаны обыкновенно выбрасываютъ нефть вмѣстѣ съ пескомъ и каменьями, то необходимо тутъ же на мѣстѣ очищать вытекающую жидкость, чтобы не давать песку и каменьямъ нагромождаться въ изобиліи, преграждая свободный выходъ нефти. Рабочіе, производящіе эту чистку, стоятъ по колѣна, а иногда и выше погруженные въ нефть, образующую какъ бы ручей, по берегамъ котораго они выбрасываютъ упомянутыя выше твердыя вещества. Чѣмъ ближе рабочіе стоятъ къ скважинѣ, тѣмъ напоръ стремительнѣе, тѣмъ выдѣляющійся при фонтанахъ нефтяной газъ удушливѣе и опаснѣе для здоровья. Разумѣется, такіе рабочіе получаютъ сравнительно высокое вознагражденіе, причемъ ближе стоящіе къ скважинѣ получаютъ больше своихъ товарищей, стоящихъ немного дальше. Но, конечно, и высокое вознагражденіе не можетъ представлять рабочему вознагражденія за вредъ, причиненный ему этимъ тяжелымъ трудомъ, при которомъ онъ вынужденъ стоять по колѣна и выше погруженный въ жидкости и вдыхать нефтяной газъ, подвергаясь простудѣ, экземамъ, легочнымъ и разнымъ другимъ болѣзнямъ, иногда весьма опаснымъ.

Впрочемъ, фонтаны, дѣйствующіе съ стремительною силой, при которыхъ требуется указанная работа, представляютъ рѣдкое явленіе. Обыкновенный же нормальный трудъ на промыслахъ, какъ уже сказано, ничуть не вреднѣе и не тяжеле другихъ видовъ труда въ другихъ отрасляхъ промышленности и во всякомъ случаѣ значительно легче труда въ каменноугольной и металлургической промышленности. Если, тѣмъ не менѣе, надо назвать положеніе рабочихъ на промыслахъ тяжелымъ, то причина этому не качество труда, даже не размѣръ вознагражденія, который нельзя считать особенно низкимъ, а тѣ жизненныя условія, въ которыхъ рабочіе находятся. Общее число рабочихъ на упомянутыхъ выше площадяхъ простирается до 22.000, а вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми (большинство рабочихъ, особенно принадлежащіе къ магометанамъ, безсемейные)—до 30.000. За

исключеніемъ двухъ-трехъ большихъ фирмъ, каковы фирмы Нобеля и Ротшильда, выстроившихъ для своихъ рабочихъ отдѣльныя хорошія казармы и семейныя квартиры, рабочіе всѣхъ другихъ промысловъ ютятся въ самыхъ отвратительныхъ помѣщеніяхъ, большею частью наемныхъ, за которыя они платятъ въ три-дорога. Эти грязныя, смрадныя лачуги и конуры, представляющія гнѣзда всякихъ болѣзней, расположены тутъ же, возлѣ промысловъ, гдѣ тѣснота и скученность необычайныя и гдѣ рабочіе вынуждены не только днемъ, но и ночью дышать отвратительнымъ, пропитаннымъ копотью, сѣро- и углеводородными газами, промысловымъ воздухомъ. Согласно произведеннымъ учрежденной для этого спеціальной коммиссіей изслѣдованіямъ, Балахано-Сабунчинская площадь, по степени загрязненія, по количеству содержанія въ ней колоній микроорганизмовъ, въ томъ числѣ, конечно, и небезвредныхъ, по жизнеспособности бактерій и разростанію ихъ, представляетъ собою единственную почву изъ всѣхъ изслѣдованныхъ доселѣ почвъ въ различныхъ мѣстностяхъ земного шара авторитетами науки. Содержаніе въ ней азота, хлора и амміака на глубинѣ метра превышаетъ содержаніе тѣхъ же составныхъ частей въ почвѣ сильно унавоженной. Даже почва Москвы, несмотря на ея тысячелѣтнюю обитаемость, чище Балахано-Сабунчинской, несмотря на то, что заселеніе послѣдней насчитываетъ только десятки лѣтъ. Находящееся тутъ же въ чертѣ промысловъ громадное Сабунчинское озеро представляетъ собою настоящую клоаку, въ которую стекается вода изъ многихъ промысловыхъ канавъ, изъ разныхъ бань и грязныхъ дворовъ. Вмѣстѣ съ водою туда поступаютъ всякіе человѣческіе и кухонные отбросы и падаль; берега озера служатъ для многихъ мѣстомъ свалки нечистотъ; зловоніе и вредныя испаренія застоявшейся и сгнившей воды заражаютъ воздухъ, вслѣдствіе чего постоянно въ этой мѣстности свирѣпствуютъ лихорадка и тифъ.

Не менѣе содѣйствуетъ распространенію всякихъ болѣзней качество питьевой воды. Колодезныя воды Балахано-Сабунчинской и Романинской площадей не только безусловно вредны для питья, но даже не годятся для варки пищи, оставляя уже въ сторонѣ крайнюю жесткость и непригодность для стирки бѣлья. Тѣмъ не менѣе, рабочее населеніе употребляетъ эту воду въ гораздо бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ куринскую, которая доставляется ежедневно Совѣтомъ съѣзда нефтепромышленниковъ по закавказской желѣзной дорогѣ на станцію Сабунчи въ количествѣ около 2.500 ведеръ въ сутки, не достающихъ на всѣ

40.000 мѣстныхъ жителей, которымъ необходимо, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза больше. Но и эта доброкачественная вода содержится въ такомъ видѣ, что можетъ только служить распространенію болѣзней. Вода эта отпускается изъ деревяннаго чана возлѣ вокзала Сабунчи, съ такимъ же дномъ, внутри ничѣмъ не выложеннымъ. Чистка его производится только 3—4 раза въ годъ, черезъ узкія окна крыши; генеральная же чистка за два года, повидимому, ни разу не производилась; дно чана ниже уровня земли и со всѣхъ сторонъ окружено канавой, которая неизмѣнно переполнена грязной водой. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него—селеніе Сабунчи съ его скученными постройками, первобытными выгребными и помойными ямами и канавами, изъ которыхъ загрязненная вода просачивается въ почву, гдѣ заложенъ вышеупомянутый чанъ ниже окружающаго уровня [1]).

Это, конечно, является результатомъ нашей обычной безалаберности и беззаботности, къ которой примѣшивается чисто мѣстная, азіатская нечистоплотность и любовь къ грязи. Надо, однако, надѣяться, что съ теченіемъ времени упомянутыя печальныя условія измѣнятся къ лучшему. Одна изъ главныхъ причинъ отвратительнаго состоянія жилищъ для рабочихъ заключается въ томъ, что онѣ скучены въ чертѣ промысловъ, гдѣ все уже застроено и гдѣ каждая пядь земли такъ дорога, между тѣмъ какъ окрестныя съ промысловыми площадями земли составляютъ казенную и крестьянскую собственность, которую до сихъ поръ не разрѣшалось пріобрѣтать для упомянутыхъ цѣлей. Въ настоящее время послѣдовало уже разрѣшеніе отчуждать казенныя земли для рабочихъ жилищъ, гдѣ могутъ быть устроены прекрасныя колоніи для рабочихъ, соединенныя съ промыслами конкой или желѣзной дорогой. Примѣсь иностраннаго элемента по всей вѣроятности тоже окажетъ свое вліяніе, чтобы расшевелить мѣстную лѣнь и водворить новые порядки. Во всякомъ случаѣ, этотъ нефтяной городъ, лѣтъ 15—20 тому назадъ представлявшій собою ничтожный захолустный городъ и теперь насчитывающій уже около 20.000 жителей, ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ стать однимъ изъ крупнѣйшихъ центровъ русской промышленности, благодаря зарытымъ въ его землѣ неистощимымъ нефтянымъ богатствамъ.

---

[1]) Интересную характеристику жилищъ промысловыхъ рабочихъ, какъ и санитарнаго состоянія промысловой площади даетъ докладъ А. Н. Бенкендорфа, помѣщенный въ „Трудахъ XIII очереднаго съѣзда нефтепромышленниковъ“. Баку, 1899 г., стр. 103—147.

Быть можетъ, эти богатства, которыми природа такъ щедро наградила его нѣдра, привлекая къ нему ежегодно новые капиталы и свѣжія интеллигентныя силы, будутъ способствовать и водворенію въ этой мѣстности новой культуры, которая смягчитъ тяжелыя условія мѣстной природы, заключающіяся въ отчаянномъ климатѣ, нестерпимой жарѣ, отсутствіи воды и растительности, дѣлающихъ въ настоящее время жизнь въ этомъ городѣ столь невыносимою.

Б. Брандтъ.

ОСЕНЬ

Лѣсъ осыпается. Старческимъ ропотомъ
Вѣтви деревьевъ шумятъ.
Сыплются листья съ таинственнымъ шопотомъ,
Съ шорохомъ смерти летятъ.

Всѣ георгины и астры послѣднія
Въ нашемъ саду отцвѣли.
Въ страны, гдѣ дни не кончаются лѣтніе,
Къ югу летятъ журавли.

Тучи на солнышко осень надвинула.
Вѣтеръ стучится въ окно.
Что ты меня, моя радость, покинула?
Жду тебя, другъ мой, давно!

Было тепло и свѣтло. Ты смѣялася...
Пѣла... вѣнки мнѣ плела...
Осень въ лѣсу и въ саду разыгралася,
Осень мнѣ въ сердце вошла...

Н. Б. Хвостовъ.

ПО ПОВОДУ
ПОСЛѢДНИХЪ СОБЫТІЙ

Письмо въ Редакцію.

Въ недавно вышедшемъ (май-іюньскомъ) № журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“, въ рецензіи кн. С. Н. Трубецкого на мои „Три разговора“ я считаю нужнымъ поправить одну хронологическую ошибку. Уважаемый рецензентъ, какъ строгій ученый, конечно, дорожитъ фактическою точностью своихъ указаній и потому, надѣюсь, должнымъ образомъ отнесется къ моей маленькой поправкѣ.

На стр. 363 читаемъ: „В. С. согласится, что эсхатологія отца Пансофія, при всей своей фантастичности, отлична отъ эсхатологіи перваго вѣка. Почтенный монахъ знаетъ кое-что о Ницше, о Толстомъ, о государственномъ соціализмѣ, о франмасонахъ и даже *о послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ*“. Въ общемъ это замѣчаніе мнѣ не совсѣмъ понятно. Вѣдь вымышленный авторъ моей „повѣсти объ антихристѣ“, монахъ Пансофій, представленъ мною какъ нашъ современникъ, и слѣдовательно его „эсхатологія“, при всей своей фантастичности, какъ выражается кн. Трубецкой, или при всей своей вѣрности положительнымъ христіанскимъ началамъ, какъ сказалъ бы я, никакъ не можетъ во всѣхъ своихъ внѣшнихъ фактическихъ частностяхъ совпадать съ эсхатологіей перваго вѣка. Какимъ образомъ, на какомъ

основаніи, да и по какому поводу сталъ бы я представлять современнаго образованнаго монаха, кончившаго курсъ въ духовной академіи, ничего не знающимъ о Ницше, Толстомъ, государственномъ соціализмѣ и франмасонахъ? Но если автору моей повѣсти невозможно было не знать объ этихъ предметахъ, то о „послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ“ онъ, напротивъ, рѣшительно ничего не могъ знать. Вѣдь это было бы такое же точно знаніе, какое одинъ ревностный градоправитель предполагалъ въ подчиненной ему полиціи, требуя, чтобы она извѣщала его обо всякомъ пожарѣ за полчаса до того, какъ покажется огонь.

Говоря о послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ, кн. Трубецкой, очевидно, разумѣлъ то вооруженное движеніе китайской націи противъ европейцевъ, которое стало проявляться въ половинѣ мая настоящаго года и приняло грозные размѣры съ начала іюня (5-го іюня—убійство германскаго посланника). А то указаніе на предстоящую грозу изъ Китая, что находится въ „краткой повѣсти объ антихристѣ“, было мною публично прочитано въ залѣ петербургской Думы *26-го февраля* этого года и на другой же день сполна появилось въ печати, именно въ *февральской* книжкѣ „Недѣли“ [1]). *Знать* въ февралѣ о майскихъ и іюньскихъ событіяхъ въ Китаѣ можно было бы только путемъ ясновидѣнія; но еслибы я обладалъ этимъ даромъ, то мое изложеніе будущей исторіи было бы, я думаю, болѣе точнымъ и подробнымъ.

Никакого *знанія*, ни естественнаго, ни сверхъ-естественнаго, о послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ я, конечно, не имѣлъ, пока, вмѣстѣ со всѣми, не прочелъ о нихъ въ газетахъ. Но предвидѣніе и предчувствіе этихъ событій и всего, чѣмъ они грозятъ далѣе, дѣйствительно у меня было и высказывалось мною еще гораздо раньше нынѣшняго февраля, напримѣръ въ появившейся десять лѣтъ тому назадъ статьѣ: *Китай и Европа* („Русское Обозрѣніе“ 1890 г.). Особенно сильное предчувствіе наступающей монгольской грозы испытано мною осенью 1894 г. (если не обманываетъ память, 1-го октября) на финляндскомъ озерѣ Саймѣ. Вызванное этимъ стихотвореніе „Панмонголизмъ“ было записано мною нѣкоторымъ друзьямъ, а первые четыре стиха его послужили эпиграфомъ къ повѣсти объ антихристѣ:

---

[1]) Въ отдѣльномъ изданіи „Трехъ разговоровъ“, вышедшемъ въ маѣ, „краткая повѣсть объ антихристѣ“ съ указаніемъ на панмонголизмъ и китайское движеніе напечатана безъ существенныхъ измѣненій сравнительно съ февральской книжкой „Недѣли“.

Панмонголизмъ! Хоть имя дико,
Но мнѣ ласкаетъ слухъ оно,
Какъ бы предвѣстіемъ великой
Судьбины Божіей полно.

Въ этомъ ожиданіи исторической катастрофы на Дальнемъ Востокѣ я не былъ, конечно, одинокъ. Такой взглядъ раздѣляется въ послѣднее время разными лицами, какъ и указано въ предисловіи къ „Тремъ разговорамъ“ [1]). И если многіе говорили о приближеніи грозы, то за мною остается лишь печальное преимущество послѣдняго и *кричащаго* указанія на грозу уже совсѣмъ приблизившуюся, готовую разразиться и однако же не замѣчаемую огромнымъ большинствомъ [2]).

Да и теперь, когда всѣ замѣтили, многіе ли по первымъ ударамъ оцѣнили весь объемъ и всю силу уже наступившей, уже разразившейся бѣды? Послѣ нѣсколькихъ дней напряженнаго испуга, опять все—по старому. Кто въ самомъ дѣлѣ уразумѣлъ, что стараго нѣтъ больше и не помянется, что прежняя исторія взаправду кончилась, хотя и продолжается въ силу косности какая-то игра маріонетокъ на исторической сценѣ? Кто понялъ, что наступившая нынѣ историческая эпоха настолько же,—нѣтъ, гораздо больше удаляется отъ всѣхъ нашихъ вчерашнихъ историческихъ заботъ и вопросовъ, какъ время великой революціи и Наполеоновскихъ войнъ было по существу интересовъ далеко отъ эпохи войнъ за испанское наслѣдство, или какъ у насъ въ Россіи Петровскій и Екатерининскій вѣкъ неизмѣримо переросъ дни московскихъ великихъ князей. Что сцена всеобщей исторіи страшно выросла за послѣднее время и теперь совпала съ цѣлымъ земнымъ шаромъ, — это очевидный фактъ. Что этому со-

[1]) Я слышалъ, что въ одной русской газетѣ указывалось по этому поводу мнѣніе извѣстнаго географа Реклю. Если это указаніе вѣрно,—мнѣ не приходилось читать Реклю, — то я радъ, что истина имѣетъ еще одного и такого серьезнаго свидѣтеля.

[2]) Эта невнимательность къ самому важному вызываетъ во мнѣ одно воспоминаніе изъ давняго времени. Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ я нерѣдко видался съ покойнымъ Катковымъ, у котораго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ печаталась моя докторская диссертація. Въ мартѣ 1881 г. мнѣ случилось передать ему одинъ достовѣрный случай изъ петербургской жизни, которымъ онъ и воспользовался по своему въ одной передовой статьѣ, гдѣ между прочимъ говорилось: „Мы слышали, что на другой день послѣ страшной катастрофы 1 марта Петръ Ивановичъ Бобчинскій переговорилъ о ней съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, и они сообща порѣшили не придавать особеннаго значенія этому происшествію“. — Подобнымъ же образомъ нынѣшніе гоголевскіе герои хотѣли бы отнестись и къ китайскому „происшествію“. Однако, господа! Настоящій-то ревизоръ ужъ, кажется, пріѣхалъ, и я вижу на вашемъ порогѣ жандарма, который сейчасъ пригласитъ васъ пожаловать.

отвѣтствуетъ возростающая жизненная важность происходящихъ на этой сценѣ событій и рѣшаемыхъ вопросовъ — это хотя не всѣми одинаково ясно сознается, но вообще также не подвергается сомнѣнію. Но къ чему идетъ человѣчество, какой конецъ этого историческаго развитія, охватившаго нынѣ всѣ наличныя силы нашего земного населенія? Ходячія теоріи прогресса—въ смыслѣ возростанія всеобщаго благополучія при условіяхъ теперешней земной жизни—кн. С. Н. Трубецкой справедливо называетъ пошлостью. Со стороны идеала это есть пошлость, или надоѣдливая сказка про бѣлаго быка; а со стороны предполагаемыхъ историческихъ факторовъ—это безсмыслица, прямая невозможность. Говорите усталому, разочарованному и разбитому параличомъ старику, что ему еще предстоитъ безконечный прогрессъ его теперешней жизни и земного благополучія... „Ужъ какое тутъ, батюшка, благополучіе, какая жизнь! Лишь бы прочее время живота непостыдно да безъ лишнихъ страданій дотянуть до близкаго конца".

Что современное человѣчество есть больной старикъ, и что всемірная исторія внутренно *кончилась*—это была любимая мысль моего отца, и когда я, по молодости лѣтъ, ее оспаривалъ, говоря о новыхъ историческихъ силахъ, которыя могутъ еще выступить на всемірную сцену, то отецъ обыкновенно съ жаромъ подхватывалъ: „Да въ этомъ-то и дѣло, говорятъ тебѣ: когда умиралъ древній міръ, было кому его смѣнить, было кому продолжать дѣлать исторію: германцы, славяне. А теперь гдѣ ты новые народы отыщешь? Тѣ островитяне что-ли, которые Кука съѣли? Такъ они, должно быть, уже давно отъ водки и дурной болѣзни вымерли, какъ и краснокожіе американцы. Или негры насъ обновятъ? Такъ ихъ хотя отъ легальнаго рабства можно было освободить, но перемѣнить ихъ тупыя головы такъ же невозможно, какъ отмыть ихъ черноту". А когда я, съ увлеченіемъ читавшій тогда Лассаля, сталъ говорить, что человѣчество можетъ обновиться лучшимъ экономическимъ строемъ, что вмѣсто новыхъ народовъ могутъ выступить новые общественные классы, четвертое сословіе и т. д., то мой отецъ возражалъ съ особымъ движеніемъ носа, какъ бы ощутивъ какое-то крайнее зловоніе. Слова его по этому предмету стерлись въ моей памяти, но очевидно они соотвѣтствовали этому жесту, который вижу какъ сейчасъ. Какое яркое подтвержденіе своему продуманному и провѣренному взгляду нашелъ бы покойный историкъ теперь, когда вмѣсто воображаемыхъ новыхъ, молодыхъ народовъ нежданно занялъ историческую сцену самъ дѣдушка-Кроносъ въ

лицѣ ветхаго деньми китайца, и конецъ исторіи сошелся съ ея началомъ!

Историческая драма сыграна, и остался еще одинъ эпилогъ, который, впрочемъ, какъ у Ибсена, можетъ самъ растянуться на пять актовъ. Но содержаніе ихъ въ существѣ дѣла заранѣе извѣстно.

Владиміръ Соловьевъ.

1 іюля 1900.

М. С. КОРЕЛИНЪ

Біографическій очеркъ [1]).

Чѣмъ ближе стоялъ къ намъ въ жизни человѣкъ, тѣмъ труднѣе бываетъ дать по воспоминаніямъ изображеніе его личности. Самая близость отношеній побуждаетъ насъ колебаться въ выборѣ словъ и опредѣленій, изъ опасенія невѣрной окраски. Наши воспоминанія не обладаютъ ни точностью, ни опредѣленностью фотографическаго аппарата; намъ приходится сознательно выбирать изъ этихъ воспоминаній и выставлять ту или другую черту, кажущуюся намъ наиболѣе характерной для знакомой личности, которую, притомъ, мы въ жизни видали при самомъ различномъ освѣщеніи. Въ особенности такой выборъ можетъ быть затруднителенъ, когда воспоминанія тянутся по цѣлому ряду лѣтъ.

Но зато продолжительность воспоминаній можетъ и облегчить нашу задачу, если они даютъ намъ возможность на всемъ протяженіи времени подмѣтить *одну* преобладающую черту — и именно такая черта поможетъ намъ въ настоящемъ случаѣ изобразить и понять личность покойнаго профессора, на полупути жизни похищеннаго смертью у семьи, друзей и университета.

Я зналъ покойнаго М. С. со вступленія его въ университетъ въ 1876 году; я былъ однимъ изъ руководителей его занятій, на моихъ глазахъ началась его преподавательская дѣятельность—на Высшихъ Женскихъ курсахъ,—происходила его неустанная научная работа, и всѣ эти воспоминанія о немъ объединяются однимъ общимъ впечатлѣніемъ.

Одно изъ главныхъ открытій нашего времени въ области

[1]) Рѣчь, произнесенная въ Московскомъ Историческомъ Обществѣ.—*Ред.*

исторіи заключается въ установленіи понятія *среды* и ея вліянія на людей, на ихъ убѣжденія и на ихъ творенія. Прослѣдить вліяніе среды въ исторіи литературы и искусства, въ исторіи теорій и общественныхъ теченій есть благодарное дѣло, которымъ многіе занимаются и увлекаются. И покойный Корелинъ, какъ историкъ, былъ хорошо знакомъ съ значеніемъ *среды* и съ вопросомъ о ея вліяніи. Въ небольшой рукописи, оказавшейся въ его бумагахъ, онъ, упомянувъ о вліяніи климата и расы, говоритъ о „теоріи, въ которой мѣсто расы и климата занимаетъ общественная *среда*, развивающаяся по своимъ особеннымъ законамъ, совершенно независимымъ или даже прямо противоположнымъ стремленіямъ отдѣльныхъ личностей". При этомъ, — продолжаетъ онъ, — общественная среда понимается или какъ организмъ, въ которомъ личность занимаетъ мѣсто клѣточки, лишенная всякой самостоятельности въ жизни и дѣятельности, или какъ такой аггрегатъ особей, въ которомъ индивидуумъ живетъ и дѣйствуетъ подъ исключительнымъ вліяніемъ только біологическихъ законовъ или, еще ўже, однѣхъ экономическихъ потребностей. Примѣнять ли намъ эту теорію *среды* и въ данномъ случаѣ? Искать ли намъ въ окружавшей М. С. Корелина средѣ объясненіе его личности, дѣйствующую пружину его начинаній и источникъ его убѣжденій? На это я долженъ сказать, что если личность и жизнь Михаила Сергѣевича и представляются въ извѣстномъ смыслѣ отраженіемъ современной среды, то болѣе характерной для него чертою является то, что онъ постоянно выдавался *надъ* средой—*переросталъ среду*.

Такъ было въ деревенской семьѣ, такъ было въ школѣ и въ университетѣ. Я хочу подтвердить это двумя примѣрами. Когда Корелинъ учился, его умственная *среда* питалась сочиненіями писателя, производившаго въ то время удивительно сильное впечатлѣніе на юные умы. Я былъ самъ свидѣтелемъ обаянія этого писателя. Въ одномъ университетскомъ городѣ за границей проживалъ пожилой человѣкъ изъ южно-русскихъ помѣщиковъ. Онъ былъ въ параличѣ и поѣхалъ за границу лечиться, а затѣмъ остался тамъ и помѣстился у доктора въ лечебницѣ. Онъ былъ лишенъ возможности всякаго движенія, но былъ всегда бодръ духомъ, и эта бодрость духа поддерживалась въ немъ поздно проснувшейся въ немъ страстью къ образованію. Единственнымъ его утѣшеніемъ въ его одиночествѣ и безпомощности были петербургскіе журналы; онъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ въ началѣ каждаго мѣсяца; ибо имъ онъ былъ обязанъ интере-

сомъ, который у него остался въ жизни, и любимымъ его чтеніемъ въ этихъ журналахъ были статьи Писарева.

Если человѣкъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ такъ увлекался Писаревымъ и находилъ въ немъ пищу для идеальныхъ стремленій, то какъ было не зачитываться имъ одинокому гимназисту, заброшенному изъ деревни въ номера на Воздвиженкѣ! Но молодой умъ Корелина скоро поднялся надъ уровнемъ увлекавшихъ его воззрѣній и нашелъ себѣ болѣе прямые пути къ образованію и наукѣ.

Съ его умственнымъ развитіемъ шло рука объ руку и его нравственное развитіе. И тутъ среда давала готовыя формулы и популярныя рѣшенія трудныхъ вопросовъ. Въ сочиненіи, написанномъ, какъ видно изъ помѣтки, въ началѣ перваго курса, молодой студентъ рѣшалъ вопросъ о нравственности, „ея генезисѣ, основѣ и критеріѣ", усвоивъ себѣ подсказанное средою рѣшеніе, какъ напр.: „Основа нравственности есть стремленіе къ счастью"; „Удовлетворительно объяснить факты изъ области нравственности можно только съ утилитарной точки зрѣнія". Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Корелинъ писалъ въ частномъ письмѣ изъ Берлина: „Самый популярный теперь здѣсь профессоръ—Паульсенъ. Его собственная философія (если только она у него есть) не глубока: онъ придерживается позитивныхъ воззрѣній, а въ морали — утилитаризма". Прошло еще нѣсколько лѣтъ; Корелинъ сдѣлался историкомъ, и исторія научила его сравнительной оцѣнкѣ различныхъ этическихъ идеаловъ. Въ своемъ обзорѣ моральныхъ системъ въ римской имперіи Корелинъ отдаетъ преимущество морали Аполлонія Тіанскаго передъ моралью стоицизма, эпикуреизма и неоплатонизма на томъ основаніи, что „она чужда эгоистической окраски".

Такимъ образомъ М. С. Корелинъ представляетъ собою въ эпоху жизни, обозначаемую великимъ поэтомъ словомъ „Lehrjahre", одаренную личность, которая живо ощущаетъ на себѣ вліяніе среды, но въ то же время реагируетъ противъ нея, поднимается выше и переростаетъ ее. Этотъ основной фактъ личной жизни, сейчасъ указанный, не могъ не остаться безъ вліянія на самого покойнаго Корелина; и онъ, дѣйствительно, отразился на его научной дѣятельности, на его философіи исторіи, на его отношеніи къ обществу, наконецъ на его личномъ характерѣ.

Въ центрѣ научной дѣятельности покойнаго Корелина стоятъ, какъ извѣстно, его труды по исторіи итальянскаго гуманизма; сюда относится его двухъ-томное сочиненіе о „Раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ", затѣмъ—рядъ статей, составляющихъ какъ бы

его продолженіе, и, наконецъ, неоконченный трудъ Корелина о Лаврентіи Валлѣ. Можно думать, что самый выборъ темы для труда, наполнявшаго жизнь, обусловливается личностью автора. Итальянскій гуманизмъ представлялъ собою на всемъ протяженіи Всеобщей исторіи наиболѣе наглядное зрѣлище освобожденія личности отъ среды посредствомъ образованія и воздѣйствія на среду во имя новыхъ личныхъ идеаловъ. Но не только выборъ задачи—и самое разрѣшеніе ея обусловливается указаннымъ выше психологическимъ фактомъ изъ жизни молодого ученаго. Изъ существовавшихъ въ наукѣ объясненій причинъ гуманизма онъ усвоилъ то, которое было ему наиболѣе, такъ сказать, „сродни". Онъ сталъ выводить гуманизмъ изъ принципа индивидуализма, стараясь подъ это понятіе подвести разнообразныя черты этого сложнаго явленія.

Это объясненіе сдѣлало для Корелина гуманизмъ еще болѣе симпатичнымъ явленіемъ, и гуманизмъ съ его идеалами и стремленіями поглощалъ вниманіе молодого историка — сдѣлался его умственной *средой*.

Но и въ этомъ случаѣ проявилось преобладающее свойство покойнаго Корелина—не поддаваться поглощенію среды. Гуманистическіе идеалы и стремленія, какъ они ни были ему симпатичны, не овладѣли всецѣло личностью изслѣдователя, не закрыли для него историческаго горизонта, не уменьшили его способности понимать другія эпохи и цѣнить другіе идеалы.

Одновременно съ печатаніемъ диссертаціи о „Раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ", покойному Корелину пришлось заняться совершенно другой эпохой—заняться наскоро и мимоходомъ. Ему было предложено прочесть публичный курсъ изъ 10 лекцій, который долженъ былъ служить продолженіемъ и замѣной прекратившихся Высшихъ Женскихъ курсовъ, и онъ не считалъ возможнымъ отказаться отъ сдѣланнаго ему предложенія. Областью предположеннаго цикла лекцій была исторія древняго міра. М. С. взялъ темою для своихъ лекцій „паденіе античнаго міросозерцанія"—„культурный кризисъ въ римской имперіи".

Курсъ о паденіи античнаго міросозерцанія нужно признать образцовымъ по внѣшнему плану и построенію. Хорошо выбранный матеріалъ симметрично расположенъ въ 10 лекціяхъ и уже своимъ внѣшнимъ расположеніемъ и логической связью отдѣльныхъ выводовъ отлично подготовляетъ читателя къ пониманію и воспріятію главной идеи. Какая же эта идея?—Ученому, углубившемуся въ изученіе эпохи гуманизма, было чрезвычайно трудно перенестись въ міровоззрѣніе эпохи римской имперіи,

постигнуть духъ и потребности того времени и объективно къ нему отнестись. Гуманизмъ представляетъ собою торжество свѣтскаго образованія надъ богословскимъ міровоззрѣніемъ и надъ властью средневѣкового папства, которое въ глазахъ людей того времени отождествлялось съ христіанствомъ. Культурный же кризисъ въ римской имперіи представляетъ, напротивъ, торжество христіанства надъ той античной культурой, возрожденіе которой составляло главную опору гуманизма. Поклоннику гуманизма поэтому трудно быть безпристрастнымъ и проницательнымъ историкомъ первыхъ вѣковъ христіанства. Такая задача бывала не по силамъ и знаменитымъ историкамъ. Гиббонъ, какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи не освободился изъ-подъ вліянія *среды*, въ которой жилъ. Раціоналисты XVIII в. видѣли въ христіанствѣ лишь враждебную культурѣ силу, и причины, которыми Гиббонъ объяснялъ его торжество въ римской имперіи, свидѣтельствуютъ о его нерасположеніи къ нему и непониманіи его. Корелинъ объяснилъ причины торжества христіанства яснѣе и отчетливѣе любого историка церкви. Онъ объяснялъ это торжество христіанства изъ *потребностей личности* и *общества* того времени. Онъ начинаетъ съ характеристики римской религіи и показываетъ ея неудовлетворительность, оказавшуюся вслѣдствіе того, что античное общество переросло миѳологію и языческій культъ. Вѣрующіе язычники ищутъ выхода въ религіяхъ Востока, въ сліяніи культовъ—теокразіи, надѣясь найти въ нихъ болѣе высокое представленіе о божествѣ и болѣе высокую мораль, но не находятъ этого. На помощь къ нимъ является философія — стоицизма и эпикурейства, но и она не разрѣшаетъ задачи. Тогда появляются близкія къ христіанству философскія системы на религіозной почвѣ—неоплатонизмъ и неопиѳагорейство,—но и имъ задача была не по силамъ, а послѣднее принуждено свой нравственный идеалъ почерпнуть у христіанства. Такимъ образомъ изложеніе культурнаго кризиса въ римской имперіи разъясняетъ читателю грядущее торжество христіанства; онъ ясно видитъ, какимъ потребностямъ тогдашняго общества удовлетворяло христіанство и почему его торжество было не только неминуемо, но и желательно съ точки зрѣнія самого античнаго общества. Препятствіемъ къ этому торжеству служили только предразсудки языческой толпы, языческой власти, которая смѣшивала область государства съ областью религіозной, и страхи образованнаго общества, которое опасалось за просвѣщеніе. Но съ той минуты, когда вожди христіанскаго движенія измѣнили первоначальное враждебное отношеніе къ языческой культурѣ, и *это* препятствіе

было устранено, и торжество христіанства явилось счастливымъ для человѣчества завершеніемъ культурнаго кризиса въ древнемъ мірѣ.

Сочиненіе о паденіи античнаго міросозерцанія не только представляетъ собой зрѣлое научное разрѣшеніе одной изъ труднѣйшихъ историческихъ проблемъ, но и доказательство полной зрѣлости самого автора, достигнутой путемъ научнаго труда и размышленія.

Я не стану говорить подробнѣе о научныхъ трудахъ покойнаго Корелина, такъ какъ это сдѣлано въ некрологѣ, составленномъ мною для московскаго университета [1]. Сказанное здѣсь о научной дѣятельности М. С. наглядно показываетъ намъ *ростъ его личности* на научномъ поприщѣ и при помощи науки. При этихъ условіяхъ его самого не могъ не интересовать общій вопросъ о значеніи личности и ея роли въ исторіи, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые горячо обсуждались въ окружавшей его средѣ. И въ этомъ случаѣ мы снова имѣемъ передъ собою примѣръ того, какъ молодой Корелинъ переросталъ среду. Въ то время, когда онъ учился въ гимназіи и университетѣ, его среда преклонялась передъ книжкой, которая пользовалась у учащейся молодежи каноническимъ авторитетомъ. И не мудрено: она разрѣшала категорически и безъ колебаній самые трудные вопросы о прогрессѣ, о конечныхъ цѣляхъ человѣчества и о содѣйствіи со стороны личности достиженію этихъ цѣлей. Формулы этихъ рѣшеній были весьма просты. Прогрессъ объяснялся дѣятельностью критически-размышляющей личности. Для этой личности не устанавливалось никакого объективнаго ценза, относительно возраста или научныхъ занятій; достаточно было собственнаго сознанія личности, что она созрѣла для воздѣйствія на общество. А на этомъ поприщѣ ей не предстояло никакихъ препятствій. „Народный духъ", т.-е. совокупность идеаловъ и понятій, вынесенныхъ изъ прошлаго, „опытъ человѣчества и разумъ исторіи" — я привожу буквальныя выраженія—объявлялись въ упомянутой теоріи призраками для критически мыслящей личности и не должны были ей мѣшать осуществлять свои воззрѣнія на научность и справедливость. Я зналъ убѣленнаго сѣдинами ученаго человѣка, который въ свое время восхищался этой книжкой. Какая же еще философія исторіи могла быть привлекательнѣе для молодежи, предъ которою открылись безбрежные гори-

[1]) Рѣчи и отчетъ на годичномъ собр. моск. унив. 1900.

зонты въ эпоху великихъ реформъ! Но молодой Корелинъ и въ этомъ случаѣ быстро освободился изъ путъ этой обольстительной для несовершеннолѣтняго ума доктрины. Но у него навсегда остался интересъ къ вопросу о личности и о ея роли въ обществѣ. Среди другихъ неотложныхъ занятій онъ всегда мечталъ о томъ, чтобы отдаться разработкѣ этого вопроса; такъ онъ писалъ, въ дек. 1885 г., изъ Франціи, гдѣ изучалъ рукописи гуманистовъ, о своей „будущей книгѣ—исторія личности и ея отношеній къ общественному союзу“, называя ее „своей жизненной задачей“. Въ его бумагахъ, дѣйствительно, оказался планъ подобной книги и нѣсколько листковъ начатаго текста. Когда онъ сталъ профессоромъ, онъ пользовался своими университетскими лекціями, чтобы объяснить своимъ слушателямъ важность этого вопроса,—такъ, напр., еще во введеніи къ послѣднему, неоконченному и начатому за три мѣсяца до смерти курсу. Но здѣсь рѣчь идетъ не о безусловныхъ правахъ критически-мыслящей личности на свое проявленіе въ дѣйствительномъ мірѣ, а о нравственномъ самовоспитаніи, необходимомъ для историка. Такая живая, постоянно развивающаяся личность не могла, конечно, относиться равнодушно къ окружающей ее средѣ и должна была стремиться повлiять на нее; но я не буду здѣсь говорить о проявленіи личности Корелина въ современномъ ему обществѣ, о его воздѣйствіи какъ личности на окружающую среду, такъ какъ эту задачу приняли на себя многочисленные, собравшіеся здѣсь, представители тѣхъ ученыхъ или воспитательныхъ учрежденій и органовъ печати, которымъ М. С. посвящалъ свои силы и свой незначительный досугъ.

Въ заключеніе я хочу лишь сказать нѣсколько словъ о личномъ характерѣ покойнаго Корелина, насколько онъ выражался въ его отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Какъ у личности энергической, съ дѣтства привыкшей къ полной независимости, *себѣ* всѣмъ обязанной и сознававшей свой ростъ, рѣзкость въ оцѣнкѣ людей и несдержанность въ выраженіи этой оцѣнки были бы съ его стороны вполнѣ естественны. Ему и приписывали эти свойства—была даже рѣчь о его „сердитости“. Какъ человѣкъ ближе его знавшій, я считаю это недоразумѣніемъ. Не люди, а свойства и дѣйствія, противныя его натурѣ, его раздражали. Его живую натуру возмущало то, что̀ онъ называлъ *апатіей* нашего общества, и ему было противно, вслѣдствіе искренности и правдивости его натуры, то, что̀ онъ называлъ *фальшью*;—подъ этимъ онъ разумѣлъ не только противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, между идеалами и жизнью, но всякую позу и фразу. И эти послѣд-

нія свойства онъ осуждалъ не только у противниковъ, но не терпѣлъ у людей единомыслящихъ и ему симпатичныхъ. Это свойство его темперамента, которое, впрочемъ, смягчалось годами, не нуждается въ апологіи; но я долженъ сдѣлать къ нему два поясненія. То, что̀ можно было назвать въ иныхъ случаяхъ рѣзкостью сужденія, вытекало не изъ самомнѣнія, напротивъ—въ самыхъ интимныхъ заявленіяхъ покойнаго Корелина о его дѣятельности, напр. въ дневникѣ, часто проявляется недовольство самимъ собой и высказываются соображенія о томъ, что̀ и какъ слѣдуетъ сдѣлать лучше. Это проявилось даже тамъ, гдѣ несомнѣнный успѣхъ могъ бы вполнѣ устранить подобный анализъ.

Другое поясненіе, которое я хочу сдѣлать, это—указаніе на то, сколько въ натурѣ Корелина было привязчивости и благодарности за оказанное ему расположеніе. Я не стану говорить о проявленіи этихъ свойствъ въ интимной жизни, въ ближайшей семьѣ. Но не могу не вспомнить о томъ, какъ онъ до послѣднихъ лѣтъ уѣзжалъ ежегодно на Рождество въ деревню, къ отцу, хотя это по многимъ причинамъ было для него весьма тяжело. Помню также его горячее участіе къ рано умершему его товарищу, Варшеру, и оставшейся послѣ него семьѣ. Помню его доброе отношеніе къ бывшему его директору гимназіи И. Д. Лебедеву, который, когда-то, весьма мало щадилъ его самолюбіе. И всѣ члены Историческаго Общества помнятъ, съ какимъ піэтетомъ и признаніемъ М. С. Корелинъ относился къ заслугамъ и памяти своего бывшаго профессора А. М. Иванцова. Я все говорилъ объ умершихъ, но долженъ также упомянуть объ его отношеніяхъ къ одному изъ живыхъ. Въ послѣдніе годы, когда болѣзнь уже надломила силы Корелина и онъ долженъ былъ чрезвычайно дорожить всякимъ часомъ своего времени, я не разъ заставалъ его озабоченнымъ мыслью, что на немъ лежитъ обязанность написать мою біографію для предположенной исторіи университета, и онъ дѣлалъ мнѣ относящіеся къ этому вопросы. И тогда, когда ему самому все чаще и чаще приходила неотвязчивая мысль о смерти, онъ не забывалъ о томъ, что̀ считалъ своимъ долгомъ относительно другихъ. Въ его бумагахъ оказался обстоятельный разборъ моей магистерской диссертаціи, одинъ изъ послѣднихъ его трудовъ, памятникъ его любящей натуры. Но если этими свойствами онъ былъ дорогъ для людей, знавшихъ его близко, онъ долженъ быть дорогъ всѣмъ не только тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ, но и тѣмъ, что̀ онъ собой представлялъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о юбилеѣ Ранке [1]),

[1]) См. „Вѣстн. Европы“ 1886, апрѣль: М. К.—„Два юбилея въ Берлинѣ“.

М. С. Корелинъ приводитъ слѣдующія слова знаменитаго историка: „Человѣкъ какъ дерево, которое извлекаетъ свои силы не столько изъ почвы, сколько получаетъ ихъ отъ свѣта и воздуха".— Такого человѣка представлялъ собою М. С. Корелинъ. Онъ почерпалъ свои силы изъ родной почвы и среды, его окружавшей, но онъ росъ и возвышался надъ нею подъ вліяніемъ свѣта науки и идеаловъ, для которыхъ жилъ.

В. Герье.

ДРАКОНЪ

(Зигфриду.)

Изъ-за круговъ небесъ незримыхъ
Драконъ явилъ свое чело,—
И мглою бѣдъ неотразимыхъ
Грядущій день заволокло.

Ужель не смолкнутъ ликованья,
И миру вѣчному хвала,
Безпечный смѣхъ и восклицанья:
„Жизнь хороша, и нѣтъ въ ней зла!“

Наслѣдникъ меченосной рати!
Ты вѣренъ знамени креста,
Христовъ огонь въ твоемъ булатѣ,
И рѣчь грозящая свята.

Полнó любовью Божье лоно,
Оно зоветъ насъ всѣхъ равно...
Но передъ пастію дракона
Ты понялъ: крестъ и мечъ—одно.

Владиміръ Соловьевъ.

24-го іюня 1900.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1900.

Новыя правила о народномъ продовольствіи и о предѣльности земскаго обложенія.— Временной характеръ тѣхъ и другихъ.—Земство, какъ органъ надзора за хлѣбными магазинами, и земство, какъ органъ заботы о нуждающемся населеніи.—Новыя условія выдачи ссудъ.—Успокоительныя толкованія и неуспокоительная радость. — Мнимый бюрократизмъ земской медицины. — Новыя должности. — Введеніе положенія о земскихъ начальникахъ въ губерніяхъ витебской, минской и могилевской. — Н. И. Стояновскій †.

Конецъ законодательной сессіи принесъ съ собою двѣ важныя перемѣны въ положеніи земскихъ учрежденій: 12-го іюня Высочайше утверждены какъ временныя правила по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей, такъ и временныя правила, установляющія предѣльность земскаго обложенія. И о пересмотрѣ продовольственнаго устава, и о фиксаціи земскихъ смѣтъ мы говорили часто и много; не повторяя сказаннаго нами прежде, остановимся только на самыхъ существенныхъ чертахъ обоихъ преобразованій.

Временной характеръ правилъ, установляющихъ предѣльность земскаго обложенія, совершенно понятенъ. Въ самыхъ правилахъ съ точностью указанъ моментъ, когда они должны быть замѣнены постояннымъ закономъ: министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предоставлено, *ко времени окончанія предпринятой въ земскихъ губерніяхъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ* (на основаніи закона 8-го іюня 1893 года), внести на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ предположенія объ опредѣленіи той доли цѣнности или доходности недвижимыхъ имуществъ, которой не должны превышать земскіе сборы. И дѣйствительно, прочнымъ, надежнымъ фундаментомъ для предѣльности земскаго обложенія можетъ послужить только стройная, правильная и систематическая оцѣнка имуществъ, подлежащихъ земскому сбору. Всего проще, конечно, было бы вовсе не касаться, до ея окончанія, существующихъ земскихъ порядковъ—но разъ что это было признано не-

возможнымъ, неизбѣжной являлась именно *временная* мѣра. Нельзя сказать того же самаго о продовольственныхъ правилахъ. Нѣтъ такого дѣла, окончаніе котораго должно было бы предшествовать изданію постояннаго продовольственнаго устава. Продовольственный вопросъ стоитъ на очереди уже цѣлыхъ девять лѣтъ, со времени голоднаго 1891 года; всѣ относящіяся къ нему свѣдѣнія давно собраны, всѣ способы его рѣшенія не разъ обсуждались въ оффиціальныхъ сферахъ; не было, по видимому, никакихъ препятствій къ избранію того пути, по которому направляется къ концу вполнѣ назрѣвшая реформа. Въ области законодательства нѣтъ и не можетъ быть ничего вѣчнаго, неподвижнаго, неизмѣннаго: всякій законъ, въ сущности, издается только на время, до наступленія новыхъ обстоятельствъ или до обнаруженія недостатковъ, требующихъ исправленія. *Специфически* временнымъ законъ можетъ считаться только тогда, когда при самомъ его изданіи назначенъ предѣлъ его дѣйствія—предѣлъ, обусловливаемый либо истеченіемъ заранѣе опредѣленнаго промежутка времени, либо осуществленіемъ заранѣе предусмотрѣннаго, неминуемаго событія. Если въ законѣ не указано ни того, ни другого, наименованіе его временнымъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя бы при его утвержденіи и имѣлась въ виду замѣна его другимъ, окончательнымъ. Въ настоящемъ случаѣ министру внутреннихъ дѣлъ поручено „выработать проектъ общаго продовольственнаго устава и внести, по предварительномъ сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, свои по сему предмету соображенія, въ возможно непродолжительномъ времени, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта". Аналогичныя порученія были возлагаемы на то или иное министерство и при изданіи другихъ временныхъ правилъ; но это не мѣшало и не мѣшаетъ очень продолжительному ихъ дѣйствію — столь продолжительному, что исчезаетъ всякое различіе между ними и обыкновеннымъ, не-временнымъ закономъ. Почти пять лѣтъ, напримѣръ, остается въ силѣ Высочайшее повелѣніе 7-го декабря 1895 года (распространившее сферу дѣйствій положенія объ усиленной охранѣ), хотя министру внутреннихъ дѣлъ тогда же предоставлено было *безотлагательно* подвергнуть пересмотру постановленія объ административной высылкѣ; цѣлыхъ *восемнадцать* лѣтъ надъ печатью тяготѣютъ „временныя" правила 1882 года, съ позднѣйшими, также „временными" ихъ дополненіями, хотя съ тѣхъ поръ не разъ ставился на очередь пересмотръ законодательства о печати. Нѣтъ ручательства въ томъ, чтобы подобная долговѣчность не выпала на долю и „временныхъ" продовольственныхъ правилъ... Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: мѣра, по назначенію своему переходная, скоро имѣющая уступить мѣсто болѣе устойчивому порядку, должна ограничиваться безусловно необходимымъ, какъ можно

меньше измѣняя существующее, какъ можно меньше предрѣшая будущее. Коренной переворотъ—дѣло *закона*, въ полномъ, настоящемъ смыслѣ этого слова. Его нельзя предпринимать въ видѣ опыта; однажды совершившійся, онъ только съ большими неудобствами и затрудненіями можетъ быть взятъ назадъ или существенно измѣненъ, какъ бы очевидна ни была цѣлесообразность измѣненія. Одно изъ двухъ: или необходимость переворота вполнѣ доказана — въ такомъ случаѣ незачѣмъ медлить съ осуществленіемъ его нормальнымъ путемъ, т.-е. посредствомъ изданія *закона*; или она еще подлежитъ спору—въ такомъ случаѣ незачѣмъ дѣлать его предметомъ *временныхъ* правилъ. Между тѣмъ, *временныя* правила 12-го іюня знаменуютъ собою именно *переворотъ* въ продовольственномъ дѣлѣ. Источники, изъ которыхъ заимствуются продовольственныя средства, остаются, въ существенномъ и главномъ, прежніе — но способъ распредѣленія ихъ устанавляется другой, рѣзко отличающійся отъ прежняго. До сихъ поръ завѣдываніе народнымъ продовольствіемъ принадлежало, главнымъ образомъ, земству; новыя правила передаютъ его въ руки крестьянскихъ учрежденій, т.-е. администраціи.

Обязанности земства по отношенію къ продовольственному дѣлу были двоякія: наблюденіе за засыпкою хлѣба въ общественные магазины и за пополненіемъ продовольственныхъ капиталовъ, гдѣ они замѣнили собою хлѣбные запасы — и выдача, въ неурожайные годы, ссудъ на обсѣмененіе полей и на продовольствіе населенія. Еслибы отъ земства была отобрана только первая функція, примириться съ этимъ было бы нетрудно. Лишенное всякой понудительной власти, вынужденное обращаться, для воздѣйствія на населеніе, къ другимъ органамъ, совершенно отъ него независимымъ и не всегда къ нему расположеннымъ, земство, въ лицѣ земскихъ управъ, не могло успѣшно настаивать на исправной засыпкѣ хлѣба—а между тѣмъ на немъ лежала отвѣтственность за полноту запасовъ, и значительная доля взводимыхъ на него обвиненій строилась именно на неудовлетворительномъ состояніи общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Въ концѣ концовъ эта сторона продовольственнаго дѣла зависѣла, и при прежнемъ порядкѣ, отъ крестьянскаго общественнаго управленія и отъ должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, надъ нимъ стоящихъ (земскіе начальники, уѣздные съѣзды) — и новыми правилами, насколько они касаются образованія продовольственныхъ запасовъ, въ сущности только узаконено положеніе вещей, фактически установившееся издавна. Конечно, и въ этой сферѣ самымъ нормальнымъ исходомъ было бы образованіе мелкой самоуправляющейся единицы, полномочія которой были бы достаточны для осуществленія всѣхъ возложенныхъ на нее задачъ, не исключая мѣръ предосторожности на случай неуро-

жая; но пока такой единицы нѣтъ, пока земство располагаетъ только своими собственными исполнительными органами, немногочисленными и безвластными, до тѣхъ поръ изъятіе изъ его вѣдѣнія надзора за хлѣбными запасами (и замѣняющими ихъ капиталами) можетъ считаться скорѣе выигрышемъ для него, чѣмъ потерей. Другое дѣло — функціи земства во время грозящаго или наступившаго уже неурожая. Здѣсь оно являлось представителемъ населенія, радѣтелемъ о его нуждахъ, посредникомъ между нимъ и высшею властью, между нимъ и обществомъ. На первый планъ выступали здѣсь уже не земскія управы, а земскія собранія. И тѣми, и другими поднималась заблаговременно тревога, приводились въ ясность вѣроятные размѣры нужды, возбуждались и, въ случаѣ надобности, повторялись ходатайства о помощи, привлекалось множество добровольныхъ сотрудниковъ, часто приносившихъ съ собою, кромѣ безкорыстнаго и самоотверженнаго труда, значительныя денежныя средства. Неурожай, въ особенности неурожай широко распространенный—государственное и общественное бѣдствіе; для борьбы съ его послѣдствіями необходимы дружныя усилія общества и государства — и средоточіемъ такихъ усилій было земство. Что ставится теперь на его мѣсто? Администрація, и при прежнемъ порядкѣ далеко не ограничивавшаяся пассивною ролью, но находившая опору въ земскихъ учрежденіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшая по отношенію къ нимъ широкое право контроля. Земству принадлежала иниціатива въ опредѣленіи нужды; администрація сохраняла за собою послѣднее слово при установленіи вида и количества помощи. Участіе земства служило гарантіей вниманія къ потребностямъ населенія, участіе администраціи—гарантіей противъ ошибокъ и увлеченій. При новомъ порядкѣ о такомъ взаимодѣйствіи не можетъ быть и рѣчи. „Для принятія своевременно мѣръ по продовольствію сельскихъ обывателей, — такъ гласятъ новыя правила,—губернаторъ, при содѣйствіи земскихъ начальниковъ, чиновъ полиціи и уѣздныхъ съѣздовъ, слѣдитъ за ходомъ полевой растительности". И до сихъ поръ губернаторъ не оставался и не могъ оставаться равнодушнымъ къ признакамъ надвигающейся невзгоды — но онъ узнавалъ о нихъ не отъ однихъ только подчиненныхъ ему чиновниковъ, занятыхъ множествомъ текущихъ дѣлъ и не всегда склонныхъ брать на себя починъ непріятныхъ сообщеній. Къ губернатору обращались, при сколько-нибудь серьёзныхъ поводахъ къ безпокойству, земскія управы, уже потому, что безъ его согласія не могли быть созваны чрезвычайныя земскія собранія. Въ то же самое время приходилъ, обыкновенно, въ движеніе и самый лучшій, самый чувствительный измѣритель опасности: губернское статистическое бюро, при первыхъ тревожныхъ вѣстяхъ изъ уѣздовъ, приступало къ изслѣдованіямъ на мѣстахъ, поль-

зуясь активной поддержкой уѣздныхъ земскихъ управъ и другихъ земскихъ дѣятелей... На основаніи новыхъ правилъ когда обнаруженъ значительный недородъ хлѣба, не покрываемый мѣстными продовольственными запасами, обсужденіе и выработка общаго плана продовольственной помощи производится уѣздными съѣздами и губернскими присутствіями. Въ составъ уѣзднаго съѣзда (по административному отдѣленію) входятъ, при разсмотрѣніи продовольственныхъ вопросовъ, всѣ члены уѣздной, въ составъ губернскаго присутствія—всѣ члены губернской земской управы. Это постановленіе внесено въ правила 12-го іюня Государственнымъ Совѣтомъ; въ министерскомъ проектѣ усиленіе состава уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій не предполагалось — другими словами, земство и тамъ, и тутъ должно было быть представлено, при обсужденіи продовольственныхъ вопросовъ, какъ и всякихъ другихъ, только *однимъ* лицомъ (предсѣдателемъ земской управы, уѣздной или губернской по принадлежности). Существеннаго значенія дополненіе, сдѣланное Государственнымъ Совѣтомъ, имѣть, однако, не можетъ. Какъ въ уѣздномъ съѣздѣ, такъ и въ губернскомъ присутствіи члены земской управы составятъ незначительное меньшинство, на сторонѣ котораго не будетъ ни вліянія, ни власти. Рѣшительный голосъ будетъ принадлежать административнымъ чинамъ — и въ особенности земскимъ начальникамъ, какъ наиболѣе знакомымъ съ положеніемъ дѣлъ на мѣстахъ. Некому будетъ, сплошь и рядомъ, пополнить свѣдѣнія, доставленныя земскимъ начальникомъ, исправить выводы, сдѣланные имъ изъ невѣрно или односторонне освѣщенныхъ фактовъ. Членамъ управы, при ихъ малочисленности, нельзя будетъ, въ короткое время, посѣтить всѣ пострадавшія мѣстности—и единственнымъ свидѣтелемъ и судьею, по отношенію къ нѣкоторымъ волостямъ, явится земскій начальникъ. Даже въ самомъ лучшемъ случаѣ три-четыре члена управы не могутъ замѣнить собою 20—40 гласныхъ, сходящихся со всѣхъ концовъ уѣзда; обсужденіе дѣла въ уѣздномъ съѣздѣ, при закрытыхъ дверяхъ, не можетъ замѣнить собою публичнаго его разбора въ уѣздномъ земскомъ собраніи—разбора, за которымъ внимательно слѣдило все мѣстное населеніе, вся мѣстная (а слѣдовательно, въ важныхъ случаяхъ, и столичная) печать. Все это примѣнимо, въ еще бо̀льшей степени, и къ слѣдующему фазису продовольственнаго вопроса. Въ губернскомъ земскомъ собраніи данныя, полученныя отъ уѣздныхъ собраній, могли быть дополнены и разъяснены представителями уѣздовъ, съ помощью которыхъ нетрудно было установить общую картину положенія губерніи. Размѣръ нужды въ каждомъ уѣздѣ опредѣлялся сравненіемъ его съ другими—сравненіемъ, всѣ элементы котораго могли быть провѣрены въ собраніи. Ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи въ губерн-

скомъ присутствіи, хотя бы и усиленномъ всѣми членами губернской земской управы... Что касается, наконецъ, до министерства внутреннихъ дѣлъ, то при дѣйствіи прежняго порядка оно могло основывать свое рѣшеніе на двухъ группахъ свѣдѣній: одной—идущей отъ земства, другой — доставляемой губернскою администраціею. Это было нѣчто въ родѣ судебнаго состязанія: каждая сторона приводила все, что̀ можно было сказать въ пользу ея требованій, и центральному управленію оставалось только, взвѣсивъ противоположные доводы, направить дѣло къ наиболѣе цѣлесообразному и разумному исходу. Опасность ошибки сводилась, такимъ образомъ, къ минимуму, тѣмъ болѣе, что даже отказъ министерства не мѣшалъ земскимъ собраніямъ возобновлять свои ходатайства, подкрѣпивъ ихъ новыми доказательствами. Примѣрами такихъ ходатайствъ, нерѣдко приводившихъ къ желанному результату, богата исторія послѣднихъ неурожайныхъ годовъ. Отъ подчиненныхъ лицъ и мѣстъ нельзя ожидать настойчивости, совершенно нормальной и даже неизбѣжной со стороны общественнаго, болѣе или менѣе независимаго учрежденія. Продолжая сравненіе, взятое нами изъ судебной сферы, мы можемъ сказать, что губернская и уѣздная администрація играла до сихъ поръ, въ дѣлѣ удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ, роль прокуратуры, недовѣрчивой и суровой, губернскія и уѣздныя земства—роль защиты, мягкосердечной и гуманной; а что̀ значило бы устраненіе защиты въ судебномъ процессѣ — это понятно само собою. Случалось, иногда, что прокурорскими стремленіями проникался и судъ — т.-е., въ проводимой нами параллели, центральная администрація; нужно ли доказывать, что при отсутствіи защиты такіе случаи будутъ повторяться еще чаще?—Подчиненнымъ свойственно желаніе предугадать мысль начальства, пойти на встрѣчу его волѣ; отсюда возможность тенденціи, предвзятой мысли не только въ заключительныхъ выводахъ, но и въ самомъ производствѣ изслѣдованія. Бывали случаи, когда губернаторы, при открытіи земскихъ собраній, высказывались весьма рѣшительно противъ широкой продовольственной помощи. Гласнымъ, стоящимъ внѣ служебной іерархіи, нетрудно было оставаться свободными отъ вліянія подобныхъ внушеній; но что, если аналогичный взглядъ будетъ выраженъ въ циркулярѣ земскимъ начальникамъ? Извѣстно также, что въ 1867-мъ, въ 1891-мъ, въ 1897-мъ гг. министерство внутреннихъ дѣлъ долго не вѣрило въ серьёзность бѣдствія; что, если съ такимъ настроеніемъ придется считаться уже не земскимъ собраніямъ, а губернскимъ присутствіямъ и уѣзднымъ съѣздамъ?...

За установленіемъ размѣровъ продовольственной нужды слѣдуетъ распредѣленіе пособій между нуждающимися. При дѣйствіи прежняго порядка активная роль и здѣсь принадлежала земству, контролирую-

щая—администраціи. На основаніи новыхъ правилъ каждая волость составляетъ продовольственный участокъ, въ коемъ завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ возлагается на волостного старшину, если уѣздный съѣздъ не будетъ имѣть возможности назначить особое для сего лицо изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, приходскихъ священниковъ или изъ среды мѣстныхъ крестьянъ и другихъ лицъ, проживающихъ въ данной мѣстности и заслуживающихъ довѣрія. При большихъ неурожаяхъ, когда въ помощи нуждается значительная часть населенія, уѣздному съѣзду предоставляется, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, увеличивать число продовольственныхъ участковъ, приглашая къ завѣдыванію ими особыхъ попечителей изъ числа вышепоименованныхъ лицъ. На обязанности временныхъ попечителей лежитъ преимущественно надзоръ за правильною раздачей продовольственныхъ ссудъ и повѣрка списковъ нуждающихся. Въ первоначальномъ министерскомъ проектѣ завѣдываніе продовольственнымъ участкомъ возлагалось безусловно на волостного старшину; настоящая редакція правилъ, по которой участкомъ завѣдуетъ особый попечитель и только въ крайнемъ случаѣ — волостной старшина, принадлежитъ Государственному Совѣту. Само собою разумѣется, что это — перемѣна къ лучшему; но особенно важныхъ послѣдствій отъ нея, какъ намъ кажется, ожидать нельзя. Самое назначеніе особаго попечителя предоставлено, во-первыхъ, всецѣло усмотрѣнію уѣзднаго съѣзда, который всегда можетъ признать, что подходящихъ кандидатовъ на должность попечителя на лицо нѣтъ, и ввѣрить участокъ волостному старшинѣ— лицу подначальному, вполнѣ зависимому отъ съѣзда и всего болѣе для него удобному. Попечителю предоставляется, во-вторыхъ, не только участіе въ составленіи списка нуждающихся и въ раздачѣ пособій, но и вообще завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ, т.-е. надзоръ за исправною засыпкою хлѣба въ запасный магазинъ, за надлежащимъ его храненіемъ и т. п. Это—обязанность хлопотливая, тяжелая и непріятная; трудно ожидать, чтобы для ея исполненія нашлось много желающихъ, особенно въ виду подчиненнаго положенія попечителей. Чѣмъ самостоятельнѣе землевладѣлецъ, священникъ или другой мѣстный житель, тѣмъ менѣе охотно онъ возьметъ на себя утомительную возню съ крестьянами и еще болѣе утомительное отписыванье передъ земскимъ начальникомъ и уѣзднымъ съѣздомъ. Живою, серьёзною обязанность попечителя будетъ только въ неурожайные годы — но и въ это время пріискать достаточное число надежныхъ попечителей будетъ, при дѣйствіи новыхъ правилъ, не особенно легко. Большая разница—принять на себя званіе попечителя по приглашенію земскаго собранія (или уполномоченной имъ на то земской управы) или по порученію уѣзднаго съѣзда. Въ первомъ случаѣ попечитель является

участникомъ дѣятельности, исходящей какъ бы отъ всего мѣстнаго населенія, одушевленной однимъ желаніемъ—помочь народной бѣдѣ, облегчить народное горе; во второмъ онъ становится послѣднимъ звеномъ іерархической цѣпи, по которой, какъ по телеграфной проволокѣ, идутъ сверху внизъ приказанія, подлежащія безусловному исполненію. Еще больше, конечно, различіе между временными попечителями, которыхъ проектируютъ правила 12-го іюня, и тѣми постоянными òрганами, которые существовали бы на мѣстахъ при устройствѣ мелкой самоуправляющейся единицы. Временной попечитель, вступая въ должность передъ самымъ началомъ бѣдствія или когда оно уже разразилось, не можетъ сразу очутиться въ курсѣ дѣла: даже въ лучшемъ случаѣ, если онъ давно живетъ на мѣстѣ и хорошо знаетъ окружающія его условія, ему нужно употребить много труда на изученіе предстоящей, новой для него задачи. Совершенно инымъ было бы положеніе попечителя или попечительства, въ каждую данную минуту готоваго встрѣтить бѣду и бороться съ нею по заранѣе составленному плану... Что земскія попечительства—все равно, временныя или постоянныя,—въ гораздо бòльшей мѣрѣ могутъ разсчитывать на добровольную частную помощь, чѣмъ попечительства оффиціальныя—въ этомъ, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Дѣйствовавшій до сихъ поръ продовольственный уставъ разрѣшалъ выдачу ссудъ нуждающимся въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости. Правила 12-го іюня установляютъ слѣдующія условія выдачи ссудъ: 1) происшедшій вслѣдствіе неурожая или другихъ неблагопріятныхъ для сельскаго хозяйства явленій недостатокъ въ средствахъ пропитанія и сѣменахъ для посѣва, 2) отсутствіе такого имущества, продажа котораго, безъ существеннаго разстройства хозяйства, могла бы доставить средства къ пропитанію и посѣву, и 3) неимѣніе заработковъ или отсутствіе въ семьѣ лицъ, способныхъ къ работѣ. На практикѣ два послѣднія условія примѣнялись, съ бòльшею или меньшею строгостью, во всѣ послѣдніе неурожайные годы; но включеніе ихъ въ текстъ временныхъ правилъ все-таки нельзя признать безразличнымъ. Основываясь на формальномъ требованіи закона, можно дѣйствовать съ особенною настойчивостью, доводить принципъ до самыхъ крайнихъ его результатовъ. Въ настоящемъ случаѣ это тѣмъ легче, что признаки нужды, указываемые временными правилами, чрезвычайно неопредѣленны и эластичны. Чтò значитъ, напримѣръ, *существенное* разстройство хозяйства? Подходитъ ли подъ это понятіе продажа послѣдней коровы (лошадь, нужно надѣяться, всегда и всѣми будетъ считаться необходимою принадлежностью не обезземеленнаго крестьянскаго двора)?... Существенно ли для хозяйства сохраненіе только-что пріобрѣтеннаго плуга или другого усовершенствованнаго земле-

дѣльческаго орудія? Можно ли признать равносильной *неимѣнію заработковъ* наличность такой работы, которая, при большомъ напряженіи силъ, покрываетъ лишь ничтожную долю потребностей семьи? Обязательно ли, для полученія права на ссуду, принимать *всякую* работу, въ чемъ бы она ни заключалась, гдѣ бы, кѣмъ бы и на какихъ бы условіяхъ ни предлагалась? Равносильно ли отсутствію въ семьѣ работоспособныхъ лицъ такое ихъ число, которое явно не соотвѣтствуетъ числу такъ называемыхъ „ѣдоковъ"? Другими словами, имѣетъ ли право на ссуду семья, состоящая, напримѣръ, изъ отца, матери, нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей и двухъ стариковъ, неспособныхъ къ труду?... Такихъ недоразумѣній новыя правила возбуждаютъ много. При доказанной опытомъ прошедшихъ лѣтъ наклонности администраціи къ ограничительному толкованію продовольственныхъ правилъ, можно опасаться, что спорные вопросы, въ большинствѣ случаевъ, будутъ разрѣшаемы не въ пользу нуждающихся.

Перемѣнами къ лучшему, сравнительно съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ порядкомъ, нельзя не признать назначеніе размѣра продовольственной ссуды въ одинъ пудъ ежемѣсячно на взрослаго человѣка (практика послѣднихъ лѣтъ стремилась къ установленію максимальной нормы въ тридцать фунтовъ), отмѣну круговой поруки въ исправномъ возвращеніи продовольственныхъ ссудъ, расширеніе круга лицъ, имѣющихъ право на ссуды, и предоставленіе нѣкоторымъ категоріямъ сельскихъ обывателей права на *безвозвратныя* продовольственныя пособія. Главнымъ недостаткомъ новыхъ правилъ—помимо устраненія земства отъ участія въ продовольственномъ дѣлѣ—является, въ нашихъ глазахъ, оставленіе въ силѣ основныхъ началъ прежней продовольственной системы. Эта система сохраняетъ сословный характеръ и строится, по прежнему, на засыпкѣ хлѣба въ запасные магазины (или соотвѣтствующихъ взносахъ въ общественный продовольственный капиталъ). Благодаря Государственному Совѣту, размѣры взноса установлены относительно умѣренные, болѣе или менѣе одинаковые съ нынѣшними (необходимо принять во вниманіе, что счетъ по ревизскимъ душамъ уступаетъ мѣсто счету по душамъ наличнымъ): предѣльной нормой, вмѣсто проектированныхъ сначала шести пудовъ на душу, назначено четыре пуда, подлежащіе взносу въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, въ количествѣ не болѣе полупуда въ годъ; увеличеніе этого количества, не болѣе чѣмъ вдвое, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ. И при нормальномъ размѣрѣ, однако, взносъ во многихъ случаяхъ будетъ обременителенъ для крестьянъ. „Одно изъ двухъ,—справедливо замѣчаютъ „Русскія Вѣдомости":—либо административные органы, на которые возлагается завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ, примутся за

взысканіе продовольственныхъ сборовъ, не обращая вниманія на экономическое положеніе плательщиковъ—и это тяжело отзовется на тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ будутъ отбирать хлѣбъ, необходимый для пропитанія; либо они будутъ снисходить къ неимуществу лицъ, обязанныхъ сборомъ, и дѣлать имъ послабленіе—въ такомъ случаѣ, какъ и прежде, будутъ состоять большіе недоборы". Остается надѣяться, что новый продовольственный уставъ, изданіе котораго Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ и неотложнымъ, замѣнитъ продовольственныя ссуды безвозвратными пособіями, на страховомъ или иномъ началѣ, и создастъ для того, такъ или иначе, общегосударственныя, а не сословныя средства.

Временныя правила о предѣльности земскаго обложенія воспроизводятъ, въ главныхъ чертахъ, содержаніе второго, видоизмѣненнаго министерскаго проекта, съ которымъ мы ознакомили читателей въ нашемъ майскомъ внутреннемъ обозрѣніи. Въ подробностяхъ, однако, они имѣютъ характеръ нѣсколько болѣе благопріятный для земства. Процентъ, до котораго свободно, т.-е. безъ предварительнаго административнаго утвержденія, можетъ быть ежегодно повышаемъ земскій сборъ съ недвижимыхъ имуществъ, опредѣленъ не въ 2½, а въ 3%, безъ оговорки о возможности пониженія его до 1% (но и безъ оговорки о возможномъ повышеніи его до 5%). Если повышеніе земскихъ сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ будетъ, въ теченіе одного года или нѣсколькихъ лѣтъ, ниже установленной нормы, то въ послѣдующіе годы земское собраніе можетъ увеличить сборы сверхъ годовой 3% нормы, съ тѣмъ, чтобы общій размѣръ повышенія за истекшее съ 1900 года время не превышалъ нормы, а единовременное увеличеніе окладовъ не было болѣе 10% противъ предшествующаго года. Повышеніе сборовъ сверхъ нормы возможно въ случаѣ утвержденія смѣты губернаторомъ или (при его несогласіи) министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Если эти министры признаютъ повышеніе сверхъ нормы обременительнымъ для населенія или не вызываемымъ необходимостью, они указываютъ собранію тѣ статьи расхода, которыя подлежатъ сокращенію или исключенію изъ смѣты, сообразуясь при этомъ съ ходатайствами собранія и наблюдая, чтобы назначенія, отпускавшіяся по смѣтѣ предшествовавшаго года, не были сокращаемы иначе, какъ по заявленію о томъ собранія. Воспособленіе земствамъ отъ казны допущено на тѣхъ началахъ, которыя были намѣчены въ проектѣ; осуществлены также предположенія относительно освобожденія земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ рас-

ходовъ [1]). Существенныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ предѣльностью земскихъ смѣтъ, окончательная редакція правилъ 12-го іюня, не устраняетъ и мы не можемъ взять назадъ ничего изъ сказаннаго нами раньше по этому предмету. Не убѣждаютъ насъ и тѣ успокоительныя толкованія, которыя въ послѣднее время стали появляться въ печати. Основаніемъ для нихъ служатъ нѣкоторыя соображенія Государственнаго Совѣта, распубликованныя „Торгово-Промышленною Газетой". Государственный Совѣтъ нашелъ, что „новый законъ не имѣетъ никакой внутренней связи съ принципіальнымъ вопросомъ о земской самодѣятельности и отношеніи земства къ правительственной власти. Вопросъ о предѣльности земскаго обложенія ставится и разрѣшается вполнѣ самостоятельно. Предѣльность обложенія есть прежде всего основное требованіе государственнаго правового порядка. Всякое вообще обложеніе, государственное или мѣстное, безусловно предполагаетъ извѣстный предѣлъ; безграничнаго обложенія быть не можетъ. По отношенію къ мѣстному обложенію предѣльность является необходимою поправкою къ неизбѣжнымъ недостаткамъ въ организаціи мѣстнаго самоуправленія. На практикѣ невозможно самоуправленіе, въ которомъ всѣ интересы были бы представлены равномѣрно, а при неодинаковомъ представительствѣ мѣстныхъ интересовъ въ средѣ органовъ самоуправленія право самообложенія не можетъ являться само по себѣ сдерживающимъ началомъ, ограждающимъ въ должной мѣрѣ интересы плательщиковъ мѣстныхъ сборовъ. Эти указанія опыта давно приняты во вниманіе законодательствомъ западно-европейскихъ странъ, служившихъ для Россіи образцами при введеніи нашихъ земскихъ учрежденій. Во Франціи, Пруссіи, Австріи, несмотря на весьма различную организацію мѣстнаго самоуправленія, не взирая на различный объемъ его власти и значеніе его въ общемъ строѣ государственнаго управленія, предѣльность обложенія установлена повсемѣстно и даже въ довольно однообразныхъ формахъ, именно въ процентномъ отношеніи къ окладамъ казенныхъ налоговъ. Въ Англіи нѣтъ общихъ постановленій о предѣльности, но зато органы мѣстнаго самоуправленія не имѣютъ права производить по своему усмотрѣнію какіе-либо расходы, въ законѣ точно не указанные. Такимъ образомъ, въ Англіи нѣтъ иныхъ мѣстныхъ расходовъ, кромѣ обязательныхъ, и слѣдовательно предѣльность тоже существуетъ, но устанавливается не регламентаціей мѣстнаго обложенія, а перечисленіемъ потребностей, для коихъ сіе обложеніе вводится". Одна изъ газетъ, мѣсяца четыре тому на-

---

[1]) Какіе это расходы и что̀ представляетъ собою для земства ихъ сложеніе—объ этомъ см. наше мартовское „Внутр. Обозрѣніе".

задъ усердно возражавшая не только противъ „фиксаціи“ (т.-е. противъ лишенія земскихъ собраній права увеличивать, безъ согласія администраціи, земскія смѣты, насколько съ ихъ ростомъ связано возрастаніе земскихъ сборовъ), но и противъ „градаціи“ (т.-е. противъ установленія нормъ для увеличенія земскихъ смѣтъ), выражаетъ теперь надежду, что „довольно страстная полемика“, предшествовавшая, въ печати, изданію правилъ 12-го іюня, вѣскимъ разъясненіемъ Государственнаго Совѣта будетъ введена въ должныя рамки. Нѣсколько дней спустя, та же газета выступила съ цѣлой статьей противъ „преждевременныхъ заключеній“, утверждая, что особыхъ поводовъ къ безпокойству за будущность земства ни правила о предѣльности земскихъ смѣтъ, ни новыя продовольственныя правила не представляютъ („Новое Время“, № 8777). Въ основаніи этой аргументаціи лежитъ, прежде всего, явная ошибка. Газета предполагаетъ, что правилами о предѣльности *замѣнены* существующія узаконенія о порядкѣ опротестованія земскихъ назначеній. На самомъ дѣлѣ объ отмѣнѣ или измѣненіи этихъ узаконеній въ правилахъ 12-го іюня нѣтъ и рѣчи; къ прежнимъ ограниченіямъ, тяготѣвшимъ надъ земствомъ, *присоединено* новое. Протестовать противъ того или другого расхода, хотя бы онъ и не превышалъ нормы, губернаторъ по прежнему въ правѣ; вся разница въ томъ, что въ случаѣ превышенія нормы смѣта *обязательно* представляется на *утвержденіе* губернатора. Рядомъ съ ошибкой идетъ смѣшеніе понятій. *Предѣльность обложенія*, защищаемая ссылкою на примѣръ западно-европейскихъ государствъ—совсѣмъ не то, что вводимая правилами 12-го іюня *предѣльность земскихъ смѣтъ* или расходовъ. Противъ первой, основанной на извѣстномъ соотношеніи между сборомъ и цѣнностью облагаемаго имущества, мы никогда не возражали—но вѣдь она сдѣлается возможной только послѣ окончанія производимой теперь оцѣнки недвижимыхъ имѣній. Предѣльность смѣтъ ограничиваетъ ростъ земскихъ расходовъ въ силу чисто случайнаго, обманчиваго признака, одинаково распространяясь и на мѣстности, гдѣ обложеніе достигло большой высоты, и на мѣстности, гдѣ оно весьма незначительно. Смѣты 1900 года, вездѣ принимаемыя за исходную точку, выражаютъ собою не дѣйствительную цѣнность или доходность имуществъ, облагаемыхъ земскимъ сборомъ, а дѣйствительное положеніе земскаго хозяйства—положеніе, до крайности различное въ разныхъ губерніяхъ и даже въ разныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи. Тяжелѣе всего, поэтому, искусственное затрудненіе роста земскихъ расходовъ отзовется тамъ, гдѣ земство, мало еще сдѣлавшее для населенія, только-что начинало расширять и оживлять свою дѣятельность. Другой существенно важный аргументъ противъ предѣльности смѣтъ—это роль,

предоставляемая ею административному усмотрѣнію. При предѣльности обложенія все регулируется закономъ: въ границахъ, установленныхъ не случайно, а сообразно съ податною способностью населенія, органы самоуправленія могутъ дѣйствовать самостоятельно и свободно [1]). При предѣльности смѣтъ, наоборотъ, все зависитъ отъ администраціи, въ особенности отъ высшаго представителя ея въ губерніи: губернаторъ можетъ допустить значительное превышеніе предѣла—и можетъ наложить своѐ veto даже на самый скромный шагъ за завѣтную черту, хотя бы и вполнѣ оправдываемый необходимостью. Столь же неограниченнымъ является усмотрѣніе высшей администраціи, когда спорный вопросъ переносится на ея рѣшеніе.

Что оба узаконенія 12-го іюня—и въ особенности то изъ нихъ, которое касается продовольственнаго дѣла,—должны имѣть послѣдствіемъ значительное ограниченіе „земской самодѣятельности", въ этомъ легко убѣдиться, прислушавшись къ ликованіямъ реакціонной прессы. Въ правилахъ о предѣльности земскихъ смѣтъ „Московскія Вѣдомости" (№ 212) видятъ „ту же ясно выраженную тенденцію, которою отличается все наше законодательство о мѣстномъ управленіи со времени реформы 1890-го года—а именно бо̀льшее и бо̀льшее подчиненіе автономныхъ въ началѣ земскихъ выборныхъ учрежденій общегосударственной организаціи". „Наконецъ-то,—восклицаетъ та же газета (№ 194) по поводу новыхъ продовольственныхъ правилъ,—наконецъ-то рѣшились мы (?) принять нужную, можно сказать неотложную мѣру, отвергавшуюся и откладывавшуюся доселѣ исключительно потому, что осуществленіе ея явилось бы изобличеніемъ земскихъ учрежденій въ полномъ отсутствіи у нихъ государственнаго смысла и въ неумѣніи справиться съ хозяйственнымъ дѣломъ... Дѣйствительныя нужды и интересы населенія восторжествовали, и безпризорное доселѣ продовольственное дѣло, которымъ земство систематически не хотѣло заниматься, передано въ надлежащія и отвѣтственныя руки. Въ лагерѣ защитниковъ земскихъ учрежденій это порождаетъ, конечно, настоящую, вполнѣ понятную тревогу. Несомнѣнно, тамъ знали и раньше, прекрасно знаютъ и теперь, что продовольственное дѣло въ рукахъ крестьянскихъ учрежденій пойдетъ вполнѣ удовлетворительно и заставитъ лишь пожалѣть, что его оставляли такъ долго въ рукахъ земства. А отсюда весьма естественна другая мысль: а что если то же самое придется сказать объ участіи земства въ народномъ образованіи, можетъ быть даже и въ санитарной организаціи? А что если правительство, истощивъ всякое терпѣніе относительно

[1]) То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ формахъ предѣльности обложенія, въ основаніи которыхъ лежитъ процентное отношеніе мѣстнаго сбора къ государственному или перечень допускаемыхъ закономъ мѣстныхъ расходовъ.

бездѣйствія земствъ по улучшенію путей сообщенія, возьметъ и эту часть въ свои руки? Не станетъ ли тогда ясно, что земскимъ учрежденіямъ, въ томъ видѣ какъ они нынѣ существуютъ, останется только одно—будировать противъ губернской администраціи и отстаивать свое право... на ничего-недѣланіе? Не станетъ ли тогда ясно, что земство нужно только нашимъ конституціоналистамъ, лелѣющимъ мечту выростить изъ этого чахлаго растеньица большое и вѣтвистое дерево, и что мѣстное благоустройство только выиграетъ отъ изъятія его изъ цѣпкихъ рукъ земскихъ дѣльцовъ"?—Осуществятся ли благожелательныя надежды, столь ясно выразившіяся въ этой тирадѣ—это покажетъ будущее: намъ нужно было только подчеркнуть фактъ ихъ существованія. Въ какомъ бы фальшивомъ свѣтѣ противники самостоятельности и свободы ни представляли прошедшее земства, какъ бы беззастѣнчиво они ни извращали мысль его защитниковъ, въ одномъ съ ними нельзя не согласиться: учрежденіе, кругъ дѣйствій котораго постоянно и систематически съуживается, права котораго постоянно и систематически ограничиваются, приближается къ смерти, все равно, выразится ли она въ легальномъ небытіи или въ фактическомъ прекращеніи всѣхъ жизненныхъ функцій. Предупредить надвигающійся конецъ можетъ только наступленіе другихъ условій, болѣе благопріятныхъ—и, прежде всего, коренная перемѣна въ господствующихъ воззрѣніяхъ на земство.

Чѣмъ больше настроеніе, внушенное близорукостью и злобой, расходится съ дѣйствительными требованіями жизни, тѣмъ труднѣе для него избѣжать внутреннихъ противорѣчій, подрывающихъ его основы. Это мы видимъ и на примѣрѣ „Московскихъ Вѣдомостей". Нѣсколько дней спустя послѣ фанфаръ, привѣтствовавшихъ изданіе новыхъ продовольственныхъ правилъ, на страницахъ московской газеты (№№ 196 и 198) появились статьи г. С. Короленко: „Обезпеченіе народнаго продовольствія", заключающія въ себѣ невысказанное прямо, но существенно важное опроверженіе редакціонныхъ взглядовъ. Сочувственно относясь къ правиламъ 12-го іюня, г. Короленко не придаетъ имъ рѣшающаго значенія. Корень зла онъ видитъ не въ томъ, что неисправно, по винѣ земства, засыпались хлѣбные магазины, а въ томъ, что нужда въ деньгахъ ежегодно заставляетъ земледѣльцевъ, землевладѣльцевъ *и въ особенности крестьянъ* продавать хлѣбъ, въ концѣ лѣта и началѣ осени, *по первой предлагаемой цѣнѣ*, къ явной выгодѣ скупщиковъ хлѣба и къ явному ущербу для собственнаго хозяйства. „Дайте русскому земледѣльцу,—восклицаетъ г. Короленко,—возможность и средства избѣжать этой вынудительной продажи—и онъ окажется не только вполнѣ обезпеченнымъ въ продовольственномъ отношеніи, но даже съ запасами хлѣба про черный

день... При болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ матеріальнаго положенія сельскаго населенія, занимающагося земледѣліемъ, новыя учрежденія по продовольственной части несомнѣнно достигли бы своей цѣли по обезпеченію народнаго продовольствія; но при существованіи условій, вынуждающихъ земледѣльцевъ выпродавать въ чрезмѣрномъ количествѣ свой хлѣбъ, тотчасъ по его сборѣ, за безцѣнокъ, *дѣятельность этихъ новыхъ учрежденій можетъ оказаться столь же мало плодотворною, какъ и дѣйствующихъ нынѣ учрежденій*". Эти послѣднія слова—оправдательный, in optima forma, приговоръ земству, распубликованный его злѣйшими врагами. И что же предлагаетъ, въ заключеніе, г. Короленко? Организацію, въ широкихъ размѣрахъ, ссудъ подъ хлѣбъ, благодаря которымъ не было бы надобности спѣшить, во что бы то ни стало, съ его продажей—т.-е. именно то, что давно практикуется крестецкимъ (новгородской губерніи) уѣзднымъ земствомъ и, по его образцу, многими другими. Что же, слѣдовать хорошему примѣру всегда похвально. Это будетъ, притомъ, не первый случай подражанія земской инициативѣ. Начавшееся въ 1884-мъ г. широкое движеніе въ области церковно-приходской школы вызвано, безъ сомнѣнія, необыкновенно быстрыми успѣхами земства въ дѣлѣ начальнаго народнаго обученія. Еще болѣе очевидна преемственная связь между земской медициной и такъ называемой сельской медициной въ не-земскихъ губерніяхъ.

Кстати о земской медицинѣ. Отовсюду собирая матеріалы для своего похода противъ земскихъ учрежденій, „Московскія Вѣдомости", въ лицѣ одного изъ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ, кн. Цертелева, воспользовались „Деревенскимъ письмомъ", недавно появившимся въ „Недѣлѣ", чтобы взвести на земство обвиненіе въ бюрократическомъ устройствѣ врачебной помощи. Авторъ „Деревенскаго письма" находитъ, что земство, установляя даровое леченіе (т.-е. безплатность лекарствъ и докторскихъ совѣтовъ), стремится къ неосуществимой цѣли и благодѣтельствуетъ одной части населенія въ ущербъ другой: открыть такое количество врачебныхъ пунктовъ, при которомъ они были бы доступны всѣмъ и каждому, земству не по силамъ. Съ другой стороны, даровое леченіе приноситъ очень мало пользы. Медицинская дѣятельность въ деревнѣ поставлена въ столь тяжелыя условія, что на должность земскаго врача идутъ, за рѣдкими исключеніями, одни неудачники. Земская медицина не пользуется особою популярностью въ народѣ: въ помѣщичьи дома даже и вблизи земскихъ аптекъ всегда пробирается масса крестьянъ, выпрашивающихъ лекарства отъ всякихъ болѣзней... Въ этой безотрадной картинѣ есть, безспорно, доля правды. Да, между земскими врачами встрѣчаются и такіе, которые перекочевываютъ изъ одного уѣзда въ другой, нигдѣ

не пуская прочныхъ корней; да, старинная привычка искать исцѣленія отъ болѣзней гдѣ и какъ попало, возникшая во время полнѣйшаго отсутствія въ деревняхъ всякой медицинской помощи, до сихъ поръ еще не исчезла въ народѣ, выражаясь, между прочимъ, въ обращеніяхъ къ помѣщичьимъ аптечкамъ. Но все это—только одна сторона медали. Рядомъ съ земскимъ врачомъ-неудачникомъ или ремесленникомъ вездѣ можно найти представителей того типа, благодаря которому съ самымъ терминомъ: „земскій врачъ" неразрывно связана мысль о безкорыстной, глубокой преданности своему дѣлу. Стоять на высотѣ своего призванія земскій врачъ можетъ и не становясь подвижникомъ, не жертвуя собою: нужно только, чтобы онъ былъ проникнутъ идеей долга и согрѣтъ чувствомъ любви къ народу... Треть столѣтія, прошедшая со времени открытія земскихъ учрежденій, произвела большой переворотъ въ отношеніяхъ народа къ правильной врачебной помощи. Онъ *начинаетъ* ей вѣрить, къ ней стремиться; больницы, которыхъ онъ прежде—и не безъ причины—боялся и чуждался, теперь никогда не стоятъ пустыми; амбулаторіи и пріемные покои едва вмѣщаютъ наплывъ больныхъ. Привести къ такому результату могло только наглядное удостовѣреніе въ пользѣ правильнаго леченья—а для этого, въ свою очередь, было необходимо принятіе на земскій счетъ *всѣхъ* расходовъ по медицинской части. Въ этой области земскаго хозяйства повторилось буквально то же, что̀ и въ области земской школы. Нужно было, прежде всего, преодолѣть недовѣріе народа къ школѣ, убѣдить его въ пользѣ просвѣщенія—именно просвѣщенія, а не одной только грамотности, механически вколачиваемой въ голову ребенка. Добиться этого можно было только путемъ устройства нормальныхъ школъ всецѣло на средства земства. Какъ только былъ сдѣланъ этотъ первый шагъ, почти вездѣ началось привлеченіе самихъ крестьянъ къ участію въ расходахъ на открываемую для нихъ школу—участію, выражающемуся обыкновенно въ принятіи на себя издержекъ на наемъ (или постройку) школьнаго зданія, съ отопленіемъ и прислугой. И на устройство и содержаніе пріемныхъ покоевъ крестьяне, сплошь и рядомъ, ассигнуютъ *теперь* дополнительныя суммы, сверхъ вносимыхъ въ земскія смѣты. Правда, и этихъ соединенныхъ средствъ не хватаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на такое широкое распространеніе обученія и леченья, при которомъ и то, и другое было бы вполнѣ *общедоступно*: но способъ къ достиженію желанной цѣли заключается, очевидно, не въ томъ, чтобы установить плату за ученье и за леченье, т.-е. сдѣлать ихъ *недоступными* именно для тѣхъ, кто всего больше въ нихъ нуждается. Попытки вводить плату за лекарства были дѣлаемы земствами, но всегда приводили къ значительному пониженію числа больныхъ ищущихъ помощи у земскихъ

врачей, безъ сколько-нибудь замѣтнаго увеличенія земскихъ средствъ или уменьшенія земскихъ расходовъ. Самъ авторъ „Деревенскаго письма“, обрадовавшаго московскую газету, называетъ вопросъ о взиманіи платы за леченье „очень сложнымъ“ и признаетъ „жестокимъ“ отказъ больному въ помощи „только на томъ основаніи, что у него нѣтъ денегъ или что онъ не можетъ доказать своей бѣдности“. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, заводить рѣчь о „несостоятельности земской политики“ и подливать воду на реакціонную мельницу?... Въ дѣлѣ обезпеченія народнаго здоровья, какъ и въ дѣлѣ развитія и усовершенствованія народной школы, есть только одинъ нормальный путь: увеличеніе средствъ, которыми располагаетъ земство, или предоставленіемъ ему новыхъ источниковъ дохода, или покрытіемъ на счетъ казны части производимыхъ имъ расходовъ.

По мѣрѣ того, какъ ограничиваются права и сокращаются функціи земства, растетъ и безъ того огромная у насъ бюрократическая армія, растутъ и расходы на ея содержаніе. Одновременно съ изданіемъ правилъ о предѣльности земскихъ смѣтъ при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ учреждена должность чиновника особыхъ порученій по земскимъ дѣламъ, съ годовымъ окладомъ въ пять тысячъ рублей. Введеніе въ дѣйствіе новыхъ продовольственныхъ правилъ влечетъ за собою учрежденіе восьми новыхъ должностей при земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, что сопряжено—несмотря на упраздненіе нѣсколькихъ должностей по хозяйственному департаменту—съ увеличеніемъ расходовъ по центральному управленію на 17.336 р. Еще значительнѣе увеличеніе расходовъ по мѣстному управленію, вслѣдствіе учрежденія въ составѣ 46 губернскихъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій должности непремѣннаго члена для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ по продовольственной части; на это ассигнуется ежегодно 277.200 руб. Еще раньше, закономъ 29-го мая, учреждена должность непремѣннаго члена губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, съ предоставленіемъ ему права голоса и съ возложеніемъ на него производства и доклада губернатору всѣхъ дѣлъ по земскому и городскому общественному управленію, а также исполненія порученій губернатора при производствѣ ревизій органовъ земскаго и городского управленія. Привѣтствуя эту послѣднюю мѣру, „Московскія Вѣдомости“ (№ 203) видятъ въ ней, главнымъ образомъ, нѣкоторое уравновѣшеніе силъ, состоящихъ въ распоряженіи губернатора, съ силами, которыми пользуется земство. „Земской бюрократіи“, пополняемой, въ случаѣ надобности, добровольцами изъ числа гласныхъ и вообще изъ

среды губернской интеллигенціи, „противостояли“ до сихъ поръ, по мнѣнію московской газеты, только губернаторъ да секретарь губ. по земскимъ дѣламъ присутствія. Это совершенно невѣрно: союзникомъ и сотрудникомъ губернатора, и по закону, и на практикѣ, являлся и является въ дѣлахъ смѣтныхъ, — которымъ „Московскія Вѣдомости“ придаютъ особенное значеніе,—управляющій казенною палатою, располагающій, конечно, всѣмъ немалочисленнымъ составомъ этого учрежденія. По ст. 13-й приложенныхъ къ земскому положенію 1890-го года правилъ о составленіи, утвержденіи и исполненіи земскихъ смѣтъ и раскладокъ, одобренныя земскими собраніями смѣты и раскладки, независимо отъ представленія ихъ губернатору, сообщаются въ копіяхъ управляющему казенною палатою, который замѣчанія свои на означенныя смѣты и раскладки препровождаетъ на усмотрѣніе губернатора. Есть губерніи, въ которыхъ всѣ или почти всѣ протесты губернатора противъ смѣтныхъ назначеній основываются именно на указаніяхъ управляющаго казенной палатой. Намъ кажется, что по поводу закона 29-го мая можетъ идти рѣчь скорѣе о нарушеніи равновѣсія, чѣмъ о его возстановленіи. Уже теперь большинство голосовъ въ губернскомъ присутствіи почти всегда оказывалось на сторонѣ губернатора. Ему обезпечена, за рѣдкими исключеніями, поддержка вице-губернатора, управляющаго казенной палатой и даже представителя прокуратуры, мало интересующагося, обыкновенно, дѣлами, подвѣдомственными присутствію, и не расположеннаго, поэтому, идти въ разрѣзъ съ администраціей. Далеко не всегда стоятъ за земство губернскій предводитель дворянства и городской голова; но даже вмѣстѣ съ ними предсѣдатель губернской земской управы и непремѣнный членъ отъ земства образуютъ меньшинство, въ виду перевѣса, принадлежащаго голосу предсѣдателя (губернатора). Въ силу новаго закона административное большинство усиливается непремѣннымъ членомъ, докладывающимъ губернатору и исполняющимъ его порученія, т.-е. прямо ему подчиненнымъ. Это имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что роль губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія значительно расширена правилами о предѣльности земскихъ смѣтъ...

Съ 1-го января 1901-го года дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ будетъ распространено на губерніи витебскую, могилевскую и минскую. Само собою разумѣется, что назначаться земскіе начальники будутъ здѣсь въ порядкѣ установленномъ для губерній, гдѣ не производится дворянскихъ выборовъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это будутъ, слѣдовательно, пришлые люди, ничѣмъ не связанные съ мѣстностью и знакомые съ нею отнюдь не больше не-

жели любой чиновникъ, посланный туда какимъ бы то ни было вѣдомствомъ. Трудно понять, поэтому, въ силу чего реакціонная печать поминаетъ лихомъ существовавшихъ до сихъ поръ въ Бѣлоруссіи мировыхъ судей, какъ мало знавшихъ или совсѣмъ не знавшихъ мѣстныя условія: съ этой точки зрѣнія никакой разницы между мировыми судьями и земскими начальниками нѣтъ и быть не можетъ. Другой аргументъ, приводимый противъ мировыхъ судей, заключается въ томъ, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ была закрыта всякая другая карьера въ судебномъ вѣдомствѣ; но гдѣ же ручательство въ томъ, что между земскими начальниками, заступающими мѣсто мировыхъ судей, меньше будетъ людей, не имѣющихъ никакихъ шансовъ на служебное повышеніе? Всегда ли, притомъ, обиліе такихъ шансовъ отзывается благопріятно на дѣятельности чиновника? Не располагаетъ ли оно его разсматривать занимаемое имъ мѣсто какъ этапъ на пути къ другому, болѣе привлекательному?.. Настоящая причина, заставляющая реакціонную печать привѣтствовать расширеніе сферы дѣйствій земскихъ начальниковъ, обнаруживается нѣсколько дальше, когда идетъ рѣчь о „плохо понимаемомъ чувствѣ гуманности", заставляющемъ, будто бы, многихъ мировыхъ судей склоняться на сторону крестьянъ или рабочихъ, во вредъ землевладѣльцамъ, и обусловливающемъ собою „неудовлетворительное состояніе мѣстнаго правосудія". Едва-ли, однако, непрошенные защитники правосудія остались бы довольны строгимъ его безпристрастіемъ; для нихъ желателенъ, безъ сомнѣнія, наклонъ вѣсовъ въ противоположную сторону...

Скончавшійся въ концѣ іюля мѣсяца Н. И. Стояновскій принадлежалъ къ числу тѣхъ славныхъ государственныхъ дѣятелей, имена которыхъ навсегда останутся связанными съ эпохой великихъ реформъ. Онъ игралъ видную роль и въ составленіи судебныхъ уставовъ, и въ приведеніи ихъ въ дѣйствіе. Съ недостатками старыхъ судебныхъ порядковъ онъ ознакомился близко, служа въ Сенатѣ — и скоро пришелъ къ убѣжденію, что полумѣрами, частичными поправками, ихъ устранить нельзя. Способствовало этому убѣжденію, быть можетъ, и то обстоятельство, что Н. И. былъ однимъ изъ первыхъ, по времени, воспитанниковъ училища правовѣдѣнія, основаннаго съ спеціальною цѣлью очищенія авгіевыхъ конюшенъ до-реформеннаго судебнаго вѣдомства. Пока длился медовый мѣсяцъ училища, пока вліяніе великодушной мысли, его создавшей, было сильнѣе общаго духа времени, враждебнаго всему высокому и чистому, изъ среды правовѣдовъ выходило немало идеалистовъ, готовыхъ на бой съ неправдой: таковы были, напримѣръ, изъ числа ближайшихъ товарищей Н. И. Стоянов-

скаго, В. А. Арцимовичъ, П. А. Зубовъ, М. В. Полѣновъ, И. С. Аксаковъ, Д. А. Ровинскій. Приходя въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, они не теряли усвоенной однажды вѣры, но не могли не видѣть, что при данныхъ условіяхъ немыслима серьёзная перемѣна къ лучшему. Отсюда юношескій восторгъ, овладѣвшій ими при первыхъ проблескахъ новаго свѣта. Позже, когда горизонтъ опять покрылся тучами, немногимъ изъ нихъ не пришлось испытать помѣхъ и остановокъ, составляющихъ обычный удѣлъ выдающихся русскихъ людей. Н. И. Стояновскій подпалъ подъ дѣйствіе общаго закона: едва только онъ успѣлъ доказать свой организаторскій талантъ, съ большимъ успѣхомъ призвавъ къ жизни новыя учрежденія въ двухъ судебныхъ округахъ (петербургскомъ и московскомъ), какъ ему пришлось оставить боевой постъ товарища министра юстиціи. Это была первая побѣда, отпразднованная реакціей въ судебномъ мірѣ,—побѣда аналогичная съ тою, которая была одержана ею нѣсколькими годами раньше въ области крестьянскаго дѣла. Впослѣдствіи передъ Н. И. Стояновскимъ опять открылось болѣе широкое поле дѣятельности: онъ былъ назначенъ членомъ Госуд. Совѣта, затѣмъ предсѣдателемъ департамента гражд. и духовныхъ дѣлъ, предсѣдателемъ коммиссіи, составляющей гражданское уложеніе—но времена были уже не тѣ, не то было и вліяніе, выпадавшее на долю маститаго государственнаго человѣка. „Что̀ долженъ былъ думать и чувствовать Н. И. Стояновскій,—спрашиваетъ „Право“ въ прекрасной статьѣ, посвященной дорогому покойнику, — присутствуя, какъ свидѣтель, при крушеніи тѣхъ началъ, которыя онъ считалъ необходимымъ краеугольнымъ устоемъ государственной жизни? Извѣрился ли онъ въ святость и силу истины, въ конечное ея торжество? Нѣтъ, онъ не могъ не знать, что реакція поверхностна и безсильна... Пока корни живутъ, дерево не погибло. Вмѣсто вѣтвей, убитыхъ зимнимъ морозомъ, новой весной выростутъ новыя вѣтви, а старыя уцѣлѣвшія, снова одѣнутся листвой“.

ЗАМѢТКА.

По поводу ходатайства гг. попечителей учебныхъ округовъ и земствъ объ измѣненіи порядка назначенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ законоучителей.

Въ концѣ іюля текущаго года было опубликовано опредѣленіе св. Синода, отъ 7—30 іюня, „по вопросу о предоставленіи *не имѣющимъ богословскаго образованія* учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ преподаванія Закона Божія". Прежде всего замѣтимъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не вообще о народныхъ училищахъ, подраздѣляющихся на „начальныя" (съ однимъ классомъ, при трехлѣтнемъ обученіи въ немъ, почему они и называются также одноклассными) и „городскія" (съ четырьмя классами, а слѣдовательно, и съ 4-лѣтнимъ обученіемъ въ нихъ)—а исключительно о первыхъ, т.-е. *начальныхъ*, гдѣ обучаются дѣти самаго младшаго у насъ школьнаго возраста отъ 7—8 лѣтъ до 11—12 лѣтъ. При разрѣшеніи вышепоставленнаго вопроса, такой возрастъ питомцевъ *начальныхъ* народныхъ школъ не можетъ быть оставленъ безъ особеннаго вниманія, и нельзя не сдѣлать различія между составомъ лицъ, обучающихъ Закону Божію въ низшихъ народныхъ школахъ, именуемыхъ начальными, и въ высшихъ, или „городскихъ". Еслибы оказалось необходимымъ въ послѣднихъ имѣть, для обученія Закону Божію, лицъ съ богословскимъ образованіемъ, то съ этимъ пришлось бы, можетъ быть, и согласиться.

Но вопросъ о разрѣшеніи лицамъ свѣтскаго образованія преподавать Законъ Божій возникъ на другой почвѣ, чисто практической: многолѣтняя школьная практика земства, а также и городовъ — особенно такого города, какъ Петербургъ — наглядно показала, что существующій порядокъ назначенія лицъ преподавателями Закона Божія въ низшихъ народныхъ, т.-е. начальныхъ училищахъ, заключаетъ въ себѣ условія, которыя находятся, такъ сказать, въ обратномъ отношеніи къ признаваемой всѣми важности такого предмета преподаванія, какъ Законъ Божій: прочіе предметы преподаванія въ начальной школѣ являются несравненно болѣе обезпеченными относительно личнаго состава учащихъ, нежели Законъ Божій. Въ виду такого тяжелаго обстоятельства, нѣкоторые попечители учебныхъ округовъ, а слѣдовательно, и сама мѣстная высшая администрація министерства народнаго просвѣщенія, и одновременно съ попечителями округовъ губернскія земскія собранія—ходатайствовали предъ министерствомъ

народнаго просвѣщенія „о предоставленіи учащимъ начальныхъ народныхъ училищъ, не получившимъ богословскаго образованія, права преподавать Законъ Божій въ своихъ училищахъ". Министерство народнаго просвѣщенія представило всѣ такія ходатайства на разрѣшеніе правительствующаго Синода, который, выслушавъ по этому дѣлу журналъ своего Училищнаго Совѣта, съ его заключеніемъ, опредѣлилъ слѣдующее:

„Въ разрѣшеніе существующихъ по мѣстамъ затрудненій къ назначенію священниковъ-законоучителей, вслѣдствіе недостатка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приходскихъ священниковъ, въ сравненіи съ постоянно возростающимъ числомъ начальныхъ училищъ, и въ руководство въ потребныхъ случаяхъ епархіальнымъ преосвященнымъ при назначеніи законоучителей въ начальныя народныя училища преподать нижеслѣдующія по сему предмету разъясненія:

„1) На основаніи неоднократныхъ разъясненій святѣйшаго Синода, и на будущее время надлежитъ твердо держаться общаго правила, что наставленіе учащихся въ истинахъ вѣры и христіанскаго благочестія въ начальныхъ народныхъ училищахъ всѣхъ видовъ и наименованій должно составлять пастырскій долгъ и обязанность приходскихъ священниковъ, на коихъ и должны быть возлагаемы какъ званіе, такъ и обязанности законоучителей въ сихъ училищахъ.

„2) Еслибы, по дальности разстоянія училищъ отъ приходскаго храма и мѣста жительства священника, или по инымъ причинамъ, признаннымъ епархіальными преосвященными уважительными, оказалось совершенно невозможнымъ назначить законоучителемъ священника, то предоставляется усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ допускать къ преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, тѣхъ изъ приходскихъ діаконовъ, которые будутъ признаны ими, преосвященными, къ тому способными.

„3) Еслибы обязанности законоучителей въ начальныхъ народныхъ училищахъ, при быстро возростающемъ числѣ начальныхъ школъ, по мѣстнымъ условіямъ, оказалось невозможнымъ возложить на лицъ священнаго сана изъ ближайшаго приходскаго духовенства, то предоставляется епархіальнымъ преосвященнымъ, въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, при сношеніяхъ съ подлежащимъ учебнымъ начальствомъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія о назначеніи во вновь открываемыя училища законоучителей, рекомендовать мѣстнымъ земствамъ, сельскимъ обществамъ и другимъ устроителямъ училищъ изыскивать средства на обезпеченіе достаточнымъ содержаніемъ особаго безприходнаго священника или діакона—законоучителя для нѣсколькихъ, близкихъ между собою по разстоянію, училищъ, и въ случаяхъ изысканія достаточныхъ средствъ на содержаніе таковыхъ законоучителей изъ священниковъ и діаконовъ, съ предоставленіемъ имъ квартирныхъ помѣщеній или квартирныхъ денегъ, предоставить усмотрѣнію епархіальныхъ преосвященныхъ, по сношеніи съ учебнымъ начальствомъ, назначать таковыхъ духовныхъ лицъ законоучителями начальныхъ училищъ, съ причисленіемъ ихъ,

по удобству мѣста ихъ жительства, къ ближайшимъ приходскимъ храмамъ сверхъ штата.

„4) Предоставляется епархіальнымъ преосвященнымъ, въ случаяхъ невозможности замѣстить должность законоучителя начальнаго народнаго училища лицомъ священнаго сана, рекомендовать учебному начальству пріискивать на учительскія должности въ таковыя училища лицъ свѣтскихъ, получившихъ богословское образованіе въ высшихъ или среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, съ достаточнымъ вознагражденіемъ, на каковыхъ лицъ епархіальными преосвященными, по ихъ усмотрѣнію, и можетъ быть возлагаемо преподаваніе въ тѣхъ училищахъ Закона Божія, но безъ присвоенія симъ преподавателямъ званія законоучителей.

„5) Въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда встрѣтится необходимость допущенія къ преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ свѣтскихъ лицъ, не получившихъ богословскаго образованія, предоставляется подлежащимъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, завѣдывающимъ названными училищами, согласно нынѣ дѣйствующему постановленію святѣйшаго Синода, отъ 10-го февраля—22-го іюня 1888 года, обращаться о семъ съ ходатайствами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ епархіальнымъ архіереямъ, причемъ усмотрѣнію епархіальныхъ преосвященныхъ предоставляется удовлетворять таковыя ходатайства, по выясненіи мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, коими вызывается необходимость допущенія учителя, не получившаго богословскаго образованія, къ преподаванію Закона Божія и по надлежащемъ удостовѣреніи въ способности и благонадежности къ таковому преподаванію представляемаго лица, съ тѣмъ, чтобы о всѣхъ таковыхъ случаяхъ епархіальные преосвященные доносили святѣйшему Синоду по вѣдомости въ концѣ каждаго года, съ указаніемъ какъ тѣхъ обстоятельствъ, коими вызвано таковое допущеніе, такъ и основаній, по которымъ допущенныя лица признаются благонадежными.

„6) Въ устраненіе случаевъ, когда начальныя народныя училища, особенно вновь открываемыя, на долгое время остаются безъ законоучителей, за непріисканіемъ оныхъ заблаговременно, просить министерство народнаго просвѣщенія сдѣлать зависящее распоряженіе по учебнымъ округамъ, чтобы мѣстное учебное начальство не давало разрѣшеній на открытіе новыхъ училищъ, прежде чѣмъ не будетъ обезпечено въ каждомъ изъ нихъ при самомъ открытіи училища надлежащее преподаваніе Закона Божія, о чемъ, для руководства по духовному вѣдомству, напечатать въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ и предоставить г. оберъ-прокурору святѣйшаго Синода сообщить о настоящемъ опредѣленіи министру народнаго просвѣщенія съ просьбою поставить въ извѣстность объ этомъ опредѣленіи начальства учебныхъ округовъ“.

Изъ вышеизложеннаго текста опредѣленія св. Синода можно заключить, что ходатайства гг. попечителей учебныхъ округовъ и губернскихъ земствъ „о предоставленіи учащимъ начальныхъ народныхъ училищъ, не получившимъ богословскаго образованія, права

преподавать Законъ Божій" — было какъ бы совершенно излишне: уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, по постановленію св. Синода, 22-го іюня 1888 года [1]), было дано разрѣшеніе допускать лица, не имѣвшія богословскаго образованія, къ преподаванію Закона Божія; въ послѣднемъ опредѣленіи св. Синода приводятся и тѣ условія, при соблюденіи которыхъ такое разрѣшеніе можетъ быть и нынѣ получаемо, по ходатайству о томъ учрежденій и должностныхъ лицъ, завѣдующихъ начальными школами, обращенному къ мѣстному епархіальному архіерею. Трудно, однако, представить себѣ, чтобы гг. попечители учебныхъ округовъ и губернскія земства упустили изъ виду давно уже постановленное (въ 1888 г.) св. Синодомъ, и обратились бы къ нему съ ходатайствомъ о томъ, на что̀ они, повидимому, и безъ того имѣли полное право, а именно—ходатайствовать предъ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереемъ о предоставленіи преподаванія Закона Божія тѣмъ учащимъ, которымъ уже ввѣрено преподаваніе прочихъ предметовъ. Вотъ почему надобно полагать, что ходатайство гг. попечителей учебныхъ округовъ и губернскихъ земствъ, возникшее несмотря на дѣйствующее и понынѣ постановленіе св. Синода, 22-го іюня 1888 года,—имѣло въ виду болѣе широкую постановку самаго вопроса и вытекало не изъ однѣхъ трудностей, какія представляетъ избраніе преподавателей Закона Божія изъ лицъ съ богословскимъ образованіемъ. Между тѣмъ, настоящее рѣшеніе св. Синода, 30-го іюня 1900 г., собственно говоря, оставляетъ дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ оно было и прежде: по прежнему „общимъ правиломъ", котораго „надлежитъ твердо держаться", остается, чтобы обученіе Закону Божію въ начальныхъ школахъ составляло „пастырскій долгъ и обязанность приходскихъ священниковъ", и только въ видѣ исключенія изъ „общаго правила" допускаются къ законоучительству приходскіе діаконы, а за отсутствіемъ и ихъ, безприходные священники и діаконы, причемъ св. Синодъ „рекомендуетъ мѣстнымъ земствамъ, сельскимъ обществамъ и другимъ устроителямъ училищъ, изыскивать средства на обезпеченіе достаточнымъ содержаніемъ особаго безприходнаго священника или діакона", съ предоставленіемъ имъ квартирныхъ денегъ. Только по принятіи всѣхъ вышеизложенныхъ мѣръ къ замѣщенію должности преподавателя Закона Божія, можно ходатайствовать о разрѣшеніи допустить къ преподаванію лицо не-духовнаго сана, но съ богословскимъ образованіемъ, и только за отсутствіемъ послѣдняго можетъ быть допущено свѣтское лицо безъ богословскаго образованія. Но обезпечить безприходнаго священника или діакона „достаточнымъ содержаніемъ"

[1]) См. выше: п. 5 опредѣленія св. Синода 30-го іюня 1900 г.

и „квартирнымъ помѣщеніемъ"—какъ то рекомендуетъ св. Синодъ—это значитъ чуть не удвоить расходъ на содержаніе школы—или, другими словами, сдѣлать правильное существованіе школы невозможнымъ. Вотъ почему, мы думаемъ, гг. попечители и земства не могли усматривать въ постановленіи св. Синода 1888 г. какое-нибудь облегченіе для себя въ пріисканіи надлежащихъ преподавателей Закона Божія; епархіальный архіерей, по смыслу опредѣленія св. Синода, могъ разрѣшить преподаваніе свѣтскому лицу безъ богословскаго образованія только „въ крайнихъ случаяхъ", т.-е. когда не оказалось бы возможнымъ назначеніе такого лица на основаніи первыхъ четырехъ пунктовъ опредѣленія, а именно, когда нельзя было назначить лицо духовнаго сана и притомъ приходскаго, или когда будетъ доказано, что земство не можетъ, по скудости своихъ средствъ и бѣдности обывателей, взять на свой счетъ достаточное содержаніе и квартирное помѣщеніе для лица священнаго сана, безприходнаго, или свѣтскаго лица съ богословскимъ образованіемъ (т.-е. семинариста, не получившаго прихода, и потому едва ли лучшаго).

Такимъ образомъ, начальныя училища, какъ оказывается, останутся и послѣ новѣйшаго опредѣленія св. Синода, 30 іюня 1900 г., въ томъ же затруднительномъ положеніи относительно обезпеченія вполнѣ удовлетворительнаго преподаванія въ нихъ столь важнаго предмета, какъ Законъ Божій, въ какомъ они находились и до настоящаго времени, имѣя предъ собою прежнее постановленіе св. Синода, 22 іюня 1888 года. Такъ, повидимому, полагаетъ и самъ св. Синодъ, такъ какъ онъ предложилъ, съ своей стороны, мѣру къ устраненію, на будущее время, тѣхъ прискорбныхъ случаевъ, когда начальныя училища остаются безъ преподавателей Закона Божія. Но эта мѣра заставляетъ опасаться, чтобы она, имѣя въ виду благую цѣль, не послужила сама, конечно, противъ воли предлагающихъ ее, источникомъ другого зла, не менѣе опаснаго. Въ послѣднемъ пунктѣ (п. 6) опредѣленіе св. Синода предполагаетъ—„въ устраненіе случаевъ, когда начальныя народныя училища, особенно вновь открываемыя, на долгое время остаются безъ законоучителей, за непріисканіемъ мѣръ заблаговременно—*просить министерство народнаго просвѣщенія сдѣлать зависящее распоряженіе по учебнымъ округамъ, чтобы мѣстное учебное начальство* (т.-е. городскіе и уѣздные училищные Совѣты) *не давало разрѣшенія на открытіе новыхъ училищъ, прежде чѣмъ не будетъ обезпечено въ каждомъ изъ нихъ при самомъ открытіи училища надлежащее преподаваніе Закона Божія*"... Такое предложеніе св. Синода, обращенное къ министерству народнаго просвѣщенія, не касается, правда, школъ, уже прежде открытыхъ, и число которыхъ, вмѣстѣ взятое, далеко превышаетъ число вновь от-

крываемыхъ; а въ нихъ-то, какъ видно изъ ходатайствъ гг. попечителей и земствъ, преподаваніе Закона Божія идетъ весьма неудовлетворительно, и слѣдовательно они и впредь осуждены остаться въ томъ же печальномъ положеніи. Чтобы исправить подобное зло въ прежнихъ училищахъ, остающихся подолгу безъ преподавателя Закона Божія, слѣдовало бы, по аналогіи, закрыть и ихъ, пока и въ нихъ не будетъ обезпечено надлежащее преподаваніе Закона Божія; но опредѣленіе св. Синода ограничивается однѣми вновь открываемыми школами, предлагая запрещать самое ихъ открытіе, до обезпеченія гг. попечителями или земствами преподаванія въ нихъ Закона Божія. Если бы такая мѣра была примѣнена къ прежнимъ училищамъ, то, понятно само собою, она быстро сократила бы число школъ и уничтожила бы успѣхи народнаго образованія въ прошедшемъ; въ примѣненіи же къ новымъ школамъ, эта мѣра должна будетъ послужить препятствіемъ къ распространенію его въ будущемъ: мѣстности, не обезпечившей предварительно и не имѣющей средствъ къ обезпеченію приличнымъ содержаніемъ и квартирнымъ довольствомъ преподавателя Закона Божія, будетъ, такимъ образомъ, воспрещено обучать малолѣтнихъ грамотѣ, письму и счету—такова программа начальныхъ народныхъ училищъ, по Положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 года!! Такія мѣстности осуждаются впредь или по крайней мѣрѣ на долгое время—оставаться вовсе безграмотными. Министерство народнаго просвѣщенія, смѣемъ думать, приметъ мѣры, съ своей стороны, чтобы не случилось чего-нибудь подобнаго, прежде нежели сдѣлаетъ предлагаемое ему распоряженіе о воспрещеніи открывать новыя школы, пока не будетъ обезпечено содержаніе преподавателя Закона Божія въ нихъ. При этомъ министерству придется теперь же предвидѣть и такіе случаи: какая-нибудь мѣстность, обезпечивъ преподаваніе Закона Божія, получила разрѣшеніе на открытіе школы, но черезъ годъ или два преподаватель почему-либо оставляетъ школу, пріискать же новаго преподавателя весьма трудно и даже совсѣмъ невозможно—какъ поступить съ такою школою? Чтобы оставаться послѣдовательнымъ, министерству пришлось бы закрыть ее, пока не будетъ вновь обезпечено преподаваніе Закона Божія; но едва-ли можно допустить такую мѣру къ обезпеченію преподаванія Закона Божія, которое осуждало бы цѣлую мѣстность на непроходимое невѣжество.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, прежде всего то, что, несмотря на неоднократныя разъясненія св. Синода, а именно, что на будущее время надлежитъ „твердо держаться общаго правила", чтобы законоучительство составляло пастырскій долгъ приходскихъ священ-

никовъ—самъ св. Синодъ призналъ, вслѣдъ за симъ, невозможнымъ твердо держаться упомянутаго общаго правила, а потому тутъ же допустилъ цѣлый рядъ исключеній изъ него, причемъ указывается причиною тому—„недостатокъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приходскихъ священниковъ"; въ такихъ мѣстностяхъ даже и сама паства остается безъ пастыря. Но предложить гг. попечителямъ учебныхъ округовъ и земствамъ взять на себя всѣ расходы не только по устройству помѣщенія школы, снабженію ея школьною мебелью и учебными пособіями—что̀ составляетъ само по себѣ довольно существенный расходъ—а сверхъ того, дать еще и достаточное содержаніе, съ квартирою, безприходному священнику или діакону,—это значило бы возложить на министерство народнаго просвѣщенія, земства, города и общества, обязанность восполнить на ихъ счетъ недостатокъ пастырей церкви,—что̀, конечно, можетъ составлять заботу только одного святѣйшаго Синода. И вотъ тогда можно было бы „твердо" держаться общаго правила, чтобы повсюду законоучителями были пастыри церкви, безъ всякихъ исключеній, причемъ заботы и расходы на устройство начальныхъ народныхъ училищъ всецѣло возлагались бы на свѣтскія власти и общественныя управленія, а св. Синодъ взялъ бы на себя содержаніе и квартирное довольство законоучителя, труды котораго оплачивались бы, конечно, какъ и нынѣ оплачиваются, содержателями училищъ; однимъ словомъ, чтобы, съ одной стороны, открывалось какъ можно болѣе начальныхъ народныхъ училищъ, а съ другой—увеличивалось бы, соотвѣтственно тому, число безприходныхъ священниковъ отъ св. Синода; такіе законоучители были бы въ той мѣстности не только законоучителями для дѣтей, но и пастырями для ихъ отцовъ и матерей. Между тѣмъ, нынѣ предполагается вовсе не допускать открытія новыхъ народныхъ училищъ, пока мѣстность, нуждающаяся въ нихъ, не изыщетъ предварительно матеріальныхъ средствъ не только для устройства училища, но и сверхъ того,—на достаточное содержаніе безприходнаго священника или діакона, или вообще лица съ богословскимъ образованіемъ, и на квартирное ихъ довольство. Такая мѣра, какъ мы уже сказали выше, при ея примѣненіи можетъ имѣть въ результатѣ одно сокращеніе числа начальныхъ народныхъ училищъ.

Мы, конечно, и сами хорошо понимаемъ, что если,—для того, чтобы твердо держаться общаго правила относительно законоучительства въ начальныхъ народныхъ училищахъ,—необходимо подлежащей власти предварительно уничтожить „недостатокъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приходскихъ священниковъ", то, съ другой стороны, трудности осуществленія такого условія весьма велики и для самого духовнаго вѣдомства, такъ какъ это потребовало бы значительныхъ рас-

ходовъ. Между тѣмъ, приведеніе преподаванія Закона Божія въ начальныхъ училищахъ въ одинаковое, по крайней мѣрѣ, положеніе съ прочими предметами программы этихъ училищъ—слѣдовало бы признать безотлагательнымъ. Лучшее средство къ тому указывается въ ходатайствахъ самихъ гг. попечителей учебныхъ округовъ и земствъ. Текстъ этихъ ходатайствъ не опубликованъ, а потому мы судимъ о существенной сторонѣ ихъ содержанія по словамъ самаго опредѣленія св. Синода: предметомъ ходатайства служитъ „предоставленіе не имѣющимъ богословскаго образованія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ преподаванія Закона Божія". Вотъ собственно о чемъ ходатайствуютъ, какъ намъ кажется, и гг. попечители учебныхъ округовъ, и губернскія земства—и вотъ на что̀ собственно не послѣдовало согласія св. Синода. При удовлетвореніи такого ходатайства, значеніе приходскихъ священниковъ еще болѣе возвысилось бы, такъ какъ на нихъ исключительно возложенъ былъ бы долгъ вполнѣ соотвѣтствующій ихъ силамъ—наблюдать за правильностью преподаванія учителями и учительницами, состоящими, кромѣ того, подъ наблюденіемъ директора и инспектора народныхъ училищъ, и двухъ Совѣтовъ, уѣзднаго и губернскаго, гдѣ имѣются опять представители отъ духовнаго вѣдомства,—не говоримъ уже о наблюденіи со стороны городскихъ и земскихъ училищныхъ коммиссій. Если намъ возразятъ, что, при этомъ, лица съ богословскимъ образованіемъ, пріобрѣтая высшее духовное значеніе, теряютъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ многіе изъ нихъ, при скудости содержанія нашего приходскаго духовенства, въ законоучительствѣ находятъ нѣкоторое денежное дополненіе,—то, по нашему мнѣнію, прямое улучшеніе матеріальнаго быта духовенства было бы несравненно цѣлесообразнѣе такихъ побочныхъ мѣръ, которыя часто могутъ ставить духовное лицо въ необходимость дѣлать выборъ между исполненіемъ церковныхъ требъ и обязанностей законоучителя. Мы это хорошо знаемъ по нашему многолѣтнему и близкому знакомству со школьнымъ дѣломъ въ самой столицѣ. Здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи о недостаткѣ приходскихъ священниковъ и діаконовъ, какъ это часто случается въ уѣздахъ—и тѣмъ не менѣе, въ училищахъ, содержимыхъ городомъ, испытывается много неудобствъ отъ настоящей системы образованія состава законоучителей и преподавателей Закона Божія. Это неудобство всего лучше выражается „экономіею", которая дѣлалась и дѣлается городомъ отъ преподаванія Закона Божія, и которая достигала иногда трехъ-четырехъ тысячъ рублей въ годъ: главнымъ образомъ, такая нежелательная экономія образовывалась изъ поурочной платы за преподаваніе Закона Божія, и выражала собою число пропущенныхъ законоучителями уроковъ; уроки

же пропускались именно вслѣдствіе трудности совмѣстить обязанности по церковнымъ требамъ въ приходѣ и по законоучительству въ школахъ.

Выше мы уже обратили вниманіе на возрастъ дѣтей, обучающихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ; программа преподаванія Закона Божія въ нихъ совершенно соотвѣтствуетъ такому самому раннему ихъ возрасту, а потому едва-ли можетъ требовать отъ преподавателя спеціальнаго богословскаго образованія. Въ Петербургѣ учащіе должны имѣть не только среднее, но и высшее образованіе, или спеціально-педагогическое; кромѣ того, законъ требуетъ, чтобы всѣ учащіе въ народныхъ училищахъ были православнаго исповѣданія. Какое препятствіе, въ такомъ случаѣ, могло бы оказаться къ разрѣшенію имъ преподавать также и Законъ Божій въ начальныхъ училищахъ, когда они сами прошли курсъ Закона Божія не только въ среднихъ, но и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Полученное ими допущеніе къ обученію въ школѣ вообще служитъ уже само по себѣ ручательствомъ за ихъ нравственныя качества—и, затѣмъ, учебная дѣятельность ихъ окружена со всѣхъ сторонъ надзоромъ, къ которому теперь присоединился бы еще особый надзоръ со стороны приходскихъ священниковъ, которые, впрочемъ, и въ настоящее время могутъ предсѣдательствовать на экзаменахъ, при училищномъ Совѣтѣ, на льготу по воинской повинности, дѣтей, окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ. Въ пользу разрѣшенія учителямъ и учительницамъ начальныхъ народныхъ училищъ преподавать также и Законъ Божій, въ предѣлахъ программы этихъ училищъ, приведемъ, наконецъ, и то обстоятельство, что, какъ мы слышали, еще весьма недавно (а можетъ быть, это продолжается и теперь) въ благотворительныхъ заведеніяхъ для самаго младшаго возраста дѣтей, въ Петербургѣ, Законъ Божій преподается самими учительницами, а если это справедливо, то почему такое же право не могло бы быть распространено и на учащихъ вообще въ начальныхъ народныхъ училищахъ?..

М. Ст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНIЕ

1 сентября 1900.

Событія въ Пекинѣ.—Странности китайской политики.—Внѣшнее единеніе державъ и роль графа Вальдерзе.—Предстоящія задачи въ Китаѣ.—Правительственное сообщеніе отъ 19 августа.—Война въ южной Африкѣ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ взятія Тянь-Цзиня, 1 (14) августа, союзныя войска, подъ предводительствомъ русскаго генерала, вступили въ Пекинъ. Посланники и бывшіе съ ними европейцы спасены отъ угрожавшей имъ гибели. Мучительная трагедія, волновавшая весь культурный міръ въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, окончилась благополучно. Китайцамъ не удалось взять штурмомъ посольскія зданія и истребить запертыхъ въ нихъ иностранцевъ съ женщинами и дѣтьми; еще наканунѣ появленія освободительныхъ отрядовъ они подвергли посольства сильнѣйшей бомбардировкѣ, и эта орудійная пальба внутри Пекина послужила какъ бы сигналомъ для иностранной арміи, чтобы она поторопилась явиться на помощь осажденнымъ. Освобождены также католическіе миссіонеры, запертые въ своемъ монастырѣ и успѣвшіе какимъ-то чудомъ выдержать продолжительную осаду со стороны „боксеровъ".

Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что противъ посольствъ въ Пекинѣ и охранявшей ихъ горсти европейскихъ солдатъ дѣйствовали регулярныя китайскія войска, подъ начальствомъ генераловъ, безусловно преданныхъ и покорныхъ правительству. Чего собственно думали достигнуть китайцы своими яростными нападеніями на посольства, почему они, наконецъ, не завладѣли ими при своемъ громадномъ численномъ превосходствѣ и какъ могло ихъ правительство обращаться къ державамъ съ просьбами о посредничествѣ одновременно съ продолженіемъ возмутительныхъ „военныхъ дѣйствій" противъ иностранныхъ посольствъ,—это рядъ загадокъ, которыя пока еще остаются неразрѣшимыми. Дипломатія по неволѣ придерживалась того взгляда, что противъ нея воюютъ лишь мятежныя власти Китая, не подчиняющіяся ни законному богдыхану, ни императрицѣ-регентшѣ; эта точка зрѣнія выразилась между прочимъ и въ оффиціальномъ отвѣтѣ Россіи на странное—чтобы не сказать болѣе—китайское ходатайство о миролюбивомъ разрѣшеніи кризиса, сущность котораго заключалась въ упорной китайской войнѣ противъ посланниковъ. Казалось бы, что, прежде чѣмъ вступать въ переговоры, надо было прекратить осаду и бомбардировку посольствъ, и потому вполнѣ поня-

тенъ отвѣтъ на просьбу богдыхана, изложенный въ правительственномъ сообщеніи отъ 20 іюня.

„Извѣстія о ходѣ событій въ Китаѣ,—говорится въ этомъ сообщеніи, — единогласно свидѣтельствуютъ о полномъ безсиліи пекинскаго правительства бороться съ охватившимъ нѣкоторыя провинціи Поднебесной имперіи мятежнымъ движеніемъ и возстановить порядокъ въ столицѣ, занятой отрядами присоединившихся къ мятежникамъ китайскихъ войскъ.

„Такое положеніе дѣлъ, грозящее Китаю тяжкими осложненіями, побудило его величество богдыхана—единственнаго законнаго правителя страны—обратиться къ Государю Императору съ просьбою о посредничествѣ. Въ телеграммѣ на Высочайшее Имя отъ 20-го іюня тек. года, доставленной при посредствѣ китайскаго посланника въ С.-Петербургѣ, его величество Гуангъ-Сю приписываетъ возникшіе безпорядки козням злонамѣренныхъ агитаторовъ, старавшихся въ личныхъ интересахъ всячески возбудить народную ненависть противъ христіанъ. Когда, по настояніямъ россійскаго посланника, правительство рѣшилось принять репрессивныя мѣры, то было уже поздно, такъ какъ распускавшіеся ложные слухи возстановили противъ иностранцевъ „простой народъ, войска, людей знатныхъ и тѣхъ, кто живетъ въ княжескихъ дворцахъ". Принять рѣшительныя мѣры правительство опасалось, дабы не скомпрометировать охраны миссій и не вызвать одновременнаго возстанія во всѣхъ населенныхъ иностранцами портахъ, гдѣ мятежники нашли себѣ многихъ сообщниковъ. Такой образъ дѣйствій китайскаго правительства вызвалъ, однако, подозрѣнія державъ, усмотрѣвшихъ въ немъ попустительство антихристіанскому движенію, и побудилъ ихъ къ военнымъ мѣропріятіямъ, угрожавшимъ еще болѣе осложнить положеніе и ослабить надежду на чье-либо посредничество въ настоящихъ затрудненіяхъ.

„Ссылаясь на болѣе чѣмъ двухсотлѣтнюю дружбу и добрыя сосѣдственныя отношенія между Россіею и Китаемъ, его величество богдыханъ ходатайствовалъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ указаніи мѣръ, которыя могли бы спасти страну, и просилъ о принятіи на себя Императорскимъ правительствомъ почина по приведенію таковыхъ мѣръ въ исполненіе.

„По Высочайшему повелѣнію, 30-го іюня с. г., китайскому посланнику въ С.-Петербургѣ былъ врученъ, для сообщенія въ Пекинъ, отвѣтъ на вышеизложенную телеграмму его величества богдыхана, въ коемъ, между прочимъ, говорилось, что Государь Императоръ съ великою скорбью взираетъ на событія въ Поднебесной имперіи, могущія имѣть для нея самыя тяжкія послѣдствія; полная неизвѣстность о положеніи дѣлъ въ Пекинѣ, отсутствіе точныхъ свѣдѣній о судьбѣ Императорской и остальныхъ миссій, русско-подданныхъ и другихъ иностранцевъ, въ настоящую минуту затрудняютъ посредничество въ пользу Китая. Старанія Россіи направлены лишь къ одной цѣли: содѣйствовать возстановленію порядка и спокойствія въ Китайской имперіи. Руководимое исконною дружбою къ Китаю, Императорское правительство высказываетъ пожеланіе, чтобы угрожающія нынѣ Поднебесной имперіи бѣдствія и осложненія удалось предотвратить, и, въ

видахъ этихъ, оно готово оказать въ подавленіи распространяющихся волненій всяческую помощь законному китайскому правительству.

„Государь Императоръ питаетъ надежду, что богдыханъ, въ полномъ сознаніи отвѣтственности, возлагаемой на него верховною властью, приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ умиротворенію его обширной имперіи и къ обезпеченію безопасности жизни и имущества какъ русско-подданныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ иностранцевъ, проживающихъ въ Китаѣ".

Необыкновенная дипломатическая мягкость этого отвѣта объяснялась не только принципіальнымъ миролюбіемъ нашего правительства и давнишними мирно-сосѣдскими отношеніями съ Китаемъ, но и полною неизвѣстностью того, кто собственно распоряжается въ Пекинѣ и отъ чьего имени предприняты враждебныя дѣйствія противъ европейцевъ вообще и противъ русскихъ въ Манчжуріи въ частности. Въ такомъ ли положеніи находится китайскій богдыханъ, чтобы нести отвѣтственность за распоряженія своихъ мандариновъ? Быть можетъ, этотъ „единственный законный правитель страны" содержится по прежнему въ почетномъ заключеніи и ничего не знаетъ о томъ, что̀ творится въ его имперіи; имъ воспользовались для возбужденія вопроса о посредничествѣ вѣроятно только съ тою цѣлью, чтобы обезпечить безнаказанность оффиціальныхъ властей за событія, исходъ которыхъ предопредѣлялся уже потерею Тянь-Цзиня. Богдыханъ обращался—или отъ его имени обращались фактическіе правители Китая—ко всѣмъ великимъ державамъ, послѣдовательно или одновременно, съ тою же просьбою о посредничествѣ; но въ письмѣ его къ японскому императору, отъ 3-го іюля (нов. ст.), затронуты совершенно другія струны, чѣмъ въ обращеніяхъ къ европейскимъ правительствамъ и къ президенту Соединенныхъ Штатовъ. Китайскій „сынъ неба" напоминаетъ своему собрату въ Токіо о родствѣ ихъ расъ и объ общности ихъ интересовъ въ борьбѣ съ Европою и ея цивилизаціею, такъ что одновременныя воззванія къ великодушію европейской дипломатіи представляли лишь обычный пріемъ политическаго оппортунизма въ восточномъ вкусѣ и вовсе не указывали на какую-либо перемѣну въ китайскомъ настроеніи относительно „бѣлыхъ діаволовъ". Китай ничѣмъ не былъ бы связанъ въ будущемъ, а въ настоящемъ онъ избавился бы отъ отвѣтственности: богдыханъ и его правительство не виноваты, ибо всѣ безчинства совершались мятежниками,—а когда мятежное движеніе уляжется, то едва ли кто найдетъ его зачинщиковъ и вождей. Въ Пекинѣ, конечно, не предвидѣли, что письмо къ японскому микадо будетъ обнародовано въ газетахъ и сдѣлается достояніемъ европейской печати; это обстоятельство отчасти разстроило китайскіе планы, хотя и не повліяло на довѣрчивость публицистовъ,

отстаивающихъ у насъ идею о близкой дружбѣ и союзѣ съ Китаемъ. Несчастный богдыханъ, устраненный отъ власти еще два года тому назадъ, былъ только пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ совѣтниковъ императрицы-регентши; онъ подписывалъ заявленія, которыя ему предлагались, и этимъ ограничивалась его роль въ китайской политикѣ послѣдняго времени. Китайскіе мандарины желали, съ одной стороны, во что бы то ни стало истребить иностранцевъ и въ томъ числѣ посланниковъ, подъ прикрытіемъ легенды о Большомъ Кулакѣ, а съ другой стороны—отвлечь отъ Китая неизбѣжныя мѣры возмездія и убѣдить державы въ искренней готовности китайскаго правительства оказать защиту и поддержку преслѣдуемымъ христіанамъ и въ томъ числѣ посланникамъ. Эта двойная игра велась ими до конца, при дѣятельномъ участіи извѣстнаго Ли-Хунгъ-Чанга, и даже въ тотъ моментъ, когда союзныя войска готовились къ аттакѣ на Пекинъ, китайскіе генералы заняты были послѣднею рѣшительною аттакою на посольства, надѣясь достигнуть цѣли почти на глазахъ освободительной иностранной арміи. Союзники вошли бы въ столицу уже послѣ того какъ мнимые боксеры совершили свое кровавое дѣло; китайскіе дипломаты, съ Ли-Хунгъ-Чангомъ во главѣ, оплакивали бы судьбу и взывали бы къ державамъ о помощи противъ мятежниковъ, съ которыми было безсильно справиться законное туземное правительство. И кто знаетъ? Быть можетъ, иностранныя военныя силы утвердили бы власть богдыхана и его совѣтниковъ, удовольствовались бы какими-нибудь бумажными гарантіями и удалились бы во-свояси. Такъ разсчитывали, повидимому, приближенные императрицы-регентши, если вообще у нихъ были какіе-нибудь сознательные разсчеты. Разобраться въ мотивахъ и цѣляхъ китайской политики за послѣдніе мѣсяцы—довольно мудрено; вѣрнѣе предположить, что опредѣленныхъ цѣлей и мотивовъ вовсе не было, а существовала лишь безотчетная рѣшимость покончить съ иностранцами, хотя бы цѣною новаго иностраннаго нашествія. Особенно непонятнымъ является нападеніе на русскую территорію вдоль Амура и на русскую желѣзную дорогу въ Манчжуріи,—нападеніе вполнѣ оффиціальное, исходившее отъ безспорныхъ китайскихъ властей и опиравшееся на положительные приказы изъ Пекина. Имѣя уже противъ себя всѣ великія державы, начинать прямую войну съ сосѣдней Россіею, отъ которой можно было съ наибольшимъ основаніемъ ожидать снисхожденія и заступничества,—это было чистѣйшимъ безуміемъ.

Одного только добились китайцы своими нелѣпыми воинственными дѣйствіями,—они вызвали единеніе враждебныхъ иностранныхъ кабинетовъ, устранили на время возможныя между ними разногласія и способствовали образованію противъ Китая международной коалиціи, ка-

кой еще не видалъ міръ. Французы и русскіе сражаются вмѣстѣ съ нѣмцами и англичанами, американцы дѣйствуютъ за-одно съ японцами, и братство по оружію соединяло ихъ всѣхъ у Тянь-Цзиня и подъ стѣнами Пекина. Такое сочетаніе разнородныхъ національныхъ элементовъ для достиженія одной общей цѣли могло осуществиться только благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, которыя созданы были Китаемъ на дальнемъ востокѣ.

Внѣшнимъ выраженіемъ этой солидарности культурныхъ націй на почвѣ китайскихъ дѣлъ явилось формальное назначеніе германскаго фельдмаршала, графа Вальдерзе, на постъ общаго главнокомандующаго союзныхъ войскъ въ печилійской провинціи. Когда эта кандидатура была впервые предложена императоромъ Вильгельмомъ II, она возбудила недоумѣніе въ значительной части европейской печати. Многіе усматривали нѣкоторую политическую неловкость въ самомъ проектѣ германскаго правительства—поставить во главѣ союзной арміи нѣмецкаго генерала, которому подчинялись бы и французы, и русскіе, и англичане, — тѣмъ болѣе, что численность военныхъ силъ, отправленныхъ Германіею въ Китай, сравнительно ничтожна. Другіе кабинеты могли бы считать эту комбинацію неудобною или нежелательною; но отклонить ее и, слѣдовательно, отвѣтить на предложеніе прямымъ отказомъ— значило бы обидѣть Вильгельма II, чего нельзя было имѣть въ виду. Общее согласіе предполагалось само собою, какъ результатъ обязательной дипломатической вѣжливости; поэтому оно было отчасти вынужденное, что̀ также едва ли входило въ намѣренія Германіи и создавало безъ надобности щекотливое международное положеніе. Притомъ графъ Вальдерзе, бывшій когда-то довѣреннымъ лицомъ императора, начальникомъ главнаго штаба послѣ Мольтке и соперникомъ Бисмарка, давно утратилъ руководящую роль въ оффиціальныхъ военныхъ кругахъ Берлина и успѣлъ уже состариться въ второстепенной должности корпуснаго командира въ Ганноверѣ; а по своимъ прошлымъ заслугамъ онъ вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ полководцевъ, одно имя которыхъ гарантируетъ побѣду. Предложить въ распоряженіе Европы какого-нибудь Суворова или Мольтке — это любезность, за которую державы могли бы быть благодарны; но такихъ выдающихся генераловъ, какъ Вальдерзе, имѣетъ вѣроятно и Франція, и Россія. Неловкость сдѣланнаго шага увеличивалась еще преждевременными и безтактными комментаріями нѣмецкихъ патріотическихъ газетъ. Графа Вальдерзе выставляли уже будущимъ вершителемъ судебъ Китая; ему приписывали полномочія не только военныя, но и политическія, и съ его назначеніемъ связывались самые смѣлые и обширные планы, какъ будто онъ призванъ замѣнить собою всѣ союзные кабинеты и вести кампанію единолично, по собственному своему усмотрѣнію и согласно

секретнымъ инструкціямъ императора Вильгельма II, для пользы и славы Германіи. Необходимо было положить конецъ подобнымъ толкованіямъ, возбуждавшимъ замѣтное безпокойство и раздраженіе во Франціи и отчасти въ другихъ странахъ. По этому поводу было напечатано въ нашемъ „Правительственномъ Вѣстникѣ", отъ 1-го августа, слѣдующее сообщеніе:

„Приближеніе времени года, благопріятнаго для военныхъ цѣлей на Печилійскомъ театрѣ, а равно сосредоточеніе въ Тянь-Цзинѣ немалаго количества международныхъ войскъ, къ которымъ вскорѣ должны подойти новыя подкрѣпленія—само собою выдвинули на очередь вопросъ о главномъ руководительствѣ этими войсками въ случаѣ, если бы неотвратимою силою вещей иностранные отряды вынуждены были въ извѣстной мѣрѣ расширить свою первоначальную задачу.

„Въ то время какъ между державами происходилъ обмѣнъ мыслей о наилучшемъ способѣ объединенія дѣйствій международныхъ войскъ, императоръ Вильгельмъ обратился по телеграфу непосредственно къ Государю Императору, а также ко всѣмъ заинтересованнымъ правительствамъ,—съ предложеніемъ въ распоряженіе державъ германскаго фельдмаршала графа Вальдерзе, на коего, въ качествѣ главнокомандующаго, могло бы быть возложено руководительство дѣйствіями сосредоточенныхъ на Печилійскомъ театрѣ международныхъ силъ.

„Одушевляемый заботою о возможно скорѣйшемъ улаженіи возникшихъ на Дальнемъ Востокѣ осложненій, Государь Императоръ, отвѣчалъ, что не видитъ съ Своей стороны препятствій къ принятію предложеній императора Вильгельма, въ виду того, что, съ минуты сосредоточенія значительныхъ международныхъ силъ на китайской территоріи, единство дѣйствій ихъ является непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго выполненія предстоящей имъ задачи, что высокое положеніе графа Вальдерзе по званію фельдмаршала даетъ ему преимущественное право на руководительство дѣйствіями отдѣльныхъ отрядовъ къ одной общей всѣмъ цѣли; и что, наконецъ, побужденія нравственнаго характера, коими въ данномъ случаѣ могла руководствоваться Германія, представитель которой былъ звѣрски умерщвленъ въ Пекинѣ, служатъ для нея основаніемъ къ стремленію стать во главѣ международныхъ силъ, дѣйствующихъ противъ китайскихъ мятежниковъ.

„При всемъ томъ однако не слѣдуетъ терять изъ виду, что, выражая согласіе подчинить русскій отрядъ общему командованію германскаго фельдмаршала,—Государь Императоръ не намѣренъ ни въ какомъ отношеніи отступать отъ политической программы, по основнымъ началамъ коей состоялось полное соглашеніе какъ съ Франціею, такъ и съ прочими державами. Не добиваясь никакихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, стремясь къ общему умиротворенію и скорѣйшему возстановленію добрыхъ отношеній съ сосѣднимъ Китаемъ,—Россія останется вѣрною своимъ историческимъ преданіямъ, и если бы продолженіе безпорядковъ въ Китаѣ вызвало необходимость болѣе рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій,—она будетъ неуклонно слѣдовать тѣмъ человѣколюбивымъ завѣтамъ, которые искони и во всѣ времена составляли славу россійскаго войска".

Оффиціально заявленное намѣреніе Россіи „ни въ какомъ отношеніи не отступать отъ политической программы, по основнымъ началамъ коей состоялось полное соглашеніе какъ съ Франціею, такъ и съ прочими державами“,—должно было разсѣять недоразумѣнія, къ которымъ подавали поводъ усердные толки нѣмецкихъ патріотовъ. Въ то же время указаніе на рѣшимость „неуклонно слѣдовать человѣколюбивымъ завѣтамъ“ при дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ заключало въ себѣ отвѣтъ на нѣкоторыя напутственныя рѣчи Вильгельма II при отправкѣ экспедиціонныхъ отрядовъ на дальній востокъ; эти рѣчи надѣлали въ свое время много шуму въ германской печати, и звучавшій въ нихъ суровый тонъ безпощаднаго возмездія по отношенію къ китайцамъ могъ легко привести къ неправильнымъ выводамъ относительно характера будущихъ военныхъ операцій, которыми придется руководить германскому фельдмаршалу. Какъ бы то ни было, назначеніе графа Вальдерзе формально одобрено и утверждено всѣми заинтересованными державами, въ томъ числѣ и Франціею, и этотъ фактъ самъ по себѣ представляетъ крупный успѣхъ идеи внѣшняго международнаго единенія въ Европѣ. Еслибы нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-нибудь предсказалъ, что французскіе солдаты и офицеры будутъ сражаться вмѣстѣ съ нѣмцами подъ общею командою германскаго генерала, то это показалось бы совершенно невѣроятнымъ и фантастическимъ; еще недавно, въ эпоху возбужденія, вызваннаго дѣломъ Дрейфуса, это было бы немыслимо, а теперь мы видимъ, что такая неожиданная комбинація устроилась безъ особенныхъ затрудненій. Представители отдѣльныхъ кабинетовъ проникнуты духомъ взаимнаго недовѣрія и соперничества; внутренній разладъ даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу, причемъ съ наибольшей рѣзкостью выступаютъ непріятныя черты британской дипломатіи, направляемой Чамберлэномъ и его единомышленниками. Мелочное національное самолюбіе побуждаетъ англійскія газеты приписывать всѣ успѣхи союзныхъ войскъ англичанамъ, японцамъ и отчасти американцамъ, замалчивая выдающееся участіе русскихъ отрядовъ; постоянныя старанія сѣять раздоръ между державами придаютъ лондонской патріотической печати какой-то злобный, интригантскій оттѣнокъ. Всегдашняя безцеремонность Англіи во внѣшнихъ дѣлахъ высказалась на этотъ разъ въ неудавшейся попыткѣ односторонняго военнаго занятія Шанхая и въ проектѣ выдѣленія богатѣйшей долины Янъ-Цзы-Кіанга въ исключительную сферу британскаго вліянія и господства. Но за исключеніемъ англичанъ, относящихся съ явною враждебностью къ Россіи и Франціи, остальныя націи невольно испытываютъ на себѣ хорошія послѣдствія фактическаго взаимнаго сближенія на дальнемъ востокѣ. Между прочимъ, въ

Германіи впервые обнаружилась готовность воздержаться отъ обычнаго празднованія седанской годовщины, чтобы не оскорблять французовъ, съ которыми приходится дѣйствовать совмѣстно на китайскомъ театрѣ войны. Германскія военныя власти оффиціально отмѣняютъ празднество, непріятное для сосѣдей, и мотивируютъ эту мѣру новѣйшимъ братствомъ по оружію. Это—симптомъ серьезный, свидѣтельствующій о дѣйствительной перемѣнѣ настроенія и нашедшій уже соотвѣтственный отголосокъ въ общественномъ мнѣніи Франціи. Отъ прусскихъ военныхъ кружковъ всего менѣе можно было ожидать внимательнаго отношенія къ національнымъ чувствамъ французовъ, подъ вліяніемъ какихъ-либо отвлеченныхъ или сантиментальныхъ мотивовъ, и только реальный ходъ событій могъ повлечь за собою нѣкоторое отступленіе отъ установившихся традицій въ этой области. Китайцы заставили нѣмецкихъ военныхъ патріотовъ сдѣлать то, чего до сихъ поръ напрасно домогались многіе приверженцы общаго мира въ самой Германіи. Ограничить проявленія своихъ національныхъ чувствъ изъ уваженія къ національнымъ чувствамъ сосѣдей—это первый шагъ къ желанному мирному порядку международной жизни, и если китайскій кризисъ повліяетъ на европейскую политику въ указанномъ смыслѣ, то о немъ можно будетъ сказать: нѣтъ худа безъ добра.

Такъ какъ Пекинъ взятъ, императрица и дворъ бѣжали, а китайскія войска разбиты или разсѣялись, то ради чего собственно явится на мѣсто дѣйствія новый главнокомандующій? Что̀ остается предпринять теперь графу Вальдерзе, котораго съ такимъ тріумфомъ чествовала и провожала Германія при его отъѣздѣ? Часто приходится слышать мнѣніе, что, въ сущности, дѣло окончено, военная задача рѣшена, и нѣмецкому фельдмаршалу нечего теперь дѣлать въ Китаѣ. Можно утверждать напротивъ, что задача еще не поставлена настоящимъ образомъ, и что затрудненія только начинаются. Слишкомъ наивно было бы думать, что съ освобожденіемъ посольствъ державы достигли своей цѣли. Теперь мы освободили посланниковъ и сравнительно легко справились съ оффиціальнымъ Китаемъ; но если считать теперь нашу задачу оконченною, то черезъ пять или десять лѣтъ намъ придется уже не только освобождать посланниковъ, но защищать наши собственные предѣлы отъ вторженія хорошо вооруженныхъ милліонныхъ китайскихъ армій, руководимыхъ какимъ-нибудь новымъ, болѣе умнымъ и искуснымъ принцемъ Туаномъ. Японцы еще не особенно давно находились въ такомъ же положеніи, какъ нынѣ китайцы,—были столь же плохо подготовлены къ военному дѣлу и столь же мало принимались въ разсчетъ при политическихъ комбинаціяхъ насчетъ дальняго востока; а вооружившись при помощи европейской техники и культуры, они быстро разгромили Небесную имперію и сразу вступили въ

рядъ могущественныхъ военныхъ націй. Теперь японскіе солдаты и офицеры дѣйствуютъ не хуже европейскихъ, и съ политикою Японіи намъ очень нужно считаться. Всего пять лѣтъ прошло со времени японской войны, и несмотря на внутреннія неурядицы и на отсутствіе прочнаго правительства, Китай успѣлъ запастись усовершенствованными ружьями и значительною артиллеріею, и теперь онъ уже далеко не тотъ слабый, ничтожный противникъ, какимъ онъ былъ при столкновеніи съ Японіею. Европейцы вывели Китай изъ состоянія вѣковой неподвижности, — такъ сказать, раскачали его, и съ наступленіемъ мира ничто не помѣшаетъ военному преобразованію имперіи и созданію новыхъ китайскихъ войскъ, по всѣмъ правиламъ европейскаго военнаго искусства. Стоитъ тогда явиться во главѣ Китая какому-нибудь смѣлому, предпріимчивому вождю, въ родѣ Тамерлана, и желтая раса съ ея накопившимися избытками жизненной энергіи и съ ея традиціонною, неискоренимою, хотя иногда и скрытою ненавистью къ „бѣлымъ діаволамъ“ вновь причинитъ неисчислимыя бѣдствія Европѣ. Дипломатія не можетъ ограничиваться задачами текущаго момента, не заглядывая въ будущее. Необходимо позаботиться, пока еще время, о предупрежденіи великихъ и грозныхъ опасностей, на которыя ясно указываютъ нынѣшніе неумѣлые порывы воинственнаго китайскаго патріотизма. Смѣшно надѣяться на вѣчное миролюбіе или на неизмѣнную дружбу государства, гдѣ все зависитъ отъ личной воли смѣняющихся правителей.

Предсмертное пророчество Вл. Серг. Соловьева о возможномъ торжествѣ „панмонголизма“ надъ культурнымъ христіанскимъ міромъ не было подкрѣплено „разсужденіями“, которыя онъ думалъ еще добавить; но и въ настоящемъ своемъ недосказанномъ видѣ оно имѣетъ достаточно убѣдительный, глубокій практическій смыслъ. Пробужденіе Китая уже началось, и при естественномъ ходѣ вещей оно само собою приведетъ къ результатамъ, надъ которыми стòитъ призадуматься заранѣе. Слѣдуетъ ли ждать намъ того момента, когда китайцы пройдутъ хорошую военную школу, пріобрѣтутъ стойкость и выдержку японцевъ и приготовятся напасть на русскія владѣнія съ бòльшими шансами успѣха, чѣмъ нынѣ въ Манчжуріи? Предоставить ли Китай самому себѣ, чтобы онъ собрался съ силами и со временемъ повторилъ въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ опытъ истребленія иностранцевъ? Дипломатическіе дѣятели, привыкшіе разрѣшать возникающіе вопросы изо дня въ день, имѣютъ на готовѣ маленькіе общепринятые рецепты для устраненія или обхода трудныхъ кризисовъ; эти рецепты много разъ примѣнялись къ такъ называемому восточному или турецкому вопросу, и о нихъ вспоминаютъ періодически, при всякомъ новомъ армянскомъ или иномъ избіеніи. Кабинеты вступаютъ въ переговоры, тре-

буютъ слѣдствія, получаютъ удовлетворительныя оффиціальныя объясненія, иногда добиваются перевода виновнаго паши въ другую мѣстность, и тѣмъ дѣло кончается. Но Турція по существу своему обречена на безсиліе, такъ какъ она не располагаетъ большимъ запасомъ мусульманскаго населенія и властвуетъ надъ массою иновѣрцевъ-христіанъ, враждебныхъ турецкому режиму; она поэтому не опасна для европейскихъ державъ, не имѣетъ предъ собою самостоятельной будущности и вынуждена подчиняться иностранной дипломатической опекѣ. Другое дѣло—Китай, обладающій огромными однородными массами человѣческихъ силъ и стремящійся еще найти свой выходъ на поприще всемірной исторіи. Послѣ полученныхъ извнѣ сильныхъ толчковъ, онъ не останется спокойнымъ и пассивнымъ; имперія потрясена въ своихъ основаніяхъ; отжившая, дряхлая политическая оболочка будетъ сброшена и уступитъ мѣсто другой, болѣе цѣлесообразной и разумной, а народъ можетъ оказаться вполнѣ здоровымъ и крѣпкимъ, не менѣе способнымъ къ усвоенію новыхъ формъ государственности и внѣшней культуры, чѣмъ японцы. А такъ какъ реформа начинается обыкновенно съ вооруженій, то и Китай превратится въ великую военную державу, по примѣру и образцу Японіи, съ тою только разницею, что численность китайской арміи дойдетъ до колоссальныхъ цифръ и позволитъ будущимъ принцамъ Туанамъ мечтать о новыхъ азіатскихъ нашествіяхъ на Европу. Даже при мирныхъ китайскихъ правителяхъ вооруженія Китая внесутъ новый крупный элементъ въ общіе международные интересы и надолго остановятъ всякія попытки осуществить тѣ идеи, которыя были возвѣщены на Гаагской конференціи по инціативѣ Россіи. Культурныя націи, отряды которыхъ участвовали въ занятіи Пекина, не могутъ и не должны уклониться отъ обсужденія практическихъ мѣръ, способныхъ направить Китай на путь мирнаго внутренняго развитія безъ ущерба для сосѣдей и иностранцевъ. Отказъ союзныхъ державъ отъ корыстныхъ завоевательныхъ цѣлей не означаетъ еще отреченія отъ обязательныхъ заботъ о будущемъ. Воздерживаясь отъ ненужныхъ территоріальныхъ присоединеній и оставивъ въ сторонѣ обычные мелочные счеты взаимнаго соперничества, европейская дипломатія могла бы съ большею свободою воспользоваться обстоятельствами для прочнаго разрѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ Китая, ради высшихъ и общихъ интересовъ человѣчества. Современныя обстоятельства на дальнемъ востокѣ—единственныя въ своемъ родѣ, и упустить ихъ безъ пользы для будущаго было бы въ высшей степени неразсчетливо. На этотъ разъ удалось взять Пекинъ, а удастся ли его взять вторично черезъ нѣсколько лѣтъ — неизвѣстно. То, что вполнѣ достижимо въ настоящее время, сдѣлается недоступнымъ впослѣдствіи, и чтобы покончить теперь же съ задачею, выдвинутою со-

бытіями на первый планъ, потребовалось бы уже не особенно много жертвъ и усилій. Начатая военная кампанія вступила бы только въ новый фазисъ, и слѣдовательно прибытіе графа Вальдерзе на театръ войны не было бы чѣмъ-то напраснымъ и запоздалымъ.

Впрочемъ, приведенныя нами общія соображенія въ пользу „устроительной“ политики въ китайскомъ вопросѣ предполагаютъ такія международныя условія, какихъ нѣтъ еще въ Европѣ. На практикѣ нельзя разсчитывать ни на единодушіе западно-европейскихъ кабинетовъ, ни на преобладаніе въ нихъ широкихъ принципіальныхъ взглядовъ надъ корыстными планами и узко-національною рознью, — чѣмъ и объясняется слѣдующее правительственное сообщеніе отъ 19 августа:

„За послѣднее время событія на печилійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій приняли столь неожиданно быстрый оборотъ, что сравнительно незначительному отряду союзныхъ войскъ, имѣвшему задачею освободить изъ осаднаго положенія иностранныя миссіи и иностранноподданныхъ, удалось не только достигнуть этой главной первопачально поставленной цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ разогнать сосредоточившіяся въ столицѣ Поднебесной Имперіи скопища мятежниковъ и принять мѣры къ обезпеченію путей сообщенія съ Пекиномъ.

„Благопріятныя обстоятельства эти, однако, ни въ чемъ не измѣнятъ заранѣе предначертанной политической программы Россіи, основныя начала коей изложены были въ предшествующихъ правительственныхъ сообщеніяхъ.

„Россія, какъ было сказано въ этихъ сообщеніяхъ, не объявляла войны Китаю; русскія войска вступили на территорію сосѣдняго государства съ опредѣленными цѣлями, изъ коихъ главная нынѣ достигнута. Дабы не давать повода къ какимъ-либо недоразумѣніямъ или ложнымъ толкованіямъ касательно дальнѣйшихъ намѣреній Россіи, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отправить россійскимъ представителямъ за границею нижеслѣдующую циркулярную телеграмму:

Циркулярная телеграмма управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отъ 12-го августа 1900 года.

„Ближайшія цѣли, къ которымъ стремилось Императорское Правительство съ самаго возникновенія смутъ въ Китаѣ, заключались въ слѣдующемъ: 1) огражденіе россійскаго представительства въ Пекинѣ и обезпеченіе русско-подданныхъ отъ преступныхъ замысловъ китайскихъ мятежниковъ и 2) оказаніе помощи пекинскому правительству въ борьбѣ его со смутою, для скорѣйшаго возстановленія въ Имперіи законнаго порядка вещей.

„Когда вслѣдъ затѣмъ всѣми заинтересованными державами рѣшено было направить войска на Китай съ подобными же цѣлями, то Императорскимъ Правительствомъ предложено было принять за руководство по отношенію къ китайскимъ событіямъ нижеслѣдующія основныя начала: 1) поддержаніе общаго согласія державъ; 2) сохраненіе

исконнаго государственнаго строя въ Китаѣ: 3) устраненіе всего того, что могло бы повести къ раздѣлу Поднебесной Имперіи, и, наконецъ, 4) возстановленіе общими усиліями законнаго центральнаго правительства въ Пекинѣ, которое могло бы само обезпечить въ странѣ порядокъ и спокойствіе.

„По этимъ пунктамъ почти между всѣми державами состоялось соглашеніе.

„Не преслѣдуя никакихъ иныхъ задачъ, Императорское Правительство оставалось и намѣрено впредь оставаться неуклонно вѣрнымъ вышеуказанной программѣ дѣйствій.

„Если ходъ событій, какъ нападеніе мятежниковъ на наши войска въ Нючжуанѣ, а также рядъ враждебныхъ дѣйствій китайцевъ на нашей государственной границѣ,—напримѣръ, ничѣмъ не вызванное бомбардированіе Благовѣщенска, побудили Россію къ занятію Нючжуана и введенію русскихъ войскъ въ предѣлы Манчжуріи, — то эти временныя мѣры, вызванныя исключительно необходимостью отражать агрессивныя дѣйствія китайскихъ мятежниковъ, отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о какихъ-либо своекорыстныхъ планахъ, совершенно чуждыхъ политикѣ Императорскаго Правительства.

„Какъ скоро въ Манчжуріи будетъ возстановленъ прочный порядокъ и будутъ приняты всѣ необходимыя мѣры къ огражденію рельсоваго пути, постройка коего обезпечивается особымъ формальнымъ соглашеніемъ съ Китаемъ по отношенію къ концессіи, выданной обществу Китайской Восточной желѣзной дороги,—Россія не преминетъ вывести свои войска изъ предѣловъ сосѣдней имперіи, если, однако, этому не послужитъ препятствіемъ образъ дѣйствій другихъ державъ.

„Очевидно, что имѣющіеся у иностранныхъ государствъ и международныхъ обществъ интересы какъ въ занятомъ Россіею открытомъ торговомъ портѣ Нючжуанѣ, такъ и на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, возстановленныхъ русскими войсками, — остаются ненарушимыми и вполнѣ обезпеченными.

„Послѣдовавшимъ нынѣ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ болѣе скорымъ, чѣмъ слѣдовало ожидать, занятіемъ Пекина—достигнута первая и главная задача, поставленная Императорскимъ Правительствомъ, а именно—представители державъ со всѣми находившимися въ осадѣ иностранцами освобождены. Вторая задача, т.-е. оказаніе содѣйствія законному центральному правительству къ возстановленію порядка и правильныхъ отношеній къ державамъ—представляется до поры до времени затруднительной, вслѣдствіе отъѣзда изъ столицы самого Богдыхана, Императрицы-регентши и Цзунъ-лиямыня. При этихъ условіяхъ Императорское Правительство не видитъ основаній для дальнѣйшаго пребыванія въ Пекинѣ иностранныхъ миссій, акредитованныхъ при Правительствѣ, которое отсутствуетъ, а посему оно съ своей стороны намѣрено отозвать въ Тянь-Цзинь своего посланника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гирса, со всѣмъ составомъ миссіи; къ указанному пункту ихъ будутъ сопровождать русскія войска, присутствіе коихъ въ Пекинѣ отнынѣ представляется безцѣльнымъ, въ виду принятаго и неоднократно заявленнаго Россіею твердаго рѣшенія не выходить изъ предѣловъ заранѣе поставленной ею задачи.

„Но какъ только законное китайское правительство вновь приметъ бразды правленія и назначитъ представителей, снабженныхъ должными полномочіями для введенія переговоровъ съ державами,— то Россія, по соглашенію со всѣми иностранными правительствами, не замедлитъ съ своей стороны назначить для сей цѣли уполномоченныхъ и направить ихъ къ мѣсту, избранному для предстоящихъ переговоровъ.

„Поручая вамъ обо всемъ этомъ довести до свѣдѣнія правительства, при коемъ вы акредитованы, мы надѣемся, что оно вполнѣ раздѣлитъ нашъ взглядъ“.

„Вслѣдъ за сообщеніемъ вышеизложеннаго циркуляра иностраннымъ правительствамъ,—дѣйствительному статскому совѣтнику Гирсу и генералъ-лейтенанту Линевичу предписано было безъ замедленія озаботиться осуществленіемъ Высочайшихъ намѣреній касательно передвиженія изъ Пекина въ Тянь-Цзинь всего состава Императорской миссіи, русско-подданныхъ и русскаго военнаго отряда, причемъ, несомнѣнно, ими должны быть приняты въ соображеніе мѣстныя условія“.

Скоро окончится годъ съ тѣхъ поръ какъ началась война въ южной Африкѣ, и обѣ республики боэровъ, отчасти занятыя британскими войсками, все еще продолжаютъ бороться за свое существованіе. Фельдмаршалъ Робертсъ прибѣгаетъ къ жестокимъ мѣрамъ, чтобы сломить сопротивленіе; онъ требуетъ отъ туземныхъ обывателей присяги и грозитъ смертною казнью за ея нарушеніе; онъ объявляетъ, что будетъ разсматривать отдѣльные вооруженные отряды, числомъ менѣе десяти человѣкъ, какъ разбойничьи шайки, и что фермы, около которыхъ они появятся, будутъ сравнены съ землею; онъ конфискуетъ частное имущество безъ всякихъ стѣсненій. Кровопролитная завоевательная кампанія, предпринятая съ такимъ легкимъ сердцемъ министромъ колоній Чамберлэномъ и его союзниками, затянулась слишкомъ долго для англичанъ, и они безпощадно мстятъ боэрамъ за ихъ упорство. Обширныя области Трансвааля и Оранжевой республики, еще недавно столь цвѣтущія, превращены въ пустыню; населеніе разбѣжалось или участвуетъ въ бояхъ; ежедневно, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, происходятъ кровавыя стычки, и общая цифра убитыхъ и раненыхъ опредѣляется уже десятками тысячъ. Делегаты боэровъ тщетно разъѣзжаютъ по Европѣ, жалуясь на несправедливости и насилія, противныя военнымъ обычаямъ и международному праву; никто не можетъ заступиться за слабѣйшую сторону въ южно-африканской войнѣ, а ссылки на благодѣтельные принципы Гаагской конференціи устраняются дипломатами при помощи цѣлаго ряда вѣскихъ соображеній. Во-первыхъ, Англія не признавала обѣихъ республикъ самостоятельными и независимыми государствами, и поэтому къ нимъ

непримѣнимы правила, установленныя для взаимныхъ отношеній между державами; во-вторыхъ, англійское правительство формально заявило уже о присоединеніи территорій Трансвааля и Оранжевой республики къ колоніальнымъ британскимъ владѣніямъ, и оно имѣетъ теперь право поступать съ боэрами, какъ съ инсургентами, относительно которыхъ необязательно соблюденіе общепринятыхъ военныхъ обычаевъ. Англичане могли бы дѣйствовать еще болѣе круто, и никакое международное право не помѣшаетъ имъ въ этомъ,—ибо международное право существуетъ пока только для сильныхъ, вопреки всѣмъ мечтаніямъ и иллюзіямъ проповѣдниковъ вѣчнаго мира.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1900.

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книги тринадцатая, четырнадцатая. Спб. 1899, 1900.

Почтенный біографъ Погодина неуклонно исполняетъ свою задачу: почти правильно каждый годъ онъ даетъ по тому своей монументальной работы. Съ самаго начала было высказано нѣкоторое недоумѣніе относительно постановки, какую далъ г. Барсуковъ своей работѣ. Съ самаго начала біографія получала такіе размѣры, въ какихъ не имѣлъ своего жизнеописанія ни одинъ дѣятель нашей литературы и даже цѣлой исторіи: даже самъ Петръ Великій, послѣ Голикова. Съ другой стороны, въ жизнеописаніе Погодина входила масса частностей, не имѣвшихъ иногда ближайшаго отношенія къ его герою: въ этихъ подробностяхъ иногда тонула личность, ради которой онѣ были собраны. Теперь біографъ совершилъ уже болѣе половины своего труда, и именно прошелъ важнѣйшіе факты біографіи, но безъ сомнѣнія цѣльная характеристика его героя еще впереди, — въ концѣ труда авторъ долженъ будетъ оглянуться на всю собранную массу данныхъ и сдѣлать общее заключеніе.

Несмотря на эти возникавшія недоумѣнія, какія высказывались въ печати, авторъ остался вѣренъ своему плану и въ концѣ концовъ завоевалъ своему труду большія сочувствія. Біографія Погодина стала исторической хроникой, интересъ которой постоянно возросталъ и въ послѣднихъ томахъ, вышедшихъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году, достигъ, кажется, своего высшаго пункта. Было нѣсколько условій, создавшихъ этотъ интересъ. Погодинъ, — какъ бы кто ни смотрѣлъ на его личный характеръ и свойства его литературной и ученой дѣятельности,—имѣлъ одну особенность, которая именно могла сдѣлать его средоточіемъ такой исторической хроники: это былъ характеръ чрезвычайно живой, подвижный, горячо увлекавшійся событіями литера-

турными, общественными, политическими, постоянно отзывавшійся на нихъ, сколько было возможно, имѣвшій чрезвычайно обширныя связи въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ русскаго общества; человѣкъ оригинальнаго ума и дарованія, при собственныхъ увлеченіяхъ способный затрогивать за живое, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ ко многимъ замѣчательнымъ дѣятелямъ своего времени въ разныхъ областяхъ нашей жизни, — это былъ средній человѣкъ, способный имѣть общеніе съ большою массою общества. Если такимъ образомъ, какъ личный характеръ, онъ соприкасался съ разнообразными явленіями нашей общественности въ теченіе полувѣка (съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ лицомъ самостоятельнымъ), онъ представлялъ великій интересъ для біографа еще тѣмъ, что сохранилъ огромный историческій матеріалъ для исторіи своего времени. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ онъ велъ дневникъ,—правда, иногда странный, лаконически отрывочный и потому не всегда понятный, но нерѣдко чрезвычайно оригинальный по его искренности, гдѣ и самъ онъ являлся въ неприкрашенномъ видѣ, а другіе, попадавшіе на его страницы, тѣмъ паче. Въ архивѣ Погодина сбереглась большая масса его переписки за многіе десятки лѣтъ и съ самыми разнообразными лицами: приведенныя въ свою обстановку, эти письма становились нерѣдко любопытнѣйшими свидѣтельствами современниковъ и очевидцевъ, какими дорожитъ историкъ. Это—второе условіе интереса біографіи Погодина. Наконецъ, третьимъ становится отношеніе біографа къ своему труду. Авторъ обладаетъ довольно рѣдкимъ качествомъ изложенія: всего чаще біографъ или историкъ бываетъ человѣкомъ извѣстныхъ мнѣній, къ которымъ онъ невольно склоняетъ свой разсказъ, выдвигая сочувственныя ему стороны предмета и иногда превращая біографію въ сплошной панегирикъ. такъ что другому историку приходится выставлять другую сторону дѣла и оборотную сторону медали. Самъ авторъ не есть, конечно, тотъ „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый"; онъ имѣетъ свои опредѣленныя сочувствія, весь разсказъ ведется въ тонѣ, который не оставляетъ сомнѣнія объ его „направленіи", но въ то же время онъ обыкновенно съ большимъ безпристрастіемъ сообщаетъ факты за и противъ, такъ что въ спорныхъ случаяхъ передъ читателемъ являются факты не односторонніе. Самый герой бывалъ человѣкомъ весьма различныхъ настроеній; всего чаще это панегиристъ даннаго положенія вещей, пріятный начальству и дешевому патріотизму фразъ; но въ другихъ случаяхъ это восторженный идеалистъ (напримѣръ въ славянскомъ вопросѣ), не согласный съ господствующей теоріей и практикой вопроса и самъ теряющій мѣру въ своихъ порывахъ; или (какъ въ періодъ Крымской войны) это патріотъ, негодующій на нашъ застой, на невѣжество и злоупотребленія, опутавшія нашу жизнь, и

въ этихъ случаяхъ, забывъ прежніе, даже очень недавніе, панегирики, расточаетъ суровыя осужденія, и біографу приходится иногда воздерживать неумѣренности своего героя.

Изъ всего этого въ біографіи Погодина образуется богатое собраніе фактовъ для исторіи нашей литературы и общественной жизни; оно читается съ большимъ интересомъ и обыкновеннымъ читателемъ, и спеціалистомъ, который находитъ здѣсь не только большой подборъ фактовъ историко-литературныхъ, но въ особенности обильный неизданный матеріалъ изъ архива Погодина.

Послѣдніе вышедшіе томы посвящены концу царствованія императора Николая и началу царствованія Александра II. Это было время великаго историческаго перелома, смыслъ котораго начиналъ открываться для большинства образованнаго круга только къ концу: раньше его не понимали, и только немногіе наиболѣе просвѣщенные люди сороковыхъ годовъ чувствовали ненормальность положенія, выходъ изъ котораго былъ необходимѣйшей потребностью народа и государства. Какъ извѣстно, внѣшнимъ фактомъ, около котораго совершался переломъ общественнаго мнѣнія, была Крымская война. Когда война начиналась, въ массѣ общества не было никакого яснаго представленія о положеніи вещей. Эта масса была поглощена воинственнымъ самомнѣніемъ, подтвержденіе которому видѣли въ Синопскомъ боѣ и въ побѣдѣ надъ турками, одержанной на Кавказѣ. Но уже вскорѣ стали сказываться признаки мало благопріятные: на сторону „англо-французовъ", защищавшихъ Турцію, стала явно склоняться не только Австрія, такъ еще недавно нами „спасенная", но даже сама дружественная и родственная Пруссія; затѣмъ, когда русскимъ войскамъ пришлось вернуться изъ-за Дуная,—потому что грозило нападеніе на Крымъ, — съ первыхъ столкновеній съ англо-французами въ Крыму начались неудачи. Въ обществѣ явились недоумѣнія и сомнѣнія, какъ относительно цѣлаго политическаго положенія Россіи въ Европѣ, такъ и относительно положенія внутренняго,—гдѣ армія, на которую полагались всѣ заботы, при всѣхъ достоинствахъ великаго личнаго мужества, оказывалась безсильной передъ новыми пріемами и новымъ вооруженіемъ. Осада Севастополя производила въ обществѣ чрезвычайное возбужденіе; но при всѣхъ необычайныхъ подвигахъ приходилось видѣть, что русскія силы не въ состояніи были вытѣснить съ нашей территоріи непріятеля въ теченіе цѣлаго года. Возбужденіе общества не осталось безплодной тревогой. Напротивъ, когда война затронула самое живое чувство національнаго достоинства, общественная мысль стремилась отдать себѣ отчетъ въ томъ состояніи русской жизни, какое приводило къ политическимъ и военнымъ неудачамъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе работала эта мысль, и по мѣрѣ того какъ развива-

лась севастопольская драма, какъ умножались жертвы и возросталъ патріотическій энтузіазмъ, повышалось и общественное сознаніе. Къ концу Крымской войны настроеніе общества замѣчательно измѣнилось: отъ воинственныхъ увлеченій не осталось слѣда; напротивъ, всѣ умы заняты были вопросомъ внутреннимъ. Общей мыслью была необходимость широкаго преобразованія,—и когда въ первый же годъ новаго царствованія высказана была мысль объ освобожденіи крестьянъ, она казалась совершенно естественнымъ слѣдствіемъ событій,—хотя повидимому не было никакой связи между осадой Севастополя и освобожденіемъ крестьянъ, между военнымъ событіемъ и великой реформой во внутреннемъ бытѣ народа.

Этой эпохѣ посвящены вышедшіе теперь томы біографіи Погодина. Это, конечно, не полная картина того времени: авторъ изображаетъ событія въ той мѣрѣ, насколько онѣ затрогивали его героя, волновали его и вызывали то или другое его участіе. Но, какъ мы замѣтили, Погодинъ именно чрезвычайно горячо принималъ къ сердцу происходившее; его друзья отзывались въ многочисленныхъ письмахъ; самъ онъ въ эти годы написалъ длинный рядъ записокъ о нашей внутренней и внѣшней политикѣ, которыя желалъ адресовать къ самымъ высокопоставленнымъ лицамъ, даже къ императору Николаю, и здѣсь сохранились вообще драгоцѣнныя свидѣтельства о томъ броженіи, какимъ наполнено было тогдашнее общество. Эти записки Погодина, написанныя всегда съ великимъ одушевленіемъ, не остались только дружескими письмами или оффиціальными документами. Нерѣдко, кажется большею частію, Погодинъ посылалъ ближайшимъ друзьямъ копіи своихъ записокъ, и онѣ ходили по рукамъ въ той рукописной литературѣ, которая въ то время чрезвычайно распространилась, какъ потребность общественнаго мнѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при всемъ распространеніи, записки Погодина даже долго послѣ не могли явиться въ печати: онѣ изданы были только двадцать лѣтъ спустя, подъ самый конецъ его жизни („Историко-политическія письма и записки“. М. 1874).

Излагая эту исторію Погодина и его круга въ средѣ тогдашнихъ событій, біографъ собираетъ въ высокой степени интересный матеріалъ для исторіи того перелома, который положилъ грань между двумя историческими періодами. Новый періодъ отмѣченъ не только великими бытовыми преобразованіями, но и ростомъ общественнаго сознанія. Пора прежней патріархальной наивности и невѣдѣнія оканчивалась; когда сначала великія внѣшнія событія, потомъ внутреннія реформы затронули самые живые интересы общества, въ немъ началась усиленная работа размышленія о разныхъ сторонахъ его быта нравственнаго и матеріальнаго. Настоящихъ нормальныхъ усло-

вій для этой работы сознанія не было: не было простой возможности высказываться, потому что печать все еще находилась въ томъ безправномъ, приниженномъ положеніи, какое создано было концомъ сороковыхъ годовъ, „комитетомъ 2-го апрѣля“ и всеобщимъ страхомъ цензоровъ; можно было мѣняться мнѣніями только въ письмахъ, — и любопытно, напримѣръ, что извѣстная графиня Антонина Блудова переписывалась съ Погодинымъ не иначе, какъ только съ „оказіями“. Не удивительно, что въ бесѣдахъ устныхъ и съ оказіей (къ которой прибѣгала не одна гр. Блудова) мысли высказывались тѣмъ болѣе свободно; не удивительно также, что и позднѣе, когда сталъ болѣе или менѣе осуществляться новый порядокъ вещей, стала сказываться невиданная раньше рѣзкость мнѣній,—естественный результатъ долго подавляемой мысли и слова.

Мы привыкли извѣстнымъ образомъ распредѣлять литературныя партіи того времени, которыя бывали и партіями общественными, говоримъ о консерваторахъ и либералахъ, славянофилахъ и западникахъ и т. п. Въ ту минуту броженіе было такъ велико, что эти обозначенія иногда совсѣмъ теряли смыслъ. Погодинъ былъ издавна столпомъ консерватизма, старыхъ преданій; но теперь онъ говорилъ вещи, какія были бы впору самому ревностному либералу и западнику, и дѣйствительно, въ матеріалахъ біографіи мы встрѣчаемъ отъ половины пятидесятыхъ годовъ рядъ писемъ Кавелина, который вообще не бывалъ склоненъ сочувствовать его писаніямъ, а теперь высказывалъ ему полное согласіе со взглядами его историко-политическихъ писемъ; Кавелинъ объяснялъ между прочимъ, что отзывы Погодина о положеніи нашей внутренней жизни только совпадали съ тѣмъ, что̀ считалось „либерализмомъ“ и въ чемъ винили западниковъ. Славянофилы не одинъ разъ говорили то же самое, на чемъ настаивали ихъ противники, и между прочимъ въ средѣ самого славянофильскаго кружка̀ былъ въ эти годы весьма рѣзкій противникъ нѣкоторыхъ славянофильскихъ преувеличеній въ лицѣ Ивана Аксакова. Теоретическія разногласія, которыя витали въ отвлеченностяхъ, если не исчезали, то отступали на задній планъ, когда являлись на лицо прямые факты дѣйствительной жизни, — относительно ихъ не могло быть разногласія между людьми просвѣщенными, изъ какой бы школы они ни выходили. Такъ сама жизнь создавала единогласіе, съ какимъ ожидалась и была встрѣчена эпоха преобразованій.

Для исторіи этого времени книга г. Барсукова представляетъ богатый и разнообразный матеріалъ, на подборъ котораго онъ положилъ не мало внимательнаго труда; мы замѣтили уже, что однимъ изъ серьезныхъ достоинствъ этого труда является безпристрастіе историка-собирателя. Это время вѣроятно и до сихъ поръ еще недоступно

для настоящей исторіи, и въ предварительныхъ трудахъ, какъ настоящій, тѣмъ болѣе обязательно такое безпристрастіе въ собираніи и постановкѣ фактовъ.

— **Записки графини Варвары Николаевны Головиной (1766 — 1819). Переводъ съ французской рукописи подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. С. Шумигорскаго. Съ тремя портретами. Спб. 1900.**

Записки гр. Головиной въ ихъ полномъ составѣ издаются теперь въ первый разъ: помѣщенные сначала въ „Историческомъ Вѣстникѣ", онѣ собраны въ настоящую книгу. Написаны были онѣ по-французски. Оригиналъ ихъ, по словамъ переводчика и издателя, лежитъ гдѣ-то за границей подъ спудомъ, но существуютъ копіи; нѣкоторые отрывки изъ нихъ являлись въ историческихъ журналахъ, и теперь г. Шумигорскій издалъ полный переводъ. Біографія гр. Головиной была вкратцѣ такова: „Графиня Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына,—читаемъ въ предисловіи,—принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ женщинъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Съ ранняго дѣтства она имѣла доступъ ко двору императрицы Екатерины II, была замѣчена и любима ею, а вслѣдъ затѣмъ сблизилась съ великой княгиней Елизаветой Алексѣевной, впослѣдствіи императрицей. Въ царствованіе императора Павла придворныя интриги удалили графиню Головину отъ двора и отъ великой княгини Елизаветы Алексѣевны, къ которой она страстно привязалась. Варвара Николаевна окружила себя тогда французскими эмигрантами и іезуитами и въ ихъ обществѣ искала утѣшенія въ постигшихъ ее невзгодахъ; тогда же она приняла католицизмъ. Послѣ смерти императора Павла, В. Н. Головина переселилась въ Парижъ, сдружилась тамъ съ обитателями Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и была свидѣтельницей всѣхъ сценъ, сопровождавшихъ превращеніе консульства въ имперію. Съ наступленіемъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ, графиня Головина возвратилась въ Россію, но видимо чувствовала себя уже не совсѣмъ дома: по прежнему вращалась она среди эмигрантовъ и іезуитовъ, пока эмигранты въ 1814 году не возвратились во Францію, когда совершилась реставрація Бурбоновъ, а іезуиты не были изгнаны въ 1816 году изъ Россіи. Вскорѣ затѣмъ графиня В. Н. Головина скончалась во Франціи, въ Монпелье, въ 1819 году".

Ей было о чемъ разсказать, замѣчаетъ переводчикъ, и интересъ ея записокъ, по словамъ его, увеличивается, благодаря личнымъ свойствамъ ихъ автора. „По отзывамъ современниковъ, графиня Головина выдѣлялась въ высшемъ петербургскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX вѣка не только своею красотою, но и своимъ образованіемъ, умомъ и художественными дарованіями; мягкій и добрый ха-

рактеръ, безупречная репутація, благородство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, также рѣзко отличали графиню Головину отъ многихъ представительницъ высшаго общества ея времени". „Но,—замѣчаетъ г. Шумигорскій,—въ характерѣ Головиной были особенности, направившія ея дѣятельность по ложной дорогѣ: это было преобладаніе сердца надъ разсудкомъ, чрезмѣрная впечатлительность и, какъ ея послѣдствіе, восторженность чувствъ. Сентиментализмъ былъ руководствующимъ побужденіемъ графини Головиной, не знавшей границъ ни въ своей дружбѣ, ни въ своихъ антипатіяхъ. Графиня Эдлингъ, знавшая Головину уже въ зрѣлые ея годы, замѣчаетъ о ней въ своихъ запискахъ: „Экзальтація г-жи Головиной была иногда трогательна, а иногда становилась просто смѣшною. Я любила слѣдить за игрою ея эксцентричнаго воображенія, которую она принимала за проявленіе чувствительности". Но,—прибавляетъ Эдлингъ,—рѣчи Головиной иногда пробуждали и въ ней чувство восторга.

Трогательная экзальтація кончилась тѣмъ, что гр. Головина сдѣлалась еще въ Петербургѣ католичкой. Это было довольно странное время въ жизни нашего высшаго общества. Еще со временъ императрицы Екатерины происходилъ наплывъ французскихъ эмигрантовъ всякаго рода; со временъ императора Павла стали пріобрѣтать большое вліяніе іезуиты; въ Петербургѣ основался іезуитскій пансіонъ, въ которомъ получали образованіе молодые люди аристократическихъ фамилій; въ Россію заѣхала однажды г-жа Сталь, а еще раньше проживалъ въ качествѣ дипломатическаго представителя знаменитый графъ Ксавье де-Местръ, проповѣдникъ религіознаго изувѣрства, правительственнаго деспотизма и народнаго невѣжества, — одно время онъ былъ совѣтчикомъ русскаго министра народнаго просвѣщенія. Высшее русское общество вело дружбу съ этими эмигрантами и іезуитами, и въ концѣ концовъ послѣдніе образовали здѣсь свою небольшую, но аристократическую и богатую паству. Въ ней очутилась и гр. Головина.

„Воспитаніе, вся свѣтская обстановка русскихъ прозелитокъ была воспроизведеніемъ жизни французскаго общества временъ Людовика XVI: это былъ вѣкъ пудры, вѣкъ декламаціи, вѣкъ роскошныхъ, изящныхъ поддѣлокъ подъ природу, возбуждавшихъ въ сентиментальныхъ душахъ возвышенныя чувства, утонченныя ощущенія... Съ этой эстетической точки зрѣнія, усвоеніе идеи роялизма и католицизма также облегчалось для нашихъ аристократическихъ прозелитокъ: онѣ заслушивались элегантныхъ эмигрантовъ, красиво излагавшихъ повѣсть о своихъ страданіяхъ за вѣрность королю, претерпѣнныхъ ими отъ революціонныхъ „кровопійцъ" и „извергов"; онѣ преклонялись предъ патеромъ - іезуитомъ, который, будучи по образованію и вос-

питанію своимъ человѣкомъ въ аристократическомъ кружкѣ, велъ съ ними религіозныя бесѣды на французскомъ языкѣ, со всею присущею католицизму театральностью... Красотъ русскаго духа, прикрытыхъ внѣшнимъ русскимъ убожествомъ, не знали и не понимали; зато казалось вполнѣ понятнымъ воплощеніе монархической идеи — въ рѣчахъ эмигрантовъ, и единеніе съ Богомъ—въ сладкихъ, иногда торжественныхъ проповѣдяхъ іезуитовъ. Оттого болѣе воспріимчивыя, болѣе нервныя и, быть можетъ, болѣе даровитыя натуры (?) изъ русскихъ женщинъ высшаго общества и сдѣлались жертвами іезуитской пропаганды: онѣ слишкомъ заняты были внутреннею своею жизнію и кристальная чистота духовнаго ихъ томленія послужила имъ лишь въ пагубу, оторвавъ ихъ отъ родной почвы. Графиня Головина была одной изъ первыхъ жертвъ, захваченныхъ іезуитами, а за ней, и отчасти благодаря ея вліянію, послѣдовалъ рядъ другихъ прозелитокъ, въ томъ числѣ подруга ея, знаменитая впослѣдствіи г-жа Свѣчина; но и въ самомъ своемъ отпаденіи отъ народной вѣры онѣ явились яркимъ выраженіемъ русскаго народнаго духа, духа смиренія и самоотреченія. Западъ такимъ образомъ бралъ себѣ первые дорогіе плоды, посѣянные имъ на русской нивѣ образованности".

Съ этой характеристикой мы не совсѣмъ согласны. У гр. Головиной была извѣстная талантливость, но очень поверхностная. „Чувствительность" могла дѣлать ее очень пріятной для дружескаго круга, но была направлена только на самые узкіе интересы личные и этого круга. Этимъ, между прочимъ, объясняется легкость ея перехода въ католичество: чувство общественное совершенно отсутствовало, и она довольствовалась пріятнымъ препровожденіемъ времени въ томъ кругу, гдѣ давали тонъ французскіе эмигранты, роялисты и іезуиты. Почти невѣроятно, что современница двѣнадцатаго года какъ будто осталась совершенно равнодушна къ чрезвычайному возбужденію, овладѣвшему тогда русскимъ обществомъ. Наполеонъ былъ „извергъ" для нея, но не съ тогдашней русской точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія русскихъ роялистовъ. Нечего и говорить, что въ запискахъ Головиной русская литература совсѣмъ не существуетъ, хотя бы даже та литература на случай (стихотворенія Жуковскаго, басни Крылова и т. п.), которая была тогда всѣмъ извѣстна. Зато, когда гр. Головина очутилась въ Парижѣ, она попала какъ будто домой. Все ей знакомо, близко и дорого. Конечно, съ самаго начала она попала въ гнѣздо стараго роялизма, въ Сенъ-Жерменское предмѣстье; тотчасъ у нея образовался широкій кругъ знакомства, гдѣ все было ей чрезвычайно сочувственно: всѣ эти маркизы, герцогини, графини были прекрасны, возвышенны, добродѣтельны и могли только съ пренебреженіемъ относиться къ новому дворянству, созданному На-

полеономъ. Смѣшно читать, какъ гр. Головина считала долгомъ оказывать свѣтскую оппозицію Наполеону. Первѣйшимъ другомъ ея была еще съ Петербурга принцесса Тарантъ: онѣ были неразлучны; принцесса, какъ говорятъ, играла главнѣйшую роль въ ея обращеніи въ католичество. Гр. Головина ничего не говоритъ объ этомъ послѣднемъ пунктѣ; но ея благочестіе вполнѣ приняло французско-католическій характеръ. Свои дни она кончила во Франціи.

Тѣмъ не менѣе записки не лишены историческаго интереса. Еще молодой женщиной она провела нѣсколько лѣтъ при дворѣ императрицы Екатерины и даетъ любопытныя подробности о придворной жизни послѣднихъ годовъ этого царствованія. Затѣмъ она состояла при молодомъ дворѣ и пользовалась благосклонностью императрицы Елизаветы Алексѣевны; любопытны многія черты придворной и общественной жизни временъ императора Павла, и т. д.

— Н. О. Осиповъ. О причинахъ упадка вліянія духовенства на народъ. (Читано въ собраніи столичныхъ проповѣдниковъ). Спб. 1900.

Это — небольшая брошюра (всего 19 страницъ), но касающаяся чрезвычайно важнаго вопроса.

„Русское духовенство, — говоритъ авторъ, — имѣло огромное значеніе въ исторіи своего народа. Значеніе это, однако, далеко не исчерпывается тѣми внѣшними и для всѣхъ извѣстными событіями, въ которыхъ духовенство играло выдающуюся историческую роль, какъ, напр., въ эпоху смутнаго времени. Воинское мужество монаховъ и религіозно-патріотическій энтузіазмъ всего духовенства подняли народный духъ и спасли Россію какъ отъ нашествія иноплеменниковъ, такъ и отъ внутреннихъ смутъ. Эта незабвенная заслуга русскаго духовенства одна была бы способна заставить забыть многіе его недостатки, но истинное значеніе этого сословія заключается все-таки не въ героическихъ его подвигахъ, а въ той медленной, почти незамѣтной его работѣ надъ самосознаніемъ и характеромъ русскаго народа, которая, кажется, до сихъ поръ, еще не оцѣнена должнымъ образомъ".

Сила русскаго духовенства проистекала прежде всего изъ того, что оно было служителемъ православной церкви, единственной истинной формы христіанства. Духовенство никогда не стремилось къ внѣшнему вліянію, не вмѣшивалось въ общественныя дѣла и всегда было близко къ народу.

„Не въ тонкой догматикѣ, не въ философской возвышенности, не въ властвованіи надъ умами была и есть истинная сила нашего ду-

ховенства. Эта сила — въ его простотѣ и смиреніи, въ живомъ чувствѣ близости человѣка къ Богу, въ дѣятельномъ сознаніи, что Господь всегда посреди насъ, всегда радуется совершаемому нами добру, всегда скорбитъ о совершаемомъ нами злѣ. Русскій народъ много страдалъ: но среди него стоялъ священникъ—такой же страдалецъ, какъ и онъ самъ, и съ живой вѣрой указывалъ ему на крестъ—символъ величайшихъ страданій; съ непоколебимымъ убѣжденіемъ обѣщалъ онъ страдальцу, что каковы бы ни были страданія, они смѣнятся безконечнымъ блаженствомъ, лишь бы были, по мѣрѣ силъ каждаго, исполнены заповѣди Божіи. И поэтому именно русскій народъ сдѣлался сильнымъ: онъ не боится смерти, онъ не боится бѣдности и страданія, онъ сохранилъ чуткую совѣсть, онъ непоколебимо вѣритъ, что добро лучше зла, онъ ясно сознаетъ, въ чемъ именно добро заключается; онъ—этотъ грубый, невѣжественный и бѣдный народъ—никогда еще не сомнѣвался, что духъ выше тѣла, что за все дурное—рано или поздно—придется дать отвѣтъ. И это счастіе жизни дало русскому народу его духовенство—столь же смиренное и бѣдное, какъ и самъ онъ".

„Церковь, заботящаяся о чистотѣ души, исходитъ изъ той безспорной и очевидной истины, что если она достигаетъ своей цѣли, т.-е. если люди дѣлаются лучше, то и общественная, и политическая жизнь сама собой становится лучше. Поэтому-то духовенство наше всегда стояло въ сторонѣ отъ общественныхъ вопросовъ; поэтому-то и народъ привыкъ видѣть въ священникѣ не члена какой-либо общественной и политической партіи, а единственно лишь представителя Церкви, стоящей безмѣрно выше всѣхъ человѣческихъ страстей и заботящейся лишь объ одномъ—сдѣлать лучше и ближе къ Богу всякаго человѣка, къ какой бы партіи или сословію онъ ни принадлежалъ".

Другимъ основаніемъ вліянія духовенства на народъ была, какъ сказано выше, его близость къ народу. Духовенство происходило изъ народа, жило тѣми же нравами, питалось землею и доброхотнымъ даромъ прихожанина, дѣлило нужды и невзгоды народа и потому оно отлично знало весь духовный и матеріальный бытъ народа.

Такъ это было нѣкогда. Но уже „съ давнихъ поръ", по словамъ автора, въ нашемъ духовенствѣ появляются признаки внутренняго упадка, а именно съ начала шестидесятыхъ годовъ. По изображенію автора, „наше духовенство не осталось внѣ вліянія того могучаго умственнаго движенія, которымъ было охвачено русское общество въ началѣ 60-хъ годовъ, и съ другой стороны духовенство, несмотря на свое чисто моральное призваніе, оставалось—а отчасти и остается—чуждымъ и равнодушнымъ къ тому исканію нравственной истины,

которое такъ мучительно переживалось и переживается русскимъ обществомъ въ теченіе послѣднихъ 30—40 лѣтъ". Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ мучительное „исканіе нравственной истины", которое повидимому должно бы казаться отраднымъ въ жизни общества, до тѣхъ поръ мало думавшаго объ этой истинѣ, въ слѣдующихъ словахъ автора представляется „ураганомъ". Ураганъ состоялъ въ томъ, что распространилось матеріалистическое ученіе, отвергавшее и божество, и божественную основу нравственности и т. д. Страшно было то, по словамъ автора, что этотъ духъ вползъ въ умы „не малой части" самаго духовенства: богословскіе классы пустѣли, свѣтскія заведенія наполнялись семинаристами, для священства и духовныхъ академій „оставались юноши менѣе даровитые и менѣе энергичные, и только внѣшнею властью остановлено было это движеніе, которое, вѣроятно, продолжалось бы и до-днесь. И все, что̀ бросило рясу, сдѣлалось ея отъявленнымъ врагомъ, а все, что̀ осталось въ рясѣ, почувствовало себя униженнымъ не только въ чужихъ, но и въ собственныхъ своихъ глазахъ. Наступилъ полный духовный маразмъ среди священнослужителей".

Другимъ зловреднымъ явленіемъ новѣйшаго времени авторъ считаетъ другое, опять матеріалистическое ученіе, именно экономическій матеріализмъ, съ которымъ, по его мнѣнію, связаны новѣйшія стремленія къ внѣшнему обезпеченію духовенства вмѣсто прежней системы доброхотныхъ даяній. Авторъ вовсе не желаетъ быть врагомъ чьего бы то ни было благосостоянія, но отвергаетъ мысль, что вліяніе духовенства на народъ можетъ быть достигнуто улучшеніемъ матеріальнаго положенія духовнаго сословія,—недостатки котораго будто бы происходятъ отъ способа его обезпеченія. Онъ считаетъ величайшею ложью мысль, что добродѣтель обусловливается экономическимъ благосостояніемъ, а пороки—бѣдностью. „Все ученіе Христа обращено именно къ бѣднымъ, обездоленнымъ, угнетеннымъ, и нигдѣ не сказано, да и не могло быть сказано, что они лишь тогда сдѣлаются добродѣтельными, когда разбогатѣютъ или когда они будутъ матеріально обезпечены. Эта теорія есть прямая ересь, которую могъ выдумать только грубый матеріалистическій духъ вѣка. Она противорѣчитъ всему духу ученія Христова".

Авторъ находитъ, что корень всѣхъ недостатковъ нашего народа лежитъ въ потерѣ чуткости къ религіозно-нравственному идеалу и въ упадкѣ его духа. Подъемъ этого духа долженъ быть именно дѣломъ духовенства, и автору представляется вопросъ, „выполнитъ ли наше духовенство эту задачу, сослужитъ ли оно вновь своей родинѣ ту службу, которую оно столь смиренно и столь достойно несло въ теченіе 10-ти вѣковъ?"

Мы скажемъ дальше, что авторъ питаетъ надежду на утвердительное рѣшеніе этого вопроса, и обратимся теперь къ его историческому изображенію отношенія духовенства къ народу. Собственно говоря, этого историческаго изложенія здѣсь нѣтъ. Авторъ беретъ готовый выводъ, что дѣломъ духовенства было религіозное настроеніе русскаго народа и что это была только его историческая заслуга, достигнутая христіанскимъ смиреніемъ и близостью къ народу, съ которымъ между прочимъ сближала его и матеріальная бѣдность. Нравственная роль древняго духовенства составляетъ историческій фактъ; но этотъ фактъ имѣлъ частности, которыя не совсѣмъ сходятся съ представленіемъ нашего автора. Во-первыхъ, духовенство не было такъ чуждо общественнымъ и прямо политическимъ вопросамъ своего времени. Древніе епископы, даже игумены нерѣдко прямо вмѣшивались въ событія, имѣвшія политическій характеръ; іерархи считали себя властью не только духовною, и высшимъ выраженіемъ этого представленія было стремленіе Никона поставить патріаршество наравнѣ съ царствомъ, если не выше его. Во-вторыхъ, духовенство не было такъ смиренно и скудно въ матеріальномъ отношеніи. Именно въ рукахъ чернаго духовенства, изъ котораго набиралась іерархія, собрались во времена древней Руси громадныя богатства: монастырямъ принадлежали обширныя земли, съ населенными на нихъ (позднѣе, прямо крѣпостными) крестьянами, и, какъ извѣстно, уже въ концѣ XV-го вѣка въ средѣ лучшихъ людей самого духовенства возникла мысль о томъ, что духовенству не подобаетъ владѣть селами и „христьянами". Эта оппозиція не имѣла, однако, дѣйствія, и до самаго восемнадцатаго вѣка духовенство безпрепятственно владѣло своими богатствами. Петръ Великій учрежденіемъ монастырскаго приказа, подъ контролемъ свѣтской власти, очевидно, осудилъ это ненормальное положеніе вещей, и дальнѣйшее развитіе его мѣръ продолжалось во времена Екатерины II... Такимъ образомъ древнее духовенство не было свободно отъ вмѣшательствъ въ общественныя политическія событія и во времена Никона не показало въ этомъ отношеніи особаго смиренія; съ другой стороны, оно имѣло въ рукахъ большія матеріальныя богатства. Очень сильное воспитательное вліяніе его, о которомъ говоритъ авторъ, существовало несомнѣнно и принадлежало лучшей долѣ духовнаго чина, особливо монастырскимъ подвижникамъ, которые поражали народную массу своимъ благочестивымъ аскетизмомъ; мы хотѣли только указать, что общія черты вліянія духовенства въ древніе вѣка были не совсѣмъ таковы, какъ авторъ ихъ указываетъ. Точно также онъ не точно или не полно указалъ другую сторону этой древней исторіи. Авторъ признаетъ, что старое духовенство не отличалось особенною книжностью, что не мѣшало его влія-

нію на народъ; однако, этотъ недостатокъ книжности вовсе не былъ безразличенъ,—напротивъ, и въ древней, и въ новой русской исторіи онъ отразился весьма неблагопріятно на отношеніяхъ духовенства не только къ народу, но и къ „обществу“, болѣе образованному кругу этого народа. Во второй половинѣ семнадцатаго вѣка изъ круга вліянія духовенства удалилась цѣлая масса, именно настроенная самой ревностной религіозностью—въ видѣ раскола. Это было явленіе сложное; но во всякомъ случаѣ оно указывало на крупный недостатокъ въ бытовой и учительной роли духовенства. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ стало возникать другое явленіе, которое инымъ образомъ могло указывать духовенству эти его недостатки. Съ тѣхъ поръ какъ стало распространяться, хотя еще скудно и неровно, европейское образованіе въ верхнемъ слоѣ общества, стала сказываться разница образовательнаго уровня, которая своимъ дальнѣйшимъ дѣйствіемъ имѣла упадокъ религіознаго вліянія духовенства въ болѣе образованномъ кругу. Было бы ошибочно полагать, что дѣйствовало здѣсь одно произвольное вольнодумство. „Ураганъ“ матеріализма, относимый авторомъ къ шестидесятымъ годамъ, собственно говоря, начался гораздо раньше, лѣтъ за сто передъ тѣмъ, когда предшественникомъ его было такъ называемое вольтеріанство. Въ этомъ послѣднемъ, какъ оно у насъ проявлялось, безъ сомнѣнія было много простого легкомыслія, результата поверхностнаго образованія; но была и болѣе серьезная сторона,—потому что были успѣхи науки, особливо исторіи и естествознанія, которые сталкивались съ наивными представленіями о природѣ, ихъ устраняли и не могли не устранять. Великій начинатель русской науки, Ломоносовъ вовсе не былъ легкомысленнымъ вольнодумцемъ, но, какъ извѣстно, онъ высказалъ весьма опредѣленно свою вражду къ устарѣлой схоластикѣ, которая не хотѣла знать новѣйшихъ успѣховъ науки и которая держалась особливо въ духовной школѣ... Тѣ обвиненія, которыя направляетъ авторъ противъ новѣйшаго матеріализма, получили бы другой характеръ, еслибы авторъ обратилъ вниманіе на это историческое прошлое.

Самъ авторъ высказывается такъ, что въ шестидесятыхъ годахъ совершалось „исканіе нравственной истины, которое мучительно переживалось и переживается русскимъ обществомъ“, и что духовенство, „несмотря на свое чисто-моральное призваніе, оставалось чуждымъ и равнодушнымъ“ къ этому исканію. Есть, правда, нѣкоторое противорѣчіе этому въ дальнѣйшихъ словахъ автора, что и въ среду духовенства проникли матеріалистическія ученія, отличавшія то время,—чему авторъ даже приписываетъ паденіе стараго духа сословія и самый упадокъ вліянія духовенства на народъ. Но, въ цѣломъ, вышеприведенное замѣчаніе справедливо; духовенство оставалось чуждо одуше-

вленію русскаго общества, и это отчужденіе идетъ издавна, именно съ тѣхъ поръ, какъ впервые появилось такъ называемое свѣтское образованіе, т.-е. не только вліяніе европейскихъ обычаевъ, но, въ особенности вліяніе новой европейской науки. Въ противоположность послѣдней, духовныя школы, до самаго послѣдняго времени, оставались исключительно схоластическими. Между двумя формами школы терялось взаимное пониманіе...

Древнее отношеніе духовенства къ народу выражается не однѣми тѣми идеальными чертами, какія приводитъ авторъ. Духовенство, конечно, было „немножко образованнѣе и нравственнѣе своей паствы", какъ говоритъ авторъ; но степень его образованности была, однако, очень невелика,—довольно вспомнить печальную судьбу Максима Грека, созданную положеніемъ его, какъ человѣка ученаго, въ средѣ даже высшей московской іерархіи того времени: даже высоко почитавшій его московскій митрополитъ Іосифъ былъ не въ состояніи ему помочь. Древнее благочестіе и въ народѣ, какъ въ духовенствѣ, за которымъ онъ слѣдовалъ, приняло крайній обрядовый характеръ. Извѣстно, что это чрезмѣрное развитіе обрядности послужило однимъ изъ основаній раскола—до сихъ поръ отдѣляющаго отъ господствующей церкви многіе милліоны русскаго народа. Этотъ обрядовый характеръ благочестія и до сихъ поръ въ очень сильной степени отличаетъ народную жизнь. Не требуетъ объясненія, что такой складъ народной религіозности не составляетъ ея достоинства—когда съ исполненіемъ обряда считается уже все сдѣланнымъ. И здѣсь именно и только духовенству возможно было бы внести въ народную жизнь истинное благочестіе, т.-е. сознаніе нравственнаго долга.

Авторъ, утверждая, что во всемъ упадкѣ вліянія духовенства на народъ виновата матеріалистическая философія, питаетъ надежду, что дѣло исправится, когда уже теперь возростаетъ убѣжденіе въ теоретической несостоятельности этой философіи и ея неспособности „ни разрѣшить вѣковѣчныя проблемы человѣческаго духа, ни устроить земное человѣческое счастіе". По мнѣнію автора, пониманіе этой истины могло бы убѣдить духовенство, что оно именно есть тотъ классъ общества, который, „при искреннемъ и строгомъ отношеніи къ своему долгу, скорѣе всего можетъ вывести нашъ народъ изъ состоянія нравственной апатіи и придать его жизни то радостное и бодрое возбужденіе духа, которое, составляя само по себѣ счастіе, вмѣстѣ съ тѣмъ есть залогъ всякаго успѣха". Каждый благомыслящій человѣкъ раздѣлитъ эти пожеланія,—но для успѣшнаго дѣйствія противъ „нравственной апатіи" нужно было бы прежде всего правильно понять положеніе вещей. Оно возникло гораздо раньше появленія у насъ матеріалистической философіи; источники его были очень сложные, и во

внѣшнемъ тяжеломъ положеніи народа, и въ условіяхъ его нравственнаго быта: напримѣръ, съ давнихъ временъ народъ не знаетъ проповѣди. — не схоластической, а такой, которая была бы ему доступна по языку, доставляла бы поученіе не отвлеченное, не изготовленное по старинному школьному образцу, а живое, связанное съ непосредственной жизнью, съ ея заботами, ея недоумѣніями и—пороками. Съ самаго освобожденія крестьянъ въ обществѣ поднятъ былъ вопросъ объ одномъ тяжеломъ недостаткѣ народной жизни — пьянствѣ: стали распространяться общества трезвости, между прочимъ при участіи народолюбцевъ, какихъ явилось не мало въ эпоху реформъ; впослѣдствіи, когда во внутренней жизни наступила все болѣе возроставшая реакція, между прочимъ прекращены были и эти заботы о народной трезвости; въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, эта забота возродилась снова, выражаясь учрежденіемъ различныхъ народныхъ увеселеній, которыя отвлекали бы народъ отъ кабака. Но неужели забота объ этомъ бѣдствіи народной жизни не входила бы прежде всего въ кругъ дѣйствій каждаго сельскаго священника? Далѣе, въ народной жизни до сихъ поръ господствуетъ страшная грубость нравовъ, проявленія которой, какъ извѣстно, сплошь и рядомъ принимаютъ уголовный характеръ, какъ, напримѣръ, такъ называемое „ученье жены", доходящее до искалѣченія и смертоубійства. Дѣятели подобнаго рода могутъ въ то же самое время считаться „благочестивыми", исполнять обряды и т. п.; но не очевидно ли, что эти люди не имѣютъ понятія о самыхъ первоначальныхъ требованіяхъ истиннаго благочестія, т.-е. христіанскаго милосердія. Понятно, что эта грубость нравовъ создавалась вѣками и разнообразными тяжелыми условіями народняго быта, и бороться съ нею не легко: надо думать, что новыя формы жизни, какъ освобожденіе крестьянъ, которымъ былъ поддержанъ или порожденъ инстинктъ человѣческаго достоинства, должны дѣйствовать благопріятно въ этомъ отношеніи (напримѣръ, все сильнѣе возростающее негодованіе противъ тѣлесныхъ наказаній); надо думать, что благотворно будетъ дѣйствовать школа, но старая закваска еще сильна, сравнительная свобода даетъ свой просторъ необузданности, тяжелыя условія матеріальныя (голодъ, необходимость переселеній и т. п.) снова порождаютъ огрубѣніе нравовъ,—но часто ли слышимъ о томъ, чтобы къ борьбѣ противъ него присоединялось участіе сельскихъ пастырей, стоящихъ такъ близко къ народу, имѣющихъ возможность могущественно дѣйствовать на народъ великимъ авторитетомъ церковнаго слова? Мы упоминали о расколѣ: онъ не уменьшается; напротивъ, появляются все новыя секты, распространяется штунда, эта самодѣльная вѣра, очевидно имѣющая основу въ окружающихъ условіяхъ быта,—не широкое ли поле для нравственнаго, а не только административнаго

способа дѣйствій? Словомъ, возникаетъ множество вопросовъ, насущныхъ, тѣсно связанныхъ съ народною жизнью, первостепенно-важныхъ для дальнѣйшаго установленія народнаго быта.

Авторъ настоящей книжки, кажется намъ, ближе подошелъ бы къ настоящему содержанію поднятаго имъ вопроса, если бы посвятилъ свой трудъ изслѣдованію этихъ ближайшихъ отношеній народной жизни: полемика его противъ „экономическаго матеріализма“ разъясняетъ очень мало.—Д.

— Письма И. С. Тургенева къ Паулинѣ Віардо. Москва. 1900.

Въ концѣ 1897 года г-жа Віардо направила въ русскія газеты просьбу помѣстить ея заявленіе, гдѣ говорила, что у нея были украдены письма И. С. Тургенева, что, сколько ей извѣстно, онѣ находятся въ чьихъ-то рукахъ въ орловской губерніи, и она просила русскія изданія не печатать этихъ писемъ, еслибы онѣ были имъ предложены. Въ слѣдующемъ, 1898 году эти письма были напечатаны уже при содѣйствіи г-жи Віардо въ парижскомъ изданіи „Revue Hebdomadaire“, при чемъ до нѣкоторой степени разъяснилась самая исторія этихъ писемъ, которыя повидимому украдены не были, а были забыты и затеряны ихъ собственниками.

Заботу о разысканіи писемъ взялъ на себя г. Гальперинъ-Каминскій, и вотъ что̀ онъ разсказалъ въ своемъ предисловіи къ изданію писемъ въ „Revue Hebdomadaire“:

„Эти письма, затерянныя или похищенныя во время войны 1870 года, вынудившей семейство Віардо переселиться изъ Бадена въ Лондонъ, были снова найдены только года два тому назадъ.

„Понятно, что г-жа Віардо желала снова вступить въ обладаніе документами, отъ которыхъ она никогда по своей волѣ не отказывалась и на которые имѣла всѣ нравственныя и юридическія права. Съ другой стороны, тѣ мотивы, которые настоящій владѣлецъ писемъ выставлялъ какъ причину желанія сохранить ихъ у себя, не были лишены значенія. Онъ нашелъ этотъ драгоцѣнный пакетъ среди малозначащихъ бумагъ, въ ящикѣ, купленномъ имъ у одного берлинскаго букиниста; этотъ послѣдній, въ свою очередь, кажется, пріобрѣлъ ихъ у вдовы одного французскаго врача; на этомъ останавливаются мои изслѣдованія о происхожденіи ящика.

„Какъ бы то ни было, послѣдній пріобрѣтатель этихъ писемъ, просвѣщенный соотечественникъ и почитатель Тургенева, какъ и всѣ русскіе, счелъ долгомъ сохранить какъ святыню эту, случайно попавшую въ его руки, переписку до того дня, когда онъ могъ бы ее обна-

родовать. А для него этотъ день могъ наступить лишь тогда, когда лицо, къ кому письма были адресованы, не представляло бы препятствій къ ихъ публикаціи.

„Такъ какъ, въ концѣ концовъ, собственникъ этихъ писемъ не столько интересовался денежнымъ вопросомъ, сколько желаніемъ обставить это изданіе возможно лучшими литературными условіями, то мнѣ удалось убѣдить его въ томъ, что это предпріятіе будетъ имѣть очевидныя преимущества, если оно будетъ осуществлено при жизни и подъ наблюденіемъ знаменитой артистки.

„Такимъ образомъ, послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ, я успѣлъ достичь возвращенія первой серіи этихъ писемъ, которыя и издаю съ разрѣшенія и подъ контролемъ г-жи Віардо. Другія серіи послѣдуютъ впредь и будутъ изданы здѣсь же.

„Здѣсь появляется только часть того, что̀ было намъ передано. По чрезмѣрной, по моему мнѣнію, скромности, г-жа Віардо разрѣшила для изданія лишь тѣ страницы, которыя, представляя безспорный общій интересъ, содержатъ всего меньше лестныхъ похвалъ создательницѣ стольких лирическихъ о̀бразовъ, вызвавшей всеобщее поклоненіе; она исключила также нѣкоторыя мѣста, даже цѣлыя письма, испещренныя порою мѣткими, но отнюдь не злыми замѣчаніями, направленными противъ извѣстныхъ лицъ, или же касающіяся подробностей частнаго характера".

„Я читалъ все, и, по моему мнѣнію, почти все могло бы быть издано. Въ самомъ дѣлѣ было бы все интересно въ частомъ обмѣнѣ мыслей между этими артистическими натурами, связанными дружбой и умственными симпатіями. Это настоящій интимный дневникъ, писанный для родственной души, начатый въ пору зрѣлости и оконченный только со смертью автора.

„Тургеневъ встрѣтилъ въ первый разъ г. и г-жу Віардо въ Петербургѣ въ 1843 году... Будущій авторъ „Записокъ Охотника", въ это время еще неизвѣстный, встрѣтилъ у новыхъ друзей самый сердечный пріемъ; можно было какъ будто думать, что они угадали талантъ романиста раньше его соотечественниковъ... Четыре года спустя, какъ онъ разсказывалъ самъ, Тургеневъ оказался за границей безъ всякихъ средствъ. Въ этомъ положеніи онъ нашелъ въ семействѣ Віардо самое широкое гостепріимство, и ихъ имѣніе Куртавнель было, по его собственному выраженію, его литературной колыбелью...

„Кромѣ почти ежегодныхъ поѣздокъ въ Петербургъ, въ Москву и въ его деревню Спасское, Тургеневъ съ 1847 постоянно жилъ во Франціи...

„Благодаря г. и г-жѣ Віардо, онъ познакомился съ французскимъ художественнымъ и литературнымъ міромъ; у нихъ онъ въ первый разъ

встрѣтилъ Жоржъ-Зандъ. Мало-по-малу кругъ его знакомствъ распространился, и въ этомъ кругѣ были Мериме́, Сентъ-Бёвъ, Теофиль Готье́, Флоберъ, Поль де Сенъ-Викторъ, Тэнъ, Ренанъ, Жюль Симонъ, Викторъ Гюго, Ожье́, Жюль Жаненъ, Максимъ дю Канъ, Эдмондъ Абу, братья Гонкуры, Гаварни, Шереръ, Шарль Бланъ, Фромантенъ, Нефтцеръ, Брока, Бертело, Францискъ Сарсэ и т. д., позднѣе Зола̀, Додэ, Гюи де-Мопассанъ и другіе молодые романисты школы натуралистовъ. Театральный элементъ былъ также представленъ въ салонѣ г-жи Віардо.

„Разнообразныя впечатлѣнія, собранныя въ этой средѣ и въ частыхъ путешествіяхъ по Европѣ, какъ Тургенева, такъ и г-жи Віардо, должны были отражаться въ ихъ перепискѣ. Такимъ образомъ, кромѣ своего внутренняго значенія, біографическаго или этнографическаго, эта переписка прибавляетъ интересную главу къ литературной исторіи второй половины столѣтія".

Изданы были письма только сороковыхъ годовъ, начиная съ 1846; но переписка началась раньше, вѣроятно съ 1843; г. Гальперинъ-Каминскій имѣлъ въ рукахъ письмо 1844 года, гдѣ Тургеневъ на зывалъ уже г. и г-жу Віардо „старыми друзьями".

Переводить французскія письма Тургенева—задача не легкая: читатель невольно ожидаетъ встрѣтить русскій языкъ Тургенева. Въ настоящемъ изданіи переводъ, насколько мы сличили его по нѣкоторымъ письмамъ, исполненъ очень старательно, но нерѣдко языкъ остается тяжеловатъ. Въ предисловіи переводчикъ взялъ изъ предисловія французскаго изданія только свѣдѣнія о находкѣ писемъ, но, не знаемъ почему, совсѣмъ не привелъ немногихъ извѣстныхъ до сихъ поръ свѣдѣній о знакомствѣ Тургенева съ семействомъ Віардо. Эти свѣдѣнія были бы не лишними.—А. П.

Въ теченіе августа мѣсяца въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры.

Абрамовъ, К.—Словарь русскихъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій. Спб. 1900. VII, 210 стр. Ц. 1 р.

——— Даръ слова. Искусство излагать свои мысли. Спб. 1900. 44 стр. Ц. 25 коп.

Андреевскій, И. С., директоръ Глуховскаго Учительскаго Института.—Классическое и реальное образованіе. Глуховъ, 1900. 52 стр.

Аристовъ, Н. А. — Англо-индійскій „Кавказъ". Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этнико-историческій и политическій этюдъ). Спб. 1900. 198 стр.

Буассье, Гастонъ. — Госпожа де Севиньé. Переводъ О. Н. Масловой. Съ портретомъ г-жи де Севиньé. М. 1900. 131 стр. Ц. 60 коп.

Гагаринъ, кн. Григ. Григ.—Воспоминанія о Карлѣ Брюлловѣ. Къ 100-лѣтію со дня рожденія Брюллова 1799—1899. Спб. 1900. 54 стр.

Головина, В. Н., графиня. — Записки (1766—1819). Переводъ съ французской рукописи подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. С. Шумигорскаго. Съ тремя портретами. Спб. 1900. XXI, 285 и V стр. Ц. 2 р.

Горностаевъ, И. Ѳ. — Дѣти рабочихъ и городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Съ приложеніемъ фототипій. Весь доходъ съ изданій поступитъ въ пользу Пречистенскихъ классовъ для рабочихъ Моск. Отд. Имп. Русск. Техн. Общ. и учебно-ремесленнаго пріюта. (Импер. Р. Технич. Общество. Московское Отдѣленіе). М. 1900. 59 стр. Ц. 35 коп.

Фагэ, Эмиль. — Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Третья серія. Переводъ съ французскаго Л. И. Коганъ и П. А. Рождественскаго. М. 1900. XVI и 397 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Фаресовъ, А. И.—Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900. 176 стр. Ц. 1 р.

Щегловъ, Иванъ. — Новыя пьесы. — Красный цвѣтокъ.—Затерянный мудрецъ.—Жена Пентефрія.—Осмѣянная любовь.—На лѣтнемъ положеніи и пр. Спб. 1900. 479 стр. Ц. 2 р.

Яхнинъ, Л. З.—Сила воли или искусство владѣть собою. Философско-психологическое изслѣдованіе. Варшава, 1900. XII, 106 стр. Ц. 70 коп.

— Большая Энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, подъ редакціей С. Н. Южакова. Первый томъ. А—Арбрѐсъ. Спб. 1900. 800 стр. (200 выпусковъ по 50 коп. или 20 томовъ въ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ по 6 руб.).

— Волостной бюджетъ Смоленской губерніи за 1895 годъ. Смоленскъ. 1900. 40 стр.

— Казенная продажа вина. Изданіе Главнаго Управленія Неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 1900. X, IV, 228; 310 стр.

— Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за шестой годъ его существованія (30 марта 1899—30 марта 1900 года). Спб. 1900. 321 стр.

— Отчетъ Харьковскаго Комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива и соли изъ западной части Донецкаго бассейна за 1899 годъ. Харьковъ, 1900. 24 стр.; 9 графиковъ, карта и 20 вѣдомостей.

— Статистическое Отдѣленіе при Воронежской губ. земской Управѣ. I. Заболѣваемость населенія Воронежской губ. въ 1898 году, Н. И. Тезякова. II. Частный обзоръ главнѣйшихъ заразныхъ заболѣваній. Н. И. Тезякова, В. П. Успенскаго и С. С. Сергіевскаго. Съ картограммою и 3 діаграммами. Изданіе Воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ, 1900. III, 160 и 136 стр.

— Сборникъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 7-й. Изданіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1900. 78, DXXIV, 547—678, 204, CDLXXV—DCLXXII стр. Ц. 3 р.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Приложеніе къ тому III. Мензелинскій уѣздъ. Матеріалы подворнаго изслѣдованія 1884 г., собранные и обработанные Д. Н. Тяжельниковымъ. Изданіе Уфимской губ. земской управы. Самара, 1900. 16, 353 стр. Ц. 1 р. 50 коп. съ пересылкой.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1897 и 1898 годы. Изданіе Нижегородскаго губернскаго земства. Нижній-Новгородъ. 1900. 505 стр. Ц. 1 руб.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1898 годъ. Годъ двѣнадцатый. Изданіе Херсонской губ. земской управы. Херсонъ, 1900. 303 стр.

— Труды совѣщанія предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ и состава губернской управы, съ участіемъ агрономовъ по вопросу о реорганизаціи земскаго агрономическаго института Пермской губерніи. 20—23 марта 1900 г. въ г. Перми. Пермь, 1900. (Приложеніе къ „Сборнику Пермскаго Земства"). VII, 139 стр.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Edgar Steiger. Das Werden des neuen Dramas. T. I, стр. 318; т. II. Стр. 355.

Нѣмецкій критикъ Эдгаръ Штейгеръ издалъ двухтомный трудъ о современной драмѣ, ея отличіяхъ отъ драмы прежнихъ вѣковъ и ея задачахъ. По серьезности задачи и по оригинальности взглядовъ на отдѣльныхъ драматурговъ книга заслуживаетъ особаго вниманія. До сихъ поръ никто такъ ясно не приводилъ въ связь новѣйшую драму съ общимъ характеромъ современности, какъ это сдѣлалъ Штейгеръ. Самое выполненіе задачи едва ли можно считать окончательнымъ. Штейгеръ слишкомъ увлекается своими, иногда слишкомъ произвольными теоріями; въ его книгѣ много лирическихъ отступленій, болѣе претенціозныхъ, нежели художественныхъ; онъ слишкомъ поддается субъективнымъ настроеніямъ, чтобы его выводы были совершенно убѣдительны. Но книга его тѣмъ не менѣе имѣетъ значеніе, какъ попытка разобраться въ цѣломъ рядѣ вопросовъ, возбужденныхъ творчествомъ новѣйшихъ драматурговъ.

Говоря о принципахъ драмы, Штейгеръ удѣляетъ много вниманія исполнителямъ драматическихъ произведеній. Одной изъ особенностей современнаго театра Штейгеръ считаетъ болѣе тѣсное взаимодѣйствіе между драматургомъ и актеромъ. Прежніе драматурги выполняли свои замыслы со всей доступной имъ полнотой, изображая людей, такъ сказать, съ тѣломъ и душой, ясно опредѣляя и характеризуя ихъ мысли, ихъ чувства и жизнь. Новая драма занята только изображеніемъ чувствъ, внутренняго міра, и въ немъ ищетъ отраженія отвлеченныхъ истинъ. Но для того, чтобы художественное произведеніе пріобрѣло необходимую цѣльность, души должны воплотиться,—и тутъ выступаетъ на первый планъ актеръ: онъ уже перестаетъ быть пассивнымъ орудіемъ драматурга, а долженъ стать прямымъ сотрудникомъ автора, т.-е., другими словами, долженъ быть созданіемъ того же духа времени, который создалъ и драму. Если въ самомъ дѣлѣ существуетъ новая драма, — а Штейгеръ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно,—то она должна породить и новый типъ актера, который обладалъ бы созидательной силой и былъ бы вполнѣ человѣкомъ своего времени.

Главный вопросъ въ книгѣ Штейгера касается самаго факта существованія новой драмы. Въ виду нерѣдкаго въ современной критикѣ безграничнаго восхваленія нѣкоторыхъ современныхъ драматурговъ, и съ другой стороны въ виду яростныхъ нападокъ на нихъ, этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ большой интересъ. Существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ новая драма, или же новыми являются только пути, а источникъ драматическихъ столкновеній одинъ и тотъ же—вѣчный. У Штейгера есть объ этомъ своя, нѣсколько произвольная, изложенная безъ достаточныхъ доказательствъ, теорія. Онъ различаетъ въ искусствѣ минувшихъ вѣковъ три періода: вѣкъ пластики, вѣкъ живописи, вѣкъ музыки и затѣмъ нашъ вѣкъ, который онъ называетъ драматическимъ. Все древнее искусство было пластическимъ, не исключая и древней поэзіи съ ея реалистической мощью, и таковымъ же былъ весь строй греческой жизни, въ которой преобладаетъ скульптурная стройность, плавное сочетаніе линій и строгая гармонія соотношеній. Вѣкомъ живописи Штейгеръ называетъ бурный колоритный ренессансъ, разбивающій всѣ оковы средневѣкового насилія, упоенный возрожденіемъ свободной личности и отражавшій новооткрытыя имъ сокровища освобожденной души въ краскахъ и яркихъ страстяхъ. Начинателями музыкальнаго вѣка въ искусствѣ были Бахъ, Моцартъ, Бетховенъ и Вагнеръ, а родиной этого искусства была Германія. Преобладаніе музыки въ этотъ вѣкъ объясняетъ и появленіе величайшаго лирика всемірной литературы — Гёте. Шиллера съ его неспособностью создать истинно-драматическія фигуры, Штейгеръ объясняетъ несвоевременностью его узко моральнаго міросозерцанія и анти-художественнымъ подавленіемъ основного настроенія его вѣка, т.-е. музыкально-лирическаго. Послѣ вѣка музыки долженъ былъ наступить и наступилъ вѣкъ поэзіи, именно въ то время, когда самодовольная буржуазія, восторжествовавшая съ воцареніемъ позитивизма, думала, что насталъ конецъ ненужнымъ пѣснопѣніямъ. Въ музыкальной драмѣ Рихарда Вагнера, этомъ послѣднемъ откровеніи музыкальнаго вѣка, прошлое и будущее искусства встрѣтились, поднявъ на небывалую высоту выразительность музыкальныхъ средствъ. Чтобы достигнуть цѣли, преступающей ея границы, музыка должна была пожертвовать частью самой себя для того, чтобы пользоваться помощью другихъ искусствъ. Для того, чтобы искусство могло пойти дальше, слово должно было снова отдѣлиться отъ музыки и погрузиться въ глубины дѣйствительной жизни, изъ которыхъ и музыка Вагнера почерпнула свои лучшія силы. Такимъ образомъ музыкальная драма Вагнера естественно смѣнилась въ Германіи натуралистической драмой Гергардта Гауптмана,—и начинается новый драматическій вѣкъ. Отличіе его—въ томъ, что современный художникъ исходитъ изъ созер-

цанія внѣшняго міра и стремится къ изслѣдованію внутренняго, углубляется и во всемъ внѣшнемъ видитъ лишь отраженіе внутренняго. Штейгеръ отмѣчаетъ характерный космополитизмъ современнаго искусства, созданнаго французскимъ бытописательнымъ романомъ, психологическимъ русскимъ романомъ и Ибсеновской критикой общества. Перенесеніе цѣлей искусства изъ міра внѣшняго въ міръ внутренній, также какъ и сознательность художественнаго творчества, его идейность, стремленіе отражать въ образахъ философское міросозерцаніе, отражать его сознательно и намѣренно, — не есть нѣчто случайное; оно проявляется во всѣхъ странахъ и составляетъ духъ времени. Во всѣхъ областяхъ искусства происходитъ борьба; Клингеръ борется съ формами, сочетая пластику и живопись, какъ Вагнеръ хотѣлъ сочетать музыку и поэзію. Художественное творчество отмѣчено стремленіемъ къ борьбѣ, къ трагедіи; чтобы идти по новому пути, ведущему отъ поверхности въ глубь, современное искусство разрушаетъ все старое, отжившее и мертвое, и стремится окунуться въ море дѣйствительности, чтобы обрѣсти такимъ образомъ новую молодость. Боевой характеръ новаго искусства и кажется Штейгеру доказательствомъ того, что наступилъ вѣкъ драмы, и что пока еще не устоялось броженіе, во всѣхъ областяхъ преобладаетъ програмность; идеи и намѣренія еще обнажены, и всякая непосредственность, характеризующая прежніе періоды, исчезла—быть можетъ только на время.

Новизна цѣлей новаго искусства, т.-е. созерцаніе, обращенное во внутрь, удѣленіе внутреннему человѣческому „я“ центральнаго мѣста въ художественномъ творчествѣ, создало и новыя формы, связанныя какъ съ психологической основой искусства, такъ и съ научнымъ прогрессомъ. Мы живемъ въ вѣкъ микроскопа, обострившаго умѣнье всматриваться въ безконечно малое. Искусство вслѣдъ за наукой погрузилось въ созерцаніе всего, что̀ прежде казалось слишкомъ ничтожнымъ; наступило царство реализма въ искусствѣ, но уже реализма не какъ цѣли, а какъ средства для того же проникновенія во внутренній міръ человѣческаго „я“. Изъ этихъ элементовъ создалось новое драматическое искусство, имѣющее еще одну основную черту—величайшую жизнерадостность. Ликующее оправданіе жизни составляетъ евангеліе новѣйшихъ художниковъ, и на этой почвѣ искусство и жизнь вновь соединились послѣ долгой розни, отличавшей прежнее искусство и существовавшей еще во времена романтизма. Таковы по теоріи Штейгера еще не осуществленныя, но уже опредѣлившіяся цѣли новаго драматическаго вѣка. Новой драмы еще нѣтъ, но она образуется, и различные ея элементы проявились въ самыхъ характерныхъ ея представителяхъ, каковы Ибсенъ, Гауптманъ, Метерлинкъ. Разбираясь въ

ихъ произведеніяхъ, Штейгеръ хочетъ выяснить путь, по которому новая драма идетъ къ своему назначенію.

При всей произвольности дѣленія Штейгера, то, что̀ онъ говоритъ объ элементахъ современнаго искусства, справедливо. Элементы драмы и борьбы несомнѣнно велики въ наше переходное время; границы отдѣльныхъ искусствъ стираются благодаря тому, что изученіе дѣйствительности стало болѣе углубленнымъ и широкимъ. Сознательность современныхъ художниковъ отразилась на програмности, особенно ярко проявившейся въ драмѣ. Но все это относится только къ формамъ и путямъ. Было бы ложно считать, что измѣнились источники трагическаго. Еслибы это было такъ, то современная драма имѣла бы случайный характеръ; а между тѣмъ ея значеніе—въ томъ что она снова, какъ драма античная, вернулась къ изслѣдованію основныхъ и неразрѣшимыхъ контрастовъ, дѣлающихъ жизнь трагичной, и стала примирять человѣка съ необходимостью трагедіи. Она изучаетъ трагичное въ новыхъ явленіяхъ, не пренебрегаетъ и безконечно малымъ въ условіяхъ жизни, чтобы усмотрѣть въ немъ все ту же трагическую необходимость. Но пока не будетъ выяснена связь этого пониманія трагизма, т.-е. новыхъ путей современныхъ драматурговъ, съ тѣмъ, что̀ всегда составляло цѣль драмы,—новая драма не можетъ быть признана стоящей на высотѣ своего назначенія. Нужно разсматривать новую драму въ связи съ этимъ основнымъ и вѣчнымъ принципомъ драмы; оправданіемъ новыхъ путей можетъ служить исключительно сознаніе, что они ведутъ къ пониманію и примиренію съ вѣчными контрастами. Штейгеръ въ своемъ стремленіи оправдать новую драму и выяснить то, что̀ въ ней есть „небывалаго“, какія она сдѣлала завоеванія въ области изученія дѣйствительности и въ философскомъ пониманіи дѣйствительности, слишкомъ отрываетъ настоящее отъ прошлаго, вслѣдствіе чего въ его выводахъ замѣтно нѣкоторое легкомысліе. Но характеристики отдѣльныхъ драматурговъ и пониманіе ихъ пріемовъ остаются все-таки чрезвычайно интересными.

Значеніе Ибсена,—по толкованію Штейгера,—главнымъ образомъ подготовительное. Съ добросовѣстностью германскаго ума, съ угрюмостью скандинава и съ безпощадной смѣлостью человѣка, свободнаго отъ всѣхъ переживаній, громителя всѣхъ кумировъ, онъ расчистилъ путь новымъ цѣлямъ въ жизни, а слѣдовательно и въ искусствѣ. Самъ онъ этихъ цѣлей не опредѣлилъ,—его символическія пьесы, какъ „Строитель Сольнесъ“, страдаютъ туманностью и схематичностью. Ибсенъ самъ не знаетъ, каковы должны быть башни, которыя строитъ его архитекторъ будущаго. Онъ еще поглощенъ существующимъ строемъ общества, и какъ будто хочетъ только пере-

строивать прежнее, а не создавать совершенно иной міръ въ жизни и въ искусствѣ. Этотъ новый міръ, составляющій и основу новаго искусства, заключается въ измѣнившемся отношеніи человѣка къ явленіямъ, въ стремленіи не повліять на нихъ, а понять ихъ, исканіе же правды обратить на внутреннюю жизнь человѣка. Къ этому Ибсенъ не приступалъ, и не могъ приступить, потому что нужно было раньше очистить загроможденный культурными предразсудками путь. Взоръ Ибсена обращенъ на прошлое, а не на будущее. Его значеніе—въ анархической смѣлости разоблаченій, обращенныхъ на всѣ мнимыя святыни современнаго человѣчества. Когда Ибсенъ выступилъ впервые со своими драмами, нѣкоторая часть критики, въ особенности французской, указывала на его духовное родство съ общественной драмой Александра Дюма-сына. Поклонниковъ геніальнаго норвежскаго драматурга раздражало сопоставленіе громителя всѣхъ основъ общества съ тенденціознымъ французскимъ моралистомъ, ополчившимся на отдѣльныя статьи французскихъ законовъ во имя вполнѣ условной буржуазной морали. Но теперь, когда творчество Ибсена вполнѣ опредѣлилось и закончилось, когда уже нельзя ожидать ни отъ какой его новой пьесы чего-либо, не намѣченнаго въ прежнихъ, это сравненіе уже нельзя считать чудовищнымъ. Ибсенъ неизмѣримо выше Дюма, но пути ихъ параллельны. У Дюма не было смѣлости, и онъ стремился къ мелкимъ реформамъ. Ибсенъ же не знаетъ преградъ, не боится разрушить общество своими коренными разоблаченіями, указывающими на гангрену и въ самыхъ отрадныхъ явленіяхъ, осуждающими на гибель даже наиболѣе высоко настроенныхъ людей, желающихъ, но безсильныхъ жить въ правдѣ. Разрушеніе его не страшитъ, хотя онъ самъ еще не видитъ, что̀ скрывается за тѣмъ поворотомъ, къ которому онъ пришелъ. Дѣло его преемниковъ—раскрыть свѣтлые горизонты для сознанія, и тѣмъ самымъ для жизни. Онъ совершилъ мрачное дѣло палача, не знающаго пощады. Это должно понять, и не искать въ его творчествѣ созидательнаго символизма. Онъ—реалистъ и разрушитель, необходимый для того, чтобы могло создаться вслѣдъ за нимъ, изъ глубины его пессимизма, новое, уже свѣтлое и радостное искусство съ обновленными источниками стихійныхъ настроеній.

Самыя интересныя страницы въ книгѣ Штейгера, относятся къ Гауптману. Изъ всѣхъ, писавшихъ о Гауптманѣ,—а ихъ много въ Германіи и за ея предѣлами,—Штейгеръ наиболѣе ярко опредѣляетъ новизну нѣмецкаго драматурга, то, что̀ дѣлаетъ его выразителемъ человѣка переходной поры, уже не связаннаго съ переживаніями прошлаго, какъ герои Ибсена, но еще не создавшаго твердыхъ основъ для болѣе свѣтлаго пониманія жизни и погибающаго на трудномъ

пути созиданія. Герои Гауптмана отмѣчены роковой печатью безсилія; они не умѣютъ воплотить въ себѣ обновленное пониманіе жизни, не умѣютъ отливать колоколовъ, которые „звучали бы на вершинахъ“. Ихъ душевныя страданія—иныя, чѣмъ у Ибсеновскихъ борцовъ противъ общества. Они борются не съ внѣшнимъ міромъ, не съ другими людьми, а сами съ собою. Центръ трагедіи перенесенъ у Гауптмана во внутренній міръ человѣка.

Штейгеръ приписываетъ большое значеніе первымъ натуралистическимъ драмамъ Гауптмана: „До восхода солнца“, „Праздникъ мира“ и „Одинокіе люди“. Въ нихъ создались формы новой драмы. По содержанію онѣ близки Ибсену. Законъ наслѣдственности и разложеніе общества, погибающаго отъ борьбы классовъ, составляетъ ихъ содержаніе. Эти три драмы—печальная эпопея людей переходной поры, мысли которыхъ принадлежатъ великому будущему, освобожденію человѣчества, между тѣмъ какъ чувства связаны еще съ мелкими радостями минуты, съ любовью къ привычному домашнему очагу, къ людямъ прошлаго, уже чуждымъ по духу. Но рисуя агонію крестьянства („До восхода солнца“) и буржуазіи („Праздникъ мира“), и противопоставляя имъ не героевъ будущаго, а лишь ихъ предвозвѣстниковъ въ лицѣ маленькихъ носителей большихъ идей (какъ, напримѣръ, ограниченный проповѣдникъ Лотъ въ первой драмѣ Гауптмана), нѣмецкій драматургъ создалъ новыя драматическія средства, способы болѣе полно воплотить трагедію человѣка, занятаго исканіемъ въ себѣ самомъ гармоніи съ жизнью.

Гауптманъ расширилъ область прекраснаго, включивъ въ нее многое, считавшееся прежде не-эстетичнымъ, т.-е. слишкомъ затрогивающимъ чувства для того, чтобы быть предметомъ чистаго созерцанія. Цѣли драмы отожествлялись долго съ цѣлями поэзіи вообще, назначеніе которой созидать и вызывать прекрасныя настроенія. Гауптманъ, какъ истинно драматическій талантъ, понимаетъ значеніе слова въ драмѣ болѣе широко. Лирика воспроизводитъ то, что̀ живетъ нѣмымъ въ душѣ человѣка, и потому языкъ становится для лирическаго поэта только орудіемъ. Драма же рисуетъ человѣка такимъ, какимъ онъ отражается въ своихъ словахъ, и языкъ для него не только средство, но и объектъ. Поэтому для драматурга имѣетъ значеніе все мгновенное въ словахъ, движеніяхъ, въ выраженіи лицъ, т.-е. все, въ чемъ проявляется внутренняя жизнь. Исходя изъ этого пониманія назначенія и средствъ драмы, Гауптманъ создалъ искусство „вѣчно-мгновеннаго“. На этомъ основаны его натуралистическіе пріемы, возсоздающіе не мертвенную неподвижность существующаго, а живое движеніе образующагося, созидающагося въ каждое живое мгновеніе. Онъ не приступаетъ съ готовымъ настроеніемъ къ дѣйствительности,

для того чтобы одолѣть ее, а ждетъ отъ мгновенія то, что̀ оно ему дастъ. Сцѣпленія случайнаго имѣютъ внутреннюю цѣлесообразность, сокрытую подъ кажущейся безцѣльностью. Когда художникъ это понялъ и перенесъ въ искусство всю непреднамѣренность мгновенныхъ явленій жизни,—тогда создалось новое искусство; оно требуетъ зоркости, провидѣнія всѣхъ микроскопическихъ подробностей словъ, звуковъ и движеній, въ мгновенномъ чередованіи которыхъ отражается вся правда внѣшняго и внутренняго міра. Въ драмѣ, такъ понимаемой, т.-е. въ драмѣ Гауптмана, наиболѣе полно отражается лихорадочная созидательность переходнаго времени. Герои Гауптмана говорятъ отрывисто и неполно, ихъ характеры выражаются посредствомъ быстраго накопленія мелкихъ, безконечно разнообразныхъ подробностей, совокупность которыхъ даетъ полноту жизни и обнажаетъ въ своей кажущейся случайности незыблемыя основы душевной жизни. Это искусство „вѣчно-случайнаго" отводитъ чрезвычайно важное мѣсто въ драмѣ исполнителямъ отдѣльныхъ лицъ, потому что на ряду со словами становятся чрезвычайно важными движенія, интонаціи. Чѣмъ болѣе драматургъ пользуется непосредственной правдой жизни для выраженія отвлеченныхъ цѣлей, тѣмъ бо̀льшія требованія ставитъ онъ актеру. Герои новой драмы не выражаютъ своихъ мыслей и чувствъ въ законченныхъ, готовыхъ, поэтически разукрашенныхъ рѣчахъ; изображая ихъ на сценѣ, актеръ уже не можетъ поэтому ограничиться простой декламаціей. Драматургъ старается только указать на то, что̀ происходитъ въ душѣ человѣка, и поэтому нѣмой языкъ жестовъ долженъ восполнять его задачу. Въ драмахъ Гауптмана множество чисто мимическихъ сценъ; такимъ образомъ, создавая новый видъ драмы, онъ вызвалъ къ жизни новый родъ актерскаго искусства. Включивъ въ свое творчество всю прелесть случайнаго и несвязнаго, т.-е. всю прелесть непосредственной жизни, Гауптманъ создалъ форму новой драмы. Содержаніе же ея заключается въ изображеніи душевнаго міра человѣка переходной поры, живущаго не дѣйствіями, а настроеніями, вызванными непримиримой борьбой между волей и чувствомъ, волей, направленной на будущее, и чувствомъ, связаннымъ—не съ прошлымъ, какъ у Ибсена, а съ настоящимъ.

Разбирая въ подробностяхъ отдѣльныя драмы Гауптмана, Штейгеръ видитъ, что большинство героевъ его—люди настроеній и борьбы, еще не пришедшіе къ высшему единенію сознанія и чувства; они осуждены на погибель, какъ герои „Одинокихъ людей" и „Потонувшаго колокола". Но есть у Гауптмана и свѣтлыя драмы будущаго, есть „Ганнеле", гдѣ звучитъ побѣда надъ тѣмъ, что̀ люди называютъ смертью, и надъ тѣмъ, что̀ они называютъ горемъ и несчастіемъ

жизни. Авторъ „Ганнеле“ уже не смотритъ назадъ, какъ Ибсенъ, а идетъ впередъ по пути къ свѣтлому будущему.

II.

Paul et Victor Margueritte. Femmes nouvelles. Paris. Стр. 349.

„Новыя женщины“—таково заглавіе романа Виктора и Поля Маргеритъ, которые въ своихъ предыдущихъ повѣстяхъ и романахъ давали интересные психологическіе очерки современной французской жизни. Идея романа и на этотъ разъ заслуживаетъ вниманія. Во французской беллетристикѣ женщина большей частью разсматривается со стороны ея любовныхъ авантюръ и измѣнъ семейному очагу. „Femmes Nouvelles“ составляетъ до нѣкоторой степени уклоненіе отъ общаго типа. Авторы предполагаютъ, что они открыли во французской дѣйствительности типы, которые не подходятъ подъ установившіеся шаблоны. Они хотятъ противопоставить пошлой mondaine романовъ Бурже́ женщину съ болѣе серьезными взглядами, стремящуюся принять активное участіе въ общемъ ходѣ жизни, пріобщиться къ духовнымъ интересамъ и—главное—перестать быть игрушкой или жертвой мужчинъ, а отвоевать себѣ права на самостоятельность. Таковы добрыя и благородныя намѣренія авторовъ. Но, приводя ихъ въ исполненіе, они обнаруживаютъ странную отсталость Франціи въ такъ называемомъ „женскомъ вопросѣ“, который давно уже въ сущности перестал быть вопросомъ въ другихъ странахъ. Женщинамъ еще приходится повсюду бороться съ законами, тормозящими свободное примѣненіе ихъ силъ на разныхъ поприщахъ, бороться противъ эксплоатаціи женскаго труда, противъ всего, что̀ мѣшаетъ имъ свободно участвовать въ общей гражданской жизни. Этой борьбой—не противъ людей, а противъ учрежденій—вызвано усилившееся въ послѣдніе годы во всей Европѣ „феминистское“ движеніе. Но оно составляетъ только часть другихъ соціальныхъ движеній нашего времени, и только доказываетъ своимъ существованіемъ и развитіемъ, что въ нравственномъ и принципіальномъ отношеніи вопросъ уже давно рѣшенъ. Никому въ Европѣ не приходится оправдывать женщинъ, живущихъ самостоятельнымъ трудомъ. Нигдѣ общественное мнѣніе не требуетъ отъ женщины, чтобы она непремѣнно была оранжерейнымъ цвѣткомъ и вела паразитное существованіе, направленное на то, чтобы нравиться и покорять сердца мужчинъ. Но оказывается, что во Франціи, столь передовой во всѣхъ отношеніяхъ, до сихъ поръ держится именно такой взглядъ на женщину. Говорить о пра-

вахъ женщины на самостоятельность и на участіе ея въ общей духовной жизни все еще считается тамъ большой смѣлостью. Приходится доказывать совершенно азбучныя истины—и такой проповѣдью старыхъ аксіомъ является и романъ братьевъ Маргеритъ. Длинныя разсужденія и филиппики героини романа производятъ странное впечатлѣніе. Все время кажется, что авторы ломятся въ открытую дверь. Ихъ новыя женщины—устарѣлыя клише, напоминающія, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, героинь русской литературы 60-хъ годовъ.

Но именно эта отсталость взглядовъ составляетъ интересъ—чисто бытовой, конечно,—романа братьевъ Маргеритъ. Дѣйствіе происходитъ въ современной Франціи; различные типы французскаго общества изображены довольно живо; богатая буржуазія, владѣльцы фабрикъ и праздная свѣтская молодежь, эксплоатація и нужда рабочихъ—все это обрисовано съ искреннимъ негодованіемъ. А тотъ фактъ, что въ этой средѣ женщина, въ которой проснулось сознаніе собственнаго достоинства, является какимъ-то исключительнымъ явленіемъ—любопытенъ какъ иллюстрація нравовъ. Героиня романа не убѣждаетъ читателя своими пламенными рѣчами—просто потому, что не въ чемъ убѣждать; но ея мысли и чувства, также какъ и ея отношенія къ окружающимъ, интересны для характеристики современной французской жизни. Интересъ этотъ не входитъ, въ сущности, въ намѣренія авторовъ. Они хотятъ возбудить сочувствіе къ своей передовой героинѣ, защищаютъ ее, не подозрѣвая, что самая эта защита—любопытная страничка нравовъ. Къ тому же авторы считаютъ основную мысль романа—защиту правъ женщины на самостоятельность—настолько новой и смѣлой, что позволяютъ себѣ пользоваться не-художественными и фальшивыми пріемами тенденціозныхъ романистовъ. Дѣйствующія лица романа рѣзко распадаются на двѣ группы. Съ одной стороны—женщины: всѣ онѣ или возвышенны, какъ сама героиня и ея пріятельницы—дѣятельница по женскому вопросу и женщина-врачъ одного изъ парижскихъ госпиталей, или же представляютъ изъ себя несчастныхъ жертвъ мужского эгоизма. Таковы кроткая жена безсовѣстнаго мелкаго афериста, жена пьяницы-рабочаго и другія; къ числу жертвъ принадлежитъ также легкомысленная молодая свѣтская женщина, которая хотя и обманываетъ мужа, но все-таки должна вызывать симпатіи, какъ жертва своего воспитанія и жертва того же мужа, въ свою очередь измѣнившаго ей. Другая группа—мужчины. Всѣ они—отъявленные негодяи. Одинъ соблазняетъ жену своего пріятеля; другой гонится за приданымъ, въ то время какъ брошенная имъ женщина съ ребенкомъ погибаютъ въ нищетѣ; третій—пошлый интриганъ. Въ болѣе симпатичной автору рабочей средѣ мужья тоже эксплоатируютъ женъ, всѣ поголовно пьяницы и

лѣнтяи. Во всей этой милой компаніи есть только одно исключеніе. Такъ какъ симпатичной героинѣ романа нуженъ достойный ея мужъ —при всей своей эмансипаціи она считаетъ замужество и семью главнымъ назначеніемъ женщины,—то въ романѣ появляется честный и благородный инженеръ, за котораго героиня, разочарованная въ мужчинахъ „вообще", рѣшается выйти замужъ. Казалось бы, что столь одностороннее освѣщеніе вопроса, состоящее изъ идеализаціи однѣхъ и очерненія другихъ—самый плохой способъ защиты. Очень легко съ тѣмъ же успѣхомъ доказать совершенно противоположное, выбравъ нѣсколько непривлекательныхъ женскихъ типовъ (а вѣдь нельзя же отрицать, что таковыя встрѣчаются), и выставить нѣсколько идеальныхъ мужчинъ, чтобы картина оказалась совершенно иной. Но авторы не отдаютъ себѣ отчета въ условности своихъ пріемовъ и съ большимъ воодушевленіемъ ломаютъ копья за „новую женщину". На самомъ дѣлѣ женщина эта,—въ томъ видѣ, въ какомъ она изображена въ романѣ,—уже весьма почтеннаго возраста.

Братьямъ Маргеритъ кажется настолько мало вѣроятнымъ, чтобы болѣе или менѣе самостоятельно разсуждающая и дѣйствующая женщина появилась во Франціи, что героиню свою, Елену Дюга́, они отправили воспитываться въ Англію. Романъ начинается съ возвращенія Елены домой, во Францію, послѣ долгаго пребыванія въ домѣ ея тетки въ Брайтонѣ. Тетка ея вышла замужъ за англичанина, и въ ея домѣ Елена пріобрѣла болѣе свободные взгляды на женщину: тамъ же научилась интересоваться рабочимъ вопросомъ. Въ домѣ тетки она познакомилась съ Миной Геркардъ, энергичной, уже очень немолодой общественной дѣятельницей, которая занялась ея развитіемъ. Сама Мина, хотя и француженка, но дочь исключительно либеральнаго человѣка, и съ молодости преодолѣла всѣ предразсудки, слѣдуя влеченіямъ своего ума и таланта. У Елены—самые широкіе планы. Ей исполнился 21 годъ: она можетъ самостоятельно управлять своимъ состояніемъ и употребить его на пользу рабочаго класса. Дома ее ожидаетъ борьба, родители возмущены ея рѣшеніемъ отказаться отъ ренты въ пользу рабочихъ. Но въ концѣ концовъ все устроивается. Родители очень любятъ дочь и мирятся съ ея безуміемъ, которое къ тому же весьма невинно; Елена продолжаетъ жить въ домѣ родителей и только помогаетъ рабочимъ, служащимъ на фабрикѣ ея дяди, а также ведетъ смѣлые разговоры, возмущается эксплоатаціей рабочихъ, защищаетъ права женщинъ и т. д. Страсть къ проповѣдничеству у нея большая. Когда она узнаетъ, что братъ ея соблазнилъ свою замужнюю кузину, она читаетъ ему длиннѣйшія нотаціи чрезвычайно наивнаго свойства—странно даже, что онъ все это спокойно выслушиваетъ. Но, конечно, передовая героиня должна проявить свои права на незави-

симость не только бесѣдой за чайнымъ столомъ и нотаціями легкомысленному брату. Она и проявляетъ свою энергію—въ томъ, что не хочетъ выйти замужъ необдуманно, а рѣшаетъ выбрать себѣ мужа, который ей будетъ близокъ по духу. Казалось бы, что для столь простого дѣла излишни громкія фразы объ эмансипаціи. Но очевидно, что для средней француженки и это—величайшій подвигъ. Не легко онъ достается Еленѣ. Она сначала симпатизируетъ молодому виконту, который добивается ея руки, но хочетъ провѣрить свои чувства и ближе познакомиться съ любезнымъ и симпатичнымъ свѣтскимъ юношей. Оказывается, что виконтъ обманываетъ ее и такой же coureur de dot, какъ другіе. Анонимное письмо предупреждаетъ Елену о связи виконта съ бѣдной дѣвушкой и, провѣривъ доносъ, Елена убѣждается въ справедливости всего сообщеннаго. Она тогда энергично выпроваживаетъ виконта и беретъ на себя заботу о брошенной женщинѣ и ея ребенкѣ. Столь же непривлекательнымъ оказывается второй претендентъ—свѣтскій художникъ, про котораго она узнаетъ самыя неблаговидныя вещи. Бѣдная Елена отчаявается. Она выше своей среды и видитъ вокругъ себя только ложь и грязь. Положеніе ея было бы безвыходнымъ, еслибы авторы не сжалились надъ ней и не послали ей идеальнаго Ардена, за котораго она спокойно можетъ выйти замужъ, такъ какъ авторы позаботились о томъ, чтобы все было въ немъ безукоризненно.

Такова исторія эмансипированной женщины въ изложеніи братьевъ Маргеритъ. Исторія эта разнообразится картинками нравовъ, сценами въ домѣ владѣльца фабрики, гдѣ обсуждаются съ эксплуататорской точки зрѣнія стачки рабочихъ, а также описаніемъ различныхъ эпизодовъ свѣтской жизни, вечеровъ, пикниковъ, выставокъ картинъ и т. д. Очень удачны сатирическое изображеніе феминистическихъ собраній и нѣсколько смѣшныхъ типовъ передовыхъ женщинъ, истинныхъ буржуазокъ внѣ собраній, гдѣ имъ нравится говорить звучныя фразы. Отступая отъ своей принципіальной идеализаціи женщинъ, авторы очень удачно отмѣчаютъ смѣшныя стороны разныхъ клубистокъ и писательницъ по женскому вопросу. Комиченъ, напр., мужъ президентши, котораго она, очевидно изъ презрѣнія къ мужчинамъ, заставляетъ исполнять всякаго рода мелкія порученія.

Бытъ рабочихъ обрисованъ въ романѣ очень мрачными красками, по обычному клише натуралистическихъ романовъ—съ подавляющимъ количествомъ блѣдныхъ, изможденныхъ лицъ, умирающихъ молодыхъ страдалицъ и озлобленныхъ старухъ. Больничныя сцены—Елена въ своемъ стремленіи помогать народу часто посѣщаетъ въ больницахъ своихъ protégés—сентиментальны.

Типъ новой женщины, какъ мы видимъ, не удался братьямъ Мар-

герить,—если считать, конечно, что дѣвушка, осторожная въ выборѣ жениха, тѣмъ самымъ совершаетъ подвигъ, доказывающій ея духовную силу. А тѣ женщины, въ которыхъ Елена видитъ свой идеалъ,—агитаторша Минна и молодая женщина-врачъ—ничего самобытнаго не представляютъ собой. А въ настоящее время, когда во всѣхъ университетскихъ городахъ Европы цѣлый рядъ женщинъ получаютъ дипломы докторовъ всевозможныхъ наукъ, смѣшно считать каждую изъ нихъ героинею, потрясающею основы. Нужно сознаться, впрочемъ, что даже и во Франціи та постановка женскаго вопроса, какая сдѣлана въ романѣ Маргеритъ, является уже нѣсколько устарѣлой. Во Франціи женщина съ профессіональнымъ образованіемъ перестала быть чѣмъ-то диковиннымъ и не нуждается въ чрезмѣрной идеализаціи для того, чтобы быть признанной равноправнымъ членомъ общества. Возникаютъ, конечно, новые женскіе типы. такъ какъ жизнь идетъ впередъ, но черты этой новизны ускользнули отъ авторовъ „Femmes nouvelles". То, что̀ они назвали этимъ именемъ, является лишь запоздалымъ описаніемъ первыхъ шаговъ современной женщины въ борьбѣ противъ враждебныхъ ей элементовъ. Въ романѣ много говорится также о несправедливости французскихъ законовъ, которые дѣлаютъ женщину безправнымъ существомъ, подчиненнымъ произволу мужскихъ членовъ семьи. Законъ во всѣхъ случаяхъ жизни—на сторонѣ мужчины. Въ романѣ приводится, напримѣръ, очевидно, забытый на практикѣ, но существующій въ Code Civil законъ, по которому измѣнившая мужу жена подвергается тюремному заключенію. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, ничтожный мстительный спортсменъ, хочетъ воспользоваться этимъ своимъ правомъ и проучить свою легкомысленную жену. Бѣдная женщина избѣгаетъ позора только благодаря тому, что услужливые люди помогаютъ ей изловить ея строгаго супруга на такомъ же нарушеніи брачнаго обѣта, въ какомъ онъ обвиняетъ ее. Тогда всѣ успокоиваются; достойная парочка примиряется и отправляется вмѣстѣ на модный курортъ. Весь этотъ инцидентъ изображенъ очевидно съ тѣмъ, чтобы показать на примѣрѣ крайнюю несправедливость французскаго законодательства. Въ этомъ, какъ и въ другихъ нападкахъ на французскіе законы, братья Маргеритъ очевидно правы,—но протесты ихъ не имѣютъ отношенія къ типу новой женщины, которая очевидно еще ждетъ историка и психолога, который съумѣетъ безпристрастно и вѣрно понять ее.—З. В.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г. Въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Европы“ за текущій годъ помѣщена статья: „Колонизація Кавказа“, въ которой сообщаются о дѣятельности „Закавказскаго Общества вспомоществованія русскимъ переселенцамъ“ совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Комитетъ названнаго Общества надѣется, что вы предоставите свои столбцы для возстановленія истины.

Первое, что̀ бросается въ глаза въ указанной статьѣ,—это обвиненіе „Закавказскаго Общества вспомоществованія русскимъ переселенцамъ“ въ расовой нетерпимости и въ такой національной исключительности, которую авторъ именуетъ „патріотизмомъ въ кавычкахъ“. Поводомъ къ такому обвиненію является то, что Общество, какъ по наименованію, такъ и по задачамъ своимъ, посвящено оказанію помощи спеціально русскимъ переселенцамъ. Эта задача вытекаетъ изъ правительственнаго распоряженія, въ силу котораго всѣ дѣйствительно свободныя, т.-е. ненужныя коренному крестьянскому населенію казенныя земли подлежатъ отводу въ надѣлъ крестьянамъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Если Общество поставило себѣ задачею помогать именно русскимъ крестьянамъ, переселяющимся въ Закавказье, а не выходцамъ изъ Турціи, то, во-первыхъ, къ этому есть серьезныя побудительныя причины бытового свойства. У мѣстныхъ уроженцевъ-простолюдиновъ и, особенно, у пришлыхъ турецкихъ армянъ есть свои природные соплеменные покровители; нѣтъ ни одной маломальски крупной народности, которая бы здѣсь была лишена общественной помощи со стороны своихъ сородичей; здѣсь имѣются благотворительныя общества: армянское, римско-католическое, лютеранское, еврейское и т. д., которымъ русскіе люди не считаютъ нужнымъ ставить въ вину какой-либо исключительности и при случаѣ оказываютъ даже посильную помощь; только русскіе простолюдины, ищущіе здѣсь заработка или земли, доселѣ были лишены спеціальнаго общественнаго попеченія, хотя необходимость въ немъ ощущается весьма наглядно: мѣста̀, языкъ, климатическія и экономическія условія, все это незнакомо, все грозитъ тяжелыми испытаніями и никому ненужными страданіями для пришлаго народа. Во-вторыхъ, помимо общечеловѣческаго, гуманнаго побужденія къ оказанію помощи людямъ наиболѣе въ ней нуждающимся, основаніемъ для организаціи такого дѣла служитъ и сама исторія: здѣсь каждая пядь земли полита русскою кровью и врядъ ли можно назвать „патріотизмомъ въ кавычкахъ“ по-

сильное содѣйствіе къ тому, чтобы на завоеванныхъ мѣстахъ выносили наименѣе невзгодъ именно тѣ, кому по праву принадлежатъ плоды героическихъ трудовъ и побѣдъ.

Статья г. Ивановича даетъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія и о самой организаціи помощи русскимъ переселенцамъ. Во-первыхъ, авторъ приписываетъ Обществу задачи, не предусмотрѣнныя его уставомъ и совершенно выходящія за предѣлы компетенціи учрежденія исключительно благотворительнаго. Вопросы объ отысканіи и выборѣ свободныхъ мѣстъ для водворенія русскихъ переселенцевъ, о своевременности поселенія тѣхъ или иныхъ партій и т. п., въ силу административнаго характера своего могутъ разрѣшаться и разрѣшаются лишь правительственною властью; „Общество вспомоществованія переселенцамъ“ столь же мало отвѣтственно за эти мѣры, сколь и за газетныя статьи, въ которыхъ высказывались тѣ или иные взгляды на данное дѣло. Задача Общества опредѣленно намѣчается слѣдующими двумя первыми параграфами его устава:

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью, въ предѣлахъ предоставленныхъ ему правъ, содѣйствовать правительству въ его заботахъ о русскихъ переселенцахъ и крестьянахъ, прибывающихъ въ Закавказье для временныхъ заработковъ.

§ 2. Для достиженія этой цѣли, Обществу предоставляется:

а) въ пунктахъ, гдѣ при передвиженіи означенныя въ § 1 лица будутъ имѣть временную остановку,—устраивать для нихъ, съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора и съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ по сему предмету правилъ, помѣщенія, столовыя и организовать медицинскую помощь;

б) выдавать нуждающимся изъ этихъ лицъ, какъ въ названныхъ пунктахъ, такъ и въ мѣстахъ водворенія, пособія и ссуды деньгами и вещами;

в) входить въ сношеніе съ другими помогающими переселенцамъ обществами и лицами, причемъ, въ случаѣ надобности, оказывать имъ въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, и

г) способствовать сооруженію храмовъ, часовенъ и школъ въ основываемыхъ поселкахъ.

Дѣятельность Общества и сообразуется съ приведенными параграфами. Главною его заботой является предоставленіе пріюта приходящимъ въ Тифлисъ переселенцамъ и рабочимъ. Съ этою цѣлью былъ сперва нанятъ, а потомъ полученъ въ безмездное пользованіе помѣстительный домъ, ремонтъ и содержаніе котораго, по настоящее время, обошлись Обществу въ слишкомъ 1.200 р. По почину члена Общества, г-жи Муретовой, и на собранныя ею средства въ означенномъ домѣ была открыта безплатная переселенческая столовая, съ основанія которой

до половины марта 1900 г. было отпущено около 15 т. обѣдовъ, причемъ постный обѣдъ обходился около 9, а скоромный около 11 к. на человѣка. На медицинскую помощь какъ въ самомъ переселенческомъ пунктѣ, такъ и въ разныхъ мѣстностяхъ края за указанный періодъ затрачено около 250 р., а на денежныя пособія при передвиженіи переселенцевъ и рабочихъ—около 900 р.; кромѣ того, болѣе 800 руб. выдано разнымъ переселенцамъ, уже водворившимся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края, не считая поселившихся въ Караязской степи, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

На основаніи § 1, Общество сочло себя обязаннымъ оказать посильное содѣйствіе правительству выясненіемъ на практикѣ весьма существеннаго вопроса объ акклиматизаціи переселенцевъ на мѣстахъ, считающихся малярійными и составляющихъ значительную часть восточнаго Закавказья. Тифлисское медицинское общество, за послѣднія нѣсколько лѣтъ, сравнительно меньше, чѣмъ прежде, удѣляло вниманія маляріи и почти не касалось ея вліянія на колонизацію края; между тѣмъ, на-ряду съ извѣстными въ краѣ фактами пагубнаго дѣйствія маляріи, не менѣе извѣстно и то, что нѣкоторыя селенія (преимущественно сектантскія), возникшія въ малярійныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ ленкоранскомъ уѣздѣ, физически и экомически процвѣтаютъ. Всѣмъ извѣстно, что акклиматизація нигдѣ и никогда не дается даромъ и что при всякомъ переселеніи жертвы неизбѣжны. Болѣли и умирали нѣмцы-колонисты въ губерніяхъ тифлисской и елисаветпольской, а теперь благоденствуютъ, причемъ расовый типъ нѣсколько измѣнился, приспособившись къ мѣстнымъ условіямъ; болѣютъ первое время почти всѣ, поселяющіеся въ Тифлисѣ, въ мѣстѣ сравнительно здоровомъ, а потомъ привыкаютъ; еще весьма недавно Сухумъ считался мѣстомъ весьма нездоровымъ, а теперь, съ развитіемъ культуры, все болѣе завоевываетъ репутацію климатической станціи. Съ неизбѣжностью жертвъ въ такомъ громадномъ государственномъ дѣлѣ, какъ колонизація, приходится мириться, и лишь необходимо довести ихъ число до минимума, а для этого усовершенствовать способы борьбы съ неблагопріятными условіями. А что побѣдоносная борьба возможна, тому служатъ порукою не только приведенные факты, но и та самая статья доктора О. И. Пантюхова („Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа"), основной идеѣ которой явно противорѣчатъ произвольные выводы г. Ивановича. „Общество вспомоществованія переселенцамъ" отнеслось къ вопросу о маляріи съ особенной серьезностью и задалось цѣлью произвести возможно болѣе чистый опытъ именно для того, чтобы предвидимое водвореніе русскихъ переселенцевъ на малярійныхъ мѣстахъ обошлось народному здоровью возможно дешевле.

Внѣшнія обстоятельства, кстати, сложились благопріятно для этого дѣла.

Къ зимѣ 1898 г. тифлисская администрація, закончивъ важные для скотоводства опыты по прививкѣ чумы на рогатомъ скотѣ, дала около 90 головъ иммунизированнаго скота, подъ условіемъ двухлѣтняго наблюденія надъ нимъ комитету Общества, въ виду ожидавшагося прилива переселенцевъ. Для пастьбы этого скота нанята была земля на Караязской орошаемой степи и охрана скота была ввѣрена пяти переселенческимъ семьямъ, проживавшимъ въ Тифлисѣ въ ожиданіи отвода имъ земли. Комитетъ близко ознакомился съ мѣстными условіями. Оказалось, что на бугрѣ Кара-Тапа, въ караязскомъ имѣніи, болѣе 20 лѣтъ живутъ айсоры, не погибая отъ маляріи; многіе землевладѣльцы обитаютъ съ рабочими въ усадьбахъ; наконецъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ устроило тамъ хуторъ и опытное поле съ большимъ составомъ служащихъ; всѣ эти обыватели заявляютъ и доказываютъ личнымъ примѣромъ, что разсказы о необычайной малярійности этого мѣста преувеличены чрезмѣрно, а можетъ быть, даже и умышленно. Семьи, охранявшія скотъ, облюбовали мѣсто и совершенно сознательно пожелали тамъ поселиться: г. Ивановичъ неправъ, относясь къ этимъ словамъ иронически; столь же невѣрно и указаніе его на то, что караязскихъ переселенцевъ водворили на самой степи: имъ отвели подворные участки на бугрѣ Кара-Тапа, находящемся въ болѣе благопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ. Въ ту пору, когда создавался караязскій поселокъ, въ тифлисскомъ переселенческомъ пріютѣ было еще нѣсколько семействъ, совершенно обнищавшихъ и мечтавшихъ о томъ, чтобы осѣсть гдѣ бы то ни было; комитетъ Общества не счелъ себя, однако, вправѣ поселить ихъ въ указанномъ мѣстѣ, такъ какъ эти семьи недостаточно испытали на себѣ малярію, и не былъ убѣжденъ въ успѣшномъ исходѣ борьбы съ нею. Эти семьи оставались въ пріютѣ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ устройства караязской опытной колоніи, въ ожиданіи поселенія или отъѣзда въ другія мѣста. Стало-быть, обвиненіе Общества въ недостаточной осторожности—или неискренно, или, во всякомъ случаѣ, неосновательно.

Караязская степь при несомнѣнныхъ климатическихъ неудобствахъ обладаетъ исключительными благопріятными условіями для будущаго русскаго поселенія, такъ какъ снабжена ирригаціонною системою, обусловливающею высокія сельско-хозяйственныя культуры, а наличность опытнаго поля министерства земледѣлія и близость (около 30 верстъ) отъ Тифлиса, даютъ возможность разсчитывать на быстрое усвоеніе наилучшихъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ и на выгодный сбытъ продуктовъ; стало быть, весь вопросъ именно въ акклиматизаціи.

Общество поселило на Кара-Тапѣ сперва пять семействъ, которыми, ко времени сооруженія поселка, было вызвано еще два.

Комитетъ заарендовалъ на одномъ изъ оросительныхъ каналовъ необходимое количество земли и построилъ семь домовъ примѣнительно къ мѣстному климату; въ нужное время,—т.-е. во время построекъ и до полученія урожая, а затѣмъ послѣ потребленія скудныхъ въ прошломъ году плодовъ его,—комитетъ выдавалъ указаннымъ семьямъ кормовыя деньги (около 600 руб.); постройки, инвентарь, содержаніе иммунизированнаго скота, арендная плата, расходы на обсѣмененіе, медицинская помощь и церковныя нужды съ конца 1898 г. по настоящее время превысили 2.500 руб.; Общество не щадило средствъ и усилій, чтобы выяснить коренной вопросъ: могутъ ли русскіе переселенцы, при сравнительно благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ и надлежащемъ медицинскомъ наблюденіи, прочно устроиться въ мѣстностяхъ, считаемыхъ малярійными, и обработывать поливныя земли.

Приводимыя г. Ивановичемъ свѣдѣнія о состояніи здоровья караязскихъ переселенцевъ съ основанія поселка по сентябрь 1899 г., извлеченныя изъ отчета Общества, говорятъ именно въ пользу успѣшности опыта. Сыпной тифъ, на который ссылается авторъ, появился весной перваго года, когда дома еще не были отстроены и переселенческія семьи ютились въ наемномъ ветхомъ помѣщеніи; заключенія врачей относительно самой болѣзни расходились: это были три случая заболѣванія сомнительно-тифознаго характера и притомъ настолько краткихъ, что больные черезъ недѣлю уже могли работать. Не говоря о такихъ острыхъ случаяхъ, которые слѣдующей весной не повторялись, уровень здоровья переселенцевъ вообще повысился послѣ вырытія близъ ихъ усадебъ колодца, дающаго здоровую питьевую воду. Весьма драгоцѣнно полное отсутствіе смертности среди этихъ переселенцевъ, на-ряду съ подавляющимъ процентомъ смертности въ менѣе малярійной, чѣмъ Караязы, мѣстности Джанъ-ятагъ, или на р. Тертеръ, гдѣ водвореніе переселенцевъ и съ самаго начала непосредственная забота о нихъ состоялись помимо всякаго участія Общества. Семьи, водворенныя на Кара-Тапѣ, не вызвали бы туда своихъ собратьевъ, и послѣдніе не остались бы тамъ послѣ ихъ ухода, еслибы условія жизни были слишкомъ тяжелы. Уходъ упомянутыхъ пяти семействъ состоялся по двумъ весьма понятнымъ причинамъ: во-первыхъ, поселенцы сидѣли въ Караязахъ на арендованной землѣ, а на черноморскомъ побережьѣ, близъ экономически развивающагося Сочи, они получили участки въ надѣлъ; во-вторыхъ, самая мѣстность близъ моря, конечно, привлекательнѣе, чѣмъ Караязская степь. На мѣсто выбывшихъ, въ ту же осень водворены новыя семьи, благополучно, безъ всякаго тифа и безъ особеннаго страданія маляріей. про-

ведшіе зиму 1899—1900 гг., а потому отнюдь не заслуживающія названія „несчастныхъ". Второй годъ существованія караязскаго поселка, такимъ образомъ, еще нагляднѣе подтверждаетъ правильность взгляда „Общества вспомоществованія переселенцамъ" на значеніе предохранительныхъ мѣръ въ дѣлѣ акклиматизаціи и доказываетъ, что при удовлетворительной жизненной обстановкѣ малярійныя мѣста въ Закавказьѣ отнюдь не недоступны для русскаго заселенія. Что Общество относится къ этому вопросу весьма осторожно, тому служатъ порукой самые факты, приводимые г. Ивановичемъ, но лишь группируемые и освѣщаемые имъ ужъ очень невѣрно. Напримѣръ, статья: „Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа", которую г. Ивановичъ цитируетъ по перепечаткѣ „Кавказскаго календаря", принадлежитъ перу д-ра Пантюхова, состоящаго членомъ комитета, т.-е. однимъ изъ руководителей Общества, и была напечатана въ газетѣ „Кавказъ", редактировавшейся въ ту пору г. Величко, другимъ членомъ того же комитета, и проявившей вообще завѣдомое сочувствіе къ задачамъ Общества; во-вторыхъ, членъ Общества г. Богословскій, на котораго ссылается г. Ивановичъ, какъ на представителя скептическаго взгляда относительно жизнеспособности караязскаго поселка, нынѣ состоитъ членомъ того же комитета и заботится, въ числѣ другихъ, о выполненіи задачъ, несимпатичныхъ автору статьи. На общемъ собраніи, при обсужденіи вопроса о колонизаціи Караязъ, тотъ же г. Богословскій указывалъ именно на желательность заселенія этой степи, въ виду исключительно благопріятныхъ экономическихъ условій; его возраженіе противъ открытія въ поселкѣ школы касалось лишь финансовой стороны дѣла, весьма существенной для небогатаго еще Общества.

Указанные примѣры лишь краснорѣчиво свидѣтельствуютъ именно объ осмотрительности Общества въ его дѣятельности и, во всякомъ случаѣ, о неосновательности обвиненій его въ бюрократизмѣ. Несправедливость такого обвиненія еще нагляднѣе доказывается невѣрною ссылкою на указанную выше неудачу колонизаціи Тертера Джанъятага; авторъ статьи не могъ не знать, что поселенцы водворены тамъ безъ участія Общества, которому пришлось лишь впослѣдствіи оказать пострадавшимъ матеріальную помощь и отмѣтить оффиціально констатированную неудачу; причины ея отчасти выясняются караязскимъ опытомъ, и потому подтверждаютъ его цѣлесообразность. Если бы „Общество вспомоществованія русскимъ переселенцамъ" было богаче матеріально и насчитывало больше членовъ, обладающихъ досугомъ, то оно, конечно, могло бы своевременно создать лучшія условія и для упомянутыхъ пострадавшихъ поселенцевъ; но это дѣло новое, а средствъ мало; русская интеллигенція принадлежитъ къ служилому классу и вообще, въ силу совокупности мѣстныхъ условій, сфера дѣя-

тельности Общества далеко еще не достигла желательныхъ предѣловъ. Расширеніе же этой сферы, конечно, достигается отнюдь не при помощи невѣрнаго освѣщенія фактовъ, или распространенія завѣдомо неточныхъ извѣстій о дѣятельности Общества, которому приписывается и затѣмъ немедленно вмѣняется въ вину многое, что̀ не относится къ его благотворительной компетенціи, какъ это наглядно видно изъ устава. Само собою разумѣется, что Общество при этомъ не можетъ не вдохновляться той государственной идеей, которой оно призвано служить въ опредѣленной уставомъ сферѣ. Оно не можетъ не сочувствовать заселенію свободныхъ мѣстъ Закавказья мирнымъ, трудолюбивымъ и прогрессивнымъ русскимъ элементомъ, усматривая въ этомъ государственномъ мѣропріятіи серьезный факторъ замиренія края, экономическаго развитія его и подъема благосостоянія самого коренного населенія. На Кавказѣ ни для кого не тайна, что сектантскія селенія въ разныхъ мѣстностяхъ края имѣли на полукочевыхъ туземцевъ благотворнѣйшее вліяніе въ отношеніи облагораживанія нравовъ и улучшенія экономическихъ условій. Въ далекихъ захолустьяхъ, на самой границѣ Персіи, появилась лучшая утварь, удобныя телѣги стали замѣнять первобытную арбу, распространеніе государственнаго языка открыло инородцамъ болѣе широкій доступъ къ отстаиванію ихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ передъ разными учрежденіями и лицами.

Служа русской національной задачѣ, „Общество вспомоществованія переселенцамъ“ чуждо племенной исключительности; напримѣръ, школа, которая строится теперь въ Караязахъ, предназначается не только для русскихъ, но и для туземныхъ дѣтей; помогая водворенію переселенцевъ всѣми способами, Общество внушаетъ имъ неуклонно стремиться къ установленію доброжелательныхъ сосѣдскихъ отношеній съ кореннымъ населеніемъ. Изъ всего изложеннаго, надо полагать, явствуетъ, что мирное служеніе народившагося русскаго Общества въ краѣ народнымъ нуждамъ заслуживаетъ не нареканія, а нравственной поддержки со стороны искренней и освѣдомленной печати.

Предсѣдатель комитета „Закавказскаго Общества вспомоществованія русскимъ переселенцамъ“

В. Бутыркинъ.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

(Письмо въ Редакцію.)

Въ майской книгѣ „Вѣстн. Европы", въ статьѣ „Очерки изъ далекаго прошлаго" (стр. 174), Ам. Сам. Ренкуль названъ побочнымъ сыномъ герцога Лукнера. Эти строки написаны ошибочно, не имѣя на то достаточно данныхъ.

Авторъ „Очерковъ" введенъ былъ въ ошибку современниками и знакомыми г. Ренкуля. Но, въ свою очередь, и современники были введены въ заблужденіе сочиненіемъ Barbier (L.): „Les hommes du XVIII siècle et du règne de Louis XVI. (Esquisse d'une analogie de l'homme et de l'humanité)". Paris, 1849. Въ этомъ подробномъ сочиненіи сказано, что Duc Luckner состоялъ на прусской службѣ, но, по сочувствію къ революціоннымъ идеямъ, перешелъ во французскую армію и командовалъ Сѣвернымъ отрядомъ. Въ 1792 г. взялъ Мененъ и Куртрэ, за что, по представленію законодательнаго собранія, получилъ отъ Лудовика XVI маршальскій жезлъ. Однако, малочисленность его арміи заставила его отступить передъ пруссаками, и онъ очистилъ Нидерланды. Хотя онъ и оправдался передъ конвентомъ и освободился отъ суда, но во время террора вновь былъ судимъ и приговоренъ къ гильотинѣ, какъ соучастникъ шайки, открывшей дорогу во Францію для войскъ враговъ. Отъ смерти онъ избавился тѣмъ, что ему удалось эмигрировать въ Россію. Интриги при дворѣ императрицы Екатерины II скоро заставили его переѣхать въ Саксонію, гдѣ онъ и жилъ частнымъ человѣкомъ. Барбье свою статью заканчиваетъ полемикой съ кѣмъ-то, что Лукнеръ не былъ обезглавленъ (décapité), и что его побочное дитя (enfant naturel) получило фамилію Ренкуль (Luckner, читая наоборотъ—Renkcul).

Надо полагать, что изъ эскиза Барбье почерпнуты свѣдѣнія о Лукнерѣ въ „Classique Universel" Benard'a, гдѣ считаютъ Лукнера обезглавленнымъ.—„Энциклопедическій Словарь" Брокгауза и Ефрона свои строки о Лукнерѣ, можетъ быть, тоже заимствовалъ у Барбье, но не рѣшился сказать, что онъ былъ казненъ. Барбье въ своихъ эскизахъ говоритъ о Лукнерѣ какъ объ истинномъ аристократѣ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. А такъ какъ Татьяна Борисовна Потемкина всегда различала кровь и кость, то современники Ренкуля, ко-

торый управлялъ имѣніемъ Потемкиной, невольно связывали его имя съ именемъ Лукнера, тѣмъ болѣе, что Ренкуль всегда подписывался саксонскимъ подданнымъ.—Нынѣ сынъ г. Ренкуля изъ Алатыря насъ увѣдомилъ, что ни его отецъ, ни дѣдъ ничего общаго съ герцогомъ Лукнеромъ не имѣли.

Ник. Крыловъ.

Парижъ.
15-го іюля.

ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

СОЛОВЬЕВЪ.

† 31-го іюля 1900 г.

Сошелъ со сцены, въ цвѣтѣ силъ и разгарѣ дѣятельности, писатель, которому, сочувствуя или негодуя, внимало все образованное русское общество. Нѣтъ такой области умственной или общественной жизни, которая была бы чужда Вл. С. Соловьеву. Богословъ и философъ, публицистъ и критикъ, историкъ и поэтъ, онъ вездѣ сказалъ свое оригинальное слово, на все наложилъ свою печать. Никогда не останавливаясь и не отдыхая, онъ спѣшилъ впередъ, все впередъ, какъ будто бы предвидя, что ему суждена недолгая жизнь. Прослѣдить его работу, хотя бы только въ общемъ и главномъ, на протяженіи цѣлой четверти вѣка—задача до крайности трудная и сложная, едва ли посильная одному лицу: такихъ энциклопедистовъ, какимъ былъ Вл. С., у насъ немного. Среди тѣхъ, кто стоялъ къ нему близко, слишкомъ свѣжо, въ добавокъ, чувство невознаградимой утраты. Его характеристика, его оцѣнка—дѣло будущаго; теперь мы хотимъ только вспомнить, чѣмъ былъ Вл. С. Соловьевъ въ „Вѣстникѣ Европы" и для „Вѣстника Европы". Быть можетъ, и въ этомъ бѣгломъ очеркѣ отразятся нѣкоторыя изъ типичныхъ особенностей нашего почившаго друга.

Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ надъ русскимъ обществомъ быстро надвигалась какая-то мгла, похожая на ту, которую сухой восточный вѣтеръ приноситъ съ собою въ равнины нижняго Поволжья. Неясными становились очертанія идей, съ которыми связана была до тѣхъ поръ надежда на лучшее будущее. Все благопріятствовало галлюцинаціямъ слуха и зрѣнія: дикіе вопли казались призывными кликами, болотные огни принимались за путеводныя звѣзды. Проповѣдь человѣконенавистничества, высокомѣрія и невѣжества за-

ранѣе праздновала побѣду, провозглашая себя единственнымъ законнымъ выраженіемъ русскихъ началъ и русскаго патріотизма. И вотъ, среди усиливавшагося мрака блеснуло яркимъ свѣтомъ правдивое, сильное слово молодого писателя, имя котораго давно уже пользовалось почетною извѣстностью въ литературныхъ сферахъ, но мало еще было знакомо большой публикѣ. Это была статья Вл. С. Соловьева: „Россія и Европа" [1]). Авторъ ея сразу занялъ то выдающееся мѣсто, которое должны были признать за нимъ даже злѣйшіе его враги и которое онъ сохранялъ до самой своей смерти.

Гдѣ же причина тому, что перчатка, брошенная Вл. С. Соловьевымъ въ лагерь обскурантизма, произвела въ немъ долго не прекращавшійся переполохъ и вызвала поспѣшную мобилизацію его боевыхъ силъ? Почему ее привѣтствовалъ, съ другой стороны, глубокій вздохъ облегченія и радостный подъемъ духа? Большую роль играла здѣсь, прежде всего, неожиданность самаго факта. Вслѣдствіе особыхъ условій нашей литературной жизни, положеніе писателя опредѣляется, въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ, окраской періодическихъ изданій, черезъ посредство которыхъ онъ говоритъ съ публикой. До 1888 г. Вл. С. помѣщалъ свои статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ", „Руси", „Православномъ Обозрѣніи", „Извѣстіяхъ Славянскаго Общества"—и изъ-за этой обстановки неясно виднѣлись его личныя, характерныя черты. Правда, признаки разномыслія между Вл. С. и его первыми литературными друзьями обнаружились довольно рано: къ статьямъ Вл. С., печатавшимся въ „Руси", И. С. Аксаковъ сталъ дѣлать примѣчанія, вызвавшія полемику между редакторомъ и бывшимъ сотрудникомъ— но открытаго разрыва еще не произошло, можетъ быть потому, что цѣль тогдашнихъ стремленій Вл. С. Соловьева стояла нѣсколько въ сторонѣ отъ главнаго поля битвы. Принципіальныя возраженія противъ *націонализма*, опредѣленныя и яркія, встрѣчаются у Вл. С. уже въ 1884 г. [2])—но мотивируется ими, преимущественно, возможность и необходимость соединенія церквей. Наступаетъ, однако, минута, когда дошедшій до крайнихъ предѣловъ націонализмъ становится, въ глазахъ Вл. С., не столько препятствіемъ къ осуществленію его завѣтной мечты, сколько самостоятельнымъ зломъ, требующимъ усиленнаго отпора—и для борца, сознавшаго свое призваніе, становятся тѣсными рамки, изъ которыхъ онъ до тѣхъ поръ не выходилъ. И все-таки онъ

---

[1]) Напечатанная въ №№ 2 и 4 „Вѣстника Европы" за 1888 г., она вошла потомъ въ составъ перваго выпуска „Національнаго вопроса въ Россіи".

[2]) „Христіанство упраздняетъ не *національность*, а *націонализмъ*, т.-е. національный эгоизмъ... Идея культурнаго призванія можетъ быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призваніе берется не какъ мнимая *привилегія*, а какъ дѣйствительная *обязанность*, не какъ господство, а какъ служеніе"...

остается самимъ собою. Основы его міросозерцанія не измѣняются— и это дѣлаетъ его вдвойнѣ опаснымъ для его новыхъ противниковъ. Къ философу, начавшему съ борьбы противъ позитивизма, къ автору „Критики отвлеченныхъ началъ“, къ вѣрующему и открыто исповѣдующему свою вѣру сыну церкви нельзя было отнестись съ обычными подозрѣніями и обвиненіями. А между тѣмъ, нападеніе было направлено имъ на самый центръ позиціи, только-что передъ тѣмъ объявленный неприступнымъ. Мало замѣченная при жизни автора, книга Н. Я. Данилевскаго („Россія и Европа“) только-что была объявлена „катехизисомъ и кодексомъ“ славянофильства. Это былъ щитъ, за который прятались маленькіе умомъ или душой, но сильные внѣшнимъ успѣхомъ провозвѣстники новой, модной формы націонализма. Сломать этотъ щитъ и проложить, тѣмъ самымъ, дорогу въ глубь непріятельскихъ рядовъ — такова была первая задача, предстоявшая Вл. С. Соловьеву. Какъ онъ ее исполнилъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ длинная цѣпь обрушившихся на него нападеній. Единственнымъ ихъ результатомъ было обостреніе и углубленіе несравненнаго полемическаго таланта, которымъ и раньше обладалъ Вл. С. Споръ, закипѣвшій вокругъ сочиненія Н. Я. Данилевскаго, привлекъ къ нему на время усиленное вниманіе читателей — но заимствованный свѣтъ скоро погасъ, и теперь едва ли кто-нибудь вѣритъ по этому „катехизису“, едва ли кто-нибудь дѣйствуетъ на основаніи этого „кодекса“...

Славянофильство, какъ цѣлое, нашло оцѣнку въ слѣдующей серіи статей Вл. С., озаглавленной: „Очерки изъ исторіи русскаго сознанія“ [1]). Глубокое сочувствіе къ основателямъ ученія не помѣшало раскрытію его внутренней несостоятельности. Въ послѣднемъ счетѣ достоинство доктрины познается по плодамъ ея—а наиболѣе зрѣлымъ плодомъ славянофильства явился „подлинно-мусульманскій фанатизмъ“ Каткова, „увѣровавшаго въ русское государство, какъ въ абсолютное воплощеніе нашей народной силы. Такая вѣра заключаетъ въ себѣ логически отрицаніе всякихъ объективныхъ началъ правды и добра... Поклоненіе своему народу какъ преимущественному носителю вселенской правды; затѣмъ поклоненіе ему какъ стихійной силѣ, независимо отъ вселенской правды; наконецъ, поклоненіе тѣмъ національнымъ односторонностямъ и историческимъ аномаліямъ, которыя отдѣляютъ нашъ народъ отъ образованнаго человѣчества, т.-е. поклоненіе своему народу съ прямымъ отрицаніемъ вселенской правды—вотъ три постепенныя фазы нашего націонализма, послѣдовательно представляемыя славянофилами, Катковымъ и новѣйшими обскурантами“. Эти слова Вл. С. прозвучали погребальнымъ звономъ надъ идеей, свершившей

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1889, №№ 5, 6, 11 и 12.

полный циклъ своего развитія. Если она, порой, и выходитъ еще изъ могилы, то не для новой жизни: призракъ ничего создать не можетъ... Выраженіе „истиннаго духа русской народности, опредѣляемаго высшимъ нравственнымъ началомъ", Вл. С. видитъ въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ возникновеніе русскаго государства (призваніе варяговъ), въ крещеніи Руси, въ реформѣ Петра Великаго. „Для всякаго народа есть только два историческіе пути: языческій путь самодовольства, коснѣнія и смерти—и христіанскій путь самосознанія, совершенствованія и жизни... Самосознаніе есть необходимо самоосужденіе, и жизнь есть измѣненіе". Такимъ самоосужденіемъ, влекущимъ за собою измѣненіе, были вызваны всѣ критическіе моменты русской исторіи: такое самоосужденіе необходимо и въ наше время. „Самый существенный, даже единственный существенный вопросъ для истиннаго патріотизма есть вопросъ не о силѣ, а о грѣхахъ Россіи".

Съ необыкновенною яркостью и силой та же основная мысль выразилась въ этюдѣ Вл. С., озаглавленномъ: „Идолы и идеалы" [1]). „Зоологическій патріотизмъ, освобождающій націю отъ служенія высшему идеалу и дѣлающій изъ самой націи предметъ идолослуженія", ставится здѣсь лицомъ къ лицу съ такимъ служеніемъ своему народу, которое есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, служеніе человѣчеству. Любить свою націю по-человѣчески значитъ желать ей „тѣхъ истинныхъ благъ, которыя расширяютъ ея собственную жизнь, поднимаютъ ея нравственный уровень и образуютъ ея положительную духовную связь со всѣмъ Божьимъ міромъ". Параллельно съ борьбой противъ стараго врага — національзма—идетъ ниспроверженіе другихъ *идоловъ*, т.-е. ограниченныхъ предметовъ, обращаемыхъ, по неразумію или разсчету, въ объектъ поклоненія и культа. Идолослуженіемъ запечатлѣнъ крѣпостническій взглядъ, проповѣдуемый „сокрушительными охранителями" и „попятными пророками", проникнутый „тріединой враждой къ простому народу, къ школѣ и къ интеллигенціи". Идолослуженіемъ грѣшатъ и „народопоклонники", забывающіе, что освободить „скрытый въ массѣ образъ Божій" отъ „звѣринаго образа" можно только съ помощью образованія и науки. *Идоламъ* „сословнаго обособленія и простонароднаго безразличія"—идоламъ, „поклонники которыхъ или требуютъ чужой крови, какъ жрецы привилегированныхъ боговъ Тира и Карѳагена, или же сами лишаютъ себя жизненной силы, подобно служителямъ простонародныхъ божествъ фригійскихъ",—Вл. С. противопоставляетъ свѣтлый христіанскій *идеалъ* любви, правды и всеобщей солидарности. Въ культурѣ, всесторонней и свободно развивающейся,

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1891. №№ 3 и 6. Тѣсно связана съ этимъ этюдомъ статья Вл. С.: „Народность съ нравственной точки зрѣнія" (1895, № 1).

онъ видитъ средство осуществленія этого идеала. Просвѣщеніе необходимо и для вѣры: „историческій опытъ какъ чужихъ народовъ, такъ и нашъ собственный, достаточно показываетъ, къ чему можетъ приводить сильная (или кажущаяся сильной) вѣра при слабомъ просвѣщеніи... „Самое лучшее внѣшнее выраженіе высшей духовной жизни можетъ быть, въ умѣ и чувствѣ людей, отдѣлено отъ этой жизни, и въ такомъ случаѣ оно или остается пустою формой, или — что̀ еще хуже—наполняется другимъ содержаніемъ, далеко не соотвѣтствующимъ или даже противоположнымъ первоначальному". Старые славянофилы, напримѣръ, „на словахъ не отдѣляли православія отъ духа Христова; они утверждали, что православіе отличается началомъ любви, духовной свободы и т. д., но ничего не дѣлали для дѣйствительнаго осуществленія этихъ истинно-христіанскихъ началъ и тѣмъ ясно показывали, что для нихъ главное дѣло не въ этомъ, а только въ томъ, чтобы *во что бы то ни стало* отстоять преимущество *своего* вѣроисповѣднаго элемента передъ *чужими*"...

Справедливо считая вѣротерпимость или религіозную свободу „такою же важною и насущною потребностью для современной русской жизни, какою сорокъ лѣтъ тому назадъ была потребность въ освобожденіи крестьянъ", Вл. С. посвящаетъ ея защитѣ всю силу своего чувства, весь блескъ своего ума [1]). Онъ неутомимо преслѣдуетъ софизмы, съ помощью которыхъ она допускается на словахъ и отрицается на дѣлѣ. Онъ бичуетъ лицемѣрное признаніе права на мысль, но безъ права публичнаго выраженія „ложной" мысли. Остановить ходъ мысли, еще не выраженной, нельзя именно потому, что она еще не выражена; нельзя помѣшать и выраженію ея въ интимной бесѣдѣ, которой никто, кромѣ бесѣдующихъ, не слышитъ. Зачѣмъ же говорить „о предоставленіи того, что̀ не можетъ быть отнято, и о разрѣшеніи того, чего нельзя запретить"? Терминъ: *свобода совѣсти* или ничего не означаетъ (совѣсть свободна уже потому, что ускользаетъ отъ всякаго контроля), или означаетъ право каждаго лица и каждой религіозной общины свободно исповѣдывать и проповѣдывать свои вѣрованія. Нѣтъ свободы совѣсти тамъ, гдѣ терпимость къ чужой вѣрѣ существуетъ только подъ условіемъ наслѣдственной ея передачи отъ родителей къ дѣтямъ: это — терпимость къ *учрежденію*, а не къ *убѣжденію*. Несостоятельна, далѣе, ссылка на вѣроисповѣдное единство, какъ на основу и освященіе народнаго единства, народной силы: сильнымъ и единымъ народъ, какъ показываетъ примѣръ Германіи, можетъ быть и тогда, когда въ немъ болѣе или менѣе оди-

[1]) „Изъ вопросовъ культуры", „Вѣстникъ Европы" 1893, № 5; „Историческій сфинксъ", тамъ же, № 6; „Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ", 1894, № 2; „Споръ о справедливости", тамъ же, № 4.

наково представлены разныя исповѣданія,—да и нельзя же видѣть въ религіи средство къ достиженію постороннихъ цѣлей. Напрасно, наконецъ, вѣротерпимость смѣшивается съ равнодушіемъ къ вѣрѣ, съ индифферентизмомъ. „Несомнѣнно, что если я вѣрю въ истину, то не могу быть равнодушнымъ, когда ее кто-нибудь отрицаетъ: но слѣдуетъ ли изъ этого, что я долженъ брать его за горло"?.. Во всей русской литературѣ немного найдется такихъ образцовъ полемики, то пламенной, то утонченно-острой, какъ статьи Вл. С. Соловьева противъ болѣе или менѣе замаскированныхъ враговъ вѣротерпимости. По истинѣ уничтожающею силой дышитъ отвѣтъ его писателю, въ котораго какъ бы вселился духъ Іудушки Головлева. „Въ хорошихъ монастыряхъ, —такъ начинается возраженіе другому противнику,—никто изъ монаховъ не гнушается самыми непріятными и нечистыми службами: всякая служба (внѣ богослуженія) называется *послушаніемъ* и исполняется съ одинаковымъ усердіемъ. Конечно, наша современная литература похожа на *хорошій* монастырь развѣ только обиліемъ черной работы, но тѣмъ болѣе причинъ и здѣсь не быть особенно брезгливымъ. Я за послѣднее время взялъ на свою долю добровольное *послушаніе:* выметать тотъ печатный соръ и мусоръ, которымъ наши лжеправославные лжепатріоты стараются завалить въ общественномъ сознаніи великій и насущный вопросъ религіозной свободы". Это прелестное сравненіе неполно: совершая свое послушаніе, Вл. С. воздвигалъ на очищаемомъ мѣстѣ изящную храмину, полную воздуха и свѣта.

Когда, въ началѣ истекшаго десятилѣтія, Россію постигъ рядъ стихійныхъ бѣдствій, Вл. С. былъ однимъ изъ первыхъ, отозвавшихся на народное горе. Въ страшной нуждѣ, принесенной неурожаемъ 1891-го года, онъ видитъ не случайное зло, а неизбѣжный результатъ „полукультурности" нашего общества и „безкультурности" нашего народа [1]). Народу нужна помощь, нужно руководство; „но неужели они возможны только на почвѣ гражданскаго и экономическаго рабства? Неужели патріархальная опека, основанная на крѣпостномъ правѣ, не можетъ быть замѣнена культурною помощью, основанною на нравственной обязанности"? Такая замѣна возможна и необходима— но ея осуществленію мѣшаетъ отсутствіе „общественной организаціи". Гдѣ нѣтъ „прочнаго союза свободныхъ индивидуальныхъ силъ, солидарно и сознательно дѣйствующихъ для улучшенія народной жизни", тамъ нѣтъ и настоящаго общества. Приступить къ его созданію въ Россіи—задача тѣмъ болѣе неотложная, что рѣчь идетъ теперь уже

---

[1]) „Народная бѣда и общественная помощь", „Вѣстн. Европы" 1891, № 10; „Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія", 1892, № 11.

не объ улучшеніи, а о *сохраненіи* народной жизни. Настала пора „возвратить патріотизму его истинный смыслъ — понять его не какъ ненависть къ инородцамъ и иновѣрцамъ, а какъ дѣятельную любовь къ своему страдающему народу". Въ обществѣ, достойномъ своего призванія, „*никакой человѣкъ, ни при какихъ условіяхъ и ни по какой причинѣ не можетъ разсматриваться только какъ средство* для какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей: онъ не можетъ быть средствомъ или орудіемъ ни для блага *другого лица*, ни для блага *цѣлаго класса*, ни, наконецъ, для такъ называемаго *общаго блага*, т.-е. блага большинства другихъ лицъ... Общее благо или общая польза, чтобы имѣть значеніе нравственнаго принципа, должны быть въ полномъ смыслѣ слова *общими*, т.-е. относиться не ко многимъ только или къ большинству, а *ко всѣмъ безъ исключенія*" [1]). Опорами общества нельзя считать ни религію, ни семью, ни собственность; единственная *нравственная основа* общества—принципъ человѣческаго достоинства. Этотъ принципъ ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ, но лишь въ зависимости отъ него общества и учрежденія получаютъ нравственный характеръ. Независимо и ученіе о нравственности, въ томъ смыслѣ, что оно обладаетъ собственнымъ содержаніемъ и самостоятельнымъ значеніемъ [2]). „Всѣ положительныя религіи,—не исключая и абсолютно-истинной,—поскольку онѣ въ своихъ взаимныхъ спорахъ обращаются за подтвержденіемъ своихъ правъ и притязаній къ общимъ нравственнымъ нормамъ, тѣмъ самымъ признаютъ себя въ нѣкоторомъ смыслѣ отъ нихъ зависимыми". Изъ тѣхъ же основныхъ посылокъ вытекаютъ взгляды Вл. С. на принципъ наказанія и на отношеніе между нравственностью и правомъ [3]). Въ статьѣ о наказаніи особенно выдается опроверженіе доктрины, провозглашающей непротивленіе злу.

Послѣднюю, по времени, группу статей Вл. С., посвященныхъ политическимъ вопросамъ, составляютъ „Значеніе государства" (1895, № 12) и „Византизмъ и Россія" (1896, №№ 1 и 4). Несмотря на парадоксальность нѣкоторыхъ тезисовъ, талантъ автора рѣдко проявлялся съ бо̀льшимъ блескомъ. За оригинальнымъ разборомъ понятія о государствѣ, въ связи съ различными его наименованіями, слѣдуетъ поразительно яркая характеристика главныхъ моментовъ въ исторіи Византіи и наслѣдовавшаго ей „третьяго Рима". „Прямые преемники римскихъ кесарей забыли, что они вмѣстѣ съ тѣмъ делегаты верховной власти Христовой. Вмѣсто того, чтобы поднимать языческое го-

---

[1]) „Нравственныя основы общества", „Вѣстн. Европы" 1894, № 12.

[2]) „Нравственная философія, какъ самостоятельная наука"—„Вѣстн. Европы" 1894. № 11.

[3]) „Вѣстн. Европы" 1895 г., №№ 3 и 11.

сударство до высоты христіанскаго царства, они христіанское царство понизили до уровня языческой самодовлѣющей государственности". Повтореніемъ противорѣчія, погубившаго Византію — противорѣчія между словеснымъ исповѣданіемъ истины и ея отрицаніемъ на дѣлѣ— явилось у насъ царствованіе Ивана Грознаго. Чтобы возвратиться на путь, указанный нашими первыми князьями-христіанами (Владиміромъ Святымъ, Владиміромъ Мономахомъ), Россія XVII-го вѣка должна была сознать свою несостоятельность. Это сознаніе—огромная историческая заслуга Петра Великаго, сдѣлавшаяся возможной благодаря полнотѣ его власти. Онъ чувствовалъ, однако, необходимость двоякаго содѣйствія: со стороны религіознаго авторитета независимаго священства— и со стороны свободнаго голоса общественной совѣсти. Въ тогдашней Россіи онъ не нашелъ ни того, ни другого... Освобожденіемъ крестьянъ, какъ и другими реформами того же направленія, Россія еще разъ, въ лицѣ своего государя, отказалась отъ византійскаго искаженія христіанства. Этимъ устранены нѣкоторыя препятствія на пути къ цѣли—но „самая цѣль не ставилась ясно и во всемъ объемѣ", и вслѣдствіе того многія важныя условія для ея достиженія не исполнялись и даже не сознавались. Недостаткомъ сознательности въ русскомъ обществѣ объясняются и нѣкоторыя противорѣчія въ нашей новѣйшей исторіи. „Съ одной стороны, люди, требовавшіе нравственнаго перерожденія и самоотверженныхъ подвиговъ на благо народное, связывали эти требованія съ такими ученіями, которыми упраздняется самое понятіе о нравственности. Съ другой стороны, люди, исповѣдывавшіе, и даже съ особымъ усердіемъ, христіанскія начала, вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдывали самую дикую антихристіанскую политику насилія и истребленія. Первое противорѣчіе принадлежитъ прошедшему. Второе, болѣе глубокое и пагубное, еще тяготѣетъ надъ нами. Пора освободиться отъ этого историческаго яда, поражающаго самые источники нашей жизни".

Рано задумавъ построить цѣльную философскую систему, Вл. С. далъ первый ея очеркъ въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ" (1880). Эта книга обнимаетъ собою, однако, только нравственность и знаніе; искусству Вл. С. предполагалъ посвятить особое сочиненіе, надъ которымъ онъ, повидимому, постоянно и трудился, пересматривая и передѣлывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и два остальные отдѣла. При его жизни вышла въ свѣтъ, въ новой обработкѣ, только нравственная философія („Оправданіе добра", 1897, 2-ое изд. 1899); но въ спискѣ сочиненій, которыя онъ называлъ готовящимися къ печати, мы находимъ и теоретическую философію, и эстетику. Отдѣльные отрывки изъ той и другой появлялись, въ разное время, въ журналахъ. Въ „Вѣстникѣ Европы" Вл. С. еще въ 1894 г. (январь) напечаталъ не-

большую статью: „Первый шагъ къ положительной эстетикѣ", направленную противъ сторонниковъ *искусства для искусства.* Съ точки зрѣнія Вл. С., они были бы правы, еслибы ограничивались утвержденіемъ, что художественное творчество есть особая дѣятельность человѣческаго духа, удовлетворяющая особенной потребности и имѣющая собственную область; но они идутъ гораздо дальше, отрицая всякую существенную связь искусства съ другими человѣческими дѣятельностями и необходимое *подчиненіе* его общимъ жизненнымъ цѣлямъ человѣчества, считая искусство чѣмъ-то въ себѣ замкнутымъ и безусловно самодовлѣющимъ, проповѣдуя, вмѣсто законной автономіи художественной области, *эстетическій сепаратизмъ.* Въ связи съ безконечною полнотою жизни Вл. С. смотритъ на искусство и въ цѣломъ рядѣ статей, посвященныхъ русскимъ поэтамъ [1]): гр. Голенищеву-Кутузову (май и іюнь 1894 г.), Тютчеву (апрѣль 1895 г.), гр. А. К. Толстому (май 1895 г.), Пушкину (декабрь 1899 г.). Всего болѣе спорнаго представляетъ статья о Пушкинѣ, можетъ быть потому, что она осталась незаконченною: по мысли автора, она должна была быть только первымъ изъ шести или семи этюдовъ. Можно расходиться, въ томъ или другомъ, и съ мнѣніемъ Вл. С. о трехъ остальныхъ поэтахъ, но нельзя не любоваться необыкновеннымъ мастерствомъ характеристики, соединеніемъ глубины пониманія съ рѣдкимъ изяществомъ формы. Чувствуется, что о поэтахъ говоритъ поэтъ. Только поэтъ могъ угадать основную черту поэзіи Тютчева и выразить ее въ удивительно гармоничномъ сліяніи образовъ и разсужденій. Только поэтъ могъ показать въ Алексѣѣ Толстомъ „посредника между міромъ вѣчныхъ идей и міромъ вещественныхъ явленій". И вмѣстѣ съ тѣмъ, вездѣ и всегда оставаясь борцомъ за идеалъ, Вл. С. намѣчаетъ черты, благодаря которымъ участниками этой борьбы являются не только „воинствующій" гр. Ал. Толстой, но и Тютчевъ, „поэтъ созерцательной мысли". Первый дорогъ критику, между прочимъ, какъ защитникъ „живой силы свободной личности", второй—какъ проповѣдникъ „спаянія единства любовью", „излеченія старыхъ ранъ чистою ризою Христа".

Подобно Д. Ф. Штраусу — которому онъ во всемъ другомъ діаметрально противоположенъ,—Вл. С. соединялъ въ себѣ даръ художественнаго изложенія, стирающаго границу между поэзіей и прозой, съ настоящимъ даромъ пѣсенъ. Его стихотворенія цѣнны не только какъ матеріалъ для исторіи внутренней его жизни: лучшія изъ нихъ полны своеобразной прелести, то вызывая изъ глубины души что-то

---

[1]) Сюда же относится, отчасти, статья о судьбѣ Пушкина (сент. 1897). Она надѣлала много шуму, но не дождалась еще безпристрастнаго разбора.

полу-забытое, подернутое дымкой безотчетной грусти, то открывая мимолетный просвѣтъ въ неопредѣленную даль будущаго. Иногда въ нихъ слышатся отголоски Тютчева („Прощанье съ моремъ", „Монрепо"), Фета („Вижу очи твои изумрудныя", „Зной безъ сіянія"), Гейне („Другъ мой, прежде, какъ и нынѣ", „Я добился свободы желанной"); но гораздо чаще поэтъ является только самимъ собою. Декаденты, надъ которыми нѣсколько разъ такъ мило и остроумно посмѣялся Вл. С. [1]), пробовали отпарировать его удары указаніемъ на то, что онъ самъ писалъ символическія стихотворенія. Въ этомъ есть небольшая доля правды; но символизмъ Вл. С. Соловьева не носитъ на себѣ признаковъ вырожденія. Онъ свободенъ и отъ претензій выразить невыразимое, воспроизвести неуловимое, и отъ систематической погони за новизною, хотя бы это была новизна безсмыслія и изломанности. Такія пьесы, какъ: „Милый другъ, иль ты не знаешь", „Земля владычица", „Хоть мы на вѣкъ незримыми цѣпями", „На поѣздѣ утромъ", „Стая тучъ на небосклонѣ", „На томъ же мѣстѣ", „Бѣлые колокольчики", многія обращенія къ финляндской природѣ (особенно къ озеру Сайма), могутъ, пожалуй, быть названы символическими; но они прежде всего поэтичны, ихъ настроеніе передается читателю непосредственно и просто, а не путемъ преднамѣренно-„суггестивныхъ" звуковъ или красокъ.

Ничто не предвѣщало близкаго конца Вл. С. Соловьева. Его послѣднее крупное произведеніе: „Три разговора" полно бодрости и силы. Онъ только-что принялся за громадный трудъ, которому всякій другой долженъ былъ бы отдаться всецѣло—за переводъ Платона. Одновременно съ этимъ онъ лелѣялъ другіе широкіе замыслы. Умирая, онъ могъ бы сказать, подобно Лукану въ поэмѣ Майкова: „Передо мной, какъ исполины, недовершенныя мечты, какъ мраморъ, ждутъ еще единой для жизни творческой черты". Въ послѣдніе годы, однако, его все чаще и чаще, повидимому, посѣщала мысль о смерти. „До скораго свиданія, товарищъ"—этими словами заканчивается некрологъ Н. Я. Грота, написанный Вл. С. Соловьевымъ лѣтомъ прошлаго года. Къ тому же времени относится стихотвореніе: „Бѣлые Колокольчики", („Вѣстн. Европы" 1899, сентябрь), которое—вмѣстѣ съ дополненіемъ къ нему: „Вновь бѣлые колокольчики", написаннымъ 8-го іюля нынѣшняго года, за недѣлю до начала болѣзни Вл. С., и появившимся въ августовской книжкѣ нашего журнала,—все запечатлѣно ожиданіемъ смерти. Страхъ передъ концомъ былъ, очевидно, чуждъ Владиміру Сергѣевичу: чувствуя или предчувствуя приближеніе смерти,

---

[1]) Эти замѣтки перепечатаны въ видѣ приложенія къ послѣднему (третьему) изданію „Стихотвореній" Вл. С. Соловьева (1900).

онъ только торопился высказать свои задушевныя мысли. „Я не нашелъ возможнымъ,—говоритъ онъ въ концѣ предисловія къ „Тремъ Разговорамъ“ (написаннаго въ Свѣтлое Воскресеніе нынѣшняго года), —откладывать печатаніе этой книжки на неопредѣленные и *необезпеченные* сроки. *Если мнѣ дано будетъ время для новыхъ трудовъ*, то и для усовершенствованія прежнихъ. А *нѣтъ*—указаніе на предстоящій историческій исходъ нравственной борьбы сдѣланъ мною въ достаточно ясныхъ чертахъ, и я выпускаю теперь этотъ малый трудъ съ *благодарнымъ чувствомъ исполненнаго нравственнаго долга*“. Съ такимъ же чувствомъ Вл. С. могъ разстаться съ жизнью, которая для него была вся исполненіемъ долга. Онъ ненавидѣлъ зло, но не злыхъ; снисходительный и до нѣжности добрый къ другимъ, онъ былъ строгъ къ самому себѣ; онъ ничего не искалъ и не желалъ для себя, носясь мыслью въ высшемъ и вѣчномъ. Его жизнь отразилась, какъ въ зеркалѣ, въ одномъ изъ самыхъ чудесныхъ его стихотвореній, написанномъ имъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ:

„Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и, схваченная снами,
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день, дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что̀ грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями,
Меня дождется мой завѣтный храмъ“.

СМЕРТЬ В. С. СОЛОВЬЕВА

31 іюля 1900 г.

Вл. С. Соловьевъ пріѣхалъ въ Москву вечеромъ 14-го іюля и провелъ ночь въ „Славянскомъ Базарѣ". Выѣхалъ онъ совершенно здоровый изъ с. Пустыньки, со станціи Саблино, но уже по пріѣздѣ въ Москву почувствовалъ себя нездоровымъ. 15-го, утромъ, въ день своихъ именинъ, онъ былъ въ редакціи „Вопросовъ Философіи", гдѣ оставался довольно долго и послалъ разсыльнаго переговорить со мной по телефону. Я звалъ его къ себѣ, въ подмосковную моего брата, с. Узкое, и предложилъ ему ѣхать изъ Москвы съ Н. В. Давыдовымъ, его хорошимъ знакомымъ и моимъ родственникомъ, котораго я ждалъ къ обѣду. Въ редакціи Владиміръ Сергѣевичъ не производилъ впечатлѣнія больного, былъ разговорчивъ и даже написалъ юмористическое стихотвореніе. Изъ редакціи онъ отправился къ своему другу, А. Г. Петровскому, котораго онъ поразилъ своимъ дурнымъ видомъ, а отъ него уже совсѣмъ больной прибылъ на квартиру Н. В. Давыдова. Не заставши его дома, онъ вошелъ и легъ на диванъ, страдая сильной головною болью и рвотой. Черезъ нѣсколько времени Н. В. Давыдовъ вернулся домой и былъ очень встревоженъ состояніемъ Владиміра Сергѣевича, объявившаго ему, что ѣдетъ съ нимъ ко мнѣ въ Узкое. Онъ нѣсколько разъ пытался отговорить его отъ этой поѣздки, предлагалъ ему остаться у себя, но Владиміръ Сергѣевичъ рѣшительно настаивалъ. „Это вопросъ принципіально рѣшенный,—сказалъ онъ,—и не терпящій измѣненія. Я ѣду, и если вы не поѣдете со мной, то поѣду одинъ, а тогда хуже будетъ". Н. В. Давыдовъ спрашивалъ меня по телефону, и я, думая, что у Соловьева простая мигрень, совѣтовалъ предоставить ему дѣлать, какъ онъ хочетъ. Прошло нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ больной просилъ оставить его отлежаться. Наконецъ онъ сдѣлалъ усиліе, всталъ и потребовалъ, чтобы его усадили на извозчика. Наступилъ вечеръ, погода была скверная и холодная, шелъ дождикъ, предстояло ѣхать 16 верстъ, но оставаться Соловьевъ не хотѣлъ. Дорогой ему стало хуже; онъ чувствовалъ дурноту и полный упадокъ силъ, и когда онъ подъѣхалъ, его почти вынесли изъ пролетки и уложили на диванъ въ кабинетѣ моего брата, гдѣ онъ пролежалъ сутки, не раздѣваясь.

На другой день, 16-го, былъ вызванъ докторъ А. Н. Бернштейнъ, а 17-го пріѣхалъ Н. Н. Аѳанасьевъ, который и пользовалъ Владиміра Сергѣевича до самой его смерти. Кромѣ того, его посѣщали московскіе доктора, А. А. Корниловъ, бывшій у него три раза, проф. А. А. Остроумовъ, слѣдившій за болѣзнью, и А. Г. Петровскій. Такъ какъ Н. Н. Аѳанасьевъ долженъ былъ временно отлучаться по дѣламъ службы, то на помощь ему былъ приглашенъ А. В. Власовъ, ординаторъ проф. Черинова, находившійся при больномъ безотлучно.

Врачи нашли полнѣйшее истощеніе, упадокъ питанія, сильнѣйшій склерозъ артерій, циррозъ почекъ и уремію. Ко всему этому примѣшался повидимому и какой-то острый процессъ, который послужилъ толчкомъ къ развитію болѣзни.

Въ послѣдніе дни температура сильно поднялась (въ день смерти до 40^0), появились отекъ легкихъ и воспаленіе сердца. Состояніе съ самаго начала было признано крайне серьезнымъ. Нельзя не отмѣтить самаго внимательнаго и сердечнаго отношенія со стороны врачей, лечившихъ Владиміра Сергѣевича и сдѣлавшихъ все, что̀ было въ ихъ силахъ.

Первые дни Владиміръ Сергѣевичъ сильно страдалъ отъ острыхъ болей во всѣхъ членахъ, особенно въ ногахъ, спинѣ, головѣ и шеѣ, которую онъ не могъ повернуть. Затѣмъ боли нѣсколько утихли, но осталось дурнотное чувство и мучительная слабость, на которую онъ жаловался. Больной бредилъ и самъ замѣчалъ это. Повидимому онъ все время отдавалъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, несмотря на свою крайнюю слабость. Онъ впадалъ въ состояніе полузабытья, но почти до конца отвѣчалъ на вопросы и при усиліи могъ узнавать окружающихъ.

Первую недѣлю онъ иногда разговаривалъ, особенно по общимъ вопросамъ, и даже просилъ, чтобы ему читали телеграммы въ газетахъ. Его мысль работала и сохраняла ясность еще тогда, когда онъ съ трудомъ могъ разбираться во внѣшнихъ своихъ воспріятіяхъ. Онъ пріѣхалъ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ міровыхъ событій, которымъ посвящена послѣдняя подписанная имъ статья, помѣщенная выше. Онъ собирался ее дополнить и обработать, хотѣлъ мнѣ ее прочесть, но не могъ. Онъ пенялъ мнѣ на мою замѣтку, помѣщенную въ „Вопросахъ Философіи“ и набросанную еще до разгара китайскаго движенія. Я обѣщалъ ему исправить мою невольную ошибку и, сидя около него, перекидывался съ нимъ словами о великомъ и грозномъ историческомъ переворотѣ, который мы переживаемъ и который онъ давно предсказывалъ и предчувствовалъ. Я вспомнилъ его замѣчательное стихотвореніе „Панмонголизмъ“, написанное еще въ 1894 году и послѣдняя строфа котораго врѣзалась мнѣ въ память.

— Какое твое личное отношеніе къ китайскимъ событіямъ теперь, что они наступили?—спросилъ я Владиміра Сергѣевича.

— Я говорю объ этомъ въ моемъ письмѣ въ редакцію „Вѣстника Европы",—отвѣчалъ онъ. Это—крикъ моего сердца. Мое отношеніе такое, что все кончено; та магистраль всеобщей исторіи, которая дѣлилась на древнюю, среднюю и новую, пришла къ концу... Профессора всеобщей исторіи упраздняются... ихъ предметъ теряетъ свое жизненное значеніе для настоящаго; о войнѣ алой и бѣлой розъ больше говорить нельзя будетъ. Кончено все!... И съ какимъ нравственнымъ багажемъ идутъ европейскіе народы на борьбу съ Китаемъ!... христіанства нѣтъ, идей не больше, чѣмъ въ эпоху троянской войны; только тогда были молодые богатыри, а теперь старички идутъ!—И мы говорили объ убожествѣ европейской дипломатіи, проглядѣвшей надвигавшуюся опасность, о ея мелкихъ алчныхъ разсчетахъ, о ея неспособности обнять великую проблему, которая ей ставится, и разрѣшить ее раздѣломъ Китая. Мы говорили о томъ, какъ у насъ иные все еще мечтаютъ о союзѣ съ Китаемъ противъ англичанъ, а у англичанъ о союзѣ съ японцами противъ насъ. Владиміръ Сергѣевичъ прочиталъ мнѣ свое послѣднее стихотвореніе, написанное по поводу рѣчи императора Вильгельма къ войскамъ, отправлявшимся на дальній Востокъ. Онъ привѣтствуетъ эту рѣчь, на которую обрушились и русскія, и даже нѣмецкія газеты; онъ видитъ въ ней рѣчь крестоносца, „потомка меченосной рати", который „передъ пастью дракона" понялъ, что „крестъ и мечъ—одно". Затѣмъ рѣчь снова вернулась къ намъ, и Владиміръ Сергѣевичъ высказалъ ту мысль, которую онъ проводилъ еще десять лѣтъ тому назадъ въ своей статьѣ „Китай и Европа", — что нельзя бороться съ Китаемъ, не преодолѣвъ у себя внутренней китайщины. Въ культѣ Большого Кулака мы все равно за китайцами угнаться не можемъ; они будутъ и послѣдовательнѣе, и сильнѣе насъ на этой почвѣ. Владиміръ Сергѣевичъ говорилъ и о внѣшнихъ осложненіяхъ, о грозящей опасности панисламизма, о возможномъ столкновеніи съ Западомъ, о безумныхъ усиліяхъ иныхъ патріотовъ нашихъ создать безъ всякой нужды очагъ смуты въ Финляндіи, подъ самой столицей...

Это была самая значительная бесѣда наша за время болѣзни Владиміра Сергѣевича. На второй же день онъ сталъ говорить о смерти, а 17-го онъ объявилъ, что хочетъ исповѣдоваться и причаститься, „только не запасными дарами, какъ умирающій, а завтра послѣ обѣдни". Потомъ онъ много молился и постоянно спрашивалъ, скоро ли наступитъ утро и когда придетъ священникъ? 18-го онъ исповѣдовался и причастился св. Таинъ съ полнымъ сознаніемъ. Силы его слабѣли; онъ меньше говорилъ, да и окружающіе старались го-

ворить съ нимъ возможно меньше; онъ продолжалъ молиться то вслухъ, читая псалмы и церковныя молитвы, то тихо, осѣняя себя крестомъ. Молился онъ и въ сознаніи, и въ полузабытьи. Разъ онъ сказалъ моей женѣ: „Мѣшайте мнѣ засыпать, заставляйте меня молиться за еврейскій народъ, мнѣ надо за него молиться", и сталъ громко читать псаломъ по-еврейски. Тѣ, кто зналъ Владиміра Сергѣевича и его глубокую любовь къ еврейскому народу, поймутъ, что эти слова не были бредомъ. Смерти онъ не боялся,—онъ боялся, что ему придется „влачить существованіе", —и молился, чтобы Богъ послалъ ему скорую смерть. 24-го числа пріѣхала мать Владиміра Сергѣевича и его сестры. Онъ узналъ ихъ и обрадовался ихъ пріѣзду. Но силы его падали съ каждымъ днемъ. 27-го ему стало какъ бы легче, онъ меньше бредилъ, легче поворачивался, съ меньшимъ трудомъ отвѣчалъ на вопросы; но температура начала быстро повышаться; 30-го появились отечные хрипы, а 31-го, въ 9½ ч. вечера, онъ тихо скончался.

Его похоронили въ четвергъ 3-го августа, рядомъ съ могилой его отца, Сергѣя Михайловича; онъ говорилъ мнѣ во время болѣзни, что пріѣхалъ въ Москву главнымъ образомъ „къ своимъ покойникамъ", чтобы навѣстить могилу отца и дѣда. Его отпѣвали въ университетской церкви, гдѣ еще въ раннемъ дѣтствѣ ему явилось первое его видѣніе [1]). Начало августа—самое глухое время въ Москвѣ, и на похоронахъ было сравнительно немного народу. Мы шли за его гробомъ съ нѣсколькими друзьями, вспоминали о немъ и говорили о томъ, какого хорошаго, дорогого и великаго человѣка мы хоронимъ.

Это былъ истинно великій русскій человѣкъ, геніальная личность и геніальный мыслитель, не признанный и не понятый въ свое время, несмотря на всеобщую извѣстность и на относительный, иногда блестящій успѣхъ, которымъ онъ пользовался. Мнѣ трудно отвлечься отъ чувства горячей дружбы и любви, которое я къ нему имѣлъ, которое имѣли къ нему всѣ, близко его знавшіе. Но во мнѣ говоритъ не чувство друга или послѣдователя. Вѣдь самъ же онъ писалъ, что школы онъ не имѣетъ и что послѣдователей у него нѣтъ! Горько подумать о томъ, сколько непониманія встрѣчалъ онъ при жизни, несмотря на всю ослѣпительную ясность, на художественное мастерство своего слова. Всѣхъ привлекали лишь отдѣльныя стороны его таланта, его дѣятельности, его ученія. Одни цѣнили въ немъ только публициста, другіе—критика, третьи—философа. Всѣмъ, или почти всѣмъ, было

[1]) Онъ упоминаетъ объ этомъ событіи въ своемъ стихотвореніи: „Три встрѣчи", помѣщенномъ въ „Вѣстникѣ Европы".

чуждо его ученіе въ томъ, что̀ для него самого было всего дороже, т.-е. въ своей полнотѣ и цѣльности, въ своемъ основаніи.

О достоинствѣ философскихъ построеній вообще могутъ существовать различныя мнѣнія; но если человѣчество чтитъ имена великихъ мыслителей, создавшихъ системы цѣлостнаго міропониманія, то имя Владиміра Соловьева причтется къ ихъ именамъ. Пусть назовутъ мнѣ въ новѣйшей исторіи мысли философскій синтезъ болѣе широкій, чѣмъ тотъ, который былъ задуманъ имъ съ такою глубиной, такъ ясно, стройно и смѣло. Пусть укажутъ мнѣ философское ученіе, которое, признавая въ полной мѣрѣ результаты современнаго знанія и его строгіе методы, сочетало бы съ нимъ умозрѣніе столь возвышенное, широкое и смѣлое, столь враждебное всякому догматизму и вмѣстѣ столь непосредственно проникнутое положительными религіозными началами? Художеству мысли въ его твореніяхъ соотвѣтствовало и художественное совершенство ея выраженія, и мы смѣло можемъ признать его однимъ изъ великихъ художниковъ слова не только русской, но и всемірной литературы.

Ученіе Соловьева, ученіе „Положительнаго Всеединства“, не было эклектической системой, собранной и составленной искусственно изъ разнородныхъ частей. То былъ живой органическій синтезъ, изумительный по своей творческой оригинальности и стройности, парадоксальный по самой широтѣ своего замысла и проникнутый глубокой истинной поэзіей. Уже въ раннемъ своемъ сочиненіи, въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“, Владиміръ Сергѣевичъ раскрываетъ основное свое философское убѣжденіе. Всѣ отдѣльныя философскія начала, всѣ отдѣльные политическіе и нравственные принципы, нашедшіе свое выраженіе въ противоположныхъ ученіяхъ, представляются ему недостаточными и ложными, поскольку они утверждаются въ своей отвлеченности, поскольку они берутся въ своей исключительности и отдѣльности. Принимая одну сторону всеединой истины за цѣлое и утверждая ее, какъ самодовлѣющую, безусловную и полную истину, мы обращаемъ ее въ ложь и приходимъ къ внутреннимъ противорѣчіямъ. И вся философская дѣятельность Вл. С. Соловьева, начавшаяся съ строго-логической, мастерской критики „отвлеченныхъ началъ“, состояла въ добросовѣстномъ усиліи „придти въ разумъ истины“ и показать положительное, конкретное всеединство этой истины, которая не исключаетъ изъ себя ничего, кромѣ отвлеченнаго утвержденія отдѣльныхъ частныхъ началъ и эгоистическаго самоутвержденія единичной воли.

Въ ученіи Вл. С. Соловьева каждый могъ найти нѣчто свое. И вмѣстѣ каждый, сверхъ своего, находилъ въ немъ и много другого, чуждаго себѣ, казавшагося несовмѣстимымъ. Одно это соединеніе воз-

буждало противъ него досаду и притомъ съ противоположныхъ сторонъ.

То же наблюдалось и въ сферѣ вопросовъ общественныхъ, несмотря на весь блескъ его публицистическаго таланта и возвышенность его стремленій. Его значеніе для общественнаго сознанія нашего было велико. Онъ похоронилъ славянофильство и его эпигоновъ; двадцать лѣтъ онъ былъ безспорно самымъ сильнымъ обличителемъ отечественныхъ „Большихъ Кулаковъ", самымъ могущественнымъ противникомъ надвигающагося одичанія, обскурантизма и „внутренняго китаизма". Но онъ стоялъ внѣ партій; его глубокая преданность положительнымъ началамъ государства и, въ частности, нашего русскаго государства отдаляла отъ него однихъ, точно такъ же, какъ его полемика противъ національзма и пламенная борьба за свободу личности и свободу совѣсти, за нравственные принципы въ жизни общества и государства, отчуждала отъ него другихъ. Его общественный идеалъ былъ религіознымъ идеаломъ Царства Божія, реально осуществляющагося въ государственно-организованномъ человѣческомъ обществѣ. Сознаніе той высшей духовной цѣли, которой онъ отдавалъ всѣ свои силы, посвящалъ всю свою дѣятельность, не покидало его никогда, и онъ помнилъ о ней въ самыхъ жаркихъ и страстныхъ полемическихъ схваткахъ. Напомню, какъ въ одной изъ остроумнѣйшихъ полемическихъ статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", онъ сравниваетъ свою полемическую дѣятельность съ „послушаніемъ" монаха, выметающаго соръ и нечистоты изъ монастырской ограды.

Его религіозность была такъ же широка, какъ его міросозерцаніе, и въ ней лежали самые глубокіе корни этого міросозерцанія. То была религіозность простая и цѣльная, проникавшая все его существо, непосредственная и живая, привлекавшая къ нему сердца простыхъ людей и вмѣстѣ отчуждавшая отъ него многихъ своей глубиной, своей напряженной силой и своей шириной. Одни не могли понять, какъ мирится его мистицизмъ съ такимъ широкимъ и свѣтлымъ умомъ, съ такой могучей діалектической силой, съ такимъ универсальнымъ научнымъ образованіемъ; этотъ ученый мыслитель, знакомый со всѣми выводами новѣйшаго естествознанія, убѣжденный эволюціонистъ, наконецъ философъ, владѣвшій всѣми пріемами филологической критики, вѣрилъ въ реальный міръ духовъ, въ который вѣритъ первобытный дикарь. И эта вѣра, чуждая въ немъ всякаго суевѣрнаго страха, не была у него простою причудой: она входила въ плоть и кровь его міросозерцанія, она составляла его личную особенность, и онъ высказывалъ ее при всякомъ случаѣ, съ той единственной въ своемъ родѣ откровенностью и прямотой, съ какою онъ вкладывалъ всю свою личность въ свои писанія. Но смущалъ онъ не

однихъ скептиковъ: религіозные люди смущались самой широтой и смѣлостью его вѣры и не могли помириться съ тѣмъ универсальнымъ, *вселенскимъ* христіанствомъ, которое онъ исповѣдовалъ.

Въ немъ было изобиліе вѣры, откликавшейся на все религіозное, съ любовью принимавшей все подлинно-христіанское. То соединеніе церквей, которое было его любимою мыслью, которое онъ проповѣдовалъ въ прежніе годы, было въ душѣ его не только идеей, а живымъ совершившимся фактомъ. Въ религіозной исторіи, въ исторіи христіанства нашего вѣка, личность Владиміра Соловьева займетъ подобающее ей мѣсто, какъ исповѣдника вселенскаго христіанства, который съумѣлъ жизненно усвоить и соединить въ себѣ вѣру разрозненныхъ церквей. Умолчать объ этомъ значило бы умолчать о самомъ главномъ въ духовной жизни Владиміра Сергѣевича.

Глубокая и свободная личная религіозность, враждебная всякой мертвенной обрядности и догматизму, личное отношеніе ко Христу, радостная увѣренность въ Богѣ, духовное служеніе въ свѣтскомъ призваніи сближали его съ протестантствомъ. Признавая неограниченное право свободнаго изслѣдованія и личнаго убѣжденія, онъ раздѣлялъ и протестантское отношеніе къ писанію—въ одно и то же время религіозно-мистическое и раціонально-научное. Но христіанство не ограничивалось для него личнымъ, индивидуальнымъ, внутреннимъ фактомъ. Реальный союзъ Божества съ человѣчествомъ, или фактъ „богочеловѣчества", являлся ему всемірнымъ, космическимъ началомъ, раскрытіемъ живого смысла вселенной, ея закономъ и конечною цѣлью ея эволюціи. Универсальное по существу, христіанство должно стать всечеловѣческимъ, всемірнымъ въ дѣйствительности, чтобы осуществить Царство Божіе на землѣ. Отсюда необходимость вселенской каѳолической церкви, черезъ которую осуществляется это царство, необходимость собирательной теократической организаціи человѣчества, созданной Христомъ. И Владиміръ Сергѣевичъ призналъ теократическій идеалъ той церкви, которая поставила его на своемъ знамени,—идеалъ католической церкви; онъ вѣрилъ въ реально-мистическое, божественное установленіе верховной духовной власти римскаго первосвященника, какъ условіе единства и внутренней независимости земной церкви. Объ отношеніи Соловьева къ католицизму много говорилось у насъ, и много сказано было невѣрнаго и даже ложнаго. Съ католической стороны его проповѣдь встрѣтила самую авторитетную *положительную* оцѣнку. Но и тамъ, какъ и у насъ, не поняли, что одинъ внѣшній католицизмъ, одно внѣшнее единство церкви подъ главою земного, Богомъ поставленнаго первосвященника еще не было для нашего мыслителя полнотою христіанства или самымъ главнымъ въ христіанствѣ: въ своей „повѣсти объ

антихристѣ" онъ разсказываетъ, какъ католики забываютъ о Христѣ и переходятъ на сторону Его противника во имя внѣшняго возстановленія и возвеличенія папской власти. „Ограду" римской церкви онъ никогда не принималъ за самую церковь и самую церковь не ставилъ выше Живущаго въ ней. На-ряду съ католическимъ идеаломъ христіанской универсальной теократіи или „града Божія" онъ, подобно Августину, носилъ въ себѣ евангелическій идеалъ духовной свободы во Христѣ, вѣруя, что въ корнѣ, въ существѣ христіанства, въ одно и то же время и личнаго, и всемірнаго, нѣтъ и не должно быть противорѣчія или раздѣленія.

И наконецъ этотъ человѣкъ, жизненно усвоившій религіозные идеалы западныхъ исповѣданій, жилъ и умеръ самымъ искреннимъ и убѣжденнымъ сыномъ православной церкви, въ которой онъ видѣлъ „Богомъ положенное основаніе". Тѣ, кто знали его, помнятъ его благоговѣйную любовь къ святынямъ церкви, къ ея таинствамъ, иконамъ, молитвамъ, къ ея мистическому богослуженію, „ангелами преданному", какъ онъ выражался. Здѣсь, какъ и всюду, вѣра его была сознательна и философски продумана [1]), органически связана со всѣмъ его міросозерцаніемъ; но и здѣсь, какъ всюду, она была непосредственной и живой; онъ свидѣтельствовалъ ее и своими богословскими трудами, и своимъ пламеннымъ обличительнымъ словомъ противъ пороковъ нашего церковнаго строя, и своимъ увѣщаніемъ къ раскольникамъ [2]); онъ свидѣтельствовалъ ее всею своей жизнью и самою смертью.

Мертвой, головной вѣры онъ не зналъ, и отъ вѣры, какъ и отъ добра, онъ требовалъ оправданья на дѣлѣ. И вся жизнь его была стремленьемъ оправдать свою вѣру, оправдать добро, въ которое онъ вѣрилъ. Дѣлу своему онъ отдавался весь, не зная отдыха, безпощадный къ себѣ, пренебрегая болѣзнью и истощеньемъ, торопясь исполнить то, что̀ считалъ своимъ призваньемъ. „Должно быть, я слишкомъ много заразъ работалъ", говорилъ онъ въ послѣдніе дни; какъ ни велико было обиліе его дарованій, его физическій организмъ не выдержалъ постояннаго напряженія, постоянной кипучей дѣятельности. Тѣ, кто видѣли его въ послѣдніе годы, помнятъ безъ сомнѣнія то впечатлѣніе крайней усталости, которое онъ такъ часто производилъ; но эта усталость не мѣшала ему работать больше прежняго. Напротивъ, она какъ бы заставляла его спѣшить сказать и сдѣлать возможно больше, пока хватитъ силъ.

---

[1]) См. его „Духовныя основы жизни".
[2]) См. „Русь" 1881-1882.

То была цѣльная и свѣтлая жизнь, несмотря на всѣ пережитыя бури, жизнь подвижника, побѣдившаго темныя, низшія силы, бившіяся въ его груди. Нелегко далась она ему: „трудна работа Господня“, говорилъ онъ на смертномъ одрѣ. Но въ этой трудной работѣ онъ не изнемогъ духомъ, сохранилъ чистое сердце и душевную бодрость, тотъ высшій, чуждый унынія источникъ веселья и радости, въ которомъ онъ самъ видѣлъ подлинный признакъ и преимущество искренняго христіанства.

Кн. С. Н. Трубецкой.

С. Узкое. 12 августа 1900.

ВЛАДИМІРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
СОЛОВЬЕВЪ

Нѣтъ болѣе Владиміра Соловьева! Въ полномъ расцвѣтѣ духовной силы и красоты онъ неожиданно ушелъ въ вѣчность, оставивъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ друзей и почитателей въ тяжеломъ горестномъ раздумьѣ.

5 іюля былъ онъ въ послѣдній разъ въ редакціи „Вѣстника Европы", въ обычные часы „присутствія" (по его всегдашнему выраженію). Ничто не предвѣщало скораго конца: онъ имѣлъ такой же видъ, какъ всегда,—бодрый и свѣтлый духомъ, хотя и утомленный и слабый тѣломъ. Онъ говорилъ о статьяхъ, которыя предполагалъ доставить для журнала къ осени (о Пушкинѣ), прочиталъ намъ замѣтку о китайскихъ дѣлахъ, которую думалъ помѣстить въ одной газетѣ, и послѣ краткаго разговора рѣшилъ дополнить и развить заключительную часть этой замѣтки, чтобы напечатать ее въ „Вѣстникѣ Европы". Написанное имъ ранѣе стихотвореніе „Драконъ" [1]), посвященное „Зигфриду" (т.-е. императору Вильгельму II), онъ нашелъ уже несвоевременнымъ, въ виду нѣкоторыхъ измѣнившихся обстоятельствъ. Собираясь ѣхать въ Пустыньку (бывшее имѣніе графа Ал. К. Толстого, близь станціи Саблино, никол. ж. д.), затѣмъ въ Москву, откуда онъ намѣревался отправиться еще на короткое время въ калужскую и тамбовскую губерніи, онъ казался уже болѣе уставшимъ, и лицо его было грустное, сумрачное, что̀ съ нимъ бывало часто, подъ вліяніемъ мимолетнаго настроенія. Черезъ нѣсколько дней было получено въ редакціи слѣдующее письмо на мое имя:

„Дорогой Л. З.,—Я по зрѣломъ обсужденіи рѣшилъ не торопиться съ заявленіемъ по китайскимъ дѣламъ, которое, какъ ты справедливо замѣтилъ, должно быть связано съ разсужденіями.

„Вмѣсто Дракона предлагаю для августовской книги чисто-лирическое стихотвореніе, которое, полагаю, нѣтъ надобности посылать заграницу [2]). По всей вѣроятности я вернусь между 20 и 25 іюля, ибо дальше калужской губерніи, какъ видно, не поѣду.

„И такъ до скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ".

„10 іюля 1900".

---

[1]) См. выше, стр. 316.

[2]) Т.-е. М. М. Стасюлевичу.

Увы,—этимъ прощальнымъ словамъ его не суждено было сбыться, и „между 20 и 25 іюля“ онъ уже тихо, постепенно прощался съ жизнью, окруженный дружескими заботами семьи кн. Трубецкихъ, подъ Москвой. Врачи нашли у него разныя запущенныя болѣзни, которыя должны были сломить организмъ болѣе крѣпкій, чѣмъ его хилое, изможденное тѣло; но онъ пріучилъ насъ всѣхъ не придавать этимъ болѣзнямъ особеннаго значенія, потому что всегда онъ справлялся съ ними благополучно и много разъ выдерживалъ кризисы, которые для большинства обыкновенныхъ людей были бы роковыми. Ему ничего не стоило являться въ общество послѣ нѣсколькихъ ночей, проведенныхъ безъ сна за работою и почти безъ пищи, или послѣ какихъ-нибудь болѣзненныхъ припадковъ, о которыхъ онъ ничего не сообщалъ или проговаривался только глухо, намеками; и въ такомъ состояніи онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, очаровывалъ друзей своимъ шутливымъ остроуміемъ, своимъ звонкимъ, раскатистымъ смѣхомъ. Пренебреженіе къ физической сторонѣ существованія сказывалось во всемъ строѣ или, вѣрнѣе, неустройствѣ его жизни; аскетъ по убѣжденіямъ, онъ иногда проводилъ цѣлые мѣсяцы въ совершенномъ одиночествѣ, обходясь безъ чьихъ бы то ни было услугъ,—самъ таскалъ дрова и топилъ печку, ставилъ себѣ самоваръ, а вся обстановка его квартирки состояла изъ кухоннаго стола, двухъ дырявыхъ табуретокъ и складной кровати (такъ жилъ онъ, напр., въ Потемкинской улицѣ, на углу Фурштадтской, въ 1897—98 годахъ). Иногда въ холодную осень онъ выходилъ (или, вѣрнѣе, выѣзжалъ,—такъ какъ пѣшкомъ онъ рѣдко ходилъ, вслѣдствіе крайней близорукости) въ лѣтней разлетайкѣ, потому что зимнее платье было оставлено имъ въ Раухѣ, у Иматры, или забыто гдѣ-нибудь въ калужской губерніи. Вещи его обыкновенно находились въ разныхъ мѣстахъ—частью въ Москвѣ, частью въ Петербургѣ, въ „Гостинницѣ Англія“, частью въ Финляндіи, или наконецъ въ „Пустынькѣ“, гдѣ была и его библіотека. И это происходило не вслѣдствіе разсѣянности (которой, въ сущности, у него не было), а вслѣдствіе сознательнаго, насмѣшливо-пренебрежительнаго отношенія къ житейскимъ благамъ и условіямъ, насколько онѣ касались его лично. Въ то же время природная общительность, любовь къ обществу и къ людямъ, въ связи съ привычками первой молодости, побуждали его нерѣдко отступать отъ правилъ аскетизма и даже жертвовать своимъ здоровьемъ ради друзей, ихъ интересовъ и ихъ настроенія. Но всякія экстравагантности проходили для него повидимому безнаказанно, и мы вмѣстѣ съ нимъ вѣрили въ предстоящую ему спокойную старость, которую онъ заранѣе отдавалъ въ распоряженіе благосклонной публики. Судьба рѣшила иначе,—физическая сторона жизни отомстила за себя скорѣе и рѣзче, чѣмъ можно было думать.

Вл. С. представлялъ собою рѣдкое сочетаніе самыхъ драгоцѣнныхъ качествъ ума и сердца. Открытая, младенчески-чистая душа его сохраняла свою дѣвственность до конца; никакія наслоенія житейской прозы не дотрогивались до нея, не нарушали ея свѣжести. Готовность дѣлать добро и исполнять желаніе всякаго, кто къ нему обращался, доходила у него до самоотверженія; онъ не только не умѣлъ отказывать въ чемъ бы то ни было и кому бы то ни было, но самъ предлагалъ свои услуги и оказывалъ ихъ съ необыкновенною внимательностью. Не располагая другими средствами, кромѣ своего литературнаго заработка, онъ пріобрѣлъ репутацію щедраго благотворителя; нерѣдко случалось, что, отдавъ послѣднія свои деньги,—хотя и меньше, чѣмъ нужно было по разсказу просителя,—онъ на слѣдующій день посылалъ дополнительную сумму съ извинительнымъ письмомъ. Сколько ни обманывали его довѣріе, онъ всякій разъ повторялъ тотъ же опытъ снова, съ тою же заботливою довѣрчивостью. Многіе злоупотребляли его добротою и отнимали у него время своими дѣлами и просьбами; онъ не жаловался на это, а только иногда уѣзжалъ въ уединенное мѣсто или за границу, чтобы быть въ состояніи работать на свободѣ.

Прямодушный и открытый въ сношеніяхъ съ людьми, но замкнутый въ своихъ философскихъ и теоретическихъ идеяхъ, онъ поражалъ богатствомъ и разнообразіемъ своихъ умственныхъ силъ. Оригинальный мыслитель, философъ и поэтъ, онъ въ то же время обладалъ остроуміемъ въ духѣ Кузьмы Пруткова, былъ замѣчательнымъ полемистомъ, отличался удивительной памятью, могъ свободно цитировать наизустъ Горація или Виргилія, какъ и Пушкина или Алексѣя Толстого. Писательское творчество давалось ему необычайно легко; иногда, сидя въ редакціи, онъ тутъ же сочинялъ какую-нибудь мѣткую пародію, стихотвореніе, или рецензію, блещущую юморомъ. Онъ былъ мастеръ слова, настоящій художникъ мысли.

Пользоваться дружбою такого человѣка, какъ Владиміръ Соловьевъ, было истиннымъ счастьемъ, и это счастье онъ удѣлялъ многимъ, съ присущею ему щедростью. У него были преданные, любящіе друзья въ разнородныхъ кругахъ общества, среди лицъ всевозможныхъ направленій и характеровъ; но повсюду и для всѣхъ онъ былъ одинаково самимъ собою,—тою же самобытною, яркою индивидуальностью, обаятельною по природѣ.

Выдающіяся личности не находятъ себѣ надлежащаго примѣненія и простора въ русскомъ обществѣ. Вл. С. былъ созданъ для каѳедры, но лишился ея съ 1881 года; онъ былъ созданъ для роли проповѣдника-учителя, но только въ концѣ девяностыхъ годовъ ему возвращено было право выступать передъ публикою въ качествѣ лектора

и читать доклады въ ученыхъ обществахъ. Кто разъ видѣлъ его на каѳедрѣ и слышалъ его вдохновенную рѣчь, тотъ не сомнѣвался въ его призваніи. Самая внѣшность его, вся его фигура, напоминавшая обычныя изображенія Христа,—красивое исхудалое лицо, глубокіе свѣтлые глаза подъ густыми темными бровями, роскошные длинные волосы,—вызывали особенное настроеніе, которое трудно передать словами. Когда онъ начиналъ говорить своимъ груднымъ голосомъ, медленно произнося отдѣльныя фразы, и затѣмъ останавливался, опустивъ голову,—въ публикѣ водворялось напряженное, нервное молчаніе. Тонъ его рѣчи производилъ гипнотизирующее дѣйствіе, которое, впрочемъ, исчезало, когда онъ читалъ съ рукописи. Его талантъ какъ лектора, высоко цѣнили въ частныхъ кружкахъ, гдѣ его приглашали читать съ благотворительною цѣлью; но весьма немногіе знали его какъ замѣчательнаго оратора. Я до сихъ поръ отчетливо помню нѣкоторыя сильныя мѣста его рѣчи, произнесенной въ залѣ Кредитнаго Общества почти двадцать лѣтъ тому назадъ—въ 1881 году;—помню возбужденныя, взволнованныя лица слушателей и особенно слушательницъ, провожавшихъ его по окончаніи лекціи. Онъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы оказывать благотворное, возвышающее вліяніе на умы молодежи и воспитывать нравственное чувство въ нашемъ обществѣ, а между тѣмъ—по какому-то странному недоразумѣнію—его признали лишнимъ для университетской науки. Съ умственными капиталами обращаются у насъ еще болѣе неразсчетливо и невнимательно, чѣмъ съ матеріальными. Вл. Соловьевъ рано вынужденъ былъ довольствоваться положеніемъ странствующаго философа-писателя, почетнаго сотрудника московскихъ и петербургскихъ журналовъ и газетъ. Только благодаря своей исключительной умственной энергіи и сосредоточенности, онъ успѣлъ исполнить нѣкоторые изъ задуманныхъ имъ систематическихъ трудовъ въ области научной философіи.

Основное философско-мистическое, отчасти богословское міросозерцаніе Вл. Соловьева было для насъ закрыто; онъ избѣгалъ говорить объ извѣстныхъ предметахъ съ людьми, не раздѣлявшими его вѣрованій. Будучи философомъ-мистикомъ, онъ обнаруживалъ, однако, тонкое, трезвое пониманіе реальныхъ отношеній и ставилъ общественно-государственные вопросы на почву здраваго смысла и справедливости; это живое пониманіе задачъ современности сдѣлало его публицистомъ, блестящимъ бойцомъ за правду, на страницахъ „Вѣстника Европы“.

Крупною заслугою Вл. С., какъ публициста, было разоблаченіе внутренней фальши и идейнаго ничтожества новѣйшаго славянофильства, выродившагося въ доктрину національнаго застоя, самовосхваленія и злобной реакціи. Вл. С. боролся съ этимъ направленіемъ на собствен-

ной его почвѣ, безпощадно преслѣдуя его защитниковъ до послѣднихъ ихъ убѣжищъ и изворотовъ. Столь же неутомимо воевалъ онъ съ теоріею „непротивленія злу"; разбивая ее съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія, даже въ формѣ художественныхъ описаній и діалоговъ (напр. въ „Трехъ разговорахъ"). Проникнутый свѣтлою вѣрою въ высшіе человѣческіе идеалы, Вл. С. до послѣднихъ дней своихъ стоялъ за бодрое активное противленіе злу, въ какомъ бы видѣ это зло ни являлось,—хотя бы въ видѣ песковъ, приносимыхъ изъ Азіи, или монгольскихъ полчищъ, угрожающихъ намъ въ будущемъ съ дальняго востока. Этотъ философъ-аскетъ былъ проповѣдникомъ активной бодрости духа, которой такъ недостаетъ нашему обществу, и его краснорѣчивые призывы не должны пройти безслѣдно для русскаго общественнаго сознанія.

Лучшій способъ чествовать писателя — это читать его сочиненія, а книги и статьи Вл. С. не только будятъ мысль и сообщаютъ знанія, но доставляютъ также эстетическое удовольствіе. Настойчивая, гибкая діалектика была тѣмъ орудіемъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ; — это діалектика строго-логическая, но живая и образная, полная мѣткихъ остротъ и эффектныхъ сопоставленій.

Если сообразить, какъ жилъ Вл. С. и сколько времени онъ отдавалъ друзьямъ и обществу, то нельзя не удивляться количеству оставленныхъ имъ работъ. Сверхъ двухъ диссертацій, изданныхъ въ 70-хъ годахъ („Кризисъ западной философіи" и „Критика отвлеченныхъ началъ"), онъ напечаталъ слѣдующія сочиненія: „Духовныя основы жизни" (3-е изданіе 1897); „Три силы", публичныя лекціи, 1877; „Чтенія о богочеловѣчествѣ" („Правосл. Обозр.", 1878—81); „Исторія и будущность теократіи", т. I, Загребъ, 1887; „Idée russe", 1888; „La Russie et l'église universelle" 1889; „Оправданіе добра" (нравственная философія), второе дополненное изд. 1899 г.; „Право и нравственность", очерки изъ прикладной этики, 1897 („Юридич. Библіотека" Канторовича, № 14); „Національный вопросъ въ Россіи", два выпуска, 1891; „Магометъ" (біографич. библіотека Павленкова), 1896; „Стихотворенія", 3-е изданіе 1900; „Три разговора", 1900. Изъ предпринятаго имъ перевода „Твореній Платона" съ объяснительными этюдами и примѣчаніями вышелъ первый томъ въ 1899 г., а второй печатается. Множество цѣнныхъ статей помѣщено имъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Ефрона-Брокгауза (между прочимъ, большія статьи о Гегелѣ, Кантѣ и др.) и въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ „Вѣстникѣ Европы" (съ 1886 г.) [1]) въ „Вопросахъ Фило-

[1]) Съ мартовской книги 1886 г. печатались въ журналѣ стихотворенія Вл. С.; затѣмъ съ 1888 г. были помѣщены имъ въ „Вѣстникѣ Европы" слѣдующія статьи: „Россія и Европа" (1888, февр. и апр.); въ *1889* г. — „О грѣхахъ и болѣзняхъ"

софіи“ и въ „Книжкахъ Недѣли“, — не считая мелкихъ замѣтокъ, рецензій и некрологовъ. Подъ его редакціею появились въ русскомъ переводѣ двухтомная „Исторія этики въ новой философіи“ Фридриха Іодля, „Индивидуализмъ“ Гелленбаха, „Афоризмы“ Герберта Спенсера и др. Какъ видно изъ списка, помѣщеннаго на обложкѣ послѣдняго изданія его стихотвореній, имъ приготовлялось еще къ печати нѣсколько новыхъ книгъ: „Поэзія Пушкина“, „Русская лирика въ XIX столѣтіи“, „Теоретическая философія“ (гнозеологія и метафизика) и „Эстетика“. Смерть похитила его въ самомъ разгарѣ дѣятельности, и русское общество потеряло въ немъ необыкновенно продуктивную умственную силу, обѣщавшую еще многое въ будущемъ...

Л. Слонимскій.

(янв.), „Очерки изъ исторіи русскаго сознанія“ (май, іюнь, ноябрь и дек.); *1890* г. — „По поводу сочиненія Н. М. Минскаго: „При свѣтѣ совѣсти“ (мартъ): „Счастливыя мысли Н. Н. Страхова“ (ноябрь); „Нѣмецкій подлинникъ и русскій списокъ“ (дек.); *1891* г.—„Идолы и идеалы“ (мартъ и іюнь); „Запоздалая вылазка изъ одного литературнаго лагеря“ (іюль); „Народная бѣда и общественная помощь“ (окт.); *1892* г. — „Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія“, очеркъ (ноябрь); „Вопросъ о самочинномъ умствованіи“ (дек.); *1893* г.—„Изъ вопросовъ культуры“ (май и іюнь); „На просторѣ“ (сент., окт., дек.); *1894* г.—„Первый шагъ къ положительной эстетикѣ“ (янв.); „Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ“ (февр.); „Францискъ Рачкій“, некрологъ (мартъ); „Ѳ. М. Дмитріевъ“, некр. (мартъ); „Споръ о справедливости“ (апр.); „Буддійское настроеніе въ поэзіи“ (май и іюнь); „Конецъ спора“ (іюнь); „Русскіе символисты“ (авг.); „Нравственная философія, какъ самостоятельная наука“ (ноябрь); „Нравственныя основы общества“ (дек.); А. М. Иванцовъ-Платоновъ, некр. (дек.); *1895* г.—„Народность съ нравственной точки зрѣнія“ (янв.); „Принципъ наказанія съ нравственной точки зрѣнія“ (мартъ); „Поэзія Ѳ. И. Тютчева“ (апр.); „Поэзія гр. А. К. Толстого“ (май); „Еще о символистахъ“ (окт.): „Нравственность и право“ (ноябрь); „Значеніе государства“ (дек.); *1896*—„Византизмъ и Россія“ (янв. и апр.); „Письмо къ редактору по поводу извлеченій изъ записокъ историка С. М. Соловьева“ (апр.); „С. М. Соловьевъ. Нѣсколько данныхъ для его характеристики“ (іюнь); „М. А. Хитрово“, некр. (авг.); „Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія“ (дек.); *1897* — „Изъ московской губерніи“ (авг.); „Судьба Пушкина“ (сент.); *1898*—„Жизненная драма Платона“ (мартъ и апр.); „Я. П. Полонскій“, некрол. (ноябрь); *1899*—„М. С. Корелинъ“, некр. (февр.); „Л. И. Поливановъ“, некрол. (мартъ), „Особое чествованіе Пушкина“ (іюль); І. Д. Рабиновичъ, В. Г. Васильевскій, Н. Я. Гротъ, некрологи (іюль); „Противъ исполнительнаго листа“ (окт.); „О значеніи поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина“ (дек.); *1900* г. — „Три характеристики. М. М. Троицкій, Н. Гротъ и Юркевичъ“ (янв.); „В. П. Преображенскій“, некрол. (іюнь), „В. В. Болотовъ“, некрол. (іюль). „По поводу послѣднихъ событій“, письмо въ Редакцію (сент.).

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1900.

Начало новой эпохи въ исторіи нашего средняго образованія.—Прошедшее и будущее его въ книгахъ Е. Л. Маркова и А. Ф. Масловскаго.—Рѣдкое единодушіе.—Кн. А. И. Урусовъ и Г. А. Джаншіевъ †.

Великимъ праздникомъ для десятковъ тысячъ родителей былъ тотъ день, когда они прочли циркуляры, обращенные министромъ народнаго просвѣщенія, въ началѣ августа, къ попечителямъ учебныхъ округовъ. Немаловажно то, что̀ они даютъ; еще важнѣе то, на что они позволяютъ надѣяться. „Коммиссія по вопросамъ средней обще образовательной школы,—читаемъ мы въ циркулярѣ 1-го августа,—выработала многочисленныя предположенія о мѣрахъ улучшенія сказанной школы. Большинство этихъ предположеній потребуетъ новыхъ законодательныхъ мѣръ и продолжительнаго времени для ихъ окончательной разработки. Другія предположенія достаточно разработаны самой коммиссіей и могутъ быть осуществлены властью министра. Таковы правила объ экзаменахъ: они будутъ изданы осенью сего года, по полученіи заключеній попечительскихъ совѣтовъ по этому предмету. Наконецъ, нѣкоторыя изъ предположеній коммиссіи выяснены настолько, что могутъ быть осуществлены теперь же". Подъ эту послѣднюю рубрику подведены, между прочимъ, новые учебные планы по древнимъ языкамъ, вводимые въ дѣйствіе съ самаго начала нынѣшняго (1900—1901) учебнаго года. Опредѣленнаго грамматическаго матеріала для старшихъ классовъ въ планахъ не указано вовсе: преподаватели, по словамъ циркуляра, „должны знакомить учениковъ съ синтаксическими явленіями по мѣрѣ надобности, при разборѣ текстовъ, и отъ времени до времени приводить, гдѣ это нужно, накопившійся грамматическій матеріалъ въ систематическій порядокъ". Экстемпораліи, „какъ средство учебнаго контроля, должны быть устранены изъ школьной практики, какъ не достигающія цѣли". До сихъ поръ „они служили только для подготовленія учениковъ къ письменнымъ работамъ на экзаменахъ, каковыя работы затѣмъ въ округѣ являлись мѣриломъ достоинства самихъ преподавателей. Вслѣдствіе этого сіи послѣдніе старались возможно болѣе упражнять своихъ учениковъ въ письменныхъ работахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непомѣрно усиливали грамматическіе курсы, отчего отодвигалось на второй планъ достиженіе главной цѣли преподаванія древнихъ языковъ, т.-е. пони-

маніе древнихъ авторовъ". Въ силу этихъ соображеній съ наступающаго учебнаго года отмѣняются на экзаменахъ письменныя испытанія по древнимъ языкамъ, а въ теченіе года за письменными упражненіями предписывается сохранять „исключительно дидактическое значеніе, употребляя ихъ не часто и въ ограниченномъ объемѣ". Преподавателямъ древнихъ языковъ ставится на видъ, что они обязаны „разъяснять, по мѣрѣ надобности. разнаго рода явленія изъ области русской грамматики и стилистики, независимо отъ того, были ли подобныя явленія разъяснены на урокахъ русскаго языка". Существенно важный комментарій къ словамъ министра мы находимъ въ циркулярѣ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа на имя начальниковъ средне-учебныхъ заведеній. „Съ отмѣною экстемпоралій и письменныхъ испытаній по древнимъ языкамъ, — говоритъ г. попечитель, — эти послѣдніе *ставятся нынѣ въ гимназіяхъ, въ сущности, въ такое же положеніе, какъ и новые языки; отличіе выражается только числомъ уроковъ, которое можетъ быть измѣнено не иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ*... Тексты (древнихъ авторовъ) изучались и при прежней постановкѣ дѣла; но при изученіи преслѣдовались преимущественно грамматическія цѣли. Отчасти вслѣдствіе этого, а отчасти и вслѣдствіе того, что *для преподаванія древнихъ языковъ были въ свое время приглашены въ большомъ числѣ иностранцы, не владѣвшіе свободно русскимъ языкомъ, при переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій выработался своеобразный стиль*, получившій и печатное проявленіе въ такъ называемыхъ подстрочникахъ. Отнынѣ примѣненіе подстрочныхъ переводовъ можетъ быть допущено только въ качествѣ переходной стадіи; но затѣмъ эти переводы должны быть обязательно и немедленно же отдѣлываемы сообразно съ требованіями литературнаго языка, для чего, конечно, необходимо, чтобы преподаватели не только вполнѣ владѣли русскимъ языкомъ, но и были достаточно знакомы, съ русской литературой". Первое изъ подчеркнутыхъ нами мѣстъ заставляетъ думать, что при пересмотрѣ гимназическаго устава въ законодательномъ порядкѣ древніе языки окончательно утратятъ то господствующее мѣсто, которое было имъ отведено тридцать лѣтъ тому назадъ. Если положеніе ихъ въ системѣ преподаванія ничѣмъ, въ сущности, не должно отличаться отъ положенія новыхъ языковъ, то нѣтъ, очевидно, причины оставлять за ними громадное число уроковъ въ ущербъ всему остальному. Уравнять древніе языки съ новыми, значитъ отказаться отъ вѣры въ какую-то особую силу, присущую первымъ и несвойственную послѣднимъ. А между тѣмъ, эта вѣра была краеугольнымъ камнемъ зданія, воздвигнутаго гр. Д. А. Толстымъ и его московскими вдохновителями. Изъ нея проистекалъ способъ изученія древнихъ языковъ, весь построенный на грам-

матикѣ, отодвигавшій далеко на задній планъ знакомство съ авторами, съ содержаніемъ классической древности. Изъ нея проистекала ненормальная роль экстемпоралій, пережившая частичную реформу 1890-го г.—пережившая ее именно потому, что бывшій сотрудникъ гр. Толстого не хотѣлъ и не могъ рѣшительно порвать съ его завѣтами. Изъ нея проистекало, наконецъ, приглашеніе въ учителя древнихъ языковъ множества иностранцевъ, едва знавшихъ по-русски и создавшихъ тотъ „своеобразный стиль", о которомъ идетъ рѣчь во второмъ изъ подчеркнутыхъ нами мѣстъ циркуляра. Оффиціально подтвердилось, такимъ образомъ, все то, на что, въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій, не переставали нападать—когда снимался запретъ съ критики—противники греко-латинскаго идолопоклонства. Русскій языкъ, русская литература, новые языки опять вступаютъ въ свои права; слабѣетъ гнетъ, такъ долго тяготѣвшій надъ подростающими поколѣніями; возникаетъ надежда на нормальную постановку средняго, а слѣдовательно—и высшаго образованія. Какова бы ни была судьба законопроектовъ, подготовляемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, эпоху мертваго, удушливаго, притупляющаго псевдоклассицизма можно считать безвозвратно миновавшей.

Давленіе системы, доживающей теперь послѣдніе свои дни, чувствовалось не только гимназистами и ихъ родителями, но и преподавателями гимназій, изъ живыхъ дѣятелей превратившимися въ составныя части сложнаго механизма. И этому горю намѣренъ помочь министръ народнаго просвѣщенія: одинъ изъ его циркуляровъ направленъ къ тому, чтобы поднять значеніе педагогическихъ совѣтовъ и хозяйственныхъ комитетовъ среднихъ учебныхъ заведеній. По справедливому замѣчанію г. П. Г—ва („С.-Петербургскія Вѣдомости" № 215), осуществленіе этой благой цѣли можетъ, однако, встрѣтить большія затрудненія. Педагогическимъ совѣтамъ отведена довольно широкая роль и дѣйствующимъ гимназическимъ уставомъ: если они на самомъ дѣлѣ ея не играли и не играютъ, то это зависитъ, прежде всего, отъ избытка власти, предоставленной директору гимназіи. Ему *подчинены* всѣ служащіе въ гимназіи; онъ представляетъ ихъ къ наградамъ и пособіямъ, а также къ увольненію „за неспособностью"; при несогласіи съ мнѣніемъ педагогическаго совѣта, онъ можетъ поступить по своему усмотрѣнію, доводя лишь о разногласіи до свѣдѣнія попечителя округа. Отъ директора зависитъ представленіе къ наградамъ и почетнаго попечителя гимназіи—и этимъ парализуется значеніе хозяйственнаго комитета, который, какъ видно изъ министерскаго циркуляра, обыкновенно даже не созывается. Существенной перемѣны къ лучшему и здѣсь нельзя, поэтому, ожидать до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣнено закономъ положеніе директора, пока

онъ изъ властнаго распорядителя всѣмъ и всѣми не обратится въ перваго между равными. И тогда, конечно, перемѣна совершится не сразу: умственный и нравственный складъ, выработанный тридцатилѣтней привычкой, не скоро уступаетъ мѣсто другому. Вполнѣ цѣлесообразнымъ, въ качествѣ переходной мѣры, слѣдуетъ признать разъясненіе, данное министерскому циркуляру попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа: онъ напоминаетъ, что директора среднихъ учебныхъ заведеній не должны входить къ нему съ представленіями лично отъ себя по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію педагогическаго совѣта или хозяйственнаго комитета, и ограждаетъ права меньшинства, настаивая на внесеніи въ протоколъ отдѣльныхъ мнѣній, хотя бы поданныхъ однимъ лицомъ. Менѣе соотвѣтствующимъ общему духу задуманныхъ преобразованій кажется намъ другое требованіе г. попечителя: чтобы начальники среднихъ учебныхъ заведеній посвящали незанятые ихъ собственнымъ преподаваніемъ учебные часы главнымъ образомъ посѣщенію уроковъ преподавателей. „Послѣ посѣщенія уроковъ начинающихъ, мало опытныхъ преподавателей, — говоритъ г. попечитель, — гг. начальники могутъ сдѣлать имъ полезныя указанія какъ относительно методовъ, такъ и относительно классной дисциплины; но и посѣщеніе уроковъ отличныхъ и вполнѣ опытныхъ преподавателей очень важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность начальникамъ познакомиться съ занятіями отдѣльныхъ учениковъ не по отзывамъ преподавателей только, а по личному наблюденію". Намъ думается, что усиленное и постоянное посѣщеніе классовъ начальникомъ учебнаго заведенія не можетъ способствовать развитію въ учителяхъ того качества, которымъ они теперь всего менѣе обладаютъ и безъ котораго немыслимо дѣйствительное преобразованіе средней школы — самостоятельности. Изучить каждаго изъ 250—300 учениковъ гимназіи директоръ все равно не можетъ, какъ бы усердно онъ ни ходилъ по классамъ—а на учителей, среди которыхъ еще жива память о недавнемъ прошломъ, такое хожденіе не можетъ не производить удручающаго впечатлѣнія. Нуженъ необыкновенный, рѣдкій тактъ, чтобы отнять у начальническихъ посѣщеній характеръ контроля, вызваннаго недовѣріемъ.

Распоряженія министерства народнаго просвѣщенія (къ которымъ нужно прибавить еще отмѣну лѣтнихъ каникулярныхъ работъ и составленіе преподавателями подробныхъ программъ учебныхъ предметовъ) скорѣе увеличиваютъ, чѣмъ уменьшаютъ интересъ, съ которымъ русское общество слѣдитъ за движеніемъ вопроса о гимназической реформѣ. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса все еще остается дѣломъ будущаго; о новомъ устройствѣ средней школы и теперь возможны только догадки. Не теряютъ значенія, слѣдова-

тельно, и различныя мнѣнія, высказанныя въ печати, если они основаны на тщательномъ и всестороннемъ изученіи предмета. Этому условію удовлетворяютъ вполнѣ работы Е. Л. Маркова („Грѣхи и нужды нашей средней школы“) и А. Ф. Масловскаго („Русская общеобразовательная школа“). Первый долго былъ практическимъ педагогомъ, и притомъ въ такое время, когда гимназіи не были еще скованы ледянымъ покровомъ все предусматривающихъ и всюду проникающихъ инструкцій. Тульская гимназія начала шестидесятыхъ годовъ, гдѣ онъ былъ инспекторомъ, до сихъ поръ еще можетъ служить образцомъ для тѣхъ, въ чьихъ глазахъ инціатива важнѣе исполнительности, любовь къ дѣлу—дороже педантизма. Для Е. Л. Маркова отрицательное отношеніе къ уставу 1871-го года—плодъ цѣлой жизни, воспоминаній молодости и наблюденій зрѣлаго возраста. А. Ф. Масловскій подошелъ къ вопросу другимъ путемъ: онъ былъ свидѣтелемъ нравственныхъ мукъ, которыя переживали, въ школьные годы, его сыновья—и это заставило его вникнуть въ причины явленія, общность котораго скоро стала для него безспорной. Заключительные выводы обоихъ авторовъ во многомъ сходны между собою: оба высказываются за полную передѣлку средней школы, оба считаютъ необходимой коренную перемѣну какъ въ ея программахъ, такъ и въ ея духѣ, ея цѣляхъ и пріемахъ. Е. Л. Марковъ стоитъ за изгнаніе изъ общеобразовательной средней школы, „со всею рѣшительностью, безъ малѣйшихъ колебаній и компромиссовъ“, языковъ латинскаго и греческаго; изученіе ихъ должно быть предоставлено спеціальнымъ школамъ, подготовляющимъ филологовъ, археологовъ и т. п. Въ основѣ образованія, необходимаго для каждаго, должно лежать „познаніе окружающаго его міра, своего народа, своей земли, своего языка и письменности, а также, въ извѣстной мѣрѣ, жизни и языка тѣхъ народовъ, съ которыми нашему родному народу приходится жить и вести разнаго рода дѣла“. Рядомъ съ научными предметами широкое мѣсто должно быть отведено рисованію, черченію, музыкѣ, пѣнію, гимнастикѣ, ремесламъ, учебнымъ прогулкамъ—и на все это могутъ быть обращены часы, посвящаемые теперь древнимъ языкамъ. Центральнымъ вопросомъ обновленнаго школьнаго дѣла долженъ стать вопросъ о подготовкѣ не преподавателей только, а учителей-воспитателей... Нѣсколько менѣе радикальны предложенія А. Ф. Масловскаго: онъ думаетъ, что совершенному исключенію изъ средней общеобразовательной школы подлежитъ только греческій языкъ, а преподаваніе латинскаго языка должно быть введено въ тѣ рамки, въ какихъ онъ изучался въ до-реформенной гимназіи не-классическаго типа (по четыре урока въ недѣлю, начиная съ четвертаго класса). Сокращенъ долженъ быть, далѣе, объемъ преподаванія математики;

недочеты по этому предмету, входящему въ курсъ каждой высшей технической школы, легко могутъ быть пополнены послѣднею, тогда какъ недостатокъ знаній по Закону Божію, новымъ языкамъ, исторіи, литературѣ, географіи такъ и останется навсегда неустраненнымъ. Много интересныхъ замѣчаній можно встрѣтить у обоихъ авторовъ и относительно способовъ и программъ преподаванія въ обновленной общеобразовательной школѣ—школѣ единой, т.-е. не требующей и не допускающей дѣленія на гимназіи и реальныя училища. Нужно надѣяться, что обѣ книги не будутъ оставлены безъ вниманія при окончательномъ редактированіи законопроектовъ, которыми должна завершиться реформа средняго образованія. Къ нѣкоторымъ мыслямъ г. Масловскаго—напр. къ предлагаемой имъ организаціи пріема въ высшія учебныя заведенія—мы вѣроятно будемъ еще имѣть случай возвратиться.

Съ рѣдкимъ единодушіемъ отнеслась къ памяти Вл. С. Соловьева наша печать всѣхъ направленій и оттѣнковъ. Нѣсколько теплыхъ словъ посвятила ему даже та петербургская газета, гдѣ двумя-тремя мѣсяцами раньше появилась крайне злобная выходка противъ него. Московская газета, отличившаяся, въ свое время, молчаніемъ, которое она долго хранила послѣ смерти Тургенева, дала мѣсто странной замѣткѣ г. Н. Барсукова [1]), но напечатала, рядомъ съ нею, статью г. Е. Поселянина, проникнутую глубокою, искреннею скорбью о преждевременной кончинѣ Вл. С. Соловьева. Едва-ли правъ, однако, авторъ этой статьи, когда онъ говоритъ о „нѣкоторой преградѣ", отдѣлявшей Соловьева „отъ того, что̀ принято называть образованнымъ обществомъ или, выражаясь точнѣе, отъ интеллигентной массы", и ищетъ объясненія „неполной его популярности" въ томъ, что „въ вѣкъ, придавшій исключительное значеніе всему внѣшнему, онъ страстно шелъ къ знанію находящагося тамъ, за гранью". По словамъ г. Поселянина, Соловьевъ „чувствовалъ, съ одной стороны, нѣкоторое почтительное къ себѣ равнодушіе невѣрующихъ, съ другой—какое-то скрытое недовольство и подозрѣнія со стороны строго православныхъ кружковъ. Какъ ни любили его многочисленные московскіе и петербургскіе его друзья, на человѣка, несомнѣнно жаждавшаго сильнаго вліянія на молодежь, на общество, сквозь эту близкую ограду сочувствія болѣзненно дѣйствовала инертность относительно него массы"! Да, покойный жаждалъ вліянія; да, это вліяніе могло бы быть гораздо болѣе широко и сильно; но преграды, ко-

---

[1]) Цѣль этой замѣтки—указать на „поучительное совпаденіе", въ силу котораго въ тотъ день, когда по Москвѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ Вл. С., за литургіей читались слова: „погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну".

торыя оно встрѣчало, имѣли преимущественно внѣшній характеръ. Вл. С. Соловьевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества оратора: онъ легко возвышался до истиннаго краснорѣчія—того краснорѣчія, которое одинаково дѣйствуетъ и на небольшой кружокъ, и на многочисленныхъ слушателей; но ему недоставало каѳедры, соотвѣтствующей его таланту. Въ молодые годы онъ увлекалъ своихъ слушателей и слушательницъ, какъ доцентъ философіи—увлекалъ ихъ несмотря на то, что вовсе не раздѣлялъ тогдашняго настроенія молодежи; но профессорская дорога скоро оказалась для него навсегда закрытой. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ не имѣлъ возможности выступать публично, ни въ качествѣ лектора, ни даже въ качествѣ одного изъ участниковъ литературнаго вечера. Только недавно петербургская публика опять увидѣла его передъ собою, посѣдѣвшимъ и сгорбившимся, но по прежнему юнымъ душою—и въ пріемѣ, который онъ встрѣчалъ, слышалось нѣчто несравненно бо̀льшее, чѣмъ „почтительное равнодушіе“. „Инертной“ по отношенію къ Соловьеву масса была лишь на столько, на сколько это зависитъ отъ условій нашего общественнаго быта... Что Соловьеву жилось нелегко, это безспорно: но едва-ли ему было въ тягость „недовольство“ тѣхъ кружковъ, о которыхъ говоритъ г. Поселянинъ. Это недовольство вовсе не было „скрытымъ“: наоборотъ, оно выражалось весьма ясно и опредѣленно—и Соловьевъ сознательно шелъ ему на встрѣчу, безпощадно нападая на враговъ „идеала“. Мы едва-ли ошибемся, наконецъ, если скажемъ, что многимъ, весьма многимъ почитателямъ Соловьева было дорого, между прочимъ, именно стремленіе его къ находящемуся „за гранью“. Оно отвѣчало той жаждѣ таинственнаго, сверхъ-чувственнаго, которая составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ „конца вѣка“. Конечно, съ служеніемъ вѣчному Соловьевъ всегда соединялъ заботу о настоящемъ и о ближайшемъ будущемъ, т.-е. о человѣчествѣ, страждущемъ, томящемся, ищущемъ, здѣсь на землѣ, справедливости и свободы.

Незадолго до Вл. С. Соловьева сошли въ могилу два человѣка, мало въ чемъ похожіе другъ на друга, но одинаково честно послужившіе русскому обществу. Имя кн. А. И. Урусова неразрывно связано съ лучшими страницами въ исторіи русской адвокатуры. Едва сойдя съ университетской скамьи и вступивъ однимъ изъ первыхъ въ число кандидатовъ на судебныя должности при только-что открытомъ московскомъ окружномъ судѣ, онъ сразу пріобрѣлъ громкую извѣстность защитой Марѳы Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа и оправданной присяжными. Какое впечатлѣніе онъ произвелъ на слушателей — объ этомъ можно судить по воспоминаніямъ М. Ѳ. Гром-

ницкаго, такъ же быстро выдвинувшагося тогда въ средѣ обвинителей, какъ А. И. — въ рядахъ защиты. Съ тѣхъ поръ слава молодого адвоката не переставала расти. Мы видѣли и слышали его въ первый разъ въ Петербургѣ, лѣтомъ 1871 года, когда онъ выступилъ защитникомъ Успенскаго, главнаго обвиняемаго по такъ называемому нечаевскому дѣлу. Полный юношескаго пыла и вмѣстѣ съ тѣмъ опытный уже мастеръ формы, онъ увлекалъ и убѣждалъ, дѣйствовалъ одинаково сильно на чувство и на мысль, являясь то политическимъ ораторомъ, проливающимъ яркій свѣтъ на происхожденіе и развитіе новыхъ общественныхъ теченій, то тонкимъ діалектикомъ, расчленяющимъ юридическія понятія и установляющимъ юридическіе принципы. Демаркаціонная черта, проведенная имъ между заговоромъ и тайнымъ обществомъ, предопредѣлила исходъ процесса. Когда, послѣ независѣвшаго отъ А. И. перерыва его общественной дѣятельности, судьба перебросила его въ прокуратуру, онъ и здѣсь занялъ выдающееся мѣсто; но всѣ его симпатіи оставались на сторонѣ прежней его профессіи, и при первой возможности онъ опять сталъ присяжнымъ повѣреннымъ, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ. Возвращеніе этой силы къ ея настоящему призванію было одною изъ заслугъ „диктатуры сердца". Съ тѣхъ поръ, какъ и раньше, А. И. никогда не отказывалъ въ своей помощи обиженнымъ и угнетеннымъ, въ особенности если источникомъ угнетенія служила религія или національность. Онъ былъ, въ этомъ отношеніи, странствующимъ рыцаремъ правды, принимая на себя защиты то въ Вильнѣ, то въ Варшавѣ, то въ Минскѣ, не переставая служить любимому дѣлу и тогда, когда ему начали измѣнять физическія силы. Одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ рѣчей онъ произнесъ, въ качествѣ гражданскаго истца по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ московскомъ городскомъ Кредитномъ Обществѣ, уже совершенно больнымъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Внѣ судебной сферы интересы А. И. сосредоточивались преимущественно на французской литературѣ. Онъ преклонялся передъ Флоберомъ, любилъ Бодлера, но вмѣстѣ съ тѣмъ высоко цѣнилъ великихъ писателей XVII вѣка. Намъ пришлось прослушать въ небольшомъ кружкѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, его чтеніе о „Cid" Корнеля, „Mithridate" Расина и „Oedipe" Вольтера — и мы до сихъ поръ хорошо помнимъ, какъ горячо, живо и остроумно А. И. возставалъ противъ незаслуженнаго пренебреженія, съ которымъ у насъ принято относиться къ „псевдо-классической" трагедіи. Вообще чтенія А. И. по литературнымъ вопросамъ были такъ же оригинальны, такъ же богаты содержаніемъ и изящны по формѣ, какъ и его судебныя защиты. Еслибы адвокатская дѣятельность не поглотила его всецѣло, онъ былъ бы замѣчательнымъ критикомъ и эссеистомъ. Нужно на-

дѣяться, что вмѣстѣ съ избранными его рѣчами будутъ изданы и лучшіе его литературные этюды, какъ напечатанные въ газетахъ (напр. въ „Порядкѣ“, гдѣ онъ велъ театральный фельетонъ), такъ и оставшіеся въ рукописи.

Г. А. Джаншіевъ, умершій нѣсколько дней спустя послѣ кн. А. И. Урусова, также былъ присяжнымъ повѣреннымъ и близко принималъ къ сердцу судьбы адвокатуры [1]), но извѣстность онъ пріобрѣлъ на другомъ поприщѣ. Убѣжденный, страстный поклонникъ судебной реформы 1864 года, какъ одного изъ самыхъ крупныхъ шаговъ на пути къ торжеству справедливости, онъ глубоко скорбѣлъ при видѣ ударовъ, постигающихъ судебные уставы, и охотно переносился мыслью къ тѣмъ временамъ, когда они были предметомъ любви и вѣры. Ему была дорога память тѣхъ людей, которые связали съ ними свое имя— и онъ посвятилъ два обширныхъ этюда Д. Н. Замятнину, какъ министру юстиціи, при которомъ началось введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, и С. И. Зарудному, какъ первому зодчему чуднаго зданія. Изучая преобразованіе суда и процесса („Основы судебной реформы“, 1891), онъ понялъ, что оно было только частью обширнаго цѣлаго—и рѣшился дать общую картину „эпохи великихъ реформъ“. Эта картина произвела поразительное впечатлѣніе: однимъ она напомнила лучшіе годы ихъ жизни, другихъ ввела въ подробности дѣла, извѣстнаго имъ только по наслышкѣ, и всѣмъ дала точку опоры для сравненій, освѣщающихъ настоящее съ помощью минувшаго. Успѣхъ книги былъ небывалый: въ восемь лѣтъ она выдержала семь изданій, постоянно разростаясь, обнимая собою, вмѣстѣ съ разсказомъ о событіяхъ, біографическіе очерки ихъ главныхъ дѣятелей. Другая заслуга Джаншіева — это пламенное усердіе, съ которымъ онъ работалъ на пользу своихъ соплеменниковъ-армянъ, пострадавшихъ отъ турецкихъ неистовствъ. Сборникъ „Братская помощь“, созданный трудами Джаншіева, обезпечилъ судьбу множества семействъ и сиротъ—и на этомъ не остановилось бы дѣло, еслибы не преждевременная смерть издателя... Вся жизнь Джаншіева была нагляднымъ доказательствомъ тому, что можно быть такъ называемымъ „инородцемъ“, горячо заботящимся о своихъ ближайшихъ родичахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрнымъ сыномъ народа, въ составъ котораго они входятъ.

---

[1]) Однимъ изъ самыхъ раннихъ трудовъ его была брошюра: „Веденіе неправыхъ дѣлъ. Этюдъ по адвокатской этикѣ“.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. Очеркъ изъ соціальной исторіи Англіи. Второе, совершенно переработанное изданіе. Спб., 1900. Стр. 395. Ц. 2 р. 25 к.

Періодическіе промышленные кризисы, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, представляютъ „самое загадочное и непонятное явленіе хозяйственнаго строя нашего времени — явленіе, до сихъ поръ еще остающееся необъясненнымъ въ наукѣ". Дѣло въ томъ, что „капиталистическій міръ подчиненъ своимъ особымъ законамъ, стихійная сила которыхъ обнаруживается во время кризисовъ; отсюда и вытекаетъ непонятность кризисовъ". Послѣднее заключеніе кажется какъ будто неожиданнымъ, и для читателя вовсе не видно, откуда и почему оно вытекаетъ. Можно бы сказать наоборотъ: такъ какъ особые законы капиталистическаго міра уже изслѣдованы и объяснены, то и кризисы, въ которыхъ обнаруживается стихійная сила этихъ законовъ, перестали быть загадочными и непонятными, какими были раньше. Впрочемъ, если эти явленія все-таки остались почему-либо „самыми загадочными и непонятными", то теперь возникаетъ надежда устранить такое неудобство для науки, благодаря появленію труда г. Туганъ-Барановскаго. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ именно и предлагаетъ „попытку объясненія періодическаго наступленія промышленныхъ кризисовъ". Въ основу этого объясненія онъ кладетъ свою теорію рынковъ, которая изложена имъ уже въ первомъ изданіи книги, въ 1894 году, и съ тѣхъ поръ принята „нѣкоторыми изъ новѣйшихъ авторовъ, съ большими или меньшими ограниченіями", послѣ „чрезвычайно оживленной полемики", при участіи „цѣлаго ряда писателей". При такомъ живомъ и плодотворномъ научномъ движеніи въ области нашей экономической литературы можно разсчитывать не только на окончательное разъясненіе вопроса объ англійскихъ кризисахъ, но и на успѣшную разгадку еще многихъ другихъ столь же „загадочныхъ" явленій, до сихъ поръ не объясненныхъ наукою.

Хотя г. Туганъ-Барановскій совершенно переработалъ свою книгу для второго изданія (около двухъ третей ея написано вновь), но сущность ея осталась прежняя; прибавились только новыя фактическія данныя и поясненія, безъ ущерба для основныхъ взглядовъ и идей. Книга отличается богатствомъ матеріала и литературною легкостью изложенія; во всякомъ случаѣ она можетъ быть прочитана съ интересомъ.

А. Н. Мандельштамъ. Гаагскія конференціи о кодификаціи международнаго права. Т. I. Стр. VIII+273. Ц. 2 р. Т. II. Стр. 539. Ц. 3 р. Спб., 1900.

Изслѣдованіе г. Мандельштама касается не той Гаагской конференціи, которая созвана была по почину Россіи съ цѣлью ограничить вооруженія и упрочить общій миръ; здѣсь идетъ рѣчь о болѣе скромныхъ международныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ 1893 и 1894 годахъ въ Гаагѣ и имѣвшихъ своимъ предметомъ кодификацію нѣкоторыхъ отдѣловъ международнаго частнаго права. Разнообразіе законовъ, опредѣляющихъ частныя права и отношенія, приводитъ часто къ большимъ неудобствамъ и аномаліямъ, когда одни и тѣ же лица имѣютъ имущественныя и семейныя дѣла въ разныхъ государствахъ; бракъ, законный въ одной странѣ, считается недѣйствительнымъ въ другой; одинъ и тотъ же договоръ обсуждается у насъ по закону страны, гдѣ онъ возникъ, а за границей — по закону страны, гдѣ онъ подлежитъ исполненію. „Необходимо, — говоритъ авторъ, — чтобы люди знали точно, какимъ законамъ они подчинены въ своихъ международныхъ оборотахъ. Необходимо, чтобы эти люди считались всѣми государствами или женатыми или холостыми, или законными наслѣдниками даннаго лица или нѣтъ, или связанными даннымъ договоромъ или нѣтъ". Въ первомъ томѣ излагаются основы международнаго частнаго права въ ихъ историческомъ развитіи, въ связи съ вопросомъ о кодификаціи и съ работами Гаагскихъ конференцій по этому предмету, а второй томъ посвященъ спеціально международному брачному праву.

А. Кеппенъ, горный инженеръ. Соціальное законодательство Франціи и Бельгіи. Спб., 1900. Стр. XV+354.

Трудъ г. Кеппена, изданный „постоянною совѣщательною конторою желѣзозаводчиковъ" въ С.-Петербургѣ, содержитъ въ себѣ обстоятельный обзоръ законовъ, порядковъ и правилъ, касающихся положенія промышленныхъ рабочихъ во Франціи и Бельгіи. Въ небольшомъ введеніи (стр. 1—40) сообщаются историческія свѣдѣнія о развитіи соціальнаго законодательства въ названныхъ странахъ, а въ концѣ книги помѣщенъ также очеркъ учрежденій, спеціально предназначенныхъ для изученія условій рабочаго труда.

Н. Кабардинъ. О русскихъ нуждахъ. Съ 3-мя діаграммами русскаго государственнаго бюджета. Спб., 1900. Стр. 420. Ц. 2 р.

Авторъ посвящаетъ свою книгу „всевыносящей русской общинѣ", и этимъ посвященіемъ отчасти характеризуется сущность его разсужденій и выводовъ. Книга распадается на три части: въ первой говорится о сельскомъ населеніи и хозяйствѣ Россіи вообще, въ связи съ опытомъ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и другихъ государствъ; во второй — о „формахъ землевладѣнія и крестьянскомъ травосѣяніи", а въ третьей — о „причинахъ и слѣдствіяхъ" преобладанія общинныхъ началъ въ русскомъ народномъ бытѣ. Превознесеніе нашихъ самобытныхъ „коренныхъ особенностей" доходитъ у автора до отрицанія наиболѣе замѣтныхъ сторонъ современной дѣйствительности и побуждаетъ его возлагать на общину преувеличенныя, чисто-фантастическія надежды. „Община, — заключаетъ онъ, — и только община, какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности (?), — единственный достойный Россіи выходъ. Пока мы не встанемъ на этотъ исконный національный путь развитія, нашъ народъ будетъ то голодающимъ и замуровывающимся въ землю, то величественнымъ (?), какъ, напр., въ травосѣяніи, новыхъ плодосмѣнахъ и т. д., то угрожающимъ, какъ наше сектантство, а люди службъ — полнѣйшимъ ничтожествомъ, игрой немногихъ, трудъ — жалкимъ, власть же — прочной постольку, поскольку можетъ быть таковымъ домъ безъ фундамента и почвы". Г. Кабардинъ пожелалъ доказать слишкомъ много, и потому его полемическій трактатъ едва ли покажется кому-нибудь убѣдительнымъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1900** г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	По полугодіямъ: Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 60 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28; — въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, на Моховой; И. К. Голубева, Покровка, 52 (д. церкви Іоанна Предтечи), и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

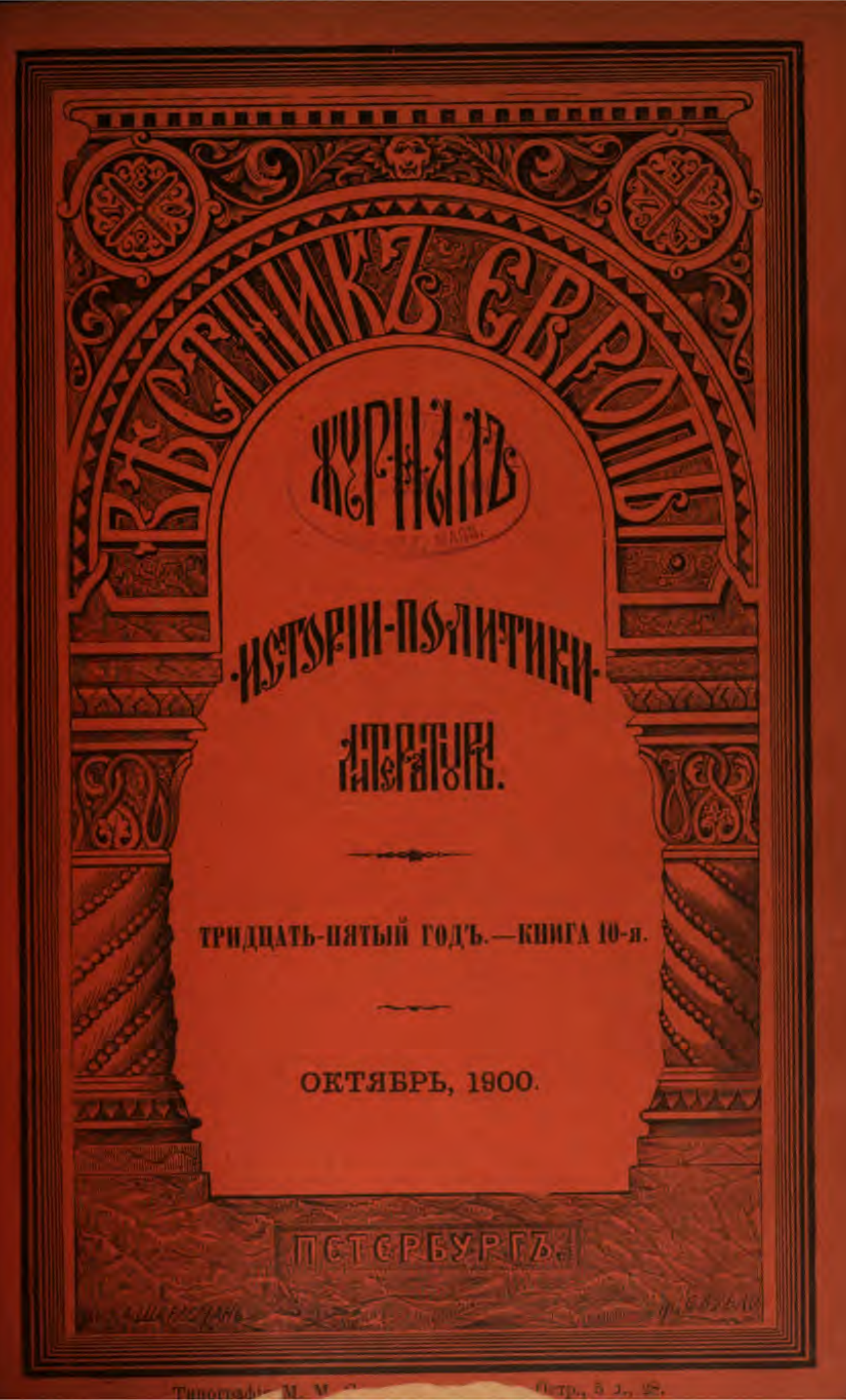
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 10-я.
ОКТЯБРЬ, 1900.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1900.

Подписка на годъ, полугодіе и послѣднюю четверть 1900 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

..с. Остр., Академич. пер.,

ГОСПОЖА ДЕ-СТАЛЬ

Окончаніе.

XIII [1]).

Извѣстно, что г-жа Сталь дала довольно обстоятельную характеристику Наполеона. Его новѣйшій историкъ Тэнъ находитъ даже, что лучшіе портреты Наполеона въ 1797 году принадлежатъ кисти живописца Герена (Guérin) и перу г-жи Сталь, „этой выдающейся женщины, въ которой соединились свѣтскій тактъ и проницательность съ европейскою культурой“. Онъ даже цѣликомъ приводитъ характеристику Наполеона изъ ея „Революціи“; онъ заимствовалъ изъ нея свой основной взглядъ на Наполеона. Этого достаточно, чтобы признать, что г-жа Сталь дала потомству художественный портретъ. Но онъ односторонен: она не могла вполнѣ понять историческаго значенія этой личности. Въ концѣ концовъ, ей, какъ свѣтской дамѣ, Наполеонъ представлялся Бонапартомъ, если не „Буонапартомъ“: для „свѣта“ всякій новый человѣкъ безъ предковъ—„выскочка“. Впрочемъ, талантъ и здѣсь заставляетъ г-жу Сталь кое-что предчувствовать. Она говоритъ: „Бонапартъ не только человѣкъ, но система; и еслибы онъ былъ правъ, родъ человѣческій не былъ бы тѣмъ, чѣмъ со... его Богъ. Слѣдовательно, нужно изучать его, какъ великую ...чу, рѣшеніе которой будетъ достойно мысли во всѣ вѣка“. ...отѣ портрета помогло великодушное сердце г-жи Сталь: ..., какъ и вездѣ, она умѣла забывать личныя обиды, стано...ся на сторону побѣжденныхъ, когда самъ побѣдитель очу-

[1]) См. выше: сентябрь, стр. 140 и слѣд.

тился въ такомъ положенiи. Наконецъ, быть можетъ, нигдѣ патрiотизмъ г-жи Сталь не проявлялся такъ блистательно, какъ здѣсь; она никогда не забывала, что Наполеонъ такъ сливался съ Францiей, что какъ его подвиги, такъ и его преступленiя и кара за нихъ, касались всей нацiи. Въ виду всего сказаннаго, предлагаемъ нашему читателю помянутую характеристику, которая у г-жи Сталь разбросана въ разныхъ сочиненiяхъ.

Припоминая событiя 1797 года, г-жа Сталь говоритъ: „Генералъ Бонапартъ, конечно, былъ менѣе серьезенъ и искрененъ, чѣмъ директорiя, въ своей любви къ республиканскимъ идеямъ; но онъ гораздо умнѣе оцѣнивалъ обстоятельства... Онъ выдавался своимъ характеромъ и умомъ столько же, сколько и своими побѣдами. Воображенiе французовъ уже приковывалось къ нему: приводили его воззванiе къ Цизальпинской и Лигурiйской республикамъ. Въ его слогѣ господствовалъ тонъ умѣренности и благородства, составлявшiй противоположность революцiонной жестокости гражданскихъ начальниковъ Францiи. Воинъ заговорилъ какъ чиновникъ, въ то время какъ чиновники выражались съ военной рѣзкостью. Въ своей армiи Бонапартъ не приводилъ въ исполненiе законовъ противъ эмигрантовъ; говорили, что онъ любитъ свою жену, отличавшуюся добрѣйшимъ характеромъ; увѣряли, что онъ доступенъ красотамъ Оссiана; приписывали ему всѣ великодушныя качества, столь прекрасно оттѣняющiя чрезвычайныя способности. Да и такъ тогда надоѣли и всѣ эти угнетатели, игравшiе словомъ „свобода", и эти угнетенные, мечтавшiе о произволѣ, что не знали, на что обратить свое благоволенiе; а Бонапартъ, казалось, соединялъ въ себѣ все для его уловленiя. По крайней мѣрѣ, съ такимъ чувствомъ я увидѣла его въ первый разъ въ Парижѣ. Я не нашлась, чтò отвѣчать ему, когда онъ подошелъ ко мнѣ сказать, какъ онъ сожалѣетъ о томъ, что ему не удалось повидать моего отца въ Коппэ. Но какъ только я немного оправилась отъ благоговѣйнаго волненiя, мною овладѣлъ весьма ощутительный страхъ. Бонапартъ тогда не имѣлъ никакой власти; говорили даже, что ему угрожаютъ мрачныя подозрѣнiя директорiи. Онъ внушалъ страхъ только своей особенной личностью, дѣйствуя такъ почти на всякаго, кто приближался къ нему. Я видѣла и людей весьма достойныхъ уваженiя, и людей свирѣпыхъ: во впечатлѣнiи, произведенномъ на меня Бонапартомъ, не было ничего такого, чтò напомнило бы мнѣ тѣхъ и другихъ. Я довольно скоро замѣтила, что его характера нельзя опредѣлить словами, которыя мы обыкновенно употребляемъ: онъ не былъ ни добръ, ни горячъ, ни

нѣженъ, ни жестокъ, какъ другія, извѣстныя намъ лица. Такое несравнимое существо не могло ни ощущать симпатіи, ни внушать ее: это было или больше, чѣмъ человѣкъ, или меньше. Его обращеніе, его умъ, его языкъ были запечатлѣны чѣмъ-то иностраннымъ,—лишнее условіе, чтобы подчинять себѣ французовъ. Сколько я ни видѣла Бонапарта, я не могла привыкнуть къ нему: напротивъ, страшилась его все больше и больше. Я смутно чувствовала, что его не возьмешь никакимъ движеніемъ сердца. Онъ смотритъ на человѣческое существо какъ на фактъ, какъ на вещь,—ни въ какомъ случаѣ какъ на себѣ подобнаго. Онъ не ненавидитъ и не любитъ; для него ничего не существуетъ, кромѣ него самого: всѣ остальныя созданія—цифры. Сила воли состоитъ въ немъ въ невозмутимыхъ разсчетахъ его эгоизма; это—искусный шахматный игрокъ, партнеромъ которому служитъ человѣческій родъ; и онъ рѣшилъ дать ему шахъ и матъ. Его успѣхи зависятъ столько же отъ качествъ, которыхъ ему недостаетъ, сколько отъ талантовъ, которыми онъ одаренъ. Ни жалость, ни увлеченіе, ни религія, ни приверженность къ какой-нибудь идеѣ,—ничто не въ силахъ отвратить его отъ главнаго направленія. Для своихъ собственныхъ выгодъ онъ—тоже, что̀ справедливость для добродѣтели: будь цѣль хороша, его настойчивость была бы прекрасна. Каждый разъ, какъ я слушала его, меня поражало его превосходство, но это вовсе не было превосходство людей, образованныхъ въ школѣ или въ обществѣ, какихъ мы встрѣчаемъ въ Англіи и во Франціи. Его рѣчь отличалась чутьемъ обстоятельствъ, какъ охотникъ чуетъ свою добычу. Иногда онъ повѣствовалъ чрезвычайно интересно о политическихъ и военныхъ событіяхъ своей жизни; въ тѣхъ разсказахъ, которые допускали веселость, было даже немного воображенія итальянца. И все-таки ничто не могло подавить моего непобѣдимаго отчужденія ко всему, что̀ я замѣчала въ немъ. Я чувствовала въ его душѣ холодный, острый мечъ, который, нанося рану, замораживалъ; я чуяла въ его умѣ глубокую иронію, отъ которой ничто не могло ускользнуть,—ни великое, ни прекрасное, ни даже его собственная слава. Онъ презиралъ націю, признанія которой добивался; и ни искорки энтузіазма не примѣшивалось къ его потребности изумлять человѣческій родъ. Я часто видѣла Бонапарта въ концѣ 1797 года и никогда не переставала задыхаться въ его присутствіи. Однажды я обѣдала между нимъ и Сіэсомъ. Я внимательно разсматривала лицо Бонапарта; но каждый разъ, какъ только онъ замѣчалъ мой наблюдательный взоръ, онъ какъ будто отнималъ у своихъ глазъ

всякое выраженіе, и они становились какъ бы мраморными. Его лицо дѣлалось неподвижнымъ; только неопредѣленная улыбка играла, на всякій случай, на его губахъ, чтобы сбить съ толку наблюдателя внѣшнихъ признаковъ его мыслей. Когда Сіэсъ похвалилъ моего отца, Бонапартъ также сказалъ мнѣ нѣсколько любезностей объ немъ и обо мнѣ, но съ видомъ человѣка, не интересующагося тѣми людьми, изъ которыхъ онъ не можетъ извлечь пользы. Его лицо, тогда худое и блѣдное, было довольно пріятно. Потомъ онъ потолстѣлъ, что̀ совсѣмъ не шло къ нему: вѣдь, хочется думать, что долженъ быть мученикомъ своего характера тотъ, кто заставляетъ такъ страдать другихъ. Такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ, съ длинной таліей, то къ нему гораздо больше шло сидѣть на лошади, чѣмъ стоять. Вообще ему подобала война, и только война. Въ обществѣ онъ стѣснялся, но безъ боязливости. Когда онъ сдерживался, въ немъ было что-то презрительное; а когда давалъ себѣ волю—что-то пошлое; презрительность шла къ нему больше всего, и онъ не пренебрегалъ ею. Въ силу естественнаго призванія быть государемъ, онъ уже обращался съ ничтожными вопросами ко всѣмъ, кого представляли ему... Ему уже нравилось ставить людей втупикъ непріятными словами: потомъ онъ возвелъ это искусство въ цѣлую систему, какъ одно изъ средствъ подчинять себѣ людей, унижая ихъ. Впрочемъ, тогда онъ желалъ нравиться, такъ какъ замышлялъ уже низвергнуть директорію и стать на ея мѣсто. Однако, можно было сказать, переиначивая пророка, что онъ невольно проклиналъ, желая благословлять".

Въ другихъ мѣстахъ г-жа Сталь добавляетъ эту характеристику: „Наполеонъ шелъ прямо къ цѣли, и никто не могъ превзойти его въ умѣньѣ овладѣвать всѣми средствами, чувствовать, кто ему можетъ быть полезенъ, кого надо уничтожить, кому сопротивляться, съ кѣмъ и когда дѣлать видъ, что соглашается. Онъ всегда чуялъ, гдѣ сила, и всячески дѣйствовалъ на людей. Онъ прекрасно понималъ психологію толпы, и особенно французской: египетская экспедиція была затѣяна имъ преимущественно съ цѣлью подѣйствовать на воображеніе французовъ. Важнѣе всего, что, при всемъ своемъ деспотизмѣ, Наполеонъ прекрасно понялъ свою роль среди народа, пролившаго столько крови за свободу. Онъ осторожно обращался съ принципами революціи. Въ особенности въ началѣ слово „свобода" было постоянно на его устахъ: онъ понималъ, что эта „лицемѣрная политика" проложитъ ему путь къ господству, и даже не надъ одной Франціей. Но уже тогда были случаи, выда-

вавшіе его. Однажды Бонапартъ сидѣлъ на диванѣ подлѣ Барра̀ и дружески разсказывалъ ему, какъ итальянцы хотѣли сдѣлать его своимъ королемъ; „но,—прибавилъ онъ,—мнѣ и въ голову не приходитъ ничего подобнаго ни для какой страны“.—„И хорошо дѣлаете, что не думаете объ этомъ для Франціи,—возразилъ Барра̀:—вѣдь, еслибы директорія отправила васъ завтра въ Тампль, не нашлось бы и четырехъ человѣкъ, которые воспротивились бы этому“. Бонапартъ вспрыгнулъ съ дивана и очутился у камина, но тотчасъ же скрылъ свое сильное волненіе и снова, принявъ спокойный видъ, попросилъ у Барра̀, чтобы ему поручили какую-нибудь военную экспедицію.

Получивъ власть, Наполеонъ думалъ только о томъ, чтобы поставить каждаго въ зависимость отъ себя. „Бонапартъ не желалъ, чтобы кто-либо существовалъ самъ по себѣ,—чтобы люди женились, богатѣли, выбирали себѣ мѣстопребываніе, развивали свои таланты безъ его позволенія. При немъ сталъ совсѣмъ празднымъ метафизическій вопросъ о свободѣ воли“. Разузнавъ всю подноготную о каждомъ, Наполеонъ на кого изливалъ свои милости, кого лишалъ всего и преслѣдовалъ. Всѣмъ партіямъ обѣщалъ онъ что-нибудь, и всякій видѣлъ въ немъ своего спасителя. Но не въ этомъ дѣло: основа всей необъяснимой и невиданной силы Наполеона лежитъ въ войнахъ, въ его геніальныхъ побѣдахъ, которыя онъ украшалъ обѣщаніями дать повсюду свободу и конституцію. Своими „гигантскими“ планами онъ увлекалъ пламенное воображеніе французовъ: милліоны людей слѣдовали за этимъ „адскимъ геніемъ“, который могъ дышать только въ „вулканической“ атмосферѣ. Эти-то побѣды, да еще страхъ передъ фразою: „хотите еще одной революціи?“ —вотъ что̀ расчистило путь къ коронѣ. А „подобравъ“ ее, онъ „поставилъ свое гигантское *я* на мѣсто человѣческаго рода“. Ни во что другое онъ не вѣрилъ: онъ смѣялся надъ совѣстью, душой, чувствомъ, религіей. Ему мало было подчинять себѣ людей: онъ унижалъ ихъ; все и всѣ должны были гнуться передъ нимъ. Онъ предпочиталъ лесть дѣйствительной похвалѣ, такъ какъ она свидѣтельствовала объ его власти. Этому „корсиканскому поручику“ хотѣлось водворить на землѣ міровую монархію. Изъ исторіи ему нравились больше всего Аттила и Карлъ Великій. Наполеонъ, самъ „необразованный, мало читавшій“, смотрѣлъ и на печать какъ на армію. „И еслибы не оффиціальные бюллетени, извѣщавшіе отъ времени до времени, что половина Европы завоевана, то можно было подумать, что покоишься въ покрытой цвѣтами колыбели и что ничего не

остается дѣлать, какъ только считать шаги императорскихъ величествъ и высочествъ и повторять милостивыя слова, которыя имъ благоугодно ронять на головы павшихъ ницъ подданныхъ". Наполеонъ желалъ поправить Тацита, который не объяснилъ, „почему римляне любили своихъ скверныхъ императоровъ", и готовъ былъ бы сдѣлать своимъ первымъ министромъ Корнеля, „понимавшаго пользу государства". А про Руссо онъ выражался такъ: „Это *онъ* сдѣлалъ революцію. Но я не жалуюсь на него: мнѣ удалось подхватить въ ней корону". Несомнѣнно, что Наполеонъ „упивался сквернымъ виномъ макіавелизма". Онъ видѣлъ глубину и смыслъ только въ злѣ: онъ великъ только какъ Сатана, „соблазнявшій Христа". Онъ далъ такой совѣтъ итальянскому благотворителю Мельци, желавшему отдать бѣднымъ свою землю: „Послушайтесь меня, не впадайте въ эту романтическую филантропію XVIII вѣка. На этомъ свѣтѣ нужно только одно—постоянно пріобрѣтать побольше денегъ и власти: все остальное—химера". Впрочемъ, Наполеонъ не дѣлалъ зла ради зла, а только если оно требовалось для его цѣли: въ остальномъ онъ не прочь былъ отъ добра и дѣлалъ его ловко и умѣло.

Но и частичка добра, лежавшая въ этой мрачной душѣ, стушевывалась все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени. Приговоръ г-жи Сталь Наполеону становится чѣмъ дальше, тѣмъ суровѣе. Сначала она была еще недалека отъ мнѣнія своего отца, который, въ 1802 году, видѣлъ въ Бонапартѣ „генія, человѣка необходимаго, необыкновеннаго по своимъ высокимъ качествамъ"; а потомъ, подъ перомъ г-жи Сталь, въ этомъ суевѣрномъ человѣкѣ не оставалось ничего, кромѣ эгоизма, деспотизма и презрѣнія ко всему человѣчеству. Въ немъ было что-то „средневѣковое, варварское, чужое, цѣлый другой вѣкъ". Онъ сталъ „роковымъ иностранцемъ, окруженнымъ китайскими церемоніями": „прилизанные волосы, неловкая талія и большая голова, что-то нескладное и нахальное, презрительное и недоступное,—все выдавало въ немъ неуклюжесть выскочки, въ соединеніи съ дерзостью тирана". Его хваленая улыбка уже не соотвѣтствовала выраженію глазъ. Если,—какъ говорили,—онъ иногда шалилъ, какъ дитя, то это, какъ и немногія хорошія черты, не чувствовалось никѣмъ: всюду проявлялся одинъ его „адскій геній", все сковывала его „желѣзная рука". Онъ зналъ только одно—„льстить выгодамъ людей въ ущербъ ихъ добродѣтелямъ, развращать умы софизмами, ставить цѣлью націи войну вмѣсто свободы". Онъ забрасывалъ людей болтовней. „Онъ довольно-таки любитъ эти

длинныя обсужденія. Его притворство въ политикѣ состоитъ не въ молчаніи: онъ любитъ сбивать съ толку людей цѣлымъ вихремъ словъ, который заставляетъ вѣрить въ самыя противоположныя вещи... А когда нужно было, онъ противопоставлялъ такую логику, въ которой ничего нельзя было понять, кромѣ его воли. Нѣкоторые думали, что Бонапартъ очень свѣдущъ по всѣмъ вопросамъ, потому что тутъ, какъ и вездѣ, онъ пускалъ въ ходъ свое шарлатанство. Но такъ какъ онъ мало читалъ въ своей жизни, ему было извѣстно только то, что̀ перепадало... Конечно, нужно много извѣстнаго рода ума, ума ловкаго человѣка, чтобы такъ прикрывать свое невѣжество". Наполеонъ погубилъ три милліона французовъ, породилъ ненависть народовъ къ свободной Франціи, допустилъ два раза чужеземцевъ къ стѣнамъ Парижа. Все это потому, что „этотъ колоссъ стоялъ на глиняныхъ ногахъ. Въ его душѣ не теплилась божественная искра. Презрѣніе къ человѣческому роду изсушило его сердце". Конечно, нельзя владѣть Европой безъ проницательнаго взгляда на людей и вещи, но въ головѣ Бонапарта была какая-то „путаница"—неизбѣжный удѣлъ всякаго, кто не признаетъ чувства долга. Къ нему лучше всего примѣняется извѣстное сравненіе Монтескьё: „Онъ срубилъ дерево съ корнемъ, чтобы достать плоды, а быть можетъ и изсушилъ самую почву". Если борьба за свободу ослабѣетъ въ Европѣ, то только потому, что „онъ съ корнемъ вырвалъ ее изъ головъ народовъ". Говорятъ, Наполеонъ—дитя революціи. „Да, — восклицаетъ г-жа Сталь:— дитя, но отцеубійца. Если онъ любилъ революцію, то лишь потому, что она доставила ему тронъ. Ненавидѣлъ же онъ ее инстинктомъ деспота: ему было бы пріятнѣе видѣть слѣдствіе безъ причины". Въ заключеніе г-жа Сталь говоритъ: „Можно разно судить о его геніи и качествахъ: въ этомъ человѣкѣ есть что-то загадочное. Каждый рисуетъ его другими красками, и каждый, быть можетъ, правъ съ своей точки зрѣнія. Кто захотѣлъ бы сконцентрировать его портретъ въ нѣсколькихъ словахъ, тотъ далъ бы ложный взглядъ на него. Чтобы дойти до чего-нибудь общаго, нужно слѣдовать по разнымъ путямъ: это—лабиринтъ, у котораго одна нить—эгоизмъ. Время прольетъ свѣтъ на разныя стороны его характера; и тѣ, которымъ угодно восхищаться необыкновеннымъ человѣкомъ, вправѣ находить его таковымъ. Но Франціи онъ не могъ принести ничего, кромѣ отчаянія".

Г-жа Сталь мало касается семейныхъ отношеній Наполеона. Она только замѣчаетъ, что не знала его частной жизни, и

судитъ его только какъ общественнаго дѣятеля. Она указываетъ лишь на деспотизмъ Наполеона къ своимъ близкимъ, причемъ сочувствуетъ его братьямъ, какъ жертвамъ палача, Маріи-Луизѣ, „этой дочери цезарей, знаменитой подругѣ, преисполненной доброты". Вообще, г-жа Сталь увѣряетъ, что не только не имѣетъ ничего личнаго противъ Наполеона, но что ей стоило даже усилій отдѣлаться отъ „того сотрясенія, которое производили на воображеніе его необычайный геній и грозная судьба". Она готова была защищать его послѣ паденія, тогда какъ многіе, и именно тѣ, которые прежде льстили ему, глумились надъ нимъ, прекрасно зная „высоту скрывающихъ его скалъ".

При такомъ взглядѣ на Наполеона, г-жа Сталь, съ первыхъ его шаговъ, должна была относиться къ нему подозрительно. Впервые она упоминаетъ о Бонапартѣ по поводу 13 вандемьера (4-го октября 1795 года). Она не довѣряетъ „анекдоту", будто онъ сказалъ, что пошелъ бы противъ конвента, еслибы секціи Парижа предложили ему начальство. Затѣмъ г-жа Сталь слѣдитъ за Бонапартомъ въ Италіи и сравниваетъ его съ Моро, командовавшимъ на Рейнѣ: „Рейнская армія сохранила всю республиканскую простоту, а *итальянская* ослѣпляла завоеваніями, но съ каждымъ днемъ отдѣлялась отъ патріотическаго духа... Это была армія Бонапарта, тогда какъ на Рейнѣ стояла армія французской республики". Г-жа Сталь не считаетъ мира въ Кампо-Форміо искреннимъ: тутъ,—говоритъ она,—кончилось царство принциповъ и началось царство одного человѣка. Г-жа Сталь называетъ послѣдовавшій затѣмъ торжественный пріемъ Бонапарта директоріей—„эпохой въ исторіи революціи": „лучшіе люди Франціи рукоплескали побѣдоносному генералу; онъ былъ надеждою всѣхъ; республиканцы, роялисты,—всѣ видѣли въ его могучей рукѣ и настоящее, и будущее". По мнѣнію г-жи Сталь, Бонапартъ воздержался тогда отъ переворота только потому, что республиканство было еще сильно во Франціи. Онъ рѣшался пока еще болѣе овладѣть „воображеніемъ людей", „сдѣлать изъ себя поэтическую личность". Отсюда—*египетская экспедиція*. Такъ какъ денегъ не было, то Бонапартъ сдѣлалъ „самое предосудительное дѣло"—заставилъ директорію захватить бернскую казну. Г-жа Сталь не утерпѣла и цѣлый часъ пробесѣдовала съ нимъ съ глазу на глазъ, желая отклонить его отъ этого предпріятія. „Онъ слушаетъ хорошо и внимательно, такъ какъ желаетъ знать, нѣтъ ли въ томъ, что̀ говорятъ ему, чего-нибудь полезнаго для него самого, но соединись Демосѳенъ съ Цице-

рономъ вмѣстѣ, они не могли бы побудить его хоть сколько-нибудь пожертвовать собственной выгодой". Французы вступили въ Швейцарію. Г-жа Сталь не скрываетъ, что Бонапартъ „улучшилъ политическія учрежденія и устранилъ нѣкоторые предразсудки въ католическихъ кантонахъ". Въ Египтѣ Бонапартъ надѣлалъ не мало „шарлатанства", чтобы прослыть „необычайнымъ феноменомъ". Однако, г-жа Сталь не желала, какъ другіе, называть возвращеніе Бонапарта „дезертирствомъ". Она осуждаетъ его только за „гораздо болѣе важное преступленіе", за полное отсутствіе гуманности, которое выказалъ этотъ генералъ въ Египтѣ, „не будучи по природѣ кровожаднымъ".

„Революція" 18-го брюмера, по мнѣнію г-жи Сталь, вовсе не требовалась: внѣшнее положеніе Франціи было удовлетворительно, а военный министръ, Бернадоттъ, „въ нѣсколько мѣсяцевъ преобразовалъ армію и исправилъ все зло, причиненное небрежностью". Бонапартъ встрѣтилъ лишь ничтожныхъ противниковъ. По своей судьбѣ всегда попадать на важныя событія, г-жа Сталь прибыла въ Парижъ въ самый день 18-го брюмера. Ее поразило явленіе, которое не встрѣчалось съ начала революціи: „Прежде говорили: конститюанта, народъ, конвентъ сдѣлали то-то и то-то. Теперь только и было рѣчи, что про одно собственное имя, про этого человѣка, который долженъ былъ поставить себя на мѣсто всѣхъ и превратить человѣческій родъ въ анонима". Г-жа Сталь тотчасъ узнала, что, по возвращеніи въ Парижъ, Бонапартъ, въ пять недѣль, все обдѣлалъ. „Всѣ партіи предлагали ему свои услуги, и онъ обнадежилъ всѣхъ... Въ его обращеніи было нѣжное лицемѣріе, составлявшее отвратительную противоположность съ его извѣстной наглостью". Къ тому же „поколѣніе, пережившее великія гражданскія смуты, почти всегда неспособно къ установленію свободы: оно слишкомъ загрязнено, чтобы совершить такое чистое дѣло". Г-жа Сталь охотнѣе видѣла бы на мѣстѣ Бонапарта Моро или Бернадотта, но первый „не былъ предпріимчивъ на гражданскія дѣла", а за послѣдняго директорія „не посмѣла взяться". Событія 18-го брюмера описаны у г-жи Сталь вѣрно, какъ принято теперь историками; одинъ изъ ея пріятелей въ законодательномъ корпусѣ присылалъ къ ней курьеровъ съ часу на часъ. Въ ту минуту, по словамъ г-жи Сталь, „безъ всякаго сомнѣнія, большинство честныхъ людей, опасаясь возвращенія якобинцевъ, желало успѣха Бонапарту". Но „мое чувство,—прибавляетъ она,—признаюсь, было смѣшанное: побѣда якобинцевъ повела бы къ кровавымъ сценамъ; тѣмъ не менѣе, при мысли о торжествѣ Бонапарта, я

испытывала страданіе, которое можно, пожалуй, назвать пророческимъ". Сначала, казалось, побѣждали якобинцы; и г-жа Сталь снова собиралась бѣжать изъ Франціи. Потомъ генералъ взялъ верхъ: и я „оплакивала,—говоритъ она,—не свободу—ея никогда не было во Франціи,—а надежду на эту свободу, безъ которой этой странѣ ничего не оставалось, кромѣ позора и бѣдствій".

Итакъ, Бонапартъ побѣдилъ не столько собственною силой, сколько благопріятными отрицательными условіями. У его противниковъ не было вождя. Всѣ ожидали такой роли отъ Сіэса, какъ видно изъ словъ Констана и изъ депешъ барона Сталя. Но разъ онъ самъ передалъ власть генералу, всѣ обрадовались и стали подползать къ послѣднему, какъ къ символу порядка и мира. Такъ же смотрѣли на переворотъ ближайшіе къ г-жѣ Сталь люди. Самъ Брольи восклицаетъ: „18-е брюмера ввело порядокъ; оно было освобожденіемъ... Послѣдовавшіе затѣмъ четыре года, подобно десяти годамъ царствованія Генриха IV, были лучшею, благороднѣйшею частью французской исторіи". Но г-жу Сталь не переставало преслѣдовать жуткое чувство: ей все казалось въ черномъ цвѣтѣ. Ея дальнѣйшій разсказъ, писанный гораздо позже, явно страдаетъ анахронизмомъ, внушеннымъ ненавистью.

По поводу „консульской конституціи" г-жа Сталь говоритъ, что Бонапартъ умышленно предоставилъ болтать о ней сколько угодно людямъ, привыкшимъ къ трибунѣ, „чтобы они растратили въ словахъ остатокъ своего характера". Къ такимъ пустымъ политикамъ принадлежалъ Сіэсъ, этотъ „оракулъ конституцій": и онъ все испортилъ. Г-жа Сталь и Констанъ почти одними и тѣми же словами характеризуютъ этого человѣка, какъ честнаго метафизика, „умъ котораго не могъ восторжествовать надъ мизантропіей его характера". Бонапартъ, „который не терялъ времени ни на созерцаніе отвлеченныхъ идей, ни на скверныя настроенія, тотчасъ понялъ, съ дальновидностью хищной птицы, свою выгоду въ системѣ Сіэса". Тогда „нужно было, чтобы философъ помогъ узурпатору; Сіэсъ своей метафизикой запуталъ самый простой выборный вопросъ, и въ этомъ-то туманѣ Бонапартъ безнаказанно прокрался къ деспотизму".

Затѣмъ началось развитіе абсолютизма, оправдываемаго „цѣлой артиллеріей фразъ". Бонапартъ „справедливо самъ говорилъ о себѣ, что онъ отлично умѣетъ играть на инструментѣ власти". Онъ обставилъ себя двумя куклами—консулами, „плывшими по вѣтру, которымъ этотъ геній бурь надувалъ ихъ па-

руса". Бонапартъ водворился въ Тюльери. „Въ послѣдніе дни прошлаго вѣка,—говоритъ г-жа Сталь,—я видѣла, какъ онъ вступилъ во дворецъ, сооруженный королями; и уже во всемъ окружавшемъ виднѣлось его стремленіе къ восточному царедворству". Всходя на лѣстницу среди тѣснившейся за нимъ толпы, онъ не уронилъ ни одного взора ни на одинъ предметъ, ни на одно лицо въ частности: на его лицѣ было что-то неопредѣленное и безпечное; его взоры выражали лишь то, что̀ всегда подобало ему—равнодушіе къ судьбѣ и презрѣніе къ людямъ". Воскресъ старый дворъ, который казался г-жѣ Сталь новымъ орудіемъ деспотизма до мелочей: „Наполеонъ упорно занимался дамскими туалетами, чтобы разоренные ими мужья принуждены были чаще прибѣгать къ нему". Опять завелось дворянство—„совершенно новое": г-жа Сталь не находитъ словъ для осмѣянія этихъ „bourgeois-gentilhommes". Она негодовала и на старую аристократію, о которой вѣрно сказалъ Бонапартъ: „Я открылъ имъ мои переднія—и они бросились туда". Наконецъ, воскресло духовенство, которое стало проповѣдовать послушаніе новому „Провидѣнію на землѣ". Иначе оно угрожало адомъ. „Стало быть,—восклицаетъ г-жа Сталь,—вѣроятно нужно было вѣрить, что Бонапартъ будетъ располагать адомъ на томъ свѣтѣ, потому что онъ познакомилъ съ нимъ этотъ свѣтъ".

Эта фраза понятна въ устахъ писательницы, которая одна изъ первыхъ окунулась въ этотъ адъ. Это было ей тѣмъ болѣе чувствительно, что въ началѣ она надѣялась на рай. Оказывается, что, при первыхъ лучахъ славы корсиканца, ея отношенія къ нему были совсѣмъ иныя. Мы совершенно согласны съ Мишле́, который считаетъ „дѣломъ безконечно невѣроятнымъ объясненіе г-жи Сталь въ любви Бонапарту, въ ту пору, когда она вся отдавалась Констану, котораго толкала въ оппозицію противъ Бонапарта". Но несомнѣнно, что г-жа Сталь возлагала тогда на Бонапарта извѣстныя надежды. Въ эпоху 18-го фрюктидора она писала Мейстеру: „Если молодой генералъ пойдетъ такъ и дальше, то онъ будетъ первымъ республиканцемъ Франціи, точно также какъ онъ уже есть самый либеральный человѣкъ среди французовъ". Въ то же время Лавалеттъ говорилъ: „Въ ту пору благоговѣніе г-жи Сталь къ генералу Бонапарту доходило до энтузіазма".

Тотчасъ послѣ 18-го брюмера г-жа Сталь писала своему пріятелю, Форіэлю: „Мы здѣсь надѣемся на миръ и очень восхищаемся Бонапартомъ". Въ „Dix années", уже въ концѣ изгнанія, г-жа Сталь признавалась, что „она способна была согнуться

передъ тиранніей". Но прибавляетъ: „Еслибы въ ту минуту Бонапартъ увѣдомилъ меня, что желаетъ сойтись со мной, я скорѣе всего обрадовалась бы этому". Но „бѣда въ томъ, что этотъ человѣкъ никогда не хотѣлъ сблизиться съ кѣмъ-нибудь иначе, какъ на условіи низости". А г-жа Сталь была не изъ такихъ. Именно къ этому времени относится важное свидѣтельство одного изъ знавшихъ ее людей, Сюара: „Хотя она нѣсколько опасалась, чтобы Бонапартъ не выгналъ ее изъ Парижа, ея пылкая душа не могла сдерживать ненависти къ его тираннія и деспотизму".

Что̀ думала г-жа Сталь, было ясно въ ея салонѣ, который служилъ центромъ „друзей свободы". Здѣсь, можно сказать, воспитывалась та оппозиція, которая тотчасъ же выступила въ трибунатѣ, въ лицѣ Констана. Г-жа Сталь говоритъ о своемъ другѣ: „Онъ совѣтовался со мной о рѣчи, которую хотѣлъ произнести, чтобы указать зарю тиранніи; я ободряла его всѣми силами моей совѣсти". И когда онъ предупреждалъ ее, что всѣ ея нынѣшніе гости разбѣгутся послѣ его рѣчи, она отвѣчала: „Слѣдуйте вашему убѣжденію". Но она тутъ же искренно прибавляетъ: „Этотъ отвѣтъ былъ внушенъ мнѣ возбужденіемъ; но, признаюсь, еслибы я предвидѣла все, что̀ испытала съ того дня, я не была бы въ силахъ отказать Констану, который предлагалъ бросить дѣло, чтобы не уронить меня".

Три дня спустя послѣ рѣчи Констана, Рёдереръ получилъ отъ г-жи Сталь слѣдующія строки: „Объясните мнѣ, ради Бога, что̀ такое творится? Откуда такое остервенѣніе, такая ярость противъ Бенжамена? Неужели теперь опять начинаютъ съ того, чтобы приводить въ отчаяніе самихъ друзей правительства? Неужели одно выраженіе мнѣнія—уже преступленіе, и не только для Бенжамена, но и для меня, которая только любитъ его, но не управляетъ имъ. Никогда еще я не была такъ изумлена, такъ смущена. Все это преслѣдованіе—чистое безумство. Гдѣ найдете вы людей, болѣе заинтересованныхъ, чѣмъ мы, въ томъ, чтобы не допускать якобинцевъ къ власти? И какая женщина больше меня всегда восторгалась Бонапартомъ? Развѣ это значитъ управлять—толкать своихъ друзей въ ряды своихъ враговъ? Ускорите же конецъ этой нелѣпой войны и будьте о̀рганомъ мира".

Но было уже поздно. Напрасно сами братья Бонапарта, Жозефъ и Люсьенъ, старались отстоять г-жу Сталь. Наполеонъ писалъ тогда Жозефу: „Господинъ Сталь находится въ глубокой нищетѣ, а его жена задаетъ обѣды и балы. Если ты продолжаешь видѣться съ нею, было бы хорошо, еслибы ты посовѣ-

товалъ этой женщинѣ давать своему мужу содержаніе въ 1.000 или 2.000 франковъ въ мѣсяцъ". Кончилось тѣмъ, говоритъ г-жа Сталь, что „Жозефъ счелъ долгомъ не переступать моего порога въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; и его примѣру послѣдовали три четверти моихъ знакомыхъ". Первымъ изъ этихъ знакомыхъ былъ спасенный ею другъ, Талейранъ, записку котораго она напечатала въ „Дельфинѣ", на вѣчный позоръ ея автора.

Затѣмъ распря какъ будто затихла. Бонапартъ, проѣзжая тогда черезъ Женеву, по собственному желанію бесѣдовалъ съ Неккеромъ; слѣдствіемъ этого разговора было обезпеченіе за г-жею Сталь пребыванія во Франціи, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. А она въ письмѣ къ пріятелю, тотчасъ послѣ Маренго, восхищалась этой побѣдой, прибавляя: „вѣдь никто не вправѣ смѣшивать моего восторга съ лестью".

Въ „Dix années" г-жа Сталь уже изъ успѣха Маренго выводитъ стремленіе Бонапарта къ коронѣ, такъ какъ Люсьенъ издалъ тогда брошюру для подготовки умовъ въ этомъ смыслѣ. Но замѣтивъ, что общество не идетъ на удочку, Наполеонъ взялся за внутреннія дѣла. Тогда „лишь немногіе могли проникнуть въ замыселъ Бонапарта, которому нужно было сначала поднять силы Франціи, чтобы воспользоваться ими потомъ для личнаго честолюбія". Нація смотрѣла тогда иначе на Наполеона: по заявленію самой же г-жи Сталь, адская машина „вызвала заявленіе самаго горячаго интереса къ нему; и онъ могъ видѣть, какъ нація со всѣхъ сторонъ протягивала шею подъ ярмо". Это дѣло г-жа Сталь объясняетъ такъ. Прежде всего англичане были тутъ ни при чемъ; „такая мысль не приходила въ голову вождямъ христіанскаго народа". Г-жа Сталь прямо говоритъ: „виновникомъ этого заговора была партія роялистовъ". Если же пострадали якобинцы, то, по мнѣнію г-жи Сталь, „они, положимъ, заслужили этого, но послѣ этого, вѣдь, не могли считать себя въ безопасности лица, весьма уважаемыя". Общественное мнѣніе не могло бы защитить ихъ: „оно было за герцога Ангьенскаго, за Моро и за Пишегрю. А развѣ могло оно спасти ихъ?"

Затѣмъ все успокоилось. Г-жа Сталь жила весело, опять окруженная гостями и дипломатическимъ корпусомъ; „эта европейская атмосфера служила ей охраной". Она проживала близъ Парижа, на виллѣ у Жозефа, и посѣщала вечера генерала Бертье. Г-жа Сталь сама говоритъ, что зима 1801 года была для нея „довольно пріятна", благодаря легкости, съ которой Фуше испол-

нялъ различныя ея просьбы относительно возвращенія эмигрантовъ. Лѣтомъ 1801 года г-жа Сталь поѣхала въ Коппэ къ отцу, который такъ негодовалъ тогда на „тираннію одного", что рѣшился разоблачить ее. Она поощряла его къ этой „лебединой пѣснѣ", которая должна была раздаться „на могилѣ французской свободы". Въ разгаръ славы перваго консула, тотчасъ послѣ Амьенскаго мира, вышли „Dernières vues de politique et de finances" Неккера, книга, въ которой авторъ коснулся намѣренія Бонапарта стать монархомъ. Наполеонъ тотчасъ объявилъ, что не пустить дочь въ Парижъ за то, что „она доставила отцу такія ложныя свѣдѣнія о положеніи Франціи". Вскорѣ вышла и собственная книга г-жи Сталь, „Дельфина". Продажныя газеты объявили романъ сочиненіемъ „безнравственнымъ", такъ какъ увидѣли въ немъ оправданіе свободной любви. Наполеонъ, вокругъ котораго уже поговаривали объ его собственномъ разводѣ, не терпѣлъ тогда такихъ темъ. Еще больше возмутила его „молчаливая Франція", въ предисловіи къ „Дельфинѣ". Онъ началъ смѣяться надъ сентиментализмомъ и метафизикой ученицы Руссо.

Тогда же произошла извѣстная „элиминація", или очищеніе трибуната. Оно коснулось многихъ изъ друзей г-жи Сталь; и она сознается, что „не удержалась отъ нѣкоторыхъ сарказмовъ насчетъ лицемѣрнаго истолкованія даже этой жалкой конституціи, въ которой постарались изгладить всякое дыханіе свободы". Въ то же время, по заявленію самой г-жи Сталь, вокругъ генерала Бернадотта группировалась партія генераловъ и сенаторовъ, „которые желали узнать отъ него, нельзя ли что-нибудь сдѣлать противъ быстро приближавшейся узурпаціи". Г-жа Сталь прибавляетъ: „Во время всѣхъ этихъ крайне опасныхъ разговоровъ я часто видѣлась съ Бернадоттомъ и его друзьями; этого было слишкомъ достаточно, чтобы погубить меня, еслибы раскрылись ихъ намѣренія... Бонапартъ собирался свалить всю вину на меня, хотя были люди гораздо болѣе виновные, чѣмъ я... Еще больше, чѣмъ предполагаемыя мои мнѣнія, Бонапарта задѣвало то обстоятельство, что меня навѣщало столько иностранцевъ".

Кажется, всѣхъ этихъ признаковъ было достаточно, чтобы сидѣть г-жѣ Сталь въ Коппэ, тѣмъ болѣе, что она была окружена тамъ обществомъ. Однако, она не теряла надежды. Ее ободряло письмо Монморанси къ Жозефу Бонапарту въ ея пользу, къ которому она приписала: „надѣюсь, что первый консулъ сочтетъ мое 18-мѣсячное отсутствіе достаточнымъ наказаніемъ за нѣкоторыя неосторожныя замѣчанія". По крайней мѣрѣ, г-жа Сталь думала, что ей дозволятъ проживать въ нѣсколькихъ льё отъ

Парижа, съ немногими друзьями. Она разсчитывала, что Бонапартъ „не тронетъ женщину, которую достаточно знали въ Европѣ, чтобы говорить объ ея изгнаніи". Послѣдовалъ ея пріѣздъ въ деревню подъ Парижемъ.

Но тотчасъ же ей дали знать объ опасности. Напрасно писала она Жозефу и Люсьену: они были тогда въ ссорѣ съ братомъ. Наконецъ, она рѣшилась обратиться къ самому Наполеону съ письмомъ, о которомъ не заикнулась ни словомъ въ „Dix années". Вотъ сущность этого письма: „Гражданинъ-консулъ! Я не могу вѣрить этому: вѣдь такъ вы доставили бы мнѣ дорого-купленную славу—строчку въ вашей исторіи. Вы поразили бы сердце моего почтеннаго отца, который, несмотря на свой возрастъ, не уступилъ бы никому права спросить васъ, какое я и моя семья совершили преступленіе, чтобы навлечь на себя такое варварское обращеніе... Быть не можетъ, чтобы герой не былъ защитникомъ беззащитныхъ... Однимъ простымъ актомъ справедливости вы вызовете во мнѣ искреннюю прочную благодарность больше, чѣмъ многими милостями". Г-жа Сталь просила позволить ей оставаться до весны въ С.-Уанѣ, въ имѣніи отца. Но ничто не подѣйствовало. 15 октября 1803 года послѣдовало первое изгнаніе г-жи Сталь изъ Франціи. Выражаясь ея собственными словами, „взялись за дубинку Геркулеса, чтобы убить муху".

Она жаловалась тогда Монморанси, описывая свои слезы и безсонницу: „Я вовсе не думала, что буду такъ страдать. Предвидь я это, я поступила бы иначе. О, какое зло причинилъ мнѣ первый консулъ!.. Меня обнялъ неописуемый страхъ передъ жизнью. Мнѣ казалось, что смерть угрожаетъ моему отцу, моимъ дѣтямъ, друзьямъ; подобнаго рода ощущенія, вѣроятно, подготовляютъ разстройство умственныхъ способностей".

Понятно это жуткое чувство: въ Коппэ доносились вѣсти о такихъ подвигахъ перваго консула, которые заставляли содрогнуться всю Европу. Это—исторія съ Моро, Пишегрю и герцогомъ Ангьенскимъ. Г-жа Сталь была не прочь вѣрить, что этотъ заговоръ, „принеся столько пользы тиранніи Бонапарта, былъ ободряемъ имъ самимъ". Впрочемъ, она допускаетъ, что „благородный, весьма нравственный, справедливый и просвѣщенный" Моро „желалъ избавить Францію отъ перваго консула", но все испортилъ своей нескромностью. Любопытно, что тутъ же г-жа Сталь называла макіавелизмъ своего врага „крайне сложнымъ". По ея мнѣнію, Наполеонъ, уличивъ Бурбоновъ и англичанъ, хотѣлъ этимъ „вновь поднять революціонные элементы въ націи и

обратить ихъ въ пользу установленія ультра-монархической власти". Столь же сложнымъ макіавелизмомъ казалось г-жѣ Сталь и убійство герцога Ангъенскаго. Прежде всего, Бонапартъ „хотѣлъ успокоить революціонную партію, заключивъ съ нею союзъ крови". Затѣмъ, „сжигая за собой корабли, онъ удостовѣрялъ, что никогда не станетъ служить Бурбонамъ". Наконецъ, „и это самое главное, Бонапартъ хотѣлъ, замысливъ схватить корону, распространить такой ужасъ, чтобы никто не подумалъ противиться ему".

XIV.

Страданія г-жи Сталь, какъ „птицы съ подбитымъ крыломъ", тянулись двѣнадцать лѣтъ; ея *изгнаніе*, при которомъ она не могла найти себѣ мѣста во всей Европѣ, продолжалось до самаго паденія Наполеона. Только разъ ей удалось повидать Францію мелькомъ. Это была опять самая блестящая пора Наполеона, уже какъ императора—время между Аустерлицемъ и Тильзитомъ. Пространствовавъ года три по Германіи, Италіи, Швейцаріи и написавъ „Коринну", она не могла болѣе совладать съ собою. Начались хлопоты о возвращеніи въ Парижъ хоть на время. Въ августѣ 1806 года г-жа Сталь просила своего друга Жерандо: „Внушите вашему министру (Шампаньи) хорошо написать императору о „Кориннѣ", когда онъ получитъ ее. Говоря, написать *хорошо*, я разумѣю похвалы не таланту, а умѣренности; а умѣренность я полагаю уже въ томъ, что въ такую минуту нѣтъ ни строчки предисловія". Министръ полиціи увѣдомилъ ее, что если она вставитъ въ „Коринну" восхваленіе, то всѣ препятствія падутъ и всѣ ея желанія будутъ исполнены. Она отвѣчала, что готова выпустить все, что̀ можетъ показаться обиднымъ, но не прибавитъ ничего „льстиваго".

Тѣмъ не менѣе, г-жа Сталь не могла подавить въ себѣ мысли о Парижѣ: она прибыла въ Оксерръ, въ сорока льё отъ столицы. Здѣсь она сдала въ типографію свою „Коринну". Наполеонъ тотчасъ написалъ министру полиціи, Фуше́: „Если я еще занимаюсь ею, то виной тому факты. Эта женщина—настоящая ворона. Она вообразила, что уже пришла буря, и купается въ интригахъ. Пусть возвращается на свой Леманъ... Впрочемъ, она можетъ отправиться и за границу и пусть себѣ пишетъ тамъ памфлеты, сколько ей угодно". Вслѣдъ затѣмъ, 26-го марта 1807 года, императоръ увѣдомлялъ Камбасереса: „Я писалъ министру полиціи выслать г-жу Сталь въ Женеву, предо-

ставляя ей свободу отправиться за границу. Эта женщина продолжаетъ свое ремесло интригантки. Она приблизилась къ Парижу, вопреки моимъ приказаніямъ. Это—чистая чума. Желаю, чтобы вы серьезно поговорили о ней съ министромъ: иначе я принужденъ буду отправить ее съ жандармами. Присматривайте также за Б. Констаномъ; и чуть только онъ замѣшается во что-нибудь, я отправлю его въ Брауншвейгъ, къ женѣ. Я не намѣренъ терпѣть отъ этой шайки. Не желаю, чтобы они пріобрѣтали сторонниковъ, заставляли меня обижать хорошихъ гражданъ". 27-го апрѣля полиція увѣдомила императора объ ея отъѣздѣ. Но Наполеонъ отвѣчалъ Фушѐ: „Сожалѣю, что у васъ плохія свѣдѣнія; г-жа Сталь была въ Парижѣ 24, 25, 26, 27, 28-го и, вѣроятно, и теперь еще тамъ... Обольщать ее надеждами, значитъ только отягчать жалкое положеніе этой женщины, подвергать ее непріятностямъ: вѣдь, я не замедлю, если нужно, передать ее жандармеріи". Ей оставалось только поспѣшить своимъ отъѣздомъ изъ Парижа.

Пропутешествовавъ опять по Германіи и по Австріи и изготовивъ книгу „О Германіи", г-жа Сталь опять подверглась рѣзкому припадку ностальгіи. И немудрено: положеніе „друзей свободы" становилось невыносимымъ. Въ маѣ 1809 года Сисмонди пишетъ изъ Коппэ г-жѣ Альбани: „Одна и та же бойня леденитъ васъ однимъ и тѣмъ же ужасомъ... У всѣхъ насъ пропало мужество работать. Охватываетъ отвращеніе къ литературѣ, къ наукѣ, къ мысли. Когда жизнь такъ тяжела, чуется всеобщая смерть". Можно себѣ представить, что̀ чувствовала сама г-жа Сталь, которая хотѣла тогда написать рецензію объ одной книгѣ Констана, но ни одна французская редакція не принимала ея статьи.

Такое положеніе могло заставить сдѣлать самый безумный шагъ. Онъ былъ вызванъ, между прочимъ, неудачей предшествовавшихъ хлопотъ. Въ началѣ 1808 года, когда Наполеонъ проходилъ черезъ Савойю, сынъ г-жи Сталь, Августъ, явился къ нему просить за свою мать. „Гдѣ ваша мать?"—спросилъ императоръ.—„Въ Вѣнѣ, государь, или на пути къ ней",—отвѣчалъ юноша. „Ну, тамъ ей и мѣсто, и она должна быть довольна",—сказалъ Наполеонъ:—„тамъ она выучится по-нѣмецки. Ваша мать не зла; у нея много, очень много ума, но никакой дисциплины... Ваша мать не пробыла бы и полугода въ Парижѣ, какъ мнѣ пришлось бы отправить ее въ Тампль. Это мнѣ было бы непріятно; вѣдь пошелъ бы шумъ, и это бы немного повредило мнѣ въ общественномъ мнѣніи. Скажите же ей рѣшительно, что пока я живъ, не видать ей Парижа. Она натворитъ глупостей,

начнетъ видаться съ людьми и подшучивать: вѣдь она не придаетъ этому особеннаго значенія; а я—совсѣмъ наоборотъ. Я все принимаю серьёзно. Повторяю, къ чему вашей матери подвергаться *тиранніи*? Видите, я не боюсь слова. Она можетъ отправляться въ Римъ, Неаполь, Вѣну, Берлинъ, Миланъ, Ліонъ, даже въ Лондонъ, если ей угодно писать памфлеты противъ меня. Вездѣ я буду видѣть ее съ удовольствіемъ, лишь бы только не въ Парижѣ: тамъ живу я, и желаю, чтобы тамъ были только люди, которые меня любятъ. Развѣ она не испортила мнѣ трибуната? Она никакъ не удержится отъ политики въ своихъ рѣчахъ... Мнѣ много говорилъ о ней и король неаполитанскій; но изъ этого ничего не вышло. Еслибы я держалъ ее въ заключеніи, я бы отпустилъ ее; но она должна оставаться изгнанницей. Всякому понятно, что заточеніе—несчастіе. Но только одна ваша мать чувствуетъ себя несчастной, когда ей предоставляютъ всю Европу".

Зимой 1809 года Августъ Сталь поѣхалъ въ Парижъ съ письмомъ матери къ Талейрану. Здѣсь она говорила, прося возвратить два милліона: „Мнѣ кажется, что, въ глазахъ Европы, мое изгнаніе не оказалось бы столь жестоко, еслибы оказали мнѣ справедливость по отношенію къ моему состоянію... Я никакъ не могу побѣдить предубѣжденія императора противъ меня. Чѣмъ могу я убѣдить его, если онъ не вѣритъ, что семь лѣтъ изгнанія—цѣлый вѣкъ для мысли, если онъ не вѣритъ, что я стала другою, но что по крайней мѣрѣ половина моей жизни угасла и что покой и отечество кажутся мнѣ Елисейскими-Полями". Письмо кончается заявленіемъ, что если ея дѣти „должны раздѣлять ея бѣдствія", то „она рѣшилась отправить этою же весной старшаго изъ нихъ въ Америку, а въ слѣдующемъ году послѣдовать за нимъ и съ двумя остальными". Отвѣтомъ была брань Наполеона на цѣлую „новую поэтику", создавшуюся въ Коппэ, и его собственная рѣзкая критика на „Коринну" въ „Монитёрѣ". Но Сталь сдѣлала новую попытку черезъ Меттерниха, который былъ тогда въ большой милости у Наполеона. Наполеонъ отвѣчалъ ему: „Не желаю, чтобы она была въ Парижѣ. Будь Сталь роялистка или республиканка, я бы ничего не имѣлъ противъ. Но это—двигательная машина, которая пускаетъ въ ходъ салоны. Такая женщина опасна только во Франціи,—и я не хочу, чтобы она была тамъ".

Тогда г-жа Сталь прибѣгнула къ послѣднему средству: она написала любопытное письмо самому Наполеону, препровождая при немъ свою „Германію". Здѣсь говорилось между прочимъ:

„Восемь лѣтъ несчастій измѣняютъ всякій характеръ: судьба научаетъ страдальцевъ самоотреченію... Опала в. в—а поселяетъ въ Европѣ такое недоброжелательство къ подпавшимъ ей, что я не могу сдѣлать шагу, не испытывая его послѣдствій, невыносимыхъ для гордой души... Среди моихъ друзей есть такіе, которые раздѣляютъ мою судьбу съ удивительнымъ великодушіемъ; но я видѣла, какъ самыя тѣсныя узы разбиваются о необходимость жить со мной въ уединеніи... Быть можетъ, смѣшно входить въ подробности своихъ впечатлѣній съ державцемъ міра. Но этотъ міръ дарованъ вамъ, государь, державнымъ геніемъ; а въ дѣлѣ наблюденій надъ человѣческимъ сердцемъ в. в—во понимаетъ все отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ деликатныхъ пружинъ. У моихъ сыновей еще нѣтъ карьеры; моей дочери тринадцать лѣтъ; скоро нужно будетъ пристроить ее. Было бы эгоизмомъ заставить ее жить въ жалкихъ мѣстахъ, на которыя обречена я. Приходится разлучиться съ нею. Такая жизнь несносна; я не вижу никакого исхода... В. в—во, быть можетъ, сами не знаете, какой страхъ внушаютъ изгнанники властямъ большей части странъ: я могла бы поразсказать вамъ о томъ, что̀ дѣлается въ этомъ смыслѣ, конечно, сверхъ вашихъ приказаній. В. в—ву сказали, что я тоскую по Парижу изъ-за его Музея и Тальмы. Это—милая шутка надъ изгнаніемъ, т.-е. надъ несчастіемъ, которое Цицеронъ и Болингброкъ назвали самымъ невыносимымъ. Но еслибы я и любила произведенія искусства, которыми Франціи одолжена завоеваніямъ в. в—ва, еслибы я любила прекрасныя трагедіи, это воспроизведеніе героизма,—вамъ ли, государь, осуждать меня за это? Развѣ счастье каждаго человѣка не связано съ природой его способностей? Если Небо одарило меня талантами, то развѣ нѣтъ во мнѣ воображенія, при которомъ наслажденія искусствами и умомъ становятся необходимостью? Столько людей проситъ у в. в—ва реальныхъ выгодъ всякаго рода: неужели же я должна краснѣть, прося у него дружбы, поэзіи, музыки, картинъ—всего этого идеальнаго существованія, которымъ я могу наслаждаться, не нарушая повиновенія, которымъ я обязана монарху Франціи?“

Лѣтомъ 1810 года г-жа Сталь прибыла въ одно мѣстечко, недалеко отъ Парижа, гдѣ наблюдала за печатаніемъ своей „Германіи“. Здѣсь-то, 23-го сентября, когда она держала послѣднюю корректуру, разразилась надъ ней новая гроза, подробно описанная ею въ „Dix anneés“ и въ предисловіи къ „Германіи“. Не будемъ останавливаться на этомъ слишкомъ извѣстномъ событіи. Съ тѣхъ поръ г-жа Сталь бросила всякія на-

дежды. Она дѣйствительно могла сказать про себя: „Богъ такъ милостивъ, что далъ мнѣ возможность думать, что я подаю благородный примѣръ моему вѣку... Я буквально умираю отъ бѣдствій моихъ друзей; мое здоровье, такое сильное, разрушено; и весьма возможно, что я умру на дорогѣ (въ Америку). Но все равно. Я предпочитаю свое положеніе тому, что̀ предлагаютъ мнѣ, чтобы выйти изъ него. Скажу изъ глубины моей души: мнѣ кажется, что въ дѣлѣ нравственнаго достоинства обстоятельства ставятъ меня на возможную высоту“...

Тогда г-жа Сталь дѣйствительно была героиней. Лично наблюдавшій ее пріятель, Бонштетенъ, живо описываетъ ея страданія въ 1811 году. „Она всего боится и справедливо. Она дѣйствительно собирается въ Америку... Г-жа Сталь какъ въ аду. Ея лучшіе друзья и подруги изъ Парижа, посѣщавшіе ее, изгнаны на 40-часовое разстояніе отъ столицы. Она не можетъ двинуться съ мѣста и живетъ въ слезахъ, покинутая почти всѣми. Бѣдная Сталь! Она такъ печалится; она окружена шпіонами“. Главнымъ изъ шпіоновъ былъ женевскій префектъ, который не давалъ ей покоя съ предложеніемъ написать хоть строчку въ хвалу императора. Когда родился „римскій король“, префектъ особенно настаивалъ. „Я ограничусь только предложеніемъ ему хорошей мамки“,—сказала изгнанница, смѣясь.

Съ начала 1812 года г-жа Сталь поняла, что ей нужно спасаться. Префекту дѣйствительно было приказано „уничтожить“ (annuler) ее. Ей отказывали въ паспортѣ для отправленія въ Америку, а также не позволяли удалиться въ Римъ. Префектъ слишкомъ ясно намекалъ на арестъ, а также и на то, что ей не миновать его „и вездѣ, гдѣ господствуетъ Франція“. А гдѣ не господствовала Франція? „Я проводила жизнь,—говоритъ изгнанница,—въ изученіи карты Европы, чтобы бѣжать, какъ Наполеонъ изучалъ ее, чтобы овладѣть материкомъ; и цѣлью моего похода, также какъ и его, всегда была Россія“. 23 мая 1812 года г-жа Сталь рѣшилась, наконецъ, бѣжать туда. Опасенія ея были ненапрасны. Когда она проѣзжала Австрію, ее окружили шпіоны и жандармы; и не разъ ей угрожала опасность быть арестованной. Она прибыла въ Россію какъ разъ въ то время, когда вторгались въ нее войска Наполеона. Здѣсь, въ этой странѣ, которая показалась ей „не-варварской“, она испытала „пріятныя впечатлѣнія“, особенно благодаря рыцарскому гостепріимству Александра I и его супруги, которые положительно очаровали ее. Но и тутъ ее настигла длинная рука завоевателя. Наполеонъ явился въ Москвѣ; г-жа Сталь отпра-

вилась въ Швецію. Ей пришлось выдержать небезопасное плаваніе по Ботническому заливу, „на плохомъ судёнышкѣ“. Противный вѣтеръ занесъ ее на пустынный островъ. „Я всегда легко подпадала скукѣ; и, не умѣя защититься въ эти совсѣмъ пустыя минуты, которыя какъ бы предназначались для науки“... На этой недоконченной фразѣ прерывается краснорѣчивый разсказъ страницы. Онъ былъ написанъ въ Стокгольмѣ, гдѣ г-жа Сталь провела восемь мѣсяцевъ, пользуясь радушнымъ гостепріимствомъ своего стараго пріятеля, Бернадотта. Затѣмъ она переѣхала въ Лондонъ, гдѣ издала свою „Германію“, остановленную императорской полиціей. Среди ожесточенныхъ враговъ Франціи, англичанъ, г-жа Сталь имѣла достаточно покоя и досуга; тамъ она замыслила свою „Революцію“,—трудъ, который также остался недоконченнымъ. Въ это время наставала новая эпоха въ исторіи Европы. „Адскій геній“ быстро падалъ со страшной высоты. Вся Европа стояла уже у границъ Франціи.

Посмотримъ, какъ г-жа Сталь оцѣнивала только-что кончившуюся эпоху, за которой она, конечно, слѣдила внимательно изъ всѣхъ угловъ своего изгнанія. Нужно сказать правду, что какъ ни внимательно г-жа Сталь слѣдила за каждымъ шагомъ своего врага, она не могла глубоко понимать его. Конечно, виной тому уже самое положеніе изгнанницы, до которой доходили лишь отрывочныя свѣдѣнія изъ Франціи. Но нельзя не признаться, что здѣсь, быть можетъ, больше, чѣмъ гдѣ-либо, выказались основныя свойства ея натуры и таланта. Драгоцѣнны страницы, какъ характеристика Бонапарта. Блестящи описанія впечатлѣній на общество и особенно на самого автора отъ громкихъ событій, ослѣплявшихъ воображеніе. Но не ищите у нея связной исторіи, и всего меньше—прагматизма.

Въ глазахъ г-жи Сталь, владычество Наполеона „служитъ самымъ замѣчательнымъ документомъ низости, до которой можетъ пасть человѣческій родъ“. И нашъ авторъ берется описать еще недостаточно охарактеризованный, по ея мнѣнію, „безграничный произволъ и безсовѣстное развращеніе людей“. Такъ г-жа Сталь называетъ *внутреннія* дѣла Наполеона. Однако, она не входитъ въ ихъ настоящую оцѣнку. Она ограничивается общими соображеніями. „Можно ли,—спрашиваетъ она,—говорить о законодательствахъ въ странѣ, гдѣ все рѣшала воля одного человѣка, и человѣка подвижного, какъ морскія волны въ бурю,—человѣка, который не переносилъ даже преградъ, полагаемыхъ его собственною волей?“ Г-жа Сталь не могла не признать „весьма хорошихъ принциповъ, завѣщанныхъ консти-

тюантой", въ кодексѣ Наполеона и даже въ уголовныхъ законахъ, — принциповъ, которые возвышаютъ ихъ надъ законодательствомъ многихъ странъ Европы, куда Наполеонъ и вносилъ этотъ „якорь надежды". Но что̀ значили эти законы, въ виду чрезвычайныхъ судовъ и „внезапныхъ, таинственныхъ казней"? Г-жа Сталь припоминаетъ и такое „мелкое добро" Бонапарта, какъ „большія дороги, необходимыя для его плановъ, памятники, посвященные его славѣ, нѣкоторые остатки либеральныхъ учрежденій конститюанты, которые онъ позволялъ иногда примѣнять внѣ Франціи, въ родѣ улучшенія правосудія и народнаго просвѣщенія, — наконецъ, покровительство наукамъ". Но, спѣшитъ прибавить она, „какъ ни желательны всѣ эти блага, они не могли вознаградить за то унизительное иго, которому онъ подвергалъ людей. Какой выдающійся человѣкъ развился въ его царствованіе? Да и скоро ли еще выростетъ человѣкъ тамъ, гдѣ онъ властвовалъ?"

Словомъ, Наполеонъ былъ принужденъ „пройти черезъ добро, чтобы достигнуть зла". Г-жа Сталь прибавляетъ даже: „все, что̀ можно было хвалить во внутреннихъ дѣлахъ, основывалось единственно на контрибуціяхъ, собранныхъ съ иностранцевъ". Г-жа Сталь такъ поясняетъ свою мысль: „Всякій разъ, когда возможны были улучшенія въ различныхъ отрасляхъ правленія и когда улучшенія содѣйствовали его планамъ и славѣ, онъ умѣлъ исполнять ихъ, ловко пользуясь огромными средствами, которыя доставляло ему господство почти надъ всею Европою. Одаренный большимъ чутьемъ въ выборѣ людей, которые могли служить ему орудіемъ, онъ почти всегда употреблялъ головы весьма годныя для дѣлъ. Мы обязаны императорскому правительству художественными музеями, украшеніемъ Парижа, большими дорогами, каналами, облегчающими сношенія между департаментами, — словомъ, всѣмъ, что̀ могло поразить воображеніе, показывая на примѣрѣ Симплона и Сениса, что природа повиновалась Наполеону почти такъ же рабски, какъ люди". Но опять, спѣшитъ прибавить г-жа Сталь, въ этомъ отношеніи не менѣе славны египетскіе цари и русскіе императоры.

Въ то же время Бонапартъ употреблялъ всѣ средства, чтобы заглушить общественное мнѣніе и мѣстныя силы, а также просвѣщеніе. „Во Франціи остался одинъ только очагъ движенія — Парижъ... У французовъ развилось бѣшеное стремленіе служить государству и получать пенсіи отъ него, что̀ унижаетъ и пожираетъ страну". И такъ какъ деспотизмъ, въ сущности, ведетъ къ „шарлатанству", то палъ кредитъ: „никто и не думалъ

давать взаймы государству". А полиція? „Эта политическая инквизиція замѣнила инквизицію религіозную". Доходы ея „были достойны ея службы"; она содержалась на счетъ игорныхъ домовъ въ Парижѣ. Конечно, г-жа Сталь особенно возмущается деспотизмомъ Бонапарта въ литературѣ. Онъ привелъ къ тому, что образовалась журнальная „болтливая тираннія"; тогда было доказано, что „изобрѣтеніе книгопечатанія, вмѣсто того, чтобы быть охраной свободы, служитъ самымъ страшнымъ оружіемъ деспотизма". Само собою разумѣется, что во всѣхъ церковныхъ мѣрахъ Наполеона г-жа Сталь видѣла только средство, которымъ онъ хотѣлъ расчистить себѣ путь къ трону. Такъ по поводу конкордата она говоритъ: „Бонапартъ сожалѣлъ, что онъ—не владыка Англіи или Россіи, гдѣ монархъ—глава церкви". Онъ самъ смотрѣлъ на конкордатъ какъ на „религіозное оспопрививаніе: въ пятьдесятъ лѣтъ во Франціи пропадетъ религія",—говорилъ онъ. Торжество объявленія конкордата было, по словамъ г-жи Сталь, „генеральной репетиціей коронованія Бонапарта".

Но въ чемъ же тайна такого могущества? Г-жа Сталь такъ отвѣчаетъ въ своей „Революціи" на этотъ вопросъ соціологіи: „Торжество Бонапарта вполнѣ покоилось на великомъ недоразумѣніи, которое еще не прошло для многихъ. Народы упорствовали въ мнѣніи, что это—защитникъ ихъ правъ, въ то время, какъ онъ былъ ихъ величайшимъ врагомъ. Сила французской революціи, которую онъ унаслѣдовалъ, была громадна: это былъ плодъ воли французовъ и тайнаго вожделѣнія другихъ націй. Наполеонъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, пользовался этою силой противъ старыхъ правительствъ, пока народы открыли, что дѣло было вовсе не въ нихъ. Сохранялись еще прежнія имена: это все еще была Франція, нѣкогда очагъ популярныхъ принциповъ. Хотя Бонапартъ разрушалъ республики и побуждалъ королей и государей къ тиранніи, даже противной ихъ природной умѣренности, все еще думали, что все это кончится свободой; да и онъ самъ нерѣдко говорилъ о конституціи, по крайней мѣрѣ когда касался царствованія своего сына. Первымъ шагомъ къ погибели Наполеона было его предпріятіе противъ Испаніи: тамъ-то онъ встрѣтилъ національное сопротивленіе, отъ котораго не могли избавить его ни искусство, ни подкупы дипломатіи... Онъ не вѣрилъ въ силу души: онъ разсчитывалъ только на штыки".

Тотъ же взглядъ и тотъ же методъ прилагаетъ г-жа Сталь къ своему изложенію *внѣшнихъ* дѣлъ Наполеона. Она считаетъ

„самой характерной чертой счастья Наполеона“—тѣхъ государей, которые были тогда на тронѣ. Въ особенности Павелъ I оказалъ ему „неисчислимыя услуги“. Другіе монархи материка соотвѣтствовали требованіямъ великой минуты. Хотя они были „все люди порядочные“, однако эти „рыцари древняго братства королей“ назвали своимъ „братомъ“ этого „выскочку“. Одна Англія была на высотѣ призванія, и объ ней конечно, больше всего говоритъ г-жа Сталь, причемъ особенно обнаруживается въ ней борьба врага Наполеона съ французской патріоткой. Съ самаго начала она посвятила цѣлую главу основному и самому опасному тогда вопросу: „Должна ли была Англія помириться съ Бонапартомъ, когда онъ сталъ консуломъ?“ Указывая на то, что Бонапартъ предлагалъ миръ англичанамъ, она замѣчаетъ: „Быть можетъ, англійское министерство впало въ ошибку, отказавъ ему“. Вѣдь пришлось же Англіи, послѣ Маренго, заключить гораздо болѣе невыгодный миръ! Однако г-жа Сталь не раздѣляла мнѣнія людей, думавшихъ, что Бонапартъ пошелъ бы мирною дорогой, еслибы не эта ошибка англичанъ. Дѣйствительно, Наполеонъ въ одинъ годъ позволилъ себѣ такіе страшные захваты, что, со стороны Англіи, „послѣ ошибки подписать этотъ миръ, было бы еще большею ошибкой не разорвать его“.

Когда Наполеонъ сталъ императоромъ, ему предстояло два пути, по мнѣнію г-жи Сталь. Конечно, достойнѣе всего было бы ограничиться Рейномъ и Альпами, т.-е. „естественными границами“, которыя г-жа Сталь называетъ „одною изъ господствующихъ идей XIX вѣка: Европа не оспаривала бы ихъ послѣ Маренго“. „Искусный вождь,—говоритъ г-жа Сталь,—могъ бы, при открытіи новаго вѣка, сдѣлать Францію счастливою и свободною безъ всякихъ усилій, съ помощью лишь нѣсколькихъ добродѣтелей“. Если же „корсиканцу, подпоручику 1790 года, быть императоромъ одной Франціи казалось слишкомъ жалкой участью, то онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, поднимать Европу во имя какихъ-нибудь выгодъ для нея. Возстановленіе Польши, независимость Италіи, освобожденіе Греціи,—тутъ было величіе; народы могли бы заинтересоваться возрожденіемъ народовъ“. Наполеонъ же насыщалъ землю кровью лишь для того, чтобы принцъ Жеромъ занялъ мѣсто курфюрста гессенскаго и чтобы нѣмцы поступили подъ власть французскихъ правителей. Онъ обманулъ ожиданія итальянцевъ и поляковъ. Онъ „даже оскорблялъ народы больше, чѣмъ самихъ королей; и именно націи подъ конецъ поднялись противъ него“.

Но даже въ этомъ угнетеніи націй Бонапартъ „поступалъ

по истинѣ безпорядочно". Если и былъ у него какой-нибудь планъ, то это — „установить всемірную монархію, раздавая въ лены королевства и герцогства, возобновляя феодализмъ, утвердившійся нѣкогда путемъ завоеваній". Кажется, онъ даже не думалъ ограничиваться Европой: „его планы несомнѣнно простирались до Азіи". Такъ какъ онъ не желалъ связать народы свободою, а нужно было выставить какое-нибудь знамя, то явилась знаменитая свобода морей. Это же помогало ему бить свободныя учрежденія, въ лицѣ Англіи, и подавлять идеи развитіемъ торговыхъ интересовъ. Г-жа Сталь желала бы иного: еслибы Бонапартъ захотѣлъ завоевать у Англіи только ея конституцію и промышленность, то Франція обладала бы теперь торговлею, основанною на „кредитѣ". Кончилось же тѣмъ, что если континентальная блокада „немного поощрила французскую промышленность, зато порты Франціи опустѣли, ея торговля погибла, а могущество Англіи возросло во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта". Сверхъ того, эта мѣра болѣе всего дѣлала Наполеона ненавистнымъ всѣмъ народамъ материка.

Такъ вездѣ—палачъ и деспотъ, опирающійся на войско. Но онъ развратилъ генераловъ, которые становились „жадными и жестокими дипломатами", а солдатъ превращалъ въ „машины". Да и военный геній самого Наполеона подвергается сомнѣнію у г-жи Сталь. Она не берется судить о немъ, но не можетъ удержаться отъ замѣчанія: „военные таланты не всегда служатъ доказательствомъ возвышеннаго ума; на этомъ поприщѣ много помогаетъ случай".

Во всякомъ случаѣ, деспотъ долженъ былъ пасть. Безсмысленныя „машины" не могли отстоять его, когда противъ него поднялись проснувшіеся народы. Впрочемъ, начало гибели Наполеона г-жа Сталь приписываетъ „холоду, этому адскому холоду, такому, какъ описывается у Данта", хотя холодъ въ Россіи, въ 1812 году, былъ обыкновенный. Она не жалѣла „великой арміи", которая служила „не отечеству и состояла въ большей части изъ иностранцевъ"; она считала ея пораженія „скорѣе счастьемъ, даже для Франціи". Но ея „сердце все-таки разрывалось при разсказахъ о бѣдствіяхъ французовъ въ русскомъ походѣ". Еще болѣе она изумлялась „этому невѣроятному человѣку", когда онъ, полгода спустя, отвергъ въ Дрезденѣ миръ, который предоставлялъ ему Францію по Рейнъ и всю Италію. И это въ ту пору, когда въ Парижѣ готовился „самый великодушный" въ теченіе революціи заговоръ генерала Маллэ. „О, отчего онъ не удался, этотъ патріотическій заговоръ!" — вос-

клицаетъ г-жа Сталь. Маллэ былъ другъ свободы, а Бонапартъ „боялся только идеологовъ въ то время, когда вся Европа вооружилась противъ него". Вообще, „именно тогда демонъ гордости и безумія до того овладѣлъ имъ, что онъ поступалъ даже вопреки своему интересу".

Но ему уже не было спасенія. Нѣмцы энергично возстали противъ него; ихъ монархи дрались какъ простые солдаты. „Казалось, что, въ лицѣ пруссаковъ и ихъ воинственнаго короля, поднималась личная обида, которую Бонапартъ нанесъ ихъ прекрасной и добродѣтельной королевѣ". Императоръ Александръ представлялся г-жѣ Сталь въ видѣ какого-то Ахиллеса: „ради освобожденія Германіи онъ нерѣдко подвергалъ опасности собственную жизнь, не какъ монархъ, защищенный своими царедворцами, а какъ безстрашный солдатъ". Бонапартъ же какъ будто ничего не видѣлъ. Когда пять смѣлыхъ членовъ въ законодательномъ корпусѣ потребовали мира, онъ отвергъ его съ страшною яростью. Между тѣмъ онъ, какъ передавали г-жѣ Сталь въ январѣ 1814 года, наканунѣ своего отправленія въ армію признавался, въ одномъ задушевномъ разговорѣ, что у него нѣтъ больше средствъ сопротивляться; „и вдругъ онъ заснулъ вовсе, не будучи ничѣмъ утомленъ". Г-жа Сталь прибавляетъ: „Вслѣдствіе наслажденій и потворства своимъ слабостямъ, этотъ человѣкъ, подчинявшійся прежде мысли, предался физическому существованію. Онъ, такъ сказать, отяжелѣлъ душой такъ же, какъ и тѣломъ; его геній лишь на мгновеніе пронизывалъ оболочку того эгоизма, который онъ привыкъ считать всѣмъ на свѣтѣ. Онъ палъ подъ тяжестью благоденствія прежде, чѣмъ несчастіе свалило его". Онъ не замѣчалъ измѣненія обстоятельствъ: „за Рейномъ были уже не нерѣшительныя правительства, а негодующіе народы; на его же сторонѣ уже не было націи, была одна только армія". Наконецъ, союзники очутились въ Парижѣ. Они „были великодушны, въ особенности Александръ, явившійся всемогущимъ спасителемъ, просвѣщеннымъ филантропомъ". Но г-жа Сталь спрашивала: „Какой французъ, вполнѣ восторгаясь Александромъ, не чувствовалъ все-таки страшнаго горя?.. Я сказала тогда англійскому министру, что желаю, чтобы Бонапартъ *побѣдилъ, но былъ убитъ*".

Свой разсказъ о паденіи Наполеона г-жа Сталь оканчиваетъ важнымъ соображеніемъ. „Однако было величіе въ прощаніи Наполеона со своими солдатами и съ ихъ орлами, такъ долго доставлявшими побѣду". Съ этой минуты въ душѣ г-жи Сталь начинается поворотъ въ пользу гонителя, который самъ сталъ

теперь побѣжденнымъ. Какъ бы переходомъ добраго, благороднаго сердца къ этому повороту служатъ слѣдующія слова: „Я даже довольно охотно подчинилась бы удовольствію, которое находятъ гордыя души въ защитѣ несчастнаго человѣка. Мнѣ было бы отрадно стать такимъ образомъ въ противоположность съ тѣми писателями-ораторами, которые вчера падали ницъ передъ нимъ, а сегодня не перестаютъ оскорблять его, хорошо зная, надѣюсь, какъ высоки окружающія его скалы. Но нельзя молчать о Бонапартѣ даже въ его несчастіи, такъ какъ его политическое ученіе все еще царствуетъ въ умахъ и его враговъ, и его сторонниковъ. Вѣдь изъ всего наслѣдія его страшнаго могущества роду человѣческому остается только одно—пагубное познаніе еще нѣкоторыхъ тайнъ въ искусствѣ тиранніи“.

XV.

Послѣ отреченія Наполеона, г-жа Сталь внимательно слѣдила за событіями на родинѣ. При извѣстіи, что судьба Франціи— въ рукахъ союзниковъ, что они окружаютъ стѣны Парижа, у нея сильно забилось сердце француженки. Это хорошо замѣтили ея друзья. Когда распространился слухъ о сдачѣ Парижа, многіе поздравляли г-жу Сталь съ концомъ ея изгнанія. Она возражала: „Ради Бога, съ чѣмъ вы меня поздравляете,—съ отчаяніемъ!“ Сначала г-жа Сталь даже колебалась, вернуться ли ей: она не вѣрила въ лучшее будущее. Легко ли видѣть (писала она своему другу), какъ 25 лѣтъ борьбы останутся навсегда 25 годами преступленій, какъ остановленъ ходъ умственнаго развитія и какъ тираннія, эта презрѣнная выскочка, должна̀ уступить мѣсто большому барину, деспотизму?“

Вотъ съ какимъ чувствомъ вступила г-жа Сталь, 12-го мая 1814 года, на почву оплакиваемаго ею Парижа, послѣ долголѣтняго изгнанія. Картинно описываетъ она состояніе своей души и Франціи во время занятія страны чужеземцами. „О, Франція! Франція! Только чужеземный тиранъ могъ довести тебя до такого состоянія: монархъ-французъ, какой бы онъ ни былъ, слишкомъ любилъ бы тебя, чтобы сдѣлать это. Я ѣхала, —и одна и та же мысль все сжимала мое сердце. По мѣрѣ приближенія къ Парижу, отовсюду бросались мнѣ въ глаза нѣмцы, русскіе, казаки, башкиры... Словомъ, все переворачивалось въ моей душѣ: несмотря на остроту боли, я уважала чужеземцевъ за то, что они свергли иго. Въ ту пору я просто благоговѣла передъ ними.

Но видѣть ихъ въ Парижѣ, видѣть, какъ Тюльери, Луврь охраняютъ войска, пришедшія отъ предѣловъ Азіи, люди, которымъ нашъ языкъ, наша исторія, наши великіе мужи—все было менѣе знакомо, чѣмъ послѣдній татарскій ханъ,—это было невыносимое страданіе".

Послѣ отреченія Бонапарта, выступилъ вопросъ первой важности: кто займетъ французскій престолъ? Еще будучи въ Лондонѣ, г-жа Сталь была окружена разными слухами по этому поводу. Сама же она еще при республикѣ желала видѣть консуломъ своего любимца, Бернадотта, впослѣдствіи наслѣднаго принца Швеціи. Теперь она сильно заинтересовалась мыслью сдѣлать его преемникомъ Наполеона. Онъ оказалъ изгнанницѣ гостепріимство; онъ сдѣлалъ одного изъ ея сыновей своимъ флигель-адъютантомъ, другого пристроилъ въ армію; Шлегеля сдѣлалъ своимъ секретаремъ; наконецъ, по ея же просьбѣ, онъ доставилъ хорошее положеніе и ея другу, Констану. Вотъ что̀ пишетъ изъ Лондона благодарная г-жа Сталь Шлегелю, съ тѣмъ, чтобы содержаніе письма было передано Бернадотту: „Впервые стали говорить, что наслѣдный принцъ щадитъ Францію, чтобы сдѣлаться преемникомъ Наполеона. Объ этихъ слухахъ стоитъ говорить, потому что они исходятъ отъ Бурбоновъ... Прошу васъ обратить на меня вниманіе наслѣднаго принца. Я разумѣю подъ этимъ только удостовѣрить его въ моей преданности. Было бы величайшимъ счастіемъ, еслибы... (точки въ текстѣ) Богъ поможетъ намъ. Чтобы освободиться отъ своего нынѣшняго господина, Франціи недостаетъ только сознанія того, что̀ именно соотвѣтствуетъ теперь ея наклонностямъ. Передайте это принцу; и онъ пойметъ, что̀ я этимъ хочу сказать... Я не перестану увѣдомлять наслѣднаго принца о томъ, чего, конечно, не скажетъ ему Регаузенъ (шведскій посланникъ въ Лондонѣ)".

Тутъ же г-жа Сталь прибавила, что „Людовикъ XVIII" проситъ ея содѣйствія, обѣщая „все, что̀ угодно", той, которую англійская печать „восхваляетъ, какъ первую женщину въ мірѣ". Г-жа Сталь писала Констану, въ началѣ 1814 года, о своемъ кандидатѣ: „Я видѣла Бернадотта вблизи и считаю его лучшимъ и благороднѣйшимъ изъ людей, призванныхъ къ власти". Послѣ неудачи этого плана, Констанъ писалъ: „Никакъ не могу очнуться отъ глупаго паденія беарнца (Bernadotte). Французы—все тѣ же. Изъ этой страны рѣшительно ничего не выйдетъ. Всѣ они—безумные и злые".

Дочери Неккера, такъ горько оплакивавшей судьбу Людовика XVI, питавшей всегда большое расположеніе къ принцамъ крови,

легко было, послѣ неудачной кандидатуры своего благодѣтеля, перейти къ Бурбонамъ. Уже въ началѣ 1814 года, когда она еще называла Бернадотта Вильгельмомъ III Франціи, г-жа Сталь писала Констану: „Герцогъ Беррійскій посѣтилъ меня, и я не въ дурныхъ отношеніяхъ съ Бурбонами. Еслибы они вернулись, то слѣдовало бы подчиниться имъ: вѣдь все лучше, чѣмъ новые безпорядки. Но они не измѣнились, еще менѣе — ихъ свита". Чѣмъ дальше, тѣмъ тверже становилась г-жа Сталь на сторону Бурбоновъ.

Что касается самого Людовика XVIII, то г-жа Сталь писала еще изъ Англіи, гдѣ имѣла случай видѣть его: „у насъ будетъ король, весьма благосклонный къ литературѣ". Въ началѣ 1816 года она сравниваетъ его съ Генрихомъ IV и прибавляетъ: „своей конституціонной хартіей, въ особенности же мудрой декларацiей 2-го мая, а также своимъ изумительнымъ образованіемъ, внушительнымъ изяществомъ манеръ, онъ значительно возмѣстилъ недостатокъ популярности при его возвращеніи". Въ то же время г-жа Сталь уже посвящаетъ, въ своей „Революціи", цѣлую главу вопросу о легитимизмѣ. Тутъ высказываются интересныя мысли, которыя характеризуютъ не только автора, но и настроеніе среды, въ особенности же партіи либераловъ. Здѣсь говорится: „Скажу вообще, что принцы старыхъ фамилій болѣе соотвѣтствуютъ государственному благу, чѣмъ принцы-выскочки. Хотя они не такъ талантливы, но зато болѣе миролюбивы; у нихъ больше предразсудковъ, но зато меньше честолюбія; и они не такъ подозрительны и безпокойны. Они проще въ обращеніи... Наслѣдственность въ монархіяхъ необходима даже для нравственности и умственнаго развитія; а избирательное королевство даетъ широкій просторъ честолюбію". Впрочемъ, г-жа Сталь отстаиваетъ легитимизмъ не потому, что онъ старъ: „Вѣдь не приводятъ же 4000 лѣтъ въ оправданіе рабства; послѣдовавшее за нимъ крѣпостное право не стало болѣе справедливымъ оттого, что оно длилось десять вѣковъ; никто не защищалъ торговли неграми, какъ древняго учрежденія нашихъ отцовъ"...

Мало того, г-жа Сталь, вслѣдъ затѣмъ, прямо выдвигаетъ идею „друзей свободы". Она говоритъ: „Но чтобы это начало не противорѣчило разуму и общему благу, необходимо неразрывно связать его съ законами... Легитимизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь провозглашенъ, неразрывенъ съ конституціонными ограниченіями". Въ защиту своей мысли г-жа Сталь приводитъ слова британскихъ авторитетовъ, Локка и Эрскина, о необходимости ограниченія короля законами и даже „сопротивленія"

ему, если онъ ихъ нарушаетъ. Она считаетъ „droit divin“ лишь остаткомъ изъ временъ борьбы свѣтской власти съ папствомъ. Въ особенности опасается она пагубнаго вліянія эмигрантовъ, желающихъ полнаго возстановленія стараго режима и невѣжества, чтобы „превратить народъ въ послушное стадо“. Г-жа Сталь считаетъ эти соображенія примѣнимыми къ Франціи, тѣмъ болѣе, что здѣсь замѣшивается вопросъ объ эмигрантахъ. Она опасалась, что Бурбоны, пожалуй, отдадутъ всю власть „своимъ защитникамъ, съ которыми нація боролась 25 лѣтъ и которыхъ она всегда видѣла въ рядахъ непріятельскихъ армій“. Оттого-то, чтобы избѣгнуть участи Стюартовъ, Бурбоны „должны воззваніемъ къ націи освятить дѣло силы: для нихъ конституціонная свобода — магическое слово, которое одно только откроетъ имъ двери дворца ихъ предковъ“. Это было необходимо и въ виду арміи, которую слѣдовало „связать и слить съ французскимъ народомъ“.

Г-жа Сталь знала, что—какъ это ни странно—конституціоналистовъ поддержалъ русскій царь-либералъ. Это-то особенно привлекало ея симпатіи къ Александру I, который понялъ, что „необходимо было заключить или, скорѣе, возобновить договоръ между королемъ и народомъ“. Еще изъ Англіи она писала принцессѣ Луизѣ Прусской: „Это презрѣнный корсиканецъ подвергъ французовъ участи Польши. Чтò станется съ нами безъ великодушія монарховъ, въ особенности Александра, который въ самомъ дѣлѣ, честный человѣкъ, другъ свободы? И это—деспотъ русскихъ: какое чудо!“ Свою вѣру въ имп. Александра г-жа Сталь, какъ видно изъ ея переписки съ нимъ, недавно изданной г. Шильдеромъ, сохранила до конца жизни.

Послѣ всего сказаннаго, понятно, какъ г-жѣ Сталь должна была нравиться хартія 1814 года. Она говоритъ о ней: „Считаю честью напомнить здѣсь, что декларація, подписанная Людовикомъ XVIII въ Сентъ-Уанѣ, содержала въ себѣ почти всѣ тѣ обезпеченія свободы, которыя Неккеръ предложилъ Людовику XVI въ 1789 году, передъ тѣмъ, какъ вспыхнула революція 14-го іюля“. Но самое важное, прибавляетъ она, это-то, чтобы „смотрѣли на хартію какъ на договоръ, а не какъ на указъ короля: вѣдь Нантскій эдиктъ Генриха IV былъ отмѣненъ Людовикомъ XIV; всякій актъ, который не покоится на взаимныхъ обязательствахъ, можетъ быть отмѣненъ той же самой властью, которая даровала его“.

4-го іюля 1814 года, король прибылъ въ палаты, чтобы объявить хартію въ рѣчи, полной „достоинства, ума и благо-

приличія". Но его канцлеръ назвалъ хартію „преобразовательнымъ указомъ (ordonnance)". „Какая ошибка!"—восклицаетъ г-жа Сталь. Мало того. Хартія начиналась давно вышедшей изъ употребленія формулой: „Мы соблаговоляемъ, мы уступаемъ, мы даруемъ", и т. д. По прочтеніи хартіи, канцлеръ поспѣшилъ попросить депутатовъ присягнуть ей. „Что сказали бы,—восклицаетъ г-жа Сталь,—о глухомъ, который отказался бы присягнуть конституціи, изъ которой онъ не слышалъ ни одной статьи? Но этотъ глухой былъ французскій народъ". И потому многимъ „ничего не стоило, десять мѣсяцевъ спустя, отречься отъ столь легко даннаго обѣщанія". Ошибка—тѣмъ болѣе непростительная, что „тогда слѣдовало замѣнить военный энтузіазмъ политическими интересами, чтобы дать пищу общественному мнѣнію, которое во Франціи всегда нуждается въ ней".

Вмѣсто этого, что же сдѣлали? Постарались сохранить всѣ дворянскіе титулы, какъ старые, такъ и новые; и кромѣ того стали щедро раздавать дворянство. Затѣмъ предложили законодательному корпусу уничтожить свободу печати. За угнетеніемъ мысли послѣдовало посягательство на свободу совѣсти: стали преслѣдовать и убивать протестантовъ. И жаловались, что народъ безбоженъ! Но „если хотятъ пользоваться духовенствомъ для возвращенія стараго порядка, то навѣрное этимъ раздраженіемъ только увеличатъ безвѣріе".

Да и чего было ожидать отъ министровъ, взятыхъ исключительно „изъ класса стараго порядка", отъ министерства, „по виду конституціоннаго, а въ сущности контръ-революціоннаго"? Вѣдь, эти министры „говорили въ обществѣ о хартіи съ величайшимъ почтеніемъ, особенно когда они предлагали мѣры, раздиравшія ее по клочкамъ. А въ частныхъ бесѣдахъ они улыбались при имени этой хартіи, словно права націи—восхитительная шутка". Словомъ, хартію „задавили указами и эдиктомъ". Видя, какъ зло постепенно выходитъ наружу, возъимѣли роковую мысль назначить военнымъ министромъ маршала Сульта, который, по словамъ г-жи Сталь, думалъ, что „все дѣло въ деспотизмѣ". Этого человѣка считали „великимъ, такъ какъ онъ говорилъ, что должно управлять желѣзнымъ скипетромъ". Но, спрашиваетъ г-жа Сталь, „какъ выковать этотъ скипетръ, когда нѣтъ ни арміи, ни народа?" Г-жа Сталь не пощадила и своего бывшаго друга, Талейрана, для котораго „политика—лавированіе по вѣтру". Она уязвляетъ знаменитаго дипломата такимъ замѣчаніемъ: „Наслѣдственность престола—прекрасное обезпеченіе спокойствія и счастія; но такъ какъ и турки пользуются

этимъ преимуществомъ, то, кажется, не мѣшало бы прибавить еще кое-что для обезпеченія государственнаго блага". Немудрено, что уже въ началѣ 1814 года г-жа Сталь писала Констану зловѣщія строки: „Не чувствуете ли вы вѣянія контръ-революціи, которое уже ощущается въ Голландіи и Швейцаріи, а скоро появится и во Франціи?"

Это было тѣмъ болѣе страшно, что слѣдовало ожидать долгаго застоя. Всякая реакція—плодъ соотвѣтствующей соціальной среды. А г-жа Сталь уже тогда рисовала печальную картину французскаго общества: „На другой день послѣ паденія Бонапарта, во Франціи жизнь замѣчалась только въ Парижѣ, а въ Парижѣ— лишь у нѣсколькихъ тысячъ попрошаекъ, выклянчивающихъ денегъ и мѣстъ у правительства, какое бы оно ни было". Роялисты „второй руки", эмигранты, духовенство,—всѣ были недовольны, и каждый классъ добивался своихъ прежнихъ правъ. Притомъ, „на дѣлѣ нельзя было слить новый дворъ съ старымъ: проявлялась постоянная зависть между старыми и новыми титулованными лицами". Въ провинціи почти ничего не читали. Повсюду выдвигались грубый эгоизмъ, „смѣсь чиновъ и партій, и дурной вкусъ". „Общество еще ничтожно, и нѣтъ ничего цѣльнаго". О женщинахъ того времени г-жа Сталь выражается такъ: „Онѣ не испытываютъ никакой потребности выдвигаться надъ мужчинами". Словомъ, „увы, несчастія вдохнутъ во Францію энтузіазмъ, но въ эпоху реставраціи почти никто не имѣлъ опредѣленныхъ желаній".

Такъ мрачно начиналась реставрація даже подъ перомъ г-жи Сталь, хотя она должна была радоваться: въ сущности наставало ея второе торжество. По возвращеніи въ Парижъ, ея салонъ опять оживился. Въ немъ не преминули побывать всѣ литературныя и политическія знаменитости того времени, отъ Александра I, проводившаго у нея цѣлые часы, до Талейрана, Веллингтона и т. п. Ея пріятель Бонштетенъ свидѣтельствуетъ: „г-жа Сталь очень весела; и каждый шагъ ея указываетъ, что она увѣнчана лаврами". Положеніе снова становилось столь выдающимся, что уже появлялись опасенія.

Г-жа Сталь не ограничивалась своимъ салономъ. Видя недостатки и затрудненія реставраціи, она имѣла въ виду какъ бы правительственную программу, чтобы положить конецъ этой „кровавой трагедіи". Такъ можно думать, по крайней мѣрѣ, по двумъ главамъ въ ея „Реставраціи". Онѣ носятъ характерныя названія: 1) „О системѣ, которой слѣдовало держаться въ 1814 году, чтобы утвердить домъ Бурбоновъ на французскомъ

престолѣ"; 2) „Какъ должны были вести себя друзья свободы въ 1814 году?"

Здѣсь мы видимъ, что реставрація сдѣлала роковую ошибку, взявъ себѣ за образецъ, въ Англіи, не Ганноверскій домъ, а систему Стюартовъ. Она забыла, что „нація не умираетъ" и что „ни подъ какимъ предлогомъ нельзя отнимать у нея нужныхъ ей учрежденій". Переходя къ подробностямъ, г-жа Сталь даетъ такіе политическіе уроки. Не слѣдовало совращать армію обѣщаніями наградъ за поддержку насилій правительства. Ей нужно было внушить, что, при конституціи, солдаты превращаются въ гражданъ, а не подражать льстившему ей Бонапарту. Эмигрантовъ можно было удовлетворить „назначеніемъ время отъ времени чрезвычайной суммы для уплаты личныхъ долговъ короля". Въ церкви должны были господствовать свобода и терпимость, но отнюдь не слѣдовало допускать клиръ къ власти. Въ городахъ и селахъ нужно было установить мѣстныя власти. Въ провинціяхъ слѣдовало „создать политическіе интересы, чтобы ослабить превосходство Парижа, гдѣ все стремится къ милостямъ двора". Что касается законодательства, то требовалось расширить избирательныя права, а „наслѣдственную пэрію слѣдовало мудро создать изъ древнихъ достойныхъ фамилій Франціи". Необходимо было также заботиться о народномъ образованіи, поощрять школы, университеты и пр. А главное, слѣдовало раздать вліятельныя мѣста „друзьямъ свободы": иначе все это „зданіе старыхъ предразсудковъ вышло бы карточнымъ домикомъ, который свалится при первомъ дуновеніи вѣтра".

Тѣмъ не менѣе, общій приговоръ правительству реставраціи вышелъ у г-жи Сталь не вполнѣ суровымъ. По ея мнѣнію, тогда „всѣ чувствовали справедливость и даже величайшую милость; французы всегда будутъ раскаяваться въ томъ, что они тогда недостаточно понимали это; и если потомъ говорили Бонапарту про конституцію, то это потому, что вздохнули свободно въ теченіе десяти мѣсяцевъ при Людовикѣ XVIII". Бѣда только въ томъ, что „и у уважаемаго правительства бываютъ опасныя ошибки"; такъ „существованіе полиціи, въ видѣ цѣлаго министерства, какъ при Бонапартѣ, противорѣчило справедливости и мягкости королевскаго правительства". Вѣроятно, это-то заставило г-жу Сталь выразиться въ другомъ мѣстѣ весьма рѣшительно: „Еслибы даже Бонапартъ не высадился въ Каннѣ, система министерства уже подорвала реставрацію и оставляла короля безъ настоящей силы".

Друзья г-жи Сталь смотрѣли на вещи болѣе мрачно. Сисмонди

писалъ, въ маѣ 1814 года: „Пока конституція не принята и не подтверждена присягой, пока миръ не подписанъ и иностранныя войска не ушли,—я не могу быть спокойнымъ“.

XVI.

Г-жа Сталь сама прекрасно описала, въ 1816 году, передъ смертью, все, что̀ испытала при извѣстіи о возвращеніи Наполеона. „О, никогда не забуду 6-го марта 1815 года, когда я узнала отъ одного изъ моихъ друзей о высадкѣ Бонапарта на берега Франціи. Я имѣла несчастіе сейчасъ же предвидѣть истинныя послѣдствія этого событія. Мнѣ казалось, что земля разверзлась подъ моими ногами. Нѣсколько дней послѣ торжества этого человѣка, я совсѣмъ не могла находить утѣшенія въ молитвѣ. Въ страшномъ волненіи, я думала, что Божество покинуло землю и не хотѣло имѣть дѣло съ имъ созданными существами“. Наша героиня страдала не за себя лично: у нея „положеніе Франціи поглощало всѣ другія мысли“. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было отчаянное: „Прощай, свобода, если восторжествуетъ Бонапартъ; прощай, независимость націи, если его побьютъ“. Возвращеніе Наполеона было лично для г-жи Сталь „кинжаломъ“ въ сердце. А для человѣчества она видѣла въ немъ „ужасный день, полный бѣдствій больше, чѣмъ какая-либо эпоха въ исторіи“. Ей удалось видѣть также, какое впечатлѣніе произвело это страшное событіе на господъ, больше всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ. „9-го марта, вечеромъ, я отправилась въ Тюльери, чтобы представиться королю. Мнѣ показалось, что въ немъ сквозь большое мужество проскользало выраженіе печали. И не было ничего трогательнѣе, какъ его благородное смиреніе въ такую минуту“.

Послѣ всего сказаннаго, понятна такая сцена. Когда Наполеонъ былъ уже въ Ліонѣ, одна бонапартистка сказала г-жѣ Сталь: „Императоръ знаетъ, сударыня, какъ вы были великодушны къ нему при его несчастіи“.—„Надѣюсь, что онъ узнаетъ тоже, насколько я его презираю“,—возразила г-жа Сталь. А когда владыка „Ста дней“ велѣлъ передать, что въ ней нуждаются для конституціонныхъ идей,—она отвѣтила: „Онъ обходился безъ меня и безъ конституціи въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ; да и теперь онъ очень недолюбливаетъ ни той, ни другой“.

Г-жа Сталь тотчасъ исчезла изъ Парижа, несмотря на увѣщанія друзей остаться и на просьбы и разныя обѣщанія бона-

партистовъ. Ея зять, Брольи, такъ описываетъ эту минуту ея жизни: „Г-жа Сталь смотрѣла на эти совѣты съ заслуженнымъ презрѣніемъ. Она уложила свой чемоданъ и просила меня оставаться до тѣхъ поръ, пока я могъ надѣяться сдѣлать что-нибудь противъ императорскаго деспотизма. А если мнѣ ничето не удастся, она назначила мнѣ свиданіе въ Коппэ". Сама г-жа Сталь сказала тогда Лавалетту: „Что мнѣ остается тутъ дѣлать? Мнѣ пришлось бы только много страдать. Когда я видѣла принцевъ въ Англіи, они прислушивались къ голосу правды: я рисовала имъ положеніе Франціи, чего она желаетъ, и какъ легко имъ сдѣлать это. Я, мнѣ казалось, убѣдила ихъ. А здѣсь, повѣрите ли, я ихъ не видѣла ни разу цѣлыхъ одиннадцать мѣсяцевъ. Я видѣла, какъ они близились къ пропасти, и мой голосъ не былъ услышанъ. Я люблю этихъ принцевъ и оплакиваю ихъ: только они одни смогли дать Франціи свободу. Это—честные люди. Думаю, что теперь Бонапартъ не посмѣетъ преслѣдовать меня. Но жить на его глазахъ,—никогда!" И, взглянувъ ему въ глаза, прибавила:—„Я не хочу знать вашихъ тайнъ. Но я разсчитываю на васъ въ случаѣ преслѣдованія, которое, пожалуй, наступитъ до *его* прибытія: вѣдь, все уже, конечно, готово".

Но изъ всего этого не слѣдуетъ заключать, что г-жа Сталь обвиняла Бонапарта въ возвращеніи. Она нѣсколько разъ повторяетъ: „Въ его возвращеніи должны обвинять себя сами правительства, которыя доставили Бонапарту возможность возвращенія... Я не стану вдаваться во всякіе возгласы противъ Наполеона, какъ это черезчуръ принято теперь. Съ его стороны было естественно попытаться возвратить потерянный тронъ; и его путь изъ Каннъ въ Парижъ, это — наивысшая смѣлость, какую только можно встрѣтить въ исторіи". Виноваты слѣпцы, которые не видѣли предстоящаго ужаса. Роялисты даже радовались, воображая, что возвращеніе Наполеона снова приведетъ союзниковъ во Францію,—и снова возвратится старый абсолютизмъ. И это были, по большей части, предатели, „которые дали похитить короля, не сдѣлавъ выстрѣла въ его защиту". А за Наполеона поднялись, конечно, солдаты; они не знали Бурбоновъ и „не могли стрѣлять въ своего генерала, которому служили цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ". За него стали и города съ деревнями, видѣвшіе въ немъ защитника правъ, добытыхъ революціей: вѣдь самая его „нелегитимность" была порукой за невозможность воскрешенія стараго порядка.

Наконецъ, среди самихъ „друзей свободы" нашлись люди,

31*

„повѣрившіе чуду—обращенію Бонапарта". Г-жа Сталь съ негодованіемъ говоритъ о нихъ: „Если было преступленіемъ призывать Наполеона, то было глупостью надѣвать на такого человѣка маску конституціоннаго короля: разъ приняли его, было необходимо вручить ему военную диктатуру". Его заставили держать рѣчь, противную всему, что̀ говорилъ онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ... „Единственнымъ средствомъ Бонапарта оставался военный якобинизмъ".

Не такъ отнеслись къ новому языку завоевателя ближайшіе друзья г-жи Сталь. Констанъ, вчера только называвшій его „трусливымъ плутомъ" (lâche coquin), совсѣмъ передался ему и называлъ его „удивительнымъ человѣкомъ", который „отлично понималъ свободу, хотя не вводилъ ея въ жизнь". Узнавши, что ея другъ получилъ приглашеніе отъ Наполеона составить конституцію, она писала Констану 10-го апрѣля: „Вы говорите мнѣ о вашемъ довольствѣ: мнѣ кажется, оно проистекаетъ не изъ одной только совѣсти... Вы сами знаете лучше всякаго другого, въ чемъ упрекаютъ васъ, въ политическомъ отношеніи". Немного лучше судитъ г-жа Сталь о другомъ неожиданномъ сторонникѣ Бонапарта,—о своемъ пріятелѣ Сисмонди.

Дѣйствительно, г-жѣ Сталь было противно все, что̀ ни дѣлалось тогда въ Парижѣ. Прежде всего ее, какъ аристократку, возмущала бонапартовская палата пэровъ, гдѣ не было ни одного историческаго имени. Но и вся новая конституція возбуждала въ ней много сомнѣній. По мнѣнію г-жи Сталь, смыслъ всей этой комедіи таковъ: „Изъ всей этой роковой путаницы вышло одно: монархіи возненавидѣли французовъ за ихъ желаніе стать свободными, а націи возненавидѣли французовъ за неумѣнье стать свободными".

Между тѣмъ Наполеонъ пожиналъ то, что̀ посѣялъ. „Система эгоизма, которою онъ всегда руководствовался, погубила его и теперь"... Вмѣсто того, чтобы защищаться, онъ задумалъ большую побѣду. „Но,—говоритъ г-жа Сталь,—по слухамъ, онъ прибылъ въ Бельгію въ каретѣ, гдѣ хранились скипетръ, мантія и всѣ побрякушки имперіи: вѣдь онъ понималъ только пышность, связанную съ шарлатанствомъ". А противъ этого шарлатана выступилъ герой съ „сверхъестественными дарованіями". Въ глазахъ г-жи Сталь, Веллингтонъ, этотъ грубый лордъ-ретроградъ, былъ воплощеніемъ „самаго благороднаго безкорыстія, непоколебимой справедливости и талантовъ, истекающихъ изъ глубины души". Ее подкупало то, что онъ командовалъ арміей „свободныхъ людей". По ея мнѣнію, „его умѣренность, благо-

родство и сила, которыя онъ черпалъ въ своихъ добродѣтеляхъ, были плодомъ нравственнаго воздуха Англіи“. И тутъ-то г-жа Сталь видитъ лучшее доказательство величія этой страны; въ силу войнъ, Бонапартъ былъ „деспотъ безъ узды“, а его побѣдитель „останется въ своемъ отечествѣ не болѣе, какъ гражданиномъ, конечно, несравненнымъ, но подчиненнымъ закону, какъ и послѣдній смертный“.

Наполеонъ, даже возвратившись въ Парижъ, послѣ Ватерлоо, не думалъ объ отреченіи. Любопытно, тутъ же г-жа Сталь бранитъ палаты за то, что онѣ отказали ему въ деньгахъ и въ людяхъ, и даже упрекаетъ солдатъ въ малодушіи. Наполеонъ уже вновь провинился передъ нею съ другой стороны. „Какъ!— восклицаетъ она.—Этотъ человѣкъ, который только-что опять взбудоражилъ всю Европу своимъ возвращеніемъ, подаетъ въ отставку, какъ простой генералъ. Онъ и не пытался сопротивляться... Съ того дня, какъ его судьба была покончена, онъ уже не заботился о судьбѣ Франціи“.

XVII.

Судьба Франціи была печальна. Г-жа Сталь такъ описываетъ положеніе ея въ письмѣ отъ 4-го августа 1815 года: „Мы во Франціи находимся въ жалкомъ положеніи. Еслибы вы знали страну раньше и видѣли ее теперь, у васъ сердце разорвалось бы на части. Но не нужно ничего говорить объ этомъ... Нашъ король дѣлаетъ все, что̀ можетъ, справедливаго и добраго; но его королевство не больше принадлежитъ ему, чѣмъ намъ“. Въ концѣ того же года, она писала изъ Италіи, по поводу Сисмонди, попавшаго на удочку Наполеона: „Но слѣдуетъ признаться, что для Франціи *все* было лучше, чѣмъ состояніе, до котораго она дошла теперь“. Нѣсколько времени спустя, г-жа Сталь писала г-жѣ Альбани: „Я согласна съ вами, что освобожденіе отъ Бонапарта—великое счастье для Европы. Но Франція, Франція! До чего она дошла! И что̀ за странная мысль—дать ей правительство, возбуждающее столько враговъ, и въ то же время отнять у этого бѣднаго, добраго короля всѣ средства пріобрѣсти любовь. Вѣдь контрибуціи и иностранныя войска смѣшиваются съ Бурбонами, хотя послѣдніе весьма опечалены ими“.

И несмотря на просьбу короля, г-жа Сталь не сейчасъ возвратилась въ Парижъ. Она предпочитала оставаться въ своемъ Коппэ, но зато завела опять оживленный салонъ. Очевидцы дѣ-

лаютъ такую характеристику этого салона: „Нѣтъ двора, который былъ бы такъ оживленъ. Здѣсь сходятся всѣ знаменитости Европы. Русскій императоръ пишетъ иногда г-жѣ Сталь. Она господствуетъ надъ всѣми націями". Чего же ей было стремиться въ Парижъ? Тамъ скорѣе ее ожидали непріятности. Такъ можно судить, по крайней мѣрѣ, по ея отвѣту г-жѣ Рекамье́, когда та звала ее въ столицу: „Нѣтъ, я, право, неблагодарна относительно дарованной свободы; вѣдь я держусь мнѣнія, что націи рождены свободными. Я могу проронить слова, которыя не въ модѣ и только создадутъ мнѣ враговъ... Настроеніе партій таково, что нельзя соединить въ одной комнатѣ своихъ друзей, если не быть, подобно вамъ, ангеломъ доброты. Повѣрьте, я права".

Однако, не сладко было г-жѣ Сталь и въ ея швейцарскомъ раю. Она чувствовала начало сильной реакціи, съ Шатобріаномъ во главѣ, о которомъ Констанъ говорилъ, что лучше бы ему называть свою „Monarchie selon la Charte" (Монархія согласно съ хартіей)—„La Charte selon l'aristocratie" (Хартія согласно съ аристократіей). Г-жа Сталь говорила относительно Парижа: „Здѣсь земля еще колеблется *и пепелъ еще тлѣетъ*. Большихъ бунтовъ, по всей вѣроятности, не будетъ; но реакція такъ сильна, что повсюду видишь недовольныхъ. Войска (особенно прусскія) до того истощили Францію, что не остается ничего, кромѣ несчастій и несчастныхъ".

Только послѣ ордонанса 5-го сентября 1816 года, когда большинство выборовъ пало на конституціоналистовъ, г-жа Сталь рѣшилась вернуться въ Парижъ, но съ тѣмъ, чтобы вести тамъ тихій образъ жизни. Однако, разъ она очутилась въ столицѣ міра, въ ней опять проснулось чувство свободы, жажда дѣятельности. Но уже прошло ея время. Несмотря на то, что г-жа Сталь была окружена людьми и чтима, у нея вырывались такія фразы въ перепискѣ съ друзьями: „Повѣрите ли? Парижъ не нравится мнѣ. Со мной обращаются очень благожелательно; я вижусь со многими; но въ воздухѣ—какая-то невыносимая тяжесть. Никто не говоритъ то, что̀ думаетъ, и сама нація какъ будто скрываетъ свои страданія изъ осторожности". Въ началѣ 1817 года, уже въ годъ ея смерти, мы читаемъ: „Мнѣ не очень нравится этотъ край, хотя въ этомъ году здѣсь больше терпимости, чѣмъ прежде. Всѣ такъ близки ко взаимной ненависти и такъ далеки отъ взаимной любви, что остается только избѣгать зла: а это не очень поощряетъ къ соревнованію". А въ своей „Революціи" г-жа Сталь дорисовываетъ картину такими словами о тогдашнемъ обществѣ: „Что̀ сказать объ этихъ маленькихъ людяхъ съ ве-

ликимъ нахальствомъ, которые возвѣщаютъ вамъ, такимъ же приторнымъ и изысканнымъ тономъ, какъ они сами, такія вещи: *непристойно заниматься политикой;* никто больше и не думаетъ о свободѣ; народные выборы — совсѣмъ грубое учрежденіе; народъ всегда плохо выбираетъ; порядочные люди созданы не для того, чтобы, какъ въ Англіи, *смѣшиваться съ народомъ*"... Г-жа Сталь восклицаетъ: „Праведное Небо! Да о чемъ же и думать этимъ молодымъ людямъ, воспитаннымъ подъ властью Бонапарта?... Что же они поставятъ на мѣсто политики, которую они хвастливо подвергаютъ опалѣ? Да не больше, какъ нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ министерскихъ переднихъ, чтобы добыть мѣстечекъ, которыя они не въ силахъ занимать".

И все-таки г-жа Сталь, даже незадолго до смерти, дѣлала все, что могла, для этой „бѣдной Франціи, разрушенной надолго". Болѣе всего она страдала при видѣ иностранцевъ подъ стѣнами Парижа. Ея біографъ и подруга, г-жа Соссюръ, свидѣтельствуетъ: „Г-жа Сталь рѣшилась покинуть Парижъ въ 1817 году и не возвращаться, пока не уйдутъ союзныя арміи". Сама г-жа Сталь писала тогда своему зятю, герцогу Брольи: „Нужно быть слишкомъ счастливымъ въ личныхъ привязанностяхъ, чтобы переносить положеніе Франціи въ виду иностранцевъ... Прежде всего—независимость; потомъ подумаемъ о свободѣ". А въ „Революціи" читаемъ: „Развѣ не ясно всѣмъ, что у 150.000, занимающихъ теперь Францію, только двѣ цѣли—или раздѣлить Францію, или предписать ей законы во внутреннемъ управленіи... Неужели 150.000 солдатъ занимаютъ нашу землю для того, чтобы утвердить нынѣшнее правительство? У правительства найдутся болѣе дѣйствительныя средства для этого". Извѣстно, что вліянію г-жи Сталь приписываютъ отчасти рѣшеніе Веллингтона уменьшить оккупаціонную армію. Министръ Виллель прямо утверждаетъ это въ своихъ письмахъ.

Приближающаяся смерть какъ будто посылала впереди себя свою печальную тѣнь. Реакція свирѣпствовала со всей силой. Г-жа Сталь спрашивала: „Можно ли теперь произносить имя хартіи? Вѣдь нѣтъ и тѣни свободы печати; англійскіе журналы не могутъ проникать во Францію. Тысячи людей попадаютъ въ тюрьмы безъ слѣдствія. Отдаваемые подъ судъ военные обыкновенно приговариваются къ смерти чрезвычайными судилищами, —военными совѣтами, гдѣ засѣдаютъ тѣ самые люди, съ которыми они дрались 25 лѣтъ, гдѣ нарушаются почти всѣ формальности, гдѣ адвокатовъ останавливаютъ или подвергаютъ выговорамъ. Словомъ, всюду царствуетъ произволъ, а не хартія,

которую слѣдовало бы защищать наравнѣ съ престоломъ, ибо она — стражъ націи... Въ гарскомъ департаментѣ избили 180 протестантовъ—и никто не поплатился жизнью, не понесъ наказанія за такія преступленія: ужасъ, наведенный убійцами, не дозволилъ судьямъ осудить ихъ. Поспѣшили возвѣстить, что погибшіе были бонапартисты, какъ будто не слѣдовало воспрепятствовать избіенію хотя бы и бонапартистовъ".

Немудрено, что въ душѣ страдалицы поколебалась даже вѣра въ англичанъ, которые не хотѣли помочь Франціи, подъ „лицемѣрнымъ предлогомъ", что они не желаютъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Она не могла понять, какъ эта свободная, нравственная нація, спѣшившая водворить во Франціи старую королевскую фамилію, не позаботилась о томъ, чтобы не нарушить и „обязательства, принятыя на себя этой фамиліей передъ лицомъ 25 милліоновъ людей"? Горькою ироніей звучатъ слова г-жи Сталь о представителѣ Великобританіи на вѣнскомъ конгрессѣ: „Ни одинъ дипломатъ материка не принесъ столько вреда дѣлу народовъ... Представители разныхъ государствъ Европы, теперь слабыхъ, но нѣкогда независимыхъ, потребовали нѣкоторыхъ правъ, нѣкоторыхъ обезпеченій со стороны депутата державы, которую они обожали, какъ свободную. Они ушли съ сжатымъ сердцемъ, не зная, кто причинилъ имъ больше упорнаго зла — Бонапартъ или самая почтенная нація въ мірѣ? Придетъ время—и ихъ переговоры будутъ оглашены: и въ исторіи не будетъ болѣе замѣчательной страницы". Г-жа Сталь прибавляетъ, будто на замѣчаніе представителей державъ, что благоденствіе Англіи является слѣдствіемъ ея конституціи, имъ отвѣчали съ саркастической улыбкой: „въ Англіи свобода есть обычай, но она не къ лицу другимъ странамъ".

Наконецъ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ Александру I, г-жа Сталь, на послѣднихъ страницахъ своей „Революціи", выражается такъ о „Священномъ Союзѣ": „Братство всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, въ видѣ Священнаго Союза, предложеннаго императоромъ Александромъ, уже осуждено оговоркой противъ сліянія культовъ. Какой же общественный порядокъ предлагаютъ намъ эти сторонники деспотизма и нетерпимости, эти противники просвѣщенія, эти враги человѣчества, когда оно носитъ имя народа и націи? Куда пришлось бы бѣжать, если дать имъ власть?" Но все-таки у г-жи Сталь, извѣрившейся въ Западѣ, оставалась надежда на Востокъ. Она писала г-жѣ Жерандо объ Александрѣ I: „Я благоговѣю передъ нимъ. Если, вопреки обычному восхваленію государей, его не превозносятъ по заслугамъ, то это потому, что у либераль-

ныхъ идей, любимыхъ имъ отъ всей души, мало приверженцевъ въ салонахъ. Отъ глубины души привѣтствую все, что̀ можетъ возвысить этого человѣка: для меня онъ — чудо Провидѣнія, призванное спасти свободу, угрожаемую со всѣхъ сторонъ". Въ заключеніе г-жа Сталь прибавила любопытную мысль: „Мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ, что у меня свобода и религія—одно и то же: религія просвѣщенная, свобода справедливая. Это—и цѣль, и путь. Я имѣю въ виду мистицизмъ, т. е. религію Фенелона,— ту, святилищемъ которой служитъ сердце, ту, которая сливаетъ любовь съ дѣлами. Я имѣю въ виду *реформацію реформаціи*, развитіе христіанства, — развитіе, которое соединяетъ все хорошее въ протестантизмѣ и католицизмѣ и совершенно устраняетъ религію отъ политическаго вліянія священниковъ. Какая честь—стать императору Александру во главѣ этихъ двухъ благородныхъ орудій совершенства человѣческаго рода—внутренней религіи и представительнаго правленія"!

Испугавшись реакціи, г-жа Сталь писала тогда лучшія страницы о томъ, насколько французы и другія націи вообще способны къ свободѣ. Послѣднія и самыя вдохновенныя страницы г-жи Сталь посвящены этому великому вопросу. Видя опасность, которая грозила завѣтнымъ мечтамъ ея души, идеалу, которому она жертвовала спокойствіемъ всей своей жизни, она собираетъ послѣднія силы и громко взываетъ къ свободѣ.

XVIII.

Намъ всегда казалось, что историческое изслѣдованіе можетъ обходиться и безъ заключеній: документы, ссылки, факты должны говорить сами за себя; они должны расчистить путь къ вытекающимъ изъ нихъ основнымъ мыслямъ. Но приходится отказаться отъ этого пріема, когда имѣешь дѣло съ такой сложной личностью, съ такимъ разностороннимъ мыслителемъ, какъ г-жа Сталь. Чѣмъ больше мы изучали ея мысли и чувства, ея общественныя и личныя отношенія, тѣмъ труднѣе становилось принять одну изъ точекъ зрѣнія, на которыя становилось большинство ея біографовъ. Одни преклоняются передъ ней (Сентъ-Бёвъ и др.); другіе же (Шлоссеръ, Прудонъ и проч.) не видятъ въ ней ничего, кромѣ пустой салонной дамы. Есть еще третій сортъ критиковъ болѣе легкаго полета, которые прямо

смѣются надъ нею. Есть анекдоты въ жизни г-жи Сталь;—ихъ такъ легко запомнить; и такъ весело посмѣяться!

Мы согласны съ Гёте, когда онъ писалъ Кнебелю въ 1808 г.: „Г-жа Сталь—такая замѣчательная личность, что при описаніи ея въ *похвалахъ*, какъ и въ *порицаніи* хватишь черезъ край".

Намъ кажется, что всѣ три разряда біографовъ и критиковъ одинаково впадаютъ въ ошибку. Если г-жу Сталь нельзя ставить на пьедесталъ, нельзя видѣть въ ней солнце безъ пятенъ, то нельзя также предать ее забвенію. Менѣе же всего заслуживаетъ она легкаго отношенія къ себѣ.

Если взять г-жу Сталь даже поверхностно, безъ всякаго отношенія къ средѣ и ко времени, если считать ее метеоромъ по теоріи „поклоненія героямъ", то и тогда многія изъ ея страницъ окажутся достойными вниманія современниковъ, и многому можно научиться у нея потомкамъ. Если же взять ее какъ плодъ окружающихъ условій, великой минуты въ жизни человѣчества, если смотрѣть на нее какъ на отраженіе крупныхъ явленій, какъ на эхо всего тогдашняго настроенія, то она предстанетъ предъ нами характерной, поучительной личностью, явленіемъ историческимъ.

Но не легко опредѣлить умственную физіономію г-жи Сталь. Мы видѣли, какъ, за немногими исключеніями, ни въ одномъ вопросѣ г-жа Сталь не остается вѣрною самой себѣ. Вездѣ противорѣчія, „да" и „нѣтъ". То она съ пылкостью хватается за новыя, носящіяся въ воздухѣ, идеи; то отвергаетъ ихъ. Такъ въ философіи, въ началѣ (1800), она восторгается матеріализмомъ и позитивными науками, потомъ (1810) раздражительно опровергаетъ ихъ, становится спиритуалисткой, доходитъ почти до мистицизма. Впрочемъ, тутъ она—только дилеттантка: она никогда и не притязала на званіе настоящаго философа. Въ нравственности—то же самое: то она допускаетъ самый строгій детерминизмъ, отвергаетъ всякую свободу воли, принимаетъ и науку, и развитіе нравственности; то у нея господствуетъ свобода воли, и нравственность теперь та же, что 2.000 лѣтъ тому назадъ. Въ женскомъ вопросѣ противорѣчіе еще ярче. То она выступаетъ съ громовой проповѣдью за образованіе женщины, за освобожденіе ея изъ оковъ предразсудковъ; то восхищается безмолвными, покорными своему господину англичанками и нѣмками и предостерегаетъ женщинъ отъ скользкаго литературнаго пути, отъ всякой попытки выдвинуться изъ общаго стада. Въ религіи г-жа Сталь сначала (1802) противъ всякихъ догмъ и культа, противъ монашества,—можно сказать, противъ всего, кромѣ Провидѣнія;

потомъ (1807—10) превозноситъ католицизмъ и все общепринятое. У г-жи Сталь потерпѣла даже ея любимая идея прогресса. Въ 1796 г. она всѣми силами защищаетъ „систему усовершенствованія". Въ 1800-мъ она даже первая прилагаетъ ее практически къ исторіи литературы, и если здѣсь ея заслуга не въ томъ собственно, чтò она доказываетъ, то, во всякомъ случаѣ, важно то, за что она борется, и еще знаменательнѣе предсказаніе обновленія въ поэзіи, въ философіи и въ религіи. А въ 1810 году г-жа Сталь уже сомнѣвается въ возможности политической и соціальной науки и почти отвергаетъ свою дорогую идею.

Словомъ, ни одна колонна въ построенномъ ею храмѣ не удерживается. Сначала она ставитъ ихъ на самыхъ широкихъ основахъ, собирая матеріалъ у разныхъ предшественниковъ и современниковъ, потомъ опрокидываетъ ихъ одну за другой. Мы стоимъ передъ этими развалинами и спрашиваемъ: къ чему она ихъ строитъ и почему разрушаетъ? Чтò все это означаетъ?

Здѣсь, какъ и всегда, а въ данномъ вопросѣ по преимуществу, отвѣтомъ можетъ служить только *среда*, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. все окружавшее автора и связь эпохъ. Чтобы оцѣнить ее, мы считаемъ лучшимъ пріемомъ прежде всего кинуть бѣглый взглядъ на развитіе *личности* г-жи Сталь.

Жермена Неккеръ родилась въ Парижѣ въ 1766 г. Мать ея, швейцарка, дочь протестантскаго пастора, зарабатывала себѣ хлѣбъ, по смерти отца, уроками. Послѣ длиннаго романа съ знаменитымъ Гиббономъ, она вышла замужъ за банкира Неккера. По словамъ близко знавшаго ее Гримма, это была строгая протестантка, деистка; она была преисполнена сознанія долга жены и матери. Ея салонъ былъ однимъ изъ первыхъ въ Парижѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мужъ сталъ министромъ. Въ немъ бывали первыя свѣтила литературы и политики; даже такія лица, какъ цесаревичъ Павелъ съ супругой, не покидали Парижа, не повидавши Неккеровъ. Г-жа Неккеръ переписывалась съ Вольтеромъ, была другомъ Бюффона и музой поэта Томаса. Тюрго, Дидро, Гриммъ были ея постоянными гостями. Строгая исполнительница долга, она придавала больше значенія воспитанію, чѣмъ природѣ и естественнымъ качествамъ. Сухая, сдержанная, она была противъ педагогической системы Руссо. Въ такихъ правилахъ, не считаясь съ индивидуальностью ребенка, подавляя все природное, она воспитывала свою Жермену. А дѣвочка сидѣла подлѣ своей матери, на скамеечкѣ, жадно прислушиваясь къ разговорамъ гостей. Отецъ же составлялъ какъ бы

противовѣсъ матери: онъ давалъ просторъ природѣ этого дивнаго ребенка, котораго онъ полюбилъ горячо и всегда считалъ своей гордостью.

Не мудрено, что при такой обстановкѣ геніальный ребенокъ поражалъ своими быстрыми отвѣтами и легкимъ пониманіемъ трудныхъ вопросовъ. Съ 15-ти лѣтъ Жермена писала уже трагедіи и повѣсти и читала „Духъ законовъ“ Монтескьё съ замѣтками. Двадцати лѣтъ родители выдали ее замужъ за шведскаго посланника, г-на Сталь-Гольштейна, которому его король Густавъ III долженъ былъ обѣщать орденъ, пенсію и постоянное посольство, за богатую невѣсту—дочь перваго министра. Г-нъ Сталь, вдвое старше жены, игрокъ, человѣкъ полуобразованный, мало соотвѣтствовалъ мечтамъ своей жены. Отсюда —ихъ нравственный разладъ и ея разныя симпатіи, особенно къ Констану. Отъ той поры мы имѣемъ любопытный портретъ одного изъ поклонниковъ г-жи Сталь, писателя Гибера. Описывая ее въ образѣ Зюльмы, онъ говоритъ: „Ей только 20 лѣтъ, а она уже—самая знаменитая жрица Аполлона; она—та, которая больше всего любитъ его ѳиміамъ и его гимны... Ея большіе черные глаза блистали геніемъ. Ея волосы цвѣта чернаго дерева падали волнистыми локонами на плечи. Ея черты лица были скорѣе крупны, чѣмъ тонки: въ нихъ сквозило нѣчто не ея пола“. Любопытно, что, 22 года спустя, мы встрѣчаемъ у лично знавшаго ее Эленшлегера подобный же портретъ. „Всему міру извѣстно, насколько г-жа Сталь жива, остроумна, шутлива и мила. Я не видалъ женщинъ съ бо̀льшимъ геніемъ. Въ ней было что-то мужское; она была кругленькая, съ рѣзкимъ лицомъ. Она не была красива, но въ ея блестящихъ карихъ глазахъ было такъ много привлекательнаго... У нея былъ геній, лицо, даже, можно сказать, голосъ мужчины, но душа ея была въ высшей степени женственна“.

Эта послѣдняя прибавка очень важна. Женственная душа, доброе *сердце* были постояннымъ украшеніемъ этой личности. Къ ней идутъ слова: „Великія мысли исходятъ изъ сердца“. Вскорѣ послѣ замужества явилось первое литературное произведеніе г-жи Сталь—восторженный гимнъ Руссо, какъ бы протестъ противъ педантичнаго воспитанія матери. Затѣмъ во всю ея жизнь мы встрѣчаемся съ одинаковымъ восхваленіемъ ея сердца, какъ у близкихъ, такъ и у далекихъ людей, какъ у друзей, такъ и у враговъ. Начиная съ Шиллера, Гёте, Гумбольдта, кончая Байрономъ, всѣ сходятся. „Невѣроятное добродушіе, возвышенность и благородство въ чувствахъ!“ — восклицаетъ Вильгельмъ Гумбольдтъ.

Байронъ говоритъ: „Что касается сердца, которое не знаетъ ни отечества, ни національности, г-жа Сталь почти никогда не ошибается“. Даже противникъ ея, Ж. де-Местръ, назвавшій ее „science en jupon“, и тотъ прославляетъ ея „доброе сердце“. Наконецъ, Мишле́, относящійся къ ней вообще критически, не могъ удержаться отъ признанія: „Въ общемъ же, прекрасная женщина, съ добрымъ сердцемъ“. Поэтъ Шамиссо выражается объ ней: „Она искренна, откровенна, страстна, вся—энтузіазмъ, она понимаетъ только душой“. Впрочемъ, прочнѣе всѣхъ свидѣтельствъ современниковъ говорятъ ея сочиненія, особенно „Страсти“, которыя могли быть написаны только искреннимъ, гуманнымъ и глубокимъ сердцемъ. Мы поставили бы г-жу Сталь выше всего именно за ея пониманіе человѣческаго сердца, за ея сочувствіе къ страждущимъ. Вспомнимъ, какъ во время террора она спасала отъ смерти друзей и даже враговъ, сама рискуя жизнью. Любить и быть любимой—вотъ цѣль ея существованія. Это говоритъ намъ и Коринна, которая добивалась успѣха потому, что онъ даетъ и любовь. Именно глубоко-чувствующее сердце заставило г-жу Сталь, много выстрадавъ, проповѣдовать умерщвленіе страстей: такова цѣль всѣхъ ея „Страстей“. Такою г-жа Сталь оставалась до самой смерти. Г-жа Соссюръ, присутствовавшая при ея послѣднихъ минутахъ, свидѣтельствуетъ: „Никогда ея жалобы не переходили въ ропотъ, никогда она не возмущалась. Посреди страшныхъ волненій, которыя при такихъ страданіяхъ столь быстро превращаются изъ физическихъ въ нравственныя, она ни разу не измѣнила своей непоколебимой мягкости. До послѣдняго издыханія она осталась нѣжной, довѣрчивой, какъ ребенокъ, и глубоко признательной къ окружающимъ. Она скорѣе сожалѣла о жизни, чѣмъ боялась смерти“.

По природной ли наклонности, по пережитому ли „ужасу“, по неудовлетворительности ли ея посредственныхъ друзей, изъ общей ли скорби о несчастномъ человѣчествѣ вообще, по несоотвѣтствію ли между идеаломъ и грустной дѣйствительностью, —во всякомъ случаѣ, душа г-жи Сталь была склонна къ меланхоліи. По свидѣтельству Гёте и другихъ, въ ней была смѣсь французскаго съ германскимъ. Да она и сама говоритъ въ письмѣ къ подругѣ: „Я знаю, что во мнѣ кроются способности, которыя могли бы и больше развернуться; но родиться француженкой съ чужеземнымъ характеромъ, обладать вкусомъ и привычками Франціи и мыслями и чувствами сѣвера, это—контрастъ, который портитъ жизнь“. Любопытно, что то же самое повторяетъ Шамиссо: „Г-жа Сталь—необыкновенное существо.

Она соединяетъ въ себѣ нѣмецкую серьезность, южный пылъ и французскія манеры". Отсюда ея предпочтеніе сѣверной литературы и ея симпатіи къ нѣмцамъ вообще. „Стихи Томсона,— говоритъ она,—трогаютъ меня больше, чѣмъ сонеты Петрарки". Она выступала противъ легкаго тона, даже противъ комедіи, ей была ненавистна французская plaisanterie.

Замѣчательно, что такое любящее сердце было связано съ *геніальностью*. Г-жа Сталь вѣрно опредѣлила себя въ письмѣ къ г-жѣ Рекамье: „Быть можетъ, эгоистично оплакивать собственный талантъ; но я чувствую въ себѣ высшіе дары, которымъ некогда было развернуться, и я оплакиваю ихъ разрушеніе". Да, г-жа Сталь отличалась скорѣе широкимъ, чѣмъ глубокимъ умомъ. Многія причины—окружающій блескъ, салоны, скитальчество, погоня за успѣхомъ, несчастная любовь, положеніе въ обществѣ, словомъ, многое мѣшало г-жѣ Сталь стать настоящей ученой, т.-е. сосредоточенно вникать въ массу затрогиваемыхъ ею вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть въ ней „феномена среди женщинъ", какъ выразился недолюбливавшій ее Шиллеръ, прибавляя, что „немногіе мужчины могли сравниться съ нею по уму и краснорѣчію". Гёте прямо назвалъ всѣ ея сочиненія „замѣчательно страстно продуманными произведеніями"; о „Германіи" онъ замѣтилъ, что она „заставляетъ думать все дальше и дальше". У него находятъ даже нѣкоторыя выраженія изъ этой книги. „Дельфина" въ его глазахъ—„явленіе, дѣлающее честь вѣку". Даже противникъ г-жи Сталь, Байейль, не могъ не признать за нею „высокаго таланта, тонкости, широты и глубины". По нашему мнѣнію талантъ г-жи Сталь лучше всего обрисованъ швейцарскимъ историкомъ литературы, Винэ: „У нея, кажется, все схватывается съ налета. Ея мысль отличается вдохновеніемъ и самопроизвольностью столько же, сколько богатствомъ. Она схватываетъ многія истины чувствомъ. Въ ней больше, чѣмъ въ комъ-либо, того, что̀ называется проблесками". Мы видѣли, какъ проницательно и ловко умѣла она создавать изъ чужого матеріала, а также, какія иногда самобытныя мысли проскользаютъ въ ея сочиненіяхъ (теорія усовершенствованія). Мы даже отчасти видимъ здѣсь одну изъ причинъ свойственныхъ ей противорѣчій: „Все видѣть, все понимать—великая причина недостовѣрности", — сказала она сама глубокомысленно. Въ заключеніе укажемъ на мѣткое сужденіе Мишле́: „Еслибы не салоны, еслибы не пустые друзья, еслибы не суетность свѣта болтуновъ и свѣта писакъ, она была бы геніальна".

Да, свѣтъ болтуновъ! Одной изъ отличительныхъ чертъ г-жи

Сталь была такъ-называемая „causerie“—французская страсть къ разговору. Тутъ она вполнѣ дама XVIII-го вѣка, когда салоны, „будуарная политика“ играли первостепенную роль. Въ то время, какъ Жоржъ-Зандъ становилась нѣмой въ обществѣ и открывала свою душу только перу, г-жа Сталь была настоящая импровизаторша. По словамъ знавшихъ ее, она электризовала цѣлыми потоками рѣчей. Ея пріятель Бонштетенъ спросилъ ее однажды, въ чемъ секретъ такого искусства. Она отвѣчала: „Одинъ изъ моихъ секретовъ, это—дерзость касаться того, чего другой не посмѣетъ сказать. Есть извѣстная область мыслей, куда никто не смѣетъ проникнуть. Когда обладаешь превосходной силой, нужно ухватиться за такіе вопросы, гдѣ на нашей сторонѣ большое преимущество надъ мелкими людьми, чувствующими себя хорошо только въ общихъ мѣстахъ или въ самыхъ обыденныхъ предметахъ“. Всѣ, знавшіе ее, восторгаются блескомъ ея ума, граціей ея разговора. Въ полчаса знакомства казалось, что знаешь ее десять лѣтъ. Мы видѣли ея салонъ въ три эпохи—отъ 1786 до 1789 г.,—во время директоріи и при реставраціи. Во время изгнанія г-жа Сталь устроила изъ Коппэ также настоящій придворный салонъ, гдѣ она предсѣдательствовала. Словомъ, разговоръ—вдохновеніе г-жи Сталь. Только тутъ она и мыслила, и писала, тутъ обсуждала свои сочиненія и давала ихъ читать своимъ друзьямъ. Для нея писать значило говорить.

При такомъ исключительномъ дарѣ краснорѣчія естественно стремленіе „вести разговоръ“, т.-е. задавать тонъ, играть первенствующую роль, словомъ—блистать. Оно доходило у г-жи Сталь до крупнаго недостатка, о которомъ говорятъ всѣ знавшіе ее, точно также какъ объ ея дарованіяхъ. Она даже часто въ своихъ сочиненіяхъ позволяетъ себѣ такія фразы: „со всѣмъ моимъ умомъ“, съ „моимъ талантомъ“, „съ моей репутаціей“ и т. п. Самъ ея пріятель, Сисмонди, находитъ, что эта репутація развила въ ней „много недостатковъ Бонапарта“. „Она,—говоритъ онъ,—подобно ему, не выноситъ противорѣчій. Она любезно повторяетъ похвалы себѣ. Какъ только заговорятъ о чьей-нибудь репутаціи, она спѣшитъ вставить свою собственную, совершенно неумѣстно“. И Констанъ замѣчаетъ: „Превосходство ея ума, необузданность ея характера до того сковывали окружающихъ ее, что ей не говорили откровенно ничего непріятнаго. Она сама не очень щадитъ другихъ“. Припомнимъ, какъ г-жа Сталь избѣгала упоминать о знаменитыхъ женщинахъ своего времени, какъ она обошла полнымъ молчаніемъ г-жу Роланъ и Шар-

лотту Кордэ. Сентъ-Бёвъ ставитъ г-жу Роланъ, по величію души, выше г-жи Сталь. Г-жа Сталь и умерла, такъ сказать, на своемъ посту. Въ февралѣ 1817 года, на балу у герцога де-Каза, она упала въ параличѣ. Въ отелѣ, куда ее перенесли, она до послѣдней минуты приказывала созывать гостей и разсылать приглашенія на обѣды, хотя сама уже не могла ихъ принимать.

Ясно, что эти, далеко не крупные, недостатки г-жи Сталь связаны съ ея основнымъ дарованіемъ, а именно, съ ея впечатлительностью. Объ этой чертѣ свидѣтельствуетъ самый близкій къ ней человѣкъ. По словамъ г-жи Неккеръ де-Соссюръ, „ея душа была жизненнѣе всякой другой". Задушевный другъ, Констанъ, называетъ ее „вулканомъ, бурей, землетрясеніемъ". Зять ея, Брольи, говоритъ: „въ силу внутренней борьбы, ея жизнь была бурей". Наконецъ, сама г-жа Сталь въ лицѣ Коринны заявляетъ намъ: „Талантъ, и особенно талантъ въ женщинѣ, предрасполагаетъ къ скукѣ, вызываетъ потребность въ развлеченіи, которую не можетъ вполнѣ подавить самая глубокая страсть. Перспектива однообразной жизни, даже въ нѣдрахъ счастья, внушаетъ ужасъ уму, нуждающемуся въ разнообразіи".

Вотъ внутренній источникъ той борьбы, которая, можно сказать, составляетъ сущность всей ея жизни. Не будемъ говорить объ ея личныхъ буряхъ и страданіяхъ. Можно представить, что̀ должна была испытывать женщина, которая считала однимъ изъ самыхъ великихъ несчастій потерю молодости. Въ ея головѣ лежало, какъ idée fixe, убѣжденіе, что кульминаціоннымъ пунктомъ въ жизни женщины служатъ 25 лѣтъ,—возрастъ, когда, замѣтимъ, измѣнилъ ей Нарбоннъ. Говоря о самоубійствѣ, о великихъ страданіяхъ, она восклицаетъ: „Вѣдь пережила же я исчезновеніе 25-лѣтняго возраста. Въ самомъ дѣлѣ, мало страданій столь острыхъ, какъ утрата молодости,—именно въ ту эпоху, когда жизнь перестаетъ рости". Эта маленькая черта показываетъ, насколько г-жа Сталь обобщала все личное и насколько чувства вліяли на ея мысли. Это—возрастъ Дельфины и Коринны.

Другой, болѣе дѣйствительный, источникъ борьбы г-жи Сталь представляло ея положеніе какъ писательницы. Талантъ, вообще, даръ требовательный: онъ ставитъ человѣка въ исключительныя условія. Сама г-жа Сталь прекрасно выразилась: „Всякая посредственность вѣчно удивляется, что у таланта не тѣ потребности, что у нихъ". Г-жа Сталь показала въ „Дельфинѣ", въ „Коринвѣ", въ „Страстяхъ", сколько приходится страдать женщинѣ, желающей выдвинуться изъ ряда. Если теперь, на порогѣ

XX вѣка, приходится столько переносить всякой учащейся или пишущей женщинѣ, то каково было тогда, когда надъ людьми еще тяготѣли остатки средневѣковыхъ преданій. Даже такой гуманный поэтъ и почитатель сочиненій г-жи Сталь, какъ Шиллеръ, не могъ простить ей притязаній на перо, какъ на привилегію мужчины: „у этой особы совсѣмъ не хватаетъ красивой женственности".

Прибавимъ, что нескладицу въ ея жизнь вносили и ея личныя исключительныя обстоятельства. Она была протестантка, живущая въ католической странѣ; дочь суровыхъ, убѣжденныхъ швейцарцевъ, рожденная въ суетномъ „свѣтѣ" Парижа, гдѣ пылкому сердцу и серьезному уму приходилось ежеминутно сталкиваться съ предразсудками придворныхъ модниковъ, съ затхлой атмосферой посредственности.

Въ довершеніе всего, г-жа Сталь была истинно-политическимъ дѣятелемъ: въ ея лицѣ передъ нами борьба принциповъ 1789 года съ абсолютизмомъ. Приводимъ слова Шпильгагена: „Когда подумаешь, что эта женщина, въ другихъ отношеніяхъ истая француженка, нисколько не была ослѣплена побѣдами, блескомъ и помпой имперіализма, когда вспомнишь, что она первая своимъ чуткимъ сердцемъ узрѣла восходящую зарю деспотизма, которая настала такъ скоро, какъ не могли ожидать и мудрѣйшіе изъ мудрыхъ, то ей нельзя отказать въ удивленіи помимо литературнаго таланта. Оппозиціонное отношеніе ея къ Наполеону только отчасти объясняется ея семейными преданіями и связями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ основѣ этого отношенія лежала неугасимая любовь къ свободѣ, въ которой она видѣла *единое на потребу*. Что это тяготѣніе къ свободѣ было присуще ея душѣ, видно изъ того, что она преслѣдовала деспотизмъ во всѣхъ сферахъ жизни. Возставая противъ политическаго цезаризма, который ставилъ свою личную волю выше совокупной воли народа, она въ своихъ романахъ ведетъ неустанную борьбу съ цезаризмомъ жизни, деспотизмомъ общественнаго мнѣнія, отнимающимъ у личности священное право самоопредѣленія".

Такова была эта бурная, чуткая, воспріимчивая натура. Если она неизбѣжно должна была служить эхомъ окружающей среды, то, съ другой стороны, такая сила не могла не воздѣйствовать на окружающихъ. Констанъ восклицаетъ: „Странная женщина! Ея владычество надо всѣмъ окружающимъ необъяснимо, но весьма дѣйствительно. Умѣй она управлять собой, она управляла бы міромъ". Сисмонди писалъ за годъ до ея смерти: „Вотъ когда ее не слышишь, чувствуешь всю силу толчка, который давала она мы-

слямъ, замѣчаешь, что она заставляла больше чувствовать, глубже думать, что съ нею живешь жизнью болѣе одушевленной, и что даже, не раздѣляя ея мнѣній, измѣняешься подъ ея вліяніемъ". А когда умерла г-жа Сталь, Сисмонди воскликнулъ: „Моя жизнь прискорбно измѣнилась. Быть можетъ, никому я такъ не обязанъ, какъ ей!"... Такой симпатіи заслуживала женщина, которая справедливо сказала о себѣ: „Не было человѣка, который заходилъ бы такъ далеко, какъ я, въ религіи дружбы". Къ сожалѣнію, друзья г-жи Сталь были далеко не всегда надежны. По большей части, они плохо понимали ее, даже измѣняли ей, или же, измѣняя принципамъ революціи, должны были избѣгать ея.

Но лучше всего умѣнье этой пылкой души отдаваться любви видно изъ главнаго романа ея жизни—съ Констаномъ. О немъ много писано въ ту и другую сторону, и, конечно, трудно разобраться въ лабиринтѣ чувства, горѣвшаго между такими личностями лѣтъ пятнадцать. Замѣтимъ только одно: изъ всѣхъ новѣйшихъ документовъ вытекаетъ, что во все это время г-жа Сталь не измѣняла своей искренней привязанности. Другое дѣло —„Непостоянное постоянство" (Constant l'inconstant), какъ называли уже тогда Бенжамена. А между тѣмъ именно по отношенію къ нему г-жа Сталь заслуживала лучшей участи: она была необходима ему духовно. Мы подходимъ къ вопросу весьма интересному для характеристики г-жи Сталь: кто на кого тутъ вліялъ? Объ этомъ также разсуждали не мало. Даже въ нашей литературѣ есть двѣ подходящія сюда работы, которыя принадлежатъ почтеннымъ нашимъ профессорамъ. М. М. Ковалевскій, вообще, нѣсколько свысока относится къ г-жѣ Сталь. Изучая, съ свойственнымъ ему талантомъ, Констана, онъ замѣтно вездѣ склоняется на сторону своего героя. Къ тому же его работа о „молодости Бенжамена Констана" [1]) основана главнымъ образомъ на вновь изданной перепискѣ и на „Задушевномъ Дневникѣ" Констана, произведеніяхъ, подкупающихъ своей искренностью. Этотъ передаваемый потомству дневникъ кажется намъ просто возмутительнымъ актомъ неблагодарности по отношенію къ истинно-любящей женщинѣ, и такой благородной, какъ г-жа Сталь, которая никогда не позволила бы себѣ ничего подобнаго относительно даже измѣнника. Констанъ, съ пѣной у рта, изливаетъ потоки безсильной злобы на „фурію", на „женщину-мужчину", и восклицаетъ: „Она надоѣла мнѣ по горло... Будетъ съ меня честной метрессы, которая обращаетъ васъ въ раба!"

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", апрѣль 1895 г.

Это послѣднее слово и выдаетъ Констана. Но почему же столь великій и вполнѣ свободный человѣкъ носилъ такъ долго узы рабства со стороны давно опротивѣвшей ему женщины? Онъ самъ отвѣчаетъ намъ. Среди потоковъ оскорбленій и даже клеветъ, мы читаемъ безсознательныя признанія раба. Мы удовольствуемся однимъ примѣромъ. Въ 1812 году, когда Констанъ давно уже былъ женатъ на „скучной", добродѣтельной нѣмкѣ, а г-жа Сталь, въ свою очередь, обзавелась новымъ мужемъ, въ дневникѣ появляются такія слова о „фуріи": „Ея обликъ встаетъ въ моемъ воображеніи и раздираетъ мнѣ душу. Карлотта тиха и добра, но она похожа на всѣхъ женщинъ. Для моей работы и для добрыхъ совѣтовъ недостаетъ г-жи Сталь; и я жалѣю о ней больше, чѣмъ когда-либо... Она потеряна для меня безвозвратно... Мнѣ не подняться отъ этого удара". И не одинъ Констанъ подвергался такому порабощенію. Легко привести цѣлый рядъ такихъ же свидѣтельствъ лицъ, соприкасавшихся съ г-жею Сталь. Укажемъ только на поэта Вернера, который говоритъ, что неправъ тотъ, кто думаетъ, что она живетъ умомъ другихъ: она, въ свою очередь, дѣлаетъ много для общественнаго воспитанія своихъ друзей. Касательно этого воспитанія вспомнимъ, что г-жа Сталь, узнавъ о томъ, что во время „Ста дней" Констанъ передался Наполеону, выразила ему свое порицаніе въ письмѣ. И эту женщину Бенжаменъ осмѣлился обвинять „въ интриганствѣ, въ вѣроломствѣ, въ стремленіи всегда ладить съ властью!" А М. М. Ковалевскій, у котораго, впрочемъ, прорывается эпитетъ „властительницы думъ" Констана, оправдываетъ своего героя въ томъ смыслѣ, что ему невозможно было выносить „непривлекательныя стороны избалованной судьбою знаменитости, озабоченной рекламой и все приносящей въ жертву извѣстности".

Не таково мнѣніе другого русскаго профессора, Н. И. Стороженка [1]). Онъ глубокомысленно называетъ Констана „прототипомъ столь намъ знакомыхъ и когда-то модныхъ типовъ Печорина, Тамарина, лишняго человѣка и имъ подобныхъ". На самое чувство г-жи Сталь г. Стороженко посмотрѣлъ очень серьезно: „Она, — говоритъ онъ, — возъимѣла горделивую мысль, такъ ей свойственную — возвратить къ жизни эту богатую натуру, указать ей цѣль, достойную ея честолюбія, вдохнуть въ нее любовь къ родинѣ, правдѣ и свободѣ. Удивительно то, что въ потухшемъ сердцѣ самаго отъявленнаго эгоиста, ка-

---

1) „Г-жа Сталь и ея друзья".

кимъ безспорно былъ Б. Констанъ, нашлась искра энтузіазма, способная разростись въ яркое пламя,—что чувство, внушенное ему г-жею Сталь, заронило въ немъ желаніе быть ея достойнымъ, сдѣлать рѣшительный шагъ на пути къ нравственному перерожденію". Г. Стороженко не упустилъ изъ виду й политическое вліяніе на своего друга такой „геніальной женщины", которая предсказала военную диктатуру: въ бесѣдахъ съ Констаномъ „она обратила его въ свою политическую вѣру и вдохнула въ него желаніе трудиться для прочнаго водворенія свободныхъ учрежденій во Франціи, которымъ грозила опасность отъ начинавшейся реакціи,—мысль, которая, по признанію самого Констана, сдѣлалась съ этихъ поръ цѣлью его жизни. Вдохновленный ею, Констанъ, еще въ бытность свою въ Коппэ, набросалъ свою первую политическую брошюру: „Du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier", самое заглавіе которой показываетъ, что въ ней развиваются тѣ же идеи, которыя проводила въ своей брошюрѣ г-жа Сталь". Конечно, была не ея вина, что изъ этихъ отношеній вышло одно несчастье. Самъ Констанъ свидѣтельствуетъ: „Впрочемъ, можетъ быть, счастье есть невозможность—по крайней мѣрѣ для меня, если я не нахожу его близь замѣчательнѣйшей изъ женщинъ".

Намъ приходится кончить тѣмъ, съ чего мы начали. Г-жа Сталь—человѣкъ переходной эпохи. Можно почти съ точностью опредѣлить, какая часть ея души и мысли принадлежитъ одной эпохѣ, и какая—другой.

Мы видѣли, какъ въ молодости она отдавала дань великому новому направленію—„просвѣщенію"; какъ она восторгалась Руссо; съ какимъ энтузіазмомъ, „всей душой", принимала идею прогресса; какъ снисходительно относилась къ матеріализму; наконецъ, какъ, одно время, горячо стояла за республику для Франціи и за полную эмансипацію женщины; и какъ она вооружалась противъ внѣшней стороны религіи. Съ другой стороны, несомнѣнно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше Сталь отрицала все, заимствованное изъ этой эпохи,—все прогрессивное, все содержаніе „просвѣщенія". Въ „Страстяхъ" (1796) въ „Литературѣ" (1800) и въ „Дельфинѣ" (1802) г-жа Сталь—другая, чѣмъ въ „Кориннѣ" (1802) и въ „Германіи" (1810). Новое настроеніе ярче всего отразилось въ знаменитой „Германіи". Тутъ г-жа Сталь становится до суевѣрія религіозной, до аскетизма нравственной. Спиритуализмъ торжествуетъ у нея надъ матеріализмомъ. „Меланхолія" все звучнѣе отдается въ каждой ея строкѣ. И измученный авторъ, собравъ послѣднія силы, про-

повѣдуетъ „энтузіазмъ“, соревнованіе, вѣру („suicide“), какъ единственный якорь человѣческаго достоинства. Словомъ, „Германія“, это—полное отрицаніе XVIII-го вѣка въ области религіи, философіи и морали; это, такъ сказать,—самоуничтоженіе молодой г-жи Сталь.

Дѣло въ томъ, что всѣ только-что помянутыя черты, которыя сводятся къ „чувствительной душѣ“ (âme sensible) или къ субъективизму, вовсе не составляютъ личнаго достоянія г-жи Сталь. Столь же мало онѣ принадлежатъ старому порядку. Напротивъ, это—отголосокъ наступающаго новаго вѣка. Это—то новое культурное явленіе, которое получило столь крупное и шумное имя *романтизма*. Романтизмъ вытекалъ изъ одного и того же источника, какъ и революція. Это—недовольство дѣйствительностью, освобожденіе мысли, словомъ—пробужденіе личности. Все, что человѣкъ раньше предоставлялъ богамъ и королямъ, онъ забралъ теперь себѣ. Онъ уже не желаетъ быть лишь частью цѣлаго: онъ—цѣлый „микрокосмъ“. Въ его душѣ отражается весь міръ.

Правда, опытъ показалъ потомъ, что если въ литературѣ романтизмъ надолго оказался прогрессомъ, особенно какъ протестъ противъ классицизма, то въ политикѣ и наукѣ онъ быстро сталъ воплощеніемъ реакціи. Тутъ онъ слился съ метафизикой, съ теоріей о томъ, что все дѣло—во внутренней свободѣ воли, внѣшняя же, политическая свобода—дѣло пустое. У пріятеля г-жи Сталь, Шлегеля, идеаломъ оказалась средневѣковая монархія съ рыцарствомъ. Тѣмъ не менѣе, для того времени это настроеніе было совершенно новое и, повторяемъ, служило горячимъ протестомъ личности противъ общаго гнета. Оно вполнѣ понятно съ точки зрѣнія историческаго развитія. Уже передъ революціей всеобщее недовольство достигало значительныхъ размѣровъ; только оно не переходило на практическую почву.

Въ умственной сферѣ, эпоха просвѣщенія все опрокинула, разорвала цѣпи отживавшаго преданія. Послѣ переворота въ мысляхъ совершился переворотъ экономическій и политическій: всѣ классы общества были перемѣщены, отчасти унесены далеко вихремъ великой революціи. Однако этотъ гигантскій переворотъ могъ только взволновать тогдашняго человѣка, но не удовлетворить его. Вмѣсто ясной погоды, которую ожидали послѣ кровавой грозы, міръ ужаснулся, увидѣвъ новое чудовище, сдавившее всю Европу. И вотъ, XIX-й вѣкъ открывается тѣмъ, что начинаютъ отрицать все, что напоминало кровавый терроръ. Утомленное поколѣніе разувѣрилось, разочаровалось. Старое зданіе было уничто-

жено, а для новаго недостало матеріала. Оставшись безъ убѣжища, люди, какъ заблудившіяся дѣти, мечутся изъ угла въ уголъ, ища пріюта. Кто находилъ его въ католицизмѣ, дающемъ столько обѣщаній и ласкающемъ воображеніе, кто—въ легитимизмѣ, кто, наконецъ,—въ мистицизмѣ. Только протестантизмъ былъ выкинутъ за бортъ, какъ слишкомъ сухая, разсудочная вѣра, напоминавшая эпоху просвѣщенія.

Все сказанное выразилось въ такихъ прославленныхъ сочиненіяхъ, какъ „Новая Элоиза", „Вертеръ", „Кларисса", „Ренэ", „Дельфина", „Атала", „Адольфъ" и др. Они вызвали цѣлое направленіе. По словамъ г-жи Сталь, Вертеръ „породилъ больше самоубійствъ, чѣмъ самая красивая женщина". Похищеніе Клариссы было „событіемъ въ ея жизни". Что касается отношеній къ романтизму самой г-жи Сталь, то даже Брюнетьеръ считаетъ ее творцомъ „психологическаго и лирическаго романа", наравнѣ съ Шатобріаномъ. Сентъ-Бёвъ, съ своей стороны, сдѣлалъ удачное сопоставленіе этихъ двухъ свѣтилъ тогдашней литературы.

Типъ человѣка начала XIX-го вѣка—какъ бы состарѣвшійся герой первоначальнаго романтизма. Онъ прекрасно рисуется въ словахъ Брандеса, когда онъ сравниваетъ „Вертера" съ „Ренэ": „Мы опять встрѣчаемся съ молодымъ человѣкомъ вѣка; но какъ онъ измѣнился! Исчезъ всякій слѣдъ свободы и дѣтства. Онъ блѣденъ; его лобъ покрылся морщинами; его жизнь праздна, кулакъ сжатъ. Выброшенный изъ общества, которое онъ проклинаетъ, потому что не находитъ въ немъ себѣ мѣста, онъ бродитъ въ Новомъ Свѣтѣ, въ первобытныхъ лѣсахъ, среди дикихъ индійцевъ. Въ его душу прокрался новый элементъ—меланхолія". Эта меланхолія, прибавляетъ критикъ,—цѣлая „космополитическая эпидемія", „душевная болѣзнь", которую можно сравнить съ подобными же заразами среднихъ вѣковъ. Словомъ, это—не личное настроеніе, а извѣстный „Weltschmerz"—міровая скорбь, эта жалость къ несчастіямъ человѣческой судьбы вообще, которою согрѣты сердца всѣхъ гуманныхъ писателей. Тутъ сливаются голоса всѣхъ протестовъ противъ злоупотребленій и предразсудковъ стараго порядка,—начиная съ крика воскресающей личности, и кончая зарождающимся женскимъ вопросомъ, который развился въ Жоржъ-Зандѣ. И все это сосредоточивается въ авторѣ „Дельфины" и „Коринны". Онъ—само броженіе, въ которомъ находилось общество переходной эпохи.

Не умаляя тѣхъ несимпатичныхъ сторонъ, которыхъ не была лишена и г-жа Сталь,—въ объясненіе этого крупнаго культурнаго явленія, мы настаиваемъ на томъ, что живи она въ

болѣе спокойную эпоху, ее вѣроятно не пришлось бы упрекнуть въ измѣнчивости образа мыслей. Если г-жа Сталь сама разрушала колонны построеннаго ею храма, зато у этого храма было твердое и священное основаніе, котораго она никогда не забывала. Какъ въ ея характерѣ, при всей его невыдержанности, неизмѣнно теплилось чувство гуманности, такъ ея мысли постоянно были озарены солнцемъ свободы. Разумѣемъ тутъ свободу въ широкомъ смыслѣ ненависти ко всякому произволу. Понятно, и тутъ Сталь оказалась дочерью XVIII-го вѣка. Припомнимъ великое значеніе, которое она придаетъ правительству. Мы старались указать на ту пропасть, которая лежитъ между либералами-конституціоналистами и поклонниками экономическаго равенства, между Монтескьё и Руссо, между Мирабо и Робеспьеромъ, между Неккеромъ и Бабёфомъ. Эту параллель между принципами 1789 и 1793 гг. можно бы провести черезъ весь XIX-й вѣкъ. Есть и другіе оттѣнки, характеризующіе г-жу Сталь въ этомъ отношеніи. Совершенно несправедливо называютъ ее жирондисткой, хотя одно время она готова была, скрѣпя сердце, принять даже республику. Съ другой стороны, на самомъ конституціонализмѣ, такъ же какъ и на убѣжденіяхъ ея друзей, отца и учителя, лежитъ печать переходной эпохи. Мы здѣсь на каждомъ шагу наталкиваемся на отголоски стараго порядка. Мягкое сердце этой дамы не могло сочувствовать страданіямъ „санкюлотовъ", которые всегда, и до террора и послѣ него, были для нея только „factieux", какъ бы заговорщиками. При всей своей впечатлительности и умѣ, заставлявшихъ ее признавать въ Наполеонѣ не человѣка, а „цѣлую систему", она никакъ не могла отдѣлаться отъ мысли, что это—„выскочка". Она осмѣивала его аристократію, какъ „облагороженіе" (annoblissement) людей, лишенныхъ родовыхъ предковъ. Если г-жа Сталь стоитъ за третій чинъ, давшій міру 1789-й годъ, то она желала бы одѣть его въ платье того покроя, которое такъ изящно сидѣло на ней, какъ на дочери министра Людовика XVI-го и банкира-милліонера, какъ на супругѣ барона и посланника, какъ на другѣ многихъ „историческихъ фамилій".

Но, въ общемъ, г-жа Сталь была постоянной поклонницей принциповъ 1789 года. Это ярче всего отразилось въ ея отношеніяхъ къ Наполеону. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ борьба между этимъ гигантомъ и какой-то женщиной-писательницей? Чѣмъ объяснить, что этотъ комаръ такъ безконечно безпокоилъ льва? Отвѣтъ одинъ: тутъ боролись не два человѣка, а два принципа. Всепожирающее чудовище остолбенѣло, увидя, какъ

одна изъ жертвъ вдругъ поднялась и ускользнула изъ его когтей: оно поклялось „уничтожить“ (annuler) и эту добычу. Наполеонъ понялъ, что здѣсь не простая враждебная личность: здѣсь поднялся изъ тысячи труповъ духъ конститюанты, который призывалъ къ отвѣту „отцеубійцу“. Намъ кажется, что именно исторія преслѣдованій противъ г-жи Сталь доказываетъ не только ея силу, но и величіе Наполеона. Этотъ геніальный полководецъ на полѣ битвъ былъ, кромѣ того, знатокъ людей. Г-жа Сталь видѣла въ немъ только счетчика штыковъ; она не понимала, что именно преслѣдованіе такихъ лицъ, какъ она, показываетъ, какое значеніе придавалъ Наполеонъ нравственному элементу. Недаромъ онъ такъ боялся идеологовъ. Въ лицѣ г-жи Сталь, Наполеонъ преслѣдовалъ духъ „Учредительнаго Собранія“, „друзей свободы“, членовъ трибуната, послѣднихъ могиканъ великой революціи. Онъ злился, видя, что ему, этому Аттилѣ, передъ которымъ дрожала вся Европа, не удается вырвать съ корнемъ это ядовитое растеніе. Его раздражало еще и то, что врагъ предсталъ передъ нимъ въ ничтожномъ образѣ женщины-политика. Наполеону было бы гораздо легче справиться съ этой женщиной, будь она якобинка или роялистка: тогда онъ, безъ церемоній, засадилъ бы ее въ Тампль, какъ онъ и дѣлалъ со многими другими. Но тутъ передъ нимъ оказалась выразительница той умѣренно-либеральной партіи, которая была тогда, пожалуй, самой сильной; и за нею стояла значительная часть этого ненавистнаго, но могучаго общественнаго мнѣнія. Вотъ чѣмъ объясняется относительно осторожное обращеніе владыки міра съ писательницей.

Послѣ сказаннаго, было бы недостойно вдаваться въ разборъ досужихъ предположеній насчетъ возможности какихъ-нибудь любовныхъ замысловъ, хотя бы онѣ зарождались въ головѣ самого Наполеона. Мишле прекрасно отвѣтилъ на такой вздоръ: „Бонапартъ не нашелъ лучшаго средства очернить ее, какъ сказать, будто она дѣлала ему какія-то объясненія въ любви,—вещь крайне невѣроятная въ ту пору, когда г-жа Сталь отдавалась вся Констану, котораго она толкала въ оппозицію противъ Бонапарта“. Такой же нелѣпостью представляется другое предположеніе, которое высказано, между прочимъ, и новѣйшимъ біографомъ г-жи Сталь. Нѣкоторые думаютъ, что еслибы Наполеонъ, какъ политикъ, оказалъ ей такое же расположеніе, какъ Александръ I, она поддалась бы. „О,—восклицаетъ Сорель,—еслибы Бонапартъ принялъ ее съ такимъ же изліяніемъ довѣрія, какъ онъ выросъ бы въ ея глазахъ!“ Правда, мы находимъ у г-жи

Сталь признаніе, что, изъ страха передъ „скукой", она была бы не прочь уступить Наполеону; но тутъ же она говоритъ, что̀ это было бы возможно только въ началѣ, и прибавляетъ, что „кровь, которая течетъ у нея въ жилахъ, никогда не примирилась бы съ деспотизмомъ". Да, уступи она Наполеону—и пропала бы ея индивидуальность: она перестала бы быть г-жею Сталь.

Даже ея противникъ, якобинецъ Байейль, такъ характеризуетъ ея борьбу съ Наполеономъ: „Скажу только, что изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ мыслящихъ и говорящихъ существъ именно г-жа Сталь должна была больше всего заслонять Бонапарта. Въ ней, съ превосходствомъ женщины, съ превосходствомъ рѣдкаго, проницательнаго и очень обширнаго ума, соединялась безпримѣрная дѣятельность... Она была непоколебима въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, и то были хорошія убѣжденія... Она знала всѣ входы и выходы правительства, и, благодаря своимъ обширнымъ связямъ, дѣйствовала въ совѣтахъ, въ департаментахъ, министерствахъ, дѣйствовала на ораторовъ и на самыхъ вліятельныхъ людей общества. Вотъ, по моему, различныя причины, по которымъ Бонапартъ постоянно удалялъ ее: 18-е фрюктидора онъ устроилъ противъ нея одной. Это—какъ бы соперники по генію и по могуществу... Причины изгнанія почетны для памяти г-жи Сталь". Байейль правъ, но онъ не досказалъ самаго важнаго: онъ видитъ въ ней какъ бы одну личную силу и забываетъ, что она была воплощеніемъ цѣлаго направленія. Любопытно, что этого упущенія не сдѣлалъ Прудонъ, знаменитый, между прочимъ, своимъ возмутительнымъ взглядомъ на женщину, какъ на воплощеніе чувства, въ противоположность мужчинѣ, этому царю ума. Этотъ оригинальный мыслитель особенно ненавидѣлъ выдающихся женщинъ: г-жа Роланъ для него—„полу-мужчина", который велъ себя гораздо хуже Маріи-Антуанетты передъ гильотиной. И такой-то человѣкъ сказалъ: „Г-жа Сталь была чѣмъ-то въ родѣ главы партіи; она представляла собой реакцію военному деспотизму... Бонапарту ничего не стоило бы сдѣлать изъ этой бунтовщицы фанатичку своей власти... Но, по закону контраста, соединяющему полы, самый рѣзкій мужчина всегда предпочитаетъ женственнѣйшую изъ женщинъ. Наполеонъ-мужъ и императоръ пренебрегъ г-жею Сталь и вдвойнѣ короновалъ Жозефину. Вотъ вамъ и равенство!"

Вотъ одинъ изъ образчиковъ, какъ пишется исторія! Мы, съ своей стороны, желали только уяснить значеніе г-жи Сталь,

какъ мыслителя переходной эпохи, съ исторической точки зрѣнія. Намъ было бы отрадно, еслибы читатель, вмѣстѣ съ нами, проникся сочувствіемъ къ этой выдающейся женщинѣ, которая производила такое сильное вліяніе на своихъ современниковъ. Изученіе такихъ умовъ, какъ г-жа Сталь, очень полезно, — мы бы сказали, необходимо,—для всякаго, кто вдумывается въ современное состояніе Европы.

Софья В—штейнъ.

ЭВОЛЮЦІЯ РОМАНА ВЪ XIX СТОЛѢТІИ

по новой книгѣ

П. Д. БОБОРЫКИНА

Въ текущемъ году Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ предложилъ читателямъ только одну половину своего объемистаго и содержательнаго критическаго труда о томъ видѣ художественнаго творчества, который былъ его главною профессіею и которымъ онъ пріобрѣлъ широкую и почтенную извѣстность. На первой страницѣ введенія, предшествующаго книгѣ, авторъ поясняетъ, что онъ сталъ писать романы въ шестидесятыхъ годахъ, то-есть послѣ того времени, когда появились составляющіе въ нѣкоторомъ смыслѣ эпоху „Отцы и Дѣти" Тургенева; что зимою 1889—1890 г. пришла ему мысль составить родъ теоріи творчества по его спеціальности и повѣрить ее обзоромъ русскаго романа въ его *созидательный* по преимуществу періодъ, отъ написанія Пушкинымъ „Евгенія Онѣгина" (начатъ 1828 г.) до „Отцовъ и Дѣтей".—Авторъ затѣмъ расширилъ это довольно краткое время и съ его начала, и за его конецъ. Онъ рѣшилъ взять за исходную точку періода не „Евгенія Онѣгина", но начало XIX-го вѣка, а затѣмъ, продолжая его за „Отцовъ и Дѣтей", положилъ остановиться на двухъ третяхъ XIX-го вѣка, то-есть на 66-хъ годахъ съ десятичною дробью (0,6666...), по не совсѣмъ удобопонятной причинѣ, такъ какъ въ этомъ шестьдесятъ-седьмомъ году XIX-го столѣтія ничего особенно важнаго ни въ жизни русскаго общества, ни въ русской литературѣ, ни въ ея видѣ—романѣ, не произошло. Годъ этотъ вообще не эпоха;

по признанію автора онъ избранъ только по совершенно личнымъ, къ нему одному только относящимся соображеніямъ, а именно потому, что, начавъ писательствовать въ шестидесятыхъ годахъ, онъ не довѣряетъ самъ себѣ, не можетъ относиться достаточно объективно ко всему лично имъ пережитому; онъ не можетъ созерцать того, что̀ съ шестидесятыхъ годовъ произошло, при необходимой перспективѣ. Такая чисто личная грань не пригодна при обработкѣ какого бы ни было отдѣла собирательной жизни общественной. Самъ авторъ указываетъ на то, что для Россіи великою эпохою былъ не конецъ двухъ третей XIX-го вѣка, а начало шестидесятыхъ годовъ, начало реформъ, моментъ „такого движенія общественныхъ идей и запросовъ, что художественное творчество и критика изящной литературы вступили тогда въ новую фазу“ (стр. X). Только съ этого момента во второй половинѣ XIX-го вѣка романъ превратился въ видъ литературы преобладающій, всепоглощающій, и затѣмъ началось „мирное завоеваніе“ русскимъ романомъ сначала Германіи, потомъ Франціи и Англіи, такъ что, по словамъ г. Боборыкина (295 стр.), русскіе романисты стали вліять на поколѣнія западныхъ и въ особенности французскихъ, причемъ возбуждался вопросъ, благотворно или вредно это вліяніе на западѣ. — Начавшаяся въ шестидесятыхъ годахъ фаза расцвѣта русскаго романа, повидимому, приходитъ къ концу. Первостепенные романисты либо перемерли (Тургеневъ, Достоевскій и нѣсколько уступающій имъ по дарованію, но тоже великій художникъ Гончаровъ); живъ только Левъ Толстой, но и онъ теперь едва-ли уже художникъ,—до того превратился въ моралиста и проповѣдника. Фазу эволюціи, доходящую до 1867 г., нельзя пресѣчь на этомъ году, потому что ее заполнилъ бы собою почти одинъ Гоголь. Самъ авторъ книги оставляетъ за собою (стр. X и XI) право оживлять характеристики людей и публики своими личными воспоминаніями и, что̀ всего важнѣе, „*дополнять* картину творчества крупныхъ созидателей русскаго романа, появившихся въ шестидесятыхъ годахъ, но дѣйствовавшихъ и позже, вплоть до послѣднихъ годовъ XIX-го вѣка“. Нельзя не поставить вопроса: а почему же не вплоть до XX-го? вѣдь можно надѣяться, что Л. Толстой будетъ еще живъ и не перестанетъ писать. Въ изданномъ нынѣ первомъ томѣ труда разобранъ только „Романъ на Западѣ“, а русскій романъ еще и не начатъ. По всей вѣроятности онъ будетъ написанъ только въ будущемъ, XX-мъ столѣтіи. Мы имѣемъ, мнѣ кажется, полное основаніе просить автора, когда онъ займется русскимъ романомъ, чтобы онъ не стѣснялся временемъ и взялъ въ свое

владѣніе всѣ три трети XIX-го вѣка, и чтобы онъ иллюстрировалъ и его конецъ своими личными воспоминаніями. Конечно, ему не придется писать о самомъ себѣ, но вѣдь историки весьма крупные, не только древніе, но и современные, которые писали исторію своего времени, даже не стѣснялись прибавлять по поводу пережитыхъ событій: quorum pars magna fui. То, что̀ историкъ о себѣ пишетъ, требуетъ строгой повѣрки, но его свидѣтельство о своей эпохѣ безцѣнно, какъ свидѣтельское показаніе, какъ нѣчто взятое изъ первоисточника.

До приступа къ русскому роману, П. Д. Боборыкина озадачили, прежде всего, вопросъ метода, какимъ онъ поведетъ свое историческое изслѣдованіе, а затѣмъ необходимость подложить подъ это изслѣдованіе очеркъ эволюціи романа въ западной Европѣ, насколько западно-европейскій романъ повліялъ на русскій и содѣйствовалъ, такъ сказать, его воспитанію. Русская литература, какъ извѣстно, молода; она была долго подражательная и только въ XIX-мъ столѣтіи сдѣлалась своеобразною. По словамъ автора, его друзья, ученые спеціалисты петербургскіе и московскіе по части романа (въ томъ числѣ и Н. С. Тихонравовъ) заставили его разобрать западный романъ полнѣе въ виду бѣдности въ русской критической литературѣ изслѣдованій этого рода. По части начерченія предѣловъ западно-европейскому роману авторъ не былъ стѣсненъ никакими личными соображеніями, которыя заставляютъ его въ русскомъ романѣ оборвать свой обзоръ на концѣ второй трети XIX-го вѣка. Къ большому нашему удивленію П. Д. Боборыкинъ покончилъ и съ этимъ очеркомъ европейскаго романа еще ранѣе конца второй трети XIX-го вѣка. Послѣднимъ крупнымъ западно-европейскимъ произведеніемъ по части романа, или такъ называемою имъ „послѣднею вѣхою“ въ эволюціи, поставилъ онъ изданную въ 1857 году „M-me Bovary“ Флобера. Оба межевые знака по очерку оказываются невѣрными. П. Д. Боборыкинъ началъ собственно этотъ очеркъ не съ перваго года XIX-го вѣка, а съ самой середины XVIII-го, включилъ въ него „Новую Элоизу“ Жанъ-Жака Руссо, „Вертера“, англійскіе романы Ричардсона, указалъ, какъ на корни, на „Донъ-Кихота“, „Робинзона Крузо“ и „Вэкфильдскаго Викарія“. Вообще, ни столѣтія, ни десятилѣтія не годятся въ граничные столбы для опредѣленія фазисовъ эволюціи какого бы то ни было вида литературы или вообще жизни общественной. Ни жизнь, ни литература не укладываются по вѣкамъ, годамъ и часамъ, что̀ призналъ и самъ авторъ на стр. 584. Авторъ счелъ себя вынужденнымъ сдѣлать къ европейскому роману сверхпро-

граммную надбавку и познакомить насъ съ импрессіонистами Гонкурами, съ Золà, Бурже и Мопассаномъ, то-есть съ послѣдовавшими за Флоберомъ поколѣніями.

Мои возраженія противъ неточности заглавія и несоотвѣтствія его содержанію книги могутъ показаться мелочными, но ихъ много и въ совокупности они, такъ сказать, рѣжутъ глаза. Написано: „Европейскій Романъ", а онъ вмѣщаетъ въ себя и сѣверо-американскихъ писателей: Эдгарда Поэ и Фенимора Купера. Написано: „Европейскій", а между тѣмъ онъ не содержитъ въ себѣ не только выдѣленной Россіи, но и большинства современныхъ европейскихъ литературъ: голландской, фламандской, румынской, чешской, сербской (Шеноа), венгерской (Этвёшъ и Іокай). П. Д. Боборыкинъ изучилъ и разработалъ только три крупныя литературы, по отношенію къ которымъ онъ обнаружилъ замѣчательную начитанность, а именно французскую, нѣмецкую и англійскую. Онъ прямо заявляетъ, что не берется писать о литературахъ, о которыхъ онъ могъ бы судить только по переводамъ. Его сужденія о романѣ испанскомъ и итальянскомъ весьма отрывочны и неполны. По итальянскому онъ ограничился только оцѣнкою одной старинной вѣхи: „I Promessi Sposi", 1828 г., Манцони, писателя вальтеръ-скоттовской школы, хотя могъ бы дать сверхпрограммную надбавку, потому что сами собою напрашиваются Фогаццаро и Аннунціо. По испанскому роману онъ останавливается только на Цециліи Фаберъ (Фернанъ Кавалiеро), начавшей писать въ 1849 году.

Точно также слишкомъ поверхностно разобрана и отдѣлана у П. Д. Боборыкина польская литература. Анализированъ собственно одинъ только „Панъ Тадеушъ" Мицкевича, который бы несомнѣнно удивился отнесенію его къ числу романописателей. И онъ, и современники земляки его были убѣждены, что „Панъ Тадеушъ"—эпосъ, которому настоящее мѣсто какъ разъ подлѣ Иліады. Изъ пяти, кромѣ Мицкевича, перечисленныхъ польскихъ романописателей, о трехъ современныхъ и самоважнѣйшихъ (Г. Сенкевичъ, Прусъ-Гловацкій и Оржешкова) не упомянуто даже, чтò они написали. Совсѣмъ пропущены такія крупныя величины, какъ Іосифъ Корженевскій, въ пятидесятыхъ годахъ соперничавшій въ области романа съ Крашевскимъ, и сочинитель превосходныхъ историческихъ и бытовыхъ романовъ объ австрійской Галиціи послѣ революціонной эпохи 1848—1851 годовъ, Сигизмундъ Качковскій. Въ книгѣ П. Д. Боборыкина ко всѣмъ польскимъ писателямъ, даже и тѣмъ, которые появились послѣ повстанскаго движенія 1863 г. и франко-прусской войны

1870, упразднившихъ всякія надежды на возстановленіе польской политической самобытности, наклеенъ общій ярлыкъ, что они—націоналисты (стр. 563, 564), что въ души ихъ въѣлся національный романтизмъ, что наболѣвшая въ нихъ струнка скорбно-патріотическая мѣшаетъ ихъ свободному творчеству, безъ полной свободы котораго не можетъ быть благодушнаго и правдиваго воспроизведенія жизни. Авторъ книги не задалъ себѣ труда вникнуть въ перемѣны, которыя не могла не произвести послѣдняя рѣшительная неудача повстанія 1863 г., знаменующая и въ польскомъ романѣ полную ликвидацію романтизма и мечтаній. Авторъ утверждаетъ, что въ польской литературѣ, вслѣдствіе владычества культа національнаго прошлаго, не можетъ быть ни обличительнаго направленія, ни сатиры. Между тѣмъ въ польской Галиціи, въ третьей четверти XIX в., прославился первостепенный ѣдкій сатирикъ Лямъ, ядовито осмѣивавшій національное движеніе 1863 года. По поводу весьма обстоятельной и безпристрастной оцѣнки „Пана Тадеуша", въ книгѣ П. Д. Боборыкина, позволю себѣ, однако, протестовать противъ сдѣланнаго авторомъ захвата имъ этого поэтическаго произведенія и включенія его въ область романа въ прозѣ, каковымъ ему слѣдовало бы и ограничиться. Я отрицаю его права на распоряженіе всѣми романами въ стихахъ: „Евгеніемъ Онѣгинымъ" и „Германомъ и Доротеею", „Чайльдъ Гарольдомъ" и „Донъ-Жуаномъ" Байрона, потому что они—иной видъ творчества. Дѣленіе изящнаго творчества основано прежде всего на формѣ, на способѣ выраженія замысла. Одинъ и тотъ же сюжетъ можетъ быть или разсказанъ, или представленъ въ дѣйствіи, или отлитъ въ видѣ волнующаго душу чувства, можетъ быть эпосомъ, драмою или лирикою (стр. 41). Романъ есть особая разновидность эпоса, но онъ потому-то и сдѣлался нынѣ преобладающимъ видомъ изящнаго писательства, что простъ, что чуждъ приподнятаго тона, чуждъ возвышеннаго настроенія, которое неизбѣжно, когда сюжетъ его отливается писателемъ въ трудную, искусственную, стихотворную, риѳмованную рѣчь. Бываютъ поэмы въ прозѣ, писанныя не стихами, но поэтичныя по высокому полету мыслей и настроенію; но тотъ романъ, который теперь воцарился въ литературѣ и которому посвящена книга П. Д. Боборыкина, есть просто обыденная, безпритязательная проза, способная, однако, доставлять эстетическія наслажденія по естественности формы и близости ея къ будничной дѣйствительности. Занесенный въ число романовъ, „Чайльдъ Гарольдъ"—не только не романъ, но даже и не эпосъ; въ немъ нѣтъ разсказа, а есть только путевыя впечатлѣнія

странника на чужбинѣ. „Донъ-Жуанъ“ не есть романъ, а только одна никогда не кончающаяся сатирически-лирическая канитель. Если отнести къ числу романовъ „Евгенія Онѣгина“, то романами будутъ и Иліада, и Одиссея, а тѣмъ болѣе Божественная Комедія Данта, такъ что исторія романа превратится въ исторію эпоса.

Закончу мои предварительныя, весьма поверхностныя замѣтки одною еще, касающеюся уже не заглавія или предметовъ содержанія книги, но особенности въ формѣ ея постройки, а именно отдѣленія романа западно-европейскаго отъ романа русскаго и отнесенія того и другого въ особыя книги.

П. Д. Боборыкинъ въ своемъ дѣлѣ новаторъ; его эволюція романа не похожа на имѣющіяся исторіи романа. По его понятіямъ, художественное творчество есть нѣчто собирательное; отдѣльные таланты важны только какъ симптомы общаго процесса, какъ точки, сосредоточившія совмѣстную психическую работу извѣстной расы или эпохи (8). Нѣтъ основанія останавливаться на изображеніи индивидуальныхъ геніальныхъ личностей, изображать ихъ самихъ или затѣмъ и ихъ школы. Всего важнѣе—намѣтить крупныя произведенія, объясняющія побѣды творчества, повороты, и оріентироваться по такимъ „вѣхамъ“ или свѣтильникамъ. Эти произведенія—совсѣмъ не шедёвры (существованіе такъ называемыхъ безупречныхъ художественныхъ произведеній г. Боборыкинъ отвергаетъ), но они—показатели, простирающіе свое дѣйствіе на весьма далекія разстоянія и на чужія страны, націи и литературы. Этимъ международнымъ вліяніямъ отведено просторное мѣсто въ книгѣ г. Боборыкина. Онъ допускаетъ существованіе этого вліянія не только гдѣ оно наглядно, гдѣ можетъ быть доказано выдержками и ссылками, гдѣ видна миграція типовъ изъ литературы въ литературу, заимствованіе фабулъ, сюжетовъ, даже внѣшнихъ пріемовъ писательства, но гдѣ оно подпочвенное или витающее въ общей умственной атмосферѣ, которою сообща дышали европейскія націи въ извѣстномъ періодѣ вслѣдствіе международнаго общенія. Какъ историкъ романа, П. Д. Боборыкинъ—космополитъ. „Національный вопросъ,—пишетъ онъ (стр. 253),—долженъ быть устраненъ изъ исторіи романа, по разнымъ примѣсямъ, какими его обыкновенно засаривали“. Боборыкину тѣмъ легче стать на эту точку зрѣнія, что онъ по своему темпераменту эстетикъ, что при сортировкѣ и расцѣнкѣ произведеній онъ отстаиваетъ прежде всего самостоятельность искусства, требуетъ, чтобы произведенія были оцѣниваемы главнымъ образомъ по ихъ красотѣ, по жизненности изображаемыхъ въ нихъ лицъ и по мастерству формы, слѣдо-

вательно, по самому письму, и допускаетъ, чтобы только затѣмъ принимаема была въ разсчетъ ихъ пригодность или дальнобойность соціологическая. Всякую тенденціозность онъ считаетъ нѣкотораго рода пятномъ, изъяномъ въ произведеніи. Мною было указано, что такою тенденціозностью и, слѣдовательно, недостаткомъ считаетъ онъ и привязанность къ своему національному; оно стѣсняетъ, будто бы, свободу творчества. При такомъ взглядѣ на свою задачу, автору надлежало бы ради послѣдовательности включить русскій романъ въ составъ общеевропейскаго, а не выдѣлять русскій изъ европейскаго. Непослѣдовательность въ настоящемъ случаѣ привела къ слѣдующему результату. Критика русскаго романа еще неготова, надо еще класть ей основаніе. Оказывается притомъ, что и крыша, которая должна бы вѣнчать все зданіе („Общіе выводы")—еще не настоящая, а только временная. Она будетъ несомнѣнно нуждаться въ капитальной переработкѣ, когда, по написаніи русскаго отдѣла, придется его вводить въ общее помѣщеніе съ другими европейскими. Нынѣ работа по западно-европейскому отдѣлу подвинулась настолько, что представляетъ на 370 первыхъ страницахъ и 21 послѣднихъ (589—609) планъ всей постройки, методологію предмета, подробное изученіе пріемовъ, при помощи которыхъ авторъ обработалъ исторію романа въ XIX в. у трехъ передовыхъ западно-европейскихъ націй на 218 страницахъ (371—588) подъ заглавіемъ: „Главныя вѣхи европейскаго романа" (не многимъ больше 1/3 всей книги). Историческаго очерка романа на западѣ я разбирать не буду. Онъ написанъ съ живостью и бойкостью, свойственными писательскому таланту автора, и съ большимъ знаніемъ предмета, хотя и въ этомъ очеркѣ имѣются пробѣлы сверхъ тѣхъ, которые авторъ самъ нашелъ и отмѣтилъ на послѣднихъ страницахъ книги: напримѣръ, пропущенъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ самаго талантливаго изъ нѣмецкихъ романописателей, Густава Фрейтага, „Die Ahnen". Но у меня есть сильныя на мой взглядъ возраженія противъ метода, по которому П. Д. Боборыкинъ предлагаетъ обработывать критически и всѣ литературы, и отдѣльные ея виды, напримѣръ романъ. Я и поставлю эти возраженія въ видѣ того, какъ предлагаются они на университетскихъ и вообще на всякихъ ученыхъ диспутахъ по всякимъ новшествамъ, еще не утвердившимся и еще не испробованнымъ, относительно которыхъ еще не предвидится, кто изъ диспутантовъ окажется правъ и кто неправъ. Наши разницы въ мнѣніяхъ проистекаютъ, можетъ быть, отъ разницъ въ нашихъ умахъ и темпера-

ментахъ. У П. Д. Боборыкина умъ, что называется, непосѣдокъ, всегда подвижной, воображеніе живое, наблюдательность большая и острая. Едва замѣтныя новыя настроенія, новыя состоянія сознанія, едва выклевывающіеся новые человѣческіе типы хватаемы были Боборыкинымъ, такъ сказать, на лету. Онъ, точно энтомологъ по отношенію къ насѣкомымъ, накалывалъ ихъ тотчасъ на шпильки. Онъ былъ притомъ человѣкъ пытливый, доискивающійся причинъ, много читавшій и слѣдившій за всѣмъ, что̀ появлялось не только по части эстетики, но и въ области соціологіи и философіи. Свойства автора, какъ художника, отлиняли и на его работѣ по части критики и выразились на стр. 516 въ изображеніи избраннаго имъ періода въ исторіи какъ побѣды творчества надъ личнымъ субъективизмомъ, ведущимъ свое начало отъ Руссо и перевоплощавшимся потомъ въ разные виды *міровой скорби* (Weltschmerz), къ которой онъ ни въ малѣйшей степени не причастенъ. Безъ художественной объективности творчество на его взглядъ немыслимо. Художественное творчество завладѣвало постепенно всѣми видами жизни, природы, мыслями, чувствами и дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ и сборныхъ группъ, для возведенія этой жизни въ наибольшей шири и полнотѣ въ перлъ творчества, причемъ авторъ допускаетъ, конечно, что „субъективизмъ остается какъ одна изъ неизбѣжныхъ потребностей души“, что и онъ помогаетъ въ свою очередь творчеству одерживать побѣды, но его притязанія проявляются съ такими излишествами фантазіи, съ произволомъ, со „всевозможными вторженіями резонерства, безпорядочности, мистицизма“, что много затѣмъ надо было употреблять усилій, чтобы эти излишества отпадали и перерабатывались на чистое золото въ горнилѣ собирательной работы. Такимъ образомъ у П. Д. Боборыкина субъективизмъ какъ будто бы уваженъ, но только какъ уступка, съ доведеніемъ его до minimum, съ наложеніемъ на него узды, а между тѣмъ, для многихъ другихъ людей, онъ-то и есть главное, онъ—преимущественный, неизсякающій источникъ поэзіи, нескончаемой неудовлетворенности, а слѣдовательно и стимулъ къ подъему, онъ именно и есть то, что̀ въ душѣ человѣка и въ произведеніи называется священною, божьею искоркою.

Мы, люди пожилые, а въ томъ числѣ и П. Д. Боборыкинъ, принадлежимъ къ тому поколѣнію, которое получило свое критическое образованіе и подготовку отъ одного изъ геніальнѣйшихъ умовъ XIX вѣка—Ипполита Тэна. Наука не можетъ остановиться неподвижно на какомъ бы то ни было авторитетѣ. Въ самой

Франціи дѣлаются попытки отнестись къ Тэну критически, найти въ немъ слабыя стороны, указать въ его идеяхъ неполноты и недосказы. Дѣлаетъ такія оговорки и возраженія живой еще профессоръ Фердинандъ Брюнетьеръ; дѣлалъ ихъ не такъ давно умершій Эмиль Эннекенъ. Боборыкинъ, вполнѣ раздѣляя ихъ отношеніе къ Тэну, заимствовалъ кое-что у обоихъ: у Брюнетьера—его попытку привить къ исторіи литературы дарвиновскую теорію эволюціи породъ у живыхъ организмовъ, при посредствѣ такъ называемаго естественнаго подбора, а у Эннекена —его замыселъ создать новый родъ научной литературной критики или такъ названную имъ *эстопсихологію*. Ни Брюнетьеръ, ни Эннекенъ не удовлетворили Боборыкина вполнѣ,—они недостаточно эстеты, слишкомъ больше соціологи и публицисты въ своей критикѣ, страдаютъ соціологическимъ догматизмомъ, не отличаютъ художественной эмоціи ни количественно, ни качественно отъ всякихъ другихъ эмоцій (стр. 112). Авторъ нашелъ еще одного эволюціониста въ области литературы, профессора Н. И. Карѣева, съ которымъ онъ соглашается въ томъ, что художественная эволюція сводится къ взаимодѣйствію личнаго творчества и традиціи; но съ личнымъ творчествомъ онъ поступаетъ подобно тому, какъ поступалъ съ субъективизмомъ, то-есть, ограничиваетъ по возможности этотъ личный элементъ, ставитъ его на задній планъ вмѣстѣ съ личностью и судьбами писателя, какъ второстепенныя обстоятельства, объясняющія, на сколько это необходимо, какъ особенности его мастерства, такъ и отношенія его къ своей эпохѣ и къ читающей публикѣ. Исторія литературы должна отказаться отъ жизнеописаній геніальныхъ художниковъ и слѣдовать не за ними, а за отдѣльными ихъ произведеніями, пользуясь этими произведеніями какъ дорожными столбами. Какъ заимствованія П. Д. Боборыкина, такъ и его собственныя положенія далеко не безспорны и не могутъ быть приняты безъ вѣскихъ на то доказательствъ. Начнемъ разборъ съ усвоенной авторомъ теоріи литературныхъ видовъ Брюнетьера.

Слово *эволюція* имѣетъ нѣсколько значеній. Прежде всего это техническій терминъ, который замѣнилъ общераспространенное во времена нашей молодости ходячее выраженіе: „развитіе". Слово „эволюція" полнѣе и содержательнѣе, нежели „развитіе", потому что изображаетъ не небывалую и невозможную непрерывность прогресса, но неизбѣжное въ дѣйствительности чередованіе прогресса и регресса, совершенствованія и вырожденія, мужанія и вымиранія не только особей, но цѣлыхъ группъ и порядковъ

отношеній, начиная съ космическихъ до личныхъ человѣческихъ и до общественныхъ. Только по отношенію къ такому широкому пониманію эволюціи можетъ быть сочтенъ эволюціонистомъ пр. Карѣевъ („Литературная эволюція на западѣ", 1886. Воронежъ), изданная за четыре года до появленія въ 1890 г. „L'évolution des genres" Брюнетьера. Эта брюнетьеровская эволюція видовъ въ литературѣ есть не что̀ иное какъ перенесеніе по аналогіи дарвиновской теоріи эволюціи образованія породъ въ животныхъ организмахъ въ область творческой мысли человѣка и умственныхъ его произведеній, гдѣ крайне еще сомнительно, можетъ ли быть допущена подобная аналогія. Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ въ немъ сильнѣе потребность въ эстетическихъ эмоціяхъ, во всемъ томъ, что̀ мы обыкновенно обозначаемъ однимъ неопредѣленнымъ и много разныхъ и даже противоположныхъ вещей означающимъ словомъ: „красота". Удовлетворять этой потребности берется цѣлый сонмъ всевозможныхъ искусствъ, подраздѣляющихся, смотря по тому, на которое изъ двухъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ оно дѣйствуетъ: на зрѣніе или на слухъ, и еще по тому, какими орудіями оно располагаетъ: рѣзцомъ, кистью, музыкальными звуками, жестами, или звуковыми символами предметовъ, то-есть словами. Есть между художествами такія, которыя не воспроизводятъ никакой дѣйствительности и не подражаютъ вовсе природѣ (архитектура, музыка); есть и такія, которыя исходятъ изъ подражанія природѣ, но затѣмъ ее перестроиваютъ по своему и пересоздаютъ. Въ числѣ ихъ имѣется и изящная литература, въ которой П. Д. Боборыкинъ признаетъ, что есть три главные рода, формы, или, такъ сказать, кадры или категоріи, не имѣющіе сами по себѣ никакого содержанія: эпосъ, лирика и драма. Въ этихъ неподвижныхъ кадрахъ бываютъ постоянныя перемѣны, и можно писать исторію того, что̀ происходило во всѣхъ этихъ кадрахъ заразъ, то-есть, во всей литературѣ, или въ одномъ изъ этихъ кадровъ, у всѣхъ народовъ или у одного народа, во все время его существованія, или за одинъ вѣкъ, или за нѣсколько десятковъ лѣтъ; но не можетъ быть эволюціи лирики, эпоса или драмы вообще, какъ не можетъ быть эволюціи времени или пространства или какихъ бы то ни было категорій разума по Аристотелю или Канту, то-есть, эволюціи тѣхъ самыхъ рамокъ мышленія, отдѣленныхъ отъ ихъ содержанія. Что касается до содержимаго въ этихъ рамкахъ за извѣстное время, то, *во-первыхъ*, хотя всѣ отрасли литературы извѣстной эпохи со всѣми ихъ видами и подвидами родственны другъ съ другомъ и рождены,

какъ выразился Брюнетьеръ, подъ тѣми же созвѣздіями (connexes et nés sous les mêmes constellations), но онѣ эволюціонируютъ съ весьма различною быстротою: однѣ изъ нихъ какъ будто бы въ пренебреженіи и загонѣ, за то въ другихъ замѣчается необычайный приливъ силъ и даже перепроизводство, конечно, только временное, потому что за всякимъ перепроизводствомъ слѣдуетъ неизбѣжно истощеніе и паденіе. Такія неравномѣрности въ эволюціяхъ видовъ литературы и усиленіе однихъ на счетъ другихъ имѣютъ всегда свои глубокія историческія причины, ключомъ къ которымъ не можетъ быть эстетика, но которыя находятъ объясненіе только въ совокупности общихъ условій жизни народной, въ суммѣ данныхъ такъ называемыхъ соціологическихъ. Въ прочитанномъ въ Сорбоннѣ курсѣ французскаго лиризма XIX вѣка, въ 1893 г., Брюнетьеръ превосходно изобразилъ, какъ уравновѣсилась въ своемъ непродолжительномъ благоустройствѣ монархія Людовика XIV, какъ взяли верхъ въ этой литературѣ два вида ея, наиболѣе консервативные и морализующіе: трагедія, какъ ближайшее переложеніе блистательной дѣйствительности, и блистательное духовное проповѣдническое краснорѣчіе. Вдругъ замѣстителемъ проповѣдническаго краснорѣчія появился лиризмъ, вѣчный бунтарь, вырывающійся изъ оковъ всякой, какая бы она ни была, дѣйствительности, рвущійся въ безконечное. Онъ въ концѣ концовъ все захватилъ, все собою пропиталъ, все преобразилъ, такъ что исторія лиризма во Франціи и есть собственно вся исторія французской литературы въ XIX столѣтіи. Крутыя перемѣны сопровождаются обыкновенно переходомъ изъ одной крайности въ другую; изъ такихъ перемѣнъ и переходовъ и слагается вся исторія. Они назывались до сихъ поръ *направленіями*, теченіями, вкусами. Самъ авторъ признаетъ, что вплоть до настоящаго времени въ исторіи литературы главнымъ образомъ толковали о лжеклассицизмѣ, романтизмѣ, реализмѣ, натурализмѣ, но онъ пренебрежительно откидываетъ эти старыя, износившіяся рубрики (стр. 13—19), какъ не дающія прочнаго оселка для изслѣдованія творчества въ такой преобладающей нынѣ отрасли, какою является романъ, въ чемъ онъ пошелъ дальше своего предшественника, Брюнетьера, который пользуется этими рубриками. Подраздѣливъ XIX вѣкъ по лиризму на двѣ эпохи, Брюнетьеръ даетъ первой изъ нихъ такую характеристику: романтизмъ, лиризмъ, индивидуализмъ, а второй, достигающей своей вершины въ Леконтъде-Лилѣ и парнассцахъ: натурализмъ, объективизмъ, позитивизмъ. Слабая сторона не эволюціи вообще, но теоріи эволюціи породъ

или видовъ по идеѣ Дарвина—та, что весьма трудно доказать существованіе породы въ литературѣ, то-есть, совокупности естественно плодящихся единицъ, имѣющихъ устойчивыя черты сходства какъ между собою, такъ и съ тѣми, отъ кого онѣ произошли. Въ художественныхъ произведеніяхъ имѣются всѣ условія для быстраго измѣненія формы, для перехода изъ одной въ другую. Есть и дифференціація съ разрѣшеніемъ одного вида на подвиды (романъ рыцарскій, пастушескій, романъ нравовъ, романъ историческій). Есть и интеграція, то-есть, включеніе въ рамки романа и жизнеописаній природы и элементовъ драмы и сатиры, но только нѣтъ возможности фиксировать цѣлую породу. Въ своемъ курсѣ, посвященномъ лиризму (II, p. 17), Брюнетьеръ признаетъ, что „les genres sont en mouvement, nous ne pouvons pas les immobiliser pour les étudier". П. Д. Боборыкинъ (стр. 32) напрямикъ отказывается опредѣлить, „въ чемъ заключается эволюціонный ходъ развитія романа", и затѣмъ изучаетъ романъ въ его подвидовыхъ развѣтвленіяхъ не посредствомъ опредѣленія цѣлаго и его оттѣнковъ, а посредствомъ постановки „вѣхъ", то-есть, обстоятельствъ, знаменующихъ только, что произошла какая-нибудь дифференціація или интеграція; значитъ, онъ опредѣляетъ романъ не по чертамъ породы, а по свойствамъ либо отдѣльнаго произведенія, либо во многихъ случаяхъ по старой методѣ, по чертамъ личности романописателя, отражающимся въ совокупности его произведеній. Эволюція въ породѣ живыхъ организмовъ предполагаетъ такую упорно сохраняющуюся преемственность въ наслѣдственно передающихся изъ поколѣнія въ поколѣніе чертахъ, о которой не можетъ быть даже и помину въ видахъ и подвидахъ литературы. Чтò такое видъ литературы въ извѣстный моментъ времени? Совокупность многихъ тружениковъ, ничего общаго между собою не имѣющихъ и связуемыхъ только тѣмъ, что они трудятся по тому же ремеслу, что работаютъ на одной и той же полосѣ или грядкѣ. Очевидно, что они другъ друга знаютъ, по крайней мѣрѣ по слуху, что они другъ у друга заимствовались, позднѣйшіе подражали болѣе раннимъ или, по крайней мѣрѣ, съ ними считались, что они подражали не только своимъ землякамъ, но и иностранцамъ. У этихъ людей разныхъ породъ и націй романъ, какъ видъ литературы, долженъ совершить свою эволюцію, то-есть, вырости, расцвѣсти, выродиться и умереть. Мы, очевидно, играемъ тутъ словами, попали въ путаницу, въ недоразумѣніе, въ смѣшеніе массовыхъ одновременныхъ или послѣдовательныхъ движеній съ кадрами для постоянной художественной дѣятель-

ности, каковы: музыка, пластика, балетъ, литература съ ея основными формами—эпоса, драмы, лирики. Изобрѣтательность человѣка столь велика, что она ухищряется, для усиленія художественнаго впечатлѣнія, дѣйствовать на чувства совокупными средствами нѣсколькихъ художествъ за разъ (оперы Вагнера, живописная музыка Берліоза, полихромическая скульптура, панорама, сонеты Эредіà, похожіе на ювелирныя произведенія, стихи Фета, похожіе на пѣсни безъ словъ). Обыкновенно строгая художественная критика противилась такому эклектизму и, становясь на стражѣ чистоты вкуса, требовала, чтобы артистъ не выходилъ за предѣлы своего искусства и не прибѣгалъ къ несвойственнымъ этому искусству средствамъ (Винкельманъ, Лессингъ въ „Лаокоонѣ", переписка Гёте съ Шиллеромъ). Виды искусства сами по себѣ не имѣютъ никакой эволюціи; то, что̀ Брюнетьеру угодно называть эволюціею родовъ, есть только чередованіе вкусовъ и направленій, очень давно и хорошо извѣстное, на которомъ строятся до сихъ поръ почти всѣ исторіи художествъ и литературъ. На какой бы степени культуры ни находился человѣкъ, въ немъ есть потребность воспроизводить выразительно и типически для другихъ свои впечатлѣнія отъ внѣшняго міра и свои душевныя пожеланія, ощущаемыя, хотя и невполнѣ еще сознаваемыя, въ о̀бразахъ, звукахъ и символическихъ знакахъ, пока критика и философія не доберутся до источника зарождающихся такимъ образомъ чувствъ, волнующихъ артиста, а по его почину и другихъ, по душевному складу похожихъ на него людей. Направленіе, даваемое искусственно какъ бы толчкомъ какимъ-нибудь художественнымъ произведеніемъ,—всегда опредѣленное и непродолжительное. Оно исчерпывается, когда его основа—извѣстное состояніе души—изображена и передана на всѣ лады, такъ какъ всякія варіаціи на тѣ же мотивы въ концѣ концовъ пріѣдаются и становятся неинтересными, и такъ какъ, притомъ, средній человѣкъ съ его эстетическими потребностями и вкусами перемѣняется самъ въ себѣ, такъ что произведенія, которыми онъ прежде восхищался, становятся со временемъ пережитками, на которыхъ остановиться невозможно, какъ бы они ни были восхитительны.

Когда зарождается отъ эстетической потребности въ изящномъ новое художественное направленіе по наиболѣе подходящему къ ней художеству, то оно идетъ всегда по линіи наименьшаго сопротивленія, избирая, какъ способъ своего выраженія, какое-либо искусство: архитектуру, пластику, музыку или поэзію. Теченіе совершается по этому пути; оно можетъ развѣтвляться на многіе

рукава, переходить съ одного искусства на другое, но даже и тогда, когда оно литературное, оно никогда не распространяется равномѣрно на всѣ виды литературы, а слѣдуетъ по какому-нибудь одному, который и дѣлается главнымъ русломъ этой рѣки, тѣмъ болѣе глубокимъ, чѣмъ меньше развѣтвлено теченіе. Сообразуясь съ быстротою теченія главной струи, происходитъ, хотя и съ меньшею быстротою, движеніе и въ побочныхъ каналикахъ, въ которыхъ бываютъ повторенія и рефлексы того, что̀ совершается въ главномъ руслѣ. Этотъ общій характеръ движенія вполнѣ постигнутъ былъ и Брюнетьеромъ. Хотя онъ и обѣщалъ, что онъ сочинитъ эволюцію и драмы, и романа въ XIX столѣтіи, но по всей видимости онъ этого никогда не исполнитъ, потому что въ эволюціи лиризма онъ уже исчерпалъ все главное, что̀ могъ сказать о цѣлой литературѣ. Онъ взялъ лиризмъ какъ выраженіе субъективизма, который все поглотилъ въ XIX вѣкѣ и заставилъ вращаться вокругъ себя всѣ идеи вѣка. Брюнетьеръ прохаживается, не стѣсняясь, по всѣмъ видамъ литературы; гдѣ только подмѣтилъ онъ какой-нибудь лирическій элементъ, онъ завладѣваетъ имъ и распоряжается имъ какъ своею собственностью. Такимъ-то образомъ онъ присвоилъ себѣ и драмы В. Гюго, и даже всѣ романы Жоржъ-Занда, которыя, однако, П. Д. Боборыкинъ не пожелалъ уступить ему, да и не можетъ уступить. Начертивъ бойко и живо десятка два-три характерныхъ головокъ всякихъ художниковъ, даже драматурговъ и эпиковъ, Брюнетьеръ уже не заботится объ остальныхъ. Просто-на̀-просто онъ выкидываетъ за бортъ тѣхъ даже несомнѣнныхъ лириковъ, которые ему не нравятся, напримѣръ Беранжѐ, потому что у него „только проза, хотя и съ риѳмами на концахъ строкъ", или Делиля, такъ какъ онъ только тѣмъ замѣчателенъ, что ухитрился передавать наименьше дѣла въ наибольшемъ количествѣ словъ. Эволюція видовъ Брюнетьера есть только талантливая живопись не на солидномъ научномъ полотнѣ, а на какой-то паутинѣ. Основа этой фантазіи—совсѣмъ непрочная; прошу только обратить вниманіе на необъяснимость такъ называемыхъ имъ превращеній видовъ. Едва ли кто въ состояніи понять, какимъ чудомъ церковное проповѣдническое краснорѣчіе успѣло вдругъ и мигомъ преобразиться, оставаясь тѣмъ же родомъ, то-есть лиризмомъ, въ бунтующую чувствительность Ж. Ж. Руссо и всѣхъ послѣдующихъ пессимистовъ. Дарованіе Брюнетьера столь велико, что книга его останется и будетъ читаться, хотя его эволюціонная теорія видовъ не будетъ вѣроятно принята. Я полагаю, что эта теорія могла бы быть изъята и изъ

книги П. Д. Боборыкина безъ вреда для этого сочиненія, въ которомъ она составляетъ часть, но ни мало не существенную.

Перехожу къ тому, что̀ П. Д. Боборыкинымъ заимствовано отъ Э. Эннекена (Emile Hennequin, „La critique scientifique“, p. 243. Paris, 1888). Онъ тоже, какъ и Карѣевъ—предшественникъ Брюнетьера. По моему мнѣнію, Боборыкинъ взялъ отъ Брюнетьера и то, чего ему и не слѣдовало брать; что касается до Эннекена, то мы замѣчаемъ противное; мнѣ кажется, что онъ заимствовалъ слишкомъ мало изъ этой крошечной книжки, которая представляется мнѣ настоящимъ кладомъ мыслей новыхъ, ясныхъ и свѣжихъ. П. Д. Боборыкинъ неправъ почти во всемъ, въ чемъ онъ уклонился отъ Эннекена, а уклоненія эти довольно значительны. Постараюсь показать, какую величину представляетъ собою Эннекенъ въ критикѣ и какъ онъ понятъ былъ П. Д. Боборыкинымъ.

Эннекенъ прежде всего большой поклонникъ Тэна, относящійся къ нему какъ къ своему учителю, признающій въ немъ основателя научной критики, совсѣмъ устранившей прежнюю, которая произносила безапелляціонные приговоры надъ произведеніями безъ всякой мотивировки, по одному субъективному вкусу критика, имѣющаго, можетъ быть, и тонкое чутье, но не обладающаго тѣми спеціальными научными познаніями, какія требуются отъ критика какъ литературнаго судьи. По Тэну, задача литературной критики—сложная, она прежде всего психологическая. Изучивъ совокупность произведеній писателя, критикъ долженъ проникнуть въ его душу, постигнуть преобладающія ея способности, ея идеалы, ея обычное настроеніе, добраться затѣмъ до причинъ, обусловившихъ эту особенную душевную организацію и опредѣлившихъ ея творчество. Причины сводятся главнымъ образомъ къ тремъ статьямъ: расовое происхожденіе писателя, среда, отъ которой онъ заимствовалъ внушенія, указанія и совѣты, для которой писалъ, которой хотѣлъ служить и нравиться, наконецъ, моментъ дѣйствія, то-есть, иными словами, духъ эпохи, ея идеи и нравы. Конечная цѣль такого сложнаго научнаго изученія—психологія великаго художника и затѣмъ психологія цѣлаго его народа, рядъ пережитыхъ и художникомъ, и народомъ душевныхъ состояній, по отношенію къ которымъ и художникъ и произведеніе суть не больше какъ проявленія (симптомы) этихъ состояній. Эта часть метода Тэна, по убѣжденію Эннекена, незыблема, она крѣпка, она останется, но Эннекенъ пытается ее усовершенствовать, такъ сказать закруглить ее и дополнить.

Всѣ три момента—раса, средовище или обстановка, и моментъ или эпоха—вліяютъ несомнѣнно, но вліянію ихъ придано Тэномъ преувеличенное значеніе. Несмотря на его великій талантъ, оно не всегда можетъ быть установлено и доказано. Нѣтъ почти совсѣмъ чистыхъ расъ; націи представляютъ помѣси и скрещенія противоположнѣйшихъ породъ людей. Одна и та же нація или раса видоизмѣняется весьма существенно по разселенію, по провинціализмамъ. Присовокупимъ различіе общественныхъ положеній, профессій, состояній, одновременное существованіе въ той же литературѣ самыхъ различныхъ, несоизмѣримыхъ и совсѣмъ противоположныхъ знаменитостей. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы должны будемъ согласиться съ Эннекеномъ, что „общества, вслѣдствіе постепеннаго усложненія своего состава, постепенно разлагаются на увеличивающееся число средовищъ, а эти средовища постепенно также распадаются, по мѣрѣ увеличенія культуры, на единицы, одна на другія не похожія и расходящіяся врозь по своимъ личнымъ наклонностямъ и разнымъ предметамъ своихъ восхищеній“ (155), причемъ объединяющее ихъ общественное устройство способствуетъ имъ только освобождаться отъ роковыхъ зависимостей первобытнаго не-культурнаго человѣка, отъ вліянія безусловнаго и непосредственнаго — расы, мѣсторожденія, отъ тиранніи нрава, отъ того, что̀ называютъ нынѣ стаднымъ чувствомъ.

Отвергая три коренные тэновскіе признака въ качествѣ факторовъ личности, Эннекенъ берется дать психологической основѣ эстетики Тэна, остающейся въ силѣ, еще новую подкладку, такъ называемую *эсто-психологическую*, опирающуюся не на личныя свойства писателя, а на отзывчивость по отношенію къ нему народныхъ массъ. Путь этотъ самъ Эннекенъ называетъ окольнымъ (detour, p. 128). Личность писателя необходимо изучить, но не возясь съ нимъ слишкомъ долго, не заходя къ нему, какъ то дѣлала школа Сентъ-Бёва, такъ сказать, съ задняго двора и со спальни, взять изъ его жизнеописанія только тѣ черты, которыя непосредственно объясняютъ его произведеніе, а затѣмъ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать его средовище, разобрать и произведеніе, и его почитателей, то-есть, тѣхъ людей, которыхъ писатель волнуетъ, эмоціонируетъ своими произведеніями.

Вполнѣ соглашаясь съ Эннекеномъ въ правильности предлагаемаго имъ пріема, П. Д. Боборыкинъ идетъ нѣсколько дальше Эннекена и ставитъ предположеніе, что художественное творчество есть нѣчто *собирательное*, что великіе литературные та-

ланты только сосредоточиваютъ въ себѣ и ярче проявляютъ собирательную психическую работу отдѣльной расы и эпохи. Здѣсь оба критика расходятся въ совсѣмъ противоположныхъ направленіяхъ. Эннекенъ—прямой сторонникъ Габріеля Тарда, творца теоріи подражаній, въ силу которой родъ человѣческій представляется состоящимъ изъ ничтожнѣйшаго числа людей творческихъ, геніальныхъ, способныхъ дѣлать новыя, своеобразныя сочетанія идей, замысловъ, ббразовъ, мотивовъ, и необозримаго числа повторителей и подражателей. „Вся сила,—говоритъ Эннекенъ (157),—не въ толпѣ, а только въ лицѣ, которое привлекаетъ къ себѣ, точно магнитъ, толпу людей, похожихъ на него, но менѣе интеллигентныхъ". Ошибались историки, весь интересъ и всю заслугу историческихъ событій сосредоточивая на однихъ только великихъ личностяхъ монарховъ, министровъ, первостепенныхъ поэтовъ (напр. Карлейль). Затѣмъ пошла полоса другихъ писателей, противоположнаго направленія, которые, „умозаключая еще ошибочнѣе, приписываютъ всю заслугу событій только массамъ, между тѣмъ какъ массы всегда дѣйствуютъ по толчкамъ и понукѣ и никогда не вѣдаютъ, что̀ творятъ" (Бокль, Л. Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ").

Назначеніе писателя-художника заключается въ томъ, чтобы эмоціонировать, дѣйствовать на чувства людей, настроивать ихъ извѣстнымъ образомъ. Цѣль эта осуществляется прежде всего чарами слова, прелестью слога, внѣшней формы, но еще также и картинами природы, ббразами, характерами лицъ, сценами, изображаемыми правдоподобно и такимъ образомъ, что получается впечатлѣніе хотя слабѣе, но похожее на то, которое получилъ бы читатель, еслибы онъ имѣлъ дѣло не съ вымысломъ, а съ настоящею дѣйствительностью. Произведеніе имѣетъ успѣхъ только въ томъ случаѣ, если оно найдетъ въ публикѣ значительное число людей, психически подобныхъ автору, одинаково съ нимъ настроенныхъ, которые бы чувствовали то же, что̀ авторъ, но только выразить не умѣли, а теперь сами себя въ этомъ произведеніи нашли. Случается порою, что посредственное произведеніе получаетъ вдругъ громадный успѣхъ, несоразмѣрный его достоинству, когда угодитъ громадному числу читателей, будучи какъ-разъ подъ-стать ихъ понятіямъ и воображенію; успѣхъ такой не бываетъ никогда продолжительнымъ. Успѣхъ можетъ и запаздывать, придти много десятковъ лѣтъ по смерти автора, что̀ и случилось съ романами Бейля-Стендаля. Успѣхъ всякаго писателя можетъ быть опредѣляемъ пріемами, свойственными статистикѣ, числомъ изданій, отзывами журналовъ, сбытомъ про-

изведеній, деньгами, которыя они автору принесли, распространенностью произведеній въ чужихъ странахъ и націяхъ при посредствѣ переводовъ. Только на основаніи такимъ образомъ произведеннаго изслѣдованія можно установить съ точностью, какъ велико было впечатлѣніе и движеніе, вызванное извѣстнымъ сочиненіемъ или совокупностью произведеній великаго мастера, вліяніе его на слои и группы народной интеллигенціи или на всю національную массу или даже и на все человѣчество.

Въ общемъ результатѣ, то, что̀ Эннекенъ предлагаетъ какъ вполнѣ *научную* литературную критику, сводится къ тремъ послѣдовательнымъ анализамъ: 1) къ *эстетическому*, то-есть къ разбору пріемовъ мастерства въ произведеніи; 2) къ *психологическому*, то-есть къ разбору душевной организаціи писателя, механизма и функціонированія его способностей, и 3) къ *соціологическому* (онъ же и *эсто-психологическій*), то-есть къ изученію совокупности его приверженцевъ и почитателей. Тѣмъ и кончается сухая, трудная и мало привлекательная сама по себѣ научная работа, и начинается художественная часть критики, приведеніе результатовъ въ синтезъ, мотивированная парафраза произведенія. Оно было только анатомировано, а теперь должно быть показано какъ нѣчто живое, до послѣднихъ мелочей понятное и притомъ сопровождаемое толпою своихъ почитателей, съ объясненіемъ, чѣмъ они въ немъ въ свое время восхищались; а если произведеніе принадлежитъ къ числу хотя бы и не безсмертныхъ, но только долговѣчныхъ, то съ объясненіемъ, почему его будетъ почитать и потомство. Художественная критика, по мнѣнію Эннекена, должна стараться воспроизвести въ читателяхъ ту самую эмоцію, которую пытался произвести въ публикѣ великій писатель, когда писалъ свое произведеніе.

П. Д. Боборыкинъ вполнѣ сочувствуетъ Эннекену. Во 2-мъ изъ своихъ окончательныхъ выводовъ (стр. 592) онъ предлагаетъ ввести въ эволюцію литературы факторъ *эсто-психологіи* публики (изобрѣтенный Эннекеномъ), на которую, какъ онъ думаетъ, слишкомъ мало донынѣ обращали вниманія. Но выходитъ слѣдующая странность, которая, по моему мнѣнію, проистекаетъ отъ одного только недоразумѣнія. Ученикъ Тэна и послѣдователь Эннекена отдѣляется отъ нихъ обоихъ и противопоставляетъ себя имъ потому, что они слишкомъ соціологи, что они относятся къ художеству недостаточно уважительно, что они въ свою критику вводятъ и морализмъ, что они и этотъ аршинъ, пригодный только для измѣренія дѣятельности волевого аппарата, прилагаютъ къ созданіямъ эстетической дѣятельности, значитъ,

что они и этимъ аршиномъ измѣряютъ красоту (стр. 7). Выступая впередъ въ качествѣ бойца за полную самостоятельность эстетическаго чувства, какъ особаго отправленія человѣческой души, П. Д. Боборыкинъ не допускаетъ, чтобы красота могла быть вассаломъ морали, требуетъ, чтобы она не имѣла служебнаго отношенія даже и къ добру. Онъ ставитъ пресерьезнѣйшимъ образомъ, какъ капитальнѣйшій, по его убѣжденію, вопросъ, что̀ чему служитъ: творчество ли жизни, или, наоборотъ, жизнь творчеству (165 стр.)? То-есть, иными словами, слѣдуетъ ли цѣнить искусство главнымъ образомъ потому, что оно направляетъ жизнь, или потому, что, заимствуя изъ жизни матеріалъ, оно создаетъ вещи сверхъестественныя, то-есть такія, какихъ въ природѣ нѣтъ, но болѣе правдивыя и болѣе совершенныя, нежели онѣ бываютъ въ дѣйствительности?—Признаюсь, что самъ вопросъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ставится авторомъ книги, для меня не совсѣмъ понятенъ. Мнѣ невольно приходитъ на умъ басня одного сатирика прошлаго столѣтія (епископа Игнатія Красицкаго) о носѣ и объ очкахъ: созданъ ли носъ для ношенія очковъ, или очки для украшенія носа?—Дилемма въ данномъ случаѣ фальшивая; она не разрѣшается ни словомъ: да,—ни словомъ: нѣтъ. Искусство не имѣетъ притязаній быть въ жизни законодателемъ или руководителемъ, оно не обязано быть для жизни служкою, доставлять жизни что̀ бы то ни было практически полезное, но его задача—эмоціонировать людей; значитъ, оно существуетъ только въ средѣ общества и должно сообразоваться съ необходимыми общественными условіями. Постараюсь объяснить, почему я полагаю, что П. Д. Боборыкинъ имѣлъ собственно въ виду не то, что̀ написалъ, и отсюда вышло недоразумѣніе. Помнится еще былое время, когда не существовало никакой иной литературной критики, кромѣ эстетической, рѣшающей вопросы по части вкуса абсолютно и безапелляціонно. Критика былого времени исходила изъ предположенія, что искусство есть нѣчто вполнѣ самобытное (самодовлѣющее), не связанное ни съ какими другими функціями и областями дѣятельности человѣка. Явились затѣмъ новые изслѣдователи, которые, не отвергая эстетики и ея сужденій о красотѣ, нашли не лишнимъ заглянуть въ душу писателя, а за тѣмъ въ души эмоціонируемыхъ имъ массъ, значитъ—подложили подъ критику, сверхъ эстетическаго основанія, еще другое—психологическое. Наконецъ, есть еще новыя, послѣдняго времени попытки дать критикѣ литературныхъ произведеній еще одну и послѣднюю подкладку—соціологическую или, какъ выражается

Эннекенъ, эсто-психологическую. Если это третье основаніе еще не подведено какъ слѣдуетъ, то оно все-таки обстоятельно намѣчено, такъ что его употребленіе въ будущемъ есть только вопросъ времени. Эстетическій анализъ никогда не будетъ отставленъ или упраздненъ и даже не потеряетъ своего первенствующаго значенія. Нельзя и приступить къ изящному произведенію, не опредѣливъ, какими прелестями слова, какими особенностями слога, сюжета, фабулы и построенія утвердилось то владычество надъ чувствами людей, которое имѣетъ каждый общеизвѣстный писатель. П. Д. Боборыкинъ нисколько не поклонникъ односторонняго, чистокровнаго эстетизма; напротивъ того, онъ въ полномъ смыслѣ слова—дитя XIX-го вѣка, за которымъ всѣ признаютъ то качество, что онъ—вѣкъ научный. П. Д. Боборыкинъ не только одобряетъ методы и эстетическій, и психологическій, но онъ ими постоянно пользуется. И въ эстетическомъ анализѣ онъ выше формы цѣнитъ содержаніе произведенія, то-есть своеобразность замысла (стр. 593, выводъ окончательный 5-й). Онъ признаетъ за современнымъ романомъ то преимущество, что этотъ романъ менѣе заботится о фабулѣ, нежели о богатствѣ содержанія произведенія. Весьма понятно, что онъ—противникъ превращенія исторіи литературы въ картинную галерею великихъ писателей, и что изъ ихъ жизнеописаній онъ допускаетъ брать только то, что̀ неизбѣжно требуется для уразумѣнія ихъ произведеній. Для него, какъ и для всѣхъ насъ, совсѣмъ безразлично, кто изъ нихъ былъ доблестный, а кто плоховатый или дрянной человѣкъ. П. Д. Боборыкину пришла счастливая, весьма богатая послѣдствіями мысль—задаться изслѣдованіемъ того, въ какой мѣрѣ темпераментъ, характеръ, обстановка, занятіе и вообще судьбы писателя вліяли на его творчество, содѣйствовали его успѣхамъ или задерживали и мѣшали этому творчеству. Такъ какъ, по понятіямъ П. Д. Боборыкина, изящныя произведенія подлежатъ суду эстетики не только по формѣ, но и по содержанію; такъ какъ содержаніе поэзіи—чувства, значитъ, другими словами, то, что̀ художникъ сильно любилъ или ненавидѣлъ, то изъ сего неизбѣжно слѣдуетъ, что художникъ влагалъ въ произведеніе и свои личныя привязанности и отвращенія, а значитъ, вмѣстѣ съ ними, и тѣ идеи общества, націи, вѣка, которыми былъ непроизвольно съ своей стороны одушевленъ. Такимъ образомъ оказывается, что собственно и не бываетъ нетенденціозныхъ произведеній. Если исключить всѣ въ какой бы то ни было степени тенденціозныя произведенія, какъ служебныя, какъ преслѣдующія цѣли не только красоты, но и морали,

то въ выставочной витринѣ настоящаго художества очутятся только бездѣлицы, только пустыя игрушки. Изъ этого большого затрудненія П. Д. Боборыкинъ выпутывается съ трудомъ; онъ съ нимъ справляется, какъ справился съ субъективизмомъ; онъ допускаетъ и тенденцію, какъ одинъ изъ многихъ факторовъ творчества, но допускаетъ ее со всевозможными сокращеніями и ограниченіями, которыхъ мы никакъ не можемъ признать и противъ которыхъ должны возражать.

Никто не открылъ еще закона зарожденія и появленія геніевъ. Корни геніальности кроются, по выраженію опытной психологіи, въ области безсознательнаго. Отличительный признакъ геніальности есть то, что̀ П. Д. Боборыкинъ называетъ „спонтанностью“ замысла, то-есть неожиданностью его появленія для самого творца. Разъ зародился замыселъ, онъ тотчасъ заполоняетъ душу художника, становится отдѣльнымъ отъ его личности существомъ, живою, открывшеюся ему нечаянно правдою, которую онъ выражаетъ, насколько можетъ, ничѣмъ не руководствуясь, кромѣ одной только заботы о передачѣ ея со всею искренностью одушевляющаго его чувства. Но далеко не всѣ произведенія такимъ способомъ сочиняются. Писать романы съ успѣхомъ ухищряются, порою, люди совсѣмъ не геніальные, а только ловкіе, не художники въ душѣ, а проповѣдники или моралисты. Они изобрѣтутъ и фабулу, придумаютъ всякую небывальщину, сообщатъ ей нѣкоторую тѣнь правдоподобія, употребятъ художество какъ средство, чтобы что-нибудь пропагандировать или доказать. Отличить подлинно художественное отъ поддѣльнаго и исключить послѣднее составляетъ въ каждомъ данномъ случаѣ главную задачу эстетической критики. Оселкомъ при повѣркѣ достоинства произведенія должна служить искренность чувства, отсутствіе преднамѣренности во внушеніяхъ. П. Д. Боборыкинъ поступаетъ при разборѣ и оцѣнкѣ произведеній не такимъ образомъ, а иначе. По его мнѣнію, всякая тенденція,—не разбирая, искрененъ ли писатель и вѣритъ ли въ то, что̀ проповѣдуетъ,—есть недостатокъ въ произведеніи, изъянъ, вредящій его достоинству (стр. 179). Тенденція заставляетъ писателя, по мнѣнію П. Д. Боборыкина, искажать дѣйствительность, впадать въ преувеличенія. Она отнимаетъ у такихъ писаній значеніе документовъ извѣстнаго общества и извѣстной эпохи. Я протестую противъ возведенія романовъ или вообще произведеній изящной словесности въ документальные акты, удостовѣряющіе какіе бы то ни было факты. Романъ—вымыселъ; цѣль его вовсе не та, чтобы удостовѣрить фактъ или установить реально чье-нибудь

душевное состояніе. Тэнъ назвалъ Шекспира величайшимъ производителемъ человѣческихъ душъ. Боборыкинъ эту же способность приписалъ Бальзаку, а все-таки изображенныя и тѣмъ и другимъ лица въ дѣйствительности не существовали, а потому и то, что у нихъ было въ душахъ, продокументировано быть не можетъ. П. Д. Боборыкинъ радуется случаямъ побѣды эстетическаго чувства надъ тенденціозностью (стр. 180); онъ думаетъ, что каждая такая побѣда знаменуетъ расширеніе области прекраснаго внѣ уступокъ тому, что относится къ другимъ областямъ жизни человѣческой, но онъ не научаетъ насъ, какъ удостовѣриться въ томъ, что въ данномъ случаѣ одержана такая побѣда; онъ не размежевываетъ художественнаго отъ нехудожественнаго; онъ не выгоняетъ изъ храма искусства торгашей, то-есть людей, преслѣдующихъ цѣли не эстетическія, а утилитарныя, практическія. Такое размежеваніе художественнаго, хотя бы и съ примѣсью тенденціи, отъ нехудожественнаго-утилитарнаго едва-ли возможно безъ предварительнаго разбора и безъ расчлененія на составные элементы того сложнаго понятія, которое П. Д. Боборыкинъ обозначаетъ гуртомъ однимъ только словомъ: „красота" или „прекрасное", не высказывая положительно даже и того, соотвѣтствуетъ ли на его взглядъ этому слову нѣчто объективное, или красота—существо только воображаемое, un être de raison, подобно другимъ идеямъ, напримѣръ добру, присущее только сознанію человѣческому, но внѣ его не имѣющее бытія. „Говорятъ,—пишетъ авторъ (стр. 40),—что мы сами творимъ красоту, что въ природѣ нѣтъ ни красоты, ни безобразія, ни красокъ, ни цвѣтовъ". „Быть можетъ, оно и такъ",—заключаетъ авторъ, но затѣмъ онъ признаетъ неумѣстнымъ подвергать этотъ споръ разбирательству. Однако, Эннекенъ вошелъ въ самое нутро этого спора и рѣшилъ его по-своему такимъ образомъ, что къ художественному произведенію должны быть примѣняемы поочередно оба критерія, и эстетическій, и этическій. Такъ и поступаютъ литературные критики. Въ 1887 г. появились въ печати знаменитые „Цвѣты зла" (Les fleurs du mal) Бодлера, эстета, бросившаго прямо въ глаза морали эту вызывную перчатку, что не мѣшаетъ Брюнетьеру относиться и теперь къ Бодлеру съ величайшею похвалою, какъ къ художнику (Il a trouvé des vers inimitables d'une intensité de vibration, d'une volupté d'insinuation, d'une puissance de déduction également singulières et perverses). Несмотря на эти похвалы, Брюнетьеръ сильно полемизировалъ въ печати противъ предполагавшейся постановки памятника Бодлеру, котораго онъ осу-

ждалъ за порчу и вкуса, и нравовъ. Мнѣ приходится пожалѣть, что П. Д. Боборыкинъ не позаимствовалъ кое-чего у Эннекена изъ той части его книжки, которая разбираетъ эстетическое чувство. Позволю себѣ извлечь оттуда нѣсколько указаній на то, что и въ душѣ человѣка, и въ его дѣятельности нѣтъ самобытныхъ областей, что эстетика, психологія и соціологія уживаются между собою и что при ихъ дружномъ содѣйствіи опредѣленіе и оцѣнка произведеній могутъ заслуживать названія вполнѣ научной литературной критики.

Поэтическое произведеніе не реально; оно только вымыселъ, игра воображенія, небылица. Оно вызываетъ въ зрителѣ, слушателѣ или читателѣ нѣкоторое слабое подобіе того впечатлѣнія, которое произвело бы въ немъ изображаемое, еслибы оно было реально. Такъ какъ всѣмъ завѣдомо, что изображаемое въ поэзіи—только призракъ, то и дѣйствіе его пресѣкается на одной испытываемой отъ нея эмоціи, не переходя въ волевой актъ, въ положительное дѣйствіе эмоціонируемаго лица. Изъ этой призрачности поэтическаго вымысла вытекаетъ еще другое важное послѣдствіе, расширяющее область художества до безконечности, далеко за предѣлы того, что̀ считается вообще прекраснымъ, то-есть пріятнымъ для нашихъ чувствъ. Искусство располагаетъ въ качествѣ средствъ не только красивыми предметами, производящими услаждающее впечатлѣніе, но и всякими другими—самыми непріятными, потрясающими и раздражающими нервы, рождающими страхъ, ужасъ и даже отвращеніе, такъ какъ вслѣдствіе своей завѣдомой призрачности эти непріятныя ощущенія теряютъ свою остроту и горечь, не причиняютъ боли, а становятся умѣренными стимулами нашей чувствительности, источниками не страданія, а удовольствія. Эта какъ будто бы безплодность эстетической эмоціи, не рождающей никакого дѣла, объясняетъ, почему искусство пользуется вообще широкою свободою. Оно—невинная забава, развлеченіе, весьма успокоительное средство для культурныхъ людей, уходящихъ мысленно въ область искусства, гоняющихся за эстетическими призраками счастья и довольствующихся ими, между тѣмъ какъ скупая на этотъ счетъ дѣйствительность удѣляетъ каждому малую долю настоящаго счастья. Искусство весьма благодатно. Оно приноситъ человѣчеству великія облегченія, тѣмъ болѣе драгоцѣнныя, что, повидимому, они какъ будто бы даровыя, не оплачиваемыя личными страданіями, пожертвованіями, ни даже расходуемыми на нихъ усиліями нашей воли. Такой выводъ, однако, былъ бы ошибоченъ, потому что въ жизни общественной не бываетъ да-

ровыхъ подачекъ или пріобрѣтеній и что всякій приходъ балансируется соотвѣтствующимъ ему убыткомъ. По навыку, отъ продолжительнаго художественнаго воспитанія и люди и народъ видоизмѣняются, становятся мягче, нѣжнѣе и слабѣе. Пріучившись удовлетворять свою потребность дѣйствія мечтаніями о дѣйствіи, они разучиваются дѣйствовать и даже желать чего-нибудь настойчиво и упорно. Надсадившись сочувствовать всякимъ чужимъ дѣйствительнымъ или воображаемымъ страданіямъ и, вникая въ причины зла, его извинять, они порою затрудняются различить границы добра и зла; они до того сдѣлались миролюбивы, до того отвыкли отъ борьбы и овсечеловѣчились, что перестаютъ быть націоналистами. Эпохи сильнаго развитія художественности никогда почти не подготовляли обществъ къ крупнымъ историческимъ переворотамъ, въ которыхъ верхъ беретъ воля, дѣйствующая рѣшительно и безъ оглядки, и проявляются суровость и грубыя, некультурныя свойства первобытнаго человѣка. Случалось не разъ, что послѣ сильнаго расцвѣта художества нація, какъ дѣятель, мельчала, что уплотненіе ея понижалось, что, пока она благодушествовала, созданное цѣною громадныхъ пожертвованій государство расшатывалось. Не разъ такимъ образомъ ставился ребромъ вопросъ о томъ, что̀ лучше: идти ли впередъ въ культурѣ нѣжныхъ чувствъ, или вернуться къ не совсѣмъ еще пропавшимъ атавистическимъ свойствамъ, къ преданіямъ старины, хотя бы пришлось стереть до извѣстной степени пріобрѣтенную культурную политуру. „Раціональный самъ по себѣ принципъ искусства для искусства, если разсматривать какое-нибудь произведеніе, отдѣльно взятое,—пишетъ Эннекенъ (стр. 207),—становится нелѣпымъ и опаснымъ, когда подумаешь, что въ мірѣ не существуютъ одни только книги, картины, статуи и музыкальные инструменты въ совсѣмъ пустомъ пространствѣ. Если эти произведенія внушаютъ людямъ образы и чувства, если они вліяютъ на природу и свойства человѣческихъ душъ, то нельзя допустить, что художественное произведеніе было безразлично для государства или, что̀ еще важнѣе, для племени. Въ самомъ художествѣ нѣтъ мѣрила, которое рѣшало бы, какой дѣлать выборъ между произведеніями, одинаково сильно эмоціонирующими, одинаково превосходными по выразительности, но этимъ мѣриломъ обладаютъ и законодатель, и антропологъ. Они разберутъ, какія произведенія внушаютъ чувства, которыхъ убываніе желательно для блага племени или государства, и какія произведенія содѣйствуютъ тому, чтобы человѣкъ становился здоровѣе, веселѣе, нравственнѣе и благороднѣе“.

Если правъ Эннекенъ,—а съ нашей стороны мы считаемъ выводъ его безспорнымъ,—если существуетъ та *эстопсихологія*, которую П. Д. Боборыкинъ заимствовалъ у Эннекена, то-есть та неразрывная связь, которая соединяетъ художника съ публикою, то въ такомъ случаѣ совсѣмъ невозможно предлагаемое П. Д. Боборыкинымъ устраненіе *національнаго* элемента изъ литературной критики, на которое я уже указывалъ какъ на недостатокъ книги и которое превращаетъ романъ въ видъ литературы вполнѣ космополитическій. Самъ П. Д. Боборыкинъ призналъ, что надобно изучать романы у каждаго народа въ подлинникахъ, не полагаясь на переводы. Не знаю, дойдутъ ли европейскіе народы за какія-нибудь двѣ, три тысячи лѣтъ до того, чтобы говорить на одномъ общемъ языкѣ. Съ точки зрѣнія эстопсихологіи я утверждаю, что и теперь, и надолго, романъ существуетъ и будетъ существовать только національный и что всякое критическое изслѣдованіе его будетъ неполное, если будетъ упускать изъ виду тотъ національный, массовый субъективизмъ, который сообщаетъ ему наибольшій интересъ и самую яркую окраску. Этотъ національный субъективизмъ или индивидуализмъ такъ и напрашивается на то, чтобы ему была отведена въ книгѣ П. Д. Боборыкина особая глава,—а его не только обошли, но и совсѣмъ исключили. Британцы—гордые островитяне, отдѣленные отъ Европы и защищенные соляною стихіею—выработали себѣ своеобразнѣйшую національность и выразили ее рѣзкими чертами въ особенности въ своемъ романѣ, получившемъ европейскую извѣстность. И П. Д. Боборыкинъ допускаетъ субъективизмъ, какъ одинъ изъ факторовъ творчества, но только индивидуальный, а не эстопсихологическій. И онъ самъ, и все наше поколѣніе учились роману у Диккенса и у Теккерея не менѣе, чѣмъ у Жоржъ-Зандъ или у Флобера, но по теоріи П. Д. Боборыкина эта національная окраска—недостатокъ, потому-что англійскіе писатели—слишкомъ пуритане, слишкомъ моралисты, свобода творчества у нихъ стѣснена націонализмомъ, и потому при экзаменѣ имъ ставятся у П. Д. Боборыкина пониженные баллы. П. Д. Боборыкину, какъ русскому человѣку, легко дѣлать эту сбавку: притомъ онъ ничего не теряетъ, такъ какъ его нація и его государство совпадаютъ, а это государство, притомъ, весьма прочное; слѣдовательно, и космополитичествуя, русскому человѣку не придется за это государство опасаться,—оно во всякомъ случаѣ постоитъ за націю. Но есть и такіе народы, которые въ худшемъ положеніи, потому что еще до государства не доработались (такова была Италія до Кавура), или же хотя имѣли его,

но потеряли или растратили (какъ Польша XVIII в.). У такихъ народовъ—государственныхъ людей и вообще такъ называемыхъ героевъ никакихъ почти нѣтъ, а есть только поэты и художники, способные спасти національность и охранить ее отъ дальнѣйшаго упадка и даже возродить ее нравственно, при такомъ притомъ соотношеніи этихъ двухъ элементовъ, что непосредственнымъ источникомъ, родникомъ этого художества, хотя бы и первокласснаго, будетъ національный патріотизмъ, безъ котораго это творчество необъяснимо. То положеніе, что національзмъ въ произведеніи не только не мѣшаетъ ему сдѣлаться эстетически первокласснымъ, а иногда и составляетъ главную причину его эстетическаго превосходства, могу я поддержать и доказать современнымъ примѣромъ. Послѣ того, какъ въ восьмидесятыхъ годахъ русскій романъ обошелъ съ торжествомъ западную Европу, начался нѣсколько похожій кругосвѣтный походъ новѣйшаго польскаго романа, не только въ произведеніяхъ Генрика Сенкевича, но и Пруса (Гловацкаго), госпожи Оржешковой и др., въ переводахъ на англійскій, итальянскій, нѣмецкій и французскій языки. Успѣхъ русскаго романа можно отчасти приписывать и тому, что Россія—великое и вліятельное государство, но польскіе романы сочинялись только для сравнительно небольшой польской публики. Ихъ распространеніе на чужбинѣ можетъ быть объясняемо только ихъ высокимъ художественнымъ достоинствомъ.

Я прихожу такимъ образомъ къ выводу, что ко всевозможнымъ подвидамъ романовъ, которые обозначены въ книгѣ П. Д. Боборыкина, придется еще прибавить одинъ, а именно *національный* романъ, всего ближе подходящій къ эпосу. Я предложилъ бы еще П. Д. Боборыкину значительное измѣненіе въ несправедливой на мой взглядъ оцѣнкѣ одного изъ обозначенныхъ у него подвидовъ, а именно романа *историческаго*, о которомъ на стр. 221 произнесено не сужденіе, а абсолютнѣйшее осужденіе. „Никакой талантъ,—пишетъ П. Д. Боборыкинъ,—не можетъ уже теперь придать такъ называемому историческому роману художественное значеніе, равное съ произведеніями, въ которыхъ современная жизнь обработывается писателями равнаго таланта. Только продукты своего времени, въ которыхъ изображаются идеи, чувства, нравы и осложненія эпохи, когда жилъ авторъ, могутъ считаться художественно-историческими документами въ обширномъ и въ тѣсномъ смыслѣ". Я уже высказался, что ни въ какомъ смыслѣ поэтическій вымыселъ не годится какъ документъ, какъ лѣтопись. Исторической правды

никто не почерпалъ изъ драмы или изъ романа. Безъ исторической драмы никакой театръ не обойдется, между тѣмъ она относится свободно къ историческимъ фактамъ и передѣлываетъ ихъ по-своему; то же дѣлаетъ и историческій романъ. Съ легкой руки Тэна, на историческій романъ стали смотрѣть какъ на какое-то незаконнорожденное потомство литературы, какъ на смѣсь хорошаго товара съ поддѣльнымъ. Историческій романъ по натурѣ своей гораздо труднѣе романа современныхъ нравовъ; но вдругъ, послѣ долгаго перерыва, появляется отъ времени до времени какой-нибудь великій талантъ, подъ перомъ котораго историческій романъ воскресаетъ и даже порождаетъ потомство. Повидимому, П. Д. Боборыкинъ относится свысока къ историческому роману, потому что самъ онъ реалистъ, что главною задачею искусства считаетъ онъ живописаніе съ натуры, воспроизведеніе дѣйствительно наблюдаемаго, значитъ, только настоящаго, а не ускользнувшей отъ наблюденія старины. Но ни эстетическія потребности человѣка, ни задачи художества не исчерпываются живописаніемъ съ натуры. У художника есть глаза, чтобы наблюдать, но есть еще и память, а при извѣстныхъ условіяхъ въ немъ можетъ родиться и горячая любовь къ воспоминаемому былому. Мы, какъ масса, взятые въ совокупности, весьма не экономны по отношенію къ своему добру (съ глазъ долой, съ ума долой). Мы почти не колеблясь относимъ почти цѣликомъ все исчезнувшее прошлое въ пережитки, но въ этихъ насыпяхъ всякихъ шлаковъ есть много руды, есть крупные, а иногда и большіе куски драгоцѣнныхъ металловъ. Это прошлое не все сплошь мертвое; оно даетъ многочисленные ростки, доказывая тѣмъ, что въ немъ не совсѣмъ исчезли, а можетъ быть, что незначительно лишь убыли тѣ качества, которымъ, при измѣнившихся условіяхъ жизни, негдѣ проявляться и упражняться. Всякій народъ нуждается въ эпосѣ; онъ и получаетъ этотъ эпосъ въ историческомъ романѣ. Геройство, которымъ одушевленъ этотъ романъ—только воображаемое, только призракъ, но посредствомъ него сохраняются и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе глубокія національныя традиціи. Цензуры крупныхъ государствъ относились подозрительно и стѣсняли національные романы или драмы иноплеменныхъ разновидностей своего состава, но затѣмъ эти запреты, какъ безполезные, выходили изъ употребленія. Какъ на живой примѣръ значенія историческаго національнаго романа, могу указать на то, что Г. Сенкевичъ прославился въ своей націи и пріобрѣлъ популярность прежде всего трилогіею историческихъ романовъ изъ XVI вѣка,

непонятныхъ иностранцамъ („Огнемъ и Мечомъ", „Потопъ", „Володыевскій"); только потомъ онъ перешелъ къ роману нравовъ („Безъ догмата", „Поланецкіе") и наконецъ къ всемірно-историческому роману („Quo vadis?"), получившему наибольшую, всеобщую распространенность.

Моя задача приближается къ концу. Я старался показать, насколько серьезны тѣ вопросы, которые возбуждаетъ по своему предмету книга П. Д. Боборыкина. Само возбужденіе этихъ вопросовъ составляетъ большую ея заслугу. Мнѣ остается сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній насчетъ сужденій автора о русской критикѣ послѣ Бѣлинскаго, начиная съ пятидесятыхъ годовъ. Отзывы автора объ этой критикѣ весьма недружелюбны; онъ съ нею полемизируетъ: „довольно долго въ нашей критикѣ и публикѣ „красота", какъ самостоятельный моментъ человѣческой психіи, находилась какъ будто бы въ загонѣ. Самое слово „эстетикъ" получило порицательный, почти бранный оттѣнокъ... На западѣ за послѣднія 30—40 лѣтъ утилитаризмъ не господствовалъ такъ во взглядахъ, какъ у насъ" (стр. 38). „Для насъ, русскихъ, особенное значеніе пріобрѣтаетъ *морализмъ* въ литературной критикѣ, то-есть точка зрѣнія, которая выставляетъ на первый планъ нравственное значеніе литературнаго продукта, его связь съ тѣми или другими идеалами, а также состоятельность самихъ героевъ и героинь передъ извѣстными моральными требованіями. Этотъ критическій пріемъ весьма распространенъ и до сихъ поръ" (стр. 6). Повидимому, одна изъ задачъ книги П. Д. Боборыкина заключалась въ борьбѣ автора за освобожденіе художества отъ командованія надъ нимъ морально-волевого аппарата (стр. 7).

Факты, которые приводитъ П. Д. Боборыкинъ вѣрны, но они относятся собственно не къ критикѣ (крупныхъ литературныхъ критиковъ не было въ Россіи послѣ Бѣлинскаго), но главнымъ образомъ къ публикѣ и къ повременной печати, воспроизводящей только ходячія въ публикѣ сужденія, начиная съ эпохи раскрѣпощенія крестьянъ и либеральныхъ реформъ Александра II. Новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ. Съ момента реформъ потребовались въ передовыхъ людяхъ иныя качества, положительное знаніе, техника, большой запасъ усидчивости и силы воли. Не годились для работы лучшіе люди такъ-называемыхъ сороковыхъ годовъ, сами себя относившіе къ разряду „лишнихъ", гегеліанцы и эстеты, поклонники красоты и мечтающіе о такъ-называемыхъ „герояхъ своего времени", то-есть о людяхъ желательныхъ, какими бы слѣдовало имъ быть. Художество,

обратившееся въ вещь никому не нужную, было отставлено; признавалось и цѣнилось одно только утилитарное, при чемъ открываемо было безконечное поле мечтательству, но не эстетическому, а соціальному. Отъ образовавшихся и вошедшихъ въ эту эпоху лозунговъ, кличекъ и характеристикъ въ творчествѣ мы не можемъ еще и донынѣ освободиться. Во многихъ случаяхъ достаточно заявить, напримѣръ, что романъ буржуазный, чтобы его похоронить,—до того узость и умѣренность противны, будто бы, широкой русской натурѣ. Еще и теперь требуется, чтобы главныя, возбуждающія интересъ лица, или такъ-называемые герои, имѣли надлежащія квалификаціи, чтобы они занимались устройствомъ народныхъ читаленъ или даровыхъ столовыхъ во время голодовокъ.

Спрашивается, какое вліяніе на подобныя обращающіяся сужденія публики можетъ имѣть не печать, которая только эхо публики, но научная критика, вооруженная всѣми методами на нашихъ глазахъ развившейся опытной психологіи, та именно критика, которой мы еще ожидаемъ и которую надѣемся получить во II-мъ томѣ „Европейскаго романа въ XIX вѣкѣ“? На само творчество научная литературная критика не повліяетъ нисколько, потому что романы пишутся не по совѣту и рецепту, а критика дѣйствуетъ только „a posteriori“, а не „a priori“. Она можетъ пригодиться только для того, что̀ Эннекенъ назвалъ эстопсихологіей. Она можетъ только подчинить своей дисциплинѣ почитателей литературнаго генія, научивъ ихъ, съ какихъ точекъ зрѣнія должны они смотрѣть на всякое произведеніе, въ чемъ должны они поклоняться и подражать свѣточамъ литературы. Эта критика не можетъ не коснуться и общественнаго значенія произведенія, не можетъ не указать и на его тенденцію, но она будетъ опредѣлять эту тенденцію не партіонно, а безпристрастно, съ полнѣйшею терпимостью для мнѣній искреннихъ, хотя бы въ данный моментъ онѣ были непопулярны. Я сомнѣваюсь, чтобы такая научная критика могла произвести перемѣну, которой П. Д. Боборыкинъ ожидаетъ отъ нея, то-есть, чтобы она пріучила публику относиться къ художеству какъ къ умственной дѣятельности самостоятельной, ничего общаго съ другими отраслями его дѣятельности не имѣющей. Самымъ крупнымъ камнемъ преткновенія, при осуществленіи критикою такой задачи оказалась бы не неподатливость публики, а противодѣйствіе ей самихъ русскихъ романописателей, изъ которыхъ весьма лишь немногіе довольствовались бы только тѣмъ, чтобы быть просто художниками, а наиболѣе крупные претендовали бы быть и людьми дѣла, проро-

ками, проповѣдниками и реформаторами. Въ томъ изъ нихъ, который былъ наиболѣе европеецъ и наиболѣе художникъ (И. С. Тургеневъ), есть залежи глубокаго мистицизма, которыхъ не раскопаетъ эстетика. Ѳ. М. Достоевскій былъ человѣкъ ненормальный, пострадавшій безвинно и вслѣдствіе того поздоровѣвшій, потерявшій этическое чутье, но имѣвшій безпредѣльную жалость ко всякому страданію, тѣмъ большую, чѣмъ оно приниженнѣе и виноватѣе. Гоголь потерялъ свой громадный художественный талантъ потому, что не захотѣлъ изображать животрепещущую безобразную дѣйствительность, а порывался чертить недоступные ему этическіе идеалы. Въ Л. Н. Толстомъ нѣтъ теперь художника, а существуетъ моралистъ и мечтатель, отрицающій существующую дѣйствительность. Въ произведеніяхъ крупнѣйшихъ русскихъ романистовъ художественный умыселъ перемѣшанъ съ соціологическими грёзами, причемъ иногда послѣднія преобладаютъ надъ первыми, такъ что критика поставлена въ необходимость съ ними считаться. Такое смѣшеніе есть несомнѣнный признакъ сравнительной молодости племени и малой степени его культуры; но эти качества—общія всѣмъ славянамъ, они свойственны и русскимъ, и польскимъ поэтамъ. При дальнѣйшемъ усовершенствованіи въ культурѣ мы это свойство, повидимому, потеряемъ и пріучимся отдѣлять сильнѣе слово отъ дѣла, мечты поэта отъ его міросозерцанія и отъ надеждъ затаеннаго въ поэтѣ утописта. Еслибы мнѣ былъ поставленъ вопросъ, желаю ли я, чтобы скорѣе послѣдовалъ этотъ разводъ слова и дѣла, поэзіи и жизни, то я бы лично затруднился отвѣчать на него въ утвердительномъ смыслѣ.

В. Спасовичъ.

Эмсъ, 17 іюля, 1900.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ
и
В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

Во всѣхъ трудахъ, посвященныхъ изученію эпохи сороковыхъ годовъ или дѣятельности одного изъ наиболѣе крупныхъ ея представителей, Бѣлинскаго,—какъ, напримѣръ, А. Н. Пыпина, Анненкова, Н. Барсукова и др.,—недостаточно, по нашему мнѣнію, отводилось мѣста характеристикѣ взаимныхъ отношеній между Тургеневымъ и такимъ критикомъ, какъ Бѣлинскій. Но для нихъ подробное изслѣдованіе этого именно вопроса не дало бы ничего существенно важнаго, что̀ могло бы выяснить характеръ дѣятельности Бѣлинскаго и его времени. Ограничиваясь указаніемъ на фактъ дружескихъ связей между критикомъ и будущимъ романистомъ, опредѣляя степень благотворнаго вліянія этихъ связей на Тургенева, не выдѣляя, впрочемъ, послѣдняго изъ общей группы талантливыхъ писателей, составлявшихъ кружокъ Бѣлинскаго,—всѣ труды по культурной исторіи сороковыхъ годовъ сдѣлали все, что̀ требовала ихъ задача. Но для біографіи каждаго отдѣльнаго члена этого кружка необходимо знать и тѣ особенности, какія замѣчались въ отношеніяхъ изучаемаго лица къ критику, и тѣ черты, какія давали характеризуемой личности самостоятельное значеніе.

Къ сожалѣнію, для выясненія этого вопроса относительно автора „Отцовъ и Дѣтей“ мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, идущихъ непосредственно изъ того времени. Извѣстныя до сихъ поръ письма Тургенева начинаются собственно съ конца 1847 года

и даютъ очень немного для нашей цѣли; къ тому же, среди нихъ нѣтъ и строчки, адресованной къ Бѣлинскому. Письма критика къ друзьямъ и къ Ивану Сергѣевичу въ частности, точно такъ же, какъ и отдѣльные факты, приводимые въ воспоминаніяхъ людей близкихъ къ Тургеневу, несмотря на всю свою цѣнность, даютъ отрывочный и случайный матеріалъ. Подробныя воспоминанія Головачевой-Панаевой возмѣстили бы много пробѣловъ, еслибы имъ можно было вѣрить. Но авторъ ихъ выдаетъ намъ за истину даже не сплетни и кривотолки, ходившіе тогда о Тургеневѣ,—а собственныя беззастѣнчиво придуманныя импровизаціи по адресу человѣка, котораго онъ крѣпко не любилъ. Для рѣшенія нашего вопроса остаются, такимъ образомъ, почти одни воспоминанія самого Ивана Сергѣевича о Бѣлинскомъ и, разумѣется, сочиненія того и другого. Правда, воспоминанія Тургенева о великомъ критикѣ имѣютъ цѣлью только охарактеризовать послѣдняго, какъ человѣка и какъ литературнаго дѣятеля, и, несмотря на чувство искренней и глубокой симпатіи къ Бѣлинскому, лишь бѣгло касаются личныхъ отношеній между авторомъ и предметомъ воспоминаній. Но все это не лишаетъ ихъ выдающагося значенія для нашего вопроса. Необходимо только замѣтить, что они нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ и дополненіяхъ на основаніи болѣе раннихъ признаній самого же Тургенева, изложенныхъ прежде всего въ письмѣ къ Н. А. Основскому (3-го января 1860 года).

Осенью 1842 года И. С. Тургеневъ, поселившись въ Петербургѣ, поступилъ на службу чиновникомъ въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, Л. А. Перовскаго. Въ этомъ рѣшеніи, принятомъ имъ послѣ неудачной попытки занять каѳедру философіи въ московскомъ университетѣ, справедливо видятъ лишь результатъ настойчивыхъ требованій со стороны его матери. Личныя же симпатіи Ивана Сергѣевича не лежали къ служебной дѣятельности. Безъ сомнѣнія, мы должны признать преувеличенными свидѣтельства о его будто бы крайне небрежномъ отношеніи къ обязанностямъ службы, которыя при томъ едва ли и требовали отъ него много болѣе простыхъ формальностей. Отвращенія эта служба возбуждать въ немъ не могла, такъ какъ ближайшимъ его начальникомъ былъ В. И. Даль, человѣкъ причастный къ литературѣ и, при большой энергіи, не отличавшійся педантизмомъ, а въ числѣ сослуживцевъ—такая личность, какъ А. В. Головнинъ, будущій видный дѣятель царствованія Александра II, тогда еще двадцатилѣтній юноша, къ которому Иванъ Сергѣевичъ до конца жизни питалъ дружелюбное чувство. Тѣмъ

не менѣе, попавъ въ Петербургъ, Тургеневъ болѣе всего заинтересовался не канцеляріей министра, а литературнымъ движеніемъ, пробуждавшимся тогда въ сѣверной столицѣ, и прежде всего лицомъ, стоявшимъ во главѣ его—Бѣлинскимъ. „Я много слышалъ о немъ и очень желалъ познакомиться съ нимъ, хотя нѣкоторыя его статьи, написанныя имъ въ предъидущемъ (1841 [1]) году, возбуждали во мнѣ недоумѣніе",—писалъ Иванъ Сергѣевичъ. Съ рецензіями его Тургеневъ впервые познакомился еще на студенческой скамьѣ. „Стихотворенія Бенедиктова,—писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ,—появились въ 1836 году маленькой книжечкой съ неизбѣжной виньеткой на заглавномъ листѣ—какъ теперь ее вижу—и привели въ восхищеніе все общество, всѣхъ литераторовъ, критиковъ—всю молодежь. И я, не хуже другихъ, упивался этими стихотвореніями, зналъ многія наизусть, восторгался „Утесомъ", „Горами", и даже „Матильдой" на жеребцѣ, гордившейся „усѣстомъ красивымъ и плотнымъ". Вотъ въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кондитерской Беранжѐ появился нумеръ „Телескопа" съ статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ „критиканъ" осмѣливался заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Беранжѐ, прочелъ всю статью отъ доски до доски—и, разумѣется, также воспылалъ негодованіемъ. Но—странное дѣло!—и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что̀-то во мнѣ невольно соглашалось съ „критиканомъ", находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ бо̀льшей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что̀-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ былъ правъ...* Прошло нѣсколько времени—и я уже не читалъ Бенедиктова". Короче узналъ духовный образъ критика Иванъ Сергѣевичъ изъ разсказовъ Станкевича за границею (1838—39 гг.). „Станкевичъ—вспоминалъ впослѣдствіи Тургеневъ — не любилъ тогда Жоржъ-Зандъ, а о Бѣлинскомъ отзывался хоть дружественно, но нѣсколько насмѣшливо... „Ну!—воскликнулъ онъ разъ, услыхавъ о какой-то либеральной, но глупой выходкѣ: — теперь Виссаріона хоть овсомъ не корми!" Я тогда о Бѣлинскомъ ничего не зналъ,

---

[1]) 1841 годъ ошибочно поставленъ Тургеневымъ вмѣсто 1839—40 гг.

и помню эти слова Станкевича только по милости страннаго имени: „Виссаріонъ", поразившаго меня".

О Тургеневѣ Бѣлинскій тоже слышалъ ранѣе ихъ первой встрѣчи, вѣроятно отъ В. П. Боткина, съ которымъ Иванъ Сергѣевичъ познакомился въ Москвѣ зимою 1841—42 гг. Слышалъ онъ едва ли что-нибудь нелестное, такъ какъ въ одномъ изъ лѣтнихъ писемъ своихъ 1842 г. къ Боткину спрашиваетъ, не Тургеневъ ли написалъ очень понравившееся ему, Бѣлинскому, стихотвореніе „Петръ Великій" въ 7-ой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" за тотъ же годъ? О первой своей встрѣчѣ съ критикомъ Иванъ Сергѣевичъ такъ впослѣдствіи разсказывалъ: „Я познакомился съ Бѣлинскимъ въ концѣ 1842 года, въ С.-Петербургѣ. Онъ жилъ тогда въ домѣ Лопатина у Аничкова моста. Меня привелъ къ нему нашъ общій знакомый З. Я увидѣлъ человѣка небольшого роста, сутуловатаго, съ неправильнымъ, но замѣчательнымъ и оригинальнымъ лицомъ, съ нависшими на лобъ бѣлокурыми волосами и съ тѣмъ суровымъ и безпокойнымъ выраженіемъ, которое такъ часто встрѣчается у застѣнчивыхъ и одинокихъ людей; онъ заговорилъ и закашлялъ въ одно и то же время, попросилъ насъ сѣсть и самъ торопливо сѣлъ на диванъ, бѣгая глазами по полу и перебирая табакерку въ маленькихъ и красивыхъ ручкахъ. Одѣтъ онъ былъ въ старый, но опрятный байковый сюртукъ, и въ комнатѣ его замѣчались слѣды любви къ чистотѣ и порядку. Бесѣда началась. Сначала Бѣлинскій говорилъ довольно много и скоро, но безъ одушевленія, безъ улыбки, какъ-то криво приподнимая верхнюю губу, покрытую подстриженнымъ усомъ; онъ выражался общими, принятыми въ то время въ литературномъ кругу, мѣстами, отозвался съ пренебреженіемъ о двухъ-трехъ извѣстныхъ лицахъ и изданіяхъ, о которыхъ и упоминать бы не стоило; но онъ понемногу оживился, поднялъ глаза, и все лицо его преобразилось. Прежнее суровое, почти болѣзненное выраженіе замѣнилось другимъ—открытымъ, оживленнымъ и свѣтлымъ; привлекательная улыбка заиграла на его губахъ и засвѣтилась золотыми искорками въ его голубыхъ глазахъ, красоту которыхъ я только тогда и замѣтилъ. Бѣлинскій самъ навелъ рѣчь на это настроеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ написалъ свои прошлогоднія [1]) статьи, особенно одну изъ нихъ и, съ безжалостной, съ преувеличенной рѣзкостью осудивъ ихъ, какъ дѣло прошлое

---

[1]) Тургеневъ имѣлъ въ виду статьи о Бородинской годовщинѣ и о Менцелѣ, написанныя ранѣе 1841 года.

и темное, беззастѣнчиво высказалъ переломъ, совершившійся въ его убѣжденіяхъ". Послѣ этого посѣщенія Тургеневъ видѣлся съ Бѣлинскимъ нѣсколько разъ въ продолженіе зимы и чрезвычайно понравился Виссаріону Григорьевичу. Въ письмѣ къ В. П. Боткину отъ 31-го марта 1843 года Бѣлинскій пишетъ: „Тургеневъ—очень хорошій человѣкъ, и я легко сближаюсь съ нимъ. Въ немъ есть злость, и желчь, и юморъ; онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводитъ ее, что я пьянѣю отъ удовольствія... Тургеневъ немного нѣмецъ, въ томъ смыслѣ, какъ и Бакунинъ". „Воспроизведеніе Москвы" должно было относиться къ московскимъ литературнымъ кружкамъ М. Ф. Орлова и А. П. Елагиной, которые Иванъ Сергѣевичъ посѣщалъ зимою 1841—42 гг. „Нѣмцемъ", вѣроятно, его назвалъ Бѣлинскій въ виду того, что Тургеневъ только въ началѣ 1841 года возвратился изъ Берлина, гдѣ слушалъ лекціи о философіи Гегеля, да къ тому же послѣдній свой семестръ тамъ былъ неразлученъ съ Бакунинымъ. Бѣлинскаго много подкупало совпаденіе его взглядовъ со взглядами Тургенева, особенно по вопросамъ, въ которыхъ мнѣніе критика только-что приняло, такъ сказать, окончательную форму. Онъ съ удовольствіемъ указываетъ, напримѣръ, на одинаковое съ нимъ мнѣніе Тургенева о Ретшерѣ (1803—71), нѣмецкомъ теоретикѣ драматическаго искусства и эстетики, обратившемъ въ то время на себя вниманіе и возбудившемъ въ концѣ концовъ рѣзкіе отзывы Бѣлинскаго. Но еще большее восхищеніе высказываетъ Бѣлинскій по поводу разногласій между нимъ и Иваномъ Сергѣевичемъ. „Я нѣсколько сблизился съ Тургеневымъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же мартовскаго письма.—Это человѣкъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣды и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ,—и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Тургенева много юмору. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что разъ, въ спорѣ противъ меня за нѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: „да что вашъ русскій человѣкъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носитъ на бекрень!" Вообще, Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужденіяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера и неопредѣленности натуры и дурного развитія, довольно падокъ"... Виссаріонъ Григорьевичъ внимательно прислушивался къ замѣчаніямъ Тур-

генева о характерахъ нѣкоторыхъ близкихъ къ критику людей, къ замѣчаніямъ, которыя не приходили въ голову ему самому [1]). Бѣлинскій, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ часто преувеличивалъ достоинства новыхъ своихъ друзей,—для примѣра достаточно указать на Некрасова и Достоевскаго. Тургеневъ въ этомъ случаѣ составлялъ вмѣстѣ съ очень немногими исключеніе. Чѣмъ болѣе сближался великій критикъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, тѣмъ болѣе онъ цѣнилъ послѣдняго. Еще въ началѣ своего знакомства онъ писалъ Тургеневу въ одну изъ непродолжительныхъ разлукъ съ нимъ: „Ваша бесѣда всегда отводила мнѣ душу, и, лишаясь ея на нѣкоторое время, я тѣмъ живѣе чувствую ея цѣну“ [2]). Сильнѣе высказывался Бѣлинскій будущему романисту послѣ отъѣзда послѣдняго за границу въ 1847 году: „Когда вы собирались въ путь, я зналъ напередъ, чего лишаюсь въ васъ— но когда вы уѣхали, я увидѣлъ, что потерялъ въ васъ больше, нежели думалъ... Послѣ васъ я отдался скукѣ съ какимъ-то апатическимъ самоотверженіемъ и скучалъ, какъ никогда въ жизни не скучалъ“.

„Я полюбилъ его искренно и глубоко“,—говоритъ Тургеневъ, въ свою очередь, про Бѣлинскаго, и доказательствами истинности этого признанія наполнена, можно сказать, вся жизнь Ивана Сергѣевича до самой его смерти: онъ креститъ у Бѣлинскаго его сына; послѣ смерти критика, покупаетъ его библіотеку и перевозитъ къ себѣ въ Спасское; портретъ Виссаріона Григорьевича составлялъ постоянно лучшее украшеніе деревенскаго кабинета Тургенева. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Бѣлинскаго, когда основанъ былъ литературный фондъ, однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было назначеніе значительной пенсіи семейству Бѣлинскаго, — и здѣсь старанія и хлопоты Тургенева шли впереди всѣхъ другихъ. Передъ смертью своей Иванъ Сергѣевичъ неоднократно выражалъ желаніе, что если ему нельзя будетъ лечь рядомъ съ Пушкинымъ, то онъ желалъ бы быть похороненнымъ рядомъ съ Бѣлинскимъ, и если нельзя рядомъ,— то хотя бы на одномъ кладбищѣ. Какъ критика, онъ ставилъ его въ примѣръ всѣмъ позднѣйшимъ продолжателямъ Бѣлинскаго. Какъ нравственную личность Иванъ Сергѣевичъ цѣнилъ его еще выше: „Подобнаго ему человѣка я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ“,—писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Съ 1843 года въ теченіе четырехъ зимъ Тургеневъ часто

---

[1]) „Бѣлинскій“, А. Н. Пыпина, II, 190.

[2]) „Русск. Обозрѣн.“ 1894 г., кн. 5, стр. 404.

видѣлся съ Бѣлинскимъ, особенно въ послѣдніе мѣсяцы 1846 года. На лѣто они обыкновенно разставались и поддерживали общеніе только перепиской, отъ которой, къ сожалѣнію, почти ничего не дошло до насъ. Впрочемъ, одно лѣто, именно 1844 года, друзья провели вмѣстѣ на дачѣ въ Лѣсномъ. Тутъ-то, по признанію Ивана Сергѣевича, они и „сошлись окончательно". „Наше сближеніе,—говоритъ дальше Тургеневъ,—имѣло результатомъ продолжительныя, шестичасовыя бесѣды, въ теченіе которыхъ мы съ Бѣлинскимъ касались всѣхъ возможныхъ предметовъ, преимущественно, однако, философскихъ и литературныхъ. Онъ занималъ одну изъ тѣхъ сбитыхъ изъ барочныхъ досокъ и оклеенныхъ грубыми пестрыми обоями клѣтокъ, — которыя въ Петербургѣ называются дачами; состоялъ при этой дачѣ какой-то непріятный, всѣмъ доступный садишко, гдѣ растенія не могли — да, кажется, и не хотѣли дать тѣни; сообщенія съ Петербургомъ были затруднительны; — въ ближней лавочкѣ не находилось ничего, кромѣ дурного чаю и такого же сахару;—словомъ, удобствъ никакихъ!.. Но лѣто стояло чудесное — и мы съ Бѣлинскимъ много гуляли по сосновымъ рощицамъ, окружающимъ Лѣсной институтъ; запахъ ихъ былъ полезенъ его уже тогда разстроенной груди. Мы садились на сухой и мягкій, усѣянный тонкими иглами мохъ—и тутъ-то происходили между нами тѣ долгіе разговоры, о которыхъ я упомянулъ выше". О зимнихъ своихъ встрѣчахъ съ Бѣлинскимъ Тургеневъ такъ впослѣдствіи вспоминалъ: „Я часто ходилъ къ нему послѣ обѣда, отводить душу. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ на Фонтанкѣ, недалеко отъ Аничкова моста—невеселыя, довольно сырыя комнаты... Придетъ другой, третій пріятель, затѣется разговоръ—и легче станетъ; предметы разговоровъ были большей частью нецензурнаго (въ тогдашнемъ смыслѣ) свойства, но собственно политическихъ преній не происходило: безполезность ихъ слишкомъ явно била въ глаза всякому. Общій колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философско-литературный, критическо-эстетическій и, пожалуй, соціальный, рѣдко историческій. Иногда выходило очень интересно и даже сильно; иногда нѣсколько поверхностно и легковѣсно". Первое, впрочемъ, время своего знакомства будущіе друзья посвящали бесѣдамъ преимущественно философскимъ. Иванъ Сергѣевичъ, недавно возвратившійся изъ Берлина, былъ въ состояніи передать критику самые свѣжіе, послѣдніе выводы школы Гегеля.—„Бѣлинскій разспрашивалъ меня, слушалъ, возражалъ, развивалъ свои мысли — и все это онъ дѣлалъ съ какой-то алчной жадностью, съ какимъ-то стремительнымъ до-

могательствомъ истины“, — разсказываетъ Тургеневъ. Конечно, это не было возвращеніемъ къ тому гегеліанству, которое доказывало два года передъ тѣмъ у Бѣлинскаго и Бакунина разумность всего существующаго. Насколько такія бесѣды были полезны для Ивана Сергѣевича, насколько онѣ укрѣпляли въ немъ неуклонное стремленіе къ истинѣ, нравственную чистоту убѣжденій, можно видѣть изъ каждой строчки его воспоминаній о великомъ критикѣ. „Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ,— читаемъ, напримѣръ, въ нихъ,—его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п... Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписанія врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было не легко“.

Встрѣчи Тургенева съ Бѣлинскимъ учащались, когда послѣ аккуратнаго выхода книжки журнала, въ которомъ сотрудничалъ критикъ, Виссаріонъ Григорьевичъ получалъ нѣсколько дней отдыха отъ срочной работы. Тогда-то обыкновенно и устроивались карточные вечера въ копѣечный преферансъ, въ которомъ Тургеневъ принималъ непремѣнное участіе вмѣстѣ съ Кавелинымъ и Кульчицкимъ (ум. въ 1846 году). „Заигрывались мы вчастую до бѣла дня,—вспоминалъ впослѣдствіи Кавелинъ:—Тургеневъ игралъ спокойно и съ перемѣннымъ счастіемъ; я вѣчно проигрывалъ; Кульчицкому счастіе всегда валило удивительное и онъ игралъ отлично. Бѣлинскій игралъ плохо, горячился, ремизился страшно, и рѣдко оканчивалъ вечеръ безъ проигрыша. На этихъ-то картежныхъ вечерахъ, увѣковѣченныхъ для кружка брошюркой Кульчицкаго: „Нѣкоторыя великія и полезныя истины объ игрѣ въ преферансъ“, изданной

подъ псевдонимомъ кандидата Ремизова, происходили тѣ сцены высокаго комизма, которыя приводили часто въ негодованіе Тургенева, забавляли друзей, а меня приводили въ глубокое умиленіе и еще больше привязывали къ Бѣлинскому...“ Сцены, на которыя такъ сердился Иванъ Сергѣевичъ, происходили, конечно всегда по винѣ „неистоваго Виссаріона“ и много разъ описаны были въ воспоминаніяхъ о великомъ критикѣ. Тургеневъ гораздо чаще навѣщалъ Бѣлинскаго, чѣмъ принималъ послѣдняго у себя. Причиною тому было денежное стѣсненіе, испытываемое въ тѣ годы Иваномъ Сергѣевичемъ по капризамъ своей матери. Но при всякой возможности Тургеневъ устроивалъ для своего друга вечеринку и у себя, куда собирался тотъ же тѣсный кружокъ близкихъ къ Бѣлинскому людей и гдѣ происходили тѣ же горячія бесѣды, а иногда и тотъ же преферансъ. На одномъ изъ вечеровъ у Тургенева и произошло первое крупное недоразумѣніе между Бѣлинскимъ и Некрасовымъ (по поводу повѣсти Григоровича „Деревня“), о которомъ разсказываетъ авторъ повѣсти въ своихъ воспоминаніяхъ. Друзья вмѣстѣ посѣщали театръ и одинаково увлекались появлявшейся въ 1843 и 1845 годахъ итальянской оперой. Тургеневъ приходилъ въ восторгъ отъ П. Віардо, Бѣлинскій глубоко волновался отъ игры Рубини.

Послѣднія встрѣчи друзей происходили лѣтомъ 1847 года за границей. Десятаго мая Тургеневъ встрѣтилъ больного Бѣлинскаго въ Берлинѣ, откуда они совершили вдвоемъ поѣздку въ Дрезденъ и Саксонскую Швейцарію, а въ концѣ мѣсяца поселились въ Зальцбруннѣ. Въ этомъ городкѣ Иванъ Сергѣевичъ пробылъ вмѣстѣ съ критикомъ и пріѣхавшимъ вскорѣ къ послѣднему П. В. Анненковымъ около трехъ недѣль, и здѣсь между друзьями снова начались продолжительныя бесѣды, такъ описываемыя впослѣдствіи Анненковымъ: „Всѣ свои довольно частые споры съ Тургеневымъ (Бѣлинскій) обыкновенно начиналъ словами: „Мальчикъ,—берегитесь—я васъ въ уголъ поставлю“. Было что-то добродушное въ этихъ прибауткахъ, походившихъ на дѣтскую ласку. „Мальчикъ-Тургеневъ“, однако же, высказывалъ ему подъ-часъ очень жесткія истины, особенно по отношенію къ неумѣнію Бѣлинскаго обращаться съ жизнью и къ его непониманію первыхъ реальныхъ ея основъ. Бѣлинскій становился тогда серьезенъ и начиналъ разбирать психическія и бытовыя условія, мѣшающія иногда полному развитію людей, хотя бы они и имѣли всѣ необходимыя качества для развитія; однако же многія слова Тургенева, какъ я замѣтилъ послѣ, западали ему въ душу, и

онъ обсуждалъ ихъ еще и про себя нѣкоторое время". Какъ извѣстно, въ Зальцбруннѣ Бѣлинскій написалъ свое знаменитое письмо къ Гоголю, Тургеневъ написалъ здѣсь „Бурмистра"— едва ли не самую сильную свою въ то время вылазку противъ крѣпостного права. Въ іюлѣ и августѣ друзья сходились нѣсколько разъ въ Парижѣ, но это были уже короткія встрѣчи: Ивана Сергѣевича часто и сильно тянуло въ деревню къ П. Віардо.

Обратимся теперь къ оцѣнкѣ вліянія Бѣлинскаго на Тургенева. При рѣшеніи этого вопроса нужно очень остерегаться крайностей, на которыя такъ легко натолкнуться именно по отношенію къ этимъ двумъ замѣчательнымъ личностямъ, имѣвшимъ множество точекъ соприкосновенія между собою. Не надо, во-первыхъ, упускать изъ виду, что хотя Ивану Сергѣевичу при началѣ знакомства его съ критикомъ было всего 24 года, а этотъ послѣдній былъ на восемь лѣтъ старше своего друга, но на сторонѣ Тургенева было преимущество систематическихъ знаній и прекраснаго образованія, а по талантливости натуры Иванъ Сергѣевичъ, конечно, ни въ чемъ не уступалъ критику. Но, съ другой стороны, мы должны помнить и слѣдующія слова Тургенева: „Если въ дѣлѣ науки, знанія ему (Бѣлинскому) приходилось заимствовать отъ товарищей, принимать ихъ слова на вѣру— въ дѣлѣ критики ему не у кого было спрашиваться; напротивъ, другіе слушались его; починъ оставался постоянно за нимъ. Эстетическое чутье было въ немъ почти непогрѣшительно; взглядъ его проникалъ глубоко и никогда не становился туманнымъ".

„Въ то время (1843 г.)—говоритъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ первыхъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, — я напечаталъ небольшой разсказъ въ стихахъ („Параша"), который, въ силу нѣкоторыхъ, едва замѣтныхъ крупицъ чего-то похожаго на дарованіе, заслужилъ одобреніе Бѣлинскаго... Онъ даже напечаталъ статью объ этомъ разсказѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ" —статью, которую я не могу вспомнить не краснѣя; зато въ весьма непродолжительномъ времени надежды Бѣлинскаго на мою литературную будущность значительно охладѣли, и онъ сталъ считать меня способнымъ на одну лишь критическую и этнографическую дѣятельность". Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о великомъ критикѣ Тургеневъ говоритъ почти то же самое: „Послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моей литературной дѣятельности, (Бѣлинскій) весьма скоро—и совершенно справедливо, охладѣлъ къ ней: не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи

тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія—и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбъ И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-омъ нумерѣ „Современника", я оставилъ ему очеркъ, озаглавленный: „Хорь и Калинычъ"... Успѣхъ этого очерка побудилъ меня написать другіе; и я возвратился къ литературѣ. Но читатель увидитъ изъ тѣхъ же писемъ Бѣлинскаго, что онъ, хотя остался болѣе доволенъ моими прозаическими работами, однако, особенныхъ надеждъ на меня не возлагалъ. Бѣлинскій съ добродушнымъ снисхожденіемъ, съ сочувственнымъ жаромъ поощрялъ начинавшихъ писателей, въ которыхъ признавалъ талантъ, поддерживалъ ихъ первые шаги; но онъ строго относился къ ихъ дальнѣйшимъ попыткамъ, безжалостно указывалъ на ихъ недостатки, порицалъ и хвалилъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ".

Но обратимся къ самымъ критическимъ отзывамъ Бѣлинскаго, при чемъ будемъ касаться сначала мнѣній критика о стихотвореніяхъ, а потомъ уже о прозѣ Тургенева.

Въ заключеніе своего подробнаго и очень сочувственнаго разбора „Параши" критикъ даетъ такую оцѣнку дарованію начинающаго автора: „Стихъ обнаруживаетъ необыкновенный поэтическій талантъ; а вѣрная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которою скрывается столько чувства,—все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара творчества, сына нашего времени, носящаго въ груди своей всѣ скорби и вопросы его... Въ стихахъ г. Т. Л. (Тургенева) столько жизни и поэзіи, въ созерцаніи его столько истины и вѣрности, что тутъ всякая мысль о подражательности нелѣпа. Вся поэма проникнута такимъ строгимъ единствомъ мысли, тона, колорита, такъ выдержана, что обличаетъ въ авторѣ не только творческій талантъ, но и зрѣлость и силу таланта, умѣющаго владѣть своимъ предметомъ. Вообще, нельзя не замѣтить, по случаю этой поэмы, какіе великіе успѣхи въ послѣднее время сдѣлали наша поэзія и наше общество". Разбирая слѣдующее по времени большое стихотвореніе Ивана Сергѣевича—„Разговоръ" (Спб., 1845 г.), Бѣлинскій, хотя высказывается и вполнѣ сочувственно объ авторѣ его, отъ котораго „многаго можно ожидать въ будущемъ", но уже является намъ болѣе сдержаннымъ въ своихъ похвалахъ: „Теперь передъ нами вторая поэма г. Тургенева",—читаемъ, между прочимъ,

въ этомъ отзывѣ: — „Сравнивая „Разговоръ“ съ „Парашею“, нельзя не видѣть, что въ первомъ поэтъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Въ „Парашѣ“ мысль похожа болѣе на намекъ, нежели на мысль, потому что поэтъ не могъ вполнѣ совладать съ нею; въ „Разговорѣ“ основная мысль съ выпуклою и яркою опредѣленностью представляется уму читателя. И между тѣмъ, эта мысль не высказана никакою сентенціею: она вся въ изложеніи содержанія, вся въ звучномъ, крѣпкомъ, сжатомъ и поэтическомъ стихѣ“. Въ обзорѣ русской литературы за 1845 годъ Бѣлинскій посвящаетъ всего нѣсколько строкъ Тургеневу, но строки эти очень характерны: критикъ опять даетъ какъ бы нѣкоторыя поправки къ своимъ прежнимъ отзывамъ и опять послѣднюю поэму „Андрей“ ставитъ выше предшествовавшаго стихотворенія. «„Разговоръ“ г. Тургенева написанъ удивительными стихами, какіе теперь являются рѣдко, исполненъ мысли; но вообще въ немъ слишкомъ замѣтно вліяніе Лермонтова, и, прочитавъ новую поэму г. Тургенева (поэму „Андрей“), помѣщенную въ этой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“, нельзя не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ родѣ талантъ г. Тургенева гораздо свободнѣе, естественнѣе, оригинальнѣе, больше, такъ сказать, у себя дома, нежели въ „Разговорѣ“». Разбирая „Петербургскій Сборникъ“, изданный Некрасовымъ въ 1846 году, Бѣлинскій такъ высказывается о стихотвореніи Ивана Сергѣевича „Помѣщикъ“, напечатанномъ въ немъ: „Помѣщикъ“ г. Тургенева—легкая, живая, блестящая импровизація, исполненная ума, ироніи, остроумія и граціи. Кажется, здѣсь талантъ г. Тургенева нашелъ свой истинный родъ, и въ этомъ родѣ онъ неподражаемъ. Стихъ легокъ, поэтиченъ, блещетъ эпиграммою“. Поэмой „Помѣщикъ“ закончилась въ сущности стихотворная дѣятельность Ивана Сергѣевича, и въ обзорѣ русской литературы за 1847 годъ Бѣлинскій подводитъ ей такой итогъ: „Тургеневъ началъ свое литературное поприще лирической поэзіею. Между его мелкими стихотвореніями есть піесы три, четыре очень недурныхъ, какъ напримѣръ: „Старый помѣщикъ“, „Баллада“, „Ѳедя“, „Человѣкъ, какихъ много“; но эти піесы удались ему потому, что въ нихъ или вовсе нѣтъ лиризму, или что въ нихъ главное не лиризмъ, а намеки на русскую жизнь. Собственно же лирическія стихотворенія г. Тургенева показываютъ рѣшительное отсутствіе самостоятельнаго лирическаго таланта. Онъ написалъ нѣсколько поэмъ. Первая изъ нихъ—„Параша“—была замѣчена публикою при ея появленіи, по бойкому стиху, веселой ироніи, вѣрнымъ картинамъ русской природы, а главное—по удачнымъ физіоло-

гическимъ очеркамъ помѣщичьяго быта въ подробностяхъ. Но прочному успѣху поэмы помѣшало то, что авторъ, пиша ее, вовсе не думалъ о физіологическомъ очеркѣ, а хлопоталъ о поэмѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ у него нѣтъ самостоятельнаго таланта къ этому роду поэзіи. Оттого все лучшее въ ней проблеснуло какъ-то случайно, невзначай. Потомъ онъ написалъ поэму—„Разговоръ"; стихи въ ней звучные и сильные, много чувства, ума, мысли; но какъ эта мысль чужая, заимствованная, то па первый разъ поэма могла даже понравиться, но прочесть ее вторично уже не захочется. Въ третьей поэмѣ г. Тургенева —„Андрей"—много хорошаго, потому что много вѣрныхъ очерковъ русскаго быта; но въ цѣломъ поэма опять не удалась, потому что это повѣсть любви, изображать которую не въ талантѣ автора (?). Письмо героини къ герою поэмы длинно и растянуто, въ немъ больше чувствительности, нежели паѳоса. Вообще въ этихъ опытахъ г. Тургенева былъ замѣтенъ талантъ, но какой-то нерѣшительный и неопредѣленный. Наконецъ, г. Тургеневъ написалъ стихотворный разсказъ—„Помѣщикъ", не поэму, а физіологическій очеркъ помѣщичьяго быта, шутку, если хотите, но эта шутка какъ-то вышла далеко лучше всѣхъ поэмъ автора. Бойкій эпиграмматическій стихъ, веселая иронія, вѣрность картинъ, вмѣстѣ съ этимъ выдержанность цѣлаго произведенія, отъ начала до конца,—все показывало, что г. Тургеневъ напалъ на истинный родъ своего таланта, взялся за свое, и что нѣтъ никакихъ причинъ оставлять ему вовсе стихи".

Обращаясь къ оцѣнкѣ Бѣлинскаго прозаическихъ работъ Тургенева, прежде всего мы должны отмѣтить, что по своему, такъ сказать, объему эти критическіе отзывы еще короче, чѣмъ отчеты о стихотвореніяхъ Ивана Сергѣевича, хотя при жизни критика Тургеневъ написалъ прозою—кромѣ половины своихъ разсказовъ изъ „Записокъ Охотника"—еще „Андрей Колосовъ" (1844), „Три портрета" (1846 г.), „Бреттеръ" и „Жидъ" (1847 г.).

Въ обзорѣ русской литературы за 1844 годъ критикъ пишетъ:

„Андрей Колосовъ" г. Т. Л.—разсказъ, чрезвычайно замѣчательный по прекрасной мысли: авторъ обнаружилъ въ немъ много ума и таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показалъ, что онъ не хотѣлъ сдѣлать и половины того, что̀ бы могъ сдѣлать: оттого и вышелъ хорошенькій разсказъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало выйти прекрасной повѣсти". Про „Три потрета" Бѣлинскій напечаталъ только слѣдующія строчки: „Три портрета", разсказъ г. Тургенева, при ловкомъ и живомъ изложеніи, имѣетъ всю

заманчивость не повѣсти, а скорѣе воспоминаній о добромъ старомъ времени. Къ нему шелъ бы эпиграфъ: „Дѣла давно минувшихъ дней!“ О „Бреттерѣ“ еще болѣе сдержанный полу-отзывъ, полу-намекъ встрѣчаемъ лишь въ одномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Тургеневу. О „Жидѣ“ только вскользь упоминается въ обзорѣ литературы за 1847 годъ. Въ этой послѣдней критической статьѣ мы находимъ, однако, какъ подробный сравнительно отзывъ о первыхъ разсказахъ „Записокъ Охотника“, такъ и общій обзоръ прозаической дѣятельности Тургенева за годы 1844—1847. Критикъ начинаетъ съ „Андрея Колосова“, въ которомъ, по его мнѣнію,—„много прекрасныхъ очерковъ характеровъ и русской жизни, но какъ повѣсть, въ цѣломъ это произведеніе до того странно, не досказано, неуклюже, что очень не многіе замѣтили, что̀ въ ней было хорошаго. Замѣтно было, что г. Тургеневъ искалъ своей дороги и все еще не находилъ ея“. Изложивъ затѣмъ выписанное уже нами мнѣніе о стихотвореніи „Помѣщикъ“, Бѣлинскій продолжаетъ: „Въ то же время былъ напечатанъ его разсказъ въ прозѣ—„Три портрета“, изъ котораго видно было, что г. Тургеневъ и въ прозѣ нашелъ свою настоящую дорогу. Наконецъ, въ первой книжкѣ „Современника“ за прошлый годъ былъ напечатанъ его разсказъ: „Хорь и Калинычъ“. Успѣхъ въ публикѣ этого небольшого разсказа, помѣщеннаго въ Смѣси, былъ неожиданъ для автора и заставилъ его продолжать разсказы охотника. Здѣсь талантъ его обозначился вполнѣ. Очевидно, что у него нѣтъ таланта чистаго творчества, что онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собою, изъ какихъ образуются сами собою романы или повѣсти. Онъ можетъ изображать дѣйствительность видѣнную и изученную имъ, если угодно—творить, но изъ готоваго, даннаго дѣйствительностью матеріала. Это не простое списываніе съ дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но наводитъ, наталкиваетъ, такъ сказать, на нихъ. Онъ перерабатываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать эту картину; и для этого необходимъ, въ извѣстной мѣрѣ, поэтическій талантъ. Правда, иногда все умѣнье его заключается въ томъ, чтобы только вѣрно передать знакомое ему лицо или событіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, потому что въ дѣйствительности бываютъ иногда явленія, которыя стоитъ только вѣрно переложить на бумагу, чтобы они имѣли всѣ признаки художественнаго вымысла. Но и для этого необходимъ талантъ,

и таланты такого рода имѣютъ свои степени. Въ обоихъ этихъ случаяхъ г. Тургеневъ обладаетъ весьма замѣчательнымъ талантомъ... Для такого рода искусства ему даны отъ природы богатыя средства: даръ наблюдательности, способность вѣрно и быстро понять и оцѣнить всякое явленіе, инстинктомъ разгадать его причины и слѣдствія, и такимъ образомъ догадкою и соображеніемъ дополнить необходимый ему запасъ свѣдѣній, когда разспросы мало объясняютъ.

„Не удивительно, что маленькая піеска—„Хорь и Калинычъ“—имѣла такой успѣхъ: въ ней авторъ зашелъ къ народу съ такой стороны, съ какой до него къ нему никто еще не заходилъ. Хорь, съ его практическимъ смысломъ и практическою натурою, съ его грубымъ, но крѣпкимъ и яснымъ умомъ, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ „бабамъ“ и сильною нелюбовью къ чистотѣ и опрятности—типъ русскаго мужика, умѣвшаго создать себѣ значущее положеніе, при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ. Но Калинычъ—еще болѣе свѣжій и полный типъ русскаго мужика: это поэтическая натура въ простомъ народѣ. Съ какимъ участіемъ и добродушіемъ авторъ описываетъ намъ своихъ героевъ, какъ умѣетъ онъ заставить читателей полюбить ихъ отъ всей души! Всѣхъ разсказовъ охотника было напечатано прошлаго года въ „Современникѣ“ семь. Въ нихъ авторъ знакомитъ своихъ читателей съ разными сторонами провинціальнаго быта, съ людьми разныхъ состояній и званій. Не всѣ его разсказы одинаковаго достоинства: одни лучше, другіе слабѣе, но между ними нѣтъ ни одного, который бы чѣмъ-нибудь не былъ интересенъ, занимателенъ и поучителенъ. „Хорь и Калинычъ“ до сихъ поръ остается лучшимъ изъ всѣхъ разсказовъ охотника, за нимъ—„Бурмистръ“, а послѣ него „Однодворецъ Овсянниковъ“ и „Контора“. Нельзя не пожелать, чтобы г. Тургеневъ написалъ еще хоть цѣлые томы такихъ разсказовъ.

„Хотя разсказъ г. Тургенева—„Петръ Петровичъ Каратаевъ“, напечатанный во второй книжкѣ „Современника“ за прошлый годъ, и не принадлежитъ къ ряду разсказовъ охотника, но это такой же мастерской физіологическій очеркъ характера чисто-русскаго и притомъ съ московскимъ оттѣнкомъ. Въ немъ талантъ автора высказался съ такою же полнотою, какъ и въ лучшихъ изъ разсказовъ охотника.

„Не можемъ не упомянуть о необыкновенномъ мастерствѣ г. Тургенева изображать картины русской природы. Онъ любитъ природу не какъ дилеттантъ, а какъ артистъ, и потому никогда не старается изображать ее только въ поэтическихъ ея видахъ,

но беретъ ее какъ она ему представляется. Его картины всегда вѣрны, вы всегда узнаете въ нихъ нашу родную, русскую природу"...

Чтобы вполнѣ исчерпать мнѣнія Бѣлинскаго о литературной дѣятельности Тургенева, необходимо привести еще только двѣ выдержки изъ писемъ критика. „Вашъ „Каратаевъ" хорошъ,—писалъ онъ Ивану Сергѣевичу 19 февраля 1847 г.,—хотя и далеко ниже „Хоря и Калиныча". Мнѣ кажется, у васъ чисто творческаго таланта или нѣтъ—или очень мало— и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы „Ермолай и Мельничиха"—не Богъ знаетъ что̀, бездѣлка, а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслью. А въ „Бреттерѣ" —я увѣренъ—вы творили... Если не ошибаюсь, ваше призваніе—наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію... А „Хорь" обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя въ будущемъ". Въ письмѣ къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 года Бѣлинскій сообщалъ: „Съ чего вы это, батюшка, такъ превознесли „Лебедянь" Тургенева? Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ разсказовъ его, а послѣ вашихъ похвалъ онъ мнѣ показался даже довольно слабымъ. Цензура не вымарала изъ него ни единаго слова, потому что рѣшительно нечего вычеркивать. „Малиновая вода" мнѣ не очень понравилась, потому что я рѣшительно не понялъ Степушки. Въ „Уѣздномъ лѣкарѣ" я не понялъ ни единаго слова, и потому ничего не скажу о немъ; а вотъ моя жена такъ въ восторгѣ отъ него: бабье дѣло! Да вѣдь и Иванъ-то Сергѣевичъ —бабьё порядочное! Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ много хорошаго, мѣстами даже очень хорошаго, но вообще они мнѣ показались слабѣе прежнихъ. Больше другихъ мнѣ понравились „Бирюкъ" и „Смерть". Богатая вещь—фигура Татьяны Борисовны, недурна старая дѣвица, но племянникъ мнѣ крайне не понравился, какъ списокъ съ Андрюши и Кирюши, на нихъ не похожій. Да воздержите вы этого милаго младенца отъ звукоподражательной поэзіи: „Рррракаліоонъ! Че-о-экъ!" Пока это̀ ничего, да я боюсь, чтобъ онъ не пересолилъ, какъ онъ пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово: *зеленя*, которое такъ же безсмысленно, какъ *мясня* и *хлѣбена* вмѣсто мяса и хлѣба" [1]).

Познакомившись съ отзывами Бѣлинскаго объ авторѣ „Записокъ Охотника", мы должны будемъ безъ оговорокъ принять

[1]) „Анненковъ и его друзья", стр. 609—610.

слова Ивана Сергѣевича: „онъ (Бѣлинскій), хотя остался болѣе доволенъ моими прозаическими работами, однако особенныхъ надеждъ на меня не возлагалъ". Нельзя, конечно, требовать, чтобы Бѣлинскій предугадалъ въ Тургеневѣ будущаго историка и истолкователя русскаго общества, но мы въ правѣ ожидать отъ такого проницательнаго критика болѣе вѣрной оцѣнки дѣятельности Ивана Сергѣевича за годы 1843—47. Совѣтуя послѣднему продолжать стихотворные труды и не ставя его прозу выше прозы Даля, Бѣлинскій во всякомъ случаѣ не указалъ съ обычною для себя силой и опредѣленностью настоящую дорогу, настоящее мѣсто таланту Тургенева, хотя и безошибочно охарактеризовалъ процессъ его творческой работы. Строгость требованій къ послѣдующимъ шагамъ всякаго новаго, подающаго надежды, писателя доведена была у Бѣлинскаго по отношенію къ Ивану Сергѣевичу до особенно сильной степени. Не даромъ въ своихъ воспоминаніяхъ о великомъ критикѣ Тургеневъ признается, что въ 1846 г. „возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу". Такая взыскательность Бѣлинскаго къ лучшему и достойнѣйшему ученику Пушкина, намъ кажется, имѣетъ и свою особенную причину.

Блестящія личныя качества Тургенева, его умъ, образованіе, способность сочувствовать и понимать, заставляли не одного Виссаріона Григорьевича ожидать бóльшаго отъ его сочиненій, чѣмъ послѣднія давали на самомъ дѣлѣ. Несмотря на нѣкоторые недостатки дикціи (легкое пришепетываніе, несоотвѣтствующая массивной фигурѣ высота голоса), Тургеневъ былъ удивительный разсказчикъ, увлекательнѣйшій собесѣдникъ. Живая личность его слишкомъ заслоняла все то, чтò выходило изъ-подъ его пера. Впечатлѣніе отъ творчества Ивана Сергѣевича какъ бы терялось, пропадало въ впечатлѣніи, получаемомъ отъ непосредственнаго съ нимъ общенія. „Изъ его романовъ узнаешь только долю той чарующей прелести, которою онъ обладалъ",—пишетъ Юліанъ Шмидтъ въ своихъ воспоминаніяхъ.—„Какъ ни велико богатство наблюдательности и поэзіи, обнаруженное Тургеневымъ въ его произведеніяхъ, все-таки оно было только частицей того, чтò выливалось изъ его устъ въ присутствіи его друзей",—говоритъ Питчъ [1]). Такъ выражались и многіе другіе, лично знавшіе Ивана Сергѣевича. В. Боткинъ писалъ, напр., Дружинину въ 1855 г.: „Самъ онъ (Тургеневъ) несравненно выше и лучше всего, чтò до сихъ поръ онъ написалъ". Живая, будничная,

[1]) „Иностранная критика о Тургеневѣ", стр. 12 и 161.

такъ сказать, сторона духовной природы автора „Записокъ Охотника“ для насъ утрачена настолько же, насколько теряется для потомства творчество знаменитыхъ актеровъ. О ней не можетъ дать понятія и письмо Тургенева. Этотъ художникъ слова, этотъ чудный собесѣдникъ обладалъ весьма скромнымъ эпистолярнымъ талантомъ, и его лучшія письма (напр., къ Віардо) много ниже писемъ Пушкина. Точно также его бѣглыя замѣчанія, афоризмы, отзывы часто интереснѣе въ передачѣ его друзей, чѣмъ въ собственномъ литературномъ изложеніи. Анненковъ справедливо высказалъ: „Эстетическія и полемическія замѣтки Тургенева носили всегда какой-то характеръ междудѣлья, отличались умомъ, но никогда не обладали той полнотой содержанія, которая необходима для того, чтобы сказанное (въ печати) слово осталось въ памяти людей. То же самое сужденіе можетъ быть приложено и къ его позднѣйшимъ объясненіямъ съ критиками и недоброжелателями, къ его исповѣдямъ своихъ мнѣній (professions de foi), поправкамъ и дополненіямъ его созерцаній, и проч. Они не удовлетворяли ни тѣхъ, къ кому относились, ни публику, которая слѣдила за его мнѣніями“ [1]). А въ то же время о подобныхъ замѣткахъ живой бесѣды Питчъ свидѣтельствуетъ: „Еслибъ кто-нибудь стенографировалъ всѣ разсказы и анекдоты изъ личной жизни, результаты непрерывнаго наблюденія природы и людей, всѣ глубокія и оригинальныя мысли Тургенева, этѝ золотыя изреченія, не заключавшія въ себѣ ни одной громкой или вульгарной фразы, эти сужденія, точныя, правдивыя и логичныя, съ неумолимымъ презрѣніемъ клеймящія всякую ложь, даже и въ искусствѣ, если бы кто-либо сдѣлалъ это,— подобно Эккерману, записывавшему разговоры Гёте,—тотъ собралъ бы неоцѣнимую сокровищницу вѣчной красоты и мудрости“.

Послѣ всего вышеизложеннаго, намъ понятна будетъ та особенная строгость Бѣлинскаго къ произведеніямъ Тургенева, которая чуть-было не отбила охоту у Ивана Сергѣевича заниматься литературой. Но та же самая требовательность, въ концѣ концовъ, и была полезна для автора „Отцовъ и Дѣтей“. Она заставила его внимательнѣе относиться къ своимъ трудамъ, принудила его упорнѣе работать надъ своимъ дарованіемъ. Въ этомъ мы должны видѣть первую и наибольшую заслугу Бѣлинскаго по отношенію къ Тургеневу.

Обратимся теперь къ другому крупному вопросу, неизбѣжно возникающему при рѣшеніи поставленной нами задачи, къ во-

---

[1]) „Восп. и критич. очерки“, III, 193.

просу о степени вліянія критика на выработку западническихъ убѣжденій Ивана Сергѣевича. Въ извѣстномъ вступленіи къ „Литературнымъ и житейскимъ воспоминаніямъ“, разсказавъ о годахъ ученія своего за-границей, Тургеневъ рѣшительно заявляетъ, что вынырнулъ изъ волнъ „нѣмецкаго моря“ „западникомъ и остался имъ навсегда“. Но изъ берлинскаго университета онъ возвратился западникомъ не того опредѣленнаго склада, какимъ является намъ Иванъ Сергѣевичъ въ „Дымѣ“. Общія симпатіи къ европейской культурѣ, къ европейской наукѣ и искусству, невольное, но не всегда еще достаточно ясное сознаніе необходимости слѣдовать по путямъ, пройденнымъ западнымъ обществомъ—вотъ что̀ несомнѣнно принесъ съ собою юноша-Тургеневъ изъ Германіи. Гегель, Гёте и Гофманъ, эти кумиры тогдашняго берлинскаго студенчества, равно далекіе отъ вопросовъ общественной жизни со всей ея прозой, подавляли собою въ умѣ Тургенева всѣ остальные интересы. Увлеченіе чистой философіей и чистымъ искусствомъ не давало достаточно простора тѣмъ вопросамъ, въ рѣшеніи которыхъ Иванъ Сергѣевичъ заявилъ себя впослѣдствіи убѣжденнымъ противникомъ славянофиловъ. Время берлинскаго студенчества осталось въ памяти Тургенева, по его же признанію, какъ эпоха „литературная, теоретическая, философская, фантастическая“ [1]; гдѣ же тутъ выработаться опредѣленному западническому ученію! Продолжительный и горячій споръ между защитниками и противниками этого ученія, разгорѣвшійся позднѣе, къ срединѣ сороковыхъ годовъ, тогда еще не выходилъ изъ области общихъ мыслей и положеній. Характернымъ въ этомъ случаѣ является отвѣтъ Грановскаго на просьбу будущаго оріенталиста В. В. Григорьева „не дѣлаться нѣмцемъ, ради Христа“. — „Я говорю только, — отвѣчалъ изъ прусской столицы Грановскій (25-го іюля 1837 г.), — что мнѣ пріятнѣе сидѣть въ некрасивомъ по наружности зданіи, освѣщенномъ плошками, и видѣть на сценѣ пьесу Шиллера, разыгрываемую отличными художниками, чѣмъ смотрѣть въ великолѣпно-отдѣланномъ и освѣщенномъ театрѣ на Кукольниковы глупости и дурныхъ актеровъ-ремесленниковъ“ [2]).

Только возвратившись на родину, въ началѣ 1841 года, и получивъ возможность, при своей уже достаточной умственной и нравственной зрѣлости, дѣлать сравненія надъ болѣе обширнымъ кругомъ явленій и фактовъ, Тургеневъ могъ приступить

¹) Письмо его изъ Берлина. „Современникъ“ 1847 г., кн. 3.

²) „В. В. Григорьевъ“, Н. И. Веселовскаго, стр. 27.

къ опредѣленной формулировкѣ своихъ взглядовъ. Ко времени знакомства своего съ Бѣлинскимъ взгляды эти настолько сложились, что, какъ уже мы знаемъ изъ писемъ критика, Иванъ Сергѣевичъ могъ спорить противъ Бѣлинскаго „за нѣмцевъ".

Несмотря на скудость данныхъ, идущихъ непосредственно изъ того времени, все-же представляется возможнымъ рѣшить вопросъ, въ какой степени было сильно вліяніе великаго критика на западническія идеи Тургенева и въ какой степени эти идеи были оригинальны и самостоятельны у послѣдняго. Въ критическихъ статьяхъ Ивана Сергѣевича мы найдемъ всего лишь нѣсколько мыслей, совершенно опредѣленно обнаруживающихъ въ авторѣ ихъ западника; высказаны онѣ не въ полемическомъ тонѣ и главный интересъ статей не вращается около нихъ. Въ художественныхъ произведеніяхъ Тургенева, написанныхъ въ то время, мы имѣемъ такихъ мыслей еще менѣе, но онѣ уже носятъ сатирическую форму. Характеристика К. Аксакова въ лицѣ Любозвонова („Однодворецъ Овсянниковъ") стóитъ, по своему тону, слѣдующихъ строкъ стихотворнаго разсказа „Помѣщикъ":

„Заѣдетъ умница московскій,
Мясистый, пухлый, съ кадыкомъ,
Длинноволосый, въ кучерскомъ
Кафтанѣ, бредитъ о чертогахъ
Князей старинныхъ, о . . . . .
Отъ шапки-мурмолки своей
Ждетъ избавленья, возрожденья,
Ѣстъ рѣдьку, западныхъ людей
Бранитъ — и пишетъ... донесенья".

Но всѣ эти мѣста, изобличающія въ Тургеневѣ убѣжденнаго западника, являются какъ бы простымъ повтореніемъ сужденій Бѣлинскаго, высказанныхъ имъ даже печатно большею частью раньше Ивана Сергѣевича. Такое же сходство во мнѣніяхъ друзей мы найдемъ и тамъ, гдѣ они соглашались съ славянофилами, именно когда послѣдніе говорили противъ „русскаго европеизма". „Объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго,—писалъ критикъ въ своемъ обзорѣ литературы за 1846 годъ: — съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напр., что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ, къ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, но никакъ не умѣютъ

мыслить по-русски". Блестящей иллюстраціей къ этому взгляду Бѣлинскаго является намъ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда", вся суть котораго и заключается въ характеристикѣ этого „русскаго европеизма". Но въ воззрѣніяхъ друзей, при единомысліи по главнѣйшимъ вопросамъ западной теоріи, было и одно существенное различіе. Въ разборѣ сочиненій кн. Одоевскаго Бѣлинскій высказалъ по поводу „Русскихъ ночей", что онъ признаетъ вмѣстѣ съ славянофилами многія темныя стороны и отрицательныя явленія въ западно-европейскомъ обществѣ, какъ, напр., пролетаріатъ. „Но какое же заключеніе должно сдѣлать изъ этого взгляда на состояніе Европы?—спрашиваетъ критикъ.— Европа больна,—это правда, но не бойтесь, чтобы она умерла; ея болѣзнь отъ избытка здоровья, отъ избытка жизненныхъ силъ; это—болѣзнь временная, это кризисъ внутренней, подземной борьбы стараго съ новымъ: это—усиліе отрѣшиться отъ общественныхъ основаній среднихъ вѣковъ и замѣнить ихъ основаніями, на разумѣ и натурѣ человѣка основанными. Европѣ не въ первый разъ быть больною: она была больна во время крестовыхъ походовъ и ждала тогда конца міра; она была больна передъ реформаціею и во время реформаціи,—а вѣдь не умерла же, къ удовольствію господъ душеприказчиковъ ея!" Вотъ этотъ-то оптимизмъ, лежавшій въ основѣ міровоззрѣнія Бѣлинскаго, и былъ чуждъ взглядамъ Тургенева. Въ то время какъ критикъ былъ склоненъ смотрѣть на недостатки западно-европейской жизни, какъ на явленія временныя, какъ на признаки переходныхъ эпохъ, Тургеневъ видѣлъ въ нихъ недостатки самой человѣческой природы. „Я самъ не оптимистъ,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ устами Потугина въ „Дымѣ",—и все человѣческое, вся наша жизнь, вся эта комедія съ трагическимъ концомъ не представляется мнѣ въ розовомъ свѣтѣ; но зачѣмъ навязывать именно Западу то, чтò, быть можетъ, коренится въ самой нашей человѣческой сути?" Тотъ же Потугинъ развивалъ свою мысль дальше, на былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ, въ такихъ выраженіяхъ: „Васька Буслаевъ, послѣ того какъ увлекъ своихъ новгородцевъ на богомолье въ Ерусалимъ, и тамъ, къ ужасу ихъ, выкупался нагимъ тѣломъ въ святой рѣкѣ Іорданѣ, ибо не вѣрилъ „ни въ чохъ, ни въ сонъ, ни въ птичій грай",—этотъ логическій Васька Буслаевъ взлѣзаетъ на гору Ѳаворъ, а на вершинѣ той горы лежитъ большой камень, черезъ который всякаго роду люди напрасно пытались перескочить... Васька хочетъ тоже свое счастье извѣдать. И попадается ему на дорогѣ мертвая голова, человѣчья кость; онъ пихаетъ ее ногой. Ну, и говоритъ ему голова:

„Чтò ты пихаешься? Умѣлъ я жить, умѣю и въ пыли валяться— и тебѣ тоже будетъ". И точно: Васька прыгаетъ черезъ камень, и совсѣмъ-было перескочилъ, да каблукомъ задѣлъ и голову себѣ сломилъ. И тутъ я кстати долженъ замѣтить, что друзьямъ моимъ, славянофиламъ, великимъ охотникамъ пихать ногою всякія мертвыя головы да гнилые народы, не худо бы призадуматься надъ этою былиной". Правда, Тургеневъ высказывалъ это чуть не двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Бѣлинскаго, но теперь уже достаточно извѣстно, какой выдержкой, послѣдовательностью, почти прямолинейностью отличаются его взгляды. Тотъ же глубокій смыслъ придавалъ этой былинѣ Иванъ Сергѣевичъ и въ самомъ началѣ 1853 года, въ письмѣ къ К. Аксакову: „Я, кажется, уже сказывалъ вамъ,—читаемъ въ немъ,—что, по моему мнѣнію, трагическая сторона народной жизни—не одного нашего народа—каждаго—ускользаетъ отъ васъ, между тѣмъ какъ самыя наши пѣсни громко говорятъ о ней! Мы обращаемся съ Западомъ, какъ Васька Буслаевъ (въ Киршѣ Даниловѣ) съ мертвой головой—подбрасываемъ его ногой—а сами... Вы помните, Васька Буслаевъ взошелъ на гору да и сломилъ себѣ на прыжкѣ шею. Прочитайте, пожалуйста, отвѣтъ ему мертвой головы". „Васька этотъ—типъ русскаго народа,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ Полонскому [1]) въ 1881 году: — я высоко ставлю эту поэму... Тотъ, кому она пришла въ голову—живи онъ въ наше время—былъ бы величайшимъ изъ русскихъ поэтовъ".

Это существенное различіе въ западническихъ взглядахъ Тургенева и Бѣлинскаго никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, и, уяснивъ его, мы легко поймемъ, напримѣръ, слѣдующія строки въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ Віардо отъ 19-го іюня 1849 г., по поводу венгерскаго возстанія: „Бѣдные венгерцы! Честный человѣкъ, въ концѣ концовъ, не будетъ знать, гдѣ ему жить: молодыя націи еще варвары, какъ мои дорогіе соотечественники, или же, если они встаютъ на ноги и хотятъ идти, ихъ раздавливаютъ, какъ венгерцевъ; а старыя націи умираютъ и заражаютъ, такъ какъ онѣ уже сгнили и сами заражены. ...А потомъ, кто сказалъ, что человѣку суждено быть свободнымъ? Исторія намъ доказываетъ противное. Гёте, конечно, не изъ желанія быть придворнымъ льстецомъ написалъ свой знаменитый стихъ:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein.

---

[1]) См. воспоминанія Полонскаго въ „Нивѣ" за 1884 годъ

„Это просто фактъ, истина, которую онъ высказалъ въ качествѣ точнаго наблюдателя природы, какимъ онъ былъ“.

Бѣлинскій, безъ сомнѣнія, выразился бы иначе по поводу венгерскаго возстанія.

Вліяніе великаго критика на развитіе западнической теоріи Тургенева не могло быть ничтожнымъ, но его не слѣдуетъ преувеличивать. Взгляды Ивана Сергѣевича и здѣсь носятъ отпечатокъ всегда присущей ему оригинальности и являются настолько тѣсно связанными со всей его духовной природой, со всѣми его нравственными и эстетическими симпатіями, что вліянію отдѣльныхъ личностей въ развитіи западническихъ убѣжденій Тургенева должно быть отведено сравнительно скромное мѣсто. Строгая послѣдовательность этихъ убѣжденій не измѣнялась ни подъ вліяніемъ страстной полемики Бѣлинскаго, ни подъ „колокольное гудѣніе“ восторженныхъ проповѣдей К. Аксакова, ни подъ давленіемъ глубокаго разочарованія въ основахъ западной жизни Герцена, хотя со всѣми названными лицами и въ разное время горячо бесѣдовалъ и спорилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Еще болѣе независимъ отъ критика былъ Тургеневъ въ политическихъ, такъ сказать, взглядахъ своихъ, преимущественно— на крѣпостное право. „Аннибаловскую клятву“ въ борьбѣ съ послѣднимъ онъ далъ еще подъ кровомъ своей матери.

Мы не исчерпали бы вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ и о дружескихъ связяхъ Тургенева и Бѣлинскаго, еслибъ не коснулись вліянія Виссаріона Григорьевича на развитіе замѣчательнаго критическаго пониманія литературныхъ явленій, всегда проявлявшагося у Ивана Сергѣевича. Послѣдній не даромъ въ своихъ раннихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ говоритъ, что тотъ считалъ его способнымъ на критическую дѣятельность. Но выясненіе этого вопроса слишкомъ отвлекло бы насъ въ сторону, тѣмъ болѣе, что Тургеневъ, какъ критикъ современной ему изящной литературы, заслуживаетъ отдѣльной и подробной характеристики.

Н. Гутьяръ.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВА

РАЗСКАЗЪ.

Былъ скверный, слякотный, осенній петербургскій день. Небо казалось затянутымъ сѣрой парусиной, едва пропускавшей солнечные лучи, тускло освѣщавшіе зданія и скудно проникавшіе въ окна квартиръ. Въ такіе унылые, тоскливые дни работа валится изъ рукъ, новая книжка журнала остается неразрѣзанной, всѣ люди кажутся скучными, слова ласки и любви застываютъ на устахъ, остроуміе отзывается банальностью, а жизнь представляется жалкимъ прозябаніемъ червя въ помойной ямѣ.

Я только-что окончила безплатный утренній пріемъ больныхъ: предо мной проходили худосочныя матери, золотушныя, рахитическія дѣти съ катаррами желудковъ, цѣлый рядъ больныхъ, которымъ никакая медицина не можетъ помочь, которымъ нужны воздухъ, свѣтъ, тепло, здоровая, сытная пища, и которыхъ, тѣмъ не менѣе, я лечу—и тѣшу себя своею плодотворною дѣятельностью. Но въ такой сумрачный, безотрадный день, какъ сегодня, я вижу въ своемъ трудѣ на помощь ближнему только одно лицемѣріе и самообманъ. Чтобы немного развлечь себя, я начинаю смотрѣть въ окно. Моросить мелкій дождь; по улицѣ несутся пролетки съ поднятыми верхами; прохожіе подъ зонтиками мѣсятъ своими ногами тающій снѣгъ, спѣша по своимъ дѣламъ и толкая другъ друга. Все покрыто какой-то дымкой, какъ будто паръ отъ человѣческаго дыханія сперся между громадами зданій, сдавливаемый свинцовымъ пологомъ тучъ, низко нависшихъ надъ землею.

Въ передней раздался звонокъ. Въ эту минуту я была бы рада всякому человѣку, всякой живой душѣ. Возможность выйти

изъ оцѣпенѣнія, встряхнуться, забыть свои тяжелыя мысли, возможность услышать живое слово, можетъ быть, веселую рѣчь, радостно взволновала меня. Но когда я увидѣла знакомое коричневое пальто въ рукахъ у горничной и когда, затѣмъ, владѣлецъ этого пальто повернулся ко мнѣ лицомъ, — я совсѣмъ просіяла.

— Иванъ Антоновичъ, какъ я рада, какъ я рада! — обратилась я къ моему гостю, протягивая ему обѣ руки. Но мое привѣтствіе осталось безъ отвѣта. Иванъ Антоновичъ только покраснѣлъ и, торопливо проговоривъ: „сію минуту", продолжалъ вытирать свое мокрое лицо носовымъ платкомъ. Онъ сильно суетился, разыскивая свои очки, которые онъ только-что снялъ и положилъ передъ собой на столъ, и краснѣлъ все больше и больше. Эта способность краснѣть была его отличительнымъ свойствомъ; онъ краснѣлъ, когда на него обращали какое-нибудь вниманіе, когда съ нимъ заговаривали, когда упоминали его имя въ разговорѣ, причемъ все его лицо, лобъ, носъ, щеки, уши и даже шея багровѣли равномѣрно, и на этомъ фонѣ еще бѣлесоватѣе казались его рѣденькіе волосы льняного цвѣта, бѣлокурые, начинавшіе сѣдѣть усы и бородка. Онъ успѣлъ уже покраснѣть, когда я встрѣтила его радостнымъ окликомъ, и краснѣлъ опять, когда, доставъ изъ портфеля какія-то бумаги и тряхнувъ головой, рѣшился войти въ гостиную.

Иванъ Антоновичъ Лызловъ былъ мой старинный знакомый. Мы познакомились въ вагонѣ желѣзной дороги, когда я ѣхала въ Петербургъ поступать на курсы, а онъ возвращался съ какихъ-то кондицій. Онъ и тогда такъ же краснѣлъ и суетился и такъ же отчаянно размахивалъ руками, дѣлая по крайней мѣрѣ втрое больше движеній, чѣмъ это требовалось для данной цѣли. Во время пути онъ оказалъ мнѣ множество всевозможныхъ мелкихъ услугъ, приносилъ кипятокъ, поилъ чаемъ, перетаскивалъ мои вещи, уступалъ свое мѣсто, чтобы я могла вытянуться на лавкѣ и заснуть какъ слѣдуетъ, и дѣлалъ все это такъ просто, поминутно краснѣя и извиняясь за свои неловкія движенія, какъ будто не онъ мнѣ дѣлалъ одолженіе, а я оказывала ему величайшую милость, принимая его услуги.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я ближе узнала и научилась еще больше цѣнить его: всегда, во всѣ тяжелыя минуты моей жизни, онъ являлся по первому зову съ своей помощью, бѣгалъ, хлопоталъ, волновался, устроивалъ мои дѣла, во время болѣзни былъ сидѣлкой, во время безденежья—кредиторомъ. Такъ задушевно относился онъ ко всѣмъ безъ исключенія людямъ, съ

которыми сталкивала его судьба. Онъ жилъ для другихъ, забывая себя, нанималъ у чухонки сырую, полутемную комнату и не выѣзжалъ изъ нея, боясь, что послѣ него хозяйкѣ не легко будетъ найти жильца. Питался онъ плохо, чѣмъ и когда попало, одѣвался странно, нося какіе-то необыкновенные костюмы совсѣмъ оригинальнаго покроя и большею частью линючаго цвѣта, которые онъ заказывалъ у плохого, имѣвшаго большую семью портного, сидѣвшаго часто безъ работы, который эксплуатировалъ его, забирая деньги впередъ и сбывая залежавшійся товаръ. Курса въ университетѣ онъ не кончилъ только потому, что у него, вслѣдствіе его отзывчивости и желанія помочь людямъ, не оставалось времени для занятій. Кажется, онъ не особенно жалѣлъ объ этомъ, въ особенности послѣ того, какъ женился и получилъ мѣсто въ одномъ изъ страховыхъ обществъ, которое давало ему возможность съ грѣхомъ пополамъ содержать семью. Женился онъ совершенно неожиданно для своихъ друзей, а можетъ быть, и для самого себя, на сиротѣ-швеѣ, скромной, тихой дѣвушкѣ, которая чуть не съ благоговѣніемъ относилась къ нему, считая его за умнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка. Дѣти у него росли здоровыми и шустрыми, онъ ихъ очень любилъ, но все-таки, если у него заводились лишнія деньжонки, то онъ охотнѣе покупалъ игрушки и сласти уличной дѣтворѣ, толпившейся подъ воротами дома, гдѣ была его квартира.

Онъ всегда, какъ раньше, такъ и теперь, считалъ себя человѣкомъ, котораго судьба надѣлила незаслуженно множествомъ всякихъ благъ и преимуществъ, и старался дѣлиться съ тѣми, которые, по его мнѣнію, были несправедливо обижены въ этомъ отношеніи.

Съ внѣшней стороны онъ тоже очень мало измѣнился въ теченіе нашего знакомства. Когда онъ усѣлся, наконецъ, въ кресло и началъ усиленно моргать глазами (что̀ означало высшую степень смущенія), его лицо показалось мнѣ удивительно моложавымъ, на немъ не было ни одной морщинки, а глаза сохранили такое же довѣрчивое, дѣтское выраженіе, какое бываетъ только въ самомъ юномъ возрастѣ.—Въ чемъ же дѣло?—спросила я сама, желая вывести его изъ затруднительнаго положенія. Я знала, что онъ не въ состояніи произнести ни одного слова, пока не выговоритъ всего, относящагося къ дѣлу, по которому онъ пришелъ ко мнѣ.

— Видите ли... какъ бы это вамъ сказать,—началъ Иванъ Антоновичъ, и чувствуя, вѣроятно, что, сидя на креслѣ и стѣс-

ненный въ своихъ движеніяхъ, онъ не съумѣетъ разсказать все какъ слѣдуетъ, вскочилъ съ мѣста и принялся ходить по комнатѣ большими шагами. Сдѣлавъ нѣсколько концовъ въ одну и другую сторону, онъ вдругъ остановился около меня и, проведя рукой по волосамъ и покрутивъ бородку, проговорилъ:

— Дѣльце у меня къ вамъ есть... Неотложное... Такъ сказать, дѣло идетъ о жизни человѣка... Нужно общими силами постараться...

И насколько онъ прежде волновался и стѣснялся, не находя словъ, чтобы приступить къ дѣлу, настолько же быстро и стремительно полилась его рѣчь, когда онъ услышалъ ободрительное слово съ моей стороны и по выраженію моего лица увидѣлъ, что я готова и сочувствовать, и содѣйствовать ему.

А дѣло заключалось въ слѣдующемъ: его знакомый, художникъ, Иванъ Ивановичъ Окуневъ, котораго и я знавала въ былое время, одинъ изъ тѣхъ неудачниковъ, которыхъ не щадитъ судьба, добивая ихъ не мытьемъ, такъ катаньемъ, немолодой уже человѣкъ, съ большой семьей на рукахъ, простудился, схвативъ воспаленіе легкихъ, послѣ котораго до сихъ поръ не могъ оправиться и начать работать.

— И какъ нарочно, знаете, заказы такъ и сыплются одинъ за другимъ,—продолжалъ Иванъ Антоновичъ, усѣвшись, наконецъ, спокойно на мѣстѣ. — А онъ, бѣдняга, лежитъ-себѣ на диванѣ, укрывшись плэдомъ, желтый, худой такой... Покашливаетъ, общая слабость, повышеніе температуры, по вечерамъ поты, однимъ словомъ, вы понимаете, дѣло дрянь... Говорю: уѣхать тебѣ нужно подальше, въ теплые края... Видно, онъ и самъ объ этомъ думалъ; можетъ, и старался насчетъ денегъ, да ничего не вышло. Обидно ужъ это очень... Всю-то жизнь человѣкъ бьется, какъ рыба объ ледъ... И только чуть-чуть на ноги сталъ, нужно же этой болѣзни приключиться. Жена какъ тѣнь ходитъ... ребятишки притихли... прислуга на кухнѣ ругается и посудой громыхаетъ... Насчетъ денегъ, вѣрно, очень слабо... Въ такомъ положеніи всякій другъ врагомъ покажется... Какъ только я заговорилъ съ нимъ про путешествіе, такъ онъ и накинулся на меня... Просто, можно сказать, остервенился... Вскочилъ съ дивана, глаза горятъ, голосъ дрожитъ, срывается: „Что̀ же ты,—говоритъ,—издѣваться надо мной хочешь?“ И пошелъ, и пошелъ... Напустился на меня, что я пришелъ къ нему именно теперь, а раньше, когда ему, сравнительно, хорошо жилось, по цѣлымъ годамъ не заглядывалъ... „Тебя,—говоритъ,—въ хорошемъ мѣстѣ и не увидишь, а какъ только гдѣ горе, напа̀сть

какая, такъ тебя туда и тянетъ, точно магнитомъ... Скверно было, но все-таки кое-какую надежду имѣлъ, что выкарабкаюсь изъ бѣды, какъ и раньше выкарабкивался; но какъ только тебя увидѣлъ,—чувствую, что все пропало, всему конецъ". Потомъ опомнился, конечно, извинялся... Отлегло у него немножко... Чай пили, я такъ весь вечеръ у нихъ и просидѣлъ... Марья Игнатьевна вышла провожать меня въ прихожую... При немъ-то крѣпилась, а тутъ не выдержала, прощается со мной, а слезы такъ и катятся по щекамъ...

Иванъ Антоновичъ умолкъ и опустилъ голову, какъ бы удрученный воспоминаніемъ о безвыходномъ положеніи своихъ друзей. Руки его нервно теребили бахрому скатерти, губы были плотно сжаты, на лицѣ выступила краска.

— Что же вы намѣрены дѣлать?—обратилась я къ нему, чувствуя, что онъ опять уперся въ какую-то загородку и не сможетъ говорить дальше, если не помочь ему и не вывести на надлежащую дорогу.

— Что я думаю дѣлать?.. Тутъ думать нельзя... — И онъ снова быстро и стремительно вскочилъ съ мѣста, чуть не опрокинувъ столъ.—Тутъ дѣйствовать нужно... Первымъ долгомъ отправился я въ ихъ общество взаимной помощи, чтобы назначили ему единовременное пособіе... или, еще бы лучше, постоянное на время болѣзни... Картины нѣкоторыя для продажи пристроилъ туда же... Объяснилъ я предсѣдателю все положеніе дѣла. Такъ и такъ, говорю... Засѣданіе назначено на послѣ-завтра... Еле уломалъ Окунева прошеніе подать... Это уже тамъ пошло своимъ чередомъ. Только общество у нихъ молодое, денегъ мало, и на такую помощь, которая нужна, врядъ ли можно разсчитывать. Вотъ я и вспомнилъ о васъ, т.-е., собственно, даже и не о васъ, а объ одной вашей знакомой, которая можетъ сильно помочь намъ и у которой, я надѣюсь, вы не откажетесь побывать. За ней числится старый должокъ Окуневу, о которомъ и мы съ вами знаемъ. Онъ самъ ни за что не напомнитъ о немъ, а сумма-то все-таки порядочная... какъ бы еще пригодилась... Возьмите, голубушка, это дѣло на себя. Вамъ это удобнѣе сдѣлать по старой дружбѣ и знакомству, поговорите съ ней, насъ вспомните и положеніе дѣла объясните. Такъ и такъ, скажите, Елена Николаевна... Пришелъ и вашъ чередъ выручать изъ бѣды старыхъ друзей.

Я вскочила съ мѣста... Цѣлая полоса моей жизни при одномъ упоминаніи этого имени ярко воскресла предо мною. Давно забытые образы всколыхнулись и потянулись длинной вереницей,

смѣняя другъ друга... Дорогіе, незабвенные дни молодости, которымъ мы не придаемъ значенія въ то время, когда переживаемъ ихъ, свѣтлыя и темныя тѣни на одномъ общемъ лучезарномъ фонѣ, отчего вы такъ скоро отходите въ область пережитаго и покрываетесь паутиной забвенія?!.. Отчего всѣ стремленія къ идеалу, кажущемуся такъ легко достижимымъ въ то время, когда кровь быстрой, могучей волной питаетъ нашъ организмъ, когда всѣ органы нашихъ чувствъ такъ утонченно чутки для всякихъ впечатлѣній,—затихаютъ въ душѣ нашей, когда мы вступаемъ въ жизнь и начинаемъ вести борьбу за существованіе? Отчего мы, старѣясь, сохраняемъ ярче воспоминанія тѣхъ фактовъ, которые намъ были непріятны и которыя оставили болѣзненный слѣдъ въ душѣ нашей, а все то, что радовало насъ, манило къ себѣ, кажется призракомъ, тѣнью, исчезнувшею вмѣстѣ съ нашею молодостью?—Какъ бы то ни было, но одно то, что упоминаніе имени Елены Николаевны подѣйствовало на меня такъ, что я сразу перенеслась мыслью за много лѣтъ назадъ, свидѣтельствовало о томъ, что носительница его была особа недюжинная.

Воспоминанія, связанныя съ ней, не принадлежали къ числу пріятныхъ, а между тѣмъ они вызвали во мнѣ совсѣмъ особое настроеніе, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ, въ которомъ я находилась въ моментъ прихода Ивана Антоновича. И когда я вышла провожать его въ переднюю, давъ ему торжественное обѣщаніе исполнить его просьбу, я снова почувствовала себя бодрой, увѣренной въ своихъ силахъ, готовой на всякій тяжелый трудъ, снова ощутила въ себѣ такой же подъемъ духа, какъ давно, давно, въ тѣ дни, когда, преодолѣвая препятствія, возникавшія на моемъ пути, я смѣло стремилась къ великой цѣли независимости и труда на пользу общества.

Я познакомилась съ Еленой Николаевной Николаевой въ самомъ началѣ моей студенческой жизни. Послѣ продолжительныхъ поисковъ удобнаго для меня помѣщенія, я, наконецъ, наняла себѣ комнату въ одномъ изъ большихъ домовъ Фурштадтской улицы. Хозяйка квартиры была простая женщина, мѣщанка, очень чистоплотная, не державшая прислуги и сама услуживавшая жильцамъ. Жильцовъ, кромѣ меня, было только трое; цѣна комнаты показалась мнѣ подходящей; къ тому же, окна ея выходили на югъ, и она ярко освѣщалась солнцемъ. Однимъ словомъ, комната мнѣ понравилась и я, не торгуясь, дала задатокъ.

Въ какомъ радужномъ настроенiи находилась я, помню, въ первый день моего водворенiя на новой квартирѣ, разбирая и устанавливая книги моей скромной библiотеки, вбивая гвозди для рамокъ съ портретами моихъ родныхъ и украшая верхнюю полку неказистой этажерки бюстомъ Вольтера и черепомъ—этою необходимою принадлежностью обстановки всякой студентки-медички. Съ какимъ благоговѣнiемъ развернула я въ тотъ вечеръ записки по анатомiи, науки, считавшейся совершенно недоступной для женщинъ! Черепъ былъ перемѣщенъ на письменный столъ, и разные sulcus'ы, tuber'ы и processus'ы поглотили все мое вниманiе. За стѣной слышались мужскiе голоса, изрѣдка прерываемые женскими возгласами,—очевидно, въ сосѣдней комнатѣ спорили, и спорили горячо; голоса раздавались все громче и громче; до моего слуха начинали долетать нѣкоторыя слова, и еслибы я стала прислушиваться внимательно, то, пожалуй, даже могла бы уловить предметъ разговора. Но мнѣ было не до того: на завтра была назначена репетицiя, и нужно было превзойти всѣ эти мудреныя названiя, такъ трудно укладывавшiяся въ головѣ, не привыкшей къ изученiю точныхъ наукъ. Мнѣ было не до жизни, не до живыхъ людей; я была захвачена всецѣло наукой, имѣвшей всю прелесть новинки для меня, въ этомъ году только переступившей порогъ святилища, называвшагося женскими врачебными курсами. Вотъ почему прошло нѣсколько дней прежде чѣмъ я обратила вниманiе на людей, жившихъ со мной бокъ-о-бокъ и съ которыми мнѣ волей-неволей приходилось сталкиваться то въ корридорѣ, то въ передней, то на кухнѣ, гдѣ помѣщалась хозяйка. Жильцовъ, кромѣ меня, какъ я уже сказала, было трое: два студента-медика, которыхъ по цѣлымъ днямъ не бывало дома, и одна очень странная дѣвица, Николаева, которая, встрѣчаясь со мной, угрюмо сторонилась и въ отвѣтъ на мои привѣтствiя еле кивала головой.

Несмотря на ея желанiе держаться въ сторонѣ, а, можетъ быть даже именно благодаря этому, моя сосѣдка сильно заинтересовала меня, и мнѣ захотѣлось познакомиться съ ней во что бы то ни стало. Но всѣ мои попытки къ сближенiю оказывались безуспѣшными, и я не могла найти никакого предлога, чтобы завязать знакомство. Я пробовала нѣсколько разъ при встрѣчахъ заговорить съ ней, но она, едва отвѣтивъ незначительнымъ кивкомъ головы на мое привѣтствiе, съ дѣловымъ видомъ неся кипу книгъ подъ мышкой, быстро проходила мимо меня въ своемъ потертомъ драповомъ пальто, съ накинутымъ поверхъ него плэдомъ черезъ плечо. Какъ я узнала потомъ, она

существовала, перебиваясь какими-то грошевыми уроками, вознагражденія за которые не хватало даже на то, чтобы оплатить комнату или, вѣрнѣе сказать, конуру, отдѣленную отъ кухни деревянной перегородкой и ходившую за пять рублей въ мѣсяцъ. Хозяйка неоднократно жаловалась мнѣ на Николаеву. „Насчетъ денегъ ужъ очень съ ней трудно,—просишь, просишь, а она даже бровью не поведетъ, уткнетъ носъ въ книгу, вотъ и вся недолга. Ну, да Богъ съ ней,—добродушно прибавляла она:—судиться я съ ней не буду, пускай живетъ, авось когда-нибудь и разбогатѣетъ. Одно обидно, характерная она ужъ очень; начнетъ донимать, такъ хоть изъ дому вонъ бѣги. И то не этакъ, и другое не такъ. Ей первой и самоваръ подай, и комнату въ мигъ убери, а чуть что̀ не по ней,—такъ расходится, что любой генеральшѣ впору. И зачнетъ она это словами мудреными какъ изъ рѣшета сыпать, и слова-то непонятныя, одно другого заковыристѣе, одно другого мудренѣе... Слушаешь ее и молчишь, потому не знаешь, ругаетъ ли она тебя ругательски, или такъ только ученость свою для важности пущаетъ. И диво бы что̀ порядочное, а то какая-то обдергайка, платьишко-то у ней одно, въ драповомъ пальтѣ цѣлый годъ ходитъ“...

Заинтересованная разсказомъ моей хозяйки, я не перебивала ее и слушала, не сводя глазъ съ ея добродушнаго лица. Гордая, энергичная дѣвушка, смѣло вышедшая на борьбу съ жизнью, все больше и больше внушала мнѣ симпатіи. Мнѣ нравилось въ ней все, и ея презрительная усмѣшка, и даже жалкій костюмъ, совершенно не гармонировавшій съ ея высокомѣрнымъ обращеніемъ и надменнымъ выраженіемъ лица. Она не была красавицей въ полномъ значеніи этого слова, но у нея былъ прекрасный, высокій лобъ, свѣжій цвѣтъ лица и густые бѣлокурые волосы, которые она носила заплетенными въ двѣ косы, спускавшіяся ниже пояса. Темныя брови и такія же рѣсницы красиво оттѣняли ея сѣрые глаза; тонкія губы и выдающійся подбородокъ придавали ея лицу выраженіе рѣшительности, а ея манера откидывать назадъ голову и смотрѣть на всѣхъ какъ бы сверху внизъ сообщала особенную грацію ея походкѣ и всѣмъ движеніямъ. Голосъ у нея былъ низкій, грудной и немного глухой, такъ что я изъ своей комнаты не могла различить ни одного слова ея рѣчи, между тѣмъ какъ отдѣльныя, болѣе громко произнесенныя слова ея собесѣдниковъ ясно долетали до моего слуха сквозь тоненькую деревянную стѣну и мѣшали мнѣ заниматься. Какъ я могла понять изъ отдѣльныхъ,

доносившихся до меня фразъ, они говорили и спорили большею частью по политико-экономическимъ вопросамъ. Слова: „капиталъ", „спросъ", „предложеніе", „артель", „народъ" и „община" всего чаще повторялись въ ихъ разговорахъ. Споры эти затягивались далеко за полночь и повидимому волновали мою сосѣдку, судя по тому, что она долго послѣ ухода гостей не тушила лампы и ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Занятія мои шли своимъ чередомъ; я спѣшно сдавала свои репетиціи по анатоміи и гистологіи и рѣшила дать себѣ небольшой отдыхъ, сдѣлать необходимыя покупки, побывать у знакомыхъ и въ театрѣ.

Но въ оперу, куда меня тянуло, было очень трудно достать билетъ, и потому можно себѣ представить мой восторгъ, когда однажды утромъ въ мою комнату влетѣлъ, какъ бомба, въ своей бараньей шубѣ Иванъ Антоновичъ и сообщилъ мнѣ, что его знакомые достали ложу третьяго яруса на „Фауста" и что ему удалось отвоевать и для меня мѣсто.

— Я вѣроятно зайду за вами вечеромъ, а въ случаѣ еслибы не пришелъ къ семи часамъ,—прибавилъ онъ,—то отправляйтесь однѣ и мое мѣсто можете передать кому-нибудь другому. А теперь желаю счастливо оставаться,—продолжалъ онъ, пожимая мнѣ руку и торопливо направляясь къ двери.—У меня тамъ сожитель мой прихворнулъ, знаете ли, можетъ быть нельзя будетъ его одного оставить,—пояснилъ онъ мнѣ на ходу, когда я вышла провожать его.

— Кто такой?—крикнула я ему въ слѣдъ.

Онъ на минуту пріостановился.

— Да вы его не знаете, кавказецъ одинъ, Бебулидзе. Со мной въ комнатѣ живетъ. Простудился вѣрно. Будьте здоровы...

Должно быть, его товарищу сдѣлалось вечеромъ хуже, потому что на моихъ часахъ уже было четверть восьмого, а Иванъ Антоновичъ не показывался. Мнѣ пришла въ голову мысль, не предложить ли моей сосѣдкѣ свободное мѣсто въ ложѣ... „Она, навѣрно, не откажется,—подумала я,—зная, какъ трудно получать мѣста въ оперу и какія мытарства нужно претерпѣть, чтобы достать ложу". Поэтому я довольно храбро, въ виду ожидаемаго благосклоннаго пріема моего предложенія, направилась къ Николаевой. Я никогда раньше не бывала въ ея каморкѣ, и потому, когда очутилась у полуоткрытыхъ дверей, съ любопытствомъ заглянула въ нее раньше, чѣмъ войти. У стѣны, прилегавшей къ моей комнатѣ, стояла простенькая кровать, прикрытая пледомъ; тутъ же въ углу валялся старый, потрепанный чемоданъ; на этажеркѣ были аккуратно разставлены книги въ хорошихъ

переплетахъ; на стѣнѣ были развѣшаны фотографическія карточки въ рамкахъ. Лампа съ самодѣльнымъ абажуромъ, вырѣзаннымъ изъ газетной бумаги, освѣщала простой сосновый столъ, за которымъ сидѣла Николаева, подперевъ обѣими руками голову. Она такъ углубилась въ чтеніе, что не замѣтила моего прихода.

— Извините!—проговорила я нерѣшительно.

Она повернула голову и, удивленно приподнявъ брови, остановила на мнѣ взглядъ своихъ сѣрыхъ глазъ.

— Не хотите ли вы пойти сегодня въ оперу? У меня случайно осталось одно лишнее мѣсто въ ложѣ, — продолжала я, немного робѣя подъ ея упорно устремленнымъ на меня взглядомъ.

— Я не бываю въ оперѣ,—проговорила, наконецъ, Елена Николаевна, отчеканивая каждое слово, и наклонилась опять надъ книгой.

— Сегодня „Фаустъ"...—заговорила я опять.—Это такая прелесть... Неужели вы не любите музыки?

Она опять вскинула на меня свои глаза и проговорила еще рѣзче, еще суше, еще отчетливѣе:

— Я не бываю въ оперѣ принципіально,—и кивнула въ мою сторону головой, какъ бы давая понять, что нашъ разговоръ оконченъ.

Я еще разъ извинилась и вышла. Долго потомъ, по дорогѣ въ театръ и затѣмъ возвратившись домой, я думала объ этихъ словахъ. Утомленная длиннымъ путешествіемъ, такъ какъ большую часть дороги пришлось пройти пѣшкомъ, загипнотизированная сильными, страстными мелодіями, разслабленная отъ жары, духоты и толкотни въ нашей ложѣ, куда, вмѣсто предполагавшихся десяти, набралось чуть не двадцать человѣкъ, я съ удовольствіемъ растянулась на кровати и скоро задремала. Всѣ впечатлѣнія дня смѣшались въ какой-то хаосъ призраковъ; я видѣла Николаеву въ костюмѣ Маргариты, сидѣвшую за прялкой. Она смѣялась и съ вызывающимъ видомъ говорила Фаусту, одѣтому въ баранью шубу и шапку Ивана Антоновича: „Любовь! Я принципіально не признаю любви".

Въ теченіе пяти лѣтъ моего студенчества, я встрѣчалась со многими молодыми и даже старыми людьми, у которыхъ это слово: „принципіально", было не только словомъ, не хвастовствомъ, не актерской тогой, прикрывавшей малодушіе лицемѣрія и трусости. Нѣтъ, я сама знала людей съ нѣжною, мечтатель-

ною душой, которые „принципіально“ бѣжали безъ оглядки отъ любимыхъ женщинъ,—знала хрупкихъ потомковъ аристократическихъ родовъ, выросшихъ въ роскоши и холѣ, которые „принципіально“ отказывались отъ всякой связи съ своими родителями и сырую, полутемную комнату предпочитали комфортабельному убранству тѣхъ богатыхъ домовъ, гдѣ протекло ихъ дѣтство, гдѣ раздавался ихъ первый дѣтскій лепетъ, гдѣ они учились любить, ненавидѣть и страдать. Я помню ученыхъ писателей, музыкантовъ, художниковъ, которые „принципіально“ отказывались отъ науки, отъ искусства и шли пахать землю или работать на фабрикѣ. О! это слово было сильное, могучее, властное слово; оно не знало пощады, оно отрывало мужей отъ женъ, бросало дѣтей въ воспитательный домъ, сѣяло вражду между двумя поколѣніями—отцами и дѣтьми, иногда горячо любившими другъ друга; оно отвергало красоту, и любовь, и искусство, признавая это условностями, не стоящими вниманія по отношенію къ единицамъ, которымъ они могли быть доступны, и полною нелѣпостью для тѣхъ милліоновъ, для которыхъ эти понятія являлись роскошью. Сотни, тысячи людей „принципіально“ изъ роскоши или довольства переходили къ нуждѣ, и, не приспособленные къ ней, разрушали свое здоровье и погибали; сотни, тысячи людей съ нѣжными, отзывчивыми, художественными натурами закрывали глаза на тѣ впечатлѣнія, которыя были существенной, необходимой пищей для души ихъ, бѣжали отъ всякаго эстетическаго наслажденія только потому, что существовали милліоны существъ, для которыхъ все это было недоступно... Таковы были эти люди недалекаго прошлаго, приносившіе въ жертву принципамъ свою душу и тѣло.—Но я отдалилась отъ разсказа.

Въ день моихъ именинъ, 4-го декабря, какъ теперь помню, ко мнѣ собрались гости, двѣ-три мои однокурсницы, нѣсколько человѣкъ студентовъ малороссовъ, моихъ земляковъ, и Иванъ Антоновичъ, принесшій мнѣ въ подарокъ большую банку домашняго варенья. Съ нимъ вмѣстѣ пришелъ и его товарищъ кавказецъ, Бебулидзе, съ большой черной бородой, съ черными какъ уголь глазами и съ широкими бровями, сходившимися надъ переносицей. Поздоровавшись со мной и крѣпко пожавъ мою руку, онъ усѣлся въ уголъ около печки и сурово поглядывалъ на все общество, время отъ времени куря папиросы, которыя онъ какъ-то очень быстро и ловко скручивалъ и вставлялъ въ мундштукъ своими большими смуглыми руками. Остальная компанія шутила, смѣялась, спорила. Разбирали профессоровъ, причемъ женская половина общества стояла горой за своихъ и не давала ихъ въ

обиду мужчинамъ. Всякій разговоръ сейчасъ же дѣлался общимъ; чтò интересовало одного, интересовало и всѣхъ; не успѣвали всѣ разсѣсться по мѣстамъ,—которыхъ, кстати сказать, было не особенно много, такъ что приходилось нѣсколькимъ человѣкамъ сидѣть на кровати,—какъ постепенно, въ жару завязавшагося спора, всѣ снова сбивались въ кружокъ на серединѣ комнаты, и тогда-то начиналась настоящая говорилка. Говорили всѣ вмѣстѣ, перебивая другъ друга, всякому хотѣлось сказать свое, и всѣ спѣшили, торопились, какъ будто боялись упустить дорогое время и оставить невысказаннымъ то, чтò такъ просилось наружу. Только Иванъ Антоновичъ меньше другихъ принималъ участіе въ бесѣдѣ; онъ разсѣянно слушалъ, разсѣянно отвѣчалъ и время отъ времени подходилъ къ Бебулидзе и что-то говорилъ ему. Бебулидзе кивалъ головою въ отвѣтъ и продолжалъ молчать.

— Умнѣйшая голова!—обратился ко мнѣ Иванъ Антоновичъ, когда я сѣла за самоваръ разливать чай:—вы не смотрите, что онъ такъ молчитъ. Это онъ стѣсняется въ незнакомомъ обществѣ. Онъ собирается удрать, вы его не пускайте. Тутъ же рядомъ съ вами его знакомая живетъ—Николаева, такъ онъ къ ней хочетъ пробраться.

— Николаева?—удивленно воскликнула я.—А вы съ ней не знакомы?—спросила я Ивана Антоновича.

— Какъ-же, встрѣчался у Бебулидзе во время его болѣзни. Принцесса такая.

Я засмѣялась.

— А знаете ли чтò? Позовите ее къ себѣ.

— Она не пойдетъ.

— Отчего не пойдетъ? Подождите, мы съ Бебулидзе сейчасъ оборудуемъ это дѣло.

И онъ, не дожидая моего отвѣта, направился къ Бебулидзе, и вскорѣ они оба исчезли за дверями моей комнаты.

Николаева, къ моему великому удивленію, не отказалась отъ приглашенія. Она довольно холодно поздоровалась со мной и съ моими гостями и усѣлась рядомъ съ Бебулидзе. Время отъ времени къ нимъ подбѣгалъ Иванъ Антоновичъ и старался завязать разговоръ. Но они оба держали себя далеко отъ всей компаніи, и только подъ конецъ вечера, когда началось хоровое пѣніе, Николаева приняла въ немъ участіе, по просьбѣ Бебулидзе и Ивана Антоновича, и стала запѣвать. У нея былъ чистый, густой, низкій контральто, но пѣла она какъ бы по заказу, ровно, спокойно, не увлекаясь. Мы стали просить ее, чтобы она спѣла

соло. Она очень скоро согласилась и запѣла бывшую тогда въ большомъ ходу пѣсню: „Есть на Волгѣ утесъ“. Строгая мелодія навѣяла на всѣхъ присутствующихъ какое-то особое настроеніе. Бебулидзе воодушевился и съ горящими глазами, склонивъ голову въ сторону Николаевой, съ жадностью ловилъ каждый звукъ; Иванъ Антоновичъ, насупившись, сложивъ руки крестомъ на груди, не сводилъ глазъ съ Елены Николаевны. Когда она кончила, всѣ столпились около нея и просили еще спѣть, но она наотрѣзъ отказалась и усѣлась опять на прежнее мѣсто. Мы снова наладили нашъ хоръ и, перепѣвъ всѣ знакомыя пѣсни, въ заключеніе вечера устроили кадриль, причемъ музыку напѣвали всѣ танцующіе. Много смѣху, суетни, особенныхъ, нигдѣ не виданныхъ фигуръ выдѣлалось за этою кадрилью. Я хохотала до упаду, глядя, какъ одинъ изъ моихъ земляковъ, не имѣя понятія о танцахъ, выдѣлывалъ какія-то замысловатыя pà, и совсѣмъ забыла про Николаеву. Когда наша кадриль кончилась, оказалось, что Николаева, Бебулидзе и Иванъ Антоновичъ исчезли. Какъ я потомъ узнала, они вмѣстѣ отправились гулять на набережную Невы и гуляли долго, потому что я уже проводила всѣхъ гостей и лежала въ постели, когда услышала въ коридорѣ у моей двери голоса Елены Николаевны и прощавшагося съ нею Ивана Антоновича.

Таково было начало моего знакомства съ Николаевой, и нужно сказать, что я немного разочаровалась въ ней. Въ этотъ вечеръ, проведенный ею у меня, меня оттолкнула ея холодность, равнодушіе и даже враждебность, съ которыми она отнеслась ко мнѣ и къ моимъ знакомымъ. Какъ бы то ни было, но я перестала интересоваться ею и вѣроятно, перемѣнивъ комнату, не встрѣчалась бы съ нею больше, еслибы не Иванъ Антоновичъ.

Какимъ образомъ это высокомѣрное, холодное существо, какимъ мнѣ въ то время представлялась Елена Николаевна, могло возбудить симпатію въ человѣкѣ съ самою нѣжною, впечатлительною душою, не могущаго равнодушно пройти мимо чужого горя,—какимъ образомъ эта скрытная, гордая дѣвушка могла привлечь къ себѣ Ивана Антоновича, у котораго вся душа была нараспашку,—остается для меня теперь такой же загадкой, какъ и въ то время; но я ясно видѣла, что Иванъ Антоновичъ совершенно потерялъ голову, забылъ все и всѣхъ на свѣтѣ и обратился если не въ рыцаря, то въ вѣрнаго раба той, которую онъ еще такъ недавно пренебрежительно называлъ „принцессою“. Не проходило дня, чтобы онъ не забѣгалъ ко мнѣ съ какими-то дѣлами, для того, чтобы имѣть предлогъ кстати навѣстить и

Елену Николаевну. Скоро эти предлоги оказались излишними, онъ сталъ уже бывать самостоятельно у нея и просиживалъ тамъ цѣлые вечера, приходя иногда одинъ, иногда вмѣстѣ съ Бебулидзе. Онъ заходилъ отъ нея ко мнѣ, нагруженный какими-то книгами, брошюрами, потомъ пересталъ и это дѣлать и даже какъ будто началъ избѣгать меня, послѣ того, какъ я позволила себѣ немножко потрунить надъ его симпатіей.

Все это время я была погружена въ свои занятія по уши. Подходило время послѣ-праздничныхъ репетицій, нужно было серьезно готовиться, и такъ какъ трудно было раздобыть всѣ необходимые препараты и пособія, то приходилось заниматься компаніей въ нѣсколько человѣкъ, то на курсахъ, то у кого-нибудь изъ моихъ товарокъ. Я не замѣчала, какъ летѣло время, и такъ какъ рѣдко бывала дома, то и не встрѣчалась ни съ Николаевой, ни съ Иваномъ Антоновичемъ.

Поэтому я была очень удивлена, когда однажды вечеромъ, придя изъ анатомическаго театра и собираясь пить чай, услышала за дверью голосъ Ивана Антоновича, спрашивавшій, можно ли войти. Не успѣла я съ нимъ поздороваться и предложить ему чаю, какъ въ дверяхъ показалась фигура Николаевой. Я очень обрадовалась Ивану Антоновичу, котораго такъ долго не видала, и какъ-то невольно эта радость встрѣчи съ нимъ перенеслась и на Елену Николаевну.

Я бросилась къ ней на встрѣчу, и мы совершенно неожиданно расцѣловались. Была ли я сама въ такомъ любвеобильномъ настроеніи, или, можетъ быть, Николаева въ этотъ день показалась мнѣ иной, болѣе привѣтливой, и тѣмъ подала поводъ къ такой экспансивности,—я не знаю,—вѣроятнѣе всего, что и послѣднее играло не малую роль. Иванъ Антоновичъ въ смущеніи заморгалъ глазами, а Николаева улыбнулась, увидя его смѣшное, удивленное лицо, и молчаливо сѣла на предложенное ей мѣсто. Она молчала все время, пока Иванъ Антоновичъ, путаясь и сбиваясь на каждомъ словѣ, началъ разсказывать о неудобствахъ комнаты Елены Николаевны, о тѣснотѣ, темнотѣ, духотѣ отъ чада и угара, проникающихъ изъ кухни, о томъ, какъ хозяйка прижимаетъ ее на каждомъ шагу, заводя ежедневно исторіи по поводу ея позднихъ возвращеній домой, и своей постоянной воркотней мѣшаетъ ей заниматься, что такъ ей жить невозможно, что это чортъ знаетъ что такое.

Дойдя до высшей степени возмущенія и волненія и покраснѣвъ до самаго корня волосъ, онъ вскочилъ съ мѣста и зашагалъ по комнатѣ, ероша съ ожесточеніемъ свои рѣдкіе волосы.

Николаева молчала, помѣшивая ложечкой чай; она пристально смотрѣла на Ивана Антоновича во все время его рѣчи, и когда онъ кончилъ, какая-то едва уловимая, полу-презрительныя улыбка чуть-чуть скривила ея губы. Она подождала еще немного, все такъ же пристально глядя на него, но видя, что онъ продолжаетъ шагать изъ угла въ уголъ, обратилась ко мнѣ.

— Дѣло въ томъ, что наши отношенія съ хозяйкой обострились теперь до такой степени, что больше оставаться здѣсь я не могу. Я искала долго комнату въ такую же цѣну, но ничего лучшаго не нашла. Мнѣ остается одно—поселиться съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ. Но я мало кого знаю, а селиться по газетнымъ объявленіямъ, съ незнакомыми людьми, мнѣ нежелательно по многимъ обстоятельствамъ. И вотъ я пришла предложить вамъ, если вы только найдете для себя удобнымъ, взять комнату пополамъ. Комната уже найдена, свѣтлая, просторная, удобная во всѣхъ отношеніяхъ.

Николаева умолкла, а Иванъ Антоновичъ, который все время съ выраженіемъ благоговѣйнаго удивленія слушалъ ея рѣчь, въ которой она такъ просто изложила суть дѣла, внезапно разразился цѣлымъ рядомъ похвалъ этой ново-найденной комнатѣ, такъ что по его описанію можно было предполагать, что предлагаемое мнѣ новое помѣщеніе скорѣе похоже на роскошный чертогъ, чѣмъ на меблированную комнату отъ хозяйки, цѣною въ 15 руб. По его словамъ, въ комнатѣ была масса воздуху, свѣту, чудный видъ, необыкновенно удобная мягкая мебель и въ довершеніе всего она была съ парадным ходомъ. Онъ такъ захлебывался отъ восторга при описаніи всякихъ мелочей обстановки, что я только диву далась, какъ и когда научился онъ распознавать то, что̀ составляетъ комфортъ обстановки,—онъ, который довольствовался для себя полутемнымъ угломъ и войлокомъ вмѣсто постели. При этомъ онъ такъ умоляюще смотрѣлъ на меня, что я не имѣла духу отказаться отъ предложенія Николаевой.

Было рѣшено, что я завтра же посмотрю комнату, переговорю съ нашей хозяйкой, а послѣ-завтра мы переѣдемъ на новую квартиру.

Хозяйка выслушала вѣсть о моемъ переѣздѣ довольно спокойно, но узнавъ, что я поселяюсь вмѣстѣ съ Еленой Николаевной, разразилась цѣлой филиппикой. Въ выраженіяхъ она не стѣснялась, и моя будущая сожительница фигурировала въ ея рѣчи съ многими нелестными для нея эпитетами, вродѣ шаромыжницы, аспида, змѣи подколодной, которая изъ нея всю душу вымотала, да и со мной поступитъ не лучше. По мнѣнію хо-

зяйки, я надѣвала петлю на шею, создавала себѣ каторгу, чуть ли не губила свою жизнь. Съ величайшимъ трудомъ мнѣ удалось остановить потокъ ея словъ и выпроводить изъ комнаты, но долго, долго потомъ, все время, пока я укладывала свои вещи, я слышала ея гнѣвныя восклицанія въ перемежку съ грохотомъ кухонной посуды, на которой она, очевидно, вымещала свое неудовольствіе.

На новой квартирѣ я застала уже Ивана Антоновича, который, по порученію Николаевой, перевезъ ея вещи и приводилъ комнату въ порядокъ. Онъ былъ занятъ вколачиваніемъ гвоздей для карточекъ, которыя онъ потомъ бережно и аккуратно размѣстилъ на наиболѣе выгодныхъ для общаго вида комнаты мѣстахъ. Онъ поминутно соскакивалъ съ лѣстницы, которую онъ для этой цѣли выпросилъ у дворника, ерошилъ волосы, отступалъ на нѣсколько шаговъ, наклоняясь то въ одну, то въ другую сторону и приглядываясь, не криво ли развѣшаны рамки, переставлялъ по двадцати разъ мебель съ мѣста на мѣсто и былъ весь поглощенъ заботами объ удобствахъ Елены Николаевны и желаніемъ угодить ей. Но всѣ его старанія пропали даромъ. Николаева явилась домой, очевидно, не въ духѣ и скоро подъ предлогомъ неотложныхъ занятій, выпроводила его, такъ сухо и холодно простившись съ нимъ, что бѣдный Иванъ Антоновичъ весь съёжился и въ смущеніи долго не находилъ своей шапки, въ чемъ многократно извинялся передъ ней. А она, проводивъ его гордымъ взглядомъ и перебросившись неохотно со мною нѣсколькими словами, закуталась въ плэдъ и легла на кровать, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Я побезпокоилась узнать, не больна ли она, но, получивъ отрицательный отвѣтъ, оставила ее въ покоѣ. Мнѣ было какъ-то не по себѣ; грубо отвергнутыя ею услуги Ивана Антоновича, ея холодное равнодушіе къ моему участію вызвали въ моей душѣ безпокойство, похожее на предчувствіе предстоящей непріятности. И занималась я не съ такою охотою и рвеніемъ, какъ всегда, и спала плохо, поминутно просыпаясь. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, можетъ быть, было обусловлено тѣмъ, что Николаева, вставъ съ постели, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я ложилась спать, почти всю ночь просидѣла при зажженной лампѣ за письменнымъ столомъ, а я съ дѣтства привыкла спать въ темнотѣ. Я рѣшила на слѣдующій день переговорить съ ней по этому поводу, а пока маялась, всю ночь ворочаясь съ боку на бокъ. „Если такъ будетъ продолжаться,—думала я,—недолго придется пожить намъ вмѣстѣ“, а въ душѣ наростало непріязненное чувство къ моей сожитель-

ницѣ, какъ будто я и завидовала ей за выказанную ею самостоятельность, и негодовала, что она вторгается такъ эгоистично въ мою жизнь, забивая меня въ какой-то дальній уголъ и совершенно не обращая вниманія, какъ будто меня и не существовало. Что касается до дальняго угла, то я въ первый же день не только фигурально, но и въ дѣйствительности была отодвинута совсѣмъ на задній планъ. Сама не знаю, какъ это случилось, но мнѣ досталась худшая постель, въ углу комнаты, рядомъ съ которою, у двери въ прихожую, помѣщался письменный столъ, а съ другой стороны коммодъ, остальную же часть, т.-е. почти три-четверти комнаты, заняла Николаева.

Я бы не обратила на это вниманія, еслибы она сама не подчеркнула мнѣ, что проситъ не заниматься у ея стола даже въ ея отсутствіе, чтобы не произвести безпорядка въ ея бумагахъ, проситъ не сидѣть на ея постели,—„я этого не выношу“, прибавила она,—проситъ не трогать ея книгъ, чтобы не растерять какихъ-то помѣщающихся въ нихъ замѣтокъ, и т. д. Я хотѣла уже, было, обратиться къ посредству Ивана Антоновича, чтобы установить наши взаимныя сожительскія отношенія, но отъ этой мысли пришлось отказаться, послѣ того какъ я на другой день, раздѣваясь въ прихожей, случайно услышала слѣдующій разговоръ между нимъ и Еленой Николаевной:

— И вы не понимаете,—возвыся голосъ и рѣзко отчеканивая слова, говорила Николаева,—что вы своею угодливостью, вѣчнымъ смотрѣніемъ въ глаза, непрерывнымъ настораживаніемъ самого себя, чтобы по первому мановенію моей руки броситься исполнять мои желанія, угнетаете меня. Да, да, угнетаете, это вѣрно, такъ вѣрно, какъ то, что вы стоите теперь передо мной съ испуганнымъ, растеряннымъ выраженіемъ лица. Я выше всего цѣню въ людяхъ ихъ независимость, сознаніе человѣческаго достоинства, а такіе люди, какъ вы, не знающіе, куда себя дѣвать, пришпиливающіе себя къ чужой жизни, мнѣ невыносимы...

— Елена Николаевна, я не зналъ право, я не настаивалъ на своихъ услугахъ, и притомъ онѣ такъ ничтожны, мелки...—прозвучало робко замѣчаніе Ивана Антоновича, пожелавшаго вставить и свое слово.

— Тѣмъ хуже, тѣмъ невыносимѣе онѣ для меня. Я понимаю, что еслибы вы съ опасностью для своей жизни спасли меня отъ смерти, и я осталась бы вашей должницей. Конечно, это было бы тяжело быть обязанной и вслѣдствіе этого зависимой, потому что всякое обязательство ставитъ непремѣнно человѣка въ зависимость... но все-таки я бы знала, *за что* я на-

кладываю на себя эти цѣпи. А теперь я должна быть обязанной вамъ, за такія услуги, которыхъ я даже и вспомнить не могу, за то, напримѣръ, что вы прибили вотъ этотъ гвоздь, что вы сбѣгали въ публичную библіотеку и сдѣлали необходимую для меня выписку, за то, что вы уплатили нѣсколько десятковъ рублей моей прежней квартирной хозяйкѣ... Но больше я не могу этого переносить. Довольно. Можете считать себя идеаломъ благородства и всякихъ возвышенныхъ чувствъ, а меня неблагодарной, да, неблагодарной, потому что я никакой благодарности къ вамъ за ваши мелкія услуги не чувствую, а только желаю одного, чтобы онѣ прекратились разъ навсегда и чтобы вы меня какъ можно меньше безпокоили своимъ обществомъ, въ которомъ я совершенно не нуждаюсь и никогда не нуждалась. Вы какъ-то совершенно насильственно вторглись въ мою жизнь, завладѣли всѣмъ моимъ временемъ; я не убереглась, не съумѣла васъ отстранить во-время, и теперь, вотъ, наказана тѣмъ, что должна вести этотъ непріятный разговоръ...

Я не успѣла опомниться, остолбенѣвъ отъ изумленія, слушая эти слова, какъ дверь отворилась, и на порогѣ ея показался Иванъ Антоновичъ. Онъ былъ блѣденъ и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Не замѣтивъ меня, онъ сталъ стремительно надѣвать свое пальто и, схвативъ шапку и держа ее въ рукахъ, бросился къ выходной двери.

Когда я вошла въ комнату, Николаева стояла у окна спиной ко мнѣ. Заслышавъ мои шаги, она повернулась, тряхнувъ своими косами, и просто и непринужденно обратилась ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ по поводу моихъ занятій. Она была совершенно спокойна; предыдущій разговоръ, очевидно, не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія. И тогда, и потомъ меня удивляла эта способность ея переходить отъ грубаго, надменнаго, раздражительнаго тона къ мягкому, вкрадчивому говору задушевной рѣчи.

— Я хотѣла съ вами серьезно поговорить по поводу нашего сожительства. Дѣло въ томъ, что въ настоящую минуту я нахожусь въ довольно затруднительномъ матеріальномъ положеніи. Урокъ мой прекратился и платить за комнату мнѣ нечѣмъ. Конечно, это только временно. Мнѣ уже обѣщали въ недалекомъ будущемъ кое-какія занятія. Но пока мнѣ придется быть вашей должницей. Мнѣ кажется, что вы—порядочный человѣкъ, и это обстоятельство не внесетъ никакого недоразумѣнія въ нашу совмѣстную жизнь.

Я отвѣтила утвердительно. Новая комната стоила немно-

гимъ дороже прежней, и расходъ на нее, несмотря на мои небольшія средства, не представлялся обременительнымъ для моего скромнаго бюджета.

— Теперь намъ нужно обсудить еще одинъ вопросъ, не такой щекотливый, какъ первый, но несравненно болѣе важный. Я не привыкла жить вдвоемъ,—такая жизнь, какъ наша теперь съ вами, постоянное общеніе на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ страшно тяготитъ меня. Для того, чтобы она оказалась сносной, мнѣ придется оградить себя отъ вторженія въ мою жизнь. Я не терплю разспросовъ, безпокойствъ о моемъ здоровьѣ, заботъ о моихъ удобствахъ и т. п. Вы на меня въ этомъ отношеніи претендовать не будете—я не люблю праздныхъ разговоровъ—остается только вамъ поступать такъ же, и мы, я думаю, уживемся.

Тонъ Николаевой становился все холоднѣе и холоднѣе. Она какъ будто чувствовала себя выигравшей позицію и намѣревалась сдѣлать послѣдній, окончательный натискъ.

— Еще одна, послѣдняя просьба,—добавила она болѣе мягко.—Ко мнѣ иногда собираются мои знакомые и намъ приходится обсуждать нѣкоторые вопросы, которые, вѣроятно, не представятъ для васъ никакого интереса, такъ какъ вы—человѣкъ совершенно чуждый тому дѣлу, которому мы преданы. Вы сами понимаете, что ваше присутствіе, при такихъ обстоятельствахъ, насъ всѣхъ страшно стѣснило бы...

— Вы желаете, чтобы я уходила на это время...

— Да, у васъ навѣрно тоже найдется, гдѣ провести время въ эти вечера... Но само собою разумѣется, что я не могу этого требовать—эта комната ваша въ такой же мѣрѣ, какъ и моя...

Я согласилась... Какъ, почему—мнѣ трудно теперь объяснить это. Не думаю, чтобы я находилась въ то время подъ обаяніемъ ея личности, какъ Иванъ Антоновичъ, и теперь даже, много лѣтъ спустя, я помню, какъ во время этого разговора у меня въ душѣ росло какое-то странное чувство, смѣсь досады, униженія и удивленія передъ ея безцеремонностью. Послѣднее, вѣроятно, было болѣе сильнымъ и заглушало первыя два,—я не противилась противъ высказанныхъ ею условій и согласилась со всѣми ея требованіями.

Странная вещь! Несмотря на полное, повидимому, равнодушіе Николаевой относительно распорядковъ мелочей нашего домашняго обихода, всѣ блага и преимущества оказались на ея сторонѣ. Какъ я уже говорила, она заняла и лучшую кровать, и

свѣтлый уголокъ у окна, на томъ основаніи, что для меня, приходившей домой вечеромъ и занимавшейся съ лампой, такая разстановка была безразлична, между тѣмъ какъ ей, для занятій живописью, свѣтъ былъ безусловно необходимъ. Зачѣмъ ей понадобились эти занятія, такъ и осталось тайной, но занималась она очень усердно подъ руководствомъ художника, Ивана Ивановича Окунева, съ которымъ она познакомилась гдѣ-то такъ же случайно, какъ и съ Иваномъ Антоновичемъ, и котораго такъ же быстро привела къ полной покорности и послушанію. Сначала она ходила къ нему брать уроки, но скоро нашла это неудобнымъ, и въ нашей комнаткѣ появился мольбертъ со всѣми принадлежностями. Она сразу стала писать какое-то панно (вѣроятно, она и раньше умѣла рисовать), изображавшее воду съ растущими на ней водяными лиліями. Окуневъ восхищался ея успѣхами; у насъ въ комнатѣ пахло скипидаромъ; по всѣмъ стульямъ валялись тряпки и бумаги, вымазанныя красками, и вообще былъ полный художественный безпорядокъ. Иванъ Ивановичъ такъ много времени посвящалъ своей ученицѣ, что, кажется, совсѣмъ забросилъ академію, и когда вспоминалъ о своихъ начатыхъ и неоконченныхъ къ экзамену работахъ, то начиналъ громить своихъ профессоровъ и рутинность ихъ преподаванія, какъ будто желая на нихъ сорвать досаду за свое ничегонедѣланіе. Николаева все время была преувеличенно любезна со своимъ учителемъ, но мнѣ казалось, что скоро и для него пробьетъ часъ отставки. Иванъ Антоновичъ, послѣ послѣдняго разговора, совершенно исчезъ съ нашего горизонта, да и всѣ другіе знакомые очень рѣдко навѣщали меня, не желая встрѣчаться съ Николаевой, которую они недолюбливали за ея острый язычокъ и саркастическій разговоръ, всегда навѣвавшій холодъ и разстроивавшій самую задушевную бесѣду. Съ ея знакомыми, за исключеніемъ Окунева, я не встрѣчалась. Согласно условію, она меня предупреждала объ имѣющемся быть у нея собраніи, и я уходила къ кому-нибудь изъ своихъ товарокъ. Заниматься при такихъ условіяхъ было очень трудно, жить стѣснительно, и я начинала подумывать о переѣздѣ на отдѣльную квартиру. Но этимъ желаніямъ ие суждено было исполниться, и вотъ почему. Какъ только приходилъ конецъ мѣсяца, и нужно было платить за квартиру, Николаева становилась особенно раздражительной, молчала по цѣлымъ часамъ, или ложилась на кровать лицомъ къ стѣнѣ, и наоборотъ, какъ только я укладывалась спать, она вскакивала съ постели, зажигала лампу, и при

малѣйшемъ моемъ обращеніи къ ней, разражалась цѣлымъ потокомъ словъ, въ которомъ обвиненія сыпались за обвиненіями.

Совершенно естественно, говорила она, что я могла угнетать и подавлять ее—разъ она была поставлена въ такія условія, что матеріально зависѣла отъ меня. Она жаловалась, что эта зависимость ее гложетъ, и она не знаетъ, какъ выпутаться, потому что до сихъ поръ не можетъ никуда пристроиться, что она лучше пошла бы мыть полы, стирать бѣлье, только не испытывать бы того гадостнаго чувства униженія, которое терзаетъ и доводитъ ее до безсонницы, что я же должна, наконецъ, понять, что такъ продолжаться не можетъ, и что не можетъ она изъ-за какихъ-нибудь семи рублей раболѣпствовать передо мной, и т. д., и т. д.

Странно сказать, но эти разговоры на одну и ту же тему, въ которыхъ я и тогда не видѣла ничего кромѣ нелѣпыхъ нападокъ, не имѣющихъ за собою никакого разумнаго основанія, производили на меня ошеломляющее впечатлѣніе. Сколько разъ давала я себѣ слово откровенно высказать Николаевой свое желаніе поселиться отдѣльно, что̀ для меня являлось необходимостью, въ виду полной невозможности заниматься при установившихся условіяхъ нашего сожительства, и тѣмъ не менѣе я молчала и продолжала жить по прежнему, каждый день все болѣе и болѣе тяготясь такою жизнью. Не знаю, чѣмъ бы окончилось такое невыносимое для меня положеніе вещей, еслибы не одно обстоятельство, совершенно внезапно положившее конецъ нашей совмѣстной жизни.

Какъ-то разъ вечеромъ, въ концѣ зимы, какъ теперь помню, Николаева возвратилась поздно и, не раздѣваясь, въ пальто, плэдѣ и шапочкѣ, какая-то растерянная, вошла въ комнату и остановилась около стола, за которымъ я работала. Она была блѣдна и чѣмъ-то разстроена. Первый разъ за все время моего знакомства съ ней, она мнѣ не импонировала, и въ первый разъ я ее искренно пожалѣла. Выраженіе ея лица было испуганное, нижняя челюсть тряслась и зубы стучали, когда она начала говорить. Изъ ея безсвязной рѣчи я поняла, что ей непремѣнно завтра нужно ѣхать за границу—всего лучше въ Парижъ—тамъ ей легче всего пристроиться.

— Столько хлопотъ предстоитъ мнѣ, и денегъ достать, и здѣсь покончить со всѣми моими дѣлами, написать массу писемъ... и все это сегодня вечеромъ... ночью... А я не могу...—проговорила она упавшимъ голосомъ.—Посмотрите на меня,—я вся

дрожу, какъ въ лихорадкѣ... голова горитъ... тѣло нѣмѣетъ... руки не двигаются...

Я выразила горячее сочувствіе и предложила ей свою помощь.

— Ложитесь теперь, — сказала я, — напейтесь малины, согрѣетесь, придете въ себя и скажете, что̀ нужно сдѣлать, куда поѣхать.

Но Николаева только покачала головой.

— Это все не то, — отвѣчала она мнѣ, сбрасывая съ себя пальто. — Вамъ это не подойдетъ... Вотъ, еслибы Иванъ Антоновичъ...

— Милая, дорогая! — и Николаева уже обнимала меня одною рукой и довѣрчиво, какъ бы во мнѣ ища защиты, прижималась ко мнѣ. — Поѣзжайте къ нему, попросите пріѣхать тотчасъ же, объясните, какая бѣда. — И она, обвивъ меня рукой за талію и какъ-то незамѣтно опустившись на полъ, какъ бы упавъ передо мной на колѣни, и умоляюще глядя на меня глазами, полными слезъ, молила исполнить свою просьбу.

Черезъ часъ, Иванъ Антоновичъ сидѣлъ у насъ за чайнымъ столомъ. Когда я къ нему пріѣхала и разсказала обстоятельства дѣла, онъ немного оторопѣлъ, но потомъ очень скоро согласился поѣхать къ намъ.

Николаева встрѣтила его такъ, какъ будто между ними ничего не произошло, а Иванъ Антоновичъ, увидя ее въ такомъ безпомощномъ состояніи, плачущую, почти больную, прежде всего сталъ успокоивать ее.

— Голубушка, все устроимъ, — говорилъ онъ ей, подходя къ ней на цыпочкахъ съ чашкою малины, которою онъ поилъ ее съ ложечки, такъ бережно придерживая ея голову, какъ будто она была стеклянная и могла разбиться отъ всякаго его прикосновенія.

— На наше счастье Окуневъ на дняхъ получилъ маленькія деньжонки по наслѣдству отъ тетки. Я мигомъ къ нему съѣзжу и обработаю это дѣло...

— А письма, а бумаги, — проговорила Николаева. — Я такъ слаба, что двинуться не могу...

— Все въ свой чередъ, все въ свой чередъ... Вы только лежите умницей. Варвара Андреевна прикажетъ пока печку затопить... Я вернусь, мы и займемся всѣ вмѣстѣ ауто да-фе. Такую иллюминацію произведемъ... Потомъ вы соснете, а мы вещи уложимъ, а завтра утромъ и на вокзалъ проводимъ — все какъ слѣдуетъ...

— Только не зовите никого провожать меня... Вы что-то

ужъ очень засуетились... не умѣете вы ничего просто дѣлать... Начнете говорить тамъ про меня, выставлять страдалицей... Не возражайте, не возражайте, я васъ знаю... Но все равно, выбора нѣтъ—я все равно ничего не могу сдѣлать и должна довольствоваться услугами постороннихъ людей.

— Да вы, голубушка, не безпокойтесь, дайте только мнѣ инструкціи. Все будетъ исполнено, какъ вы пожелаете...

— Нѣтъ, я удивляюсь вамъ,—и Николаева приподнялась съ подушки, опираясь на локоть:—вы видите, что я больна, еле говорю, и вы еще тревожите меня какими-то разспросами... У васъ нѣтъ сердца, Иванъ Антоновичъ!

— Поѣзжайте скорѣе! — шепнула я ему, видя, какъ онъ безнадежно мнетъ въ рукахъ свою шапку, не зная, что̀ дѣлать.— У нея нервы разстроены; поѣзжайте, дѣлайте все, какъ говорили, —она успокоится...

Николаева дѣйствительно успокоилась и не придиралась больше къ Ивану Антоновичу. Она немного заснула въ его отсутствіе, и когда онъ вернулся назадъ съ деньгами, добытыми у Окунева, Николаева уже была гораздо спокойнѣе, и мы всѣ втроемъ принялись за работу. Много бумаги писанной и печатной сожгли мы въ эту ночь. Николаева разбирала сама каждую записку, письмо, брошюру, а потомъ передавала ихъ намъ съ Иваномъ Антоновичемъ. Пламя охватывало огненными языками тоненькіе листочки и вздымалось все выше; листки крутились, чернѣли, огонь угасалъ—тогда мы подбрасывали новую пищу пламени... и опять огонь взвивался кверху и освѣщалъ наши лица...

Рано утромъ, Иванъ Антоновичъ собственноручно вытащилъ потресканный чемоданчикъ Николаевой на извозчика. Она, очевидно довольная, что все такъ хорошо уладилось, была весела, шутила, крѣпко обняла и расцѣловала меня и Ивана Антоновича, чѣмъ такъ растрогала насъ обоихъ, что мы даже прослезились на прощанье. Изъ окна я увидѣла, какъ она плотно запахнулась въ свой плэдъ и, горделиво поднявъ голову, спокойно и равнодушно сидѣла въ то время, какъ ея спутникъ старался поудачнѣе примостить ея чемоданчикъ. Сани тронулись, но я долго слѣдила за ними взглядомъ, пока они не скрылись изъ виду... „Бѣдная!!—мелькнуло у меня въ головѣ.—Какъ-то устроится она въ чужомъ городѣ, не имѣя друзей? Какія мытарства предстоятъ еще ей въ жизни?"

Много позже, совершенно случайно встрѣтившись съ Бебулидзе, тѣмъ кавказцемъ съ черными глазами, черезъ котораго познакомился съ Николаевой Иванъ Антоновичъ, я узнала, что

никакой необходимости для нея въ отъѣздѣ за границу не было. „Пустая женщина",—охарактеризовалъ онъ ее, свертывая кручонку, а когда я ему разсказала, что мы всю ночь жгли ея бумаги, онъ расхохотался мнѣ прямо въ лицо. „Напрасно трудились и сами не спали. Дѣвушка ваша могла это сдѣлать когда угодно. Всѣ ея бумаги—это былъ никому ненужный хламъ—письма разныя, отрывки переводовъ, стиховъ, я все это знаю, мы были съ ней когда-то большими друзьями, и она мнѣ читала всѣ свои пробы пера и берегла ихъ какъ зѣницу ока... Я знаю навѣрное, что у нея никогда не было никакихъ компрометтирующихъ ее или кого-либо документовъ... Она была очень осторожна и всегда находила предлоги, чтобы уклониться отъ всего, что̀ могло задѣть ее...

— Мнѣ кажется, что она пользовалась въ вашемъ кружкѣ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ. Къ ней такъ часто обращались по разнымъ дѣламъ, спрашивали ея совѣта,—спросила я, крайне удивленная его отзывомъ о Николаевой...

— Долго разсказывать все... однимъ словомъ, пустая женщина... Разговора не стоитъ.

Однако, несмотря на его нежеланіе сообщить мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія про Николаеву, мнѣ все-таки удалось, послѣ большихъ подходовъ и дипломатическихъ вылазокъ, вывѣдать отъ Бебулидзе все, что̀ онъ самъ зналъ о ней. Исторія ея была такова.

Она была дочерью зажиточнаго помѣщика и получила прекрасное домашнее образованіе. Мать въ ней души не чаяла, баловала ее и лелѣяла. Когда ей исполнилось пятнадцать лѣтъ, мать умерла, а отецъ, года черезъ два, женился на гувернанткѣ, француженкѣ, особѣ съ деспотическимъ характеромъ и съ большой жаждой жизни. Скоро послѣ свадьбы, отецъ съ мачихой уѣхали за-границу, а она съ другими дѣтьми осталась въ деревнѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ имѣніе было заложено, перезаложено и продано съ молотка. Когда вся семья собралась вмѣстѣ въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ отецъ ея получилъ какое-то незначительное мѣсто, наступила новая, тяжелая жизнь. Жалкое существованіе на какіе-то гроши одинаково претило всѣмъ безъ исключенія. Всѣ хотѣли сибаритствовать и ничего не дѣлать, проклинали жизнь, обвиняли другъ друга. Сначала кое-какъ перебивались, продавали цѣнныя вещи, но потомъ наступила настоящая нищета. Младшихъ братьевъ пришлось взять изъ гимназіи; прислугу отпустили. Елена Николаевна ненавидѣла мачиху, которая своими безумными тратами за-грани-

цей довела всю семью до нищеты; мачиха ненавидѣла ее и дѣтей, которыхъ нужно было кормить и одѣвать. Въ домѣ была или полная тишина, какъ въ гробу, или же изъ-за всякаго пустяка поднимались ссоры, кончавшіяся чуть не площадными ругательствами. Послѣ одной изъ такихъ сценъ, когда мачиха, совсѣмъ озвѣрѣвъ отъ злости, выгнала ее изъ дому, Николаева ушла и не возвратилась больше.

Она уѣхала сначала въ Москву, гдѣ перебивалась, какъ могла, завела много знакомствъ въ студенческомъ кругу и оттуда, уже снабженная разными письмами къ землякамъ, явилась и въ Петербургъ, гдѣ также, какъ и въ Москвѣ, ей не удалось устроиться. Бебулидзе объяснялъ это тѣмъ, что она сама не хотѣла брать уроковъ, перецѣнивала свой трудъ, вступала въ пререканія съ учениками и ихъ родителями... Отъѣздъ ея за-границу былъ неожиданностью для всѣхъ ея знакомыхъ, и о причинахъ, заставившихъ ее уѣхать, никто не имѣлъ никакого понятія... Существовало предположеніе, что она такимъ путемъ хотѣла уклониться отъ поѣздки въ одну изъ приволжскихъ губерній, которая была на нее возложена ея кружкомъ, но это было только предположеніе...

Иванъ Антоновичъ и художникъ Окуневъ въ разговорѣ со мной часто ее вспоминали, видѣли въ ней выдающуюся женщину, загадочную натуру, подолгу спорили со мной и другъ съ другомъ, входя въ детальное обсужденіе ея характера и поступковъ. Но мѣсяцы проходили за мѣсяцами, извѣстій о ней никакихъ не получалось, и понемногу, постепенно, мы стали ее забывать и все рѣже и рѣже вспоминали о ней.

Прошло два года съ половиной. На вакаціи, какъ и всегда, я уѣхала къ себѣ домой, въ Одессу, чтобы отдохнуть и набраться силъ для зимы. Какимъ привѣтливымъ показался мнѣ мой чистенькій родной городъ, съ прямыми, широкими, обсаженными деревьями, улицами, залитый всегда яркимъ свѣтомъ солнца, при которомъ даже сѣрыя, однообразныя громады зданій какъ-то оживаютъ и веселятъ взоръ. Яркое синее небо, синее море, свѣжій морской вѣтерокъ, время отъ времени проносящійся по накаленнымъ улицамъ, острый, ароматный запахъ фруктовъ, грудами наваленныхъ у входа въ фруктовыя подвальныя лавки, встрѣчающіяся на каждомъ шагу,—все это сливалось въ одно ощущеніе близкаго, родного, все это веселило и бодрило меня, когда я, послѣ долгаго отсутствія на чужой сторонѣ, очутилась опять у себя дома. А когда вдругъ надвигалась ночь и небо становилось почти чернымъ, и на немъ начинали

искриться звѣзды, а отъ накалившихся за день стѣнъ домовъ, какъ отъ жарко-натопленной печки, распространялось тепло, и въ легкихъ порывахъ вѣтерка доносилось къ вамъ жаркой струей, ласкавшей васъ, какъ поцѣлуй,—когда акаціи застывали неподвижно, какъ въ истомѣ, и, разбросавъ въ пространство свои вѣтви, еле шевелили листочками,—когда всякій звукъ становился отчетливѣе, всякая мысль яснѣе... о, какъ я любила эти вечера, навѣвавшіе чудныя грёзы, какъ любила я сидѣть одна на балконѣ, въ темномъ уголку, въ которомъ меня трудно было различить, гдѣ, тутъ же рядомъ, задѣвая край моего платья, ложилась на полу яркая полоса свѣта, проникавшаго черезъ незатворенную дверь столовой...

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда я унеслась мыслью далеко-далеко, мои грёзы были прерваны вдругъ голосомъ братишки:

— Варя, тебя спрашиваютъ...

Я вскочила съ мѣста... Кто бы это могъ быть такъ поздно? —подумала я и бросилась въ прихожую.—У двери стояла какая-то молодая дѣвушка, въ простенькой соломенной шляпѣ и въ дорожномъ костюмѣ, съ сумкой черезъ плечо. Одинъ моментъ недоумѣнія, и я ее узнала.

— Николаева,—воскликнула я,—какими судьбами?

— Я прямо съ парохода,—мягко, немного заглушеннымъ голосомъ сказала она.—Узнала вашъ адресъ и, по старой дружбѣ, прежде всего рѣшила навѣстить васъ,—еще тише произнесла она, опуская глаза. Я обняла ее за талію, и не давъ ей снять шляпу и кофточку, потащила въ столовую, гдѣ вся наша семья собралась у чайнаго стола. Мои родители приняли Николаеву очень радушно, и когда она стала говорить о томъ, что ей хотѣлось бы остаться въ Одессѣ нѣкоторое время, и стала разузнавать, гдѣ бы ей помѣститься, то всѣ мы энергично воспротивились ея отъѣзду, и было рѣшено, что она останется у насъ.

Она была немного утомлена послѣ дороги и говорила мало; но она такъ просто, непринужденно себя держала, такъ мило улыбалась на шутки моего отца, съ такою покорностью въ голосѣ обращалась къ моей матери, такъ женственны были всѣ ея движенія и такою задушевностью дышали всѣ ея слова, что я только удивлялась: неужели это та самая Николаева, которую я знала когда-то? Но жизнь такъ мѣняетъ людей, а съ ея отъѣзда въ Парижъ прошло нѣсколько лѣтъ. Мнѣ хотѣлось вызвать ее на откровенность, узнать, что̀ такое случилось, что̀ произвело въ ней такую перемѣну, но мнѣ это не удалось. Когда

мы остались вдвоемъ, она, ссылаясь на усталость и на головную боль, очень быстро раздѣлась и улеглась. Когда я увидѣла ее лежащею на кровати, лицомъ къ стѣнѣ, у меня вдругъ воскресло воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ съ нею вмѣстѣ на общей квартирѣ, когда она такъ же, какъ и теперь, отвертывалась отъ меня, мучаясь какими-то своими думами и упорно отстраняясь отъ разговора со мной.

Мнѣ опять сдѣлалось не по себѣ; я скоро раздѣлась и заснула съ какимъ-то чувствомъ досады, недовольства на себя, и на свою способность легко поддаваться всякимъ впечатлѣніямъ, и на неумѣнье разбираться въ людяхъ. Почему мнѣ непремѣнно всегда, если только это позволяли обстоятельства, хотѣлось видѣть въ Николаевой не того человѣка, какимъ она была на самомъ дѣлѣ, а какого-то другого, котораго я восторженно привѣтствовала и бросалась къ нему на встрѣчу, безъ оглядки, когда случайныя мимолетныя черты созданнаго моимъ воображеніемъ идеала вдругъ всплывали наверхъ и маскировали настоящую ея личность? И теперь опять я поддалась обаянію ея призрачной личности и встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, какъ своего лучшаго друга, забывъ все, чѣмъ она была такъ антипатична для меня въ прежнее время, и стараясь найти въ ней какого-то новаго человѣка...

На другой день, когда я только открыла глаза, я увидѣла Николаеву одѣтой и занятой чтеніемъ. Замѣтивъ, что я проснулась, она подняла голову отъ книги и повернулась ко мнѣ лицомъ. Я не ошиблась въ моихъ предположеніяхъ: предо мной была прежняя Николаева, съ гордымъ, самоувѣреннымъ выраженіемъ лица, съ полу-презрительной улыбкой, игравшей на ея губахъ.

— Хорошо ли вы спали?—спросила я ее, поднимаясь съ кровати.

— Здѣсь очень душно для двоихъ, — проговорила она холодно. — Я плохо спала всю ночь... Вообще говоря, мнѣ оставаться здѣсь неудобно... Вы знаете, я не привыкла кому-нибудь обязываться... Я совсѣмъ не знаю вашихъ родителей, они для меня совсѣмъ чужіе.

О, какъ хотѣлось мнѣ въ эту минуту сказать ей прямо: зачѣмъ же вы пріѣхали къ намъ, зачѣмъ вы сидите здѣсь и выражаете свое недовольство? Уходите, бѣгите изъ нашего дома, потому что ваше отношеніе къ радушію моей семьи оскорбляетъ меня и оскорбитъ и моихъ родителей, если они узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло... Но я молчала... можетъ быть, инстинктивно чув-

ствуя, что ея самоувѣренность, недовольство всѣмъ и всѣми, назойливость и громкія слова скрывали за собой что-то жалкое и приниженное...

И потомъ она была моей гостьей, и мнѣ во всякомъ случаѣ нельзя было ее гнать изъ дому, въ которомъ она нашла себѣ пріютъ.

— Не можете ли вы достать мнѣ здѣсь какой-нибудь работы? — обратилась она ко мнѣ, послѣ довольно долгаго молчанія.

— Работы? какой?

— Все равно, переводы, уроки, переписка... Мнѣ нужно заработать на дорогу въ Петербургъ...

Мнѣ опять стало жаль ее. И какъ могла я, выросшая въ зажиточной семьѣ, всегда окруженная заботами и любовью своихъ близкихъ, никогда не знавшая нужды, негодовать на неровности характера Николаевой, которой приходилось всю жизнь биться какъ рыбѣ объ ледъ!

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, я побѣжала сейчасъ же послѣ утренняго чая въ редакцію мѣстной газеты, гдѣ у меня были знакомые и гдѣ я надѣялась найти какую-нибудь временную работу для Николаевой. Мнѣ посчастливилось достать переводъ какого-то французскаго романа, и я, очень довольная успѣхомъ своего дѣла, торжественно размахивая книжкой въ желтой обложкѣ, вбѣжала весело въ столовую, гдѣ нашла всю нашу семью, вмѣстѣ съ Николаевой, сидящую за завтракомъ. Но моя радость и хорошее настроеніе духа были непродолжительны. Не успѣла я снять шляпу и усѣсться за столъ, какъ Николаева, повертѣвъ переданную мною ей книгу въ рукахъ, отбросила ее отъ себя съ недовольнымъ видомъ и, сославшись на головную боль, встала отъ стола и ушла къ себѣ въ комнату.

— А твоя товарка должна быть съ большой мухой,—замѣтилъ отецъ, видя по моему лицу, какое непріятное впечатлѣніе произвелъ на меня ея безпричинный выходъ изъ-за стола.—Но зато у нея много талантовъ... и другихъ достоинствъ. Мы тутъ такъ весело болтали все время. Елена Николаевна мастерски умѣетъ разсказывать... И такая наблюдательная... Съ ней никогда не соскучишься...

Мама молчала, разливая кофе и искоса поглядывая на меня. По ея немного-нахмуренному лицу я догадалась, что она уже успѣла разгадать мою пріятельницу, и ея остроты и задоръ, такъ понравившіеся моему отцу, не произвели на нее пріятнаго

впечатлѣнія и не расположили ее въ пользу Николаевой, а скорѣе наоборотъ.

— Ты бы пошла, посмотрѣла, что̀ съ ней, — замѣтилъ отецъ. — Она все сидѣла на балконѣ безъ шляпки... Можетъ быть, ей льду нужно, или компрессы приложить на голову?

Я отлично знала, что это удаленіе въ свою комнату было вызвано не головной болью, а обозначало недовольство Николаевой мной или чѣмъ-то случившимся. Но чѣмъ именно, я не могла догадаться, сколько ни ломала своей головы. Разсердиться, разстроиться именно теперь, когда, повидимому, ея надежды на заработокъ оправдывались... и все слагалось какъ нельзя лучше!

Къ моему удивленію, Николаева не лежала на кровати лицомъ къ стѣнѣ, какъ она обыкновенно дѣлала въ минуты недовольства, а стояла у окна, прислонившись лбомъ къ стеклу. Заслышавъ мои шаги, она обернулась.

— Что̀ съ вами?—спросила я, стараясь придать искусственную ласковость своему голосу. Въ душѣ, я опять чувствовала только досаду на то, что мнѣ приходится притворяться и сочувственно относиться къ ея выдуманной болѣзни, въ которую я нисколько не вѣрила. На мои слова отвѣта не послѣдовало. Николаева только повернулась ко мнѣ лицомъ и пристально, изъ-подъ полу-прищуренныхъ рѣсницъ, окинула меня недоумѣвающимъ взглядомъ. Опершись руками на подоконникъ, она вся выпрямилась и гордо подняла голову кверху, наконецъ заговорила, когда увидѣла, что я не собиралась прерывать ея молчанія.

— Мнѣ кажется, что вы, — обратилась она ко мнѣ, — за тотъ довольно продолжительный періодъ времени нашего совмѣстнаго сожительства, съумѣли изучить меня настолько, чтобы имѣть понятіе хотя бы даже въ самыхъ грубыхъ чертахъ о моихъ взглядахъ...

— Я васъ не понимаю, — перебила я ее: — причемъ тутъ взгляды?..

— Какъ же вы не могли догадаться, что такой работы, какую вы принесли мнѣ, я не возьму ни за какія деньги... Переводить бульварные романы, потворствовать низкимъ вкусамъ и инстинктамъ толпы... Какъ вы только могли подумать, что я соглашусь на что-нибудь подобное... Вы меня глубоко и незаслуженно оскорбили,—добавила она, понизивъ голосъ и наклонивъ голову.

И тутъ я оказывалась виноватой!.. Но моя досада и недо-

вольство Николаевой какъ-то вдругъ, моментально исчезли. Солнце ярко свѣтило; въ саду щебетали птицы; съ улицы доносился веселый шумъ и говоръ; на розахъ, срѣзанныхъ сегодня для букета, сверкали еще не успѣвшія высохнуть капельки росы; въ углу комнаты бѣгалъ зайчикъ отъ отраженнаго луча солнца... И все это вмѣстѣ было такъ хорошо, такъ жизнерадостно, что меня охватилъ приступъ неудержимой веселости. Мнѣ вдругъ стало смѣшно, и я разразилась такимъ раскатистымъ смѣхомъ, какого Николаева, кажется, никогда отъ меня не слышала. Я подбѣжала къ ней, схватила ее за руки и стала кружить по комнатѣ...

— Книгу отнесемъ въ редакцію назадъ, хоть сейчасъ, когда хотите. А теперь не будемъ ссориться. Смотрите, какой чудный день,—надѣвайте шляпку и скорѣй, скорѣй идемъ на Фонтанъ!— Николаева согласилась, и черезъ пять минутъ мы уже ѣхали по конкѣ, по дорогѣ къ Малому Фонтану. Зараженная моимъ весельемъ, Николаева перестала хмуриться, и мы прекрасно провели время. Лазали по скаламъ до утомленія; а когда измучились отъ жары и усталости, стали купаться. Потомъ заказали себѣ въ ресторанѣ бычковъ и, подкрѣпивъ себя этимъ импровизированнымъ обѣдомъ, взяли лодку. Я умѣла хорошо грести. Николаева сѣла на руль и все время пѣла пѣсни. Голосъ у нея сталъ еще красивѣе, и такъ какъ мы боялись далеко отъѣзжать и ея пѣсня ясно доносилась до берега, то скоро собралось много слушателей, которые, послѣ всякаго, спѣтаго Николаевой, романса, выражали криками „браво“ свое шумное одобреніе, а нѣсколько болѣе смѣлыхъ молодыхъ людей даже взяли лодку и стали конвоировать насъ, пытаясь заговорить и завязать знакомство. Но вся прелесть нашего катанья была нарушена ихъ назойливостью. Николаева перестала пѣть, и мы повернули къ пристани...

На другой же день я отнесла злополучную книгу назадъ въ редакцію, и мы больше о ней не вспоминали. Елена Николаевна очевидно оставила всякія попеченія о заработкѣ, и не вспоминала о своемъ возвращеніи въ Петербургъ. Изъ среды бывавшихъ у насъ молодыхъ людей нашлись двое, которые сдѣлались ея неотступными поклонниками, и такъ, какъ въ былое время Иванъ Антоновичъ и Окуневъ, переносили всѣ ея капризы и исполняли безпрекословно ея самыя вздорныя желанія. Домъ нашъ, благодаря ея присутствію, очень оживился; съ утра до поздняго вечера у насъ толпился народъ, „вѣрные рабы“, какъ я назвала студентовъ Алешкина и Протасова, приходившихъ

утромъ до завтрака съ предложеніемъ плановъ времяпровожденія и проводившихъ съ нами цѣлый день. За завтракомъ мы условливались, что̀ предпринять въ теченіе дня; затѣмъ Алешкинъ и Протасовъ посылались собирать „компанію“, состоящую изъ очень тѣснаго кружка студентовъ, студентокъ, молодыхъ врачей и юристовъ, нѣкоторые изъ которыхъ забѣгали въ предобѣденное время и оставались обѣдать. Остальные же приходили сейчасъ послѣ обѣда, и мы большою гурьбой шли или кататься на лодкѣ къ Фонтанамъ, или слушать музыку въ городской садъ, или ѣхали на Хаджибейскій лиманъ и гуляли въ паркѣ.

Мамѣ, повидимому, вся эта вереница смѣнявшихся гостей была немного въ тягость; не говоря уже про то, что и за обѣдомъ, и за завтракомъ у насъ были чужіе, но ей приходилось сидѣть поздно вечеромъ и кормить всю нашу компанію, возвращавшуюся иногда очень поздно и всегда послѣ прогулки заходившую къ намъ напиться чаю. Папа же, напротивъ, былъ очень доволенъ сутолокой, водворившейся у насъ въ домѣ съ пріѣздомъ Николаевой, и очень дружески относился къ ней, въ противоположность мамѣ, которая, несмотря на все стараніе, не могла скрыть своей непріязненности. Она была съ Еленой Николаевной преувеличенно вѣжлива и даже слащаво любезна, но очевидно сама тяготилась своимъ притворно-радушнымъ къ ней отношеніемъ. Я не узнавала мамы, которая всегда была сама искренность и простота, въ этой ходульно-напыщенной, такъ церемонно отправлявшей свои обязанности хозяйкѣ дома. Николаева вѣроятно инстинктивно понимала мамину антипатію и всячески старалась избѣгать всякаго столкновенія съ ней. Она прибѣгала во всѣхъ случаяхъ за совѣтомъ къ отцу, услуживала ему, чѣмъ только могла, переписывала ему бумаги, составляла дѣловыя письма, и когда мы собирались за столомъ, смотрѣла во всѣ глаза, чтобы не упустить случая услужить ему хотя бы въ мелочахъ, и тѣмъ болѣе выводила изъ терпѣнія маму, отъ которой понемногу отнималась ея забота и цѣль жизни—неусыпное попеченіе о папѣ и о всѣхъ насъ. Мало-по-малу, она, какъ бы въ интересахъ отца, стала дѣлать замѣчанія по поводу разныхъ хозяйственныхъ мелочей, не относя ихъ къ мамѣ, но косвенно задѣвающихъ и ее. Все это были пустяки, но я замѣтила, что мама волнуется съ каждымъ днемъ больше и больше, и по своему, можетъ быть, даже страдаетъ отъ всѣхъ этихъ мелкихъ нападокъ на ея авторитетъ. Она съ каждымъ днемъ дѣлалась все молчаливѣе и замкнутѣе и сторонилась отъ всѣхъ, даже и отъ меня. Зная характеръ мамы, я предчувствовала, что это

упорное молчаніе, выраженіе недовольства, разразится въ одинъ прекрасный день какой-нибудь вспышкой, въ которой наболѣвшіе нервы найдутъ исходъ своему раздраженію. Часто мнѣ приходила въ голову мысль вызвать ее на откровенный разговоръ; но она такъ ушла въ себя за послѣднее время, что никакія мои ласки не могли проломить ледъ нашихъ взаимныхъ отношеній. Мнѣ ничего не оставалось больше, какъ только ждать.

Разъ какъ-то, когда Алешкинъ и Протасовъ, по обыкновенію, зашли къ намъ узнать о нашихъ планахъ времяпровожденія и остались у насъ обѣдать, въ то время какъ мы шумно усаживались за столъ, папа сдѣлалъ замѣчаніе, отчего не раздвинули столъ, когда онъ уже нѣсколько дней говорилъ о томъ, что сидѣть за столомъ тѣсно.

Мама, по обыкновенію, промолчала, но какъ-то странно насупила брови.

— Но вѣдь это можно сдѣлать сейчасъ же!—воскликнула Николаева.—Пока ничего не подано, вставайте, господа, и помогите мнѣ. Это—дѣло нѣсколькихъ минутъ.

— Вотъ молодецъ, Елена Николаевна!—и папа, а затѣмъ и Алешкинъ и Протасовъ, и вся наша дѣтвора выскочили изъ-за стола и стали живо собирать тарелки и снимать скатерть.

Я встала вмѣстѣ съ остальными, но мама не двигалась съ мѣста. Устремивъ глаза въ одну точку и облокотившись руками на столъ, она какъ бы не замѣчала, что̀ дѣлается вокругъ нея.

— Позвольте, Елизавета Петровна,—обратилась къ ней Николаева, стараясь выдернуть скатерть изъ-подъ ея рукъ.

Мама вскинула на нее глазами, но не отняла рукъ со стола.

— Привстань же, Лиза, ты видишь, что задерживаешь Елену Николаевну.

— Я... задерживаю Елену Николаевну?—воскликнула мама. —Я сижу на своемъ мѣстѣ, на которомъ привыкла сидѣть тридцать лѣтъ и на которомъ буду сидѣть до самой смерти, и никакая Елена Николаевна не заставитъ меня съ него сдвинуться... —Губы мамы дрожали, лицо ея покрылось красными пятнами...

Я подбѣжала къ мамѣ, охватила ее одной рукою, другою стала наливать воды въ стаканъ.

— Оставь меня!—оттолкнула она меня рѣзко.—Довольно мнѣ ежедневнаго униженія отъ вашей Елены Николаевны, которая незванно-непрошенно вторглась въ нашъ домъ, которую я приняла какъ родную и которая теперь вздумала помыкать мной... Но вы забыли, что я здѣсь хозяйка, и я одна только распоряжаюсь всѣмъ...

— Что̀ съ тобой, Лиза? Успокойся! Я тебя не понимаю. Ты говоришь какъ больной человѣкъ,—уговаривалъ маму отецъ, немного смущенный оборотомъ, который принялъ разговоръ.

— Женя,—обратилась мать къ вошедшей горничной,—поставьте все на мѣсто. Мы сегодня не будемъ раздвигать стола, а если Еленѣ Николаевнѣ тѣсно, то она можетъ искать себѣ обѣдъ, гдѣ ей угодно...

Но послѣ этого вызова, брошеннаго прямо въ лицо Николаевой, мама какъ-то осѣла, съёжилась, плечи ея затрепетали, по лицу полились слезы.

— Да ты больна, совсѣмъ больна!—повторялъ папа.—Тебѣ нужно въ постель.—И мы съ нимъ, охвативъ маму за талію, повели ее въ спальную. Тамъ я оставила ее вдвоемъ съ папой, огорошеннымъ всей этой исторіей и ухаживавшимъ за мамой какъ за малымъ ребенкомъ. Онъ цѣловалъ ей руки, глаза, волосы, просилъ успокоиться, называлъ всякими ласкательными и уменьшительными именами и, ставъ на колѣни у постели, вытиралъ своимъ платкомъ слезы, катившіяся крупными каплями по маминымъ щекамъ...

Когда я пришла въ столовую, я застала тамъ почти тождественную сцену. Николаева лежала на диванѣ, а Алешкинъ и Протасовъ по очереди прикладывали ей компрессы къ головѣ. Завидя меня, Николаева быстро вскочила съ дивана.

— Если вы думаете, что я послѣ всего случившагося останусь у васъ въ домѣ,—гнѣвно воскликнула она,—то вы глубоко ошибаетесь. О! меня такъ оскорбила ваша мать, такъ оскорбила... Въ ея годы стыдно ревновать! Я и не предполагала, что она считаетъ вашего отца такимъ ловеласомъ...

— Замолчите!—закричала я—и не смѣйте такъ говорить о близкихъ мнѣ людяхъ.

— Mille pardons,—насмѣшливо проговорила Николаева.—Не волнуйтесь, пожалуйста... Я вижу теперь, что вы такая же истеричная, какъ и ваша мать... Не буду васъ волновать больше. —Протасовъ, шляпу и зонтикъ... Merci, — холодно поблагодарила она, когда онъ, бросившись стремительно въ прихожую, принесъ ей то, что̀ она просила.—За вещами я пришлю потомъ,—когда—не знаю... Мнѣ нужно успокоиться... Меня такъ поразила и оскорбила выходка вашей maman... Я ее считала всегда за умную и разсудительную женщину, и какъ глубоко ошиблась... А вы остались такою же, какъ и были прежде... умствующей ingénue филистерскаго семейства...

— Довольно, довольно!—остановила я ее:—я вовсе не рас-

положена слушать ваши характеристики...— Но Елена Николаевна не желала молчать, и я не знаю, скоро ли бы остановился потокъ ея краснорѣчія, еслибы Протасовъ не взялъ ее подъ-руку и не повелъ чуть ли не насильно къ выходу...

Къ вечеру Николаева прислала за своими вещами, и затѣмъ, спустя недолго, я узнала отъ общихъ знакомыхъ, что она уѣхала въ Петербургъ. Осталось неизвѣстнымъ, гдѣ она достала деньги на дорогу, хотя я сильно подозрѣваю, что ей помогъ въ этомъ дѣлѣ мой папа, который хранилъ все время о Николаевой глубокое молчаніе. Я знала, что ему изъ гостинницы „Петербургъ", куда переѣхала Николаева, чуть не ежедневно приносили письма, и что онъ на эти письма отвѣчалъ и, можетъ быть, даже и самъ навѣщалъ ее.

Мама три дня не выходила изъ комнаты и никого не впускала къ себѣ, кромѣ папы. Папа проводилъ почти все время у нея, и когда мнѣ приходилось проходить мимо спальни по корридору, я всегда слышала оживленный разговоръ между ними. Папа что-то доказывалъ, мама возражала. Когда, по прошествіи трехъ дней, мама опять появилась между нами, она, на мой взглядъ, показалась сильно осунувшеюся, поблѣднѣвшею, а въ волосахъ у нея какъ будто прибавилось еще больше серебряныхъ нитей.

О Николаевой и о послѣднемъ непріятномъ эпизодѣ никто не начиналъ разговора, и въ нашей семьѣ опять воцарились спокойствіе и тишина и жизнь вступила въ свою обычную колею.

Съ этого времени Николаева совершенно исчезла съ моего горизонта, и я только случайно узнавала о разныхъ перемѣнахъ въ ея жизни. Такъ, отъ одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ я узнала, что, по пріѣздѣ въ Петербургъ, она долго перебивалась уроками, пока не получила постояннаго мѣста гувернантки въ домѣ одного извѣстнаго адвоката, Перелешина, человѣка съ выдающимися способностями и пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ обществѣ. Вскорѣ послѣ этого жена его умерла, и до меня, тѣмъ же путемъ, дошли слухи, что Елена Николаевна съумѣла захватить бразды правленія въ свои руки и сдѣлаться полновластной хозяйкой въ домѣ. Въ этотъ періодъ ея опоренія она, несмотря на то, что мы такъ враждебно разстались, вспомнила обо мнѣ и нѣсколько разъ писала, приглашая навѣстить ее и обѣщая познакомить меня со многими интересными личностями. Но я не отвѣчала на ея письма и не старалась возобновить прерванное знакомство.

Спустя нѣсколько лѣтъ, когда я уже была врачомъ, я узнала,

что Елена Николаевна вышла замужъ за Перелешина. Случайно я встрѣчала ее нѣсколько разъ въ театрѣ, одѣтую по послѣдней модѣ и окруженную цѣлой свитой поклонниковъ. Мы съ ней не раскланялись, не приходилось такъ близко столкнуться, но она, несомнѣнно, видѣла меня, такъ какъ я нѣсколько разъ замѣтила, какъ она наводила на меня свой бинокль.

Я не собирала о ней свѣдѣній и мало интересовалась ея жизнью, но въ томъ обществѣ, гдѣ я вращалась, часто упоминалось ея имя. Очевидно, она заняла одно изъ показныхъ мѣстъ въ средѣ петербургской интеллигенціи, занималась благотворительностью, продавала на базарахъ, подносила адреса отъ русскихъ женщинъ разнымъ знаменитостямъ въ дни ихъ юбилеевъ.

Къ этой-то свѣтской дамѣ, принадлежавшей къ высшему слою интеллигентнаго Петербурга и такъ просто и естественно превратившейся изъ куколки - задорной народницы — въ бабочку - чопорную свѣтскую даму, и направилъ меня Иванъ Антоновичъ.

Я не могла отказать ему въ просьбѣ и дала обѣщаніе отправиться къ ней на слѣдующій же день.

Квартира Елены Николаевны занимала бель-этажъ одного изъ большихъ домовъ Сергіевской улицы. Я поднялась по лѣстницѣ, устланной краснымъ ковромъ, и позвонила у двери, на одной половинѣ которой было прибито объявленіе съ обозначеніемъ ея пріемныхъ часовъ по дѣламъ благотворительнаго общества. Дверь открылъ лакей, который, вѣроятно, принялъ меня за просительницу и не хотѣлъ впустить, такъ какъ я пришла не въ урочное время, и только молча ткнулъ пальцемъ на карточку.

— Елена Николаевна выѣзжаютъ сейчасъ, — неохотно пробормоталъ онъ, стоя въ просвѣтѣ полурастворенной двери.

— Передайте ей мою карточку.—Внизу я на̀-скоро приписала карандашомъ: „Очень нужно“.

Я не долго ждала отвѣта: возвратившійся изъ комнатъ лакей, съ словами: „пожалуйте“, стремительно бросился снимать мое пальто и калоши.

— Милая, какъ я рада видѣть васъ у себя! — заговорила Елена Николаевна, вставая ко мнѣ на встрѣчу. Она отбросила отъ себя книгу въ желтой обложкѣ, которую читала при моемъ приходѣ, и, протянувъ ко мнѣ руки, граціознымъ движеніемъ привлекла меня и усадила рядомъ съ собою на маленькій диванчикъ.

Елена Николаевна мало постарѣла и перемѣнилась. Она, очевидно, заботилась о своей наружности, была со вкусомъ и

къ лицу одѣта и причесана, держалась прямо и, какъ и прежде, высокомѣрно поднявъ голову, старалась смотрѣть на всѣхъ и на все какъ бы сверху внизъ. Въ своемъ дорогомъ шелковомъ платьѣ, съ этой гордой посадкой головы и строгимъ выраженіемъ лица, она казалась созданной для того, чтобы быть хозяйкой въ этой большой, роскошно меблированной въ строгомъ стилѣ, гостиной, съ мягкими коврами, съ дорогими картинами на стѣнахъ и съ художественной бронзой на консоляхъ и каминѣ.

— Я къ вамъ по дѣлу, Елена Николаевна,—начала я, желая сразу приступить къ цѣли моего визита.

— Только по дѣлу?—и она улыбнулась, немного прищуривъ свои глаза. — Въ чемъ же могу быть полезной? — оффиціально произнесла она и посмотрѣла на часы.

— Я не долго задержу васъ,—начала я.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, я вовсе не такъ тороплюсь. Я имѣю въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ полчаса. Надѣюсь, что этого будетъ достаточно, чтобы я могла уразумѣть ваше дѣло.

— Вы помните нашихъ старинныхъ знакомыхъ, Ивана Антоновича Лызлова и Ивана Ивановича Окунева,—начала я.

— Лызлова, Окунева?—удивленно воскликнула Елена Николаевна.—Нѣтъ, милая, не помню. У меня всегда была плохая память на имена и фамиліи.. И потомъ, это было такъ давно.

Я начала ей припоминать, при какихъ обстоятельствахъ мы познакомились и какое участіе принимали тогда въ ней Иванъ Антоновичъ и Иванъ Ивановичъ. Она внимательно слушала и иногда кивала головой, какъ бы въ подтвержденіе моихъ словъ.

— Да, да, вспоминаю теперь. Хорошее было тогда время. И молодость, и увѣренность въ своихъ силахъ, гордость великимъ знаменемъ „свободы, равенства и братства“, которое мы такъ безстрашно несли на своихъ плечахъ.—Она вздохнула и мечтательно подняла глаза кверху. — Но эти, какъ ихъ зовутъ... я опять забыла,—они, кажется, не принадлежали къ моему кружку и между нами не было ничего общаго, связующаго. Насколько я помню, это были такіе антики, каждый въ своемъ родѣ, и такъ невозможно скучны... Я подъ всякими предлогами уклонялась отъ посѣщенія этого вашего Ивана Антоновича, и, въ концѣ концовъ, онъ все-таки такъ надоѣлъ мнѣ своею угодливостью и постояннымъ глядѣніемъ въ глаза, что я просто попросила его не приходить больше. А этотъ, другой, художникъ, который давалъ мнѣ уроки живописи... Какъ-же, помню, помню... Бездар-

ность, кажется, и лѣнтяй... Чтò же они теперь—все такіе же великіе люди на малыя дѣла?

И Елена Николаевна, задавъ этотъ вопросъ, зѣвнула, прикрывъ ротъ рукой, украшенной браслетами и дорогими кольцами.

Я воспользовалась этимъ вопросомъ, чтобы приступить къ цѣли моего посѣщенія.

Разсказъ о болѣзни и бѣдственномъ положеніи Окунева нисколько не тронулъ Елену Николаевну, и она нисколько не смутилась, когда я напомнила ей объ ея долгѣ.

— Ну, знаете ли, моя дорогая, тогда было такое время, что трудно было разобрать, кто кому долженъ. Я брала у нихъ, они брали у меня... Сколько, когда—никто даже не думалъ о такихъ мелочахъ. Да, чудное, чудное было время.

Мнѣ не хотѣлось уйти ни съ чѣмъ, и я, уже не касаясь вопроса о долгѣ, котораго Николаева не хотѣла вспоминать, попробовала обратиться къ ней съ просьбой о денежной помощи нашему больному, хотя бы заимообразно.

Елена Николаевна замахала на меня рукой, какъ бы желая остановить меня, и воскликнула:

— Какъ вы до сихъ поръ еще сохранили свою юношескую наивность! Это интересно. Прожить полжизни и сохранить голубой цвѣтокъ юношескаго энтузіазма въ неприкосновенности! Разыскиваете до сихъ поръ вмѣстѣ съ Иваномъ Антоновичемъ какихъ-то непризнанныхъ геніевъ, преклоняетесь передъ ними, проливаете слезы, благотворите и чувствуете душевную усладу отъ того, что на годъ удлинните жизнь и страданія бѣднаго неудачника... Да вѣдь это совсѣмъ „gemüthlich", какъ говорятъ нѣмцы... Ха-ха-ха!—и Елена Николаевна, откинувшись на спинку дивана, закатилась звонкимъ смѣхомъ.

Меня взорвала эта тирада, я вскочила съ мѣста и воскликнула:

— Вы считаете насъ смѣшными! Наши стремленія, наши идеалы, наши дѣйствія кажутся вамъ устарѣвшими. Чтò же вы сами такое? Чтò вы дадите взамѣнъ этого засохшаго голубого цвѣтка, съ которымъ мы, по вашему мнѣнію, до сихъ поръ носимся?

— Да вы не волнуйтесь, дорогая,—спокойно замѣтила Елена Николаевна, нисколько, повидимому, не задѣтая моимъ возбужденнымъ тономъ. — Присядьте, вотъ здѣсь, я сейчасъ вамъ все объясню, — прибавила она, усаживая меня рядомъ съ собой и держа за руку.

— Вы знаете,—начала она,—я никогда не была въ толпѣ,

скорѣй наоборотъ—я вела толпу за собой. Въ то время, когда мы съ вами познакомились, я принимала довольно дѣятельное участіе въ движеніи, охватившемъ лучшую часть нашей молодежи.—Она съ гордымъ видомъ взглянула на меня, а я вспомнила мнѣніе о ней Бебулидзе и невольно улыбнулась. Она поняла мою улыбку совсѣмъ иначе и замѣтила:—Да, я знаю, вы были несогласны съ нами, вы всегда были консервативны...

Я попробовала-было возразить ей, но она меня не слушала и продолжала дальше.

— Я въ этомъ отношеніи совершенно на васъ не похожа. Я именно стремлюсь къ тому, чтобы идти вмѣстѣ съ вѣкомъ. Вы задали мнѣ вопросъ, что̀ я такое теперь, каковы мои стремленія, идеалы и т. д. Извольте, я вамъ отвѣчу однимъ словомъ: я—марксистка.

Я чуть не расхохоталась. Въ моемъ представленіи марксизмъ, марксистъ, марксистка—неизмѣнно ассоціировались съ самою юною молодежью, со студентами, у которыхъ еще не пробился пушокъ на бородѣ, горячими спорщиками и ревностными адептами всякаго новаго ученія, со студентками и курсистками первыхъ курсовъ, старающихся скрыть свою наивность за личиной напускной серьезности; но Елена Николаевна, разодѣтая по послѣдней модѣ, завитая, подмазанная, затянутая, полулежащая на золоченой кушеткѣ стиля Louis XV, въ комнатѣ съ дорогимъ и затѣйливымъ убранствомъ, надушенной какимъ-то замысловатымъ амбре́,—и марксизмъ, это было что-то чудовищно-нелѣпое и ни съ чѣмъ несообразное.

— Вы не сочувствуете марксизму?—обратилась она ко мнѣ. — Заядлый консерваторъ и рутинеръ! — проговорила она шутливо, грозя мнѣ пальцемъ. — А я, вы знаете, я—все та же и въ сорокъ лѣтъ, какъ и въ шестнадцать. Я увлекаюсь... я забываюсь... Другой темпераментъ... Хотя, въ данномъ случаѣ, мои выраженія неумѣстны. Это—серьезное движеніе, душа моя, и оно имѣетъ громадную будущность.—Елена Николаевна мечтательно подняла глаза кверху и задумалась.

Я встала, чтобы проститься. Дѣлать здѣсь было больше нечего, и я начинала тяготиться каждой лишней минутой, проводимой мною въ этомъ домѣ.

Елена Николаевна посмотрѣла на усыпанные брилліантами часы у ея пояса.

— Я васъ не задерживаю,—мнѣ тоже пора ѣхать на засѣданіе...

— Марксистовъ?—насмѣшливо спросила я ее.

— О, нѣтъ. Я состою предсѣдательницей одного благотворительнаго общества... Это—тяжелая обязанность, душа моя: хлопоты, заботы о прiисканiи средствъ; нужно, ради этого, поддерживать знакомства, бывать всюду; знаете, милочка, я такъ занята, такъ занята... Я—какъ ломовая лошадь, буквально, ломовая лошадь...

— А какъ же марксизмъ — не мѣшаетъ благотворительности?—спросила я, одѣвая пальто: — кажется, по существу эта теорія отрицаетъ палліативную помощь.

— О, нѣтъ, дорогая моя. Это ученіе тѣмъ и хорошо, что оно ничему и никому не мѣшаетъ. Laissez faire, laisez aller—вотъ его девизъ. И оно много придаетъ спокойствія и увѣренности въ жизни. Непреложные законы исторіи и политической экономіи—вотъ что̀ управляетъ нами и нашею дѣятельностью... Это, если хотите, то же, что рокъ, судьба у древнихъ народовъ...

— Отсюда выводъ: жить, не мудрствуя лукаво, — сказала я, протягивая ей руку.

— Да, да, именно, милочка, вы уловили мою мысль... До свиданія... Я всегда по четвергамъ вечеромъ дома. У меня собирается очень разнообразное общество... Вы интересно проведете время... Я познакомлю васъ со многими людьми, которые вамъ могутъ быть полезны. Такъ помните, въ четвергъ, — еще разъ повторила она мнѣ въ слѣдъ, когда я уже вышла на лѣстницу и торопливо сбѣгала внизъ по ступенькамъ.

Черезъ недѣлю послѣ моего визита къ Николаевой, знакомые Окунева, а въ томъ числѣ и я съ Иваномъ Антоновичемъ, собрались на вокзалѣ проводить его въ далекій путь. Благодаря энергическимъ хлопотамъ Ивана Антоновича, помощи товарищей и продажѣ нѣкоторыхъ картинъ, удалось собрать необходимую сумму.

Когда я пріѣхала на вокзалъ, я уже застала тамъ суетящагося Ивана Антоновича, въ сопровожденіи носильщика, пробиравшагося къ большимъ дверямъ, чтобы пораньше занять мѣста. Окуневы сидѣли тутъ же, недалеко, на диванѣ. Онъ какъ будто немного повеселѣлъ и казался бодрѣе. Жена его возилась съ дѣтьми; на вокзалѣ было жарко, и она снимала съ нихъ башлыки и платки, которыми они были окутаны.

— Въ Ментонѣ не придется кутаться, — замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, — ребятишки днемъ въ однихъ платьяхъ будутъ бѣгать.

— Не думаю,—замѣтила я.—Тамъ безспорно въ это время тепло, но все-таки слѣдуетъ быть осторожнымъ.

— Вотъ видишь, моя правда... Знаете, Варвара Николаевна, вѣдь онъ своего теплаго пальто не взялъ... Уперся... знаете, какой онъ упрямый... Теперь въ шубѣ... а потомъ прямо въ демисезончикъ...—жаловалась на мужа Марья Игнатьевна.

Я хотѣла замѣтить, что можно будетъ выслать теплое пальто, если оно понадобится, но не успѣла ничего сказать, такъ какъ меня перебилъ Иванъ Антоновичъ, нашедшій хорошія мѣста и предлагавшій садиться скорѣе. Всѣ поднялись съ мѣстъ, засуетились; дѣти заплакали, когда ихъ стали опять закутывать; Окуневъ взялъ одного ребенка на руки, Иванъ Антоновичъ—другого; самая маленькая дѣвочка ни къ кому не хотѣла идти, кричала и отбивалась руками и ногами, такъ что пришлось оставить ее на рукахъ матери. Такъ какъ всѣ провожавшіе не могли помѣститься въ вагонѣ, то, усадивъ дѣтей и оставивъ подъ надзоромъ Ивана Антоновича, Окуневы вышли на платформу, гдѣ оставались до третьяго звонка. Всѣ провожавшіе шутили, смѣялись и, прощаясь съ Окуневымъ, желали ему полнаго поправленія здоровья и скораго возвращенія назадъ. Только старушка, мать его, плакала, крестя сына на дорогу. Раздался третій звонокъ... Еще нѣсколько послѣднихъ дружескихъ рукопожатій, и Окуневы вошли въ вагонъ. Скоро запыхтѣлъ паровозъ, и мимо насъ медленно поползъ громыхавшій поѣздъ. Изъ окна кивали намъ бѣлокурыя головки дѣтей, мы замахали въ отвѣтъ платками и бѣжали за вагономъ, пока было можно видѣть дѣтскія личики.

Иванъ Антоновичъ поѣхалъ вмѣстѣ со мной, и на обратномъ длинномъ пути домой я стала передавать ему подробности моего разговора съ Еленой Николаевной.

— Молодецъ баба!—воскликнулъ онъ, когда я кончила свой разсказъ. — И какъ она ловко вывернулась!—продолжалъ онъ, добродушно посмѣиваясь.

— Про кого вы говорите?—спросила я его.

— Про кого?—про нашу бывшую „принцессу“.

— Про Николаеву?

— А то про кого же. Ловчакъ же она!.. Вотъ учитесь у нея уму-разуму... Какъ устроилась: и положеніе, и средства, и извѣстность... всѣмъ завладѣла... И все это прямымъ путемъ, замѣтьте, самое главное—прямымъ путемъ...

— Вы, кажется, опять начали восхищаться ею, хоть это меня и удивляетъ.

— Восхищаюсь,—какъ же не восхищаться! Блистательный примѣръ въ подтвержденіе пользы эгоизма для жизни. И вѣдь ничѣмъ не поступилась... Прежде была народница въ потрепанномъ пальто-плэдѣ и барашковой шапочкѣ; теперь, когда ходитъ въ шелку и брилліантахъ, взяла другое знамя, сдѣлалась марксисткой—и опять передовая женщина... Всегда и вездѣ передовая... Герой, просто герой!..

— А мы съ вами, въ такомъ случаѣ, толпа, Иванъ Антоновичъ... Что же вы не идете за своимъ вѣкомъ? — замѣтила я ему, смѣясь.

— Нужно бы было, голубушка,—не мѣшало бы по нынѣшнимъ временамъ. Только куда намъ!..

Онъ замолчалъ. Извозчикъ трусилъ мелкой рысцой, съ трудомъ лавируя между каретами, ломовиками и пролетками, сновавшими во всѣхъ направленіяхъ.

— А знаете ли, вѣдь я чуть-чуть не женился на ней...— замѣтилъ онъ послѣ долгаго молчанія, опять вынырнувъ изъ тѣхъ думъ, въ которыя былъ погруженъ.

— Ну?!..

— Право же... Само собой разумѣется, что Елена Николаевна не могла связать свою судьбу съ моею обыкновеннымъ образомъ... Она одно время поговаривала о фиктивномъ бракѣ... Зачѣмъ это тогда ей понадобилось, не знаю... Я, конечно, соглашался выступить въ роли болванчика,—вѣдь я тогда былъ готовъ за нее въ огонь и въ воду... И какъ вы думаете, что̀ бы изъ этого произошло?

— Кто бы кого пересилилъ... Вѣроятно вы остались бы побѣжденнымъ.

— А теперь, какъ вы думаете, въ жизни кто изъ насъ побѣжденный, а кто побѣдитель?..

— Мнѣ кажется, на этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ,— сказала я, немного подумавъ:—Елена Николаевна считаетъ себя побѣдительницей, а вы... вы не считаете себя побѣжденнымъ. Впрочемъ, все это очень сложно. Заходите какъ-нибудь вечеромъ, потолкуемъ,—прибавила я, сходя съ извозчика и крѣпко, на прощанье, пожимая руку Ивану Антоновичу.

В. Томашевская.

ВОЙНА СЪ БАЦИЛЛАМИ

Изъ замѣтокъ женщины-врача.

Волей судебъ мнѣ неожиданно пришлось покинуть насиженное мѣстечко и изъ осѣдлыхъ земскихъ врачей перейти въ кочевые, эпидемическіе. Лошади у крыльца, колокольчикъ нетерпѣливо позвякиваетъ, а я тоже нетерпѣливо собираюсь въ путь. Чудесный солнечный морозный день. Мѣсто моего назначенія въ 70 верстахъ отъ города; я хотѣла пріѣхать туда днемъ, чтобы поскорѣе устроиться и приняться за работу, но меня задержали въ управѣ, кто—описаніемъ села, куда я ѣду, кто—благожелательными совѣтами. Одинъ изъ управцевъ говоритъ мнѣ: „Помните, что въ 20 верстахъ отъ васъ живетъ земскій начальникъ, очень хорошій человѣкъ; чуть что, вы къ нему". Но я съ самоувѣренностью неопытнаго человѣка отвѣчаю: „Я и безъ земскихъ начальниковъ справлюсь, не люблю я ихъ и обращаться къ нимъ не стану". Я тороплюсь; вещи уложены, коховскій шприцъ и два флакона анти-дифтеритной сыворотки тоже (выписанная партія сыворотки еще не прибыла), и я ѣду бороться со страшнымъ врагомъ дѣтей, съ дифтеритомъ. Дорога идетъ лѣсомъ; бѣлыя стройныя березы, вытянувшись во фрунтъ, даютъ мнѣ дорогу, солнце такъ ясно свѣтитъ, и у меня нѣтъ ни малѣйшаго предчувствія о томъ тяжеломъ, что ждетъ меня впереди. Лошади бѣгутъ бойко, сани скользятъ неслышно и мягко уносятъ меня въ невѣдомую даль, гдѣ я явлюсь желанной гостьей, „благодѣтельницей рода человѣческаго". „Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость"!?—За лѣсомъ начинаются пески сыпучіе, снѣгу самая малость, рѣзвыя лошадки устали, ямщикъ

ворчитъ подъ носъ, колокольчикъ тоже усталъ и вмѣсто звонкой пѣсенки глухо кряхтитъ. Вотъ, наконецъ, станція, большая крестьянская изба; дощатые полы, стѣны оклеены обоями, но обитатели все въ тѣхъ же полушубкахъ, поневахъ, лаптяхъ и валенкахъ. Молодая бабенка зоветъ меня за перегородку: „Чтò вамъ тамъ сидѣть съ мужиками (т.-е. съ мужчинами)? Пожалуйте къ намъ“. Она сидитъ за рукодѣльемъ, шьетъ красную юбку (красный цвѣтъ—единственный и любимый въ деревнѣ). Какъ-то странно держитъ она иглу, наперстка не видать. „Какъ это ты шьешь безъ наперстка, молодайка, да и чуднò какъ-то?“ Она смѣется: „Извѣстно, мы не́ по господски, такъ съизмальства обучены, а съ наперсткомъ у насъ только портные шьютъ“. Я беру у нея работу, чтобы увидѣть разницу между „господскимъ“ и „не-господскимъ“ шитьемъ; дѣйствительно, въ наперсткѣ надобности нѣтъ, потому что не нужно среднимъ пальцемъ проталкивать иглу: она движется у крестьянки между большимъ и указательнымъ пальцами. Выходитъ маленькая экономія: нѣтъ расхода на легко теряющіеся наперстки. Баба посмѣивается надъ моей неловкостью, но я скоро овладѣваю немудренымъ искусствомъ и торжествую, услышавъ удивленное: „Ишь, уже научилась!“ Мужикъ заглядываетъ къ намъ: „Забавляться изволите?“—„Нѣтъ, учусь, дядя, все пригодится“.—„Нечему у насъ учиться, барышня, развѣ мы чтò знаемъ,—знамо, деревенщина“.

Лошади поданы. На крыльцѣ почтарь проситъ меня „сдѣлать ему милость“ и взять съ собой сотскаго: —„Ему только до слѣдующей станціи доѣхать, а мнѣ для него лишнюю пару запрягать“. Я соглашаюсь; сотскій, съ большой бляхой поверхъ полушубка, лѣзетъ на козлы и я качу съ почетнымъ конвоемъ.

Увы и ахъ! Почему-то почетный конвой мой вовсе не возбуждаетъ почетнаго удивленія: въ деревнѣ, гдѣ я проѣзжаю, всѣ почему-то, улыбаясь, оглядываются на насъ. Я недоумѣваю, но у околицы дѣло разъясняется, ребятишки бѣгутъ открывать ворота съ крикомъ: „Арестантку везутъ“. Такъ-то. Ну, дѣлать нечего. Въ полѣ ни души, а на слѣдующей станціи мы разстанемся, и меня уже никто не приметъ за арестантку. Но въ полѣ—другая бѣда: ямщикъ и сотскій нюхаютъ другъ у друга табакъ, заводятъ пріятельскіе разговоры, а лошади трусятъ полегоньку и тоже приближаютъ другъ къ другу головы въ конфиденціальной бесѣдѣ... Такъ вѣдь я къ ночи въ село не поспѣю. „Эй, ямщикъ, нельзя ли поскорѣй!“—но голосъ ли мой слабо раздается изъ кучи платковъ, которыми я укутана, или вообще барышня не импонируетъ ямщику,—онъ даже не оборачивается,

и все идетъ по прежнему, трухъ-трухъ. Я возвышаю голосъ все съ тѣмъ же результатомъ; я, наконецъ, начинаю сердиться; ямщикъ въ полъ-оборота сплевываетъ и небрежно произноситъ: „Поспѣемъ“. О, земскій начальникъ, гдѣ ты? Приди, защити слабое созданіе отъ ямщицкой грубости! Я покоряюсь своей участи; полтора часа прошло, а станціи, въ 12 верстахъ отъ первой, еще не видать. Но вотъ и она наконецъ. Еще съ полчаса ѣдемъ по длиннѣйшей улицѣ села; большинство деревень состоятъ только изъ одной такой длинной улицы. Я вылѣзаю изъ саней усталая и сердитая и усаживаюсь въ избѣ у печки. Въ избу вбѣгаетъ мальчикъ лѣтъ 12-ти, торопливо хватаетъ кусокъ хлѣба; мать подаетъ ему молока; онъ его не допиваетъ и убѣгаетъ снова. „Ишь, приспѣло!—говоритъ мать, улыбаясь;—какія-то тамъ картины понадобились“.—„Какія картины?“—„Да у насъ въ школѣ что-то тамъ попы читаютъ и картины показываютъ, такъ боится опоздать“.—„А что же ты, тетка, не пойдешь посмотрѣть?“—„Нужда мнѣ, вѣдь это для школьниковъ“.—„Что же тамъ читаютъ?“—„А Богъ ихъ знаетъ“.—„Ты бы пошла когда послушать, можетъ и хорошо“.—„Вотъ еще, съ дѣтьми ходить стану, нешто я маленькая“. Странно слышать такіе отзывы отъ деревенской бабы: это—самый любопытный народъ въ мірѣ, а тутъ, значитъ, ничуть не интересно. „Попы что-то читаютъ, для школьниковъ“—вотъ тебѣ и *народное* чтеніе. Мнѣ обидно за устроителей чтеній, и я стараюсь объяснить бабѣ, что это не только для дѣтей, что туда и взрослымъ не стыдно ходить, и даже слѣдуетъ. Она недовѣрчиво на меня поглядываетъ.—„Пожалуйте ѣхать“.

На крыльцѣ стоитъ тотъ же сотскій съ бляхой и, не говоря ни слова, лѣзетъ на козлы. „Это что такое? вѣдь ты сюда ѣхалъ,—чего же опять садишься, да еще безъ спросу? Изволь слѣзть“. Сотскій смущенно молчитъ и не думаетъ двигаться съ мѣста. Почтарь что-то начинаетъ объяснять: „ему только до слѣдующей станціи“. Но я неумолима: во-первыхъ, не нужно было обманывать, а во-вторыхъ, нужно спросить, позволю ли я ѣхать на своихъ лошадяхъ. Почтарь продолжаетъ бормотать; сотскій сидитъ все тамъ же; тогда я прибѣгаю къ рѣшительнымъ мѣрамъ, хватаю какой-то узелокъ изъ саней и направляюсь обратно въ избу. „Я не поѣду съ сотскимъ, пусть ѣдетъ одинъ“.—„Слѣзай, братъ,—говоритъ почтарь, сокрушенно почесывая въ затылкѣ“.—Прежній ямщикъ подсаживаетъ меня въ сани и говоритъ: „Взяли бы мужичка, что вамъ стоитъ, онъ легонькій, въ немъ два пуда вѣсу всего“. Этотъ явно надо мной потѣшается; я притворяюсь слѣпой и глухой, вручаю ему монетку „на чаёкъ“, съ друже-

скимъ замѣчаніемъ, что онъ и этого не стоитъ, потому что везъ пресквернo. Я смѣюсь и радуюсь, что избавилась отъ сотскаго и званія „арестантки“, радуюсь, что избавилась отъ грубаго ямщика, но посмѣяться-то ему послѣднему пришлось: онъ утащилъ у меня веревку съ корзины (взялъ себѣ добавленіе къ „чаю“), и дорогой корзина выпала изъ саней. Зато, видя мою побѣду въ столкновеніи съ почтаремъ, новый ямщикъ проникся ко мнѣ уваженіемъ, обращался только со „слово-ериками“ и везъ какъ слѣдуетъ. Приблизилась ночь, еще одна станція; тутъ—неудача, лошадей нѣтъ. Ямщики—мой и тамошніе—что-то подозрительно перемигиваются; чувствую, что меня надуваютъ, но не могу поймать, гдѣ и какъ. Накидываюсь на почтариху: „Тамъ дѣти мрутъ, я ѣду лечить, а ты меня задерживаешь; будешь отвѣчать за это“. Но почтариха не изъ робкихъ: „А ты на меня не очень кричи, я изъ себя лошадей не сдѣлаю; сиди и жди, пока пріѣдутъ“. Послѣ такого объясненія, которое ведется съ обѣихъ сторонъ въ повышенномъ тонѣ, наступаетъ пауза отъ утомленія, а затѣмъ... дружеская бесѣда. Только 7 часовъ вечера, но въ деревнѣ уже полная ночь, огоньки потухаютъ въ избахъ, и все затихаетъ. Въ почтовой избѣ горитъ лампа безъ стекла; кашель душитъ и царапаетъ въ горлѣ. Баба лежитъ на печи и, свѣсивъ оттуда голову, жалуется на свои „болѣсти“; на скамьѣ лежу я, на другой, подъ образами—ямщикъ. Бѣдная и грязная обстановка наводитъ тоску, досада грызетъ за вынужденную остановку, ямщикъ храпитъ, а мѣрный голосъ бабы звучитъ болью и грустью. „Вотъ такъ и рожаемъ, и хоронимъ дѣтей своихъ, и сами не знаемъ, за что. Взялся бы, полечилъ бы, такъ намъ невѣдомо—чѣмъ; въ городъ везти,—мужикъ лошадей не дастъ, ему лошади жальчѣй, чѣмъ своего дитя; такъ и помираютъ. Теперь, вотъ, Господь далъ, есть тутъ у барина учителька, такъ она когда чтò скажетъ, а то къ акушеркѣ земской ходимъ. Только ее дома рѣдко застанешь, она все больше по господамъ, а для насъ ея и нѣту. Вотъ бы вамъ, барышня, тутъ остаться“.—„Не могу, голубушка, меня въ Татарку послали, тамъ дѣти отъ дифтерита помираютъ, а вы, если чтò нужно будетъ, пріѣзжайте ко мнѣ: все же туда ближе, чѣмъ въ городъ“. —„Да, тутъ ближе, 15 верстъ всего, тутъ уже коли чтò, такъ и пѣшкомъ дойдешь“. Такъ толкуемъ мы часа три; наконецъ я снова въ саняхъ и мчусь къ мѣсту назначенія. Дорòгой ямщикъ признается мнѣ, что лошади были и раньше, да хозяйка хотѣла ихъ овсомъ покормить,—вотъ хитрая баба! Полночь; въ деревнѣ это значитъ дѣйствительно полъ-ночи прошло, прошла

первая чуткая дремота, и все спитъ сномъ каменнымъ, непробуднымъ. „Гдѣ тутъ земская квартира, ямщикъ, знаешь? Поѣзжай туда“. (Въ каждой деревнѣ имѣется квартира, гдѣ могутъ останавливаться земскіе люди и всякое начальство; платитъ за наемъ квартиры сельское общество небольшія деньги). Долго, долго обиваетъ ямщикъ кулаки о дверь избы, пока наконецъ является парень въ ночномъ костюмѣ и при видѣ меня сконфуженно прячется за дверь. „Земской квартиры теперь въ селѣ нѣтъ; переночевать можно и здѣсь, а то гдѣ же вы будете ночью искать фатеру“. Добрая душа, спасибо; холодъ нагналъ сонъ неодолимый, я едва ползу. Вижу глазами, прищуренными отъ свѣта, довольно чистую избу, гдѣ подымаются съ земли, съ соломы полуодѣтые люди, лѣзутъ на печь, а я валюсь на ихъ мѣсто; сознаніе сохранилось еще настолько, что я повязываю платкомъ голову, чтобы не наползли въ уши тараканы, эти неизбѣжные жильцы великорусскихъ избъ. Просыпаюсь отъ яркаго свѣта и вижу себя лежащей на соломѣ посреди избы; надо мной не потолокъ, а большой столъ (какъ я туда попала?), а за столомъ сидятъ люди и пьютъ чай. Все молодыя, здоровыя и красивыя лица, которыя дружелюбно мнѣ улыбаются. „Чайку не угодно ли съ нами?“. Я вспоминаю, гдѣ я, и вскакиваю. Я наконецъ—въ Татаркѣ. Пью чай, совѣтуюсь съ хозяевами-почтарями; ихъ тутъ цѣлыхъ трое. Парень лѣтъ 18 то-и-дѣло подталкиваетъ старшаго брата, и оба хохочутъ. „Ты куда полѣзъ ночью?“—„Да со сна, мало ли что“. Оказывается, что въ этой половинѣ живетъ братъ съ женой и сестра. Для сестры устроена въ углу постель за пологомъ изъ домашняго ковра. Когда я пріѣхала и всѣхъ подняла съ мѣста, Петръ, по ошибкѣ, не попалъ на печь, а влѣзъ на постель сестры, откуда та его прогнала. Какъ забавляетъ всѣхъ эта ошибка соннаго человѣка!

Беззаботный смѣхъ, солнечное утро настроиваетъ и меня весело, но не долго мнѣ сидѣть тутъ спокойно, надо устроиваться, надо искать больныхъ, надо лечить. Долгія, долгія скитанія по деревнѣ, квартиры нѣтъ для меня; я иду съ раннимъ визитомъ къ попу,—неужели и тутъ меня не примутъ? Попадья въ гостепріимствѣ мнѣ отказываетъ, потому что боится за внучка. „У насъ дѣдушка (священникъ, то-есть) послѣ больныхъ рясу на кухнѣ переодѣваетъ, я требую“. Просвѣщенная матушка, но настолько ли просвѣщены здѣсь и мужики? Матушка любезно помогаетъ мнѣ устроиться въ пустомъ домѣ, откуда выѣзжаетъ семья дьячка. Я рада и такому углу, гдѣ я могу, наконецъ, присѣсть и подумать, „какъ на свѣтѣ жить одинокому“. Одино-

чество мое только тутъ становится мнѣ замѣтнымъ. Какъ это я поѣхала сюда съ двумя флаконами сыворотки,—а что̀ если тутъ десятки больныхъ? почему это не взяла я никакихъ лекарствъ съ собой? что̀ если здѣсь и другія болѣзни? О, легкомысліе мое и управы; лучше было бы не ѣхать, чѣмъ ѣхать съ пустыми руками. Столько добрыхъ совѣтовъ, а о лекарствахъ забыли и неопытный эпидемическій врачъ, и опытные управцы; стыдно и досадно.—„Больные пришли къ вамъ",—говорятъ мнѣ. (Вѣсти по деревнѣ распространяются съ быстротой молніи; тѣмъ лучше,—значитъ больныхъ искать не придется, они меня ищутъ). Со страхомъ выхожу въ прихожую; баба съ ребенкомъ—навѣрное дифтеритъ,—за ней придутъ другіе,—что̀ я скажу имъ, когда истрачу свои два флакона? Вотъ горе! Къ счастію, оказывается не дифтеритъ, но лекарствъ нѣтъ. Тутъ меня осѣнило: вѣдь въ 20-ти верстахъ отсюда есть участковый земскій врачъ,—поѣду къ нему, пусть выручаетъ товарищъ. „Лекарствъ у меня сейчасъ нѣтъ, тетка, навѣдайся завтра вечеромъ; у меня есть только отъ глоточки (по-деревенски это значитъ противъ дифтерита); у кого тутъ болѣютъ глоткой?"—„И, матушка, у всѣхъ болѣютъ, у кого—всѣ дѣти поумирали. За двѣ недѣли 32 гробика въ церковь вынесли (а я сюда со своими двумя флаконами сунулась!). Вонъ у Матасихи одна дѣвочка только осталась, трехъ схоронила".—„Поведи меня туда, тетка,—хочешь? Сама не заходи, а только покажи, гдѣ живутъ".

Я хватаю свое оружіе, шприцъ и сыворотку, и устремляюсь въ битву. Берегитесь, бациллы! сыворотка идетъ.

Большое село Татарка, большія каменныя избы, многія подъ желѣзомъ; снаружи красивы, каково-то внутри? Въ одной изъ такихъ избъ за столомъ сидѣла женщина лѣтъ сорока, сложивъ руки на колѣняхъ. Такая поза мирнаго отдыха въ будній день уже сама по себѣ показывала, что въ семьѣ—большое горе: бабы не сидятъ сложа руки, въ особенности до полудня. Мужики стучали чѣмъ-то на дворѣ, а въ избѣ кромѣ бабы находилась еще дѣвочка лѣтъ четырехъ съ платочкомъ на шеѣ. „Здравствуй, тетка; у тебя, говорятъ, дѣвочка больна. Я докторица, хочешь—полечу". Крестьянка встала, отвѣтила на мое привѣтствіе, попросила сѣсть и только въ черезчуръ медленныхъ ея движеніяхъ, словахъ, медленнѣе обыкновеннаго произносимыхъ, можно было замѣтить, что она все дѣлаетъ машинально, что душа ея отсутствуетъ и въ эту минуту, быть можетъ, витаетъ надъ тремя гробиками, вынесенными въ церковь. Тѣмъ же медленнымъ, спокойнымъ тономъ стала она мнѣ разсказывать о смерти дѣтей.

„А эту, должно, тоже Господь прибрать хочетъ“,—она притянула и прижала къ себѣ дѣвочку. „Наташа, вотъ тетенька тебя полечить хочетъ, чтобы горлышко не болѣло“. Наташа исподлобья посматривала на меня. „Полечись, Наташа, а то и ты помрешь, какъ Катька“. — „Мама, а ты мнѣ бѣлую рубашку новую одѣнешь, какъ Катькѣ?“—Мать усмѣхнулась.—„Одѣну, какъ помрешь“. Я подозвала дѣвочку къ себѣ; она подошла и стала разглядывать и щупать пуговицы моего пальто. „Что-жъ, Наташа, давай, мы тебя полечимъ, спинку помажемъ“. Я протянула руку къ своему набору. Но мать въ рѣшительную минуту замялась: „А не дюже больно это будетъ, а поможетъ ли?“ —„А вотъ мы посмотримъ глоточку дѣвочкѣ, увидимъ, далеко ли зашла болѣзнь, а потомъ полечимъ. Это совсѣмъ не больно и многимъ помогаетъ, бояться нечего. А если оставить безъ леченія, то сама знаешь, что̀ бываетъ. Вѣдь это болѣзнь не пустяшная, сама собой не пройдетъ“. Дифтеритъ оказался у дѣвочки довольно сильный, температура повышена, но это не мѣшало дѣвочкѣ переносить болѣзнь на ногахъ и имѣть довольно бодрый видъ.—Сыворотка въ нашихъ краяхъ появилась недавно; я до сихъ поръ сдѣлала лишь шесть прививокъ, изъ которыхъ два случая, очень запущенныхъ, окончились смертью. Со страхомъ и волненіемъ приступила я къ прививкѣ у Наташи: что̀ если и здѣсь уже слишкомъ поздно, умретъ и эта дѣвочка, послѣдняя въ семьѣ, и мать скажетъ, что это отъ прививки? Мы спустили рубашечку съ плечъ дѣвочки, она прилегла головой на колѣни матери. „Придержи ее,—шепнула я матери,—а если сама боишься, не гляди“. Но мать ничего не боялась, кромѣ смерти, она спокойно смотрѣла, какъ обмывала я спинку дѣвочки; успокоивала ее, когда та вздрагивала отъ холоднаго эѳира. По виду она была спокойнѣе меня; мнѣ не хотѣлось показать передъ ней своего волненія, и я думала придать себѣ увѣренный видъ быстротой движеній, которыя все-таки, вѣрно, носили лихорадочный характеръ. Дѣвочка слегка вздрогнула, когда игла шприца вонзилась въ кожу, но не крикнула. „Сейчасъ, сейчасъ кончу, Наташа, только спинку еще помажу“.—„А чѣмъ ты мажешь?“—спросила Наташа, поворачивая любопытную головку. — „Лежи тихо,—щеточкой,—потомъ покажу“. Прививка кончена, крохотная ранка заклеена ватой съ коллодіемъ, и Наташа встала, какъ ни въ чемъ не бывало. „А гдѣ твоя щеточка?“—Я показываю кисточку. „А вѣдь твоя щеточка колется“,—замѣчаетъ Наташа. Мы съ матерью смѣемся, и тутъ я въ первый разъ за все время вижу, что слезы навернулись на глаза у крестьянки. Я

очень рада и довольна, что дѣвочка не плакала, что мать не нервничала и не мѣшала мнѣ, какъ мѣшала бы всякая городская мать. Теперь оставляю поле битвы, предоставляю сывороткѣ сражаться съ бациллами.—„Ну, прощай, тетка, завтра еще навѣдаюсь; если нужно будетъ, мы еще разъ пустимъ лекарство подъ кожу. Прощай, Наташа!" Я протягиваю дѣвочкѣ руку, но она не знаетъ, что̀ дѣлать съ моей рукой; зато она навѣрное съумѣетъ справиться съ конфеткой, которая явилась изъ нѣдръ моего мѣшка (я сдѣлала въ городѣ большіе запасы лакомствъ для ребятишекъ). „Скажи барышнѣ спасибо", учитъ ее мать. Но и благодарность, какъ и рукопожатіе, равно незнакомы Наталочкѣ.—„Басибо",—лепечетъ она, но глазёнки ея устремлены не на барышню, а на вкусную штучку въ золотой бумажкѣ. Я облегченно вздыхаю, выходя изъ избы; слава Богу, первый блинъ не комомъ пришелся: не надо было тратить много словъ, уговаривать, убѣждать въ пользѣ прививокъ, дѣвочка не напугана; сосѣдки узнаютъ, что это леченіе не страшно,—всѣ будутъ безбоязненно обращаться ко мнѣ, и хоть и „будетъ буря", но „мы поспоримъ... съ ней". — Возвращаюсь на квартиру въ радужномъ настроеніи. „Прививали?"—спрашиваетъ дьячковская дочь.—„Прививала".—„Ну, въ добрый часъ!"—говоритъ добрая дѣвушка, и я отъ души ее благодарю, но тутъ же со страхомъ думаю: дай Богъ, чтобы сегодня продолженія не было; мой флаконъ сыворотки уже въ единственномъ числѣ.—Починъ-починомъ, а докторицѣ и поѣсть надо. „Марья Петровна, не покормите ли вы меня чѣмъ-нибудь?"—„А чѣмъ же мы васъ покормимъ? Корову уже увели въ городъ, яицъ нѣтъ у насъ, а куръ рѣзать жалко".—„Голубушка, да вы меня пожалѣйте, а не куръ; страшно ѣсть хочется, вѣдь я съ утра бѣгаю не ѣвши. Назначьте цѣну, какую хотите, въ городѣ купите себѣ куръ, сколько захотите" (семья эта выѣзжаетъ въ городъ).—„Я ужъ не знаю; какъ бабушка".—„Да сами-то вы ѣдите что-нибудь или нѣтъ? дайте мнѣ, что̀ хотите, что̀ есть".—„Мы сами не каждый день готовимъ, и сегодня нѣтъ ничего; такъ хлѣба съ квасомъ поѣдимъ, сегодня вѣдь среда",—и опять припѣвъ: „какъ бабушка". Я, въ отчаяніи, бѣгу къ бабушкѣ. Высокая, худая, слѣпая старуха лежитъ на кровати. „Ради Бога, позвольте внучкѣ для меня курочку зарѣзать". Старуха недовольна моимъ вторженіемъ въ ея область, едва удостоиваетъ меня отвѣта, и то отрицательнаго; но внучка умѣетъ съ ней говорить. „Эта барышня—докторша, бабушка, она можетъ вамъ спину полечить, а вы ее курочкой угостите за то". Старуха рѣшается пожертво-

вать курицей; начинается длинный, предлинный разсказъ о спинѣ, которая „скучаетъ уже лѣтъ десять“, о ногахъ, которыя „одеревенѣли лѣтъ пятнадцать тому назадъ“. Докторица слушаетъ, а за стѣной кричитъ благимъ матомъ живой гонораръ за медицинскій совѣтъ. Безконечная исторія о „скучающей“ спинѣ помогаетъ мнѣ убить время до обѣда, и только приходъ сотскаго, котораго я просила прислать ко мнѣ, избавляетъ меня отъ ноющей старухи. „Чего звали тутъ!“—грубо обращается сотскій къ присутствующимъ. „Звала я, докторша изъ города; приведите мнѣ лошадь съ сельской почты; мнѣ нужно поѣхать къ старостѣ“. Бородатый мужикъ съ палкой въ рукѣ (символъ власти —но десятскаго, а не сотскаго) немного смущенъ и уже другимъ тономъ, очень вѣжливо объясняетъ, что староста и писарь сидятъ въ сборнѣ, а это въ двухъ шагахъ отсюда.—Ура! изъ кухни является Марья Петровна съ тарелкой супа. Былъ ли онъ хорошъ или дуренъ, сказать не умѣю, но аппетитъ мой очень хорошъ. Исчезаетъ супъ, исчезаетъ черный хлѣбъ, котораго я обыкновенно не ѣмъ, и я съ приливомъ новыхъ силъ и бодрости ѣду знакомиться со старостой. Сборня—это общественная изба, она же казначейство, она же судъ, она же клубъ, она же мѣсто для экзекуцій. Это—большая, довольно приличная изба; въ одномъ углу—иконы и всякія „постановленія“ и „объявленія“ въ рамкахъ; въ другомъ—денежный сундукъ со множествомъ сургучныхъ печатей; третій уголъ занимаетъ большая печь, около нея кадка съ водой и кружка для всѣхъ желающихъ. Столъ въ переднемъ углу и скамьи кругомъ всей комнаты, какъ во всякой крестьянской избѣ; за столомъ засѣдаютъ власти: староста, писарь и мальчики, его помощники. Староста, толстый, бородатый мужикъ съ синебагровымъ носомъ, удивленъ моимъ появленіемъ; писарь же, бѣлобрысый человѣчекъ въ поддёвкѣ, говоритъ, не смущаясь: „Насилу прислали! а мы уже давно бумагу писали, что у насъ дѣти мрутъ безъ счету“.—„Кому вы писали“?—„А земскому“.—„Ну, это вы не туда попали; надо было въ земскую управу. Ну, а теперь мы вотъ что̀ сдѣлаемъ,—пошлите, пожалуйста, десятскимъ, чтобы оповѣстили въ деревнѣ, что пріѣхала докторша и будетъ лечить больныхъ дѣтей. Десятскій узнаетъ, гдѣ есть больные; пришлите его, пожалуйста, ко мнѣ, онъ мнѣ скажетъ, а я туда поѣду и ужъ сдѣлаю все, что̀ нужно. Еще хочу васъ попросить вотъ о чемъ: скажите сельскому почтарю, чтобы присылалъ мнѣ каждое утро лошадь, а то вѣдь пѣшкомъ ваше село не обойдешь“. Староста и писарь долго размышляютъ, наконецъ удостоиваютъ согласиться; староста что-то бор-

мочетъ о томъ, что лошади самому нужны, а я смиренно заявляю: „А я то какъ же? вѣдь я не могу пѣшкомъ ходить цѣлый день". Писарь думаетъ, что это можно какъ-нибудь уладить, и, какъ бы дѣлая мнѣ величайшее одолженіе, говоритъ: „Ну, ужъ будетъ вамъ завтра лошадь, а тамъ ужъ не знаю; сельскія лошади вѣдь для насъ".—„Ну, пожалуйста,—упрашиваю я его,—гдѣ же я возьму лошадей, а вы себѣ достанете".—„Старостѣ полагается тройка, и мнѣ тоже,—говоритъ писарь;—ну, такъ и быть, разокъ поѣдемъ на парѣ". Староста не очень доволенъ, но не хочетъ спорить съ писаремъ. Писарь, наконецъ, вспоминаетъ, что нужно встать: до сихъ поръ я стояла у дверей въ позѣ смиренной просительницы, а власти сидѣли, развалясь, за столомъ; съ мужчинами-врачами они были бы несомнѣнно вѣжливѣе. „Много дѣтей у насъ умерло, вамъ будетъ дѣла довольно,—говоритъ писарь;—когда докторъ тутъ, лечиться будутъ, а то въ больницу возить не хотятъ. Сказано, дураки деревенскіе:—тамъ зарѣжутъ!"—передразниваетъ онъ грубымъ голосомъ мужиковъ. —„Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы, гдѣ бы я могла нанять квартиру для себя, посовѣтуйте, а то Марья Петровна уѣдетъ, и мнѣ хоть на улицѣ оставаться". Въ обсужденіи этого вопроса принимаетъ живѣйшее участіе и сотскій, и сидѣвшій за печкой сторожъ; всѣ рекомендуютъ своихъ кумовьевъ и сватовъ. Преисполненная благодарности за совѣты, я уже, не обращая вниманія на то, что ни староста, ни писарь не сочли нужнымъ отвѣтить на мое „до свиданья", спѣшу искать пристанища. Оказывается, всѣ рекомендованныя квартиры—это или пустыя избы безъ хозяевъ, которые живутъ въ другомъ дворѣ, или лѣтнія избы безъ печи — вещь для зимы неподходящая. Послѣ долгихъ поисковъ—какое счастье!—я нахожу крохотную темную комнатку, но зато въ интеллигентной семьѣ. Черезъ часъ я ѣду на лошади своихъ хозяевъ со своимъ скарбомъ на новую квартиру, а кучеръ ихъ, безъ всякихъ вопросовъ съ моей стороны, посвящаетъ меня въ семейныя отношенія своихъ господъ и дѣла ихъ: „денегъ много, да всѣ проѣдаютъ" и т. п. Тѣмъ лучше,—думаю я,—значитъ, не буду голодать, какъ одна моя сотоварка въ деревнѣ. Она не сдѣлала визита управляющему имѣніемъ, и за то не ѣла цѣлые полгода мяса, яицъ и масла, потому что у бабъ ихъ не было, а приказчикамъ запрещено было продавать припасы для докторши. При нашей земской работѣ вегетаріанство—это медленное самоубійство, и докторша должна была обзавестись собственнымъ птичникомъ и чуть ли не купить корову. Но что̀ хорошо и удобно для врача осѣдлаго,—не-

возможно для эпидемическаго.—Итакъ, мнѣ повезло, голодать не буду. Сейчасъ же убѣдилась въ этомъ, плотно поужинавши въ веселомъ обществѣ молодыхъ супруговъ. Тюфякъ вмѣсто соломы прошлой ночи, тишина и чистота—какъ эти пустяки пріятны въ деревнѣ, какъ цѣнишь этотъ обыденный комфортъ, которому дома не придаешь никакого значенія! Какая я счастливица, однако: не всѣмъ эпидемическимъ врачамъ удается такъ устроиться, не всѣмъ удается въ деревнѣ найти мѣсто, гдѣ бы можно было отдохнуть и подкрѣпиться послѣ утомительной работы.—Проснулась я рано съ мыслью о Наталочкѣ; у меня не было терпѣнія дожидаться лошадей, и я пѣшкомъ ушла къ Матасихѣ. Я попросила одну дѣвочку на улицѣ проводить меня туда; дорогой къ намъ пристало еще нѣсколько ребятишекъ, и я, окруженная веселой толпой, шествовала по деревнѣ, возбуждая удивленіе встрѣчныхъ крестьянъ. Скоро я услышала за моей спиной заглушаемое хихиканье, и, обернувшись увидѣла, какъ одинъ мальчикъ указывалъ на мои короткіе волосы, а дѣвочка передразнивала мою походку. „Идите впередъ, ребята,—сказала я имъ,—теперь я на васъ посмотрю“. Ватага понемногу разсѣялась, такъ какъ дальше потѣшаться было неудобно, а оставшихся я отослала, потому что не хотѣла, чтобы они заходили къ Матасихѣ. „Вы сюда не ходите, дѣти, тутъ больные; еще и вы наберетесь и тоже захвораете“. Дѣтишки убѣжали съ веселымъ смѣхомъ: будетъ имъ дома тема для разговоровъ—чудная барышня въ шапкѣ и стриженая (въ деревнѣ это всегда возбуждаетъ удивленіе). Матасиха вышла мнѣ на встрѣчу съ веселымъ лицомъ: „Слава Богу, барышня, Наталка наша выхаживается, только ночью задала она намъ страху. Горѣла, металась, кричала все про бѣлую рубашку и конфетку, до утра все буровила (бредила); я ужъ думала, конецъ пришелъ и ей; подъ утро заснула, а теперь ничего, веселая, ѣсть проситъ. Спросишь—болитъ глоточка? нѣтъ—не болитъ“. Вхожу; Наталочка въ новомъ сарафанѣ, съ монистомъ на шеѣ, уже не дичится меня, спокойно и безъ протестовъ показываетъ горло. Только шпатель немного пугаетъ ее. „Безъ палочки, гляди!“—проситъ она. „Хорошо, закрой глазки, я безъ палочки посмотрю“. Она покорно закрываетъ глазки и переноситъ прикосновеніе шпателя безъ крика. Все хорошо; какъ волшебствомъ какимъ исчезли эти страшныя бѣлыя плёнки въ глоткѣ, только краснота и припухшія миндалины остались, температура нормальна, и самочувствіе дѣвочки прекрасно. Черные глазки свѣтятся, бѣлые льняные волосы приглажены и заплетены въ косу

величиной въ крысиный хвостикъ, новый сарафанъ—все это придаетъ ей праздничный видъ; и правда, у нея большой праздникъ: она избавилась отъ смерти. Какъ не ознаменовать это радостное событіе конфектнымъ подношеніемъ! Дѣвочка смѣется; такъ же весело и счастливымъ смѣхомъ смѣется мать; я тоже на седьмомъ небѣ; каждый день бы такую радость! „Дьяволъ побѣжденъ, трубите побѣду!“—какъ поютъ въ арміи спасенія. „Ну, тетка, будетъ жива твоя дѣвочка; я все-таки завтра зайду еще разокъ посмотрѣть ее, а тебѣ придется приготовить бѣлой глины и выбѣлить избу; я дамъ тебѣ лекарство такое въ глину сыпать; надо выгнать заразу изъ твоей избы“.—„Матушка, да какъ же я зимой бѣлить стану,—куда же мы дѣнемся всѣ?“ Это правда; да кромѣ того я вспоминаю, что кромѣ стѣнъ есть еще въ избѣ земляной полъ, т.-е. та же земля, что и на улицѣ, ничѣмъ не покрытая и не утоптанная. Какъ этотъ полъ дезинфицировать,—вотъ задача. Для очистки пола и совѣсти можно бы снять лопаткой верхній слой земли, но какая же это дезинфекція! Вообще, я давно уже пришла къ убѣжденію, что дезинфекція крестьянскихъ избъ въ сѣверной и средней Россіи (малороссы—это совсѣмъ другое дѣло)—это безполезная трата силъ и средствъ и насмѣшка надъ наукой. Лишь немногія великорусскія избы выбѣлены, остальныя—это бревенчатый почернѣвшій срубъ, прикрытый влагой и плесенью. Щели законопачены мхомъ и паклей. Что же—мыть и брызгать эти стѣны, пропитывать влагой и безъ того сырой воздухъ избы? Но это еще ничего, а полъ—если можно назвать поломъ этотъ губчатый черноземъ, впитывающій въ себя и выплеснутыя помои, и мокроту больного, и слѣды пребыванія четвероногихъ жильцовъ (телятъ, жеребятъ, ягнятъ),—какъ его очистишь отъ микробовъ? А платья крестьянъ—гдѣ взять въ деревнѣ дезинфекціонную камеру? (тогда еще не было переносныхъ камеръ, которыя можно было бы возить съ собой). Брызгальщиковъ я не признаю, я не взяла съ собой фельдшера для этой цѣли и оставила въ управѣ очень красивый сіяющій гидропультъ; пусть себѣ тамъ сіяетъ,—польза одна.

Возвратилась я домой уже безъ провожатыхъ.—„Вы здѣсь пройдите, — указала мнѣ Матасиха, — а то черезъ Гудовку дальше“.—„Что это за Гудовка“?—„Это у насъ порядокъ такой есть, улица. У насъ тутъ разные порядки: Гудовка, Тѣлешиха, Кресты, Непочетная“. Позже я узнала происхожденіе этихъ названій: Гудовка — это улица, которую при крѣпостномъ правѣ еще заселили переселенцы изъ другихъ имѣній по-

мѣщика, они все плакали, „гудѣли“; оттого—Гудовка. Тѣлешиха—это улица бѣдняковъ, которые ходятъ „тѣлешомъ“, т.-е. нагишомъ. Кресты — перекрестокъ двухъ большихъ улицъ, а Непочетная слобода—это край села, гдѣ селятся сыновья въ раздѣлѣ съ отцами, непочетчики.

На квартирѣ меня ждутъ почтовыя лошади (земскія — сельскихъ все нѣтъ), на козлахъ—знакомый мужикъ, котораго я подняла ночью съ соломы. „Извините, барышня, сегодня поѣдемъ на парѣ (врачу полагается тройка), на тройкѣ не проѣхать, замело дорогу“. Я хоть и знаю, что это выдумки, но соглашаюсь „на этотъ разъ“..—Мнѣ, разумѣется, безразлично, на парѣ или на тройкѣ ѣхать, но я вижу по всему, что мнѣ вѣчно надо быть на сторожѣ и охранять себя отъ посягательствъ на привилегіи, сопряженныя съ моимъ званіемъ. Товарищамъ-мужчинамъ, конечно, это чувство незнакомо, но женщины-врачи частенько-таки терпятъ всякія невзгоды изъ-за своего смиренства и просто изъ-за того, что онѣ—женщины, а не мужчины. Чего ждать отъ простыхъ людей, чего обижаться на нихъ, если и среди болѣе образованныхъ людей то-и-дѣло слышишь извѣстную поговорку: курица не птица и т. д. Пока сидишь на мѣстѣ и лечишь, это крестьянъ не удивляетъ,—на то мы „бабки“, „лекарки“,—но „бабка“, которая разъѣзжаетъ по селамъ, чѣмъ-то распоряжается, что-то приказываетъ,—это явленіе слишкомъ необычное въ тѣхъ странахъ. Все это я уяснила себѣ лишь позже; въ то время я только чувствовала въ отношеніяхъ ко мнѣ что-то такое, чего не должно быть, какую-то легкую насмѣшку, легкое пренебреженіе, которое могло оказаться помѣхой въ моей работѣ, и отсюда мое вѣчно напряженное состояніе, боязнь, какъ бы себя не уронить въ глазахъ моихъ будущихъ паціентовъ. Нужно, чтобы меня уважали,—тогда будутъ и вѣрить, а не то гробики будутъ сами по себѣ, а моя сыворотка сама по себѣ. Уваженіе же крестьянъ вовсе не тѣмъ достигается, чѣмъ уваженіе людей интеллигентныхъ; излишняя простота въ образѣ жизни и обращеніи этимъ простымъ людямъ непонятна и странна въ „господахъ“: отсюда—или недовѣріе и подозрительность, или же неуваженіе и даже презрѣніе. Надо помнить еще, что самый способъ леченія дифтерита прививками необыченъ и удивителенъ для деревни, а это тоже можетъ вызвать недовѣріе и отказъ отъ леченія.—Не слишкомъ ли я мало говорила Матасихѣ о томъ, что прививка безболѣзненна,—надо было больше напирать на это обстоятельство? Впрочемъ, все равно, никто объ этомъ не узнаетъ, такъ какъ я запретила

Матасихѣ пускать къ себѣ въ избу бабъ.—Въ этихъ думахъ и заботахъ я не замѣтила, какъ проѣхала двадцать верстъ и подъѣхала къ амбулаторіи земскаго врача. Вся закутанная шубами и платками, я ввалилась въ прихожую его квартиры, но на порогѣ выростаетъ церберъ въ видѣ суровой старухи. „Больные? Ступайте дальше, тутъ не принимаютъ".—„Да я не больна, я къ доктору въ гости; скажите, что докторша изъ Татарки пріѣхала". Нянька недовѣрчиво посматриваетъ на какую-то съ неба свалившуюся докторшу и не рѣшается отойти отъ порога, чтобы я не проникла обманомъ въ заповѣдную область. „Голубушка, да что же мнѣ тутъ замерзнуть на порогѣ?—подите доложите доктору". Нянька бормочетъ что-то и не двигается съ мѣста. Ну, и стража же у коллеги! Наконецъ слышу шаги—самъ докторъ. Я рекомендуюсь и получаю право входа; сконфуженная старуха удаляется. Докторъ смѣется: „Идеальная нянька, за дѣтей готова на бой пойти; боится, какъ бы не занесли сюда болѣзни".—„На мой счетъ можете быть спокойны: я приняла всѣ мѣры, чтобы дифтерита къ вамъ не занести. Все-таки, если боитесь, дѣтей ко мнѣ не пускайте". Въ гостиной—свѣтъ и тепло, цвѣты и рояль, надъ роялемъ скрипка, книги на полкахъ и этажеркахъ,—какъ все это пріятно, душа и глаза отдыхаютъ послѣ крестьянскихъ мрачныхъ, грязныхъ избъ. Это—тихій, уютный семейный уголокъ, гдѣ, вѣроятно, хорошо отдыхается послѣ тяжелой работы земскаго врача; еслибъ только не эта боязнь заразы, страхъ за дѣтей,—это отравляетъ жизнь, портитъ идиллію. Милыхъ ребятишекъ мнѣ все-таки показали; воображаю, какъ ворчала нянька и какъ въ глубинѣ души трепетала мать!

Но какъ ни хорошо тутъ, а надо ѣхать обратно. Дѣла всѣ покончены; мы съ А. И. раздѣлили его громадный участокъ пополамъ; далъ онъ мнѣ ящикъ необходимыхъ лекарствъ, четыре флакона сыворотки и обѣщалъ давать еще, хотя у самого запасъ скудный, и сыворотки, и лекарствъ. Какъ видно, онъ вышелъ изъ бюджета; амбулаторный пріемъ въ этомъ году дошелъ до двадцати тысячъ больныхъ. „А какъ у васъ съ прививками, охотно лечатся?"—спрашиваю.—„Да намъ мало ихъ дѣлать пришлось. Послалъ-было я фельдшера,—самъ никакъ не могу оставить амбулаторію,—но какъ только онъ узналъ, что смертность громадная, такъ я сейчасъ написалъ въ управу, чтобы прислали эпидемическаго врача. Мыслимо развѣ мнѣ одному объѣзжать участокъ, гдѣ есть деревни въ сорока верстахъ отъ пункта?!—Ну, прощайте, смотрите, не хворайте сами",—напутствуетъ меня А. И. „Да я вѣдь не ребенокъ, ко мнѣ дифтеритъ не скоро приста-

нетъ".—„Ну, не скажите; тутъ оказывается много взрослыхъ больныхъ дифтеритомъ, вы увидите сами". Я тороплюсь домой, потому что нянька возвѣщаетъ о начинающейся метели; на этотъ разъ она переложила гнѣвъ на милость, должно быть, потому, что мнѣ удалось завоевать расположеніе ея любимцевъ; она провожаетъ меня гораздо дружелюбнѣе, чѣмъ встрѣтила, и даже кутаетъ меня, какъ ребенка. Жутковато въ степи, темнѣетъ, снѣгъ заметаетъ дорогу и слѣпитъ глаза. Ямщикъ сидитъ въ полъ-борота на облучкѣ, но увѣряетъ, что это ничего, это только „подзёмка", на вѣтеръ поднимаетъ снѣгъ съ земли невысоко,— а настоящая метель будетъ, когда начнетъ крутить, но мы еще до метели доѣдемъ въ Татариху. „Но, голубчики!" Мы выѣзжаемъ въ какой-то лѣсокъ, котораго я раньше не замѣтила. „Туда ли ты ѣдешь, ямщикъ?"—„Не сумлѣвайтесь, доставимъ на мѣсто".—Вся занесенная снѣгомъ являюсь къ себѣ домой. „Не было Матасихи?"—„Не было".—„Ну слава Богу, значитъ все хорошо. Другихъ больныхъ не было?"—„Не было".—Еще разъ слава Богу. Я устала и озябла. Сажусь отогрѣваться чаемъ, и слышу какой-то топотъ въ сѣняхъ, незнакомые голоса. Больныхъ дѣтей привезли. Выхожу къ нимъ. Баба съ ребенкомъ и мужикъ съ мальчикомъ лѣтъ четырехъ на рукахъ,засыпанные снѣгомъ, тяжело дышатъ, сбивая снѣгъ съ валенокъ.—„Вы откуда?"—„Изъ Марьянки" —въ двѣнадцати верстахъ отъ Татарки. На дворѣ темно и метель ужъ настоящая крутитъ, а они въ такую погоду пріѣхали сюда.—„Чтò у васъ?" Но они не отвѣчаютъ, разыскиваютъ икону (они приняли чистенькую прихожую за комнату), наконецъ, говорятъ:—„Глоточку захватило".—Какъ быть мнѣ съ ними? Въ моей конуркѣ негдѣ повернуться, да и хозяева мои поставили условіемъ—дифтеритныхъ больныхъ у нихъ въ домѣ не принимать. Я размышляю вслухъ, и мнѣ на помощь приходитъ дворникъ: „Въ сборнѣ можно, это мірская изба".—„И правда, поѣзжайте въ сборню, отвезите дѣтей, тогда за мной пріѣдете". Укладываю все необходимое, но мужикъ является не скоро: ему, какъ пріѣзжему, долго пришлось разыскивать сборню. Въ сборнѣ тускло горитъ лампочка, зѣваетъ сторожъ, котораго подняли со сна.

Больной мальчикъ горитъ и мечется на скамьѣ и тянется къ отцу; двухлѣтняя дѣвочка дремлетъ на рукахъ у бабы. Приходится разбудить больного ребенка, чтобы осмотрѣть горло. Дифтеритъ довольно сильный. Теперь къ мальчику. О, этотъ ужасенъ; онъ задыхается, румянецъ на щекахъ—съ синеватымъ отливомъ, замѣтнымъ даже при плохомъ освѣщеніи; шея распухла до того, что подбородокъ почти сразу переходитъ въ шею.

„Давно онъ боленъ?“ — „Четыре дня ужъ“. — „Что же вы такъ долго собирались, отчего не везли къ доктору?“ — „А Богъ его знаетъ; такъ, думаешь, пройдетъ, а оно дальше—хуже, а мальчикъ у меня одинъ. И теперь кабы не сосѣдка, такъ и не повезъ бы. Пришла ко мнѣ съ дѣвочкой:—Что-жъ это ты, Матвѣичъ, думаешь? Надо запрягать лошадей, да ѣхать въ Татариху, тамъ, говорятъ, лечительница какая-то пріѣхала, надо спросить; что же имъ такъ и помирать?—Взяла свою лошадь, я—свою. Говорю, подождемъ до утра, авось метель затихнетъ.—Нѣтъ, говоритъ, ждать будемъ, такъ смерти дождемся. Поѣхали мы; ну, не дай Богъ. Темно, мететъ, дѣти на холодѣ раскрываются, мой мальчонка мечется, не чаялъ живымъ довезть“.—А баба молчитъ и глазъ не сводитъ съ дѣвочки, которая едва успокоилась послѣ осмотра горла: это для дѣтей самая страшная и самая мучительная процедура. Крестьянскія дѣти обыкновенно довольно спокойно переносятъ ее, но нельзя сказать, чтобы совсѣмъ спокойно.—Приготовляю все для прививки. Мальчикъ безнадеженъ, но мнѣ жаль оставить его безъ помощи, хоть у меня и мало сыворотки. „Надо было давно уже привезти мальчика,—говорю я.—Четыре дня—много времени. Когда болѣзнь запущена, ее лекарство не возьметъ“. Мнѣ страшно говорить яснѣе, хотя и слѣдовало бы сказать правду безъ обиняковъ: обманутыя надежды отца подорвутъ довѣріе къ лекарству, а у него, можетъ быть, еще дѣти есть; „мальчикъ одинъ“—значитъ, остальныя—дѣвочки (дѣвочки у крестьянъ въ счетъ не идутъ). Тяжело произнести смертный приговоръ ребенку, да и, наконецъ, отчего не попробовать, можетъ быть, еще не совсѣмъ поздно, и крѣпкій организмъ ребенка съ помощью сыворотки справится съ болѣзнью. Я стараюсь обмануть, обнадежить и себя, вопреки очевидности. Ребенокъ до того плохъ, что почти не реагируетъ ни на шпатель во рту, ни на уколъ иглы. Отецъ отворачивается, чтобы не видѣть впрыскиванія, и крестится. Зато баба внимательно слѣдитъ за каждымъ моимъ движеніемъ, содрогается при видѣ шприца, но рѣшительнымъ жестомъ открываетъ спинку ребенку. „Господи, помилуй,—шепчетъ она,—такъ оставить ее помирать?.. Хоть рѣжь ее, если надо, только пусть на здоровье будетъ“.—Рѣдкій героизмъ въ трусливой деревенской женщинѣ; обыкновенно, самое слово „ножъ“ приводитъ ихъ въ трепетъ. Сколько хитростей приходилось пускать въ ходъ въ амбулаторіи, чтобы вскрыть какой-нибудь маленькій созрѣвшій нарывъ—и скальпель замѣнять маленькимъ ланцетомъ, скрытымъ въ рукѣ, и про самую операцію говорить: „проколоть“, а не разрѣзать, и

обманомъ освобождать отъ сильныхъ болей,—и все это изъ-за непреодолимаго страха передъ словомъ: „ножъ“, потому что болѣе сильныя боли, напримѣръ сшиванiе ранъ, крестьянки часто переносятъ безъ стоновъ. А тутъ сама говоритъ: „рѣжь, коли надо“. „Спасибо за помощь, тетка, ты молодецъ, не боишься; такъ и надо. А тутъ и бояться нечего; видишь, иголочка тоненькая,—уколоть, такъ и не больно.—Скажи тамъ въ деревнѣ, чтобы не боялись, пусть прямо везутъ сюда больныхъ или пусть мнѣ дадутъ знать, я туда прiѣду“. Не знаю, слышитъ ли меня баба, она вся поглощена ребенкомъ. Отецъ же мальчика, хоть и разстроенъ и огорченъ, тѣмъ не менѣе, вступаетъ въ бесѣду со сторожемъ о деревенскихъ дѣлахъ.

„Оставайтесь здѣсь до утра,—говорю я прiѣзжимъ.—Утромъ посмотримъ,—можетъ быть, еще разокъ понадобится прививку дѣлать“. Но тутъ выступаетъ на сцену сторожъ сборни и заявляетъ, что онъ никому не позволитъ ночевать въ сборнѣ—многозначительный взглядъ на сундукъ съ печатями. „Я тутъ къ куму поѣду,—говоритъ мужикъ,—гдѣ тутъ Михѣй Петровъ живетъ? И ты, кума, со мной“.—Разумѣется, Михѣй Петровъ прiютитъ и мужика, и куму его, но что̀ если у Михѣя есть дѣти?.. Я ничего не могу подѣлать, не могу воспрепятствовать поѣздкѣ больныхъ къ Михѣю, потому что сторожъ неумолимъ, гостинницъ въ деревнѣ не имѣется, и не ночевать же имъ подъ открытымъ небомъ.—Сколько осложненiй, сколько непредвидѣнныхъ обстоятельствъ! Хоть бы мнѣ кто-нибудь изъ товарищей въ городѣ намекнулъ о существованiи всѣхъ этихъ трудностей! Но нѣтъ, каждый изъ врачей, побывавшiй на эпидемiи, борется съ такими и подобными невзгодами, но молча переноситъ ихъ и хранитъ свой опытъ про себя; а между тѣмъ насколько выиграло бы дѣло, т.-е. больные и врачъ, еслибы можно было заранѣе принять мѣры противъ такихъ случайностей. Я не виню товарищей: мѣстные ежемѣсячные съѣзды врачей не вездѣ устраиваются, а земскiе медицинскiе о̀рганы, въ видѣ „врачебныхъ извѣстiй“, „врачебной хроники“ или т. п., всегда стѣснены цензурой, несмотря на свой узко-спецiальный характеръ; такъ, напримѣръ, я знаю случай, когда цензоръ вычеркнулъ въ статьѣ одного врача слово „душилка“,—мѣстное народное названiе дифтерита.

Ѣду къ себѣ домой въ отвратительномъ настроенiи: я, врачъ, прiѣхавшая бороться съ эпидемiей, позволяю или безъ протестовъ смотрю на то, какъ больныя дѣти ѣдутъ ночевать въ избу, гдѣ, быть можетъ, есть дѣти, они заболѣютъ дифтеритомъ и могутъ

умереть... Что могла я противъ этого сдѣлать, почему не предусмотрѣла, нельзя ли было это какъ-нибудь иначе устроить? Нѣтъ, отвѣчаю я себѣ, ночью, въ незнакомой мнѣ деревнѣ я ничего не могла сдѣлать, я не виновата, это такое уже несчастное стеченіе обстоятельствъ,—но все это меня не успокоиваетъ. Утромъ спѣшу въ сборню, гдѣ назначила свиданіе больнымъ. Баба съ дѣвочкой уже здѣсь, ждетъ меня съ нетерпѣніемъ: мальчикъ умеръ подъ утро, и кумъ торопится домой. Бѣдный мальчикъ, бѣдный отецъ!—невеселая поѣздка будетъ. „Покажи дѣвочку, тетка". Дѣвочкѣ хорошо; мать прижимаетъ ея ручонки къ груди, потому что дѣвчурка имѣетъ намѣреніе выцарапать мнѣ глаза въ благодарность за успѣшное леченіе. Но шпатель вѣдь очень невкусенъ,—надо же барахтаться и кричать, чтобы не допустить эту штучку въ ротъ. Съ большимъ трудомъ я заглядываю въ глотку, плёнокъ нѣтъ и слѣда. „Все хорошо,—съ торжествомъ заявляю я матери,—дѣвочка будетъ здорова" (Одолѣли врага!)— „И больше ничего не нужно?"—удивляется крестьянка.—„Больше ничего не нужно, но ты останься съ ней на всякій случай до вечера, я ее еще разъ посмотрю".—„Не могу, мамаша,—говоритъ баба,—я хлѣба не взяла съ собой, и кумъ ждать не станетъ, вѣдь хоронить надо".—„Ну, поѣзжай съ Богомъ, завтра я пріѣду къ вамъ. Скажи тамъ, пожалуйста, старостѣ вашему, чтобы навѣстилъ всѣхъ; у кого есть больные, пусть запишетъ ныньче же". Баба уходитъ, но на порогѣ останавливается: „Такъ ничего больше не нужно? Глоточку ничѣмъ мазать не будешь?" —„Зачѣмъ же, тамъ ужъ нѣтъ ничего, она теперь выздоравливаетъ".—„А шейку ничѣмъ не помажешь, мазева бы какого-нибудь?"—„И этого не нужно, и такъ все пройдетъ".—„Ну, спасибо, дай тебѣ Богъ здоровья; а я думала, можетъ, какихъ порошковъ дашь, либо что?"—„Ничего, милая, не надо; это лекарство такое, что при немъ ничего не нужно".—„Ишь ты,— говоритъ баба, — лютое, должно быть; ну прощай, провѣдай завтра мою Ѳеклушку". Ѳеклушка жива, но мальчикъ умеръ.

Первый смертный случай въ моей эпидемической практикѣ наводитъ на меня тоску, и я стараюсь разсѣяться, разсказывая своимъ хозяевамъ, какъ баба называла меня „лечительницей" и „мамашей". Смѣшливая молодая дама хохочетъ надъ моимъ титуломъ. „Мамашей здѣсь зовутъ попадью, а попа—папашей; лечительница же—это слово новое, спеціально для васъ придуманное. Пожалуйста, разсказывайте намъ, какъ васъ еще будутъ звать; вамъ еще и прозвище дадутъ. У насъ въ деревнѣ у всѣхъ есть прозвища, они замѣняютъ имъ фамиліи; фамилію свою здѣсь

знаютъ одни мужики, а бабы все по прозвищамъ. Мужа здѣсь зовутъ „голоухимъ“ за то, что онъ носитъ эспаньолку“. Е. М. приводитъ еще нѣсколько примѣровъ; нѣсколько тяжеловѣсный, но все же юморъ: одну очень худощавую даму зовутъ: „толстопятая“ и т. п. Я въ свою очередь прошу ихъ сообщить мнѣ, если они узнаютъ мое прозвище. Я еще не кончила своего завтрака, какъ является десятскій: „Въ сборню народъ наѣхалъ, пожалуйте“.—„А лошадь гдѣ же? И вчера не прислали“.—„Староста на ярмарку уѣхалъ; я ему говорилъ: оставь лошадь, барышня спроситъ; а онъ говоритъ:—подождетъ твоя барышня“.—„Скажи ты своему старостѣ,—говоритъ мой хозяинъ,—что его за эту барышню еще разложатъ и высѣкутъ; отчего онъ не слушается. Я долженъ вамъ сказать,—обращается М. Н. ко мнѣ,—вы слишкомъ вѣжливы съ этими людьми, вы ихъ еще не знаете; чѣмъ вѣжливѣе будете вы съ ними, тѣмъ грубѣе будутъ они. Вы имъ говорите „вы, будьте добры, прошу васъ“; вотъ они вамъ покажутъ, что̀ значитъ—„прошу васъ“.—„Но я не могу иначе, я такъ привыкла, я ужъ четыре года живу въ деревнѣ и у себя въ амбулаторіи такъ всегда обращаюсь, и вреда отъ этого не видѣла. „Вы“—я говорю тѣмъ, кто говоритъ мнѣ „вы“; съ остальными мы на „ты“. Я не фамильярничаю и фамильярности не допускаю, но вѣжливость—это дѣло другое, это могутъ понять и простые люди“.—„Такъ это въ вашемъ уѣздѣ другіе люди, или въ больницѣ они дѣлаются вѣжливыми; а у насъ грубіянъ на грубіянѣ сидитъ“. Десятскій внимательно слушаетъ нашъ разговоръ и смѣется.

Снова бреду въ сборню по глубокому снѣгу, то-и-дѣло приходится отступать съ проѣзжей дороги и попадать въ сугробъ. Въ сборнѣ за столомъ писарь съ помощникомъ и толпа крестьянъ—такъ, по крайней мѣрѣ, показалось мнѣ въ первую минуту. Я—въ ужасѣ: изъ пяти бывшихъ у меня флаконовъ сыворотки я израсходовала $1^1/_2$ (флаконъ—мальчику и $^1/_2$ флакона маленькой дѣвочкѣ); остается всего $3^1/_2$, а тутъ столько народу. „Видите, какъ тѣсно,—говорю я писарю:—вы должны мнѣ отвести избу для пріема больныхъ; туда будутъ всѣ съѣзжаться, и свои, и чужіе; я буду всѣмъ подъ рядъ прививки дѣлать; та̀къ и имъ, и мнѣ удобнѣе будетъ“.—„Гдѣ я вамъ возьму избу,—грубо отвѣчаетъ писарь,—не выстроили еще для васъ“. Я разсердилась. „Прошу мнѣ такъ не отвѣчать, и потрудитесь встать, когда я передъ вами стою“. Глупая улыбка исчезаетъ съ лица писаря, и онъ поднимается на ноги. „Пошлите сейчасъ же десятскихъ,—пусть оповѣстятъ всѣхъ о моемъ пріѣздѣ,

узнаютъ, гдѣ больные, а вы ихъ запишете". Онъ отвѣчаетъ: „слушаю", и посылаетъ сторожа въ трактиръ позвать десятскихъ. Сторожъ приходитъ съ отвѣтомъ: „Придутъ, какъ чай выпьютъ". Скоро являются человѣкъ пять съ палками въ рукахъ. (Обходя свой участокъ, они будутъ этими палками стучать въ окна и кричать: „У кого больные? Докторица пріѣхала".) Писарь распоряжается и говоритъ одному молодому малому: „А ты всѣхъ запиши и принесешь списокъ вотъ имъ", — указываетъ на меня.

Какъ все идетъ быстро и хорошо! Жаль, что я вчера не разсердилась; быть можетъ, сегодня были бы и лошади, и изба въ моемъ распоряженіи. Неужели правъ М. Н., и нужно держаться иначе? Начинаю осматривать больныхъ; дѣтей оказывается всего пять человѣкъ; остальные—это родители или возницы, все изъ разныхъ деревень. Какъ узнали они такъ скоро о моемъ пріѣздѣ? —это удивительно. „Что же, есть въ вашихъ деревняхъ еще больные?" — „А Богъ его знаетъ, за другихъ не знаемъ, можетъ и есть". Это странно: знаютъ о моемъ пріѣздѣ и не знаютъ, что̀ дѣлается въ своей деревнѣ; я и высказываю свое удивленіе. „Они-то есть,—робко заявляетъ какой-то паренекъ,—слышишь когда—тамъ померъ, тутъ померъ, а только они лечиться не станутъ".—„Это почему же?"—„А говорятъ: грѣхъ лечиться; Божья воля, чтобъ помирали, такъ дѣлать нечего, пусть помираютъ".—„А я такъ думаю,—говоритъ одинъ мужикъ,—что они и рады, просторнѣе въ избѣ станетъ. У меня у самого штукъ шесть ртовъ есть, но только я ихъ жалѣю; думаю, дай повезу; неужли же глядѣть, какъ душа крещеная мучится".—„Разумѣется, такъ, дядя, это грѣхъ не лечить; если послѣ леченія помретъ, ну, значитъ, воля Божья, а пока живъ, лечить надо, спасать".—„Такъ, матушка, вѣрно; прослышали мы, что ты пріѣхала лечить, отчего не попробовать,—доктора вѣдь тоже отъ Бога". Дифтеритъ у всѣхъ ребятишекъ, но не очень запущенъ,—второй, третій день заболѣванія, одинъ даже сегодня только захворалъ. Я занимаюсь въ умѣ математическими выкладками: какъ 3½ флаконами вылечить пятерыхъ дѣтей. Найдено: грудной ребенокъ получитъ полфлакона, ребенокъ сегодня заболѣвшій—тоже, а 2½ пойдутъ на старшихъ дѣтей.

Приготовивъ все, подхожу къ одному ребенку, чтобы раздѣть его. Это—низенькій, коренастый мальчуганъ лѣтъ десяти. Глотку онъ показалъ спокойно, безъ страха, но теперь вдругъ начинаетъ орать благимъ матомъ и брыкаться. Ни уговоры, ни конфекты, ни угрозы отца—ничто не дѣйствуетъ; это тянется долго; наконецъ отецъ кладетъ его силой на скамейку и придерживаетъ ноги, сосѣдъ

беретъ за голову, а третій придерживаетъ спину. Здоровый мальчикъ извивается какъ ужъ, такъ что эти три мужика едва могутъ его удержать. Оретъ онъ такъ, что въ ушахъ звенитъ; другія дѣти, напуганныя всѣмъ происходящимъ и особенно позой мальчика, наводящей непріятныя воспоминанія, начинаютъ кричать тоже, и среди этого оглушительнаго концерта я приступаю къ прививкѣ. Я охотно удалила бы маленькихъ зрителей, да некуда. Мальчикъ кричитъ и вертится; оттого все тянется дольше обыкновеннаго. Наступаетъ моментъ, когда игла шприца, того и жди, переломится и останется въ тѣлѣ ребенка. Я такъ пугаюсь этого, что такимъ же голосомъ, какъ и мальчикъ, кричу ему: „Лежи тихо!“ Это дѣйствуетъ своей неожиданностью; онъ успокоивается на минуту, и прививка кончена благополучно. Но кругомъ вижу взволнованныя лица взрослыхъ, дрожащихъ дѣтей, зарывающихъ головы въ юбки матерей.

Я очень огорчена, но что̀ могу я сдѣлать? Мальчикъ продолжаетъ орать и послѣ прививки. „Да замолчи ты, с... сынъ!“ —говоритъ ему мать: — ишь, кричитъ, какъ баринъ, зарѣзали тебя, что-ли?“ Я думала сначала, что ослышалась, что баба сказала: „баранъ“, но нѣтъ, это она хочетъ указать, что онъ не такъ изнѣженъ, какъ баринъ. — „Нешто такъ больно?“— спрашиваетъ отецъ.—„Нѣтъ“,—реветъ малый.—„Такъ зачѣмъ кричишь?“ — „А зачѣмъ она ряженная!“ — отвѣчаетъ мальчикъ, утирая кулакомъ глаза.—„Что такое?“—„А это онъ твоего платья испугался, думаетъ, что ты нарядилась, чтобы его пужать, какъ у насъ на святкахъ“. Такъ вотъ оно что̀: это мой бѣлый халатъ надѣлалъ столькихъ бѣдъ. Всѣ присутствующіе смѣются. „Ахъ, ты, глупый малый, утри глаза, выпей воды вотъ и съѣшь крендель (этотъ товаръ тоже имѣется въ моемъ мѣшкѣ); да погляди на меня,—развѣ я ряженная! Это я фартухъ такой одѣла, занавѣску (мѣстное названіе), чтобы платья не испачкать“. Мальчикъ смотритъ исподлобья, но беретъ крендель и успокоивается наконецъ. Очередь за дѣвочкой. Вся блѣдная, подходитъ она къ ложу казни, къ скамьѣ.—„Ты слышала, что̀ Мишка сказалъ? Это не больно, такъ ты не бойся и не кричи. А вотъ, гляди, я положу на окно конфекты,—это тебѣ, если будешь лежать смирно“. Дѣвочка торопливо протягиваетъ ручонку, хватаетъ конфекты: „На, мамка, спрячь“. Она боится обмана и предпочитаетъ отдать ихъ на сохраненіе въ вѣрное мѣсто. Затѣмъ она ложится и хотя дрожитъ, но не кричитъ. Прививка кончена въ минуту, и дѣвочка поднимается съ сіяющимъ лицомъ. „Мамка, давай“. Сокровище въ ея рукахъ—и все забыто. „Больно было?“

спрашиваетъ мать. „Не, какъ комарикъ укусилъ".—Остальныя прививки проходятъ безъ приключеній. Только мужикъ, жалѣющій своихъ дѣтей, отказывается держать на рукахъ своего ребенка во время прививки и проситъ сторожа сборни замѣнить его. „У тебя дѣтей нѣтъ?"—спрашиваю я сторожа.—„Нѣтъ, мы одинокіе".—„Ну, такъ можно". Онъ беретъ ребенка на руки, а отецъ, поблѣднѣвъ, выбѣгаетъ изъ комнаты. Писарь, услышавъ мой разговоръ со сторожемъ, торопливо отодвигается въ уголъ, подальше отъ больныхъ; должно быть, у него есть дѣти. Вообще, я убѣждаюсь все болѣе, что сборня, какъ амбулаторія, мнѣ не подходитъ: тѣсно, посторонняго народу много, а главное, сюда ходятъ всѣ по дѣлу и будутъ разносить заразу по селу. Сыворотки нѣтъ, амбулаторіи нѣтъ,—зачѣмъ меня сюда послали?—на одни мученія! Посадила бы я сюда кого-нибудь изъ управцевъ, въ этотъ шумъ и духоту, такъ они бы поняли, что врачу нужна и пріемная. А то—губернская управа, уѣздная управа, а въ концѣ концовъ безполезная трата времени и силъ врача и вредъ для больныхъ; ужъ сказано: у семи нянекъ... Но ворчаньемъ дѣлу не поможешь, надо дѣйствовать. Телеграмма въ губернскую управу: „Прошу 100 флаконовъ сыворотки немедленно". Посланіе № 2-й, въ уѣздную управу: „Прошу разрѣшить наемъ избы для амбулаторіи; сельскія власти отвели неудобную сборную избу". (Село Т. большое, имѣется и почта, и телеграфъ; „овощи цивилизаціи", какъ говорилъ одинъ знакомый полякъ, есть, а самой цивилизаціи нѣту.) Сыворотка придетъ черезъ 2—3 дня, а пока какъ быть,—съ чѣмъ поѣду я въ Марьянку? Пишу еще: „Многоуважаемый товарищъ, Бога ради, пришлите сколько-нибудь сыворотки. Ваши четыре флакона уже пошли въ дѣло. Какъ только получу изъ управы, отошлю вамъ долгъ". Посылаю съ нарочнымъ къ доктору. Теперь остается еще навѣстить Наталочку, а потомъ можно и отдохнуть отъ волненій утра. Наталочка процвѣтаетъ, очень благосклонно принимаетъ меня и мои конфекты и разсказываетъ про телку, которая хотѣла ее забодать.—„А я убѣжала!"—съ веселымъ смѣхомъ заканчиваетъ она. Крестьянскія дѣти вѣчно шмыгаютъ около скота,—сколько ихъ погибаетъ отъ этихъ телокъ и лошадей!—недоставало еще, чтобы эта дѣвочка, только-что избавившаяся отъ смерти, погибла отъ роговъ телки!

Мечты объ отдыхѣ оказываются мечтами: въ прихожей меня ждутъ уже бабы со всевозможными болѣзнями. Болѣзни не такъ сложны, какъ длинны разсказы о нихъ. Начинаются разсказы обыкновенно съ того, „какъ мы съ кумой бѣлье полоскали на рѣчкѣ", или: „какъ мы съ кумой кули таскали, и говоритъ

она мнѣ"... Тасканіе кулей и стирка бѣлья на льду въ легкихъ крестьянскихъ нарядахъ, конечно, важны сами по себѣ, но къ даннымъ болѣзнямъ никакого отношенія не имѣютъ; еще менѣе интересно, что̀ сказала кума; но приходится выслушивать все подъ-рядъ и изъ длинной исторіи выудить что̀ нужно. Говорятъ всѣ бабы разомъ, подсказываютъ, перебиваютъ другъ друга, а главное, говорятъ безконечно. Получившія лекарство уходить не хотятъ, а слушаютъ другихъ. Одна разсказываетъ про свою болѣзнь, а сосѣдка Марья, уже мной выслушанная, кричитъ: „А вѣдь и у меня то же самое". Говоритъ новая паціентка, а у Марьи опять оказывается то же самое; словомъ, эта цвѣтущая Марья съ пустяшной сыпью на рукахъ, по ея словамъ, оказывается вмѣстилищемъ всѣхъ болѣзней, но это—только плодъ ея живого воображенія. „А дѣти у всѣхъ у васъ здоровы?"—„Здоровы, вонъ бѣгаютъ босикомъ".—„По снѣгу? Какъ можно!"—„А что̀ имъ подѣется, не баре, привычны". Уходя, одна баба спрашиваетъ: „А ты мужиковъ лечить умѣешь?"—„Умѣю".—„Ну такъ я тебѣ своего приведу; спалъ онъ пьяный на печи и прожогъ онъ пятку до самой кости".—„Ты шутишь, тетка?"—„Нѣтъ, правда, ей-ей". —„Да какъ можно прожечь пятку?"—„Пьяный, спитъ крѣпко; печку я нажарила; должно быть, ногу поставилъ, такъ и пропалилъ. Такъ ты мужиковъ лечить будешь? Вишь, а бабочки наши говорятъ: она, небось, не умѣетъ, она дифтерица, только отъ глоточки. А я говорю: пойдемъ, узнаемъ; пусть прежде насъ полечитъ, а потомъ я про мужиковъ спрошу. Мнѣ—что̀, я никого не боюсь, хоть къ самому губернатору пойду".—„Чего бояться?"—„И я-жъ то самое говорю: авось носа не откуситъ. Наши бабы всѣхъ боятся, людей не видали".—„А ты много видала, ѣздила куда-нибудь?"—„Нѣтъ, никуда не ѣздила, а только я такая уродилась, непужливая".—„Ну, пойдемъ, ты, непужливая!"— Бабы, смѣясь, уходятъ. Вечеръ въ моемъ распоряженіи, но и онъ уходитъ въ хлопотахъ: надо заказать лошадей, записать больныхъ, приготовить растворъ сулемы и карболки. Нарочный вернулся поздно ночью, привезъ отъ доктора пять флаконовъ сыворотки; маловато, но все же лучше, чѣмъ ничего.

Семь часовъ утра; лошади и десятскаго нѣтъ; я волнуюсь и сержусь, а тутъ еще хозяева поддразниваютъ: „Вы писарю въ поясъ поклонились? Надо было поклониться, а то онъ лошади не пришлетъ. Пожалуйста, будьте любезны"... — „Что же мнѣ съ кулаками на него лѣзть? Такъ вѣдь я не мужчина. Я ихъ научу вѣжливому обращенію".—„Посмотримъ, посмотримъ, кто кого научитъ". Наконецъ, въ десятомъ часу является десятскій.

—„Почему не пріѣхалъ вò-время, какъ я велѣла?“—„Староста пьяный поздно вернулся, лошадей заморилъ, почтарь не давалъ раньше“. Десятскій привезъ списокъ дворовъ, гдѣ есть больные. Ѣдемъ по большому селу, больные—въ разныхъ концахъ его. Заходимъ въ одну избу: „У васъ ребенокъ боленъ?“—„Нѣтъ, мы сами, голова болитъ“. — „Ну, васъ я теперь лечить не стану, приходите вечеромъ ко мнѣ домой“.—„Что же это, милый мой,—говорю я укоризненно десятскому,—сказано: больныхъ дѣтей, а ты мужиковъ записалъ?“ Онъ смущенно молчитъ. Въ другой дворъ—тамъ то же: у бабы тошнота; въ третьемъ—рана на ногѣ. „Это чтò же значитъ?“—уже грозно вопрошаю я десятскаго, когда въ слѣдующемъ дворѣ мы опять находимъ 80-лѣтнюю старуху, у которой „всѣ косточки болятъ“.—„Да коли они просятъ: запиши, да запиши, пусть къ намъ заѣдетъ“.—„Вѣдь я не для стариковъ сюда пріѣхала; сказалъ тебѣ писарь—дѣтей писать, такъ ты долженъ такъ и писать. Стариковъ и взрослыхъ буду лечить, если время будетъ, по вечерамъ, у себя дома. На этотъ разъ прощается, а въ другой разъ ты этого не дѣлай. Такъ дѣтей вовсе нѣтъ больныхъ?“—„Нѣтъ, есть и дѣти,—смущенно отвѣчаетъ онъ:—въ трехъ дворахъ“. Въ трехъ изъ десяти записанныхъ, а мы у нихъ еще не были и столько времени попусту пропало. Наконецъ и больныя дѣти. 12-лѣтній мальчикъ, школьникъ, живетъ съ дѣдомъ. Тотъ униженнымъ тономъ, тономъ попрошайки, начинаетъ меня упрашивать полечить внука „какъ слѣдуетъ“.—„Я ужъ тебѣ что-нибудь принесу; гдѣ достану, а тебѣ за твои труды отдамъ“.—„Ничего мнѣ не нужно, я лечу даромъ всѣхъ“.—„Нѣтъ, какъ можно даромъ, даромъ и курочка яичка не дастъ, это непорядокъ—даромъ. Я за мальчика все готовъ дать; онъ у меня хорошій, учится и въ церкви поетъ первымъ голосомъ. Ему платятъ за это купцы на свадьбахъ или на гуляньяхъ, а онъ мнѣ приноситъ, такъ и живемъ вдвоемъ“.—„Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?“—„Иванъ Ѳедосѣевъ Орловъ“,—бойко отвѣчаетъ мальчикъ.—„Ну, Иванъ Ѳедосѣевъ, плакать не станешь? Я глотку посмотрю у тебя“. — „Не,—смѣется мальчикъ,—я не плачу, когда и учитель треплетъ“. — „Развѣ онъ дерется, учитель?“ — „Рѣдко, а помощникъ изъ нашихъ, тотъ больно дерется“.—„Изъ какихъ нашихъ?“—„Да нашъ онъ, деревенскій, школу кончилъ хорошо, его въ помощники посадили“. —„А ты хотѣлъ бы въ помощники?“—„Нѣтъ, я въ пѣвчихъ буду. Учитель говоритъ, голосъ у меня хорошій, и я всякую пѣсню или молитву скоро понимаю“.—„Ну, лечись теперь; запоешь, когда выздоровѣешь“. Дифтеритъ сильный у артиста; пожалуй, одной

прививкой не обойдешься. Шприцъ онъ переноситъ храбро, даже не вздрагиваетъ при уколѣ. „Только всего?"—спрашиваетъ онъ. —„Все; хуже не будетъ, только ранку залѣпимъ".—„А у насъ-то въ школѣ говорятъ—ножичкомъ рѣжутъ".—„Вотъ ты теперь и скажешь, что неправда. Только ты въ школу не скоро пойдешь, посидишь недѣльки двѣ дома". Мальчикъ опечаленъ: „А какъ же тамъ безъ меня пѣть будутъ?"—„Ужъ обойдутся какъ-нибудь, а ты не ходи; а то и другихъ заразишь, и самъ еще разъ захвораешь".—„Ну, не пойду",—онъ вздыхаетъ.—„Гдѣ же это ты набрался, ходилъ къ больнымъ или въ школѣ были больные?" —„Нѣтъ, никуда не ходилъ, только что мы мертвенькихъ отпѣваемъ и надъ гробомъ стоимъ, а потомъ провожаемъ до кладбища".—„А гробы закрытые?" — „Нѣтъ, открытые, прощаются всѣ".—Это ужасно, надо будетъ поговорить объ этомъ со священникомъ.—„Ну, вотъ, оттого-то ты и захворалъ, что около гробиковъ стоялъ и прощался".—„Что же это, матушка, духъ такой идетъ отъ мертвенькихъ?"—спрашиваетъ старикъ.—„Разумѣется, духъ, зараза; ты ее вдохнулъ, ну, и заболѣлъ".—„Господи, Господи, а мы-то и не знаемъ. И чего же это начальство смотритъ?"—И въ самомъ дѣлѣ, чего это начальство смотритъ? Вопросъ старика остается безъ отвѣта. Въ другихъ дворахъ—у одного ребенка ангина, у другого—дифтеритъ. И тутъ не противятся прививкѣ, скорѣе, кажется, потому, что не имѣютъ о ней никакого понятія. Взрослые, находящіеся въ избѣ, съ такимъ же интересомъ, какъ и дѣти, разсматриваютъ невиданные приборы, коробочки, бутылочки, тщательно подбираютъ всякую бумажку, брошенную на полъ, и съ удивленіемъ смотрятъ на меня, когда я ватку, которой вытерла шпатель, бросила въ печь.—Ужъ не колдовствомъ ли они это считаютъ?—приходитъ мнѣ въ голову, и я начинаю объяснять имъ, зачѣмъ это дѣлается. Народъ въ избѣ рослый, здоровый, какъ и большинство здѣсь, въ деревнѣ, но лица у хозяевъ довольно-таки тупыя, вялыя, и я не разберу, понимаютъ ли они меня, не знаю даже—слушаютъ ли. Они мнѣ не мѣшаютъ дѣлать свое дѣло, я довольна и этимъ, а результатъ леченія окончательно привлечетъ ихъ на мою сторону.

Но куда же дѣвались всѣ больные? Такая громадная смертность въ деревнѣ—и двое больныхъ всего, странно что-то. „Развѣ больше больныхъ въ деревнѣ нѣтъ, двое больныхъ на всю деревню? Десятскій, всѣхъ вы обошли, всѣхъ спрашивали?"—„А какъ-же, всякъ свой десятокъ обошелъ".—„Куда же всѣ больные дѣлись?" Десятскій раскрылъ-было ротъ, но посмотрѣлъ

на хозяевъ избы и ничего не сказалъ. Мы выходимъ изъ избы, тогда десятскій сообщаетъ: „Тутъ есть еще больные, и даже по сосѣдству, только они просили не сказывать, боятся,—можетъ, лекарство лютое, меня спрашиваютъ, а я что̀ знаю, наше дѣло —повѣстить. А другіе не вѣрятъ: — это ты, говорятъ, напуталъ; какая тамъ барышня, откуда, кто ее прислалъ?—Разные люди есть, всѣмъ не втолкуешь. Я имъ говорю:—пойдите къ Матасихѣ, она вамъ разскажетъ".—„Ну, это ты напрасно, другъ любезный; къ ней не посылай, потому что у нея зараза въ домѣ; а если кто спроситъ, самъ разскажи,—знаешь вѣдь, кто я и откуда. А какъ лечу, ты теперь видѣлъ,—вотъ и скажи, что это не больно, дѣти не кричатъ. Разскажи имъ, что дѣвочка у Матасихи совсѣмъ помирала, а теперь жива и здорова,—лекарство, значитъ, хорошее". Можетъ быть, и нескромно рекламировать такъ свое леченіе, но я не вижу иного пути привлечь къ себѣ паціентовъ, завоевать довѣріе крестьянъ, и, преступая врачебную этику, я ищу для себя смягчающаго обстоятельства: чѣмъ раньше и охотнѣе ко мнѣ обратятся, тѣмъ меньше будетъ смертность и тѣмъ успѣшнѣе будетъ выполнено дѣло, для котораго я сюда пріѣхала. „А теперь,—говорю я десятскому,—поѣзжай къ сосѣдямъ, гдѣ есть больные; я тебя не выдамъ". Входимъ въ избу. Я здороваюсь и спрашиваю: „У васъ, въ семьѣ, всѣ здоровы? Тутъ, у сосѣдей, есть больныя дѣти, такъ ка̀къ бы они къ вамъ заразы не занесли. Я зашла вамъ сказать, чтобы вы туда не ходили и дѣтей не пускали". Хозяйка избы, смутившаяся-было на мигъ, говоритъ, улыбаясь: „Удержишь ихъ, какъ-же, тамъ все и сидятъ. Ну, коли ты ужъ пришла,—покажи, Ванюшка, барышнѣ ротокъ; можетъ, ты уже и набрался отъ дружка своего". Семилѣтній Ванюшка не очень охотно подвигается ко мнѣ. „Иди, Ванюшка,—шепчетъ старшая сестренка,—она Семкѣ конфетку дала".—„А ты откуда знаешь?" Оказывается, что эта шустрая дѣвица успѣла и у сосѣдей побывать, и домой прошмыгнуть съ коробомъ новостей. У Ванюшки дифтеритъ довольно сильный. „Давно онъ боленъ?" Отецъ пожимаетъ плечами въ знакъ незнанія, а мать говоритъ: „Два дня какъ жалится, что зубки болятъ".—„У него не зубки, а глоточку захватило, надо ему прививку сдѣлать. Хочешь, я сейчасъ и полечу его, я за тѣмъ сюда и пріѣхала. Лекарство привезла хорошее; его нужно подъ кожу пустить".—„Кожу?"—переспрашиваетъ хозяинъ. Я припоминаю, что въ деревнѣ кожей называютъ только выдѣланную кожу животнаго, и поправляюсь: „Подъ шкуру. Вотъ десятскій видѣлъ, какъ я у сосѣдей это дѣлала; это не больно". Десятскій киваетъ

головой. „Матасиху знаете?“—спрашиваю я. „Какъ-же, кума мнѣ“. —„Такъ вотъ у нея одна дѣвочка, Наташа, осталась, да и та захворала, а какъ пустила я ей лекарство подъ шкуру, такъ она на другой день и выздоровѣла“. Хвастовство мое безгранично,—да проститъ мнѣ Богъ ради добраго намѣренія. „Такъ, такъ, Наташа, это вѣрно“, говоритъ хозяинъ. „Вотъ мы и Ванюшку вашего тоже вылечимъ. А конфектъ у меня много,—сообщаю я конфиденціально Ванюшкѣ,—хочешь?“ Какъ не хотѣть конфетки, этого рѣдкаго для крестьянскихъ ребятишекъ лакомства? Стóитъ посмотрѣть на ихъ блаженныя физіономіи, когда они сосутъ грошевые леденцы въ линючей бумажкѣ,—а тутъ на столѣ является карамель, вся сверкающая золотомъ. Ванюшка ложится на скамью, но старается не терять изъ виду своего богатства. Я укладываю его поудобнѣе, кладу конфекты передъ нимъ на скамью, и онъ стоически переноситъ и холодное обмываніе, и уколъ иглы. И онъ, и я довольны, онъ въ восторгѣ отъ сокровищъ, купленныхъ такой недорогой цѣной, а я — оттого, что дано еще одно сраженіе этимъ убійственнымъ бацилламъ. Разумѣется, исходъ его еще неизвѣстенъ, но я почти не сомнѣваюсь въ побѣдѣ. Я пустила здѣсь въ ходъ беззастѣнчивое хвастовство, хитрость, обманъ, подкупъ, но въ *этой* войнѣ, я думаю, всѣ средства позволительны и всѣ средства, ведущія къ цѣли, святы. Только въ *этой* войнѣ цѣль оправдываетъ средства. Подумать только, что завтра, можетъ быть, было бы уже поздно, и этого, теперь улыбающагося, Ванюшку несли бы въ церковь, а другіе Ванюшки пѣли бы надъ нимъ и разносили бы заразу по селу, и такъ до безконечности!..

Я въ самомъ лучшемъ настроеніи возвращаюсь домой, звоню во всѣ колокола, т.-е. разсказываю всѣмъ, и хозяину, и хозяйкѣ, и кухаркѣ, что Наталочка выздоровѣла, что я „открыла“ еще больныхъ и имъ „запустила подъ шкуру“; и они тоже выздоровѣютъ, а теперь ѣду въ Марьянку, тамъ есть фельдшеръ, „мы дружно на враговъ“... и т. д.—Дворникъ докладываетъ: „Петръ великій пріѣхалъ“. У почтаря есть два Петра, одинъ—высокій, другой—молодой, низенькій парень; въ семьѣ ихъ различаютъ: Петруха и Петька. Въ разговорѣ съ хозяиномъ я какъ-то, шутя, назвала ихъ: „Петръ великій и Пипинъ короткій“. Дворникъ, очевидно, это слышалъ и теперь смѣется. „А вы знаете, Иванъ, кто былъ Петръ Великій?“—„Петруха сказывалъ, царь былъ такой, большой“. Петруха, какъ видно, образованный малый. Собираюсь въ дорогу подъ наблюденіемъ своихъ добрыхъ хозяевъ. „Вы еще не знаете нашихъ

морозовъ". Я должна, поэтому, одѣть шубку, сверху тулупъ, валенки и ноги обернуть еще крестьянскимъ одѣяломъ — моей покупкой. Это—толстые жгуты изъ оческовъ шерсти, перетканные толстыми нитками; крестьяне зовутъ это ложницей или ложникомъ. Я едва могу двигаться, но въ полѣ все это оказывается какъ нельзя болѣе кстати. Петруха занятъ лошадьми, которыя пошаливаютъ; но когда мы выѣзжаемъ въ лѣсъ, на пробитую дорогу, лошади идутъ тише, и, весь напудренный снѣгомъ, Петруха оборачивается ко мнѣ: „Барышня, что̀ это такое: буддисты?"—„Гдѣ вы это слышали?"—„А это я въ книжкѣ читалъ, а спросить не у кого". — „Гдѣ же вы книжки берете?" — „А такъ, кое-гдѣ, у мужиковъ, въ городѣ куплю, на базарѣ. На прошлой недѣлѣ ѣхалъ я съ полковникомъ, такъ мы о войнѣ китайцевъ говорили. Я въ газетѣ прочиталъ и его спросилъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что у китайцевъ народу много, а японцы ихъ все-таки побили. Про ружья ихнія говорилъ. А потомъ я увидѣлъ книжку про китайцевъ,—тамъ сказано, что они буддисты. Дай, думаю, спрошу у барышни, что̀ за вѣра такая?" Любознательный Петруха мнѣ предлагаетъ вопросы, я отвѣчаю; потомъ, пользуясь случаемъ, я разсказываю ему, зачѣмъ я пріѣхала, какъ лечу по новому, и какъ важно, чтобы всѣ во̀-время ко мнѣ обращались. Если этотъ толковый и разумный малый скажетъ объ этомъ своимъ односельчанамъ, они его скорѣе поймутъ и скорѣе повѣрятъ.

Марьянка, такое же большое село, какъ и Татарка, вытянулась въ одну длинную улицу, прорѣзанную переулочками. Я останавливаюсь на почтовой станціи, а Петруха ѣдетъ за фельдшеромъ. „Ѣхать за нимъ недалеко,—говоритъ почтарь,—небось, въ кабакѣ сидитъ". И дѣйствительно, вслѣдъ за посланцемъ является старикъ въ шубѣ, съ веселой улыбкой пьяненькаго человѣка. Все съ той же улыбкой сообщаетъ онъ, что больныхъ есть довольно, ѣздить въ больницу не хотятъ, а лечитъ онъ ихъ „такъ, кое-чѣмъ". Дорогой я подробнѣе разспрашиваю фельдшера объ его работѣ. „Я здѣсь двѣнадцать лѣтъ живу, на меня жалобъ никакихъ не было, всѣ мной довольны, только вотъ господинъ докторъ мнѣ не довѣряютъ сильно дѣйствующихъ лекарствъ, потому что я изъ ротныхъ". Онъ нашелъ во мнѣ неподходящую инстанцію для жалобъ,—я сама не довѣряю ротнымъ фельдшерамъ, но, въ качествѣ помощника, можно иногда пользоваться и такимъ. Мнѣ суждено было разочароваться и въ этой надеждѣ: въ первой же избѣ мой Михѣй Ивановичъ раздавилъ бутылочку съ сывороткой, записывать больныхъ отказался,

потому что безъ очковъ пишетъ плохо и медленно, а заклеивать ранку взялся тѣми же грязными руками, какими только-что внесъ ящикъ. Внимательныя бабы тотчасъ замѣчаютъ мое неудовольствіе и, когда онъ выходитъ, говорятъ: „Какой это дохтуръ, мы его „дохлымъ" прозвали; всѣ болѣзни однимъ лекарствомъ лечитъ,—каросткой, касторкой, чтò-ли". Крохотная, низенькая избенка, фельдшеръ едва можетъ выпрямиться во весь ростъ; со стѣнъ течетъ струями вода, на подоконникахъ—ледъ. Когда я подвожу ребенка къ окну, замѣчаю, что оно снаружи закрыто до половины: вдоль всей стѣны наваленъ навозъ. „Хозяюшка, чтò жъ это такое, зачѣмъ это вы въ навозъ зарылись? вѣдь это не хорошо для здоровья".—„Милая, да вѣдь какъ же быть, дровъ не напасешься; а такъ засыпали стѣнку, оно будто и не продуваетъ. Вреда отъ этого не будетъ, мы люди привычные". Этотъ вѣчный безсмысленный припѣвъ: „мы люди привычные"!—„Да какъ же вы привычные, посмотрите на себя, какіе вы всѣ желтые да худые!"—Обитатели избы съ изумленіемъ осматриваютъ другъ друга, будто видятъ впервые. „Нешто это съ эстого, — усмѣхаясь, говоритъ хозяинъ, — а намъ мекается, будто отъ навоза духъ здоровый".—„Конечно, съ „эстого" и съ другого еще; человѣку нуженъ воздухъ чистый, вольный, духу чтобъ никакого не было. Отъ этого духу вы хвораете; вѣрно, и лихорадка треплетъ".—„Это правда, барышня,—говоритъ хозяинъ,—меня долго лихоманка трепала осенью; вонъ Михѣй Ивановичъ давалъ порошки,—какъ будто полегчало, а бросать не бросаетъ. Только ты не взыщи, Михѣй Ивановичъ, ты мнѣ далъ порошки, два раза въ день чтобъ, а я ихъ въ разъ съѣлъ. Потому—для насъ такія маленькія бумажки не годятся, намъ побольше".—„Такъ нельзя, такъ можно и заболѣть, если лишнее возьмешь. Вы по скольку ему давали, Михѣй Ивановичъ?"—„По пять гранъ въ порошкѣ". — „Ну, тогда ничего, это слишкомъ маленькія дозы". Бѣдный Михѣй Ивановичъ, онъ даже лихорадки лечить не умѣетъ; понятно поэтому ироническое отношеніе къ нему обывателей. „Какъ же это ты съѣлъ лекарство, дядя, съ бумажками вмѣстѣ?"—„Нѣтъ,—смѣется мужикъ,—мы уже знаемъ, а вотъ сосѣдъ Пантелѣй, тотъ завсегда съ бумажками глотаетъ, говоритъ:—бумажка аптечная, авось и отъ ней польза будетъ". Среди смѣха и разговоровъ больной ребенокъ забываетъ кричать отъ укола и только укоризненно на меня посматриваетъ. Я вижу, какъ разгорѣлись его глаза на коробочку, гдѣ лежалъ флаконъ сыворотки, и торжественно преподношу ему ее „за хорошее поведеніе". Бабы съ завистью смотрятъ на счастливца. „И тебѣ

хочется?"—спрашиваю я одну дѣвушку. Та конфузится и прячется за спину матери. „Тебѣ на что эта коробка, дѣвушка?"—„Да я бы иголки прятала, а то ребята расшвыряютъ",—шепчетъ она. „Изволь и тебѣ игрушку". Дѣвушка даже покраснѣла вся отъ радости; какъ мало нужно, чтобъ осчастливить человѣка! Къ удивленію моему, и здѣсь къ прививкѣ, новой для нихъ, отнеслись равнодушно, даже безъ особеннаго любопытства. Важенъ только первый шагъ, думаю я, а тамъ пойдетъ все какъ по маслу. Я предупреждаю мать, что ночью у ребенка будетъ жаръ, но что этого пугаться не надо. „Отколева это васъ Богъ прислалъ? — спрашиваетъ хозяинъ, провожая, — что вы объ насъ хлопочете; этого еще не было, чтобъ по дворамъ ѣздили". — „А это земская управа объ васъ хлопочетъ, потому что у васъ тутъ дѣти мрутъ".—„Ну, спасибо ей и тебѣ,—кланяется мужикъ:—хоть у насъ дѣтей и довольно—хоть и помрутъ, а все еще останется,—а все же это хорошо и для вашей души спасеніе".

„Смотри, барышня,—говоритъ марьянскій ямщикъ,—когда мы подъѣзжаемъ къ новой избѣ,—этого ты, небось, въ городѣ не видала: у насъ мужикъ безрукій какую избу вознесъ!"—„Сухорукій",—поправляетъ фельдшеръ.—„Ну, пусть по твоему, а все же штука, вѣдь самъ почти все сдѣлалъ, и окна, и двери, только срубъ помогали ставить. А въ избѣ погляди: какъ у барина".—И правда, изба удивительно чистенькая, не похожа на обыкновенную крестьянскую избу; коридорчикъ, сѣни, затѣмъ большая комната съ дощатымъ поломъ. Печь не занимаетъ всей стѣны, а впереди и позади—пустое пространство. Печь противъ окна—тоже нововведеніе, а главное чудо—это цинковыя трубки, проведенныя отъ печи по потолку по всѣмъ направленіямъ. Меня встрѣчаетъ молодой мужикъ съ веселымъ и умнымъ лицомъ. Лѣвая рука его виситъ неподвижно, а правой онъ держитъ мальчика. „Пожалуйте, барышня, у насъ тутъ новоселье, маленько еще неприбрано, не взыщите".—Я сообщаю ему, зачѣмъ пріѣхала.—„Вотъ это хорошо,—говоритъ онъ,—мы все къ доктору думаемъ ѣхать, а докторъ—вотъ онъ тутъ. Вотъ наслѣдникъ нашъ хвораетъ". Наслѣдникъ держитъ въ рукахъ пряникъ, которымъ успѣлъ выкрасить себѣ лобъ и носъ. Видя обращенное на себя вниманіе всей публики, онъ разражается громкимъ плачемъ и судорожно цѣпляется за мать. Хозяинъ очень за него конфузится.—„Аѳоня, да ты погляди, вонъ барышня какая".—Но Аѳонѣ барышня не нужна, а страшна.—„Ужъ мы думаемъ, не отъ сырости ли онъ болѣетъ. Такъ я вонъ что

поставилъ,—онъ съ гордостью указываетъ на трубки,—это тепло пущаю, чтобы просохло скорѣй".—Я похвалила его выдумку, и онъ остался очень доволенъ, но еще болѣе обрадовался онъ, когда я его спросила, указывая на окно: „А это къ чему?" Кусочки узкаго войлока окружали окно и одинъ висѣлъ съ подоконника. На полу стояли бутылки.—„А это тоже сырость собирать, вонъ бутылки для воды, туда она и течетъ".—Всѣ присутствующіе—въ изумленіи отъ такой изобрѣтательности. Отчего онъ, однако, не изобрѣтетъ средства, чтобы Аѳоня показалъ мнѣ горло? Мать протестуетъ противъ насильственныхъ мѣръ, предложенныхъ отцомъ, конфекты и коробочки оказываются недѣйствительными, чумазый трехлѣтній герой и смотрѣть на нихъ не хочетъ. Онъ умолкаетъ только тогда, когда Михѣй Ивановичъ удаляется. Это онъ такъ напугалъ ребенка, засовывая ему ложку въ ротъ. Кто видѣлъ крестьянскую ложку, тотъ знаетъ, что толстая круглая ручка ея не влѣзетъ, пожалуй, въ ротъ маленькаго ребенка; придется привезти Михѣю Иванычу шпатель, чтобъ избавить ребятъ отъ мученій. Аѳоня, однако, снова начинаетъ кричать—по инерціи. Мать старается закрыть ему ротъ ладонью, а я—прошу его: „Кричи больше, кричи громче!" Ребенокъ не заставляетъ себя просить, и, благодаря широко разинутому рту, мнѣ удается заглянуть въ глотку безъ шпателя и ложки. Все видѣла, только видѣла-то я нехорошее: дифтеритъ застлалъ ему и глотку, и нёбо. „Нужна прививка,—говорю я отцу,—теперь такъ лечатъ". —„Дѣло ваше,—отвѣчаетъ мужикъ,—какъ знаете, такъ и дѣлайте, лишь бы ему на пользу".—Отвѣтъ коротокъ и ясенъ,—вездѣ бы такъ. Въ избу набилась толпа любопытныхъ; мнѣ хочется ихъ разогнать, но изъ-за оглушительнаго крика Аѳони я собсвеннаго голоса не слышу. Онъ отчаянно сражается за свою свободу, но отецъ, мать и Михѣй Ивановичъ одолѣваютъ храбреца, и —казнь совершилась. Хотя крикъ его и до прививки былъ не менѣе звонокъ, онъ смущаетъ родителей, они какъ будто сожалѣютъ о томъ, что такъ скоро согласились на мученія ребенка, и тщетны мои увѣренія, что это пе больно. Только когда я показываю имъ тонкую иглу, они какъ будто успокоиваются. —„Вы человѣкъ умный,—прибѣгаю я къ лести,—вы можете понять: развѣ можетъ быть больно отъ такой тоненькой иглы".— Это дѣйствуетъ,—мужикъ улыбается.—„Извѣстное дѣло—мать, —сваливаетъ онъ свое смущеніе на жену,—онѣ всего боятся; а вѣдь это на пользу, пусть и болитъ, такъ и то не бѣда".—„Ну, вотъ видите, съ умными людьми и разговаривать пріятно; кабы всѣ такъ думали, какъ вы".—„А съ чего имъ такъ не думать?—

Всякъ долженъ свою пользу понимать, да и вы вѣдь человѣкъ не простой, ученые, надо и вамъ повѣрить".—Я въ такомъ восторгѣ и отъ наступившей тишины, и отъ словъ собесѣдника, что готова отъ души пожать ему руку, но боюсь, что онъ этого не пойметъ—съ непривычки.—Иду къ своей знакомой, маленькой Ѳеклушѣ. Она здорова, мать весела, кланяется въ поясъ.—„Ужъ я тебя тутъ хвалила, хвалила",—говоритъ она.—„Хвали больше,—говорю я ей шутя,—такъ и другіе не будутъ бояться, только хвали на улицѣ, а къ себѣ сосѣдокъ не зови, у тебя еще въ домѣ зараза".—„Пожалуйте къ намъ,—зазываетъ меня мальчикъ изъ сосѣдней избы,—тятя не велѣлъ, а мамка сказала, —пусть посмотритъ".—„Кто-жъ у васъ боленъ?"—„Да я самъ. Третій годъ горло болитъ".—Тутъ, понятно, не дифтеритъ, но я все-таки вхожу. „Тятя" демонстративно удаляется.—Бѣдный мальчикъ, болѣзнь у него извѣстная; отецъ лечился въ больницѣ; я совѣтую туда же свезти и мальчика, но мать только машетъ рукой. Бойкій мальчуганъ говоритъ: „А ты бы мнѣ тутъ лекарства дала, либо такъ сдѣлала, какъ Аѳонькѣ,—зачѣмъ въ больницу ложиться".—„У тебя, милый, болѣзнь не та, и лекарствъ такихъ у меня нѣтъ здѣсь, а въ больницѣ тебя вылечатъ скоро и хорошо".—„Говорятъ люди, повези его въ принчихѣ (въ лечебницу принцессы Ольденбургской, въ сосѣдней губерніи), такъ мой лошадей не даетъ. Не надо, говоритъ, по больницамъ ѣздить, тамъ съ голоду морютъ, даютъ мнѣ краюшку хлѣба на обѣдъ, развѣ съ этого поздоровѣешь?"

Хоть и некогда мнѣ, а надо разрушить этотъ своеобразный взглядъ на больницы. Не знаю, насколько это мнѣ удается, но баба обѣщаетъ постараться и свезти мальчика въ больницу,—можетъ быть, для того только, чтобы отвязаться отъ меня. Въ слѣдующей избѣ я у порога натыкаюсь на какое-то животное. „Это какъ сюда лошадь попала?"—спрашиваю я, осмотрѣвшись. Половина избенки занята лошадью и ея подстилкой, воздухъ убійственный; мужикъ, баба и дѣвочка медленно слѣзаютъ съ печи. „Такъ точно, лошадь,—отвѣчаетъ мужикъ, какъ видно, бывшій солдатъ.—Она ногу себѣ засѣкла, ветеринаръ проѣзжалъ, говоритъ:—въ теплѣ рана скорѣй заживетъ,—ну мы ее въ избу взяли, а то гдѣ же у насъ тепло".—„Какъ же вы тутъ живете въ духотѣ такой?"—„Такъ точно, барышня, духъ нехорошій, да что подѣлаешь; такъ вторую недѣлю живемъ". Въ избѣ тѣсно, повернуться негдѣ съ моими ящиками и бутылями, да и побаиваюсь я сосѣдства хотя и смирной крестьянской лошадки. Забираюсь въ отдаленный уголъ у печки; тамъ, въ полутьмѣ, осма-

триваю горло дѣвочки. Противъ прививки и здѣсь не протестуютъ, зато я протестую противъ присутствія лошади въ избѣ, гдѣ есть къ тому же больная; я уговариваю хозяина перевести четвероногую паціентку въ сѣни, но очень сомнѣваюсь, чтобы это мнѣ удалось. Избы и больные, избы и больные—много ихъ тутъ. Къ вечеру лишь возвращаюсь я на станцію; ямщикъ давно ворчитъ, что пора и поѣсть крещеному человѣку; фельдшеръ хоть и молчитъ, а тоже недоволенъ, и докторица сама не прочь бы поѣсть, да некогда и негдѣ. Все же я довольна сегодняшнимъ днемъ; всѣхъ больныхъ разыскала, всѣмъ прививку сдѣлала, всѣ соглашались, многіе благодарили,—чего же мнѣ еще! Пока запрягаютъ лошадей, я закусываю привезенной изъ дому провизіей; она окаменѣла на морозѣ, но тутъ не до разогрѣванія. Въ избу входитъ мужикъ съ бляхой, медленно снимаетъ шапку, долго и медленно крестится у образовъ, наконецъ оборачивается и говоритъ: „Здравствуйте всѣ“. Таковъ тутъ обычай; эту длинную церемонію продѣлываетъ всякій входящій въ домъ, хотя бы и не въ первый разъ за сутки; хозяева должны запастись терпѣніемъ и обуздать любопытство. „А гдѣ тутъ докторица?“—спрашиваетъ, наконецъ, мужикъ съ бляхой.—„Я вотъ она, а на что тебѣ нужна докторица?“—„Староста изъ Умновки послалъ съ бумагой, а тутъ сказали, ты на станціи сидишь“. Бумага отъ старосты съ печатью, съ „подписомъ“, все какъ слѣдуетъ: „Рапортъ. Ея благородію госпожѣ медицинской докторицѣ. Честь имѣю донести вашему благородію, что въ селѣ Умновкѣ открылась на дѣтяхъ болѣзнь подъ названіемъ дивтерикъ, а посему покорнѣйше прошу прибыть съ принадлежащей принадлежностью“. —„Давно у васъ дѣти хвораютъ?“—„Съ осени все мрутъ, а помоги никакой, отъ фершала толку мало“,—говоритъ онъ, не смущаясь присутствіемъ фельдшера.—„Завтра буду у васъ“.—И мы ѣдемъ въ разныя стороны, онъ въ Умновку, я къ себѣ, за „принадлежащими принадлежностями“; но гдѣ онѣ? Будемъ надѣяться на „будильника“-управца. Не то выйдетъ скандалъ: докторица безъ принадлежащихъ принадлежностей—уже не докторица.

Дома ждетъ меня сюрпризъ: посылка. „Будильникъ“ оказался на высотѣ своего призванія, расшевелилъ кого слѣдуетъ. Открываю ящикъ: вмѣсто ста флаконовъ сыворотки только сорокъ; за то сотня всякихъ бланковъ и вѣдомостей: мѣсячныхъ, двухнедѣльныхъ, недѣльныхъ,—знай, пиши и отписывайся. Отчетъ въ уѣздную управу, въ губернскую управу, участковому врачу, еще кому-то. Ну ужъ, удружилъ „будильникъ“! Когда же всю эту канцелярщину разводить, когда я одна, и даже фельдшера тутъ нѣтъ!

Кромѣ вѣдомостей и отчетовъ, еще масса эпидемическихъ карточекъ,—ихъ заполнить нужно и можно, но и тутъ милліонъ безполезныхъ и лишнихъ вопросовъ. Такъ и видна кабинетная работа составителя, который не считается съ условіями работы эпидемическаго врача. Напиши ему температуру каждаго больного и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ болѣзни; изволь прослѣдить ее, когда у тебя 15—20 прививокъ въ разныхъ концахъ села; а дома ждутъ еще больные, которымъ и лекарство приготовить нужно. Ворчи—не ворчи, а полѣзай въ кузовъ, коль назвался груздемъ. И лѣзу. Уже поздно ночью приходитъ баба, худенькая, блѣдная, едва ползетъ. Ноги и руки опухли, сильнѣйшій ревматизмъ, а она ходитъ и работаетъ. „Насилу урвалась,—говоритъ она,—всѣхъ спать уложила, избу заперла, а то все недосугъ".—„Какъ же ты работаешь, такая слабая?"—„А такъ съ бѣдой, покряхчу и пойду; некому больше, свекруха померла".—„Больше ничего не болитъ?"—„Кабыть ничего. Кабы не руки, ничего еще".—„Одышки нѣтъ?" (Баба останавливается на каждомъ словѣ и забываетъ пожаловаться).—„И, мать моя, такъ и душитъ, какъ шагъ пройду".—„Сердце не бьется?"—„Какъ не бьется, стучитъ какъ молотомъ".—„А кашель?"—„Кашляю, барышня, и кровью случается". Изслѣдую эту женщину: вотъ это дѣйствительно вмѣстилище всѣхъ болѣзней, не то что впечатлительныя молодайки, которыя открываютъ въ себѣ болѣзни, наслушавшись разсказовъ о нихъ. А эта даже не жалуется; не спроси я, и не знала бы я, что у нея ни одного органа здороваго нѣтъ. Она проситъ помочь только, чтобы руки и ноги не болѣли, потому что это мѣшаетъ работать. „Давно ли больна, тетка?"—„А года три будетъ; послалъ меня мужикъ мой осенью колодезь чистить, такъ съ той поры все припадаю".—„Что жъ онъ самъ не полѣзъ, развѣ это женское дѣло?"—„Не похотѣлось ему; извѣстно, на печи теплѣе".—„Зачѣмъ же ты его послушалась? не пошла бы, и конецъ".—„Не послушаешь, какъ-же! а какъ онъ тебя за виски (за волосы) да волочить по избѣ начнетъ".—„Такой онъ у тебя злой?"—„Нѣтъ, онъ ничего, другіе хуже куда, ну только перечить ему не надо, этого они не любятъ".—„Я бы ушла отъ драчуна", — говорю я. — „Какъ уйти-то, когда тебя дѣти связали, и некуда мнѣ, сирота я. Такъ и будемъ терпѣть до самой смерти. А смерть, можетъ, близко?"—„Не знаю, милая, все въ рукахъ Божьихъ; лечись, поправляйся, дольше проживешь".—„Мнѣ бы только дѣвчонку старшую замужъ отдать, зятя бы въ домъ взяли, она бы ужъ другихъ дѣтей не обидѣла".

Долго стоитъ у меня передъ глазами эта терпѣливая мать, истинная великомученица.

На утро—опять въ лямку: всѣмъ вчерашнимъ больнымъ хорошо; жители Татарки мало удивляются и не благодарятъ, но это, разумѣется, моей радости не уменьшаетъ. Зато настроеніе сразу мѣняется, когда наступаетъ часъ пріема въ амбулаторіи, сирѣчь, въ сборнѣ. Тамъ опять толпа, опять мнѣ мѣшаютъ, и я мѣшаю; наконецъ писарь теряетъ терпѣніе и говоритъ: „Наймите избу, мы заплатимъ". Побѣда. Изба скоро находится у бездѣтныхъ старичковъ; я торжественно переѣзжаю туда со всѣмъ скарбомъ; за мной тянется обозъ больныхъ. Избенка маленькая; старикъ со старухой отъ насъ ушли на печь, зато мы тутъ у себя дома. Дѣти пищатъ, родители волнуются, но въ общемъ все идетъ хорошо. Старички, на печи лежа, только головой качаютъ отъ удивленія: „И откуда это народъ берется?" Тутъ и свои, и пріѣзжіе, и умновскіе, которые меня не дождались и пріѣхали на зарѣ. Одни уходятъ, другіе приходятъ, почти у всѣхъ дифтеритъ, и сыворотка какъ нельзя болѣе кстати. Когда толпа рѣдѣетъ, оставшіеся, пользуясь досугомъ и просторомъ, заводятъ разговоры. „Откуда это лекарство, отчего раньше о немъ не слыхали, а теперь помогаетъ, и такъ скоро?" Я разсказываю имъ, что это выдумали одинъ нѣмецъ и одинъ французъ, и благодаря имъ много дѣтей спасено отъ неминуемой смерти. Бабы интересуются узнать имена этихъ добрыхъ людей, но я не знаю именъ Ру и Беринга, не могу удовлетворить любопытство бабъ, и ихъ имена не внесутся въ книжечку поминаній.

Все какъ будто начинаетъ входить въ колею: больные во всемъ участкѣ знаютъ обо мнѣ, ѣздятъ, зовутъ къ себѣ, не прячутся; прививка идетъ успѣшно. Прививка въ амбулаторіи, прививка на дому, поѣздка въ другія села, а вечеромъ пріемъ у меня на квартирѣ,—день уходитъ незамѣтно; я счастлива, когда удается вырвать ребенка изъ когтей смерти, но теперь это становится ужъ явленіемъ обыкновеннымъ и никого не удивляетъ, скорѣе удивило бы обратное. Осторожно завожу рѣчь о предохранительныхъ прививкахъ, но и тутъ препятствій не встрѣчаю. Здѣсь даже необразованному человѣку нетрудно провести аналогію между оспопрививаніемъ и предохранительными антидифтеритными прививками. Не только въ семьяхъ, гдѣ есть больные, приходится дѣлать эти прививки, но и чадолюбивые родители здоровыхъ дѣтей просятъ меня сдѣлать имъ прививку или „приливку", какъ они ее называютъ. Я даже недовольна такимъ успѣхомъ, потому что вѣчно нуждаюсь въ сывороткѣ, и боюсь,

что изъ-за здоровыхъ не хватитъ лекарства для больныхъ. Но могу ли я отказать, напримѣръ, трогательной просьбѣ молодой матери, которая является ко мнѣ со своимъ годовалымъ первенцомъ? „Я ужъ ему оспу привила; теперь какъ отъ глоточки еще привьешь, такъ я ничего бояться не буду". Но увлеченіе это предохранительными прививками скоро утихло. Вотъ какъ объяснилъ мнѣ одинъ мужикъ причину отказовъ отъ предохранительныхъ прививокъ: — „Зачѣмъ я заранѣе ребенка колоть буду, мучить? Какъ заболитъ глоточка, такъ я его къ тебѣ привезу, а ты его вылечишь". Сильна, значитъ, вѣра въ лечебную прививку. Если такъ пойдетъ и впредь, то мнѣ скоро отсюда и уѣхать придется; я достигну идеала врачей—самоупраздненія. Но „чтобы человѣкъ не баловался", является и черная тѣнь: Наталочка умерла. Моя первая паціентка, милая дѣвочка, послѣдняя въ семьѣ—была все время здорова, играла, какъ-то подошла къ матери, прислонилась къ ней, упала,—ее подняли уже мертвой. Параличъ сердца,—тутъ всѣ лекарства безсильны. Какое горе! Но мнѣ некогда вздохнуть въ буквальномъ смыслѣ слова: со всѣхъ сторонъ ѣдутъ другія Наташи, Пети, Маши,—надо думать о нихъ. Тутъ въ Татаркѣ затихшая-было эпидемія опять оживаетъ; въ одной семьѣ больны грудной ребенокъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати и мать, 32-лѣтняя женщина—и какъ больны! Устремляюсь снова противъ врага со шприцемъ, и на другой день вижу врага побѣжденнымъ, очищающимъ поле битвы. Мать, сама больная, сама въ жару, всю ночь ходила за дѣтьми, утромъ заснула на часокъ и встрѣчаетъ меня на порогѣ веселая словами: „у насъ слава Богу".—„И слава Богу!"—отъ души вторю я ей. Собираясь уходить, я на порогѣ сталкиваюсь съ цѣлымъ десяткомъ мужиковъ, которые идутъ въ гости. „Куда это вы, господа,—развѣ къ больнымъ ходятъ въ гости? Вѣдь тутъ дифтеритъ, не шутка, какъ бы вы къ себѣ заразы не занесли. Послушайтесь меня, не ходите сюда". Гости немного сконфужены, со смущенными лицами останавливаются у порога. „Нешто это такъ вредно,—робко спрашиваетъ одинъ,—такъ сейчасъ и пристанетъ?"—„Можетъ пристать; болѣзнь очень прилипчивая; а погулять можно придти, когда всѣ будутъ здоровы; тогда и хозяевамъ весело будетъ, и вамъ неопасно".—„А по моему, это все пустое,—вдругъ рѣзко заявляетъ одинъ бородачъ,—ничего къ намъ не пристанетъ: мы не дѣти и къ своимъ тоже не занесемъ. Какъ это мы ее понесемъ, заразу эту самую, развѣ въ руки ее возьмешь?" Я стараюсь покороче и понятнѣе объяснить способъ зараженія, но его не убѣдишь. Уже сидя въ

саняхъ, я все пытаюсь удержать ихъ отъ визита, но все напрасно. Всѣ молчатъ и колеблются, бородачъ одинъ споритъ. Ни примѣры, ни увѣренія—ничто не дѣйствуетъ. „Повѣрь мнѣ,—взываю я,—это для твоей пользы, я не стану говорить зря".—„Извѣстное дѣло,—отвѣчаетъ бородачъ иронически,—вы, господа, завсегда правы, а мы всегда виноваты". Тутъ ужъ я вспыхнула,—за что мнѣ такая шпилька? „Глупости городишь, дядя, я такая же госпожа, какъ ты; я тебѣ добра желаю, а ты мнѣ про господъ толкуешь. Пошелъ, ямщикъ". Хорошо, что уѣхать можно, положить конецъ этой бесѣдѣ. Обидно мнѣ до слезъ; жалко этого бородача и выбранила бы его. Пусть это хроническое недовѣріе къ господамъ и имѣетъ смыслъ и основаніе въ прошломъ, но пора ему перестать быть хроническимъ; недовѣріе теперь—и ко мнѣ!.. Чѣмъ я виновата, за что буду я за чужіе грѣхи—даже не отцовъ своихъ—терпѣть? Прихожу къ нимъ со своимъ простымъ и яснымъ дѣломъ, держу себя съ ними просто,—за что мнѣ это оскорбленіе? Я долго не могу успокоиться, тѣмъ болѣе, что и душу отвести не съ кѣмъ, пожаловаться на свою незадачу. Я—въ лѣсу, ямщикъ со мной—не неглупый Петруха; но и тотъ, вѣрно, не понялъ бы меня. Придется посидѣть ночью лишніе полчаса, написать кому-нибудь изъ друзей, свалить эту тяжесть съ души, чтобы не мѣшала работать, потому что чувствую, что заноза сидитъ крѣпко. Пріѣзжаю къ больнымъ; въ этой деревнѣ я уже была, прививки дѣлала и съ успѣхомъ, между тѣмъ въ первой же избѣ меня встрѣчаютъ смущенные родители: „Что̀ подѣлаешь, дѣти разбѣжались (это больные-то), не найдешь ихъ". Я подозрительно настроена: „Къ чему эти выдумки: разбѣжались? Попрятали дѣтей, да и говорите, разбѣжались. Сказали бы правду; вѣдь я васъ силой лечить не стану". Крестьяне съ удивленіемъ выслушиваютъ мои упреки. „Ей-ей, мамаша, разбѣжались; мы что̀, мы ничего, сами вѣдь просили тебя пріѣхать. А только правду сказать, тутъ ихъ одна дѣвчонка смутила, говоритъ: барышня шило въ бокъ вставитъ, молоткомъ стукнетъ и проколетъ насквозь".—„Чья это дѣвочка, позовите ее". Дѣвица-смутьянка, бойкая дѣвчурка лѣтъ девяти, смѣло и бойко подходитъ ко мнѣ: „Лечить хочешь? И у меня глоточка болитъ, погляди". — „Ты что же это, дѣвица, выдумываешь сказки про шило и молотокъ, ты гдѣ это видѣла, а? Всѣхъ дѣтей перепугала, зачѣмъ?" Дѣвочка смѣется: „Это я нарочно".—„Ахъ, ты, чучело, вотъ пошлю тебя всѣхъ собирать". Но они и сами полегоньку начинаютъ собираться: любопытство велико. То глазъ, то носъ просунутся въ щелочку, а

затѣмъ и весь обладатель его влѣзетъ въ своемъ куценькомъ полушубкѣ и выглядываетъ изъ-за спины взрослыхъ. Вѣдь интересно: сама коноводка, настращавши другихъ, безъ всякаго страха раскрываетъ ротъ и позволяетъ сунуть себѣ туда какую-то невиданную стеклянную лопатку. У нея оказывается дифтеритъ. „Ну теперь садись, милая, вотъ будетъ тебѣ сейчасъ шило и молотокъ, а вы, ребята, глядите". Дѣвчонка, все смѣясь, раздѣвается и преспокойно усаживается на скамейку. „Я лежать не хочу, я не боюсь, я уже видѣла, это не больно". Она смѣется и во время укола, и дѣтишки—на нее глядя. Взрослые шутятъ насчетъ бой-дѣвки, всѣмъ очень весело. Да полно, дифтеритъ ли тутъ въ избѣ, тотъ страшный, неумолимый врагъ дѣтей? Нигдѣ еще при дифтеритѣ не смѣялись, а тутъ хохочутъ всѣ, и больные, и родители, и сама докторица... Смѣлая Анютка встаетъ и беретъ за руку подругу: „Иди, Машутка, это не больно; блоха и то больнѣй грызетъ". Идетъ Машутка, за ней Вася, Тиша, приводятъ еще дѣтей изъ сосѣднихъ избъ; прививка идетъ все такъ же быстро и весело, какъ я и не ожидала.

Черезъ два часа объѣздъ деревни конченъ,—ѣду въ слѣдующую деревню. И тамъ все хорошо; лошадь изъ избы убрали, дѣвочка здорова и всѣ другія тоже въ томъ же селѣ. Вхожу въ послѣднюю избу. Тамъ гости, сидятъ за столомъ, ѣдятъ, у печки самоваръ грѣется. „А, барышня наша,—встрѣчаетъ меня весело хозяинъ,—провѣдать пріѣхали? Всѣ здоровы; какъ ты сказала, такъ и было: ночью Семка пометался, а всталъ здоровёхонекъ. Слава Богу!—онъ поворачивается къ иконѣ и крестится:—слава Богу, мы Богомъ очень довольны и тобой немножко. Спасибо тебѣ". Гдѣ еще услышишь такую искреннюю и оригинальную благодарность? Богомъ очень довольны и мною немножко. А я такъ очень довольна веселымъ мужичкомъ; онъ загладилъ обиду, нанесенную мнѣ татарковскимъ бородачомъ. „Пожалуй къ нашей бесѣдѣ,—проситъ меня хозяинъ,—будь и ты у насъ гостьей, покушай рыбки солененькой съ нами. Можно и за водочкой послать".—„Чтò ты, Петровичъ,—дергаетъ его за рубаху баба,—развѣ барышни водку пьютъ?"—„Ну, не взыщи, мы люди простые". Еслибъ не больные, ожидающіе дома, я съ удовольствіемъ осталась бы, но надо торопиться домой. Уже издали вижу бабъ съ младенцами подъ тулупомъ,—все это тянется къ моей квартирѣ. „А ты не долго чай пей",—говоритъ мнѣ одна баба, не давъ переступить порогъ.—„Ты сегодня обѣдала?" —спрашиваю я ее, разоблачаясь.—„Обѣдала",—наивно отвѣ-

чаетъ баба.—„Ну, а я нѣтъ, и твоимъ обѣдомъ сыта не буду“. Бабы смѣются: „Иди ужъ, иди, а то ты тутъ съ нами съ голоду помрешь“. Вваливается еще одинъ полушубокъ и, не видя меня, спрашиваетъ: „А докторица небось за самоваромъ прохлаждается, а мы тутъ жди“.—„И жди, жди, матушка, я только иду прохлаждаться“. Она не смущается: „Такъ ты, смотри, не долго“—„А ты меня, милая, не погоняй, а то еще дольше сидѣть буду“. Наконецъ, всѣ вещи внесены, ямщикъ отпущенъ, и я могу идти „прохлаждаться“.—„Зачѣмъ вы затѣяли эти вечерніе пріемы,—говоритъ мнѣ моя добрая хозяйка:—вѣдь вамъ и отдохнуть не даютъ“.—„Да они сами затѣялись, само собой такъ устроилось; здѣсь вѣдь нѣтъ другихъ врачей“. Я устала, правда, страшно; глаза слипаются; выпиваю чаю покрѣпче и иду воевать съ бабами. Воевать потому, что онѣ безцеремонно толкаютъ меня, перебиваютъ другъ друга, шумятъ, и возстановить порядокъ въ этой болтливой толпѣ—задача мудреная. Я готова позавидовать врачамъ-мужчинамъ, которыхъ бабы побаиваются и отъ которыхъ и держатся въ почтительномъ отдаленіи; со своей сестрой-женщиной онѣ не считаютъ нужнымъ стѣсняться. А главное, моя пріемная—крохотная прихожая—всему виной; она же аптека, она же и ожидальня (какъ перевели мы съ товарками нѣмецкое Wartezimmer). Больныя понемногу расходятся; остальныя зато трещатъ тѣмъ громче. Уже часу въ десятомъ является на огонекъ новая паціентка; оборачиваясь по привычкѣ въ передній уголъ, она медленно крестится и—въ испугѣ отскакиваетъ: въ углу виситъ зеркало, и она поклонилась своему изображенію (это уже не въ первый разъ случается). Крестьянки хохочутъ. „Богъ вонъ гдѣ, противъ дверей, не такъ, какъ у насъ. А ты святой Пелагеѣ молилась, въ полушубкѣ она“.—„Ну васъ!—огрызается Пелагея:—кто его знаетъ, повѣсили Бога не такъ, какъ у людей“. Дверь открывается, новая посѣтительница. „А гдѣ у васъ Богъ?“—спрашиваетъ она.—„Богъ вонъ, а Пелагея зеркалу молилася, ха-ха-ха!“ Наконецъ пріемъ конченъ,—въ постель скорѣй. „Не хотите ли газету?“ предлагаетъ хозяинъ. Но мнѣ не до газетъ. Мой рабочій день сегодня особенно долог, и я уже ни на что больше не гожусь.

Маленькій старичокъ является „съ претензіей“: его внукъ, выздоровѣвшій отъ дифтерита, сдѣлался гнусавымъ и не можетъ пѣть въ хорѣ; старичокъ боится лишиться дохода. Онъ винитъ въ бѣдѣ мое лекарство, а я—дифтеритъ. „Мальчикъ живъ и здоровъ, и это тоже скоро пройдетъ,—чего же ты отъ меня хочешь, дѣдушка?“—„А гнусавенькій онъ, гундосый, матушка“,—ноетъ стари-

чокъ.—„Да пройдетъ это",—повторяю я въ десятый разъ.—„А ну какъ къ празднику не пройдетъ, ему пѣть хочется, безъ перваго голоса нельзя".—„Корми его получше, скорѣй пройдетъ".—„Нечѣмъ, матушка, хлѣбомъ съ квасомъ живемъ". Получивъ отъ меня маленькое даяніе, старичокъ уходитъ. Е. М. послѣ сообщила мнѣ, что—это извѣстный попрошайка; онъ объѣзжаетъ всѣ деревни кругомъ и наклянчитъ столько, что живетъ лучше многихъ другихъ.

Чаша моего терпѣнія переполнилась,—начинаю войну со старостой. На его невѣжливое обращеніе со мной я смотрю сквозь пальцы, но онъ лошадей не присылаетъ. Больные ждутъ меня, я жду лошадей. То писарь уѣхалъ въ гости, то староста на ярмарку, и не иначе, какъ на всей тройкѣ, а нужной для меня лошади нѣтъ. Въ это утро особенно досадно: мѣстныхъ больныхъ много, у нихъ нѣтъ своихъ лошадей, а сельскаго экипажа опять нѣтъ. Лечу въ сборню, тамъ синклитъ. Обычная картина: староста пьянъ, развалился, полулежа, на скамейкѣ; писарь въ такой же непринужденной позѣ; еще нѣсколько сотскихъ съ посоловѣвшими глазами. На мое привѣтствіе отвѣчаетъ одинъ писарь, но мнѣ не до того, чтобы читать имъ лекцію о вѣжливости. „Почему мнѣ не прислали лошади? Вы по гостямъ катаетесь, а больные безъ помощи помирать должны!"—налетаю я на старосту.—„А ты кто такая? я тебя знать не знаю, вѣдать не вѣдаю". Вотъ такъ отвѣтъ! Это ужъ слишкомъ. Я ухожу и хлопаю дверьми, за дверью слышу хохотъ. Неужели послѣднее слово останется за этимъ грубіяномъ? Открываю дверь снова. „Вамъ достанется, вы пожалѣете потомъ". Разумѣется, это говорится fortissimo, но моему ли голосу устрашить пьяныхъ мужиковъ! А лошадей все нѣтъ. Посылаю за земскими лошадьми; придется уплатить за эту необязательную для земской почты поѣздку по селу (она ѣздитъ только въ сторону), а пока изливаюсь предъ Е. М. и изливаю гнѣвъ свой въ письмѣ къ земскому начальнику. Въ городѣ я такъ надѣялась на себя и такъ гордо заявила, что мнѣ земскіе начальники не нужны, а теперь... Съ какимъ прискорбіемъ пишу я теперь ему краткое оффиціальное донесеніе о томъ, что староста не выдаетъ нужныхъ мнѣ лошадей! Весь день я чувствую себя униженной и удрученной. Только возня съ одной упрямой дѣвочкой приводитъ меня въ нормальное настроеніе. Что̀ мнѣ староста и его грубости, когда упрямица побѣждена и будетъ жива! Долго и упорно отказывалась 12-лѣтняя Варька отъ прививки; отъ угрозъ матери она заворачивается въ отцовскій тулупъ, на мои вопросы не отвѣчаетъ, а отъ матери отбивается ногами. Мать собирается по-

звать ямщика на помощь, но такія мѣры не въ моемъ вкусѣ. Я просовываю голову къ дѣвочкѣ подъ тулупъ, и тамъ, въ темнотѣ, мы, какъ двѣ подружки, заводимъ пріятельскую бесѣду о томъ, что умирать, какъ умерла сосѣдкина Марья, вовсе не такъ пріятно; гораздо интереснѣе дожить до праздника, одѣть новый фартухъ и платокъ; конфекты въ моемъ ящикѣ—тоже вещь хорошая, вкуснѣе смерти. Дѣвочка подаетъ реплики подъ покровомъ тулупа и сдается понемногу на мои увѣщанія. „Такъ не больно будетъ, говоришь?"—„Не больно, ей Богу".—„А что̀ будетъ, если больно?"—„Тогда ты меня побьешь",—говорю я, шутя. Эта мысль улыбается дѣвочкѣ; она заранѣе смѣется отъ удовольствія и вылѣзаетъ изъ-подъ тулупа. Дѣлаю прививку,—ни малѣйшей гримасы. „Ну, что̀, Варька, будешь меня бить, больно было"?—„Не больно",—говоритъ она съ разочарованіемъ.—„Ну вотъ тебѣ конфекты; поѣшь, скорѣй выздоровѣешь".

Рано утромъ будятъ меня: пріѣхалъ старшина по дѣлу. „По приказанію земскаго начальника, — говоритъ старшина, красивый, представительный крестьянинъ съ красивой окладистой бородой (безъ окладистой бороды старшины я не видѣла: не за бороду ли ихъ и выбираютъ въ старшины?):—какія будутъ отъ васъ распоряженія?" Я даже смущена такой предупредительностью. „Вы были у земскаго начальника?" — „Нѣтъ-съ, они мнѣ бумагу прислали и велѣли на словахъ немедля ѣхать къ вамъ и все сдѣлать, что̀ прикажете. Вотъ бумага къ старостѣ". Какъ жаль, что я не сняла копіи съ этого интереснаго документа! Я, собственно, удовлетворена, моя обида отомщена, но съ другой стороны—какія противорѣчія въ человѣкѣ!—я обижена за старосту, которому какой-то баринъ, чужой ему и селу, пишетъ: „Приказываю тебѣ безъ разговоровъ исполнять законныя распоряженія врача такой-то; если же ты, по глупости своей, исполнять не станешь, то будешь за это отвѣчать"—и т. д. въ такомъ же духѣ. Если бы то же, да немного иначе сказано было, я была бы болѣе довольна, хотя опять-таки, съ другой стороны, надо принять во вниманіе, что иныхъ рѣчей староста, быть можетъ, и не понялъ бы, и чувство собственнаго достоинства не настолько въ немъ развито, чтобы выраженія—„глупость", „дуракъ" и т. п. могли задѣть его. Съ важнымъ видомъ (чтобы не уронить себя предъ старшиной) я говорю: — „Отъ меня особыхъ распоряженій не будетъ. Передайте только старостѣ бумагу отъ земскаго начальника и скажите ему, что онъ долженъ мнѣ каждое утро присылать лошадь для поѣздокъ по Татаркѣ, и пусть аккуратно платитъ за избу для пріема больныхъ; я теперь наняла

другую, побольше". — „Слушаю-съ; а мнѣ позволите ѣхать потомъ домой или еще что̀ прикажете?" — „Нѣтъ, мнѣ больше ничего не нужно, можете ѣхать; только еще старосту научите, чтобъ не былъ грубіяномъ", — и я разсказываю ему про послѣднее столкновеніе со старостой. Старшина пораженъ или дѣлаетъ видъ, что пораженъ „необразованностью" старосты. Онъ уходитъ; черезъ десять минутъ лошадь стоитъ у моего крыльца. Десятскій улыбается: „Нашарахали (напугали) вы старосту, теперь не буду бѣгать по двадцати разъ за лошадью. Тутъ дѣти помираютъ, а онъ на ярмарку ѣздитъ". Мы съ десятскимъ торжествуемъ; вообще, въ этой войнѣ десятскіе были на моей сторонѣ: это по большей части молодые мужики или парни, нѣкоторые грамотны, они дѣтей жалѣютъ и меня понимаютъ.

Крохотная избушка на курьихъ ножкахъ; совершенно случайно узнала, что тамъ умерло двое дѣтей отъ „глоточки", а меня туда и не звали. Отправляюсь туда, какъ Магометъ къ горѣ. Избушка полна дымомъ до того, что едва различаю фигуру старухи у печи и молодую бабу за столомъ.—„У васъ двое дѣтей померло два дня тому назадъ?"—„У насъ".—„Что-жъ это ты, мать, дѣтей хоронишь, а меня не зовешь полечить; можетъ, я помогла бы, вѣдь другія вонъ, выздоравливаютъ".—„А на что ихъ лечить? Богъ дастъ —выздоровѣютъ сами, а нѣтъ—воля Божья".—„А лечить, по твоему, не надо? Грѣшно такое говорить".—„Мнѣ и батя (попъ) въ церкви говорилъ, отчего докторицѣ больныхъ не показала, а мнѣ думается—грѣхъ лечить. Да и много ихъ у меня, пять душъ было, теперь трое, — мужъ бросилъ, денегъ не шлетъ, хоть пропадай совсѣмъ. Спасибо вотъ матери, помогаетъ немного. Вонъ ужъ и печь варить не хочетъ, и горячаго не поѣшь". — Смотрю ея дѣтей, у дѣвочки десяти лѣтъ сильнѣйшій дифтеритъ, у трехълѣтняго мальчика тоже, грудной пищитъ въ люлькѣ. — „Развѣ тебѣ дѣтей не жалко?" — „Какъ не жалко; вонъ Вася померъ, славный мальчикъ былъ, ну только тяжко мнѣ съ нимъ, а тутъ еще люди: не лечи, грѣхъ".—Долго убѣждаю я бабу, наконецъ разрѣшеніе полечить дано. Старуха-мать помогаетъ мнѣ уговаривать. Мы, обѣ ораторши, задыхаемся отъ дыму; времени много ушло и досадно на глупую бабенку, но не бросить же этихъ троихъ ребятъ въ добычу смерти. Мальчикъ апатично переноситъ всѣ мои манипуляціи, но дѣвочка старшая, до того спокойная и развязная, вдругъ вскакиваетъ со скамьи и начинаетъ бѣгать по избенкѣ, прячась отъ меня подъ столъ и нары. Бабка, мать и я бѣгаемъ за ней; ее не выманишь ни лаской, ни угрозой. Спасаясь отъ враговъ, она наконецъ взбирается на печь

и здѣсь геройски выдерживаетъ осаду. Свернувъ жгутъ изъ лежавшей тамъ рубахи, она, что есть силъ, хлещетъ по рукамъ мать и бабку, когда онѣ пытаются взобраться къ ней. Мнѣ она напоминаетъ вчерашнюю воительницу подъ тулупомъ и нечаянную побѣду шуткой; попробую ее пустить въ ходъ и тутъ.—„Слушай, Танюшка, это не больно, а коли больно будетъ, ты меня побьешь“. Дѣвочка недовѣрчиво улыбается. „Развѣ дашься?“—„Дамся, ей-ей, дамся“. — „И за виски оттреплю, если болѣть будетъ?“ — „И за виски можешь“.—„Ну, смотри же!“—и Танюшка лѣзетъ съ печи. Таню ждетъ разочарованіе: оттрепать меня ей не за что. Удастся ли спасти эту охотницу до трёпки? Четыре дня дифтеритъ безпрепятственно занимаетъ позицію за позиціей, трудно теперь выбить его оттуда. Одна надежда на крѣпкій организмъ дѣвочки. Послѣ Тани хочу посмотрѣть грудного, но встрѣчаю рѣшительное и непреодолимое препятствіе на этотъ разъ и со стороны бабушки; очевидно, этотъ уже вовсе имъ не нуженъ. Дѣлать нечего, ухожу. „Чего вы, барышня плакали?“—спрашиваетъ ямщикъ, видя, какъ я утираю глаза.—„Это печка виновата“. Я кашляю всю дорогу и не могу вести бесѣды съ неутомимымъ „вопрошателемъ“, Петрухой. Въ маленькую деревеньку я ѣду по письменному оффиціальному приглашенію писаря. Онъ „съ подписомъ и приложеніемъ печати“ сообщаетъ мнѣ, что въ деревнѣ появилась „горловая болѣзнь на дѣтяхъ“. Подъѣзжаемъ къ сборнѣ,—тамъ пусто; заспанная баба лѣниво слѣзаетъ съ печи, гдѣ ее открылъ мой ямщикъ и далеко не нѣжно потрогалъ кнутикомъ. — „Гдѣ десятскій?“ — „Я за него; мужики ушли лѣсъ дѣлить“.—„И писарь?“—„И писарь“.—„Ну, тетка, разыщи намъ кого-нибудь, сотскаго, десятскаго“.—„А вамъ зачѣмъ?“—„Нужно“.—„А зачѣмъ нужно?“—„Ну, тетка, живѣй,—прекращаетъ разспросы ямщикъ, —бѣги живѣй!“ Но тетка приросла къ мѣсту.—„Иди же,—понукаю я ее,—скажи, пріѣхала докторица“.—„Изъ губерніи, по важному—дѣлу“,—прибавляетъ ямщикъ. Баба съ изумленіемъ и недовѣрчиво смотритъ на меня, но все таки идетъ. Долго, долго жду я ее въ пустой и довольно холодной избѣ. Наконецъ баба является: — „Нѣту“. — „Кого нѣту?“—„Десятскаго“.—„А сотскій?“—„Не знаю, можетъ дома, а можетъ нѣтъ“.—„Тьфу!“ восклицаетъ въ негодованіи ямщикъ,—кого же ты искала три часа? Лошади на улицѣ замерзли, а она съ бабами балакаетъ“.—„Есть у васъ больныя дѣти въ деревнѣ?“ спрашиваю я у „проворной“ бабы.—„Нѣтъ, не слыхать. На Ѳоминой еще померъ у Иванихи махонькій, а больше не слыхать“. Странныя извѣстія; нѣтъ сомнѣнія, что баба въ

маленькой деревенькѣ хорошо освѣдомлена насчетъ всѣхъ происшествій. Зачѣмъ же меня звали?— Ѣдемъ сами разыскивать нужныхъ людей; сотскихъ нѣтъ.—Не вернулся ли писарь? Ѣдемъ къ нему по глухимъ маленькимъ улочкамъ; нигдѣ ни души, все занесено снѣгомъ и все какъ будто погрузилось въ зимнюю спячку. Но вотъ издали чернѣется что-то, идутъ мужики. „Эй, сотскій!" —кричитъ наугадъ ямщикъ. Одинъ приближается, начинаю разспросы, подходятъ и остальные. „Больныхъ въ деревнѣ нѣтъ и не было". Зачѣмъ же меня звалъ писарь? — „А это у мальчика его на той недѣлѣ голова болѣла, такъ онъ ѣхать въ Татарку не хотѣлъ, чтобы не застудить, и написалъ бумагу, а потомъ взялъ да поѣхалъ къ вамъ". Это меня взорвало: кататься по селу съ 11-ти до 3-хъ часовъ безъ всякаго дѣла и все потому, что у мальчика на прошлой недѣлѣ голова болѣла! Я ѣду къ дому писаря и обрушиваюсь на бабъ, ни въ чемъ неповинныхъ. — „Передайте вашему писарю, что если онъ будетъ выдумывать небылицы и еще прикладывать печать, то ему за это достанется. Надо было прямо написать, что боленъ у него мальчикъ, а не врать, что въ деревнѣ болѣютъ дѣти".—„Ишь, какой!"—простодушно удивляется писариха. Является длиннобородый мужикъ и рекомендуется старостой. Я къ нему съ жалобой на писаря и повторяю, что печать нельзя давать для бумагъ, о которыхъ онъ не знаетъ. Мнѣ вспоминается тутъ разсказъ Успенскаго о печати, и я привожу старостѣ примѣръ оттуда:—„А что если писарь напишетъ:—забрать у старосты его сивую кобылу, и приложитъ печать, а я пріѣду и заберу?" Староста смущается — доказательство, какъ умѣлъ Успенскій говорить съ простымъ народомъ. „Чтò же, барышня, коли мы не грамотны". — „А вы поучитесь,—стыдно старостѣ грамотѣ не знать, а пока скажите писарю, пусть читаетъ вамъ каждую бумагу, безъ того печати не прикладывайте".—„Это можно; это точно хорошо",—соглашается староста. Выходитъ, что я пріѣхала сюда, чтобы прочесть на морозѣ лекцію объ обязанностяхъ старосты. „Потревожили барышню по пустому",—замѣчаетъ одинъ старикъ. — „Это ничего бы еще, а вотъ я у васъ тутъ трачу время по пустому, а въ другой деревнѣ, можетъ, и вправду дѣти мрутъ и меня не дождутся. Вотъ чтò сдѣлалъ писарь своей глупой бумагой". Это какъ будто бы понятно окружающимъ, и я оставляю ихъ сокрушаться о грѣхахъ писаря.

Бумажка съ печатью опять: „Доношу вашему благородію, что въ селѣ N. открылась на дѣтяхъ болѣзнь скарлатинъ и

дѣти находятся въ опасности отъ жизни, а посему просимъ прибыть для прививки таковой, для чего отведена вашему благородію квартира". —„Кто писалъ бумагу?"—спрашиваю нарочнаго. —„А это самъ староста,—съ гордостью заявляетъ мужикъ, —онъ у насъ дюже грамотный". — „А ты, дядя, грамотенъ?" —„Нѣтъ, Богъ не далъ; наши отцы сами не знали и насъ не учили, а теперь безъ грамоты плохо; ни тебѣ почитать, ни письмо написать, какъ есть слѣпой". Я ему разсказываю о воскресныхъ школахъ, гдѣ учатся и старики, а онъ со вздохомъ говоритъ: „Такъ вѣдь это въ городѣ, а у насъ негдѣ, да и засмѣютъ, коли на старости учиться будешь". Мнѣ не впервой выслушивать такія жалобы; нѣтъ сомнѣнія, что и въ деревнѣ есть нужда въ воскресныхъ школахъ, но учителя и священники не могутъ или не хотятъ этимъ заниматься. Учителя по большей части держатся въ гордомъ отдаленіи отъ населенія. Встрѣчаются въ девевнѣ барыни и дѣвицы, которыя, быть можетъ, и занялись бы этимъ дѣломъ, еслибы подать имъ эту мысль; разъ занявшись, онѣ несомнѣнно увлеклись бы и довели бы дѣло до конца; но иниціативы въ деревнѣ мало. Нужны люди, у которыхъ хватило бы времени и охоты посвятить себя этому вопросу, провести его черезъ милліонъ канцелярій, которые, не смущаясь неудачами, хлопотали бы и снова ходатайствовали бы, пока не поставили бы школу на ноги. Всѣ эти прошенія, отношенія, разрѣшенія такъ стѣсняютъ и ограничиваютъ добрую волю добрыхъ людей, которые помогли бы темнымъ людямъ сдѣлать первые шаги къ грамотѣ на пути къ просвѣщенію.

И въ селѣ N. я и мои прививки встрѣтили самый радушный пріемъ. „Скарлатинъ" оказался дифтеритомъ и тамъ, и работы тамъ было много. Между прочими, прививку я сдѣлала и одному крошечному мальчугану идеальной красоты. Мать его все звала: „Полоша".—„Какъ зовутъ мальчика?"—„Аполлонъ". Рѣдкое имя въ деревнѣ, но какъ подошло! Останется ли въ живыхъ этотъ N—скій Аполлонъ? При отъѣздѣ не обошлось безъ инцидента: фельдшеръ и ямщикъ вышли покурить и сбѣжали въ кабакъ; послать за ними некого было, самой идти за ними въ кабакъ очень ужъ обиднымъ мнѣ показалось, и я просидѣла лишній часъ, калякая съ бабами. Гнѣвъ мой на виновныхъ въ бабахъ, увы, сочувствія не встрѣтилъ. Какъ увижу коллегъ-антифеминистовъ, попрошу ихъ представить себѣ фельдшерицу, уходящую въ кабакъ.

Нѣсколько дней полнаго отдыха,—удивительно! Побывала вездѣ у татаровцевъ,—все благополучно: прежніе больные выздоравли-

ваютъ, новые не являются. Пользуюсь досугомъ, чтобы отписаться во всѣ управы, совѣты и т. д. Накопилось всякихъ отчетовъ столько, что хоть канцелярію заводи. Можно, наконецъ, позволить себѣ роскошь — почитать, но въ деревнѣ, кромѣ „Свѣта" и „Родины", другой литературы не имѣется. Отсутствіе больныхъ меня, съ одной стороны, радуетъ, съ другой—немного и удивляетъ. Не сбѣжалъ, въ самомъ дѣлѣ, дифтеритъ безслѣдно, убоявшись сыворотки; эпидеміи такъ, сразу, не затихаютъ, должны быть еще вспышки. Я угадала: меня зовутъ къ больному ребенку у старостина сына. Въ избѣ кучка бабъ и нѣсколько мужиковъ за столомъ. Тщетно воюю я противъ посторонней публики, разгоняю зрителей, куда прихожу; должно быть, и здѣсь то же продѣлать придется, но... скоро я позабыла объ этомъ, пораженная новымъ обстоятельствомъ. Пока я смотрю ребенка, всѣ эти лица плотно меня окружили, разсматриваютъ, хотя давно меня знаютъ. Странно все это немножко, но я еще не останавливаюсь надъ этимъ. Я подхожу, какъ всегда, къ столу, раскладываю нужныя мнѣ вещи и направляюсь затѣмъ къ ребенку со шприцемъ въ рукахъ. Но тутъ мать ребенка, молодая, бойкая бабенка, рѣшительно становится передъ нимъ и заслоняетъ собой ребенка. Я останавливаюсь въ изумленіи, и въ эту минуту слышу вопросъ—громко и ясно произноситъ баба: „Барышня, скажи, правда, что ты отъ антихриста?"—Это мнѣ показалось до того неожиданно-забавно, что я громко расхохоталась, отъ души, такъ что всѣ засмѣялись вслѣдъ за мной. Но въ тотъ же мигъ мелькнула у меня мысль, что это вовсе не смѣшно, а страшно; страшно дѣлается за больныхъ: Богъ знаетъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести это. Не переставая смѣяться, я отвѣтила бабѣ: „Нѣтъ, я отъ земства". Мой смѣхъ, очевидно, немного разсѣялъ ихъ сомнѣнія, лица прояснились немного, и мать отодвинулась отъ ребенка, но я уже не торопилась съ прививкой. „Что это еще за выдумки,—антихристъ? Развѣ антихристъ людей лечитъ? Ты, дядя,—обращаюсь къ мужику,—въ городѣ былъ?" — „Былъ". — „Управу земскую видѣлъ?"—„Видѣлъ".—„Такъ вотъ откуда я прислана, чтобы васъ лечить, а вы—„антихристъ"! Какая это старая баба, на печи сидючи, выдумала?" Я, какъ видно, угадала, потому что снова всѣ засмѣялись. „Старухи сказки плетутъ, а вы повторяете; какъ вамъ не стыдно?" И, ища подкрѣпленія своимъ словамъ, я схватила коробочку, гдѣ лежала вата; на ней красовался красный крестъ. „Вотъ, видите, лекарства подъ краснымъ крестомъ, а прививка изъ Петербурга, изъ царской аптеки присылается; вотъ, смотри,

кто грамотенъ, написано на бумажкѣ: „*Императорскій* институтъ экспериментальной медицины“, — и я протянула бумажку мужикамъ. Одинъ взялъ и внимательно прочелъ надпись. „Такъ, вѣрно, — съ важностью произнесъ онъ; — мы и то говоримъ бабамъ: станетъ вамъ антихристъ ребятъ лечить, скорѣй онъ морить будетъ хрестьянъ, а онѣ все свое, — извѣстно, бабы“. Бабы давно уже отошли отъ ребенка; я подошла къ нему и сдѣлала прививку, не встрѣчая ни въ комъ препятствія. Уходя, я не могла не упрекнуть бабъ, — все съ той же цѣлью разсѣять этотъ опасный слухъ: „Вотъ, вовись съ вами! Лечу, лечу васъ, стараюсь, дѣти выздоравливаютъ, а раньше все умирали, а вы меня за то въ антихристы пожаловали. Я сама чуть не захворала, — одинъ больной въ лицо мнѣ плюнулъ, — а вы — чтò выдумали!“ — „Да нешто ты захворать можешь? Къ тебѣ, говорятъ, ничего не пристанетъ“. — „Какъ не пристанетъ? Еще какъ пристанетъ! Развѣ я не такой человѣкъ, какъ, вотъ, Васька? Я оттого и руки все мою, берегусь, чтобы не захворать, а то, какъ я свалюсь, такъ меня и лечить некому“. — „А мы и то говорили промежъ себя: чего это докторица все умывается, вѣдь у ней руки чистыя, а оно вонъ къ чему“. — „То-то же, не знаешь, а говоришь; спросили бы меня, я бы разсказала, а то вы все сами сказки разныя выдумываете про меня“. — „Да мы чтò... развѣ мы чтò?! — смущенно оправдывается мать ребенка. — Спасибо тебѣ, у тебя рука легкая, рѣдко кто помираетъ. Люди, вотъ, балакаютъ, а я и говорю: дай спрошу, — барышня скажетъ“. — Развѣ можно сердиться на этихъ наивныхъ взрослыхъ ребятъ? Съ одной стороны, считаютъ они меня слугой антихриста, а съ другой — увѣрены, что я имъ скажу правду, признàюсь, дѣйствительно ли я отъ антихриста прислана. Провожаютъ меня изъ избы такъ же сердечно, какъ обыкновенно, и я уѣзжаю, успокоенная и утѣшенная тѣмъ, что мнѣ удалось разсѣять заблужденіе у этого десятка лицъ. Я увѣрена при этомъ, что красный крестъ и „царская аптека“ подѣйствовали больше, чѣмъ всѣ мои слова. Является вопросъ: насколько успѣла распространиться эта нелѣпая сказка? Вечеромъ я отправилась къ священнику, и тутъ, къ ужасу своему, узнала, что въ теченіе этихъ дней онъ похоронилъ троихъ дѣтей крестьянъ, и все отъ глоточки. Священникъ спросилъ родителей, лечили ли они дѣтей, и получилъ въ отвѣтъ: „Нѣтъ; грѣхъ, говорятъ: леченные въ царство небесное не попадутъ“. — „Батюшка, Бога ради, не оставляйте этого такъ, потолкуйте съ крестьянами въ церкви, вамъ они повѣрятъ скорѣй, чѣмъ мнѣ“. Батюшка — старичокъ

добродушный, но лѣнивый; не забудетъ ли онъ, захочетъ ли онъ?

Что̀ мнѣ дѣлать пока, дѣйствовать или выжидать? Начинаю перебирать въ памяти своей, не вызвала ли я сама слухъ этотъ какимъ-нибудь непонятнымъ для крестьянъ дѣйствіемъ или словомъ, но не нахожу ничего; не припоминаю ничего, кромѣ трогательнаго случая въ Ивановкѣ. Тамъ бабы-матери стали спрашивать, какъ меня зовутъ, чтобы помолиться за меня, какъ за спасительницу ихъ дѣтей. Я имъ отвѣтила, что молиться нужно не за меня, а за тѣхъ докторовъ, что выдумали это новое лекарство. Я назвала имъ Ру и Беринга, и сказала при этомъ, что одинъ—французъ, а другой—нѣмецъ; они придумали, какъ лечить дифтеритъ, и научили всѣхъ другихъ докторовъ готовить это лекарство и дѣлать прививки. Бабы при этомъ пожалѣли, что я не знаю ихъ именъ, а я сказала: „помолитесь просто за докторовъ, которые выдумали прививку",—и вопросъ былъ рѣшенъ. Не это ли, не слова ли „французъ" и „нѣмецъ" привели къ баснѣ объ антихристѣ? Надо быть страшно осторожнымъ въ этой темной и суевѣрной массѣ, но все же, я думаю, Ру и Берингъ тутъ ни при чемъ. Откуда же, откуда этотъ ужасный слухъ, который стоилъ жизни тремъ дѣтямъ, а сколькимъ еще будетъ стоить? Будутъ ли у меня больные завтра?—Да, они явились, нѣсколько человѣкъ; есть свѣжія заболѣванія, но есть и заболѣвшіе три дня тому назадъ;—почему эти медлили, почему не обращались раньше? Я считаю болѣе удобнымъ не поднимать вопроса объ антихристѣ и, какъ всегда, журю матерей, которыя только теперь замѣтили болѣзнь ребенка. Въ одной избѣ вижу какъ будто знакомое лицо мужика, но не могу вспомнить, гдѣ я его видѣла. Этотъ высокій мужикъ съ бородой до пояса почему-то конфузится и то-и-дѣло выходитъ изъ избы; боленъ его единственный сынъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати. Мать плачетъ; наконецъ подходитъ ко мнѣ и мужикъ: „Ужъ постарайся, матушка, вылечи его, одинъ онъ у насъ. Мы думали, къ намъ не пристанетъ, а ты вотъ правду сказала,—прилипла она и къ намъ".—„Гдѣ я тебя видѣла, дядя?"—спрашиваю. „А помнишь, у Востряковыхъ на крылечкѣ съ нами балакала". Такъ это вотъ кто, это тотъ бородачъ, такъ огорчившій меня своимъ попрекомъ „господамъ". У меня не хватаетъ духу упрекать его теперь въ недовѣріи, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ признаетъ мою правоту. Я произношу только многозначительное: „видишь", и затѣмъ начинаю успокоивать его болящее отцовское сердце. Все идетъ, какъ прежде, но я уже не могу быть спокойной,

какъ прежде,—мнѣ всюду чудятся спрятанные больные, умирающія дѣти, умирающія изъ-за того, чтобы не быть мѣченными. На вечернемъ пріемѣ одна кумушка говоритъ мнѣ: „А ты слышала, чтò про тебя говорятъ?" Но я не даю ей договорить: „Говорятъ глупыя бабы, что я отъ антихриста прислана". Приготовленный эффектъ пропадаетъ. „И что людей мѣтишь,—перебиваетъ меня первоначальная вѣстница,—печати кладешь".—„А ты какъ думаешь?"—„Я чтò, я ничего, это люди балакали, а теперь уже не слыхать, теперь смѣются: будетъ антихристъ барышенъ посылать; это, говорятъ, земская барышня, не какая-нибудь, губернанка прямо изъ губерніи; а иные говорятъ: изъ Москвы, отъ царя".—„Да, да",—говорю я (понимай какъ знаешь, лишь бы не отъ антихриста). Мой новый титулъ—„губернанка изъ губерніи"—приводитъ въ неописанный восторгъ хохотушку Е. М.

Пріѣхалъ мужикъ изъ Ивановки, я лечила у него двухъ дѣтей; одна дѣвочка выздоровѣла, другая умерла, потому что привезена была слишкомъ поздно. Теперь заболѣла еще одна. Молодой мужикъ очень низко мнѣ кланяется, почтительно подсаживаетъ меня въ сани, когда я ѣду въ амбулаторію, вообще удивительно вѣжливъ. Я очень тронута; думаю, все это отъ благодарности, но я тутъ „ошибку дала", какъ говорятъ крестьяне; это вѣжлива его нечистая совѣсть. Вотъ чтò узнаю я отъ него,—самъ заговорилъ смущеннымъ, извиняющимся тономъ: „У насъ еще одна дѣвочка была, да померла на прошлой недѣлѣ, тоже отъ глоточки. Хотѣли къ вамъ везти, да бабы не пустили".—„Это почему?"—„Да...—мужикъ замялся,—глупости разныя пошли, и разсказывать стыдно. Ужъ меня батюшка въ церкви за это чистилъ, чистилъ,—не зналъ, куда уйти отъ него. Велѣлъ къ тебѣ пойти, въ ноги тебѣ поклониться, чтобъ ты меня простила".—„Да за чтò же, въ чемъ дѣло?"—„Да за то же, что везти къ тебѣ не хотѣли. Пошли бабы пустое болтать: дѣло нечистое, дѣти въ царство небесное не попадутъ, потому что все мѣченныя. А тутъ еще Мареутка (прежняя моя паціентка) померла, мнѣ и не похотѣлось везти".—„Мареутка... вѣдь я тебѣ говорила, что поздно привезъ ее, что врядъ ли выживетъ".—„Такъ точно, говорила; ну, а бабы—не надо и не надо, еще одна помретъ".—„Чтò ты все на бабъ сваливаешь, а свой умъ гдѣ? Старшая вѣдь выздоровѣла, и Мареутка была бы жива, еслибъ раньше привезъ. А теперь еще одна умерла изъ-за глупости вашей".—„То-то оно и есть,—со вздохомъ говоритъ мужикъ,—была бы жива, кабы не пустые

разговоры. Жалко дѣвчонки, а тутъ еще папаша меня пробралъ: „барышня, молъ, объ васъ старается, и день, и ночь ѣздитъ, а вы про нее что̀ толкуете; какія такія мѣченныя, почему это дѣти въ царство небесное не попадутъ, коли они крещенныя? Все это—татаровскія бабы". — „Сами вы умные дюже, — отзывается татаровская баба, которая сидитъ тутъ же:—нештo это мы выдумали?" — „А кто же?—спрашиваю я:—вѣдь это вы уже троихъ дѣтей уморили своими глупостями; спасибо, хоть теперь одумались. Я про свою обиду не говорю, а вотъ дѣти за что̀ померли?" Мужикъ вздыхаетъ: „Хоть бы эта жива осталась, а то было четверо, а теперь одна останется".—„Ну, эта уцѣлѣетъ, болѣзнь недавно началась, мы ее вылечимъ". Начинается обычная сцена брыканья крѣпкой дѣвчурки; отецъ дѣятельно мнѣ помогаетъ, хотя и поблѣднѣлъ сильно. „Сердце у меня слабое,—говоритъ онъ,—жалѣю я дѣтей дюже".—„А другія дѣти у васъ въ деревнѣ не помирали?"—„Нѣтъ, батя такъ меня въ церкви нашарахалъ, теперь ужъ другіе болтать не будутъ. „Грѣхъ, говоритъ, великій—говорить такое, и хоронить не буду тѣхъ, кто не лечится";—теперь ужъ всѣ поѣдутъ". Спасибо незнакомому батюшкѣ за его энергичную поддержку. Это какой-то особенный батюшка,—о такихъ я еще не слыхала.

По дорогѣ въ Марьянку на улицѣ толпа дѣвочекъ, скачущихъ, какъ воробьи, по снѣгу; среди нихъ знакомая рожица Варьки „подъ тулупомъ".—„Я къ тебѣ",—кричу я ей.—„Не надо,—кричитъ она въ отвѣтъ,—еще вчера болѣть перестало". — „А гдѣ твои уши?"—„Спрятала".—„Подъ тулупъ?"—„Подъ тулупъ".—„Ну, я въ другой разъ выдеру",—и мы, смѣясь, разстаемся. Далеко не такъ благополучно обстоитъ дѣло у другой воинственной особы, Танюшки. Въ глоткѣ немного лучше, но жаръ все еще силенъ. Матери нѣтъ дома; грудной ребенокъ мечется на рукахъ у бабушки; мальчикъ совершенно здоровъ. Печка не топится и дышать легче; легче будетъ уговаривать упрямицу; но Танюшка, при моемъ легкомъ намекѣ на вторичную прививку, уже не вспрыгиваетъ на печку, а спокойно говоритъ: „Ну, что-жъ, коли, какъ хошь, а то ѣсть нельзя: въ глоткѣ деретъ". Къ грудному меня бабушка не подпускаетъ, спокойно говоритъ о похоронахъ еще живого ребенка; я даже не знаю, что̀ съ нимъ. Черезъ недѣлю въ той же избѣ: „Гдѣ Танюшка?"—спрашиваю еще у порога, не видя дѣвочки. Я увѣрена, что она выздоровѣла, потому что просила прислать за мной, если ей и послѣ вторичной прививки лучше не станетъ. „Вонъ Танюшка!"—указываетъ мать. Таня лежитъ на скамьѣ подъ образами, будто спитъ. Воско-

вая свѣчка прилѣплена къ подоконнику; руки дѣвочки, одѣтой въ чистое платье, скрещены на груди; мать сидитъ рядомъ. Все такъ просто, спокойно и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственно, торжественно и мрачно. Я сажусь около матери, и шопотомъ, точно мы боимся разбудить дѣвочку, мать отвѣчаетъ мнѣ: „Давно ли? Нѣтъ, вчера вечеромъ. Не звали тебя, потому что ей лучше стало, думали, прививать не надо больше, а вчера днемъ говоритъ: „сердце жгётъ"; кровь пошла горломъ, а къ вечеру кончилась". — „Мальчикъ здоровъ?" — „Здоровъ". — „А маленькій давно умеръ?" — „Да не умиралъ вовсе, валялся, валялся, грудь не бралъ, а теперь ничего. Вишь вѣдь какое мое счастье: грудной, связа мнѣ, живъ остался, а дѣвка уже помога мнѣ была, — вонъ гдѣ". И все это тихо, мѣрно, безъ слезъ; вѣрно, давно уже всѣ выплакала. И сидѣть съ этой матерью жутко, и уйти не хочется, — какъ приковало величіе смерти, видное и здѣсь, въ этой простотѣ. Послѣдній разъ смотрю на эту прежде храбрую, а теперь тихую Таню. Опухоль на шеѣ и лицѣ исчезла, видно милое, спокойное личико, — и какая она длинная стала! Прощай, Танюша; плакать или радоваться твоей смерти?

Сегодня выдался денекъ почти свободный, я позволила себѣ прогуляться по селу съ Е. М. Еще издали видѣли мы старосту, писаря и сотскихъ, выходящихъ изъ боковой улочки. Когда мы прошли, Е. М. оглянулась и засмѣялась: „Жаль, что вы не видѣли. Эти господа сначала повернули къ сборнѣ будто, а какъ мы прошли, они скорѣй шмыгъ въ кабакъ. Это они васъ боятся съ тѣхъ поръ, какъ земскій за васъ имъ задалъ". — „Ну и пусть боятся, если они „великатнаго" обращенія не понимаютъ". Идемъ дальше, опять встрѣча; на этотъ разъ и я замѣчаю, какъ какая-то фигура, увидѣвъ насъ, поспѣшно спрыгиваетъ съ саней и скрывается въ избу. „Это фельдшеръ вольно-практикующій (изъ сосѣдней деревни), — чего этотъ отъ васъ убѣжалъ? — Не понимаю". Красивая лошадь останавливается передъ нами, и молодой человѣкъ, прилично одѣтый, обращается ко мнѣ: „Не вы ли госпожа докторша? Я за вами: мать у меня заболѣла; фельдшеръ лечилъ ее цѣлую недѣлю, а теперь говоритъ, изъ жабы дифтеритъ сдѣлался, нужна прививка". Е. М. меня толкаетъ и шепчетъ: „Видите, напроказилъ и убѣжалъ". Черезъ полчаса горячая лошадь мчитъ меня по лѣсу, такъ что духъ захватываетъ; становится темно, сани цѣпляются за пни и отлетаютъ въ сторону; приходится крѣпко держаться за край, чтобы не вылетѣть. Мы ѣдемъ къ „лѣснымъ людямъ" — торговцамъ лѣсомъ; на полянкѣ два двора, ни живой души кругомъ, но окна

дома освѣщены, мелькаютъ цвѣты, занавѣски. Меня встрѣчаютъ какія-то темныя фигуры и ведутъ въ темныя комнаты, и все молча, какъ будто въ какомъ-то рыцарскомъ романѣ. Но здѣсь не романъ, а трагедія, мрачная трагедія смерти. Въ маленькой спальнѣ на полу мечется пожилая женщина; она сползла туда въ поискахъ воздуха и прохлады. Голосъ хриплый и прерывистый, сознаніе уже немного затемнено. Громадный клубокъ плёнокъ, точно комокъ ваты, застилаетъ входъ въ гортань,—ни дышать, ни глотать—видъ ужасный. Здѣсь мнѣ дѣлать нечего, слишкомъ поздно; но я не хочу лишить больной и дѣтей ея послѣдней надежды, и дѣлаю все-таки прививку. Старуха эта заразилась у сосѣдей, гдѣ были больны дѣти; фельдшеръ нашелъ у нея жабу и усердно мазалъ цѣлую недѣлю чѣмъ-то въ глоткѣ и разсѣялъ дифтеритъ по всему рту и зѣву. Видя неминуемую смерть, онъ, наконецъ, разрѣшилъ обратиться ко мнѣ, и печальный исходъ будетъ, разумѣется, сваливать на мое леченіе,—обычная тактика фельдшеровъ. Въ разговорѣ съ сыномъ больной я совѣтую на всякій случай послать за священникомъ, чтобы причастить больную,—я знаю, какъ всегда интересуются этимъ окружающіе; сынъ уже самъ позаботился объ этомъ. Всѣ дѣти до того напуганы, что не рѣшаются войти въ комнату матери... Несчастная старуха! И все это фельдшеръ Кругликусъ—изъ-за какого-нибудь рубля или двухъ, которые онъ получилъ за леченіе. Въ полночь вернулась я домой, какимъ-то чудомъ не сломивъ себѣ шеи въ быстрой ѣздѣ по лѣсу и не встрѣтивъ ни одного волка. Старуха умерла къ утру, и вторичная прививка не понадобилась.

Исторія съ антихристомъ нѣтъ-нѣтъ да и отзовется. Пріѣзжаю къ больному ребенку—мнѣ его не показываютъ сразу, а мать заводитъ разговоры. „Вотъ люди тутъ балакаютъ, грѣхъ лечиться твоимъ лекарствомъ. Ну, мнѣ моего дитя жалко, возьму грѣхъ на себя, авось Богъ проститъ, только ты мнѣ правду скажи: правда это, что ты кровь подъ шкуру пущаешь?“—„Нѣтъ, милая, это не кровь, а лекарство. Изъ чего дѣлается оно, не знаю (надо покривить душой немного, что дѣлать!)—можетъ, изъ крови, а можетъ и нѣтъ; я его не готовлю сама, а готовымъ изъ Петербурга, изъ царской аптеки получаю. Изъ чего бы ни сдѣлали, лишь бы помогало. Тутъ грѣха никакого нѣтъ; лекарства дѣлаются на пользу людямъ, значитъ, они чистыя, безгрѣшныя“. Баба слушаетъ внимательно. „Оно такъ, лекарства изъ травъ тоже дѣлаютъ, изъ костей“.—„Оспу съ людей и телятъ прививаютъ“,—вставляю я извѣстный

деревнѣ фактъ.—„Ну да, и оспа, это все не грѣхъ. Батюшка лечиться велитъ; развѣ бы онъ взялъ грѣхъ на душу!—размышляетъ баба вслухъ.—А можно посмотрѣть твое лекарство?“ —„Изволь, смотри“. Флакончикъ съ прозрачной желтоватой (какое счастье, что не красной!) жидкостью появляется на сцену. —„Нѣтъ, на кровь не похоже,—говоритъ баба, осмотрѣвъ пузырекъ со всѣхъ сторонъ:—чистое лекарство, свѣтлое, какъ водица; ну ужъ дѣлай, что̀ надо, только дитя пожалѣй, не дюже коли“. Пятилѣтняя бѣленькая дѣвочка съ васильковыми глазками, по моему зову, лѣзетъ ко мнѣ на колѣни, тутъ я и дѣлаю ей прививку; она даже не морщится при уколѣ. „Гляди, няня (старшая сестра), гляди, батя, золотая кутетка!“—кричитъ она въ восторгѣ, получивъ конфетку.—„Ишь, подружилась какъ съ барышней,—смѣется мать,—и уходить отъ тебя не хочетъ“. Мнѣ самой не хочется уходить отъ кроткой, ласковой дѣвчурки. Въ другой избѣ тоже что-то косятся на мои бутылочки,—такой уже день выдался тяжелый. Но тутъ у меня является неожиданно защитница, и какая краснорѣчивая—послушать любо. Это одна изъ благодарныхъ матерей, сосѣдка, забѣжавшая со мной повидаться. „Вотъ люди пустое болтаютъ, грѣхъ, то, сё, и мѣченные будемъ; *онъ*, не къ ночи помянуть, докторовъ посылаетъ, чтобы мѣтили, и я, дура, тоже за ними болтаю, сама не знаю что̀ (все это—обращаясь къ хозяйкѣ); а какъ заболѣлъ Васятка мой, такъ я сейчасъ въ Татарку за барышней. Какой тутъ грѣхъ, когда всѣ помираютъ, а съ лекарствомъ спасаются?! Барышня, молъ, такъ и такъ; а барышня мнѣ:—Сейчасъ, съ моимъ удовольствіемъ!—Изъ-за чаю встала, поѣхала. Уколола тамъ, ну это что̀, наши ребята больнѣй себѣ руку порѣжутъ ножомъ, и то не ревутъ.—Ночью будетъ плохо твоему мальчонкѣ,—говоритъ мнѣ барышня,—а къ утру дюже хорошо станетъ.—Такъ оно и было, какъ по писанному. Потомъ гляжу, шишечка у него на боку поднялась, я опять къ ней. Помазала чѣмъ-то, къ утру опять шишки нѣту, пропала. Это все отъ Бога, это Богъ тебѣ даетъ,—уже обращаясь ко мнѣ, говоритъ ораторша,—а не то чтобы... Ты стараешься, и Богъ тебѣ помогаетъ, дай тебѣ Богъ здоровья. Та̀къ я говорю, барышня?“ А барышня такъ счастлива, что едва удерживается, чтобы радостно не разсмѣяться. „Такъ, милая, такъ, все вѣрно; ты вотъ человѣкъ умный, разсудила, а тутъ вотъ всѣ чего-то мнутся и боятся“. Хозяйка избы конфузится, что я отгадала ея настроеніе. „Да нѣтъ, мы ничего, а говорятъ, это точно, говорятъ“.—„Всѣхъ не переслушаешь,— замѣчаетъ изъ угла мужикъ,—а болѣ всего бабъ; какъ почнутъ,

такъ и не кончать, всякая свое приложитъ. Полечи уже, сдѣлай милость. Мы и тебѣ, коли что̀ нужно, готовы, чтобы уже, значитъ, лекарство настоящее хорошее, не то какъ тебѣ въ больницѣ за пятакъ водицы".—„Лекарство у меня, дядя, для всѣхъ одно, а на больницу тоже не грѣши, не выдумывай. И у меня есть своя больница, а воды я никому не даю, а даю лекарство".—„Ну, можетъ, это ты такая, а другіе даютъ, и мнѣ давали".—„И ничего въ бутылочку не клали, не сыпали?"—„Сыпали что-то изъ бумажки, я думалъ, лекарство, потомъ налили еще, смотрю, а тамъ одна вода чистая, не плаваетъ ничего".—„Такъ вѣдь порошокъ въ водѣ разошелся, и не видать стало. Вотъ попробуй, насыпь соли въ воду, увидишь ее?"—„Оно такъ,—мужикъ почесываетъ въ затылкѣ,—это вѣрно, а мнѣ не въ домёкъ; думаю это такъ себѣ, а оно вонъ оно что̀. Всѣ говорятъ, вода, и я смотрю тоже: вода. Что̀ мы, развѣ мы что̀ знаемъ,—начинаетъ онъ оправдываться, видя свою ошибку.—Кабы мы въ городѣ жили, свѣтъ видѣли, а тутъ что̀".—„Тутъ не городъ нуженъ, дядя, а голова на плечахъ; подумалъ бы, такъ и самъ догадался бы".—„То-то мы люди темные, свое мы хорошо знаемъ, а какъ что̀ новое, такъ мы ни тпру, ни ну".

Снова просятъ „медицинскую докторицу прибыть съ принадлежащей принадлежностью", потому что въ поселкѣ Б. „дѣти умираютъ". Тройка у крыльца,—т.-е. тройка-то она на бумагѣ, въ книгѣ почтаря, а на самомъ дѣлѣ пара,—такъ ужъ умильно проситъ почтарь: „По снѣжку, барышня, и на парѣ долетимъ",—и мы летимъ. Проѣзжаемъ черезъ Ивановку; на улицѣ меня останавливаютъ два мужика, старикъ и молодой, тотъ, что хотѣлъ въ ноги кланяться по настоянію священника. „Здорова наша дѣвочка, спасибо, барышня!"—кричатъ они еще издали. Подойдя къ санямъ, оба снимаютъ шапки, низко кланяются, а потомъ старикъ протягиваетъ мнѣ руку: „Спасибо вамъ, еще разъ, мы вашей милостью довольны; кабы не ты, быть бы намъ при одной внучкѣ, а теперь двѣ, слава Богу. И папашѣ Ивану спасибо, что насъ научилъ. Тѣхъ двухъ жалко, и онѣ бы живы были, кабы не бабы наши. Ухватились: не дамъ мѣтить,—а пуще всего старуха,—не отобьешься. Не взыщите, барышня, за глупость нашу. Помогай тебѣ Боже всѣхъ хорошо лечить".—„Спасибо на добромъ словѣ, дѣдушка, я на васъ не сержусь, только дѣтей мнѣ жалко".—„Воля Божья, матушка, воля Божья, что̀ подѣлаешь". Ѣду дальше и съ благодарностью вспоминаю милое пожеланіе старика: „Помогай тебѣ Боже всѣхъ хорошо лечить". Вотъ и темный человѣкъ, а какъ глубоко заглядываетъ

и видитъ, чѣмъ мы живы, что нужно намъ. Забавный ямщикъ парень попался: лошадей зоветъ одну „голубеновъ“, другую „чертеновъ“, а когда разсердится, кричитъ грубымъ голосомъ: „Но, челдонъ!“ Откуда къ нему сибирское слово попало? Гонитъ онъ лошадей во всю мочь, такъ что на одномъ ухабѣ я чуть не вылетѣла. Проѣхавъ послѣ того съ полверсты, онъ оборачивается и пресерьезно спрашиваетъ: „Не потерялъ я тебя, барыня?“ Я начинаю смѣяться, но комъ снѣга летитъ мнѣ въ лицо, и смѣхъ чуть не переходитъ въ слезы. Въ поселкѣ „моему благородію“ не догадались отвести квартиру, и поэтому пришлось вынести маленькій „афронтъ“: меня вмѣстѣ съ больными выгнали изъ сборни. Сборней въ поселкѣ оказалась жилая изба, гдѣ помѣщается цѣлое семейство; въ дни сходовъ и присутствій хозяинъ и домочадцы залѣзаютъ на печь, и міръ занимаетъ избу. Когда я вошла туда и за мной потянулись бабы съ крикливыми паціентами, мужикъ слѣзъ съ печи и безъ церемоній заявилъ: „Я на это не согласенъ; я избу сдавалъ подъ сборню, а не подъ больницу. У меня тоже дѣти есть,—не хочу, чтобы сюда болѣсть заносили“. Раздраженіе и грубость, которыя слышались въ его голосѣ, меня, конечно, не задѣли, потому что онъ былъ, въ сущности, правъ. Пришлось ретироваться, но куда?— вотъ въ чемъ вопросъ. Въ смущеніи и затрудненіи пошла я по улицѣ, а за мной гуськомъ двинулись всѣ бабы. Изъ одной избы вышелъ мнѣ на встрѣчу человѣкъ въ пиджакѣ и шарфѣ на шеѣ,— это оказался кабатчикъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ пригласилъ меня къ себѣ: „Въ мое помѣщеніе пожалуйте, кстати и у меня что-то мальчикъ жалится“. Не зная, на что именно „жалится“ его мальчикъ, я оставила своихъ спутницъ на улицѣ, а сама вошла взглянуть на ребенка. У него оказался дифтеритъ, и я перенесла свою амбулаторію сюда, т.-е. въ грязную прихожую кабатчика.

Сегодня услышала новое для меня выраженіе. Рано утромъ пріѣхала за мной крестьянка съ мальчикомъ на дровняхъ и повезла меня къ себѣ, къ больной матери. Мальчишка кучеръ оказался не изъ ловкихъ, и снѣгъ то-и-дѣло попадалъ мнѣ въ лицо. Внимательная баба кричитъ ему: „Полегче, ты, снѣгъ ей прямо въ рыло“. Я поспѣшила спрятать свой смѣхъ и „рыло“ подъ платкомъ. Лицо въ деревнѣ иногда называютъ „видъ“, но обыкновенно —„морда“. Какъ поражало меня, въ первое время, когда я слышала: „Я расшибла себѣ морду“, „морда у меня распухла“, „чирей на мордѣ вскочилъ“, но тутъ, очевидно, баба хотѣла выразиться поделикатнѣе и замѣнила морду новымъ звучнымъ сло-

вечкомъ. Не забыть бы разсказать, для увеселенія Е. М.,—только ее, жительницу деревни, пожалуй этимъ и не удивишь.

Лекарства мои приходятъ къ концу, надо съѣздить къ сосѣду-товарищу, запастись. Переѣзжая черезъ ледъ большой рѣки, я, къ удивленію своему, увидѣла, вмѣсто гладкой зеркальной поверхности, всю истоптанную, какъ бы истыканную, весь ледъ въ круглыхъ ямкахъ. „Чтò это?“ — спрашиваю у ямщика.—„А это кулачный бой; Татарка и Рыбёнка на кулакахъ что зиму дерутся: то они насъ черезъ ледъ погонятъ, то мы ихъ. Ну, это только такъ пока, игра, а вотъ поглядишь, чтò у насъ на масляной будетъ, тогда и въ деревню забѣгутъ“. — „А не запрещаютъ это?“ — „Нѣтъ, кому запрещать; безъ этого у насъ не масляница; а только добра мало: у кого голову проломятъ, у кого зубы всѣ вышибутъ. Лѣтось одного и вовсе зашибли. Это давно у насъ ведется, и дѣды наши бились“.—Вечеръ провожу у товарища. Вотъ гдѣ праздникъ для души: уютная комната; столъ, заваленный газетами и журналами; милая хозяйка за рукодѣльемъ; двое живыхъ, хорошенькихъ мальчиковъ возятся съ козленкомъ и скачутъ какъ онъ, а главное—музыка, музыка. Тутъ и скрипка, и рояль.—Хотите Сенъ-Санса?—Давайте Сенъ-Санса; Бетховенъ—такъ Бетховенъ; голодный блюдъ не разбираетъ, а тутъ одно другого лучше. И о дѣлѣ успѣли потолковать, сговорились ѣхать вмѣстѣ на мѣстный съѣздъ врачей. Пора опять въ свою конурку, въ Татарку. „Берегите себя!“—кричатъ мнѣ съ крыльца милые хозяева.—„Ничего, Богъ не выдастъ, дифтеритъ не съѣстъ“. Въ полѣ темно и жутко, разыгрывается метель. Я укуталась плэдомъ и подъ мѣрный звонъ колокольчика и скользящій бѣгъ саней погружаюсь не то въ сонъ, не то въ грёзы; въ ушахъ звенятъ отрывки слышанныхъ чудныхъ мелодій... Но ямщику-то каково? Парнишка въ легкомъ полушубкѣ, обернулся башлыкомъ, снѣгъ сыплетъ ему прямо въ лицо. — „Живъ еще, ямщикъ?“ — „Живъ, барышня, — отвѣчаетъ веселый голосъ, —доѣдемъ, небось, а тамъ чай будетъ“. Тончайшій намекъ на „на водку“.—„Ты чай кàкъ пьешь, изъ стакана или изъ бутылки?“ — „Знамо, изъ бутылки, — отвѣчаетъ, смѣясь, паренёкъ:—а то какъ же“. — „Да вѣдь ты еще мальчикъ, и уже пьешь?“—„Шестнадцать лѣтъ, барышня, скоро женить хотятъ, а у насъ пьютъ и махонькіе“.—„Чего же это тебя съ женитьбой торопятъ?“—„Батька померъ, я на службѣ, а матери одной неуправка, дѣтей много. Вотъ какъ мнѣ года выйдутъ (т.-е. исполнится семнадцать лѣтъ, когда позволяютъ вѣнчать), такъ и возьмемъ невѣстку“. Странно слышать разсужденія о женитьбѣ отъ

16-лѣтняго мальчика; я никакъ къ этому не привыкну, хоть и много уже такихъ жениховъ видала.

Хорошо, что я вернулась; не успѣла я сойти съ саней, какъ прибѣгаетъ женщина. „Пойди, Бога ради, къ намъ скорѣй,—Никитка мой, школьникъ, катался, упалъ, свернулъ себѣ салазки, весь въ крови, помираетъ!“ — „Что̀ такое, ничего не понимаю: сломали ему салазки, а онъ помираетъ?“ Е. М. приходитъ на помощь и переводитъ: „Свернули ему челюсть, крестьяне зовутъ ее салазками“. Бѣгу къ Никиткѣ. Мальчикъ перепуганный и блѣдный, но живъ; „помираетъ“—это обычное преувеличеніе крестьянъ при малѣйшей болѣзни. „Салазки“ тоже въ порядкѣ, только лицо распухло и ухо оторвано до половины. Въ избѣ масса народу, негдѣ повернуться. Кричу имъ: „Чужіе, уходите, нечего тутъ смотрѣть, и безъ васъ душно“. Никто не двигается. „Чего же вы?“—„Да это все свои, матушка, чужихъ нѣту“. — „Ну, пусть свои уходятъ, просторнѣе будетъ,—пусть идутъ въ другую половину“. Начинаются толчки, смѣхъ, и толпа рѣдѣетъ. Вожусь съ Никиткой, а мать причитаетъ: „Погубили тебя, сыночка; какъ это ты, соколикъ, теперь безъ уха будешь, станутъ тебя безухимъ звать...“ — „Не ной тутъ, тетка, не пугай мальчика. Мы ему ухо пришьемъ“.—„Не дамъ!—кидается ко мнѣ баба:—не дамъ шить, не надо!“ Долго и напрасно уговариваю я бабу, она не позволяетъ наложить швы на рану. „Ну, хорошо, не даешь пришить, дай—приклею“. Баба кидается мнѣ въ ноги: „Постарайся, матушка, приклей хорошенько, а то будутъ его безухимъ звать“. Никитка, наконецъ, умытъ и обвязанъ бинтами. „А салазки какъ же?“—вспоминаетъ мать.—„Салазки у него на мѣстѣ“. Но мать не вѣритъ. „Дай хлѣба,—говорю я ей:—увидишь, какъ жевать будетъ“. Мать тащитъ ломоть хлѣба, и Никитка, все еще блѣдный, начинаетъ его уписывать. „Какъ это ты попалъ подъ лошадь?“ Но Никитка, отъ волненія, аппетита не лишился, ему некогда разсказывать, за него говоритъ сестренка: „Онъ съ Ванюшкой полѣзъ сзади на сани (любимая забава мальчишекъ), да оборвались, а тутъ сзади дядя Матвѣй, пьяный, наскочилъ съ лошадью. Ванюшку отецъ за руку изъ-подъ лошади выхватилъ, а Никитку зацѣпило“.

Уже нѣсколько разъ приходили ко мнѣ бабы съ больными дѣтьми: „Прислала насъ бабка Ланциха“. „Она у насъ все знаетъ,—говорятъ про нее бабы:—и шепчетъ, и грызь загрызть можетъ, и волосники выгоняетъ, глоточку тоже лечитъ“.—„Какъ же она лечитъ глоточку?“—„Все такъ же,—пошепчетъ, пошепчетъ и говоритъ:—коли до зари не полегчаетъ, значитъ, жаба не простая,

ее къ „дифтерицѣ“ нужно, а съ простой къ ней не ходи, эту я всегда зашептать умѣю“.

Умница-баба, какъ хитро придумала—и себя не уронить, и дѣтей не погубить.—Сегодня я имѣла честь познакомиться со своей коллегой. Красивая старушка, неглупое лицо и пріятныя мягкія ухватки. „Заболѣлъ у меня внучекъ. Мы и сами лечимъ кой-что, по нашему женскому дѣлу, ну только это не наша часть, болѣзнь опасная. Мы вотъ тебя просимъ, пожалуй къ намъ“. У себя дома она такъ же мягко и спокойно распоряжается, помогаетъ мнѣ и успокоиваетъ мальчика: „Бабокъ нечего бояться, мы люди добрые, невредные. Лежи смирно“. Какъ ловко она соединила меня съ собой въ одномъ словѣ: „бабокъ“; надо же ей поддержать свой авторитетъ передъ невѣстками. Пока я вожусь съ мальчикомъ, въ избу входитъ баба съ ребенкомъ на рукахъ. Я кричу ей: „Не ходи сюда, здѣсь дифтеритъ“. Но баба спокойно отвѣчаетъ: „Я не къ тебѣ, — я къ ней!“ — указываетъ она на Ланциху. Старуха отходитъ съ ней въ уголъ; баба развязываетъ распухшій отъ нарыва палецъ. Я вижу, какъ Ланциха обводитъ три раза своимъ пальцемъ вокругъ больного пальца и шепчетъ что-то, затѣмъ плюетъ въ печку; леченіе кончено, и баба собирается уходить. „Пришла бы ужъ одна, безъ ребенка, коли нужно,—говорю я бабѣ:—а то можешь его тутъ заразить“.—„Онъ у меня переболѣлъ, а и помретъ—не велика убыль. Одолѣли они меня, силъ моихъ нѣту“. Итакъ, два врача принимали больныхъ въ одной избѣ, каждый по своей спеціальности. Моя товарка, бабка Ланциха, относится ко мнѣ съ полнымъ уваженіемъ, такъ что и я съ ней такъ же обращаюсь. Но дома мнѣ пришлось пожалѣть объ этомъ. Кума Марья (всеобщая кума) разсказала мнѣ, что Ланциха вездѣ говоритъ: „Барышни эти только одно знаютъ, что глотку лечить, либо горячку, а бабамъ къ нимъ ходить незачѣмъ: эти ученыя ни животовъ править не умѣютъ, ни махотокъ накидать“. Разумѣется, „ученыя“ не знаютъ этого варварскаго леченія женскихъ болѣзней. „Правка“—это самый ужасный массажъ кулаками, а „махотки накидать“ значитъ ставить вмѣсто банокъ горшки. Отъ этого леченія бабы вопятъ благимъ матомъ, но бабки увѣряютъ ихъ, что безъ этого никакъ нельзя. Не умѣемъ мы, „ученыя“, и „грызть грызь“, т.-е. грызть зубами больное мѣсто, гдѣ гнѣздится ревматизмъ, или „выгонять волосники“, т.-е. шептать до тѣхъ поръ, пока изъ нарыва начнутъ выползать черви, тонкіе какъ волоски; всего этого мы не умѣемъ, это правда, но и

выносить незаслуженное презрѣніе тоже не умѣемъ; надо при случаѣ Ланциху „оборвать“, сбить спѣсь.

Какая жалость: мальчикъ Аполлоша, маленькій красавецъ, умеръ. Пришли двѣ бабы изъ той деревни и разсказали мнѣ объ этомъ. Обѣ явились съ дифтеритомъ, обѣ были на похоронахъ и поминкахъ Аполлоши. „И прощались?“—„Прощались“.—„Ну!“ —я только руками развожу. Сколько разъ толкую я, указываю, разсказываю, привожу примѣры, запрещаю, повторяю,—придерживаясь системы долбленія, которая, какъ мнѣ кажется, единственная, имѣющая успѣхъ въ деревнѣ,—а все не отстаютъ крестьяне отъ вреднаго обычая прощанія съ мертвыми. Дѣлать нечего, надо еще долбить, и я начинаю длинную проповѣдь изъ короткихъ фразъ (только такія понятны крестьянамъ). Выйдетъ ли что-нибудь изъ этого, не знаю; можетъ быть, выйдетъ, да не скоро; на всякій случай долблю и долблю, въ сотый разъ повторяю одно и то же на разные лады. Придется еще съѣздить къ тому священнику, который меня такъ поддерживалъ и защищалъ въ печальной исторіи анти-прививочнаго бунта.

Приношу почтенному пастырю мою чувствительную благодарность и прошу о дальнѣйшей помощи, ищу союзника въ этой тяжелой войнѣ. „Я самъ съ этимъ воюю, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ горячка ходила, да что-то мало толку,—все ходятъ прощаться, и взрослые, и дѣти“. Я заговариваю о грамотности, о просвѣщеніи,—развѣ это не наилучшіе союзники въ борьбѣ съ болѣзнями? Батюшка отвѣчаетъ мнѣ доброжелательными фразами, слогомъ „Свѣта“ и „Родины“; но искренняго сочувствія и пониманія я что-то не вижу. „Есть у васъ тутъ школа?“—„Какъ же, церковно-приходская, въ караулкѣ; учитель—отецъ дьяконъ“. Пришелъ и отецъ-дьяконъ, молодой франтъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ узнаю, что учительскія занятія для духовенства служатъ только ступенью къ скорѣйшему полученію прихода; долго эти учителя на одномъ мѣстѣ не засиживаются,—слѣдовательно, ни полюбить свое дѣло, ни увидѣть результаты своихъ трудовъ не могутъ. Много толку изъ такого ученія, да еще въ караулкѣ! Караулка—это изба при церкви, гдѣ дожидаются кумовья съ ребенкомъ, провожающіе съ мертвецомъ, а иногда, какъ я видѣла, попадья тамъ устроиваетъ мастерскую,—наберетъ дѣвокъ и усадитъ ихъ прясть и ткать ковры. Такое просвѣщеніе—плохой для меня союзникъ.—Отправляясь въ гости къ священнику, я на всякій случай захватила съ собой лекарства, но забыла взять мѣшочекъ съ конфектами, которыя я обыкновенно беру для дѣтей (больнымъ въ утѣшеніе, а здоровымъ—чтобы завидно не было);

поэтому произошелъ маленькій непріятный инцидентъ. Отъ попа меня позвали къ больному ребенку, я сдѣлала прививку и ужъ собралась уходить, какъ вдругъ баба остановила меня и недовольнымъ тономъ спросила: „Ты что же это, конфетъ не даешь? Всѣмъ раздаешь, а для моихъ ужъ не хватило?“ Я немного изумилась. „Забыла взять съ собой, нечѣмъ угощать“. – „Вотъ еще, забыла, зачѣмъ забываешь!“—уже сердито заговорила баба. „Чего сердишься, тетка, это моя добрая воля давать, а если забыла, такъ сердиться за это нечего“. — „Да вѣдь это на казенныя деньги, чтобы всѣмъ давать; тебѣ, баютъ, положено на это“.—„Вотъ тебѣ и нà! Кто же это на конфекты мнѣ положитъ, это я на свои покупаю, не на казенныя. Лекарства—земскія, а конфекты—мои. Я дѣтей люблю, и потому угощаю; не захочу, не куплю“. Вотъ какія объясненія приходится давать въ деревнѣ! Непріятно, но дѣлать нечего, надо выложить на столъ свои мотивы, чтобы не обижались и не являлись съ назойливыми требованіями. Не знаю, повѣрила ли мнѣ баба,—въ деревнѣ не очень вѣрятъ въ безкорыстіе и даже въ такую маленькую внимательность.

Сегодня явилась въ амбулаторію молодая баба, страшно взволнованная: „Бога ради, не держи меня, сдѣлай скорѣй прививку, умирать не хочется, глотку захватило. Вчера пріѣхали двѣ наши деревенскія отъ тебя,—ты имъ прививала отъ глоточки,—говорятъ, всѣ, кто на поминкахъ былъ, всѣ хворать будутъ,—чтобы не ходили прощаться,—какъ дѣти всѣ помирать будемъ. Я тоже была, а меня ночью и схватило. Не чаяла до свѣта дожить. Лечи скорѣй. Дѣтей у меня нѣту, покидать некого, а самой пожить еще хочется“.—„Показывай свою глотку. Да у тебя вовсе не дифтеритъ, а жаба, тебѣ прививка не нужна“. —„Какъ не нужна? Ужъ я знаю, что нужно, дюже мнѣ плохо. Сдѣлай милость, привей, въ ножки тебѣ поклонюсь“. Едва удалось мнѣ уговорить трусливую бабу взять полосканіе вмѣсто прививки. „Если такъ боишься, пріѣзжай завтра еще разъ, хоть и не нужно этого“.—„А ну, какъ я до завтра помру?“—„Не помрешь“.—„Ей Богу?“—„Ей Богу“. Она собирается уѣзжать. „Будешь на поминки ходить, съ мертвыми прощаться?“—„Ну ихъ, не пойду и внукамъ закажу.“—„И не ходи. Хоть ты теперь и не заразилась,—твое счастье, – а не пойдешь, и бояться не будешь“. — „Смотри, — говоритъ бабёнка, — какъ умру я до завтра...“ — „Тогда придешь и меня выбранишь“,— говорю я, шутя. — „Думаешь, не приду? приду, — изъ гроба встану. Думаешь, мертвые не ходятъ; приду и придушу тебя“.—„Приходи,

я мертвыхъ не боюсь; только бы живые не трогали". — „Ишь какая, мертвыхъ не боится!"—съ изумленіемъ говоритъ баба.— „А ты видѣла, чтобы мертвые ходили?" — „Нѣтъ, не видала, Богъ миловалъ; а вотъ бабка моя, такъ та видѣла своего мужика, дѣда моего. Пришелъ къ ней съ кулаками и говоритъ: смотри, не грѣши, а то для тебя огонь уже развели". Всѣ присутствующіе смѣются, но, разумѣется, и они вѣрятъ въ посѣщенія мертвецовъ.

Никитка выздоровѣлъ; мать привела его показать мнѣ; ухо почти совсѣмъ приросло. Я осматриваю и ощупываю шрамъ, а мать говоритъ: „Потише, какъ бы опять не оторвалось".—„Не оторвется теперь, не бойся".—„А я ему все говорю: какъ пойдешь, Никитка, въ школу, такъ ты къ учителю здоровымъ ухомъ садись".—„Развѣ онъ за уши деретъ?"—Знамо, на то учитель".— „Лучше я вовсе не пойду",—заявляетъ Никитка. Мать не протестуетъ; бабы — небольшія поклонницы грамоты, не то что мужики.

До чего наблюдательны, „замѣтливы" на всякіе пустяки деревенскіе люди, и какъ толкуютъ они все по своему, по-деревенски! Я къ больнымъ всегда ѣздила въ черномъ платьѣ, а дома у себя переодѣвалась. Пріѣхалъ зачѣмъ-то мужикъ изъ Умновки и засталъ меня въ свѣтлой юбкѣ и цвѣтной кофточкѣ. На другой день въ Умновкѣ почтариха, симпатичная старушка, дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе: „Отчего ты къ намъ не хорошо одѣваешься, все въ черномъ, да въ черномъ? Мы думали, ты черничка, а вонъ вчера Петька видѣлъ тебя въ хорошемъ платьѣ. Что-жъ ты къ намъ его не одѣваешь, а только къ господамъ?—Хорошо, говоритъ Петька, барышня одѣта была, нарядъ пестрый, красивый" (вся его красота только въ пестротѣ и состояла). Надо было объясняться, растолковать, что это не изъ пренебреженія къ нимъ дѣлается, а для удобства, и чтобъ утѣшить бабу, я обѣщала ей пріѣхать когда-нибудь въ такомъ платьѣ, въ какомъ ѣзжу къ „господамъ" въ гости.—Не черезчуръ ли я „напарахала" крестьянъ заразительностью дифтерита? На дняхъ привезли ко мнѣ молодайку (молодую женщину), больную дифтеритомъ; въ семьѣ свекрови заболѣла дѣвочка, ее перевели въ клѣть и боялись за ней ходить. Молодайка ее пожалѣла, стала за ней ухаживать, но заболѣла сама, заразился и мужъ; тогда ихъ обоихъ выгнали изъ дому. Хорошо, что нашлась чужая бездѣтная баба, которая не побоялась пріютить ихъ. Мужикъ все-таки ходилъ къ своимъ, а невѣстку и на порогъ не пускали; тутъ ужъ, разумѣется, не одинъ страхъ предъ заразой, тутъ сыграла роль и

вѣчная борьба свекрови съ невѣсткой. Я прочитала маленькую нотацію мужу, который все звѣремъ посматривалъ на жену. Больныхъ могли перевести въ другую половину, незачѣмъ было гнать ихъ зимой изъ дому. Что́ дѣлали бы они, не пріюти ихъ добрая женщина? Инстинктъ самосохраненія вездѣ силенъ, но до такой жестокости можетъ дойти только человѣкъ темный: отъ темной головы и въ сердцѣ темно. Бѣдная бабочка! преслѣдуемая мужемъ, она, быть можетъ, уже раскаявается въ своей добротѣ. Я старалась ее успокоить обѣщаніемъ скораго выздоровленія и—спасенія души. Еслибъ существовала медаль за добрыя дѣла, я бы ее представила къ наградѣ за выказанное геройство. Цѣлый день мнѣ было не по себѣ, жалко было молодайку, зато вечеромъ вдоволь смѣялась. Кухарка Настасья насмѣшила насъ до слезъ. Это—смуглая, черноглазая 40-лѣтняя женщина, веселая и бойкая. М. Н. хотѣлъ похвалить ее за удачную уху и сказалъ ей: „Молодецъ брюнетка, ай-да брюнетка".—Настасья поспѣшно спросила: „Что это еще за брунетка?"—М. Н., шутя, отвѣтилъ: „Это слово черное" (черное слово въ деревнѣ означаетъ брань, грубое слово). Настя съ такимъ испуганнымъ видомъ всплеснула руками, что мы расхохотались. „Черное слово?" —„Да,—повторилъ М. Н.;—Гаша блондинка—это бѣлое слово, а ты брюнетка—это значитъ черное". — „Вотъ те и на!—все съ тѣмъ же испуганнымъ видомъ воскликнула Настасья:—довольно меня бранили и мужъ и свекровь, а такого слова еще не слыхивала".—„Ну, будь черноглазой, если брюнеткой быть не хочешь".—„Ишь, ишь!"—и Настасья повернулась къ дверямъ, но, уходя, бросила на насъ такой лукавый, смѣющійся взглядъ, что мы снова разсмѣялись: эта хитрая женщина великолѣпно сыграла роль испуганной деревенской бабы и сама осталась довольна успѣхомъ.

Практика моя въ деревнѣ все расширяется, несмотря на наговоры бабки; меня зовутъ даже на роды, хотя я, какъ эпидемическій врачъ, туда и не имѣю права ходить, чтобъ не занести заразы. Но на дняхъ была у меня практика совсѣмъ особаго рода. Прибѣгаетъ баба: „Барышня, ты отъ бѣшеной собаки лечить умѣешь?"—„Умѣю (въ деревнѣ нельзя сказать: нѣтъ, —сразу потеряешь довѣріе); кого укусила собака?"—„Поѣзжай къ намъ, тамъ разскажемъ".—Ѣду на другой конецъ села.—„Гдѣ же больной?" — „Да больныхъ нѣту, вотъ мы тебѣ разскажемъ все какъ есть. Забѣжала собака бѣшеная не къ намъ, а къ сосѣду, тамъ ее убили. Она укусила вола, а волъ черезъ нашъ дворъ прошелъ, такъ мы теперь боимся, какъ бы намъ чего не

было отъ духу этого. Ванюха вонъ уже бѣгалъ къ знахарю, онъ его лечилъ. — „Какъ же онъ его лечилъ?" — „Велѣлъ принести чашку молока, порѣзалъ палецъ у Ванюхи, чтобъ кровь туда капала, пошепталъ и велѣлъ выпить; велѣлъ и другимъ придти; а я подумала, лучше я барышню спрошу, все-же они люди ученые, а ему еще плати за всѣхъ,—видишь, сколько насъ". — Я посмѣялась, успокоила бабу, что ничего имъ отъ „этого духу" не будетъ, и пальцевъ рѣзать незачѣмъ, и уѣхала. — Не знаю, что здѣсь сыграло бо̀льшую роль, моя ли ученость, или плата знахарю („сколько насъ"!); все же я рада, что меня позвали; моимъ объясненіямъ повѣрили и успокоились, а я обогатила свой запасъ свѣдѣній по народной медицинѣ.

Дифтеритъ утихаетъ, уменьшается, а слава моя ростетъ; я не всегда довольна этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Опять накопилась куча отчетовъ, а мнѣ некогда: не даютъ больные. Вотъ опять пришли: мужикъ разрубилъ себѣ колѣно топоромъ и просилъ меня полечить. Прихожу; колѣно слегка задѣто; я удивилась: обыкновенно въ такихъ случаяхъ мужики обходятся „своими средствіями", заклеиваютъ рану старой паутиной, жеваннымъ чернымъ хлѣбомъ, присыпаютъ гнилымъ деревомъ и т. п., а тутъ вдругъ къ антисептикѣ потянуло. Ну, что же, и слава Богу, взялся за умъ хоть одинъ. Но сестра его меня тутъ же разочаровала: „Это онъ хочетъ, чтобъ ты его скорѣй вылечила, масляная идетъ, такъ ему драться нельзя будетъ съ больнымъ колѣномъ. А ты его не лечи, пусть валяется, а то и ему морду разобьютъ и печенки отшибутъ. Вонъ у Петьки Черныхъ печенки отшибли, такъ онъ все кровью харкаетъ". — Молодой мужикъ смѣется. „Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, полечи, барышня; у тебя, говорятъ, корень есть желтый, духовитый; какъ засыплешь, такъ въ тую же пору и заживетъ". — Къ его великому удовольствію, я сыплю ему на рану „духовитый" іодоформъ. — „Приходи еще,—проситъ паціентъ,—какъ бы мнѣ скорѣй подняться".— „Не приходи,—проситъ сестра,—послѣ масляной пусть встанетъ". —Я всей душой на сторонѣ сестры, но не смѣю отказать больному, чтобы не потерялъ онъ довѣрія къ медицинѣ и ея „духовитымъ корнямъ". — Я только убѣждаю его не драться: „что̀ хорошаго въ дракѣ", и т. д., но чувствую, что это—гласъ вопіющаго въ пустынѣ, тутъ нужно не поученіе, а отвлеченіе или вѣрнѣе развлеченіе болѣе интересное и болѣе разумное.

Вотъ настала и масляница. Толпа бабъ въ новыхъ яркихъ платкахъ стоитъ на „крестахъ" (центръ деревни); дѣвки поютъ пѣсни, а подростки дерутся и бросаютъ снѣжки. Настоящій ку-

лачный бой начнется завтра, и пьянство тоже. Я спасаюсь отъ всего этого, уѣзжаю въ гости, такъ какъ амбулаторія пустуетъ. Возвращаясь домой, я не могу проѣхать по главной улицѣ,—она запружена народомъ. Изъ окна своей комнаты я любуюсь (?) зрѣлищемъ: толпа крестьянъ сосѣдней деревни одержала верхъ; она тѣснитъ татаровцевъ; тѣ бѣгутъ, лѣзутъ на плетни, на крыши и оттуда ударами кулаковъ сметаютъ преслѣдующихъ враговъ. Слышенъ дикій вой, визгъ дѣвокъ и плачъ ребятъ, словомъ—дикая забава въ полномъ разгарѣ. Хороша удаль, „отшибающая печенки"!—Отойти поскорѣй отъ окна,—вчужѣ смотрѣть страшно,—пойти приготовить на завтра побольше бинтовъ да примочекъ.—Я не угадала: избитыхъ было мало, но это не значитъ, что ихъ нѣтъ.—„Просто стыдятся вашей милости",—объясняетъ мнѣ хозяинъ избы, которую я сняла подъ амбулаторію; самъ онъ тоже принималъ участіе въ бою и теперь кряхтитъ и держится за грудь. — „Митька, будь ему неладно, какъ саданулъ; кулачище здоровый; какъ доживемъ до той масляницы, ужъ я ему покажу". — Я стараюсь ему доказать весь вредъ этой забавы, а онъ отвѣчаетъ: „А что же намъ дѣлать,—праздникъ, выпьешь грѣшнымъ дѣломъ, и потѣшиться хочется". Теперь, говорятъ, въ этой деревнѣ устроиваютъ иногда народныя чтенія съ туманными картинами,—авось это отобьетъ охоту къ дикой потѣхѣ. Только для этого они, разумѣется, не должны быть туманными чтеніями съ народными картинами.—Вотъ уже больше недѣли, какъ больные дифтеритомъ не являются. Пользуюсь этимъ, чтобъ объѣхать священниковъ своего участка, собрать у нихъ свѣдѣнія о смертности изъ метрическихъ книгъ. Всюду утѣшительныя вѣсти,—„отъ глоточки" не умираютъ. Начинаю объѣздъ деревень, дѣлаю прощальные визиты заболѣвшимъ послѣдними; всѣ здоровы. Стоитъ чудная погода; весело кататься по скрипучему, крѣпкому снѣгу, весело встрѣчать всюду улыбающіяся, довольныя лица. На прощанье Е. М. преподноситъ мнѣ списокъ моихъ титуловъ: „докторица, дифтерица, дифтериха, лечительница, сестрица, мамаша, губернанка".—„Вы забыли еще прибавить: слуга антихриста", говорю я Е. М.

Въ послѣдній разъ объѣзжаю Татарку и бесѣдую съ десятскимъ. Это молодой смышлёный парень, и я его спрашиваю: „Скажи, пожалуйста, ты знаешь, съ чего это взяли, что я отъ антихриста прислана?" — Онъ смѣется. „Глупости разныя; не было еще у насъ барышни, вотъ имъ и чудно показалось. Еще не было, чтобъ по дворамъ доктора ѣздили, а ты просишь, чтобъ лечились, уговариваешь,—съ какой это печали, говорятъ. По-

томъ въ шапкѣ ходишь, какъ мужикъ,—все глупости. А другіе есть, что говорятъ—какіе въ городѣ были:—тамъ всѣ барыни въ шапкахъ ходятъ, а что барышня докторица, такъ еще лучше, къ ней скорѣй подойдешь, а мужчины все будто опасаешься. А еще говорятъ: мы какъ въ избу зайдемъ, прежде помолимся, какъ слѣдъ, а потомъ „здравствуй“ скажемъ, а ты прямо: „здравствуйте“ и сейчасъ къ больному“.—„Да развѣ-жъ у докторовъ время есть, чтобъ въ каждой избѣ такъ долго молиться? Я буду у васъ молиться, а въ другомъ мѣстѣ будутъ люди безъ помощи помирать. Да и вѣдь вовсе не всѣ крестятся, какъ въ избу заходятъ, не я одна. Ты у господъ (у помѣщика) въ домѣ былъ?“—„Былъ не разъ“.—„Видѣлъ, чтобы крестились, какъ заходятъ въ домъ?“—„Нѣтъ, господа, я знаю, только въ церкви крестятся“. — „То-то же“.—„Вотъ и становой,—вспоминаетъ десятскій,—тоже не крестится“.—„Да, да, и становой, вотъ видишь“.—Такъ какъ становой несомнѣнно не антихристъ, то, значитъ, и я не антихристъ; думаю, что у парня хватитъ логики, чтобы сдѣлать этотъ простой выводъ и подѣлиться имъ съ односельчанами. Впрочемъ, эта исторія давно уже заглохла, иначе у меня не было бы столькихъ больныхъ и были бы „мертвенькіе“ въ церковныхъ книгахъ. — Ѣду домой; ребятишки гурьбой бѣгутъ за дровнями (на саняхъ писарь уѣхалъ въ городъ) и карабкаются безъ стѣсненія; другіе не рѣшаются, и смѣлые имъ кричатъ: „Полѣзай, не бойсь, она не трогаетъ“. — Ѣду по деревнѣ съ этимъ веселымъ конвоемъ: дѣти щебечутъ, какъ воробьи, и прохожіе оборачиваются, улыбаясь. Хорошо, что я уѣзжаю: такая простота („ребятишки на голову ей лѣзутъ“) навѣрное подорвала бы мой авторитетъ, уменьшила бы уваженіе ко мнѣ. — По дорогѣ останавливаетъ меня баба: „Подвези, барышня, ноги дюже болятъ“. Я беру ее съ собой и дорогой сообщаю ей, что на дняхъ уѣзжаю.—„Совсѣмъ?“—„Совсѣмъ“.— Тутъ баба моя начинаетъ сердиться — и какъ! — „Да какъ же это ты можешь? Еще что̀ выдумаешь! Ты уѣдешь, а мы безъ тебя помирать должны, это не дѣло. Нѣтъ, ужъ ты это оставь. Съ тобой мы живы, спокой знаемъ, чуть что̀ — мы къ тебѣ, а ты что̀ выдумала!... Сиди тутъ“. — Баба разсердилась не на шутку, а мнѣ это ворчанье „слаще меду“. — Перестали, значитъ, бояться „бабы въ шапкѣ“ и увѣровали въ цѣлебность „иголокъ“ и „приливокъ“, что̀ и требовалось. — Теперь могу ѣхать съ миромъ. Больныхъ нѣтъ, все благополучно, подвожу итоги. Врагъ побѣжденъ, гласятъ цифры. Благодѣтельный шприцъ, благодѣтельная, почти чудотворная сыворотка одолѣли злую ба-

циллу. До сыворотки изъ сотни больныхъ едва десятокъ оставался въ живыхъ; теперь цифры перемѣнили мѣста: изъ сотни больныхъ едва десять умираетъ. Да, врагъ побѣжденъ, дифтеритная бацилла бѣжала съ поля сраженія,—но всѣ ли враги побѣждены? Развѣ съ *одной* только бациллой воевать пришлось? Есть тутъ, въ деревнѣ, болѣе опасныя, болѣе зловредныя бациллы,—бациллы тьмы и невѣжества, бациллы грубости и суевѣрія—съ этими не мнѣ воевать, тутъ одинъ въ полѣ не воинъ. Врагъ занялъ позиціи прочно. Тутъ я не праздную побѣды, я уныло отступаю. Несчастная темная Татаровка, скоро ли ты прозрѣешь!?

С. Гринъ.

СЛѢПОЙ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КАРТИНАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Альдоръ. Ослѣпшій художникъ.
Converting Ореада. Молодая женщина.
Старый пастухъ.
Изера.

Дѣйствіе происходитъ въ горахъ.

КАРТИНА I.

Горная мѣстность. Налѣво пещера. На горизонтѣ цѣпь снѣжныхъ горъ. Солнце садится. Справа входятъ Альдоръ и Ореада въ плащахъ, съ котомками и посохами. Она ведетъ его за руку.

Альдоръ.—Намъ отдохнуть пора,—довольно, Ореада;
Сегодня путь нашъ былъ и труденъ, и далекъ.
Мнѣ въ жаркое лицо повѣяла прохлада—
Вечерняя заря шлетъ первый вѣтерокъ.
Ореада.—Да, ночь уже близка, долины исчезаютъ
Въ холодной синей мглѣ, и тѣни налегли,
А горы снѣжныя все радостнѣй сіяютъ
И видятъ свѣтъ небесъ, забывъ про тѣнь земли.

Альдоръ.—Какъ я любилъ глядѣть на эти очертанья,
На дѣвственныхъ снѣгахъ далекій блескъ ловить!..
То средь земного сна застывшія сказанья
И пѣсни Божества... Какъ я умѣлъ любить,
Какъ плакалъ горячо предъ этой красотою
И какъ молился я въ счастливые года!..
Зачѣмъ ты говоришь, что горы предо мною,
Когда мнѣ не видать ихъ больше никогда!..
Закрываетъ лицо руками.

Ореада.—Прости меня, Альдоръ, прости! Твои мученья
Понятны мнѣ вполнѣ, о, мой печальный другъ,—
Но нѣтъ въ моей душѣ ни страха, ни сомнѣнья:
—Я знаю, что пройдетъ тяжелый твой недугъ.

Альдоръ.—Пять долгихъ лѣтъ прошло со дня, когда впервые
Все то, что̀ я любилъ, на вѣкъ покрылось тьмой—
И море дальнее, и горы голубыя,
И пестрые цвѣты... и трудъ любимый мой.
И съ той поры еще ни дня не проходило,
Чтобъ ты не пѣла мнѣ, чтобъ смѣхъ твой не звучалъ;
Объ исцѣленіи ты часто мнѣ твердила
И повторяла мнѣ, чтобъ я не унывалъ.
Вначалѣ, какъ дитя, твоимъ словамъ я вѣрилъ,
Какой-то свѣтъ мерцалъ въ душевной глубинѣ...
Я лгалъ еще себѣ, съ собою лицемѣрилъ,
Но больше нѣту силъ ни лгать, ни вѣрить мнѣ!
Мракъ обуялъ меня, души моей коснулся...
Ты все звала меня идти впередъ, впередъ,
И я покорно шелъ, а предо мной тянулся
Отчаянья и тьмы холодный, черный сводъ.

Ореада.—Альдоръ, ужъ ночь близка; я знаю, недалеко,
Среди отвѣсныхъ скалъ, пещера есть одна.
Я наберу вѣтвей на берегу потока,
Чтобъ разложить костеръ: ночь будетъ холодна.
Я принесу травы, чтобъ ароматомъ нѣжнымъ
Былъ воздухъ напоенъ, когда ты будешь спать,
Чтобъ могъ ты утонуть въ покоѣ сна безбрежномъ,
Я наберу цвѣтовъ...

Альдоръ.—О, перестань мечтать!
Къ чему твои цвѣты? Вѣтвей побольше надо:
И тучамъ грозовымъ, и вѣтру—здѣсь просторъ...
Зачѣмъ меня сюда влекла ты, Ореада?
—Мнѣ сердце леденитъ дыханье снѣжныхъ горъ!

Ореада.—Не спрашивай меня! я и сама не знаю,
Но вѣрю, чувствую, что здѣсь спасенье намъ,
И пыль долинъ съ одеждъ и мыслей отряхаю,
И горы для меня—завѣтный свѣтлый храмъ.
Альдоръ.—Блаженна, какъ дитя, усталости не знаешь...
Хотѣлъ бы я тебя, но не могу понять:
Сама ты весела, сама ты не страдаешь,
Но скорбь *мою* тебѣ нельзя не раздѣлять!
Ореада.—Мой бѣдный другъ, зачѣмъ тебѣ мое мученье!
Въ тебѣ надежды нѣтъ—во мнѣ она живетъ.
Больнымъ не надо слезъ, имъ нужно исцѣленье;
Лишь радость свѣтлая къ спасенію ведетъ.
Альдоръ.—Спасенье! Мнѣ опять твердишь ты о спасеньѣ,
И равнодушіе въ словахъ твоихъ звучитъ...
Чу! шорохъ слышу я, какое-то движенье,
Исчезла тишина и эхо говоритъ.
Ореада.—Не слышу ничего; одинъ потокъ рыдаетъ
И рѣчь свою ведетъ въ глубокой тишинѣ...
А! вотъ и до меня какъ будто долетаетъ
Какой-то смутный шумъ, доносится ко мнѣ
Далекій лай собакъ... все ближе, все слышнѣе,
Вотъ блеянье порой раздастся, вотъ кричитъ
Пастухъ; ужъ видно мнѣ, какъ по травѣ, желтѣя,
Барановъ и овецъ кудрявый рядъ бѣжитъ.

Входитъ старый пастухъ и кричитъ, обращаясь за кулисы.

Пастухъ.—Сюда, Діалъ, сюда, гони ихъ всѣхъ къ пещерамъ!
Переночуемъ тутъ и будетъ намъ тепло...

Оглядывается.

Но здѣсь ужъ кто-то есть... сидятъ на камнѣ сѣромъ.
Чтò нужно имъ въ горахъ, и чтò ихъ привело?
Ореада.—Привѣтъ тебѣ, старикъ! Въ пещерѣ мѣста много,
Разложимъ мы костеръ, ночь вмѣстѣ проведемъ;
Насъ привела сюда нагорная дорога,
А завтра на зарѣ мы дальше въ путь пойдемъ.
Пастухъ.—Добро пожаловать, я радъ случайной встрѣчѣ
И съ вами раздѣлить я трапезу готовъ.
Давно ужъ я въ горахъ людской не слышалъ рѣчи,
Души не согрѣвалъ тепломъ привѣтныхъ словъ.
Ореада.—Такъ я сухихъ вѣтвей пойду набрать скорѣе,
Нарву сухой травы, чтобъ разложить костеръ—
При яркомъ пламени бесѣда веселѣе...

Ты подождешь меня,—не правда ли, Альдоръ?
Отводитъ въ сторону стараго пастуха.
Ты съ нимъ побудь, мой другъ, и слушай терпѣливо;
О горестяхъ своихъ онъ станетъ говорить,
Онъ скажетъ, что судьба къ нему несправедлива:
— Художнику, какъ онъ, слѣпымъ ужасно быть!
Пастухъ.—Художникъ и слѣпой!.. Несчастный, по неволѣ
Онъ ропщетъ на судьбу, отчаяньемъ томимъ.
Нельзя винить орла, кричащаго въ неволѣ...
Иди, мое дитя, а я побуду съ нимъ.
Ореада уходитъ.
Пастухъ—*возвращается къ Альдору и садится рядомъ съ нимъ на камень.*
Ну, вотъ и отдохнемъ! Я сдѣлалъ верстъ не мало
Сегодня по горамъ; забрался высоко,
Чтобъ вѣтеръ обдувалъ и муха не мѣшала,
А вотъ теперь усталъ,—быть старымъ не легко!
Альдоръ.—На старость не ропщи,—есть худшее мученье:
Быть молодымъ, какъ я, душой весь міръ обнять,
Такъ страстно жизнь любить и всѣ ея явленья,
Даръ получить—мечты и мысли воплощать,
И холодъ творчества узнать, и упиваться
Тѣмъ, что̀ дѣтей земли равняетъ съ Божествомъ,
Заставить тьмы людей дрожать и улыбаться
И жарко слезы лить въ восторгѣ неземномъ,—
И вдругъ утратить все, игрушкою безсильной
Быть брошеннымъ во прахъ злой прихотью судьбы!..
О, лучше во сто кратъ покой и мракъ могильный,
Чѣмъ эта жизнь во тьмѣ безъ смысла, безъ борьбы!
Несчастнымъ не зови того, кто собираетъ,
Одѣтый рубищемъ, свой ежедневный хлѣбъ,
Кто за стѣной тюрьмы въ неволѣ изнываетъ,—
Несчастливъ лишь одинъ—несчастливъ тотъ, кто слѣпъ!
Хоть узникъ и въ тюрьмѣ—онъ можетъ ждать свободы,
Тамъ, за рѣшеткою окна, надъ головой
Онъ видитъ то лазурь, то сумракъ непогоды;
Онъ можетъ нанести закованной рукой
На камни стѣнъ сырыхъ хоть тѣнь, хоть очертанья
Далекихъ горъ, лѣсовъ, движенія людей,—
Надѣяться и ждать, что кончатся страданья,
Раскроется тюрьма и смолкнетъ звонъ цѣпей.
А мнѣ спасенья нѣтъ; незримо пролетаютъ,

Дни, какъ нетопыри, во мракѣ надо мной,
Шурша, они меня крылами задѣваютъ...
Я слышу стонъ совы средь тишины ночной,
И ей завидую: блестящими глазами
Она теперь свою добычу стережетъ.
День ослѣпитъ ее, но въ этотъ мигъ звѣздами
Она любуется, свершая свой полетъ.
А я и день, и ночь—всегда подъ чернымъ сводомъ,
Я—узникъ безъ тюрьмы, въ неволѣ—безъ оковъ,
И жду, когда пройдутъ уныло годъ за годомъ,
И смерть съ померкшихъ глазъ сорветъ земной покровъ.

Молчаніе.

Быть можетъ, я тебѣ кажусь и непонятнымъ?
Во тьмѣ моей души звучатъ проклятья, крикъ,—
Такъ чайки мечутся надъ моремъ необъятнымъ...
Но ты меня, скажи, не слушаешь, старикъ?

Пастухъ.—О, нѣтъ, я слушаю; отъ жалости сжималась
Не. разъ моя душа, когда ты говорилъ,—
Но утѣшеніе еще тебѣ осталось:
Какъ ласковый цвѣтокъ сіяетъ средь могилъ,
Такъ спутница твоя во мракѣ дней унылыхъ
Замѣнитъ для тебя очей померкшихъ свѣтъ
И нѣжнымъ звукомъ словъ ласкающихъ и милыхъ
Разсѣетъ всю печаль грядущихъ долгихъ лѣтъ.
Я памятью ужъ слабъ, но помню, что когда-то,
Должно быть въ свѣтломъ снѣ, являлась мнѣ она
Звѣздою ясною, не знающей заката,
И чистой радостью душа была полна.
Скажи мнѣ, кто она? Я жилъ на свѣтѣ много
И въ долгихъ странствіяхъ чего я ни видалъ,
Чудесъ не мало есть и красоты у Бога,
Но на яву еще души не озарялъ
Мнѣ взглядъ такихъ очей; какая-то отрада
Неизъяснимая звучитъ въ ея словахъ...
Скажи мнѣ, кто она?

Альдоръ.—Ей имя—Ореада;
Родныхъ нѣтъ у нея, она жила въ горахъ
Въ одной семьѣ; ее я встрѣтилъ разъ весною,
Когда вездѣ себѣ натурщицу искалъ.
Я ей сказалъ, кто я; она пошла со мною.
Для церкви городской святую я писалъ.
Мнѣ подошелъ какъ разъ и взглядъ ея глубокій,

И золотыхъ волосъ воздушный ореолъ,
И руки слабыя, и нѣжный станъ высокій,
И шея тонкая... Я въ мастерской провелъ
Не мало свѣтлыхъ дней... впервые вдохновенье
Такъ ослѣпительно мнѣ въ душу низошло,
И долгіе часы летѣли какъ мгновенья,
И сердце радостью пылало и цвѣло.
Я образъ написалъ... Я помню, какъ толпами,
Чтобъ видѣть свѣтлый ликъ, народъ спѣшилъ во храмъ;
Весь полъ предъ образомъ усыпанъ былъ цвѣтами,
Со вздохами молитвъ сливался ѳиміамъ...
Пастухъ.—Постой, постой, мой другъ, теперь я вспоминаю:
Я въ этомъ храмѣ былъ, святую видѣлъ я,
И каждый разъ я ей молитвы возсылаю,
Когда печаль иль страхъ находятъ на меня.
Теперь все ясно мнѣ: вотъ почему лучами
Знакомыми блеснулъ мнѣ въ душу свѣтлый взоръ...
Такъ образъ этотъ, весь украшенный цвѣтами,
Твое созданіе? Тебя зовутъ Альдоръ?
Альдоръ.—Да.
Пастухъ.—Жизнь твоя была полна любви и счастья,—
Когда же зрѣнія тебя Господь лишилъ?
Открой всю душу мнѣ, повѣрь въ мое участье.
Альдоръ.—Я разскажу тебѣ все, если хватитъ силъ.
Пастухъ.—Конечно, и любовь, и славу Ореада
Дѣлила все съ тобой?.. Что̀ значитъ... ты молчишь?
Альдоръ.—Мнѣ слишкомъ тяжело, не спрашивай, не надо!..
Пастухъ.—Нѣтъ, разскажи мнѣ все,—ты душу облегчишь.
Альдоръ.—Зачѣмъ ты разбудилъ мои воспоминанья!...
Я обманулъ ее, другую полюбилъ,
Другой я отдалъ жизнь, и мысли, и желанья,
И все, что̀ создалъ я—другой я посвятилъ.
Пастухъ.—Что жъ ты умолкъ опять! она тебя любила?
Альдоръ.—Любила ли она?—Не знаю, можетъ быть...
Какъ будто предо мной разрытая могила,
И воскресаетъ все, что̀ я хотѣлъ забыть.
Я счастливъ былъ, но вотъ, въ разгарѣ жизни шумной,
Завѣса черная спустилась предо мной—
И заслонила все... Я вскрикнулъ, какъ безумный,
Сознанье потерялъ... Очнулся я—слѣпой!
Пастухъ.—Но та, которую любилъ ты, оставалась
Съ тобой?

Альдоръ.—Да, нѣжнаго участія полна,
Она шептала мнѣ слова любви, казалась—
Всѣ говорили такъ—печальна и блѣдна.
Но шли за днями дни, меня позабывали
И скучнымъ жалобамъ привыкли всѣ внимать.
Моей возлюбленной ужъ рѣчи не звучали
Любовью прежнею, и сталъ я наблюдать.
Лишенный зрѣнія, я слышалъ все такъ ясно,
И вотъ я услыхалъ случайно разговоръ:
— „Вамъ въ жертву приносить себя ему напрасно,
Вы слишкомъ молоды...“—„Молчите!..“—„Спитъ Альдоръ.
Я видѣлъ самъ, онъ спитъ и слышать насъ не можетъ,
А мнѣ нѣтъ больше силъ скрываться и молчать!
Вамъ душу нѣжную больного стонъ тревожитъ,
И правды вы ему не смѣете сказать;
Я и не требую, не нужно объясненья...“
— „О, какъ вы можете: Альдоръ—вашъ лучшій другъ!“
— „Да, другъ, и я его жалѣю безъ сомнѣнья,
Но для меня онъ мертвъ, его убилъ недугъ“.
— „Онъ мертвъ и для меня. Какъ страстно я любила
Его могучій умъ, мысль свѣтлую, какъ день,
Но красоту души болѣзнь его убила,—
Я не могу любить страдающую тѣнь!..“
Тогда неслышно я и руки простирая
Впередъ, къ нимъ подошелъ и передъ ними всталъ.
Чтò я имъ говорилъ тогда—теперь не знаю...
Смѣялся я, грозилъ и дико проклиналъ...
Когда очнулся я,—кругомъ такъ тихо было,
Что слышалъ ясно я тяжелый сердца стукъ,
Мракъ обнималъ меня, какъ черная могила,
Незримый міръ молчалъ таинственно вокругъ.
Какіе дни потомъ, какъ змѣи, потянулись,
Какія ночи я провелъ въ бреду, въ слезахъ—
Мнѣ тяжко вспоминать... Всѣ люди отвернулись
Отъ злобнаго слѣпца,—въ нихъ суевѣрный страхъ
Рождалъ мой видъ больной, и стоны, и проклятья,
А я—не могъ забыть любви блаженныхъ сновъ,
Во тьмѣ я простиралъ безсильныя объятья...
И вотъ однажды я услышалъ звукъ шаговъ...
Мнѣ въ легкомъ шумѣ ихъ почудилась отрада,—
Такъ шелестятъ цвѣты отъ ласки вѣтерка...
Съ рыданьемъ надо мной склонилась Ореада

И на глаза мои легла ея рука.
Мы долго плакали, какъ дѣти обнимаясь,
И яркая печаль казалась мнѣ блѣднѣй.
Она, къ моимъ устамъ все ближе наклоняясь,
Шептала:— „Другъ, уйдемъ!“—И я пошелъ за ней.
Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, мы странствуемъ повсюду;
Она мнѣ все твердитъ, чтобъ вѣрилъ я въ любовь,
Что Богомъ избранъ день, когда свершится чудо,
И свѣтлый Божій міръ я вдругъ увижу вновь.
Я долго вѣрилъ ей, но больше нѣту силы
Ни вѣрить, ни мечтать, ни плакать, ни любить...
Скорѣй бы ощупью добраться до могилы,
Упасть на дно ея, уснуть и все забыть!

Пастухъ.—Тяжка твоя печаль,—я вѣрю, понимаю,
Но всѣхъ несчастнѣе себя ты не зови:
Ты любишь и любимъ...

Альдоръ.—Люблю, любимъ... не знаю;
Во тьмѣ души моей нѣтъ мѣста для любви.

Пастухъ.—Безумныя слова! Не думалъ, что придется
Средь горной тишины услышать ихъ опять.
Какъ будто изъ долинъ вздымается, несется
Забытый жизни гулъ—мнѣ душу омрачать.
Тамъ, въ глубинѣ долинъ, погибшихъ жизней много;
Погибель не извнѣ, а отъ самихъ людей...
Къ пещерамъ привела васъ горная дорога,—
Ты самъ ли захотѣлъ идти сюда по ней?

Альдоръ.—Нѣтъ, было то всегда желанье Ореады.

Пастухъ.—Она,—я такъ и зналъ,—она тебя ведетъ!

Альдоръ.—Ее всегда влекутъ родимыхъ горъ громады,
Потоковъ плескъ и шумъ и льдистый блескъ высотъ.
Навѣрное теперь, валежникъ собирая,
Она съ восторгомъ рветъ любимые цвѣты
И будитъ эхо горъ, смѣясь и напѣвая;
Она совсѣмъ дитя, ее не знаешь ты.
Найдя меня слѣпымъ, она тогда рыдала,
Но съ той поры я слезъ ея не замѣчалъ;
А помню, какъ грустна она была сначала,
Тогда, когда съ нея святую я писалъ.
Когда бъ она теперь по прежнему любила,—
Она бъ не вынесла всю скорбь моей души...
А! вотъ она идетъ... вотъ что-то уронила

И легкій звукъ шаговъ такъ ясенъ здѣсь, въ тиши.

Входитъ Ореада съ хворостомъ, травой и цвѣтами въ рукахъ.

Ореада.—Вернулась скоро я? Нигдѣ не отдыхала,
Душистые цвѣты и травы все рвала.

Къ Альдору.

А вотъ и ягоды я для тебя достала,
И какъ въ корзинкѣ ихъ на листьяхъ принесла.

Къ пастуху.

Костеръ ты разложилъ? А гдѣ котомки наши?

Пастухъ.—Сегодня вы въ гостяхъ и здѣсь хозяинъ я;
Сейчасъ достану вамъ и молоко, и чаши;
Мы будемъ пировать, какъ дружная семья.

Ореада—*къ пастуху.*—Какія страшныя отъ насъ ложатся тѣни,
И вся скала, гляди, и рдѣетъ, и дрожитъ!
Недвижно я стою, склонившись на колѣни,
А тѣнь колеблется, взвивается, грозитъ!

Пастухъ.—Да, средь глубокой тьмы, когда источникъ свѣта
Пылаетъ на землѣ, бываетъ тѣнь страшна;
Когда же солнце льетъ съ небесъ лучи привѣта,
То, какъ покорный песъ, у ногъ лежитъ она.

Ореада.—*Къ Альдору.*—Что̀, ягоды вкусны? Какъ жаль, что не успѣла
Побольше ихъ набрать... Не выпьешь ли вина?

Альдоръ.—Нѣтъ, больше не хочу; ты лучше бы намъ спѣла.

Пастухъ.—Оставь ее, Альдоръ, она утомлена.

Альдоръ.—Онъ говоритъ, что ты устала, Ореада?

Ореада.—О, нѣтъ, я скоро такъ, мой другъ, не устаю;
За ласковый пріемъ я заплатить такъ рада,
И вамъ любую пѣснь охотно я спою.

Альдоръ.— Постой, дай вспомнить мнѣ!..
„Онъ шелъ на поле битвы
„Со знаменемъ въ рукахъ и умеръ, какъ герой.
„Царила смерть кругомъ и слышались молитвы“...
Не помню дальше словъ... вотъ эту пѣсню спой!

Ореада—*поетъ.*—Онъ шелъ со знаменемъ въ рукахъ
Впередъ, на поле битвы;
У всѣхъ въ душѣ змѣился страхъ
И слышались молитвы.
Въ немъ ужасъ сердца не сжималъ
Холодными когтями;
Онъ гордо знамя поднималъ

Могучими руками—
И шелъ впередъ, въ послѣдній бой.
Кругомъ ужъ смерть царила;
Онъ слышалъ стоны за собой,
Ждала его могила.
Онъ это зналъ—и шелъ впередъ,
Къ врагамъ все приближаясь,
И знамя гордо свой полетъ
Свершало, развѣваясь.
И онъ заснулъ послѣднимъ сномъ,
Пронизанный штыками,
Лежалъ съ нахмуреннымъ челомъ
Одинъ передъ врагами;
Когда же къ трупу подошли
Изъ нихъ два самыхъ смѣлыхъ,
То вырвать знамя не могли
Изъ рукъ окоченѣлыхъ.

Альдоръ.—Мнѣ нравится напѣвъ могучій и унылый...
Я слышу воиновъ тяжелый, мѣрный шагъ,
Звучатъ слова молитвъ предъ близкою могилой,
И, какъ удары крылъ, по вѣтру бьется стягъ.

Пастухъ.—Я знаю эту пѣснь, но пѣнія такого
Не слышалъ никогда я въ жизни; стали вдругъ
Полны въ ея устахъ значенія иного
Слова...

Альдоръ.—Спой, спой еще!..

Ореада.—Теперь спою, мой другъ,
Я пѣсню тихую, чтобъ ты уснулъ скорѣе:
Далекій трудный путь съ зарей опять насъ ждетъ;
Ты долженъ отдохнуть, чтобъ завтра встать бодрѣе...
Ночная тишина со мной тебѣ споетъ.—*Поетъ.*

Снѣжныя горы сквозь сумракъ мерцаютъ
Блѣднымъ шатромъ;
Горныя рѣчки въ тиши напѣваютъ
Пѣснь о быломъ.
Птица ночная вдали прорыдала,
Гаснутъ огни;
Бѣдное сердце томиться устало...
Другъ мой, усни!
Пусть всѣ страданья твои уплываютъ
Съ горной рѣкой,—

Спи, не тревожься, тебя ожидають
Сонъ и покой.

Альдоръ засыпаетъ

Пастухъ—*прислушавшись къ дыханію Альдора.*

Онъ спитъ... Съ тобой, дитя, поговорить мнѣ надо.
Я всей душой хочу, готовъ тебѣ помочь.
Ты въ чудо вѣрила пять лѣтъ,—да, Ореада?
И чудо, можетъ быть, свершится въ эту ночь.
Давно живетъ въ горахъ, ты, можетъ быть, слыхала,
Здѣсь женщина одна, Изера—имя ей.
Въ былыя времена стекалось къ ней не мало
Людей изъ разныхъ странъ: травъ, дорогихъ камней,
Цвѣтовъ и звѣздъ она вліянья изучила,
Съ ея очей порой спадалъ земной туманъ,
И все грядущее предъ нею проходило
Въ пустынѣ жизненной, какъ длинный караванъ.
Но только тѣхъ людей она мольбамъ внимала,
Чьи души не покрылъ земли холодный прахъ;
На рѣчи праздныя она не отвѣчала
И даже въ избранныхъ вселяла тайный страхъ.
Не знаю, не могла она иль не хотѣла
Всѣмъ слабымъ помогать и всѣмъ давать совѣтъ,
Но къ хижинѣ ея тропинка опустѣла,
Не ходятъ люди къ ней теперь ужъ много лѣтъ
Лишь я еще одинъ ее не забываю:
Когда-то, ужъ давно, она мнѣ жизнь спасла,
И я ее порой со стадомъ навѣщаю.
Надъ хижиной ея возносится скала,
И крестъ на ней стоитъ; огромный, величавый
Не человѣческой онъ вытесанъ рукой,
И я люблю смотрѣть, какъ отблескъ вѣчной славы
Пылаетъ на крестѣ въ часъ утра золотой.
Когда мнѣ повѣрялъ Альдоръ свои печали,
Мнѣ стало ясно все, чего не видитъ онъ,
Въ душѣ моей слова Изеры прозвучали:
—„Одна любовь спасетъ того, кто ослѣпленъ“...
Пойдемъ, дитя мое, знакомою тропою
Я проведу тебя на выси дальнихъ горъ,
Изеру ты найдешь...

Ореада.—Да, я пойду съ тобою,
Но будетъ насъ искать проснувшійся Альдоръ.

Пастухъ.—Онъ будетъ долго спать, дорогой утомленный,

А завтра въ полдень ты ужъ снова будешь съ нимъ.
Одна ты не найдешь тропы уединенной;
Оставивъ здѣсь его, мы тайну сохранимъ.

Ореада.—Но, прежде, чѣмъ уйду, я такъ ему устрою,
Чтобъ онъ, проснувшись, могъ сейчасъ же все найти.
Вотъ хлѣбъ, вода, вино... плащомъ его прикрою,—
Мнѣ безъ плаща въ горахъ удобнѣе идти.

Пастухъ.—Тебѣ удобнѣе, дитя мое, я знаю,
Лишить себя всего, чтобъ все ему отдать,—
Но будь себѣ вѣрна, тебѣ я не мѣшаю.
Взгляну на стадо я,—ужъ начало свѣтать.

Уходитъ.

Ореада.—Въ душѣ моей сплелись и радость, и сомнѣнья,
Я вѣрю и боюсь... нѣтъ, вѣрю, вѣрю я!
Такъ засіяй же мнѣ, какъ вѣстница спасенья
И путь мой освѣти, желанная заря!

КАРТИНА II.

Горная мѣстность. Ясное утро. Налѣво, въ скалѣ, хижина; надъ скалою—большой каменный крестъ. Справа входятъ Ореада и старый пастухъ.

Пастухъ.—Ну, вотъ и хижина; на небѣ просвѣтленномъ,
Ты видишь, темный крестъ вознесся надъ скалой.
Иди туда скорѣй и сердцемъ несмущеннымъ
Изеру назови; иди, Господь съ тобой!

Ореада.—Какъ сердце дрогнуло, почуявъ вдругъ разлуку,
Быть можетъ, вѣчную... а все свѣтло вокругъ,
Свѣтло и радостно... Дай мнѣ на счастье руку,
Благодарю тебя, мой добрый, добрый другъ!

Пастухъ.—Отбрось послѣдній страхъ, послѣднее сомнѣнье!
Позволь мнѣ, какъ отцу, прижать тебя къ груди,
Да будетъ надъ тобой мое благословенье,
Самъ Богъ тебя ведетъ, дитя мое,—иди!

Обнимаетъ ее и уходитъ направо. Слышно блеянье стада. Оно все удаляется и, наконецъ, совсѣмъ стихаетъ.

Ореада—*подходитъ къ хижинѣ и падаетъ на колѣни.*
О! переполнилась моихъ страданій мѣра...
Я невозможнаго желаю и молю,—
Мнѣ дверь свою открой, услышь меня, Изера,

Пойми мою печаль, пойми, какъ я люблю!

Дверь хижины отворяется, и на порогѣ показывается Изера.

Изера.—Я за тобой давно, дитя мое, слѣдила:
Вся въ бѣломъ серебрясь, съ головкой золотой,
Ты по горамъ ко мнѣ, какъ облачко, скользила,
И, какъ туманъ, старикъ шелъ слѣдомъ за тобой.
Ты все повѣдай мнѣ, я выслушать готова,—
Чего ты требуешь? Я дамъ все, что̀ могу.
Тебѣ старикъ сказалъ, что я съ людьми сурова,
Что безучастно я стою на берегу,
Надъ мутною волной ревущаго потока,
И не хочу руки несчастнымъ протянуть,
Тѣмъ... утопающимъ. Повѣрь, я не жестока,
Лишь ясно вижу я, кто долженъ утонуть.
Но ты—не робкая и борешься съ волною,
Руками слабыми умѣешь ты грести.
Въ челнѣ ты не одна; скажи мнѣ, кто съ тобою?
Кого, любимаго, такъ хочешь ты спасти?
Ореада.—Я не одна, за мной идетъ Альдоръ несчастный.
Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ утратилъ свѣтъ...
Но путь, мной избранный, ужели путь напрасный,
Ужели на землѣ ему спасенья нѣтъ!?
Изера.—Дитя, повѣдай, какъ его ты полюбила?
Ореада.—Не полюбить его тогда я не могла:
Въ его душѣ была сіяющая сила,
Она меня къ себѣ манила и влекла,
Какъ радуетъ, зоветъ порою рѣчь родная,
Вдругъ прозвучавшая въ далекой сторонѣ,
О лучшихъ временахъ легенда золотая
Иль пѣснь любимая въ вечерней тишинѣ.
Я помню гордый взглядъ, движенья, голосъ страстный,
Когда онъ о своемъ искусствѣ говорилъ...
Онъ съ жизни предо мной сорвалъ покровъ неясный
И духъ дремавшій мой восторгомъ пробудилъ.
Изера.—И онъ любилъ тебя?
Ореада.—Онъ полюбилъ другую,
Но я ему тогда еще нужна была:
Для храма онъ писалъ съ меня одну святую.
Когда окончилъ онъ,—я отъ него ушла.
Бродила долго я, вездѣ ища покоя,
Трудясь и день, и ночь, чтобъ заработать хлѣбъ,

Когда изъ города пришло извѣстье злое:
Прославленный Альдоръ—художникъ—вдругъ ослѣпъ.
Я не пошла къ нему: вѣдь съ нимъ была другая,
Любимая, вокругъ—всегда толпа друзей,
А я, забытая, измученная, злая,—
Что̀ дать ему могла?... Прошло не мало дней,—
Иная вѣсть меня случайно поразила:
Онъ, всѣми брошенный, озлобленный, больной,
Жилъ въ одиночествѣ. Къ нему я поспѣшила
И въ домъ его взошла съ вечернею зарей.
Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ; я думала сначала,
Что исцѣлить его помогутъ мнѣ врачи,—
Его водила къ нимъ, но скоро увидала,
Что шлетъ наука ихъ лишь робкіе лучи,
Не освѣщая путь среди глубокой ночи,
Что правда мимо нихъ проходитъ стороной,
Что ослѣпленные -не отверзаютъ очи,
Что я должна найти къ спасенью путь иной.
Вчера я о тебѣ случайно услыхала,
И поняла, что ты спасешь его одна...
Вотъ исповѣдь моя, я все тебѣ сказала
И предъ тобой душа моя обнажена.

Изера.—Дитя, ты знаешь ли, что жажда въ этой жизни
Великихъ подвиговъ и небывалыхъ дѣлъ,—
Все это лишь тоска по неземной отчизнѣ,
Желанье перейти за роковой предѣлъ?
Для множества людей вся жизнь—лишь сонъ неясный,
И, какъ въ бреду, они привыкли повторять
Слова великія, но сердце безучастно,
Не бьется вслѣдъ словамъ... ихъ жребій—исчезать.
Другіе люди есть: ихъ правда увлекаетъ
И смѣлости огонь порою въ нихъ горитъ,
Но силы нѣтъ въ душѣ, и пламя угасаетъ,
И долгій подвигъ ихъ смущаетъ и страшитъ.
Виновна ль я была, когда судила строго
Ихъ рѣчи смѣлыя, ихъ робкія сердца?..
Но ты ко мнѣ пришла, ужъ совершивши много,
Я помогу тебѣ быть смѣлой до конца.
Вѣдь другу своему ты каждое мгновенье
Дарила ту любовь, которой выше нѣтъ.
Тебя не понялъ онъ, но скоро ослѣпленье
Пройдетъ, и онъ душой увидитъ вѣчный свѣтъ.

Что жъ ты молчишь, дитя? Ты мною недовольна?
Зачѣмъ въ смущеніи ты потупляешь взоръ?
О чемъ же плачешь ты? Отвѣть!
Ореада.—О, какъ мнѣ больно!..
Ужель всю жизнь слѣпымъ останется Альдоръ!
Ты мнѣ его любовь, Изера, посулила,
Но развѣ я молю о счастьѣ для себя?
Въ искусствѣ для него весь смыслъ, вся цѣль, вся сила...
Какъ! жить ему слѣпымъ, одну меня любя?!..
Рыдаетъ.
Изера.—О, перестань, дитя! тебя я искушала,—
Утѣшься: подвигъ твой прекраснѣй и труднѣй;
Ты чашу горести по каплѣ выпивала...
На днѣ осадокъ есть... все выпей—и разбей!
Одни явленія—другія порождаютъ:
Свѣтъ—вызываетъ тьму, землѣ сіяетъ твердь
И жизнію людей двѣ силы управляютъ,—
Ты знаешь имя ихъ?
Ореада.—О да! Любовь и смерть.
Изера.—Ты первую изъ нихъ извѣдала донынѣ,
Вторая—ждетъ тебя... За дальнею горой,
Какъ уголекъ въ золѣ, среди сѣдой пустыни
Алѣетъ на камняхъ цвѣтокъ. Едва слѣпой
Приникнетъ къ лепесткамъ померкшими очами,
Какъ вновь увидитъ свѣтъ, но на корняхъ цвѣтка
Течетъ смертельный ядъ, и жгучими струями
Проникнетъ онъ въ того, чья смѣлая рука
Изъ щели каменной достать цвѣтокъ рѣшится,
Полъ-дня онъ проживетъ въ мучительномъ бреду...
Ореада.—О, не пугай меня!.. Альдоръ теперь томится,
Проснулся...
Изера.—За цвѣткомъ идешь ли ты?
Ореада.—Иду.

КАРТИНА III.

Пустынная мѣстность. Ночь. Надвигается гроза. Ореада входитъ.

Ореада.—Цѣлый день по камнямъ раскаленнымъ я шла,
И горѣли усталыя ноги;
Я не знаю дороги,
Я цвѣтка не нашла.

Мнѣ колючій кустарникъ одежду терзалъ
И потоки на встрѣчу ревѣли,
Но стремилась я къ цѣли...
Ужъ закатъ догоралъ...
И сѣдая пустыня легла предо мной—
Здѣсь цвѣтокъ, мнѣ Изера сказала.
Но я тщетно искала...
Надъ померкшей землей
Въ душномъ воздухѣ крадется тихо гроза
И сплетаются тѣни ночныя,
Мнѣ видѣнья больныя
Застилаютъ глаза.

Ложится въ изнеможеніи на землю.

Вдали чуть слышенъ грома ропотъ,
Но тихо надо мной,
И только вѣтра легкій шопотъ
Звучитъ въ тиши ночной.

Порывъ вѣтра.

Вѣтеръ.—Рожденъ я грозовою тучей,
Ея предвѣстникъ я.
Вдали ты слышишь стонъ могучій—
Она идетъ, и прахъ горючій
Я сыплю на тебя.

Сверкаетъ молнія.

Молнія.—Стрѣлою острой, искривленной
Я рву небесный сводъ;
Моимъ сверканьемъ ослѣпленный,
Поникнетъ духъ твой побѣжденный...
Гроза, гроза идетъ.

Ударъ грома.

Громъ.—Меня зоветъ гроза сѣдая,
И, въ мрачныхъ небесахъ
Гремя отъ края и до края,
Я надъ тобою разсыпаю
Проклятія и страхъ.

Начинаетъ идти дождь.

Дождь.—И легкій шумъ, и освѣженье
Я приношу съ собой.
Близка минута примиренья,
И льются слезы сожалѣнья
Во мракѣ надъ тобой.

Гроза удаляется. Ореада встаетъ, шатаясь.

Ореада.—Я не могу идти, мнѣ силы измѣнили.
Кругомъ туманъ и мракъ, разсвѣтъ еще далекъ...
О, души всѣхъ людей, которые любили,
Вы укажите мнѣ, гдѣ роковой цвѣтокъ!

Дѣлаетъ съ усиліемъ нѣсколько шаговъ. Пробѣгаетъ вѣтеръ и разрываетъ тучи. Выплываетъ луна. Изъ мрака выступаютъ скалы и камни. На одномъ изъ нихъ темнѣетъ цвѣтокъ.

Ореада.—Я вижу... это онъ! хоть цвѣтъ его кровавый,
И меркнетъ при лунѣ онъ... средь безплодныхъ скалъ
Одинъ... Благодарю тебя, о, Боже правый!
Ты души свѣтлыя на помощь мнѣ послалъ.

Приближается къ цвѣтку.

Какъ сильно напоенъ онъ влагой дождевою,
Какой томительный и сладкій ароматъ!..
Одинъ послѣдній шагъ, и я прощусь съ землею,
И все окончено, и нѣтъ пути назадъ.

Протягиваетъ руку къ цвѣтку.

Какъ лапы паука, изъ щели выползаетъ
Безчисленныхъ корней запутанная сѣть,
И нѣтъ стебля: цвѣтокъ изъ корня выростаетъ...
Зачѣмъ же медлю я?.. сорвать и умереть!
Альдоръ... онъ ждетъ меня мучительно тревожно,
Быть можетъ, понялъ все, и любитъ, и зоветъ...
И умереть теперь!.. безумно, невозможно...
О! умереть теперь, когда любовь живетъ!
Я возвращусь къ нему,—какъ нѣжной павеликой,
Любовью я его страданья обовью...
Зачѣмъ я здѣсь одна? Средь тьмы, въ пустынѣ дикой!
Какъ думать я могла, что я себя убью!..

Хочетъ уйти. Въ скалахъ вздыхаетъ ночной вѣтеръ. Слышно паденіе дождевыхъ капель. Скалы, освѣщенныя луной, отбрасываютъ причудливыя тѣни.

Ореада.—Чьи вздохи слышу я, чьихъ словъ невнятный шопотъ?
Душѣ измученной что̀ говорятъ они?
Порою въ нихъ звучатъ упреки, тихій ропотъ...
Чьи призраки встаютъ тамъ подъ скалой, въ тѣни?
О! я узнала васъ, мечты и сны Альдора,
Невоплощенныя, погибшія мечты!
И жизни ищете, и молите простора
Вы, нерасцвѣтшіе, убитые цвѣты!
О, не глядите такъ съ упрекомъ и мольбою...

Чтобъ не погибнуть вновь, возьмите жизнь мою!..
Цвѣтокъ, я рву тебя безтрепетной рукою
И передъ вѣчностью стою!

КАРТИНА IV.

Та же мѣстность, что въ первой картинѣ. Передъ пещерой сидитъ **Альдоръ**.

Альдоръ.—Ея все нѣтъ, и день такъ безконечно длится;
Кругомъ молчаніе и неподвижный зной;
Всѣ силы выпилъ онъ, всѣ мысли, и ложится
На сердце тяжкою и жаркою плитой...
Куда она ушла? Зачѣмъ? Меня впервые
Она оставила за пять послѣднихъ лѣтъ.
Невольно въ голову стучатся мысли злыя,
И подозрѣніе мнѣ шепчетъ злой отвѣтъ.
Всегда она со мной, всѣ дни и всѣ мгновенья,
Лишь руку протяну—и ужъ ея рука
Встрѣчается съ моей. Ея слова, движенья
Не замѣчаю я;—такъ горная рѣка
Лепечетъ и поетъ, смѣется и рыдаетъ
Среди тревоги дня и въ тишинѣ ночей:
А тотъ, кто долго жилъ въ горахъ, не замѣчаетъ
Ни ропота ея, ни пѣсенъ, ни рѣчей.
Но еслибъ вдругъ замолкъ привычный смѣхъ и лепетъ,
Какъ испугала бы глухая тишина!
Такъ Ореады нѣтъ—и въ сердцѣ странный трепетъ...
Впервые чувствую, какъ мнѣ близка она!
Впервые за пять лѣтъ такъ ясно вспоминаю
Всю муку, что она пережила со мной:
Я въ озлобленіи порою раскрываю
Всѣ раны старыя, веду ее съ собой
Заглохшею тропой въ туманъ воспоминаній,
Я зрѣнье нахожу во мракѣ, какъ сова,
Влеку ее впередъ, со звуками стенаній
Сплетаю жаркія, безумныя слова,
Что говорила мнѣ когда-то та, другая,
Я жажду услыхать проклятіе, укоръ,—
Но нѣтъ, она молчитъ, молчитъ, какъ ночь нѣмая,
И лишь порой вздохнетъ чуть слышно:—„О, Альдоръ!..“
Задумывается.

Съ какою нѣжностью она оберегаетъ
Мои завѣтныя погибшія мечты,
Имъ въ пѣсняхъ жизнь даетъ и съ вѣрой повторяетъ:
— „Альдоръ, какъ хорошо все это скажешь ты,
Когда увидишь свѣтъ! Съ искусствомъ разлученный,
Всю жизни красоту сознаешь ты полнѣй,
И цѣлый міръ, еще тобой не воплощенный,
Изъ хаоса и тьмы возстанетъ для людей".
Напрасныя слова, безумныя мечтанья,
Но вся любовь ея такъ ясно въ нихъ звучитъ...
Что слышу я вдали? То грома рокотанье
Спугнуло тишину... тамъ эхо говоритъ.
Въ лицо повѣялъ вздохъ измученной природы
И тяжелѣе вновь сомкнулась тишина...
А Ореады нѣтъ... Ужъ близость непогоды
Я чую; ночь идетъ угрюма и грозна.
Вотъ вѣтеръ простоналъ... Невольно обращаю
Слѣпыя очи я къ незримымъ небесамъ,
И молніи огонь, не видя, ощущаю...
Вотъ съ рѣзкимъ смѣхомъ громъ ударилъ по горамъ,
А Ореады нѣтъ... Тоскливая тревога
Трепещущей рукой сжимаетъ сердце мнѣ:
Опасна подъ грозой нагорная дорога
И молніи огонь страшнѣе въ вышинѣ!..
Вѣдь не могла меня оставить ты на вѣки,—
Я знаю, ты идешь безстрашно подъ грозой,
Вокругъ шумятъ ручьи, ревутъ, вздымаясь, рѣки,
И камни прочь скользятъ подъ легкою стопой.
Мнѣ страшно... шумъ дождя, ворчанье грома злое,
И вѣтра вой, и свистъ я слышу, какъ въ бреду,
Приди, мой свѣтлый другъ, забудемъ все былое!
Я побѣжденъ тобой, я жду тебя! я жду!
Я понялъ, что въ тебѣ—мой свѣтъ, моя отрада!
Пусть замираетъ жизнь въ измученной груди...
Я смерть благословлю, лишь дай мнѣ, Ореада,
Услышать голосъ твой... приди, приди, приди!..

Падаетъ на колѣни.

О, Боже праведный, забылъ я въ ослѣпленьѣ
Твой вѣчный свѣтъ,—прости, я умереть готовъ,
Прости меня и дай въ послѣднее мгновенье
Слѣпому услыхать любимый звукъ шаговъ!

Приникаетъ къ землѣ.

Я слушать не могу, мнѣ сердца стукъ мѣшаетъ,
И всхлипываетъ дождь, смолкая въ тишинѣ;
Вдали еще гроза затихшая вздыхаетъ...
Замри и не мѣшай, о, сердце, слушать мнѣ!

Прислушивается.

Идетъ, она идетъ! Небесная отрада
Мнѣ душу обняла, звучитъ небесный хоръ
Блаженныхъ голосовъ... приди же, Ореада!

Входитъ Ореада. Она страшно блѣдна. Въ рукѣ она держитъ чашечку краснаго цвѣтка безъ корней.

Ореада.—Я здѣсь, ко мнѣ скорѣй, о, мой Альдоръ!

Альдоръ бросается къ ней и падаетъ передъ нею на колѣни. Она касается лепестками цвѣтка его глазъ. Онъ вскрикиваетъ.

Альдоръ. —Я умеръ!.. что̀ это? Я вижу!.. предо мною
Ты, свѣтлая, стоишь и мрака больше нѣтъ!
Луна, какъ ореолъ, сіяетъ за тобою...
О, какъ блаженна смерть, дарующая свѣтъ!..

Ореада.—Нѣтъ, смерть не для тебя; смертельный сокъ опасенъ
Лишь мнѣ,—вѣдь я рукой всѣ корни сорвала.
Ихъ ядъ въ меня проникъ, но мой конецъ такъ ясенъ:
Я для тебя цвѣтокъ безъ яда принесла.

Альдоръ.—Безъ яда... для меня... цвѣтокъ... понять не смѣю!..
О, что̀ ты сдѣлала! и какъ жестока ты,
Мнѣ возвративши свѣтъ!.. Все, что̀ я вновь имѣю,
Я все отдамъ, лишь дай средь прежней темноты
Мнѣ объ руку съ тобой блуждать и дни, и годы.
О, не пугай меня... не мучь! Ты такъ блѣдна,
Но не отъ яда... нѣтъ? Скажи, средь непогоды
Былъ труденъ долгій путь, устала ты... больна?
Смотри, луна зашла, разсвѣтныя мгновенья
Все ближе къ намъ летятъ, позеленѣла твердь
И вѣетъ холодомъ... порой, зари рожденье,
Я помню, блѣдностью напоминаетъ смерть.

Ореада.—О, нѣтъ, любимый другъ, отъ истины напрасно
Испуганную мысль ты хочешь оградить:
Заря мнѣ смерть несетъ! Смерть, какъ заря, прекрасна...
Я совершила все, что бъ могъ и ты свершить.

Альдоръ.—О, ненавистный мигъ, когда, раскрывъ объятья
Безумью, ты въ душѣ свой подвигъ зачала!
Пусть горы задрожатъ впервые отъ проклятья
И пусть, свергаясь внизъ, меня убьетъ скала!

Ореада.—Альдоръ, Альдоръ! Зачѣмъ жестокими словами
Ты предразсвѣтную пугаешь тишину!..
Далекая звѣзда чуть теплится надъ нами
И скоро, какъ она, я въ небѣ утону.
Такъ выслушай меня въ послѣднія мгновенья,
Пойми, пойми на вѣкъ всей мыслью, всей душой:
Мы вынести могли и горе, и мученья,
Но духъ смущается предъ вѣчной красотой.
Нашъ слабый умъ она пугаетъ и тревожитъ,—
Жизнь повседневная не вѣритъ чудесамъ,
Нездѣшней красоты земля вмѣстить не можетъ
И отдаетъ ее смиренно небесамъ.
Мы къ правдѣ шли съ тобой, и вотъ ужъ я у цѣли,
Мнѣ въ жизни мѣста нѣтъ, и время отдохнуть;
Мы вмѣстѣ совершить нашъ подвигъ не успѣли,
И къ правдѣ ты одинъ пройди искусства путь.
Ты первый далъ мнѣ свѣтъ, онъ спасъ меня въ пустынѣ,
Когда я шла съ цвѣткомъ, онъ разгонялъ мой страхъ,—
Неси же этотъ свѣтъ бестрепетно отнынѣ
Всѣмъ плачущимъ во тьмѣ о дальнихъ небесахъ.

Альдоръ рыдаетъ.

Завиденъ жребій мой, Альдоръ, я умираю,
Но для тебя всегда останусь я жива
И съ радостью землѣ земное возвращаю.
Не плачь, но сохрани въ душѣ мои слова
Послѣднія: вернись въ долину просвѣтленный
И въ жизни соверши смиренно подвигъ свой.
Лишь въ тихій часъ, когда сіяетъ, озаренный,
Закатомъ, сводъ небесъ за снѣжною горой,
Сюда ты приходи, и знай—я не покину
Тебя ни здѣсь, ни тамъ... Съ тобой вездѣ... всегда...
Отсюда видно все: и горы, и долину...
Исчезла, погляди, послѣдняя звѣзда...
Всѣ тучи разошлись... Дождусь ли я разсвѣта?..
Мнѣ тяжко, милый мой, мнѣ душно... я горю!..
Темно... но ты, Альдоръ, ты видишь?.. свѣта, свѣта!..
Дай встрѣтить мнѣ съ тобой послѣднюю зарю!..

Шатается. Альдоръ поддерживаетъ ее и кладетъ на землю. Начинаетъ свѣтать.

Ореада — *не выпуская изъ рукъ цвѣтка, съ закрытыми глазами, въ бреду.*

Онъ шелъ со знаменемъ въ рукахъ

Впередъ, на поле битвы...
Склонившись надо мной въ слезахъ,
  Альдоръ шепталъ молитвы...
О, бѣлый ангелъ, ты мнѣ спой!
  Я—лучше не умѣю...
Альдоръ такъ любитъ голосъ мой...
Смотри,—обвили шею
Мнѣ корни краснаго цвѣтка
Во мракѣ черной ночи...
Альдоръ, о, пусть твоя рука
  И мнѣ раскроетъ очи!..

Восходитъ солнце. Ореада открываетъ глаза.

Ореада.—Любовь сильнѣй, чѣмъ смерти страхъ,
Свѣтла моя дорога,
И я иду съ цвѣткомъ въ рукахъ
  Туда, къ престолу Бога.

Поликсена Соловьева.

19 апрѣля 1900 г.

СВОЕОБРАЗНЫЙ ИНСТИТУТЪ
у
ОДНОДВОРЦЕВЪ

Передъ началомъ новаго столѣтія, мы можемъ пожелать— уяснить себѣ исполненныя нами задачи истекающаго вѣка и намѣтить новыя цѣли и способы ихъ достиженія; но когда мы, озираясь на прошлое, задумываемся надъ будущимъ,—наше настоящее, наша современная жизнь представляется намъ въ провинціи чѣмъ-то безпросвѣтнымъ и мрачнымъ. Въ такіе моменты раздумья намъ приходится часто констатировать наличность той отверженности, которая дана намъ судьбой въ нашей дѣятельности. Мы—это словно не мы, когда вопросъ идетъ о нашемъ благополучіи. Приложеніе нашихъ силъ не требуется, общественное значеніе наше отрицается, инціатива наша осмѣивается и, какъ все осмѣянное, отвергается. При такихъ общественныхъ условіяхъ, жизнь проходитъ скучной чередой день за днемъ, унылымъ шагомъ, словно въ похоронной процессіи. Получается мрачное, безотрадное настроеніе, и оно невольно передается отъ мѣстнаго общества на тѣ правящія сферы, которыя вершатъ нашу судьбу. Тѣмъ же настроеніемъ объясняется и вся мертвенная дѣятельность наша. При подъемѣ общественнаго настроенія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не трудно было быстро и удачно закончить крестьянскую и судебную реформы; нынѣ, при общественной подавленности, мы уже много лѣтъ дожидаемся и будемъ дожидаться, напр., новой удовлетворительной кодификаціи гражданскихъ законовъ или необходимаго пересмотра законоположеній о крестьянствѣ.

Въ виду этихъ нескончаемыхъ ожиданій, не поздно будетъ съ нашей стороны познакомить читателя съ своеобразной формой крестьянскаго общежитія: мы намѣрены сказать нѣсколько словъ объ институтѣ „чергй“ у однодворцевъ.

Обычно-правовыя нормы, регулирующія однодворческую жизнь, не вошли ни въ одинъ томъ свода дѣйствующаго законодательства: наши законы только вскользь упоминаютъ объ однодворцахъ, какъ о самостоятельномъ нѣкогда сословіи. Можно сказать, что до послѣдней африканской войны мы гораздо болѣе знали про жизнь буровъ, нежели наши законы знаютъ про однодворцевъ. Страна, ими занимаемая—terra incognita для нашихъ дѣйствующихъ законовъ. Численность этого внѣ закона стоящаго населенія неизвѣстна и останется таковою и послѣ опубликованія матеріаловъ всенародной переписи, при производствѣ которой однодворцы отмѣчались общимъ названіемъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, куда вошли всевозможнѣйшіе виды послѣднихъ, начиная отъ черносошныхъ сѣвера, ясачныхъ востока и кончая экономическими и даже вольноотпущенными начала XIX вѣка. Чтобы доказать, что однодворческое населеніе не пустякъ какой-нибудь, а дѣйствительно крупная величина, мы укажемъ на нѣкоторыя цифры. Въ пяти уѣздахъ [1]) курской губерніи въ началѣ 80-хъ годовъ земская перепись насчитала 83.989 дворовъ однодворцевъ; въ лебедянскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи въ 1883 г. считалось 13.434 двора [2]), а въ елецкомъ, орловской, болѣе 20.000. Короче говоря, крестьянское населеніе центральныхъ черноземныхъ губерній воронежской, курской, орловской, рязанской и тамбовской почти наполовину состоитъ изъ однодворцевъ.

Какъ извѣстно, преобладающая часть однодворческаго населенія поднесь владѣетъ землей на четвертномъ правѣ; другая же часть замѣнила четвертную форму владѣнія душевой. Подъ вліяніемъ четвертного права сложилась вся жизнь однодворцевъ. Сущность этого права состоитъ въ томъ, что общинныя земли дѣлятся только по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ мужескаго пола, съ полнымъ исключеніемъ сестеръ при братьяхъ, и дѣлятся на равныя части. Техника этихъ раздѣловъ такова, что каждый пай въ каждомъ ярусѣ разбивается на всѣхъ участниковъ дѣлежа; отсюда черезполосица, или, вѣрнѣе, поярусная разверстка пахоти.

---

[1]) Въ курскомъ, льговскомъ, бѣлгородскомъ, корочанскомъ и обоянскомъ. См. соотвѣтствующіе статистическіе сборники, изданные губернскимъ земствомъ.

[2]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о тамб. губ., стр. 214.

Такую форму владѣнія позднѣйшіе изслѣдователи перестали называть „подворною“ и, называя ее просто четвертной, разумѣютъ подъ нею родовую общину. Родовая организація такой общины сказывается не въ одной разверсткѣ пахоти, но и въ другихъ явленіяхъ общинной жизни. Но здѣсь надо отмѣтить одну важную особенность. Трудно, конечно, ожидать, чтобы столь древняя, архаическая форма, какова родовая община, уцѣлѣла до нашихъ дней въ чистомъ своемъ видѣ: наслоенія цѣлыхъ вѣковъ наложили свой отпечатокъ, каждое вѣяніе оставило свой слѣдъ, подчасъ неизгладимый; каждое воздѣйствіе нанесло свой шрамъ. Разобраться въ этомъ разнообразіи значитъ очистить архаическую форму отъ наросшихъ осложненій. Дѣло это нелегкое, но обойти его нельзя уже потому, что иначе трудно будетъ понять современный укладъ однодворческой жизни.

Мы начнемъ свое изслѣдованіе, такъ сказать, съ конечнаго пункта, и для этого прежде всего посмотримъ, что̀ такое однодворческій міръ, однодворческая сходка, общество. Однодворческій сходъ состоитъ изъ домохозяевъ, владѣющихъ четвертной землей *въ данной дачѣ*, домохозяевъ, внесенныхъ въ особый списокъ, называемый приложеніемъ къ владѣнной записи. Поэтому на сходъ не являются взрослыя дѣти при отцѣ, что̀ всегда имѣетъ мѣсто въ тѣхъ душевыхъ общинахъ, гдѣ разверстка земли производится въ зависимости отъ рабочей силы. Не являются на сходъ и тѣ дѣти, которыя самовольно отдѣлились отъ отца, ибо таковымъ отецъ при жизни своей не даетъ обыкновенно ни пяди земли; безземельному же на сходѣ дѣлать нечего. Съ другой стороны, на сельскій сходъ могутъ прибыть однодворцы изъ чужихъ деревень—это тѣ именно, которые въ качествѣ постороннихъ владѣльцевъ имѣютъ четвертную землю въ данной дачѣ. Правда, они пользуются ограниченнымъ голосомъ, ибо участвуютъ лишь въ разрѣшеніи вопросовъ, непосредственно къ землѣ относящихся, но появленіе ихъ на *чужомъ* сходѣ—вещь обычная, особенно при учетѣ сборщиковъ. Такъ какъ безсыновному отцу наслѣдуетъ дочь, то появленіе на сходѣ женщины въ качествѣ полноправнаго домохозяина—вещь очень обыкновенная, встрѣчающаяся въ каждомъ однодворческомъ обществѣ, хотя нерѣдко бабы посылаютъ вмѣсто себя своихъ мужей, то-есть чужеродцевъ.

Вторженіе чужеродцевъ въ однодворческій міръ только и мыслимо было раньше не иначе какъ въ качествѣ зятя, приставшаго во дворъ наслѣдницы. Позднѣе, когда, по выдачѣ владѣнныхъ записей, дозволено было продавать четвертныя земли кому угодно—

чужеродецъ, въ видѣ кабатчика и иныхъ чиновъ, вторгся съ купчей или данной въ рукахъ. Покупщики четвертныхъ земель начали появляться на сходы, но старики повсюду относились къ этому враждебно; собственно говоря, это и не была вражда, а лишь справедливое привлеченіе покупщиковъ къ отбыванію мірскихъ тягостей. Покупщики обязаны были платить оброчную подать за перешедшую къ нимъ землю, подушная же оставалась на продавцѣ. Міру было до крайности тяжело справляться съ недоимкой, отсюда вытекающей: вотъ тогда-то сходы и начали постановлять, что подушная продавца должна уплачиваться покупщикомъ. Мѣстами міръ съумѣлъ осуществить это требованіе, и разночинцы, не исключая мелкопомѣстныхъ дворянъ, вынуждены были платить подушную подать, за чужія души, если не въ казну, то по крайней мѣрѣ въ волость, на содержаніе волостного правленія. Какъ это обстоятельство, такъ и стремленіе сходовъ привлечь покупщиковъ къ отбыванію натуральныхъ повинностей, имѣло громадное общественное значеніе: покупщики боялись появляться на сходы и старались вести себя какъ полные собственники, трактуя свою землю какъ купленную, внѣ общины стоящую. Изолированность ихъ тяжело отражалась на ихъ же хозяйствѣ (часто скотъ ихъ не пускали на парину и проч.), а абсентеизмъ на сходѣ не давалъ возможности вліять на велѣнія схода. Съ точки зрѣнія общественности, въ этомъ абсентеизмѣ покупщиковъ лежало несомнѣнное благо для однодворческаго міра; онъ не растлѣвался чужеродцами, а хранилъ тѣ архаическіе устои, которыми богата жизнь однодворцевъ. Уничтоженіе подушной подати имѣло несомнѣнное значеніе въ помянутомъ отношеніи: обезземелившаяся часть однодворцевъ, давно ушедшая нà-сторону, перестала затягивать міръ своею недоимкою, а скупщики прежніе стали нести часть переложенной на землю ($^2/_3$) подушной подати; новые же стали появляться рѣже, такъ какъ повышенное обложеніе не привлекало къ покупкѣ четвертной земли. Затѣмъ, въ нынѣшнее уже царствованіе, вовсе воспрещено было постороннимъ лицамъ, кромѣ односельчанъ, пріобрѣтать четвертныя земли. Наконецъ, если добавимъ къ сказанному, что большія семьи, состоящія изъ нераздѣлившихся братьевъ или изъ дядей съ племянниками, посылаютъ отъ себя на сходъ одно лицо—старшаго по возрасту, или „старшо́го“, по молчаливому или громогласному выбору,—то составъ мірской сходки однодворцевъ опредѣлится съ точностью. Никто изъ домохозяевъ не пользуется двумя голосами—ихъ нѣтъ даже у опекуновъ малолѣтнихъ. По дѣйствующему

законодательству, составъ однодворческаго схода вѣдаетъ всѣ общественныя дѣла на общемъ основаніи. Всѣмъ извѣстно, что статьи, опредѣляющія компетенцію сходовъ, до крайности неопредѣленны, и въ этомъ, кромѣ благополучія, съ мірской точки зрѣнія мы ничего не находимъ. Съ другой стороны, нельзя не указать, что формальности, обусловливающія составленіе мірскихъ приговоровъ, вовсе не соотвѣтствуютъ жизненнымъ требованіямъ міра. Созывается сходъ по общему порядку, сельскимъ старостой, и лишь за его отсутствіемъ—старшиной. Надо сказать, что однодворцы не любятъ собираться на сходъ: во многихъ селеніяхъ сходы собираются чрезвычайно рѣдко. Это объясняется однодворческою лѣнью вообще, но есть и другія причины. Одна изъ нихъ лежитъ далеко въ исторической глубинѣ. Являясь прямыми потомками служилаго, помѣстнаго сословія, нынѣшніе однодворцы не могли не унаслѣдовать отъ своихъ предковъ той доли изолированности, которая была нѣкогда создана личнымъ испомѣщеніемъ служилаго человѣка. Боярскій сынъ XVII вѣка испомѣщался чаще всего отдѣльно; но затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія населенія, его потомство волей-неволей должно было сходиться съ сосѣдями, такими же потомками служилыхъ людей. Сближающимъ элементомъ въ данномъ случаѣ было наступающее малоземелье. Приходилось входить въ соглашеніе съ ближайшими сосѣдями, такъ сказать со своими совладѣльцами. Ради этого устанавливалась связь, и именно связь по землѣ, выражавшаяся въ черезполосицѣ: безъ черезполосицы трудно было уравнять выгоды разстоянія пахотныхъ земель и ихъ разнокачественность. По мѣрѣ увеличенія распашекъ дикихъ полей и лѣсныхъ росчистей, совладѣльцы данной дачи вступали все въ бóльшую и бóльшую связь между собой. Сверхъ того, каждый родъ продолжалъ плодиться и множиться, а это вызывало семейные раздѣлы, отчего, съ теченіемъ времени, и получалась та родовая организація, которую мы наблюдаемъ у однодворцевъ. Бытовая сторона этой организаціи такова, что каждый дворъ, отдѣлившись отъ своихъ родичей, начинаетъ жить самостоятельной жизнью, внѣ зависимости отъ сосѣдей-родичей и сосѣдей-совладѣльцевъ; ясно, что, чувствуя себя самодовлѣющей единицей, хозяинъ не чувствуетъ потребности идти на мірскую сходку. Этимъ субъективнымъ настроеніемъ объясняется вялость однодворцевъ къ посѣщенію сходовъ. Но вѣдь есть и объективныя условія, которымъ нельзя не подчиниться: жить въ одномъ селеніи, пахать черезъ межу съ сосѣдями нельзя, оставаясь изолированной единицей. Сосѣди, совладѣльцы, однодач-

ники и односельчане, короче говоря—„міръ“ имѣетъ свое настроеніе, свою волю, и имѣетъ страшную принудительную силу для приведенія въ исполненіе своихъ велѣній. Сознавая эту мощь, отдѣльный хозяинъ понимаетъ, что игнорировать волю схода нельзя, и чтобы быть творцомъ этой воли, участвовать въ ея зарожденіи и осуществленіи, надо присутствовать на сходѣ, надо тамъ быть на лицо. Сочетанія этихъ двухъ моментовъ бываютъ различныя, но все-таки преобладаетъ, кажется, субъективный элементъ. Прислушайтесь, какъ староста отдаетъ приказаніе десятскимъ о созывѣ схода; онъ приказываетъ: „гони стариковъ на сходку“... и десятскіе буквально начинаютъ „гнать“. Что же это за народъ, который надо гнать на его же общественное дѣло!

Рѣдко иниціатива созыва однодворческой сходки истекаетъ отъ самихъ стариковъ, а тѣмъ паче отъ отдѣльныхъ домохозяевъ; тогда какъ еще В. И. Орловъ указалъ, что починъ созыва принадлежитъ въ душевыхъ общинахъ московской губерніи любому сельчанину. Съ другой стороны, законодательный починъ на однодворческомъ сходѣ чаще всего принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ, и значеніе старосты весьма ничтожно. Въ обсужденіи мірскихъ дѣлъ однодворцы ведутъ себя съ большимъ достоинствомъ и рѣдко заканчиваютъ свои сходы мірской выпивкой. Вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ и часто единогласно. Въ общемъ, однодворческіе сходы до крайности консервативны, да иначе и быть не можетъ. Тамъ, гдѣ либеральныя тенденціи осиливали, однодворцы перешли съ четвертей на души, то-есть, отказавшись отъ старины наслѣдственныхъ долей, подѣлили родовую землю на равновеликіе душевые пайки. Чтобы закрѣпить новую форму землевладѣнія, они отреклись отъ всего, что̀ напоминало старое четвертное право, и ради этого они прежде всего перестали называть себя однодворцами, а съ гордостью и подчеркиваніемъ начали именовать себя „казенными крестьянами“. Четвертные владѣльцы, какъ извѣстно, наоборотъ, бунтовали въ буквальномъ смыслѣ слова, когда при графѣ Киселевѣ не приказали имъ писаться однодворцами.

Консерватизмъ четвертныхъ владѣльцевъ внѣшнимъ образомъ выражается въ институтѣ чергѝ.

Слово „чергѝ“ у малоросовъ имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ; однодворцы же великороссійскихъ губерній произносятъ его всегда съ удареніемъ на концѣ, причемъ значеніе малороссійскаго слова нѣсколько разнится отъ великороссійскаго и, насколько намъ извѣстно, не имѣетъ техническаго обычно-правового значенія.

Слова: „чергà“ и „очередь“, очевидно, одного корня и одного значенія.—„У насъ подводы очередные,—разсказываетъ однодворецъ:—каждый дворъ обязанъ по чергѣ выставить подводу“. Оказывается, что всѣ натуральныя повинности у однодворцевъ отбываются по чергѣ. Въ суджанскомъ уѣздѣ, курской губерніи, однодворцы одного большого села показывали мѣстному изслѣдователю „очередную дубину“. Съ этой дубиной очередной ночной сторожъ обязанъ ходить всю ночь по улицѣ, а затѣмъ, на разсвѣтѣ, долженъ ее перекинуть черезъ заборъ слѣдующаго сосѣда. Сосѣдъ, найдя у себя дубину, долженъ безпрекословно выйти на сторòжу. Никакихъ отговорокъ не принимается. Въ одномъ случаѣ намъ пришлось видѣть, какъ баба, за отсутствіемъ мужа, отбывала обязанности очередного десятскаго. Надѣвъ суконный зипунъ и взявъ въ руки длинную палку, баба эта, по приказанію старосты, пошла гнать сходку и, обойдя всѣ дворы своего околотка, вернулась и доложила начальству о томъ, что „сходка ею заказана“. Дѣйствительно, сходъ въ скорости собрался. Когда спросили у бабы, чего ради она ходила за десятскаго, то она вполнѣ резонно отвѣтила: „Какъ же не идти,—наша чергà, а *моего* дома нѣту“.

Сходъ принудительно требуетъ исполненія обязанностей по чергѣ, и способы принужденія, конечно, различны: то заставятъ не въ очередь продѣлать вдвойнѣ, то наложатъ штрафъ, то заставятъ поднести угощеніе. Если отдѣльный домохозяинъ почему-либо не можетъ отбыть повинности по чергѣ, напр. хромой не можетъ быть сторожемъ, то міръ непремѣнно постарается „опить“ такое лицо. Это—„добрый обычай“, но такого обычая нѣтъ, чтобы откупаться водкой отъ очередной повинности, особенно мелкой. Откупаются водкой только годовые десятскіе, но этотъ обычай наблюдается не въ однодворческихъ деревняхъ. Иногда нарочно назначаютъ годового десятскаго изъ богатаго двора внѣ очереди, и тогда богачу только и остается, что поставить ведро водки „обчеству“. Однодворцы не имѣютъ обычая назначать годовыхъ десятскихъ: у нихъ десятствуютъ понедѣльно по чергѣ изъ двора во дворъ, причемъ повинность эту отбываетъ не самъ старикъ, а чаще всего его взрослый, конечно, сынъ. Далѣе, если ужъ перечислять всѣ виды повинностей, отбываемыхъ по чергѣ, то надо упомянуть, кромѣ подводъ и сторожей, еще о понятыхъ. Такъ какъ попасть въ понятые, особенно къ мертвому тѣлу, когда приходится сидѣть въ ожиданіи станового съ докторомъ по цѣлымъ суткамъ, не всякому пріятно, то староста обязанъ наблюдать, чтобы въ понятые наряжались по очереди. Здѣсь

часто возникаютъ споры, и привлекаемые заявляютъ себѣ отводъ, ссылаясь на отбытіе этой повинности, причемъ на ихъ обязанности лежитъ доказать, кто не отбывалъ.

Но своеобразнѣе всего примѣненіе черги сказывается въ выборѣ сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. Старосту выбираютъ на три года, а сборщика—на годъ, поэтому и очередь разная. Въ небольшихъ обществахъ,—а однодворческія общества не отличаются многолюдствомъ,—жалованья старостѣ и сборщику почасту не полагается, и потому эта повинность отбывается здѣсь по чергѣ. Домохозяинъ долженъ доказать, что его дворъ у всѣхъ на памяти ходилъ въ старостахъ; тогда его оставляютъ въ покоѣ и требуютъ къ службѣ слѣдующій дворъ. Такъ какъ для исполненія обязанностей старосты требуется наличность извѣстныхъ условій, опредѣленныхъ закономъ, то нежелающіе служить стараются подвести свой дворъ подъ ту или другую категорію, освобождающую отъ службы: одинъ отговаривается одиночествомъ, другой состоитъ подъ судомъ и т. д. Благодаря этимъ отводамъ, выборъ является ограниченнымъ и подчасъ затруднительнымъ. Еще труднѣе сладить съ выборами сборщика. Здѣсь, помимо очереди, много дается мѣста и волѣ міра: въ самомъ дѣлѣ, не выбирать же въ сборщики лицо ненадежное въ денежномъ отношеніи? Вотъ здѣсь-то, именно съ выборовъ сборщика, и начинается обобщеніе черги. Вѣдь что̀ такое черга̀, какъ не примитивная, архаическая форма общежитія? Несомнѣнно, что черга̀ есть родная сестра жеребья. Тамъ, гдѣ нужно употребить на извѣстное дѣйствіе силу одного человѣка, вовсе не слѣдуетъ напрягаться всѣмъ, всему міру. Пока такая нужда единична, случайна, рѣдко повторяется—общество примѣняетъ жеребій. Если съ такой нуждой сопряжена честь для исполняющаго, почетъ, наконецъ просто удовольствіе, то желающихъ будетъ много и надо кинуть на нихъ жеребій; если, наоборотъ, дѣло пахнетъ той или другой непріятностью, хлопотами, неудовольствіемъ, то желающихъ вовсе не окажется, и тогда опять-таки придется примѣнить жеребьевку, дабы маскировать личное пристрастіе къ отдѣльнымъ лицамъ—пусть дѣло рѣшитъ жеребій. Но если нужда, утративъ характеръ случайности, правильно перемежается, какъ лихорадка,—если повторяемость этой нужды роковымъ образомъ длится всю жизнь, то для удовлетворенія ея надо привлечь каждаго члена общества въ равной мѣрѣ. Это и достигается чергой. Сегодня я дамъ подводу, завтра—ты, и т. д., всѣ по очереди; закончился кругъ, начинай сначала—въ этомъ никому нѣтъ обиды. Въ то время, какъ жеребій слѣпъ, черга̀—очень прозор-

ливая особа: она впередъ видитъ, кто что̀ долженъ исполнить въ извѣстный срокъ и съ извѣстной аккуратностью. Жеребій жестокъ, чергà справедлива и уравнительна: въ ней—первый зародышъ общиннаго принципа. И тамъ, гдѣ уравнительность почему-либо нарушается, міръ дѣлаетъ попытку замѣнить чергу̀ другимъ порядкомъ. Въ какомъ направленіи? При всемъ консерватизмѣ однодворцевъ, это направленіе надо считать обобщающимъ: ибо изолированность, породившая чергу̀, уступаетъ здѣсь мѣсто общинному началу. Нельзя примѣнить чергу̀ при выборѣ въ сборщики,—допустимъ, къ цѣлой трети деревни; за что̀ же подвергать непріятности повторенія службы тѣ двѣ трети, которыя уже отбыли тяжелую повинность? Не трудно додуматься, что денежное вознагражденіе за отбытіе повинности, положимъ, въ сборщикахъ будетъ эквивалентомъ за ту непріятность, какую причиняетъ міръ избранному имъ лицу.

Какъ только міръ додумается до такого обобщенія,—тотчасъ начинаетъ выбирать въ сборщики достойнѣйшаго, по его мнѣнію, домохозяина и за службу его платитъ ему извѣстное жалованье. Характерна мірская раскладка этого расхода: и теперь весьма часто жалованье старостѣ и сборщику раскладывается по наличнымъ дворамъ; это—логическій выводъ изъ прежней чергѝ. Прежде сборщиковъ выбирали по чергѣ, дворъ за дворомъ; нынѣ чергà замѣнена раціональными выборами, но содержаніе выборныхъ возложено на очередные дворы въ равной мѣрѣ. Слѣдовательно, старая чергà жива, хотя выполненіе повинности обобщено. И пройдетъ много времени, пока такой порядокъ перестанетъ удовлетворять чувству общественной справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ разница въ размѣрахъ землевладѣнія отдѣльныхъ дворовъ при четвертномъ правѣ становится рѣзче: туго плодящіеся дворы (одиночки) сохраняютъ свои прежнія земли,—это широкодачники; имъ выгодно отбывать всѣ повинности по чергѣ съ двора, особенно если натуральная чергà переведена уже на деньги. Наоборотъ, плодовитые дворы то-и-дѣло раздѣляются, земля ихъ все больше и больше дробится, крайнее малоземелье душитъ ихъ, и всякая лишняя копѣйка, падающая на ихъ дворъ, ложится тяжелымъ бременемъ. И такъ какъ ихъ на сходѣ, конечно, всегда больше, чѣмъ широкодачниковъ, то они объявляютъ войну старому принципу чергѝ и вмѣсто него выдвигаютъ болѣе справедливый уравнительный принципъ. Ниже мы увидимъ, какъ борются широкодачники съ такими стремленіями къ уравненію, а теперь упомянемъ лишь о томъ, что въ большинствѣ случаевъ при опредѣленіи жалованья

сборщикамъ берутъ въ разсчетъ извѣстный процентъ со взысканнаго рубля: это и сборщика поощряетъ, и для бѣдноты справедливѣе, такъ какъ она даже при существованіи подушной подати платила податей меньше, чѣмъ широкодачники.

Рядомъ съ отбываніемъ натуральныхъ повинностей по чергѣ мы наблюдаемъ ту же чергу́ и въ области чисто хозяйственной, а именно въ наймѣ пастуховъ. Казалось бы, что въ XVII столѣтіи каждый домохозяинъ, каждый боярскій сынъ, испомѣщенный изолированно, вынужденъ былъ или пасти свой скотъ самолично, или поручать пастьбу своему рабу холопу, или нанимать себѣ пастуха. Съ увеличеніемъ населенія, въ этомъ не было уже никакой выгоды: выгоднѣе было поручить общее стадо лицу, спеціально къ тому предназначенному. Надо думать — хотя въ источникахъ нѣтъ прямыхъ указаній, а сохранились лишь пережитки, намекающіе на это, — что у однодворцевъ дѣло исторически складывалось не такъ просто. Первоначально пастьба скота отбывалась всѣмъ селомъ, даже цѣлой окру́гой — того требовала незамиренность края, опасность постоянныхъ набѣговъ татаръ, угонявшихъ скотъ цѣлыми стадами. Корочанскій воевода устроилъ въ городѣ высокую башню, чтобы съ нея видѣть, спокойно ли пашутъ дѣти боярскія свою пашню, и не нужно ли послать къ нимъ изъ города подкрѣпленіе изъ стрѣльцовъ и черкасовъ. По мѣрѣ замиренія края, въ такомъ напряженіи всѣхъ сосѣдей не было нужды, и очень понятно, если поголовную повинность сосѣди замѣнили болѣе легкой чергòй: вѣдь и на службу царскую, напр. въ объѣздъ по станицамъ, дѣти боярскія ѣздили по чергѣ. Въ дальнѣйшемъ, на-ряду съ полнымъ замиреніемъ, убѣдились, что примѣненіе черги, въ виду ослабленія нужнаго прежде надзора, не удовлетворяетъ общественной справедливости: выгоднѣе, легче, удобнѣе поручить стадо одному пастуху. Но гдѣ его взять? Рабовъ было мало у однодворцевъ, а если и были кое-гдѣ такъ называемые однодворческіе крестьяне, то ни одинъ хозяинъ не дастъ своего раба даромъ — надо его нанять. И вотъ возникъ наемъ пастуховъ. Жалованье пастухамъ разверстывается обыкновенно по количеству скота, но опять-таки характерный пережитокъ указываетъ намъ на связь съ чергой: и понынѣ у однодворцевъ крупная голова скота приравнивается двумъ мелкимъ (телятамъ) и, положимъ, пяти овцамъ. Крупная голова считается „днемъ". Да это и есть не что̀ иное, какъ очередной день. Харчи пастуха и поднесь идутъ по чергѣ: сегодня пастухъ харчится у меня, завтра у тебя, и т. д. Пропускаются лишь дворы безскотные. И здѣсь наблюдается та же эволюція:

пока, подобно землѣ, раздѣленной на сравнительно равновеликія доли, скота въ отдѣльныхъ дворахъ приблизительно постольку же; пока нѣтъ крупной разницы—харчеванье пастуха идетъ по простой чергѣ. Но какъ только разница становится ощутительна: въ одномъ дворѣ пять головъ, въ другомъ одна,—такъ тягость прокормленія пастуха раскладывается, такъ, сказать по усовершенствованной чергѣ: а именно, пастухъ харчится въ данномъ дворѣ столько дней, сколько „дней" въ стадѣ имѣетъ тотъ дворъ. Нельзя пройти молчаніемъ еще одно явленіе въ этой области. Случается, что пастухъ, чаще всего овчаръ, не выполнитъ своего обязательства и, не доживъ до срока, броситъ пастьбу. Если это случается осенью, когда не къ чему нанимать новаго, да и самимъ дѣлъ уже поубавится, то сходъ постановляетъ „достеречь" стадо по чергѣ. Въ этихъ случаяхъ чергá всплываетъ въ своемъ, такъ сказать, первобытномъ видѣ.

Не надо думать, что институтъ черги есть вынужденный извнѣ институтъ, созданный стороннимъ воздѣйствіемъ, именно учрежденіемъ натуральныхъ повинностей, взваленныхъ на міръ подобно податямъ, противъ его воли. Наемъ пастуховъ не согласуется съ такимъ утвержденіемъ; есть и еще явленія, чисто гражданско-правового характера, гдѣ чергá вполнѣ господствуетъ. Такъ при разверсткѣ дикихъ полей и лѣсныхъ зарослей между отдѣльными домохозяевами, однодворцы руководствовались не слѣпымъ жребіемъ, а своеобразнымъ видомъ черги: чтобы уравнять разстояніе, часто во вновь отводимомъ ярусѣ родовыя „дѣдины" назначались въ обратномъ порядкѣ противъ того порядка, въ какомъ онѣ уже лежали въ прежнемъ ярусѣ. Чтобы не смѣшаться въ полосахъ, гдѣ чья, новые ярусы нарѣзались часто въ прежнемъ порядкѣ *„по чергѣ"*. Эти пережитки цѣлы понынѣ въ разверсткѣ однодворческой пахоти. И здѣсь мы видимъ, что слѣпой жеребій замѣненъ чѣмъ-то уже зрячимъ, прямо достигающимъ ясной для всѣхъ цѣли, и не по ошибкѣ однодворцы эти случаи называютъ чергòй.—Вотъ еще примѣръ примѣненія черги въ области гражданскихъ правоотношеній. Существуютъ у однодворцевъ такъ называемыя сябровскія мельницы. Нѣсколько дворовъ въ сороковыхъ годахъ, а иногда и раньше, сложились деньгами и купили оброчную статью у казны въ видѣ мельницы. Какъ ее раздѣлить? Деньги, затраченныя каждымъ дворомъ, фиксируются и приравниваются опять-таки „днямъ", какъ коровы въ стадѣ. Не дѣлаютъ такъ, чтобы половинщики, которымъ съ теченіемъ времени, по раздробленіи наслѣдственныхъ долей, досталось по $^1/_{36}$ мельницы, сряду пользовались ею въ теченіе десяти дней:

это было бы неуравнительно, ибо вода не всегда одинаково высока и плата за помолъ колеблется по временамъ года. Слѣдовательно, справедливость требуетъ дать участнику по одному дню десять разъ въ разное время. Какъ этого достигнуть? Конечно — по чергѣ, и здѣсь черга̀ идетъ рука объ руку съ четвертнымъ правомъ, безъ котораго не усчитать наслѣдственныхъ долей. Все это продѣлывается очень просто: вся стоимость мельницы приравнивается 365 днямъ; если, по условіямъ силы воды, мельница не работаетъ два мѣсяца лѣтомъ, да весною рветъ плотину, на что уходитъ тоже мѣсяцъ, то округляютъ число дней и устанавливаютъ ихъ, положимъ, въ 270. Если два покупщика дали по 500 рублей, а третій всего 350, то и достанется одному 70 дней, а двумъ по сту. Чтобы установить кратность этихъ чиселъ, надо дать первому семь дней сряду, потомъ второму 10 дней и третьему 10, и т. д. Въ первый разъ это опредѣлится жребіемъ, а потомъ пойдетъ по чергѣ. И никто не скорбитъ о томъ, что сухостой или половодье перебьютъ чью-нибудь очередь: вѣдь это — общее бѣдствіе. Нѣтъ бѣды и въ томъ, что очередь зайдетъ изъ одного года въ другой — въ этомъ тоже нѣтъ ничего несправедливаго: надо только, чтобы очередь шла правильно по чергѣ. Далѣе, допустимъ, что со времени покупки мельницы прошло много лѣтъ, покупщики давно умерли и владѣютъ мельницей ихъ правнуки. Такъ какъ родовыя линіи плодятся неравномѣрно, то число дней, доставшихся правнуку одной линіи, можетъ быть во много кратъ меньше дней правнука другой линіи. Всякій старается запомнить лишь число дней, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца, а очередь, когда ему молоть, придетъ сама: въ соблюденіи ея заинтересованъ каждый.

Ежегодная поддержка такой мельницы, напр. поправка плотины послѣ половодья, производится усиліями всѣхъ домохозяевъ: здѣсь фиксируется доля наименьшаго участника, и она приравнивается одному рабочему дню; соотвѣтственно съ этимъ остальные члены этой маленькой общины, управляемой родовымъ принципомъ, или должны проработать большее количество дней, пропорціонально своему четвертному праву на мельницу, или нанять себѣ постороннихъ. Послѣднее практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется быстрота производства работъ. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ при капитальномъ ремонтѣ такихъ мельницъ. Обыкновенно у однодворцевъ денегъ нѣтъ, чтобы произвести сообща такое дѣло, да и опасно, ибо придется имѣть дѣло съ рядчикомъ. Удобнѣе сдать мельницу на года̀ изъ выстройки отдѣльному предпринимателю. Если идетъ какая-нибудь

приплата со стороны арендатора, то деньги идутъ въ раздѣлъ по количеству дней, т.-е. по четвертному праву. Но водка, которую ставитъ арендаторъ, никогда не пьется по днямъ. „Это можно лопнуть, если мнѣ сразу выпить за свои дни",—разсказывалъ намъ одинъ участникъ мельницы, которому, какъ широкодачнику, принадлежала четверть года. Водку пьютъ по простой чергѣ: подходи по очереди и пей стаканчикъ, потомъ позовутъ пить другой, третій. Если какой-либо части хозяевъ по третьему стакану не хватитъ, арендаторъ обязательно долженъ дослать за водкой,—иначе будетъ неуравнительно. Съ окончаніемъ аренды, ремонтированная мельница вновь идетъ по днямъ, причемъ иногда измѣняютъ общее число дней. Можно свою долю продать и сдать на годà.

Но и на сябровскихъ мельницахъ дѣло доходитъ до кризисовъ, подобно тому какъ и съ владѣніемъ землей по четвертному праву. Когда наслѣдственныя доли нѣкоторой части участниковъ дойдутъ до мелкихъ дробей, напр. полдня, треть дня, то начинаются смуты, и тогда единственнымъ спасеньемъ является сдача мельницы въ аренду—деньги выносятъ самую мелкую парцелляцію. Съ этимъ моментомъ превращается и чергà. И здѣсь, какъ видимъ, эта неумолимая архаическая форма логически привела къ обобщенію.

Понятіе о чергѣ крѣпко связано съ понятіемъ о дворѣ. Однодворческій міръ, какъ мы уже сказали, состоитъ только изъ домовладыкъ; эти полновластные домовладыки у себя въ домѣ являются неограниченными властелинами всей семьи и всѣхъ домочадцевъ, если семья эта сложная: ослушникъ воли ихъ, будь это сынъ-первенецъ, можетъ быть изгнанъ со двора безъ выдачи даже его peculium'а. Эти домовладыки на своемъ полѣ полные хозяева своихъ полосъ—могутъ ихъ заложить и продать, ни у кого не спрашиваясь [1]). Неудивительно, если эти домовладыки, обсуждая на мірскомъ сходѣ общественныя дѣла, имѣютъ въ виду только интересы собственныхъ персонъ въ самомъ низменномъ смыслѣ тупого, не-культурнаго эгоизма. Отсюда громадная склонность къ разверсткѣ мірскихъ тягостей по дворамъ, несмотря на очевидное неравенство между дворами. Дворъ, владѣющій ста четвертями земли, силится приравнять себя по отбыванію повинностей ко двору съ тремя четвертями. Отсюда истекаетъ привязанность къ чергѣ въ ея первобытномъ видѣ.

---

[1]) Сенатъ, впрочемъ, недавно разъяснилъ, что четвертная земля есть собственность семейная.

Но, къ прискорбію широкодачниковъ, ихъ всегда очень мало: подавляющее большинство на однодворческомъ сходѣ всегда составляютъ дворы плодовитыхъ линій. Малоземелье, какъ прямое слѣдствіе многосемейности, толкаетъ эту часть однодворцевъ задумываться не столько о себѣ, сколько о своихъ семьяхъ, значитъ, о другихъ, хотя и близкихъ лицахъ. Этотъ зародышъ альтруизма разростается по мѣрѣ возростанія бѣдности, вытекающей въ данномъ случаѣ изъ малоземелья, а это послѣднее при четвертномъ правѣ есть результатъ нормальной плодовитости человѣческаго рода. Рано, мѣстами очень рано, малоземелье однодворцевъ дошло до такой стадіи, что пришлось или уходить за тридевять земель на переселеніе, или кореннымъ образомъ заняться переустройствомъ своей общины. Это явленіе извѣстно подъ именемъ перехода съ четвертей на души. Широкодачники всегда боялись этого историческаго момента: имъ нелегко было пережить его, и вотъ, ради отдаленія его, они прибѣгали къ цѣлому ряду палліативовъ и компромиссовъ.

Мы здѣсь укажемъ только на одинъ такой компромиссъ, тѣсно связанный съ чергòй. Малоземельное большинство не могло не протестовать противъ разверстки натуральныхъ повинностей по дворамъ: черга̀ переставала быть для нихъ уравнивающимъ началомъ. Имъ выгоднѣе было, напр., нанять подводу на весь годъ и сборъ разложить на четверти. Для широкодачниковъ это пахло большими расходами: имъ надо было удержать старый принципъ чергѝ, имѣть дѣло съ дворами, а не съ числомъ ревизскихъ душъ во дворѣ и, Боже сохрани, не съ числомъ ѣдоковъ. Они очень хорошо понимали, а на сосѣднихъ селахъ видѣли примѣры во-очію, что малоземельная голытьба спитъ и видитъ, какъ бы поравнять всю мірскую землю по душамъ. Боясь этой идеи поравненія, они сами предлагали односельчанамъ часть земли раздѣлить на число наличныхъ дворовъ поровну, въ обезпеченіе отбыванія натуральныхъ повинностей со двора по чергѣ. Этой мѣрой сохранялось и четвертное право, и самодовлѣющее значеніе двора, и вѣчная спутница однодворческаго уклада—черга̀. Покосы начинали дѣлить по числу наличныхъ дворовъ, а не „противъ дачъ", т.-е. не пропорціонально числу четвертей пахотной земли. Это мотивировалось тѣмъ, что „ òтбывъ подводами у насъ бываетъ со двора". Лѣсосѣки начинали дѣлиться также на дворы, ибо „òтбывъ" всѣхъ повинностей идетъ опять же со двора. Малоземельные жадно ухватились за этотъ компромиссъ и все чаще стали требовать раздѣла недѣленныхъ еще мѣстъ именно на дворы. Лѣсъ, рубившійся на дворы, рѣ-

шено было корчевать, и раскорчеванныя мѣста шли въ раздѣлъ по дворамъ. Правда, четвертное право оставалось, повидимому, цѣлымъ и неприкосновеннымъ, ибо съ каждымъ семейнымъ раздѣломъ дворовый пай дѣлился между братьями; но широкодачники не могли предвидѣть, не умѣли дать оцѣнки предложенной ими мѣрѣ: дворовое поравненіе неминуемо должно было пошатнуть старое неуравнительное право. Оно, съ одной стороны, усиливало малоземельныхъ съ матеріальной стороны за счетъ широкодачниковъ, съ другой—вносило въ юридическія понятія міра такое новшество, которое грозило перевернуть вверхъ дномъ весь архаическій укладъ четвертной экономики. Дворовымъ поравненіемъ нарушалась правильность исчисленія величины наслѣдственныхъ долей, а всякая неопредѣленность въ прежнемъ правѣ порождаетъ необходимость новой, болѣе справедливой регламентаціи. Для примѣра мы приведемъ такую комбинацію: по четвертному праву одинъ домохозяинъ широкодачникъ имѣлъ 50 четвертей и на нихъ приходилось, положимъ, 100 десятинъ, т.-е. по 2 дес. на четверть; десять дворовъ самыхъ малоземельныхъ хозяевъ имѣли, положимъ, по 1½ четверти, т. е. по 3 десятины. Допустимъ, что дворовой земли удалось назначить по 2 дес. на дворъ; что̀ тогда получится? На четверть широкодачника придется почти столько же, сколько и раньше было, а на четверть малоземельнаго 3,3 десятины, то-есть въ полтора раза больше. И такъ какъ четверть есть идеальная доля измѣренія унаслѣдованныхъ отъ предковъ правъ, то нельзя же тому быть безъ серьезныхъ юридическихъ послѣдствій, чтобы эта идеальная доля въ предѣлахъ одной и той же общины была неравна сама себѣ. Малоземельные это отлично поняли, и неумолимая черга̀, родоначальница этой мѣры, перестала въ ихъ глазахъ быть мачихой. Они ухватились за нее всѣми силами, и всюду, гдѣ дѣло шло о разверсткѣ мірскихъ тягостей, не давали старой чергѣ обобщаться иначе какъ путемъ двороваго поравненія: всюду требовали дворовой земли для обезпеченія двороваго очередного „о̀тбыва“.

Этой эволюціей чергѝ начался медленный, постепенный переходъ съ четвертей на души [1]). Требовался длительный періодъ, чтобы черга обобщилась въ дворовое поравненіе: вѣдь между уравнительнымъ принципомъ чергѝ и уравнительнымъ началомъ дворовой разверстки угодій — громадная пропасть, не принципіальная, а чисто эволюціонная. Не менѣе длин-

[1]) Были и быстрые переходы, безъ промежуточныхъ стадій.

ный, хотя болѣе легкій періодъ пришлось пережить малоземельнымъ четвертнымъ однодворцамъ, чтобы дворовыя земли превратить въ душевыя. Мѣстами, какъ, напр., въ елецкомъ уѣздѣ орловской губерніи, въ селѣ Тербунахъ, потребовалось много лѣтъ, чтобы четвертное право исчезло окончательно. Тамъ уже въ моментъ кадастровыхъ работъ въ 1846 г. было зарегистрировано четвертной земли у всѣхъ 248 хозяевъ 3046 десятинъ, дворовой земли 78 десятинъ и въ душевомъ владѣніи у 133 хозяевъ 982 десятины пашни. Въ 1854 г. вся земля по приговору была подѣлена на ревизскія души [1]). Въ другихъ мѣстахъ этотъ медленный процессъ былъ пріостановленъ выдачей владѣнныхъ записей и, такъ сказать, окаменѣлъ въ своей переходной формѣ. Такъ, въ Крутомъ-Логѣ, бѣлгородскаго уѣзда, курской губ., мы видимъ 991 дес. четвертной земли, 819 дес. душевой и 804 дес. дворовой [2]). При переходѣ отъ дворового владѣнія къ душевому, роль чергѝ, само собой понятно, ослабѣваетъ, такъ какъ болѣе широкій принципъ душевого поравненія всесильно охватываетъ малоземельную часть однодворческаго міра. Дѣло въ томъ, что широкодачники оберегаютъ свою землю очень упорно, почему въ дворовое поравненіе пускаютъ лишь незначительную часть угодій; это только растравляетъ аппетитъ голытьбы и создаетъ понятную юридическую посылку: „если законно было дѣлить такое-то урочище на наличные дворы, то законно раздѣлить и всю землю на души". Такое дерзкое обобщеніе объявляло войну всему старому строю, и вмѣстѣ съ родовой четвертной общиной падала и старая чергà, теперь уже отслужившая свою долгую службу.

Дворовое распредѣленіе земельныхъ угодій и особенно пашни при длительныхъ переходахъ играетъ главнѣйшую роль. Во-первыхъ, потому, что разстаться съ дворовой землей, доставшейся какъ бы даромъ, нетрудно; во-вторыхъ, дворовая форма владѣнія ужъ очень несправедлива, а главное неуклюжа. Дворъ двору неравенъ даже съ точки зрѣнія чергѝ. Въ этомъ отношеніи въ какую отвѣтственную ошибку впадаютъ тѣ приверженцы такъ называемаго подворнаго владѣнія, которые добиваются недѣлимости нормальныхъ дворовъ! Самое понятіе о нормальномъ дворѣ есть уже нелѣпость, а съ бытовой стороны оно отдаетъ добрымъ старымъ временемъ, когда при крѣпостномъ правѣ старались фиксировать дворъ подъ видомъ *тягла*. Послѣднее состояло изъ

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по елец. у., стр. 397.

[2]) „Четвертное право", М. 1899, стр. 439.

мужа съ женой, изъ двухъ человѣкообразныхъ рабочихъ животныхъ, все существованіе которыхъ было приведено дѣйствительно въ извѣстную норму. Ничего подобнаго теперь уже нельзя воспроизвести, тѣмъ болѣе въ однодворческой средѣ, привыкшей къ самостоятельности съ давнихъ поръ. И если малоземельная часть однодворческаго міра соглашалась на фиксацію двора, если въ теоріи и допускала равенство между дворами, то это было съ ихъ стороны тоже компромиссомъ. Понимали же они, что для торжества уравнительнаго душевого принципа надо расшатать не только четвертное право, но и всѣ его аксессуары въ родѣ черги̂. И вотъ именно черга̂ являлась для нихъ спасительнымъ якоремъ, зацѣпившись за который, можно, хотя и медленно, но все-таки приплыть къ намѣченной цѣли. И мѣстами они не ошиблись въ своихъ разсчетахъ.

Такъ было въ исторіи. Но нынѣ, съ выдачей владѣнныхъ записей, ходъ исторіи пріостановленъ: однодворцы нынѣ уже не имѣютъ права разверстывать и переверстывать своихъ земель по приговорамъ. Это, конечно, не значитъ, что они лишены права раскладки натуральныхъ повинностей. Слѣдовательно, черга̂ и при нынѣшнихъ условіяхъ можетъ подвергаться тѣмъ или другимъ видоизмѣненіямъ. Не будучи уже въ состояніи связать съ нею дворовое поравненіе, малоземельная часть схода направитъ ее по другому пути, пробивавшемуся и прежде, а именно произойдетъ обобщеніе путемъ замѣны натуральной повинности денежною. Но что̀ станется съ чергòй въ тѣхъ общинахъ, гдѣ и понынѣ съ нею связано дворовое распредѣленіе угодій? Наконецъ, выгодно ли самимъ однодворцамъ, что у нихъ окаменѣла переходная форма, неуклюжая во всѣхъ отношеніяхъ, и въ хозяйственномъ, и въ юридическомъ? Какъ бы то ни было, но развитіе внутренней жизни четвертныхъ общинъ далеко не остановилось: не далѣе какъ въ началѣ девяностыхъ годовъ, въ предѣлахъ новооскольскаго уѣзда болѣе двадцати обществъ составили приговоры о переверсткѣ четвертныхъ земель, ибо надо было устранить излишнюю черезполосицу и измѣнить направленіе вѣками выпахавшихся бороздъ. Губернское присутствіе почему-то нашло, что для такихъ приговоровъ нужно полное согласіе буквально всѣхъ домохозяевъ. Почему же для раздѣла душевой земли на дворы нужно всего $^2/_3$ голосовъ? Приносятся же въ жертву душевые интересы цѣлой трети общины. За что же, по жалобѣ какихъ-нибудь трехъ широкодачниковъ, отмѣнять столь нужные приговоры цѣлыхъ обществъ? Интересно, что одно обще-

ство, успѣвшее переверстать свою землю, такъ и осталось при новой переверсткѣ, ибо единственный жалобщикъ успѣлъ убѣдиться въ выгодѣ новаго порядка. Губернское присутствіе, отмѣнившее приговоръ, узнавъ о томъ, что онъ уже приведенъ въ исполненіе, дѣлало попытку возстановить прежнюю разверстку, но попытка не удалась, и однодворцы этого счастливаго селенія нынѣ пользуются благами запрещеннаго плода.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ небольшой очеркъ однодворческой жизни. Жизнь эта, какъ видитъ читатель, несмотря на тяжелыя условія, все-таки идетъ своей чередой, правда, безъ особенныхъ видимыхъ результатовъ, но зато по крайней мѣрѣ безъ осмѣяній и небезотрадно. Объясняется это, вѣроятно, чистымъ деревенскимъ воздухомъ и отдаленностью отъ всѣхъ благъ міра: однодворческія селенія ютятся въ самыхъ глухихъ, пустынныхъ мѣстахъ нашихъ уѣздовъ, гдѣ иногда до станціи желѣзной дороги приходится дѣлать верстъ по сорокъ. Но и въ такой-то глуши все-таки сложилась пословица: „на міру и смерть красна", и однодворецъ, при всей своей инертности, любитъ передъ своимъ міромъ на сходѣ постоять за свою идею, подчасъ совсѣмъ уже непонятную.

Н. А. Благовѣщенскій.

Курскъ, декабрь 1899.

ПАМЯТИ

ВЛАДИМІРА СЕРГѢЕВИЧА СОЛОВЬЕВА

Покорно несъ онъ жизни бремя,
Но не отъ міра былъ сего;
Тотъ высшій міръ манилъ его,
Гдѣ вѣчность заслонила время.

Мыслитель, вдумчивый пѣвецъ,
Благой искатель правды Божьей—
Онъ на землѣ былъ не жилецъ,
А въ даль стремившійся прохожій.

Святымъ восторгомъ окрыленъ,
Онъ шелъ безъ устали и скоро...
И вѣсть пришла, что скрылся онъ
За грань земного кругозора.

Алексѣй Жемчужниковъ.

23 августа.
Ильиновка.

„ЧЕЛОВѢКЪ"

Эскизъ изъ романа: „Tchelovek", par Th. Bentzon.

I.

На блестящую свадьбу Одетты Гельманъ, дочери милліонера-банкира изъ евреевъ, съ молодымъ графомъ Раулемъ де-Ретель, собралось многочисленное, но порядкомъ-таки смѣшанное общество. Аристократическіе гости, приглашенные семьей жениха, разсыпавшись по длинной анфиладѣ пышно убранныхъ залъ, безцеремонно критиковали и окружавшую ихъ великолѣпную обстановку, и самихъ хозяевъ дома.

Дѣло было въ началѣ апрѣля и стоялъ прекрасный весенній день. Все общество только-что вернулось со свадебной церемоніи. Роскошный домъ-особнякъ Гельмановъ утопалъ въ тропическихъ растеніяхъ и оранжерейныхъ цвѣтахъ, а на длиннѣйшемъ столѣ, сверкавшемъ серебряной утварью, былъ сервированъ разнообразнѣйшій и тончайшій „lunch". Гости угощались, поздравляли новобрачныхъ, обозрѣвали выставленные подарки и злословили, злословили безъ конца. И на этомъ турнирѣ злословія отличались всѣ возрасты, начиная со старой герцогини де-Люксейль и кончая самой молоденькой изъ подругъ новобрачной. Герцогиня, чудовищно-толстая и высокая старуха, не стѣсняясь, громко, своимъ рѣзкимъ голосомъ, высказывала по адресу хозяевъ самыя нелестныя вещи. Къ ея выходкамъ всѣ давно привыкли; онѣ составляли какое-то неотъемлемое ея преимущество. Здѣсь ее выводила изъ себя выставка подарковъ, дѣйствительно смахивавшая на базаръ. Рядомъ съ бриллiантами приданаго невѣсты красовались старинныя кружева, царски-

великолѣпная коллекція старыхъ и современныхъ вѣеровъ, художественная мебель, всевозможныя бездѣлушки и вещицы, изъ которыхъ можно было бы составить антикварный магазинъ. Тутъ же были выставлены фотографіи четырехъ изящныхъ экипажей, украшенныхъ гербами. Съ глубокимъ вздохомъ по адресу прошлаго, герцогиня де-Люксёйль объявила, что „тщеславіе, замѣнившее прежнюю аристократическую гордость,—страшно вульгарный порокъ“... Особенно раздражало ее то, что на каждомъ подаркѣ красовалась карточка лица, приславшаго его. Она находила, что это—верхъ безвкусія, потому что это оскорбительно подчеркиваетъ скромность вещей, подаренныхъ людьми небогатыми, и принуждаетъ богатыхъ лѣзть изъ кожи вонъ, лишь бы не осрамиться передъ любопытными.

Общее вниманіе привлекалъ также портретъ героини дня, выставленный на мольбертѣ посреди подарковъ. Онъ принадлежалъ кисти того свѣтскаго художника, который умѣетъ, какъ никто, прикрасить некрасивую модель и тонко замаскировать любой физическій недостатокъ. Портретъ этотъ не только былъ шедёвромъ по исполненію, но и верхомъ такта. Разсматривая его, гости исподтишка посмѣивались, но вслухъ восклицали: —Она, положительно, прелестна! И какое сходство! Удивительно вѣрно схвачено! Сколько граціи! Божественна, прямо божественна!—А бѣдная Одетта, чуть-чуть придурковатая отъ природы и не имѣвшая ничего божественнаго, кромѣ своего приданаго, пренаивно смаковала эту лесть, нимало не замѣчая тайнаго ехидства своихъ юныхъ подругъ.

А эти послѣднія, собравшись въ изрядномъ количествѣ, злословили не менѣе старшихъ гостей. Несомнѣнно, что, по нынѣшнимъ временамъ, выйти замужъ становится дѣломъ весьма труднымъ! Но зато вторженіе космополитическихъ нравовъ повлекло за собою извѣстное ослабленіе материнскаго надзора, и молодые люди пользовались этимъ для упражненія во „флиртѣ“. Всего охотнѣе ухаживали они за сестрами де-Белькаръ, полуиностранками, некрасивыми, но „забавными“, по выраженію мужской молодежи. Герцогиня, до которой долетали иногда нѣкоторыя фразы, объявляла ихъ громогласно просто чудовищными, повторяя чуть ли не въ сотый разъ, что въ ея время подобныя манеры были бы невозможны въ обществѣ. На что старшая m-lle де-Белькаръ, поѣдая сэндвичи, громко же замѣтила, что оно и немудрено: за цѣлое-то столѣтіе земля успѣла навертѣться! А сестра ея спросила—къ чему герцогиня является туда, гдѣ все ее скандализируетъ?

Одинъ изъ молодыхъ людей пояснилъ ей, что въ древнемъ Египтѣ былъ обычай помѣщать среди пирующихъ скелетъ, дабы наводить ихъ на философскія размышленія.

— Герцогиня—скелетъ! Да вы ей льстите!

— Ваша правда! Ну, скажемъ, трупъ, трупъ гиппопотама!

— Такъ-то лучше!.. Надо уважать старость!—и „младшая Белькаръ“, какъ зовутъ ее въ кружкѣ молодежи, подбоченившись, выпиваетъ залпомъ бокалъ шампанскаго.

Тѣмъ временемъ, въ отдаленномъ будуарѣ, пять молодыхъ дѣвушекъ, подругъ Одетты, восхищались выставкой тончайшаго бѣлья изъ мягкаго шолка самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, не находя ничего нескромнаго въ этой безцеремонной выставкѣ интимнѣйшихъ частей женскаго туалета.

Тутъ собрались: замѣчательно хорошенькая Екатерина Морганъ, или, какъ всѣ называли ее, на англійскій ладъ—Кэтъ, Берта Ребулэ—дочь богатаго биржевого маклера, Николь Ферье, Клара де-Вандъ и, наконецъ, самая старшая изъ всѣхъ, Марсель де-Гарэ. Пока подруги жадно разсматривали разложенныя передъ ними прелести, Марсель лишь скользнула по нимъ равнодушнымъ, какъ бы уже нѣсколько разочарованнымъ взоромъ, взоромъ наблюдательной женщины, присматривающейся съ объективнымъ интересомъ къ явленіямъ окружающей ее жизни. Марсель обладала одной изъ тѣхъ наружностей, которыя не привлекаютъ сразу нашего вниманія, но отъ которыхъ нельзя уже оторваться, разъ на нихъ остановившись. Роста она была средняго; каштановые волосы съ золотистымъ отливомъ спускались тяжелыми бандо на немного высокій для женщины лобъ. Черныя брови, удивительно очерченныя, и такія же длиннѣйшія рѣсницы, оттѣняли глаза въ глубокихъ орбитахъ, измѣнчиваго оттѣнка, порой мгновенно вспыхивавшіе огнемъ внутренней мысли или чувства; неправильный носъ съ нервно вздрагивающими ноздрями, немного большой, но съ ослѣпительными зубами ротъ—довершали ея наружность. Любая красавица затмила бы безъ труда Марсель де-Гарэ, несмотря на всю оригинальность ея подвижного лица, но зато она привлекала къ себѣ обаяніемъ ума и страстности, внезапно вырывавшихся наружу съ пикантностью неожиданности.

Каждая изъ этихъ молодыхъ дѣвицъ восхищалась по-своему приданымъ Одетты. Хорошенькая Кэтъ Морганъ вздыхала: вотъ о такихъ-то ночныхъ сорочкахъ она всегда и мечтала. Берта Ребулэ оцѣнивала каждую изъ нихъ въ триста—четыреста франковъ, а Марсель де-Гарэ, усѣвшаяся въ глубокое кресло, улыб-

нулась и замѣтила, что объ оцѣнкѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, ибо это—шедёвры, а шедёврамъ цѣны нѣтъ! Бѣлая, хрупкая, эѳирная Клара де-Вандъ, съ ангельски-невиннымъ видомъ, вставила свое слово:—Всѣ эти прелести безсильны сдѣлать графиню де-Ретель красивою.

— Быть графиней и имѣть такое бѣлье!—вздыхала Кэтъ:—развѣ это уже не счастье?

— Полноте! я увѣрена, что вы не согласились бы помѣняться ролями съ Одеттой, еслибы вамъ пришлось помѣняться съ нею и наружностью.

Кэтъ вздохнула опять, подавляя слезу.—Какая польза отъ ея наружности?

— Какъ знать! Вы можете покорить сердце знатнаго барина или милліонера, что̀, по нынѣшнимъ временамъ, еще лучше,—возразила Берта Ребулэ, особа весьма положительная.

— Какъ хотите, а Одетта счастливица.

— Счастливица?—сказала Марсель.—Кто изъ людей можетъ похвалиться, что проникъ тайну счастья или горя ближняго? Мы сами творцы своего счастья, а съ неба оно къ намъ не падаетъ. Все, чему вы тутъ завидуете, ничего мнѣ не говоритъ... Впрочемъ, нѣтъ... Мнѣ приходитъ на умъ, что этимъ нарядным платочкамъ придется, быть можетъ, отирать горькія слезы... Вспоминается мнѣ также и сказка о томъ счастливцѣ, котораго повсюду долго искали, а когда нашли, то имъ оказался бродяга, не имѣвшій даже рубашки. А сознайтесь, что до подобнаго счастья нашему другу, Одеттѣ, весьма далеко.

— Какой вы философъ, Марсель! Вотъ я такъ никогда не примирилась бы съ мыслью дожить до двадцати-пяти лѣтъ, не выйдя замужъ!—вскричала легкомысленно Клара де-Вандъ.

— Но позвольте, почему же необходимо быть замужемъ именно въ двадцать-пять лѣтъ, или, вообще, въ какой-нибудь опредѣленный возрастъ?

— Какова революціонерка, mesdemoiselles?—вскричала Клара, закрывая лицо руками.— Она отрицаетъ бракъ... Постараемся дать ей дружный отпоръ,—вѣдь съ нею шутить нельзя. Ну-съ, подавайте голоса! Повѣдайте, какъ вы смотрите на замужство, которымъ пренебрегаютъ нѣкоторыя передовыя особы?

— Я смотрю на дѣло просто, — сказала Берта Ребулэ. — Выйти замужъ—это значитъ имѣть благоустроенный домъ въ Парижѣ, ложу въ „Оперѣ“, а лѣтомъ ѣздить на во̀ды или куда-нибудь къ морю.

— А мужъ?

— О! я не гонюсь за Адонисомъ, потому что красавцы только смѣшны; еще менѣе гонюсь за такъ называемыми геніальными людьми, ибо это оригиналы, нестерпимые въ домашнемъ обиходѣ. Мужъ мой долженъ быть человѣкъ занятой, зарабатывающій деньги, — это роль мужчины, — и предоставляющій мнѣ свободно тратить эти деньги,—однимъ словомъ, такой человѣкъ, какъ папа. Мнѣ было бы пріятно также превосходить его умомъ,— откровенно добавила Берта, къ общей потѣхѣ подругъ.

— Прекрасно. Идеалъ Кэтъ намъ уже извѣстенъ: шолковое бѣлье и графская корона,—сказала Марсель де-Гарэ.—А вы, Клара?

— Я признаюсь, что наружность имѣетъ для меня свое значеніе. Мнѣ было бы пріятно имѣть красиваго мужа... вотъ, въ родѣ вашего двоюроднаго брата, военнаго, который прежде такъ часто у васъ бывалъ. Военные, въ большинствѣ случаевъ, религіозны... а я этимъ дорожу, также какъ и хорошими политическими принципами... Кстати, куда же дѣвался вашъ кузенъ? Какое атлетическое сложеніе, какіе усы! Настоящій герой. Правда, у него немного жесткій взглядъ, но я не терплю мокрыхъ курицъ. Имѣй я такого кузена, я завербовала бы его въ мужья.

Говоря это, Клара не сводила съ Марсель наивно-лукаваго взгляда; губы Марсель едва замѣтно дрогнули, что̀ всегда бывало у нея единственнымъ признакомъ внутренняго волненія. Но она возразила беззаботнымъ тономъ, что капитанъ Эдуэнъ попрежнему свободенъ, и никто не мѣшаетъ Кларѣ попытать счастья. Къ сожалѣнію, онъ пока далеко, въ Африкѣ... И Марсель преспокойно отвернулась отъ Клары и обратилась къ Николь Ферьé, говоря, что очередь теперь за нею. Совсѣмъ еще дѣвочка, Николь покраснѣла до ушей.

— Къ чему? У меня дома говорятъ, что я никогда не выйду замужъ. По правдѣ сказать, мы всѣ черезчуръ требовательны: отецъ мой хочетъ одного богатства; мама—только того, что̀ она называетъ положеніемъ въ обществѣ; а я... хочу одной лишь любви!

Слова эти вызвали всеобщій протестъ, и только одна Марсель ограничилась сочувственно-разочарованной улыбкой. Берта Ребулэ замѣтила категорично, что нельзя имѣть всего за-разъ.

— Папа говоритъ то же самое. Но мнѣ кажется, что если бы я была любима любимымъ и мною человѣкомъ, то все остальное пришло бы само собою.

— Полноте, милочка,—объясняла ей Берта снисходительно-доброжелательнымъ, но авторитетнымъ тономъ.—Прежде всего

необходимо имѣть средства къ жизни; отъ этого зависитъ супружеское согласіе. Съ милымъ рай въ шалашѣ—хорошо только въ романахъ да на сценѣ. Вы всѣ вѣчно предаетесь мечтамъ, потому что ваши мамаши многое отъ васъ скрываютъ, не подозрѣвая, что нѣтъ ничего опаснѣе такого невѣдѣнія. Я же воспитана отцомъ, почему я и знаю хорошо жизнь. Можете быть увѣрены, что я не испорчу ее себѣ никакимъ фантазёрствомъ.

— Преклоняюсь передъ вашимъ знаніемъ, — отвѣчала Николь,—хотя, однако, могу привести нѣкоторые факты, доказывающіе, что я права. Вы всѣ знакомы съ Маріанной Ансельмъ, вышедшей замужъ, противъ воли родителей, за адъюнкта университета, человѣка много-обѣщающаго...

— Ахъ, Господи! стоило ли изъ-за этого идти противъ воли родныхъ! Ужъ не станете ли вы превозносить намъ судьбу Маріанны? Мужъ-профессоръ, педантъ, увезшій ее въ провинціальный городишко, гдѣ не имѣется никакихъ развлеченій! Имѣть всего одну прислугу, жить въ тѣсной квартирѣ, ладить съ начальствомъ мужа, стараться держаться на своемъ мѣстѣ, шить свои платья самой. Для меня все это—огромное несчастіе!—восклицала Берта, къ которой присоединились Клара и Кэтъ.

— Зато,—замѣтила Марсель,—это имѣетъ и свою хорошую сторону: она не купила себѣ мужа, не продала себя изъ тщеславія.

— Какъ рѣзко вы ставите вопросъ, ma chère! Если понимать ваши слова буквально, замужъ выходить стало бы, дѣйствительно, невозможно. Всѣ богатыя дѣвушки боялись бы, что на нихъ хотятъ жениться изъ корысти, а бѣдныя не захотѣли бы идти ни на какія уступки! Къ счастью, у насъ имѣются и другіе примѣры, опровергающіе ваши теоріи. Возьмемте Полину Лёферронъ. Ея старый мужъ балуетъ ее, точно онъ ей дѣдушка, и къ тому же онъ весьма еще недурно сохранился.

— Я не охотница до консервовъ,—отрѣзала Клара.

Кэтъ, сирота, живущая у скучной опекунши, отъ которой она мечтаетъ избавиться поскорѣе, качнула головой.

— Я тоже ихъ не люблю; но, какъ выражается крёстная, вопросъ о возрастѣ—самый маловажный изъ всѣхъ.

— А также и вопросъ о здоровьѣ,—замѣтила Марсель, посмѣиваясь. — Мужъ-подагрикъ станетъ сидѣть дома, пока жена будетъ выѣзжать одна, какъ свободная вдова.

— Какая эта Марсель становится желчная! Я все-же утверждаю,—нравоучительно заговорила Берта Ребулэ,—что для того, чтобы бракъ былъ той разумной ассоціаціей, на которой осно-

вывается семья, ему достаточно подходить подъ опредѣленіе одной излюбленной поговорки моей старой няни. Принципъ не нравственный, но весьма практичный: „Дай мнѣ того, что̀ ты имѣешь, а я тебѣ дамъ того, что̀ есть у меня".

Дѣвицы расхохотались. Значитъ, нѣчто въ родѣ пикника, куда каждый приноситъ свое блюдо.—А вѣдь, слѣдуетъ сознаться, что до женитьбы мужчины умѣютъ прекрасно жить съ небольшими средствами. Обѣдаютъ они въ клубѣ, занимаютъ небольшую квартиру въ элегантномъ кварталѣ. Пріемовъ дѣлать имъ не надо и не приходится таскать повсюду за собой жену; дѣтей тоже нѣтъ,—а это все немалыя преимущества. Съ какой же стати имъ отъ нихъ отказываться!

— Но зато они лишены домашняго очага,—робко замѣтила сантиментальная Николь.

— Вотъ ужъ это для нихъ безразлично!—возразила жестко Берта Ребулэ.—Это чисто-женское понятіе. Надо всегда жить такъ, чтобы не терпѣть лишеній.

— Но,—настаивала кротко Николь,—экономія устраняетъ лишенія. Еслибы мужчины были твердо увѣрены, что найдутъ себѣ благоразумныхъ женъ, они, вѣроятно, менѣе задумывались бы жениться. Мнѣ кажется, что многимъ молодымъ дѣвушкамъ не дѣлаютъ предложенія потому, что боятся ихъ.

— Вы правы, Николь. Да, есть такія дѣвушки, которыхъ боятся, и зачастую несправедливо!

И, произнеся грустнымъ тономъ эти слова, Марсель погрузилась въ раздумье. Подруги продолжали осмотръ приданаго, а черезъ нѣсколько минутъ Клара де-Вандъ спросила Марсель:

— О чемъ это вы такъ задумались, таинственная красавица?

— Ни о чемъ... такъ... обо всемъ только-что вами сказанномъ.

— Вотъ такъ обоюдоострый отвѣтъ! А вы, знаете,—мастерица вызывать на откровенность другихъ, тогда какъ о самой себѣ вы никогда ничего не разскажете.

— Это потому, что другіе меня интересуютъ, а о самой себѣ мнѣ разсказывать нечего. Я умѣю только слушать и наблюдать.

Въ эту минуту на порогѣ будуара показалась мать Марсель, г-жа де-Гарэ, ничуть не похожая на свою дочь женщина, маленькая, хрупкая, холодная и замкнутая на видъ, съ правильнымъ, безцвѣтнымъ лицомъ. Такихъ женщинъ обыкновенно считаютъ чрезвычайно изящными. Г-жа де-Гарэ сказала, что давно уже ищетъ дочь и что имъ пора домой. Марсель поспѣшно

встала и, обращаясь къ подругамъ, сказала быстро и въ полголоса:

— Вамъ хотѣлось узнать, что̀ я думаю и чего желаю? Слушайте же: я мечтаю не быть въ вѣчной зависимости отъ добрѣйшей мамы, которая выбивается изъ силъ, чтобы не терять меня изъ глазъ, и распредѣляетъ мое время по часамъ. Несмотря на то, что мнѣ идетъ двадцать-пятый годъ, за мною присматриваютъ какъ за четырнадцатилѣтней дѣвочкой. И мнѣ страстно хотѣлось бы выходить куда угодно одной!

— Вы видите, что замужество необходимо! А выходить одной теперь, ma chère, значило бы признать себя старой дѣвой.

— Не все ли равно? лишь бы быть свободной!

— Да на что̀ же вамъ свобода? — спросила Кэтъ, широко раскрывая свои голубые глаза. Что она нужна молодымъ людямъ, это понятно, потому что имъ разрѣшается куралесить какъ угодно!

И когда Марсель ушла со своей матерью, дѣвушки заявили хоромъ:

— Вотъ оригиналка!

II.

Марсель де-Гарэ была, дѣйствительно, всегда непохожа на другихъ, и она начинала уже убѣждаться, что всякое исключительное существо обречено на одиночество. У нея не было, среди дѣвушекъ ея круга, ни одной подруги, которой она могла бы довѣриться, и только Николь внушала ей родъ особой симпатіи, носившей немного покровительственный оттѣнокъ, потому что Николь была гораздо моложе ея и уступала ей въ нравственномъ развитіи. Но зато она состояла въ тѣсной дружбѣ съ „нѣкоей Лизой Жераръ“,—какъ презрительно выражались свѣтскія товарки Марсель,—учившейся медицинѣ съ цѣлью сдѣлаться докторомъ, что̀ приводило въ ужасъ всѣхъ этихъ барышенъ. Покойный полковникъ де-Гарэ и отецъ Лизы были товарищами по оружію, но это обстоятельство не признавалось достаточнымъ для оправданія дружбы Марсель съ Лизой—и дружба эта приписывалась опять-таки эксцентричности Марсель. Непремѣнное желаніе выдѣлиться, рисоваться высокими чувствами,—вотъ и все. Положительно, эта Марсель, съ ея пристрастіемъ къ трудящемуся люду, съ ея спокойнымъ презрѣніемъ къ свѣту и съ ея разрушительными теоріями, смахиваетъ на соціалистку.

Марсель жила съ матерью въ отдаленной улицѣ Сенъ-Жер-

менскаго предмѣстья, въ скромной квартиркѣ, наполненной остатками прежней роскоши и воспоминаніями о второй имперіи. Сюда г-жа де-Гарэ переселилась послѣ смерти мужа, убитаго при Рейхсгофенѣ. Не имѣвшій ничего, кромѣ своего чина и репутаціи славнаго воина, полковникъ де-Гарэ былъ женатъ на дочери важнаго сановника, рано умершаго и оставившаго дочери совсѣмъ ничтожное наслѣдство. Случилось это потому, что сановникъ жилъ не въ мѣру роскошно; но, благодаря щедрости императора, умѣвшаго цѣнить заслуги своихъ приближенныхъ, молодость г-жи де-Гарэ прошла такъ, точно у нея было большое состояніе. Но послѣ паденія имперіи, изъ всѣхъ щедротъ монарха республика оставила г-жѣ де-Гарэ только то, чего не могла отнять, т. е. небольшую пенсію. Жить можно еще было безбѣдно, но скудно. Помимо тягости измѣнившихся матеріальныхъ условій, вдова немало перенесла и нравственныхъ страданій: все новое, торжествовавшее на развалинахъ милаго ей прошлаго, претило ей, и отнынѣ она ушла вся въ сожалѣнія объ этомъ невозвратно минувшемъ прошломъ. Впрочемъ, она держалась съ большимъ достоинствомъ и никогда не жаловалась. Только своей старшей сестрѣ, тоже вдовѣ, баронессѣ де-Эдуэнъ, женщинѣ энергичной и одаренной большой практичностью и ловкостью, повѣряла она свои тревоги насчетъ будущности Марсель, безпокоившей ее наклонностью къ мечтательности и своеволію. По мѣрѣ того какъ Марсель подростала, эти двѣ свѣтскія женщины, убѣжденныя въ неотразимости вліянія примѣра, среды и воспитанія, спрашивали все чаще и чаще другъ у друга: „откуда это у нея?“—не подозрѣвая, что существуютъ дурныя или хорошія мысли, почерпаемыя людьми въ самихъ себѣ и развивающіяся вопреки всему. Марсель проявляла съ дѣтства большую независимость, желаніе непремѣнно что-нибудь совершить, предпринять, предлагая матери работать на нее, на томъ основаніи, что онѣ бѣдны и что она станетъ съ радостью заработывать деньги. Мать приходила въ ужасъ, пытаясь доказать ей, что дѣвушкѣ изъ хорошей семьи трудиться неприлично. Марсель выражала тогда непочтительное сожалѣніе о томъ, что она не мальчикъ, или жалѣла, зачѣмъ онѣ не достаточно бѣдны для того, чтобы она могла послѣдовать примѣру Лизы. Когда ее водили въ театръ, она приходила въ экстазъ отъ упоительной судьбы великой артистки. Вотъ кѣмъ она хотѣла бы быть! На возраженіе матери, что на сцену идутъ только дочери привратницъ, Марсель отвѣчала:—Вотъ счастливицы! Быть работницей, торговкой, фермершей, гувернанткой,—все казалось ей интереснѣе роли „барышни“, обреченной на пріемы и вы-

ѣзды. Мать ея только безплодно сокрушалась, что не умѣетъ справиться съ дочерью, называла себя курицей, высидѣвшей утенка и растерявшейся передъ этимъ выродкомъ. И никогда не приходило ей въ голову, что въ дочери сказывался героическій темпераментъ полковника де-Гарэ. Она считала, что благовоспитанная дѣвушка никогда не должна отличаться отъ другихъ, и замѣчательное умственное развитіе дочери не радовало ее, потому что, по ея мнѣнію, излишняя талантливость женщины только пугаетъ мужчину.

Баронесса возражала сестрѣ, что сынъ ея, Рожé, ставитъ Марсель выше другихъ дѣвушекъ. У баронессы была своя тактика—относиться съ уваженіемъ ко всякому мужскому мнѣнію, и она успѣшно примѣняла всю жизнь эту тактику, сначала къ покойному мужу, а теперь къ сыну. Мысленно она начертала себѣ такой планъ поведенія: не имѣть рѣшительно ни о чемъ иного мнѣнія, кромѣ мнѣнія мужскихъ членовъ семьи, и съ помощью этого водить ихъ постоянно за носъ. Это правило, несомнѣнно, вѣрнѣе всего обезпечиваетъ женщинѣ главенство въ семьѣ. Покойный баронъ, не безъ угрызеній совѣсти, считалъ себя всю жизнь тираномъ, а Рожé, руководимый жаждою служить опорою слабыхъ, свойственной мужественнымъ натурамъ, наслаждался сознаніемъ, что мать полагается во всемъ на него, даже не подозрѣвая, что это съ ея стороны уловка съ цѣлью всецѣло управлять имъ. Признавая превосходство Марсель, онъ его нимало не одобрялъ, потому что его идеаломъ была женщина архи-женственная, кроткая, быть можетъ, настолько слѣпая, чтобы видѣть его въ особенно выгодномъ свѣтѣ и не обращаться съ нимъ свысока, какъ это случалось порою съ Марсель.

И вотъ, недовольная излишнимъ умственнымъ развитіемъ дочери, г-жа де-Гарэ всячески старалась отвлечь ее отъ чтенія, которое было страстью Марсель, и заставляла ее заниматься женскими рукодѣліями, по ея мнѣнію необходимыми. Она надоѣдала ей выговорами, пытаясь сломить то, что̀ она называла „желѣзною волею“ дочери, и что̀ было въ сущности послѣдовательностью въ мысляхъ, упорной рѣшительностью и неутомимымъ постоянствомъ,—драгоцѣнными свойствами, которыя слѣдуетъ направлять, а не подавлять. Баронесса находила, что въ мужчинѣ это—качества, а въ женщинѣ—недостатки. Кончилось тѣмъ, что Марсель, сохраняя наружное повиновеніе, потеряла всякое довѣріе къ матери и теткѣ, чувствуя себя непонятою ими. Самыми пріятными для нея часами были тѣ, которые она проводила одна въ своей комнаткѣ, внѣ всякаго надзора. Неспособная лгать, она привыкла замыкаться

въ себѣ, и только посѣщенія Лизы Жераръ вносили въ ея жизнь живительную струю свѣжаго воздуха. Несмотря на свое крайнее недовѣріе къ этой Лизѣ Жераръ, г-жа де-Гарэ не смѣла устранить ее, потому что Лиза была крестницей ея покойнаго мужа, не разъ настоятельно поручавшаго ея попеченіямъ осиротѣвшую дочь своего друга, храбраго батальоннаго командира Жерара. Изъ уваженія къ волѣ мужа и къ памяти Жерара, г-жа де-Гарэ терпѣла частыя посѣщенія Лизы, смутно чувствуя, однако, что та имѣетъ гибельное вліяніе на Марсель. Лиза, дѣйствительно, приносила Марсель такія книги, которыя заставили бы г-жу де-Гарэ усомниться въ ихъ пригодности для молодой дѣвушки. Подруги вели нескончаемыя, горячія бесѣды о всякой всячинѣ. Хотя Лиза была страшно занята, имѣя на своемъ попеченіи сестру-калѣку, бѣгая по урокамъ и посѣщая медицинскіе курсы, она посвящала еще немало времени воскресному клубу женщинъ-работницъ, устроенному по примѣру подобныхъ же клубовъ Англіи и Америки, гдѣ скромныя труженицы находили невинныя развлеченія и соприкасались съ интеллигентными классами. Марсель страстно хотѣлось сопровождать туда Лизу, но она знала, что на ея просьбу отпустить ее поиграть на рояли для бѣдныхъ дѣвушекъ или прочесть имъ вслухъ стихотвореніе— ея мать отвѣчала бы:

— Это не принято. Предоставь это монахинямъ. Мы должны избѣгать эксцентричностей.

И волей-неволей, Марсель оставалась прикованной къ тому берегу, гдѣ, какъ она говорила съ досадливо-гнѣвной усмѣшкой, только наряжаются, присѣдаютъ и выскакиваютъ замужъ. Замѣчая неудовлетворенность племянницы, проницательная баронесса совѣтовала ей позаняться хозяйствомъ. Но Марсель ссылалась на свою полнѣйшую некомпетентность; она не любила даже прибирать свои собственныя вещи, а за столомъ не обращала никакого вниманія на то, что̀ подается. Тряпокъ она тоже не любила и шить совсѣмъ не умѣла. И когда ея мать и тетка скорбѣли объ ея неумѣньѣ вести себя такъ, чтобы выйти замужъ, что̀ все-таки было возможно, благодаря родству и связямъ,—Марсель досадовала, что онѣ только объ этомъ и думаютъ. И ей страстно хотѣлось поступить какъ разъ наперекоръ.

Но вотъ съ нею случилось превращеніе, сбившее съ толку ее самоё. Всѣ долго думали, что изъ Марсель выйдетъ дурнушка, но къ семнадцати годамъ она внезапно расцвѣла, и Рожé увидалъ впервые, что она прелестна. Выросли они почти вмѣстѣ, вмѣстѣ проводили всегда каникулы, и никто не думалъ, чтобы

между этими товарищами дѣтства могла замѣшаться любовь. Никогда потомъ не могъ Рожé забыть этого чуда! Пріѣхавъ въ тотъ годъ на каникулы, онъ былъ встрѣченъ очаровательной дѣвушкой, которая сказала: — Мы тебя заждались! — и добавила, краснѣя: —и какъ намъ тебя недоставало!—Онъ не узнавалъ въ этой дѣвушкѣ той маленькой педантки въ короткой юбочкѣ, которую онъ, бывало, такъ дразнилъ.

Въ тотъ первый вечеръ онъ точно очумѣлъ отъ удивленія и восторга, а потомъ, среди деревенскаго простора, постоянно вмѣстѣ, молодые люди простодушно полюбили другъ друга, безъ всякой задней мысли. И вотъ баронесса перестала повторять сокрушенно:—Моя племянница не умѣетъ взяться за дѣло!—Напротивъ, она находила теперь, что сына ея она слишкомъ хорошо съумѣла обольстить. Открытіе это было ей непріятно. Она рѣшила про себя, что Рожé, учившійся тогда въ Сенъ-Сирской школѣ, женится не раньше, какъ дослужившись до капитанскаго чина, и, разумѣется, не иначе, какъ на богатой невѣстѣ. Каждый офицеръ хорошаго происхожденія и изящной наружности, успѣшно начавшій военную карьеру, имѣетъ право разсчитывать на крупное приданое. Къ тому же баронесса не одобряла браковъ съ кузинами; наконецъ, она желала непремѣнно невѣстки съ послушнымъ, покладливымъ характеромъ, которая уступала бы ей во всемъ и не отнимала бы у нея сына. А это можно встрѣтить только въ бракахъ по разсчету. И такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ матери часто проявляютъ пристрастіе и жестокій эгоизмъ, безжалостно топча и ломая все, что̀ становится между ихъ сыномъ и той будущностью, о которой онѣ для него мечтали, то баронесса принялась за дѣло немедля. Женитьба по любви поглощаетъ человѣка всецѣло, а въ Рожé несомнѣнно загоралась страсть, потушить которую было необходимо. Начала она ловко и исподтишка. Прежде всего она привлекла на все происходящее вниманіе сестры; г-жа де-Гарэ ничего дурного въ этой идилліи не видѣла и была бы не прочь отъ брака дочери съ Рожé, но баронесса сейчасъ же доказала ей, что дѣти ихъ не могутъ позволить себѣ этой фантазіи, потому что гарнизонная жизнь стоитъ дорого, а Марсель вовсе не хозяйка, и не съумѣетъ поставить домъ на должную ногу при скудныхъ средствахъ. Съ сыномъ она прибѣгла къ другой тактикѣ: въ яркихъ краскахъ описывала она ему опасность женитьбы на женщинѣ съ воображеніемъ, не удовлетворенной обыкновеннымъ женскимъ удѣломъ и задающейся вопросами эмансипаціи. Ея ядовитыя рѣчи напоминали, къ несчастію,

Роже его прошлыя частыя ссоры съ Марсель по этому же поводу. Роже принадлежалъ къ тому свѣтскому кругу, гдѣ подобныхъ женщинъ высмѣиваютъ; къ тому же избранная имъ карьера пріучила его предпочитать всѣмъ добродѣтелямъ самопожертвованіе, порядокъ и дисциплину. По его мнѣнію, женщина не могла имѣть другихъ правъ, кромѣ правъ семьянинки, и иной миссіи—кромѣ супружеской и материнской. Когда, еще дѣвочкой, она повѣряла ему свои романическія стремленія къ труду, онъ смѣялся надъ синими чулками, а главное—строго осуждалъ антагонизмъ, существовавшій между Марсель и ея матерью. Выкажи еще Марсель страсть къ выѣздамъ, нарядамъ или танцамъ, Роже отнесся бы къ этому снисходительно, но онъ не понималъ, чтобы можно было завидовать свободѣ Лизы Жераръ. Но эти стычки происходили между кузенами только до тѣхъ поръ, пока Марсель была дурнушкой; а какъ только Роже въ нее безумно влюбился, онъ пересталъ замѣчать въ ней какіе-либо недостатки, хотя мать его усердно ихъ отмѣчала. Наконецъ, она прибѣгла къ крайнему средству: со слезами умоляла она его повременить нѣсколько лѣтъ, не поддаваться этому пагубному для его будущности увлеченію. Мужественный и рѣшительный по природѣ, Роже не устоялъ передъ слезами обожаемой матери. Вѣдь, въ сущности, онъ не отказывался отъ Марсель, убѣжденный, что со временемъ она съумѣетъ побѣдить всякія предубѣжденія. Всего труднѣе было добиться отъ него обѣщанія не заикаться пока ни о чемъ Марсель. Добившись и этого, баронесса вздохнула свободнѣе, зная, что сынъ неспособенъ нарушить свое слово, а племянница слишкомъ горда, чтобы вызвать Роже на признаніе.

И для Марсель потянулись нескончаемые мѣсяцы. Напрасно ждала она рѣшительнаго слова отъ Роже, облекшись сама въ броню гордости. Связанный словомъ, ежеминутно готовый признаться ей въ любви, онъ отступалъ передъ ея недосягаемымъ видомъ. И оба мучились: тоскуя и терзаясь, она раздражала его, а Роже, этотъ рослый, красивый малый, съ такой высокомѣрной осанкой, былъ на дѣлѣ робкимъ скромникомъ, и такъ мало о себѣ думалъ, что вовсе не понималъ, что она готова сложить оружіе. И пока Марсель тосковала, Роже прибѣгъ къ единственному въ его годы средству борьбы съ любовью, а именно къ легкимъ любовнымъ похожденіямъ, о которыхъ мать его поторопилась довести до свѣдѣнія Марсель. Боже, какое несчастіе для лучшей изъ матерей—видѣть сына увлекающимся какою-то цирковой наѣздницей!.. Марсель приняла это за измѣну съ его стороны, приписала ей его отступленіе, и отнеслась къ

этой мнимой измѣнѣ такъ, какъ можетъ отнестись къ подобной вещи молодая дѣвушка,—т.-е. съ крайней строгостью. Стремительная и пылкая натура, она скоро перешла отъ гнѣва къ мести, и принялась, въ свою очередь, безумно кокетничать, причемъ, въ силу своей неопытности, сильно пересаливала. Орудіемъ своей мести она избрала брата одной своей товарки, Рэмона де-Вандъ, тщедушнаго, ничѣмъ не интереснаго спортсмена, и на одномъ балу такъ открыто поощряла его банальныя ухаживанья, что онъ самъ не могъ опомниться отъ внезапности своего успѣха. Баронесса окрестила ее прозвищемъ „шальной“, а Марсель и не подозрѣвала, какія бурныя объясненія происходили между Рожé и его матерью. Молодой человѣкъ объявилъ, что если его не пустятъ въ Тунисъ, куда ему представлялась возможность попасть на службу, то онъ надаетъ пощечинъ тому фату, котораго отличаетъ Марсель.

Баронесса не колебалась. Изъ Африки, вѣдь, возвращаются и даже съ повышеніемъ, а потому нѣсколько лѣтъ изгнанія предпочтительнѣе глупой женитьбы. Когда Марсель узнала объ отъѣздѣ Рожé на дальній постъ въ пустыню, она выразила пылкое недоумѣніе по поводу согласія матери на подобный отъѣздъ; баронесса отвѣчала съ важностью, что не признаетъ за собою права препятствовать честолюбію сына, ибо любитъ его для него, а не для самой себя. И она имѣла еще вѣроломство намекнуть племянницѣ, что это еще лучшее средство разрыва съ цирковой наѣздницей.

И Рожé уѣхалъ, не произнеся ни слова, потому что заговори онъ—онъ излилъ бы всю душу. И эти любящія сердца холодно разстались, обвиняя одинъ другого въ самыхъ непростительныхъ вещахъ. Еще разъ повторилась вѣчная комедія недоразумѣній, такая, въ сущности, трагичная. Г-жа де-Гарэ, предполагая, что если дочь ея и не перенесла настоящаго горя, то все-же прошла черезъ нѣкоторое разочарованіе, воображала, что Марсель выплачетъ свою горесть на ея груди,—но ничего подобнаго не случилось. Не похожая на другихъ, Марсель и не подумала изливаться, а только быстро оборвала свой флиртъ съ де-Вандомъ, послѣ чего всю зиму она часто прихварывала.

Баронесса рѣшила, что она злится, и радовалась тому, что выдержала характеръ. Затѣмъ Марсель стала понемногу оправляться и еще ревностнѣе заниматься, къ сокрушенію г-жи де-Гарэ, находившей, что образованіе дочери давно окончено, и жалѣвшей, что та забросила музыку. Мало-по-малу Марсель

пріобрѣла то наружное, немного пренебрежительное спокойствіе, которое стало впослѣдствіи ея отличительною чертою. Тогда баронесса рѣшила, что она все забыла,—вотъ безсердечная! Кажется, Рожé стòитъ того, чтобы о немъ жалѣть подольше!

III.

Вернувшись со свадьбы Одетты, Марсель застала въ своей комнаткѣ ожидавшую ее Лизу Жераръ, высокую, худощавую дѣвушку, въ старенькой, полинявшей отъ непогоды шубкѣ и простенькой шляпкѣ. Между подругами, мѣсяца съ два тому назадъ, завелась большая тайна: Марсель отправила въ редакцію журнала „Revue“ небольшой, написанный ею романъ, подписанный псевдонимомъ: „Человѣкъ“, и съ тѣхъ поръ Лиза все ходила на почту справляться, нѣтъ ли писемъ „Человѣку“. Марсель жила все это время въ лихорадочномъ ожиданіи, и начинала уже терять надежду, а потому, когда Лиза протянула ей съ улыбкой голубоватый конвертъ, она пришла въ такое волненіе отъ неожиданности, что была не въ силахъ вскрыть его сама. Лиза вынула изъ конверта записку въ четыре строчки и стала читать: „Милостивая государыня...“ — Вотъ проницательность,—они сразу поняли, что „Человѣкъ“—женщина!—замѣтила Лиза, и продолжала:

„Печатаніе доставленнаго вами романа начнется въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „La Revue“. Мы попросили бы только васъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія. Не откажите пожаловать для личныхъ переговоровъ. Примите... и прочее“.

— Принято! „Внезапное пробужденіе“ принято! И Марсель кинулась, какъ ребенокъ, на шею къ Лизѣ. А она-то начинала-было отчаяваться! Она плакала и смѣялась, восклицая, что никогда еще не была такъ счастлива! Лиза удивилась:—Неужели никогда? Марсель призадумалась и, успокоившись подтвердила свои слова:—Никогда! Всѣхъ прошлыхъ огорченій какъ не бывало. Да, Лиза была права, когда утверждала ей, что успѣхъ, а всего болѣе самый трудъ, откроютъ ей новую жизнь; она почувствуетъ какъ бы раздвоеніе своей личности, и станетъ смотрѣть на свои собственныя страданія какъ бы со стороны. Именно ей, Лизѣ, она обязана своимъ спасеніемъ: она открыла ей великую тайну, научила объективному отношенію къ самой себѣ. Чтò сталось бы съ нею безъ Лизы! Но та смѣялась, увѣряя, что подруга ничѣмъ ей не обязана. А хожденіе на почту

даже ее забавляло. Когда она спрашивала, нѣтъ ли писемъ на имя „Tchelovek“, кто-нибудь изъ публики непремѣнно съ любопытствомъ оборачивался, а почтовый чиновникъ принималъ таинственный видъ, отвѣчая, что нѣтъ. Кончилось тѣмъ, что онъ, издали завидя ее, только покачивалъ отрицательно головой. Зато въ это утро онъ протянулъ ей письмо съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ удовольствія, точно онъ думалъ про себя:—„Ну, слава Богу, теперь-то мы отъ нея избавимся. Это некрасивое созданіе съ дикимъ именемъ дождалось-таки своего...“ Подруги весело разсмѣялись.

Такъ какъ Марсель нечего было и думать побывать лично въ редакціи, то „Внезапное пробужденіе“ рѣшено было предоставить его собственной участи. Пусть редакція сокращаетъ по своему усмотрѣнію. Сама она, во всякомъ случаѣ, на подобную работу неспособна. Она вложила все сердце, всю душу въ свое произведеніе, и сама ничего урѣзать не съумѣетъ. Будь что̀ будетъ! Лиза ликовала,—вѣдь ей было такъ тяжело смотрѣть на страданія своего друга!

— О, я давно уже несчастна не сплошь, а только по временамъ. Работа отвлекала мои мысли. Сколько ночей провела я за нею, набрасывая на бумагу все душившее меня, мои воспоминанія, сожалѣнія, злость и слезы,—а вѣдь, кажется, что отъ всего этого умрешь! И мало-по-малу я чувствовала, какъ все это испаряется. Но зато мнѣ непонятно, что эти безумныя мечты, внезапное пробужденіе, жалкая ошибка какой-то дѣвочки могли показаться интересными кому-либо, кромѣ нея самой... да еще ея друга, Лизы, разумѣется, потому что Лиза — это она сама. Да, въ тебѣ—моя совѣсть и мужество! И только тебя одну я люблю.

— Не говори такъ, Марсель. Слѣдуетъ любить и другихъ.

— Да, ты права, слѣдуетъ... это—мой долгъ.

— А Рожѐ?

— Ну, онъ и герой моего романа составляютъ теперь для меня одно цѣлое. Конечно, онъ мнѣ очень симпатиченъ, но умирать отъ любви къ нему...

— Вотъ она, писательница! Да ты должна бы любить всѣхъ тѣхъ, кто послужилъ тебѣ литературными моделями!

— Всѣхъ? А вѣдь ты права: я за это время видѣла вокругъ себя не просто людей, а лишь предметы для литературнаго наблюденія. Я впервые заинтересовалась свѣтомъ, какъ предметомъ изученія. Самые непріятные, самые скучные люди сослужили мнѣ свою службу, и я имъ благодарна...

— Когда люди чѣмъ-либо интересуютъ насъ, они тѣмъ самымъ оказываютъ намъ благодѣтельнѣйшую услугу. Они отвлекаютъ насъ отъ самихъ себя. Душевная пустота, исключительная забота о себѣ—вотъ гдѣ самое великое зло.

При этихъ словахъ Лизы, ея несравненные по выраженію ума и доброты глаза увлажнились; ни красотой формы, ни цвѣтомъ не отличались эти глаза, но когда ихъ одухотворенный взоръ останавливался на дѣтяхъ, на больныхъ, на несчастныхъ, Лиза казалась имъ красавицей. Такою же казалась она и Марсель. Только ей могла она открывать свою душу; говорить съ матерью объ этомъ и думать не стоитъ,—она только приведетъ ее въ священный ужасъ. А между тѣмъ, не можетъ же она жить, какъ мать и тетка, одними лишь воспоминаніями о второй имперіи! Лиза задумчиво согласилась съ нею: да, онѣ переживаютъ переходное время, и въ каждой семьѣ дѣти причиняютъ своимъ родителямъ не менѣе хлопотъ, чѣмъ народы — своимъ правительствамъ; между мужьями и женами происходитъ, вѣроятно, то же самое. И задачу эту никакъ не разрѣшишь упорнымъ удерживаніемъ за собою власти. Люди прошлаго не могутъ воспрепятствовать нарожденію новаго порядка вещей на новыхъ основахъ, и никто не долженъ страшиться этого, если люди съумѣютъ отрѣшиться отъ всякаго эгоизма и тѣмъ заслужить, чтобы Богъ пребывалъ всегда среди нихъ... Марсель любовно улыбалась. Вотъ такими-то рѣчами и внушила Лиза недовѣріе Рожé. Онъ объявилъ, что Лиза—ея злой духъ. Объявилъ онъ это, когда пріѣзжалъ на побывку изъ Африки. Какимъ далекимъ показался онъ ей тогда! Конечно, она понимаетъ, что эта жизнь въ Африкѣ, полная опасностей и жертвъ, имѣетъ свою своеобразную красоту; Рожé, несомнѣнно, трудился въ изгнаніи для величія родины; тѣмъ не менѣе, она замѣтила въ немъ нѣкоторую узость мысли, а также и стремленіе властвовать. Измѣнился онъ и къ ней, сталъ молчаливъ и строгъ, не прощалъ ей болѣе ея „ужасныхъ недостатковъ“, какъ онъ, бывало, шутливо выражался... А между тѣмъ она могла такъ легко стать такою, какою ему желалось видѣть ее. Увѣрь онъ ее только, что она— будущая madame де-Сталь или Жоржъ-Сандъ, что въ ней таится геній и что слава—ея удѣлъ, и въ двадцать лѣтъ она избрала бы безъ сожалѣнія роль г-жи Рожé Эдуэнъ!

— Каждая талантливая женщина прошла, вѣроятно, черезъ то же самое, — замѣтила Лиза, — вотъ почему ихъ и насчитывается такъ мало. Любовь подстерегаетъ ихъ изъ-за угла, ли-

шаетъ всякой индивидуальности, обрѣзаетъ имъ крылья; развѣ только по счастію...

— Она несчастна,—договорила Марсель, смѣясь этому парадоксу. Но сейчасъ же серьезность вновь вернулась къ ней. Пожалуй, такъ оно и лучше, и для Рожé, и для нея самой. За послѣднія свиданія онъ точно старался излечить ее отъ любви къ нему, и только терзалъ ее. Возможно, что и въ немъ страдалъ его мужской эгоизмъ; ему было досадно, что она не въ отчаяніи, тогда какъ она нарочно сдерживалась.

— Да, въ тебѣ говорила месть, и ты хотѣла доказать ему, что женщина можетъ многое стерпѣть, не пытаясь затушить свое горе въ вихрѣ удовольствій, а почерпая цѣлебныя силы въ самой себѣ. И онъ ясно сознавалъ и твое превосходство, и невыгодность своего положенія.

— Но зачѣмъ же онъ избѣгалъ оставаться со мною вдвоемъ? Вѣдь мы могли бы объясниться. Но между имъ и мною стояли вѣчно его или моя мать, обѣ солидарныя съ нимъ и враждебныя мнѣ. Но къ чему перебирать прошлое? Въ сущности, во всемъ виновата я сама, вѣрнѣе, та глупая дѣвчонка, какою я тогда была.

— Забудемъ это,—отвѣчала философскимъ тономъ Лиза.—Намъ остается „Человѣкъ“, который никогда не появился бы на свѣтъ, не будь этого необходимаго кризиса...

Прошло нѣсколько недѣль. На дневномъ четверговомъ пріемѣ у г-жи де-Вандъ рѣчь зашла о новомъ романѣ, напечатанномъ въ „La Revue“, — „Внезапное пробужденіе“. Романъ производилъ нѣкоторую сенсацію въ свѣтскихъ кружкахъ. Модный лекторъ Ла-Бодрэ, конференціи котораго усердно посѣщались свѣтской публикой, и который всегда украшалъ своимъ присутствіемъ четверги г-жи де-Вандъ, прислонившись къ камину со свойственнымъ ему изяществомъ, отвѣчалъ на настойчивые вопросы дамъ, что имя автора „Взаимнаго пробужденія“ редакціи неизвѣстно. Ему удалось узнать только то, что въ редакцію авторъ не являлся, и что это—дама, молодая дѣвушка, не пожелавшая назвать свое имя. Но противъ этого протестовали всѣ бывшія тутъ дамы, и онъ соглашался съ ними; онъ думаетъ, что романъ написанъ опытнымъ писателемъ, почему-то вздумавшимъ измѣнить свой жанръ и напечатать намѣренно-наивную вещь. Но виртуозности своей замаскировать ему не удалось. Мнѣнія дамъ раздѣлились: г-жа де-Вандъ утверждала, что романъ изобилуетъ невѣроятно смѣлыми выходками, наряду съ доказательствами крайней молодости и чистоты; г-жа де-Гарэ соглашалась съ другими, что

наивность можетъ быть результатомъ притворства, и что въ „Внезапномъ пробужденіи“ много умѣнья и нѣкоторая доля испорченности.

Поодаль, Марсель разговаривала съ Кларою де-Вандъ и прислушивалась къ этимъ замѣчаніямъ, смѣшившимъ ее. Клара спросила ее, читала ли она этотъ романъ? Читать „Revue“ ей не позволяютъ, но она многое о „Revue“ знаетъ, потому что по четвергамъ непремѣнно идетъ рѣчь о какой-нибудь статьѣ изъ этого журнала. Не безъ лукавства Марсель отвѣчала, что ей чтеніе этого журнала разрѣшено, за исключеніемъ романовъ, а потому ей интересно послушать, чтò говорятъ о новомъ произведеніи умные люди. Рѣчь шла теперь о псевдонимѣ; чтò это значитъ: „Tchelovek“? Среди гостей была какая-то русская дама; она пояснила, что это слово—русское и обозначаетъ „индивидуума“, безъ различія пола и возраста.

Ла-Бодрэ стоялъ на своемъ: тутъ чувствуется мужское перо. Напримѣръ, тамъ есть одинъ разговоръ на балу, въ которомъ не попадается ни одного слова, неудобнаго въ устахъ молодой дѣвушки, и вотъ эта-то упорная скромность, смѣшанная съ глухой ироніей, не лишенной горечи, а также многочисленные штрихи глубокаго психическаго анализа, изобличаютъ мужчину. Г-жа де-Гарэ замѣтила сухо, что героиня романа подаетъ собою дурной примѣръ; г-жа де-Вандъ согласилась съ нею. Въ большинствѣ случаевъ, героини романовъ — существа слабыя или взбалмошныя, все же заслуживающія извиненія, потому что онѣ что-нибудь перестрадали. Но эта ополчается на всѣхъ и на все, не начавъ еще даже и жить, жестоко нападаетъ на самыя естественныя, твердо вкоренившіяся явленія жизни. По поводу брака, напримѣръ, встрѣчаются подчасъ до того рѣзкія выраженія, что повторить ихъ вслухъ нельзя... И, къ великой досадѣ Клары, дамы принялись шептаться. Досада ея еще увеличилась, когда Ла-Бодрэ объявилъ, что романъ этотъ отнюдь не для дѣвицъ, хотя рѣчь въ немъ и идетъ только о нихъ.—Вѣчно одно и то же,—ворчала Клара; какъ только книга занимательна, —она „не для молодыхъ дѣвушекъ“!—Споръ продолжался; одни признавали романъ, все-таки, оригинальнымъ, недюжиннымъ произведеніемъ; другіе порицали его невозможныя теоріи, претендующія, однако, на нравственность. Кто-то съ восхищеніемъ цитировалъ приблизительно одно мѣсто: „Когда какое-нибудь правило нравственности оказывается настолько возвышеннымъ, что его находятъ непримѣнимымъ въ силу только его же собственной чистоты,—будьте увѣрены, что оно-то и есть самое

настоящее. Какъ бы ни казалось оно недосягаемымъ, человѣчество, непрестанно идущее впередъ, придетъ къ нему“... По крайней мѣрѣ, авторъ не поддается ходячему пессимизму... Но къ чему относятся эти слова? И дамы еще понизили голосъ, чтобы „дѣтямъ“ не было слышно,—ибо дѣло шло о цѣломудріи мужчинъ. Ла-Бодрэ улыбался: ужъ не старая ли дѣва написала это? Только нѣтъ, во всемъ чувствуется такое искусство, дѣйствіе развивается такъ быстро и логично, что приписать романъ можно только невѣдомому, облекшемуся въ псевдонимъ, академику. Слова эти долетѣли до Марсель, и ей стало неимовѣрно весело, тѣмъ болѣе, что, несмотря на всѣ придирки, въ талантѣ неизвѣстному автору никто не отказывалъ.

Выйдя на улицу съ матерью, Марсель спросила ее, невольно посмѣиваясь, не можетъ ли она, въ видѣ исключенія, прочесть это пресловутое „Внезапное пробужденіе“? Но мать отвѣчала ей, что это немыслимо.—Развѣ это вредная книга?—Нѣтъ, она, конечно, не вредна для людей опытныхъ, съ твердо установившимися понятіями; въ ней попадаются даже возвышенныя, черезчуръ возвышенныя чувства; но въ ней описаны всѣ тѣ фантазіи и химеры, что роятся въ головкахъ молодыхъ дѣвушекъ. Довольно съ нихъ этихъ глупостей и безъ романовъ. Къ тому же, вещь эта основана на такой болѣзненной экзальтаціи... Рѣшительно, это—послѣдняя книга, которую она могла бы позволить прочесть Марсель.

Марсель опустила голову съ лицемѣрной покорностью. Но какой забавной казалась ей теперь жизнь! Она удивлялась, что никто не догадывается о правдѣ, когда она ежеминутно мѣняется въ лицѣ. И долго ей этого притворства не выдержать. И выдала она себя скорѣе, чѣмъ думала,—въ тотъ же самый день.

Вернувшись домой, она, не снимая шляпки и перчатокъ, прошла въ гостиную и съ нетерпѣніемъ развернула газету, какъ и всегда въ тѣ дни, когда въ ней появлялись статьи Жана Сальвй. Между прочими книгами, Лиза Жераръ приносила ей всѣ сочиненія этого блестящаго писателя-поэта, какъ его странный романъ изъ индійской жизни, „Бгавали“, такъ и его „Юліана Отступника“, совершенно невозможную для сцены, но великолѣпную драму, удивительно рельефно и ярко обрисовывающую эту загадочную историческую фигуру. Прочла она и томикъ его „Арійскихъ гимновъ“. И Марсель привыкла не въ мѣру восторгаться Жаномъ Сальвй, однимъ изъ самыхъ скептическихъ современныхъ писателей. Въ эту зиму Жану Сальвй пришла, не-

извѣстно почему, фантазія—помѣщать въ одной изъ большихъ ежедневныхъ газетъ еженедѣльные фельетоны и хроники; иногда онъ разбиралъ какую-нибудь книгу или событіе, а иногда писалъ о чемъ попало, но о какихъ бы пустякахъ онъ ни говорилъ, стиль его являлся всегда такимъ ослѣпительнымъ фейерверкомъ, что читать его статьи было величайшимъ наслажденіемъ. И Марсель зачитывалась ими, какъ ранѣе зачитывалась его серьезными произведеніями.

Но сегодня, едва развернувъ газету, она вся затрепетала. Статья Сальвѝ носила заглавіе: „Исповѣдь молодой дѣвушки", а подъ этимъ заглавіемъ стояло второе — „Внезапное пробужденіе".

Глаза Марсель затуманились, и она перечитала нѣсколько разъ вступительный параграфъ, повторяя про себя:—Это невозможно... невозможно!—Ей казалось, что она носится въ какихъ-то эмпиреяхъ, хотя похвалъ ея роману тутъ собственно не было. Сальвѝ объявлялъ, что эта животрепещущая исповѣдь раскрывала передъ нимъ душу современной дѣвушки, а можетъ быть и дѣвушки всякихъ временъ, нѐ высказывавшейся до сихъ поръ только потому, что она не обладала даромъ слова. Но вотъ явилась такая, что обладала этимъ даромъ, умѣла выразить все то, что̀ остальныя подавляютъ и скрываютъ, все то, что̀ грызетъ и мучитъ прямую дѣвичью натуру, колеблющуюся между уроками, преподанными ей въ дѣтствѣ, и совершенно иными уроками дѣйствительной жизни. Вначалѣ она глядѣла на все глазами матери, жила какъ въ сказкѣ, вѣря лишь въ счастіе и добро. Находя, что знать ей этого не слѣдуетъ, отъ нея скрывали всѣ противорѣчія дѣйствительности съ міромъ фантазіи. Вслѣдъ за родителями оберегать ее станетъ мужъ. Но ея романическое представленіе объ этомъ мужѣ натыкалось опять-таки на дѣйствительность, и тѣ же родители своевременно объясняли ей, что нельзя думать о романѣ, а надо основывать семью. На первомъ планѣ оказывались деньги и разные расчеты, а для любви мѣста не оставалось. На глазахъ ея другія дѣвушки, подчасъ красивѣе и лучше ея, старѣли въ безбрачіи только потому, что не имѣли приданаго, и если она умна, то она понимала, что не будь у нея приданаго,—и ее ожидала бы та же судьба. Если дѣвушка полюбитъ сама, не ожидая, чтобы ее выдали замужъ, то она рискуетъ быть непонятой своимъ избранникомъ, который можетъ оказаться или равнодушнымъ къ ней, или посвѣтски разсудительнымъ. Если же ему немного трудно отказаться отъ этой женитьбы, то ему легко утѣшиться съ помощью

любовныхъ похожденій иного свойства. Лучшая судьба не выпадаетъ ли зачастую самымъ недостойнымъ женщинамъ? Такихъ любятъ безъ колебаній, не страшась супружескихъ узъ. Что же касается того непоправимаго зла, которое подобное разочарованіе можетъ причинить бѣдной дѣвушкѣ, объ этомъ даже не думаютъ. Все забудется и пройдетъ. И дѣйствительно, обыкновенно проходитъ, и дѣвушка рѣшается подчиниться общей участи; и все на свѣтѣ остается попрежнему, пока женщина не преобразуется и не преобразуетъ всего свѣта сама.

Читая все это, Марсель впервые понимала смыслъ всего ею написаннаго. Она работала въ порывѣ остраго вдохновенія, даже не думая выводить изъ своего повѣствованія какія бы то ни было логическія заключенія. И вдругъ—такой мыслитель, какъ Жанъ Сальви, бралъ на себя трудъ резюмировать безсознательную философію ея произведенія! Это наполняло ее умиленной благодарностью. Тщеславія въ ней не было, но ей было сладко быть понятой, и ей казалось, что Сальви выступалъ какъ бы ея защитникомъ, и противъ баронессы, и противъ Рожé, и противъ цирковой наѣздницы, противъ всѣхъ тѣхъ, кто ее мучилъ. Она была понята! Этотъ невѣдомый другъ, такой большой талантъ, понималъ ее; это вознаграждало ее за все прошлое. Онъ не принималъ ее за стараго академика!.. И угадавшій ее человѣкъ былъ самъ Жанъ Сальви!..

Когда наступилъ обѣденный часъ, мать застала ее въ гостиной, попрежнему въ шляпкѣ, и восторженно покрывающей поцѣлуями самую обыкновенную газету.—Въ чемъ дѣло?—О! сегодняшняя статья Жана Сальви посвящена цѣликомъ „Внезапному пробужденію“!—Ну, что-жъ! тѣмъ лучше для господина или госпожи „Tchelovek“. Но откуда такой восторгъ и почему она такъ интересуется книгой, которой даже не читала?—И г-жа де-Гарэ взглянула на дочь со смутной тревогой и строгостью.

— Мама, дорогая мама, простите... Я должна вамъ признаться, что романъ этотъ мнѣ знакомъ...

— Ты его читала? Подобное неповиновеніе...

Прижимаясь къ матери и пряча голову на ея плечѣ, Марсель сказала:

— Мама, я не могу больше притворяться; нѣтъ, я не читала его... хуже! Я его написала.

— Ты!—вскричала ея мать съ такимъ ужасомъ, точно дѣло шло о величайшемъ позорѣ.

— Я, мама! Простите, больше не буду, — добавила она тономъ провинившагося ребенка. — Но, право, нельзя не при-

знаться, что устроить хоть разъ такую мистификацію всему Парижу очень ужъ забавно!

Подобная продерзость вернула г-жѣ де-Гарэ утраченный-было даръ слова, и съ бѣшенствомъ, какого Марсель никогда бы отъ нея не ожидала, она обрушилась на нее съ обвиненіями и упреками. Какое вѣроломство! Въ какое глупое положеніе поставила она мать! И до чего неделикатны нѣкоторые портреты романа! Напрасно убѣждала ее Марсель, что она же, вѣдь, не узнала ни ея и ни одного изъ дѣйствующихъ лицъ: теперь, когда завѣса спала съ ея глазъ, г-жа де-Гарэ увѣряла, что баронесса похожа до скандальности. Правда, баронесса увѣряла потомъ, что нельзя было не узнать г-жи де-Гарэ, выведенной въ страшно каррикатурномъ видѣ. И не слушая дочери, не желая даже заглянуть въ статью Сальви, она ушла къ себѣ. Марсель пришлось обѣдать одной,—пусть сообразитъ она всю чудовищность своего проступка. Но Марсель не чувствовала ни раскаянія, ни угрызеній совѣсти.

Г-жа де-Гарэ вызвала немедленно телеграммой сестру, ея неизмѣнную совѣтницу во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Какъ тутъ поступить? Прежде всего надо разлучить Марсель съ Лизой Жераръ, имѣющей на нее пагубное вліяніе, и помѣшать ей продолжать писать. Но, къ крайнему ея удивленію, баронесса отнеслась къ дѣлу совсѣмъ иначе. На что же собственно жалуется сестра? Прозябавшая доселѣ въ неизвѣстности, Марсель оказывалась внезапно на виду, и мало ли что̀ можетъ случиться еще! Она не утверждаетъ, что подобная исторія можетъ способствовать замужеству племянницы, но, вѣдь, обѣ онѣ давно предполагали, что Марсель останется старой дѣвой. Такъ зачѣмъ же отнимать у нея то, что̀ служитъ ей утѣшеніемъ? Къ тому же это безполезно: разъ начавъ писать, —этого уже болѣе не бросаютъ. Марсель уже совершеннолѣтняя,—пусть устроиваетъ свою жизнь по своему вкусу. А когда свѣтъ узнаетъ, кто „Tchelovek“, Марсель примутся баловать и приглашать повсюду наперерывъ. Мать не только не должна препятствовать ей, но даже всячески ею руководить. Г-жа де-Гарэ не могла опомниться отъ изумленія, а баронесса продолжала свое. Разумѣется, и она не посовѣтовала бы Марсель выбрать подобное поприще, и окажись романъ „Внезапное пробужденіе“ неудачнымъ, онѣ имѣли бы право стыдить ее. А тутъ—успѣхъ. Да и времена теперь не тѣ: женщина-писательница—уже не исключительное явленіе. Ихъ развелось немало, мужской костюмъ онѣ носятъ рѣдко, и принадлежатъ къ всевоз-

можнымъ кругамъ общества... даже королевы пишутъ... Слѣдовательно, Марсель очутится въ прекрасной компаніи, лишь бы она всегда держалась такъ, какъ это приличествуетъ дѣвушкѣ изъ хорошаго дома.

И хотя эта рѣчь не была по вкусу г-жѣ де-Гарэ,—она уступила сестрѣ, какъ и всегда. А баронесса рѣшила мысленно поскорѣе увѣдомить Рожé объ этой выходкѣ Марсель,—это будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для исцѣленія.

IV.

По странной случайности, письмо баронессы разошлось съ письмомъ ея сына, написаннымъ въ угрожающемъ, хотя и почтительномъ тонѣ. Онъ ставилъ ей свои условія напрямикъ: или она дастъ согласіе на его бракъ съ Марсель, или онъ никогда не вернется изъ Африки, гдѣ ему представляется случай примкнуть къ одной интересной экспедиціи вглубь неизвѣданныхъ нѣдръ страны. Онъ объявлялъ себя виновнымъ относительно Марсель; онъ не хочетъ выносить долѣе такое неопредѣленное положеніе, а хочетъ признаться ей во всемъ, потому что ему больно видѣть ея враждебность къ нему. Въ его послѣдній пріѣздъ въ Парижъ она относилась къ нему съ явной холодностью и презрѣніемъ. Итакъ,—согласна ли она отказаться навсегда отъ присутствія сына? Благословляя судьбу, доставившую ей такой превосходный отвѣтъ, баронесса отправила сыну, безъ всякихъ комментаріевъ, книжки журнала, заключавшія въ себѣ „Внезапное пробужденіе", выставивъ лишь подъ псевдонимомъ имя автора.

Рожé не отвѣчалъ, и баронесса объяснила себѣ это молчаніе по-своему: Рожé образумился, и все обстоитъ благополучно. Результатомъ этого явилось необыкновенно снисходительное отношеніе къ Марсель. Скоро г-жа де-Гарэ перестала сердиться, ибо на нее посыпались лестныя посѣщенія, похвалы по адресу дочери и даже спеціальныя приглашенія. Гости разсыпàлись въ любезностяхъ и возгласахъ:—Кто бы могъ предположить, что ея молчаливая дочь одарена такимъ воображеніемъ и такимъ стилемъ! Правда ли, что она не прибѣгала ни къ чьей протекціи и просто отправила рукопись въ редакцію, прося лишь отвѣта по почтѣ до востребованія? Какая деликатность и скромность! Называя вслухъ де-Гарэ счастливою матерью, дамы рѣшали мысленно воспретить дочерямъ дальнѣйшее знакомство съ Мар-

сель. Дѣвицы, Клара де-Вандъ, Берта Ребулэ, Кэтъ Морганъ и другія, завидовали Марсель, замѣченной такимъ человѣкомъ, какъ Жанъ Сальвѝ, но тутъ же обвиняли ее въ вѣроломствѣ. Какъ она провела ихъ! Одна только маленькая Николь Ферье́ не вызывала ни малѣйшаго удивленія, а только искреннюю радость: она всегда считала Марсель „особенной", а теперь просто благоговѣла передъ нею.

Между тѣмъ тайна Марсель стала извѣстна во всѣхъ свѣтскихъ кругахъ: одна газета high-life'а прозрачно намекнула на нѣкую молодую дѣвушку, носящую славное военное имя и съ такою же честью держащую въ рукахъ перо, какъ покойный отецъ ея—шпагу. Отрывки изъ „Внезапнаго пробужденія" появлялись въ разныхъ газетахъ, и Марсель была въ такой модѣ въ продолженіе добрыхъ трехъ недѣль, что г-жа де-Гарэ даже отказывалась отъ нѣкоторыхъ приглашеній, не желая играть роли „матери дебютантки". Такъ она отказала г-жѣ Гельманъ, звавшей ее на обѣдъ съ Жаномъ Сальвѝ, который желалъ познакомиться съ „Человѣкомъ". Отказъ ея нимало не опечалилъ Марсель, не стремившуюся познакомиться съ Сальвѝ; она поклонялась ему какъ поэту, но особа его не внушала ей любопытства. Портреты его не разъ попадались ей въ витринахъ магазиновъ, и это тонкое, утомленное лицо, скорѣе некрасивое, не очень противорѣчило тому понятію о немъ, которое она составила себѣ. Для нея личность его сливалась съ личностью „Юліана Отступника", и въ своемъ воображеніи она надѣляла его всѣми качествами, недостатками, преимуществами и слабостями той сложной, загадочной фигуры Юліана Отступника, что была выведена въ его драмѣ. Она предполагала, что Сальвѝ внесъ въ эту драму много своего, и не стремилась познакомиться съ нимъ лично. Она его какъ-то побаивалась, не взирая на проявленную имъ по ея адресу благосклонность.

Но баронесса нашла, что слѣдуетъ уступить просьбамъ г-жи Гельманъ и воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ поблагодарить г-на Сальвѝ. Скрѣпя сердце, дамы поѣхали на этотъ обѣдъ, и Марсель была какъ-то особенно прелестна въ совершенно простомъ бѣломъ туалетѣ.

У г-жи Гельманъ бывало весьма пестрое общество, и хозяйка несказанно гордилась тѣмъ, что̀ она называла своимъ „салономъ". Домъ ея славился отличнымъ поваромъ; а такъ какъ хозяйка была радушна и предоставляла своимъ гостямъ полную свободу, то бывали у нея охотно, и вокругъ ея стола часто собирались выдающіеся представители искусства и литературы.

Въ этотъ вечеръ, кромѣ Жана Сальвй, въ числѣ приглашенныхъ находились академикъ Фоконбъ, скульпторъ Дюфренуа, драматургъ Варадъ, египтологъ Шевноль и молодой писатель Максъ Риль, введшій сына хозяйки, Пьера Гельмана, въ редакцію одного новаго, претенціозно-декадентскаго журнала, помѣщавшаго даромъ стихотворную чепуху молодого богача. Въ числѣ дамъ находилась нѣкая миссъ Гардингъ, богатѣйшая сорокалѣтняя американка, основательница женскихъ коллегій въ Америкѣ и много путешествовавшая. Ея спокойная независимость приводила Марсель въ восторгъ.

Жанъ Сальвй явился только къ восьми часамъ, прямо къ обѣду, такъ что обычныя представленія были произведены на скорую руку, къ великому удовольствію Марсель. По крайней мѣрѣ, она успѣетъ немного приглядѣться къ нему, прежде чѣмъ онъ съ нею заговоритъ, если заговоритъ вообще. Ее охватывала дрожь при одной этой мысли.

За столомъ Жанъ Сальвй очутился какъ разъ противъ нея, рядомъ съ миссъ Гардингъ, съ которой онъ велъ оживленную бесѣду, посматривая иногда на Марсель изъ-за своихъ очковъ. Очевидно, онъ спрашивалъ себя: „Та ли это самая?“ Видя его такъ близко, Марсель должна была сознаться, что фотографія плохо передавала этотъ проницательно-чарующій взоръ, эту загадочную, не лишенную нѣкоторой доброты, улыбку. Она нашла его моложе, чѣмъ думала; волосы его уже немного рѣдѣли на вискахъ, бѣлокурая бородка острижена клиномъ, лицо—нервное и блѣдное. Какъ ни была предубѣждена противъ него г-жа де-Гарэ, она нашла его изящнымъ.

Не обращая вниманія на пустую болтовню своего сосѣда, графа де-Ретель, Марсель внимательно прислушивалась къ бесѣдѣ Сальвй съ миссъ Гардингъ.

— Да,—долетѣло до нея,—вы тамъ у себя подготовляете весьма замѣчательныхъ женщинъ, олицетворяющихъ собою, быть можетъ, идеалъ будущаго, женщинъ-мужчинъ, прошедшихъ всю мужскую науку. Я слѣжу отсюда не безъ любопытства за вашими попытками, но не вижу причины тому, чтобы вамъ стали подражать у насъ. Наши женщины, видите ли, знаютъ еще гораздо больше, не учась ничему.

Парадоксъ этотъ былъ привѣтствованъ веселымъ смѣхомъ. Миссъ Гардингъ шутливо отвѣчала:

— Не сомнѣваюсь, что онѣ гораздо лучше умѣютъ нравиться вамъ, но у насъ въ Америкѣ не думаютъ, что женщины

родятся на свѣтъ единственно для того, чтобы нравиться мужчинамъ. У насъ онѣ умѣютъ обходиться вовсе безъ мужчинъ.

И, какъ женщина, привыкшая говорить съ эстрады, миссъ Гардингъ стала разсказывать, что въ Соединенныхъ Штатахъ воспитаніе дѣтей и общественная благотворительность сосредоточиваются главнѣйшимъ образомъ въ рукахъ женщинъ; онѣ принимаютъ на себя часть общественныхъ обязанностей, потому что ихъ отцы, братья и мужья слишкомъ поглощены дѣлами; онѣ же твердо и высоко держатъ знамя нравственности. Такая „молодая дѣвушка" представляетъ для американцевъ несравненный идеалъ; сознавая это, замужнія дамы тоже стремятся подходить къ нему какъ можно ближе, а дѣвушкѣ повсюду принадлежитъ первое мѣсто. Марсель подумала про себя, что всей вселенной слѣдовало бы подражать этому примѣру.

Миссъ Гардингъ подробно описывала нѣкоторыя изъ американскихъ учрежденій. Къ бесѣдѣ присоединились и другіе мужчины. Фоконбъ, трудамъ котораго по соціальной экономіи американка только-что выразила свое уваженіе, восхвалялъ, частью изъ признательности, частью по убѣжденію, англо-саксонскія расы; къ нему присоединился Шевноль, потому что миссъ Гардингъ только-что сообщила ему, что въ филадельфійскомъ женскомъ клубѣ чтеніе выдержекъ изъ его послѣдняго реферата о іероглифахъ вызвало шумные аплодисменты. Но Сальви горячо вступился за латинскія расы, признавая ихъ превосходство, и, обращаясь къ миссъ Гардингъ съ одной изъ своихъ обольстительно-загадочныхъ улыбокъ, онъ сказалъ:

— Я рѣшаюсь утверждать это передъ вами, потому что вы—женщина передовая, а слѣдовательно, не придаете значенія тѣмъ устарѣлымъ формамъ вѣжливости, которыя примѣняются лишь къ существамъ слабымъ. Я берусь доказать вамъ, что англо-саксонскій умъ далеко не такъ широкъ, какъ нашъ умъ, что англо-саксы, въ сущности, менѣе искренни, чѣмъ латинскія расы, а главное они жестче. Въ силу этой-то своей природной жесткости, они вносятъ крайнюю методичность въ свои многочисленныя филантропическія учрежденія; имъ приходится создавать себѣ обязанности, потому что ихъ не увлекаетъ, какъ насъ, порывисто-инстинктивная доброта. Въ душѣ они—надменные гордецы, тогда какъ мы были всегда и остались доселѣ истинными демократами, если примѣнять это названіе къ тѣмъ, кто всего болѣе вѣритъ въ братство людей. Добавлю также, что ни въ одной странѣ не умѣютъ такъ идти на помощь всякому прогрессу, какъ у насъ.

— Но если такъ,—возразила безъ тѣни раздраженія миссъ Гардингъ,—почему же вы не протестуете, когда васъ обвиняютъ въ упадкѣ, а даже сами себя въ этомъ же обвиняете? Вѣдь рано или поздно этотъ-то упадокъ и приведетъ къ смерти всѣ состарѣвшіяся расы.

— Потому что, по нашему, этотъ мнимый упадокъ, которому такъ завидуютъ обличающіе его, приноситъ гораздо болѣе прекрасные плоды, чѣмъ грубая мужественность другихъ. Мы назовемъ это, если хотите, зрѣлостью и сопоставимъ съ иными незрѣлыми плодами, которые, несомнѣнно, успѣютъ еще пріобрѣсти и вкусъ, и цвѣтъ; но такъ какъ жизнь человѣческая—мгновеніе, то человѣкъ въ это мгновеніе предпочитаетъ спѣлый персикъ. Единственное, что я могу признать за вами, это организаторскую способность, до которой намъ далеко. Мы же растрачиваемъ понапрасну лучшія качества, потому что лишены этого необходимаго, хотя и второстепеннаго дара. Въ насъ говорятъ лѣность, безпечность, вѣковая потребность въ опекѣ власти. Вотъ почему въ европейскихъ странахъ монархъ, армія и церковь могущественны попрежнему. Мы хотимъ, чтобы власти, на которыхъ возложена обязанность насъ оберегать, не мѣшали намъ свободно предаваться творчеству въ области мысли, науки или искусства... Мы отнюдь не желаемъ взваливать на себя тяжкую обузу общественныхъ интересовъ, тогда какъ американцу они нимало не претятъ, и онъ способенъ, при нуждѣ, совмѣщать различныя обязанности, до личнаго примѣненія закона Линча ко всякому нарушителю общественнаго спокойствія.

Варадъ замѣтилъ, что во Франціи и въ Италіи эпохи величія латинскихъ расъ совпадали съ эпохами самой тираннической единоличной власти.

— Да,—отвѣтилъ Сальви,—а такъ какъ въ будущемъ суждено, повидимому, восторжествовать принципу ассоціаціи, то позволительно спросить себя, съумѣютъ ли латинскія расы извлечь прокъ изъ этого положенія вещей; но вѣдь это будетъ лишь переходнымъ фазисомъ передъ тѣмъ всемірнымъ переворотомъ, который преобразитъ все, и я думаю, что мы выйдемъ изъ него менѣе изувѣченными, нежели другіе. Если же мы не только допускаемъ, а даже сами употребляемъ слово „упадокъ", такъ это просто изъ-за какой-то небрежно-напускной рисовки. Но это слово—звукъ пустой, не болѣе,—будьте въ томъ увѣрены, миссъ Гардингъ.

— Вы, я вижу, патріотъ,—сказала та съ улыбкой.

— Страстный патріотъ, миссъ, когда говорю съ иностранцами...

Обѣдъ кончился и всѣ встали изъ-за стола. Направляясь подъ-руку съ Марсель въ гостиную, графъ де-Ретель, къ великому ея негодованію, замѣтилъ, что если во Франціи разведутся такія женщины, какъ эта американка, то самое лучшее будетъ всѣхъ ихъ сразу передушить.

Въ гостиной внезапно свершилось то, чего она такъ страшилась. Жанъ Сальвѝ нагнулся къ уху хозяйки дамы, а та сейчасъ же подвела его къ Марсель и сказала:

— Вотъ тотъ *Человѣкъ*, котораго вы прославили...

— Mademoiselle обязана всѣмъ лишь себѣ одной,—замѣтилъ серьезно Сальвѝ, а Марсель вскричала съ живѣйшей благодарностью:

— Ахъ, я ровно ничего изъ себя раньше не представляла... Вы открыли во мнѣ что-то, и, благодаря вамъ, это во мнѣ признали другіе. Впрочемъ, я перестала придавать значеніе мнѣнію другихъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы подали за меня голосъ.

Искренній, сердечный порывъ прелестной дѣвушки тронулъ его, и онъ сталъ очень любезенъ. Онъ радъ, что не былъ знакомъ съ нею раньше, потому что это помѣшало бы ему судить о ней безпристрастно. Видя, что дѣло идетъ на ладъ, г-жа Гельманъ увлекла дальше за собою г-жу де-Гарэ и оставила Марсель вдвоемъ съ Сальвѝ, который спрашивалъ ее теперь, намѣрена ли она продолжать писать.—О, она уже высказала все, что̀ имѣла сказать; вѣдь она еще такъ мало жила, что у нея вовсе нѣтъ жизненнаго опыта.—Ну, это ничего не значитъ, передъ нею еще цѣлая жизнь. Романъ ея интересенъ, потому что она высказала въ немъ продуманныя и прочувствованныя вещи, но недостатковъ въ немъ очень много... Марсель разсмѣялась отъ души. Да, онъ намекнулъ объ этомъ въ своей статьѣ, почему она и повѣрила искренности всего имъ тамъ высказаннаго... Это полное отсутствіе авторскаго самомнѣнія восхитило Сальвѝ, и онъ принялся подробно ее разспрашивать, когда и какъ почувствовала она призваніе къ перу, и т. д. Радуясь явной симпатіи и пониманію своего собесѣдника, Марсель довѣрчиво ему отвѣчала; но когда, одобряя жизненность выведенныхъ ею дѣйствующихъ лицъ, Сальвѝ заявилъ, что повстрѣчайся онъ съ ея неблагоразумной героиней, онъ потерялъ бы голову,—Марсель растерялась: она щедро наградила эту героиню своими собственными недостатками. Сальвѝ теперь слегка ее поддразнивалъ: мать героини тоже хорошо написана и даетъ ясное понятіе о

томъ, до чего иной разъ можетъ быть несносна безукоризненная добродѣтель!..—Да нѣтъ же, она имѣла въ виду женщину добрѣйшую, преисполненную наилучшихъ намѣреній, и если ей это не удалось...—Потому что правда всегда беретъ верхъ... Вотъ и молодой человѣкъ—совсѣмъ живой! Какъ! это не портретъ, а фикція? Странно... А ему показалось, что ея описаніе—результатъ тщательныхъ наблюденій.—Волненіе ея было такъ очевидно, что онъ нагнулся и спросилъ ее шопотомъ:—Итакъ, она его сильно любила?—Марсель хотѣла-было протестовать противъ этого вторженія въ тайники ея души, но подъ упорно-проницательнымъ взглядомъ его прищуренныхъ глазъ она могла только безсознательно пролепетать:—Не знаю...

Сальвй поднялся съ такимъ сіяющимъ видомъ, что г-жа де-Гарэ почувствовала смутную тревогу, а г-жа Гельманъ замѣтила шутливо, что это—цѣлое интервью!—Разумѣется, онъ не хотѣлъ пропустить такого удобнаго случая проникнуть въ тайну творчества „Человѣка“. Миссъ Гардингъ, читавшая „Внезапное пробужденіе“ и не находившая тамъ ничего особеннаго, недоумѣвала. Никогда въ Америкѣ не шумѣли бы такъ изъ-за какого-то женскаго романа,—тамъ это явленіе заурядное. Сальвй вступился:—Но зато онъ слышалъ, что таланты у нихъ все какіе-то любительскіе!—Американка полюбопытствовала, считаетъ ли онъ m-lle де-Гарэ прирожденной писательницей, а ея романъ—шедёвромъ?

— Шедёвръ—это она сама, съ ея естественностью и простотой!

— А! вотъ это я понимаю!..—И миссъ Гардингъ, будто перемѣняя предметъ разговора, небрежно спросила:—Я слышала, что вы—большой коллекціонеръ и любитель всего прекраснаго...

— До сихъ поръ коллекціи мои были довольно разношёрстныя; но въ мои годы становишься требовательнымъ... и хочешь имѣть...

— Только шедёвры,—спокойно докончила миссъ Гардингъ. —Это весьма понятно.

А черезъ нѣсколько дней, прощаясь, передъ отъѣздомъ въ Америку, съ г-жей Гельманъ, она замѣтила, что готова побиться объ закладъ, что къ ея слѣдующему пріѣзду одной писательницей будетъ меньше, но зато одной свадьбой будетъ больше, ибо „Tchelovek“—не что̀ иное какъ женщина... О, прелестная женщина, какъ всѣ француженки,—но все-же не болѣе, какъ бѣдное существо, обреченное на рабство...

Проницательная американка была права. Первая встрѣча

Жана Сальвй съ „Человѣкомъ“ произошла въ первой половинѣ іюня, а въ сентябрѣ Марсель де-Гарэ превратилась въ г-жу Сальвй.

V.

Незамѣтно и нечувствительно для самой себя Марсель оказалась окутанной точно сѣткой тончайшихъ шолковыхъ нитей и очутилась во власти Сальвй. Никогда потомъ не могла она дать себѣ отчета въ происшедшемъ. Сальвй съумѣлъ быстро очаровать г-жу де-Гарэ и добиться разрѣшенія бывать въ ея домѣ. Баронесса только и дѣлала, что превозносила его при Марсель, потому что получила наконецъ отъ сына приблизительно слѣдующее письмо:

„Вы не знаете и не можете знать, съ какой болью прочелъ я этотъ романъ и какую бурю вызвалъ онъ въ моей душѣ. Сначала я вознегодовалъ на всѣхъ и на все, но потомъ во мнѣ наступилъ полный переворотъ. Теперь я вижу только, что она любила меня въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ я предполагалъ, и что я въ тысячу разъ виновнѣе передъ нею, чѣмъ думалъ; насъ раздѣляютъ ужасныя недоразумѣнія, и, быть можетъ, ихъ возможно еще разсѣять. Ей нужна поддержка, руководство, надо спасти ее отъ пагубныхъ вліяній.—Это мой долгъ, и ничто не помѣшаетъ мнѣ исполнить его. Я выпросилъ себѣ отпускъ, и скоро пріѣду оправдаться передъ нею.

„Если вы меня хоть немного жалѣете, подготовьте ее къ моему возвращенію! Одно ваше слово будетъ дѣйствительнѣе всѣхъ моихъ рѣчей. Пусть она знаетъ, въ чемъ состояло препятствіе, черезъ которое я теперь перешагну во что̀ бы то ни стало,—знайте это, матушка,—если вы не устраните его сами“.

Марсель никогда не узнала объ этомъ письмѣ; баронесса его немедленно сожгла и принялась усердно помогать Сальвй.

Сальвй чувствовалъ сильное влеченіе къ Марсель. То былъ острый капризъ, въ который входили возбуждающіе элементы: онъ первый открылъ эту звѣздочку и помогъ ей заблистать на парижскомъ небосклонѣ, а теперь, изъ любви къ нему, — и въ этомъ-то и заключался настоящій тріумфъ,—она потихоньку скатится съ этого небосклона. Написанный ею романъ изобличалъ въ ней умъ и страстность, а Сальвй не пренебрегалъ умомъ въ соединеніи съ молодостью и физическою красотою, — лишь бы все это приносилось ему въ даръ; кромѣ того, несмотря на всю свою опытность, онъ не извѣдалъ еще прелести дѣвственнаго чув-

ства. Онъ хотѣлъ, чтобы она полюбила его такъ же наивно-бурно, какъ она описала свою любовь къ другому. Одержать верхъ надъ молодымъ соперникомъ — успѣхъ не банальный. Къ тому же, внутренно онъ представлялъ себѣ это совсѣмъ иначе; выходило такъ, точно онъ собирался вырвать Марсель изъ тоскливой домашней обстановки, спасалъ ее отъ опасностей и риска карьеры, для которой, въ сущности, не создана ни одна женщина, если она дѣйствительно женственна. По крайней мѣрѣ таково было мнѣніе Сальви̂.

Ничего этого не подозрѣвая, Марсель просто наслаждалась настоящей минутой. Она увлеклась своими бесѣдами съ этимъ избраннымъ умомъ, и онѣ возвышали ее въ ея собственныхъ глазахъ. Какъ все это было непохоже на ея увлеченіе Рожé! Теперь она конфузилась прошлаго, оно казалось ей грубоватымъ ребячествомъ. Читая въ ея душѣ, какъ въ открытой книгѣ, Сальви̂ рѣшилъ добиться бо̀льшаго, нежели это робкое поклоненіе. Большой побѣдитель сердецъ, онъ всегда могъ до сихъ поръ подвести любую изъ своихъ побѣдъ подъ какую-нибудь опредѣленную категорію. Но личность „Человѣка“ заслуживала болѣе пристальнаго изученія.

Случилось такъ, что Сальви̂ не засталъ разъ дома г-жи де-Гарэ, и горничная колебалась принять его, зная что въ отсутствіе матери барышня не принимаетъ. Но онъ такъ увѣренно объявилъ, что его ждутъ именно сегодня, что горничная пошла передать это Марсель. Она улыбнулась и вышла къ нему. Онъ объяснилъ ей свою уловку тѣмъ, что давно уже ему хочется съ нею поговорить наединѣ. Пора ей узнать, что̀ онъ за человѣкъ, а то она знаетъ его только по его произведеніямъ и составила себѣ о немъ ошибочное понятіе. Друзьямъ, вѣдь, необходимо знать хорошенько другъ друга. И онъ принялся объяснять ей себя, разумѣется, съ различными литературными прикрасами. Онъ былъ сынъ торговца желѣзомъ, но артиста въ душѣ. Мать его слѣпо любила, и эта-то слѣпая привязанность развила эгоизмъ въ его душѣ. Умный ребенокъ, онъ учился превосходно и росъ посреди невѣроятнаго баловства и лести, такъ что рано привыкъ быть центромъ заботъ и думъ окружающихъ. Теперь онъ сознавался, что пока мать его была жива, онъ принималъ отъ нея все, безъ зазрѣнія совѣсти, не заботясь о томъ, что она многаго лишала себя для него. Разсказывая объ этомъ, онъ выражалъ запоздалыя угрызенія совѣсти, и ему казалось, что онъ и тогда уже ихъ чувствовалъ. Таковы ужъ исповѣди людей съ воображеніемъ, — они создаютъ себѣ пьедесталъ изъ собственныхъ

недостатковъ. И какъ безрасудно провелъ онъ свою молодость! Ему часто казалось, что онъ любитъ, а потомъ только онъ понялъ, что лишь искалъ любви, и искалъ тщетно. И если этого достаточно, чтобы вдохновить поэта, то для счастія человѣческаго этого мало.

Съ той минуты всѣ его рѣчи къ Марсель имѣли какъ бы тайный смыслъ.—Теперь я могъ бы быть счастливымъ, еслибы вы того захотѣли!—вотъ что̀ чудилось ей въ его словахъ. Разъ она даже отважилась спросить его, почему же, если онъ чувствуетъ себя до того одинокимъ, онъ не подумалъ никогда жениться?—Потому что не находилъ подходящей для себя жены; вѣдь, онъ уже и не молодъ. Къ тому же, онъ все мечталъ встрѣтить женщину, отвѣчающую его идеалу своеобразной и рѣдкой красоты! И онъ принялся описывать этотъ воображаемый идеалъ.

И описаніе это было таково, что Марсель не могла не узнать себя, и густо покраснѣла. Неужели она такова въ его глазахъ? То было дивное ощущеніе, превосходящее радость сознанія своей дѣйствительной красоты.

— Мнѣ хотѣлось бы также видѣть ее снисходительной и доброй, то-есть и умной; хотѣлось бы, чтобы и она сама кое-что уже перенесла, а потому понимала бы чужое страданіе. Я не хотѣлъ одной изъ тѣхъ невинныхъ овечекъ, которыя даютъ себя выдать замужъ насильно, или одной изъ тѣхъ положительныхъ мѣщанокъ, что судятъ о достоинствахъ человѣка по размѣру его заработка; не выбралъ бы ни одной изъ тѣхъ образованныхъ барышенъ, полу-таланты которыхъ хуже самаго грубаго невѣжества; ни одной изъ тѣхъ свѣтскихъ кокетокъ, что мечтаютъ только о выѣздахъ. Словомъ, я не хотѣлъ и слышать о тѣхъ лживыхъ контрактахъ, что такъ распространены подъ именемъ брака. Что̀ же мнѣ оставалось? Развѣ ждать чуда—встрѣчи съ вполнѣ отвѣчающей моимъ вкусамъ и понятіямъ женщиной, да еще такой, которая отдалась бы всецѣло своему мужу, ибо въ томъ бракѣ, какой я понимаю, женщина не должна сохранять свою индивидуальность, а слиться всецѣло съ мужемъ и въ мужѣ.

— Прекрасна была бы судьба такой женщины,—сказала невольно Марсель, подъ вліяніемъ какъ бы исходящаго изъ него магнетизма, охваченная властною потребностью самоотверженія.

— Говорите ли вы о другой, или о самой себѣ, дорогое дитя мое?—спросилъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ, и никогда не могла она понять, что̀ заставило ее отвѣтить:

— Я говорю о той, о комъ вы думаете сами!

Потребность расточать счастіе другимъ такъ сильна въ иныхъ женщинахъ, что когда онѣ могутъ, произнеся нѣсколько словъ, сдѣлать этимъ чудный даръ, онѣ берутъ на себя роль благодѣтельной феи, рискуя всѣмъ.

Сальвѝ схватилъ ее за руки, страстно привлекъ ее къ себѣ и прошепталъ, нѣжно цѣлуя ее:—И „Человѣкъ" пересталъ бы существовать?

— „Человѣку" я обязана встрѣчей съ вами, и существовалъ онъ только для этого,—отвѣчала Марсель, все существо которой рвалось на встрѣчу благородной миссіи—превратиться въ безличную утѣшительницу и вдохновительницу.

Баронесса Эдуенъ немедленно увѣдомила сына объ этой помолвкѣ. Пусть онъ не думаетъ, что Марсель его когда-либо любила,—вовсе нѣтъ; у нея на первомъ планѣ мозгъ, и ея влеченіе къ нему годилось только на то, чтобы написать на эту тему романъ. Теперь же она безумно влюблена въ зрѣлаго уже поэта, Жана Сальвѝ, лѣтъ сорока. Выборъ недуренъ. Сальвѝ пользуется большой извѣстностью, обладаетъ небольшимъ состояніемъ, унаслѣдованнымъ отъ родителей, и собственнымъ домикомъ въ Пассѝ. Никогда онъ, Рожé, не далъ бы счастія такой натурѣ, какъ Марсель. Правда и ложь были такъ искусно перемѣшаны въ письмѣ матери, что со многимъ, а главное съ послѣднимъ, онъ согласился... Накупивши на тунисскомъ базарѣ арабскихъ украшеній, онъ отправилъ ихъ кузинѣ безъ всякаго письма, а затѣмъ примкнулъ къ опасной научной экспедиціи. Словомъ, онъ стушевался просто и безшумно.

Зато Лиза Жераръ искренно жалѣла, что Марсель, которой, по ея мнѣнію, была суждена большая литературная извѣстность, такъ быстро избрала себѣ банальную колею замужества. Она находила, что талантъ можетъ свободно развиваться только въ безбрачіи, и что замужество, подчиняя, унижаетъ женщину. Впрочемъ, почему знать, что̀ дастъ этотъ союзъ двухъ свѣтилъ? Поддержалъ же Сальвѝ „Человѣка", не зная его; почему бы ему и не продолжать? Только гораздо позднѣе сообразила она, что „Человѣкъ" былъ для Сальвѝ отвлеченностью, а теперь дѣло шло о женщинѣ, ставшей его достояніемъ.

Поняла это Лиза, какъ только увидала Марсель съ ея женихомъ: подруга ея была уже обезличена; всѣ ея слова и дѣйствія клонились лишь къ тому, чтобы нравиться своему избраннику. Лиза и Сальвѝ почувствовали другъ къ другу мгновенную сильнѣйшую антипатію. Когда Марсель объяснила жениху, что „Человѣкъ" появился на свѣтъ, благодаря Лизѣ, онъ сейчасъ же

сообразилъ, отчего „Внезапное пробужденіе“ отзывалось немножко соціализмомъ, и рѣшилъ, что надо будетъ держать подальше эту бѣдно одѣтую дурнушку, ополчившуюся на родъ людской, потому что въ жизненной лотереѣ ей самой попался плохой билетъ. А Лиза почувствовала, что онъ не позволитъ женѣ имѣть друга, и поняла, что человѣкъ этотъ потребуетъ все, прежде чѣмъ самъ что-либо дастъ. И внезапно ей пришло въ голову гдѣ-то вычитанное выраженіе: „Убійца лебедей“! Да, эти мнимые влюбленные — именно убійцы лебедей, убійцы идеаловъ! Такимъ будетъ и этотъ человѣкъ, мнящій себя поэтомъ потому, что онъ ловко нанизываетъ звучныя риѳмы, но лишенный души поэта. И чуть-было Лиза не крикнула всей правды Марсель,—не крикнула ей, что на половину его влеченіе къ ней состоитъ изъ удовольствія принизить ее Но Лиза сдержалась.

Но тутъ была и доля клеветы; въ данную минуту Сальвй отдавался всецѣло прелести ощущенія,—чувствуя себя вновь молодымъ и влюбленнымъ. Въ немъ вспыхнула запоздалая страсть, — вѣдь „Человѣкъ“ не представляетъ изъ себя только женщину, которою можно обладать, а загадку, съ которою нужно было справиться. Это было интереснѣе той обычно-бѣлой страницы, куда первый встрѣчный можетъ вписать что ему вздумается; нѣтъ, то была прелюбопытная страница, которую непремѣнно хотѣлось прочесть, хотя бы для того, чтобы стереть ее потомъ совсѣмъ, запечатлѣвши несмываемой печатью властелина. „Человѣкъ“ былъ несомнѣнно обреченъ на исчезновеніе, но онъ-то и придавалъ обаяніе m-lle де-Гарэ, которая сама по себѣ его не покорила бы, имѣя несчастіе принадлежать къ категоріи барышенъ-невѣстъ, тогда какъ „Человѣкъ“ былъ грёзой, тѣмъ болѣе соблазнительной, что эта грёза всегда могла исчезнуть. Обрѣзать ей крылья, приручить ее на пользу одного человѣка — было заманчиво. Но подобно тому, какъ любопытныя дѣти, сломавъ игрушку, чтобы посмотрѣть, что у нея внутри, сразу разочаровываются, такъ разочаровался и Жанъ Сальвй. Ненасытный и пресыщенный, онъ искалъ въ этой, нетерпѣливо имъ схваченной игрушкѣ рабыню, вдохновительницу, друга и любовницу,—а нашелъ въ ней лишь честную женщину, не умѣвшую придать кокетствомъ пикантности своей весьма спорной красотѣ и ожидавшую отъ него, несмотря на весь свой умъ, того, чего онъ дать ей не могъ.

VI.

Новобрачные уѣхали въ Италію и прожили шесть недѣль въ Венеціи, гдѣ Сальвѝ очень скоро сказалъ себѣ, что ошибся въ женѣ. Когда въ первыя двѣ недѣли супружества не имѣется на лицо того блаженнаго упоенія, которое держитъ влюбленную парочку въ какомъ-то угарѣ, то положеніе двухъ людей, связанныхъ навѣки, становится по истинѣ трагическимъ. Супруги невольно наблюдаютъ другъ за другомъ, и, несмотря на всю условность положенія, на всю обманчивость обстановки свадебныхъ поѣздокъ, они начинаютъ уже провидѣть то, *что будетъ*. Однако-же, въ первые дни Марсель была идеально счастлива или воображала себя счастливой, чтò, въ сущности, одно и то же. Гордость внушенной любви, радость сознанія, что она заставила отъявленнаго пессимиста признать, что жизнь можетъ еще быть прекрасной, также и прелесть первой поѣздки—опьяняли ее. Воспріимчивая и впечатлительная, Марсель всего больше влюбилась въ красоту Венеціи; сначала Сальвѝ нравилось пояснять этому молодому, любознательному уму особенности окружавшей ихъ картины, но скоро это ему надоѣло. Восторги жены показались ему черезчуръ дѣтскими, и онъ упрекнулъ ее въ подражаніи американкамъ, жаднымъ до экскурсій и осмотровъ музеевъ. Въ Венецію надо ѣздить только для того, чтобы забывать о дѣйствительности и всецѣло погружаться въ эту атмосферу лѣни и упоеній. Марсель смутилась, чувствуя, что настроенія ихъ расходятся, и она не отвѣчаетъ его желаніямъ. И она обрадовалась, когда Сальвѝ объявилъ, что его посѣтило вдохновеніе, и онъ намѣренъ засѣсть дома за работу.

Марсель обрадовалась и потому, что помнила его слова передъ свадьбой. Онъ жаловался, что по мѣрѣ того, какъ онъ стремится къ недосягаемому совершенству, творчество его ослабѣваетъ,—теперь же эта жизнь вдвоемъ, очевидно, возрождала его. И восхищенію ея не было границъ. Пока мужъ ея работалъ, Марсель чаще всего коротала время за письмами къ матери, къ Лизѣ и къ Николь Ферьé, горько плакавшей, когда она уѣзжала, и говорившей, что Марсель ее теперь совсѣмъ забудетъ. Но никого не забывала Марсель, и хотя жила она точно въ сказкѣ, ей чего-то недоставало. Она сама не знала, чего именно, тогда какъ мужъ ея, вѣроятно, зналъ. И вотъ иногда, отрываясь отъ работы, онъ взглядывалъ съ улыбкой на лежавшіе подлѣ

нея исписанные листки, и говорилъ, шутя:—Вы плутуете! Это сочинительство!

Вначалѣ Сальвѝ, такъ долго жившій въ одиночествѣ, забавлялся, какъ новинкой, экспансивностью Марсель и охотно болталъ съ нею. Но скоро онъ сталъ мысленно сравнивать это „щебетаніе восторженно-умненькой пансіонерки“ съ величественной невозмутимостью одной временной подруги жизни, когда-то обрѣтенной имъ здѣсь, въ Венеціи, поразительной, безмѣрно-тупой красавицы. Она была какъ бы воплощеніемъ какой-нибудь догарессы, олицетворяя собою прошлое Венеціи. Двадцати словъ въ день она, зачастую, не произносила, но умѣть любить это ей не мѣшало. И никогда еще мимолетная, безнравственная любовь не казалась Жану Сальвѝ такой соблазнительной, какъ теперь. Да, эта безмолвная, эффектная куртизанка вполнѣ подходила къ сладострастной Венеціи. Памяти этой-то женщины и посвятилъ Сальвѝ свои три лучшихъ сонета, три шедёвра, которые онъ и прочелъ Марсель. Она затрепетала отъ восторга, но сердце ея больно сжалось. Какая красота! но не такова теперь передъ ихъ глазами Венеція. Въ ея словахъ былъ невольный, невысказанный упрекъ. Сальвѝ разсердился. Ничего-то она не понимаетъ: если поэтъ можетъ и долженъ вдохновляться своими впечатлѣніями, то посвящать въ нихъ публику, фотографировать передъ нею самого себя и своихъ близкихъ, было бы верхомъ безвкусія. Она покраснѣла: вѣдь „Человѣкъ“ именно съ этого и началъ... И она опечалилась при мысли, что мужъ хотѣлъ дать ей понять, что ея нескромныя изліянія и помѣшали ей стать художникомъ пера. Но пока она печалилась, Сальвѝ былъ веселъ и доволенъ, радуясь удавшейся работѣ. Въ эту минуту ей стало ясно, что сердца ихъ бьются не въ унисонъ. Объявивъ, что пора ему развлечь свою бѣдную жёнку, прожившую эти дни затворницей, онъ весело повелъ ее ѣсть мороженое въ кафе́ на площади Св. Марка. Тамъ, беззаботно разсматривая прохожихъ, онъ внезапно воскликнулъ:—Какая хорошенькая дѣвушка!—и указалъ Марсель на группу изъ трехъ лицъ, переходившихъ площадь. Группа эта состояла изъ пожилой, элегантной, повидимому, вполнѣ свѣтской дамы, опиравшейся на руку бѣлокураго и безбородаго юноши, очевидно, ея сына, судя по сходству, и молодой дѣвушки, шедшей подлѣ нихъ. Марсель узнала въ ней Кэтъ Морганъ и сообщила мужу все, что̀ знала о ней изъ писемъ Николь Ферье́. Кэтъ бѣдна, но имѣетъ вкусы богатой дѣвушки, и такъ какъ ей надоѣло прозябать въ домѣ своей старой родственницы-опекунши, то она и приняла мѣсто

компаньонки, доставленное ей г-жей Гельманъ. Она должна была сопровождать въ Россію какую-то важную русскую барыню, имени которой Марсель не помнила. Хотя подобная зависимость должна тяготить,—она увѣрена, что Кэтъ относится къ этому философски, потому что ничто не было для нея противнѣе ея мизернаго прозябанія. Сальвѝ согласился подойти съ женой къ Кэтъ, и они пошли на встрѣчу заинтересовавшей ихъ группѣ.

Завидя Марсель, Кэтъ бросилась къ ней съ радостнымъ восклицаніемъ:—Какой очаровательный сюрпризъ!—Пока Марсель представляла его подругѣ, Сальвѝ говорилъ себѣ мысленно, что въ этой дѣвушкѣ ничто не обличаетъ смиренной компаньонки. Кэтъ была въ восторгѣ: то-то обрадуется графиня! Она такъ падка до знаменитостей... И Кэтъ увлекла за собою Марсель и ея мужа, подвела ихъ къ своимъ остановившимся съ заинтригованнымъ видомъ спутникамъ и торжественно представила ихъ:—Поэтъ Жанъ Сальвѝ!.. Его жена, о которой мы съ вами такъ часто говорили, графиня!

— О! *Человѣкъ*!—вскричала графиня, протягивая обѣ руки Марсель, пока Сальвѝ, нахмурясь, отвѣчалъ на поклонъ молодого человѣка.

— Графиня Шестова... Сынъ ея, графъ Василій,—продолжала Кэтъ.

— Мы знаемъ ваши стихи наизусть, monsieur Сальвѝ,—сказала графиня.—Въ Россіи у васъ не менѣе поклонниковъ, чѣмъ во Франціи, и я счастлива, что могу вамъ это сказать. Мы остановились въ гостинницѣ Даніелли; не сдѣлаете ли вы намъ честь отобѣдать сегодня съ нами, вы и ваша супруга?

Приглашеніе было принято, но только на другой день. По дорогѣ домой, Сальвѝ замѣтилъ, что графу Василію не придется скучать подлѣ такой хорошенькой компаньонки. Впрочемъ, это въ порядкѣ вещей, чтобы хорошенькія компаньонки влюбляли въ себя сына дома. Марсель смѣялась, но удивлялась тому, что мужъ ея, не хотѣвшій раньше и слышать о знакомствахъ или встрѣчахъ, такъ легко принялъ подобное приглашеніе и былъ такъ любезенъ.—Да вѣдь это иностранцы; они уѣдутъ черезъ нѣсколько дней, и знакомству—конецъ. Къ тому же онъ думалъ, что Марсель рада свидѣться съ давнишней подругой.—Но Марсель возразила, что Кэтъ для нея—не болѣе, какъ простая знакомая.

На другой день Марсель такъ рѣшительно прервала комплименты графини по своему адресу, что та, перенесла всѣ свои любезности на Сальвѝ, который принималъ ихъ весьма благо-

склонно. Графиня разсказала о своемъ намѣреніи заказать одному молодому художнику картину, изображающую великихъ поэтовъ всѣхъ эпохъ, посреди идеальнаго ландшафта, причемъ одно изъ первыхъ мѣстъ всегда предназначалось ею Жану Сальвй. Тотъ удивился ровно настолько, насколько этого требовала самая элементарная скромность; а Марсель, часто умѣрявшая свои похвалы изъ уваженія къ мужу, не могла не констатировать, что самый грубый ѳиміамъ прекрасно переносится, лишь бы его курили въ чрезмѣрномъ количествѣ. И эта слабость умаляла ея кумира въ ея глазахъ. Но это еще не все: она замѣчала, что Сальвй былъ болѣе блестящимъ собесѣдникомъ въ кругу чужихъ людей, чѣмъ въ интимной жизни. Кому же хотѣлъ онъ тутъ нравиться? И Марсель замѣчала, что онъ охотно слушаетъ пустую болтовню Кэтъ.

Та сіяла. Встрѣча съ Марсель и ея мужемъ оказала ей большую услугу: графиня стала уже съ нею менѣе высокомѣрна. Сначала эти слова покоробили Марсель, но она сейчасъ же подумала, что Кэтъ совсѣмъ еще ребенокъ. Но скоро Кэтъ ее въ этомъ разубѣдила. Улучивъ удобную минуту, она громко сказала Марсель, что передъ отъѣздомъ изъ Парижа встрѣтила баронессу Эдуэнъ; бѣдная баронесса была очень удручена, потому что давно уже не имѣла извѣстій отъ сына... Она тѣмъ болѣе тревожилась, что сынъ ея былъ разъ уже раненъ, а въ газетахъ пишутъ о какой-то войнѣ въ Суданѣ. И что̀ за странная идея, начавши блистательно карьеру на родинѣ, уѣхать вглубь Африки и нарочно тамъ застрять? Что̀ побудило его къ такому безумному шагу?—Это было до того неожиданно, что Марсель покраснѣла, растерялась, и, чувствуя это, съ трудомъ отвѣчала, что двигало ея кузеномъ честолюбіе, желаніе поскорѣе отличиться. Подъ шумокъ общаго разговора она оправилась, но чувствовала на себѣ короткіе, подозрительно-внимательные взгляды мужа. Послѣ обѣда, подсѣвъ къ Марсель, Кэтъ принялась беззаботно передавать ей новости объ ихъ общихъ парижскихъ пріятельницахъ. Напримѣръ, Клара де-Вандъ попрежнему питаетъ слабость къ военнымъ, и когда баронесса Эдуэнъ показала ей портретъ сына, снятый въ Тунисѣ, эта сумасбродка вскричала, что онъ сталъ еще красивѣе, чѣмъ когда-либо. Сальвй, казалось, былъ поглощенъ разговоромъ съ графиней, но тутъ онъ обернулся и проговорилъ:

— Вотъ какъ! я не зналъ, что вашъ кузенъ такой Адонисъ!

Марсель небрежно возразила, что онъ вовсе не Адонисъ, но наружность его, дѣйствительно, сразу располагаетъ въ свою

пользу.—Кэтъ продолжала беззаботно, въ полголоса болтать съ Марсель. Нѣтъ, вотъ кто душка, такъ это ея мужъ! Какая она счастливица! Никогда-то она не стремилась выйти замужъ, а вотъ какъ ей посчастливилось, тогда какъ другія!..—И Кэтъ такъ глубоко вздохнула, что Марсель сейчасъ же ее пожалѣла.
—Не надо отчаяваться,—графиня, повидимому, добрая женщина!..
—О, да, она мила при свидѣтеляхъ, но на дѣлѣ—это воплощенный капризъ. По ночамъ она не спитъ, встаетъ только къ полудню; почему ночью ей приходится долго читать вслухъ, а завтракать приходится вдвоемъ съ этимъ желтоволосымъ балбесомъ. День проходитъ въ бѣготнѣ по магазинамъ съ графиней, а иногда надо садиться за рояль, чтобы она могла подремать,—музыка только для этого, по ея мнѣнію, и существуетъ. А что-то будетъ дальше, въ Россіи, въ глуши Малороссіи, между скучающей графиней, ея сыномъ, уже ухаживающимъ за нею, и какимъ-то старымъ, полуслѣпымъ родственникомъ, которому ей придется служить секретаремъ!

Поздно вечеромъ супруги возвращались домой молчаливо. Уже ранѣе приходившая ему одна мысль принимала теперь въ его умѣ опредѣленную форму. Если неправда, что люди могутъ любить лишь однажды, то несомнѣнно, что одинаковой любовью никто изъ насъ не любитъ дважды. Никогда болѣе Марсель не вернется къ чувствамъ „Человѣка"; никогда не испытаетъ она болѣе той юной экзальтаціи, что наполняла такимъ чуднымъ, весеннимъ благоуханіемъ страницы „Внезапнаго пробужденія". И мысль эта до того разсердила Сальви, что онъ вдругъ вспылилъ.—Ужъ не этотъ ли африканскій кузенъ—герой нѣкоего, имъ обоимъ извѣстнаго романа?—Это было такъ грубо сказано, что Марсель возразила, что не понимаетъ его.—Неправда, она отлично понимаетъ, что онъ подразумѣваетъ „Человѣка".—Но вѣдь „Человѣкъ" умеръ и схороненъ; самое лучшее—о немъ не вспоминать.—Но зачѣмъ же она не заикнулась ему объ этомъ кузенѣ? Не вѣритъ онъ въ братскую любовь между кузенами, и т. д. На всѣ его придирки, Марсель отвѣчала съ спокойнымъ достоинствомъ:—Вѣдь онъ зналъ о ея прошлой любви до того, какъ сдѣлалъ ей предложеніе. Къ чему же мучитъ онъ ее теперь?

Молча дошли они до дому; а когда они вошли въ свою комнату, Сальви увидалъ при свѣтѣ лампы ея блѣдное, безжизненное лицо. Онъ поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Еслибы вы могли понять, какое это мучительное чувство—ревность!—Все неудовольствіе Марсель немедленно исчезло, и она растроганно поцѣловала мужа.

Шестовы пробыли въ Венеціи слишкомъ три дня, потому что графинѣ хотѣлось „подольше насладиться обществомъ великаго французскаго поэта и его жены“. Новые знакомые почти не разставались. Сальвѝ не только расточалъ перлы своего ума и краснорѣчія, вопреки своимъ привычкамъ, а даже прочелъ новымъ знакомымъ свои только-что написанные въ честь Венеціи сонеты. Къ первымъ тремъ прибавился теперь еще одинъ, озаглавленный „Gracilis“, въ которомъ такъ ясно описывалась фигура молодой дѣвушки, гуляющей по Лидо, что когда онъ прочелъ его Марсель, та замѣтила ему:—А что если бы я тоже вздумала ревновать?—Ревновать? Ей! Да изъ за чего же? изъ-за того только, что онъ набросалъ мимолетное впечатлѣніе!—Нѣтъ, потому что она опасается, что между воспоминаніями прошлаго и впечатлѣніями настоящаго для нея уже не найдется мѣста, тогда какъ она всецѣло ему принадлежитъ! Но Сальвѝ только улыбался. Это все—мимолетныя облачка, которыя быстро растаютъ въ пространствѣ. А все прочное принадлежитъ ей... Вся жизнь его—для нея; она будетъ посвящена на то, чтобы любить ее, выражать ей эту любовь всячески, и въ прозѣ, и въ стихахъ.

Тѣмъ не менѣе, Марсель была довольна, когда Шестовы уѣхали. Она пошутила надъ мужемъ, пославшимъ графинѣ въ вагонъ цвѣтовъ и конфектъ,—вотъ ее онъ такъ не балуетъ! —Такъ вѣдь она же его жена! А главное она—женщина недюжинная и стоитъ выше всѣхъ этихъ пустяковъ...—Недюжинная женщина! Этого было довольно, чтобы оттолкнуть отъ нея Роже́; а теперь мужъ ея прибѣгалъ къ тому же выраженію, чтобы не оказывать ей тѣхъ знаковъ вниманія, которые онъ расточалъ другимъ. Сколько разъ впослѣдствіи пришлось ей услышать то же выраженіе, произнесенное тономъ насмѣшки, зависти или ненависти! Главнѣйшая сила женщины—въ ея слабости,—правило банальное, но глубоко-вѣрное. Марсель не чувствовала себя отнюдь превыше всякихъ обидъ и невниманія къ своей особѣ,—напротивъ, она была по природѣ весьма къ нимъ чувствительна. И часто предпочла бы она не быть недюжинной женщиной.

Впрочемъ, Сальвѝ былъ очень милъ съ женой, повѣрялъ ей свои литературные планы, и они проводили цѣлые вечера въ дружеской бесѣдѣ. Время шло незамѣтно. Изъ Венеціи они перебрались во Флоренцію и предполагали добраться до Рима и пожить тамъ подольше. Сальвѝ поговаривалъ даже о томъ, чтобы провести всю зиму въ Италіи, отъ чего Марсель была вовсе не прочь. Но ее вызвала въ Парижъ телеграмма о смерти матери. Г-жа де-Гарэ давно уже страдала болѣзнью сердца и

скончалась внезапно. Отношенія матери и дочери никогда не были такъ хороши, какъ въ продолженіе этой временной разлуки, превратившейся теперь въ вѣчную. Успокоенная насчетъ судьбы дочери, г-жа де-Гарэ жила себѣ безмятежно, а потомъ такъ же безмятежно и мирно заснула навѣки. И теперь Марсель горько упрекала себя въ томъ, что недостаточно любила свою мать при ея жизни.

VII.

Года черезъ три, Рожé вернулся въ Парижъ. На его вопросы о Марсель баронесса отвѣчала, что все обстоитъ благополучно. Какъ и слѣдовало ожидать, Марсель вернулась къ своему писательству, но говорятъ, что ея второй романъ не такъ удаченъ, какъ первый, хотя воображенія въ немъ больше. Сальвѝ почиваетъ на лаврахъ и показывается повсюду одинъ, чтò многими считается страннымъ. Но, вѣдь, великіе умы не подражаютъ ни въ чемъ простымъ смертнымъ. Тѣмъ не менѣе, напрасно Марсель предоставляетъ мужу такую полную свободу. Правда, что выѣзжать ей мѣшалъ сначала трауръ по матери, а потомъ очень трудная беременность. Рожé увидитъ, какъ она измѣнилась,—вся свѣжесть ея пропала. Къ тому же она черезчуръ утомляется: ея ребенокъ, хрупкая дѣвочка, отнимаетъ у нея почти весь день, такъ что она работаетъ вечеромъ, а пожалуй даже и по ночамъ. Она увѣряетъ, что упражненіе это ей необходимо, и, очевидно, это вопросъ призванія, ибо о деньгахъ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Сальвѝ—человѣкъ обезпеченный, а ужъ, конечно, Марсель не разоряетъ его на свой туалетъ: она такъ небрежно одѣвается! Напрасно:—такія женщины долго мужчинъ не удерживаютъ.

Это ободрило Рожé. Онъ отступилъ бы передъ женщиной торжествующей и любимой, но эта мать семейства, домосѣдка, труженица, небрежно одѣвающаяся и, повидимому, равнодушная къ холостому образу жизни мужа, не пугала его.

Когда Рожé позвонилъ у небольшого особняка въ Пассѝ, обвитаго плющомъ и дикимъ виноградомъ, ему отвѣчали, что г-жи Сальвѝ нѣтъ дома, а принимаетъ она по вторникамъ. Тогда онъ рѣшился повидаться съ Лизой Жераръ и узнать отъ нея побольше подробностей. Хотя онъ и не могъ ей простить ея вліянія на Марсель,—онъ всегда воздавалъ должное ея энергіи и безконечной добротѣ.

Когда онъ добрался до ея скромной квартиры въ отдален-

номъ кварталѣ и позвонилъ у ея двери, отперла ему она сама, и встрѣтила его радушно. Онъ напоминалъ ей доброе старое время.

Лиза не измѣнилась: все тѣ же коротко остриженные волосы, то же гладкое черное платье, то же спокойное лицо; только ея манеры и рѣчь пріобрѣли нѣкоторую грубость и немного тривіальную экспансивность,—результатъ непрестаннаго, исключительнаго вращенія въ кругу простонародной бѣдноты. Вѣдь то, что̀ свѣтъ называетъ изяществомъ, не можетъ устоять при ежедневномъ соприкосновеніи съ тѣмъ, что̀ ни утонченно, ни искусственно,—съ нищетой. Квартира Лизы состояла всего изъ трехъ комнатъ и кухни, причемъ столовая служила и пріемной, а спальня побольше была превращена въ кабинетъ для консультацій. Калѣка - сестра Лизы, здоровье которой сильно улучшилось, хлопотала въ кухнѣ. Лиза прошла съ Рожé въ свой кабинетъ.—Да, квартира у нея скромная, но зато на солнечной сторонѣ, веселая. Ну, что-жъ, разбогатѣй она,—и она станетъ жить въ раззолоченныхъ палатахъ.—Неправда! онъ увѣренъ, что она никогда этого не сдѣлаетъ, изъ боязни унизить неимущихъ. —Вотъ какъ! онъ отдаетъ теперь ей нѣкоторую справедливость?.. Но Рожé возразилъ, что всегда воздавалъ должное ея добротѣ, только ему хотѣлось бы, чтобы она вносила въ это больше женственности.—Ну, да, онъ предпочелъ бы видѣть ее не докторомъ, а сестрой милосердія... По его мнѣнію, несмотря на все дѣлаемое ею добро, она подаетъ дурной примѣръ.

Она подняла на него свои добрые, но грустные глаза.—Все равно, она невольно служила бы примѣромъ, ибо каждый изъ насъ обреченъ на свое дѣло и долженъ исполнять его. Тѣмъ не менѣе, она раскаявается въ нѣкоторыхъ своихъ совѣтахъ, потому что они не привели къ добру... Но не въ этомъ дѣло. И Лиза перешла къ своему гостю. Какой у него здоровый видъ, какъ онъ загорѣлъ! Сѣдина на вискахъ? Это пустяки и только придаетъ ему интересность. Хотѣлось бы ей видѣть такою здоровою одну особу, одинаково дорогую имъ обоимъ... Серьезнаго ничего, просто утомленіе, огорченія... — Огорченія?—Ну, да, этотъ несчастный бракъ...

Рожé поблѣднѣлъ.—Что̀ такое? Вѣдь Марсель вышла замужъ по собственному выбору за любимаго ею человѣка!—Лиза только руками всплеснула. Сейчасъ видно, что онъ прямо изъ страны дикарей; жизнь гораздо сложнѣе, чѣмъ онъ думаетъ,—она полна противорѣчій и недоразумѣній. Люди не всегда знаютъ толкомъ, чего имъ хочется, а Жанъ Сальвѝ, конечно, совсѣмъ этого не

зналъ, и, въ сущности, ей понятно его возмущеніе противъ супружескаго ярма. Еще бы: прожилъ человѣкъ до сорока лѣтъ, считая себя богатымъ и думая только объ одномъ себѣ, а тутъ вдругъ приходится содержать цѣлую семью, ребенка, кормилицу. На женщину онъ смотрѣлъ всегда лишь какъ на мимолетное, прелестное видѣніе; а теперь она вѣчно передъ его глазами въ прозаической роли хозяйки; передъ нимъ проходятъ такія вульгарныя зрѣлища, какъ болѣзнь и материнство.

Рожé съ недоумѣніемъ слушалъ ея хлёсткую, насмѣшливую рѣчь.—Ну, да, конечно, онъ этого ничего не понимаетъ; онъ просто храбрый вояка и вовсе не знаетъ поэтовъ, т.-е. этого рода поэтовъ. Когда человѣкъ долго предавался искусству только изъ любви къ искусству, ему трудно смотрѣть на него какъ на ремесло...—Да въ чемъ тутъ дѣло? Вѣдь имя Жана Сальвѝ уже знаменито,—значитъ, ему стоитъ только продолжать писать прекрасные стихи. Разумѣется, онъ плохой судья: когда онъ читаетъ Альфреда де-Мюссе, ему кажется, что онъ понимаетъ поэзію, тогда какъ бездушно-безупречные стихи ничего ему не говорятъ.

— Вотъ и видно, что онъ профанъ. Таланта у Альфреда де-Мюссе не было,—онъ былъ только мученикомъ любви, которую и воспѣвалъ. А Сальвѝ мечтаетъ о цѣлой поэмѣ о буддійской Индіи; то будетъ чудная радуга между Востокомъ и Западомъ,—и приведетъ эта радуга къ нирванѣ. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ работаетъ надъ этимъ, вѣчно недовольный уже написаннымъ. Обыкновеннымъ людямъ, вотъ какъ она и Рожé, подобный способъ работы представляется безсиліемъ и лѣнью, но, вѣдь, разъ навсегда установлено, что они всего этого понять не могутъ.

Хотя Рожé и было пріятно слышать подобное мнѣніе о своемъ соперникѣ, онъ все-же выразилъ нѣкоторое недовѣріе. Хорошо... Она приведетъ ему сейчасъ доказательства, факты... Дѣло было такъ: въ началѣ Сальвѝ вздумалъ-было окружить и жену привычной ему изысканной роскошью, въ чемъ бѣды особенной не было, ибо поэты не обязаны быть практичными. Но когда ему не хватило средствъ на всѣ его затѣи, онъ свалилъ вину на нее, а она мучилась мыслью, что изъ-за нея онъ принужденъ думать вѣчно о деньгахъ. Такіе люди, какъ онъ, должны бы жить въ сказочной обстановкѣ, гдѣ низменныя заботы не касались бы до нихъ. И Марсель скрывала отъ него все непріятное, жертвовала собою, лишь бы онъ могъ жить въ мірѣ грёзъ. Послѣдніе мѣсяцы беременности она часто прихварывала и все

настаивала, чтобы мужъ ея выѣзжалъ безъ нея;—что̀ же ему вѣчно смотрѣть на больную, подурнѣвшую женщину! Поэты должны останавливать свой взоръ только на прекрасномъ. Много грустнаго видѣла въ то время Лиза въ этомъ домѣ, гдѣ она бывала въ качествѣ доктора, потому что съ точки зрѣнія профессіональной Сальвѝ ее терпѣлъ. Бѣдная Марсель вѣчно оправдывала эгоизмъ мужа.

— Вы видите, что она его любитъ!

— Развѣ я утверждала вамъ противное? Я утверждаю только одно,—что онъ ее ненавидитъ.

— Онъ ненавидитъ ее!

— Да, хотя, пожалуй, безсознательно. Но я видѣла, какъ появилась эта ненависть, съ той минуты какъ воскресъ „Человѣкъ“ и Марсель взялась снова за перо. Еще женихомъ онъ, видите ли, потребовалъ, чтобы у нея не было другихъ интересовъ, кромѣ его особы.

— Это я понимаю.

— Потому что вы мужчина, а всѣ мужчины—эгоисты и деспоты. Вскорѣ послѣ рожденія ребенка, когда Марсель была еще очень слаба, г. Сальвѝ вошелъ какъ-то къ ней въ моемъ присутствіи и сообщилъ ей неожиданную новость: драматургъ Варадъ рѣшилъ промѣнять театръ на политику и основать ежедневную газету. Онъ очень жалѣетъ, что „Человѣкъ“ пересталъ писать, но еслибы Марсель согласилась дать ему что-нибудь въ родѣ „Внезапнаго пробужденія“, то онъ сейчасъ бы это напечаталъ. Марсель зардѣлась отъ удовольствія, а онъ добавилъ такъ добродушно, что даже я попалась на удочку: „Признайтесь, что вамъ пріятно это слышать? И ужъ, навѣрное, у васъ гдѣ-нибудь припрятана рукопись?“ Марсель окончательно смутилась и призналась, что̀ дѣйствительно, за эти долгіе мѣсяцы сидѣнья дома, она кое-что написала, но лишь для собственнаго удовольствія. Онъ сейчасъ же омрачился, и недобрая усмѣшка промелькнула на его губахъ.—Если такъ, пусть она дастъ ему свою рукопись; онъ отнесетъ ее Варадy,—не пропадать же ей даромъ. Въ голосѣ его было что-то такое, что̀ открыло намъ обѣимъ глаза, а она спросила его, неужели онъ осуждаетъ ее за то, что она занималась въ одиночествѣ такимъ невиннымъ бумагомараньемъ? Если же это ему такъ непріятно, то пусть онъ сожжетъ ея рукопись; но, можетъ быть, прежде онъ ее пробѣжитъ? Но онъ возразилъ ей холодно, что не любитъ дамскихъ романовъ, на что она замѣтила самымъ нѣжнымъ голосомъ, что сблизило ихъ именно ея „Внезапное пробужденіе“...

„Хорошо,—процѣдилъ онъ сквозь зубы,—посмотримъ, каковъ будетъ эффектъ второго романа... Какъ его заглавіе? „Въ Венеціи“?.. Вы, положительно, смотрите на все только какъ на предлогъ къ писательству!..“ И онъ ушелъ, а съ нею сдѣлался нервный припадокъ.—Вы не приходите въ негодованіе отъ такой злобной уловки?

Но Рожé находилъ, что и Марсель была не безъ вины; она нарушила свое слово. Лиза возражала:—Во-первыхъ, она писала не для печати, а во-вторыхъ, Венеція послужила ей только рамкой, а весь романъ вымышленъ, почему, впрочемъ, онъ и неваженъ. Но чего уже вовсе не понималъ Рожé, такъ это того, что Сальвѝ отнесъ рукопись жены въ газету...

— Гдѣ ее охотно приняли и щедро за нее заплатили, какъ и за всѣ послѣдующія произведенія „Человѣка“.

— Значитъ, она продолжала писать?...

— Съ разрѣшенія и почти по просьбѣ мужа. Повѣрила или нѣтъ Марсель мужу, когда онъ повинился ей въ своей тираніи и просилъ прощенія,—я не знаю. Можетъ быть, она поняла, что Сальвѝ нашелъ практичнымъ не мѣшать ей предаваться любимому занятію, что̀ позволяло ему жить спокойно холостой жизнью. Наконецъ, подобное домосѣдство жены вноситъ съ собой большую экономію и не навлекаетъ на мужа никакихъ осужденій. Вдвоемъ, вѣдь, выѣзжать дорого. Меня не удивляетъ это положеніе вещей,—въ простонародьѣ я часто вижу, какъ трудятся жены, что̀ поощряетъ лѣнь и неспособность мужей. Это свойственно эгоистамъ, не умѣющимъ уважать чужую слабость, или, вѣрнѣе, не вѣрящимъ этой слабости, когда она мужественно несетъ свой крестъ.

Разставшись съ Лизой Жераръ, Рожé зашелъ въ первый попавшійся книжный магазинъ и купилъ два послѣднихъ романа „Человѣка“. Первый изъ нихъ, слишкомъ искусно скомпанованный, понравился ему именно своими недостатками. Капитанъ Эдуэнъ принадлежалъ къ той „отсталой“ публикѣ, которая отнюдь не пренебрегаетъ интригой, дѣйствіемъ, мирясь даже съ неправдоподобными перипетіями, лишь бы было интересно и уносило васъ подальше отъ дѣйствительной жизни; онъ любилъ героевъ Октава Фёлье, чувствуя между ими и собой какое-то родство душъ. Счастливая развязка доставляла ему удовольствіе; „Горнозаводчикъ“ Жоржа Онэ не казался ему презрѣннымъ произведеніемъ; онъ не понималъ, почему мелодіи Обера и живопись Ораса Вернэ въ такомъ загонѣ, а главное онъ предпочиталъ сто разъ „Гугенотовъ“ всѣмъ операмъ Вагнера. Мно-

гіе раздѣляютъ его мнѣнія, но не смѣютъ громко въ этомъ признаваться, тогда какъ Рожé никогда не притворялся. Второй романъ ему понравился меньше, потому что въ немъ чувствовалось несомнѣнное вліяніе Лизы Жераръ, нотка соціализма.

Во вторникъ Рожé отправился къ Марсель. Въ саду онъ засталъ молодую дѣвушку съ тяжелой бѣлокурой косой, небрежно перекинутой черезъ плечо; дѣвушка играла въ мячъ съ крошечной дѣвочкой, еще не твердо стоявшей на ножкахъ. Увидя Рожé, она подбѣжала къ нему съ веселой улыбкой, но Рожé, только смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.—Неужели онъ не узналъ ее, Николь Ферьé?—Вотъ именно, не узналъ,—она такъ выросла и измѣнилась! Къ тому же, онъ вовсе не ожидалъ встрѣтить ее здѣсь...—Николь пояснила, что она живетъ рядомъ и часто видится съ Марсель; ей дѣлать нечего, а Марсель страшно занята и позволяетъ помогать ей воспитывать Розетту. Рожé взялъ на руки крошку, поднявшую на него большіе, умные глаза. Какая блѣдненькая и худенькая! Ему вспомнились слова доктора Лизы: „дочь Марсель принадлежитъ къ тѣмъ дѣтямъ, которымъ постоянно грозитъ воспаленіе мозга; когда имъ удается оправиться, они рискуютъ схватить къ шестнадцати годамъ чахотку". Николь, на которую онъ невольно любовался, взявъ отъ него обратно ребенка, провела его въ домъ, гдѣ Марсель приняла его такъ радушно и просто, что Рожé сразу почувствовалъ себя свободно. Онъ нашелъ ее похудѣвшею, но, по его мнѣнію, это къ ней очень шло, а глаза ея казались еще больше и красивѣе. Ея строгій туалетъ показался ему безукоризненно изящнымъ, и онъ подумалъ сейчасъ же, что мать его несправедливо обвиняла ее въ небрежности. Но на утомленномъ лицѣ ея дѣйствительно виднѣлись слѣды внутреннихъ страданій, а прежней свѣжести какъ не бывало. Но только милѣе и ближе была она ему теперь.

Николь унесла ребенка, и, оставшись вдвоемъ съ Рожé, Марсель, послѣ первыхъ привѣтственныхъ фразъ, заговорила о молодой дѣвушкѣ.—Не правда ли, какъ она перемѣнилась? А еслибы онъ зналъ, что̀ это за доброе, преданное существо, и какъ она ей обязана! При ея занятіяхъ, ей не справиться со всѣмъ въ домѣ, а Николь, буквально, вторая мать для Розетты. И эта маленькая фея такъ умѣетъ всякаго расположить къ себѣ, что даже Сальви, не разрѣшающій ей другихъ подругъ, привыкъ къ Николь. Отецъ ея потерялъ крупныя суммы въ разныхъ спекуляціяхъ, семья Ферьé живетъ теперь очень скудно, и бѣдняжка совсѣмъ нигдѣ не бываетъ, кромѣ дома Сальви.

Но дружеская бесѣда Рожѐ съ кузиной была скоро прервана цѣлой серіей обычныхъ въ этотъ день визитовъ. Первою явилась г-жа Гельманъ, во всеоружіи шумящаго шолковаго туалета, гремящихъ золотыхъ украшеній и одуряющихъ крѣпкихъ духовъ. Опустившись съ изнеможеніемъ въ глубокое кресло, она заговорила жалобнымъ тономъ о случившейся съ нею пренепріятной исторіи.—Вотъ, и рекомендуйте послѣ этого людей, ручайтесь за нихъ!.. Подумать только, что именно она рекомендовала такъ горячо графинѣ Шестовой эту неблагодарную, вѣроломную Кэтъ Морганъ! А теперь Шестовы разорены, т.-е. лишились значительнаго наслѣдства изъ-за этой самой Кэтъ! А отвѣтственность падаетъ на нее!..

Исторія, повѣданная г-жей Гельманъ, была такова: сначала Кэтъ влюбила въ себя безцвѣтнаго и безотвѣтнаго графа Василія, причемъ дѣло зашло такъ далеко, что графиня собиралась осторожно спровадить компаньонку. Но та ее предупредила, только уѣхала не одна, а со старымъ богачомъ, дядей графини, гостившимъ у нея. Кокетничала Кэтъ съ графомъ Василіемъ лишь для того, чтобы вскружить голову богатому старику, полу-слѣпому и которому она такъ мило и подолгу читала вслухъ. Какъ ни былъ слѣпъ старикъ, все-же онъ разобралъ прелести хорошенькой компаньонки, и внезапно скрылся съ нею за границу, гдѣ они теперь и проживаютъ. Кэтъ швыряетъ деньгами, точно всю жизнь только этимъ и занималась. Шестовы, разсчитывавшіе на завѣщаніе въ свою пользу, конечно, встревожены, и графиня написала грозное письмо г-жѣ Гельманъ...

Между тѣмъ, гости все прибывали, и Рожé нѣсколько разъ порывался уйти. Но Марсель не пускала его.—Нѣтъ, нѣтъ, онъ долженъ остаться обѣдать и познакомиться съ ея мужемъ, который что-то запоздалъ.

VIII.

А Сальвѝ запоздалъ потому, что встрѣтилъ на бульварѣ Варада. Погода стояла прекрасная, и пріятели прогуливались, оживленно разговаривая. Разговоръ этотъ еще сильнѣе раздражилъ уже давно нервничавшаго Сальвѝ; онъ узналъ отъ Варада, что новый романъ его жены, „Миражи", печатающійся въ газетѣ его пріятеля, имѣетъ большой успѣхъ. Эти успѣхи жены всегда раздражали Сальвѝ, презиравшаго ея ремесленную, какъ онъ выражался, работу, состоявшую въ нанизываніи строчки за строчкой. Его злило, что для нея это было отдыхомъ и удо-

вольствіемъ, тогда какъ для него творчество было пыткой, мукой, высасывавшей изъ него кровь каплю по каплѣ. Вдобавокъ, издатель его недавно объявилъ ему, что стихи идутъ теперь крайне туго, велосипедъ сильно вредитъ литературѣ; публика только и пробѣгаетъ, что фельетонные романы. „Миражи“ печатались именно фельетонами. И вотъ, по дорогѣ домой, Сальвѝ предавался нерадостнымъ размышленіямъ на тему о глупости читающей публики. Его прекрасные стихи продавались плохо, тогда какъ „Миражи“ благосклонно читались,— „Миражи“, романъ построенный по самымъ избитымъ формуламъ, имѣющій начало, середину и конецъ, вымышленную интригу и героя, который, подобно всѣмъ героямъ, созданнымъ женскимъ воображеніемъ, превращалъ любовь, эту подробность жизни, въ единственное занятіе своего существованія! Наконецъ, романъ изобличаетъ и потуги на мораль, тогда какъ въ первомъ опытѣ Марсель и тѣни этого не было, чтò придавало ему только большую цѣнность! Насколько она выиграла бы, оставшись навсегда лишь авторомъ „Внезапнаго пробужденія“, отрекшись добровольно отъ своего дара, чтобы превратиться въ подругу жизни Жана Сальвѝ! Но нѣтъ, она не поняла всей красоты этого апоѳеоза, и спустилась до положенія литературной ремесленницы, кое-какъ измышляющей и нàскоро сшивающей клочки, конечно, ограниченныхъ женскихъ наблюденій. Какая же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть у честной женщины опытность? Да, наконецъ, всякая изъ нихъ только и можетъ видѣть себя, свои чувства, свои иллюзіи, только то, чтò нравится ей и гармонируетъ съ ея предразсудками. Отъ нея нельзя ожидать широкихъ взглядовъ, у нея нѣтъ общихъ идей, нѣтъ школы. Она можетъ разсказать лишь свою собственную исторію,—вотъ и все. А можетъ ли это называться искусствомъ? Конечно, нѣтъ...

Дома онъ засталъ уже только Рожé и Николь. Бесѣда скоро приняла оживленный характеръ, причемъ мужчины исподтишка наблюдали другъ за другомъ. Капитанъ чувствовалъ, что этотъ человѣкъ, умѣющій такъ тонко иронизировать и не цѣнящій ничего, кромѣ мозговой дѣятельности, относится къ нему свысока; а Сальвѝ смутно завидовалъ этой тѣлесной и душевной силѣ, позволяющей не бояться ни убійственныхъ лихорадокъ, ни предательскихъ пуль дикарей, вѣрить въ добро и обходиться нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ безъ парижской мостовой. Вотъ этого-то красиваго, плечистаго молодца, на цѣлую голову выше его, съ такимъ открытымъ взоромъ, и любилъ когда-то „Человѣкъ“, это

неуловимое существо, не принадлежавшее ему, и которое ему хотѣлось бы уничтожить, чтобы лучше властвовать надъ Марсель.

Въ тотъ же вечеръ Рожé почуялъ глухое разногласіе между супругами Сальвѝ. За обѣдомъ поэтъ поддерживалъ и развивалъ мнѣніе Флобера, что въ литературѣ идея должна исходить изъ формы. Марсель отважилась сказать, что правило это кажется ей безсмысленнымъ; мужъ возразилъ ей, что онъ ее жалѣетъ, ибо одно воображеніе, основанное на нравственности и чувствѣ, не даетъ еще права писать. Рожé даже не подумалъ, что слова эти могли ее затронуть,—съ такимъ спокойствіемъ она спросила:

— А если, однако, надѣешься сдѣлать немного добра?

— Какъ! не мечтаетъ ли она измѣнить нравы съ помощью романа? Обязанность романа—отражать жизнь какъ въ зеркалѣ.

— Но это совѣтъ, достойный реалиста, тогда какъ ваша миссія...

— Прошу васъ, милый другъ, не говорить о миссіи поэта. Чтò вы знаете о ней? Чтò знаютъ объ этомъ всѣ непосвященные, стоящіе передъ поэзіею, какъ слѣпецъ передъ запертой дверью! Миссія поэта—творить прекрасные стихи, и я не думаю, чтобы вы вздумали рекомендовать ему для этого формулу?

— И не думаю, потому что у меня такой не имѣется. Я позволяю себѣ только замѣтить, что зеркало бездушно, — а вы, конечно, допускаете наличность души у того, кто держитъ это зеркало въ рукахъ?

— Допускаю, лишь бы оно не читало морали...

И сейчасъ же онъ рѣзко замѣтилъ, что жаркое пережарено, причемъ Марсель сконфузилась, а Рожé мысленно записалъ эту знаменитость въ категорію просто несносныхъ мужей.

Послѣ обѣда, Сальвѝ сталъ нарочно пробѣгать ту газету, въ которой печатался романъ Марсель, и вдругъ вскричалъ:

— Но, Боже мой, ma chère, это чистѣйшій Толстой!

Рожé принялъ-было это наивно за похвалу, но сейчасъ разубѣдился, когда Марсель покраснѣла и отвѣчала:

— Не тратьте своей ироніи на мои писанія. Я сама знаю, что въ нихъ мало достоинствъ, но зато они имѣютъ свою пользу.

И она сдѣлала такое ударенiе на этихъ словахъ, что теперь уже смутился Сальвѝ, и взгляды ихъ скрестились, какъ двѣ острыя шпаги.

Рожé вывелъ изъ всего этого заключеніе, что свело ихъ другъ съ другомъ чисто головное увлеченіе, скоро разбившееся о дѣйствительность,—чтò нерѣдко бываетъ. Но его сбивала эта

перемѣна супружескихъ ролей: пока Сальвѝ думалъ только объ эстетическихъ наслажденіяхъ, Марсель трудилась такъ настойчиво и регулярно, что за развлеченіе этого принять было нельзя. Рожé совсѣмъ терялся, убѣжденный, что въ заработкѣ Марсель не нуждалась.

Ужъ не замѣшалась ли между супругами профессіональная зависть? Какъ удивился бы авторъ „Арійскихъ гимновъ", еслибы ему сказали, что ему есть въ чемъ позавидовать „Человѣку"! А между тѣмъ Сальвѝ безсознательно злился на жену за то, что она могла работать такъ легко и безпрерывно, и хотя работу эту онъ вовсе не цѣнилъ, его раздражало, что трудъ служитъ его женѣ утѣшеніемъ. А главное, онъ не прощалъ ей той гордой независимости, которую доставлялъ ей этотъ матеріальный заработокъ, тогда какъ самъ онъ былъ на это неспособенъ; вѣдь, часто завидуютъ тайно тому, чѣмъ изъ гордости какъ будто пренебрегаютъ. И онъ мстилъ Марсель тѣмъ, что при каждомъ удобномъ случаѣ намекалъ ей, что она не обладаетъ настоящимъ писательскимъ талантомъ, а „Человѣкъ" — лишенъ женственныхъ и материнскихъ качествъ. И онъ всячески превозносилъ женственность и прелесть Николь, которая сердилась и вступалась за Марсель, тогда какъ та часто спокойно замѣчала, что въ нападкахъ Сальвѝ есть доля правды. Но когда разъ, въ присутствіи Рожé, отмѣчая явное предпочтеніе, оказываемое Розеттою Николь, онъ дошелъ до того, что привелъ правило: „Литературная плодовитость всегда, болѣе или менѣе, мѣшаетъ быть матерью",—Николь не выдержала и шепнула съ негодованіемъ Рожé:—Конечно, быть за-разъ отцомъ и матерью—очень трудно, а между тѣмъ это удѣлъ Марсель...—Теперь мучившая Рожè загадка была рѣшена: „Человѣкъ" исполнялъ въ семьѣ обязанности мужа, пока тотъ ждалъ съ невозмутимой гордыней, чтобы его посѣтило вдохновеніе.

Но этимъ дѣло не кончилось. До ушей Рожé, въ одинъ изъ пріемныхъ дней Одетты де-Ретель, долетѣлъ случайно разговоръ нѣсколькихъ мужчинъ и дамъ о Сальвѝ. Говорили, что теперь онъ ищетъ вдохновенія за картами и проигрываетъ значительныя для него суммы...—Конечно, это безуміе, зато эти проигрыши оправдываютъ пословицу...—Какъ? неужели бѣдная Марсель?.. Но это ужасно...—Позвольте, Сальвѝ это извинительно! Быть мужемъ синяго чулка.. Къ тому же, Марсель такъ быстро увяла; очевидно, талантъ не краситъ. Но кто же героиня?..—Одна полу-иностранка, т.-е., вѣрнѣе, парижанка, носящая иностранный псевдонимъ...

Хотя Рожé зналъ теперь больше, чѣмъ желалъ, онъ продолжалъ наводить справки, стыдясь нарождавшейся въ немъ неясной радости, смѣшанной, однако-же, съ грустью. Онъ все-же не могъ забыть, что было время, когда Марсель любила этого человѣка. Но громче всего въ немъ говорилъ восторгъ передъ героизмомъ труженицы Марсель. Могъ ли понять этотъ простодушный солдатъ, что въ художникѣ природный темпераментъ всегда беретъ перевѣсъ надъ всѣмъ остальнымъ? Но когда онъ ужъ очень расточалъ ей свои похвалы, Марсель скромно умѣряла пылъ его восторговъ, утверждая, что она всегда бываетъ недовольна написаннымъ ею, и что въ мечтахъ ея все это представляется ей гораздо прекраснѣе.—О, да, это ему понятно... есть многое, что̀ ему страстно хочется сказать и что̀ кажется ему прекраснымъ, но выразить словами онъ этого никогда не съумѣетъ.

— Такъ что *она* и не узнаетъ никогда?—спросила Марсель, смѣясь и намекая на новое чувство, которое съ нѣкоторыхъ поръ она начинала въ немъ подозрѣвать.

— Никогда не узнаетъ...—отвѣчалъ онъ медленно, весь трепещущій.

Марсель всегда встрѣчала Рожé съ радушной простотой, безъ всякой задней мысли, какъ не было ея и у него: имъ просто было хорошо въ обществѣ другъ друга. Баронесса тоже ничего дурного въ этомъ не видѣла, потому что бояться ей теперь было нечего. Напротивъ: эта превосходная мать была бы даже не прочь, чтобы у сына ея завязалась прочная связь, которая задержала бы его подольше во Франціи. При всемъ томъ, баронесса считала себя особой весьма добродѣтельной.

Не тревожился и самъ Сальвѝ, наблюдавшій за всѣмъ происходящимъ, но по другой причинѣ. Онъ рѣшилъ, что Марсель уже недостаточно красива, вдобавокъ вовсе и не кокетка, а потому даже и такой наивный человѣкъ, какъ этотъ африканскій герой, не станетъ мечтать о возвращеніи къ прежнему. Скорѣе всего, онъ бываетъ въ ихъ домѣ такъ часто ради златокудрой Николь. Ну, что-жъ, вкусъ недуренъ!

Та же мысль приходила и Марсель, и даже самой Николь, потому что Рожé очень часто съ нею разговаривалъ. А происходило это оттого, что онъ любилъ говорить съ нею о Марсель, потому что никто лучше Николь не умѣлъ ее цѣнить и жалѣть.

IX.

Марсель работала аккуратно каждый день до четырехъ часовъ и никого въ это время не принимала. Но разъ къ ней вошла ея горничная и подала карточку какой-то дамы, говоря, что та настаиваетъ, чтобы повидаться съ барыней, и пріѣхала она издалека. На карточкѣ красовалась фантастичная корона и надпись: „Catherine d'Apratcheff". Совершенно незнакомое ей имя заставило Марсель предположить, что это—одна изъ тѣхъ просительницъ, что осаждаютъ всѣхъ мало-мальски извѣстныхъ людей. И она рѣшилась принять. Но едва успѣла она запахнуть свой бѣлый, широкій, рабочій пеньюаръ, какъ на шею къ ней кинулась дама, вся въ черномъ, восклицавшая, что до нея добраться нелегко, но когда она чего-нибудь захочетъ... И вотъ въ этой прелестной женщинѣ, облеченной будто бы въ трауръ, а на дѣлѣ въ эффектное черное шолковое платье, сверкавшее стеклярусомъ, Марсель узнала Кэтъ Морганъ, еще удивительно похорошѣвшую.—Боже,—воскликнула та,—сколько событій со времени ихъ послѣдней встрѣчи въ Венеціи!.. Но Марсель уклонилась отъ ея объятій и потребовала объясненій.—Что значитъ эта визитная карточка? Ея ли она?—Слегка покраснѣвъ, Кэтъ утвердительно кивнула головой.—Значитъ, она замужемъ? Почему же она никого изъ подругъ не извѣстила?—Увѣреннымъ тономъ, обмахнувши платкомъ съ траурной каемкой совершенно сухіе глаза, Кэтъ отвѣчала:

— Pardon! я просто ношу имя добрѣйшаго человѣка, который былъ для меня отцомъ...

— Значитъ, эта исторія похищенія—правда?—Ну, вотъ, она видитъ, что злоязычные люди успѣли уже возстановить Марсель противъ нея. А еслибы знала Марсель, что̀ ей пришлось вынести! Чего только она не натерпѣлась у Шестовыхъ! Почему и рѣшилась отъ нихъ уйти и поступить въ компаньонки же къ великодушному, доброму старцу... Онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ униженій, которымъ она подвергалась частью изъ-за него же, и, почувствовавъ отвращеніе къ явной алчности своихъ наслѣдниковъ, перенесъ на нее самую отеческую нѣжность. Теперь, благодаря его щедротамъ, она можетъ поселиться въ Парижѣ. Она заранѣе знаетъ, что̀ станутъ говорить о ней въ ея кругу; она знаетъ, что въ благополучіи труднѣе имѣть друзей, чѣмъ въ несчастіи; дарить бѣдной дѣвушкѣ старыя тряпки, приглашать ее обѣдать, когда нѣтъ гостей, жалѣть ее и предложить ей одно изъ тѣхъ

мѣстъ, что позволяютъ не умереть съ голоду,—это сколько угодно! Но если, уже совсѣмъ утопая, она выберется и доплыветъ до берега,—это другое дѣло. Сейчасъ же разгорается зависть, и отъ нея спѣшатъ отвернуться. Она это поняла, а потому и рѣшилась пойти прямо къ „Человѣку“! Кто измышляетъ романы, тотъ не имѣетъ права быть строгимъ къ дѣйствительнымъ романамъ.

— Но позвольте... Дурныхъ книгъ я не пишу.

На минутку Кэтъ опѣшила, но сейчасъ же оправилась и сказала съ вызывающей миной:

— Удивительно, что умные люди могутъ страдать такими предразсудками. Увидимъ! я поклялась себѣ, что на обѣдахъ моихъ будутъ бывать самые несговорчивые люди. Имѣя хорошаго повара, можно вертѣть людьми, не обладая ни талантами, ни красотой. Возьмите хоть г-жу Гельманъ...

Въ Марсель внезапно проснулся инстинктъ романиста, и вмѣсто того, чтобы выпроводить поскорѣе свою странную гостью, она принялась ее разспрашивать. Жизнь была для нея обширнымъ полемъ наблюденія, и она вздумала воспользоваться случаемъ разсмотрѣть поближе Кэтъ, потому что ей никогда не случалось близко сталкиваться съ особами такого сорта. Кэтъ охотно отвѣчала ей. Она наняла себѣ небольшой домъ-особнякъ и надѣется видѣть иногда у себя Марсель съ мужемъ. Но какъ она рада, что застала ее въ рабочемъ кабинетѣ и въ томъ костюмѣ, въ которомъ она сочиняетъ свои прелестныя вещицы! Она обожаетъ ея романы, и ея бѣдный старый другъ тоже наслаждался ими; онъ любилъ, чтобы она читала ихъ ему вслухъ. Вѣдь, Марсель къ ней пріѣдетъ, да?.. Обѣды будутъ совсѣмъ интимные, потому что она еще въ траурѣ. Но Марсель отвѣчала сдержанно, что выѣзжаетъ мало и ведетъ весьма уединенную жизнь.

— Вѣроятно, это необходимо для вашей профессіи, chère amie, но преувеличивать не слѣдуетъ. Мужья не любятъ черезчуръ серьезныхъ женъ, поглощенныхъ не ихъ личностью, а иными интересами, и я думаю,—простите мою смѣлость,—что они побаиваются этой способности анализа, которую вы, *мыслительницы*, примѣняете, конечно, къ нимъ, какъ и къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Они не любятъ быть слишкомъ хорошо понятыми, потому что для нихъ это невыгодно. Взгляните, какія женщины царятъ надъ ними? Самыя пустыя, о которыхъ они отзываются такъ: „это не болѣе какъ хрупкая, прелестная игрушка, всецѣло мнѣ принадлежащая и совершенно не знающая, что̀ я самъ за человѣкъ“. Иной разъ они и ошибаются. На что̀ ужъ былъ опытенъ мой старый другъ, Апрачевъ, а между тѣмъ я убѣждена,

что легко одержала бы побѣду, еслибы мнѣ пришлось ея добиваться. Но я прожила подлѣ него только какъ балованный ребенокъ, никогда не помышляя о завтрашнемъ днѣ.

Но улыбка Кэтъ говорила совсѣмъ другое, и Марсель слушала ее, поучаясь. На вопросъ ея, намѣрена ли Кэтъ продолжать жить по-прежнему безпечно, та отвѣчала:

— Почему же и нѣтъ! Я имѣю на это средства и могу выбирать, чего только мнѣ захочется. Разумѣется, удѣла замужней женщины я не изберу, потому что, по моему, свобода имѣетъ свою цѣну. Теперь я хочу всего попробовать, все познать... кромѣ путешествій, конечно, потому что я довольно наѣздилась, хотя, въ сущности, ничего не видала, изъѣздивши всю Европу.

— Но, вѣдь, мы имѣемъ глаза именно для того, чтобы видѣть.

— Ну, мнѣ глаза даны на то, чтобы смотрѣть на самоё себя; вы скажете, разумѣется, что я эгоистка, но эгоизмъ люди прощаютъ намъ легче всего, потому что онъ имъ полезенъ. Это какъ будто парадоксъ, а тѣмъ не менѣе это такъ. Пока мы занимаемся сами собою, обыкновенно именно съ цѣлью нравиться другимъ,—мы оставляемъ этихъ другихъ въ покоѣ; а это всего болѣе цѣнится людьми. Я не говорю, конечно, о тѣхъ, кому нужна сидѣлка... Хотя, въ сущности, г. Апрачеву доставляло большое удовольствіе любоваться моей молодостью, моими туалетами, которые я мѣняла каждый день; не надоѣдало ему и слушать мою болтовню обо мнѣ самой... вѣдь я умѣю говорить только о себѣ, я примѣняю все исключительно къ себѣ. Повѣрите ли, что даже на всякій пейзажъ я смотрю какъ на болѣе или менѣе выгодную для меня рамку; зима для меня не болѣе какъ предлогъ кутаться въ великолѣпные мѣха, которые я обожаю. И едва ли у кого-нибудь есть мѣха роскошнѣе моихъ. Лѣто позволяетъ мнѣ измышлять воздушные туалеты всѣхъ цвѣтовъ радуги, и такъ далѣе. Музыка, напримѣръ, создана для того, чтобы доставлять мнѣ извѣстныя ощущенія...

— А литература?—спросила Марсель съ невольнымъ смѣхомъ.

— О! я уже говорила вамъ, что очень люблю произведенія своихъ друзей, и опять-таки изъ эгоизма. Вѣроятно, я только смутно понимала бы, почему monsieur Сальвà—великій поэтъ, еслибы онъ не написалъ „Gracilis“... Помните „Gracilis“?—Ея голубые, смѣющіеся глаза такъ и впились въ омрачившіяся, глубокія очи Марсель, вспомнившей свою первую вспышку ревности и отвѣтъ Сальвà: „Это же мимолетное облачко, не больше“...

— Я сохранила этотъ автографъ,—продолжала Кэтъ,—онъ послужилъ мнѣ талисманомъ... Дары поэтовъ подобны дарамъ небесъ. Съ тѣхъ поръ всѣ мои желанія исполнялись. А теперь я хочу устроиться въ Парижѣ чтобы у меня всѣ бывали. Я надѣюсь, что вы поможете мнѣ.

Наступило краткое, ледяное молчаніе. Кэтъ, наконецъ, извинилась, что оторвала Марсель отъ дѣла, и поднялась, чтобы уходить. Марсель проводила ее до дверей и на ея: „до свиданія“, отвѣтила такъ холодно и вѣско: „прощайте!“, что Кэтъ, наконецъ, поняла, и злой огонекъ сверкнулъ въ ея прекрасныхъ, по-прежнему, наперекоръ всему, наивно-чистыхъ глазахъ.

Но настроеніе Марсель было нарушено, и приняться снова за работу она уже не могла. Она переодѣлась, намѣреваясь съѣздить къ Лизѣ переговорить о здоровьѣ Розетты, внушавшемъ ей сильныя опасенія. Путь былъ дальній, и Марсель, сидя въ фіакрѣ, невольно предавалась невеселымъ думамъ. Какъ странна ея судьба! Вѣдь, конечно, лучше трудиться, какъ она, чѣмъ заниматься, какъ дѣлаютъ то другія женщины, да еще со всеобщаго разрѣшенія, интригами, злословіемъ, швыряніемъ денегъ на тряпки. И что-же?—мать ея чуть было ее не прокляла; Рожé отъ нея отшатнулся; мужъ презиралъ „продукты регулярно эксплоатируемаго воображенія“; а пріобрѣтенная ею извѣстность позволяла какимъ-то авантюристкамъ причислять ее къ ихъ лагерю. Какъ осмѣлилась эта погибшая женщина явиться только къ ней, изъ всѣхъ своихъ прежнихъ знакомыхъ? Ее заранѣе безпокоила возможность встрѣчи Кэтъ съ Жаномъ,—а не сегоднязавтра эта встрѣча неминуема,—и Кэтъ, конечно, заговоритъ о сонетѣ „Gracilis“. Гдѣ произойдетъ эта встрѣча, Марсель не знала, потому что, въ сущности, ничего не знала о жизни мужа внѣ дома. Она и не пыталась узнать; напротивъ, чутьемъ она и такъ слишкомъ много угадывала, чувствуя, что мужчина не можетъ проявлять такую жестокость, какую часто проявлялъ къ ней Сальви, если втайнѣ не сознаетъ себя виновнымъ.

У Лизы ей пришлось подождать, потому что въ кварталѣ свирѣпствовала какая-то эпидемія, и отъ больныхъ не было отбою. Мысленно, Марсель сравнивала свое дѣло съ непрестаннымъ самопожертвованіемъ Лизы, и ея собственный трудъ казался ей такимъ ничтожнымъ! Однакоже, она сознавала, что ея „Миражи“ сѣяли доброе сѣмя. Она получала отовсюду немало анонимныхъ писемъ, подчасъ вовсе лишенныхъ орѳографіи, но доказывавшихъ, что она затронула немало больныхъ мѣстъ и вызывала отзвукъ въ сердцахъ читателей. О! написать книгу, всѣмъ доступную,

благодѣтельную для темныхъ, незамѣтныхъ людей! Что̀ бы тамъ ни говорили нѣкоторые литературные мандарины,—въ этомъ и долженъ заключа̀ться самый большой идеалъ человѣчества!..

Лиза мало удивилась, услыхавъ о посѣщеніи Кэтъ Морганъ, и только проговорила:

— Ты нажила себѣ въ ней врага. А согласится ли съ тобою твой мужъ?

— О! я въ этомъ увѣрена! Онъ такъ строгъ въ выборѣ моихъ знакомыхъ. Если онъ не представляетъ мнѣ нѣкоторыхъ своихъ друзей, такъ это потому, что не считаетъ ихъ достойными бывать у его жены.

Но тутъ Марсель покраснѣла и запнулась, вспомнивъ, что Сальвѝ примѣнялъ свою строгость и къ доктору Лизѣ. А та облегченно подумала: „Слава Богу! ни одна добрая душа не предупредила ее о томъ, что̀, говорятъ, всѣмъ давно извѣстно". Сама Лиза знала отъ Рожé, кто была „парижанка съ экзотическимъ псевдонимомъ", плѣнившая Сальвѝ. И Лиза поскорѣе перешла къ предмету визита Марсель. Розетту слѣдуетъ немедленно увезти на югъ, потому что она сильно кашляетъ. То былъ совѣтъ знаменитаго педіатра, приглашеннаго ею на консультацію; Лиза только не договорила, не повторила сказаннаго ей на ухо знаменитостью страшнаго слова: „туберкулёзъ"!..

X.

Сальвѝ не выразилъ ни удивленія, ни порицанія, когда Марсель съ негодованіемъ разсказала ему о посѣщеніи Кэтъ Морганъ. Только двусмысленная улыбка змѣилась по его губамъ. Вотъ что̀ значитъ репутація психолога! Кэтъ сочла Марсель способной все понять и извинить.—Даже продажность и порокъ?—Но Сальвѝ находилъ, что Марсель жестока!—Да что̀ же сдѣлали бы для Кэтъ всѣ эти дамы, такъ теперь на нее нападающія? Опекунша ея нашла бы вполнѣ естественнымъ выдать ее замужъ за богатаго старика,—какая же разница?.. Впрочемъ, побѣда слабаго существа надъ соединенными общественными силами всегда интересна. А средства безразличны, успѣхъ оправдываетъ все! Не то ли же самое практикуется въ дѣлѣ войны и политики?

— Я готова,—возразила холодно Марсель,—восторгаться, если вамъ угодно, военными хитростями и утонченнымъ макіа-

веллизмомъ псевдо-знатной барыни, г-жи Апрачевой... но только издали.

Онъ бросилъ на нее быстрый, проницательный взглядъ и промолчалъ, съ такимъ видомъ, точно и говорить обо всемъ этомъ не стоитъ. Но когда, двѣ недѣли спустя, получилось отъ г-жи Апрачевой приглашеніе на обѣдъ по случаю новоселья, Сальвй заявилъ, что нежеланіе жены принять это приглашеніе ему понятно, но до него это не касается, ибо мужчины могутъ бывать повсюду... Но Марсель стала умолять мужа не дѣлать этого, заклиная его именемъ ихъ ребенка. Сальвй удивился.—Что за драма? Какая она ныньче нервная!.. Онъ не говорилъ ей, что поѣдетъ, а только сказалъ, что не видитъ тутъ ничего дурного. А капризовъ и безразсудныхъ требованій онъ не терпитъ. Марсель подумала, что говоритъ онъ это просто такъ, не имѣя серьезнаго намѣренія быть у Кэтъ. Пригласительную карточку она изорвала, мечтая о томъ, чтобы мужъ позабылъ объ этомъ приглашеніи, и успокоилась. Но недолго длилось это спокойствіе. Ей суждено было вскорѣ убѣдиться понемногу въ томъ, о чемъ давно шли толки. Читая какъ-то въ „Фигаро“ отчетъ о какомъ-то первомъ представленіи, она прочла, въ перечнѣ именъ присутствовавшихъ, описаніе прелестной иностранки, г-жи А., обратившей на себя вниманіе своей красотой и чуднымъ ожерельемъ изъ черного жемчуга. Въ ложѣ ея видѣли поэта Ж. С... Но затѣмъ слѣдовали сейчасъ же имена двухъ или трехъ другихъ писателей, почему Марсель не придала этому обстоятельству особеннаго значенія. Вскорѣ затѣмъ Сальвй уѣхалъ на югъ, чтобы подыскать для жены и дочери удобное мѣстопребываніе, такъ какъ поѣздка эта была рѣшена. Только-что онъ уѣхалъ, какъ въ томъ же самомъ журналѣ, гдѣ нѣкогда былъ напечатанъ первый романъ Марсель, появилось нѣсколько эротическихъ стихотвореній, въ духѣ Ронсара, за подписью Жана Сальвй. Каждое изъ нихъ было проникнуто жгучей физической страстью, трепетомъ желанія, упоенною гордостью обладанія... Стихи отличались поразительнымъ совершенствомъ формы, но отнынѣ поэтъ не могъ уже сказать, какъ говаривалъ раньше: „Я никогда не исповѣдуюсь публично“.

Эти сонеты: „Далила“, „Объятіе“, „Послѣдніе огни“, „Смертельный поцѣлуй“—вызвали всеобщій восторгъ критики, единодушно объявившей, что эта великолѣпная вспышка языческаго сладострастія напоминаетъ міру о чудномъ поэтѣ-лирикѣ, черезчуръ часто безмолвномъ, но всегда способномъ на такія львиныя пробужденія. Марсель была поражена какъ громомъ и по-

няла, что Сальвй нарочно подгонялъ свой отъѣздъ къ этой минутѣ, зная, что это нанесетъ ей страшный ударъ. Послѣдній ударъ былъ ей нанесенъ въ ближайшій пріемный день у г-жи Гельманъ. Только-что она вошла въ первую гостиную, двери которой были открыты настежъ, какъ до нея изъ второй гостиной донесся гулъ голосовъ, среди которыхъ долетѣло до ея ушей имя мужа. Она пріостановилась, прислушиваясь къ мужскому голосу, говорившему:

— Не все ли равно, mesdames? ему всякая смѣлость позволительна. *Онъ* имѣетъ право черпать вдохновеніе—гдѣ ему угодно.

— Но согласитесь, что это черезчуръ поспѣшная откровенность!

— Развѣ можно остановить потокъ вулканической лавы?

— Къ тому же, нескромныя разоблаченія только тогда непріятны, когда они обидны.

— Будьте увѣрены,—произнесъ голосъ Ла-Бодрэ,—что Полина Боргезе никогда не сердилась на Канову. — Не будь его, никто не узналъ бы никогда, что нагая—она была подобна богинямъ!

Горькое чувство шевельнулось въ Марсель: ей припомнился тотъ день, когда въ другой гостиной она съ дѣтской радостью прислушивалась къ сужденіямъ о „Человѣкѣ“. Какъ давно это было!.. Цѣлая вѣчность! Она двинулась нерѣшительно впередъ, и появленіе этой темной фигуры, притворно спокойной, вызвало въ гостиной легкій шопотъ замѣшательства:—Его жена!—Послѣ мгновеннаго колебанія, г-жа Гельманъ, радушно встрѣтившая Марсель, рѣшилась заговорить съ нею о стихахъ ея мужа, которыми они тутъ только-что восхищались. Никогда не писалъ онъ ничего болѣе совершеннаго. Узнавъ отъ Марсель, куда и зачѣмъ уѣхалъ ея мужъ, хозяйка замѣтила, что трогательно видѣть, какой прекрасный отецъ—этотъ великій поэтъ!.. Присутствующіе подхватили.

Съ трудомъ высидѣла Марсель необходимую для такого визита четверть часа, обманувъ всѣхъ своимъ удивительнымъ хладнокровіемъ. Въ передней, увидя себя въ зеркалѣ, она сказала себѣ мысленно:—Это лицо соперничать ни съ кѣмъ не можетъ... И ей было стыдно отъ сознанія низменности своей муки, своего оскорбленнаго тщеславія.

На другой день вернулся Сальвй. Разсказывая лихорадочно о своихъ поискахъ на Ривьерѣ, онъ волновался и нервничалъ. Его справедливо безпокоило то впечатлѣніе, которое долженъ

былъ произвести на жену его шумный успѣхъ, приводившій его въ восторгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему страстно хотѣлось, чтобы она объ этомъ заговорила. Онъ нуждался въ похвалахъ и лести, а сопротивленіе его обаянію было для него худшимъ изъ оскорбленій. И молчаніе Марсель сердило его больше, чѣмъ разсердила бы бурная сцена. Наконецъ, онъ не выдержалъ и спросилъ, неужели она ему ничего не скажетъ о его сонетахъ?

— Ничего, хотя это и несправедливо, потому что ваши сонеты—цѣлое литературное событіе. Это—всеобщій голосъ.

— Къ которому вашъ голосъ, очевидно, не собирается присоединиться?

Онъ забывалъ, сколько разъ онъ отказывалъ ей не только въ похвалѣ, но даже въ оцѣнкѣ. Жанъ Сальвѝ никогда не приравнивалъ себя къ другимъ: обыкновенные, годные для всего человѣчества, мѣры и вѣсы—къ нему были непримѣнимы.

Марсель спокойно заявила, что предпочла бы иной сюжетъ. Онъ вспылилъ:—Сюжетъ,—что̀ такое сюжетъ? Не больше какъ предлогъ для кристаллизаціи, вѣточка, стебелекъ, паутинка, превращенные геніемъ въ сверкающую бриллiантовую эгретку. Это срывается и подбирается, гдѣ попало, хотя бы въ грязи, всегда —съ полу. Только дюжинныя натуры не понимаютъ удовольствія создавать нѣчто великое изъ ничего. Чтобы придавать значеніе сюжету, надо обладать буржуазнымъ складомъ ума.

— За неимѣніемъ другихъ даровъ, я обладаю, очевидно, этимъ буржуазнымъ чувствомъ пристойности.

— Ужъ не намѣреваетесь ли вы впредь поставлять мнѣ добродѣтельно-нравственно-филантропическія *темы*, одобренныя докторомъ Лизой, какъ соотвѣтствующія правиламъ гигіены? Это ужъ слишкомъ! Довольно и того, что вы не присоединяетесь къ моему огромному тріумфу, какого я давно уже не имѣлъ, а прикидываетесь жертвой! Признайтесь ужъ лучше, что вы предпочитали мое безмолвіе, что вы наслаждались тѣмъ, что представляете изъ себя *нѣчто*, пока я былъ ничто, потому что задыхался изъ-за васъ столько лѣтъ въ вашей душной атмосферѣ...

— Вы же знаете, Жанъ, что это все ложь и пустая клевета!.. Я ни въ чемъ васъ не упрекала; мнѣ только горько, что вы сейчасъ произнесли непоправимыя слова, оскверняющія прошлое и доказывающія, что вы меня никогда не понимали.

— А пробовали ли вы понять меня? Стушевали ли вы хоть немного свою личность передъ моею? Вспомнили ли вы, что я думалъ найти въ васъ искреннюю, преданную подругу, забывающую о себѣ, какою не будетъ никогда ни женщина, измышляю-

щая фикціи, ни актриса. Онѣ—жертвы собственныхъ химеръ, онѣ заражены сантиментальностью и преувеличеніемъ. Я хотѣлъ спасти васъ отъ этого. Вы привлекли меня прелестью контрастовъ, нынѣ не существующею, самопожертвованіемъ, оказавшимся обманомъ. Вы упрекнули меня за то, что я примѣняю на дѣлѣ право, превосходящее всѣ ваши права,—право божественнаго дара. Гдѣ же тутъ оскорбленіе? Въ чемъ собственно вы меня упрекаете?

Но она молчала, сама испуганная тѣмъ, что̀ ей невольно просилось на языкъ. А онъ продолжалъ:

— Ужъ не упрекнете ли вы меня въ томъ, что я не сдѣлался, въ угоду вамъ, пѣвцомъ простолюдина и домашняго очага? Знайте же, что и впредь будетъ такъ. Домашній очагъ меня не вдохновляетъ... Ваша практическая мораль создана не для меня. Моя—стоитъ превыше всего этого, и я ею не поступлюсь изъ-за какого-то ханжества...

И онъ вышелъ, оставивъ несчастную женщину ошеломленною его нахальствомъ. То, что̀ творилось въ ея душѣ, страшило ее больше всѣхъ его словъ. Она теперь только презирала этого человѣка, котораго прежде ставила такъ высоко. Какъ могла она такъ заблуждаться? Вся жизнь ея, сотканная изъ иллюзій, была загублена навсегда... Почему же онъ сдѣлалъ ей подобную сцену въ такую минуту, когда, казалось, ему выгоднѣе было бы молчать и притворяться? Какая могла быть у него цѣль?

Это выяснилось скоро. Когда ей доложили, что обѣдъ поданъ, она освѣдомилась—дома ли баринъ?—Баринъ только-что ушелъ. Развѣ барыня забыла, что баринъ сегодня обѣдаетъ въ гостяхъ?—Все происшедшее озарилось внезапно яркимъ свѣтомъ! Она сразу вспомнила, что сегодня справлялось новоселье у Кэтъ. Утренняя сцена позволяла Сальвѝ, подъ предлогомъ ссоры съ женой, уйти къ любовницѣ, избѣгнувъ вопросовъ и упрековъ.

Вечеромъ къ ней явился Рожé, знавшій о праздникѣ у Кэтъ. Войдя въ маленькую гостиную, слабо освѣщенную одной лампой, онъ засталъ Марсель всю въ слезахъ. Она плакала, не ожидая, что къ ней кто-либо придетъ, и, увидя его, быстро отерла глаза, стараясь оправиться. Но онъ пришелъ именно для того, чтобы она могла облегчить свою душу, пришелъ спасти ее отъ тяжелаго одиночества. И голосъ его, спрашивавшій, что̀ съ нею, звучалъ такимъ участіемъ, что она снова зарыдала, закрывая лицо руками. Онъ усадилъ ее подлѣ себя и заговорилъ:

— Я ни о чемъ васъ не спрашиваю, но знайте, что я пре-

данъ вамъ безгранично. Дѣлайте что̀ хотите изъ моей братской преданности, она—вся ваша.

Она подняла на него взоръ, полный такого отчаянія, что, внѣ себя отъ сожалѣній и угрызеній совѣсти, онъ вскричалъ, забывая всѣ свои благоразумно-утѣшительныя намѣренія:

— Бѣдная Марсель! вѣдь все для насъ могло быть иначе!

— Къ чему вспоминать? Вы сами не захотѣли, когда было еще не поздно!

При этомъ упрекѣ онъ забылъ все на свѣтѣ, кромѣ представляющейся, наконецъ, возможности оправдаться.

— Да развѣ вы ничего не знаете?—вскричалъ онъ неудержимо.—Я мучился и мучаюсь еще больше, чѣмъ вы. И уѣхалъ я тогда изъ-за васъ, и возвращался только для того, чтобы повидать васъ. Вы одна наполняли всю мою жизнь, и я всегда васъ любилъ, всегда...

Она понимала, какъ онъ любитъ ее и сейчасъ!.. Онъ отдавалъ ей себя всего, ничего не прося взамѣнъ. Онъ хотѣлъ только облегчить ея горе, помочь ей, хотя и предполагалъ, что она любитъ другого и оплакиваетъ его измѣну.

Не отвѣчая, она довѣрчиво положила голову на его плечо, но слезы ея были уже не такъ горьки, потому что его признаніе возвышало въ ней снова униженную женщину. И долго они просидѣли такъ. Рожѐ шепталъ ей еле слышно, что онъ ее любитъ, и они ничуть не боялись, что ихъ могутъ такъ застать,—до того было чисто ихъ упоеніе. Только благородныя сердца могутъ такъ безмятежно предаваться подобной цѣломудренно-трогательной нѣжности, для точной характеристики которой не имѣется словъ на бѣдномъ человѣческомъ языкѣ.

XI.

По совѣту докторовъ, Марсель увезла дочь въ Аркашонъ. Увезла она съ собою и Николь Ферьѐ, обходиться безъ которой не могла, и которую настойчиво требовала Розетта. Съ безжалостной откровенностью дѣтства, дѣвочка упрашивала мать скорѣе уѣхать одной, а ее оставить въ Парижѣ съ ея дорогой „Ники". Родители Николь охотно ее отпустили; дѣвушка никогда не путешествовала, и поѣздка эта ее восхищала. Радуясь возможности доказать Марсель свою преданность, она говорила себѣ мысленно, что это для нея—единственный шансъ снова

встрѣтиться съ Роже́ Эдуэнъ, справедливо предполагая, что его можно ожидать въ Аркашонъ.

Передъ отъѣздомъ, Марсель поручила ему всѣ дѣла по ея разводу. Извѣстіе о разводѣ супруговъ Сальві́ вызвало страшный шумъ, тѣмъ болѣе, что онъ являлся полной неожиданностью. Объ отъѣздѣ Марсель на югъ знали давно, и, собственно, значенія этому отъѣзду никто не придавалъ.

Въ Аркашонѣ ежедневныя письма отъ Роже́ стали событіемъ дня для Николь. Она думала о той радости, которую приносили бы эти письма ей, старалась угадать, о чемъ онъ пишетъ кузинѣ, но о правдѣ даже и не подозрѣвала: Марсель была лѣтъ на семь старше ея, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ ея выдающимся умомъ, облекало ее, въ понятіи Николь, зрѣлостью, несовмѣстимою съ любовью. Къ тому же она считала Марсель безутѣшною, не взирая на все ея мужество. Конечно, всѣ эти предварительныя формальности развода должны давать немалую пищу для переписки, но неужели же Роже́ только объ этомъ и пишетъ, и упоминаетъ о ней, Николь, только изрѣдка и мимоходомъ, чтобы послать ей иногда поклонъ? Про себя она подозрѣвала между Марсель и Роже́ заговоръ, предметомъ котораго была она. И, конечно, она была на все заранѣе согласна, но завѣтныхъ думъ своихъ она не выдавала, а Марсель говорила о Роже́ очень рѣдко, хотя думала о немъ много. Рѣдкія женщины были такъ любимы, какъ она, и отнынѣ все для нея перемѣнилось, вся жизнь получала иную, счастливую окраску.

Мирно и однообразно текла жизнь въ небольшой виллѣ, занимаемой Марсель. Морской климатъ видимо укрѣплялъ Розетту.

Въ письмахъ Роже́ было мало значительнаго; онъ, очевидно, стѣснялся, робѣлъ въ этой перепискѣ съ женщиной-писательницей, привыкшей къ блеску ума и краснорѣчія. Онъ боялся оказаться несостоятельнымъ, а Марсель угадывала, въ чемъ дѣло, и досадовала на его недостаточно интимный тонъ. Впрочемъ, онъ доказывалъ ей свою преданность иначе, на дѣлѣ; бракоразводное дѣло успѣшно подвигалось, тѣмъ болѣе, что Сальві́ ни въ чемъ не оказывалъ противодѣйствія. Прощаясь съ Марсель передъ ея отъѣздомъ, Роже́ сказалъ, что не увидится съ нею теперь до тѣхъ поръ, пока она не будетъ совершенно свободной. И теперь Марсель ждала спокойно окончанія дѣла, зная, что ничто не препятствуетъ ей получить въ ближайшемъ будущемъ разводъ. Она отдыхала душой, усердно писала новый романъ и радостно слѣдила за развитіемъ дочери, окруженной нѣжнымъ попеченіемъ Николь.

Несмотря на свое нежеланіе съ кѣмъ-нибудь видѣться, Марсель не избѣгла нѣсколькихъ посѣщеній. Когда черезъ Аркашонъ проѣзжали какіе-либо изъ ея парижскихъ знакомыхъ, они неукоснительно являлись къ ней на виллу, и такимъ образомъ до нея доходили извѣстія о мужѣ и „красавицѣ Кэтъ“. По общимъ отзывамъ, Сальви безумствовалъ болѣе, чѣмъ когда-либо, но жилось ему не всегда хорошо. Желая непремѣнно царить, играть роль какой-то богини, Кэтъ привлекала въ свой домъ всѣхъ наиболѣе интересныхъ мужчинъ, будь то просто богатые аристократы или представители литературы и искусства. Какъ страшная кокетка, Кэтъ вела себя такъ, что Сальви не на шутку тревожился, что̀ только усиливало его страсть. О Марсель судили разно, но чаще осуждали, потому что въ свѣтскихъ кружкахъ на разведенныхъ еще посматривали косо, если только бракъ не былъ расторгнутъ римской куріей.

Гуляя съ Роветтой, Марсель и Николь часто заходили вглубь такъ называемаго „Стараго аркашонскаго лѣса“, гдѣ, подъ тѣнью стараго, высокаго дерева между подругами произошелъ какъ-то весьма знаменательный разговоръ.

— Замужество и материнство было бы моей цѣлью,—еслибы мнѣ было дозволено имѣть свою цѣль,—сказала Николь.

— Замужество... вообще?..

— О, нѣтъ! — отвѣтила та, краснѣя и смѣясь. — У меня есть одно опредѣленное желаніе, почему и ясно, что я останусь старой дѣвой.

— Какъ, Николь, у тебя завелись секреты?

— Къ чему упоминать о томъ, что есть на свѣтѣ понравившійся мнѣ человѣкъ, если этотъ человѣкъ обо мнѣ не думаетъ?

— Ты увѣрена въ этомъ?

— Нѣтъ... не совсѣмъ... и сомнѣніе это имѣетъ свою прелесть. Одно время я думала, что нравлюсь ему, потому что онъ часто разговаривалъ со мною. Но потомъ ничего не вышло. Ты видишь, что мнѣ остается только ждать... Впрочемъ, столько женщинъ ждутъ до самаго гроба!

Но когда Марсель попросила ее объясниться яснѣе, она ничего болѣе отъ Николь не добилась. Николь же была сильно удивлена: какъ это странно, что Марсель не догадывается? И между подругами наступило молчаніе. Скоро онѣ собрались домой, и во время сборовъ Николь небрежно замѣтила, что сезонъ подходитъ къ концу, а капитанъ Эдуэнъ такъ-таки ихъ здѣсь и не навѣстилъ.

Сама не зная почему, при этомъ имени Марсель вздрогнула; ей смутно почудилась какая-то связь между этимъ именемъ и

полу-признаніями Николь. Она отвѣчала сухо, что въ сегодняшнемъ письмѣ онъ извѣщаетъ о своемъ скоромъ пріѣздѣ, и добавила послѣ краткой паузы:

— Вотъ этотъ-то никогда не женится!

— Боже мой!—вырвалось невольно и глубоко разочарованно у Николь. И, внезапно понявъ значеніе такого невольнаго признанія, она закрыла лицо руками, но очень скоро справилась съ собою. Марсель не чувствовала ни участія, ни жалости къ этой юной скорби, и, несмотря на всю неопредѣленность мелькнувшаго у нея подозрѣнія, въ ней поднялась такая злоба, какой она никогда не питала раньше къ г-жѣ Апрачевой. Ту она только презирала, тогда какъ теперь въ ней поднялась настоящая буря.

Молчаливо вернулись подруги домой. Тамъ ихъ ожидалъ сюрпризъ въ лицѣ самого Рожé. Едва поздоровавшись съ нимъ, Николь быстро скрылась съ Розеттой, и Марсель осталась съ нимъ вдвоемъ. Рожé былъ внѣ себя отъ восторга. Наконецъ-то! Какъ они опять давно не видались!.. Не можетъ онъ привыкнуть къ этимъ частымъ и продолжительнымъ разлукамъ... Но теперь все это кончено: она, разумѣется, понимаетъ, что если онъ пріѣхалъ, —значитъ, она свободна...

Ни одна женщина съ сердцемъ не можетъ отнестись къ подобной вѣсти съ бурной радостью, даже если дѣло идетъ объ освобожденіи отъ постылаго ига. А потому Рожé нисколько не удивился, когда Марсель затрепетала и прошептала: — Ахъ! точно сама смерть коснулась сейчасъ меня!—Но онъ обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ. Даже смерть не могла бы принести ей болѣе полнаго избавленія, потому что она—болѣе вдова, чѣмъ кто-либо, такъ какъ у нея не осталось ничего, о чемъ можно было бы жалѣть. Онъ же имѣетъ сказать ей еще другое... Давно уже таитъ онъ это въ себѣ...

— Марсель, согласны ли вы быть моей женой?

Вся блѣдная, она быстро освободилась изъ его объятій и отступила. Даже мысленно она этого никогда не допускала. Онъ смѣшался и попросилъ прощенія въ томъ, что такъ внезапно объ этомъ заговорилъ. Но онъ поклялся себѣ, что какъ только свидится съ нею—это будутъ его первыя слова. Сколько лѣтъ уже просятся они ему на языкъ! Да забудутся теперь всѣ прошлыя испытанія и да начнутъ они жизнь съ начала! Да будетъ все происшедшее не болѣе какъ дурнымъ сномъ, о которомъ и вспоминать не стоитъ... Онъ любитъ ее,—и ничего болѣе не существуетъ... Довольно онъ настрадался... Слушая его, она

только растроганно повторяла:—Мой бѣдный Рожé! мой бѣдный Рожé!—Бѣдный, почему? Онъ себя несчастнымъ не считаетъ.—Но она твердила, что это невозможно и, во всякомъ случаѣ, преждевременно.—Почему? вѣдь ей не носить траура! Наконецъ, назначеніе дня свадьбы будетъ всецѣло зависѣть отъ нея; онъ проситъ только, чтобы она дала ему теперь слово. Ея годы? Это не причина; она все та же, какою была; къ тому же онъ дастъ ей такое счастіе, что къ ней вернутся прежняя молодость и красота.—Она знаетъ, что сердце у него золотое, но она будетъ благоразумна за двоихъ. Наконецъ, самая женитьба на разведенной женщинѣ—противна его принципамъ! И это вздоръ. Онъ не можетъ допустить мысли, чтобы жизнь ея была сплошнымъ страданіемъ. Принципы тутъ ни при чемъ, они просто начнутъ жизнь съизнова.—Но подумалъ ли онъ о своей карьерѣ, которой подобный бракъ можетъ повредить?—Повредить это ничему не можетъ, но если понадобится, то онъ и въ отставку выйдетъ,—потому что она для него прежде всего...

Горделивая радость поднималась въ Марсель, слушавшей его рѣчи. Ей, ежедневно повторявшей себѣ, что она постарѣла и сильно измѣнилась, приносилось такъ много жертвъ; давно любившій ее человѣкъ не переставалъ ее любить,—и человѣкъ, за котораго любая женщина пошла бы съ удовольствіемъ замужъ. Онъ видѣлъ только ее одну, даже не замѣтилъ этой молоденькой Николь, мечтавшей лишь о немъ. Горькое разочарованіе Николь не только не внушало ей жалости, а еще увеличивало ея торжество,—ибо въ удачѣ человѣкъ рѣдко проявляетъ доброту, даже если онъ великодушенъ по натурѣ.

Однако, сдалась она не сразу, несмотря на вспыхнувшее въ ней теперь безумное желаніе этого новаго, молодого счастія. Но всѣ ея возраженія побѣдоносно разбивались Рожé. — Розетта? Чтò же такое? Неужели она не считаетъ его способнымъ замѣнить ея дочери отца?.. И, наконецъ, его страстныя настоянія сломили ея упорство, но она попросила его подождать, чтобы Розетта выздоровѣла. Онъ долженъ понять, что она никогда не проститъ себѣ, что заботилась о личномъ счастьѣ, пока ея ребенокъ былъ въ опасности. Всѣ мысли ея должны принадлежать ея дочери.

— Но, вѣдь, вы пишете же цѣлыми днями? — замѣтилъ наивно Рожé, которому она даже не пыталась разъяснять разницу между областью воображенія и дѣйствительной жизнью; она даже не обозвала его профаномъ. Но, несмотря на то, что въ эту минуту его сердце билось подлѣ ея сердца, она смутно

чувствовала, что они далеки одинъ отъ другого. И, точно молнія, пронизало ее воспоминаніе о томъ пониманіи ея существа, ея натуры, которымъ отличался тотъ, другой, Жанъ Сальвй, пока не перемѣнился къ ней! А между тѣмъ онъ былъ настолько ниже Рожé въ нравственномъ отношеніи: вѣдь именно этимъ проникновеніемъ въ міръ ея чувствъ и вкусовъ и покорилъ онъ ее когда-то. И хотя потомъ онъ и мучилъ ее,—онъ всегда понималъ ее, тогда какъ съ Рожé ее ждетъ умственное одиночество... То была минута краткаго, но грознаго провйдѣнія...

За обѣдомъ Марсель, слишкомъ счастливая теперь, чтобы видѣть подлѣ себя чье-либо горе, такъ мило и сердечно обходилась съ Николь, что та, удрученная-было молчаніемъ Марсель по пути изъ лѣсу, повеселѣла и просіяла. Однако, въ глубинѣ души, что-то щемило ее, и она спрашивала себя: „Но почему же Марсель сказала, что онъ никогда не женится?“

XII.

Рожé провелъ двѣ недѣли въ Аркашонѣ, бывая ежедневно у Марсель, но нимало не подозрѣвая, что тутъ разыгрывалась драма, героемъ и центромъ которой былъ онъ самъ. Благодаря лишь этой полной безсознательности, онъ не былъ смѣшонъ, какъ смѣшонъ всегда мужчина,—даже если онъ вовсе не фатъ,—любимый двумя женщинами сразу. Не сознавала и Николь, какая опасная почва у нея подъ ногами; и только одна Марсель вѣрно оцѣнивала все происходящее. И она была глубоко несчастна, хотя непрестанно заботилась о развлеченіи окружающихъ.

Погода стояла прекрасная, весенняя, и они проводили всѣ дни на воздухѣ. Николь и Рожé беззаботно гуляли, катались, предавались рыбной ловлѣ и охотѣ за морской птицей, и все это забавляло Рожé. Марсель, привыкшая къ домосѣдству, часто отказывалась сопровождать ихъ и совершенно просто предлагала Рожé гулять вдвоемъ съ Николь. Оставшись наединѣ, она размышляла. Зачѣмъ станетъ она препятствовать этой дѣвочкѣ завоевать себѣ то, что̀ ей навсегда воспрещено? Не лучше ли предоставить все на волю случая? И, присматриваясь къ Николь послѣ такихъ прогулокъ, она замѣчала, что видъ у нея цвѣтущій,—она еще хорошѣла и сіяла счастьемъ. Марсель была хорошо знакома съ предметами ихъ болтовни, потому что не разъ прислушивалась къ ней; они толковали всего чаще о раз-

ныхъ спортахъ или о фотографіи, къ которой давно пристрастился Рожé. И, наконецъ, Марсель пришла къ такому заключенію: въ обществѣ Николь Рожé просто пользовался радостями жизни, тогда какъ въ ея обществѣ изощрялся въ искусствѣ бесѣдовать. Чѣмъ болѣе разговаривала она съ нимъ, тѣмъ яснѣе выступали между ними скрытые антагонизмы. Напримѣръ, Рожé имѣлъ привычку судить о различныхъ общественныхъ явленіяхъ, что называется, съ плеча; онъ не подозрѣвалъ, что всякій данный вопросъ имѣетъ нѣсколько разныхъ сторонъ, онъ держался немногочисленныхъ, разъ навсегда избранныхъ имъ линій. Случалось, что онъ полу-шутливо, полу-серьёзно объявлялъ, что нѣтъ голоса краснорѣчивѣе и дѣйствительнѣе, какъ—грохотъ пушекъ. И Марсель замѣчала, что сама она заражена нѣкоторыми идеями Сальвѝ; а теперь она дѣлала открытіе за открытіемъ, и видѣла, что Рожé гораздо болѣе подходитъ къ Николь, чѣмъ къ ней. Почему же тогда мысль, что въ Николь можетъ возродиться надежда, была ей такъ невыносима? Не принадлежа къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ воображеніе заглушало совѣсть, она строго разбиралась въ себѣ. Вѣдь прежде, когда ей казалось, что Рожé ухаживаетъ за Николь, это ее не огорчало! Но это было тогда, когда онъ ей не принадлежалъ; неужели же теперь въ ней говоритъ эгоизмъ обладанія? Но на что̀ же ей это возвращенное благо? Сама она не знала, что̀ она съ нимъ станетъ дѣлать, а уступить въ другія руки не хотѣла, хотя сознаніе подобнаго эгоизма было ей противно и она его стыдилась. Минутами ей приходила фантазія испытать вѣрность Рожé, и тогда она поражала его неровностями своего характера. То она точно боялась оставаться съ нимъ наединѣ, то сама заговаривала о свадьбѣ. Она придиралась иногда къ малѣйшей его интонаціи, и дошла до того, что разъ даже придралась къ самой пылкости его увѣреній.

— Право, — замѣтила она какъ-то, — вы женитесь, какъ другіе выбрасываются изъ окошка. Но самоубійства я не желаю.

Между тѣмъ, Николь смутно чувствовала, что Марсель къ ней перемѣнилась, и доискивалась причины этой перемѣны. Не была ли ужъ Марсель на сторонѣ какой-нибудь ей невѣдомой соперницы? Не представлялась ли для Рожé выгодная партія или не была ли тутъ замѣшана другая влюбленная въ него женщина? Николь рѣшилась бороться и прибѣгла даже къ кокетству, насколько позволяла ей это ея простая, честная натура. Марсель отлично замѣчала всѣ ея невинныя ухищренія и сердилась на торжествующую молодость подруги,—а у нея-то самой появились уже серебристыя нити на вискахъ! Но послѣднимъ

ударомъ было для нея открытіе, что Рожé сталъ сдержаннѣе съ Николь. Какъ ни былъ онъ лишенъ фатовства, онъ не могъ, въ концѣ концовъ, не замѣтить, что прелестная дѣвушка была весьма не прочь вскружить ему голову. Онъ до того перепугался, что, скрѣпя сердце, Марсель заключила про себя, что спохватился онъ, пожалуй, слишкомъ поздно.

Но вотъ Рожé объявилъ, что его вызываютъ въ Парижъ по дѣламъ службы, и что на слѣдующій же день онъ уѣзжаетъ. На прощанье было рѣшено съѣздить вмѣстѣ къ маяку мыса Ферре́, но, добравшись до маяка, Марсель объявила, что на террасу Розетту взять нельзя, потому что тамъ черезчуръ вѣтрено. Они побываютъ наверху по очереди,—и первыми поднялись туда Николь и Рожé.

Несмотря на грандіозное, никогда не виданное ею зрѣлище, разстилавшееся передъ нею, Николь казалась равнодушной, озабоченной. Послѣ нѣкотораго колебанія, она осмѣлилась спросить Рожé, не сердится ли онъ на нее, потому что за послѣдніе дни онъ къ ней перемѣнился... Чувствуя приближеніе опаснаго объясненія, Рожé рѣшился прямо приступить къ дѣлу. -- Нѣтъ, онъ не сердится, а просто озабоченъ, и все собирался поговорить съ нею... Она можетъ помочь ему убѣдить Марсель, когда онъ уѣдетъ.

Николь была заинтересована. Съ трудомъ, но все-же Рожé объяснилъ, что замышляетъ жениться, и счастіе его зависитъ отъ Марсель, ибо на ней-то онъ и хочетъ жениться... Законъ позволяетъ разведеннымъ вступать во вторичный бракъ, и онъ признался Марсель, что видѣть ее своей женой—его самое страстное желаніе.

— И она отвѣчала, что это невозможно, не такъ ли?— вскричала Николь, вся блѣдная и цѣпляясь за перила террасы, чтобы не упасть.—Выйти замужъ при жизни ея мужа... отца ея ребенка! Боже, какой ужасъ!.. Сама церковь это запрещаетъ!

— Ну, я думаю, что, потершись о скептицизмъ Сальвѝ и идеи Лизы, она понемногу отъ кое-чего и отрѣшилась.

— Но вы... какъ могли вы?..—И Николь взглянула на него съ выраженіемъ ужаса и упрека.—Ну, теперь не время разбирать, хорошъ или дуренъ законъ о разводѣ. Суть въ томъ, что законъ этотъ на лицо и поможетъ ему дать счастіе Марсель. Вѣдь Николь не знаетъ, что онъ былъ невольной причиной этого несчастнаго брака, а теперь онъ можетъ дать Марсель защиту и опору... Она ему не отказала, но просила подождать, пока поправится Розетта. Однако и онъ, и она, Николь,

хорошо знаютъ, что бѣдняжка никогда не поправится; а ему не хочется, чтобы Марсель, и безъ того такая одинокая, осталась бы совсѣмъ одна на свѣтѣ...

— Неужели же вы воображали, что я стану отстаивать ваши интересы? Это было бы черезчуръ!—вскричала стремительно Николь; но чтобы не выдать себя окончательно, она добавила съ надменнымъ, несвойственнымъ ей видомъ:—Моя вѣра и чувства протестуютъ противъ этихъ вторичныхъ браковъ разведенныхъ женъ. Единственное, что̀ я могу вамъ посовѣтовать,— это отказаться отъ Марсель. Быть можетъ, одиночество будетъ для нея менѣе тяжело, чѣмъ было бы для другой, потому что ей есть чѣмъ наполнить его. Имѣть ребенка!—вѣдь это должно вознаграждать за все! На свѣтѣ такъ много другихъ, лишенныхъ всякаго утѣшенія...

И Николь бросилась внизъ съ террасы, а Роже́, молча, послѣдовалъ за нею, крутя усы и мысленно называя себя круглымъ дуракомъ. Когда они вернулись, Марсель сразу поняла, что теперь Николь все извѣстно, тогда какъ Николь чувствовала съ отчаяніемъ, что ея другъ, ея прежній кумиръ—падаетъ съ того пьедестала, на который она съ дѣтства ставила его...

На другой день Марсель уѣхала въ Парижъ вмѣстѣ съ Роже́, объявивъ Николь, что ѣдетъ по неотложнымъ дѣламъ и поручаетъ Розетту ея попеченіямъ. Николь серьезно и дружески благодарила ее за довѣріе и обѣщала всегда заботиться о ребенкѣ. Молодая дѣвушка уже успокоилась и гордо замкнулась въ себѣ, желая только одного, чтобы Марсель ни о чемъ не догадалась. Она подавила въ себѣ вспышку страсти, и въ этомъ помогла ей молитва. Горячо и искренно помолилась она и за себя, и за Марсель.

XIII.

Тѣмъ временемъ, дня за два до этихъ событій, въ Парижѣ къ доктору Лизѣ явился неожиданный, странный гость,—Жанъ Сальвѝ, немного постарѣвшій и опустившійся. Не обращая вниманія на явно нелюбезный пріемъ Лизы, онъ заявилъ, что пришелъ поговорить съ нею о г-жѣ Сальвѝ. Лиза заинтересовалась, тѣмъ болѣе, что онъ добавилъ, что личной цѣли онъ не преслѣдуетъ. Конечно, Марсель воспользуется своей свободой для того, чтобы выйти замужъ за капитана Роже́ Эдуэнъ. Ну, да, онъ знаетъ, что это—ея первая, пожалуй, даже единствен-

ная любовь. Не разъ онъ завидовалъ этой любви, выраженной „Человѣкомъ" въ его романѣ,—къ герою, ничего общаго съ нимъ, Сальви, не имѣвшему. И въ сравненіи съ этой любовью, онъ находилъ нѣжность къ себѣ своей жены весьма недостаточной. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что онъ всегда будетъ принимать горячее участіе въ судьбѣ „Человѣка".

— Выслушайте совѣтъ друга, въ сущности, понимающаго ее лучше всѣхъ. Вѣдь приличія не позволяютъ мнѣ сказать ей лично:—остерегитесь! это второе замужество будетъ такимъ же крупнымъ заблужденіемъ, какъ и первое!

— Вы серьезно такъ думаете?

— Да вы думаете вѣдь то же самое! Когда этотъ кузенъ вернулся изъ Африки, я, конечно, былъ уже очень виноватъ передъ нею, но я былъ еще склоненъ къ той ревности, которая знакома только исключительнымъ существамъ, хотя бы они и измѣняли сами. Ни одна женщина этого не понимаетъ. Вы, mesdames, обладаете самой большой силой—забвеніемъ; разъ вы разлюбили, человѣкъ этотъ для васъ не существуетъ. И я ревновалъ ее всегда къ этому незнакомцу, пока не познакомился съ нимъ. Я не отрицаю, что онъ принадлежитъ именно къ тѣмъ мужчинамъ, которые нравятся женщинамъ вообще, но, несмотря на всю его мужественную красоту... я увѣренъ, что, встрѣтившись снова съ героемъ „Внезапнаго пробужденія", Марсель немного разочаровалась... Можетъ быть, не сразу... хотя и встрѣтила-то его она слишкомъ спокойно. „Неужели когда-то я могла такъ мучиться изъ-за него?"—подумала она навѣрное, ибо діапазонъ ея души былъ уже иной.—По вашимъ глазамъ я вижу, что не ошибся.

Лиза, дѣйствительно, слушала его внимательно. Не безъ лукавства разсказывалъ онъ теперь, какъ бывало неловко Марсель, когда кузенъ ея разражался какой-нибудь банальностью. Трудно человѣку постоянно стоять на геройской высотѣ, да и Марсель слишкомъ привыкла уже жить среди атмосферы развитыхъ, чуждыхъ ему, умовъ.

— Потому-то, вѣроятно, и цѣнила она его искренность и простоту,—отрѣзала Лиза.

— Допустимъ. Онъ самъ это цѣнилъ, почему и приглашалъ къ себѣ Рожé какъ можно чаще. Это было лучшимъ средствомъ уменьшить его престижъ, потому что всякая новинка понемногу выдыхается. Но скоро своимъ собственнымъ безумствомъ онъ помогъ Рожé снова воплотить въ себѣ типъ того влюбленнаго, который, въ романахъ „Человѣка", всегда казался ему неправдо-

подобнымъ. И когда этотъ честный человѣкъ, которому, навѣрное, въ принципѣ претятъ эти законы, унижающіе бракъ, роковымъ образомъ, предложитъ ей стать его женой, и на развалинахъ всего прошлаго построить будущее, Марсель, прежде всего идеалистка, почувствуетъ жгучую радость отъ возможности пережить лично одинъ изъ своихъ романовъ. И она сочтетъ себя реальной писательницей,—разъ ея писанія осуществляются. Но когда воображеніе переносится изъ своей законной области въ практику жизни, оно приноситъ людямъ только несчастіе. Какъ можетъ Рожé понимать Марсель? Все его чувство къ ней основано на ошибкѣ. По мѣрѣ того какъ жизнь идетъ впередъ, нѣкоторые люди измѣняются; но такіе, какъ Рожé Эдуэнъ, отлитые разъ навсегда въ опредѣленную форму, остаются такими до могилы. Въ этомъ—ихъ сила и слабость. Онъ даже не можетъ представить себѣ Марсель такою, какою она стала теперь. А съумѣй онъ открыть въ ней то, чѣмъ она, дѣйствительно, интересна, она показалась бы ему не ангеломъ, а чудовищемъ... Ибо всякая женщина, не нуждающаяся ни въ комъ, — чудовище. Обаяніе женщины заключается въ ея прелестной слабости. А о тѣхъ женщинахъ, которыя имѣютъ въ себѣ самихъ столько рессурсовъ, что ихъ можно бросать безъ угрызеній совѣсти,— и говорить не стоитъ!..

И поженись они, Рожé станетъ тщетно искать въ Марсель свою прежнюю кузиночку, и будетъ тщетно стараться достигнуть ея умственнаго уровня. Марсель же писать никогда не броситъ, если ужъ не бросила тогда, въ самомъ началѣ. Ни отъ одной привычки не бываетъ такъ трудно отвыкать, какъ отъ этой. Какая же выйдетъ изъ нея полковая дама, обязанная считаться визитами съ женами начальниковъ мужа,—не говоря уже о томъ, что въ провинціи на нее станутъ коситься... А вырвать Рожé изъ военнаго элемента и думать нечего!..

— Убѣдите ее, что ей слѣдуетъ дорожить своей свободой; вѣдь, въ сущности, она только ея и желала всегда страстно. Рожé—натура, прямо противоположная всякому художнику; онъ невольно надоѣстъ ей и утомитъ ее. Превратись она въ г-жу Эдуэнъ, талантъ ея обреченъ на гибель, ибо если отчаяніе можетъ давать пищу таланту, то въ скукѣ и банальности онъ глохнетъ.

— Мы никакъ не ожидали, что вы дадите намъ урокъ,— сказала Лиза, вставая и какъ бы отпуская Сальвіи; — но вы правы, и я передамъ ваши слова заинтересованнымъ сторонамъ. Но какъ жаль, что, умѣя такъ прекрасно разбираться въ дѣ-

лахъ другихъ, можно не умѣть разбираться въ своихъ собственныхъ!

— Къ счастію!—вскричалъ Сальвй.—Иначе, пожалуй, не оставалось бы ничего другого, какъ застрѣлиться!

И вотъ, когда Марсель явилась къ Лизѣ, та отвѣтила ей на ея разсказъ подробнымъ отчетомъ о посѣщеніи Сальвй. Марсель пожала плечами и нашла все это весьма дерзкимъ, но спросила, что̀ думаетъ сама Лиза?

— Рискуя разсердить тебя, я думаю, что онъ правъ. Всякое призваніе требуетъ жертвъ, и въ этомъ—красота жизни.

— Но не ея сладость, — проговорила задумчиво и грустно Марсель.—Будь я даже великимъ романистомъ, а ты великимъ докторомъ,—а вѣдь мы ни то, ни другое,—намъ все-же пришлось бы позавидовать тѣмъ, которыя не обречены на одиночество.

— А развѣ ты перемѣнила бы свою долю на долю обыкновенныхъ смертныхъ? Если ты можешь отвѣтить мнѣ искренно: „да!“—тогда забудь *его* слова, не слушай меня и выбирай рѣшительно эгоистическое существованіе. Если ты съумѣешь достигнуть личнаго счастія,—это будетъ тоже въ своемъ родѣ произведеніемъ искусства.

Вскорѣ послѣ этого Рожé получилъ слѣдующее письмо:

„Мнѣ хотѣлось бы, мой другъ и братъ, прежде чѣмъ написать тебѣ это письмо, утѣшить тебя. Я говорю тебѣ *ты*, какъ въ дѣтствѣ... Вернемся совсѣмъ къ этому времени и не будемъ портить его воспоминаній. Мы ошибались, пытаясь превратить нашу дѣтскую близость въ нѣчто другое. Я не могла бы дать тебѣ счастія и не была бы счастлива сама. Когда-то твоя мать сказала тебѣ то же самое; въ то время она ошибалась; теперь же она была бы права.

„Не спрашивай меня, почему я обречена на одиночество и почему я его люблю. Какъ знать? быть-можетъ, наступила бы минута, когда ты сказалъ бы, что у меня имѣется только мозгъ, а сердца нѣтъ, и назвалъ бы меня аномаліей, *чудовищемъ*. А главное, не подумай, что я приношу себя романически въ жертву. Клянусь тебѣ, что я никому себя въ жертву не приношу, а просто слѣдую своей судьбѣ, иду по той дорожкѣ, гдѣ нашла свою долю радостей и долга. Счастіе—вещь сложная; оно принимаетъ безчисленныя формы, смотря по тому, кто черезъ него проходитъ; самое распространенное заблужденіе, это—желаніе дать другимъ то самое счастіе, какого мы желаемъ для себя; за-

блужденіе болѣе рѣдкое, но бывающее гибельнымъ, это—стремленіе отказаться отъ собственнаго счастія, чтобы обезпечить счастіе другого. Твое счастіе—тотъ прямой путь, по которому ты доселѣ шелъ и съ котораго чуть-было не свернулъ въ сторону для меня. Я горжусь, что въ такіе годы, когда женщина близка къ отреченію, я внушила тебѣ такую безграничную преданность, что чуть сама не оставила свой постъ. Но еслибы, изъ-за меня, ты отрекся отъ своей карьеры и отъ своихъ вѣрованій,—я пала бы въ твоихъ и въ собственныхъ глазахъ.

„Мы не увидимся въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Пусть грёзы успѣютъ разсѣяться. Я уѣзжаю съ миссъ Гардингъ въ Нью-Іоркъ, чтобы изучить на мѣстѣ положеніе тамошнихъ женщинъ-тружаницъ. Поѣздка эта будетъ полезна для меня, для моего друга Лизы и для многихъ намъ подобныхъ, а главное, она поможетъ мнѣ совсѣмъ оправиться, благодаря перемѣнѣ среды и интересовъ. Вернувшись, я поселюсь въ деревнѣ, тамъ, гдѣ климатъ будетъ полезенъ для Розетты. Тогда мы снова увидимся.

„Но я надѣюсь, что между нами будетъ третье, дружественное лицо. Прочти это письмо Николь тогда, когда ты сочтешь это умѣстнымъ. Я знаю ее; она взглянетъ на все здраво и пойметъ, что къ твоему желанію обладать мною всецѣло примѣшивалось немало великодушія и жалости; что ты принималъ дорогія воспоминанія за дѣйствительность; что твое благородное сердце чуть не ввело тебя въ заблужденіе, какъ могло бы ввести меня въ заблужденіе—на наше общее несчастіе—мое воображеніе. Но я во-время увидала, какъ подлѣ меня любовь моей молодости расцвѣтала вновь, и къ тебѣ же; я знаю, что ты скоро раздѣлишь эту любовь, если уже не раздѣляешь ея, самъ того не зная. И Розетта будетъ между вами связующимъ звеномъ, ибо тебя тоже я заклинаю беречь въ мое отсутствіе мою дѣвочку.

„Словомъ, все это значитъ, что, оставляя „Человѣка" въ сторонѣ, я хочу всегда, даже когда волосы мои посѣдѣютъ, быть для тебя твоей кузиночкой—Марсель".

Прошло нѣсколько лѣтъ. Рожé вернулся въ Африку со своей женой Николь и составилъ себѣ тамъ блестящую карьеру, а Марсель поселилась навсегда въ небольшой южной деревушкѣ, гдѣ на сельскомъ кладбищѣ находится могилка ея Розетты.

Мѣстная почтмейстерша никакъ не можетъ привыкнуть къ полученію массы писемъ, брошюръ и книгъ, адресованныхъ по дикому адресу: „Tchelovek". Она, разумѣется, прекрасно знаетъ,

что получаетъ все это одна сосѣдняя дама, особа ничуть не эксцентричная, если не говорить о томъ, что она не бываетъ у мѣстныхъ помѣщиковъ, а предпочитаетъ бывать у крестьянъ. Крестьяне же, не безъ недовѣрія и гордости, толкуютъ о томъ, что вотъ она къ нимъ приглядывается, бесѣдуетъ съ ними, а потомъ сочиняетъ цѣлыя книги, которыя печатаются въ Парижѣ. — Удивительно только, что она такъ много трудится, такъ усердно пишетъ, точно ей приходится заработывать на хлѣбъ насущный!..

Ю. З—а.

ВСЕСОСЛОВНАЯ ВОЛОСТЬ

ПО ПРОЕКТАМЪ РЯЗАНСКАГО И ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗЕМСТВЪ.

Вопросъ объ устройствѣ мелкой единицы земскаго самоуправленія,—по словамъ предсѣдателя рязанской губернской земской управы, кн. Н. С. Волконскаго [1],—не новый вопросъ въ жизни земскихъ учрежденій вообще и въ земствѣ рязанской губерніи въ частности. Давно всѣ лица, которымъ приходится имѣть дѣло съ удовлетвореніемъ насущнѣйшихъ потребностей общественной жизни нашего сельскаго населенія, сталкивались съ недостаткомъ такого общественнаго учрежденія, въ которомъ могло бы объединиться, для удовлетворенія общихъ нуждъ, ближайшее населеніе каждой мѣстности въ рамкахъ волости, прихода или даже селенія.

Въ рязанскомъ земскомъ собраніи нѣсколько разъ указывались и тѣ нужды, удовлетвореніе которыхъ могло бы быть достигнуто только при такомъ участіи собственной дѣятельности населенія каждой мѣстности. Ихъ такъ много, что почти нѣтъ надобности и перечислять ихъ, такъ какъ за что ни возьмется, напримѣръ, земство въ своихъ заботахъ о народномъ благосостояніи, непремѣнно конечнымъ тормазомъ его начинаній является недостатокъ такого мѣстнаго органа, которому непосредственно, безъ особыхъ изслѣдованій, были бы извѣстны обстоятельства и нужды каждаго члена общества. Въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая 1891 года этотъ недостатокъ сталъ настолько очевиденъ, что губернское земское собраніе, не колеблясь, возбудило ходатайство о скорѣйшемъ устройствѣ такого органа. Но

---

[1]) Въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ декабрѣ 1899 года, по поводу разработки проекта ходатайства о мелкой земской единицѣ.

и помимо такихъ обстоятельствъ чрезвычайнаго времени, развѣ наши противопожарныя мѣры, мѣры по распланированію селеній, по борьбѣ съ эпидеміями, по ветеринарной части, и проч., и проч., не подрываются постоянно отсутствіемъ на мѣстѣ другихъ радѣтелей кромѣ подавленныхъ взысканіемъ и запуганныхъ арестами сельскихъ старостъ съ сотскими и волостныхъ старшинъ съ писарями, на которыхъ, какъ на древнихъ китахъ, до сихъ поръ держится все зданіе административнаго благоустройства, въ то время какъ среди населенія, кто только въ силахъ, старается уклониться отъ участія въ служеніи общественному дѣлу, поставленному въ такія неблагопріятныя условія? Расходуемыя земствомъ деньги пропадаютъ, а начинанія на пользу общества останавливаются передъ такимъ порядкомъ, какъ передъ непреодолимой преградой. Школы стоятъ безъ ремонта и безъ призора; хлѣбные магазины то пусты, то наполнены такой трухой, что даже ближайшему начальству приходится желать того, чтобы поскорѣе списать негодный хлѣбъ со счетовъ; а объ организаціи мѣстнаго общественнаго призрѣнія даже и мысли не приходитъ: до того мало вѣроятностей успѣть создать что-нибудь. А между тѣмъ мало ли безпріютныхъ стариковъ и старухъ, хронически больныхъ и калѣчныхъ, безвременно погибаетъ отъ недостатка какого бы то ни было призора! Нѣтъ возможности ни мѣстной дороги исправить во-время, ни какой-либо натуральной повинности установить на удовлетвореніе мѣстной потребности (хотя бы, напримѣръ, борьбы съ вредными насѣкомыми, отъ которыхъ гибнетъ урожай). И все это происходитъ благодаря тому, что одна часть населенія, которая объединена въ крестьянской волости, поставлена въ такія условія, въ какихъ всякая мѣра на общую пользу принимаетъ характеръ гнетущей повинности, самый смыслъ которой исчезаетъ для лицъ, ее отбывающихъ, а ощутительно только производимое ею стѣсненіе, въ то время какъ другая, оставшаяся внѣ рамокъ волостныхъ учрежденій, имѣетъ лишь одно утѣшеніе, что ее не заставляютъ платить на содержаніе этихъ учрежденій,—но зато не въ силахъ ничего сдѣлать для обезпеченія себѣ преимуществъ общественной взаимопомощи: ни порядочнаго суда, ни сколько-нибудь удовлетворительной полиціи. Остается каждому защищать свои интересы, какъ кто сможетъ. Наконецъ, надолго ли останется это упомянутое выше утѣшеніе—свобода отъ обложенія на потребности волости? По мѣрѣ роста требованій государства волостные расходы, лежащіе въ настоящее время на однихъ крестьянахъ, хотя эти расходы идутъ по необходимости на потребности всего общества, тоже ростутъ и, напримѣръ, въ настоящее время, по свѣдѣніямъ, собраннымъ податными инспекторами, вмѣстѣ съ сельскими сборами почти вдвое превышаютъ уплачиваемые крестьянами земскіе платежи.

При такомъ положеніи неудивительно, что заводится рѣчь о привлеченіи къ участію въ волостныхъ и даже мірскихъ платежахъ и плательщиковъ другихъ сословій, кромѣ крестьянъ; а разъ этотъ вопросъ поставленъ, не трудно, кажется, догадаться, къ чему онъ долженъ привести. Хорошо будетъ тогда положеніе плательщиковъ не-крестьянъ: имѣть тѣ же крестьянскія учрежденія, платить на ихъ содержаніе, да еще не имѣть права по крайней мѣрѣ личнымъ участіемъ вліять на мѣстные распорядки! Вотъ какія соображенія представляются, когда обдумываешь вопросъ о мелкой земской единицѣ или всесословной волости.

Соображенія эти были въ виду и у прежнихъ дѣятелей, предлагавшихъ земству ходатайствовать объ устройствѣ такой единицы. Впрочемъ, едва ли значеніе этихъ доводовъ сильно оспаривается кѣмъ-либо; по крайней мѣрѣ въ рязанскомъ земствѣ возраженія дѣлались не столько противъ пользы мелкой единицы, сколько противъ ея осуществимости. Лица, возражавшія противъ осуществимости волости или прихода въ качествѣ мелкой единицы земскаго самоуправленія, основывали свои сомнѣнія на соображеніяхъ двоякаго рода. Во-первыхъ, представлялось невозможнымъ устроить самоуправляющуюся мелкую земскую единицу такимъ образомъ, чтобы при правѣ самообложенія интересы каждой изъ обѣихъ главныхъ составныхъ частей сельскаго населенія,—частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ,—были равно охранены отъ злоупотребленія со стороны другой. Это была точка зрѣнія гласнаго А. И. Кошелева.—„Покажите мнѣ мѣсто въ этой новой земской единицѣ,—говорилъ гласный Кошелевъ на своемъ образномъ языкѣ въ отвѣтъ на предложеніе присоединиться къ ходатайству объ устройствѣ такой единицы.—Какой голосъ даете вы мнѣ при рѣшеніи вопросовъ самообложенія? Если вы мнѣ даете голосъ, одинаковый съ моими сосѣдями-крестьянами, что̀ будетъ со мной? Если вы дадите мнѣ голосъ, соотвѣтствующій моему имуществу, что̀ будетъ съ ними?“—Еслибы Кошелевъ видѣлъ гдѣ теперь его мѣсто [1])! Во-вторыхъ, устройство новой мелкой единицы земскаго самоуправленія представлялось слишкомъ дорогимъ, чтобы быть посильнымъ для губерніи въ настоящее время. Къ этой точкѣ зрѣнія сводятся возраженія гласнаго И. А. Л—го. Этими двумя гласными высказаны главныя возраженія, сдѣланныя противъ мелкой единицы земскаго самоуправленія въ рязанскомъ губернскомъ земствѣ; разсмотримъ же то и другое возраженіе.

Вопросъ объ охраненіи интересовъ одного разряда плательщиковъ

[1]) Какъ извѣстно, всѣ огромныя имѣнія покойнаго Александра Ивановича Кошелева въ рязанской губерніи ликвидированы и при посредствѣ крестьянскаго банка распроданы и сданы въ аренду мелкими участками крестьянскому населенію.

отъ злоупотребленій со стороны другого, при предоставленіи предполагаемой единицѣ права самообложенія, не представляетъ непреодолимыхъ трудностей и можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ нѣсколькими способами. Укажемъ на два возможныхъ рѣшенія. Первый изъ этихъ двухъ способовъ—путь административный. Напримѣръ, участковый земскій начальникъ созываетъ волостное собраніе изъ представителей различныхъ собственниковъ волости. Право участія въ волостномъ собраніи безъ выбора могло бы быть предоставлено собственникамъ земли опредѣленнаго размѣра, напримѣръ такого, какой даетъ въ каждомъ уѣздѣ владѣльцу право участія въ избирательныхъ съѣздахъ, для выбора уполномоченныхъ избирательнаго собранія, на которомъ выбираются гласные уѣзднаго земскаго собранія отъ дворянъ, т.-е. въ размѣрѣ одной десятой ценза, установленнаго для непосредственнаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ,—точно также какъ и плательщикамъ соотвѣтственнаго налога съ другого вида имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію на нужды волости; прочіе же собственники земли и плательщики земскаго сбора участвовали бы черезъ своихъ представителей по такому разсчету, чтобы имъ было предоставлено столько голосовъ, сколькимъ цензамъ даннаго размѣра отвѣчаетъ ихъ имущество. Собранію предлагается опредѣлить размѣръ необходимаго обложенія на тѣ потребности, удовлетвореніе которыхъ будетъ признано по закону или постановленіемъ уѣзднаго земскаго собранія обязательнымъ для волости, а затѣмъ обсудить, нѣтъ ли какихъ другихъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ было бы признано нужнымъ по усмотрѣнію самого собранія. На тѣ и другіе расходы, разумѣется, составляется смѣта и указываются способы производства этихъ расходовъ. Еслибы на постановленіе волостного собранія послѣдовала жалоба со стороны представителей какого-либо вида собственности (право такого обжалованія могло бы быть признано и за однимъ собственникомъ при извѣстномъ размѣрѣ облагаемаго имущества и опредѣленной высотѣ обложенія) вопросъ переносится на рѣшеніе уѣзднаго земскаго собранія. Интересы крупныхъ плательщиковъ были бы ограждены при такомъ порядкѣ отъ злоупотребленій со стороны большинства въ вопросахъ обложенія не менѣе, чѣмъ въ настоящее время въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. А между тѣмъ была бы пріобрѣтена, кромѣ того, возможность благотворнаго взаимодѣйствія между уѣзднымъ земствомъ и волостью.

Въ самомъ дѣлѣ, уѣздному земскому собранію могло бы быть предоставлено, при такомъ порядкѣ, внося въ свою смѣту обложеніе на удовлетвореніе той или другой потребности,—напримѣръ, по общественному призрѣнію, или народному образованію, въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-нибудь волость пожелаетъ принять удовлетвореніе этой

потребности непосредственно на себя,—освобождать такую волость отъ уплаты соотвѣтствующей доли налога въ уѣздъ. Такъ какъ удовлетвореніе всякой вообще потребности обыкновенно становится тѣмъ дешевле и лучше, чѣмъ ближе оно происходитъ къ нуждающемуся въ расходахъ населенію и чѣмъ больше послѣднее въ немъ участвуетъ, то такой порядокъ долженъ бы неминуемо привести къ перенесенію значительнаго числа мѣръ, принимаемыхъ земствомъ, на новыя единицы къ общей выгодѣ и мѣстности, и уѣзда.

Другой способъ достигнуть охраны интересовъ меньшинства отъ нарушенія большинствомъ волостного собранія можно назвать способомъ уравновѣшенія силъ различныхъ разрядовъ плательщиковъ въ самомъ учрежденіи волости. Для достиженія такого равновѣсія предполагаемая волость, или единица какого-либо другого наименованія, могла бы быть обставлена такъ, чтобы кромѣ волостного собранія существовало другое учрежденіе, напримѣръ волостной совѣтъ, участіе въ которомъ было бы поставлено въ зависимость отъ болѣе крупнаго имущественнаго ценза; можно бы для непосредственнаго участія въ совѣтѣ требовать такого же ценза, какой даетъ владѣльцу его право на непосредственное участіе въ избирательныхъ собраніяхъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія отъ дворянъ. Представителями отъ крестьянскихъ обществъ вмѣстѣ съ личными собственниками, обладающими требуемымъ цензомъ, въ составъ такихъ совѣтовъ могли бы войти должностныя лица сельскаго самоуправленія, или же особо избранныя для того лица въ количествѣ, напримѣръ, 2—3 выбранныхъ отъ болѣе крупныхъ обществъ; затѣмъ въ него можно бы было ввести въ извѣстныхъ случаяхъ и представителей сельской интеллигенціи, напримѣръ, приходскаго священника, учителей и т. п. Всякій расходъ, требующій обложенія, принятый волостнымъ собраніемъ, долженъ бы былъ вноситься при такомъ устройствѣ на разсмотрѣніе совѣта и вступать въ силу лишь въ случаѣ одобренія послѣднимъ; въ противномъ случаѣ и при неодобреніи собраніемъ волости сдѣланныхъ совѣтомъ измѣненій, рѣшеніе вопроса переносилось бы въ уѣздное земское собраніе. И такое устройство, возможное вездѣ, гдѣ найдется составъ волостного населенія въ достаточной мѣрѣ разнородный, могло бы тоже въ достаточной степени оградить и интересы частныхъ владѣльцевъ отъ давленія большинства и обезпечить за ними достаточное вліяніе на общественныя дѣла волости, поскольку это возможно, безъ притѣсненія крестьянскаго населенія. Выборъ должностныхъ лицъ остался бы во власти волостного собранія, точно также какъ и конечное рѣшеніе главныхъ дѣлъ.

Незачѣмъ входить въ дальнѣйшее соображеніе подробностей организаціи новаго земскаго учрежденія; оно можетъ быть различно, и,

конечно, предпочтеніе должно быть отдано той, которая будетъ въ состояніи охватить наибольшее число случаевъ. Но основныя начала ея ясны. Помимо зависимости веденія всего дѣла отъ самого населенія, въ интересахъ котораго оно ведется,—составляющей краеугольный камень земскаго, да и всякаго, самоуправленія,—устройство такой волости или прихода предполагаетъ: самостоятельно дѣйствующихъ должностныхъ лицъ, — старшину, писаря, еще какого-нибудь члена волостного управленія, подотчетныхъ волостному собранію или совѣту волости и передъ собраніемъ отвѣтственныхъ,—отдѣленіе кассы отъ единоличнаго распоряженія старшины, съ отчетностью по ней, и живую связь съ уѣздными земскими собраніями. Вотъ почти и все.

Само собой разумѣется, что должностныхъ лицъ такой волости нельзя уже будетъ подвергать ни произвольному аресту, ни взысканію по простому усмотрѣнію кого бы то ни было, ни тѣмъ болѣе побоямъ. Да и нужно ли это? Точно повиновенія законнымъ требованіямъ нельзя добиться безъ такихъ пріемовъ!

Насколько дорого можетъ стоить содержаніе такого учрежденія и точно ли оно намъ непосильно?

Гласный И. А. Л—й, предполагая устройство мелкой земской единицы въ объемѣ прихода, опредѣлилъ сумму ежегоднаго, потребнаго только на поддержаніе ея существованія, расхода въ 2.400 рублей на каждый округъ-волость по слѣдующему разсчету: жалованье управляющему—300 рублей, его помощнику—200 рублей, письмоводителю—400 рублей; для разъѣздовъ имъ пару лошадей—300 рублей; на ремонтъ, страхованіе, отопленіе, освѣщеніе помѣщенія, наемъ сторожа и канцелярскіе расходы—300 руб.; земскому полицейскому агенту съ лошадью — 400 рублей и на полицейскихъ сторожей—отъ 3 до 5, смотря по раскиданности прихода, каждому 120 рублей, и на всѣхъ, приблизительно, 500 рублей. Итого потребуется израсходовать на каждый округъ 2.400 рублей. На всѣ 248 волостей губерніи это составитъ 595.200 рублей—цифра, правда, значительная, но ничего угрожающаго въ себѣ не имѣющая, ибо и теперь содержаніе волостной администраціи обходится населенію немногимъ дешевле.

Предвидимъ возраженіе, что расходы на содержаніе земской волости должны быть болѣе того, что̀ можетъ стоить содержаніе болѣе мелкой единицы,—но замѣтимъ на это, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ приведенныхъ ниже, мы имѣемъ въ виду только сопоставленіе цифры, приводимой въ свидѣтельство громадности расхода, будто бы потребнаго на устройство послѣдняго о̀ргана въ цѣпи учрежденій земскаго самоуправленія его противниками, съ нѣкоторыми изъ расходовъ, производимыми въ настоящее время населеніемъ. Настоящаго разсчета предположительной стоимости содержанія земской волости управа не

дѣлала, точно также какъ и не повѣряла и вѣрности разсчета гласнаго Л—го.

По свѣдѣніямъ, взятымъ изъ отчетовъ податныхъ инспекторовъ, приведеннымъ въ статьѣ, напечатанной въ 9-й книгѣ „Русской Мысли" за 1897 годъ, подъ заглавіемъ: „По поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ", размѣръ волостныхъ расходовъ по губерніи опредѣленъ въ 423.770 рублей, изъ которыхъ 400.000 руб. составляютъ расходы собственно административные. Если же прибавить къ нынѣшнимъ волостнымъ расходамъ еще мірскіе сельскіе, то намъ не долженъ бы казаться значительнымъ даже удвоенный расходъ по волости противъ расхода, выведеннаго гласнымъ Л. для земскаго округа, ибо и такой расходъ составитъ лишь 1.190.400 рублей на губернію, тогда какъ однихъ сельскихъ мірскихъ расходовъ производится, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, собраннымъ податными инспекторами въ рязанской губерніи, въ годъ на 1.011.000 рублей, а вмѣстѣ съ волостными расходуется крестьянами на эти нужды 1.434.770 рублей. Къ тому же заключенію приводятъ и сопоставленія вычисленнаго гласнымъ Л—кимъ размѣра обложенія, потребнаго на содержаніе администраціи земскаго округа, по 2.400 рублей на каждый изъ 65 приходовъ ряжскаго уѣзда. Раскладывая всю эту сумму на землю (въ предположеніи, что другіе источники земскаго обложенія не будутъ охвачены этимъ расходомъ), гласный Л—й приходитъ къ заключенію, что на землю придется наложить болѣе 80 копѣекъ съ десятины. Авторъ упомянутой выше статьи въ „Русской Мысли" указываетъ, что собственно крестьянское населеніе платитъ однихъ мірскихъ и волостныхъ сборовъ до 75 копѣекъ съ десятины, притомъ не съ земель только черноземнаго ряжскаго уѣзда, а и въ среднемъ выводѣ по всей губерніи. Такимъ образомъ, если говорить о величинѣ обложенія, потребнаго для проведенія въ жизнь земской волостной организаціи, то можно говорить это развѣ о той части населенія, которая въ составъ нынѣшнихъ крестьянскихъ общественныхъ учрежденій не входитъ. Для крестьянъ, т.-е. для владѣльцевъ большей части всѣхъ земель губерніи, произойдетъ, вѣроятно, лишь небольшая прибавка въ платежахъ на новое учрежденіе, которая, конечно, съ избыткомъ окупится тѣми выгодами, какими они воспользуются отъ подходящей организаціи этой единицы. А негласные расходы, которые теперь приходится нести при нынѣшнихъ порядкахъ и которые ни въ какихъ смѣтахъ не показываются,—развѣ они ничего не значатъ? А потеря времени, а невозможность добыть ни порядочнаго суда, ни защиты своихъ правъ отъ нарушенія односельцами? — Точно также неимѣніе ни разумной и близкой полицейской власти, ни близкаго и скораго разбора тяжбъ, ни помощи въ несчастныхъ случаяхъ, хотя бы за деньги,—развѣ не нано-

сить тоже матеріальнаго ущерба земскимъ плательщикамъ не-крестьянамъ? А постоянныя растраты сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ? А путаница въ страховыхъ счетахъ, въ продовольственныхъ, заставляющая крестьянъ по нѣскольку разъ оплачивать недоимки однихъ и тѣхъ же сборовъ. — развѣ это не бьетъ по карману сразу и плательщика, и земство, какъ учрежденіе?

Ежели все это взвѣсить добросовѣстно, то придется придти къ заключенію, что за пріобрѣтеніе, вмѣсто теперешней крестьянской, самостоятельной земской волости есть разсчетъ и заплатить кое-что, тѣмъ болѣе, что и платить-то придется, повидимому, отнюдь не такъ много, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

При замѣнѣ однихъ учрежденій другими, болѣе совершенными, на первыхъ порахъ всегда представляется, что содержаніе новыхъ учрежденій обходится гораздо дороже прежняго, но на самомъ дѣлѣ бо̀льшая часть этой прибавки—только кажущаяся; расходъ представляется большимъ не столько по существу своему, сколько по лучшему учету затраты. Такъ было при введеніи земскихъ учрежденій взамѣнъ прежнихъ дореформенныхъ; такъ будетъ и при введеніи мелкой единицы земскаго самоуправленія—всесословной волости. Развѣ грустить кто-нибудь о прежнихъ порядкахъ, будто бы болѣе дешевыхъ? Желающимъ убѣдиться въ этой дешевизнѣ можно посовѣтовать взглянуть въ „Опытъ разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго земства", покойнаго А. Д. Повалишина, или хотя въ его „Обозрѣніе 25-лѣтней дѣятельности рязанскаго земства", изданное губернскимъ земскимъ собраніемъ. Тамъ они найдутъ всѣ данныя для сравненія, что̀ стоило населенію отбываніе различныхъ повинностей въ прежнее дешевое время и чего сто̀итъ оно теперь. Наконецъ, если хорошенько поискать, то можно бы было, вѣроятно, найти и другіе источники доходовъ на содержаніе первой ячейки земскаго самоуправленія, чѣмъ тѣ, которыми ограничивается въ настоящее время доходъ земства.

По чисто формальнымъ основаніямъ, предложенія кн. Н. С. Волконскаго о разработкѣ проекта ходатайства о мелкой земской единицѣ остались неразрѣшенными собраніемъ, вопросъ остался открытымъ, и мы съ своей стороны считаемъ вполнѣ своевременнымъ и небезполезнымъ, въ цѣляхъ болѣе полнаго его освѣщенія, остановиться нѣсколько подробнѣе на организаціи всесословной мелкой земской единицы, какъ она проектируется двумя губернскими земствами: рязанскимъ и петербургскимъ, разработавшими два различныхъ типа всесословной волости,—съ одной стороны, болѣе мелкой, нежели существующая, пріуроченной къ территоріи прихода; а съ другой—болѣе крупной, обнимающей нѣсколько существующихъ волостей.

Князь Волконскій имѣлъ главною цѣлью не столько очертить ту или иную возможную организацію мелкой единицы самоуправленія, сколько ослабить, уничтожить силу доводовъ противниковъ такой организаціи среди дѣятелей рязанскаго земства. Правда, что и съ этой точки зрѣнія въ изложеніи кн. Волконскаго вполнѣ рельефно, отчетливо и ясно выступаютъ контуры новаго учрежденія. Кн. Волконскій ссылается на возраженія гласныхъ рязанскаго собранія, между прочимъ и извѣстнаго, теперь уже покойнаго А. И. Кошелева, — возраженія давнишнія, быть можетъ утратившія уже достаточную долю своего значенія для нашихъ дней. Посмотримъ же прежде всего, что̀ именно предлагалось, какая именно организація всесословной волости рисовалась рязанскому губернскому земскому собранію въ тѣ отдаленные отъ насъ дни, когда и предъявлены были возраженія, вспоминаемыя теперь кн. Волконскимъ.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ поднимался въ собраніяхъ рязанскаго губернскаго земства еще въ 1881 году. Какъ извѣстно, въ томъ году циркуляромъ господина министра внутреннихъ дѣлъ о пересмотрѣ Положенія 27 іюня 1874 г. земства призваны были высказать свои соображенія о необходимомъ переустройствѣ быта крестьянскаго населенія, не стѣсняясь программою предложенныхъ министерствомъ вопросныхъ пунктовъ, но въ широкихъ рамкахъ обсуждаемаго предмета. Еще тогда, въ экстренномъ засѣданіи въ мартѣ 1881 года, губернская управа докладывала собранію, что необходимо образованіе болѣе мелкихъ единицъ, чѣмъ уѣзды, которыя, имѣя также распорядительные и исполнительные ѳрганы, стояли бы лицомъ къ лицу съ дѣйствительными нуждами и потребностями народа.

Вопросъ объ этихъ земскихъ округахъ поднятъ былъ гласнымъ кн. С. В. Волконскимъ, и записка его по этому поводу вносилась на обсужденіе собранія. Управа считала поэтому излишнимъ останавливать вниманіе собранія на этомъ предметѣ, но признавала необходимымъ заявить, что она вполнѣ присоединяется къ мысли о крайней насущной необходимости образованія земскихъ мелкихъ единицъ, какъ въ видахъ пользы единенія по общимъ дѣламъ интеллигенціи съ огромной массой населенія, такъ и въ видахъ улучшенія дѣйствующихъ учрежденій земства, дѣятельность которыхъ безъ этихъ округовъ является слишкомъ отдаленной отъ мѣстъ дѣйствительныхъ потребностей и нуждъ.

„Въ принципѣ,—говорила еще тогда управа,—едва ли можно возражать противъ учрежденія подобныхъ округовъ, и вся трудность этого вопроса, главнымъ образомъ, заключается лишь въ установленіи тѣхъ основаній, на которыхъ должно быть устроено въ нихъ представитель-

ство, чтобы интересы крупнаго и мелкаго землевладѣнія были между собой уравновѣшены" [1]).

Согласно установившейся практикѣ, управа предлагала избрать особую коммиссію, на которую и возложить составленіе свода всѣхъ мнѣній уѣздныхъ земствъ, а равно и представленіе подробныхъ своихъ соображеній по этому предмету и по возбужденнымъ министерствомъ вопросамъ.

Коммиссія была избрана собраніемъ въ составѣ 12 членовъ, причемъ въ нее вошли крупныя силы, извѣстные общественные дѣятели; достаточно назвать имена А. И. Кошелева, кн. С. В. Волконскаго, А. Д. Повалишина, К. Д. Анциферова, А. В. Алянчикова, А. Н. Левашева и друг. Коммиссія эта выработала и представила собранію весьма подробный и обстоятельный докладъ, редактированный гласнымъ Левашевымъ. Предложеніе кн. С. В. Волконскаго, составлявшее лишь часть, извѣстный отдѣлъ этого доклада,—о необходимости образованія мелкой земской единицы,—было, однако, отвергнуто собраніемъ большинствомъ 26 голосовъ противъ 16-ти.

Въ первомъ же засѣданіи коммиссіи, куда передано было разсмотрѣніе проекта организаціи всесословной волости, одинъ изъ членовъ, К. Д. Анциферовъ, высказалъ мысль, что крестьянскія учрежденія въ такомъ видѣ, какъ они существуютъ, являются анахронизмомъ и идти хорошо не могутъ. При освобожденіи крестьянъ, создавался новый классъ людей, дотолѣ государствомъ не признаваемый; все крестьянское населеніе получило гражданскія права. Понятно, что для этого несвободнаго класса, начинающаго жить впервые, необходимы были руководители и учрежденія, регулирующія его жизнь. Отсюда—начало крестьянскихъ учрежденій. Это съ одной стороны. Съ другой—освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ законодательства къ устройству мѣстнаго самоуправленія; вся масса населенія признается способною пользоваться гражданскими правами; естественно, что съ правами соединяется и выполненіе различныхъ обязанностей—и не только чисто крестьянскихъ, но и обще-гражданскихъ. Поэтому, крестьянская реформа захватила не только жизнь крестьянства, какъ сословія, но и жизнь крестьянства, какъ мѣстнаго населенія. Рядомъ съ правами и обязанностями крестьянскими, крестьянскому самоуправленію даны права и возложены на него обязанности обще-государственныя. Иначе и быть не могло. Законодателю въ то время не на кого было возложить эти обязанности; тогда не было ни мѣстныхъ всесословныхъ земскихъ учрежденій, ни всесословнаго мѣстнаго мирового суда. Въ настоящее время дѣло не въ такомъ положеніи: крестьянское сословіе про-

[1]) См. журналы собр. IX чрезв. созыва, 1881 г., мартъ, стр. 9.

существовало 20 лѣтъ, какъ свободный классъ; опека надъ нимъ становится ненужною и стѣсняющею его свободное развитіе. Общегосударственныя обязанности исполняются крестьянствомъ далеко не такъ удовлетворительно, какъ могли бы быть исполняемы учрежденіями всесословными, земскими. Эти соображенія теоретическаго свойства заставляютъ его присоединиться къ голосамъ людей практическихъ и вмѣстѣ съ ними высказаться за необходимость полнаго и коренного преобразованія крестьянскихъ учрежденій. Что̀ сказалъ бы почтенный гласный теперь, двадцать лѣтъ спустя, по поводу анахронизма крестьянскихъ учрежденій и опеки надъ крестьянскимъ населеніемъ?

Первый пунктъ выработанныхъ коммиссіей положеній о реорганизаціи крестьянскихъ учрежденій гласитъ: всѣ заботы объ общественномъ благоустройствѣ и благосостояніи и дѣла хозяйственно-административнаго характера, до мѣстныхъ нуждъ относящіяся, опредѣленныя 2-й ст. Пол. о земск. учрежден., слѣдовало бы возложить цѣликомъ на обязанность земскихъ учрежденій и съ обязанности крестьянскаго сословія сложить, измѣнивъ въ этомъ смыслѣ соотвѣтствующія статьи Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Чтобы земство могло выполнить эти обязанности, въ объемѣ, на него возложенномъ, должны быть организованы мелкія земскія единицы или округа, которые, состоя изъ плательщиковъ всѣхъ сословій и избранныхъ ими представителей, имѣли бы, какъ и земскія собранія, право самообложенія, вѣдали бы свои мѣстныя нужды и поставлены были бы въ такія же отношенія къ уѣздному земству, въ какія уѣздныя земства поставлены къ губернскому.

Къ сожалѣнію, размѣръ журнальной статьи не позволяетъ намъ остановиться болѣе подробно на докладѣ и выработанныхъ коммиссіей предложеніяхъ по поводу реформы крестьянскаго самоуправленія, охватывающихъ предметъ всесторонне, ясно, вдумчиво, изложенныхъ о̀бразнымъ литературнымъ языкомъ, открывающихъ новые горизонты, новую эру жизни крестьянскаго населенія. Разработанные ею вопросы о сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицахъ, о функціяхъ ихъ общеполицейскаго и податного характера, о судѣ и нотаріальной части въ селеніяхъ, объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ и проч., по своей полнотѣ, логичности, обоснованности, могли бы лечь въ основу преобразованій и законодательства по этому предмету. Большинство проектированныхъ коммиссіею мѣръ и измѣненій тѣсно связано съ устройствомъ мелкой земской единицы, почему ею подробно и были обсуждены главныя основанія, на которыхъ могла бы быть организована эта единица.

Къ предметамъ вѣдомства округовъ, по этому проекту, относятся всѣ дѣла, которыя нынѣ вѣдаетъ земство въ силу 2-й ст. Пол. о зем. учрежд. и

которыя впредь имѣютъ быть законодательствомъ отнесены къ обязанностямъ земства. Такъ какъ изъ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій на округа должно быть отнесено удовлетвореніе тѣхъ земскихъ потребностей, которыя по существу своему не могутъ быть вполнѣ удовлетворены земствомъ при нынѣшнихъ условіяхъ, то слѣдовало бы, въ соотвѣтствіи съ ст. 62 и 64 Пол. о зем. учр., внести въ текстъ закона особую статью, опредѣляющую предметы, которые въ особенности относятся къ вѣдомству окружныхъ земскихъ учрежденій (примѣрно перечисленныхъ въ проектѣ кн. С. В. Волконскаго). Земскія учрежденія для завѣдыванія дѣлами округа могли бы состоять изъ собранія представителей различныхъ видовъ подлежащей обложенію собственности въ округѣ и изъ управляющаго дѣлами округа и его помощника, избранныхъ этимъ собраніемъ. Всѣ владѣющіе въ округѣ собственностью въ размѣрѣ не меньшемъ опредѣленнаго имущественнаго ценза, — на первое время того же, который нынѣ установленъ для земскихъ учрежденій, — могли бы быть признаны гласными собранія по праву ценза; крестьянскія общества могли бы высылать своихъ представителей по тому разсчету, чтобы отъ каждаго коллективнаго ценза было по одному представителю. Всѣ личные владѣльцы, крупные и мелкіе, для избранія своихъ представителей составляютъ общій съѣздъ; число представителей отъ личнаго владѣнія выводится по тому же разсчету, какъ и для общины. Владѣльцы, имѣющіе полный имущественный цензъ, считаются, какъ уже объяснено выше, членами окружного собранія безъ выборовъ по праву ценза; недостающее же количество представителей избирается общимъ съѣздомъ. Еслибы при этомъ число наличныхъ владѣльцевъ было не больше числа долженствующихъ быть избранными представителей, то всѣ наличные владѣльцы считаются членами окружного собранія. Арендаторы, нанимающіе землю у личныхъ собственниковъ при условіяхъ, въ 21 ст. Пол. о зем. учр. означенныхъ, пользуются правами участія въ окружныхъ земскихъ учрежденіяхъ, въ объемѣ, этой статьей предоставленномъ. Всякій владѣлецъ, сверхъ того, можетъ передать свой голосъ, со всѣми предоставленными ему правами, на срокъ, совпадающій со срокомъ уполномочій представителей земскаго окружного собранія, лицу совершенно постороннему и ценза не имѣющему, лишь бы это лицо удовлетворяло требованіямъ 17 ст. Пол. о зем. учр. До избранія въ предсѣдатели окружного собранія могли бы допускаться только лица, получившія извѣстное образованіе, кончившія курсъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, или прослужившія извѣстный срокъ въ извѣстныхъ должностяхъ на службѣ государственной, земской или общественной. Опредѣленіе срока и перечисленіе должностей, дающихъ право на избраніе въ предсѣдатели собранія—дѣло

подробной разработки. При неимѣніи такихъ лицъ въ округѣ, или въ случаѣ если никто изъ нихъ не будетъ избранъ, предсѣдательство могло бы быть предоставлено мировому судьѣ, открывающему собраніе. Въ случаѣ единогласнаго избранія кого-либо предсѣдателемъ, можно бы не требовать для него такого ценза.

Земскій округъ долженъ имѣть возможно меньшіе размѣры. При образованіи его, которое должно предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, должны быть приняты въ соображеніе: мѣстныя бытовыя, хозяйственныя и экономическія условія, пространство земли, количество населенія и распредѣленіе владѣнія между общинами и личными владѣльцами, не нарушающія интересовъ тѣхъ и другихъ.

Всѣ имущества въ округѣ, составляющія источники земскихъ доходовъ, оцѣниваются уѣзднымъ земствомъ и облагаются для надобностей округа извѣстнымъ процентомъ, опредѣляемымъ окружнымъ собраніемъ, но не свыше нормальнаго процента, установленнаго на этотъ предметъ ежегодно уѣзднымъ земскимъ собраніемъ; обложеніе свыше нормы можетъ быть приведено въ дѣйствіе не иначе, какъ съ утвержденія и разрѣшенія послѣдняго. Жалобы на неправильное обложеніе приносятся уѣздному земскому собранію и разрѣшаются имъ окончательно. Такія ограниченія необходимы по крайней мѣрѣ на первое время, въ видахъ интересовъ отдѣльныхъ плательщиковъ.

На первое время, пока земскіе округа не окрѣпнутъ и не войдутъ въ выработанную самой жизнью колею, осторожнѣе—оставить порядокъ избранія гласныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь. Впослѣдствіи, само собой, представительство въ уѣздномъ земствѣ отъ округовъ должно замѣнить нынѣ существующую систему выборовъ отъ классовъ. Во всемъ остальномъ земскіе округа должны стоять къ уѣздному земству въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ уѣздныя земства стоятъ къ губернскому.

Сравнительно съ предложеніемъ кн. Волконскаго, въ проектѣ сдѣлано одно весьма существенное измѣненіе, а именно: опущено условіе опредѣленія территоріи округа границами прихода. Мы не думаемъ, чтобы измѣненіе это можно было признать дѣйствительно необходимымъ; княземъ Волконскимъ указаны были серьезные доводы въ пользу именно приходской мелкой земской единицы: опредѣленность границъ территоріи, привычка населенія къ этимъ границамъ, общность интересовъ прихожанъ, наконецъ самое удобство собраній въ опредѣленные воскресные дни послѣ богослуженія. Правда, въ коммиссіи, при обсужденіи этого вопроса, раздавались голоса, указывающіе на излишнюю дробность мелкихъ земскихъ единицъ въ размѣрахъ приходовъ и предлагалось ограничиться размѣрами существующихъ волостей. Не надо забывать, однако, что территорія волости создавалась искус-

ственно, путемъ механическаго распредѣленія всего пространства уѣзда въ удобствахъ чисто административнаго управленія. Тѣ размѣры, которыхъ достигли въ настоящее время эти низшія административныя единицы, не отвѣчаютъ намѣченнымъ Положеніемъ 19-го февраля 1861 года формамъ. Положеніемъ предполагалось (ст. 42, 43 и 44), при образованіи волостей принимать въ соображеніе именно распредѣленіе на приходы, т.-е. изъ каждаго прихода образовать волость, при условіи включенія въ волость только обществъ въ цѣломъ ихъ составѣ и съ наименьшимъ числомъ жителей на волость 300 ревизскихъ душъ мужескаго пола (отъ 300 до 2.000). Взамѣнъ такой волости создалась волость, значительно превышающая намѣченные Положеніемъ размѣры, сложившаяся изъ населенія, не имѣющаго общихъ интересовъ. Поэтому возвращеніе къ идеѣ, положенной въ основаніе закона 19-го февраля, и образованіе волостной единицы изъ приходской нельзя не считать желательнымъ. Конечно, идеѣ этой нельзя слѣдовать безусловно и безъ всякихъ отступленій: бываютъ случаи, когда волость въ размѣрахъ прихода являлась бы по малолюдности своей или по другимъ какимъ причинамъ не отвѣчающей условіямъ правильнаго теченія земской жизни; но здѣсь вполнѣ возможно было бы допустить соединеніе нѣсколькихъ приходовъ по указаніямъ и съ утвержденія уѣзднаго земскаго собранія.

Едва ли мы ошибемся, указавъ, что самое возраженіе по поводу опредѣленія размѣровъ мелкой единицы территоріей прихода построено на соображеніяхъ финансоваго свойства—дороговизны содержанія òргановъ самоуправленія при слишкомъ дробной организаціи основныхъ административныхъ единицъ. Приводились даже подробные разсчеты такого содержанія по одному изъ уѣздовъ рязанской губерніи, считающему въ своихъ предѣлахъ 65 приходовъ, причемъ общая цифра расходовъ по уѣзду указывалась въ 156.000 рублей ежегодно. „Такимъ образомъ,—говорилось въ собраніи,—только для того, чтобы организовать эти мелкіе округа, только для того, чтобы имѣть удовольствіе видѣть эти единички, нужно будетъ увеличить уѣздные сборы въ три раза, а на землю сразу наложить болѣе 80 коп. съ десятины“ (всего въ томъ уѣздѣ 250.000 десятинъ).

Но чтò же это за разсчетъ, на основаніи какихъ именно данныхъ онъ выведенъ? Прежде всего исправимъ въ немъ ариѳметическую неточность, ибо, раскладывая новый расходъ въ 156 тысячъ рублей на 250.000 десятинъ земли, получимъ не 80, а только 60 коп. съ десятины; слѣдовательно, остальная сумма, недостающая до 80 коп., должна быть отнесена къ какому-нибудь другому удовольствію. Оказывается далѣе, что и эти 60 коп. выведены совершенно произвольно, предположительно, гадательно. Съ совершенно равнымъ основаніемъ

здѣсь можно предполагать любую цифру: и 60, и 50, и 40, и 20, и 100 коп., — все зависитъ отъ личнаго взгляда и вкуса предполагающаго. Говорятъ, что управляющему округомъ надо будетъ заплатить по самому малому разсчету 300 руб. въ годъ, а помощнику его— 200 рублей: письмоводителю—400 руб.; для разъѣздовъ имъ—300 руб. Замѣтимъ, что по проекту коммиссіи помощникъ заступаетъ мѣсто управляющаго лишь въ случаяхъ болѣзни или отсутствія послѣдняго. Такимъ образомъ, не неся никакихъ постоянныхъ обязанностей, очевидно, помощникъ не имѣетъ и никакихъ правъ на постоянное содержаніе; таковое онъ вправѣ получать лишь за время дѣйствительнаго своего служенія и, конечно, за счетъ управляющаго. Какъ видимъ, минимальный разсчетъ предполагаемаго содержанія возростаетъ, какъ будто, и до максимальнаго, особливо если прибавить сюда еще и 300 руб. разъѣздныхъ, такъ какъ заплатить 800 руб. ежегоднаго жалованья, хотя бы и съ разъѣздами, одному лицу, завѣдующему округомъ-приходомъ, нѣсколько несообразно, когда за такую же сумму идутъ служить въ земство врачи, когда земскіе учителя получаютъ 200—300 рублей въ годъ за свою каторжную работу, лишенные всѣхъ удобствъ постоянной осѣдлости и домообзаведенія, оторванные отъ родныхъ и отъ родины.

Намъ указываютъ, далѣе, предполагаемый расходъ на содержаніе земскаго полицейскаго агента и 3—5 полицейскихъ сторожей, всего, приблизительно, въ суммѣ 900 рублей въ годъ. Ни въ предложеніяхъ кн. Волконскаго, ни въ проектѣ коммиссіи мы не находимъ, однако, такихъ должностныхъ лицъ; этотъ расходъ, также какъ и самыя должности, введены въ разсчетъ лишь по предположеніямъ подводившаго итоги лица. При подобной системѣ подсчетовъ трудно вообще придти къ какимъ-либо твердымъ даннымъ, ибо одинъ будетъ относить на земскій счетъ содержаніе полицейскихъ урядниковъ, другой—становыхъ приставовъ, третій—церковныхъ сторожей и т. п. Для правильнаго сужденія о цѣлесообразности и примѣнимости какой-либо реформы необходимо исходить изъ данныхъ и изъ условій именно этой, а не какой-либо другой организаціи, фиктивной, не соотвѣтствующей основнымъ первоначальнымъ планамъ и предположеніямъ. Въ проектѣ коммиссіи значится какъ разъ обратное предположеніямъ объ этихъ фантастическихъ земскихъ полицейскихъ чинахъ, а именно: „Всѣ общеполицейскія обязанности, нынѣ возложенныя на волость и сельскихъ должностныхъ лицъ, а также и всѣ исполнительныя дѣйствія по распоряженіямъ общихъ судовъ и другихъ административныхъ правительственныхъ учрежденій, отходятъ къ предметамъ вѣдомства общей полиціи; земству же должна быть всецѣло предоставлена *полиція благоустройства и благосостоянія*". Если эту послѣднюю фразу

оппоненты поняли именно въ томъ смыслѣ, что первѣйшей мѣрой по приведенію въ порядокъ благоустройства и благосостоянія селеній является наемъ полицейскихъ чиновъ, то они, конечно, впали въ ошибку: проведеніе въ жизнь полицейскихъ мѣръ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, также какъ и наблюденіе за пріемомъ и правильнымъ поступленіемъ земскихъ сборовъ и повинностей, вполнѣ можетъ быть возложено на исполнительный органъ окружныхъ собраній—на управляющаго округомъ, который въ данномъ случаѣ и будетъ исполнять функціи именно той земской полиціи, о которой говоритъ проектъ и которую такъ превратно и такъ узко поняли оппоненты.

Составители разсчетовъ по содержанію администраціи мелкой земской единицы ссылаются на ряжскій уѣздъ, какъ на конкретный примѣръ и образецъ примѣненія реформируемыхъ органовъ. Именно этотъ-то уѣздъ и составляетъ предметъ произведеннаго мною въ 1898 году экономическаго обслѣдованія по надѣльному землевладѣнію [1]). Оказывается, что за 1894—1897 года, въ среднемъ, за годъ по всѣмъ 17-ти волостямъ уѣзда уплачивалось жалованья старшинамъ 4.265 рублей или, въ среднемъ, по 250 руб. въ годъ каждому; за то же время волостнымъ писарямъ уплачено всего 7.300 рублей въ годъ, или по 430 р. каждому, и на разъѣзды этимъ должностнымъ лицамъ всего 6.383 р., или по 376 р. въ годъ на каждое волостное правленіе. Все это — цифры дѣйствительно израсходованныхъ суммъ. И если въ настоящее время, при настоящей территоріи волостей (17 волостей на уѣздъ), при настоящей отвѣтственности волостныхъ должностныхъ лицъ, при настоящихъ всеобъемлющихъ функціяхъ и при непомѣрной работѣ волостныхъ правленій находятся желающіе занять мѣсто старшины за 250 р. въ годъ, волостного писаря за 430 р. въ годъ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія опасаться недостаточности содержанія въ 300 р. для окружного управляющаго и въ 400 р. для окружного писаря при столь малой территоріи округа, какъ приходъ (65 приходовъ въ уѣздѣ).

Итакъ, какіе же расходы необходимы на содержаніе администраціи округа? 300 р. управляющему (съ помощникомъ), 400 р. писарю, 300 р. имъ на разъѣзды, 300 р. на наемъ помѣщенія, на канцелярскія принадлежности и на наемъ сторожа; всего 1.300 рублей на округъ и 84.500 рублей на уѣздъ, что составитъ 34 копѣйки налога съ десятины земли. Прибавимъ къ этому, что не всякій приходъ можетъ составить самостоятельный округъ и что, слѣдовательно, общее число округовъ по уѣзду уменьшится; что, слѣдуя пріемамъ оппонен-

---

[1]) См. изслѣдованіе по нѣкоторымъ податнымъ вопросамъ надѣльнаго землевладѣнія ряжскаго уѣзда, 1898, г. Ряжскъ.

товъ, мы возложили всю тягость новаго налога на одно лишь земельное имущество, оставивъ безъ всякаго обложенія торгово-промышленныя заведенія уѣзда и сборъ съ промысловыхъ документовъ. Какъ видимъ, цифра обложенія вовсе уже не такъ ужасна, какъ она представлялась съ чужихъ словъ и изъ чужихъ рукъ.

Намъ могутъ возразить, что мы принимаемъ въ разсчетъ лишь одну оплату содержанія новыхъ земскихъ органовъ, оставляя въ сторонѣ оплату ихъ мѣропріятій, и что налогъ въ 34 коп. съ десятины, во всякомъ случаѣ, нельзя считать легкимъ. Конечно, налогъ этотъ не легокъ; къ тому же онъ несомнѣнно проявитъ тенденцію къ повышенію по мѣрѣ развитія дѣятельности мѣстныхъ органовъ. Но мы напомнимъ лишь одно обстоятельство: по указанному нами ряжскому уѣзду въ настоящее время съ надѣльныхъ земель уплачивается не по 34, а по 76 копѣекъ съ десятины мірскихъ, волостныхъ и сельскихъ сборовъ, и уплачивается, прибавимъ, весьма аккуратно.

Просматривая въ подробностяхъ цифры мірскихъ, волостныхъ и сельскихъ расходовъ, лежащихъ въ настоящее время на надѣлахъ ряжскаго уѣзда, не трудно убѣдиться, что огромнѣйшій процентъ ихъ и въ данное время составляютъ именно расходы общегосударственнаго характера, какъ-то: содержаніе волостной и сельской администраціи, наемъ и содержаніе волостныхъ правленій и другихъ общественныхъ зданій и проч. Въ самомъ дѣлѣ, изъ упомянутаго уже изслѣдованія моего видно, напримѣръ (стр. 31 и слѣдующія), что волостные расходы распадаются на четыре группы: 1) расходы на волостную администрацію и хозяйственныя нужды волости (жалованье старшинамъ, писарямъ, сторожамъ, разсыльнымъ, сотскимъ, волостнымъ судьямъ; бланки и канцелярскія принадлежности, выписки газетъ и журналовъ,—35 рублей по всему уѣзду,—содержаніе волостныхъ правленій и постройка этихъ зданій, наемъ лошадей для волостныхъ должностныхъ лицъ, исправленіе дорогъ и мостовъ, уплата долговъ по хозяйственнымъ нуждамъ)—всего по уѣзду въ суммѣ 29.122 руб.—2) Расходы по предметамъ благоустройства и благочинія, всего по уѣзду 12 рублей, а именно: на пожарную часть 9 рублей и на удаленіе порочныхъ членовъ 3 рубля.—3) Учебная и медицинская часть—165 р., т.-е. менѣе 10 рублей на волость.—4) Разные расходы: на сдачу новобранцевъ, содержаніе присяжныхъ засѣдателей и земскихъ гласныхъ, непредвидѣнные расходы; на молебны, завѣдывающему военно-конскимъ участкомъ, разсыльнымъ при становой квартирѣ, леченіе несостоятельныхъ лицъ (24 р.), жалованье церковнымъ сторожамъ, старостамъ, просвирнямъ и пѣвчимъ, пересылка корреспонденціи по земской почтѣ, вспомоществованіе церквамъ,—1.268 рублей.

Если внимательно вникнуть въ перечень волостныхъ расходовъ, то нельзя не придти къ заключенію, что на потребности собственно волостного общества затрачена самая ничтожная доля расходовъ: сюда можно отнести удаленіе порочныхъ членовъ, расходы на молебны, леченіе несостоятельныхъ лицъ; всего—125 р., или 0,4% всѣхъ волостныхъ расходовъ. Остальные расходы носятъ или характеръ общегосударственныхъ и земскихъ, или церковно-приходскихъ.

Мірскіе сельскіе расходы распредѣляются на 6 группъ: 1) Расходы на сельскую администрацію: наемъ помѣщенія для сельскаго схода, канцелярскія принадлежности, жалованье сельскимъ писарямъ, сельскимъ старостамъ, сотскимъ, десятскимъ, разъѣзды сельскихъ должностныхъ лицъ—13.996 р.—2) Предметы благоустройства и благочинія: пожарная часть, караулъ въ селеніяхъ, удаленіе порочныхъ членовъ—5.336 р.—3) Учебная и медицинская часть: содержаніе училищъ, жалованье учителю, покупка книгъ, уплата за леченіе въ больницы—4.441 р.—4) Хозяйственныя нужды: содержаніе общественныхъ зданій, уплата долговъ, наемъ пастуховъ (12.690 р.), наемъ пастбищъ (1.612 р.), измѣреніе общественныхъ земель и веденіе общественныхъ дѣлъ, содержаніе общественнаго быка, исправленіе дорогъ и мостовъ, содержаніе перевозовъ, наемъ лѣсныхъ и полевыхъ сторожей, поставка вѣхъ—7.611 р.—5) Предметы религіи и благотворительности: устройство храмовъ, содержаніе причта, церковнаго старосты, молебны и дѣла благотворительности, призрѣніе бѣдныхъ (85 р.)—7.611 р.—6) Разные расходы: пособія при сдачѣ новобранцевъ, непредвидѣнные расходы, выборнымъ на волостные сходы (85 р.), жалованье сборщикамъ податей, содержаніе пѣвчихъ—5.241 руб. И здѣсь опять подавляющій процентъ расходовъ носитъ общегосударственный характеръ. Нельзя также сказать, чтобы мірскія суммы тратились вообще неэкономно: все это расходы обязательные, безъ которыхъ невозможно существовать ни волостному, ни сельскому управленію. Въ самомъ дѣлѣ, изъ числа волостныхъ расходовъ на предметы благоустройства и благочинія ежегодно тратится, въ среднемъ, менѣе 1 рубля на волость, а на учебную и медицинскую часть—менѣе 10 р. въ годъ.

Изъ общаго числа сельскихъ и волостныхъ расходовъ въ суммѣ 92.300 р. собственно къ сословнымъ расходамъ, подлежащимъ удовлетворенію за счетъ крестьянскихъ обществъ, необходимо отнести не болѣе одной трети всѣхъ расходовъ; остальные 60.000 руб. должны подлежать общей всесословной развёрсткѣ, и изъ нихъ свыше 40.000 рублей уплачивается съ надѣловъ на содержаніе волостной и сельской администраціи, т.-е. тѣ же самыя 34 копѣйки съ десятины, которыя упадутъ на землю при введеніи мелкихъ земскихъ òргановъ въ

каждомъ приходѣ (всего въ уѣздѣ надѣльной земли 125 т. дес.). А разъ это такъ, то гдѣ же основанія отсрочки реформы въ виду ея дороговизны, и неужели несправедливо снять съ надѣловъ ту часть платежей, которые уплачиваются ими за другія сословія? Замѣтимъ, что и при такомъ положеніи надѣлы понесутъ обложеніе на мірскія потребности выше частнаго землевладѣнія, оплачивая, какъ уже было сказано, еще 30.000 р. своихъ сословныхъ хозяйственныхъ нуждъ; такимъ образомъ даже такое облегченіе ихъ сословныхъ платежей все-же не поставитъ ихъ въ болѣе выгодное положеніе сравнительно съ сословнымъ обложеніемъ земель дворянскихъ: еслибы надѣлы обложить сословными платежами въ размѣрѣ лишь частной дворянской повинности (въ ряжскомъ уѣздѣ 7 к. съ десятины), то сбора этого не хватило бы на содержаніе однихъ только сельскихъ старостъ и ихъ разъѣзды, не говоря уже про другія сословно-крестьянскія потребности.

И въ проектѣ кн. Волконскаго, и въ проектѣ коммиссіи, и въ преніяхъ по поводу этихъ проектовъ, говорилось и указывалось на необходимость установить извѣстную норму обложенія на содержаніе мелкой земской единицы. Мы ничего не имѣемъ противъ установленія максимальной нормы обложенія земской собственности вообще; при томъ критическомъ, стѣсненномъ положеніи, которое переживаетъ въ наши дни этотъ видъ обездоленной собственности, несомнѣнно, высокое обложеніе какимъ бы то ни было налогомъ, земскимъ ли, государственнымъ ли—безразлично, можетъ гибельно отозваться на всемъ строѣ земледѣльческаго класса населенія. Но мы никакъ не можемъ уяснить себѣ той точки зрѣнія, которая рекомендуетъ различные масштабы для измѣренія тяжести обложенія по отношенію къ классамъ земледѣльческому и землевладѣльческому; мы не можемъ понять, какимъ образомъ налогъ, губительный для перваго класса, можетъ признаваться благодѣтельнымъ для второго, и почему землевладѣльцу трудно уплатить 34 коп. съ десятины, тогда какъ земледѣльцу легки даже 76 копѣекъ? Мы не можемъ себѣ представить далѣе, чтобы нашлось такое злонамѣренное и безразсудное окружное собраніе, хотя бы оно составлялось изъ подавляющаго процента крестьянъ-общинниковъ, которое довело бы обложеніе земли до непосильныхъ размѣровъ исключительно въ цѣляхъ насолить сосѣду-землевладѣльцу. Такое собраніе, прежде чѣмъ насолить своему сосѣду, насолило бы самому себѣ. Такимъ образомъ, если и необходимо было установить максимумъ земскаго обложенія, то въ интересахъ всей земельной собственности, а не однихъ лишь частныхъ владѣльцевъ. Установить такую норму необходимо сообразно съ доходностью имущества, различною въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ имперіи; но разъ норма эта не удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ, запросамъ

и нуждамъ общественнаго управленія и благоустройства,—задача разумной финансовой политики состоитъ въ отысканіи и утилизаціи новыхъ источниковъ доходовъ, новыхъ источниковъ неотяготительнаго обложенія, но отнюдь не въ перемѣщеніи налоговой тягости съ одного неимущаго класса населенія на другой, еще болѣе неимущій. Такая близорукая политика напоминала бы извѣстную сказку о лисѣ, у которой застревали поперемѣнно то хвостъ, то голова.

Вопросъ о всесословной волости въ качествѣ мелкой единицы земскаго самоуправленія весьма подробно разработанъ въ трудахъ коммиссіи петербургскаго губернскаго земства, учрежденной по пересмотру Положенія 19-го февраля 1861 г. и работавшей съ 19-го мая 1897 по 20-е января 1898 года. Къ журналамъ коммиссіи (изданіе 1898 г.) приложены какъ докладъ, выясняющій главныя основанія проектируемой реформы, такъ и самый проектъ положенія о сельской и волостной организаціи. „Волость съ ея должностными лицами, въ ея настоящей организаціи,—говорится на стр. 20-ой того доклада,—является учрежденіемъ совершенно ненужнымъ для сельскаго населенія, обременяющимъ его лишь лишними расходами, хотя въ иныхъ мѣстахъ она и удовлетворяетъ до нѣкоторой степени хозяйственнымъ интересамъ населенія, давая содержаніе или пособія пріемнымъ покоямъ, фельдшерскимъ пунктамъ, волостнымъ училищамъ, библіотекамъ, читальнямъ и пр. Общіе хозяйственные интересы сосѣднихъ селеній все болѣе и болѣе сталкиваются съ такими же интересами и частныхъ владѣній. Въ содержаніи исправныхъ дорогъ, лечебныхъ заведеній, въ принятіи разныхъ мѣропріятій противъ пожаровъ и иныхъ бѣдствій, въ развитіи сельско-хозяйственной промышленности и т. п. заинтересованы не только одни крестьяне, но и прочіе владѣльцы земельныхъ имуществъ, а также вообще многіе постоянно проживающіе въ деревнѣ. При упраздненіи настоящей волости, всѣ эти интересы не будутъ находить себѣ удовлетворенія, а для обсужденія ихъ можно лишь будетъ прибѣгать къ частнымъ совѣщаніямъ. Въ то же время правительственные органы лишатся своихъ низшихъ исполнителей, земскимъ же учрежденіямъ трудно будетъ обходиться безъ волостныхъ старшинъ въ дѣлѣ страхованія, собиранія разныхъ необходимыхъ свѣдѣній и проведенія вообще разнаго рода мѣропріятій земскаго хозяйства. Все это, вмѣстѣ взятое, не позволяетъ упразднить нынѣшней волости, безъ замѣны ея какой-либо иной организаціей, способной удовлетворить всѣмъ указаннымъ потребностямъ. Такая организація, какъ уже высказывалось, должна быть основана на безсословномъ началѣ. Она могла бы

выразиться въ территоріальной всесословной волости, построенной по типу земскихъ учрежденій, имѣющей назначеніе преимущественно хозяйственное и являющейся, такимъ образомъ, низшей земской единицей, болѣе близко опредѣляющей всѣ мѣстныя потребности и нужды".

Проектъ петербургской коммиссіи слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ организацію всесословной волости: все пространство каждаго уѣзда, кромѣ городовъ, раздѣляется на нѣсколько участковъ или волостей, обнимающихъ 2—3 нынѣшнихъ волости по плану и съ утвержденія уѣзднаго земскаго собранія; въ составъ такой волости входятъ всѣ сельскія общества, имѣнія, заводы и фабрики, причемъ волостному управленію подчиняется все безъ исключенія населеніе всѣхъ сословій, живущее въ чертѣ волости. Вѣдѣнію волостного управленія подлежитъ: завѣдываніе имуществами, капиталами и повинностями волости; завѣдываніе волостными путями сообщенія; попеченіе въ предѣлахъ волости о народномъ продовольствіи, общественномъ здравіи, призрѣніи и о народномъ образованіи; содѣйствіе развитію мѣстной торговли, промышленности (открытіе рынковъ, базаровъ, пристаней, желѣзнодорожныхъ, телеграфныхъ станцій, кредитныхъ и страховыхъ учрежденій и проч.) и сельскаго хозяйства; раскладка внутри волости подлежащихъ государственныхъ и земскихъ повинностей; участіе въ завѣдываніи воинскою, постойною и конской повинностями; представленіе губернатору и земскимъ учрежденіямъ свѣдѣній и заключеній по волостнымъ дѣламъ; ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ волости; обсужденіе, опредѣленіе и приведеніе въ исполненіе законныхъ мѣръ, необходимыхъ для хода дѣлъ; производство выборовъ въ различныя должности по волостному управленію; назначеніе, раскладка и расходованіе волостныхъ сборовъ.

Надзоръ за правильнымъ веденіемъ дѣлъ волостнымъ управленіемъ предоставляется земскимъ учрежденіямъ, причемъ всякія неправильныя распоряженія правительственныхъ и сословныхъ установленій могутъ быть обжалованы волостнымъ управленіемъ послѣдовательно губернатору и въ правительствующій сенатъ.

Волостное управленіе составляютъ: волостное собраніе и волостная управа. Въ волостномъ собраніи участвуютъ: всѣ землевладѣльцы, владѣющіе въ предѣлахъ волости земельнымъ цензомъ въ размѣрѣ не менѣе 100 десятинъ, и владѣльцы иныхъ имуществъ по оцѣнкѣ для земскаго обложенія не ниже 5.000 рублей; отъ крестьянскихъ обществъ по одному отъ каждыхъ 50 домохозяевъ; такіе же представители отъ арендаторскихъ поселковъ при арендѣ не менѣе шести лѣтъ по двухлѣтнемъ ихъ пребываніи въ данной мѣстности и, наконецъ, проживающіе постоянно въ волости священники, врачи, ветеринарные врачи,

учителя, страховые агенты. Владѣльцы неполнаго ценза, а равно мелкія сельскія общества, соединяются вмѣстѣ для избранія своихъ представителей по одному отъ каждыхъ 100 десятинъ земли, отъ каждыхъ 5.000 р. оцѣнки прочаго имущества и отъ каждыхъ 50 крестьянскихъ дворовъ. Владѣльцы же значительныхъ имѣній, превышающихъ 2.000 десятинъ, имѣютъ по одному голосу на каждыя двѣ тысячи десятинъ.

На каждое трехлѣтіе волостнымъ собраніемъ избирается волостная управа, состоящая изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. Въ эту управу можетъ быть избранъ каждый грамотный и совершеннолѣтній участникъ волостного собранія, а равно каждый крестьянинъ, имѣющій въ чертѣ волости надѣлъ; при волостной управѣ содержится волостной писарь, опредѣляемый и увольняемый постановленіями волостной управы. Управа завѣдуетъ дѣлами волости преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи (проектъ подробно перечисляетъ ея функціи); по каждому денежному и вообще серьезному вопросу должно состояться коллегіальное постановленіе управы.

Въ каждой волости на каждые 300 дворовъ избирается по одному сборщику и по одному сотскому на трехлѣтіе, содержимыхъ на волостные сборы, съ пособіемъ отъ правительства, причемъ на сборщиковъ возлагаются, какъ обязанность взиманія лежащихъ на крестьянахъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей, такъ и веденіе счетоводства и отчетности по собраннымъ и внесеннымъ въ кассы суммамъ. На сотскаго возлагается: объявлять законы и распоряженія правительства и наблюдать за нераспространеніемъ подложныхъ указовъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ; охранять благочиніе въ селеніяхъ, принимать первоначальныя мѣры для возстановленія нарушенной тишины и порядка, задерживать бродягъ и бѣглыхъ, распоряжаться въ чрезвычайныхъ случаяхъ пожаровъ, наводненій, повальныхъ болѣзней и проч., предупреждать и пресѣкать преступленія, наблюдать за исполненіемъ приговоровъ земскихъ начальниковъ и волостного суда, исполнять законныя требованія подлежащихъ властей, словомъ—исполнять всѣ функціи низшихъ полицейскихъ властей.

При обсужденіи только-что очерченной организаціи всесословной волости, въ коммиссіи возникалъ, между прочимъ, вопросъ, нужна ли какая-либо административно-хозяйственная единица болѣе мелкая, чѣмъ волость, и болѣе крупная, чѣмъ община? Авторами проекта какъ бы чувствовалась нѣкоторая неудовлетворительность новой организаціи, недостатокъ соединительныхъ звеньевъ между новой волостной единицей, охватывающей обширную территорію, равную нѣсколькимъ нынѣшнимъ волостямъ, и отдѣльными владѣльцами, входящими

въ составъ такой административной единицы; чувствовалось, что весьма многія функціи и стороны дѣятельности окажутся и для этого новаго учрежденія столь же непосильными и невыполнимыми, какъ и для нынѣ существующихъ уѣздныхъ учрежденій,—и коммиссія большинствомъ голосовъ рѣшила, что должна быть образована административно-хозяйственная единица болѣе мелкая, чѣмъ волость, и болѣе крупная, чѣмъ община. Но какимъ именно способомъ она должна быть организована? Одни члены коммиссіи предполагали ограничить составъ этой единицы чертой усадебной осѣдлости даннаго селенія; другіе находили, что въ составъ сельскаго общества должны входить не только тѣ, кто проживаетъ въ самомъ селеніи, но и въ ближайшемъ отъ него разстояніи, не далѣе одной четверти версты. По мнѣнію коммиссіи, въ составъ сельскаго общества слѣдуетъ ввести всѣхъ, проживающихъ въ чертѣ усадебной осѣдлости и платящихъ въ пользу общества налоги.

Будучи вполнѣ согласны съ тѣмъ, что предлагаемая коммиссіей организація всесословной волости неудовлетворительна по крайней обширности охватываемой ею территоріи, мы никакъ не можемъ, однако, признать удачною предлагаемую ею въ видѣ корректива—новую организацію сельскаго или, какъ выражается проектъ, „селеннаго" общества. Мы не будемъ уже говорить о томъ, что понятіе черты усадебной осѣдлости—весьма спорное и неопредѣленное, допускающее множество самыхъ разнорѣчивыхъ толкованій; но и помимо того, самый составъ сельскихъ обществъ, при подобномъ условіи, получается весьма случайный, ибо условіемъ привлеченія къ составу общества признается не основное имущество или занятіе даннаго лица, а совершенно побочное обстоятельство: то или иное расположеніе усадьбы, принадлежащей этому лицу, какъ будто бы именно это-то второстепенное обстоятельство и является главнымъ моментомъ, опредѣляющимъ общественное положеніе, права и обязанности даннаго субъекта.

А между тѣмъ, неудобство предлагаемой коммиссіею волостной организаціи такъ легко устранимо,—стóитъ лишь раздробить волости на болѣе мелкія волостныя же единицы, хотя бы въ предѣлахъ приходовъ, проектированныхъ рязанскимъ земствомъ. Повидимому, такой исходъ являлся бы наиболѣе правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса объ организаціи основной низшей административной единицы: устройство всесословной волости, состоящей какъ изъ юридическихъ лицъ—сельскихъ общинъ, такъ и изъ физическихъ—землевладѣльцевъ и другихъ собственниковъ, проживающихъ въ данномъ районѣ. Въ этомъ случаѣ было бы совершенно безразлично и безполезно доискиваться, къ какому именно сельскому обществу отнести того или иного владѣльца

или собственника, ибо всѣхъ ихъ охватывала бы территорія волости съ ея общими волостными полномочіями, обязанностями и расходами. Потерялась бы и самая необходимость административно-полицейскихъ функцій сельскихъ обществъ, такъ какъ послѣднія всецѣло перешли бы въ волость, легли бы на обязанность волостного управленія; осталась бы лишь земельная община, какъ хозяйственная единица, какъ юридическій субъектъ правъ, совершенно однородный и равноправный по отношенію къ волости со всѣми прочими физическими субъектами. Очевидно, что всѣ общественныя обязанности, всѣ сельскіе расходы, всѣ внутренніе распорядки общины исчерпывались бы лишь ея собственными хозяйственными и земельными нуждами; въ административно-полицейскихъ функціяхъ община должна быть заинтересована лишь съ общегражданской точки зрѣнія, въ совершенно равной мѣрѣ со всѣми прочими жителями волости, а потому и все участіе ея въ этомъ именно отношеніи должно бы ограничиваться уплатой волостныхъ сборовъ на обще-волостныя административно-государственныя потребности, куда, по справедливости, должны быть отнесены и расходы по благоустройству и благочинію въ селеніяхъ и по содержанію сельской администраціи, поскольку администрація эта вызывается соображеніями государственной необходимости.

Признавая селенное общество за низшую административно-хозяйственную единицу, проектъ, однако, не указываетъ, какія же именно административныя функціи должны быть на нее возложены. Проектъ перечисляетъ предметы вѣдомства селеннаго схода: выборы должностныхъ лицъ и выборныхъ въ волостное собраніе; пріемъ и увольненіе членовъ общества; дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірской землею; совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ и обученіи грамотѣ; принесеніе жалобъ по дѣламъ селеннаго общества; назначеніе сборовъ на мірскіе расходы; раскладка казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей; дѣла, касающіяся общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ капиталовъ; разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ; назначеніе опекуновъ и попечителей; дѣла по отправленію воинской повинности и всѣ дѣла, требующія разрѣшенія селеннаго общества.

Не трудно видѣть, что всѣ перечисленные предметы вѣдомства селеннаго схода заимствованы проектомъ изъ статьи Положенія о крестьянахъ, опредѣляющей компетенцію нынѣшнихъ сельскихъ сходовъ. Но мы полагаемъ, что всѣ эти вопросы вполнѣ доступны разрѣшенію однихъ членовъ земельной общины, какъ таковой, заинтересованныхъ въ данномъ случаѣ не только съ административно-общественной точки зрѣнія, но и имущественно. То же можно сказать и о разрѣшеніи дѣлъ, требующихъ, по проекту, большинства не менѣе

двухъ третей голосовъ: о переходѣ отъ общественнаго землепользованія къ подворному, о раздѣлахъ и о передѣлахъ мірской земли, объ употребленіи мірскихъ капиталовъ, о покупкѣ земли всѣмъ обществомъ, о круговомъ ручательствѣ при торгахъ, объ удаленіи порочныхъ членовъ.

Правда, проектъ, перечисляя затѣмъ функціи сельскихъ должностныхъ лицъ—деревенскаго (селеннаго) старосты и десятника, указываетъ, между прочимъ, и обязанности административно-государственнаго характера; таковы: принятіе мѣръ для охраненія порядка, благочинія и безопасности лицъ и имуществъ своего селенія отъ преступныхъ дѣйствій; задержаніе бродягъ, бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ; распоряженіе подачею помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ и донесеніе полиціи о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Мы не думаемъ, однако, чтобы эти чисто полицейскія функціи дѣйствительно являлись необходимыми и умѣстными для выборной должности, представляющей интересы извѣстнаго сословія, извѣстнаго класса населенія, извѣстной группы избирателей. Если въ настоящее время, при существующей организаціи сельскаго и волостного управленія, приходится мириться съ этими недостатками по отсутствію правильно организованной полицейской помощи въ селеніяхъ, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы эти отрицательныя стороны нашего сельскаго общественнаго строя, кладущія особый нежелательный отпечатокъ на весь характеръ дѣятельности сельскихъ должностныхъ лицъ, узаконялись и на будущее время.

Въ статьѣ „Пересмотръ Положенія о крестьянахъ“ (см. „Русская Мысль“, 1900 г., №№ 1 и 2), я указывалъ уже на недостаточную выработанность того отдѣла проекта петербургской коммиссіи, который трактуетъ вопросы опредѣленія ценза для участія въ волостномъ собраніи. Мы отмѣчали тогда недомолвку проекта, должны ли относиться предлагаемыя имъ нормы ко всей вообще имперіи, или лишь къ петербургской губерніи; предлагаемые проектомъ цензы представляются намъ въ значительной степени произвольными, мало обоснованными и даже между собою несогласованными. Прежде всего кажется непонятнымъ и страннымъ, почему за основаніе права участія въ волостныхъ сходахъ взяты предметы ценза между собою несоизмѣримые: пространство земли для землевладѣльцевъ, оцѣнка имущества для другихъ собственниковъ, домохозяйство для крестьянъ и арендаторовъ и, наконецъ, мѣстожительство для нѣкоторыхъ перечисленныхъ проектомъ лицъ, повидимому, никакой собственностью не обладающихъ.

Если проектъ исходитъ изъ соображеній какихъ-либо мѣстныхъ условій,—если, положимъ, средняя оцѣнка десятины земли въ той

мѣстности равна 50-ти рублямъ, а каждое отдѣльное крестьянское хозяйство владѣетъ, въ среднемъ, двумя десятинами земли,—тогда предположенія проекта становятся понятными и вполнѣ мотивированными по отношенію къ той мѣстности, какую проектъ имѣетъ въ виду. Но, очевидно, нормы эти не могутъ быть неподвижными и неизмѣнными для всѣхъ мѣстностей имперіи; на нашъ взглядъ, было бы цѣлесообразнѣе въ основаніе имущественнаго ценза положить не такіе разнородные предметы, какъ предлагаетъ проектъ, а какую-либо опредѣленную и въ то же время отвлеченную цѣнность, лучше всего—оцѣнку въ рубляхъ.

Тѣ предположенія, которыя предлагаютъ принять за основаніе привлеченія къ участію въ волостномъ управленіи земскій цензъ земельный, являются болѣе жизненными, болѣе практичными, не требующими никакой новой регламентаціи, по крайней мѣрѣ для земскихъ губерній. Составъ всесословныхъ волостныхъ сходовъ, или какъ называетъ проектъ—волостного собранія, опредѣляется тогда по нормѣ этой весьма легко; стòитъ лишь право участія на сходѣ обусловить обладаніемъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ по земской оцѣнкѣ и по земскимъ нормамъ,—напримѣръ, обладаніемъ извѣстнымъ количествомъ десятинъ земли или другимъ имуществомъ соотвѣтствующей цѣнности: усадьбой, домомъ, фабрикой, заводомъ, торговымъ заведеніемъ и проч. Неимѣющіе полнаго ценза по образцу съѣздовъ мелкихъ земскихъ избирателей могли бы избирать своихъ представителей на волостные сходы въ количествѣ, соотвѣтствующемъ числу полныхъ цензовъ, образовавшихся отъ соединенія мелкихъ владѣльцевъ недвижимаго имущества. Тотъ же самый принципъ соотвѣтствія числа выборныхъ цѣнности облагаемаго имущества, очевидно, долженъ лечь и въ основаніе выборовъ волостныхъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ или, точнѣе сказать, общинъ. Такимъ образомъ, если полный земскій цензъ въ данной мѣстности составляетъ, скажемъ, 150 десятинъ, то эта норма и должна лечь въ основаніе всѣхъ волостныхъ выборовъ: на волостномъ сходѣ тогда будутъ пользоваться правомъ участія, во-первыхъ, всѣ владѣльцы земельныхъ участковъ въ предѣлахъ волости не менѣе 150 десятинъ; во-вторыхъ, всѣ владѣльцы прочаго недвижимаго имущества, оцѣненнагò не ниже стоимости 150 десятинъ; въ-третьихъ, представители отъ мелкихъ землевладѣльцевъ и мелкихъ собственниковъ въ количествѣ по одному представителю на каждыя 150 десятинъ соединенныхъ цензовъ; въ-четвертыхъ, выборные отъ сельскихъ обществъ, по одному на каждыя 150 десятинъ надѣльной или иной общественной земли; при этомъ мелкія общины, также какъ и мелкіе владѣльцы, соединяются въ группы.

Понятно, что установленіе того или иного ценза должно согласо-

ваться съ мѣстными условіями; мы указываемъ лишь примѣрную систему организаціи волостныхъ выборовъ, нисколько не предрѣшая вопроса, достаточно ли для участія въ этихъ выборахъ полнаго земскаго ценза, или двойного, или, наоборотъ, половиннаго.

Мы не можемъ согласиться съ проектомъ въ той части, которая рекомендуетъ участіе въ волостныхъ выборахъ нѣкоторыхъ лицъ, не обладающихъ никакимъ имущественнымъ цензомъ. Если проектъ имѣетъ здѣсь въ виду привлечь къ участію на волостные сходы интеллигентный составъ сельскаго населенія, замѣняя, слѣдовательно, имущественный цензъ образовательнымъ, то именно послѣднее обстоятельство и надобно было ставить условіемъ участія въ выборахъ или сходахъ, не перечисляя отдѣльныхъ профессій сельскихъ жителей, какъ дѣлаетъ проектъ.

На нашъ взглядъ, однако, подобное изъятіе изъ основныхъ началъ общественнаго самоуправленія врядъ ли вообще удобно съ принципіальной точки зрѣнія: участіе въ разрѣшеніи какихъ бы то ни было общественныхъ дѣлъ самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ образомъ связано съ участіемъ въ общественныхъ платежахъ, а однимъ изъ необходимыхъ условій всякаго самоуправленія является и самообложеніе. Едва ли допустимо, такимъ образомъ, участіе постороннихъ, хотя бы и вполнѣ интеллигентныхъ лицъ въ разрѣшеніи такихъ вопросовъ, которые влекутъ за собою установленіе извѣстныхъ платежей и налоговъ, совершенно не затрогивающихъ этихъ постороннихъ лицъ. Другое дѣло—участіе ихъ въ качествѣ плательщиковъ: если каждое интеллигентное лицо, проживающее въ предѣлахъ волости и отвѣчающее условіямъ извѣстнаго образовательнаго ценза, будетъ участвовать въ дѣлахъ волостныхъ, внося ежегодные платежи въ размѣрѣ платежей, падающихъ на полный цензъ данной мѣстности—полный потому, что интеллигентное лицо входитъ въ составъ волостного схода безъ выборовъ,—тогда, конечно, участіе это и желательно, и возможно. Допускать же кого бы то ни было, хотя бы и интеллигентнаго человѣка—распоряжаться чужими общественными средствами—было бы неправильно, именно, съ общественной точки зрѣнія.

Исполнительнымъ органомъ волостного собранія, по проекту, какъ знаемъ, является волостная управа, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ. Подобная организація волостного управленія, несомнѣнно, являлась бы весьма желательной, какъ въ цѣляхъ наиболѣе всесторонняго обсужденія всѣхъ возникающихъ на практикѣ вопросовъ, по пословицѣ: „умъ хорошо, а два лучше", такъ и въ смыслѣ огражденія интересовъ обывателей отъ поспѣшныхъ или произвольныхъ распоряженій единоличной власти, стоящей во главѣ волостного управ-

ленія; коллегіальное обсужденіе и распоряженіе особенно важно въ вопросахъ смѣтнаго и денежнаго характера, гдѣ за подобную систему говоритъ уже одна трудность растратъ общественныхъ суммъ, ввѣренныхъ попеченію не одного какого-либо лица, а цѣлой коллегіи. Тѣмъ не менѣе, соображенія противоположнаго характера, обоснованныя главнымъ образомъ на дороговизнѣ содержанія коллегіальнаго учрежденія при скудости волостныхъ сборовъ и средствъ и при непосильности высокаго волостного обложенія для главнаго объекта—поземельной собственности, заставляетъ, повидимому, мириться съ нѣкоторыми недостатками единоличнаго управленія, хотя и менѣе искуснаго и безпристрастнаго, но зато болѣе дешеваго. Конечно, при территоріи волостей, которую предлагаетъ проектъ, когда количество волостныхъ единицъ должно сократиться, а слѣдовательно должны сократиться и расходы по содержанію волостныхъ учрежденій, нѣкоторый ростъ этихъ, уменьшившихся въ общемъ, расходовъ былъ бы вполнѣ возможенъ и умѣстенъ. Но мы не можемъ согласиться съ основной точкой зрѣнія составителей проекта по распредѣленію территорій волости, не можемъ понять, какимъ образомъ трудно выполнимое и даже вовсе невыполнимое, для волостныхъ учрежденій теперешняго типа,—въ большинствѣ случаевъ по обширности пространства волости (для примѣра укажемъ хотя бы выясненіе свѣдѣній о сборѣ урожая по волости, или распредѣленіе продовольственныхъ ссудъ въ предѣлахъ неурожайныхъ волостей и проч.), — окажется посильнымъ для учрежденій, охватывающихъ втрое бо̀льшую территорію? Думается намъ, что новая земская единица обязательно должна быть *мелкой* единицей—въ этомъ заключается вся сущность, весь смыслъ проектируемой реформы.

Раздробить уѣздъ на нѣсколько крупныхъ участковъ и не создать земскаго о̀ргана, дѣйствительно близкаго къ населенію, по нашему мнѣнію, значило бы оставить насущнѣйшую современную потребность русской деревни неудовлетворенною; можетъ быть, земское хозяйство, земскіе порядки и подвинулись бы нѣсколько впередъ отъ такого раздробленія крупной уѣздной единицы на нѣсколько обширныхъ волостей, но непосредственные интересы и нужды населенія врядъ-ли существенно выиграли бы отъ подобнаго перемѣщенія центровъ земскаго управленія. Будетъ ли земская управа отстоять за 40 верстъ или за 20, будетъ ли въ уѣздѣ одна управа или четыре, отъ того обывателю не легче; ему нужно учрежденіе болѣе близкое, нужно, чтобы оно было у него подъ руками, чтобы онъ былъ хорошо извѣстенъ этому учрежденію, былъ бы тамъ вполнѣ своимъ человѣкомъ — вотъ о какой мелкой земской единицѣ должна идти рѣчь. Сельское общество и сельскія должностныя лица, какъ они проектируются ком-

миссіей, не въ состояніи выполнить всѣхъ потребныхъ для обывателей функцій, какъ въ силу сословности своей организаціи, такъ, главнымъ образомъ, въ виду смѣшенія двухъ совершенно различныхъ и, такъ сказать, несоизмѣримыхъ порядковъ—общественнаго управленія и хозяйственныхъ распоряженій по землевладѣнію данной единицы. Смѣшивать эти два понятія значило бы отождествлять право частное съ правомъ публичнымъ, и если предположить, что представитель общины, представитель извѣстнаго вида земельной собственности, въ правѣ и обязанъ выполнять функціи государственнаго управленія, то и каждый частный владѣлецъ могъ бы являться тогда органомъ правительственнымъ въ силу лишь обладанія извѣстнымъ имуществомъ.

Указанное нами смѣшеніе понятій и невыдержанность общей идеи всесословности организаціи замѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ проекта коммиссіи. Такъ глава 4-я, трактующая о сборщикахъ податей и сотскихъ и проектирующая избраніе этихъ должностныхъ лицъ по одному на каждые 300 дворовъ, гласитъ, что на сборщиковъ податей возлагается: „взиманіе лежащихъ на крестьянахъ повинностей, податей, оброка, слѣдующаго въ пользу помѣщика и всякихъ установленныхъ денежныхъ сборовъ, а также недоимокъ по симъ сборамъ". Какъ видимъ, имѣется опредѣленное указаніе, что компетенція сборщиковъ распространяется лишь на взиманіе крестьянскихъ сборовъ. Врядъ-ли возможно согласиться съ подобной постановкой вопроса въ учрежденіи всесословнаго характера, особливо если сопоставить это указаніе съ предложеніемъ проекта принять половинную часть расходовъ по содержанію сборщиковъ на счетъ казны, т.-е. съ отнесеніемъ ихъ на средства обще-государственныя.

Странно, что этого послѣдняго предположенія мы не находимъ въ проектѣ относительно другой предлагаемой имъ должности—сотскаго, избираемаго также на каждые 300 дворовъ, съ предоставленіемъ ему функцій исключительно общегосударственнаго характера, каковы: объявленіе указовъ, охраненіе благочинія, предупрежденіе и пресѣченіе преступленій и проч. Казалось бы, что именно въ этой-то области и необходима была денежная помощь правительства, если только суждено сохранить на обязанности сельскихъ обывателей выполненіе столь постороннихъ задачъ.

Оканчивая на этомъ нашъ очеркъ, мы не можемъ, въ заключеніе, не остановиться на прекрасныхъ словахъ покойнаго кн. С. В. Волконскаго, сказанныхъ имъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ засѣданіи 14-го мая 1881 года въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ

собраніи: „Я не скажу ни слова, — говорилъ уважаемый гласный, — въ защиту моего предложенія (объ организаціи мелкой земской единицы), потому что если современное состояніе сельской жизни, если признаки времени, если логика совершающихся событій недостаточны для того, чтобы убѣдить собраніе въ необходимости предлагаемой мною мѣры, то мои слова, конечно, не убѣдятъ его. Я счелъ нужнымъ сдѣлать мое предложеніе для того, чтобы отнеслись къ современному положенію сознательно. А затѣмъ, какое бы ни состоялось постановленіе,—повинуясь большинству, я перенесу его послѣдствія одинаково со всѣми".

Мы знаемъ уже, какъ отнеслось большинство къ проекту; многіе гласные указывали тогда на несвоевременность реформы, на недостаточную зрѣлость населенія: „пусть единица не теряетъ надежду на ея осуществленіе въ будущемъ; она можетъ принести настолько пользы, насколько въ настоящее время она, кромѣ печальныхъ послѣдствій, ничего не обѣщаетъ",—говорилъ одинъ изъ гласныхъ.

Если проектамъ объ учрежденіи всесословной волости суждено было ждать своей очереди до возмужанія, то, казалось бы, вполнѣ своевременно было, признавъ за ними зрѣлость совершеннолѣтія, не дожидаться тѣхъ отдаленныхъ дней, когда они одряхлѣютъ до безполезной и безсильной старости.

А. Еропкинъ.

Рязань.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1900.

Проектируемая реформа суда присяжныхъ. — Присяжные особаго состава: установляемый для нихъ цензъ; ихъ число на окраинахъ и въ центрѣ имперіи; способы рѣшенія дѣлъ, разсматриваемыхъ при ихъ участіи; характеръ дѣлъ, имъ подсудныхъ.— Частныя перемѣны въ постановленіяхъ, относящихся къ присяжнымъ общаго состава. — Мѣстности, на которыя вовсе не распространяется дѣйствіе суда присяжныхъ.—Судъ съ сословными представителями.

Когда, въ 1894 г., была образована при министерствѣ юстиціи особая коммиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, къ числу ея задачъ было отнесено „всестороннее изслѣдованіе дѣятельности суда присяжныхъ“ и „пріисканіе мѣръ, которыя изъ этого изслѣдованія должны возникнуть съ цѣлью упорядоченія участія въ судѣ общественнаго элемента“. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, состоялось совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, почти единогласно признавшее судъ присяжныхъ не только удовлетворяющимъ своей цѣли, но и „лучшей формой суда для разрѣшенія бо̀льшей части серьезныхъ дѣлъ“. Вслѣдъ за этимъ авторитетнымъ заявленіемъ въ средѣ самого судебнаго вѣдомства возникла, однако, агитація если не противъ суда присяжныхъ вообще, то противъ той, единственно правильной его формы, которая дана ему судебными уставами императора Александра II-го. Появился рядъ статей, написанныхъ болѣе или менѣе высоко поставленными судебными дѣятелями— статей, рекомендовавшихъ включеніе присяжныхъ въ составъ судейской коллегіи, т.-е. замѣну суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ [1]. Одно время можно было думать, что этотъ походъ имѣетъ нѣкоторые шансы успѣха; но уже въ концѣ 1896 года огромное большинство коммиссіи, съ предсѣдателемъ ея во главѣ, высказалось за со-

[1]) Подробный разборъ этихъ статей см. въ мартовскомъ и майскомъ внутреннихъ обозрѣніяхъ „Вѣстника Европы“ за 1896 г.

храненіе суда присяжныхъ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какіе онъ заключенъ закономъ 7-го іюля 1889 года. Соединеніе въ одной коллегіи коронныхъ судей и присяжныхъ коммиссія признала цѣлесообразнымъ только для тѣхъ дѣлъ, которыя въ настоящее время подсудны суду съ участіемъ сословныхъ представителей, а также для нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ вовсе не введенъ судъ присяжныхъ. Сообразно съ этимъ редактированы, въ составленныхъ коммиссіею проектахъ учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовнаго судопроизводства, правила о присяжныхъ особаго состава. Сравнительно съ порядкомъ, созданнымъ судебными уставами, это, безспорно, шагъ назадъ;—но сравнительно съ измѣненіями, внесенными въ судебные уставы при частичной ихъ передѣлкѣ и при распространеніи ихъ на окраины государства, это — столь же безспорно шагъ впередъ. Насколько смѣшанная коллегія, проектируемая коммиссіею, уступаетъ *настоящему* суду присяжныхъ, настолько она превосходитъ какъ коронный судъ, такъ и судъ съ сословными представителями. Коронный судъ, предоставленный самому себѣ, т.-е. лишенный содѣйствія общественнаго элемента, слишкомъ склоненъ къ формализму, къ рутинѣ; въ подсудимомъ онъ слишкомъ часто видитъ не живое лицо, а объектъ дѣла, которое нужно закончить съ возможно наименьшей затратой труда и времени. Еще болѣе механическимъ становится производство въ апелляціонной инстанціи, имѣющей передъ собою, бо̀льшею частью, только массу бумагъ—а между тѣмъ упраздненіе апелляціи на рѣшенія короннаго суда было бы, какъ мы увидимъ ниже, очень опасно. Что касается до сословныхъ представителей, то они составляютъ лишь меньшинство судейской коллегіи и, будучи призываемы въ нее какъ должностныя лица, рѣдко служатъ противовѣсомъ короннымъ судьямъ. Въ значительной степени инымъ будетъ положеніе присяжныхъ *особаго состава*, проектируемыхъ коммиссіею. Во-первыхъ, въ составѣ присутствія ихъ будетъ больше или, по крайней мѣрѣ, не меньше, чѣмъ коронныхъ судей. Во-вторыхъ—и это еще важнѣе,—они будутъ призываемы къ исполненію судейскихъ обязанностей не какъ должностныя лица, а какъ простые граждане, удовлетворяющіе извѣстному образовательному, имущественному или служебному цензу (при чемъ служебный цензъ понимается не какъ занятіе, въ данную минуту, извѣстной должности, а какъ исправленіе ея въ прошедшемъ). Присяжнымъ особаго состава, какъ и присяжнымъ общаго состава, ведутся общіе и очередные списки, т.-е. провѣряется, въ установленномъ порядкѣ, какъ формальная, такъ и дѣйствительная ихъ компетентность къ исполненію возлагаемой на нихъ обязанности; затѣмъ вступаетъ въ свои права жребій, которымъ опредѣляется какъ составъ сессіоннаго списка, такъ и составъ присут-

ствія по каждому отдѣльному дѣлу. Все это—такія гарантіи безпристрастія, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи по отношенію къ сословнымъ представителямъ.

На всемъ пространствѣ дѣйствія общаго учрежденія судебныхъ установленій присяжными особаго состава могутъ быть, по проекту коммиссіи, тѣ изъ лицъ, включенныхъ въ списки присяжныхъ общаго состава, которыя окончили полный курсъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній, или курсъ шести классовъ гимназіи или реальнаго училища, или второго класса духовной семинаріи, или же состояли въ должностяхъ предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, городскихъ головъ, товарищей ихъ и членовъ городскихъ управъ, если они притомъ *или* владѣютъ на правѣ собственности землею въ количествѣ десятинъ, уполномочивающемъ на непосредственное участіе въ земскихъ выборахъ [1]), или другимъ недвижимымъ имуществомъ, цѣною въ столицахъ не менѣе 20, въ прочихъ мѣстностяхъ — не менѣе 10 тысячъ рублей, *или* получаютъ содержаніе по службѣ государственной или общественной или пенсію въ столицахъ — въ размѣрѣ не менѣе двухъ тысячъ, въ прочихъ мѣстахъ—не менѣе тысячи рублей, *или*, наконецъ, получаютъ въ такой же суммѣ вознагражденіе за свой трудъ или доходъ отъ своего капитала. Губерніи и области, подлежащія дѣйствію „учрежденія особенныхъ судебныхъ установленій", раздѣлены коммиссіею, съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, на три группы. Къ первой группѣ принадлежитъ кубанская область и губерніи черноморская и архангельская; здѣсь предполагается ввести присяжныхъ какъ общаго, такъ и особаго состава. Ко второй группѣ отнесены всѣ остальныя, кромѣ черноморской и кубанской, губерніи и области кавказскаго края, а также всѣ губерніи привислянскія и прибалтійскія; здѣсь предполагается ввести *только* присяжныхъ особаго состава, какъ для дѣлъ, подвѣдомственныхъ имъ на основаніи общаго учрежденія судебныхъ установленій, такъ и для дѣлъ, отнесенныхъ этимъ учрежденіемъ къ вѣдомству присяжныхъ общаго состава. Третью группу составляютъ всѣ губерніи и области Сибири, области сыръ-дарьинская, самаркандская, ферганская, закаспійская, семирѣченская, акмолинская, семипалатинская, уральская, тургайская и квантунская, а также ханства хивинское и бухарское; здѣсь судъ съ присяжными не вводится вовсе. Во всѣхъ мѣстностяхъ, причисленныхъ къ первымъ двумъ группамъ, требованія, предъявляемыя къ присяжнымъ особаго состава, понижены,

[1]) Для губерній не-земскихъ, но не принадлежащихъ къ числу тѣхъ, гдѣ дѣйствуютъ такъ называемыя особенныя судебныя установленія, количество земли, дающее право на внесеніе въ списокъ присяжныхъ особаго состава, опредѣлено въ 100-200 десятинъ.

въ бо̀льшей или меньшей степени, сравнительно съ тѣми, которымъ должны удовлетворять присяжные этого состава на основаніи общаго учрежденія судебныхъ установленій. Минимальнымъ образовательнымъ цензомъ для присяжныхъ особаго состава коммиссія признаетъ: въ архангельской губерніи—окончаніе курса въ сельскомъ училищѣ, во всемъ кавказскомъ краѣ—окончаніе курса въ двухклассномъ начальномъ училищѣ, въ привислянскихъ губерніяхъ — прохожденіе курса первыхъ четырехъ классовъ гимназіи, въ прибалтійскихъ губерніяхъ—окончаніе курса въ мѣстныхъ городскихъ училищахъ или соотвѣтствующихъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ кавказскомъ краѣ лица, удовлетворяющія нормальному (т.-е. требуемому общимъ учрежденіемъ судебныхъ установленій) образовательному цензу, вносятся въ списокъ присяжныхъ особаго состава, хотя бы они не имѣли опредѣленнаго для того имущественнаго ценза; для лицъ съ меньшимъ образованіемъ сильно пониженъ имущественный цензъ. Пониженіе этого послѣдняго ценза, болѣе или менѣе значительное, допущено и для остальныхъ мѣстностей, принадлежащихъ къ первымъ двумъ группамъ [1]); въ губерніяхъ привислянскихъ и прибалтійскихъ доступъ въ присяжные особаго состава даетъ, притомъ, владѣніе землею не только на правѣ собственности, но и на арендномъ (или чиншевомъ) правѣ. Въ губерніяхъ привислянскихъ въ число присяжныхъ особаго состава включаются также лица, пробывшія не менѣе шести лѣтъ въ должностяхъ гминнаго судьи, лавника или гминнаго войта, если они знаютъ русскій языкъ и умѣютъ читать и писать по-русски, а въ губерніяхъ прибалтійскихъ и архангельской—прослужившіе не менѣе двухъ трехлѣтій въ должностяхъ волостного старшины или волостного судьи (въ прибалтійскомъ краѣ отъ нихъ требуется, кромѣ того, знаніе русскаго языка и умѣнье читать и писать по-русски). Это послѣднее отступленіе отъ общаго правила допущено, повидимому, въ силу двухъ главныхъ соображеній: въ архангельской губерніи — въ виду недостаточнаго числа лицъ, соединяющихъ въ себѣ даже пониженныя условія образовательнаго и имущественнаго ценза, а въ губерніяхъ прибалтійскихъ и привислянскихъ—въ виду сравнительной благонадежности представителей крестьянскаго элемента. Намъ кажется, что присутствіе крестьянъ среди присяжныхъ особаго состава желательно и по-

---

[1]) Минимальное количество земли, дающее право на внесеніе въ списокъ присяжныхъ особаго состава, составляетъ въ разныхъ мѣстностяхъ кавказскаго края отъ 200 до 20 десятинъ, въ привислянскихъ губерніяхъ—отъ 50 до 100 морговъ, въ прибалтійскихъ—25 дес., въ архангельской губ.—200 дес.; минимальная цѣнность другого недвижимаго имущества — въ кавказскомъ краѣ и въ арханг. губ.—2000 руб., въ губерніяхъ привислянскихъ и прибалтійскихъ — 5000 руб.; минимумъ жалованья, пенсіи, дохода съ капитала и вознагражденія за трудъ—повсемѣстно 500 рублей.

мимо этихъ спеціальныхъ мотивовъ. Одна изъ сильныхъ сторонъ суда присяжныхъ заключается именно въ томъ, что онъ представляетъ собою, въ бòльшей или меньшей степени, всѣ классы, всѣ сословія, и располагаетъ, вслѣдствіе этого, самымъ полнымъ и разнообразнымъ житейскимъ опытомъ. Присяжнымъ особаго состава такой опытъ нуженъ отнюдь не меньше, чѣмъ обыкновеннымъ присяжнымъ; между тѣмъ, при дѣйствіи правилъ, проектированныхъ коммиссіею, доступъ въ эту среду для народной массы оказался бы, въ большинствѣ губерній и областей Россіи, совершенно закрытымъ. Всего правильнѣе, по нашему мнѣнію, было бы *повсемѣстное* включеніе въ число присяжныхъ особаго состава лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассномъ (сельскомъ) или городскомъ училищѣ, или вовсе не требуя отъ нихъ имущественнаго ценза, или установивъ его въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, но съ тѣмъ, чтобы общее ихъ число составляло не болѣе одной четверти или одной трети всѣхъ записанныхъ въ очередной списокъ. Умственный уровень присутствія присяжныхъ особаго состава не могъ бы, такимъ образомъ, понизиться чрезмѣрно,—но оно сдѣлалось бы менѣе однороднымъ и, слѣдовательно, болѣе способнымъ къ всестороннему разсмотрѣнію дѣлъ. Кромѣ крестьянъ, присяжными особаго состава могли бы тогда стать и ремесленники, и рабочіе высшихъ разрядовъ, и торговцы, и вообще люди самыхъ различныхъ профессій, прошедшіе черезъ искусъ составленія очередного списка, т.-е. признанные достойными исполнять судейскія обязанности. Увеличивая общее число присяжныхъ особаго состава, предлагаемый нами порядокъ устранилъ бы одинъ изъ доводовъ, которыми мотивируется теперь низкая цифра присяжныхъ особаго состава, присоединяемыхъ къ короннымъ судьямъ для образованія судебнаго присутствія. А повышеніе этой цифры чрезвычайно важно: только значительное численное преобладаніе присяжныхъ можетъ создать достаточный противовѣсъ авторитету коронныхъ судей.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ присяжные какъ общаго, такъ и особаго состава, послѣдніе, по проекту коммиссіи, призываются къ разбору дѣла въ числѣ *пяти* [1]), а въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ только присяжные особаго состава — въ числѣ *трехъ*. Отсюда вытекаютъ весьма серьезныя процессуальныя неудобства. Ограничивается или упраздняется, во-первыхъ, право отвода присяжныхъ безъ объясненія причинъ, столь важное для подсудимаго. Со времени изданія новеллы 12-го іюня 1884-го года подсудимый (какъ и обвинитель) мо-

[1]) Пять членовъ коммиссіи (въ томъ числѣ А. Ф. Кони, Н. С. Таганцевъ и И. Я. Фойницкій) высказались за повышеніе этой цифры до *девяти*, съ соотвѣтствующимъ увеличеніемъ числа присяжныхъ особаго состава, вносимыхъ въ очередной списокъ (вмѣсто 18—27).

жетъ отводить, въ этомъ порядкѣ, только трехъ присяжныхъ. Ту же цифру удерживаетъ и проектъ коммиссіи, но только по отношенію къ присяжнымъ общаго состава; изъ присяжныхъ особаго состава (въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ обѣ категоріи присяжныхъ) каждая сторона въ правѣ отвести только *двухъ*. При *девяти* присяжныхъ особаго состава, въ уменьшеніи цифры отвода, и безъ того уже невысокой, не было бы никакой надобности. Еще менѣе благопріятенъ для правосудія порядокъ, установляемый коммиссіею для мѣстностей, гдѣ присяжныхъ особаго состава въ судейской коллегіи всего три: здѣсь отводъ ихъ безъ объясненія причинъ не допускается вовсе, т.-е. присяжные могутъ быть отводимы только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда закономъ разрѣшенъ отводъ судей. Одна изъ самыхъ важныхъ гарантій безпристрастнаго рѣшенія исчезаетъ, такимъ образомъ, совершенно; сильно уменьшается и охранительное значеніе жребія, такъ какъ въ очередной списокъ, изъ котораго выбираются трое присяжныхъ (и еще одинъ запасный), вносится всего только *восемь* лицъ. Измѣняется, во-вторыхъ—для мѣстностей, гдѣ число присяжныхъ въ составѣ присутствія ограничено тремя—самый способъ рѣшенія дѣла. Когда присутствіе состоитъ изъ трехъ коронныхъ судей и пяти присяжныхъ особаго состава, раздѣленіе голосовъ поровну влечетъ за собою—какъ и при обыкновенномъ судѣ присяжныхъ—рѣшеніе дѣла въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для подсудимаго; но когда присутствіе состоитъ изъ трехъ судей и трехъ присяжныхъ, тогда при равенствѣ голосовъ перевѣсъ получаетъ мнѣніе, на сторонѣ котораго стоитъ предсѣдательствующій [1]). Понятно, до какой степени этимъ ослабляется значеніе общественнаго элемента на судѣ и колеблется принципъ, до сихъ поръ считавшійся неразрывно связаннымъ съ дѣятельностью суда присяжныхъ. Между тѣмъ, для столь значительнаго уменьшенія числа присяжныхъ особаго состава, какое проектируется коммиссіею, едва ли представляется достаточное основаніе; едва ли обнаружился бы гдѣ-либо недостатокъ въ подходящихъ лицахъ, еслибы нормальнымъ числомъ признано было *девять*, а для окраинъ—*пять* присяжныхъ особаго состава. Если это послѣднее число признается возможнымъ для архангельской губерніи, одной изъ самыхъ малонаселенныхъ, то нѣтъ причины считать его слишкомъ высокимъ для губерній прибалтійскихъ и привислянскихъ. Правда, между жителями этихъ губерній, удовлетворяющими требованіямъ образовательнаго и имущественнаго ценза, не всѣ владѣютъ русскимъ языкомъ; но число такихъ лицъ, сравнительно съ числомъ говорящихъ и понимающихъ

---

[1]) Четыре члена коммиссіи (въ томъ числѣ А. Ф. Кони и Н. С. Таганцевъ) высказались противъ этого отступленія отъ обычнаго способа рѣшенія дѣла съ участіемъ присяжныхъ.

по-русски, уменьшается съ каждымъ годомъ, такъ какъ безъ знанія русскаго языка нельзя теперь окончить курсъ не только въ средней, но даже въ начальной школѣ. Достаточность комплекта присяжныхъ особаго состава можетъ быть обезпечена, вдобавокъ, разрѣшеніемъ переносить слушаніе дѣла изъ одного города въ другой, сосѣдній, какъ это допущено проектомъ по отношенію къ кавказскому краю и прямо установлено по отношенію къ кольскому и печерскому уѣздамъ архангельской губерніи. Ничто не мѣшало бы распространить такой порядокъ на всѣ окраины и даже, въ случаѣ надобности, на внутреннія губерніи Россіи.

Особенности положенія, создаваемаго проектомъ для присяжныхъ особаго состава на окраинахъ имперіи, объясняются, однако, не только опасеніемъ, что такихъ присяжныхъ найдется тамъ слишкомъ мало, но и соображеніями иного, политическаго свойства. Предполагается, что существующій среди населенія окраинъ антагонизмъ, племенной или религіозный, можетъ неблагопріятно отразиться на безпристрастіи и нелицепріятіи приговоровъ, постановляемыхъ избранными изъ его среды присяжными. Отсюда выводится необходимость обезпечить за коронными судьями законное вліяніе на правильное и согласное съ справедливостью разрѣшеніе разсматриваемыхъ дѣлъ,—а такое вліяніе было бы невозможно, еслибы на окраины было распространено общее правило, въ силу котораго при равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе болѣе благопріятное для подсудимаго. Съ этимъ не согласились четыре члена коммиссіи, о которыхъ мы упомянули выше: не отрицая вполнѣ основательности опасеній, руководившихъ большинствомъ, они нашли, что достаточною гарантіей правильности приговоровъ смѣшанной коллегіи является уменьшеніе числа присяжныхъ съ пяти до трехъ и что отступленіе отъ общаго порядка постановленія рѣшеній было бы выраженіемъ нѣкотораго недовѣрія законодательной власти къ избраннымъ изъ среды мѣстнаго населенія присяжнымъ. Раздѣляя окончательный выводъ меньшинства, мы идемъ нѣсколько дальше и думаемъ, что выраженіемъ недовѣрія къ населенію окраинъ служитъ уже самое сокращеніе числа присяжныхъ. Между тѣмъ, цѣнность дара прямо пропорціональна именно его полнотѣ. Разъ что извѣстная часть населенія окраинъ призывается къ исполненію важной гражданской обязанности—и вмѣстѣ съ тѣмъ и къ пользованію соотвѣтствующимъ ей правомъ,—она признается къ тому способной, и это признаніе должно быть послѣдовательнымъ и цѣльнымъ. Едва ли цѣлесообразно давать одной рукой и отбирать другою; едва ли желательно вводить присяжныхъ въ составъ суда—и въ то же время ставить ихъ въ такія условія, при которыхъ ихъ голосъ будетъ, сплошь и рядомъ, совершенно безсиленъ. При-

мѣръ западнаго края свидѣтельствуетъ о томъ, что смѣшанный характеръ населенія не препятствуетъ правильному отправленію правосудія, даже при полной самостоятельности присяжныхъ, т.-е. при рѣшеніи ими вопроса о виновности отдѣльно и независимо отъ коронныхъ судей. Нѣтъ основаній предполагать, что въ сосѣднихъ губерніяхъ (прибалтійскихъ и привислянскихъ) пристрастными и несправедливыми окажутся присяжные особаго состава, соединенные въ одну коллегію съ коронными судьями. Достаточной гарантіей служитъ, съ этой точки зрѣнія, уже составъ коммиссій, ведущихъ очередные списки присяжныхъ. Въ привислянскомъ краѣ коммиссія состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго члена окружного суда, изъ участковыхъ судей, товарища прокурора, уѣзднаго начальника, начальника земской стражи, полиціймейстера, коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, президента или бургомистра и трехъ мѣстныхъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, *по приглашенію губернатора*. Аналогичный составъ коммиссія, составляющая очередные списки, имѣетъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, съ тою только разницею, что здѣсь представленъ, хотя и весьма слабо, выборный элементъ (предводитель или депутатъ дворянства и городской голова). Если принять во вниманіе, что лица, включенныя въ общій списокъ присяжныхъ, вносятся въ очередной списокъ по *усмотрѣнію* коммиссіи, „по внимательномъ обсужденіи, въ какой мѣрѣ каждое изъ нихъ способно по своимъ нравственнымъ качествамъ и *другимъ причинамъ* къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя“, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что анти-церковнымъ или анти-государственнымъ фанатизмомъ присяжные особаго состава на окраинахъ имперіи отличаться не будутъ. Да и много ли такихъ уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ могутъ проявиться политическія, религіозныя или національныя предубѣжденія присяжныхъ? Дѣла о государственныхъ преступленіяхъ разсматриваются безъ участія присяжныхъ; по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ вѣры и церкви православной, присяжные не могутъ быть избираемы изъ лицъ неправославнаго вѣроисповѣданія. Возможны, безспорно, случаи національнаго, племенного антагонизма между присяжными и подсудимыми; но вѣдь они мыслимы не только на окраинахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о евреяхъ на западѣ и юго-западѣ, о татарахъ и другихъ инородцахъ —на востокѣ имперіи; а между тѣмъ, часто ли приходится слышать о проистекающихъ отсюда несправедливыхъ приговорахъ суда присяжныхъ?.. Само собою разумѣется, что все сказанное нами объ уменьшеніи, на окраинахъ, *числа* присяжныхъ примѣнимо еще съ бо̀льшей силой къ измѣненію *способа рѣшенія дѣлъ*. Чувствовать себя равноправными въ средѣ судейской коллегіи для присяжныхъ вообще

трудно; но эта трудность обратится почти въ невозможность, если присяжные будутъ знать, что надъ ихъ единогласнымъ мнѣніемъ *всегда* должно взять верхъ единогласное мнѣніе судей. Возможны, притомъ, и другія комбинаціи, при которыхъ перевѣсъ предсѣдательскаго голоса не оправдывается даже необходимостью поддержать значеніе и вліяніе коронпаго суда. Съ предсѣдателемъ могутъ согласиться двое изъ числа присяжныхъ, а на другой сторонѣ могутъ оказаться двое коронныхъ судей и одинъ присяжный. На какомъ же основаніи первое мнѣніе должно стать приговоромъ, хотя оно и менѣе благопріятно для подсудимаго? Распредѣленіе голосовъ будетъ, конечно, оставаться въ тайнѣ; ничто не помѣшаетъ приписывать короннымъ судьямъ—и въ особенности предсѣдателю—всѣ обвинительные приговоры по дѣламъ сомнительнымъ и спорнымъ, хотя бы они въ дѣйствительности были постановлены при бо̀льшемъ или меньшемъ участіи присяжныхъ. Едва ли это будетъ способствовать авторитету новаго суда вообще и коронныхъ судей въ частности.

Отъ организаціи суда съ присяжными особаго состава перейдемъ къ его кругу дѣйствій. Тамъ, гдѣ существуютъ присяжные общаго состава, присяжные особаго состава призываются къ участію въ рѣшеніи дѣлъ, теперь подсудныхъ судебной палатѣ съ сословными представителями. Сюда относятся дѣла о возстаніи противъ установленныхъ властей и сопротивленіи имъ, о публичномъ возбужденіи къ противодѣйствію или сопротивленію власти, объ оскорбленіи, словомъ или дѣйствіемъ, присутственнаго мѣста, о нападеніи на часового или военный караулъ и о сопротивленіи имъ, о похищеніи вещей съ истребленіемъ или сорваніемъ наложенныхъ на нихъ печатей, о препятствованіи поимкѣ преступниковъ и бѣжавшихъ изъ-подъ стражи, о неповиновеніи рабочихъ на золотыхъ, серебряныхъ или платиновыхъ промыслахъ, о провозѣ скопищемъ или вооруженными людьми контрабанды или незаконно добытой соли, о нарушеніи правилъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, о насиліяхъ и угрозахъ по отношенію къ лицамъ телеграфной службы, о поврежденіи телеграфовъ, о преступленіяхъ служащихъ въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, о преступленіяхъ корабельщиковъ и штурмановъ, о сопротивленіи корабельныхъ служителей или водоходцевъ корабельщику, о многобрачіи, а также объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ и о всякихъ насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ, совершённыхъ при исполненіи или по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей, если виновному грозитъ наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Къ этимъ дѣламъ коммиссія присоединяетъ еще слѣдующія: о богохуленіи въ печатныхъ

или хотя и письменныхъ, но какимъ-либо образомъ распространяемыхъ сочиненіяхъ (эти дѣла теперь подсудны судебной палатѣ безъ участія присяжныхъ), о злостномъ банкротствѣ и о нарушеніи довѣрія со стороны членовъ компаній, обществъ и товариществъ. Девять членовъ коммиссіи (въ томъ числѣ В. А. Желеховскій, А. Ф. Кони, В. Д. Спасовичъ и Н. С. Таганцевъ) полагали включить въ ту же категорію дѣла о религіозныхъ преступленіяхъ (влекущихъ за собою уголовное или тяжкое исправительное наказаніе), въ виду того, что для разсмотрѣнія ихъ „представляется болѣе соотвѣтственнымъ остановиться на присяжныхъ съ повышеннымъ образовательнымъ цензомъ“; но большинство коммиссіи высказалось за оставленіе этихъ дѣлъ въ вѣдѣніи присяжныхъ общаго состава, которые „обыкновенно относятся къ нимъ съ должнымъ пониманіемъ и безпристрастіемъ“. Нетрудно замѣтить, что въ опредѣленіи изъятій изъ общей подсудности коммиссія руководствовалась двумя главными соображеніями— тѣми же самыми, которыя вызвали, въ свое время, изданіе законовъ 9-го мая 1878 и 7-го іюля 1889 года: она отнесла въ вѣдѣніе присяжныхъ особаго состава съ одной стороны дѣла, соприкасающіяся съ охраной государственнаго и общественнаго порядка, съ другой—дѣла, отличающіяся, обыкновенно, большою трудностью или сложностью. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, демаркаціонная черта между обоими видами суда присяжныхъ кажется намъ проведенной съ нѣкоторымъ нарушеніемъ послѣдовательности. Ни къ той, ни къ другой категоріи дѣлъ, подсудныхъ присяжнымъ особаго состава, не принадлежатъ дѣла о многобрачіи. Особой опасности для государства и общества это преступленіе, сравнительно весьма рѣдкое, не представляетъ — а установленіе самаго факта многобрачія ни съ какими особыми затрудненіями не сопряжено. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что изъятіе дѣлъ о многобрачіи изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ было вызвано, въ 1889 г., желаніемъ уменьшить число оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ этого рода — т.-е. такимъ мотивомъ, которому не подобаетъ играть роль при группировкѣ преступленій. Высокій процентъ оправданій по дѣламъ извѣстнаго рода, если онъ повторяется изъ года въ годъ, служитъ указаніемъ на особенности бытовой обстановки, неустранимыя ни усиленіемъ кары, ни измѣненіемъ подсудности. Въ дѣлахъ о многобрачіи такою особенностью являются, быть можетъ, тѣ трудно одолимыя преграды, которыя встрѣчаетъ у насъ—не столько въ законѣ, сколько въ судебной (консисторской) практикѣ,—достиженіе развода... Нарушеніемъ демаркаціонной черты, только въ другую сторону, долженъ быть признанъ, по нашему мнѣнію, и отказъ большинства коммиссіи отнести къ вѣдѣнію присяжныхъ особаго состава дѣла религіозныя, въ большинствѣ

случаевъ отнюдь не менѣе трудныя для разрѣшенія, чѣмъ, напримѣръ, дѣла о злостномъ банкротствѣ или о растратѣ имущества, принадлежащаго банку или акціонерному обществу. Ужъ если вообще считать нѣкоторыя категоріи дѣлъ неудобопонятными для присяжныхъ общаго состава, то на первомъ планѣ между этими дѣлами безспорно должны быть поставлены дѣла о религіозныхъ преступленіяхъ, столь часто требующія обширной богословской экспертизы. Едва ли нормальнымъ будетъ такой порядокъ, при которомъ богохуленіе, совершённое на словахъ, окажется подсуднымъ присяжнымъ общаго состава, а богохуленіе въ печати или на письмѣ — присяжнымъ особаго состава. Правда, по дѣламъ о религіозныхъ преступленіяхъ присяжные общаго состава выносятъ сравнительно много обвинительныхъ приговоровъ; но если при опредѣленіи подсудности не слѣдуетъ принимать въ разсчетъ процентъ оправданій, то столь же мало долженъ быть принимаемъ въ соображеніе и процентъ осужденій.

По мысли коммиссіи, судъ съ присяжными особаго состава долженъ отличаться отъ обыкновеннаго суда присяжныхъ не только высшимъ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ присяжныхъ, но и ролью, предоставляемою имъ въ процессѣ. Присяжные общаго состава образуютъ присутствіе совершенно отдѣльное отъ коронного суда и разрѣшаютъ одни, безъ его участія, вопросъ о виновности подсудимаго, послѣ чего коронный судъ, въ случаѣ произнесенія присяжными обвинительнаго вердикта, одинъ, безъ ихъ участія, постановляетъ приговоръ о наказаніи. Присяжные особаго состава сливаются въ одно цѣлое съ коронными судьями и вмѣстѣ съ ними разрѣшаютъ какъ вопросъ о виновности, такъ и вопросъ о наказаніи. О неудобствахъ этой послѣдней системы мы говорили подробно, когда можно было опасаться возведенія ея на степень общаго правила, т.-е. совершеннаго упраздненія настоящаго суда присяжныхъ. Мы продолжаемъ думать, что ничто не мѣшало бы отвести присяжнымъ особаго состава ту самую роль, которая принадлежитъ присяжнымъ общаго состава, т.-е. образовать изъ нихъ особое присутствіе, отдѣльное отъ коронного суда [1]). Еслибы это было признано невозможнымъ на окраинахъ имперіи, а также по отношенію къ дѣламъ, соприкасающимся съ охраной государственнаго и общественнаго порядка, то желательно было бы, по меньшей мѣрѣ, сохранить раздѣльность коронныхъ су-

[1]) За такой способъ рѣшенія вопроса высказалось восемь членовъ коммиссіи, въ томъ числѣ А. Ф. Кони, В. К. Случевскій и Н. С. Таганцевъ, а при первоначальномъ обсужденіи — А. Л. Боровиковскій и временно приглашенные въ составъ коммиссіи К. К. Арсеньевъ и И. Я. Фойницкій. См. Внутр. Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1897 г.

дей и присяжныхъ по дѣламъ, предоставляемымъ вѣдѣнію присяжныхъ особаго состава исключительно въ виду ихъ трудности и сложности. Для соединенія судей и присяжныхъ въ одно присутствіе здѣсь нѣтъ рѣшительно никакихъ оснований: присяжные особаго состава предполагаются обладающими именно тѣми свойствами, которыя необходимы для правильнаго разрѣшенія подобныхъ дѣлъ.

Въ средѣ коммиссіи произошло разногласіе по вопросу о томъ, въ какихъ отношеніяхъ присяжные особаго состава должны находиться къ короннымъ судьямъ во время слушанія дѣла. По мнѣнію большинства, получившему выраженіе въ ст. 572 проекта устава угол. судопр., присяжные особаго состава въ судебномъ засѣданіи и во время его перерывовъ помѣщаются, какъ и присяжные общаго состава, отдѣльно отъ судей и соединяются съ послѣдними только для постановленія приговора. Меньшинство (семь членовъ) полагало, наоборотъ, что присяжные особаго состава не должны быть разобщаемы съ судьями ни во время засѣданія, ни во время его перерывовъ. Послѣднее изъ этихъ двухъ мнѣній, безспорно, имѣетъ на своей сторонѣ преимущество логичности: разъ что присяжные—такіе же члены судебной коллегіи, какъ и коронные судьи, естественнѣе, повидимому, не отдѣлять однихъ отъ другихъ во все время производства дѣла, подобно тому, какъ не отдѣляются отъ судей сословные представители. Столь же естественно было бы предоставить присяжнымъ участіе, наравнѣ съ судьями, въ разрѣшеніи процессуальныхъ вопросовъ, возникающихъ во время судебнаго слѣдствія и судебныхъ преній. Съ практической точки зрѣнія, однако, болѣе цѣлесообразно мнѣніе большинства коммиссіи: оно увеличиваетъ шансы самостоятельности присяжныхъ, оставляя ихъ, въ продолженіе всего судебнаго слѣдствія и судебныхъ преній, внѣ воздѣйствія коронныхъ судей. Удаляясь, во время перерывовъ засѣданія, въ свою особую совѣщательную комнату, присяжные всегда обмѣниваются между собою мыслями и впечатлѣніями,—и этимъ подготовляется, до извѣстной степени, тотъ выводъ, къ которому приходитъ, въ концѣ концовъ, каждый присяжный. Для такой свободы предварительнаго обсужденія не останется мѣста, если присяжные (особаго состава) съ самаго начала засѣданія будутъ неразлучны съ судьями. Находя, поэтому, желательнымъ сохраненіе ст. 572-й, мы думаемъ, однако, что присоединеніе присяжныхъ особаго состава къ коронымъ судьямъ должно происходить не послѣ постановки вопросовъ (какъ предположено коммиссіею, судя по ст. 743 и 779 проекта устава угол. судопр.), а *до* нея. Разъ что присяжные особаго состава являются, наравнѣ съ коронными судьями, рѣшителями *всего* дѣла, нѣтъ причины устранять ихъ отъ участія въ постановкѣ вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе смѣшанной коллегіи.

Изъ сопоставленія ст. 806 и 809 проекта слѣдуетъ заключить, что рѣшенія, постановленныя судомъ съ участіемъ присяжныхъ особаго состава, должны быть излагаемы точно такъ же, какъ рѣшенія, постановленныя судомъ безъ участія присяжныхъ, т.-е. съ указаніемъ „существенныхъ обстоятельствъ, по которымъ судъ пришелъ къ заключенію о виновности или невиновности подсудимаго". Намъ кажется, что это съ одной стороны излишне, такъ какъ повѣрка *мотивовъ* рѣшенія (по вопросу о виновности) возможна только въ *апелляціонномъ* порядкѣ,—а рѣшенія суда съ присяжными особаго состава, какъ и рѣшенія присяжныхъ общаго состава, апелляціи не подлежатъ; съ другой стороны—неудобно, такъ какъ мотивировка, данная рѣшенію коронными судьями, сплошь и рядомъ можетъ не совпадать съ соображеніями, въ силу которыхъ подали свой голосъ присяжные особаго состава. Неудобство это тѣмъ болѣе серьезно, что присяжные особаго состава далеко не всегда съумѣютъ и захотятъ спорить съ коронными судьями о мотивировкѣ рѣшенія; еще меньше можно ожидать отъ нихъ подачи мотивированныхъ особыхъ мнѣній. Замѣтимъ, что и по смыслу проекта дѣятельность присяжныхъ особаго состава оканчивается со времени объявленія резолюціи: приговоръ, по ст. 815-ой, считается дѣйствительнымъ, хотя бы онъ не былъ подписанъ ни однимъ изъ присяжныхъ. Въ виду всего этого, мы думаемъ, что изложеніе приговоровъ, постановленныхъ съ участіемъ присяжныхъ особаго состава, ничѣмъ не должно отличаться отъ изложенія приговоровъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ присяжными общаго состава.

При обсужденіи, въ оффиціальныхъ сферахъ и въ печати, вопроса о томъ, быть или не быть суду присяжныхъ, созданному судебными уставами 1864 года, сторонниками этого суда былъ указанъ цѣлый рядъ частныхъ улучшеній, которыя могли бы быть внесены въ относящіяся сюда постановленія устава уголовнаго судопроизводства. Всѣ эти указанія подверглись подробному обсужденію коммиссіи, и многія изъ нихъ признаны ею уважительными. Къ числу лицъ, подлежащихъ включенію въ списки присяжныхъ, коммиссіею присоединены: 1) состоящіе на государственной службѣ въ должностяхъ четвертаго класса (кромѣ губернаторовъ, градоначальниковъ, судей и лицъ прокурорскаго надзора), 2) военные и военно-морскіе чины, за исключеніемъ тѣхъ, относительно которыхъ состоится особое соглашеніе министра юстиціи съ главными начальниками подлежащихъ вѣдомствъ, 3) штатные чины состоящихъ при судебныхъ мѣстахъ канцелярій и 4) лица сельскаго состоянія, окончившія курсъ город-

скихъ или двухклассныхъ уѣздныхъ [1]) училищъ или сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ школъ. Все это—несомнѣнныя перемѣны къ лучшему: намъ казалось бы только, что нѣтъ причины пріурочивать вновь вводимый образовательный цензъ къ однимъ лишь лицамъ сельскаго состоянія. Если и допустить, что земледѣльцы, при прочихъ равныхъ условіяхъ, болѣе способны къ правильному исполненію обязанностей присяжнаго, чѣмъ торговцы, ремесленники или рабочіе, то вѣдь различіе профессій вовсе не совпадаетъ съ различіемъ сословій: лица сельскаго состоянія сплошь и рядомъ занимаются торговымъ, ремесленнымъ или фабричнымъ трудомъ, а горожане (или лица, формально принадлежащія къ городскимъ сословіямъ, но живущія внѣ города) столь же часто занимаются земледѣліемъ. Ограниченіе образовательнаго ценза одними лицами сельскаго состоянія устраняетъ изъ числа присяжныхъ цѣлыя группы, отъ которыхъ можно было бы ожидать вполнѣ сознательнаго отношенія къ обязанностямъ присяжнаго (напр. земскихъ фельдшеровъ, управляющихъ небольшими имѣніями, арендаторовъ, жалованье или доходъ которыхъ составляетъ менѣе 400 руб.). Пожалѣть можно и о томъ, что остается въ силѣ постановленіе устава, исключающее изъ числа присяжныхъ всѣхъ учителей начальныхъ школъ. Призываемы къ исполненію обязанностей присяжнаго они могли бы быть въ каникулярное время, которое въ начальныхъ школахъ продолжается не менѣе четырехъ мѣсяцевъ... Вполнѣ цѣлесообразно, далѣе, новое правило, въ силу котораго списки присяжныхъ провѣряются, до ихъ обнародованія, не только предсѣдателемъ уѣздной коммиссіи, но и мѣстными уѣзднымъ (или городскимъ) членомъ и товарищемъ прокурора окружного суда. То же самое слѣдуетъ сказать и о сокращеніи (съ двухъ лѣтъ до одного года) срока жительства въ данномъ уѣздѣ, какъ условія для включенія въ списокъ присяжныхъ. Мы продолжаемъ думать, однако, что полнота списковъ не будетъ достигнута до тѣхъ поръ, пока на каждаго, имѣющаго *право* быть присяжнымъ, не будетъ возложена *обязанность* заявить о томъ, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, учрежденію или лицу, ведущему соотвѣтственную часть общаго списка присяжныхъ засѣдателей [2]).

Стороны, до сихъ поръ, не имѣли права говорить присяжнымъ засѣдателямъ объ уголовныхъ послѣдствіяхъ обвинительнаго вердикта. Это ограниченіе, лишенное всякаго разумнаго основанія, коммиссія предполагаетъ отмѣнить. По ст. 720-ой проекта устава уголовнаго

---

[1]) Выраженіе: *уѣздныхъ* употреблено, вѣроятно, по ошибкѣ; слѣдовало бы сказать: *сельскихъ*, чтобы избѣгнуть смѣшенія съ уѣздными училищами, находящимися въ городахъ.

[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1896 г.

судопроизводства, сторонамъ, при заключительныхъ преніяхъ, не воспрещается касаться наказуемости и вообще законныхъ послѣдствій дѣянія, въ которомъ обвиняется подсудимый, если это можетъ имѣть значеніе для признанія подсудимаго, въ случаѣ его осужденія, заслуживающимъ снисхожденія или для ходатайства объ уменьшеніи отвѣтственности, выходящемъ за предѣлы судейской власти, или даже о полномъ его помилованіи [1]). Намъ казалось бы болѣе правильнымъ исключить всю послѣднюю часть статьи (начиная съ слова: *если*), потому что она можетъ повести, на практикѣ, къ совершенно ненужному стѣсненію защиты. Разъ что уголовныя послѣдствія дѣянія перестаютъ быть тайной для присяжныхъ, способъ или мотивъ доведенія ихъ до свѣдѣнія присяжныхъ представляется совершенно безразличнымъ и не требуетъ регламентаціи со стороны закона. Не принято коммиссіею, къ сожалѣнію, другое нововведеніе, за которое высказалось, въ 1894 г., значительное большинство старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ: проектъ (ст. 751) оставляетъ въ силѣ постановленіе дѣйствующаго устава (ст. 805), по которому никакіе акты изъ письменнаго производства присяжнымъ засѣдателямъ не передаются, и имъ предоставляется только просить предсѣдательствующаго о выясненіи обстоятельствъ, возбуждающихъ въ нихъ какое-либо сомнѣніе. Семь членовъ коммиссіи (въ томъ числѣ А. Ф. Кони, В. К. Случевскій, В. Д. Спасовичъ и Н. С. Таганцевъ) признавали возможнымъ передавать присяжнымъ въ совѣщательную комнату планы и осмотры мѣстностей, оглашенные во время судебнаго слѣдствія; но остальные члены коммиссіи не согласились даже и съ этимъ, хотя совѣщаніе 1894-го года шло гораздо дальше и допускало передачу присяжнымъ, кромѣ актовъ осмотра, протоколовъ обыска и освидѣтельствованія (а также вещественныхъ доказательствъ). Меньшинство совѣщанія опасалось, что передача актовъ повлечетъ за собою ихъ „лжетолкованіе"; весьма вѣроятно, что это опасеніе раздѣляется и большинствомъ коммиссіи. Между тѣмъ, къ „лжетолкованію" гораздо скорѣе можетъ привести бѣглое знакомство съ содержаніемъ акта, прослушаннаго, хотя бы и дважды, на судѣ, чѣмъ внимательное, нѣсколько разъ повторенное чтеніе его (или важнѣйшихъ его мѣстъ) самими присяжными, въ тишинѣ совѣщательной комнаты. Возвращаясь въ залу засѣданія, вслѣдствіе возникшихъ въ ихъ средѣ сомнѣній, присяжные рѣдко сообщаютъ суду сущность этихъ сомнѣній, а ограничиваются просьбою повторить передъ ними чтеніе того или другого акта: „лжетолкованіе", если оно и возникло

[1]) Ст. 748-ая проекта уполномочиваетъ предсѣдательствующаго объяснять присяжнымъ, если онъ найдетъ это нужнымъ, послѣдствія ихъ рѣшенія, въ случаѣ признанія подсудимаго виновнымъ.

въ средѣ присяжныхъ, не можетъ, слѣдовательно, быть устранено объясненіями предсѣдательствующаго... Не особенно важнымъ, но вполнѣ правильнымъ слѣдуетъ признать постановленіе ст. 765-ой проекта, на основаніи которой при возвращеніи присяжныхъ въ залу засѣданія и при провозглашеніи ими отвѣтовъ подсудимый не присутствуетъ. Это освобождаетъ присяжныхъ—и въ особенности ихъ старшину—отъ весьма тяжелой минуты, переживаемой ими въ настоящее время. Крупнымъ шагомъ впередъ является, наконецъ, расширеніе вліянія присяжныхъ на смягченіе участи подсудимаго. За силою ст. 763, 766 и 790 проекта, если по мнѣнію большинства присяжныхъ (общаго состава) въ дѣлѣ есть обстоятельства, дающія основаніе къ возбужденію ходатайства о чрезвычайномъ смягченіи участи виновнаго или даже объ освобожденіи его отъ наказанія, присяжные излагаютъ на особомъ листѣ, что они просятъ судъ возбудить такое ходатайство (этотъ листъ не оглашается при чтеніи отвѣтовъ присяжныхъ и вручается старшиною предсѣдателю суда). Въ случаѣ заявленія присяжными подобной просьбы и присоединенія къ ней большинства судей (или судьи, единолично участвовавшаго въ разсмотрѣніи дѣла), означенное ходатайство, чрезъ министра юстиціи, повергается на благовоззрѣніе Государя Императора. По мнѣнію трехъ членовъ коммиссіи (въ томъ числѣ А. Ф. Кони и В. Д. Спасовича), для представленія ходатайства присяжныхъ о помилованіи достаточно, чтобы къ нему присоединился хотя бы одинъ изъ судей. Это мнѣніе—если распространить его не только на просьбы о помилованіи, но и на просьбы о чрезвычайномъ смягченіи наказанія—кажется намъ вполнѣ основательнымъ. Поддержка ходатайства присяжныхъ со стороны коронныхъ судей имѣетъ значеніе въ особенности потому, что она даетъ возможность подробнаго мотивированія ходатайства,—для этого достаточно и *одного* судьи. Есть, впрочемъ, и другой способъ мотивировки ходатайства, предложенный предсѣдателемъ и десятью членами коммиссіи (въ томъ числѣ А. Ф. Кони, Н. С. Таганцевымъ и И. Я. Фойницкимъ), но отвергнутый большинствомъ: онъ заключается въ томъ, что присяжные, заявившіе просьбу о чрезвычайномъ смягченіи участи виновнаго или объ освобожденіи его отъ наказанія, приглашаются въ совѣщательную комнату для объясненія суду основаній такого ходатайства, излагаемыхъ въ особомъ протоколѣ. Еслибы этотъ порядокъ получилъ силу закона, то ходатайство присяжныхъ могло бы быть представляемо на Высочайшее благоусмотрѣніе даже и при отсутствіи поддержки со стороны суда или судьи.

Мы видѣли уже, что въ Туркестанѣ и въ Сибири (въ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. со включеніемъ въ нее степныхъ областей и квантунской области) присяжные, по мнѣнію коммиссіи, не могутъ быть введены вовсе. На этомъ мнѣніи министерство юстиціи едва ли остановилось окончательно: еще недавно въ газетахъ сообщалось, что въ томской губерніи собираются свѣдѣнія о числѣ лицъ, которыя могли бы быть включены въ списки присяжныхъ засѣдателей. Отъ томской губерніи не отличаются, съ этой точки зрѣнія, многія другія мѣстности Сибири, а можетъ быть и Туркестана. Чѣмъ меньше останется въ имперіи такихъ мѣстъ, гдѣ дѣйствуетъ одинъ только коронный судъ, тѣмъ больше выиграетъ правосудіе. Одно изъ главныхъ неудобствъ короннаго суда въ дѣлахъ уголовныхъ [1]—это невозможность упраздненія апелляціи и такая же невозможность правильно организованнаго (т.-е. совмѣщающаго въ себѣ всѣ процессуальныя гарантіи) апелляціоннаго производства. Послѣдняя часть дилеммы не требуетъ доказательства: существенною принадлежностью процесса, сколько-нибудь соотвѣтствующаго своей цѣли, является *устность* судебнаго слѣдствія (т.-е. допросъ подсудимаго, свидѣтелей, экспертовъ въ присутствіи суда, постановляющаго рѣшеніе)—а соблюденіе ея въ апелляціонномъ производствѣ, при нашихъ громадныхъ разстояніяхъ, возможно только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Слѣдуетъ прибавить медленность, неизбѣжную при апелляціонномъ производствѣ вообще, а у насъ—гдѣ нѣкоторые окружные суды отдѣлены отъ своей судебной палаты разстояніемъ въ тысячу верстъ и болѣе—въ особенности. Болѣе спорнымъ представляется, повидимому, вопросъ объ упраздненіи апелляціи. Меньшинство членовъ коммиссіи (десять членовъ, въ томъ числѣ А. Ф. Кони, В. К. Случевскій, Н. С. Таганцевъ) находитъ, что еслибы не оказалось возможнымъ ввести въ Сибири и Туркестанѣ учрежденіе присяжныхъ засѣдателей, то слѣдуетъ установить въ этихъ мѣстностяхъ разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ окружнымъ судомъ въ составѣ пяти судей (въ числѣ которыхъ могутъ быть двое почетныхъ), съ устраненіемъ апелляціоннаго обжалованія. Въ нашихъ глазахъ такой порядокъ былъ бы крайне нежелателенъ. Прибавка двухъ судей—гарантія весьма недостаточная, хотя бы это и были судьи почетные. На окраинахъ имперіи почетные судьи и теперь не выбираются, а назначаются; различіе между ними и членами судебныхъ мѣстъ вовсе, поэтому, не такъ велико, чтобы отъ при-

---

[1]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду только тѣ уголовныя дѣла, которыя, по общему правилу, разсматриваются съ участіемъ присяжныхъ (общаго и особаго состава). Проектируемая большинствомъ коммиссіи отмѣна апелляціи по дѣламъ менѣе важнымъ, хотя и можетъ возбудить нѣкоторыя сомнѣнія, но угрожаетъ, во всякомъ случаѣ, гораздо меньшею опасностью.

соединенія ихъ къ судейской коллегіи можно было ожидать особенно полезныхъ результатовъ. Во многихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ почетныхъ судей можетъ и не быть вовсе. Присоединеніе почетныхъ судей къ составу суда проектируется, притомъ, не въ видѣ общаго правила, а лишь на случай неимѣнія на лицо достаточнаго числа членовъ окружного суда. Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, наконецъ, предоставленіе окружному суду, хотя бы и въ усиленномъ составѣ, *безапелляціоннаго* рѣшенія важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ можетъ быть признано цѣлесообразнымъ именно на окраинахъ имперіи, гдѣ гласность процесса весьма часто существуетъ только по имени, за слабымъ развитіемъ общественнаго мнѣнія и отсутствіемъ сколько-нибудь самостоятельныхъ органовъ печати... Самыя неудобства апелляціоннаго производства, все больше и больше обнаруживаясь на практикѣ, послужатъ—нужно надѣяться—добавочнымъ поводомъ къ скорѣйшему введенію присяжныхъ общаго или особаго состава, вездѣ, гдѣ это окажется сколько-нибудь возможнымъ.

Институтъ сословныхъ представителей, единогласно признанный коммиссіею неудавшимся и не удовлетворяющимъ своему назначенію, сохраняется ею, однако, для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ [1]). Дѣла этого рода въ настоящее время такъ рѣдко доходятъ до судебнаго разсмотрѣнія что содержаніе процессуальныхъ правилъ, къ нимъ относящихся, можно было бы, повидимому, признать совершенно безразличнымъ; но мы не теряемъ надежды, что когда-нибудь законъ и въ этой сферѣ вступитъ въ свои права, и потому считаемъ не лишнимъ коснуться, вкратцѣ, состава суда по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Единственный доводъ, приводимый коммиссіею въ пользу сохраненія нынѣ дѣйствующаго порядка, заключается въ томъ, что, при незначительномъ числѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, безъ всякихъ практическихъ затрудненій можетъ быть осуществлена мысль составителей судебныхъ уставовъ, создавшихъ для этихъ дѣлъ такое устройство суда, при которомъ „высокое общественное положеніе судей служило бы ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи всякаго злоумышленія противъ верховной власти и установленнаго государственными законами образа правленія". Намъ кажется, что ссылка на составителей судебныхъ уставовъ устраняется, введеніемъ присяжныхъ особаго со-

[1]) Противъ этого высказался, при окончательномъ разсмотрѣніи вопроса, только одинъ членъ коммиссіи (Н. И. Барковскій), а при первоначальномъ его обсужденіи — А. Л. Боровиковскій и временно приглашенные въ составъ коммиссіи К. К. Арсеньевъ и И. Я. Фойницкій.

става, гораздо больше, чѣмъ сословные представители, соотвѣтствующихъ цѣли, имѣвшейся въ виду при изданіи уставовъ. Изъ числа сословныхъ представителей, призываемыхъ въ составъ присутствія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, *высокое* общественное положеніе имѣетъ развѣ только одинъ губернскій предводитель дворянства; къ положенію уѣзднаго предводителя, городского головы и, тѣмъ болѣе, волостного старшины этотъ эпитетъ вовсе не подходитъ. Среди присяжныхъ особаго состава весьма легко можетъ оказаться немало лицъ, отнюдь не уступающихъ, по своему положенію, названнымъ выше лицамъ. Ничто не мѣшало бы, наконецъ, еще бо̀льшему повышенію образовательнаго ценза присяжныхъ особаго состава, призываемыхъ къ участію въ разрѣшеніи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Малочисленность этихъ дѣлъ могла бы имѣть значеніе въ такомъ лишь случаѣ, еслибы все неудобство суда съ сословными представителями сводилось къ обремененію должностныхъ лицъ экстраординарной работой, не имѣющей ничего общаго съ ихъ прямыми служебными обязанностями; но это неудобство—только одно изъ многихъ, гораздо болѣе серьезныхъ. Трудно допустить, чтобы учрежденіе, забракованное вообще, могло быть признано подходящимъ для одной категоріи дѣлъ, и притомъ особенно важной.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1900.

Дипломатическія разногласія по китайскому вопросу. — Депеша графа Бюлова. — Неправильныя ссылки на международное право. — Особенности китайскихъ дѣлъ. — Конецъ южно-африканской войны. — Министерство и оппозиція въ Англіи.

Съ каждымъ днемъ выясняется все съ большею очевидностью, что такъ называемое единодушіе державъ въ китайскомъ вопросѣ было только фикціею, и что въ области реальной политики современная европейская дипломатія неспособна предпринять что-либо, выходящее изъ рамокъ узкаго національнаго эгоизма и соперничества. Внѣшнее единство дѣйствій поддерживалось лишь до тѣхъ поръ, пока предстояла задача чисто-отрицательная и одинаково затрогивавшая интересы всѣхъ культурныхъ націй—освобожденіе посланниковъ отъ осады въ Пекинѣ; но какъ только эта непосредственная цѣль была достигнута и настала очередь положительныхъ мѣръ къ разрѣшенію кризиса на дальнемъ Востокѣ,—тотчасъ же единство распалось, уступивъ мѣсто цѣлому ряду непримиримыхъ разногласій и противорѣчій. И что̀ всего печальнѣе,—эти разногласія и противорѣчія происходятъ не столько вслѣдствіе различія или противоположности интересовъ, сколько по отсутствію опредѣленнаго взгляда на предстоящую проблему и по недостаточному пониманію ея важности для будущаго.

Мысль о раздѣлѣ Китая и о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ въ пользу союзныхъ державъ была устранена съ самаго начала, и всѣ кабинеты были согласны въ томъ, что необходимо лишь обезпечить прочный порядокъ въ предѣлахъ китайской имперіи и предотвратить на будущее время опасность нападеній на иностранныхъ поселенцевъ и миссіонеровъ,—одновременно съ требованіемъ вознагражденія за причиненные убытки и наказанія виновныхъ за совершенныя уже безчинства. Какими же способами предполагалось достигнуть этой цѣли? Германія взглянула на дѣло съ точки зрѣнія военнаго возмездія и позаботилась о назначеніи общаго главнокомандующаго, для успѣшнаго хода военныхъ операцій; она имѣла въ виду сурово отомстить за убійство своего посланника и готовилась какъ будто къ полному разгрому Китая, но не обнаруживала никакого сознательнаго плана относительно дальнѣйшаго устройства и направленія китайскихъ дѣлъ. Россія, наоборотъ, стремилась къ скорѣйшему водворенію мира и къ возстановленію дружественныхъ сосѣдскихъ отноше-

ній съ китайскимъ народомъ и правительствомъ, безъ кровавыхъ репрессалій,—о чемъ и возвѣщалось въ оффиціальной нотѣ, приведенной нами въ прошломъ обозрѣніи. Англія несомнѣнно склоняется на сторону Германіи и относится враждебно къ русскому миролюбію, тогда какъ сѣверо-американскіе Соединенные-Штаты раздѣляютъ, въ общемъ, взгляды и намѣренія русской дипломатіи. Предложеніе послать въ Китай графа Вальдерзе, одобренное изъ вѣжливости всѣми державами, только рѣзче оттѣнило тотъ внутренній принципіальный разладъ, который безплодно прикрывался искусственными дипломатическими формулами. Вслѣдъ за воинственными рѣчами Вильгельма II заявлено было рѣшеніе Россіи очистить Пекинъ, чтобы сдѣлать возможнымъ возвращеніе туда двора богдыхана и подготовить такимъ образомъ почву для мирныхъ переговоровъ,—причемъ миссія графа Вальдерзе оказывалась бы уже совершенно безцѣльною. Русскій проектъ поставилъ въ большое затрудненіе Германію и Англію и не встрѣтилъ сочувствія ни въ Америкѣ, ни даже во Франціи. Отступить послѣ побѣды, не добившись отъ Китая никакихъ гарантій насчетъ будущаго, въ разсчетѣ лишь на добровольную уступчивость и благоразуміе непріятеля,—это было ужъ слишкомъ радикальною мѣрою великодушія. Мнимый европейскій концертъ разстроился окончательно. Берлинскій и лондонскій кабинеты находили, что нельзя начинать переговоры съ правительствомъ, въ составѣ котораго продолжаютъ пользоваться вліяніемъ главные виновники и руководители происходившихъ избіеній иностранцевъ. Германія обратилась къ державамъ съ циркулярною депешею, отъ 17 (4) сентября, въ которой высказано слѣдующее: „Правительство его величества императора считаетъ предварительнымъ условіемъ для вступленія въ дипломатическія сношенія съ китайскимъ правительствомъ—выдачу тѣхъ лицъ, которыя были первыми и прямыми подстрекателями преступленій, совершённыхъ противъ международнаго права въ Пекинѣ. Число преступныхъ исполнительныхъ орудій слишкомъ велико; массовая казнь противорѣчила бы совѣсти культурныхъ народовъ. Притомъ, въ силу обстоятельствъ, даже группа руководителей не можетъ быть вполнѣ опредѣлена; но немногіе изъ нихъ, которыхъ виновность точно установлена, должны быть выданы и наказаны. Представители державъ въ Пекинѣ будутъ въ состояніи дать или добыть полновѣсныя свидѣтельскія показанія при этомъ изслѣдованіи. Важно тутъ не число наказанныхъ, а качество ихъ, какъ главныхъ зачинщиковъ и руководителей. Правительство его величества полагаетъ, что можетъ разсчитывать на единогласіе всѣхъ кабинетовъ въ этомъ пунктѣ, ибо равнодушіе къ мысли о справедливомъ возмездіи означало бы равнодушіе къ повторенію преступленія. Правительство его величества предла-

гаетъ поэтому заинтересованнымъ кабинетамъ потребовать отъ ихъ представителей въ Пекинѣ указанія тѣхъ руководящихъ китайскихъ личностей, вина которыхъ въ возбужденіи или совершеніи преступныхъ дѣяній исключаетъ всякое сомнѣніе".

Въ этомъ дипломатическомъ актѣ ясно выразились наиболѣе характерныя черты господствующаго западно-европейскаго взгляда на китайскія дѣла. Въ депешѣ говорится о *выдачѣ* государственныхъ дѣятелей и подданныхъ чужой—пока еще независимой—имперіи, для наказанія за преступленія, совершённыя ими противъ международнаго права. Кому могутъ быть выданы эти лица, и какая власть можетъ судить ихъ, если они дѣйствовали въ качествѣ чиновниковъ или патріотовъ своего отечества, въ силу указовъ законнаго правительства, или съ согласія и одобренія туземныхъ властей? Не есть ли это насмѣшка надъ международнымъ правомъ—требовать къ себѣ на судъ сановниковъ враждебнаго государства, самостоятельность котораго никѣмъ не оспаривается? Китай далеко еще не побѣжденъ; съ нимъ не было даже настоящей войны, хотя были сраженія и бомбардировки; но еслибы и совершилось покореніе Китая, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы предавать его должностныхъ лицъ иностранному или международному суду за дѣйствія, относящіяся къ ихъ прошлой службѣ. Преслѣдованіе иностранцевъ, доходившее до повальныхъ избіеній, было несомнѣнно дѣломъ оффиціальной китайской политики; указы императрицы-регентши предписывали и уполномочивали дѣлать то, что̀ признается державами преступленіемъ противъ международнаго или, вѣрнѣе, общенароднаго права. Главнымъ руководителемъ анти-христіанскаго движенія считался принцъ Туанъ, отецъ наслѣдника престола и ближайшій совѣтникъ императрицы. Бомбардировка посольствъ въ Пекинѣ, какъ удостовѣрено въ настоящее время, производилась генералами Юнъ-Лу, Тунъ-Фу-Сіаномъ и Ли-Пинъ-Хеномъ, которымъ было поручено спеціальнымъ указомъ взять посольства „огнемъ, мечомъ или голодомъ". Во время заключительныхъ переговоровъ объ освобожденіи посланниковъ, когда номинально существовало перемиріе, „императорскія" китайскія войска усиленно заняты были приготовленіями къ штурму и, между прочимъ, успѣли подвести мины подъ ограды британскаго и американскаго посольствъ. Точно такъ же оффиціальныя лица принимали мѣры къ истребленію иностранцевъ въ разныхъ областяхъ страны. Въ руки европейцевъ попалъ всеподданнѣйшій рапортъ губернатора провинціи Шанъ-Си о томъ, что онъ пригласилъ иностранцевъ довѣриться его охранѣ, для избѣжанія нападеній, и что послѣдовавшіе его призыву 52 человѣка были умерщвлены по его распоряженію; за такой ловкій поступокъ онъ надѣется получить награду. Очевидно, губернаторъ

не могъ бы обращаться къ престолу съ подобными сообщеніями, еслибы не зналъ навѣрное, что его дѣйствія соотвѣтствуютъ видамъ и желаніямъ правительства. Въ пяти провинціяхъ вырѣзано было въ теченіе послѣднихъ недѣль 93 человѣка, принадлежавшихъ къ протестантскимъ миссіямъ,—въ томъ числѣ 40 женщинъ и 25 дѣтей; о судьбѣ остальныхъ—78 взрослыхъ и 17 дѣтей—не было точныхъ извѣстій, и на спасеніе ихъ было мало надежды. Изъ членовъ католическихъ миссій убито пять епископовъ, 28 священниковъ и 22 монахини. Ежедневно получаются свѣдѣнія о дальнѣйшихъ избіеніяхъ миссіонеровъ различныхъ національностей, о варварскихъ пыткахъ и истязаніяхъ, которымъ подвергнуты были погибшіе, особенно женщины; и повсюду эти жестокости совершались какъ бы по заранѣе установленной программѣ, съ вѣдома и даже подъ прямымъ наблюденіемъ китайской администраціи. Правительство императрицы-регентши вполнѣ отвѣтственно за кровавые подвиги своихъ подчиненныхъ; поэтому союзныя державы имѣли бы право заявить, что не желаютъ вступать въ переговоры съ этимъ правительствомъ, въ виду доказаннаго вѣроломства наиболѣе видныхъ его участниковъ. Дипломатія могла бы требовать предварительнаго удаленія отъ власти принца Туана и его единомышленниковъ, и устраненія самой императрицы-регентши, правящей незаконно вмѣсто богдыхана; но учреждать свой судъ надъ отдѣльными членами и органами китайскаго правительства она была бы совершенно не въ правѣ.

Германскій проектъ могъ возникнуть только на почвѣ той идеи, что къ Китаю непримѣнимы обычныя понятія и нормы международнаго права, и что съ китайцами можно и слѣдуетъ поступать какъ съ дикарями, относительно которыхъ необязательно соблюденіе какихъ бы то ни было международныхъ обычаевъ. Это сознательное пренебреженіе къ народамъ чуждой расы всего менѣе способно содѣйствовать прочному миру на дальнемъ Востокѣ. Германская нота ставитъ вопросъ такимъ образомъ, какъ будто китайскаго народа вовсе не существуетъ или о немъ не стòитъ и говорить: достаточно лишь поймать и наказать главныхъ виновниковъ происходившихъ избіеній, чтобы оградить безопасность европейцевъ на будущее время. Но эти виновники, съ одной стороны, были представителями власти въ Китаѣ, а съ другой—выразителями чувствъ многомилліонной народной массы, проникнутой неискоренимою враждою къ иноземнымъ пришельцамъ. Суровыя мѣры возмездія, направленныя противъ отдѣльныхъ и наиболѣе популярныхъ китайскихъ дѣятелей и патріотовъ, вызвали бы только новый взрывъ озлобленія противъ иностранцевъ и значительно распространили бы пожаръ, который предстояло потушить. Не только единичныя, но и массовыя казни, производимыя отъ имени

и подъ давленіемъ Европы, не оказали бы устрашающаго дѣйствія на китайцевъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе вообще привыкли равнодушно относиться къ жизни. Отношенія къ иностранцамъ обострились бы или стали бы совсѣмъ невозможными; въ народѣ затаилась бы жажда мести, и никакое туземное правительство не могло бы держаться политики, благопріятной для европейцевъ. Такимъ образомъ, предложеніе Германіи, несправедливое и нелогичное по существу, является въ то же время нецѣлесообразнымъ и непрактичнымъ; оно свидѣтельствуетъ о крайне близорукой, чисто формальной и поверхностной оцѣнкѣ событій.

Если нельзя карать государство иначе какъ войною и путемъ войны, а война нежелательна и опасна при взаимномъ антагонизмѣ державъ, то зачѣмъ возлагать на дипломатію неосуществимую и безплодную задачу, доступную лишь непосредственнымъ правителямъ Китая? Наказаніе высшихъ китайскихъ сановниковъ, провинившихся предъ Европою и человѣчествомъ, зависитъ исключительно отъ богдыхана и должно быть предоставлено ему, въ интересахъ общаго мира. Въ этомъ смыслѣ прямо высказался, впрочемъ, одинъ только вашингтонскій кабинетъ; другія державы, „въ принципѣ", одобрили германскій проектъ, не придавая ему, повидимому, серьезнаго значенія. Китайское правительство, съ своей стороны, показало, какъ оно относится къ идеѣ Германіи; оно поспѣшило обнародовать декретъ императрицы-регентши о назначеніи принца Туана на высшій правительственный постъ въ имперіи и о повышеніи нѣкоторыхъ изъ главныхъ его единомышленниковъ; въ числѣ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ о мирѣ фигурируетъ извѣстный генералъ Юнгъ-Лу, осаждавшій посольства въ Пекинѣ. Однако, подъ вліяніемъ Ли-Хунгъ-Чанга, рѣшено было сдѣлать уступку державамъ и принять вообще болѣе примирительный тонъ, а эти переходы отъ одного политическаго направленія къ другому облегчаются двоевластіемъ: рядомъ съ воинственною императрицею существуетъ миролюбивый богдыханъ, который и выдвигается на сцену, въ случаѣ надобности. Съ цѣлью дать удовлетвореніе иностраннымъ кабинетамъ, изданъ указъ 12-го (26-го) сентября, сущность котораго вкратцѣ передана въ телеграммахъ. Престолъ, какъ значится въ этомъ указѣ, не отвѣтственъ за положеніе, созданное дѣятелями „Большого кулака". Виноваты тѣ принцы и сановники, которые поощряли агитацію; они подлежатъ, поэтому, наказанію. Принцы перваго ранга, Чжуанъ-Тай-Хуэнъ и Тао-Цинъ, лишаются своего ранга и занимаемыхъ должностей; принцъ второго ранга, Туанъ, кромѣ отрѣшенія отъ службы, будетъ еще преданъ особому придворному суду, при участіи членовъ императорской фамиліи. Разумѣется само собою, что степень искренности подобныхъ

распоряженій не поддается провѣркѣ; внутреннія закулисныя вліянія, направляющія политику богдыхана въ ту или другую сторону, не допускаютъ иноземнаго контроля. Принцы и мандарины, устраненные и разжалованные сегодня, могутъ завтра же вернуться съ почетомъ на свои мѣста, по милости императрицы-регентши; наконецъ, перемѣна лицъ нисколько не ручается за перемѣну реальнаго положенія и настроенія: вмѣсто прежнихъ враговъ явятся новые, болѣе ловкіе и скрытные, и Европа, быть можетъ, ничего не выиграетъ отъ того, что извѣстныя китайскія имена будутъ замѣнены другими въ спискѣ придворныхъ и правительственныхъ чиновъ имперіи. Борьба противъ иностранцевъ, подрывающихъ основы жизни и культуры Китая, стала національнымъ дѣломъ китайцевъ, и смягчить эту борьбу, придать ей менѣе варварскія формы, едва-ли удастся одними дипломатическими пріемами. Сами европейцы должны измѣнить свои отношенія къ чужимъ расамъ, перестать смотрѣть на нихъ исключительно какъ на матеріалъ для эксплуатаціи, какъ на безличныя, пассивныя силы, лишенныя самостоятельныхъ правъ и призванныя лишь служить интересамъ просвѣщенныхъ привилегированныхъ націй.

Продолжительныя приготовленія къ мирнымъ переговорамъ при посредствѣ Ли-Хунгъ-Чанга совершаются среди весьма странной обстановки. Переговоры о мирѣ обыкновенно предполагаютъ окончаніе войны; но, по принятой дипломатами теоріи, не было и нѣтъ войны между Китаемъ и великими державами; въ то же время военныя дѣйствія происходятъ по прежнему, и съ 20-го (7-го) сентября взяты союзными войсками форты Пейтана и Лутай, къ сѣверу отъ Таку. Война эта теперь—какая-то особая, почти безъ жертвъ. Болѣе восьми тысячъ человѣкъ участвовали во взятіи Пейтана, не испытавъ никакихъ потерь; китайцы долго стрѣляли изъ орудій, но затѣмъ удалились, оставивъ лишь четырехъ убитыхъ. Русскій отрядъ, занявшій Лутай, тоже нисколько не пострадалъ; непріятель исчезъ заблаговременно. Китайское правительство идетъ на уступки и торжественно отрекается отъ принца Туана и его сообщниковъ; а истребленіе миссіонеровъ въ провинціяхъ продолжается систематически. Знаменитый китайскій миротворецъ, Ли-Хунгъ-Чангъ, доѣхалъ, наконецъ, до Пекина и собирается уже приступить къ своей важной дипломатической миссіи; а вслѣдъ за нимъ прибылъ въ Тянь-Цзинь не менѣе знаменитый главнокомандующій союзной арміи, графъ Вальдерзе, выработавшій уже, вѣроятно, планъ дальнѣйшей военной кампаніи противъ Китая. Между тѣмъ, русскія и американскія войска готовятся къ обратному выступленію изъ Пекина, оставивъ тамъ лишь небольшіе охранительные отряды.

Трудно разобраться среди этихъ противоположныхъ категорій фак-

товъ, образующихъ какую-то безъисходную путаницу. Не видно въ нихъ руководящей нити; разнородныя событія переплетаются между собою по волѣ случая. Китайскій вопросъ въ его полномъ объемѣ и значеніи не затрогивается дипломатіею; онъ какъ бы расплывается въ массѣ мелочей, обманчивыхъ текущихъ интересовъ и соображеній. Современные китайцы, не знающіе военной дисциплины и потому безсильные при встрѣчѣ съ чужими регулярными арміями, кажутся намъ обреченными на ничтожество и въ будущемъ; но сами европейцы безсознательно научатъ ихъ военному дѣлу и заставятъ ихъ послѣдовать примѣру Японіи, которая тоже въ сравнительно недавнее еще время представляла собою полнѣйшее ничтожество. Державы заботятся теперь о поддержаніи единства Китая и о сохраненіи въ немъ сильнаго центральнаго правительства, съ которымъ можно было бы вступать въ прочныя соглашенія; однако это единство, сплоченное сознаніемъ опасности иноземныхъ посягательствъ, обратится со временемъ противъ насъ же и составитъ грозную, несокрушимую силу въ рукахъ энергической и авторитетной центральной власти. Не имѣя ясной политической программы относительно Китая, европейская дипломатія не должна бы, по крайней мѣрѣ, мѣшать распаденію этой огромной имперіи на отдѣльныя части, ибо только такое распаденіе сдѣлало бы Китай дѣйствительно и окончательно безвреднымъ для европейскихъ націй и въ томъ числѣ прежде всего для Россіи.

Война въ южной Африкѣ можетъ считаться фактически оконченною. Многочисленной британской арміи, руководимой фельдмаршаломъ Робертсомъ, удалось разсѣять или захватить по частямъ въ плѣнъ послѣдніе крупные отряды боэровъ. Геройское сопротивленіе обѣихъ республикъ, продолжавшееся почти цѣлый годъ, не привело ни къ чему. Первый періодъ войны, пока численность англичанъ не превышала 60 тысячъ человѣкъ, представлялъ собою для Англіи рядъ плачевныхъ неудачъ и пораженій, которыми, однако, не съумѣли своевременно воспользоваться боэры; послѣдніе блистательно отражали нападенія, но сами не предпринимали ничего серьезнаго и только безцѣльно разбрасывали свои силы, употребляя ихъ главнымъ образомъ на осаду отдѣльныхъ пунктовъ—Ледисмита, Кимберлея и Мефкинга. Боэры дали англичанамъ сосредоточиться и не препятствовали имъ ждать подкрѣпленій, которыя непрерывно прибывали изъ разныхъ странъ британской имперіи; составъ англійскихъ войскъ постепенно доведенъ былъ до громадной цифры—230 тысячъ, такъ что на каждаго вооруженнаго боэра приходилось не менѣе пяти англичанъ. При подобныхъ условіяхъ надо удивляться необыкновенной продолжитель-

ности этой слишкомъ неравной борьбы, особенно если принять во вниманіе преимущества вооруженія, матеріальныхъ средствъ и дисциплины британской арміи. Испытанные англійскіе полководцы, какъ Робертсъ и Китченеръ, вынуждены были въ теченіе многихъ мѣсяцевъ воевать съ народомъ фермеровъ, обладавшихъ однимъ только искусствомъ — мѣткой охотничьей стрѣльбы. Второй періодъ войны, со времени сдачи Кронье, былъ уже несчастливъ для боэровъ; смѣлые набѣги и подвиги нѣкоторыхъ предводителей ихъ — Девета, Оливье—не могли уже повліять на общій ходъ кампаніи. Прокламаціею 1 сентября (нов. ст.) фельдмаршалъ Робертсъ объявилъ о присоединеніи Трансвааля къ британскимъ колоніальнымъ владѣніямъ; Оранжевая республика была присоединена еще 24-го мая. Президентъ Крюгеръ, вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ Рейцемъ, покинулъ свою страну и отправился черезъ португальскую границу въ Лоренцо-Маркезъ, съ цѣлью уѣхать затѣмъ на голландскомъ пароходѣ въ Европу. Робертсъ обнародовалъ 12 сентября воззваніе къ населенію Трансвааля; онъ увѣщеваетъ жителей покориться и прекратить безплодную партизанскую войну, угрожая въ противномъ случаѣ строгими военными мѣрами, разорительными для страны и бѣдственными для обывателей и ихъ семействъ. До 15 тысячъ боэровъ находятся въ плѣну у англичанъ, и, по словамъ Робертса, „ни одинъ изъ нихъ не будетъ выпущенъ на свободу, пока безусловно не подчинятся тѣ, которые остаются еще съ оружіемъ въ рукахъ". Англичане потеряли въ этой войнѣ около 40 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ массу офицеровъ; жертвы принесены колоссальныя, но цѣль достигнута—двѣ самостоятельныя южно-африканскія республики перестали существовать и обогатили собою владѣнія королевы Викторіи.

Министерство Сольсбери-Чемберлэна признало этотъ моментъ наиболѣе подходящимъ для распущенія парламента и для производства новыхъ выборовъ. Палата общинъ, избранная въ 1895 году и давшая консерваторамъ и уніонистамъ крупное большинство, приблизительно въ 130 голосовъ, имѣла предъ собою еще одинъ годъ законнаго существованія; но разныя политическія и партійныя соображенія побудили правительство высказаться въ пользу распущенія парламента съ 25 (12) сентября. Новая палата соберется 1 ноября (нов. ст.). Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ военно-политическаго торжества въ южной Африкѣ, англійскіе избиратели выразятъ свое сочувствіе и одобреніе дѣятелямъ правительственной партіи и рѣшительно отвернутся отъ либеральной оппозиціи, заступавшейся за Трансвааль; такъ, по крайней мѣрѣ, полагаютъ и надѣются патріоты, поклонники и единомышленники Чемберлэна. Черезъ годъ шансы министерства не будутъ уже столь благопріятны, какъ теперь. Господствующее на-

строеніе въ Англіи вполнѣ отвѣчаетъ надеждамъ и разсчетамъ властвующей парламентской партіи. Воинственный патріотизмъ прочно овладѣлъ умами англичанъ; онъ безспорно имѣетъ за себя наиболѣе вліятельную часть общества и печати, проявляясь въ разнообразныхъ, иногда грубыхъ и крайне несимпатичныхъ формахъ. Долгая и кровопролитная война, поглощавшая общественное мнѣніе Англіи, отодвинула на задній планъ важнѣйшіе внутренніе вопрбсы и несомнѣнно понизила общій уровень политической жизни страны. Безпринципный и неразборчивый въ средствахъ министръ колоній Чемберлэнъ занялъ мѣсто руководящаго государственнаго дѣятеля; умѣренная либеральная партія, ссылавшаяся еще иногда на идеи справедливости, подвергалась не только насмѣшкамъ, но и злостнымъ обвиненіямъ, въ родѣ указаній на мнимыя измѣнническія связи съ врагами имперіи—президентомъ Крюгеромъ и его „сообщниками“. Еще недавно Чемберлэнъ обнародовалъ попавшую въ его руки частную переписку нѣкоторыхъ либеральныхъ членовъ парламента, чтобы уличить ихъ въ преступномъ поощреніи враждебныхъ замысловъ Трансвааля, и печать отнеслась вполнѣ серьезно къ этому разоблаченію, усмотрѣвъ въ немъ сильный и ловкій ударъ, нанесенный оппозиціи передъ началомъ избирательной кампаніи. Способы обсужденія и полемики утратили свой прежній спокойный дѣловой характеръ, столь выгодно отличавшій англійскую журналистику отъ французской. Въ рѣчахъ правительственныхъ ораторовъ, какъ и въ газетахъ, слишкомъ часто прорывался хвастливый и вызывающій тонъ по отношенію къ чужимъ народамъ и государствамъ; фразы о британскомъ величіи и могуществѣ повторяются постоянно, по поводу явленій, въ сущности печальныхъ, свидѣтельствующихъ лишь объ упадкѣ нравственнаго чувства. Свирѣпые восторги послѣ каждой побѣды надъ боэрами, отсутствіе всякихъ слѣдовъ человѣчности въ отзывахъ о непріятелѣ, требованія жестокихъ каръ для побѣжденныхъ, и въ то же время высокомѣрная, придирчивая оцѣнка дѣйствій иностранныхъ кабинетовъ, несогласныхъ съ Англіею по вопросамъ общей политики,—все это принимается за доказательство патріотическихъ чувствъ и создаетъ ненормальную общественную атмосферу. Нравственная порча, внесенная войною, обезпечиваетъ успѣхъ сторонниковъ Чемберлэна на предстоящихъ выборахъ и обрекаетъ на безсиліе немногихъ старыхъ бойцовъ либерализма, вышедшихъ изъ школы Гладстона. Замѣчательно, что такіе высоко образованные и мыслящіе представители господствующей партіи, какъ лордъ Сольсбери, Бальфуръ и герцогъ Девонширскій, подчинились растлѣвающему вліянію имперіалистскихъ идей и пассивно слѣдуютъ по стопамъ министра колоній, смягчая только внѣшнія черты его несложной программы.

Избирательное движеніе открылось манифестомъ лорда Сольсбери, отъ 24 (11) сентября, и письмомъ лорда Розбери къ одному изъ кандидатовъ либеральной партіи. Сопоставленіе этихъ двухъ именъ, олицетворяющихъ двѣ главныя парламентскія силы—министерство и оппозицію, указываетъ уже на то, что борьба не можетъ быть особенно рѣзкою и что торжество заранѣе признается за консерваторами. Лордъ Розбери—такой же имперіалистъ, какъ и Сольсбери; онъ безусловно солидаренъ съ нимъ во внѣшнихъ дѣлахъ и раздѣляетъ его взгляды относительно Трансвааля. Это скорѣе союзники и единомышленники, чѣмъ противники; ихъ антагонизмъ не имѣетъ широкой идейной основы и касается лишь второстепенныхъ частностей, не способныхъ волновать публику. Манифестъ премьера отличается умѣренностью и даетъ мало матеріала для возраженій и споровъ. Лордъ Сольсбери настаиваетъ на необходимости сильнаго правительства, располагающаго крупнымъ большинствомъ въ парламентѣ, и съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ три важнѣйшіе вопроса, стоящіе нынѣ на очереди,—о судьбѣ южно-африканскихъ республикъ, о военной реформѣ и о китайскомъ кризисѣ. „Имперская власть,—говоритъ онъ,—надъ территоріями двухъ южно-африканскихъ республикъ, которая, какъ показалъ опытъ, была неразумно устранена, должна быть вновь установлена на прочныхъ основаніяхъ. Въ надлежащее время эти территоріи безъ сомнѣнія воспользуются благами той колоніальной политики, которой придерживалась наша страна въ теченіе полувѣка и которая принесла столь блестящіе плоды, засвидѣтельствованные проявленіями преданности многихъ нашихъ колоній интересамъ метрополіи во время недавней войны. Какой промежутокъ времени долженъ пройти, прежде чѣмъ эти южно-африканскія территоріи достигнутъ полноправнаго положенія британской колоніи—это будетъ естественно зависѣть отъ поведенія и настроенія жителей. Но мы не можемъ ожидать окончательнаго покоренія тѣхъ, которыхъ мы одолѣли на полѣ битвы, пока они не увидятъ, что правительство королевы имѣетъ за собою внушительную парламентскую силу и что нѣтъ никакой надежды на измѣненіе его политики путемъ настойчиваго сопротивленія и агитаціи“. Упомянувъ о блестящихъ успѣхахъ Робертса и его арміи, лордъ Сольсбери замѣчаетъ однако, что война раскрыла значительные недостатки англійской военной организаціи, и „одною изъ первыхъ обязанностей парламента и правительства въ настоящее время, когда миръ, повидимому, возстановленъ, будетъ изслѣдованіе и устраненіе несовершенствъ военной системы въ Англіи, при свѣтѣ научнаго прогресса и опыта другихъ державъ“. Эта крупная и сложная задача также требуетъ парламентской поддержки, и чѣмъ сильнѣе и надежнѣе будетъ эта поддержка, тѣмъ вѣрнѣе достигнутся

желанные результаты. Что касается событій на дальнемъ Востокѣ, то британскій премьеръ выражается о нихъ съ дипломатическою неопредѣленностью, ограничиваясь указаніемъ на связь между прочностью правительства внутри страны и вліяніемъ и авторитетомъ его во внѣшнихъ дѣлахъ; и въ этомъ случаѣ опять-таки многое зависитъ отъ того, насколько значительно большинство, служащее опорою кабинета. Оппозиція ничего не имѣетъ сказать противъ этихъ заявленій и требованій лорда Сольсбери. Мало того, — либеральный вождь, графъ Розбери, идетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ гораздо дальше правительства; онъ недоволенъ его „слабостью" и уступчивостью во внѣшней политикѣ, причемъ въ видѣ примѣра ссылается на отказъ отъ Портъ-Артура. Выходитъ, что для удовлетворенія лорда Розбери и его партіи, министерство, въ которомъ фактически главную роль играетъ Чемберлэнъ, должно было бы обнаруживать еще бо̀льшую воинственность и предпріимчивость, чѣмъ до сихъ поръ. Высказываясь за присоединеніе южно-африканскихъ республикъ, лордъ Розбери не дѣлаетъ даже тѣхъ оговорокъ насчетъ колоніальнаго самоуправленія, которыя содержатся въ манифестѣ Сольсбери. Лордъ Розбери въ то же время упрекаетъ правительство за выказанное имъ пренебреженіе къ задачамъ соціальнаго законодательства. „Три великія національныя реформы,—говоритъ онъ,—не терпятъ дальнѣйшаго отлагательства; это законы о трезвости и о жилищахъ для рабочихъ, и полная административная реформа, особенно по военному вѣдомству". Вотъ и все „соціальное законодательство", за которое стоитъ лордъ Розбери. Впрочемъ, этотъ политическій дѣятель не можетъ считаться выразителемъ стремленій и взглядовъ современной либеральной партіи въ Англіи; его имперіалистскія наклонности прямо или косвенно осуждаются многими выдающимися либералами, особенно Джономъ Морлеемъ и сэромъ Вильямомъ Гаркортомъ, и отчасти также оффиціальнымъ предводителемъ оппозиціи въ палатѣ общинъ, сэромъ Кемпбелль-Беннерманомъ. Давнишній внутренній разладъ въ либеральномъ лагерѣ, ставшій хроническимъ со времени смерти Гладстона, отнимаетъ у оппозиціи возможные шансы побѣды на выборахъ и упрочиваетъ положеніе министерства, при всѣхъ его грѣхахъ и недостаткахъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1900.

— Сто лѣтъ литературнаго развитія. Характеристика русской литературы XIX столѣтія. А. К. Бороздина. Спб. 1900.

Въ одномъ изъ послѣднихъ обозрѣній мы имѣли случай говорить объ одной книгѣ, которая ставила подобную задачу — опредѣленія нашей новѣйшей литературы; книга очень мало насъ удовлетворила: тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ мы останавливаемся на небольшой книжкѣ, почти брошюрѣ (87 стр.) г. Бороздина, представляющей его недавно читанныя публичныя лекціи. Эти немногія лекціи, излагавшія судьбы русской литературы за истекающее столѣтіе, по необходимости были сжаты и кратки, не могли дать новыхъ изслѣдованій, но въ этомъ небольшомъ размѣрѣ изложенія авторъ съумѣлъ дать весьма отчетливый историческій обзоръ, самостоятельно продуманный, а его заключительная часть, которая говоритъ о послѣдней четверти вѣка, даетъ его собственные выводы.

Въ первыхъ строкахъ своего изложенія авторъ желаетъ оправдать хронологическій планъ своего обозрѣнія: „передъ концомъ столѣтія вполнѣ естественнымъ является желаніе оглянуться назадъ и подвести итоги тому, что̀ сдѣлано нами за истекающій періодъ въ той или другой жизненной сферѣ“. Его останавливаетъ возраженіе, что „при опредѣленіи прогрессивнаго хода человѣчества такія мѣтки, какъ число лѣтъ, не имѣютъ никакого значенія“, что взглядъ на прошедшее возможенъ лишь въ томъ случаѣ, когда прошедшее представляетъ нѣкоторую законченность и цѣльность,—и авторъ хочетъ доказать, что наше столѣтіе можетъ имѣть такую цѣльность.

Эта забота кажется намъ совершенно излишней. „Желаніе оглянуться назадъ“ можетъ быть совершенно естественно не только передъ концомъ *столѣтія*, но въ каждую данную минуту: и въ дѣлахъ государственныхъ, и въ трудахъ научныхъ мы привыкли даже къ

„годовымъ отчетамъ";—почему не пожелать отчета за всякій историческій срокъ по данную минуту?

Предполагая историческую цѣльность нашего вѣка, авторъ находитъ даже возможнымъ распредѣлить ходъ его развитія на періоды по четвертямъ столѣтія. „Избранный нами періодъ самъ собою распадается на приблизительно равныя части по четвертямъ вѣка, каждая изъ которыхъ имѣетъ свой особый отличительный характеръ: первая четверть есть эпоха, подготовляющая намъ Пушкина и его литературное направленіе; вторая—пора творческой работы Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Бѣлинскаго, пора, въ которую уясняется общественное значеніе литературы и созрѣваютъ могучія дарованія плеяды великихъ мастеровъ слова и носителей идеи, долженствующихъ заполнить своей дѣятельностью содержаніе третьей четверти вѣка; наконецъ, въ четвертую четверть эти дѣятели, завершивъ свой трудъ, сходятъ одинъ за другимъ съ жизненной арены, и наступаетъ литературное затишье, время эпигоновъ".

Дѣйствительно, такіе періоды могутъ быть приняты по господствующимъ идеямъ и дарованіямъ, и авторъ старается указать ихъ историческую связь и преемственность, не всегда соглашаясь съ распространенными взглядами и не безъ успѣха дополняя или исправляя ихъ собственными соображеніями. Мы сдѣлали бы лишь нѣсколько замѣчаній, отчасти детальныхъ, отчасти по существу.

Говоря объ эпохѣ Петра, авторъ приводитъ слова С. М. Соловьева, что Россія уподоблялась тогда громадной школѣ, и объясняетъ неизбѣжность „подражанія", которое столько подвергалось осужденіямъ. Сжатое изложеніе требуетъ особенной точности—и намъ кажется, что слѣдовало бы въ самой эпохѣ Петра указать не только необходимость „подражанія" и силу „дубинки", но и то, что прикосновеніе образованія тогда же возбудило и самостоятельную дѣятельность умовъ: при Петрѣ мы находимъ уже Ѳеофана, Татищева, Неплюева, въ первомъ поколѣніи послѣ него—Кантемира и Ломоносова.—Нужна была бы оговорка и дальше, когда авторъ говоритъ о первыхъ опытахъ послѣ-петровской литературы: авторъ говоритъ, что это были „только литературныя упражненія, потребность въ которыхъ почти никѣмъ не сознается, и о какомъ-нибудь ихъ вліяніи на общество не можетъ быть и рѣчи". Напротивъ, потребность сознавалась—во-первыхъ, тѣми писателями, которые ревностно старались заполнить рубрики тогдашняго псевдо-классическаго репертуара, — какъ, напримѣръ, Сумароковъ;—а во-вторыхъ и писателями, которые съ теченіемъ времени все больше и больше размножались; извѣстно, напримѣръ, что съ XVIII вѣка и даже до начала XIX-го сохранилось величайшее поклоненіе Ломоносову, именно какъ стихотворцу. Желаніе имѣть

своихъ Пиндаровъ и Расиновъ, при всей наивности, опять говоритъ о возникающемъ признаніи значенія литературы. Самыя „упражненія",—героическія поэмы, трагедіи, комедіи и пр., — не оставались только формой; напротивъ, въ этихъ подражательныхъ произведеніяхъ было и подражаніе тѣмъ идеямъ, какія излагалъ подлинникъ. Эти идеи, напр. псевдо-классической трагедіи, были также новы въ грубыхъ нравахъ того времени: возвышенное чувство долга, самопожертвованія, нѣжной любви, дружбы и т. д. прививали гуманное настроеніе и становились нравственнымъ пріобрѣтеніемъ для общественнаго быта.—Говоря объ усиленіи литературныхъ вліяній во времена Екатерины II, авторъ замѣчаетъ: „обильнымъ потокомъ хлынули къ намъ въ эту эпоху разныя западныя доктрины, долженствовавшія обновить нашу жизнь, и хотя мы привыкли указывать на запоздалость нашихъ заимствованій съ запада, въ этомъ случаѣ мы не особенно сильно запоздали, такъ какъ теоріи Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ совсѣмъ еще не отжили своего вѣка у себя на родинѣ, гдѣ имъ предстояло еще вызвать коренной жизненный переворотъ при ихъ практическомъ примѣненіи". Тутъ есть недоразумѣніе; во-первыхъ, была все-таки запоздалость по времени, а главное, была запоздалость въ пониманіи: на это время, оно было очень поверхностное, а потомъ, когда оно могло быть серьезнѣе, самыя ученія Вольтера и Руссо уже отходили въ прошедшее и теряли свое значеніе.

Въ замѣчаніяхъ о Карамзинѣ, гдѣ авторъ ограждаетъ его отъ суровыхъ сужденій новѣйшей критики, есть возраженія довольно справедливыя. Слова о Жуковскомъ неясны стилистически: „Дѣятельность Жуковскаго имѣетъ значеніе прежде всего *благодаря* дальнѣйшему развитію и уясненію тѣхъ взглядовъ на литературу, которые были высказаны Карамзинымъ, *благодаря* внесенію въ нашу литературу нѣкоторыхъ новыхъ идеальныхъ мотивовъ,... *благодаря* въ извѣстной мѣрѣ подготовкѣ тѣхъ національныхъ элементовъ,... которыхъ полное развитіе выпадаетъ на долю Пушкина" (стр. 11). Кого же благодарить? „Дальнѣйшее развитіе" сдѣлано ли Жуковскимъ, или онъ „имѣетъ значеніе" потому, что могъ уже опереться самъ на „дальнѣйшее развитіе", „подготовку" и т. д., сдѣланныя литературой вообще?

Вѣрными кажутся намъ и возраженія, сдѣланныя авторомъ (стр. 23) противъ мнѣнія, что Лермонтовымъ было при жизни выполнено все, что̀ онъ могъ совершить на своемъ поэтическомъ поприщѣ. Возраженія основаны прежде всего на томъ, что эти мнѣнія во всякомъ случаѣ произвольны, и также на томъ, что поэзія Лермонтова была

богата разнообразными мотивами, не только отрицательными, но и положительными, и послѣднимъ могло предстоять развитіе.

Далѣе, очень вѣрны исторически сужденія автора о важнѣйшихъ преемникахъ Бѣлинскаго въ области критики, которыми онъ считаетъ Чернышевскаго и Добролюбова (стр. 35—41). Объ этой эпохѣ наговорено столько фальшиваго и злостнаго, что правильный взглядъ на ихъ критическую заслугу можно считать особеннымъ достоинствомъ. Правда, для полноты объясненія нужно было бы больше подробностей о цѣломъ характерѣ времени и свойствахъ тогдашней литературы,—но авторъ былъ связанъ тѣсными рамками своего обозрѣнія. Подобнымъ образомъ онъ спокойно оцѣняетъ Писарева и „хаотическую“ критику Аполлона Григорьева.

Въ третьей четверти столѣтія авторъ останавливается на блестящей „плеядѣ“ и на второстепенныхъ писателяхъ той эпохи, и почти всегда вѣрно опредѣляетъ ихъ особенности. Высоко ставя главныхъ представителей литературы этого третьяго періода, авторъ далекъ отъ простого панегирика; онъ дѣлаетъ вѣрныя замѣчанія о Тургеневѣ, Достоевскомъ и пр.; не преувеличиваетъ значенія Островскаго (которому нѣкогда приписывали „новое слово“), видитъ недостатки поэзіи, служившей „искусству для искусства“ и кончавшей весьма несимпатичнымъ общественнымъ индифферентизмомъ (какъ у Фета) и т. д. Въ частностяхъ, можно не соглашаться съ нѣкоторыми заключеніями автора или неполнотой ихъ, напр. когда онъ оставляетъ не вполнѣ выясненными нравственную философію гр. Л. Н. Толстого, общественные взгляды Достоевскаго, и др.; какъ авторъ не отдалъ себѣ отчета въ причинахъ недружелюбнаго отношенія одной части критики къ произведеніямъ гр. А. К. Толстого (стр. 60—61), и преувеличилъ значеніе извѣстной комедіи Сухово-Кобылина (стр. 63—64), и т. п.

Наиболѣе любопытенъ послѣдній отдѣлъ книги, гдѣ авторъ былъ также больше предоставленъ самому себѣ,—новѣйшая литература, послѣдней четверти столѣтія, мало до сихъ поръ вызывала общихъ обозрѣній. Въ предыдущихъ главахъ авторъ уже высказался какъ сторонникъ просвѣтительно-идеальнаго, общественнаго направленія литературы. Естественно, что здѣсь онъ остается вѣренъ той же точкѣ зрѣнія,—но, кажется намъ, проводитъ ее не вездѣ достаточно опредѣленно.

„Если,—говоритъ онъ,—мы будемъ останавливаться только на внѣшней сторонѣ нашей литературной исторіи послѣдней четверти вѣка, то впечатлѣніе получится очень неутѣшительное, и наше время придется признать эпохой упадка или, по крайней мѣрѣ, литературнаго затишья, какъ его назвалъ г. Головинъ въ своей извѣстной книгѣ:

„Русскій романъ и русское общество". Дѣйствительно, уже съ половины 1870-хъ годовъ русская литература постоянно сиротѣетъ, начинается убыль въ рядахъ той блестящей литературной плеяды, которая съ такимъ успѣхомъ выдвинулась на общественную арену въ 1840-хъ годахъ, а въ 1860-хъ дала наиболѣе крупныя свои произведенія, поставившія нашу юную литературу на одно изъ первыхъ мѣстъ въ міровомъ умственно-художественномъ общеніи... Изъ прежнихъ дѣятелей остается лишь гр. Л. Н. Толстой, неустанно работающій; правда, это геній, которому трудно найти равнаго,... но все же онъ одинъ... На смѣну отшедшимъ дѣятелямъ выдвигаются новые, среди которыхъ есть и крупные таланты, но они не заняли еще того руководящаго положенія, какое принадлежало ихъ предшественникамъ, и трудно сказать, отъ какихъ причинъ это происходитъ, отъ сравнительно небольшихъ все-таки размѣровъ дарованій новыхъ дѣятелей, или отъ болѣе общихъ условій литературной обстановки.

„Если мы обратимся къ этимъ общимъ условіямъ, то мы увидимъ, что они не могутъ быть названы особенно благопріятными: съ одной стороны понизились вкусы читающей публики, которая возросла въ количественномъ отношеніи, но въ отношеніи культурномъ представляетъ собой въ большинствѣ весьма нетребовательную массу, такъ что въ ней большимъ успѣхомъ пользуются произведенія, совершенно безъидейныя, но отличающіяся занимательностью фабулы (въ родѣ компилятивныхъ историческихъ романовъ), фельетоннаго и порнографическаго оттѣнка; съ другой стороны въ идейномъ отношеніи замѣчаются такіе факты, которые заставляютъ иныхъ изслѣдователей и критиковъ называть послѣднюю четверть столѣтія эпохой „смуты" или „разброда и исканія новыхъ идеаловъ".

„Это исканіе новыхъ идеаловъ началось уже во второй половинѣ 1870-хъ годовъ, когда признаки реакціи стали замѣтно усиливаться, а въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, совершенно неприкосновенныхъ къ реакціоннымъ вѣяніямъ, выдвинулся вопросъ, что̀ нужно ставить впереди, измѣненіе общественныхъ формъ или личное совершенствованіе. Для многихъ представлялось яснымъ, что даже наилучшія политическія формы могутъ оказаться безсодержательными, если общество не воспитано въ ихъ духѣ, и даже онѣ могутъ принести вредные безусловно плоды, если въ обществѣ не развиты альтруистическія чувства. А между тѣмъ въ нашемъ быту слишкомъ еще много было остатковъ стараго міросозерцанія, благодаря чему (вслѣдствіе чего?) и реформы въ самомъ принципѣ оказались не настолько широкими, насколько предполагалось, да и примѣненіе ихъ къ жизни въ сущности очень слабо повліяло на нашу дѣйствительность: Глуповъ остался „прежнимъ, ветхимъ Глуповымъ", и въ немъ повсюду

властвуютъ „господа ташкентцы"... Изъ этихъ соображеній вытекало, что надо перевоспитать самое общество, и даже съ этимъ соглашались нѣкоторыя группы радикаловъ, припоминая пословицу: „по Сенькѣ и шапка". Но какъ перевоспитать общество? Какъ широко распространить въ немъ болѣе возвышенныя понятія и чувства? Нужно въ людяхъ пробудить совѣсть, которая пропала и которой никто и знать не хочетъ, какъ это изобразилъ Щедринъ въ своей извѣстной сказкѣ. Чтобы преобразовать общество, надо перевоспитать отдѣльныя единицы, его составляющія, и когда общественная среда будетъ состоять не изъ ташкентцевъ, а изъ людей, проникнутыхъ сильными альтруистическими стремленіями, въ ней неизбѣжно установятся и болѣе совершенныя соціальныя формы".

Авторъ объясняетъ дальше, что „для нѣкоторыхъ группъ представителей нашей общественной мысли эта идея личнаго совершенствованія послужила источникомъ общественнаго индифферентизма, сблизившаго ихъ съ прямо реакціонными стремленіями этой эпохи. Сближеніе произошло на почвѣ отрицанія тѣхъ идеаловъ, которые руководили обществомъ въ предшествующій періодъ великихъ реформъ: „отцы" объявлены были отсталыми, а „дѣти" выступили съ программой, знаменующей попятное движеніе. Новое литературное поколѣніе отнеслось къ прежнимъ идеаламъ съ надменной ироніей „вслѣдствіе естественной для живого человѣка невозможности превратиться въ сухую отвлеченную схему идеализированнаго человѣка-гражданина" (!). Этотъ старый идеализмъ, какъ заявили представители „дѣтей" (или такъ называемые восьмидесятники), есть „не что иное, какъ охватывающая по временамъ человѣчество суровая и аскетическая религія гражданственности" (!)... Отъ такого пренебрежительнаго отношенія къ героическому идеализму, отверженія его аскетическаго характера, подвижничества и самоотверженія, очень легко было перейти не только къ общественному индифферентизму, но и къ самому узкому эгоизму (не въ томъ уже смыслѣ, какъ понимали эгоизмъ въ 60-хъ годахъ), а отсюда одинъ шагъ былъ къ самообожествленію въ духѣ теорій Нитцше (кстати, не совсѣмъ правильно понятыхъ), къ чистому эстетизму, совершенно отдѣляющему красоту отъ истины и добра. Подобный общественный индифферентизмъ въ области литературы приводилъ къ сближенію съ школой чистаго искусства, причемъ „новое литературное поколѣніе" въ лицѣ особой группы своихъ представителей придало этой школѣ такое направленіе, какого она никогда не имѣла; въ области же политики „новое поколѣніе" стало на сторону реакціонныхъ стремленій, признавая необходимость преклоняться передъ дѣйствительностью. Такимъ образомъ результатъ получится весьма печальный: изъ тѣхъ теорій ич-

наго совершенствованія, весь raison d'être которыхъ заключался въ общественномъ прогрессѣ, при помощи логическаго скачка, опущенія самаго важнаго ихъ элемента, произошли взгляды чуждые идеѣ общаго блага, лишенные нравственнаго содержанія и даже упразднявшіе это личное совершенствованіе" (стр. 74).

Въ этомъ изложеніи нынѣшняго положенія литературныхъ „теченій" сущность ихъ представлена очень здраво и правильно;—еще лучше было бы, еслибы авторъ къ этимъ общимъ выводамъ прибавлялъ прямо цитаты и примѣры: это сдѣлало бы выводы тѣмъ болѣе наглядными и убѣдительными для читателя.

Но остается все-таки существенный историческій вопросъ: какимъ образомъ возникли эти явленія, представляющія такую странную противоположность со всѣмъ прежнимъ ходомъ нашей литературы, гдѣ господствующимъ тономъ былъ общественный идеализмъ и мягкое человѣческое чувство, которыя казались отличительной чертой нашей литературы, когда русскій романъ сталъ извѣстенъ въ Европѣ и произвелъ тамъ сильное впечатлѣніе? Назвать этотъ періодъ „смутой" или „разбродомъ"—значитъ только указать его внѣшній видъ, но не значитъ опредѣлить его сущность и источникъ.

Авторъ затрудняется (стр. 71) сказать, откуда происходитъ новѣйшій упадокъ нашей литературы, и между прочимъ ищетъ его причинъ въ условіяхъ литературной обстановки. Но если „понизились вкусы" читающей публики, если она, размножившись численно, очень нетребовательна въ культурномъ отношеніи,—это вовсе не вынуждало пониженія уровня высшихъ областей литературы. Нетребовательная публика бывала всегда, и въ прежнее время довольствовалась своей элементарной или низменной литературой, и однако были Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и т. д. Стало быть причина упадка лежитъ не въ этомъ.

Едва ли точно, что вопросъ объ измѣненіи общественныхъ формъ или личномъ совершенствованіи выдвинулся во второй половинѣ 1870-хъ годовъ, „когда признаки реакціи стали замѣтно усиливаться", и что онъ выдвинулся въ кругахъ, „совершенно неприкосновенныхъ къ реакціоннымъ вѣяніямъ". Это положеніе именно нуждалось бы въ ближайшемъ фактическомъ объясненіи, въ цитатахъ и примѣрахъ. Напротивъ, если вспомнить, напримѣръ, не говоря о другомъ, тенденціи журналовъ „Время" и „Эпоха", которые были органами Достоевскаго и вели ожесточенную полемику противъ „либерализма" или направленія, искавшаго общественныхъ преобразованій, то будетъ видно, что еще въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ были на лицо и наклонность къ проповѣди личнаго совершенствованія, и слабость къ реакціоннымъ вѣяніямъ.

Такимъ образомъ, тенденціи общественныхъ круговъ второй половины семидесятыхъ годовъ и самихъ „восьмидесятниковъ" восходятъ къ болѣе раннему времени, именно къ шестидесятымъ годамъ. Должно только сказать, что позднѣе эти тенденціи стали упорнѣе, когда не только „замѣтно усилились признаки" реакціи, но наступила самая формальная реакція. Самъ авторъ сопоставляетъ упадокъ литературы съ проявленіями реакціи, но не опредѣляетъ ихъ взаимнаго отношенія, и затрудняется указать источникъ литературнаго упадка. Но самое сопоставленіе могло бы объяснить тѣсную, и именно причинную связь этихъ фактовъ.

Здѣсь происходило нѣчто параллельное тому, что̀ самъ авторъ говорилъ о концѣ сороковыхъ годовъ. „Реакція, дошедшая до крайнихъ предѣловъ послѣ 1848 г., подавила всякое проявленіе общественной мысли, какого бы оно ни было направленія... Само собою разумѣется, что подобное угнетеніе мысли должно было вести къ духовному развращенію общества: являлись предупредительные сикофанты.... даже на университетской каѳедрѣ" (стр. 50—51). То же оказалось и теперь.

Сильное возбужденіе преобразовательныхъ стремленій послѣ крымской войны распространялось одинаково и въ правительственной сферѣ, и въ обществѣ. Слишкомъ ясно было, что вина неудачъ лежала во внутреннихъ неустройствахъ и культурной отсталости; реформы были вынуждены этимъ сознаніемъ и встрѣчены были живѣйшими сочувствіями, потому что ожидалось возрожденіе національной и общественной жизни. Дѣятели реформъ нашлись въ той средѣ, въ которой, несмотря на гоненія, хранилось идеальное настроеніе сороковыхъ годовъ. Но съ совершеніемъ главныхъ реформъ — крестьянской, судебной, земской—энергія правительственныхъ сферъ изсякла, и это было тотчасъ почувствовано людьми, которые издавна были врагами реформъ, не осмѣливались прямо выступать противъ нихъ, когда онѣ были дѣломъ самой власти, но зато теперь стали смѣлѣе: это были люди стараго вѣка, упорные крѣпостники, обскуранты, къ которымъ вскорѣ стали присоединяться честолюбцы и ловкіе люди, находившіе, что становилось выгоднѣе нападать на „прогрессъ", чѣмъ служить ему. Польское возстаніе, а затѣмъ политическіе процессы подняли реакціонную печать: русскій „либерализмъ" былъ заподозрѣнъ, какъ революція, а вмѣстѣ и „польская интрига"; мало-по-малу, эта печать стала заявлять и о вредѣ самыхъ реформъ, составившихъ славу имп. Александра II; въ правительственныхъ сферахъ возникло представленіе о необходимости ограничить дѣятельность новыхъ учрежденій, напр. судебныхъ, земскихъ, городскихъ. Въ семидесятыхъ годахъ начала дѣйствовать „классическая система", ограниченіе которой общество считаетъ теперь благодѣяніемъ для учащагося юношества...

Положеніе литературы въ эти десятилѣтія было такъ тяжело, какъ не бывало съ конца сороковыхъ годовъ. Запрещеніе старыхъ журналовъ, затрудненіе основанія новыхъ, уничтоженіе книгъ — по новому цензурному уставу, который, собственно, долженъ былъ служить къ облегченію положенія литературы,—все это не могло не производить угнетающаго впечатлѣнія. Преслѣдованіе направилось и на старую литературу; по распоряженію гр. Д. А. Толстого въ общественныхъ библіотекахъ изъяты были изъ обращенія цѣлыя сотни изданій пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ... Въ „классическихъ“ гимназіяхъ,—какъ теперь признано, не дававшихъ знанія классическихъ языковъ,—было уничтожено преподаваніе исторіи литературы и замѣнено чтеніемъ „образцовъ“, преимущественно старыхъ, то-есть уничтожено одно изъ наиболѣе важныхъ воспитательныхъ средствъ школы. Вскорѣ замѣчено было въ питомцахъ гимназій плохое знаніе русскаго языка...

Такъ называемые „восьмидесятники“ выростали подъ этими господствующими реакціонными вліяніями, включая и „классическую систему“. Борьба съ послѣдними была невозможна; суровому режиму, подъ которымъ стояла печать, содѣйствовали „сикофанты“, между прочимъ „съ университетскихъ каѳедръ“. Молодое поколѣніе, по указанной причинѣ, не знало старой литературы изъ эпохи „великихъ реформъ“; Салтыковъ, который почти одинъ своимъ „езоповскимъ языкомъ“ клеймилъ низменную испорченность новаго времени, становился молодымъ поколѣніямъ мало понятенъ, между прочимъ потому, что онѣ не чувствовали ни его негодованія, ни его идеаловъ,—что̀ и заставило его считать себя „оброшеннымъ“, и послѣднимъ, только начатымъ его произведеніемъ были „забытыя слова“.

Идеалы Салтыкова были тѣ же идеалы лучшихъ людей русскаго общества отъ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ. Имъ осталась вѣрной лишь мѐньшая доля новѣйшей литературы; а бо̀льшая, воспитанная реакціоннымъ духомъ времени, представила всѣ тѣ явленія, которыя заставляютъ говорить объ упадкѣ и которыя нашъ авторъ перечисляетъ.

Едва ли будущій историкъ найдетъ другое объясненіе этому характеру новѣйшей литературы. Она, въ лицѣ „восьмидесятниковъ“ и имъ подобныхъ представителей молодыхъ поколѣній, самодовольно отрицала стремленія людей шестидесятыхъ годовъ, объявляя предразсудкомъ „религію гражданственности“ и проповѣдуя, съ чужихъ, обыкновенно криво понятыхъ словъ, новѣйшіе и возвышеннѣйшіе идеалы: явились доморощенные представители марксизма, эстеты, ученики Ницше, декаденты,—и масса истерическихъ писателей и писательницъ.

Авторъ не сочувствуетъ этимъ новымъ тенденціямъ, — и справедливо. „Въ нѣкоторой части нашей литературы — говоритъ онъ, — по-

добные взгляды (общественный индифферентизмъ) имѣютъ вліяніе, но, слава Богу, живы въ ней и другія традиціи, унаслѣдованныя отъ лучшихъ представителей русской художественной и критической мысли прежняго времени". Но, быть можетъ, онъ недостаточно оцѣнилъ это „исканіе новыхъ идеаловъ", которое, въ сущности, есть уродливая изломанность людей, съ отшибленною историческою памятью, съ равнодушіемъ къ общественнымъ интересамъ и народной жизни, доходящимъ до того презрѣннаго состоянія, какое указалъ Гоголь, когда изображалъ людей, „смотрящихъ на міръ, ковыряя пальцемъ въ носу". Какой смыслъ имѣетъ литература, если она равнодушна къ исканіямъ и нуждамъ своего общества и народа; если она забываетъ или унижаетъ дѣятелей прежняго времени, отдававшихъ всю жизнь на служеніе народному благу, это благороднѣйшее дѣло человѣка и писателя? Она теряетъ всякое нравственное значеніе; она перестаетъ быть честной. Къ сожалѣнію, это приходится сказать о нѣкоторыхъ новѣйшихъ издѣліяхъ этой литературы, не помнящей родства... Нравственный долгъ служенія народу тѣмъ болѣе былъ издавна обязателенъ для нашей литературы, потому что она является единственнымъ органомъ для выраженія общественной мысли,—и къ счастію можно сказать, что она съ своей стороны послужила и фактическимъ преобразованіямъ нашего внутренняго быта, и распространенію болѣе человѣчныхъ понятій въ загрубѣвшемъ обществѣ.

Вышеупомянутые писатели, не помнящіе родства, воображаютъ, что они идутъ рядомъ съ новѣйшими стремленіями европейской мысли и искусства. Въ сущности, они только слѣпо подражаютъ нѣкоторымъ исключительнымъ явленіямъ, которыя и въ западной литературѣ вовсе не имѣютъ широкаго признанія или прямо отвергаются, какъ ошибка, односторонность или уродство. Таковъ марксизмъ, ученіе Ницше, декадентство, и т. д. Не говоря о томъ, что̀ представляютъ собой всѣ эти мнимыя послѣднія слова европейскаго мышленія и художества по существу, бросается въ глаза одно обстоятельство. Въ богатой европейской литературѣ подобныя преувеличенія или странности могутъ имѣть свой извѣстный смыслъ: въ великомъ разнообразіи созданныхъ и передуманныхъ ученій онѣ являются скептической или идеалистической оригинальностью, капризомъ утонченной мысли, или ея утомленіемъ. Въ такомъ ли положеніи русская литература, которая, при своихъ историческихъ условіяхъ, донынѣ не успѣла пріобрѣсти себѣ какого-либо простора мысли, составляющаго неотъемлемое право и природу литературы европейской? Когда передъ нашей литературой стоятъ еще элементарныя задачи, русскаго читателя снабжаютъ этими мнимыми послѣдними словами: не имѣя за собой основы хотя бы въ приблизительно равномъ развитіи научной мысли и общественной дѣя-

тельности, эти „послѣднія слова“ получаютъ у насъ очень странную роль. Безъ сомнѣнія, онѣ могутъ представлять русскому читателю интересъ, какъ эпизодъ европейской жизни, и въ этомъ случаѣ требовали бы комментарія; но предлагаемыя какъ высшій предѣлъ человѣческаго мышленія и художественнаго творчества и какъ руководство, онѣ становятся нелѣпостью.

Если въ „исканіи идеаловъ“ новѣйшая литература приходитъ къ отрицанію важности общественныхъ формъ и настаиваетъ на личномъ совершенствованіи, которое одно обезпечиваетъ благо человѣчества, то авторъ вѣрно указывалъ, какимъ извращеніемъ кончалась у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей проповѣдь этого совершенствованія. О личномъ совершенствованіи говорятъ всѣ религіи, но даже внушенія высшей изъ религій, христіанства, еще не дали человѣчеству достигнуть этого идеала, за рѣдкими исключеніями, и великая важность общественныхъ формъ очевидна изъ того, что онѣ также служатъ для устраненія „грѣха“. Въ частности, русская жизнь именно испытала благотворное дѣйствіе измѣненія общественныхъ формъ, когда освобожденіе крестьянъ возвратило человѣческое достоинство милліонамъ рабовъ, когда преобразованіе судебное возвратило понятіе правосудія: неужели не слѣдовало думать прямо о новыхъ учрежденіяхъ, а надо было помышлять только о личномъ совершенствованіи? И не бываетъ ли улучшеніе общественныхъ формъ результатомъ личнаго совершенствованія дѣятелей, производившихъ это улучшеніе? Словомъ, два направленія по существу ни мало не противорѣчатъ одно другому и могутъ взаимно дополняться, и если у насъ проповѣдь личнаго совершенствованія возставала въ то же время противъ „либерализма“, то въ этомъ трудно не видѣть отголосковъ реакціи.

Авторъ кончаетъ свою книгу слѣдующимъ заключеніемъ: „Мрачна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наша характеристика послѣдней четверти вѣка, этого затишья и разброда, но мы полагаемъ, что приходить въ уныніе при мысли о будущемъ нашей литературы не приходится: если нѣтъ въ ней теперь сильныхъ талантовъ, то они могутъ явиться; ихъ нарожденіе зависитъ не отъ насъ, но вполнѣ въ нашей власти, и даже нашъ долгъ, облегчать имъ условія дѣятельности. Самое же существенное изъ этихъ подспорій для грядущихъ талантовъ имѣется на лицо: это гуманный и правдивый духъ нашей литературы, укрѣпившійся въ ней за періодъ столѣтняго развитія; и хотя мы указывали на взгляды такъ называемаго „новаго литературнаго поколѣнія“, мы думаемъ, что это есть нѣчто преходящее, что этимъ взглядамъ, этой словесной накипи, не удастся одолѣть честныя преданія нашей литературы, и мы вѣримъ въ ту прекрасную картину будущаго возрожденія,

которую Салтыковъ прозрѣвалъ въ заключеніи своей сказки „Пропала совѣсть".

Книжка г. Бороздина есть, вообще, удачный опытъ обозрѣнія нашей новѣйшей литературной исторіи; въ послѣднемъ періодѣ это и самостоятельный трудъ. Сжатость изложенія не допускала подробностей, которыя были бы весьма не безполезны для большинства читателей; и еслибы автору привелось сдѣлать второе изданіе книжки,— и мы очень желали бы ему этого успѣха,—онъ много увеличилъ бы достоинство своего труда, еслибы дополнилъ его (въ послѣдней его части) бо̀льшимъ количествомъ примѣровъ и цитатъ.—Д.

- Проф. Т. Флоринскій. Малорусскій языкъ и „українсько-руськиий" литературный сепаратизмъ. Спб. 1900.
— Его же. Зарубежная Русь и ея горькая доля. Кіевъ, 1900

Проф. Флоринскій съ ревностью, достойною лучшаго дѣла, продолжаетъ въ новомъ изданіи своихъ статей изъ „Кіевлянина" обличать галицко-русскій сепаратизмъ. Кромѣ нѣсколькихъ дополненій и поправокъ къ прежнему тексту, онъ прибавилъ здѣсь еще заключительную главу, гдѣ останавливается на „вопросѣ о необходимости оказанія скорой и дѣятельной помощи зарубежной Руси въ удовлетвореніи ея насущныхъ духовныхъ нуждъ". Содержаніе этой послѣдней главы повторено нѣсколько подробнѣе въ брошюрѣ „Зарубежная Русь", представляющей рѣчь г. Флоринскаго въ годичномъ собраніи Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, 11 мая 1900.

Съ содержаніемъ первой книжки мы уже знакомы и не будемъ повторять прежнихъ замѣчаній,—тѣмъ больше, что по существу автору сдѣланы сильныя возраженія въ брошюрѣ В. Б. Антоновича, о которой мы упоминали въ одномъ изъ предыдущихъ обозрѣній и которой не имѣлъ еще въ виду г. Флоринскій въ своемъ нынѣшнемъ изданіи. Онъ еще повторяетъ прежнія обвиненія (между прочимъ обвиненіе „Вѣстника Европы" въ „инсинуаціяхъ"), которыя должны были бы отпасть послѣ объясненій г. Антоновича.

Вообще можно сказать одно: г. Флоринскій внесъ въ изслѣдованіе малорусскаго „литературнаго сепаратизма" такую раздражительность, которая не подобала бы человѣку науки и способна помѣшать даже благимъ его пожеланіямъ относительно „зарубежной Руси". Болѣе спокойное отношеніе къ предмету могло бы показать, что особенное развитіе „сепаратизма" вызвано было, во-первыхъ, естественной любовью и привычкой къ своему языку и — неполнымъ пониманіемъ русскаго литературнаго языка, и во-вторыхъ, въ частности, впечатлѣніемъ тѣхъ

стѣснительныхъ мѣръ, которыя были приняты у насъ въ семидесятыхъ годахъ противъ малорусскаго языка. Вліяніе этого послѣдняго обстоятельства не подлежитъ сомнѣнію, и оно выходитъ изъ разсчетовъ г. Флоринскаго. Происходила обыкновенная и извѣстная реакція: природа, гонимая въ дверь, влетала въ окно, и четверть столѣтія опыта показала, что „сепаратизмъ" развился сильнѣе, чѣмъ можно было даже предположить. Личныя обличенія,—какъ тѣ, какія г. Флоринскій направляетъ (стр. 98 и д.) противъ г. Грушевскаго, переселившагося изъ Кіева во Львовъ,—ничего не доказываютъ: если была крайность на одной сторонѣ, то она была и на другой. Если г. Грушевскій, ученый русской школы, „близко познакомившійся съ необъятной силой русской ученой литературы и міровымъ значеніемъ обще-русскаго языка",—ученый, авторитетность котораго признаетъ самъ г. Флоринскій, предпочелъ перенести свою дѣятельность въ Галичину, гдѣ сталъ теперь однимъ изъ первыхъ вожаковъ „сепаратистскаго" движенія, то надо предполагать, что были достаточно сильны нравственно-общественные и народно-литературные мотивы, которые руководили серьезнымъ ученымъ.

Между прочимъ, изобличая галицкихъ дѣятелей въ неосновательности ихъ желанія читать „украинско-русскіе" рефераты на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, авторъ разсуждаетъ такъ: „...Регламентація вопроса о языкахъ докладовъ на съѣздахъ—самое обычное и необходимое дѣло: нельзя же участникамъ съѣздовъ говорить на всякихъ языкахъ, на какихъ только вздумается; иначе получилось бы столпотвореніе вавилонское и сталъ бы невозможнымъ обмѣнъ мнѣніями. Но никому изъ приглашенныхъ участниковъ съѣзда никогда и въ голову не приходитъ предъявлять хозяевамъ свои требованія, да еще съ угрозами. Напримѣръ, русскіе ученые ѣздятъ постоянно на международные ученые съѣзды въ Парижъ, Берлинъ, Лондонъ или Римъ, гдѣ рефераты допускаются только на двухъ, много на трехъ наиболѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языкахъ, и однако нельзя и представить себѣ, чтобы хоть у кого-нибудь изъ русскихъ гостей явилась мысль требовать допущенія въ засѣданіяхъ съѣздовъ русскаго языка" и т. д. (стр. 146). Сравненіе совершенно невозможное. На западно-европейскихъ съѣздахъ русскіе гости знаютъ очень хорошо, что ихъ русскаго языка никто не пойметъ; но на кіевскій были *приглашены* братья славяне и имъ *предоставлено* было пользоваться ихъ народною рѣчью, и вопросъ настоялъ бы лишь о томъ, можно ли дать галицко-русскому нарѣчію мѣсто среди другихъ славянскихъ нарѣчій, напр. сербскаго, болгарскаго, лужицкаго и т. п.; его удобопонятность на съѣздѣ была бы очевидно больше, чѣмъ послѣднихъ названныхъ нарѣчій, особливо если не забыть мѣстныхъ малороссіянъ. Дѣло со-

стояло вовсе не въ томъ, о чемъ говоритъ г. Флоринскій въ приведенной цитатѣ, а въ совсѣмъ иныхъ, филолого-политическихъ соображеніяхъ.

Мы увѣрены, что нравственно-національный и научный результатъ кіевскаго съѣзда былъ бы гораздо выше, даже и съ точки зрѣнія г. Флоринскаго, еслибы галицко-русскимъ ученымъ было оказано то гостепріимство, котораго они желали. Намъ представляется унизительнымъ для „необъятной силы русской ученой литературы" и для „мірового значенія обще-русскаго языка" этотъ малодушный страхъ, что ихъ достоинство понесетъ ущербъ оттого, что нѣсколько галичанъ (которые, какъ мы знаемъ по собственному наблюденію, дѣйствительно иногда очень плохо владѣютъ русскимъ разговорнымъ языкомъ,—даже люди ученаго круга) прочли бы рефераты на своемъ языкѣ. Объ этой воображаемой опасности смѣшно говорить; но нравственный авторитетъ русскаго языка и науки несомнѣнно выросъ бы еще болѣе, когда *русское* научное предпріятіе, какимъ былъ кіевскій съѣздъ, равно обнимало бы всѣ славянскія силы, безъ различія и безъ мелкихъ счетовъ.

Въ книжкѣ о „зарубежной Руси" г. Флоринскій изображаетъ тяжелое положеніе Руси Галицкой, Угорской и Буковинской, несущихъ гнетъ политическій и экономическій, доведенныхъ до крайняго безправія и разоренія, но главное бѣдствіе ея находитъ въ томъ, что эта Русь раздѣлена на двѣ партіи—старо-русскую и украинскую, и въ соперничествѣ двухъ языковъ. Авторъ хочетъ убѣдить русское общество въ необходимости участія въ „зарубежной Руси" со стороны „Россіи, русскаго народа и русскаго образованнаго общества". Необходимость участія и помощи происходитъ не только изъ того, что „эта Русь—наша плоть и кровь, часть единаго русскаго народа", но и изъ того, что „на территоріи этой зарубежной Руси въ настоящее время рѣшается теоретически и практически вопросъ высокой важности о культурномъ единствѣ русскаго народа: довольствоваться ли русскому народу однимъ, давно выработаннымъ языкомъ литературы, науки и высшей образованости, или же ему необходимо позаботиться о созданіи для одной своей вѣтви, для малоруссовъ, особаго новаго литературнаго языка"... При этомъ крайне трудномъ, и въ угорской Руси почти безнадежномъ положеніи политическомъ и экономическомъ, авторъ все-таки главную бѣду видитъ въ литературномъ сепаратизмѣ, и надѣется помочь зарубежной Руси поддержкою „старо-русской" партіи, посредствомъ посылки русскихъ книгъ и литературныхъ сношеній,—исключая изъ этой помощи партію „украинскую". Можно думать, что эта односторонняя помощь еще болѣе обостритъ враждебныя отношенія партій, и опять мы думаемъ, что достоинство русской литературы могло бы стоять выше этихъ мѣстныхъ раздоровъ. Фантазіи „націо-

нально-демократической" партіи въ Галиціи (стр. 19) не кажутся намъ особенно страшными.

Въ историческомъ обзорѣ судьбы зарубежной Руси, авторъ говоритъ между прочимъ, что при первомъ раздѣлѣ Польши, 1772 г., „согласіе императрицы Екатерины II на присоединеніе къ Габсбургской монархіи исконной русской земли составляетъ политическую ошибку огромной важности", и что „послѣдствія этой ошибки будутъ еще долго отзываться на судьбѣ зарубежной Руси, а также на душевномъ мирѣ и покоѣ всего русскаго народа"; „благодаря недальновидной снисходительности и уступчивости великой императрицы", въ составъ Габсбургской монархіи попала также и Русь Буковинская (стр. 9). Не думаемъ, чтобы эта ошибка и недальновидность могли быть поставлены въ вину именно Екатеринѣ II. Таковы ли были условія, чтобы возможно было тогда присоединеніе Галиціи? Почему эта исконная русская земля могла быть забываема раньше, и почему ошибка и недальновидность не должны были быть замѣчены и исправлены послѣ? Галиція съ XIV вѣка принадлежала Польшѣ, Буковина принадлежала княжеству молдавскому (а потомъ вмѣстѣ съ нимъ — Турціи), Русь Угорская принадлежала Венгріи даже съ X-го вѣка.—Т.

Въ теченіе сентября поступили въ Редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Абрамовскій, Эдуардъ.—I. Психологическія основы соціологіи. II. Историческій матеріализмъ и принципъ соціальнаго явленія. Переводъ съ французскаго С. И. Ершова. Москва. Стр. 112, in 16°. Ц. 50 к.

Аргамакова, С.—Слабая борьба съ сильными заблужденіями въ современномъ воспитаніи. Спб. 1900. Стр. 86. Ц. 60 к.

Гётчисонъ. Вымершія чудовища. Общедоступныя бесѣды по палеонтологіи. (Общедоступная научная библіотека, № 16). Съ англійскаго, переводъ А. Никольскаго. Съ рисунками и таблицами. Спб. 1900. Стр. 194. Ц. 1 р. 20 к.

Горькій, М.—Разсказы. Томъ третій. Спб., 1900. Стр. 318. Ц. 1 р.

Долгоруковъ, В. А.— Путеводитель по всей Сибири и средне азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Годъ пятый. Томскъ. 1900—1901. Стр. 540 (русскій текстъ) + 56 (франц.) + 122 (нѣм.) + 62 (англ.) + 46 (итальянск.). Ц. 1 р. съ русск. текстомъ, 1 р. 50 к.—съ французскимъ.

Іорданскій, Н.—Краткій очеркъ развитія народнаго образованія въ Нижнемъ-Новгородѣ. Н.-Новгородъ. 1900. Стр. 174.

Каменскій, В. Е., инженеръ путей сообщенія.—Французско-русскій словарь, составленный по Ларуссу. Спб. 1900. Стр. XV+970. Ц. 5 р.

Карцовъ, А. С.—Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. Со статьей о строеніи и систематикѣ растеній академика С. И. Коржинскаго. 150 рисунковъ. Спб. 1900. Стр. 308. Ц. 2 р.

Кв., В.—Новое русское правописаніе. Опытъ раціональной орѳографіи. I. Введеніе. Орелъ. 1900. Стр. 19. Ц. 15 к.

Киплингъ, Р.—Разсказы. Первая книжка. Съ англійскаго А. Н. Рождественской. Съ рисунками. Изданіе второе. Стр. 183. Ц. 50 к.

Котляръ, Д.—Крыша міра. Описаніе Центральной Азіи. По Пржевальскому, Геддину и Саваджу. Съ 18-ью рисунками и картою. Спб. 1900. Стр. 171. Ц. 80 к.

Левицкій, П. А.—Въ родныхъ углахъ. Очерки и разсказы. Москва. 1900. Съ рисунками. Стр. 85. Ц. 30 к.

Маклецова, Н.—Революціонеръ. (Исторія одной души). Москва. 1900. Стр. 255. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.—Бѣлое золото. 2-е изд. Москва. 1900. Стр. 143. Ц. 50 к.

Маргаритовъ, В.—Камчатка и ея обитатели. Съ рисунками и картою. Хабаровскъ. 1899. (Записки Приамурскаго Отдѣла Имп. Русскаго географическаго Общества. Т. V, вып. I). Стр. IV+141, in 4°.

Марковъ, Е.—Грѣхи и нужды нашей средней школы. Спб. 1900. Стр. 131. Ц. 60 к.

Масарикъ, проф. въ Прагѣ.—Философскія и соціологическія основанія марксизма. Этюды по соціальному вопросу. Перев. съ нѣм. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900. Стр. 535. Ц. 2 р.

Невструевъ.—Мечты и пѣсни. Наброски и стихотворенія. Москва. 1900. Стр. 86. Ц. 50 к.

Новиковъ, Н.—Наука, школа и жизнь. Изд. В. Маракуева. 1900. Стр. 63, in 16°. Ц. 25 к.

Пираловъ, А. С.—Краткій очеркъ кустарныхъ промысловъ Кавказа. Тифлисъ. 1900. Стр. 50 к.

Покровскій, Н.—Музыкальная драма, ея недавнее прошлое, современное положеніе и надежды на будущее. Спб. 1900. Стр. 245. Ц. 1 р.

Полетаевъ. Н. А.—Шекспиръ и Іерингъ, или что такое борьба за право? Спб. 1900. Стр. 66. Ц. 40 к.

Пти-де-Жюльвилль, Л.—Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы (1800—1900). Переводъ съ франц. подъ редакціей Ю. А. Веселовскаго, съ вступительной статьей проф. А. Н. Веселовскаго. Москва. 1900. Выпуски III—V. Стр. 160—400. Цѣна по подпискѣ 7 р.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.—Мирный завоеватель. Іоганнъ Гуттенбергъ. Москва. 1900. Съ рисунками. Стр. 158. Ц. 40 к.

Страховъ, Н. Н.—О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Изд. 2-е. Кіевъ. 1900. Стр. 186. Ц. 1 р.

Тезяковъ, Н. И.—Объ основаніяхъ и формахъ участія губернскихъ земствъ въ борьбѣ съ эпидеміями. Изд. медицинск. д-та Мин. Вн. Дѣлъ. Спб. 1900. Стр. 35.

Томсонъ, Дж. А.—Жизнь животныхъ. Переводъ со 2-го англійскаго изданія подъ редакціей В. Агафонова. Москва 1900. Съ рисунками. Вып. II—III. Стр. 97—288, in 16°. Ц. по 30 к.

Фонсегривъ, Жоржъ, проф. въ Парижѣ.—Элементы психологіи. Перев. съ 3-го французскаго изданія подъ редакціею П. П. Соколова. Москва. 1900. Стр. 359. Ц. 1 р. 25 к.

Чеховъ, Антонъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1900. Изд. А. Ф. Маркса. Стр. 296. Ц. 1 р. 50 к.

Штолль, Е. Ю.—Квартира и законъ. Спб. 1900. Стр. 56. Ц. 30 к.

Щепкина-Куперникъ, Т. Ничтожные міра сего. Москва. 1900. Стр. 466. Ц. 1 р.

——— Незамѣтные люди. Москва. Стр. 466. Ц. 1 р.

Эккъ, А.—Янъ Колларъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности и его поэма „Дочь Славы". Варшава. 1900. Стр. 157.

Энгельманъ, И.—Исторія крѣпостного права въ Россіи. Перев. съ нѣмецк. Е. Щербы, подъ редакціей А. Кизеветтера. Москва. 1900. Стр. 442. Ц. 1 р.

Юрковскій, Николай.—У моря. Спб. 1900. Стр. 210. Ц. 1 р.

— Брошюра землемѣра В. Е. Иванова по вопросу объ удободѣлимости крупныхъ земельныхъ участковъ, дворовыхъ и усадебныхъ мѣстъ на болѣе мелкіе въ предѣлахъ Одесскаго градоначальства. Одесса. 1900. Стр. 16. Ц. 1 р.

— Вопросы нервно-психической медицины. Журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. унив. св. Владиміра, И. А. Сикорскаго. Томъ V, годъ пятый. Кіевъ. 1900. Съ портретомъ С. С. Корсакова. Стр. 323—521.

— „Всегда со мной". Календарь-записная книга для учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составленъ Е. И. Петровскою. Изд. А. Шнель. Спб. 1900. Стр. 220.

— Даровыя столовыя Аккерманскаго земства. Вып. 3. (Отчетъ предсѣдателя аккерманской земской управы В. М. Пуришкевича). Аккерманъ. 1900. Стр. 195.

— Дифтерія въ Воронежской губ. съ 1877 по 1899 г. (Докладъ VII Совѣщанію врачей и предсѣдателей земскихъ управъ врача В. П. Успенскаго). Воронежъ. 1900. Стр. 68.

— Журналъ Олонецкой губернской оцѣночной коммиссіи (засѣданіе 19-го мая, 1900 г.). Петрозаводскъ. 1900. Стр. 46.

— Литературный сборникъ. Въ память женщины-врача Евгеніи Павловны Серебренниковой. Съ портретомъ. Изд. при пособіи Пермскаго губернскаго земства. Спб. 1900. Стр. 397. Ц. 2 р. 50 к.

— Малярія по Воронежской губ. въ 1898 г. (Докладъ Совѣщанію врачей и предсѣдателей земскихъ управъ 1900 г. врача Шингарева). Воронежъ. 1900. Стр. 108.

— Обзоръ Уфимской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1898—99 годъ (лѣто и осень). Вып. II. 1900. Стр. 33+275. Ц. 1 р.

— Общій Отчетъ Елисаветградской уѣздной земской Управы за 1899 г. Елисаветградъ. 1900. Стр. 479+35.

— Описаніе Минусинскаго музея. Вып. II. Матеріалы по до-исторической археологіи и антропологіи. К. Горошенко. Курганные черепа Минусинскаго округа. Минусинскъ. 1900. Стр. 40. Съ рисунками и таблицами.

— Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1898 г. Спб. 1900. Стр. 123. Карта и 2 діаграммы.

— Отчетъ Одесской городской Управы за 1899 г. по народному образованію. Одесса. 1900. Стр. 147.

— Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. В. III. 1900. Пермь. 1900. Стр. 41.

— По вопросу о призрѣніи эпилептиковъ и идіотовъ. (Изъ Извѣстій Московской Городской Думы за апрѣль 1900). Москва. 1900. Стр. 15.

— „Прошлое Китая". Краткій очеркъ исторіи Китая по Бару. Изданіе „Вѣстника всемірной исторіи". Спб. 1900. Стр. 40. Ц. 50 к.

— Проектъ устава кассы страхованій отъ несчастныхъ случаевъ при съѣздѣ бакинскихъ нефтепромышленниковъ, принятый XIV съѣздомъ нефтепромышленниковъ. Баку. 1900. Стр. 27.

— Рязанское общ. устройство народныхъ развлеченій. Отчетъ за время съ 1 янв. 1899 по 25 февраля 1900. Рязань. 1900. Стр. 152 и 2 плана.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1899 г. Съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ губернской управы. Томъ I, in 4°. Стр. 278 и приложенія. Томъ II. Доклады и отчеты. Новгородъ. 1900.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. VI. Златоустовскій уѣздъ. Самара. 1900. Стр. 691+210. Ц. 2 р. 50 к.

— Тоже. Т. VIII. Опредѣленіе доходности земельныхъ угодій. Ч. I. Уфа. 1900. Стр. 240. Ц. 1 р. 50 к.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1890—1899 гг. (Изд. Минист. Финанс.). Спб. 1900. Стр. XXI+149.

— Труды Коммиссіи, избранной XIII съѣздомъ нефтепромышленниковъ для разработки вопросовъ объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ, о горныхъ поселкахъ и подъѣздныхъ путяхъ. Баку. 1900. Стр. 125.

— Труды VII Совѣщанія земскихъ врачей и предсѣдателей земскихъ управъ Воронежской губ. 25—31 авг. 1900 г. Т. I. Воронежъ. 1900. Стр. 484. Карты и діаграммы.

— Уставъ кооперативнаго общества оптовыхъ операцій. Спб. 1900. Стр. 22. Ц. 10 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Y. Blaze de Bury. Les Romanciers anglais contemporains. Paris. 1900. Стр. 245.

Блазъ де-Бюри разбираетъ въ своей книгѣ англійскую беллетристику новѣйшаго времени и указываетъ на тѣ идейныя вліянія, которыя въ ней отразились. Первое что̀ бросается въ глаза при изученіи современнаго англійскаго рòмàна, это—глубокое различіе между сравнительно недавнимъ прошлымъ, когда Англія стояла во главѣ реалистическаго романа, и общимъ характеромъ новѣйшей англійской беллетристики. Въ исторіи европейскаго реализма Англія была начинательницей. Диккенсъ, Теккерей, Джоржъ Эліотъ создали въ Европѣ психологическій и бытописательный романъ своимъ широкимъ изученіемъ жизни, умѣньемъ создавать типы, любовью къ жизни и юморомъ. Но въ то время какъ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ эпигоны реализма продолжаютъ развивать завѣты реалистическаго творчества, начатаго англійскими романистами средины вѣка, въ самой Англіи реализмъ смѣнился новымъ теченіемъ. Англія тѣмъ и отличается отъ другихъ европейскихъ странъ, что она вноситъ новыя идеи въ литературу и въ большинствѣ случаевъ сама не исчерпываетъ ихъ, а завѣщавъ свои откровенія другимъ, первая вступаетъ на иной путь. Въ Англіи эпигонство менѣе развито, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Этотъ энергичный и практичный народъ всегда жаждетъ завоеваній—въ области духовной, какъ и въ непосредственной дѣйствительности. Вотъ почему традиціи реалистическаго романа скорѣе всего отжили свое время въ самой Англіи, создавшей ихъ.

Это наблюденіе Блазъ де-Бюри дѣлаетъ, изучая произведенія наиболѣе извѣстныхъ англійскихъ романистовъ и романистокъ. Всѣ они далеко ушли отъ Диккенса и Теккерея, и, охваченные новымъ идейнымъ теченіемъ, пишутъ повѣсти и романы, стоящіе совершенно особнякомъ въ современной литературѣ. Отмѣчая разницу между новѣйшимъ и старымъ англійскимъ романомъ, Блазъ де-Бюри осуждаетъ эту новѣйшую эволюцію англійской литературы. Въ новомъ англійскомъ романѣ нѣтъ психологіи и нѣтъ связи съ почвой. Романы пишутся большею частью какъ бы на заданныя темы —съ тѣмъ, чтобы провести въ жизнь какую нибудь практическую истину, создать новыя нормы житейскихъ отношеній. Но самыя эти истины не черпа-

ются изъ жизни, а навязаны ей, и большей частью только эксцентричны. То романисты протестуютъ противъ современнаго пониманія брака и показываютъ примѣръ болѣе свободныхъ отношеній, которыя выставляются какъ идеалъ, хотя на дѣлѣ они ведутъ къ несчастію и превращаютъ экспериментаторовъ въ жертвы („The Woman who did" Грантъ Алена), или устроиваютъ столь же произвольный экспериментъ въ воспитаніи дѣтей, воспитывая дѣвочку какъ мальчика, а мальчика какъ дѣвочку („Heavenly Twins", Сары Грандъ), или же проповѣдуется крайній индивидуализмъ, жертвой котораго становится молодая дѣвушка: она хочетъ разрѣшить трагическій узелъ жизни совершенно одна, не прибѣгая къ помощи любящихъ ее людей, и при этомъ погибаетъ именно потому, что замкнулась въ себѣ и не захотѣла никого посвятить въ свое горе („Mere Accident", Джоржа Мура). Во всѣхъ этихъ романахъ, какъ и въ другихъ, гдѣ большую роль играетъ, напр., защита или осужденіе католичества, чувствуется надуманность замысла и отсутствіе живой дѣйствительности. Къ тому же въ новый англійскій романъ вкрался космополитизмъ — романисты любятъ описывать Парижъ и парижскіе нравы (мѣсто дѣйствія „Трильби" Джоржа дю-Морье въ Парижѣ и въ мастерскихъ парижскихъ художниковъ, Гиссингъ переселяетъ своихъ героевъ въ Италію и т. д.) Тѣ времена, когда Джоржъ Эліотъ терпѣливо и любовно описывала подробности быта англійскаго духовенства, безслѣдно прошли. Даже если романистъ, какъ напр. Маргарита Вудсъ въ своей „Деревенской трагедіи", описываетъ крестьянъ, то они окружены ореоломъ эстетизма и напоминаютъ фигуры старо-итальянскихъ картинъ. Эта безпочвенность и надуманность новѣйшаго англійскаго романа составляетъ главный его недостатокъ въ глазахъ французскаго критика. Нужно, однако, замѣтить, что недостатокъ этотъ не такъ распространенъ, какъ полагаетъ Блазъ де-Бюри. Онъ забываетъ въ своемъ очеркѣ нѣкоторыхъ лучшихъ англійскихъ романистовъ, которые при всемъ своемъ „модернизмѣ" остаются истинными реалистами, вполнѣ воплощаютъ духъ своей родины и отличаются большимъ психологическимъ чутьемъ. Нельзя говорить объ англійскомъ романѣ, не упоминая о Льюи Стевенсонѣ, знаменитомъ авторѣ „Доктора Джекиля и мистера Гайда". Точно также и Киплингъ—не только представитель англійской воинственности, какимъ его считаетъ Блазъ де-Бюри, но и утонченный психологъ, изучившій какъ никто наивность англійскаго крестьянина, ставшаго солдатомъ, сложную психологію и вмѣстѣ съ тѣмъ суетность, царящую въ высшихъ слояхъ англійскаго общества. Его маленькіе разсказы иногда безподобны по сосредоточенности и сжатости психологическаго анализа, какъ напр. „A Wayside Comedy", которую можно сравнить съ лучшими разсказами Мопассана. А въ „Jungle Book",

гдѣ міръ животныхъ противопоставляется людямъ, созданъ совершенно новый родъ психологическаго повѣствованія, одухотвореннаго философскимъ пониманіемъ того, что заложено въ души людей, но искажено культурой. Блазъ де-Бюри отмѣчаетъ въ произведеніяхъ разбираемыхъ имъ авторовъ отдѣльныя исключенія, свободныя отъ недостатковъ, въ которыхъ онъ обвиняетъ новѣйшій англійскій романъ. Онъ съ большими похвалами говоритъ о знаменитомъ романѣ Джоржа Мура, „Esther Waters", возмутившемъ при своемъ появленіи англійскую публику крайнимъ реализмомъ описаній. Въ немъ изображается жизнь бѣдной служанки, затравленной всѣми за то, что она заботится о своемъ незаконномъ ребенкѣ.

Если выключить изъ сужденій Блазъ де Бюри нѣкоторыя произвольныя его обобщенія, то основная мысль его очерка совершенно вѣрна. Въ новѣйшихъ англійскихъ повѣстяхъ и романахъ въ самомъ дѣлѣ чувствуется оторванность отъ жизни и назойливая проповѣдь эксцентричныхъ идей. Источникомъ этого новаго направленія Блазъ де-Бюри считаетъ эстетизмъ, выросшій на почвѣ идей Рёскина. Англія, какъ мы уже говорили, играетъ въ европейской культурной жизни роль вдохновительницы, — тамъ создаются идеи, которыя потомъ проникаютъ въ другія страны, гдѣ и достигаютъ полноты развитія. Такъ въ Англіи родилась новѣйшая европейская живопись, созданная прерафаэлитами и пророкомъ ихъ, Рёскиномъ. Поклоненіе принципамъ старой итальянской живописи, исканіе правды въ колоритѣ, поэзіи идеалистическихъ настроеній — все это, созданное Россетти и его школой, совершило переворотъ въ современномъ искусствѣ и до сихъ поръ продолжаетъ оказывать благотворное вліяніе. Но, по складу своего ума, англичане прежде всего практичны, и то, что ими создано въ области искусства, неминуемо проходитъ и въ жизнь. Вся англійская дѣйствительность прониклась эстетизмомъ. Во внѣшнемъ отношеніи это оказалось прекраснымъ, —формы жизни сдѣлались болѣе утонченными,—но для врожденной англичанамъ эксцентричности эстетизмъ оказался скорѣе пагубнымъ. Онъ привелъ къ проповѣди идей, непримѣнимыхъ къ жизни и навязываемыхъ ей. Идеализмъ въ другихъ странахъ вызываетъ нѣкоторое равнодушіе къ интересамъ жизни, предпочтеніе созерцательныхъ настроеній активнымъ дѣйствіямъ. Но практичные англичане не могутъ отказаться отъ дѣйствительности во имя чего-либо отвлеченнаго, а напротивъ того стремятся хотя бы насильственно пріурочить даже самыя отчужденныя отъ жизни идеи къ непосредственнымъ интересамъ дѣйствительности. Картины прерафаэлитовъ и книги Рёскина заразили Англію пристрастіемъ къ наивности итальянскихъ примитивовъ, которая совершенно

чужда англійской дѣйствительности и, перенесенная въ область романа, приводитъ къ несомнѣнной фальши.

Главнымъ признакомъ вліянія Рёскина Блазъ де-Бюри считаетъ преобладаніе среды надъ содержаніемъ во многихъ новѣйшихъ англійскихъ романахъ. Изображеніемъ среды занимались и прежніе англійскіе реалисты, но они заботились, главнымъ образомъ, о вѣрномъ воспроизведеніи дѣйствительности —молодые же романисты и романистки, загипнотизированные итальянскими вкусами прерафаэлитовъ, пріурочиваютъ англійскіе типы къ настроеніямъ итальянской живописи ранняго возрожденія. Такова, напр., повѣсть Маргариты Вудсъ—„Деревенская трагедія". Въ ней разсказано вполнѣ реальное происшествіе: племянница богатаго фермера любитъ простого сельскаго рабочаго; онъ умираетъ до свадьбы; она же кончаетъ жизнь самоубійствомъ, послѣ того, какъ у нея родился ребенокъ. Но главный интересъ романа—не въ этой любовной интригѣ, а въ патологическомъ образѣ влюбленнаго въ молодую фермершу идіота, и въ сценѣ, которая происходитъ надъ тѣломъ мертвой героини, которую идіотъ продолжаетъ любить и мертвой. Вся сцена, какъ и вообще отношенія идіота къ героинѣ, построены на контрастахъ смѣлости и невинности. Авторъ ищетъ во внѣшнихъ символахъ отраженіе душевной жизни своей героини,—рисуя этимъ различіе между душой молодой фермерши и внѣшней грубостью будничной сельской жизни. Во всемъ этомъ Блазъ де-Бюри видитъ слѣды эстетизма, которымъ охвачена современная Англія со времени Рёскина и прерафаэлитовъ. Современные англійскіе крестьяне надѣляются чувствами и настроеніями итальянскихъ примитивовъ, и для того чтобы воплотить это въ изображеніи дѣйствительной жизни, автору по неволѣ приходится выдвигать на первый планъ внѣшнюю обстановку, болѣе соотвѣтствующую эстетическимъ идеаламъ, чѣмъ реальная психологія простыхъ живыхъ людей.

Къ числу авторовъ, вводящихъ эстетизмъ въ англійскій романъ, Блазъ де-Бюри относитъ, кромѣ Маргариты Вудсъ, Джоржа Эджертонъ и Сару Грандъ. Первая, въ своемъ извѣстномъ сборникѣ повѣстей, „Keynotes", является эстеткой въ духѣ Россетти: она вноситъ въ англійскій романъ то настроеніе, которое отражается въ болѣзненно-любопытствующихъ и нѣсколько порочныхъ улыбкахъ на старыхъ итальянскихъ картинахъ. Джоржъ Эджертонъ, прикрывающаяся мужскимъ псевдонимомъ, съ чрезвычайной смѣлостью говоритъ объ инстинктахъ женской натуры, которые обыкновенно, въ особенности въ англійскихъ романахъ, принято или прикрывать поэтической дымкой, или вообще обходить молчаніемъ. „Доминантой", основнымъ звукомъ женской души. Джоржъ Эджертонъ считаетъ страстность иногда чисто животнаго свойства. Она утверждаетъ, что и сами женщины,

изъ какого-то ложно понятаго чувства солидарности, скрываютъ эту основу своей натуры, и мужчины помогаютъ имъ лгать въ этомъ отношеніи, чтобы не уничтожить послѣдній оплотъ своего идеализма. Въ разсказахъ, которые служатъ иллюстраціей этой основной мысли, Джорджъ Эджертонъ развиваетъ свои положенія не съ безпощадностью реалиста, рисующаго дѣйствительность, а именно съ тѣмъ любопытствующимъ заглядываніемъ въ тайники души, которое характеризуетъ живописцевъ временъ Возрожденія, одинаково воспріимчивыхъ къ небесной красотѣ святыхъ и къ дерзновенію падшихъ ангеловъ.

Сара Грандъ рисуетъ въ „Небесныхъ близнецахъ“ двѣ женскія фигуры, воплощающія интеллектуальную и нравственную эволюцію современной англійской женщины. Въ романѣ представлены мать и дочь. Мать борется за нравственный идеалъ, за то, чтобы, освободившись отъ ложно понятаго материнскаго долга и отъ исканія въ жизни только удовольствій и удобства, согласовать свою жизнь съ стремленіемъ къ цѣльной и нераздѣльной любви. У дочери ея—тревожная и любопытствующая душа, и вся ея жизнь становится рядомъ душевныхъ экспериментовъ; всѣ непосредственныя чувства подавляются чисто головнымъ отношеніемъ къ тому, что̀ приноситъ жизнь.

Сара Грандъ и Джорджъ Эджертонъ справедливо отнесены французскимъ критикомъ къ числу эстетокъ школы Рёскина. Но другіе изъ называемыхъ имъ романистовъ, какъ, напр., Джорджъ Муръ и Томасъ Гарди, болѣе близки къ традиціямъ реализма. Въ романѣ Джорджа Мура, „Эвелина Инесъ“, есть нѣкоторый мистицизмъ, есть прославленіе католицизма, а въ романахъ Томаса Гарди видна склонность къ изученію патологическихъ случаевъ. Но во всѣхъ этихъ романахъ на первомъ планѣ—культъ личности. Въ нихъ представлено стремленіе человѣческой души проявить свою силу, самостоятельно распутывая узелъ жизни и разрѣшая всѣ столкновенія путемъ самоуглубленія или рѣшительныхъ самостоятельныхъ поступковъ. Женщины англійскихъ романистовъ отличаются отъ французскихъ героинь тѣмъ, что онѣ не сообразуются съ мнѣніями окружающихъ, ничего не дѣлаютъ въ угоду обстоятельствъ, а разрѣшаютъ психологическія столкновенія такъ, какъ это нужно имъ для покоя ихъ собственной души. Вотъ въ этомъ индивидуализмѣ и заключается новизна современнаго англійскаго романа, и она, конечно, связана съ общимъ настроеніемъ современной англійской жизни. Джорджъ Муръ, Томасъ Гарди, Джорджъ Мередитъ и нѣкоторые другіе изъ названныхъ критиковъ-романистовъ не уронили англійскаго романа тѣмъ, что не стали эпигонами реалистовъ средины вѣка. Они отражаютъ бытъ времени и новые типы, создаваемые смѣной поколѣній. Блазъ де-Бюри вѣрно подмѣ-

тилъ вліяніе эстетизма на современный англійскій романъ и показалъ безпочвенность такихъ явленій, какъ экспериментальные романы Сары Грандъ и ей подобныхъ; но къ лучшимъ англійскимъ романистамъ, какъ Томасъ Гарди, Мередитъ, Киплингъ и Джорджъ Муръ, онъ отнесся несправедливо. Изъ другихъ современныхъ романистовъ онъ останавливается на Родѣ Браутонъ, которую сравниваетъ съ французской писательницей Жипъ, на Бенсонѣ, на феминистскихъ романахъ Грантъ-Алена и др.

II.

Max Kretzer. Der Holzhändler. Berlin, 1900. Т. I, стр. 293; т. II, стр. 289.

Новый романъ Макса Кретцера носитъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ большинство его прежнихъ произведеній. Кретцеръ, представитель нѣмецкаго реализма отчасти еще въ духѣ Густава Фрейтага, рисуетъ обыкновенно общественные типы, а не индивидуальные характеры. Въ лучшихъ своихъ вещахъ послѣднихъ лѣтъ, какъ, напр., въ наиболѣе прославившемъ его „Meister Timpe", онъ задается соціалистическими вопросами, изображаетъ борьбу классовъ, захватъ частной предпріимчивости крупной торговлей, и, какъ въ большинствѣ такого рода произведеній, становится тенденціознымъ, выставляетъ жертвы въ симпатичномъ видѣ, а представителей торжествующаго начала въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Въ этомъ несомнѣнно сказывается вліяніе Зола̀, которому Максъ Кретцеръ часто подражаетъ во внѣшнихъ пріемахъ.

Новый романъ Кретцера — чисто психологическій. Изображеніе среды отступаетъ на второй планъ,—все дѣло въ психологической драмѣ, которая разыгрывается въ душѣ героя, человѣка съ сильной волей, умѣющаго покорять себѣ обстоятельства, но безсильнаго только передъ голосомъ своей совѣсти. Если говорить о литературныхъ вліяніяхъ, то очевидно, что авторъ „Holzhändler"'а изучалъ Толстого. Кретцеръ не проповѣдуетъ идей русскаго романиста, но тотъ фактъ, что центромъ повѣствованія является чисто нравственное столкновеніе, а не житейскіе интересы, долженъ быть непремѣнно приведенъ въ связь съ вліяніемъ Толстого на современную европейскую литературу.

Центромъ романа является заповѣдь: „не убей". Оригинальность нѣмецкаго романиста заключается въ томъ, что дѣло идетъ не о внѣшней наказуемости, а только о внутреннемъ искупленіи. Преступленіе, совершённое героемъ романа, не подлежитъ карѣ закона. О немъ никто не знаетъ, кромѣ самого преступника, и еслибы даже оно открылось, то никакого наказанія не послѣдовало бы. Во-пер-

выхъ, прошло 15 лѣтъ со времени его совершенія, а затѣмъ обстоятельства были таковы, что преступникъ вѣроятно былъ бы оправданъ даже и въ случаѣ разбирательства дѣла: мужъ убилъ жену, измѣна которой была совершенно очевидна. Но въ немъ самомъ съ теченіемъ лѣтъ все болѣе укрѣпляется убѣжденіе въ его грѣховности, и это становится кошмаромъ его жизни—блестящей и счастливой во всемъ остальномъ. Все, что̀ происходитъ въ романѣ, т.-е. постепенное раскрытіе тайны и конечное искупленіе, вызванное самимъ героемъ,—составляетъ главный интересъ психологическаго замысла. Драма совѣсти представлена въ своемъ чистомъ видѣ, безъ страха отвѣтственности, только какъ исторія человѣческой души, охваченной муками, исходящими изъ нея самой. Человѣкъ, въ которомъ происходитъ борьба,—менѣе всего исключительная натура. Это—самый обыкновенный дѣлецъ, занятый житейской борьбой и преуспѣвающій въ ней. То, что̀ происходитъ въ его душѣ, совершенно не связано съ его внѣшней жизнью, и могло бы на вѣки остаться тайной его совѣсти. Но грозное значеніе истины—въ томъ, что она остается живой, какъ бы долго она ни была скрыта:—самъ преступникъ, въ силу роковыхъ законовъ, раскрываетъ свое преступленіе. Онъ чувствуетъ непреодолимую потребность говорить о томъ, что̀ извѣстно одному ему, и этимъ становится самъ своей карающей судьбой, подготовляя свое искупленіе. Психологическій замыселъ романа становится интереснымъ именно своею отрѣшенностью отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ вмѣшательства внѣшняго насилія закона въ драму совѣсти. Изложеніе романа не стоитъ на высотѣ замысла. Самая завязка недостаточно выяснена: не совсѣмъ понятно, почему преступникъ, который 15 лѣтъ хранилъ свою мучительную тайну, вдругъ разсказываетъ исторію своего преступленія въ кругу своихъ пріятелей, подъ видомъ сообщенной ему кѣмъ-то передъ смертью тайны. Неправдоподобно также, что онъ очутился въ непосредственныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ именно съ тѣмъ человѣкомъ, изъ-за котораго убилъ жену. Случай свелъ и поставилъ во враждебныя дѣловыя отношенія двухъ людей, связанныхъ, невѣдомо для нихъ самихъ, преступленіемъ, въ которомъ оба одинаково виноваты. Эта условность фабулы нарушаетъ реализмъ романа, но, тѣмъ не менѣе, внутреннія переживанія героя и постепенное назрѣваніе трагическаго начала, которое завершается искупленіемъ, дѣлаетъ романъ чрезвычайно интереснымъ.

Герой романа—крупный дѣлецъ-лѣсопромышленникъ, „король лѣсовъ“, какъ его называютъ съ нѣкоторой ироніей завидующіе ему пріятели. Онъ—милліонеръ, владѣлецъ прекраснаго помѣстья и барскаго дома въ Берлинѣ. Его профессія обрисована авторомъ съ множествомъ техническихъ подробностей. Читатель узнаетъ, что лѣсъ

нужно рубить зимой, что срубленное лѣтомъ дерево имѣетъ меньшую цѣнность, потому что „соки еще не устоялись“. „Дерево также живетъ своей жизнью, какъ человѣкъ“. Множество техническихъ выраженій придаютъ колоритность описанію; читатель узнаетъ, что при покупкѣ лѣса только стволъ принадлежитъ покупателю, а верхушки и сучья — продавцу, и т. д. Разговоры на дровяномъ дворѣ, бесѣды хозяина и лѣсничаго и т. д. обрисовываютъ среду, и эта документальность является, конечно, отголоскомъ общественныхъ романовъ Золà. Разница между героемъ Кретцера и дѣйствующими лицами въ романахъ Золà—та, что послѣдніе сливаются со своими профессіональными интересами, а герой Кретцера, Дультерсъ, ищетъ въ своихъ занятіяхъ, въ частыхъ дѣловыхъ поѣздкахъ, въ жизни среди лѣсовъ, только забвенія о томъ, что̀ составляетъ кошмаръ его жизни. Конечно, онъ былъ бы такимъ же неразмышляющимъ, занятымъ внѣшними интересами человѣкомъ, какъ и всѣ люди его круга, еслибы въ жизни его не разыгралась мрачная драма, которая пробудила въ немъ живую душу для безъисходныхъ страданій. Онъ женился на полькѣ, бывшей пѣвицѣ, женщинѣ съ темнымъ прошлымъ. Ей онъ могъ отдать свою любовь, но не могъ создать ей положенія въ обществѣ. Несмотря на блескъ ихъ пріемовъ въ Берлинѣ, никто не бывалъ у нихъ въ домѣ, и, убѣдившись въ невозможности побѣдить дурное отношеніе общества къ своей женѣ, Дультерсъ переѣхалъ съ ней въ свое помѣстье и жилъ тамъ въ уединеніи съ женой и четырехлѣтней дочкой. Отношенія между супругами стали портиться; жена Дультерса обвиняла его въ неумѣньѣ защитить ее и стала относиться къ нему съ явнымъ презрѣніемъ. Однажды, вернувшись изъ дѣловой поѣздки раньше, чѣмъ онъ предполагалъ, онъ вошелъ въ комнату жены, но не засталъ ея тамъ. Окно было открыто, и ему пришла въ голову ужасная мысль, что она ушла въ лѣсъ и покончила тамъ самоубійствомъ;—она обнаруживала въ послѣднее время склонность къ меланхоліи. Но, оглядываясь въ комнатѣ, онъ увидѣлъ на столѣ папиросы;— ни онъ, ни жена его не курили. Потерявъ самообладаніе отъ ревности, онъ бросился съ револьверомъ въ рощу, прилегающую къ дому, и тамъ увидѣлъ фигуру своей жены въ бѣломъ платьѣ и рядомъ съ нею незнакомаго молодого человѣка. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ подойти, незнакомецъ убѣжалъ; онъ же, очутившись около жены, выстрѣлилъ въ нее въ упоръ,—причемъ она стояла, не оказывая сопротивленія. Онъ въ полузабытьи вернулся къ себѣ въ комнату, и когда, на слѣдующій день, былъ найденъ трупъ молодой женщины у подножія молодого дуба, никто не сомнѣвался въ самоубійствѣ, и всѣ жалѣли несчастнаго вдовца. Онъ въ то время не зналъ, ка̀къ поступить. Въ немъ говорилъ, конечно, инстинктъ самосохраненія, заставлявшій

его и передъ самимъ собою выдумывать себѣ разныя оправданія. Онъ убѣждалъ себя въ томъ, что жена его была преступна, и еще, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ долженъ охранять честь своей дочери, для которой было бы великимъ несчастіемъ считаться дочерью убійцы. Такъ прошло пятнадцать лѣтъ. Онъ живетъ съ дочерью въ Берлинѣ, пользуется общимъ почетомъ, но всегда занятъ мыслью о своемъ неискупленномъ преступленіи. Ему доставляетъ особое наслажденіе дѣлать въ обществѣ непонятные для другихъ намеки на свое прошлое, и тѣмъ самымъ растравлять свои раны. Слѣдуя этому инстинктивному тяготѣнію къ самоистязанію, онъ и разсказываетъ въ кружкѣ пріятелей, за шампанскимъ, исторію своего преступленія. Одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ вскользь, что разсказъ Дультерса напоминаетъ ему то, что̀ разсказывалъ другой изъ ихъ общихъ пріятелей, графъ Луксъ, съ той только разницей, что тотъ не говорилъ о концѣ исторіи, о томъ, была ли молодая женщина застрѣлена, или застрѣлилась сама. Какія-то сомнѣнія закрадываются въ душу Дультерса при этомъ замѣчаніи, но онъ старается отогнать ихъ. Разсказъ въ ресторанѣ становится роковымъ для Дультерса. Его почему-то всѣ запоминаютъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ заводятъ снова разговоръ о немъ. Двое людей начали догадываться о тайнѣ милліонера: во-первыхъ, графъ Луксъ, который понялъ, что брошенная имъ столь трусливо въ рощѣ возлюбленная не застрѣлилась, а была застрѣлена, и затѣмъ молодой дворянинъ Пассенъ. Онъ сразу почувствовалъ какую-то тайну въ поведеніи и въ словахъ Дультерса, и потомъ цѣлымъ рядомъ наблюденій уяснилъ себѣ все, что̀ произошло. Происходитъ своего рода трагическій поединокъ между Дультерсомъ и двумя людьми, которымъ онъ невольно открылъ свою тайну. Въ Луксѣ онъ сразу видитъ своего смертельнаго врага, тѣмъ болѣе, что ихъ дѣловыя отношенія складываются такъ, что у Лукса есть достаточно поводовъ къ враждѣ. Этотъ разоренный графъ очутился всецѣло въ рукахъ милліонера, который становится владѣльцемъ и его лѣсовъ, и родового помѣстья. Луксъ надѣялся только тѣмъ спастись отъ разоренья, что сынъ его женится на дочери Дультерса, но, къ великому удовольствію милліонера, дѣвушкѣ не нравится графъ, и предполагаемый бракъ разстроивается. Но онъ еще не подозрѣваетъ того, что̀ связываетъ его съ Луксомъ—его только безпокоятъ и тревожатъ странные вопросы графа, его постоянные намеки на разсказанную Дультерсомъ исторію, происходившую, будто бы, въ Лифляндіи, и тѣмъ, что онъ постоянно какъ бы ловитъ его. Когда же онъ случайно узнаетъ, что графъ зналъ его жену, ему тоже становится все яснымъ, и тогда начинается между ними глухая борьба, заканчивающаяся откровеннымъ разговоромъ о прошломъ и выясненіемъ одинаковой вины обоихъ. Но Лукса

Дультерсъ только ненавидитъ за нанесенную въ прошломъ обиду — совѣсть его передъ нимъ чиста. Гораздо сложнѣе его отношенія къ Пассену. Онъ уважаетъ молодого человѣка за честность и откровенность, чувствуетъ къ нему невольную симпатію, но вмѣстѣ съ тѣмъ боится его, какъ судьи. Онъ съ горечью видитъ, что дочери его Пассенъ нравится, и что этотъ грозный судья долженъ неминуемо войти въ его жизнь; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него является странное влеченіе къ нему—какъ будто онъ долженъ избавить его отъ долгаго кошмара. Это предчувствіе оправдывается—Пассенъ указываетъ ему исходъ изъ его душевной трагедіи. Прося у него руки дочери, онъ смѣло говоритъ о томъ, что догадался о прошломъ. Дультерсъ испытываетъ сначала ужасъ, увидѣвъ, что тайна его открыта. Но въ то же время онъ чувствуетъ и облегченіе—снята маска, мучившая его столько лѣтъ. Пассенъ первый пробуждаетъ въ немъ мысль, которая таилась въ немъ самомъ. Нужно искупленіе—его Дультерсъ и боится, и желаетъ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ со времени замужства его дочери. Никто, кромѣ Лукса и Пассена, не знаетъ о преступленіи. Дультерсъ по прежнему борется съ Луксомъ, но его собственныя мученія просвѣтлены сознаніемъ, что вина открыта, и что нужно только найти путь къ искупленію. Онъ ликвидируетъ дѣла, завѣщаетъ свое состояніе отчасти дочери, а остальное на благотворительныя дѣла, и уѣзжаетъ въ свое помѣстье—туда, гдѣ совершилось преступленіе. Жить тамъ—тягчайшая кара для него. Его всюду преслѣдуетъ образъ жены. Онъ идетъ къ тому дубу, у котораго застрѣлилъ жену,—его приводитъ туда маленькая внучка, исполняя предвѣщаніе цыганки, которая сказала Дультерсу, что ребенокъ будетъ виной его гибели. Тамъ ему кажется, что передъ нимъ стоитъ жена. Онъ отсылаетъ ребенка, и, оставшись одинъ, застрѣливается тѣмъ же револьверомъ, которымъ убилъ жену. Вина его искуплена, конечно, не только самоубійствомъ, но тѣми страданіями, которыя привели къ самоубійству.

Съ художественной стороны романъ имѣетъ много недочетовъ: діалогъ очень безцвѣтный и плоскій, нѣтъ индивидуальной окраски въ изображеніи лицъ. Но интересъ романа—въ замыслѣ, въ томъ, что психологическій узелъ разрѣшается внутренними мотивами, а не внѣшними обстоятельствами. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1900.

Запоздалая защита классической средней школы. — Что такое „внутренняя китайщина", съ какой стороны надвигается „одичаніе" и „обскурантизмъ"? — Вл. Серг. Соловьевъ въ воспоминаніяхъ о немъ г. Ф. Г., М. О. Меньшикова, Мельхіора де-Вогюэ и г. Н. Н—ва.

Мало найдется вопросовъ, по которымъ въ средѣ русскаго общества существовало бы бо́льшее единодушіе, чѣмъ по вопросу о преобразованіи средней школы. Даже между немногими защитниками нынѣшней системы почти никто не стоитъ за тѣ способы ея примѣненія, которые господствовали въ продолженіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій. Почти нѣтъ рѣчи о высокомъ достоинствѣ древнихъ языковъ, какъ орудія умственной гимнастики, о необыкновенной важности экстемпоралій, о необходимости преобладанія грамматическаго элемента надъ всѣми остальными, о цѣлесообразности приглашенія въ учителя иностранцевъ, едва знающихъ русскій языкъ. Все это послѣдніе приверженцы ультра-классицизма готовы выбросить за бортъ, чтобы спасти самое для нихъ цѣнное: центральное мѣсто древнихъ языковъ въ общеобразовательной средней школѣ и монополію этой школы, какъ преддверія къ университету. Такова, напримѣръ, основная тема интересной статьи, озаглавленной: „Гоненіе на древніе языки" и подписанной: „Дальній" („С.-Петербургскія Вѣдомости", № 228). Указавъ на то, что среди разнородныхъ мнѣній и взглядовъ, вызванныхъ прошлогоднимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, громче всѣхъ слышался крикъ: „избавьте нашу школу отъ древнихъ языковъ", г. Дальній замѣчаетъ, что какъ бы прискорбенъ ни былъ этотъ фактъ для сторонниковъ классической школы, закрывать на него глаза было бы наивно. „Разъ установлено" — читаемъ мы дальше—„озлобленіе общества или хотя бы извѣстной его части противъ преподаванія древнихъ языковъ, въ высшей степени любопытно выяснить причины такого озлобленія". Эти причины авторъ дѣлитъ на мѣстныя, относящіяся собственно къ Россіи, и общія, возникшія въ западной Европѣ. Къ первымъ онъ относитъ слишкомъ торопливое и одностороннее проведеніе реформы 1871 года, ко вторымъ—„стремленіе къ эгалитарной нивеллировкѣ въ демократическомъ направленіи" и экономическія условія, заставляющія желать возможно скорѣйшаго пріобрѣтенія практически полезныхъ знаній. Во Франціи и Германіи,—говоритъ г. Дальній,—„для низшихъ слоевъ, рвущихся къ наискорѣйшему занятію возможно болѣе высокаго поло-

женія, нужна такая школа, которая была бы полегче и потому скорѣе вела бы къ цѣли. Съ ихъ точки зрѣнія классическая школа, въ которой вырабатывается умственная аристократія, представляется школою отсталою. Масса народа интересуется современностью, цѣнитъ послѣднее слово науки и въ то же время требуетъ доступа въ среднюю школу наравнѣ съ высшими классами... У насъ условія совершенно иныя: для огромной массы нашего народа нужно покамѣсть только возможно бо̀льшее распространеніе начальныхъ школъ, да повторительные курсы для взрослыхъ, да народные дома съ библіотеками... Между тѣмъ, наши домашніе противники классической школы различія между соціальнымъ строемъ Россіи и Франціи какъ будто не понимаютъ и съ побѣдоноснымъ видомъ указываютъ на то, что въ передовыхъ странахъ западной Европы общественное мнѣніе ведетъ борьбу съ классицизмомъ". Что касается до экономическихъ условій, то они, по мнѣнію г. Дальняго, одинаковы на Западѣ и въ Россіи; ими объясняется, между прочимъ, и требованіе, чтобы средняя школа научала новымъ языкамъ, столь полезнымъ въ практической жизни. Противниковъ классической школы г. Дальній старается уличить въ противорѣчіи: еще недавно они „порицали гимназію съ древними языками, какъ школу чужую, нѣмецкую, введенную у насъ насильно— а теперь настойчиво рекомендуютъ примкнуть къ возникшей въ Германіи борьбѣ противъ классической школы". Заканчивается статья г. Дальняго протестомъ противъ „криковъ, требующихъ постановки на первое мѣсто прикладной науки и узко-утилитарнаго характера средняго образованія".

Памятуя англійскую поговорку: „give a dog a bad name and then hang him" (въ вольномъ переводѣ—„чтобы повѣсить собаку, нужно сначала приписать ей какое-нибудь дурное свойство"), мы считаемъ особенно опасной попытку связать вопросъ о классической школѣ съ стремленіемъ къ „эгалитарной нивеллировкѣ въ демократическомъ направленіи". Здѣсь смѣшиваются, прежде всего, два совершенно различныя понятія: общедоступность средней школы и кругъ предметовъ, входящихъ въ ея программу. Первая зависитъ отъ степени дороговизны средняго образованія, отъ количества безплатныхъ вакансій или стипендій въ средней школѣ, отъ числа средне-учебныхъ заведеній; второй нисколько не связанъ ни съ числомъ учащихся, ни съ ихъ имущественнымъ или общественнымъ положеніемъ. Можно добиваться широкаго раскрытія дверей средней школы—и вмѣстѣ съ тѣмъ усложнять ея программу и удлиннять продолжительность ученья; наоборотъ, можно стремиться къ ограниченію доступа въ среднюю школу—и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшать объемъ преподаванія и число учебныхъ годовъ. Движеніе противъ классической школы на Западѣ, насколько оно вылилось въ опредѣленныя формы и выставило опре-

дѣленныя требованія, идетъ вовсе не изъ среды *массы*, которой некогда думать о „послѣднемъ словѣ науки“, а изъ среды высоко-образованныхъ людей, отчасти даже изъ среды педагоговъ, убѣдившихся въ томъ, что нормы, нѣкогда естественныя и плодотворныя, все больше и больше утрачиваютъ свою цѣнность. Не случайно же присоединился къ этимъ людямъ императоръ Вильгельмъ II-ой, конечно, не расположенный къ „эгалитарной нивеллировкѣ“. „Умственная аристократія“ вырабатывается не классической школой, а общимъ образованіемъ, среднимъ и высшимъ, какіе бы ни были его предѣлы и основы. Безспорно, для начальнаго образованія на Западѣ, особенно въ послѣдніе годы, сдѣлано гораздо больше, чѣмъ въ Россіи; безспорно, народная школа должна составлять у насъ главный предметъ заботъ правительства и общества; но какимъ же образомъ и въ чемъ подобныя заботы могутъ помѣшать коренной реформѣ средней школы —реформѣ, которая сама по себѣ вовсе не требуетъ новыхъ затратъ со стороны государства [1])?.. Ошибается г. Дальній, какъ намъ кажется, и тогда, когда связываетъ стремленіе къ реформѣ съ желаніемъ скорѣйшаго пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній, нужныхъ для устройства матеріальнаго благополучія. Никто, сколько намъ извѣстно, не предлагалъ сократить гимназическій курсъ больше чѣмъ на одинъ годъ—а это сокращеніе слишкомъ невелико, чтобы за нимъ можно было признавать большое *экономическое* значеніе; его сторонники рекомендуютъ его просто потому, что считаютъ семилѣтній срокъ ученья достаточнымъ для цѣлей средняго образованія—и это подтверждается вполнѣ опытомъ нашей до-реформенной, семиклассной гимназіи. Никто, точно также, не высказывался за исключительно утилитарный характеръ общаго средняго образованія, никто не думалъ о приспособленіи его къ однимъ только запросамъ практической жизни. Преобладающее мѣсто, до сихъ поръ принадлежавшее древнимъ языкамъ, предназначается, въ проектахъ реформы, общеобразовательнымъ предметамъ, вовсе не имѣющимъ значенія подготовки къ спеціальнымъ занятіямъ, къ той или другой опредѣленной профессіи. Такими общеобразовательными предметами являются не только русскій языкъ, исторія, естествовѣдѣніе, но и новые языки, съ ихъ литературой, во всякомъ случаѣ не менѣе богатой и гораздо болѣе разнообразной, чѣмъ литературы древне-греческая и древне-римская. Конечно, знаніе новыхъ языковъ можетъ, впослѣдствіи, оказаться далеко не безполезнымъ и въ практическомъ отношеніи, все равно, по какой бы дорогѣ ни пошли бывшіе гимназисты: но не къ этой цѣли должно быть направлено преподаваніе ихъ въ преобразованной гимназіи. Неосновательны,

[1]) Необходимо, конечно, увеличить содержаніе учителей гимназіи—но эта необходимость нисколько не зависитъ отъ измѣненія или неизмѣненія гимназическихъ программъ и учебныхъ плановъ.

наконецъ, упреки въ противорѣчіи, съ которыми г. Дальній обращается къ противникамъ нынѣшней средней школы. Тридцать лѣтъ тому назадъ они осуждали реформу гр. Толстого не потому, что она многое заимствовала изъ Германіи, а потому, что она не соотвѣтствовала ни потребностямъ русскаго общества, ни задачамъ современнаго образованія; теперь они высказываются за контръ-реформу не потому, что нѣчто подобное готовится или совершается въ Германіи, а потому, что видятъ въ ней осуществленіе своей давнишней, завѣтной мысли. Они остаются вѣрными самимъ себѣ—и на ихъ сторонѣ стоитъ горькій опытъ, стоитъ почти никѣмъ уже теперь не отрицаемое крушеніе ультра- или псевдо-классицизма.

Въ послѣдней продолжительной своей бесѣдѣ съ кн. С. Н. Трубецкимъ [1]) Вл. С. Соловьевъ высказалъ мысль, которую онъ проводилъ еще десять лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ: „Китай и Европа"—что „нельзя бороться съ Китаемъ, не преодолѣвъ у себя внутренней китайщины". По истинѣ удивительный комментарій къ этимъ словамъ дали на дняхъ „Московскія Вѣдомости" (№ 247). „Либеральные друзья Вл. С. Соловьева"—восклицаетъ реакціонная газета—„несомнѣнно тотчасъ же готовы будутъ растолковать намъ, что наша *внутренняя китайщина* заключается въ нашей клерикальности и въ отсутствіи у насъ конституціи. Они будутъ отстаивать эту нелѣпость, хотя отлично знаютъ, что покойный философъ всю жизнь свою защищалъ именно религіозныя и монархическія начала въ современномъ человѣчествѣ. Но наши либералы этимъ смущаться не станутъ, и мы заранѣе увѣрены, что они воспользуются *внутреннею китайщиной* какъ эффектнымъ боевымъ терминомъ, какъ удобнымъ Schlagwort для своихъ пошленькихъ партійныхъ цѣлей, бывшихъ столь антипатичными такому глубокому мистическому мыслителю, какимъ былъ Соловьевъ. То, что онъ подразумѣвалъ подъ внутреннею китайщиной, мы отчасти видимъ изъ словъ кн. Трубецкого, который, говоря о томъ злѣ, противъ котораго Соловьевъ боролся, называетъ, рядомъ со *внутреннимъ китаизмомъ*, надвигающееся *одичаніе и обскурантизмъ*. Надвигающееся и уже нагрянувшее на Россію одичаніе, въ видѣ грубаго матеріализма и соціализма, грозящихъ разрушить высшіе идеалы религіи, науки и искусства и погрузить насъ въ мракъ невѣжественнаго обскурантизма,—вотъ тѣ внутренніе враги, съ которыми Россія должна бороться". Не мѣшало бы московской газетѣ отказаться, прежде всего, отъ мало идущей къ ней роли прорицателя будущаго. „Либеральнымъ друзьямъ" Вл. Серг. Соловьева незачѣмъ приписывать ему мысли, которыя были ему чужды; общихъ съ нимъ убѣжденій и

---

[1]) См. предыдущую книжку „Вѣстника Европы", стр. 414.

стремленій у нихъ достаточно и безъ того, и въ искусственномъ ихъ умноженіи нѣтъ никакой надобности. Извращеніемъ взглядовъ покойнаго философа, извращеніемъ явнымъ и грубымъ, занимаются, какъ мы сейчасъ увидимъ, не тѣ, которыхъ заранѣе, par anticipation, въ этомъ обвиняютъ, а сами обвинители. Безспорно, въ програму Соловьева *не* входила конституція; безспорно, онъ былъ глубоко религіозенъ (что не мѣшало ему, конечно, быть заклятымъ врагомъ „клерикальности"); но не менѣе безспорно и то, что подъ словами: „внутренняя китайщина" онъ разумѣлъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ вкладываемое въ нихъ „Московскими Вѣдомостями". Если онъ, послѣднія двѣнадцать лѣтъ своей жизни, шелъ рука объ руку съ своими „либеральными друзьями", то именно потому, что ихъ программа во многомъ была и его програмой. Вмѣстѣ съ ними онъ боролся противъ ультра-націонализма и „зоологическаго патріотизма", противъ поклоненія силѣ, противъ „гражданскаго и экономическаго рабства", противъ „патріархальной опеки", за свободу совѣсти (понимаемую въ самомъ широкомъ смыслѣ, безъ лицемѣрныхъ оговорокъ и іезуитскихъ réserves mentales), за свободу слова, за свободу общественной дѣятельности и общественныхъ организацій, за равноправность племенъ, классовъ и сословій, за уваженіе къ личности, за смягченіе уголовной репрессіи, за „культурность", за просвѣщеніе. Вмѣстѣ съ ними онъ старался разрушить *идолы* и приблизить торжество *идеаловъ*. Пускай московская газета называетъ цѣли либерализма „пошленькими" и „партійными"—это ея право; но нѣтъ у нея права утверждать, что эти цѣли были антипатичны Соловьеву. Къ кому и къ чему онъ чувствовалъ антипатію—объ этомъ свидѣтельствуетъ каждая страница его блестящихъ полемическихъ статей. объ этомъ свидѣтельствуетъ и предсмертная его бесѣда съ кн. Трубецкимъ. Вслѣдъ за словами о внутренней китайщинѣ, перепечатанными московской газетой, идутъ другія, конечно, ею не воспроизведенныя: „въ культѣ Большого кулака мы все равно угнаться за китайцами не можемъ; они будутъ и послѣдовательнѣе, и сильнѣе насъ на этой почвѣ". Въ какомъ литературномъ лагерѣ процвѣтаетъ у насъ „культъ Большого кулака"—это не требуетъ поясненій... Изъ сказаннаго кн. Трубецкимъ лично отъ себя „Московскія Вѣдомости" точно такъ же выхватили только два слова, правильное освѣщеніе которыхъ даетъ лишь цѣлая фраза: „онъ (Вл. С. Соловьевъ) похоронилъ славянофильство и его эпигоновъ; двадцать лѣтъ онъ былъ безспорно самымъ сильнымъ обличителемъ отечественныхъ *Большихъ кулаковъ*, самымъ могущественнымъ противникомъ надвигающагося одичанія, обскурантизма и внутренняго китаизма". И вотъ, эпигоны похороненнаго Соловьевымъ славянофильства, эпигоны, которыхъ онъ прямо называлъ *новѣйшими обскурантами, отрицателями вселенской правды*, пытаются

теперь завербовать почившаго мыслителя въ свои ряды, навязать ему свое толкованіе „одичанія" и „обскурантизма"! Смѣлостью можно, по пословицѣ, взять городъ, но нельзя затемнить слишкомъ очевидную истину. Что Соловьевъ не былъ ни матеріалистомъ, ни соціалистомъ (въ банально-обычномъ смыслѣ слова)—это не подлежитъ сомнѣнію: но не матеріализмъ и не соціализмъ онъ имѣлъ въ виду, когда возставалъ противъ *внутренней китайщины* [1]), и не о нихъ думалъ кн. Трубецкой, говоря о надвигающемся одичаніи и обскурантизмѣ [2]). Рѣчь шла о злѣ восточномъ, а не западномъ. Нѣтъ, никакимъ софизмамъ не удастся обратить Соловьева въ соратника людей, въ которыхъ онъ видѣлъ злѣйшихъ враговъ русскаго народа, въ единомышленника „безумныхъ патріотовъ, усиливающихся создать безъ всякой нужды очагъ смуты подъ самой столицей" [3]).

Весьма цѣнный матеріалъ для характеристики Вл. Серг. Соловьева даетъ статья г. Ф. Г., напечатанная въ № 63 газеты „Восходъ". Авторъ ея зналъ покойнаго съ 1879 года, когда онъ только-что начиналъ пріобрѣтать извѣстность, благодаря, въ особенности, его публичнымъ лекціямъ по философіи религіи. Въ виду слуховъ о томъ, что Вл. Серг. находится подъ сильнымъ вліяніемъ Достоевскаго, г. Г. опасался найти въ немъ противника евреевъ, но при первой же встрѣчѣ убѣдился въ томъ, что эти опасенія были напрасны. Вл. Серг. уже тогда былъ хорошо знакомъ съ ветхозавѣтнымъ еврействомъ, но мало изучалъ позднѣйшую исторію и современное положеніе евреевъ. Этотъ пробѣлъ онъ старался пополнить съ помощью г. Г. и сталъ читать въ подлинникѣ какъ священныя книги Ветхаго Завѣта, такъ и талмудъ. Возмущенный до глубины души еврейскими погромами начала восьмидесятыхъ годовъ, онъ хлопоталъ, но тщетно, объ образованіи комитета для вспомоществованія пострадавшимъ отъ погромовъ. Когда въ 1890 г. опять усилилось антисемитическое движеніе—на этотъ разъ уже не въ средѣ народа, а въ средѣ правящихъ классовъ,—онъ задумалъ организовать противъ него коллективный протестъ и собралъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, болѣе ста подписей, во главѣ которыхъ стояла подпись гр. Л. Н. Толстого. Протестъ былъ напечатанъ въ „Times", но безъ подписей; больше ничего не оказалось возможнымъ. Тогда Вл. Серг., по словамъ г. Г., „рѣшился на крайній шагъ, который слѣдуетъ признать настоящимъ нравственнымъ подвигомъ" и

---

[1]) См. некрологъ Вл. Серг. Соловьева въ предыдущей книгѣ „Вѣстника Европы", стр. 403.

[2]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить прошлогоднюю статью кн. Трубецкого о „звѣряхъ пустыни", воющихъ, каркающихъ и шипящихъ въ нашей печати.

[3]) Выраженіе Вл. Серг. Соловьева, приводимое въ статьѣ кн. Трубецкого.

о которомъ г. Г. обѣщаетъ разсказать въ другой разъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ (что такой шагъ дѣйствительно былъ сдѣланъ—объ этомъ было извѣстно, въ свое время, многимъ друзьямъ Владиміра Сергѣевича). Заступаться за еврейство Вл. Серг. считалъ вообще своимъ нравственнымъ долгомъ, мотивируя это, въ письмѣ къ г. Г. (написанномъ въ 1891 г.),—ссылкою на слова пророка Іезекіиля: „если не возвѣстишь нечестивому, да обратится отъ пути своего и живъ будетъ, взыщу кровь его отъ руки твоей; если же возвѣстишь ему, и не обратится отъ нечестія своего и отъ пути нечестиваго своего, въ беззаконіи своемъ умретъ онъ, ты же душу свою избавилъ". „Еврейскій вопросъ"—говоритъ Вл. Серг. въ томъ же письмѣ—„есть прежде всего вопросъ христіанскій, именно вопросъ о томъ, насколько христіанскія общества, во всѣхъ отношеніяхъ своихъ къ евреямъ, способны руководиться на дѣлѣ началами евангельскаго ученія, исповѣдуемаго ими на словахъ. Кто проповѣдуетъ огульную вражду къ цѣлому народу, тотъ тѣмъ самымъ показываетъ, что христіанская точка зрѣнія потеряла для него свою обязательность". Для самого еврейства „злобная и нечистая" анти-семитическая агитація, въ концѣ концовъ, не опасна; она скорѣе могла бы внушить страхъ за Россію—но Влад. Серг. не чувствуетъ и этого страха. „Русскій народъ" — таковы заключительныя слова его письма—„себѣ не врагъ; онъ достаточно уменъ, чтобы не прать противъ рожна и не спорить съ Божьими судьбами. И не даромъ Провидѣніе водворило въ нашемъ отечествѣ самую большую и самую крѣпкую часть еврейства". Что въ своемъ отношеніи къ еврейству, какъ и во всемъ другомъ, Влад. Серг. до конца остался вѣренъ самому себѣ—это видно изъ разсказа кн. С. Н. Трубецкого о послѣднихъ дняхъ его жизни, напечатаннаго въ сентябрьской книгѣ нашего журнала... Факты, сообщаемые г. Г., касаются только одного вопроса—но въ нихъ отразились всѣ отличительныя черты Вл. Серг. Соловьева: безконечное стремленіе къ знанію, безпредѣльная сила труда, страстная жажда любви и справедливости, страстная ненависть къ преслѣдованію и угнетенію.

Мы говорили въ предыдущей хроникѣ о замѣчательномъ, рѣдкомъ единодушіи, съ которымъ наша печать почтила память Владиміра Сергѣевича. Само собою разумѣется, однако, что̀ и въ сочувственныхъ отзывахъ о покойномъ встрѣчаются сужденія ошибочныя или по меньшей мѣрѣ спорныя. Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ о покойномъ писатель, близко его знавшій и искренно любившій (г. Меньшиковъ, въ № 33 „Недѣли"): „для дѣйствующаго поколѣнія русскихъ писателей Владиміръ Соловьевъ не былъ вождемъ, но онъ былъ какъ никто *милымъ спутникомъ,* живая близость котораго ободряла и влекла иногда больше, чѣмъ повелительная сила *первостепенныхъ талантовъ.* Вожди далеко, часто они за гробомъ; необходимо, чтобы бокъ-о-бокъ

съ вами, въ ряду борцовъ, шелъ близкій сердцу, привѣтливый и чуткій человѣкъ... Безповоротно покоряла многихъ этому замѣчательному человѣку его искренняя религіозность. Эта высокая черта такъ шла къ его красотѣ и душевной прелести, такъ тонко оттѣняла благородство духа. *Отнимите религіозность у ангеловъ—что останется?* Чѣмъ-то ангельскимъ вѣяло отъ Владиміра Соловьева въ его молодые годы... *Послѣдній славянофилъ*, онъ былъ представителемъ души народной на вершинахъ европейскаго просвѣщенія, и если кое въ чемъ расходился съ своею школою, то лишь въ томъ, въ чемъ разошелся бы съ нею и народъ. Онъ не былъ апостоломъ: великія трагическія роли не подходили къ нему. Онъ былъ поэтъ; онъ явился въ нашъ міръ не для переворота, а на радость и созерцанье; въ немъ созрѣлъ *не плодъ человѣческой души, а прекрасный цвѣтъ ея.* Что оставилъ по себѣ Вл. Соловьевъ? Книги, полныя неясныхъ, но глубокихъ думъ, полныя рыцарственныхъ порывовъ. Оставилъ еще память о себѣ и какъ бы нѣчто священное для насъ въ своемъ имени. Оставилъ горькое сожалѣніе—зачѣмъ онъ ушелъ такъ рано". Еслибы эта оцѣнка соотвѣтствовала дѣйствительности, ранняя смерть Вл. Серг. Соловьева была бы тяжкой утратой только для людей, лично его знавшихъ и ему близкихъ. Только для нихъ онъ былъ бы „милымъ спутникомъ", только въ нихъ онъ оставилъ бы „священную память". Русское общество, разсматриваемое какъ цѣлое, потеряло бы, въ его лицѣ, лишь талантъ не „первостепенный", все наслѣдство котораго сводится къ нѣсколькимъ „неяснымъ", хотя и глубокимъ книгамъ. Едва ли такъ смотритъ на покойнаго громадное большинство его почитателей. Не рѣшаемся говорить отъ его имени, но думаемъ, что выразимъ мнѣніе весьма многихъ, если назовемъ талантъ Вл. Серг. Соловьева выдающимся, крупнымъ, *первостепеннымъ*, и притомъ не только съ точки зрѣнія формы. Его сочиненія неясны тамъ, гдѣ они приближаются къ міру сверхъ-чувственнаго, таинственнаго, болѣе предугадываемаго, чѣмъ познаваемаго, другими словами, тамъ, гдѣ полная ясность исключается самою сущностью предмета. Во всемъ остальномъ прозрачность мысли доведена у Вл. Серг. до высокаго совершенства. Онъ сказалъ далеко не все, что могъ и хотѣлъ сказать, но для него давно наступила пора зрѣлости, и его послѣдніе выводы въ разныхъ областяхъ знанія и жизни—нѣчто гораздо бо̀льшее, чѣмъ „цвѣты", хотя бы и самые красивые и благоуханные. Поэтъ-созерцатель, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и борцомъ, глубоко понимавшимъ чужую скорбь и часто изнемогавшимъ подъ бременемъ собственной печали. Радость была такою же рѣдкой гостьей въ его жизни, какъ и въ его творчествѣ. Апостоломъ онъ не былъ,—это правда; но есть ли теперь просторъ для апостольской дѣятельности, есть ли условія, благопріятствующія ей или хотя бы дѣлающія ее возможной? Правда и то, что онъ не совер-

шилъ переворота; но—если оставить въ сторонѣ сферу техники и точной науки—отдѣльными ли лицами совершаются перевороты въ наше время? Можно ли, наконецъ, считать Владиміра Сергѣевича „послѣднимъ славянофиломъ", развѣ что онъ, вполнѣ сознательно и намѣренно, нанесъ смертельный ударъ славянофильству? Даже тогда, когда онъ казался, по своей внѣшней обстановкѣ, близкимъ къ славянофильской доктринѣ, онъ не былъ ея настоящимъ, правовѣрнымъ приверженцемъ—а впослѣдствіи онъ соприкасался съ нею только по отдѣльнымъ вопросамъ, да и то больше по видимому, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Общіе выводы г. Меньшикова носятъ на себѣ всецѣло субъективный характеръ; это—отраженіе *впечатлѣній*, вынесенныхъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, изъ живого общенія съ Вл. Серг. Соловьевымъ, а не результатъ изученія трудовъ, переживающихъ писателя и сохраняющихъ его образъ для потомства. Спѣшимъ прибавить, что въ первое время послѣ невознаградимой потери трудно и ожидать чего-либо другого кромѣ впечатлѣній. Мы хотѣли только указать, что впечатлѣнія г. Меньшикова рѣзко расходятся съ впечатлѣніями другихъ друзей Вл. Серг. Соловьева.

Не лишены интереса воспоминанія о Влад. Серг. извѣстнаго французскаго писателя Мельхіора де-Вогюэ, напечатанныя въ „Journal des Débats" и переведенныя въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 222). Они относятся преимущественно къ ранней молодости Вл. С., съ которымъ Вогюэ встрѣчался въ Москвѣ, Каирѣ, черниговской губерніи и Петербургѣ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Вотъ что говоритъ Вогюэ о лекціяхъ Вл. С. въ петербургскомъ университетѣ: „эта масса студентовъ, вышедшихъ изъ народа, сидящихъ или стоящихъ на скамьяхъ обширной аудиторіи, наполняя ее живописными группами, этотъ молодой двадцати-семилѣтній ученый, пылкій, худощавый—все переносило воображеніе въ подобныя же средневѣковыя аудиторіи, со студентами и профессорами, которые должны были имѣть ту же физіономію, ту же діалектику, тѣ же страсти. Но тема вступительной лекціи была дерзко нова: восхваленіе богини разума 1793 года. Профессоръ ее превозносилъ, объяснялъ ея широкій символизмъ; его краснорѣчіе вызывало возгласы удивленія у всѣхъ его слушателей. Мы съ тревогой слѣдили за его смѣлой рѣчью, какъ слѣдятъ за акробатомъ на натянутомъ канатѣ: не сорвется ли онъ? Отнюдь нѣтъ. Руководимая религіознымъ идеаломъ, успокоительнымъ для самаго суроваго изъ русскихъ консерваторовъ, мысль оратора двигалась надъ пропастью съ той прирожденной изворотливостью, которая спутываетъ всѣ наши мысли [1])... Соловьевъ былъ философомъ,

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь, очевидно, о *французской* мысли, давно освобожденной отъ тѣхъ стѣсненій, которыя заставляютъ иногда русскаго писателя „балансировать надъ пропастью".

богословомъ, поэтомъ, но всѣ эти понятія мало его опредѣляютъ; вѣрнѣе будетъ назвать его *докторомъ* (doctor mirabilis) въ томъ смыслѣ, какой придавался этому слову, когда имъ жаловали великихъ средневѣковыхъ схоластиковъ"... Изъ этихъ „докторовъ" Соловьевъ всего больше, въ глазахъ Вогюэ, напоминалъ Абеляра, „такого же обольстительнаго, краснорѣчиваго, съ головокружительной граціей играющаго надъ бездной еретичества и страсти"... „Нѣкоторыя особенности"—говоритъ Вогюэ въ другомъ мѣстѣ—„показали намъ, въ чемъ Соловьевъ былъ великъ и воплощалъ свою расу. Однажды, когда онъ съ убѣжденіемъ говорилъ, какъ его влечетъ къ католической церкви, кто-то рѣшился спросить его:—Почему же вы не войдете въ нее?—Никогда! иначе я потеряю вліяніе на своихъ соотечественниковъ.—Но ваше личное благо...—Ахъ, что мнѣ до моего личнаго блага! Надо думать всегда о благѣ ближнихъ.—Слово чисто русское, въ которомъ обнаружилось побужденіе общее и вѣрующему, и нигилисту: радостное самопожертвованіе одного всѣмъ, до самой могилы". Вполнѣ объяснить Соловьева могъ бы, по мнѣнію Вогюэ, только одинъ Достоевскій: „этотъ романистъ создалъ бы, можетъ быть, по образцу Соловьева существа призрачныя для насъ, но совершенно реальныя тамъ, въ Россіи: личности электрическія, живыя отвлеченности, духъ, почти независимый отъ тѣла". Въ этихъ словахъ есть доля правды. Одна сторона натуры и творчества Владиміра Сергѣевича одинаково понятна для каждаго, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, лишь бы онъ могъ глубоко вникнуть въ сочиненія Соловьева и ознакомиться съ различными фазисами и видами его умственной работы; но другая сторона, тысячею нитей связанная съ русскими условіями и русской почвой, трудно доступна для иностранца, даже настолько знающаго Россію, насколько знаетъ ее, напримѣръ, Вогюэ.

Къ короткой профессорской дѣятельности Вл. Серг. Соловьева относятся и любопытныя воспоминанія г. Н. Н—ва, появившіяся въ „Варшавскомъ Дневникѣ" и перепечатанныя отчасти „Русскими Вѣдомостями" (№ 235). Вотъ что̀ сказано здѣсь о первой лекціи Вл. С. въ петербургскомъ университетѣ: „Соловьевъ медленно взошелъ на каѳедру и обвелъ глазами огромную аудиторію. Эти большіе темноголубые глаза, съ густыми черными бровями и рѣсницами, были глубоки, полны мысли и огня и какъ бы подернуты мистическимъ туманомъ. На губахъ играла милая, ласковая улыбка. Аудиторія, вопреки обычаю встрѣчать новаго профессора апплодисментами, хранила гробовое молчаніе. Среди филологовъ послышалось-было нѣсколько шлепковъ, но они тотчасъ были заглушены бурнымъ: шш-ш... Соловьевъ съ той же мягкой улыбкой началъ лекцію. Началъ онъ говорить тихо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ голосъ его болѣе и болѣе становился звучнымъ, вдохновеннымъ; онъ говорилъ о христіанскихъ идеалахъ, о непобѣди-

мости любви, переживающей смерть и время, о презрѣніи къ міру, который во злѣ лежитъ, говорилъ о жизни какъ о подвигѣ, цѣль котораго—въ возможной для смертнаго степени приблизиться къ той полнотѣ совершенства, которая явлена Христомъ, которая дѣлаетъ возможнымъ обожествленіе человѣчества и обѣщаетъ царство міровой любви и вселенскаго братства... Онъ кончилъ и попрежнему опустилъ голову на грудь. Нѣсколько секундъ молчанія, и вдругъ—бѣшеный взрывъ рукоплесканій. Апплодировала вся аудиторія—и естественники, и юристы, и филологи. Наконецъ, вдохновенный лекторъ поднялъ руку, и разомъ все смолкло. Очевидно, онъ уже овладѣлъ своей аудиторіей, онъ загипнотизировалъ ее.—Я хочу сообщить вамъ, господа,—сказалъ Соловьевъ,—или, лучше, я прошу васъ, чтобы каждый, несогласный съ основными положеніями моей настоящей и будущихъ лекцій, возражалъ мнѣ по окончаніи лекціи.—Снова взрывъ рукоплесканій. Возраженія профессору по поводу прочитанной имъ лекціи,—это являлось совершеннымъ новшествомъ въ университетской жизни,—и новшествомъ, какъ оказалось потомъ, весьма благотворнымъ по послѣдствіямъ. На второй лекціи аудиторія оказалась еще многолюднѣе; пришлось открыть актовую залу. Секретъ популярности Соловьева въ средѣ студенчества заключался въ томъ, что онъ самъ, и въ то время, и во всю жизнь, былъ восторженнымъ борцомъ за истину, какъ онъ понималъ ее; внѣ стремленій къ идеалу, внѣ вѣры въ непобѣдимую силу общечеловѣческой правды, внѣ жизни какъ подвига,—онъ не могъ себѣ и представить жизни. И какъ ни смущала его наша сѣрая дѣйствительность, какъ ни казались, по временамъ, ликующими и торжествующими ложь и мракобѣсіе, онъ свято вѣрилъ, что *въ незримой глубинѣ сознанья мірового—источникъ истины живетъ, не заглушенъ.* Но именно эти-то свойства духа и были присущи студенческой молодежи; именно она-то и была проникнута жаждой идеала и борьбы за него; она-то и была преисполнена горячей вѣрой во всепобѣждающую силу идеи... Въ Соловьевѣ лучшая часть студенчества видѣла родную себѣ душу, и симпатія возникала изъ сродства душъ,—вотъ что̀ являлось прочнымъ залогомъ единенія, къ которому такъ усердно, но безнадежно стремятся профессоры-чиновники. Поэтому-то и случалось, что многіе изъ студентовъ во многомъ расходились со взглядами своего профессора, но любили и уважали его, чувствуя тяготѣніе къ нему. Къ этому нужно добавить, что Соловьевъ былъ чрезвычайно обаятеленъ какъ человѣкъ, благодаря своей любвеобильной душѣ, широкой гуманности и замѣчательной терпимости къ чужимъ мнѣніямъ. Случалось, напр., что во время преній послѣ лекціи, нѣкоторые изъ увлекающихся оппонентовъ говорили ему прямо дерзости. Такихъ останавливали, конечно, сами

студенты. Но Соловьевъ, съ неизмѣнной ласковой улыбкой, вмѣшивался:—Господа, позвольте же свободно высказаться моему оппоненту!— Однажды,—разсказываетъ авторъ,—онъ обратился къ покойному философу съ вопросомъ: какъ онъ въ глубинѣ души относится къ „несдержаннымъ“ студентамъ, Вл. С. серьезно отвѣтилъ:—Это будутъ если не лучшіе изъ моихъ учениковъ, то во всякомъ случаѣ прекрасные люди и полезные общественные дѣятели. — Почему?—Для того, чтобы проникнуться извѣстной идеей,—отвѣчалъ профессоръ,— необходимо пройти по отношенію къ ней стадію отрицанія,—таковъ психологическій законъ. И чѣмъ страстнѣе и энергичнѣе отрицаніе, тѣмъ восторженнѣе будетъ впослѣдствіи преклоненіе предъ этой идеей. Для того, чтобы быть апостоломъ Павломъ, нужно пройти черезъ Савла...—Но вѣдь съ вашей точки зрѣнія, какъ поборника противоположнаго міросозерцанія,—возразилъ я,—все-таки невыгодно появленіе Савловъ.—Напротивъ, я могу только радоваться: если моя идея истинна, она все равно восторжествуетъ, и тѣмъ полнѣе будетъ ея торжество, чѣмъ больше будетъ пробныхъ камней, на которыхъ испытаютъ ее. Наконецъ, пусть существуетъ множество противорѣчивыхъ мнѣній,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, потому что, повторяю, благо въ томъ, чтобы люди мыслили, а не пребывали индифферентными къ запросамъ духа,—а истинѣ, какъ таковой, нечего опасаться множества противоположностей, потому что очень часто это и есть та почва, на которой она выростаетъ... Соловьевъ охотно посѣщалъ студенческія квартиры и велъ себя истиннымъ товарищемъ. Нечего и добавлять, что чопорность была совершенно чужда ему. Никто бы, глядя на него въ студенческой квартирѣ, не сказалъ, что это уже извѣстный, обладающій огромной эрудиціей докторъ философіи. Онъ смѣялся громкимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ всѣмъ шуткамъ, выслушивалъ стихотворенія, которыя писали студенты, и охотно велъ бесѣды о поэзіи, объ искусствѣ и о философіи, если заходила о ней рѣчь. Около профессора быстро образовался довольно многочисленный кружокъ его почитателей-студентовъ, на который онъ вліялъ самымъ благотворнымъ образомъ“... Какимъ сіяніемъ эти строки окружаютъ память покойнаго мыслителя-художника—и какъ горько вспомнить, что ему столь недолго дана была возможность вліять на молодежь съ высоты университетской каѳедры!..

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь — Октябрь. 1900.

Книга девятая. — Сентябрь.

Книга десятая. — Октябрь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ четвертый. Спб. 1900. Стр. 813. Ц. 4 р.

Этотъ объемистый томъ заключаетъ въ себѣ извѣстный курсъ „государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ“, напечатанный впервые въ 1886 году. Богатство фактическаго матеріала и ясность изложенія дѣлаютъ книгу покойнаго проф. А. Д. Градовскаго незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи историческаго развитія конституціоннаго права въ западной Европѣ. Лекціи о современномъ политическомъ строѣ западно-европейскихъ государствъ войдутъ въ слѣдующій, пятый томъ собранія сочиненій А. Д. Градовскаго.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ, подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. I. Стр. XIV+542. Т. II. Стр. X+608. Спб. 1900. Ц. по 1 р. 25 к.

Г. Венгеровъ поставилъ себѣ цѣлью дать полное и „удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ историко-литературной обстоятельности“ изданіе сочиненій Бѣлинскаго. Судя по вышедшимъ двумъ томамъ, цѣль эта будетъ достигнута даже съ избыткомъ, такъ какъ въ нихъ содержится гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать отъ самаго обстоятельнаго научнаго изданія. Тщательно провѣренный текстъ снабженъ обширными комментаріями (около 10 печатныхъ листовъ только въ двухъ томахъ), въ которыхъ, помимо фактическихъ свѣдѣній и разъясненій, дается оцѣнка взглядовъ Бѣлинскаго по различнымъ вопросамъ и указывается связь его мнѣній съ общимъ ходомъ литературнаго движенія. Кромѣ массы мелкихъ рецензій, не попавшихъ въ извѣстное изданіе Солдатенкова, въ первомъ томѣ напечатаны г. Венгеровымъ еще переводы Бѣлинскаго, юношеская драма „Дмитрій Калининъ“, даже стихотворенія, выписанныя имъ изъ журналовъ, и шесть наиболѣе характерныхъ статей Надеждина (въ виду приписываемой послѣднему значительной роли въ развитіи воззрѣній Бѣлинскаго). Въ приложеніяхъ даны два портрета и факсимиле Бѣлинскаго, портреты Надеждина и Станкевича. По плану г. Венгерова, все написанное Бѣлинскимъ для печати должно составить 10 томовъ; 11-ый будетъ посвященъ письмамъ, а 12-ый — „литературѣ предмета“, т.-е. перечисленію и воспроизведенію (полностью или въ извлеченіяхъ) всѣхъ появившихся до сихъ поръ статей о Бѣлинскомъ.

Жоржъ Блондель. Торгово-промышленный подъемъ Германіи. Переводъ подъ редакціею М. И. Туганъ-Барановскаго. Съ приложеніемъ статьи Г. А. Чарнявскаго о результатахъ промышленной переписи германской имперіи. Спб, 1900. Стр. 293. Ц. 1 р. 50 к.

Въ книгѣ Блонделя собранъ любопытный и въ высшей степени поучительный матеріалъ, касающійся культурно-промышленнаго роста Германіи за послѣднія десятилѣтія, сравнительно съ „отсталостью“ другихъ странъ и преимущественно Франціи. Сухія цифры получаютъ жизнь и образуютъ яркую картину въ изложеніи автора, который прежде всего желалъ показать своимъ соотечественникамъ истинныя причины необыкновенныхъ успѣховъ, достигнутыхъ нѣмцами въ разныхъ областяхъ культурной и промышленной дѣятельности.

Инсаровъ. Современная Франція. Исторія третьей республики. Спб. 1900. Стр. VIII+460. Ц. 2 р. 50 к.

Отмѣчая признаки упадка современной Франціи въ области экономической и духовной жизни, авторъ старается быть безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ великихъ историческихъ заслугъ и качествъ французской націи; этимъ духомъ безпристрастія проникнута вся его книга, посвященная изложенію внѣшней и внутренней исторіи страны съ половины настоящаго столѣтія. Въ первыхъ девяти главахъ (до стр. 214) разсказаны событія второй имперіи и объяснены причины ея паденія; затѣмъ вторая часть книги заключаетъ въ себѣ обстоятельный очеркъ республиканскаго режима, доведенный до момента открытія всемірной выставки 1900 года. Г. Инсаровъ имѣлъ въ виду не только представить вѣрное изображеніе людей и фактовъ, но и объяснить общій ходъ современной французской жизни, въ связи съ разнообразными общественными, политическими и экономическими теченіями. По мнѣнію автора, европейскія націи должны быть признательны „народу, столько сдѣлавшему для общаго блага человѣчества“. Всякій образованный человѣкъ, — говоритъ онъ, — „носитъ въ своей душѣ хоть нѣсколько атомовъ французскаго духа, и еще болѣе всякій цивилизованный народъ, въ своемъ духовномъ наслѣдствѣ, передающемся отъ поколѣнія къ поколѣнію, сохраняетъ много идей и добрыхъ чувствъ, составляющихъ даръ Франціи“. Но признаніе исторической роли французовъ въ прошломъ не исключаетъ справедливаго скептицизма относительно настоящаго и законнаго недовѣрія къ будущему, въ виду многочисленныхъ печальныхъ симптомовъ, указываемыхъ отчасти въ трудѣ г. Инсарова.

Гильомъ Ферреро. Милитаризмъ. Переводъ съ итальянскаго А. Ф. Гретманъ. Москва. 1900. Стр. IX+240. Ц. 1 р. 50 к.

Интересная книга Ферреро составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Миланѣ въ 1897 г., по порученію „Ломбардской лиги мира“. Авторъ не принадлежитъ къ числу утопистовъ, вѣрующихъ въ наступленіе золотого вѣка въ будущемъ: онъ относится вполнѣ реально къ вопросу о войнѣ и мирѣ, и его общіе выводы построены не на отвлеченныхъ расужденіяхъ, а на внимательномъ критическомъ анализѣ современныхъ условій національной и международной жизни въ Европѣ. Въ рядѣ живыхъ и весьма содержательныхъ очерковъ проводится та основная мысль, что у культурныхъ европейскихъ народовъ война утратила свои прежнія историческія основы и отжила свой вѣкъ, что роль войны сыграна, и поэтому она становится все рѣже, продолжая жить только въ воображеніи людей, которые не въ состояніи слѣдить за общимъ ходомъ историческаго развитія. Ферреро особенно останавливается на тягостныхъ послѣдствіяхъ милитаризма для Италіи,

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ **1901** г.
(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА
принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, на Моховой; Н. К. Голубева, Покровка, 52 (д. церкви Іоанна Предтечи), и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.
San Diego St College
12/28/45
WIDENER
BOOK DUE
JUL 1990
CANCELLED
WIDENER
JUL 25 1990
JUL 1990
WIDENER
CANCELLED
CHARGE